2 р. 75 к.

ИСТОРИЯ ВКП (Б)

ТОМ II

СОСТАВИЛИ
Г. КРАМОЛЬНИКОВ
И. МИНЦ, Н. НИКИТИН
О. РИМСКИЙ, А. РООС
Н. ЭЛЬВОВ
ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

★

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

В. И. Ленин

ИСТОРИЯ ВКП(Б)

ТОМ ВТОРОЙ

СОСТАВИЛИ
Г. КРАМОЛЬНИКОВ, И. МИНЦ, Н. НИКИТИН, О. РИМСКИЙ,
А. РООС, Н. ЭЛЬВОВ, Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Москва, Краснопролетарская, 16
в количестве 45 000 экземпл.
Главлит № А — 87062
Гиз С — 70 № 43571
Заказ № 1933
48¼ п. л.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

> «... Русская революция... остается п р о л о г о м грядущей Европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в гораздо более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только жестокие бои, именно гражданской войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых».
>
> Л е н и н, Соч., т. XIX, стр. 357.

В течение довольно большого времени подготовлялась к печати эта коллективная работа — II том «Истории ВКП (б)», — посвященная революции 1905—1907 гг. Мы считали необходимым изучить и переработать огромный материал как архивный, так и опубликованный, относящийся к истории нашей партии, ее роли и значении в революции 1905 г. Этим объясняется, главным образом, что этот том появляется после того, как вышли уже III и IV томы «Истории ВКП (б)».

Вряд ли нужно в настоящее время доказывать громадное значение революции 1905 г. Все последующие события показали, что эта революция наложила неизгладимый отпечаток на развитие революционного движения во всем мире. Ленин в докладе о революции 1905 г. перед рабочей молодежью в Цюрихе объяснял мировое значение русской революции тем, что «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии и потому мы видим, что российская революция достигла не только того, что она окончательно пробудила от сна самую крупную и самую отсталую страну Европы и создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом».

«Она достигла не только этого. Русская революция вызвала движение во всей Азии: революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее

восстание 1905 г. оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении сотен и сотен миллионов людей, не искоренимо».

«Косвенным путем русская революция оказала свое влияние и на страны, расположенные на Западе».

В этой характеристике Ленина революции 1905 г. заключается целая программа деятельности для всех большевистских партий. Создать «революционный народ, руководимый революционным пролетариатом» — это величайшая задача, с которой до сих пор так слабо справляются даже лучшие коммунистические партии Запада. Над многими деятелями западно-европейских и других партий до сих пор еще тяготеют меньшевистские традиции II Интернационала, мешающие правильно понять и усвоить эту важнейшую задачу организации революционного пролетариата, который своей деятельностью, своими активными выступлениями, своей тактикой по отношению к полупролетарским элементам города и деревни сумел бы «создать» и организовать этот революционный народ. Руководимая Лениным в революции 1905 г. партия большевиков была сильна вовсе не своей численностью, она была сильна именно тем, что она умела организовать революционные элементы пролетариата в такую силу, которая способна была стать гегемоном в этой революции во главе революционного народа. Даже в самых передовых капиталистических странах, где классовая дифференциация зашла, конечно, гораздо глубже, чем она имела место в царской России, даже там, где пролетариат гораздо многочисленнее, чем он был в России 1905 г., эта задача с большевистских партий не только не снимается, она становится одной из важнейших задач пролетариата, организуемого для революционного свержения капиталистического строя.

Само собою разумеется, что было бы неправильно ставить вопрос о копировании другими странами революции 1905 г. Опыт революции 1905 г. должен будет диалектически перерабатываться в применении к особым условиям каждой страны. Но этот опыт является совершенно исключительным, незаменимым по богатству форм движения, по разнообразию методов революционной борьбы рабочего класса и крестьянства, по сочетанию форм легальной и нелегальной деятельности, по использованию самых разнообразнейших форм связи рабочего класса с крестьянством, с армией, с городскими ремесленниками, интеллигенцией и т. п. Поэтому мы подчеркиваем важность изучения истории революционного движения и истории нашей партии периода 1905—1907 гг. для революционного движения во всех странах современной эпохи. «Нас не должна обманывать гробовая тишина в Европе,— говорил Ленин в 1917 г.,— Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду порождают революционные настроения, и господствующие классы — буржуазия и их приказчики — правительства все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода» [1]. С тех пор, как были сказаны эти слова, прошло 13 лет,

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 357.

полностью оправдавших это предвиденье. «Величайшие потрясения», которые пережил целый ряд стран, еще не привели пролетариат к победе ни в одной из капиталистических стран, кроме России. Пролетариат еще недостаточно силен для того, чтобы овладеть капиталистическими государствами, свергнуть мировую буржуазию и установить свою социалистическую диктатуру. Но капиталистические правительства уже не в состоянии подавить, несмотря на поддержку со стороны II Интернационала, могучее революционное движение во всех странах, идущее под знаменем Коминтерна. И нет никакого сомнения в том, что это революционное движение, если мы сумеем как следует использовать величайший опыт революций, а в особенности революции 1905—1907 гг., приведет к победе социализма.

В особенности этот опыт имеет громадное значение для стран Востока, где молодые или только еще складывающиеся коммунистические партии должны руководить движением народных масс, еще далеко не освободившихся ни от социал-демократических влияний, ни от конституционных иллюзий, где не разрешены еще задачи буржуазно-демократической революции. И в этом отношении история ВКП (б) в изучаемый нами период — в особенности сочинения Ленина, относящиеся к этому периоду, являются неисчерпаемым источником всякого рода тактических и стратегических указаний.

Изучение революции и истории нашей партии в 1905 г., несмотря на то, что мы все дальше уходим от этой эпохи, имеет огромное значение для нашего времени. «Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов, — писал Ленин в «Письмах издалека»,—была бы невозможна столь быстрая в смысле завершения ее н а ч а л ь н о г о этапа, в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала всякие предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру — в с е классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей» [1].

Нельзя понять нашей партии, ее тактики, ее программы, ее организации без изучения этого опыта. «Иваны непомнящие» и люди, пришедшие к нам из других партий, также нередко забывают об этом важнейшем периоде истории классовой борьбы, важнейшем периоде жизни нашей партии. Не усвоивши революционных традиций 1905 г. б о л ь ш е в и с т с к о й партии, они нередко привносят чуждые нам настроения.

Серьезное изучение этого периода даст возможность понять и все дальнейшие изменения тактики нашей партии по отношению к различным слоям крестьянства. Ибо уже в 1905—1907 гг. в иной обстановке наметились во многом и взаимоотношения, которые сложились впоследствии в процессе революционной борьбы. Ряд других вопросов, поднятых в нашей партии после революции 1917 г., находит свое исчерпывающее объяснение только при внимательном изучении истории революции 1905 г. Достаточно было бы указать на то,

[1] Л е н и н, Соч., т. XX, стр. 73—74.

что в нашей партии, в самое последнее время, были попытки доказать, что в споре между Лениным и Троцким прав был Троцкий, а не Ленин. Достаточно напомнить такой факт, как попытка ленинградской оппозиции воскресить меньшевистскую идею «широкой рабочей партии»; или попытку доказать правильность «несуразно-левой теории перманентной революции Троцкого».

Основательная разработка истории ВКП (б) 1905—1907 гг. давным давно назрела. Нельзя понять Октябрьской революции, не разобравшись в сложном переплете классовой борьбы, не изучив характера и движущих сил революции 1905 г., этой «генеральной репетиции 1917 г.». Изучая Ленина, видишь, как часто Ленин обращался к этому величайшему опыту, который в значительной степени предопределял и развитие событий 1917 г.

Международное значение революции 1905 г. вытекает и из самой программы Коминтерна, которая посвящает целый раздел характеру и движущим силам предстоящим революциям в ряде стран. Все эти страны в программе Коминтерна делятся на четыре следующих группы: 1) страны, непосредственно стоящие перед пролетарской революцией, 2) страны с большой долей нерешенных буржуазно-демократических задач, 3) страны, стоящие перед буржуазно-демократической революцией, в той или иной степени перерастающие в революцию пролетарскую и 4) страны с очень слабыми зачатками капиталистического развития.

Этот характер отдельных стран показывает, что большинство стран стоит либо непосредственно перед буржуазно-демократической революцией, либо им предстоит стать на путь пролетарской революции, разрешив целый ряд задач буржуазно-демократической революции. Другими словами, много стран еще не пережили с в о е г о 1905 г. Выше мы подчеркивали, что неправильно было бы переключать уроки 1905 г. на революцию в Китае, в Индии, в Индо-Китае и т. п. Это было бы неправильно не только потому, что мы имеем дело с различными социально-экономическими условиями развития этих стран. Это было бы неправильно потому, что мы имеем после 1905 г. победоносную революцию 1917 г. и 13 лет существования пролетарского государства — страну советов, строящую социализм.

Механическое применение учения Ленина об американском пути развития в этих странах при наличии социалистического союза советских республик было бы грубейшим извращением марксистской дилектики. Именно этот факт создания после революции 1917 г. Союза советских социалистических республик и успешное строительство социализма в этом Союзе открывает перед странами, не завершившими еще пути буржуазно-демократической революции, широчайшие возможности перехода к революции социалистической, широчайшие возможности некапиталистического пути развития.

Вот почему учение Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, развитое им как раз в период революции 1905 г., дает нам возможность не только теоретически, но и практически осознать события, происходящие в целом ряде стран, овладеть ими, помогает коммунистическим партиям этих стран правильно орга-

низовать руководство революционным движением пролетариата и крестьянства.

Мы уделили в этом томе большое внимание троцкизму. Мы сделали это не только потому, как говорил Ленин, что молодое рабочее поколение не знает фигуры Троцкого. С тех пор, как Ленин написал эти слова, фигура Троцкого предстала в настоящем своем свете, когда он, проделавши сложный путь борьбы против большевистской партии, пытаясь сколотить блок против партии накануне империалистической войны, вошел в партию большевиков в 1917 г., поднялся до вершины руководства, был членом Политбюро ЦК этой партии и опустился затем до прямого союза с ренегатами, социал-демократическими агентами, до прямого сотрудничества с буржуазией, «информируя ее» через продажную реакционную печать о нашей партии. Это изучение троцкизма 1905 г. необходимо особенно для тех, кого и сегодня могут сбить с толку левые фразы. Для Ленина было ясно и в 1905 г., что троцкизм лишь оттенок меньшевизма. Ни меньшевики не отделяли себя от Троцкого, ни сам Троцкий не отделял себя от меньшевизма. Лишь позднее Троцкий пытался создать теорию о «внефракционности» троцкизма. Теперь совершенно ясно, насколько были неправы те, кто считает, что троцкизм не имеет классовой базы. Теперь совершенно ясно, что классовая база троцкизма та же, что и у меньшевиков. Это особенно показали события в период п о с л е XV съезда партии. Отличие троцкизма от меньшевизма заключается в том, что меньшевизм стал контрреволюционным уже в 1917 г., а его разновидность — троцкизм — превратился в контрреволюционное течение значительно позднее, проделавши сложный круг борьбы против идей большевизма внутри ВКП (б). Вот почему мы считали необходимым подробнее проанализировать теорию Троцкого, развитую им в 1905 г., чтобы показать в свете этой теории перманентной революции корни его современных позиций. Нам помог в этом отношении сам Троцкий своими книгами «Моя жизнь» и «Перманентная революция». Если во время дискуссии 1924—1925 гг. и несколько позднее Троцкий уверял, что вопрос о перманентной революции не имеет уже никакого значения, то теперь Троцкий откровенно говорит о том, что отношение к его теории перманентной революции — это г л а в н е й ш и й в о п р о с современности. Вряд ли в истории литературы можно встретить еще подобный пример разоблачения, как в последних упомянутых книгах Троцкого. Мы считаем, что это «внимание» к троцкизму тем более необходимо, что мы имеем за последнее время целый ряд отрыжек троцкистских идей у отдельных членов партии [1].

Второй том «Истории ВКП (б)» выходит к 25-летнему юбилею революции 1905 г., к 25-летнему юбилею III съезда нашей партии. Мы сознаем, что в этой нашей работе могут быть большие недостатки. Ведь после 20-летнего юбилея 1905 г. не появилось н и о д н о й к н и г и, не опубликована даже библиография Коммунистической академии, относящаяся к революции 1905 г.,

[1] Это показала, например, книга т.т. Ташкарова и Эльвова «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», подвергшаяся суровой и вполне правильной критике (см. «Большевик», «Правду»).

(Свою ошибку т. Эльвов признал еще в феврале 1930 г. в особом заявлении, поданном им в ЦК ВКП(б).)

задуманная несколько лет тому назад. Нам приходится заново перерабатывать громадный сырой материал. Мы исходили в этой работе из опыта трех уже изданных томов «Истории ВКП (б)». Эти три тома были встречены критикой в общем очень одобрительно. Как план этой работы, построение отдельных томов, так и разработка отдельных вопросов, несмотря на ряд ошибок, частью уже исправленных в новых изданиях, были признаны правильными. Состоявшаяся недавно конференция преподавателей по истории партии и ленинизму также убедила нас в том, что план «Истории ВКП (б)» намечен правильно. В полном согласии с решениями этой конференции находится наша попытка дать историю большевизма, а не историю различных течений в РСДРП, как равноправную, или как выражались примиренцы на Лондонском съезде: пусть большевизм и меньшевизм живут рядом а затем посмотрим, кто прав. Мы ставили себе задачей показать, в борьбе с какими течениями вырос и закалился большевизм. Для нас поэтому история меньшевизма и других течений важна не сама по себе, хотя, конечно, изучать их следует, они не равноправны с историей революционной пролетарской партии большевиков, мы прибегаем к изучению их, поскольку Ленин, отталкиваясь от них, разрабатывал свою теорию — теорию большевизма. Точно так же в полном согласии с решениями этой конференции мы, не перекраивая намеченного для этой работы плана, интернационализировали историю большевизма, показали роль большевизма на международной арене. Мы считаем необходимым этим принципом интернационализации пронизать всю нашу работу. Поэтому мы даем систематическую характеристику большевизма на международной арене в главах «О расколе» и итоговой главе «II Интернационал и первая русская революция». Под этим углом зрения нами предпринят и пересмотр I тома «Истории ВКП (б)» и в еще более широком размере пересмотр подготовленного к печати 2-го издания III и IV томов настоящей работы.

Главную работу по составлению этого тома выполнили тт. Крамольников Г. И., под руководством которого шла предварительная подготовка и подбор материалов, Минц И. И. и Эльвов Н. Н.[1]. Кроме того в работе принимали участие Никитин Н., Майорский Н. Н., Римский О., Росс А. Некоторые главы авторов подверглись значительной переработке, а частью написаны заново. Работа производилась при самом широком содействии Института Ленина. Техническая помощь в подборке материалов и иллюстраций была оказана тт. Бондаревым, Мямлиным и Хазановым. Все иллюстрации взяты из Музея революции СССР. Все цитаты из Ленина, за исключением специально оговоренных, даны по второму изданию.

Редакция считает своим долгом особо отметить поистине героическую работу товарищей из 1-й Образцовой типографии Государственного издательства РСФСР, приложивших все усилия для своевременного выхода книги, и выражает благодарность как дирекции и административно-техническому

[1] С разрешения редакции, последними двумя авторами материалы II т. были частично использованы для их работы во II части «ВКП (б)» в XI т. БСЭ под ред. А. С. Бубнова.

персоналу, так и всем рабочим типографии, принимавшим участие в работе над книгой.

Выражаем также товарищескую признательность работникам Гиза, без которых книга еще долго не могла бы появиться в свет, тт.: А. Д. Туманову, И. Б. Трофимову, А. С. Илюхиной, А. С. Полосиной, Г. Е. Рейхбергу, М. К. Пиотрович, П. С. Морозову, И. Я. Сорокину, Д. М. Синицину и особенно т. Халатову.

Ем. Ярославский.

P. S. — Ввиду многочисленных запросов о сроке окончания всего издания, мы сейчас можем заявить следующее: вслед за настоящим выпуском, мы сдаем уже подготовленный к печати т. III, ч. 1: «Годы реакции и подъема». V том, также состоящий из 2 выпусков: «Партия в эпоху нэпа» и «Опыт ВКП (б) в Коминтерне», мы предполагаем сдать в печать еще в конце этого года и этим закончить нашу коллективную «Историю ВКП (б)».

Редакция.

ИСТОРИЯ ВКП (б)

ВОПРОСНИК-ПЛАН К I ГЛАВЕ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ и ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

I. Основные особенности русской революции 1905—1907 гг. по сравнению с буржуазными революциями на Западе.

а) Типы буржуазных революций.

б) Основные вопросы, которые должна была разрешить буржуазная революция в России.

II. Промышленность и сельское хозяйство накануне революции.

а) Вопрос об оценках крепостничества накануне революции и путях их ликвидации.

б) Основные особенности промышленного и аграрного кризисов.

в) Ленин о двух путях капиталистического развития.

III. Классы накануне революции.

а) Пролетариат и крестьянство.

б) Помещики и буржуазия.

в) Кризис правительственной власти.

ЛИТЕРАТУРА: см. в тексте.

ГЛАВА I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ и ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

а) ВВЕДЕНИЕ.

В партийной истории 1905—1907 гг. являются периодом быстрого идейного роста партии, обогащения ее исторического опыта, периодом формирования ряда важнейших принципиальных положений стратегии и тактики большевизма. Этот идейный, а также и организационный рост партии происходил на фоне резкого обострения классовой борьбы, когда все классы России показали себя и определили свою политическую позицию «в открытом историческом действии». Этой борьбы в рядах партии нельзя понять без отчетливого представления о сущности революционных событий, потрясших Россию в 1905 г.

Поэтому мы считаем необходимым изложению собственно партийной истории предпослать очерк, посвященный социально-экономическим предпосылкам революции 1905 г. В задачу этого очерка, разумеется, не входит подробная характеристика экономического и политического развития предреволюционной России. Подобная характеристика дана нами в первом выпуске «Истории ВКП (б)». Настоящий очерк должен только подытожить уже изложенный материал, выявить основные тенденции развития и подойти вплотную к анализу революционных событий. Главная задача очерка — вскрыть те противоречия, которые привели к политическому взрыву, ответить на вопрос: какие причины вызвали революцию, какие задачи ей предстояло решить.

Основным противоречием предреволюционной России было противоречие между развивающимся капитализмом и полукрепостническими производственными отношениями. Россия не пережила еще своей буржуазной революции. Объективная историческая задача, которую предстояло выполнить революции, заключалась в расчистке пути для развития капиталистических отношений.

Сказанного, однако, недостаточно для вполне отчетливого, конкретного представления о ходе самого исторического процесса в нашей стране. Общая

«алгебраическая» формулировка не может осветить особенностей развития и, самое главное, ничего не говорит о том, как складывались противоречия между классами на основе охарактеризованного экономического конфликта. Известно, что переход к промышленному капитализму в ряде стран, опередивших Россию в экономическом развитии, совершался в различных формах и сопровождался неодинаковыми социальными сдвигами.

Например в Англии, давшей классический образец «промышленного переворота», переход к промышленному капитализму был подготовлен революцией XVII в. Вождем этой революции была буржуазия, которая в союзе с крестьянством и частью дворянства одержала решительную победу над феодальной аристократией. Эта революционная победа имела колоссальное значение в истории человечества.

Маркс писал спустя 200 лет:

«В 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви... Буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения... Победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя... Революция 1648 г. представляла победу XVII в. над XVI в.» [1].

В других местах Маркс вполне определенно подчеркивал выдающуюся роль крестьянства в английской революции.

«Еще в последние десятилетия XVII в. иоменри, независимое крестьянство, было многочисленнее, чем класс арендаторов. Оно было главной силой Кромвеля» [2].

О том же писал Энгельс в статье «Об историческом материализме»:

«Городская буржуазия дала толчок революции, а среднее крестьянство (иоменри) сельских округов довело борьбу до победы» [3].

Произведя решительную ломку старого, английская революция под напором враждебных сил вынуждена была в дальнейшем откатиться назад и сменилась реакцией. Однако реакция не смогла уничтожить завоеваний революции. В результате борьбы создался компромисс между буржуазией и землевладельческой аристократией, который в общем является определяющим политическим фактором для периода собственно «промышленного переворота» и последующей эпохи.

Этот компромисс был подготовлен тем, что землевладельческая аристократия все больше теряла свои феодальные черты, приближаясь к буржуазии. Землевладение не задавалось целью сохранения отживших экономических форм. Оно сотрудничало с буржуазией в деле расчистки дороги промышленному капитализму. Решающую роль в этом отношении играл процесс обезземеления крестьянства. Маркс дал в «Капитале» не мало ярких страниц, рисующих роль

---

[1] «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850)», Гиз, 1926 г., стр. 221—222.

[2] Капитал, т. I, Гиз, 1925 г., стр. 715.

[3] Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, предисловие к англ. изд., Гиз, 1928 г., стр. 24.

аристократии в этом процессе. Земля «огораживалась», крестьяне сгонялись с земли, овцы «пожирали людей» [1].

Энгельс давал следующую характеристику этому периоду английской истории:

«Новый исходный пункт был компромиссом между восходящей буржуазией и бывшими феодальными крупными землевладельцами. Последние, считавшиеся тогда, как и теперь, аристократией, уже давно были на пути к тому, чем Луи-Филипп во Франции стал лишь спустя долгое время: первыми буржуа нации... Их навыки и стремления были гораздо более буржуазными, чем феодальными; они прекрасно знали стоимость денег и немедленно занялись повышением своей земельной ренты, прогнав с земли сотни мелких арендаторов и заменив их овцами. Английская «аристократия» со времени Генриха VII не только не противодействовала развитию промышленности, но, напротив, старалась извлекать из него пользу» [2].

В дальнейшем этот компромиссный союз между землевладением и буржуазией не разрывался. Несмотря на расхождения, которые приводили иногда к очень острым конфликтам (1832 г.), он продолжал существовать и в XIX в. и завершился почти полным преобразованием и слиянием обоих классов в одну господствующую группу. Для Англии, следовательно, в ее пути к промышленному капитализму характерны следующие моменты. Во-первых, революция, в которой вождем являлась буржуазия, а основной силой — крестьянство. Во-вторых, длительная борьба между революцией и реакцией, борьба с переменным успехом. В-третьих, установление между буржуазией и землевладением политического компромисса, которому в экономической области соответствовало тесное сотрудничество в деле подготовления и осуществления «промышленного переворота». Это сотрудничество привело в дальнейшем к почти полному уничтожению крестьянства и к установлению прочной социальной гегемонии промышленного капитализма.

Франция в одном отношении повторила в своем историческом развитии то же, что испытала Англия — могучую, захватывающую широчайшие народные массы буржуазную революцию, в которой гегемония в общем и целом тоже принадлежала буржуазии.

Приведенные нами мысли Маркса об английской революции относились им и к французской.

«В обеих революциях, — писал Маркс,— буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитого класса или части класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством» [3].

Еще более, чем в английской революции, решающую силу в движении составляли крестьянство и мелкая буржуазия городов в Великой французской революции.

---

[1] Капитал, т. I, гл. 24.

[2] Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 25.

[3] «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850)», стр. 221—222.

Во многих других отношениях «французский путь» развития к промышленному капитализму коренным образом отличался от «английского», доходя иногда до прямой противоположности. Французское крестьянство не было стерто с лица земли. Оно получило от революции землю и составляло главную массу населения Франции на протяжении всего процесса перехода к промышленному капитализму. Французская аристократия не обнаружила такой готовности пойти на компромисс, как английская. Она сохранила в основном свои феодальные методы господства и, не желая терять своих привилегий, держалась за старые формы общественной жизни, отказываясь очистить дорогу для промышленной буржуазии.

Борьба между буржуазией и феодальной аристократией во Франции, несмотря на отдельные колебания, окончилась решающей победой буржуазии, и буржуазное общество во Франции утвердилось на развалинах феодального землевладения. В дальнейшем Франция явилась ареной жестокой классовой войны внутри «третьего сословия».

История Германии не повторяет того общего, что было в истории Англии и Франции — решительной буржуазной революции.

Немецкая революция 1848 г. была жалким суррогатом английской и французской.

«Не надо смешивать прусскую мартовскую революцию ни с английской революцией 1648 г., ни с французской 1789 г.,— писал Маркс. — ...Далекая от того, чтобы стать европейской революцией, она представляла собою только хилый отголосок европейской революции в отсталой стране. Вместо того чтобы опередить свой век, она отставала от него более, чем на полстолетия. Она с самого начала была рецидивом» [1].

Немецкая буржуазия дала миру пример наиболее отвратительного, трусливого поведения в революции, которое объяснялось ее половинчатым положением между абсолютизмом и уже выросшим относительно пролетариатом. Правда, и в английской и во французской революциях главную революционную массу составляли крестьянство и городская мелкая буржуазия. Только их натиск приводил революцию к победе и обеспечивал прочность ее завоеваний. Но, несмотря на это, там буржуазия становилась во главе движения и была, до известного предела все же революционной. Германская же буржуазия с самого начала революции показала себя не революционным классом: вместо того чтобы искать союза с крестьянством для совершения революции, она стремилась прежде всего к сделке с абсолютизмом. Немецкая буржуазия предала крестьянское революционное движение.

«Прусское крестьянство, подобно австрийскому, но с меньшей энергией, так как в общем феодализм давил на него не так жестоко, воспользовалось революцией, чтобы сразу освободиться от всех феодальных пут. Но буржуазия, по указанным выше основаниям, сразу обратилась против него, своего старейшего и наиболее необходимого союзника; демократы, наравне с буржуазией напуганные так называемыми нападениями на частную собственность, также не оказали ему поддержки; и после трехмесячной свободы, после кровавых битв и воен-

[1] Там же, стр. 221—222.

ных экзекуций, особенно в Силезии, феодализм был снова восстановлен руками еще вчера антифеодальной буржуазии. Более позорного факта нельзя привести в ее осуждение. Никогда в истории ни одна партия не совершала подобной измены в отношении своего лучшего союзника, в отношении самой себя, и какие бы унижение и наказание ни готовились этой буржуазной партии, одним этим актом она заслужила его вполне» [1].

А ведь немецкая буржуазия находилась в исключительно благоприятных условиях. Абсолютизм был до крайности ослаблен общеполитическим и финансовым кризисом. И именно страх перед пролетариатом, перед революцией заставил немецкую буржуазию предать народное движение.

В соответствии с характером исторической роли немецкой буржуазии определился результат ее «революции». Так как пролетариат был слишком молод, а буржуазия позорно отступила, то немецкая аристократия вышла безусловной победительницей из борьбы. Но и она эволюционировала в сторону «обуржуазивания» и установила компромиссный союз с буржуазией. В отличие от Англии преобладающая роль в этом союзе вплоть до 1918 г. принадлежала юнкерству (помещикам). Немецкое крестьянство не было обезземелено, как это случилось с английским, но благодаря предательству буржуазии не смогло явиться такой же активной и значительной исторической силой, как французское.

Для исторического развития Германии характерны, следовательно, следующие черты: 1) «суррогат» буржуазной революции, имеющий своей основной причиной то, что буржуазия у ж е неспособна была в какой бы то ни было мере играть роль руководителя народного движения, а пролетариат е щ е недостаточно развился для этого; 2) установление прочной гегемонии обуржуазивающегося юнкерства; 3) сохранение крестьянства при менее активной и значительной, чем во Франции, роли его.

Таким образом каждая из крупнейших стран Европы шла к промышленному капитализму своим собственным (экономическим и политическим) путем, иногда очень отличным от пути другой страны. Наличие этого национального своеобразия являлось результатом различного рода типов сочетания сил и действий основных социальных групп той эпохи: землевладельческой аристократии, буржуазии, крестьянства и городской мелкой буржуазии. Крестьянство во всех этих странах являлось главной силой, обеспечивавшей или бывшей в состоянии обеспечить развитие и победу буржуазной революции. Но ни в одной из этих стран оно не было способно р у к о в о д и т ь борьбою, осуществить свою прочную и длительную гегемонию в движении. Успех революции зависел от того, имелся ли в наличии класс, способный «раскачать» массу, стать во главе движения и руководить им. Поскольку пролетариат в этот период только нарождался как класс, вопрос конкретно стоял о позиции буржуазии. Там, где буржуазия решалась в силу определенных условий на осуществление революционного союза с крестьянством (Англия, Франция), там происходила настоящая решительная буржуазная революция. Там же, где в силу иных условий

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, «Библиотека марксиста», под ред. Д. Рязанова, 1929 г., стр. 43.

буржуазия отказывалась от союза с крестьянством, революция не приобретала широкого размаха (Германия).

В этом вопросе о сочетании сил крестьянства и буржуазии необходимо все время иметь в виду **две стороны**. С одной стороны, движение крестьянства без помощи крупной буржуазии или мелкой городской буржуазии было бессильно справиться со старым порядком. С другой стороны, движение буржуазии вне союза с революционным крестьянством было обречено на еще большее бессилие. Только сочетание этих двух элементов могло дать силу, достаточную для разрушения феодализма.

Взаимоотношения революционного крестьянства и революционной буржуазии нельзя однако понимать упрощенно. Гегемония буржуазии, союз ее с революционным крестьянством не означали ни полного господства буржуазии, ни полного единства ее интересов с крестьянством. Историческая действительность дает примеры борьбы между прежними союзниками, дает примеры, когда крестьянство или мелкая городская буржуазия, **вопреки крупной буржуазии**, разворачивали движение дальше, чем она этого хотела, вступая при этом в прямую борьбу с ней (диктатура якобинцев во Франции). В дальнейшем буржуазия, одерживая верх, вводила в берега своих интересов народную стихию. Но не следует думать, что этот размах революции, который исторически оказывался эпизодом, был случайным, ненужным. Несмотря на свою «эпизодичность» и кажущийся неуспех, этот размах, «забегание вперед», **был необходим**, чтобы обеспечить прочность каких бы то ни было завоеваний революции. В конечном счете этот выход движения из-под влияния буржуазии нисколько не противоречил ни буржуазному характеру революции, ни общей руководящей роли буржуазии в ней. Энгельс в уже цитированной нами статье «Об историческом материализме» дал сжатую, но необычайно значительную характеристику этих особенностей:

«Во всех трех великих буржуазных революциях [1] крестьяне поставляют армии для битв и они являются тем именно классом, который после одержанной победы неизбежно приходит к гибели вследствие экономических результатов этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английские иоменри почти что исчезли. Во всяком случае, только благодаря вмешательству этих иоменри и плебейских элементов городов борьба была доведена до решительного конца и Карл I взошел на эшафот. Чтобы пожать даже те плоды победы буржуазии, которые вполне созрели для жатвы, понадобилось, чтобы революция зашла значительно дальше цели, совершенно так же, как в 1793 г. во Франции и в 1848 г. в Германии. Повидимому таков действительно один из законов развития буржуазного общества» [2].

В следующих главах нам придется показать, как использовал и развил Ленин этот открытый Энгельсом закон, совершенно непонятый, искаженный и извращенный меньшевиками [3].

---

[1] Энгельс в данном случае имеет в виду революционную борьбу на рубеже средневековья: немецкую реформацию и вызванные ею политические восстания мелкого дворянства под предводительством Франца фон Зиккингена в 1523 г., затем великую крестьянскую войну 1525 г. и наконец великую английскую революцию.

[2] Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 24.

[3] См. Ленин, Соч., т. XIV и XV, «Исторический смысл внутрипартийной борьбы» и «Цели борьбы пролетариата в нашей революции».

Германия к вопросу о союзе буржуазии с крестьянством в буржуазной революции прибавила новый момент — попытку промышленного пролетариата — самого молодого класса современного общества — осуществить свою гегемонию в революции. По крайней мере деятельность Маркса и Энгельса и их единомышленников в эту эпоху имела такой о б ъ е к т и в н ы й смысл. Эта попытка оказалась слабой и не увенчалась успехом. Но она имела колоссальное историческое значение. Она явилась предвосхищением основной теоретической и практической проблемы русской революции, о которой мы будем дальше говорить: проблемы борьбы русского пролетариата за свою гегемонию в буржуазной революции.

Очень важно отметить, что первые признаки неспособности буржуазии довести революцию до конца обнаружились уже во Франции. Несмотря на то, что диктатура якобинской мелкой буржуазии пала, она показала, что в решающую историческую минуту французская буржуазия отшатнулась от революции. Немецкая буржуазия оказалась уже неспособной на руководство революцией. Энгельс совершенно верно оценивал обнаружившуюся историческую тенденцию, когда говорил, что чем дальше на восток, тем подлее и трусливее буржуазия.

Таким образом отдельные «национальные» пути буржуазной революции, при всем своем своеобразии, дают вместе с тем представление о некоторых общих законах и тенденциях в процессе перехода стран Западной Европы к промышленному капитализму и в сопровождавших этот процесс буржуазных революциях. Россия тесно примыкает во всех этих отношениях к обрисованным нами странам. С одной стороны, она обнаружила целый ряд своеобразных черт развития. С другой стороны, она дала новое подтверждение и развитие обнаружившимся общим законам и тенденциям.

Проследим это подробнее на предпосылках революции 1905 г. в царской России.

б) ОСТАТКИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Развитие капитализма упиралось в полукрепостнический строй деревни. Оно с объективной неизбежностью требовало ликвидации остатков крепостничества и максимального развязывания сельскохозяйственного капитализма. И м е н н о в д е р е в н е б ы л з а в я з а н т о т у з е л, к о т о р ы й н а д л е ж а л о р а з р у б и т ь, ч т о б ы д а т ь Р о с с и и в о з м о ж н о с т ь д в и н у т ь с я д а л ь ш е в п е р е д п о п у т и к а п и т а л и с т и ч е с к о г о р а з в и т и я.

В деревне капиталистическое развитие упиралось в полукрепостническое землевладение и все основанные на нем остатки крепостнического строя. Основой полукрепостнического строя в деревне являлось помещичье землевладение.

В своем труде «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» Ленин давал следующую таблицу распределения землевладения [1]:

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XI, стр. 339.

Социальные группы	Число владений (в млн.)	Число десятин (в млн.)	Среднее на одно владение
Разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплоатацией	10,5	75,0	7,0
Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5	70,0	46,7
Крепостнические латифундии	0,03	70,0	2 333,0
Всего	13,03	230	17,6

О чем говорит эта таблица? С одной стороны, небольшая кучка магнатов со средним размером владения в 2 333 дес. С другой стороны — подавляющее большинство крестьянского населения со средним наделом в 7 дес., не дававшим возможности при существовавшем уровне техники вести самостоятельное устойчивое хозяйство. С одной стороны — могущественнейшие землевладельцы, с другой стороны — масса закабаленного крестьянства.

«Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю. На этом основном фоне неизбежна поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплоатации» [1].

Возникновение крупного землевладения предшествовало возникновению капитализма и неразрывно связано с эпохой крепостничества. Необъятные владения русских магнатов являлись в XX в. наследием прошлого, пережитком крепостнических времен. Поэтому Ленин и называл их не иначе, как «крепостническими латифундиями». Важнейшее историческое значение этих «латифундий» заключалось в том, что они составляли опорную базу могущества помещиков и обеспечивали закабаление ими крестьянства.

Чтобы иметь возможность вести самостоятельное хозяйство, крестьянство было вынуждено обращаться к помещику и арендовать у него землю. Задыхаясь в тисках малоземелья, крестьянство попадало в зависимость от монополиста земли — помещика. Эта зависимость была тем острее, что в результате отрезков, произведенных при проведении реформы 1861 г., помещики не только захватили самую плодородную, самую удобную для возделывания почву, но их владения врезывались во владения крестьян, располагаясь нередко таким образом, что создавали большие затруднения для развития крестьянских хозяйств. Часто случалось, что какой-нибудь ничтожный клочок помещичьей земли приобретал благодаря своему расположению громаднейшее хозяйственное значение для окружающего крестьянства и обеспечивал помещикам «чрезвычайно верный — и чрезвычайно благородный — доход от взысканий за потравы и пр.» [2].

---

[1] Там же, стр. 337.

[2] Ленин, Соч., т. XII, стр 222.

Зачастую сами помещики просто провоцировали подобные случаи, не принимая мер к охране своих владений. Штрафовать было выгоднее. Эта система штрафов также являлась очень ярким показателем крепостнических пережитков в русской деревне. Роль помещика как монополиста земли от этого становилась еще значительней. Так или иначе хозяйственная несамостоятельность крестьянина, его зависимость от барина были основным определяющим явлением, характерным для русской деревни.

Реформа 1861 г. не уничтожила крепостничества в деревне. Как писал Ленин, реформой 1861 г.

«старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков» [1].

Помещичье хозяйство после реформы соединило в себе черты и барщинной и капиталистической системы. Сущность отработочной системы как прямого и непосредственного пережитка барщины заключалась:

«в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне с в о и м и н в е н т а р е м за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.)».

Крестьянина привязывало теперь к помещику не столько внеэкономическое принуждение дореформенной эпохи, сколько экономически «хозяйственная» необходимость. В этом отношении русская предреволюционная деревня резко отличалась от французской с ее бесчисленными феодальными повинностями. Наша деревня почти совсем не знала тех феодальных дворянских привилегий, которые существовали во Франции. Именно в этом смысле Ленин писал:

«Остатков феодализма у нас очень мало», хотя, по его же словам, «у нас крестьянство особенно разорено, обнищало невероятно, и ему уже абсолютно терять нечего» [2]

До революции форма полукрепостной, кабальной эксплоатации крестьян помещиками была господствующей.

По данным, приведенным у Ленина, лишь одна шестая часть помещичьих земель была занята капиталистическим хозяйством. Вся остальная масса земель служила орудием полукрепостнической эксплоатации крестьянства.

Формы этой эксплоатации при отработочной системе, конкретные методы ее осуществления были очень разнообразны. Широко применялись различные формы кабальной аренды, далее, так называемая отработочная система и разные виды натуральной аренды. Однако независимо от форм эксплоатации крестьянину приходилось платить своим трудом барину за арендуемый уча-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. III, стр. 141.

[2] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 182.

сток земли или за ссуду, полученную в тяжелое время. Так же, как и в эпоху крепостничества, надел для крестьянина служил формой заработной платы. Помещик выступал как ростовщик, получая двойную выгоду от крестьянина как арендатора, переплачивающего за землю, и как рабочего, недополучающего за свой труд. Например капиталистическая обработка одной десятины озимого хлеба в средней черноземной полосе вольнонаемным трудом (с лошадью) стоила 10 р. 69 к., при отработочной же системе помещик засчитывал крестьянину-«отработчику» такой труд за 6 руб.

Ставя вопрос о том, «как может крестьянин в течение ряда лет исполнять за 6 руб. работу, которая стоит 10 руб. 69 к.», Ленин разрешал этот вопрос следующим образом:

«Крестьянин может это делать потому, что его надел покрывает часть расходов крестьянской семьи и позволяет понижать заработную плату ниже «вольнонаемной» нормы. Крестьянин вынужден это делать именно потому, что убогий надел привязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства» [1].

В этой необычайной живучести старых крепостнических методов эксплоатации заключалось главное препятствие, не дававшее широко развернуться капитализму в деревне.

Основная масса крестьянства, находясь на положении пауперов, вела борьбу за полуголодное существование. Помещичья кабала по мере развития капитализма все более усиливалась. Так, арендные цены и цены на землю росли с катастрофической быстротой, росли быстрее, чем хлебные цены. Вот примерные данные об арендных ценах за десятину пашни под яровые хлеба в Курской губернии: 1898 год — 10,7 руб., 1899 — 12,1 руб., 1900—13,8 руб., 1901 — 13,4 руб., 1902—14,8 руб., 1903—15,2 руб., 1904—16,3 руб., 1905—17,1 руб. [2].

Помещичья кабала и общие условие капиталистического развития во второй половине XIX в. вызывали усиленную пролетаризацию деревенской бедноты и основных середняцких масс.

Что касается крестьянской буржуазии, сумевшей в известной мере приспособиться к существующим отношениям, то и последняя испытывала тяжесть крепостнического наследия. Необходимость выплачивать огромную ренту помещику, необходимость арендовать и покупать землю у помещика-монополиста за высокие цены стояла и для этой части деревни на пути дальнейшего капиталистического развития, до крайней степени замедляя его.

Наконец и само помещичье хозяйство не могло эволюционировать в сторону капитализма с достаточной решительностью и быстротой. Из прилагаемой таблицы видно [3], что губернии с преобладанием капиталистической системы хозяйства составляли меньшинство по отношению к числу губерний с преобладанием отработочной и смешанной системы.

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 228.

[2] «1905», под ред. М. Н. Покровского, т. I, Гиз., 1925, А. Гайстер, Сельское хозяйство, стр. 149.

[3] Ленин, Соч., т. XII, стр. 229.

Система хозяйства	Число губерний		
	Черноземная область	Нечерноземная область	Всего
Губернии с преобладанием отработочной системы .	12	5	17
» » смешанной системы . .	3	4	7
» » капиталистической системы	9	10	19
	24	19	43

И само «капиталистическое» хозяйство далеко не всегда было чисто капиталистическим. Капиталистическое производство было связано с остатками крепостничества. Наличие крепостнических пережитков означало «застой в формах производства (а следовательно и во всех общественных отношениях)» [1].

Вот что писал Ленин о задерживающем влиянии пережитков крепостничества на помещичье хозяйство:

...«помещичьи земли, обрабатываемые крепостнически (испольщина и мелкая аренда), дают меньшие урожаи, чем надельные земли! Это — громадной важности факт, ибо он неопровержимо доказывает, что главная и основная причина сельскохозяйственной отсталости России, застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца есть отработочная система, т. е. прямой пережиток крепостничества. Никакие кредиты, никакие мелиорации, никакая «помощь» крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры «содействия» не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства... Невероятно низкий урожай испольных и арендных земель обязан системе работ «на барина». Не только урожаи с этих земель поднялись бы, если бы тот же, теперешний, земледелец освободился от работы «на барина», но и урожай надельных земель поднялся бы неизбежно, просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству» [2].

Отсюда общий вывод Ленина о перспективах капиталистического развития деревни.

«Общий вывод, который мы должны сделать из рассмотрения помещичьего хозяйства, следующий. Капитализм совершенно явственно пролагает себе дорогу в этой области. Смена идет от барщинного к вольнонаемному хозяйству. Технический прогресс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны. И конец XIX в. застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни» [3].

в) ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Противоречия между развивающимся капитализмом и остатками крепостничества особенно обострились к концу XIX в. Огромное влияние на непосредственную подготовку революции оказал промышленный подъем 90-х годов.

[1] Ленин, Соч., т. III, стр. 150.
[2] Ленин, Соч., т. XII, стр. 230—231.
[3] Там же, стр. 233.

Именно в годы подъема, когда происходило оборудование России средствами производства, когда фабрики росли словно грибы после дождя, были созданы те крупные пролетарские центры, сконцентрировавшие вокруг себя сотни тысяч пролетариев, которые явились главными ударными пунктами в революции. Быстрый рост железнодорожного строительства дает толчок для бурного развития промышленности. В течение 90-х годов в среднем проводилось каждый год около 2 000 верст железных дорог. Только за 1898—1900 гг. было проложено около 11 900 верст. Железнодорожное строительство являлось главной питательной базой для русской металлургии, продукция которой на 60—70% была направлена на обслуживание транспорта. Неудивительно, что как русский, так и иностранный капитал в первую очередь жадно устремились в металлопромышленность, защищенную от западноевропейской конкуренции китайской стеной заградительных пошлин. (Пошлина на чугун была повышена с 5 коп. в 1887 г. до 30 коп. золотом с пуда в 1891 г.) Правительство всячески поощряло развитие русской металлургии, переплачивая по железнодорожным заказам до 30% их стоимости. Насколько выгодна в этот период была конъюнктура для русской металлургии свидетельствует то, что капиталы акционерных обществ в области металлургической промышленности только за десятилетие 1890—1900 гг. дали увеличение на 826%. Если до 1887 г. на юге было только два завода — Юза и Пастухова, то к 1899 гг. здесь уже насчитывалось 17 чугунно-плавильных заводов и 12 вновь строящихся.

В условиях подъема 90-х годов происходит не только рост промышленности, но быстрым темпом идет ее концентрация.

За период 1887—1897 гг. количество предприятий увеличилось на 26,3%, стоимость же продукции на 112,8%, а число рабочих на 59,2%. Конечно эти темпы для темпов нашего строительства в СССР кажутся черепашьими, но по сравнению с темпами Западной Европы и Америки они были колоссальными. Экономическое развитие 90-х годов в отличие от предшествовавших лет идет по линии индустриализации с явным перевесом по группе производства средств производства. Если ценность всех произведенных продуктов с 1890 по 1897 г. увеличилась на 89%, то ценность продукции отраслей тяжелой промышленности увеличилась на 115%, оттесняя шаг за шагом легкую промышленность, в том числе мануфактурную. Если за период от 90-х годов до 1900 г. производство чугуна дало увеличение на 221,8%, добыча каменного угля на 272,2%, горная промышленность на 358%, то количество переработанного хлопка увеличилось всего на 94% [1].

Отличительной особенностью промышленного подъема было то, что он происходил в условиях полуколониального накопления, т. е. за счет изъятия прибавочного продукта путем внеэкономического грабежа крестьянства. Русская деревня играла для промышленности ту роль своеобразной колонии, которую например для Англии играла Индия. В этих условиях самодержавие выполняло роль как бы насоса, перекачивающего средства из нищающей деревни в промышленность. Это перекачивание совершалось путем как внеэкономи-

---

[1] См. «История ВКП (б)», т. I, вып. I, стр. 116—119.

ческого, так и экономического грабежа через выкупные платежи и налоговый аппарат, а также путем монопольных высоких цен, в которых крестьянству приходилось выплачивать сверхприбыль в пользу отдельных капиталистов. Вся система государственного бюджета была построена на грабеже населения. По подсчетам сельскохозяйственных комитетов Московской губ., из чистого дохода среднего крестьянского земельного надела в 45 руб. крестьянская семья ежегодно выплачивала путем прямых налогов 22,5 руб. и путем косвенных 44,2 руб. Переобложение населения нашло отражение в массовом росте недоимок, достигавших в ряде уездов трехгодичного оклада, в некоторых же уездах— оклада 9 лет, в результате чего правительство принуждено было даже отказаться от взысканий недоимок. Эта политика крепостнического государства еще более суживала и без того узкий крестьянский рынок. Основная масса населения России — крестьянство, задыхавшееся в условиях полукрепостной эксплоатации, было совершенно не в состоянии служить рынком для развивающейся промышленности. Это положение со всей остротой выявилось во время кризиса 900-х годов.

В годы промышленного подъема в основном уже оформились те силы, которые выступили в революцию 1905 г. Быстрое развитие промышленности в условиях крепостнических пережитков за счет полуколониальной эксплоатации крестьянства, задушенного полукрепостнической кабалой, еще больше усиливало противоречия между развитием капитализма и крепостническими производственными отношениями. Эти противоречия со всей остротой выявились в годы промышленного кризиса, выдвинувшего вопрос о невозможности дальнейшего капиталистического развития в рамках полукрепостной системы. Конечно было бы ошибочным рассматривать русский кризис 1900—1903 гг. как специфически русское явление, отличное от западноевропейского. Промышленный кризис в России, первые проявления которого обнаружились в 1899 г., в своем происхождении во многом связан с мировым кризисом, так как Россия тесно была связана с мировым денежным и товарным рынком. Он коренился в общих условиях капиталистического производства, в анархии производства, в несоответствии между неограниченностью капиталистического производства и ограниченным потреблением масс, в отрыве роста производства от развития рынка. Неизбежность кризиса Ленин предсказал еще в 90-х годах.

«В настоящее время,—писал он,—мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия... Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием промышленности» [1].

Уже осенью 1898 г. в Западной Европе обнаружились первые симптомы промышленного кризиса, нашедшие отражение в затруднениях на денежном рынке и недостатке свободных капиталов. Размер учетного и ссудного процентов резко повысился, и в германском имперском банке достиг например — не-

[1] Ленин, Соч., т. III.

бывалой цифры — 7. Ближайшим последствием этого факта явилось сокращение притока капиталов в Россию. Следующие данные иллюстрируют этот процесс.

ДВИЖЕНИЕ АКЦИОНЕРНЫХ КАПИТАЛОВ В ГОДЫ ПРОМЫШЛЕННОГО КРИЗИСА
(в млн. руб.).

Годы	Капитал всех учрежденных предприятий	Из них горнозаводских, механических и горных	Прочих	Компаний южного района	Число всех иностранных компаний
1899	430,9	188,4	242,5	59,3	69
1900	236,8	142,2	194,8	51,8	40
1901	140,2	56,0	84,2	39,1	23
1902	69,1	11,7	57,4	9,7	13
1903	82,4	30,3	52,1	16,2	15

Денежный голод почувствовался и в России. Все труднее становилось получать кредит [1]. Начались денежные затруднения. Биржевые акции стремительно покатились вниз. Одно банкротство следовало за другим.

В тесной связи с сокращением притока иностранного капитала стояло резкое сокращение железнодорожного строительства. Следующие цифры дают представление об этом сокращении [2].

	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
Прирост железнодорожной сети (в верстах)	4 965	3 066	3 123	1 098	453

В связи с сокращением железнодорожного строительства сократились правительственные заказы, иссяк казенный золотой дождь, питавший металлургию. Металлургия вступила в полосу кризиса. Падение цен началось с продукции тяжелой индустрии. Цена на чугун в южной России с 60—50 коп. (в на-

[1] «Европейский денежный кризис особенно неблагоприятно отразился на России, с ее огромным шестимиллиардным долгом, с неизбежными для нее новыми займами и необходимым притоком иностранного капитала как для дальнейшего строительства железнодорожной сети, так и для развития промышленности. Все русское железнодорожное строительство, как нам известно, было основано на притоке иностранных капиталов по государственным, или государством гарантированным, займам. Эти займы ежегодно реализовались на заграничных биржах в миллионных суммах; с началом же кризиса их реализация фактически стала невозможной. В 1899 и 1900 гг. не удалось реализовать ни одного займа, и государственное казначейство принуждено было выдавать ссуды железнодорожным обществам, которым за трехлетие 1899—1901 гг. было выдано свыше 220 млн. руб. Правда, в дальнейшем уже удавалось заключать займы (24 апреля 1901 г. через парижских Ротшильдов была реализована 4%-ная консолидированная рента на 159 млн. руб., 1 марта 1902 г. был реализован 4%-ный государственный заем на 181 млн. руб.), но на явно невыгодных для государственной казны условиях: царская казна стала терять в глазах заграничных банкиров свою кредитоспособность 90-х годов» («1905», т. I, стр. 218—219).

[2] Там же, стр. 219—220.

чале 1900 г.) упала до 38 коп. за пуд к концу 1902 г. Цены на железо упали на 15—20%. Производство начало сокращаться. В 1900 г. действовало 247 металлургических заводов, в 1901—243, в 1902—221, в 1903—201. Было выплавлено чугуна в 1900 г. 176,8 млн. пуд., в 1901—172,9, в 1902—156,9, в 1903—149,4. Застой в металлургической промышленности не мог не повлечь за собой кризис в связанных отраслях, в первую очередь в снабжающей ее сырьем железорудной промышленности. Значительно пало количество добываемой железной руды: 1900 г. — 67,2 млн. пуд., 1901—284,7, 1902—240,2, 1903—253,2. Добыча каменного угля проделала зигзаг: 1900 г.—986 млн. пуд., 1901—1 069, 1902—1 005, 1903—1 091. В этом ряду цифр только 1902 г. дает понижение. В общем итоге происходит задержка в росте производства вследствие понижения цен (9—10 коп. за пуд на копях в 1900 г. и 6—7 коп. в 1902 г.); сокращение же потребления со стороны заводов привело к накоплению громадных запасов угля, и в общем каменноугольная промышленность не ушла от кризиса. Нефтяная промышленность дает картину кризиса, сходную с каменноугольной. Именно в этот период Россия уступила первое место в добыче нефти Соединенным штатам Америки. Хлопчатобумажная промышленность менее других отраслей производства была затронута кризисом. Следующие цифры дают об этом представление:

Годы	Число веретен (в тыс.)	Количество переработанного хлопка (в тыс. пуд.)
1898	5 515,7	13 811,8
1899	6 090,8	16 126,4
1900	6 645,5	16 006,5
1901	6 863,6	16 123,2
1902	6 996,5	17 427,3
1903	7 145,8	18 000,4

Несомненно, что меньшая зависимость от иностранного капитала правительственных заказов и субсидий, равно как и то обстоятельство, что текстильная промышленность частью работала и на вывоз, способствовали тому, что легкая индустрия легче других отраслей перенесла кризис.

При оценке значения промышленного кризиса начала 900-х годов следует иметь в виду, что абсолютная величина сокращения производства, взятая сама по себе, не дает полной, исчерпывающей картины. В действительности кризис был острее, болезненнее, чем это можно заключить, судя по голым цифрам. Крах настиг целый ряд крупнейших предприятий [1]. Прирост основного капитала

[1] Значение этих крахов ярко сказывается в том, что от банкротства одной только фирмы фон Дервиз трещали следующие предприятия: Русский торгово-промышленный банк, Северное стекольно-промышленное о-во, О-во Рязанско-уральской и отчасти Московско-казанской дороги, О-во подъездных путей, О-во пароходства по Волге, О-во «Кавказ», О-во Волжско-стальное, Глухо-озерный цементный завод, Московский завод Вайхельт, Франко-русское о-во, Северное страховое о-во, Сормовский завод, Восточное о-во товарных складов. Не менее громко звучало имя Мамонтова: Московско-ярославско-архангельская дорога, О-во Невского механического завода, Северное лесопромышленное о-во, О-во Восточно-сибирских механических заводов, Мальцевский вагоно-строительный завод. («Общественное движение в России в начале XX в.» под редакцией Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова, т. I, стр. 64.)

акционерных компаний катастрофически упал. Приостановка развития производительных сил, весьма резкая и болезненная приостановка, совершенно очевидна.

Глубина падения производства в некоторых отраслях превосходила на много глубину падения соответствующих отраслей в других странах. С другой стороны, российский кризис носил необычайно затяжной характер, он длился и тогда, когда на Западе кризис уже сменился подъемом.

Таким образом будучи связан с мировым кризисом, российский экономический кризис имел свои собственные специфические черты, отличавшие его от европейского промышленного кризиса.

Российский промышленный кризис начала 900-х годов характерен тем, что, являясь «нормальным» капиталистическим кризисом, сигнализировал кое-что специальное. Специальное значение российского промышленного кризиса заключалось в том, что он обнаружил основное противоречие между развитием капиталистических производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями.

г) СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

В предреволюционный период обострились противоречия и в деревне. Если в области промышленности именно в годы промышленного подъема были созданы основные предпосылки революции и были накоплены силы для революционного взрыва, которому был дан толчок промышленным кризисом, то в области сельского хозяйства накопление революционных противоречий совпало, наоборот, с годами сельскохозяйственного кризиса 80—90-х годов, обострение же их и начало революционного взрыва — с периодом сельскохозяйственного подъема 900-х годов.

80—90-е годы, годы бурного промышленного развития, совпали с периодом сельскохозяйственного кризиса, выразившегося в резком падении хлебных цен. Этот сельскохозяйственный кризис с особой силой ударил по крестьянскому хозяйству, поскольку помещики всю тяжесть кризиса попытались переложить на крестьянство.

Если наиболее капитализировавшиеся помещики и пытаются найти выход из кризиса по линии капиталистической интенсификации своих хозяйств, подавляющее большинство помещиков — помещики-крепостники — пытаются ослабить для себя влияние невыгодной рыночной конъюнктуры путем усиления отработочной системы, которая гарантировала бы их от прямых убытков, неизбежных при капиталистической обработке в условиях низких цен на рынке. В этом отношении показательна следующая таблица:

Годы	Ведут сами хозяйство	Сдают в аренду (исполу)	Смешанная система
1886—1890	40	39	21
1891—1895	38	42	20
1896—1900	29	51	20

Таким образом по сравнению с серединой 80-х годов, т. е. с началом кризиса, к началу промышленного подъема число отработочных хозяйств увеличилось на 11%, сильно распространилась арендная обработка земли, в частности сильно возросла долгосрочная аренда на самых тяжелых для крестьянина кабальных условиях.

Усиление полукрепостнических методов эксплоатации, когда помещик, как мы указывали выше при характеристике отработочной системы, выступал не столько в роли капиталистического эксплоататора, сколько в роли ростовщика, пользующегося нуждою крестьянина, низкие цены на хлеб вынуждали крестьянина продавать значительно бо́льшую часть своей продукции только для того, чтобы расплатиться с налогами. Об этом свидетельствует рост хлебного вывоза в годы кризиса.

Это имело то значение, что кризис не только не задержал капиталистических процессов в деревне вопреки заявлениям некоторых народников, но дал сильный толчок дальнейшей экспроприации крестьянской бедноты и дифференциации деревни.

РОСТ ХЛЕБНОГО ВЫВОЗА.

Годы	Вывоз хлеба в млн. пуд.	Цена за пуд пшеницы
1871—1875	193	144
1876—1880	280	124
1881—1885	294	118
1886—1890	413	100
1891—1895	440	81
1896	516	74

О расслоении деревни к 80-м годам можно судить по росту применения наемных рабочих, сосредоточенных почти исключительно в руках помещиков и кулацкой верхушки, по росту частного землевладения, которое с 5,6 млн. дес. после реформы достигло 21 млн. дес., по различию в обеспечении арендной землей, снабжении скотом и инвентарем. Наряду с разорением основной крестьянской массы в деревне в годы кризиса выделялась кулацкая верхушка. Таким образом кризис отнюдь не задержал капиталистических процессов в деревне и расслоения в ней. Вместе с тем кризис подрывал основы полукрепостнической системы.

Прежде всего кризис сильно подорвал помещичье хозяйство. Это нашло свое отражение в росте задолженности помещичьего землевладения и в массовой распродаже помещичьих земель. Если в 1886 г. дворянство владело 76,6 млн. дес. земли; то к началу XX в. дворянское землевладение сократилось до 54 млн. дес. Но самое главное разлагающее влияние кризиса на крепостное хозяйство выразилось в разрушении основной базы крепостного хозяйства, именно в разрушении крестьянского хозяйства как необходимого условия отработочной системы, нуждавшейся, по словам Ленина, в «справном хозяине», в разорении этого «справного хозяина» и превращении его из полупролетария, обладающего сельскохозяйственными орудиями, скотом и инвентарем, в безлошадного пролетария, который мог являться объектом только капиталистической эксплоа-

тации. Поскольку помещикам-крепостникам в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры невыгодно было переходить к капиталистическим способам обработки (так как капиталистические затраты с трудом можно было окупить в условиях снижающихся хлебных цен), помещики пытаются через свой государственный аппарат задержать расслоение деревни и мерами внеэкономического воздействия и государственного принуждения укрепить экономически ликвидирующуюся власть крепостников. Именно к этому была направлена усиленная поддержка, оказываемая помещикам царской казной, через организацию в 1885 г. дворянского банка для непосредственной поддержки разоряющегося дворянства. К этому же по существу сводились и организация в 1883 г. так называемого крестьянского банка, который был использован помещиками для выгодной продажи своих земель, и так называемые контрреформы Александра III, сущность которых заключалась в попытке задержать расслоение деревни и сохранить необходимого для отработочной системы батрака с наделом. (Закон 1883 г. об ограничении переделов общины, закон 1886 г. об ограничении семейных разделов, закон 14 декабря 1893 г., запрещающий отчуждение и залог крестьянских наделов, закрепление крестьян как особого сословия и наконец усиление власти крепостников в деревне путем введения института земских начальников.) Контрреформы Александра III были попыткой помещиков-крепостников найти выход из назревших противоречий, путем усиления крепостнических отношений, попыткой крепостнического государства внеэкономическими мерами затормозить экономическую ликвидацию крепостной системы.

Конечно меры эти ни к чему не привели. Кризис, усиливший гнет крепостнической эксплоатации, разорял основную крестьянскую массу, приводя к сокращению запашек, сокращению лошадности, росту недоимок и т. д. К 80-м годам крестьянство, по подсчетам Ленина, почти половиной своего дохода было связано с денежным хозяйством и рынком. Поэтому понижение хлебных цен сильно ударило по крестьянским хозяйствам и, усилив расслоение деревни, вызвало рост крайних групп крестьянства, т. е. тем самым подрывало базу под крепостнической системой хозяйства.

«Аграрный кризис,—писал Ленин,—как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, местами ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений форм хозяйства, но в общем и целом он ускоряет общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последнего убежища, вынуждает дальнейшую специализацию земледелия» [1].

Начало бурного подъема капитализма в сельском хозяйстве с конца 90-х годов еще больше обострило все противоречия, которые накопились в годы сельскохозяйственного кризиса, и привело к революционному взрыву.

Благоприятную конъюнктуру для подъема сельского хозяйства создало повышение хлебных цен на мировом рынке, что было связано с усиленным потреблением хлеба быстро индустриализировавшимися странами (САСШ, Англия, Германия). Годы 1896—1898 были годами стремительного роста цен на хлеб.

---

[1] Ленин, Соч., т. III, стр. 160—161.

В 1894 г. за пуд пшеницы в Одессе платили 1,25 марки, в 1895—1,4, в 1896—1,7, в 1897—2, в 1898—2,3.

Большую роль в улучшении сельскохозяйственной конъюнктуры сыграл также промышленный подъем в России, расширивший внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства. В этом отношении показательны данные о росте перевозок хлебных грузов внутреннего потребления: 1895 г. — 219,5 млн. пуд., 1900—296,7, 1906—427,6. В рассматриваемый период наблюдается общее увеличение сельскохозяйственного производства. Посевная площадь с 60 352 тыс. дес. в 1893—1895 гг. возросла до 64 145 тыс. в 1896—1900 гг. и до 69 049 тыс. в 1901—1905 гг. Особенно быстро рос южный район. О подъеме свидетельствовало также сравнительное увеличение посевов пшеницы за счет ржи (19,9 и 37,8% в 1893—1895 гг. и 23,7 и 34,9% в 1901—1905 гг.). Наконец о подъеме свидетельствовало усиление потребления сельскохозяйственных машин и удобрений. Сельскохозяйственных машин было перевезено по железным дорогам в 1890—1894 гг. 3 937 тыс. пуд., в 1895—1899 гг.—5 328 тыс. пуд., в 1900—1904 гг.—8 145 тыс. пуд. Количество перевезенных удобрений возросло почти в 2 раза за пятилетие 1898—1903 гг.

В этот период русское сельское хозяйство значительно расширило свой вывоз на мировой рынок. Общий процент жизненных припасов в русском вывозе возрос от 19,4% в начале XIX в. до 58,2% в конце его. Россия давала 20% мирового производства пшеницы и 60% ржи. Русская пшеница завоевала почти целиком итальянский рынок и на половину — германский. Россия поставляла в Германию все 100% ввозимой ржи, а в Англию—50% ввозимого овса.

Если в годы сельскохозяйственного кризиса и низких хлебных цен (в 80—90-х годах), особенно в районе наибольших остатков крепостничества и в черноземной полосе, помещики предпочитали вести хозяйство по-старинке и сдавали в испольную аренду около 40% своих земель, то в годы сельскохозяйственного подъема процент земли, сдаваемой в аренду исполу, снижается до 29%. Соответственно возрастает самостоятельная помещичья запашка. Одновременно натуральная аренда заменяется денежной, а отработочная система вытесняется капиталистической. Крестьянство лишается аренды, необходимой ему для поддержания своего хозяйства, так как на своем клочке земли оно существовать не может. Из работника с наделом, которым он являлся в условиях отработочного хозяйства, крестьянин превращается в сельскохозяйственного пролетария.

Переход помещиков от отработочной системы был связан для крестьян не только с сокращением землепользования, но и с затруднением в предложении своей рабочей силы.

Как правило, введение машин вело к резкому снижению заработной платы. Это объясняет нам движение крестьян против машин, которое особенно резко выявилось на юге — на Дону и Кубани и в других районах, где дело доходило до разгромов машинных складов и уничтожения сложных машин, особенно косилок и жаток.

Говоря о предпосылках крестьянского движения накануне революции 1905 г., необходимо указать также на влияние промышленного кризиса. Приток безработных в деревне еще больше ухудшал положение на рынке сельскохо-

зяйственного труда, не только сокращая отход крестьян в города, но и вызывая обратное возвращение в деревню. Для влияния кризиса и рабочего движения на крестьянское движение характерно совпадение (в основном конечно) кривых рабочего и крестьянского движения за этот период. Показательно также, что движение началось как раз в районе относительно индустриализованного сельского хозяйства, именно свеклосахарного производства. Кризисное состояние последнего и отчасти недород значительно понижали заработную плату местной бедноты, часть которой находила себе заработок на этих предприятиях.

Итак, если наличие полукрепостного строя в деревне и диктатура крепостников являлись основной причиной движения, то непосредственной его предпосылкой становится развитие капитализма, связанное с постепенным переходом от отработочного хозяйства к капиталистическому, а тем самым — с уничтожением, хотя и весьма медленным, мелкого производителя—крестьянина, необходимого для отработочного хозяйства и лишнего для капиталистического, которому нужен лишь батрак, освобожденный от всяких средств производства. Обострение классовой борьбы в деревне падает на конец 90-х годов, а особенно на начало 900-х годов, т. е. на годы наибольшего подъема сельскохозяйственного капитализма в России. Развитие капитализма, разлагавшего крепостничество, с головокружительной быстротой приближало деревню к крестьянской революции, которая должна была уничтожить крепостничество и на первой своей стадии расчистить путь тому же капитализму.

д) ЛЕНИН О ДВУХ ПУТЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Уничтожение крепостничества могло произойти двумя путями — или прусским путем, путем реформ сверху, путем приспособления помещиков-крепостников к условиям капиталистического развития и перерастания помещичьих крепостнических хозяйств в юнкерские буржуазные хозяйства за счет обнищания основной крестьянской массы и выделения небольших горсток кулаков, — или же путем крестьянской революции, путем революционной ломки старых крепостнических отношений, путем уничтожения крепостнического землевладения и власти помещиков-крепостников.

«Капиталистическое развитие России сделало уже такой шаг вперед за последние полвека, что сохранение крепостничества в земледелии стало абсолютно невозможным, устранение его приняло формы насильственного кризиса, общенациональной революции. Но устранение крепостничества в буржуазной стране возможно двояким путем.

Возможно устранение крепостничества путем медленного перерастания крепостнически-помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства, превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов, насильственного удержания нищенского уровня жизни массы, выделения небольших горсток гросс-бауэров, буржуазных крупных крестьян, создаваемых неминуемо капитализмом в крестьянской среде... Такой путь развития требует для своего осуществления сплошного, систематического, необузданного насилия над крестьянской массой и над пролетариатом. И помещичья контрреволюция спешит по всей линии организовать это насилие.

Другой путь развития мы назвали американским путем развития капитализма, **в отличие от первого, прусского. Он требует тоже насильственной** ломки старого землевладения, — **о возможности безболезненного, мирного исхода невероятно обострившегося кризиса в России** могут мечтать только тупые мещане русского либерализма.

Но эта необходимая и неизбежная ломка возможна в интересах крестьянской массы, а не помещичьей шайки. Основой развития капитализма может стать свободная масса фермеров без всякого помещичьего хозяйства, ибо это хозяйство в целом экономически реакционно, а элементы фермерства созданы в крестьянстве предшествующей хозяйственной историей страны. При таком пути развития капитализма оно должно итти неизмеримо шире, свободнее, быстрее, вследствие громадного роста внутреннего рынка, подъема жизненного уровня, энергии, инициативы и культуры всего населения» [1].

В другом месте Ленин еще острее подчеркнул неизбежность борьбы двух тенденций, нашедшую себе выражение в том, что 1861 г. привел к 1905 г. Ленин высмеивал тех, кто пытался замазать эту основную особенность исторического развития России после реформы 1861 г.

«Нам нужно «второе 19 февраля» хныкают либералы. Неправда. Так говорят лишь буржуазные трусы. «Второе 19 февраля» невозможно после 1905 г. Нельзя «освобождать сверху» народ, который научился (и учится — на опыте помещичьей III Думы учится) бороться снизу. Нельзя «освобождать сверху» народ, во главе которого хоть раз выступал революционный пролетариат.

Черносотенцы понимают это и потому боятся юбилея 1861 г. «61-й год, — писал верный сторожевой пес царской черной сотни, Меньшиков, в газете «Новое время»,—61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого» [2].

Борьба за эти два пути (прусский и американский) капиталистического развития вполне ясно обрисовалась в России после 1861 г. Рост денежного хозяйства и кризис барщинной системы с неизбежностью толкали русских землевладельцев еще до крестьянской реформы к переходу от крепостнических методов эксплоатации к капиталистическим. Этого особенно настоятельно требовало быстрое развитие внутреннего и внешнего рынков, а также рост капиталистической промышленности. Перед помещиками и перед самодержавием как диктатурой крепостников встала задача — перевооружиться, приспособиться к новой эпохе, повести Россию по пути капиталистического развития, но повести осторожно, не выпуская из рук власти, сохраняя ее экономическую основу и не давая историческому процессу опрокинуть себя.

«Эпоха реформ» являлась дворянско-самодержавной попыткой разрешить поставленную задачу. В области экономической был сделан шаг в сторону облегчения капиталистического развития, но шаг половинчатый, оставлявший основную массу крестьянства на положении мелких хозяев с недостаточным наделом, с тяжелыми повинностями и с гражданским бесправием, т. е. сохранявший в значительной степени основы старой крепостнической системы эксплоатации. В области политической было произведено некоторое приспособление государственной надстройки к новым условиям, а именно в известной мере в этом направлении

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 492—494.

[2] Ленин, Соч., т. XV, стр. 110.

были проведены земская и судебная реформы 60-х и 70-х гг. Однако приспособление было далеко неполным, самодержавие было сохранено в полной неприкосновенности, а дворянское сословие осталось попрежнему привилегированным и «первенствующим».

Так или иначе «эпохой реформ» определился характер исторического развития России на несколько десятилетий. Самодержавно-крепостническая Россия начала превращаться в самодержавно-капиталистическую Россию. Общественная гегемония при этом осталась однако в руках старого господствующего класса. Социальные противоречия, обострившиеся в период предреформенного политического кризиса, стали развиваться на новой основе. Силам капиталистического развития, напиравшим на государственную надстройку, был открыт путь, хотя не особенно широкий и свободный, но на первых порах несколько ослабивший их давление и тем спасший государственное здание от взрыва.

Именно так оценивал Ленин предпосылки и историческое значение известной «реформы» 1861 г. В статье «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» он писал:

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старые, рушившиеся формы хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика Александра II признать, что лучше освободить **сверху**, чем ждать, пока свергнут **снизу**.

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем **меньше** урезывались крестьянские земли, чем **полнее** отделялись они от помещичьих, чем **ниже** был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем **свободнее** от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности... 19 февраля 1861 г. знаменует собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи» [1].

Ту же мысль еще более категорически Ленин выразил в известном письме к И. И. Степанову.

«Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянстве, *и* вне, *и* внутри «общины». Это раз. Что развитие уже **бесповоротно** определило **не** иной путь развития, как капиталистический, **не** иную группировку классов, как капиталистическую. Это два» [2].

Но, говоря, что реформа 1861 г. представляет собою «шаг в сторону превращения России в буржуазную монархию», Ленин в то же время подчеркивал, что это действительно был только **шаг**. Это значило, что реформа не устраняла всех препятствий к развитию капитализма, не устраняла всех противоречий, которые при этом порождались. Ленин выразил это в формуле: «1861 год породил 1905-й.»

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 143.

[2] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 213.

«Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы, — писал он, — затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направления развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 г. Реформа 1861 г. отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 г. разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах» [1].

Борьба за эти два пути развития со всей остротой развернулась только в 1905 г., когда практически решался вопрос, совершится ли переход России к капитализму через революцию или путем приспособления господствующего класса к условиям капиталистического развития.

Рабочий класс в союзе с крестьянством боролся за революционный путь разрешения назревших противоречий, за путь радикального уничтожения всех пережитков крепостничества, наоборот, буржуазно-помещичий блок, отстаивая прусский путь развития, пытался повторить опыт реформы 1861 г. Именно к этому сводились буржуазно-помещичьи попытки реформировать деревню накануне революции 1905 г. Именно к этому сводилась аграрная программа буржуазно-помещичьих партий в революцию 1905—1907 гг. Это целиком подтверждает также анализ классовой борьбы накануне революции.

е) КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Пролетариат и крестьянство накануне революции.

В качестве главной движущей силы революции, в качестве ее гегемона выступал пролетариат, который не в меньшей степени, чем крестьянство в царской России, страдал, по выражению Энгельса, «не только от капитализма, но и от недостатка его развития», т. е. от элементов крепостничества.

Промышленный пролетариат в царской России, представлявший к моменту революции 1905 г. армию в два с лишком миллиона человек, в основной своей массе сконцентрированную на предприятиях-гигантах, находился под двойным гнетом.

Отсутствие в царской России элементарных буржуазных свобод, как свободы слова, печати и т. д., отсутствие возможности вести даже мирную экономическую борьбу, которая царским правительством преследовалась как политическое преступление, нещадный гнет от эксплоатации эпохи первоначального накопления, не ограниченный даже буржуазным законодательством, — все это предопределяло революционность русского пролетариата и толкало его на борьбу с дворянско-бюрократическим режимом [2].

Высокая концентрация русского пролетариата, превосходившая не только западно-европейские страны, но и Америку, еще более усиливала его революционную энергию.

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 146.

[2] Подробнее о том, почему именно пролетариат больше чем какой-либо другой класс был заинтересован в решительной буржуазной революции, см. гл. III наст. тома.— *Ред.*

Его рабочее величество пролетарий всероссийский. («Пулемет» № 2, 1905 г.)

Движение пролетариата началось со стихийной экономической борьбы. По мере своего классового развития пролетариат переходил к все более революционным выступлениям, направленным не только против отдельных хозяев, но и против самодержавия. Решительную роль в этом отношении сыграл кризис 900-х годов.

Кризис, как это всегда бывает, особенно больно ударил по рабочим массам. Сокращение производства означало прежде всего сокращение числа рабочих. Если в 1900 г. на металлургических заводах было занято 326 тыс. рабочих, то в 1902 г. число занятых рабочих металлистов упало до 267 тыс., т. е. за два года сократилось на 59 тыс. «Резервная армия» труда выросла чрезвычайно, усиливаясь к тому же непрекращавшимся притоком рабочих сил из деревни. Безработица с ее последствиями стала массовым явлением. Пролетарии, оставшиеся на работе, должны были выдерживать натиск хозяев, стремившихся переложить кризис на плечи рабочих. Борьба обострялась.

В нее были втянуты новые слои пролетариата. Металлисты, которые раньше по степени активности уступали текстильщикам, выдвинулись на первый план. Если в 1897 г. текстильщики дали 47 тыс. стачечников, а металлисты — 3 тыс., то уже в 1899 г. металлисты дали 20 тыс., а текстильщики — только 15 тыс. стачечников. В 1903 г. перемена соотношения в степени активности этих двух отрядов пролетариата стала еще определеннее, выражаясь цифрой в 1 тыс. со стороны металлистов и в 20 тыс. со стороны текстильщиков. Это явление становится вполне понятным, если вспомнить, что кризис прежде всего и больше всего ударил именно по металлургической промышленности.

Рабочее движение вышло на улицу. К стачке присоединилась демонстрация. И если стачка большею частью была направлена прежде всего против хозяина фабрики, против отдельного капиталиста, то демонстрация была направлена против всего старого порядка и против его хозяина — самодержавия. Уже с самых ранних своих шагов рабочее движение столкнулось с противодействием государственной власти. Самодержавие во всяком проявлении самостоятельности рабочего, во всяком его протесте видело угрозу существующему порядку и обрушивалось репрессиями на пролетариат. Экономическая борьба рабочего класса не могла развертываться беспрепятственно, она упиралась в необходимость обеспечения такого политического порядка, который дал бы возможность пролетариату организоваться.

Самодержавие открыто выступало в качестве защитника капиталистов. Первой задачей пролетариата было уничтожение самодержавия. Эта задача была тем настоятельнее, что русский пролетариат еще слишком живо чувствовал свою связь с деревней. Все те противоречия, которые развивались в деревне и которые толкали крестьянство на революционный путь, сказывались и на пролетариате. Рабочий, попав в город, долго оставался связанным с сельской общиной и ее повинностями. Двойной гнет, лежавший на пролетариате, делал для него необходимость свержения самодержавия особенно острой. Эксплоатируемый и капиталистами, и помещиками и угнетаемый государством крепостников, пролетариат являлся самым революционным классом, он являлся гегемоном революции.

Главным союзником пролетариата в борьбе за революционный путь уничтожения крепостничества выступало крестьянство. Несмотря на то, что реформа 1861 г. положила начало резкому расслоению крестьянства, которое особенно отчетливо выявилось в конце XIX в., крестьянство в первой русской революции выступало еще как класс против класса помещиков-крепостников.

Еще в 1901 г. в статье «Рабочая партия и крестьянство» [1], Ленин давал следующую характеристику противоречий классовых интересов в деревне:

«Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противополож-

[1] Подробно о рабочем движении накануне революции см. «История ВКП(б)», т. I, гл. III.

ность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение... Вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и приниженния десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса» [1].

Еще более отчетливо выразил Ленин свою мысль в «Аграрной программе русской соц.-дем.».

«Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка. В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит, — врагом его является в с е к р е с т ь я н с т в о к а к ц е л о е. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться к л а с с о м, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием...

Мы ставим в кавычки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие с а м о й жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. П о с к о л ь к у в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). П о с к о л ь к у сохраняются еще крепостные отношения, — п о с т о л ь к у «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е. повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «постольку» — «поскольку» существует в действительности в виде к р а й н е с л о ж н о г о сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне» [2].

Формулировка Ленина настолько ясна, что не нуждается в пространных комментариях. В р у с с к о й д е р е в н е с о з д а в а л с я е д и н ы й к р е с т ь я н с к и й ф р о н т п р о т и в к р у п н о г о з е м л е в л а д е л ь ц а, п о м е щ и к а-к р е п о с т н и к а — г л а в н о г о в р а г а в с е х с л о е в к р е с т ь я н с т в а.

Вот как Ленин характеризовал крестьянскую борьбу против всего царского полукрепостного строя:

«В современной России есть две буржуазии. Одна — это очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов.

Другая буржуазия — это очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым н а д е л е приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голода от Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. IV, стр. 102—103.

[2] Ленинский сборник, III, стр. 328—329.

Вся история политического освобождения России есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красивых слов о свободе и равенстве, об «уравнительном» распределении земли и о «народничестве» сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия, окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух «цветов». Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична; напротив, если он сознательный, то он вмешивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом» [1].

Известно, далее, с какой энергией боролся Ленин против эсеровского утопического представления о социалистическом характере крестьянского движения. Следующая выдержка дает полное представление об этом.

«Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевладения как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранит поэтому капитализма, а напротив создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии» [2].

Крестьянская революционная борьба была борьбой за тот американский путь развития, о котором мы уже писали выше.

Наличие единого антипомещичьего фронта с полной убедительностью доказывается аграрным движением 1902 г.

Следующая таблица характеризует формы крестьянского движения [3]:

	В %		В %
1. Разгром имений	19,50	8. Столкновения из-за леса . . .	5,21
2. Поджоги	15,87	9. Захват урожая, семян и продовольствия	4,32
3. Борьба за землю	10,88	10. Избиение и угрозы помещикам и их служащим	6,80
4. Столкновения из-за лугов и пастбищ	13,60	11. Суды с помещиками и подача ходатайств	8,62
5. Столкновения при размежевании	7,03		
6. Арендные столкновения	4,76		
7. Сельскохозяйственные стачки .	3,40		

Из этой таблицы видно, что основными моментами в крестьянской борьбе являются: «борьба за землю», «столкновения из-за лугов и пастбищ», «столкновения при размежевании», «столкновения из-за леса», «арендные столкновения». Все это говорит об одном и том же, об основном: что борьба крестьян против помещиков была борьбой лишенных земли закабаленных крестьян против крепостников.

65,8% всех выступлений крестьянства в этот период были направлены против помещика, 29,3% — против помещичьих властей, 1,8% — против ду-

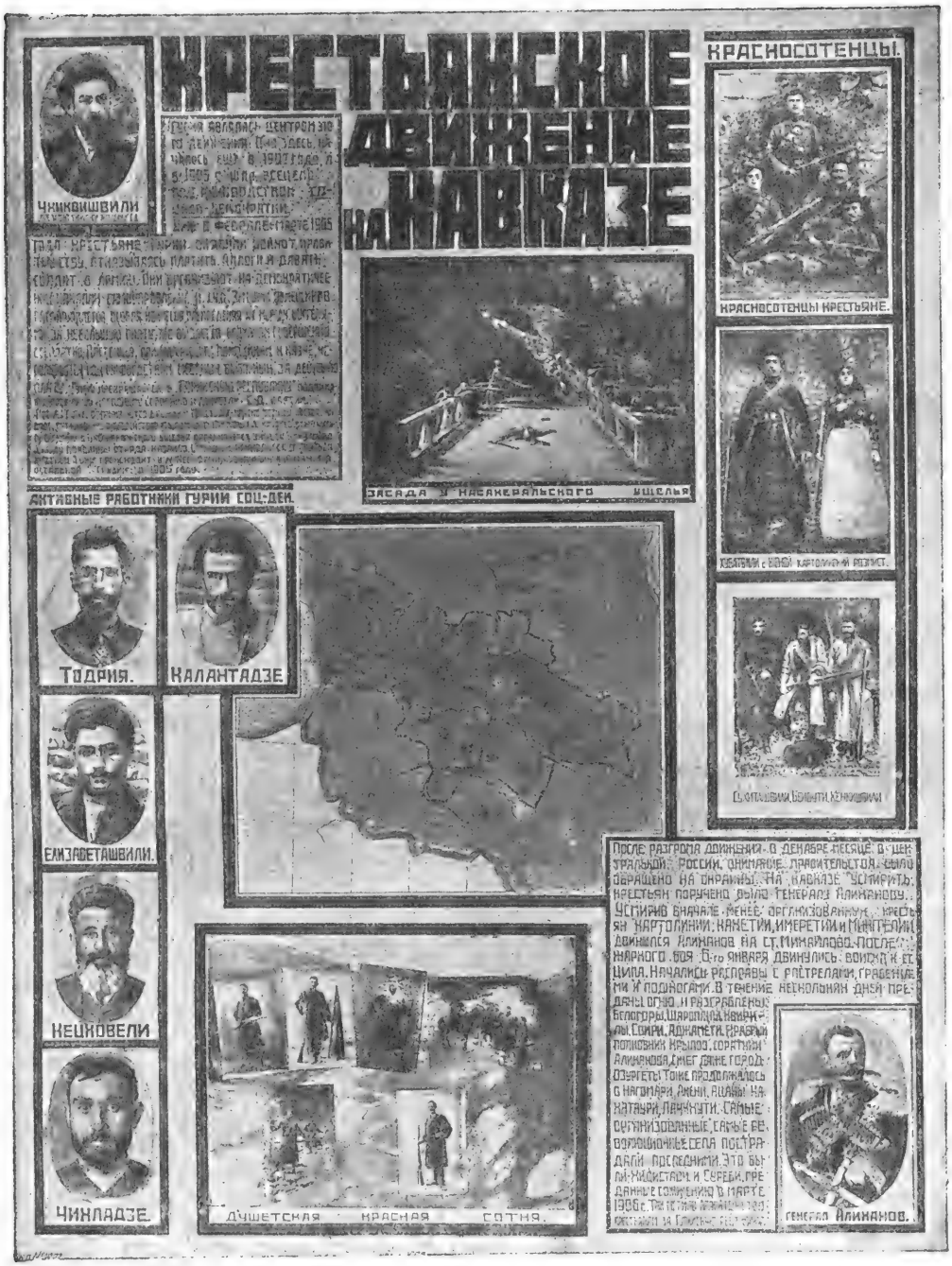
---

[1] Ленин, Либерализм и демократия, Соч., т. XV, стр. 452.

[2] Ленин, Мелкобуржуазный и пролетарский социализм, Соч., т. VIII, стр. 361-362.

[3] «1905», т. I, С. Дубровский и Б. Граве, Крестьянское движение накануне революции 1905 г., стр. 255.

ховенства и 3,1% — против кулаков [1]. Выступления против властей с полным основанием могут быть отнесены к общей категории выступлений против помещиков (власть ведь была помещичья), которые таким образом охватили



---

1 Подробнее о крестьянском движении накануне революции см. ниже гл. VIII наст. тома. — *Ред.*

95% всех выступлений. Рядом с этой цифрой особенно ярко вырисовывается незначительное пока в революционном отношении значение столкновений основной массы крестьянства с кулачеством. 95 и 3 — вот цифры, показывающие удельный вес двух линий классовых противоречий, о которых писал Ленин. Крестьянская борьба 1902 г. была прежде всего борьбой с помещиком.

Само собой понятно, что основной предпосылкой этой борьбы был все тот же земельный вопрос, который тяжелым камнем давил крестьянство.

Прогрессивного и объективно буржуазного характера крестьянской борьбы совершенно не понимали меньшевики [1]. Если эсеры идеализировали крестьянскую борьбу и рассматривали ее уже как борьбу социалистическую, то меньшевики считали крестьянскую борьбу реакционной. Как мы подробно покажем дальше, основы меньшевистской недооценки роли крестьянства в революции коренились в их непонимании остатков крепостничества и роли крестьянства в борьбе с ним. Меньшевики рассматривали крестьянство не как класс, борющийся против диктатуры крепостников за условия буржуазного развития, а как мелких товарных производителей, борющихся против крупных земельных собственников. Наиболее законченное выражение эта точка зрения нашла у Маслова, провозгласившего, что победа крестьянской революции и установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства противоречат «всему ходу хозяйственного развития».

Приводя эту классическую меньшевистскую фразу, Ленин писал:

«Именно здесь надо искать корни разногласий большевизма и меньшевизма».

Ленин неоднократно возвращается к полемике с Масловым, повторяющим «пошлые доводы правых и кадетов, будто бы нельзя уничтожить феодальную эксплоатацию, не трогая буржуазию».

Так же неправильно поступают те товарищи, которые борьбу всего крестьянства подменяют борьбой кулака с помещиком.

Эта переоценка роли кулака в революции является совершенно вредной и ошибочной. Данные о крестьянском движении накануне революции со всей очевидностью показывают нам, насколько неправильно такое выпячивание, поскольку при наличии общекрестьянского фронта против помещиков преобладающую роль в движении играли крестьянские низы [2].

---

[1] См. об этом гл. III, IV, VIII наст. тома — *Ред*

[2] В этом отношении особенно показательны материалы временных комиссий по возмещению убытков, причиненных помещикам, характеризующие состав участников аграрного движения по 164 обществам Харьковской и Полтавской губ. Согласно этим сведениям процент участников движения по Валковскому и Богодуховскому уездам Харьковской губ. правильно понижается по мере роста земельной обеспеченности обществ. Если селения указанных уездов Харьковской губ., владеющие до 1 дес. на душу, дают в среднем 67,2% участников движения, то процент участников в селениях, владеющих 1½ дес. на душу, падает до 20,7%. Не менее яркая закономерность вскрывается при сопоставлении данных о земельных наделах и количестве участников аграрного движения в Полтавской губ. Если первая группа, владеющая до 4 дес. на хозяйство (т. е. меньше 1 дес. на душу) дает 39% участников аграрного движения, то высшая группа хозяйств, владеющая выше чем 11 дес. на хозяйство (т. е., примерно, 2½ дес. на душу), дает всего 4% участников движения. Таким образом в движении наиболее активно

Итак основным содержанием первой русской революции являлось противоречие между крестьянством — в целом, с одной стороны, и всем крепостническим строем, возглавляемым царским самодержавием, осуществлявшим диктатуру крепостников, с другой. Однако крестьянство не могло одними своими силами добиться свержения всего крепостнического строя. Оно этого могло добиться лишь под руководством пролетариата. Для того чтобы расчистить себе путь для борьбы за свержение всего капиталистического строя, за социалистическую революцию, пролетариату прежде всего нужно было завершить демократическую революцию, свергнуть царское самодержавие и дочиста уничтожить все остатки крепостнического строя.

2. Либеральная буржуазия и помещики.

Основную силу, заинтересованную в сохранении старого порядка, представляли помещики-крепостники, владельцы крупных латифундий.

Анализируя распределение земель к концу XIX в., Ленин писал:

«Итак, главные личные собственники в России — дворяне. Им принадлежит громадное количество земли»...

«Но до какой степени сильна еще «власть земли», т. е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков в России к концу XIX в., это особенно наглядно видно из данных о распределении частной поземельной собственности по размерам владения»...

«В частном личном землевладении мелкая собственность играет ничтожную роль. Шесть седьмых всего числа землевладельцев, 619 тыс. из 753 тыс. владеют всего 6½ млн. десятин. Наоборот латифундии имеются необъятные: семьсот собственников владеют в среднем по тридцать тыс. дес. каждый. У этих семисот человек втрое больше, чем у шестисот тыс. мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту русского частного землевладения» [1].

Именно в руках этих помещиков-крепостников и находился государственный аппарат вплоть до Февральской революции.

«Ясно таким образом, что в России к концу XIX в. громадное количество земель — и притом, как известно, лучших по качеству земель — сосредоточено попрежнему (по-средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков» [2].

«В России у власти,— писал Ленин, — стоял класс русского благородного дворянства с первым дворянином и крупнейшим помещиком Н. Романовым во главе» [3].

Отмечая шаги самодержавия в сторону буржуазной монархии, отмечая то, что еще задолго до революции крепостнический режим начал терять свойства «исключительно крепостнического», Ленин подчеркивал, что «происшедшие изменения не устраняют основных черт старого режима» как диктатуры крепостников.

участвовали бедняцкие села, которые давали наибольшее количество участников движения, что совершенно не вяжется с теорией о кулаке, как главной движущей силе в крестьянской революции.

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 218—219.

[2] Там же, стр. 220.

[3] Там же, т. XV, стр.

Стремлением этих помещиков-крепостников, составлявших главную опору самодержавия, было прежде всего сохранить крепостническую кабалу в деревне как основу своего крепостнического хозяйства и отработочной системы. «Возврат к лозунгам крепостного права, отстаивание всего старого средневекового в русской жизни» — такова была, по определению Ленина, их политическая программа, представляемая правыми партиями.

При наличии общей позиции, которая определялась борьбой за прусский путь развития, внутри буржуазии имели место различные группы, выступившие в революции 1905 г. с различной тактикой.

Очень близкую позицию к помещикам-крепостникам, не менее их заинтересованные в сохранении старого порядка, занимали и значительные круги промышленной и торговой буржуазии. Это были привилегированные торгово-промышленные круги, вскормленные подачками казны. Для них, привыкших к существовавшему режиму, выросших на его почве, пользовавшихся от него регулярной помощью, не было смысла в какой бы то ни было перемене. (Разумеется, на определение политической линии буржуазии в первую очередь влияло наличие развитого революционного пролетариата. Но это особый вопрос, которого мы касаемся ниже.) К этим кругам примыкал и обширный слой иностранных капиталистов.

Власть царя давала им возможность легкой, беспрепятственной эксплоатации широких масс России, и они, разумеется, не хотели лишаться этой возможности. Они готовы были поддержать какой угодно черносотенный порядок, лишь бы он давал им те привилегии, какие давал царь. «Незыблемость» самодержавия отстаивал наконец многочисленный слой бюрократического чиновничества, заинтересованность которого в существовании строя, который они обслуживали и от которого питались и жалованьем, и кражами, и взятками, вполне очевидна.

Иной была позиция той группы промышленной буржуазии, которая менее была связана с казенными подачками и более зависела от внутреннего рынка. Вообще говоря, самодержавное правительство оказывало интересам буржуазии большое внимание. И таможенный тариф, и всевозможные льготы значительно облегчали промышленное развитие России. В этом отношении вряд ли могло бы сделать больше даже чисто буржуазное правительство. Но своеобразие положения заключалось в том, что, покровительствуя интересам буржуазии, самодержавие как диктатура крепостников защищало с неменьшей силой крепостнические пережитки в экономике деревни и в политической жизни всей страны. Вот эти-то внутренние противоречия первых шагов прусского пути развития и приводили к известному расхождению интересов буржуазии и самодержавия. Льготы и субсидии, которые правительство щедро раздавало, не могли удовлетворить всей буржуазии в целом. Отрывая от нее известную господствующую верхушку, они другую часть капиталистической буржуазии оставляли неудовлетворенной. Кризис заставил буржуазию почувствовать объективную необходимость создания прочного внутреннего рынка, могущего служить надежной базой для промышленности. Сохранение старой системы, консервировавшей в деревне закабаленные массы крестьянства, не было в интересах этой части промышленной буржуазии. «Промышленность

не может процветать там, где народ бедствует», писали петербургские заводчики. «Народный желудок — лучший рынок», вторили им уральцы. С другой стороны крайности существующей политической системы тоже противоречили интересам буржуазии. Общее политическое бесправие, дикие расправы с мельчайшими проблесками «общественной самостоятельности» слишком накаляли почву, грозили взрывом, который конечно был страшен и для буржуазии. Она начинала испытывать недовольство реакционным режимом не столько потому, что он был направлен против нее — сама-то она с ним могла примириться — сколько потому, что, будучи направлен против народных масс, этот режим мог привести к революционному взрыву и полной ликвидации эксплоататорского общества.

«Ни какие-либо уступки рабочим по частным вопросам, ни пересмотр фабричного законодательства не могут вселить полного успокоения в тревожное состояние рабочих. Средством же бесспорно действительным для умиротворения рабочего движения в будущем или, по крайней мере, к устранению в нем той жгучести, какая теперь в нем наблюдается, являются более глубокие реформы общегосударственного характера» [1].

В этой выдержке совершенно ясно чувствуется тревога за будущее, сознание необходимости сделать что-нибудь серьезное для того, чтобы спасти положение. И особенно замечательно то, что «реформы государственного характера» буржуазия требует не столько для себя, не столько с положительной целью, сколько из стремления утихомирить рабочее движение, создать спокойную обстановку для эксплоатации.

Позицию, аналогичную промышленной буржуазии, занимали те помещики, которые представляли капиталистический сектор сельского хозяйства. Мы выше отмечали, какое отрицательное значение для развития аграрного капитализма имело наличие в деревне остатков крепостнической системы эксплоатации. Это заставляло капитализировавшихся помещиков стремиться к устранению крепостнических рогаток на пути развития своих капитализирующихся хозяйств. В этом отношении помещики-капиталисты были даже радикальнее, чем промышленная буржуазия. С политикой самодержавия помещиков-капиталистов сталкивали также крайности таможенного тарифа, облагавшего например непомерно высоко сельскохозяйственные машины. В общем же капиталистические помещики и промышленная буржуазия по характеру своих интересов были очень близки друг другу, и мы имеем полное основание отнести их к одной социальной группе в смысле противопоставления ее старому порядку.

Общей чертой, роднившей эти две классовые прослойки, было то, что они являлись носителями одной и той же капиталистической системы эксплоатации.

Последнее определение дает возможность понять все своеобразие направления классовых интересов и дальнейшей политической ориентировки обоих общественных слоев. Как представители новой системы эксплоатации поме-

[1] «Общественное движение в России в начале XX века», под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. II, ч. 2, стр. 35.

щики-капиталисты и промышленная буржуазия, несомненно, должны были чувствовать противоположность своих интересов интересам крепостников, господство которых преграждало дорогу их развитию и грозило нежелательными потрясениями. Но надо учесть и противоположный момент. Старых и новых эксплоататоров сближал тот факт, что они одинаково являлись эксплоататорами и, следовательно, одинаково были заинтересованы в том, чтобы общество, основанное на эксплоатации, оставалось в полной целости и сохранности. Расхождение их интересов имело вполне осязаемый предел. В конкретных русских исторических условиях этот предел был особенно легко осязаем. Наличие относительно мощного пролетариата и миллионных масс обездоленного крестьянства являлось основным сдерживающим фактором для развития противоположности интересов носителей старой и новой систем эксплоатации. Борьба крестьянства за землю затрагивала помещиков-капиталистов не меньше, чем помещиков-крепостников, поскольку и те и другие, несмотря на различие в методах хозяйствования, одинаково дорожили своим положением монопольных владельцев земли. Борьба пролетариата в союзе с крестьянством за свержение самодержавия, за полную демократизацию общественного строя и за максимально благоприятные условия труда заставляла буржуазию поддерживать самодержавие, которое выполняло роль ее защитника. Государственный аппарат самодержавия по существу уже служил буржуазии, служил не всегда так, как она хотела, но разрушение его во всяком случае было не в ее интересах. Эти обстоятельства оказывали решающее влияние на политическое самоопределение промышленной буржуазии и капиталистов-помещиков и на выбор ими исторического пути, который мог бы вывести Россию из тупика. Несомненно, что путь, к которому должны были тяготеть промышленная буржуазия и капиталисты-помещики, не мог быть путем решительной, беспощадной ломки старого порядка, не мог быть путем революции. Подлинная массовая революция могла передать общественную гегемонию в руки других угнетенных классов, могла в своем разрушительном действии зайти дальше, чем этого требовали интересы капиталистической буржуазии. В интересах капиталистов было только, чтобы самодержавие сделало еще несколько шагов в их сторону, чтобы оно приняло более цивилизованную конституционную форму и устранило наиболее вопиющие пережитки крепостничества.

Такие радикальные меры изменения старого порядка, как, скажем, демократическая республика или конфискация помещичьих земель, не были приемлемы для этой социальной группы. Путь, к которому она тяготела и которого требовали ее интересы, был путь компромисса, путь сделки.

Если рабочее движение периода кризиса, в частности 1903 г., Ленин охарактеризовал как «генеральную репетицию» накануне революции, если крестьянское движение главным образом 1902 г. в основном уже наметило формы и направление крестьянской борьбы в революции, то либеральное движение 1904 г. в основном определило ее позицию в революции, выявив ее трусливость и непоследовательность в борьбе с самодержавием.

СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ 1904—1905 гг.

ПРАВОЕ КРЫЛО.

Шаховской Д. И. Земец-помещик.

Петрункевич И. И. Земец-помещик.

Львов Н. Н. Земец-помещик.

Струве П. Б. Литератор-экономист.

Булгаков С. Н. Профессор.

Родичев Ф. Н. Земец-помещик.

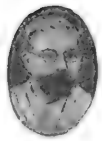
Львов Г. Е. Земец-помещик.

Вернадский В. И. Профессор.

Котляревский С. А.

Кн. Долгоруков П. Д. Земец-помещик.

Кн. Долгоруков-Пав. Д. Земец-помещик.



Милюков П. Н. Литератор.

Новгородцев П. И. Профессор.

Тесленко Н. В. Адвокат.

ЛЕВОЕ КРЫЛО.

Пешехонов А. В. Статистик-литератор.

Прокопович С. Н. Литератор.

Брюхатов Л. Д. Земец-помещик.

Богучарский В. Я. (Яковлев) Литератор.

Чарнолусский В. И. Литератор.

Анненский Н. Ф. Статистик.

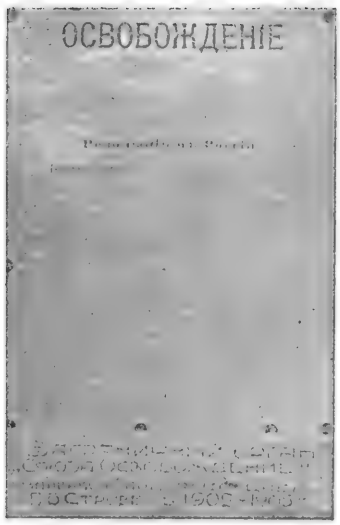
1 июля 1902 г. в Штутгарте (Германия) стало выходить, под редакцией бывшего марксиста П. Б. Струве, «ОСВОБОЖДЕНИЕ», являвшееся органом группы либеральных земцев (помещиков) и буржуазно-демократической интеллигенции (так называемого «третьего элемента»). Этой группой был основан «Союз освобождения» на учредительном съезде 3—5 января 1904 г. в Петербурге. Союз долго не имел выработанной программы. Требования учредительного собрания по четырехчленной формуле, восьмичасового рабочего дня и принудительного отчуждения земли были приняты официально «Союзом» только в марте 1905 г. после того, как они стали всеобщим требованием.

Осенью 1904 г., с наступлением «эпохи доверия», освобожденцы предпринимают кампанию с требованием конституции. С этой целью они участвуют в ноябрьском земском съезде, устраивают политические банкеты, издают в Петербурге «левые» газеты—«Нашу жизнь» и «Сын отечества».

После 9 января 1905 г. на фоне разрастающейся революции политическая роль «Союза освобождения» начинает падать.

Масса демократической интеллигенции стала уходить влево, в то время, как земцы (помещики) правели. IV съезд «Союза освобождения» высказался за участие в выборах в Булыгинскую Госуд. думу.

На съезде 12—18 октября 1905 г. «Союз освобождения» и группа «земцев-конституционалистов» объединились в одну открытую «конституционно-демократическую партию» (К.-Д., кадеты). Левое крыло «Союза освобождения» в К.-Д. партию не вошло; одни образовали в 1906 г. народно-социалистическую партию (Анненский, Пешехонов и др.), другие не примкнули ни к какой из партий, оставаясь «левее К.-Д.» (группа «без заглавия»: Богучарский, Кускова, Прокопович и др.).



Характерным для русской буржуазии было то, что русское либеральное движение начинается уже на фоне общего подъема массового движения, охватившего пролетариат и крестьянство в начале XX в.

Вплоть до 1904 г. либеральное движение не выходит однако за рамки журнальных выступлений из-за пределов недосягаемости. В 1902 г. был основан журнал «Освобождение», в 1903 г. был создан «Союз» под тем же названием. Основное ядро «освобожденцев» составили либеральные помещики, земцы-конституционалисты, а также либеральная интеллигенция. В противоположность правящей кучке дворян-крепостников, земцы-конституционалисты были владельцами капиталистических хозяйств главным образом центрального промышленного района. Эта группа капиталистических помещиков выступала в союзе с промышленной буржуазией за уничтожение крепостнических пережитков, тормозивших развитие их хозяйств [1].

Наиболее широкий размах либеральное движение получило в 1904 г. 4—5 января 1904 г. состоялся учредительный съезд «Союза освобождения».

Как мы указывали выше в этот союз вошли главные деятели российского либерализма. «Союз освобождения» как истинно либеральное творение сразу занял двусмысленную выжидательную позицию, никакой определенной программы он не принял, ограничившись общими фразами о необходимости перехода к конституционному режиму. В самом «Союзе» существовало два крыла. Левое крыло составляли в большинстве деятели либерально-народнического типа, впоследствии создатели и руководители так называемой народно-социалистической партии (Анненский Н. Ф., Богучарский В. Я., Пешехонов А. В., Чарнолусский В. И., Брюхатов Л. Д.). Правое крыло составляли чисто буржуазные либералы — будущие кадеты (Струве П. Б., Долгоруков Павел Д., Долгоруков Петр Д., Петрункевич И. И., Шаховской Д. И., Булгаков С. Н., Милюков П. Н., Родичев Ф. Н., Вернадский В. И., Котляревский С. А., Львов Г. Е., Новгородцев П. И., Львов, Н. Н., Тесленко Н. В.). В своей практической деятельности «Союз» стремился к пробуждению оппозиционного движения в земских и буржуазных кругах.

Из области широкого либерального движения этого периода следует отметить январские съезды интеллигенции: Пироговский и деятелей по техническому образованию. Оба съезда прошли под либеральными лозунгами, но не приняли никаких определенных требований.

Война на время прервала линию развития либерально-оппозиционного движения. Российский либерализм в первые месяцы войны занимал определенную патриотическую позицию. За границей Струве, редактор «Освобождения», выбросил лозунги: «Да здравствует Россия!», «Да здравствует армия!» В России этот лозунг был подхвачен либеральными кругами. Земство и буржуазия жертвовали миллионы на военные нужды. Конечно эта волна патриотизма ни по своей силе, ни по своей продолжительности не может быть сравниваема с волной 1914 г. Тем не менее патриотический оборонческий характер

---

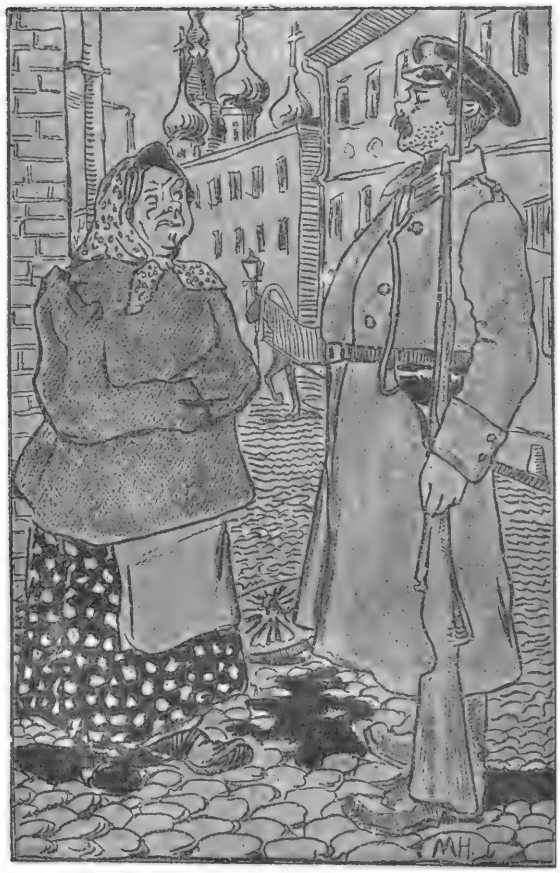
[1] См. «История ВКП(б)», т. I, стр. 227—229

настроений российского либерализма в начале войны несомненен. Лишь впоследствии, после ряда жестоких поражений российской армии, воинствующий патриотизм уступил место разочарованию, обиде.

Следующий этап либерального движения связан с убийством Плеве и назначением министром внутренних дел князя Святополк-Мирского.

Убийство Плеве было совершено боевой организацией партии с.-р. 15 июля 1904 г. Вообще необходимо отметить оживление террористического движения в начале 900-х гг. под влиянием обострения классовых противоречий и назревания революции. Ряд успешных террористических актов способствовал укреплению террористической организации и вызвал симпатии к нему в демократических и либеральных кругах. В своих воспоминаниях Борис Савинков, бывший одним из руководителей боевой организации, передает, что «общество» (т. е. буржуазное общество) не скупилось на средства, необходимые для организации террористической деятельности. Это было вполне понятно. Либерализм хотел использовать в своих целях террористов, чтобы вынудить царизм к политическим уступкам. Террористов вообще окружал в этот период романтический ореол. Убийство Плеве особенно много способствовало этому. По словам Мартова, даже Плеханов в этот момент склонен был к признанию террора, но был разубежден Аксельродом и Мартовым [1].

Карикатура по поводу убийства Сергея Александровича.



— Кого, батюшка, убили-то?
— Проходи, проходи. Кого надо, того и убили.

В связи с создавшимся положением правящие круги увидели в убийстве Плеве серьезное предостережение. Старый курс прямой незамаскированной реакции был на время оставлен. Начался период колебаний, когда царизм еще не решил точно, что ему делать дальше. Сделана была попытка дать кое-какие уступки народу или по крайней мере создать видимость их. 11 августа 1904 г. был издан манифест, отменявший телесные наказания в деревне и в

[1] Мартов, История РСДРП, стр. 93—94.

войске и освобождавший крестьянство от выплаты 127 млн. руб. выкупных платежей. 13 августа выпущен манифест об открытии финляндского сейма. 26 августа министром внутренних дел назначен князь Святополк-Мирский, имевший репутацию либерала. Началась так называемая эпоха «доверия» или «весны» [1]; даже убийца Плеве Сазонов вопреки всем прецедентам не был казнен. Конечно Святополк-Мирскому было далеко и до настоящего либерала. Эта «беспомощная барская фигура в жандармских аксельбантах», представлявшая «новый курс» царизма, неспособна была к какой бы то ни было самостоятельной политике.

Но уже одно «отсутствие определенной программы» в известной степени отличало «эпоху» Святополк-Мирского от эпохи Плеве, который имел твердую реакционную программу и беспощадно подавлял всякие проявления общественного движения. Как бы ни был неустойчив, неопределенен «новый курс», все же он дал возможность открыто проявиться оппозиционному настроению. Новое министерство смотрело сквозь пальцы на собрания либералов и на их оппозиционные высказывания. В такой обстановке последние могли развернуть свое движение без боязни полицейского разгрома.

Движение либеральных кругов оформилось в виде так называемой «банкетной кампании», которая приурочивалась к сорокалетию судебной реформы. Инициатива создания этой кампании принадлежала заграничному съезду группы «Освобождения». Кампания проводилась в закрытых помещениях, доступ в которые был затруднен высокой входной платой. За роскошно убранными столами, закусывая и выпивая, либеральные господа вели политические беседы. Произносились речи, провозглашались тосты, стлался пьяный туман из винных паров и непривычных слов. Но даже в пьяном тумане либеральные господа не забывали о своем классовом существе. Банкетная публика не призывала к насильственному свержению царизма. Она только нащупывала, каких уступок можно добиться от самодержавия.

Центральным моментом движения явился съезд председателей земских управ 6—9 ноября 1904 г. Съезд собрался при явном попустительстве полиции, которая вначале разрешила съезд, потом запретила, но не провела своего запрещения в жизнь. Ноябрьский съезд в высшей степени показателен для трусливости и половинчатости земско-либерального движения. Главным вопросом съезда был вопрос о государственном устройстве. Большинство съезда, находившееся под влиянием «освобожденцев», высказалось за необходимость созыва народных представителей с решающими правами, меньшинство ограничилось требованием созыва народных представителей с совещательными правами.

Печать ограниченности и нерешительности лежала на обоих крылах одинаково. И большинство и меньшинство одинаково избегали даже слова «конституция», не то что «революция». Необходимость созыва народных представителей они формулировали следующим образом:

«Для создания и сохранения всегда живого тесного общения и единения государственной власти с обществом, на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни, безусловно необходимо...»

---

[1] Этим именем, приобретшим большую популярность, назвал издатель «Нового времени» Суворин «эпоху сближения власти с народом».

Дальше большинство и меньшинство разошлись и дали разные формулировки «необходимого».

Формулировка большинства:

«...правильное участие народного правительства как особого выборного учреждения в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации».

Формулировка меньшинства:

«...правильное участие в законодательстве народного представительства как особого выборного учреждения».

Крайне характерно для либерализма то, что в протоколе были зафиксированы на равных правах обе формулировки. Это проливает еще больше света на физиономию большинства.

ЗЕМСКИЙ СЪЕЗД В ПЕТЕРБУРГЕ 6—9 НОЯБРЯ 1904 г.

Земский съезд, происходивший 6—9 ноября (во время «правительственной весны»), признал необходимым «участие народного представительства в осуществлении законодательной власти», другими словами, либеральные помещики попросили конституции.

ПРЕЗИДИУМ СЪЕЗДА

Шипов Д. И.
Лидер правого крыла (меньшинства) съезда, славянофил, председатель.

Князь Львов Г. Е. и Петрункевич И. И.
Члены «Союза освобождения», лидеры левого крыла (большинства) съезда, товарищи председателя.

Земский съезд сформулировал, сколько запрашивает «общество» от «государства», за какую цену готово оно оставить разговоры о «свободе» и перестать угрожать грядущей революцией. Что наше выражение «запрос» и «цена» не насильно притянуты к делу, показывают известные дальнейшие переговоры либералов с правительством об образовании министерства. Да и сами господа либералы в это время проговаривались даже в нелегальных изданиях. Так, в протоколе собрания бакинской «Группы общественных деятелей», отпечатанном в типографии партии с.-р., можно прочитать следующее:

«Если правительство от созыва подобного собрания откажется, то съезд должен предъявить известный минимум всеми признанных политических требований, который вместе с тем должен составлять максимум уступок, которые он может сделать правительству».

Чем же является этот «минимум требований — максимум уступок», как не запросом, ценой?

Провинциальные земские собрания не шли дальше съездовской резолюции. Большинство из них стояло на платформе меньшинства съезда и даже правее. Вырабатываемые адреса в общем носили верноподданнический характер робких просьб и советов.

«Лучшие люди, облеченные доверием вашего величества и доверием общества, сплотятся вокруг великого престола, готовые защищать его от врагов твердого порядка»,

писало калужское земство. А симбирское земство приняло прямо реакционный адрес, находя, что конституционные стремления представляют собой

«преступное уклонение от основных начал русской государственности» и что «в единении с самодержавным царем православная Русь искони черпает ту необходимую мощь, которая заставит смириться и внутреннего и внешнего врага».

Истинный характер движения — недемократичность, робкая половинчатость, боязнь революции, стремление урвать маленький кусочек свободы для привилегированного меньшинства и даже обещание защищать «твердый порядок» — обнаружились сразу. Нечего и говорить, что рабочий и аграрный вопросы — этот «гвоздь эпохи» — обходились молчанием.

Несколько более левую позицию заняла радикальная буржуазная интеллигенция. Интеллигентские собрания в период «банкетной кампании» в общем шли дальше земских. По вычислениям Череванина, около трети зарегистрированных интеллигентских выступлений выдвинули требование созыва учредительного собрания. Около половины стояли на платформе большинства земского съезда и лишь менее четверти — правее земской резолюции.

Несмотря на несколько большую демократичность движение буржуазной интеллигенции, конечно, оставалось в тех же общих рамках, что и дворянско-земское. Если известная часть интеллигенции и дошла до идеи учредительного собрания, то она при этом не представляла себе, что учредительное собрание может быть создано только путем прямой борьбы с царским правительством и свержением его. И земцы и дипломированная интеллигенция обращались не к народу с призывом к борьбе, а к самодержавию с просьбой о милостях. Народ нужен был либерализму только как пугало, для того чтобы запугать правящие круги, пригрозить им перспективой революции и тем вынудить их к уступкам. Но в основном русский либерализм никогда не переставал чувствовать свою классовую близость к старому порядку и отчужденность от революции. Очень яркий образец подлинных переживаний либерализма дал кн. Е. Трубецкой, писавший в сентябре 1904 г.:

«Бюрократизм с его девизом «разделяй и властвуй» влечет за собой опасность не только внешнюю, но и внутреннюю. Он ведет к разобщению и дезорганизации одних только умеренных слоев общества. Крайние партии захватили в свои руки монополию организации. Благодаря нашим законам о печати и деятельности нашей цензуры, им же принадлежит в настоящее время монополия свободного слова, в то время как люди умеренные вынуждены молчать за невозможностью высказываться в легальных органах печати; нелегальные листки у нас наводняют улицы, а влияние их, ничем не будучи сдержано, растет не по дням, а по часам. Неужели же в этом заключается цель наших законов о цензуре и печати? Неужели мы не видим вытекающей отсюда грозной опасности и неужели мы когда-нибудь встретим ее так же, как были нами встречены однажды японские миноносцы в Порт-Артуре? В настоящий критический момент русской истории, когда мы боремся с грозным внешним врагом, забота о сохранении мира внутреннего должна стоять для нас на первом плане. Бюрократия и общество не должны стоять друг против друга, как два враждебные лагеря, а соединиться в служении общим национальным целям. Бюрократия у нас, как и везде, составляет необходимый элемент государственной жизни; но чтобы быть на высоте своей задачи, она сама должна пропитаться общественным духом и подчинить свою деятельность об-

щественным целям. Она должна стать доступной общественному контролю и править с обществом, а не вопреки обществу. Она должна быть не владыкой над безгласным стадом, а орудием престола, опирающегося на общество.

Г. министр внутренних дел на-днях говорил о необходимости доверия правительства к обществу. В добрый час. Приветствуя эти слова, пожелаем от души, чтобы они поскорее стали делом. Пусть только смелее и громче раздается призыв к обществу; тогда мы вступим на единственно спасительный для нас путь национального обновления, тогда нам нечего бояться ни внешнего, ни внутреннего врага. И престол, собравший вокруг себя землю, будет славен, велик и силен» [1].

Маститый либеральный профессор выдает себя с головой. Трудно представить себе более откровенное контрреволюционное выступление.

Только на фоне самой мертвой и дикой реакции либеральное движение могло играть кое-какую прогрессивную роль и производить впечатление чего-то похожего на освободительное движение.

Струве, который в начале века усомнился в возможности гегемонии пролетариата, в это время пришел к окончательному выводу, что в России нет революционного народа, что единственной живой силой в России является либерализм. Меньшевики, несмотря на значительное расстояние, отделявшее их от Струве, в этом вопросе двинулись в его сторону, не делая, разумеется, такого крайнего вывода, но явно переоценивая силу и значение либерального движения и недооценивая массовое движение. В этом отношении не обманывало себя только царское правительство, которое иногда проявляло здравый смысл и проницательность. Как оценивал царизм силу российского либерализма, показывают правительственные указы от 12 и 14 декабря 1904 г. В них не заключалось ничего положительного, кроме общих обещаний смягчения режима, «устроения крестьянской жизни» и т. п. О созыве народных представителей ни слова. Черниговскому земству сделан выговор за дерзость и бестактность. «Эпоха доверия» приходила к концу. Не видя пока за словами либералов реальной, готовой к борьбе силы, правительство решило стать на испытанный реакционный путь.

Слова либералов так и остались записанными в историю как пустые бессильные слова, не имевшие никаких последствий. Революцию начал пролетариат. Уже в декабре 1904 г. началась упорная двадцатидневная стачка в Баку. И совсем недалеко был великий исторический день, когда в кровавом столкновении самодержавие увидело силу пролетариата, а пролетариат увидел подлость самодержавия. Этот день был — 9 января.

ж) ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Угнетение «инородцев» и «иноверцев» издавна составляло одну из характерных черт политики царского правительства. Империя Романовых была построена путем завоеваний, присоединивших к Московской Руси громадную территорию, населенную самыми разнообразными национальностями. Среди них были национальности с относительно высоко развитой европейской куль-

[1] «Право» № 39, 26/IX 1904 г., ст. «Война и бюрократия».

турой, как например финны или поляки, и национальности очень отсталые, как например народы востока России, Сибири и отчасти Кавказа. Но по отношению к тем и другим царизм всегда проводил в общем и целом одну и ту же политику зажима, эксплоатации и угнетения. Само собой разумеется, что эта политика имела различные конкретные проявления в зависимости от различного характера национальностей, населявших Россию. Наибольшей относительной национальной свободой пользовалась Финляндия, присоединенная к России на началах автономии, грубо нарушенной Николаем II манифестом 15 февраля 1899 г. [1]. Все другие народы находились полностью под властью царизма и испытывали на себе его руссификаторскую политику. Украинцам и белоруссам было запрещено печатать что-либо на их языке и считать себя самостоятельными национальностями. Достаточно настойчивый руссификаторский нажим испытали также поляки, в стране которых государственным языком был русский. Евреи были лишены элементарных гражданских прав. Они не имели права заниматься сельским хозяйством и могли жить только в городах западной России, в пределах так называемой «черты оседлости». Не имели евреи также права состоять на государственной службе. Доступ в среднюю и высшую школу был им затруднен «процентной нормой». Царизм, используя печать, школу и церковь, систематически разжигал ненависть к евреям и способствовал устройству еврейских погромов, которые уносили много жертв. На Кавказе царизм точно так же натравливал одну часть населения на другую — в особенности татар и армян. В отношении остальных народностей проводилась линия жестокой эксплоатации их и лишения возможности культурного развития [2]. Но не только в отношении к «чужим» народам проводил царизм свою политику угнетения. Староверы, молокане, духоборы, штундисты (баптисты) и другие религиозные секты, состоявшие большей частью из русских и украинских крестьян, подвергались самым жестоким преследованиям, вынуждавшим их даже оставлять Россию и массами (духоборы) переселяться в Америку.

Все черты этой политики, издавна в том или ином виде практиковавшиеся царизмом, были еще более усилены правительством Николая II. Несомненно, что в смысле развития революционного движения и подготовки революции национальная политика царизма имела большое значение. Она вызывала протест угнетенных народов, обостряла их национальные чувства, толкала на путь борьбы со своими угнетателями. В социальном отношении национальное движение теснейшим образом было связано с общим движением буржуазной революции против пережитков крепостничества. Оно придавало еще больший размах революционному движению против царизма, увеличивая его силы. Но, с другой стороны, Ленин, отмечая чрезвычайно важное значение национального движения против царизма, не упускает из виду сопутствую-

---

[1] В статье «Протест финляндского народа» Ленин писал об этом манифесте: «Это — насилие клятвопреступника с шайкой башибузуков, которое называется царским правительством», Соч., т. IV, стр. 335 — 338.

[2] Экономическую основу такой политики прекрасно выяснил Ленин в «Развитии капитализма в России», Соч., т. III, стр. 465, примечание.

щего этому движению развития вредных центробежных сил [1]. Характер и значение национальных движений в революции 1905 г. будут освещены в последующих главах. Однако здесь нужно подчеркнуть огромное значение, которое придавал Ленин «натиску на самодержавие» со стороны угнетенных национальностей в общей сумме противоречий, приводивших Россию к буржуазной революции.

в) ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС САМОДЕРЖАВИЯ.

Картина экономического процесса и противоречий классовых интересов, приведших к революции 1905 г., должна быть дополнена картиной общей политики господствующего класса. Известно, что к числу необходимых признаков всякой революционной ситуации Ленин относил, помимо основного социального кризиса, кризис правительственной власти. Для наступления революции необходим «тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорываются недовольство и возмущение угнетенных классов», писал Ленин в 1915 г. в статье «Крах II Интернационала» [2]. Та же мысль была им более коротко выражена в «Детской болезни» левизны» (1920 г.):

«Революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса» [3].

И действительно, революция 1905 г. началась в обстановке серьезного общероссийского кризиса, который был непосредственно создан политикой царского правительства. Если в середине XIX в. самодержавие достаточно искусно маневрировало, чтобы сохранить свое положение непоколебимым на несколько десятилетий, то накануне революции 1905 г. оно не обнаружило достаточного искусства и гибкости. Желание сохранить все и не дать ничего определяло его политику в этот период. Русские помещики не хотели поступаться своим имуществом и привилегиями. Николай II не хотел отступать от пути Александра III.

«Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»[4].

Так определил Николай свое политическое кредо в начале своего царствования. И все десятилетие, протекшее от времени провозглашения этой программы до начала революции, было заполнено отчаянной борьбой самодержавия с крепнувшим революционным и оппозиционным движением.

В 1899 г. была усилена полиция при фабриках и заводах. Вновь введено было в действие положение об усиленной охране. Аресты, ссылки стали производиться во все возрастающем количестве. Число заключенных и ссыль-

---

[1] См. об этом нижецитируемый ленинский документ на стр. 62.

[2] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 244.

[3] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 223.

[4] Полное собрание речей императора Николая II, Спб. днигоиздательство «Друг народа» 1906 г., стр. 7.

ных с 1900 по 1903 г. возросло почти в 10 раз. Все более крутые меры, вплоть до массовых расстрелов, начали применяться по отношению к массовым демонстрациям. Особенно суровые репрессии были применены при подавлении крестьянского движения 1902 г. В частности в связи с этим движением были введены в 46 губерниях Европейской России сельские стражники.

Как серьезно относилось правительство к задачам политического нажима, показывает быстрое увеличение расходов на тайную полицейскую агентуру. С 330 тыс. руб. в 1894 г. соответствующие кредиты возросли до 1 424 737 руб. в 1903 г. Министерство внутренних дел в своих «Соображениях» давало интересную мотивировку необходимости увеличения кредитов:

«В предыдущие годы в деле борьбы с революционным движением соблюдалась строгая экономия в надежде пресечь противоправительственное движение без особо крупных затрат казны, но эта сдержанность в расходах дала возможность противоправительственным элементам организоваться в довольно внушительную силу, с которой министерству внутренних дел необходимо считаться» [1].

Усилен был также национальный и религиозный гнет. Для кризиса и внутренней слабости царизма характерно, что политика репрессий и жесточайшего террора сплошь и рядом соединялась с демагогическими приемами и реформаторскими попытками. Общеизвестны, например, сущность и значение зубатовщины. Не менее показательны в этом отношении и те мероприятия, которые принимает правительство наряду с жестоким подавлением аграрного движения и к изменению положения в деревне. Так, например, в этот период были проведены известные податные льготы для крестьянства (значение которых было, между прочим, сведено на-нет увеличением косвенных налогов). Была отменена круговая порука в деревне (12 марта 1903 г.). Для подготовки некоторых весьма умеренных реформ было создано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» под председательством Витте (с 22 марта 1902 г.). Но никакого серьезного влияния это «совещание» не имело. В общей исторической перспективе все эти «четверть-реформы» стушевывались перед основной определяющей линией правительственной политики — *ничего не давать, ничего не позволять*.

В особенности яркой становится эта политика в 1903 г. с назначением Плеве министром внутренних дел. Воспитанник эпохи Александра III, Плеве осуществлял старую программу: «самодержавие, православие, народность». Туже была притянута средневековая черта оседлости, шире стала применяться политика провоцирования еврейских погромов. Кишиневский погром особенно памятен в истории этих лет. В отличие от прежних времен погромы направлялись уже не только против евреев, но и против «студентов», против «забастовщиков» и всех вообще, кто мог быть причастен к революции. Само собой разумеется, что репрессии не могли приостановить революционного движения. Нараставшие социальные противоречия были настолько остры, что могли получить свое разрешение только в решительной классовой схватке. Ответное боевое выступление революционных масс приближалось и было осуще-

[1] Летучий листок «Друзей освобождения» № 11, 4 марта 1904 г.

ствлено в тот момент, когда обнаружились признаки слабости правительственной власти, когда разразился правительственный кризис.

Этот кризис власти, «общенациональный кризис» обнаружился и во внешней политике царизма — в русско-японской войне. Русско-японская война была естественным продуктом той колониальной политики, которую в течение нескольких веков вело российское самодержавное государство. Главной целью, которой Россия стремилась достигнуть на Дальнем Востоке, было приобретение незамерзающего порта на тихоокеанском побережьи и обеспечение сообщения этого порта по суше с внутренними частями России. Первая часть этого плана благодаря благоприятной международной обстановке (японско-китайская война, «восстание боксеров») была выполнена с успехом. «Арендованный» на 99 лет Порт-Артур удовлетворял своему назначению опорного пункта на Тихом океане. Но при выполнении второй части плана, для успешного завершения которого требовалось подчинить монопольному русскому влиянию всю Манчжурию (по проекту генерала Куропаткина она должна была стать «Желтороссией»), русское правительство наткнулось на непреодолимые препятствия. Молодая капиталистическая Япония, недавно вышедшая на мировую арену истории, предъявила решительное требование об очищении Манчжурии, оккупированной русскими войсками. Никакие переговоры, никакие контрпредложения, вроде отказа от всяких притязаний на Корею, не могли заставить Японию отказаться от своего требования. В данном случае это было требованием англо-американского блока, который являлся подлинным закулисным руководителем всего конфликта. Выпустить из рук уже захваченный лакомый кусок Россия не захотела, и война началась (1904 г.).

Нет никакого сомнения, что в военной истории русского самодержавия русско-японская война является самой яркой страницей, обнаружившей всю глубину разложения царизма. Уже весь ход событий, предшествовавший войне, ход переговоров как нельзя более ясно вскрыли это разложение. Несмотря на всю определенность своих захватнических замыслов и на явную неизбежность войны, царская Россия к этой войне не была готова; в то же время в правительственном лагере произошел раскол. Официальные органы, как министерство иностранных дел и военное министерство, старались избежать войны, чувствуя неподготовленность России. Но вокруг царя сплотилась клика, которая, действуя помимо официальных органов, привела к войне. Большую роль сыграла позиция Плеве, который, как бравый полицейский, надеялся «маленькой победоносной войной» отвлечь внимание масс от социальных вопросов и потушить начинающуюся революцию.

Но «маленькая победоносная война», которой хотел Плеве, оказалась решительным разгромом военной силы царизма.

Русские войска потерпели ряд и очень тяжелых поражений и на суше и на море. Война была проиграна и проиграна позорно для царского самодержавия и национального самолюбия. Получилось обратное тому, чего хотел Плеве.

Мы останавливались в самых общих чертах на причинах русско-японской войны и ее характере. Необходимо отметить, что эти причины во всяком случае нельзя представлять себе упрощенно, сводя все к планам авантюри-

стской клики, сплотившейся вокруг царя. Если часть правящих кругов высказывалась против войны, то только из соображений о неподготовленности России. Политика захвата на Дальнем Востоке ими разделялась полностью. В этой политике была заинтересована и буржуазия. Энгельс еще в 1891 г. отмечал захватнические настроения русской буржуазии, связанные со слабостью внутреннего рынка.

«Громадные барыши, обеспеченные молодой русской буржуазии, и зависимость этих барышей от благоприятной жатвы, так хорошо выясненная в вашем исследовании, объясняют мне много вещей, которые иначе казались бы очень темными. Так, например, как должен был бы я растолковать себе нижеследующее утверждение, прочитанное мною сегодня утром в корреспонденции из Одессы в одну из лондонских газет: русские коммерческие классы, повидимому, находятся в эту минуту под властью одной господствующей идеи, а именно, — что война есть единственное действительное лекарство от того состояния угнетенности и отсутствия кредита, которым страдают в эту минуту все отрасли русской промышленности. Как должен был бы я понять и объяснить себе эту фазу, если бы я не знал этой полнейшей зависимости, искусственно созданной тарифами промышленности от внутренних рынков, а следовательно и от характера жатвы в земледельческих округах, так как от нее зависит покупательная сила единственных приобретателей продуктов этой промышленности! А раз этот рынок ускользает вследствие плохого урожая, то что может быть естественнее для наивных людей, как не добиваться расширения рынка путем успешной войны?» [1].

В русско-японской войне были также глубочайшим образом замешаны интересы мирового империализма основных соперников того времени — Англии и Германии. Мы не останавливаемся на всех этих вопросах, поскольку нас интересует прежде всего вопрос о влиянии войны на развитие внутреннего политического кризиса в России.

В деле развязывания надвигавшейся революции русско-японская война сыграла громадную роль. «Как разрушительные силы природы способствуют нередко творческой деятельности человека, так и эта кровавая, гибельная война расчищала путь для русской революции», писал Ленин в сентябре 1905 г.

Каковы же конкретно были те последствия войны, которые приближали взрыв революции и усиливали ее позиции?

Ряд непрерывных позорнейших поражений вскрыл всю гнилость самодержавного государственного аппарата и показал фактическую слабость его вооруженой силы. Ореол непобедимости и могущества, которым был раньше увенчан царизм, развеялся как дым.

«Гроб повапленный, — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности».

Писал Лени [2].

Вследствие этого пало значение царизма как военной диктатуры охранителей помещичьей и капиталистической собственности. Господствующие классы почувствовали неудовлетворение, подобное тому, какое испытывает хозяин, видя неумелость слуги.

---

[1] Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю — ону, Спб. 1908 г., стр. 62—63.

[2] Ленин, Падение Порт-Артура, Соч., т. VII, стр. 48.

Пролетарии всех странъ, соединяйтесь!

НОВАЯ МОБИЛИЗАЦІЯ [1].

Опять объявлена мобилизація!
Опять польются рѣки дѣтских и бабьихъ слезъ.

Не проходитъ и мѣсяца, какъ царь снова и снова гонитъ народъ на войну: нет конца и краю! Ненасытна война, льется тамъ кровь, рвется въ куски человѣческое тѣло, гибнутъ солдаты отъ страшныхъ болѣзней, отъ голода, отъ ядовитой гнилой пищи, тонутъ в грязи, падаютъ въ изнеможеніи подъ жгучимъ солнцемъ.

И на смѣну имъ нужны все новые полки!

Кормильцевъ гонятъ на злую участь, а на оставшихся налагаютъ новые налоги на содержаніе покинутыхъ голодныхъ семействъ.

И всѣ эти страшныя жертвы ни къ чему! Царское правительство такъ плохо снарядило флотъ и армію, что корабли наши тонутъ при всякой стычкѣ, войско наше несмотря на храбрость нашихъ солдатъ бьютъ и скоро окончательно прогонятъ русскихъ изъ Портъ-Артура и Манчжуріи.

А нужны ли они намъ? Стоило ли изъ-за нихъ кровь проливать? Кому понадобились эти не наши, а китайскія земли? Развѣ мало у насъ своихъ?

Нѣт, Россія—самая обширная страна в мірe и если беднымъ въ ней тѣсно, то только потому, что правительство и богатые захватили земли.

Нужна Манчжурія и заарендованный у китайцевъ Портъ-Артуръ только царскому правительству, которое хотѣло показать всему міру свою силу, доказать, что хоть и разорило оно народъ, а все же могуче и грозно, и что заграничные банкиры могутъ смѣло давать ему взаймы деньги на его нужды.

Только небольш й кучкѣ крупныхъ фабрикантовъ и банкировъ понадобились новые рынки. Только царскимъ чиновникамъ и приспѣшникамъ понадобилось насѣдать на Японію, довести ее до крайности, заставить взяться за оружіе. И вотъ теперь народъ платитъ своею жизнью за царское хищничество! Да еще оказалось, что войска и кормятъ дурно, и вооружены они плохо, и управлять ими не умѣютъ!

Только на то теперь и разсчитываютъ, что будутъ гнать одно войско за другимъ: пусть умираетъ русскій народъ, авось возьмемъ верхъ тѣмъ, что без конца будемъ подставлять все новые груди подъ японскія пули.

Но не станемъ же мы терпѣть этого! Не бойный мы скотъ для царя, не мясо для пушек!

Довольно! ДОЛОЙ ВОЙНУ!

Призывные, запасные! Не идите на призывъ сами; пусть тащутъ туда васъ силой царскіе слуги,—а потащутъ—пусть берутъ женъ и дѣтей!

Матери и жены запасныхъ, не отпускайте кормильцевъ на смерть, царю на потѣху! Идите за ними, требуйте, чтобы васъ не разлучали. А соберетесь большой толпой — смѣло кричите: „не хотимъ воевать!“.

Товарищи рабочіе! на васъ лежитъ свѣтлый долгъ стать во главѣ народа, который защищаетъ жизнь свою от царской преступной воли.

Рабочіе! Всюду учите народъ требовать мира, разъясняйте, что война — одно зло для него, зло губительное, учите протестовать противъ злодѣйскаго правительства, учите требовать созыва учредительнаго собранія, т. е. представителей народа для учрежденія новаго свободнаго народоправленія.

На царскую мобилизацію мы отвѣтимъ иною: мы мобилизуемъ всѣ силы рабочаго класса и поведемъ не противъ японцевъ, а противъ злѣйшаго врага Россіи — царскаго правительства!

ДОЛОЙ ВОЙНУ! ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВІЕ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ!

Центральный Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

---

[1] Одна из прокламаций РСДРП по поводу войны.

Военное поражение царизма нашло живой отклик у западно-европейской буржуазии. С неподдельным ужасом смотрела она на быстро развивавшуюся катастрофу:

«Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный «порядок», царской власти. Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата» [1].

В плане этой статьи Ленин сделал характерное замечание по поводу западно-европейской буржуазии:

«Прежде недооценивали революции в России, теперь даже за себя боятся» [2].

Поражение царизма и приближавшаяся русская революция приобретали таким образом громадное международное значение [3]. Известно, какое колоссальное значение придавал тогда русской революции в смысле связи ее с революцией общеевропейской II Интернационал и в частности Каутский.

Еще в 1902 г. он поместил в «Искре» статью «Славяне и революция» [4], в которой приходил к заключению, что если «в 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны», то «быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собой новую счастливую весну для народов». В 1906 г. Каутский еще конкретнее подчеркивал особенности и значение России как страны, принесшей грандиозную революцию. Он писал:

«В настоящее время существует целый ряд стран, в которых капитализм господствует над всей экономической жизнью, но ни в одной из этих стран все стороны капиталистического способа производства не развиты в одинаковой мере. Существует два государства, диаметрально противоположных друг другу: в одном из них непомерно, т. е. несоответственно высоте капиталистического способа производства, развит один из элементов последнего, в другом — другой: в Америке — класс капиталистов, в России — пролетариат.

В Америке с бо́льшим, чем где бы то ни было, основанием можно говорить о диктатуре капитала, а борющийся пролетариат нигде не приобретал такого значения, как в России, и это значение должно увеличиться и несомненно увеличится, ибо эта страна лишь недавно стала принимать участие в современной классовой борьбе и лишь недавно дала для этой борьбы некоторый простор» [5].

В связи с этим Каутский говорит о том, что именно русский пролетариат покажет дорогу вперед к революции германскому пролетариату.

---

[1] Ленин, Соч., т. VI, стр. 44—45.

[2] Ленинский сборник, V, стр. 59.

[3] О международном значении русской революции см. ниже, гл. III наст. тома. — *Ред.*

[4] «Искра» № 18, 10/III 1902 г.

[5] К. Каутский, Американский и русский рабочий, Спб. 1906 г., стр. 4

«Экономика Германии более всего приближается к американской, политика же — к русской, поэтому обе эти страны показывают нам наше будущее: оно будет носить полурусский, полуамериканский характер. Чем лучше мы изучим Россию и Америку, чем лучше поймем ту и другую, тем яснее сделается для нас наше будущее. Брать за образец одну лишь Америку было бы настолько же ошибочно, как и одну Россию.

В самом деле, чрезвычайно странно, что именно русский пролетариат укажет нам наше будущее, поскольку оно выражается не в организации капитала, а в протесте рабочего класса. Россия — наиболее отсталое из всех больших государств капиталистического мира: это как будто противоречит материалистическому пониманию истории, согласно которому экономическое развитие служит основой политического; но в сущности оно противоречит лишь такому материалистическому пониманию истории, какое изображают наши противники и критики, видящие в нем не метод исследования, а лишь готовый шаблон. Они отвергают материалистическое понимание истории потому, что не в состоянии понять его и успешно им пользоваться» [1].

Мысли Каутского представляют большой интерес. Они ярче оттеняют глубину последующего падения «апостола мировой буржуазии».

Россия действительно выдвигалась на первый план мировой истории. Как страна с наиболее острыми классовыми противоречиями, стоящая посредине между «Западом» и «Востоком», страна с назревшей революцией, она показывала другим странам их будущее. Опыт русской революции был использован как западно-европейским пролетариатом, так и международной реакцией. Нетрудно видеть, как использует в наше время фашистская буржуазия опыт царских черных сотен и как тянутся, с другой стороны, международный революционный пролетариат и угнетенные народы колониальных стран к усвоению опыта ленинской партии. Все это, разумеется, в общей перспективе, в свете опыта обеих русских революций.

Поражение царизма в войне против Японии было первым значительным этапом в этом направлении, получившим широкую международную известность и привлекшим к себе всеобщее внимание.

Внутри России это поражение царизма имело то значение, что народные массы увидели слабость векового врага, начали привыкать к мысли о возможности и своей победы над ним. Вместе с тем война, показав слабость царизма, продолжала его все более и более ослаблять. Постоянные поражения и неверие в победу дезорганизовывали армию. Призыв на военную службу запасных давал оружие в руки совсем «ненадежных» элементов.

Особенно важным и наиболее значительным в смысле приближения революции было влияние войны на экономическое положение страны и на государственные финансы. Если накануне войны свободная наличность казначейства насчитывала 381 млн. руб., то с началом войны эти суммы растаяли. Государственный долг России увеличился за время войны на 2 млрд. руб. В 1905 г. царизм испытывал несомненный финансовый кризис. Большое потрясение внесла война в экономическую жизнь страны. Если в 1903 г. в общем наметилось некоторое улучшение после промышленного кризиса, то с второй половины 1904 г. под влиянием войны опять начинается ухудшение. Особенное расстройство испытывает транспорт, вынужденный работать на нужды войны.

---

[1] Там же, стр. 4.

Вследствие расстройства транспорта дезорганизуется товарооборот. Ряд промышленных отраслей испытывает затруднения в производстве и в сбыте. Россия вступает в полосу затяжного экономического застоя, связь которого с войной тем более ясна, что мировое хозяйство, с которым Россия уже была связана и циклы которого она повторяла, в этот период вступило в стадию подъема. Как это всегда бывает, ухудшение промышленной конъюнктуры ударило по рабочему классу, а возраставшая дороговизна затронула самые широкие народные массы. К началу 1905 г. обычная нищета и лишения масс, которые в царской России являлись нормальным явлением, резко обострились и были ближайшей причиной их решительного выступления.

В общем и целом неудачная война несомненно обострила революционную ситуацию. Внешняя политика правительства, являющаяся естественным продолжением внутренней, потерпела решительный крах. Это означало крах всей правительственной политики в целом. «Общенациональный кризис», затрагивающий и «верхи» и «низы» и являющийся, с точки зрения Ленина, необходимым условием возникновения революции, был налицо.

Итак, вопрос о социально-экономических предпосылках революции 1905 г. можно коротко резюмировать следующим образом. К 1905 г. в России создался «общенациональный и «верхи» и «низы» затрагивающий» кризис, который должен был завершиться революцией. Небывалое поражение России в войне с Японией демонстрировало крах вековой политики царизма и обострило существовавшие классовые противоречия, которые и без того были необычайно остры. В их основе лежало противоречие между капиталистическим развитием производительных сил и полукрепостными производственными отношениями. Разрешение этих противоречий могло итти двумя путями капиталистического развития России — революционным (рабоче-крестьянским, «американским») и нереволюционным (помещичье-буржуазным, «прусским») путем. Революция должна была решить, по какому из этих путей пойдет Россия.

Ленин в самом начале 1905 г. поставил перед собой этот вопрос о двух путях и о шансах каждого из них. Он писал:

«Важный вопрос относительно русской революции состоит вот в чем:

1) дойдет ли она до п о л н о г о свержения царского правительства, до республики?

2) или ограничится урезкой, ограничением царской власти, монархической конституцией?

Или иначе: суждена ли нам революция типа 1789 или типа 1848 гг.[1]? (говорим: т и п а, чтобы устранить нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей социальной, политической и международной ситуации 1789 и 1848 гг.).

Что социал-демократ должен желать и д о б и в а т ь с я первого, в этом вряд ли возможны сомнения...

Спрашивается, какой тип вероятнее?

За 1 говорит (1) несравненно больший запас озлобления, революционности в русских низших классах, чем в Германии 1848 г. У нас перелом к р у ч е, у нас между самодержавием и политической свободой не было и нет н и к а к и х промежуточных ступеней (земство не в

[1] NB. Тут могут добавить — «или 1871 г.». Надо рассмотреть этот вопрос как вероятное в о з р а ж е н и е нам со стороны многих социал-демократов.

счет), у нас деспотизм азиатски девственен. (2) У нас несчастная война делает еще более вероятным р е з к и й крах, ибо она запутывает царское правительство до конца. (3) У нас международная конъюнктура выгоднее, ибо пролетарская Европа сделает помощь русской монархии со стороны монархов европейских невозможной. (4) У нас развитие сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 гг. (5) У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей, поляки, финляндцы и т. д., делают натиск на самодержавие особенно энергичным. (6) У нас крестьянство особенно разорено, обнищало невероятно и ему уже абсолютно терять нечего.

Все эти соображения конечно далеко не абсолютны. Им можно противопоставить другие: (1) Остатков феодализма у нас очень мало. (2) Правительство опытнее и располагает большими средствами распознания революционной опасности. (3) Война осложняет непосредственность революционного взрыва посторонними по отношению к революции задачами. Война доказывает слабость русских революционных классов, которые без войны не в силах подняться (сравнить Карл Каутский в «Социальной революции»). (4) Из других стран толчка к перевороту у нас нет. (5) Национальные движения к раздроблению России способны оторвать от нашей революции массу крупной и мелкой буржуазии русской. (6) Антагонизм пролетариата и буржуазии у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 гг., поэтому буржуазия будет больше бояться п р о л е т а р с к о й революции и скорее бросится в объятия реакции» [1].

Из всего этого Ленин делал следующий вывод:

«Учесть все эти плюсы и минусы сможет, конечно, только история. Наше дело, социал-демократии, т о л к а т ь буржуазную революцию как можно дальше, никогда не забывая г л а в н о г о нашего дела: самостоятельной организации пролетариата» [2].

Следовательно, только б о р ь б а, решительная революционная борьба могла решить основной вопрос русской истории. Но, чтобы вести эту борьбу, надо было наметить соответствующую тактическую линию. Вопрос о тактической линии, следовательно, был основным вопросом, который должна была разрешить социал-демократическая партия. Как разрешала она этот вопрос, какие разногласия возникали при этом в ней, — обо всем этом говорят следующие главы.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 181, 182.

[2] Там же, стр. 182.

ВОПРОСНИК-ПЛАН КО II ГЛАВЕ.

ЭПОХА РАСКОЛА.

I. Партия после II съезда.

а) Отказ меньшевиков от работы и их фракционное оформление.
б) Съезд заграничной лиги и поворот Плеханова к меньшевикам.
в) Борьба меньшевиков за овладение центр. учрежд. партии.

II. Принципиальная позиция меньшевизма.

а) Роль Аксельрода, Плеханова и Троцкого в деле выработки принципиальной платформы меньшевизма.

б) Тактическая платформа новой «Искры» в этот период: оценка движущих сил предстоящей революции; вопрос о гегемонии пролетариата; вопросы революционной тактики.

III. Борьба Ленина и большевиков за партию против меньшевизма и примиренчества.

а) Позиция меньшинства после овладения центральными учреждениями партии.
б) Этапы ленинской борьбы за новый съезд.
в) Позиция примиренческого ЦК.

Заключение.

Итоги борьбы и организационное оформление большевизма для ликвидации раскола.

ЛИТЕРАТУРА:

Основной является работа Ленина «Шаг вперед, два шага назад», остальную литературу см. в тексте.

ГЛАВА II.

ЭПОХА РАСКОЛА.

Борьба за партию против дезорганизаторской работы меньшевизма и примиренчества в рядах большевиков.

а) ВВЕДЕНИЕ

Второй съезд партии не только не ликвидировал «периода разброда и шатаний», но, напротив, после съезда внутрипартийная борьба и разногласия приняли чрезвычайно острый характер. Развитие внутрипартийных отношений вело ко все большему расхождению между «большинством» и «меньшинством», приведшему фактически к открытому расколу. Правда, раскол этот не был окончательным, но он сыграл очень большую роль в истории нашей партии.

То обстоятельство, что революционное большевистское крыло социал-демократии скоро обособилось от оппортунистического меньшевистского крыла и, так сказать, выросло в борьбе с ним, было громадным плюсом для революции. Борьба со всевозможными видами оппортунизма воспитала большевистскую партию, закалила ее, подготовила к историческим экзаменам 1905, 1914 и 1917 гг.

Все эти обстоятельства составляют специфическую особенность истории русской социал-демократии. Революционные и оппортунистические крылья существовали в социал-демократических партиях всех стран. Но ни в одной почти стране до войны 1914 г. расхождение между ними не было настолько решительным и глубоким, как в России. Почти нигде [1] это расхождение не привело к резкому размежеванию, систематической борьбе по всем вопросам революционной политики, организационной самостоятельности. С другой стороны в западно-европейских партиях разделение проходило по иной линии, чем в России. Элементы, родственные большевикам, в Западной Европе насчитывались буквально единицами. Выделение большевистских коммунистических партий из недр западно-европейской социал-демократии — явление позднее, явление отчасти военной, а главным образом послевоенной эпохи, тогда как в России это выделение произошло уже в эпоху первой революции. Нет никакого сомнения, что это обстоятельство в известном отношении предопределило роль большевизма в Коммунистическом интернационале и сделало

[1] Кроме разве Польши и Болгарии.

исторически возможным такой, напр., лозунг, как лозунг «большевизации» молодых коммунистических партий.

Все это заставляет нас отнестись с особым вниманием к той эпохе, которая «произвела на свет» большевизм в России — первую партию, заложившую основы III Интернационала, — в особенности к самому вопросу идейного и организационного размежевания большевиков и меньшевиков. Анализ закономерности этого процесса должен облегчить понимание сущности большевизма, его методов борьбы и т. п. Отдельные периоды сближения и формального объединения не мешали тому, что фактически как большевики, так и меньшевики продолжали существовать как две самостоятельные фракции, почти партии с различными линиями революционной стратегии, тактики и организации. Эти две фракции вели между собой ожесточенную борьбу, имевшую огромное историческое значение. Хотя для данного периода характерны почти исключительно разногласия по организационным вопросам, нужно однако иметь в виду, что и очень серьезные тактические и общепринципиальные разногласия все более и более выходили наружу, по мере того как революционные события надвигались все ближе. Таким образом «маленькие» разногласия с меньшевиками, о которых писал Ленин в брошюре «Шаг вперед, два шага назад», были по сути дела продолжением старых разногласий, имевших место не только между «искровским» крылом партии и экономизмом, но и внутри самих искровцев по вопросам программным и тактическим. Особенность данного периода, выдвинувшего на первый план как «основное звено» организационные задачи — только временно оттесняла, но не прекращала борьбу вокруг вопросов стратегии и тактики. В этом отношении переломным моментом является борьба, развернувшаяся осенью 1904 г. вокруг так наз. меньшевистского «плана земской кампании». Начиная с этого момента, разногласия быстро распространяются на всю область вопросов стратегии и тактики, а позднее (1906 г.) захватывают также и программные вопросы. Однако совершенно нельзя понять предпосылок этого «переломного» периода, если тщательно не изучить его по статьям меньшевистской «Искры» за весь предшествующий период; здесь уже задолго до «земской кампании» давались ответы на важнейшие вопросы предстоящей революции и той роли, которую должен был в ней сыграть пролетариат (таковы: общий вопрос о понимании гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазной революции и связанный с этим вопрос об отношениях к либеральной буржуазии и крестьянству; вопрос о роли партии пролетариата, вопрос об «организации революции», вооруженном восстании и методах его подготовки и т. д.). Все это нашло явно выраженное оппортунистическое освещение на страницах новой «Искры». А если взять не только эти общепринципиальные вопросы, но и конкретно ставшие перед партией проблемы, — отношение к русско-японской войне, к эсеровскому террору, начинавшимся выступлением либералов, рабочему движению, крестьянским волнениям, студенческому движению, как они освещались на страницах «Искры», то можно даже при этом проследить типичные для меньшевиков колебания «справа» «налево», доходившие до курьезных противоречий не только в одном номере газеты, но и у одного и того же автора на протяжении известного периода в освещении одного и того же вопроса. В этом отношении принципиально наиболее

выдержанными и цельными (поскольку вообще можно говорить о принципиальности у меньшевизма) являются писания Аксельрода. Все остальные меньшевики в сущности только так или иначе популяризируют его «идеи».

При этом популяризируют они внешне по-разному: к открытой поддержке либералов зовет уже в этот период Плеханов, к «несуразно левой позиции», в духе своей «знаменитой» перманентной революции, — Троцкий и принимавший довольно близкое участие в делах РСДРП в этот период — Парвус.

Наконец колеблющуюся позицию то в одну то в другую сторону (к Плеханову или Троцкому) развивают главные политические публицисты новой «Искры» — Мартов, Мартынов и Дан. Таким образом «основные» оттенки меньшевизма, с которыми мы встречаемся в первой русской революции, мы можем проследить уже и в этот предшествовавший ей период. Да оно и вполне понятно. В своей книжке «В рядах германской социал-демократии» Парвус писал: «Умственная бесформенность оппортунизма обусловливает многообразие форм его проявления». Эта бесформенность проявлялась и проявляется, разумеется, не только в период открытой революционной борьбы.

Большевики и Ленин прежде всего заметили тенденцию развития «маленьких» разногласий уже вскоре после съезда. И то, что все антиискровские элементы с радостью пошли за меньшевиками, и то, что Плеханова усердно хвалило «Освобождение» со Струве во главе, и то, что меньшевики взяли под обстрел всю старую деятельность «Искры», проповедуя уступчивость и воспевая экономизм и его заслуги перед партией, — все это делало очевидным «путь меньшевизма». И тем не менее позволяла ли обстановка уже прямо ставить вопрос о полном разрыве — безусловном, безоговорочном раз навсегда? Нет, не позволяла. Какие же причины и обстоятельства вели к такой своеобразной «двуединой» партии? Не была ли такая тактика уступкой со стороны большевиков «традиции» II Интернационала о необходимости «жить самому и жить давать другим?» Нет, не была. Но были глубоко принципиальные причины, объясняющие такое «сожительство» на основе борьбы, уроки которой имели и имеют огромное международное значение. Одна из причин заключалась в роли и значении меньшевистских руководящих кадров в борьбе с ревизионизмом и бернштейнианством во II Интернационале в этот период. Конечно, бичуя оппортунизм во Франции, Германии и Италии, меньшевики уже тогда в сущности выступали как верное детище II Интернационала, рассматривая этот оппортунизм «как законный оттенок»; однако репутация одной из «самых ортодоксальных партий» прочно укрепилась за РСДРП. И то обстоятельство, что борьба с меньшевиками была по сути дела борьбой за партию не только против меньшевиков, но и против всего II Интернационала, придавало вопросу об окончательном размежевании особую сложность и своеобразие. Но главными причинами были: во-первых, настроение той части меньшевистских рабочих-партийцев на местах, которые в значительной степени пошли за меньшевиками только потому, что были тенденциозно информированы о характере разногласий и которых большевики могли еще завоевать. Такие меньшевики-партийцы во многих случаях были действительно завоеваны, когда ознакомились с подлинной политической программой своих вождей. Во-вторых,

общее положение самой большевистской части партии в этот период и в частности тот факт, что борьба, которая велась в это время с меньшевизмом, в особенности в вопросах организационных, встретила среди ряда видных большевиков — крупных работников партии (членов ЦК, и т. д.) не совсем отчетливое понимание глубины и смысла разногласий. Отсюда примиренческое отношение к меньшевизму, вызвавшее резкий отпор со стороны Ленина.

Эти «примиренческие» настроения не прекращались и в течение всей революции 1905—1907 гг., а также и в последующий период. До сих пор о таких настроениях внутри большевизма в течение всей эпохи раскола в широкой литературе было сравнительно немного данных, притом настолько общих и суммарных, что детально проследить картину борьбы с ними было невозможно. Больше того, из-за недостатка документов ряд моментов в борьбе освещался фактически неверно, а частью прямо тенденциозно; такова например легенда о добросовестном примиренчестве Плеханова после выхода Ленина из редакции «Искры», история с «единогласной» кооптацией меньшинства в редакцию «Искры». Меньшевики сделали все возможное для искажения картины внутрипартийной борьбы («История РСДРП» Мартова, статьи самого Плеханова по интересующему нас вопросу, напр. «Дневник социал-демократа», декабрь 1911 г., «Об улыбке авгура» и др.). А между тем восстановление истинной картины имеет не один только исторический интерес, ибо речь идет о периоде «истоков большевизма», как отмечал Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», — периоде, в котором очень характерно проявляются основные особенности большевизма в борьбе за партию и партийность. Именно в свете такой борьбы с меньшевизмом и примиренчеством становятся понятными следующие указания Ленина в «Детской болезни «левизны» в коммунизме».

«Большевизм возник в 1903 г. на самой прочной базе теории марксизма». «Только история большевизма за в е с ь период существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата» [1].

Сам Ленин неоднократно возвращался к этому периоду в ряде статей, написанных частью уже в конце 1904 г., а главным образом в 1905—1907 гг. [2], он указывал на основные этапы борьбы, восстанавливая фактическую и принципиальную картину.

В статье «Пора кончить» Ленин делит эпоху раскола на следующие четыре периода:

«Первая стадия кризиса. На втором съезде нашей партии побеждают принципы искризма вопреки противодействию рабочедельцев и полурабочедельцев. После съезда меньшинство начинает рвать партию из-за введения в редакцию лиц, отвергнутых съездом. Дезорганизация, бойкот, подготовка раскола ведутся т р и м е с я ц а, с конца августа по конец ноября.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXV, стр. 174, 175.

[2] Л е н и н, Соч., т. VII, статьи: «Пора кончить», «Первый шаг», «Кого они хотят обмануть», «С больной головы на здоровую», «Изобличенный совет» и др. Ленинский сборник, V «Из эпохи раскола в РСДРП».

Вторая стадия. Плеханов уступает джентльменам, жаждущим кооптации, причем заявляет печатно и во всеуслышание в статье «Чего не делать» (№ 52), что делает личную уступку, во избежание большого зла, ревизионистам и анархическим индивидуалистам. Джентльмены пользуются уступкой, чтобы рвать партию дальше. Входя в редакцию ЦО и в Совет партии, они составляют тайную организацию с целью провести своих людей в ЦК и сорвать третий съезд. Это — факт неслыханный и невероятный, но он доказан документально письмом нового ЦК о сделках с этой благородной дружиной.

Третья стадия. Три члена ЦК переходят на сторону заговорщиков против партии, кооптируют трех претендентов из меньшинства (уверяя комитеты письменно в противном) и при помощи Совета окончательно срывают третий съезд, за который высказалось подавляющее большинство высказывавшихся вообще о кризисе комитетов. В брошюрах Орловского («Совет против партии») и Ленина («Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией») эти факты доказаны равным образом документально. Масса партийных работников в России не знает этих фактов, но их обязан знать тот, кто не только на словах хочет быть членом партии.

Четвертая стадия. Русские работники объединяются для отпора заграничному кружку, опозорившему нашу партию. Сторонники и комитеты большинства устраивают ряд частных конференций, выбирают своих уполномоченных. Новый ЦК, находясь всецело в руках кооптированных претендентов, ставит своей задачей дезорганизовать и расколоть все местные комитеты большинства. Пусть товарищи не делают себе никаких иллюзий на этот счет: иной цели нет у ЦК. Креатуры заграничной кампании подготовляют и составляют новые комитеты везде и повсюду (Одесса, Баку, Екатеринослав, Москва, Воронеж и т. д.). Заграничный кружок готовит себе свой подобранный съезд. Тайная организация, покончив с центрами, обратилась против местных комитетов» [1].

Ленинская периодизация, разумеется, совершенно правильно указывает основные этапы раскола, охватывая всю эпоху раскола с точки зрения дезорганизаторской деятельности меньшинства. Для того же, чтобы получить общее представление о степени и глубине разногласий с меньшевиками уже в этот период, чтобы убедиться в наличии действительно двух политических мировоззрений, из которых одно (большевистское) боролось не только с проявлениями оппортунизма в своей «отечественной» партии, но и во всем Интернационале, — мы остановимся еще на двух вопросах, на выяснении общих принципиальных и тактических разногласий в этот период и, наконец, на вопросе об отношении к расколу в РСДРП II Интернационала.

б) НАЧАЛО БОРЬБЫ С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ОППОРТУНИЗМОМ МЕНЬШЕВИКОВ.

Меньшевики не только не подчинились решениям II съезда партии, но немедленно же после съезда наряду с бойкотом начали бешеную полемику против решений II съезда по организационным вопросам. «В партии осадное положение. Казарменный режим. Нас заезжают», кричали меньшевики на собраниях и в подпольных рукописных брошюрах. Малейшая попытка со стороны Ленина и Плеханова по-партийному ликвидировать разногласия вызывала еще большие «крики озлобления», доходившие до простой ругани, по адресу Ленина в особенности. Меньшевики старались изобразить дело так, что разногласия имеют своим основным источником слишком далеко

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 42—43.

з ходящие «диктаторские замашки» Ленина; именно эти «диктаторские замашки», «бонапартистские тенденции», насаждаемые Лениным, и составляют, по Мартову, сущность «ленинизма» (выражение Мартова) и его системы бюрократического централизма. Дан в письме, выпущенном после II съезда как документ меньшинства, писал:

«...благодаря ряду дипломатических шахматных ходов, подбору подходящих лиц и вытеснению с руководящих мест товарищей, обнаруживших способность к самостоятельной и последовательной политической деятельности, создалось диктаторское положение для редакции «Искры» или, вернее, для одного Ленина. Повторяю, это достигнуто не организационным, а дипломатическим путем, и при первом же съезде, а может быть еще и гораздо раньше, в силу требований жизни, все карточное здание Ленинского самодержавия разлетится прахом, и выступит во всей красе принцип, закрепленный в организационном уставе»[1].

Точно такую же характеристику Ленина дает Плеханов после перехода к меньшевикам в статье «Теперь молчание невозможно».

В другом месте Плеханов называет Ленина «маленьким Солоном наизнанку». В. И. Засулич в статье «Организация, партия, движение» пишет:

«Партия для Ленина — это его «план», его воля, руководящая осуществлением плана. Это идея Людовика XIV — партия это я — Ленин» [2].

Таких примеров можно было привести еще больше из целого ряда весьма важных статей крупнейших представителей меньшинства. Но и этого вполне достаточно, чтобы показать меньшевистский способ полемики для уяснения принципиальных вопросов раскола. Легко себе представить, как эти «перлы» меньшевистской «принципиальности» «популяризировались» на периферии, малоосведомленной об истинном положении дел, особенно среди той ее части, которая шла за меньшевиками [3].

Однако этой шумихой меньшевики только прикрывали свою дезорганизаторскую работу, выражавшуюся в кампании против большевиков и II съезда, которая сопровождалась бойкотом центров, отказом от какой бы то ни было работы со стороны меньшевистских «генералов» и «сподручных» в ЦО и по поручениям ЦК. Рядовые сотрудники-меньшевики не передавали денежных средств в ЦК, отказывались транспортировать партийную литературу. Пользуясь связями старой «Искры», меньшевики посылали на места «своих людей», дезорганизующих местную работу и восстанавливающих местные организации против ЦО и ЦК. Эта кампания была строго продуманной политикой со стороны меньшевиков и имела целью взорвать решения II съезда партии; кампания эта велась в блоке со всеми антипартийными элементами в организационных вопросах. А чтобы затушевать истинный смысл своей борьбы, меньшевики (Аксельрод, Троцкий и впослед-

---

[1] Мартов, Борьба с осадным положением, Женева, изд. 1904 г., стр. 85—90.

[2] «Искра» № 70.

[3] К Плеханову меньшевики относились сдержанней потому, что, повидимому, с самого начала не считали его «потерянным», а после перехода его на сторону меньшевиков и вовсе перестали поминать его «лихом», когда останавливались на этом периоде. Поэтому эпитеты, относящиеся к Ленину, выражали в сущности настроение всех меньшевиков против «режима», т. е. против организационных принципов партийности.

ствии Плеханов) говорили не иначе как с нескрываемым презрением об организационных принципах, значение которых старались всячески умалить, либо изобразить карикатурно.

Аксельрод в письме к Каутскому,[1] недоумевал, как это возможно говорить об «организационном оппортунизме» в отношении меньшевиков и насмехался над «бессодержательностью» «ленинских принципов».

В еще более хлесткой форме это повторялось в «Наших политических задачах» Троцкого. Мартов иначе чем в кавычках не пишет о партийной дисциплине, а Плеханов недоумевает — централизма или бонапартизма добивается большинство. «Бюрократический, самодержавно-формалистический централизм» — таков был общий вывод меньшевиков в отношении организационных принципов большинства. Однако ни одного факта, подтверждающего подобные выводы, меньшевики не смогли привести для характеристики политического поведения большинства. Да им этого и не нужно было. Важно было «поразить» неискушенного, малознакомого с перипетиями раскола партийца и натравить его против большинства. Потому-то Ленин писал в брошюре «Шаг вперед, два шага назад»:

«Ни единого факта — превышения власти или злоупотребления властью не доказал т. Мартов по отношению к редакции ЦО, когда мы с Плехановым были в редакции... Как ни вертится теперь т. Мартов в своем «Осадном положении», — остается совершенно неопровержимым, что ровно ничего кроме «дряблого хныканья» в воплях об осадном положении не было»[2].

Совершенно несомненно, что основным вопросом, который выдвигается на первый план, был вопрос о соотношении организационных и тактических разногласий в ходе развития раскола. Известно, что первый этап раскола— борьба внутри искровцев на II съезде — связан почти исключительно с организационными вопросами. Об этом совершенно ясно говорят документы эпохи и заявления обеих фракций, которые вполне сходились в том, что их разделяют только организационные вопросы. Тактические разногласия на втором съезде едва-едва наметились (резолюция Старовера и Плеханова об отношении к либералам, вопрос о демократии) и не вылились в определенную отчетливую форму. В сознании современников разногласия на II съезде отразились, несмотря на ожесточенную борьбу, которой они сопровождались, как не особенно принципиальные разногласия. Об этом имеются многочисленные свидетельства.

Подобные указания можно найти и у Ленина в его работе «Шаг вперед, два шага назад». Подводя итог партийной истории последних лет, Ленин рисовал следующую схему:

«Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего мировоззрения, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с тт. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким

[1] «Искра» № 69.

[2] Ленин, Соч. т. VI, стр. 182.

образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни» [1].

В тот момент трудно было еще предвидеть, как далеко разойдутся вновь образовавшиеся фракции и как «еще менее коренные» организационные разногласия разовьются в действительно «коренные» принципиальные. Наоборот могло создаться впечатление, что эти последние споры действительно являются последними заключительными выстрелами большой боевой кампании. Но в той же работе «Шаг вперед...» Ленин наметил условия, при которых маленькая трещина в партийных отношениях может превратиться в пропасть, раскалывающую партию.

«Но всякое м а л е н ь к о е разногласие может сделаться б о л ѣ ш и м, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если п р и н я т ь с я за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое м а л е н ь к о е разногласие может получить о г р о м н о е значение, если оно послужит исходным пунктом п о в о р о т а к известным ошибочным воззрениям, и если эти ошибочные воззрения соединятся в силу новых и добавочных расхождений с а н а р х и ч е с к и м и действиями, доводящими партию до раскола» [2].

Меньшевики же, которым, конечно, не по вкусу была подобная характеристика, естественно, прикрывали свои дела криками о зажиме и т. п., не останавливаясь и перед заведомо ложной информацией о характере раскола и оценке его большевиками (как это делает Аксельрод в письме к Каутскому). Зато под эти крики именно меньшинство торопилось «организационно» оформиться для борьбы: свой фракционный центр, программу действий и печатный орган и даже... «дисциплина», — все это было подготовлено меньшинством. На это фракционное обособление довольно прозрачно указывала уже брошюра «Наши политические задачи». Таким образом разговоры о «бонапартистских» тенденциях большинства н а д е л е были бонапартистскими деяниями меньшинства.

В настоящее время в связи с опубликованием переписки Аксельрода и Мартова мы можем детально проследить организацию бонапартистского переворота в партии, подготовлявшегося меньшевиками. Меньшевики организационно оформляют «фракцию», имевшую негласный центр, — «бюро меньшинства» в составе Аксельрода, Дана, Мартова, Потресова и Троцкого, и пытаются издавать свой орган «Крамола».

Это «бюро» было создано совещанием крупнейших представителей меньшинства, собравшихся в середине сентября в Женеве [3]. Совещание шло три дня и выработало «программу действий», авторами которой были Мартов и Троцкий. Это «бюро» продолжало существовать даже тогда, когда меньшевикам удалось захватить в свои руки ЦО, потому что «программа действий» меньшинства имела в виду захват всех центральных учреждений

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VI, стр. 319—320.

[2] Там же, стр. 201—202.

[3] Установлены до настоящего времени следующие участники совещания: Мартов, Засулич, Потресов, Троцкий, Дейч, Инна Смидович-Леман, Крохмаль и др.

партии для раскола. Это бюро было оставлено для «продолжения работы» и фактически играло роль руководящего центра [1].

Об этом говорит документ, известный под названием «Резолюции об очередных задачах внутрипартийной борьбы», который между прочим говорил о допустимости переговоров с большинством.

Нет нужды сколько-нибудь подробно разбирать этот документ. Фальшь, клевета, ложь перемешивались в нем с такой «работой», на которую не осмелился бы ни один рабочеделец, ни один антиискровец. Понятно поэтому, для чего нужны были меньшинству переговоры с большинством. Эти переговоры нужны были меньшинству не во имя мира и единства в партии, а для тайной подготовки раскола. Об этом прямо пишет в письме к Мартову Аксельрод. В духе «программы 17-ти» он подчеркивает, что меньшинству нужны переговоры для отвода глаз широкой партийной массе, которой, разумеется, очень трудно было при создавшихся условиях разобраться в истинных намерениях меньшевиков.

Вот почему меньшинство ухватилось в этих переговорах с большинством за предложение члена ЦК Глебова (Носкова) о кооптации всех старых членов редакции в ЦО при условии выбора в Совет одного представителя большинства (Ленина) и освобождения от редакционной цензуры статей Ленина и Плеханова. Но хотя Плеханов и Ленин не знали о планах и фракционной деятельности меньшинства, однако Ленин по характеру переговоров понял истинные намерения меньшевиков. В письме к А. М. Калмыковой Ленин писал:

«Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств составом центров они требуют корректива политического... Теперь дилемма стоит неумолимо: л и б о расхождение в вопросе о лицах, — тогда смешно из-за этого политический скандал делать и работу бросать. Л и б о расхождение политическое, — тогда еще более смешно «поправлять» его навязыванием определенных лиц иного, скажем, нюанса» [2].

А это «политическое» в требованиях меньшинства Ленин отметил себе тотчас же после съезда. В заметке «Противоречия и зигзаги Мартова» Ленин, как бы резюмируя политическую линию Мартова на II съезде партии, отмечал эту «двойственность» меньшевизма в следующих словах:

«1. Разбивал О[рганизационный] К[омитет] за его шатания и скачки, за quasi-искровство, а потом вводил шатающихся и quasi-искровцев в ЦК.

2. Защищал всегда организаци[онные] идеи «Искры» («Что делать») и провел жоресистский первый пункт устава.

3. Соглашался на обновление редакции путем тройки — потом боролся на съезде за шестерку quand même [во что бы то ни стало].

4. Боролся против т[ак] наз[ываемого] «демократизма» — и отстаивал «свободу» при кооптации в центры» [3].

Что же означал в сущности этот «политический» корректив? Не что иное, как шаг назад от старой «Искры», блок с бывшими экономистами различного толка, а через них — и с идеями «освобожденческого» либерализма, т. е. стру-

---

[1] Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, изд. Русск. рев. архива, Берлин 1924 г., стр. 101—104.

[2] Ленин, Соч., т. VI, стр. 67.

[3] Там же, стр. 37.

визма, как это и показала вся последующая позиция меньшевистской «Искры». И нужно было поистине ленинское чутье, чтобы уловить все это и разоблачать разворачивавшуюся оппортунистическую платформу новоискровцев.

Стараясь привлечь к работе меньшевиков, Ленин видел, что сохранить их для партии можно отнюдь не беспринципными уступками, а посредством давления на них растущей партией, которая положит конец дезорганизаторской работе зарвавшихся генералов. Вот почему в отличие от Плеханова, бросавшегося от одной крайности в другую, то требовавшего резкого осуждения меньшевизма, то добивавшегося мира с ним во что бы то ни стало, видевшего партию в конце концов только в лице «заграничных вождей» и боявшегося больше всего на свете потери их, — Ленин, ведя переговоры с меньшевиками, в то же время в переписке с членами ЦК и рабочими с мест все время настойчиво подчеркивает необходимость укрепления рядов партии сверху и донизу по линии организационной, агитационно-пропагандистской, транспортировки литературы, укрепления комитетов и т. д. Цель Ленина была: противопоставить положительную работу партии дезорганизаторской деятельности меньшинства и заставить последнее либо подчиниться, либо уйти. Ленин отлично понимал, что меньшевики не успокоятся на «кооптации» старой редакции. Для Ленина было ясно, что уступки, не связанные с принципиальной партийной платформой, меньшевики используют лишь для укрепления своих позиций и перехода в еще более решительное наступление. Поэтому Ленин мобилизует внимание ЦК на необходимость готовиться к войне с меньшевиками за сохранение партии и партийности. В письме от 10—14 сентября Ленин пишет члену ЦК Кржижановскому о необходимости «решительной войны» против меньшевиков, «ведущих и расширяющих бойкот».

Ленин все время старается отмести «личное» в разногласиях, подчеркивая, как далеко готовятся итти мартовцы в борьбе против партии. В письме от 5 октября 1903 г. Кржижановскому и Носкову Ленин снова обращает внимание ЦК на необходимость подготовки партии к войне, которую уже прямо начинают меньшевики.

«Дорогие друзья, — читаем мы у Ленина, — Курц (Ф. В. Ленгник) пишет вам о вчерашнем собрании. Никакой, абсолютно никакой надежды на мир больше нет. Вы себе не реализуете и десятой доли тех безобразий, до которых здесь дошли мартовцы, отравив всю заграницу сплетней, перебивая связи, д е н ь г и, литературные материалы и пр. Война объявлена, и они: Люба (Л. Н. Радченко), Костя (Р. С. Гольберштадт), Ерема (А. А. Шнеерсон) едут уже воевать в Россию. Готовьтесь к легальнейшей, но отчаянной борьбе. Надо непременно занять своими людьми места во в с е х комитетах без исключения. Надо обратить особое внимание на Харьк[ов], Екат[еринослав] и Ростов. Правда ли, что Киев[ский] Ком[итет] принял резолюцию за меньшинство? Возможно ли это? Отчего мы не знаем раньше?» [1].

Что опасения Ленина были вполне основательны, показала вся последующая деятельность меньшевиков. Насколько меньшевики издевались над решениями съезда, насколько антипартийно подходили они к возможности предотвращения партийного раскола, показывает характер переговоров, которые пытался вести Дан, как сторонник меньшинства с Плехановым, который вынужден был не только прекратить какие бы то ни было переговоры с Даном, но

[1] Лен. сб., VI стр. 273.

даже категорически отказался отвечать на его письменный запрос: во время переговоров Плеханов указал Дану на то, что требования меньшевиков противоречат духу постановлений съезда партии, а Дан в ответ выразил недоумение по поводу того, что Плеханов может вообще говорить об этих решениях без улыбки авгура. Это заявление Дана не было случайным, — оно целиком и полностью соответствовало духу и сущности отношения меньшевизма к вопросу о роли и задачах партии. К сожалению, прервав переговоры с Даном, Плеханов не сумел сделать для себя таких же выводов, которые сделал Ленин. Больше того, новое событие, еще более укрепившее правильность позиции Ленина и большинства в оценке дезорганизаторской работы меньшинства, окончательно бросило Плеханова, так и не понявшего смысл раскола, в объятия меньшинства. Событие это было съездом заграничной лиги РСДРП.

в) СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ И ПОВОРОТ ПЛЕХАНОВА К МЕНЬШИНСТВУ. НАЧАЛО ОТКРЫТОГО ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИМИРЕНЧЕСТВА В ЦК.

II съезд значительно изменил полномочия заграничной Лиги и ее положение в партии. Признав Лигу «единственной заграничной организацией партии», съезд в то же время ограничил деятельность Лиги «пропагандой и агитацией за границей» и «содействием русскому движению» на правах местного комитета. Это означало, что больше существовать на основах старого устава Лига уже не могла, и очередной задачей являлась ее реорганизация и выработка нового устава. Иначе смотрели на Лигу меньшевики. Меньшинство решило использовать ее в целях реванша для удара по партии и потребовало немедленного созыва II съезда Лиги, который в такой обстановке был явно нецелесообразен и вреден. Вред съезда состоял еще в том, что протоколы II съезда опубликованы не были, и меньшевики всячески использовали это обстоятельство для того, чтобы свести всю борьбу на съезде к склокам и дрязгам. Администрация Лиги, состоявшая из пяти членов (М. Г. Вечеслова, Г. Д. Линдова (Лейтейзена), Н. К. Крупской, М. М. Литвинова и Л. Г. Дейча, из которых фактически работали и обсуждали вопрос о съезде Лиги только последние три), вынесла постановление о несвоевременности съезда. К этому постановлению присоединились и члены Лиги, примыкающие к большинству. Одновременно член ЦК Ленгник приступил к выработке нового устава Лиги. От имени ЦК 10 октября 1903 г. был послан циркуляр Лиге, устанавливавший взаимоотношения Лиги и ЦК, а также принципы, на основе которых Лига должна была быть реорганизована. В ответ на постановление администрации Лиги и циркуляр ЦК «меньшинство» из Лиги ответило отказом подчиниться и в конце концов добилось созыва съезда. Съезд состоялся в Женеве с 26 по 31 октября и имел всего 6 заседаний. На нем участвовало 34 члена Лиги, располагавшие 42 голосами (8 отсутствовавших членов Лиги передоверили свои голоса участникам съезда). На съезде сторонники большинства имели 18 голосов [15 лично присутствовавших на съезде — И. И. Аксельрод, Л. И. Аксельрод, Н. Э. Бауман, В. С. Бобровский, В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Л. Е. Гальперин, П. И. Кулябко-Лалаянц, Кореневский, Н. К. Крупская, И. Х. Лалаянц, В. И. Ленин,

М. М. Литвинов, Г. В. Плеханов, О. А. Пятницкий], а сторонники меньшинства 22 голоса [18 лично присутствовавших: П. Б. Аксельрод, И. Б. Басовский, И. С. Блюменфельд, М. Г. Вечеслов, А. Г. Гуревич, М. Г. Гурский, Ф. И. Дан, Л. Г Дейч, В. И. Засулич, Б. А. Кольцов, В. Н. Крохмаль, И. Г. Смидович-Леман, Ю. О. Мартов, Островский, Палинковский, А. Н. Потресов-Старовер, Потресова-Ушакова, Рейхесберг, Л. Д. Троцкий, Шергов, Шоуэр]. Занимавший нейтральную позицию К. М. Тахтарев покинул съезд еще до его окончания. На повестке дня стояли следующие вопросы: 1) Доклад администрации — докладчики Л. Г. Дейч и Н. К. Крупская (Шарко), 2) Доклад делегата Лиги на партийном съезде — Ленин, 3) Выработка устава, 4) Выбор должностных лиц. Наиболее боевым был второй вопрос — отчет Ленина как делегата Лиги на II съезде и выработка нового устава Лиги. Съезд протекал весьма бурно. Отсутствие на съезде местных практиков-профессионалов, преобладание главным образом партийных литераторов и эмигрантской интеллигенции, оторванной от массовой партийной работы и шедшей за меньшевиками, наложило соответствующий отпечаток на работу съезда. Лига открыто брала реванш за поражение меньшевиков на съезде партии. Это было в сущности открытое восстание против партии и партийности.

Поучительно проследить, как получилось большинство у меньшевиков и и з к о г о оно состояло. Пользуясь своим чисто случайным перевесом, меньшевистское «большинство» отказалось признать мандаты за теми членами Лиги, которые находились в данное время на массовой или руководящей практической работе в России, мотивируя это тем, что они не могут решать «дела Лиги» за давностью отъезда, причем «давность» меньшевики распространяли даже на тех товарищей, которые уехали не более чем три месяца назад. Тщетно протестовал Ленин, энергично поддержанный Плехановым, тщетно указывалось меньшевикам на то, что своей тактикой они отрывают себя от всего, хоть сколько-нибудь связанного с подлинным голосом партии, — меньшевистское «большинство» теперь требовало безусловного подчинения. А в это «большинство» входили все бывшие четыре редактора «Искры», далее — намеченные кандидаты в ЦК из состава меньшинства, делегаты партийного съезда, примкнувшие еще на съезде к меньшинству, наконец те члены Лиги, которые сейчас же после съезда последовали призыву к бойкоту и отказались от исполнения своих партийных обязанностей.

Таким образом подавляющее большинство членов группы 22 представляло ядро «оппозиции», занимавшейся бойкотом партийных центров и явившейся на съезд Лиги для борьбы с партийным «большинством». И меньшевики сразу распоясались во-всю. Началось с выборов президиума. В. Д. Бонч-Бруевич внес предложение избрать трех лиц — председателя и двух товарищей: одного от большинства, одного от меньшинства. Троцкий возражал: «сюда собрались не какое-то «большинство» и «меньшинство», а просто члены Лиги» [1]. Это было, как показала дальнейшая работа съезда, лицемерием, прикрывавшим нежелание сколько-нибудь объективно повести работу съезда. Предло-

[1] Протоколы 2-го очередного съезда заграничной Лиги русской революц. соц.-дем., под ред. И. Лесенко и Ф. Дана, стр. 18.

жение Бонч-Бруевича было отвергнуто, и в президиум были избраны: Браун (М. Г. Вечеслов) председателем и вице-председателями — Дан и Засулич. Засулич «дипломатически» отказалась и следующей по числу полученных голосов прошла Л. И. Аксельрод (Ортодокс), шедшая пока вместе с Плехановым с большинством.

Гвоздем съезда, к которому приурочены были предполагавшиеся «счеты» с партийным «большинством», был, как уже сказано, доклад делегата от Лиги на партийном съезде — Ленина. Чтобы представить съезду Лиги полную картину борьбы, Ленин попросил разрешения изложить не только ход борьбы на II съезде, но и всю подготовительную работу до и во время съезда, которая дала бы представление об источниках разногласий. Меньшинство, боясь разоблачений, пыталось сопротивляться, но сдалось, потребовав зато предоставления содоклада и Мартову, что означало фактически выражение полного недоверия своему делегату — Ленину; меньшевики мотивировали это желанием ознакомиться «со всеми точками зрения». Это была, конечно, пустая увертка, ибо Мартов мог бы выступить и не в качестве содокладчика. Забыв, что недавно, во время выборов президиума, они устами Троцкого заявляли, что здесь нет «большинства» и «меньшинства», они теперь устами того же Троцкого потребовали предоставления слова Мартову как содокладчику. Мартов, разумеется, использовал свой содоклад для того, чтобы в первую очередь грубо исказить работу съезда партии, чтобы путем сплетен и дрязг спровоцировать Ленина и Плеханова на разрыв. Ленин в своем докладе подчеркнул, что «основной факт съезда партии — исторический поворот Мартова», поворот в сторону хвостизма и экономизма. Рядом неопровержимых фактов это положение было подтверждено. Мартов же стремился всячески сгладить впечатление от своего «блока» с антиискровцами, обеляя позицию как бундовцев, так и рабочедельцев. Но так как сделать это было очень трудно, то Мартов пустился на грубые искажения, сплетни и дрязги. Рассказав, что Ленин считал необходимым иметь твердый искровский президиум, который сумел бы руководить работой съезда, Мартов истолковал это как якобы желание Ленина вообще удалить антиискровцев со съезда и даже из партии.

Далее посыпались обвинения во лжи, неискренности, двойственности позиции Плеханова и т. д. Но особенное возмущение вызвало следующее провокационное сообщение Мартова:

«Ленин приглашал меня вступить в редакцию, убеждал меня в том, что мы с ним, как более солидарные в большинстве вопросов, будем в большинстве против Плеханова».

Этим заявлением Мартов безусловно ударял по самолюбию Плеханова, пытаясь добиться разрыва между ним и Лениным, хорошо зная, что между Плехановым и Лениным уже и раньше отношения были не из блестящих. Такая постановка «работы» съезда вызвала решительное возражение большевиков, покинувших в знак протеста заседание и отказавшихся обсуждать этот пункт порядка дня. Плеханов и Ленин подали заявления, протестующие против клеветы меньшевиков. Приняв ряд резолюций, дававших, разумеется, меньшевистскую оценку II съезда, Лига приняла специальную резолюцию о

роли Ленина как делегата заграничной Лиги на съезде: солидизируясь с Лениным по вопросу о Бунде и о программе партии, резолюция оговаривала, что

«позиция т. Ленина в организационных вопросах не соответствовала тем взглядам, которые положены в основу деятельности Лиги и всегда выдвигались редакцией «Зари» и «Искры».

Это было сплошной клеветой на Ленина, так как резолюция не могла конкретно отметить ни одного ленинского шага, противоречащего линии старой «Искры» и «Зари»; крайне характерно, однако, что, вынося подобную резолюцию, меньшевики впоследствии сами как раз и обрушились на всю деятельность старой ленинской «Искры».

5-е и 6-е заседания были посвящены обсуждению нового устава. Представитель ЦК партии Ленгник предъявил Лиге требование об изменении устава в духе решений II съезда партии и утверждении нового устава ЦК партии. Но Лига даже отказалась обсуждать заявление представителя ЦК, после чего от имени ЦК Ленгник объявил заседания Лиги «незаконными, как не исполнявшие распоряжения ЦК», и удалился вместе с группой большинства. Оставшееся меньшинство закончило работу, избрав новую администрацию Лиги в составе Дейча, Дана и Лесенко (Смидович). 1 ноября Совет партии обсудил поведение Ленгника на съезде Лиги и вынес постановление, одобряющее действия Ленгника и предлагающее ему реорганизовать Лигу путем ввода новых членов. Таким образом обрисовалась совершенно ясная картина того, чего именно желали меньшевики. Ни о каком мире или единстве партии меньшевики не помышляли.

В VII Ленинском сборнике приведен проект резолюции, который собирались внести на съезде Лиги сторонники большинства. Автор резолюции неизвестен, однако по духу эта резолюция совпадает с предложениями Плеханова и Ленина меньшевикам в первый период раскола. Эта резолюция избегает личной постановки вопроса, она осуждает оппозицию исключительно с точки зрения нарушения партийной дисциплины и партийного устава. Однако в той обстановке, в какой работал съезд, не могло и речи быть о серьезной попытке по-партийному ликвидировать разногласия.

Итоги работ съезда Лиги ясно указывали тот путь, каким только и можно было ликвидировать раскол. Меньшевики открыли организованный поход против партии. Ленинские заметки насчет «политического нюанса» нашли себе полное подтверждение. Особенностью данного этапа борьбы с меньшевиками для Ленина как раз и являлась подготовка партии и ее передовых кадров, в том числе и Плеханова, к осознанию того, что меньшинство является оппортунистическим течением, с которым придется вести серьезную борьбу, быть может вплоть до исключения из партии. Для этого необходимо было, чтобы партия смогла принять меры к ликвидации этой весьма опасной болезни. Это была конечно очень сложная задача, потому что в то время партия еще только начинала складываться, и не только широкая партийная масса, но и руководящий штаб находились еще в процессе формирования.

Такова была единственно правильная, единственно партийная попытка ликвидации раскола. Однако уже в день закрытия съезда Лиги Плеханов в

самой категорической форме заявил, что необходимо итти на максимальные личные уступки, чтобы избежать раскола, причем подчеркивал, несмотря на происшедшие события внутри партии, что видит преобладание личных моментов во всех спорах. Особенно странными были эти заявления в устах Плеханова, который еще так недавно наиболее настойчиво требовал расправы с меньшинством. В письме от I/XI 1903 г. Ленин писал Плеханову:

«Я право же вполне и вполне понимаю ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче, г о р а з д о в е р н е е, чем война с мартовцами. Это не парадокс...

Ради единства, ради прочности партии — не берите вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам» [1].

Однако Плеханов стоял на-своем. Тогда Ленин в тот же день, 1 ноября, подал заявление о выходе из ЦО, причем сделал оговорку, что он не отказывается от посильной поддержки своей работой. Этим Ленин подчеркивал, что, выходя из редакции, он вовсе не нарушает воли съезда партии, а только дает возможность Плеханову, все еще преуменьшающему суть разногласий, добиться мирного разрешения конфликта. Ленин ценил Плеханова, понимал его роль и значение в то время не только в русском, но и в международном движении, но вместе с тем знал и слабые стороны Плеханова как политика и тактика, особенно в вопросах внутрипартийных; поэтому Ленин надеялся, что если только Плеханов действительно проникнут настроением добросовестного примиренчества, то он либо на деле убедится наконец в истинных намерениях меньшинства, либо открыто перед ним капитулирует. Чутко подходя к важнейшей проблеме сохранения и укрепления руководящих кадров партии, Ленин решил сделать еще один шаг по пути партийного разрешения разногласий. Он не пошел на «меньшевистскую отставку» и грубое нарушение партдисциплины и устава; напротив, он решил, подчиняясь и дисциплине и уставу, но сохраняя все свои принципиальные позиции и н и г р а н а н е у с т у п а я в н и х, дать возможность Плеханову убедиться в своей ошибке и исправить ее, чтобы сохранить его для партии.

Что отказ Ленина от поста редактора вовсе не был «генеральским бойкотом» на меньшевистский маневр не только формально, но и на деле, показывает тот факт, что, когда Ленин имел против себя весь меньшевистский ЦО во главе с Плехановым, в обстановке дрязг, сплетен и оскорблений, на которые Ленин лишен был возможности отвечать, он еще раз в письме к Засулич категорически подчеркивал, что намерен продолжать свое сотрудничество в «Искре». Обстоятельство это весьма важно для понимания настоящих большевистских методов внутрипартийной борьбы. Бойкот был всегда излюбленным, классическим методом меньшевистской борьбы против партии. С этим методом меньшевиков мы столкнемся на протяжении последующей партийной истории еще не раз. Этот метод ничего общего с большевизмом не имел и не имеет, как не имеет ничего общего с большевизмом рассматривание принципиальных разногласий под углом зрения личных отношений. Поэтому хотя Плеханов в этот период и считал себя добросовестным примиренцем, но Ленин ясно понимал,

[1] Л е н и н, Соч., т. VI, стр. 105.

куда приведет Плеханова его требование «единства во что бы то ни стало», если только он все еще будет оставаться при своем старом взгляде на причины раскола. Но Плеханов не только не собирался менять свои старые убеждения, не только не понял ленинского шага и не сопоставил его с образом действий меньшевиков, но прямо приступил к переговорам с меньшинством как капитулянт. Поэтому впоследствии Плеханов исказил значение этого ленинского шага; уход Ленина он объяснял нежеланием последнего дать повод партии думать, будто Ленин разошелся с Плехановым, — ибо тогда вся партия стала бы безусловно на сторону Плеханова. Такое объяснение было совершенно бессмысленно, ибо получалось, что так как Ленин не хотел расходиться с Плехановым, то он с ним все-таки... разошелся. В остроумной форме Ленин разоблачал это нелепое толкование Плеханова.

2/XI 1903 г. Плеханов в разговоре с Засулич и Потресовым предлагал полную капитуляцию перед меньшинством, «кооптацию всех в редакцию б е з в с я к и х у с л о в и й, кооптацию нескольких в ЦК, два места в Совете, узаконение Лиги». И тогда он ставит ультиматум Ленину, и если Ленин не соглашается, он уходит [1]. Доведя до сведения Ленина и Ленгника как заграничных представителей ЦК эти условия — уже как условия меньшинства, — Плеханов требовал немедленного ответа, от которого однако Ленин и Ленгник уклонились до выяснения вопроса в «русской» части ЦК. А Плеханов между тем, уже совсем забыв свою роль примиренца, довел ответ Ленина и Ленгника до сведения меньшинства, призывая последнее к более решительным действиям, явно намекая на то, что бить по Ленину нужно еще решительней.

В письмах к ЦК и отдельным членам его Ленин категорически выступает против той якобы «примиренческой линии», которую занял Плеханов, требуя обсуждения создавшегося положения и решительного осуждения шатаний. 25 ноября состоялось в Женеве решающее заседание ЦК при участии Ленина, Кржижановского, Ленгника и Гальперина; от остальных членов ЦК полномочия имел Кржижановский. На этом совещании решено было предъявить ультиматум меньшинству, долженствующий положить конец дезорганизаторской работе. Формально ЦК отвечал этим ультиматумом Потресову на его письмо от 3/XI 1903 г., где Потресов выдвигал следующие условия:

«1. Переговоры ведутся между нынешней редакцией ЦО и ЦК с одной стороны, и представителями оппозиции, сложившейся в результате решений съезда партии, — с другой.

2. Восстановляется старая редакция «Искры».

3. В состав ЦК вводится определенное количество членов оппозиции; точнее это количество определяется при переговорах. С момента начала переговоров всякая кооптация в ЦК приостанавливается.

4. В Совете два места предоставляются членам оппозиции.

5. Съезд Лиги и его решения признаются законными. В администрацию Лиги кооптируется член ее меньшинства» [2].

---

[1] Письма Мартова и Аксельрода, стр. 96.

[2] Лен. сб., VII, стр. 203—204.

Ленин в брошюре «Шаг вперед, два назад» следующим образом определял значение и смысл этого документа:

«ЦК оставалось только сказать свое последнее слово (ультиматум, это и значит: последнее слово о возможном мире) о мере допустимых, с его точки зрения, практических уступок анархическому индивидуализму» [1].

Наметившееся в ЦК примиренческое течение (о чем ниже) формулировало условия этого ультиматума в явном расчете на мир с меньшинством во что бы то ни стало. Несмотря на это, Плеханов, поставленный в известность об этом документе, решил теперь действовать уже открыто и сообщил меньшевикам, что, пользуясь своим формальным правом, он «единогласно» кооптирует в редакцию ЦО четырех старых редакторов без всяких условий. Само собой разумеется, что кооптация представителей оппозиции без всяких условий сорвала всякую возможность для ЦК добиться каких-либо результатов в переговорах с оппозицией на почве «ультиматума». В своем ответе ЦК от 26/XI 1903 г. оппозиция цинично отвечала, что сейчас, после кооптации в ЦО, ей вообще больше не о чем разговаривать с ЦК. Таким образом и здесь Ленин оказался целиком и полностью прав, когда своим выходом из ЦО дал возможность колеблющимся не только еще раз убедиться в подлинных намерениях меньшевизма, но и показать, куда приводит так называемое «примиренчество» во что бы то ни стало Плеханова, которое, естественно, на деле выливается в тот же меньшевизм. Приведенные нами факты окончательно ликвидируют легенду о так называемом «добросовестном примиренчестве» Плеханова. Плеханов с самого начала, хотя и не сознавая того сразу, шел и пришел к меньшевизму, который в общем был ему много ближе по духу, чем «твердокаменный большевизм». Неслучайно он, еще формально «враг» меньшинства, ликует вместе с ним по поводу того, что «Робеспьер (т. е. Ленин) пал». Стоит разобрать специально позицию Плеханова в целом в этот период, чтобы в этом убедиться.

г) ПОЗИЦИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА.

Как известно, организационным принципам Плеханов вообще сколько-нибудь серьезного и самостоятельного значения не придавал, хотя и поддерживал на II съезде партии Ленина против Мартова. Известно, что, уже будучи меньшевиком, Плеханов считал, что в вопросе о первом пункте устава прав был Ленин, а не Мартов, но известно также и то, что даже на II съезде Плеханов, как он сам выражался, «предвзятого мнения» по этому поводу не имел и что, слушая Ленина и Мартова, ему казалось, что «то сей, то оный на бок гнется». Для Плеханова партия — это прежде всего ее верхушечные интеллигентски-литераторские кадры. Мы видели, что представлял собою по составу и по характеру работы съезд Лиги, а между тем именно боязнь потерять этих людей заставила Плеханова сдаться на капитуляцию, ибо без них он себе не мыслил партии, как не представлял себе, что эти кадры могут быть заражены оппортунизмом. Что это именно так, показало одно выступление Плеханова в сентябре 1904 г., где он говорил:

«Продолжать политику так называемого «большинства» значило организовать в партии гражданскую войну, упорную и крайне вредную для нашего дела, борьбу между почти

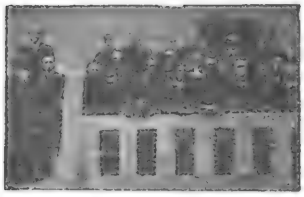
[1] Ленин, Соч., т. VI, стр. 297.

равными силами... Какой смысл могла иметь идейная борьба? — спрашивал Плеханов. - - Говорят, что это была бы борьба с оппортунизмом... Какой же Мартов оппортунист? Какой оппортунист Аксельрод или Старовер? Когда Каутский услыхал, что их называют оппортунистами, то он расхохотался. Обвинение их в оппортунизме совершенно бессмысленно, а между тем этим обвинением прикрывалась братоубийственная борьба» [1].

Здесь характерно и то, что, по мнению Плеханова, борьба «прикрывалась» борьбой против оппортунизма, а не была таковой на самом деле, и что при этом Плеханов опирается на... Каутского, известного своим половинчатым отношением к Бернштейну, вызвавшим резкий протест со стороны Плеханова. Но если так относился Плеханов к «верхушке», то совсем другое отношение было у него к широкой партийной массе. Так, Н. К. Крупская в этом отношении сообщает интересные подробности своих деловых бесед с Плехановым:

«Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденции и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и кор-

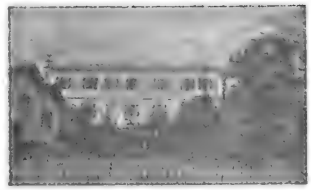
ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ



Плеханов на Амстердамском социалист. конгрессе 1904 г.

Плеханов в октябре 1905 г.

Плеханов в октябре 1907 г.



Санаторий в С.-Ремо (на Ривьере), где жил Плеханов в 1909—1917 гг.

респонденциях. Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II съезда (подчеркнуто нами.— *Ред.*). Меня это вначале даже обижало как-то, а потом стала думать, что это вот отчего. Давно он уже уехал из России, а не было у него того мерила, вырабатываемого опытом, которое дает возможность определить удельный вес каждой корреспонденции, читать многое между строк» [2].

Настолько глубоко различны были отношения Ленина и Плеханова к партии.

Такое третирование массовиков-практиков лучше всего характеризует взгляд на партию у Плеханова, да и не только у Плеханова, а и у всех меньшевистских генералов, кричавших о демократизме, когда это им было выгодно (см., например, речь Мартова на съезде заграничной Лиги). Даже в самый острый период разногласий с меньшинством Плеханов не позволял себе разговаривать с ним в подобном тоне. Все это вместе взятое повело к тому, что для Плеханова, ко времени II съезда уже свыше 20 лет пробывшего в эмиграции, мало знавшего реальные достижения рабочего движения, не видевшего успехов партии на месте, судившего о ней по эмигрантской интеллиген-

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, Гиз, 1926 г. стр. 376.
[2] Лен. сб., III, стр. 40.

ции,— казалось, что бунт этой интеллигенции есть истинный голос партии. И Плеханов сдался, сдался целиком и полностью на милость победителя — меньшевиков. Меньшевистская атака на партийные центры закончилась успешным переходом в их руки центрального органа партии «Искра» [1].

Меньшевикам Плеханов важен был как ширма, прикрываясь которой можно было все решительнее бить по большевистской партийности. Что именно этим был особенно дорог меньшевикам Плеханов, что малейшая самостоятельность с его стороны неизбежно влекла к разрыву с меньшевиками, что меньшевики пытались попросту использовать Плеханова для борьбы с большевиками,— свидетельствуют сами меньшевики, видевшие политическую недальновидность и неискренность заявлений Плеханова. Когда Плеханов запротестовал, угрожая выходом из редакции, против хлесткого и бессодержательного тона статей Троцкого, которые дискредитировали, по мнению Плеханова, страницы «Искры», Мартов писал Аксельроду, что нужно проявить твердость, не уступать, отстранить Плеханова,

«которого репутацию уход по таким мотивам окончательно доканает в глазах более серьезных членов партии. След[овательно], — допустить уход Плех[ано]ва и стараться о почетном отступлении для него, если он захочет его принять, в виде отдачи ему «Зари» и предложения — раз он перестанет быть редактором ЦО — поднять несколько п о л и т и ч [е с к у ю] роль Совета, который тогда станет «идеальным» в смысле беспристрастия» [2].

Крайне характерна эта отсылка Плеханова из одного места в другое для установления «беспристрастия», что означает подготовку меньшевистского переворота. Мы видим, насколько справедлива наша характеристика, данная Плеханову. Но сам Плеханов упорно не желал видеть той роли, какую фактически выполнял на службе у меньшинства.

Подавляющее большинство литературных работ Плеханова в этот период посвящено объяснению и оправданию своего политического поворота. Основная мысль, с которой Плеханов начинает свои рассуждения и которую он развивает на протяжении многих страниц, сводится к тому, что российским марксистам-ортодоксам надо сменить свою резкую нетерпимость по отношению к ревизионистам и полуревизионистам на более мягкое и терпимое отношение. Он объясняет происхождение разногласий склочным характером Ленина.

«Пусть плодит их (недоразумения) Ленин: это в е г о интересах; а в интересах н а ш е г о д е л а следует поступать как раз наоборот» [3].

---

[1] Бойкот меньшевиками «Искры» длился около трех месяцев, с конца августа по конец ноября 1903 г. «Искру» (семь номеров — 45—51) редактировали Плеханов и Ленин вдвоем. 52-й номер «Искры» выходит уже под единоличной редакцией Плеханова, который выступает со статьей «Чего не делать?». Здесь он призывает к «мягкости» и уступчивости по отношению к меньшинству, состоявшему не только из искровцев, но из откровенных оппортунистов старого экономистского толка. Кооптировав «единолично» четырех старых редакторов «Искры», Плеханов начинает острие направлять против «непримиримого» Ленина. С 53-го номера «Искра» становится вполне меньшевистской. По свидетельству Мартова (см. историю РСДРП), позднее в редакцию «Искры» входили фактически также Троцкий, Дан, Мартынов и Кольцов.

[2] Письма Аксельрода и Мартова, стр. 104.

[3] П л е х а н о в, Соч., т. XIII, стр. 110.

Свое отрицательное отношение к спорам, разделившим партию на «большинство» и «меньшинство», Плеханов дополнил принципиальным соображением, признававшим полную законность существования в единой партии различных идейных течений. Так, например, говоря о «раскаявшихся» экономистах, становящихся на платформу ортодоксального марксизма, Плеханов замечает:

«И вот с этими-то людьми нам необходимо теперь столковаться. Их мы не имеем права называть не только врагами, но даже и противниками: они — наши товарищи, хотя бы они и отличались от нас некоторыми оттенками мысли. Подобные оттенки ничему не вредят. Напротив, можно безо всякого преувеличения сказать, что там, где они исчезают, мысль и в самом деле превращается в окостенелую догму и совершенно перестает работать» [1].

Плеханов призывал к единству партии, единству во что бы то ни стало, несмотря ни на какие обстоятельства.

«Мы обязаны избегать всего того, что могло бы вызвать в нашей среде новые расколы, — пишет Плеханов.— Расколов у нас было слишком много, и они принесли нам слишком много вреда. Теперь надо всеми силами охранять единство» [2].

Так Плеханов сдавал позицию «большинства» и свою старую позицию в области организационных вопросов меньшевикам. В политике беспринципного компромисса, в признании разногласий несущественными, в отношении к оппортунизму как к «мертвому телу», в призывах к мягкости, и заключалась основная ошибка Плеханова. Объективный смысл ее безусловно состоял в отказе от организационного плана старой «Искры», в отказе от задачи создания прочной боеспособной организации.

Критика политической деятельности Ленина занимает виднейшее место в произведениях Плеханова в этот период. Она была наиболее характерна для отхода Плеханова от линии старой «Искры» к новоискровскому оппортунизму.

Особенно резко Плеханов критиковал ленинское «Что делать». В статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» (июль 1904 г.) Плеханов занялся разбором основных ленинских положений о «стихийности» и «сознательности», отмечая необходимость самым решительным образом бороться против этих положений. В полемическом увлечении Плеханов по-своему изложил точку зрения Ленина, приписывая ему полный разрыв между социализмом и рабочим движением, признание абсолютной независимости социалистической теории от движения масс. Плеханов представил ленинскую постановку вопроса как продолжение старых споров об отношении мышления к бытию и сделал вывод, что Ленин защищает идею первенства духа над материей, т. е. впадает в откровенный идеализм

«Во взгляде Ленина мы видим не марксизм, а — прошу прощения за некрасиво звучащее слово, — бауэризм, новое издание теории героев и толпы, исправленное и дополненное сообразно рыночным требованиям самоновейшего времени» [3].

---

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 20.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же, стр. 133.

Статья Плеханова была встречена меньшевиками с восторгом. Она положила начало новой кампании против Ленина. Кое-где меньшевики инсценировали протесты рабочих против ленинского «умаления» роли и значения массового рабочего движения. Покойный Воровский в статье «Плоды демагогии» [1], давая ответ на подобный протест нижегородских меньшевиков, вместе с тем ответил и Плеханову. Мы увидим ниже, как новоискровцы совершенно неожиданно для самих себя демагогической выходкой лишний раз вскрыли свою мелкобуржуазную природу.

В чем была особенность ленинского «Что делать» как документа партийной истории? Прежде всего в том, что эта работа была направлена против экономистов, принижавших роль сознательной «революционной бациллы», роль теории в рабочем движении и певших хвалу стихийности масс, оправдывая этим свой собственный хвостизм. Одна из задач «Что делать», поэтому, заключалась в том, чтобы доказать, что «без революционной теории не может быть революционного движения», что предоставленное самому себе стихийное движение рабочих масс неизбежно подпадет под влияние буржуазной идеологии. Разумеется, этим совершенно верным положением Ленин отнюдь не хотел сказать, что революционная теория совершенно независима в своем происхождении и развитии от массового движения. Если он не остановился на этой стороне вопроса, то только потому, что это казалось общеизвестной истиной и что потребность полемики с экономистами вынуждала заострять внимание на другой стороне вопроса. Неправильно было бы также приписывать Ленину мысль, что только интеллигенция способна двигать вперед социалистическую теорию. На этот счет имеется прямое указание у Ленина:

«Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке, — говорил он. — Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание» [2].

Таким образом у Ленина речь шла вовсе не о том, что только интеллигенты могут быть теоретиками рабочего движения, а о том, что социалистическая теория — кто бы ни был персонально ее носителем — должна охватывать опыт всего исторического развития и хода классовой борьбы а не только узкий, повседневный опыт рабочей массы. А в том, что это верно, не может быть никакого сомнения.

Плеханов, следовательно, был целиком неправ, когда обвинял Ленина в бауэризме и приписывал ему «новое издание теории героев и толпы». Это была действительно демагогия, которая тем более интересна, что Плеханов, как известно, очень энергично защищал Ленина на II съезде от нападок экономистов, защищал те же самые положения, на которые он теперь сам обрушивался. Плеханов говорил тогда следующее:

«Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: «Мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи

---

[1] «Вперед» № 11, март 1905 г.

[2] Ленин, Соч., т. IV, стр. 391.

«революционной бациллы»... Но если вы устраните «бациллу», то останется одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливы к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидели бы, что именно это он и говорит» [1].

Мысли совершенно ясные, не допускающие двусмысленных толкований. Вполне естественно возникает вопрос, как объяснить столь резкую перемену взглядов на принципиальнейшую теоретическую проблему. Сам Плеханов в той же статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» дал исчерпывающий ответ на этот вопрос. По словам Плеханова, взгляд Ленина он «находил неверным с тех самых пор, как ознакомился с ним» [2]. У Плеханова, как он рассказывает, вообще были большие разногласия с Лениным. Плеханов пишет:

«Что я далеко не был удовлетворен его взглядами, это лучше всего видно из того, что однажды, находясь под впечатлением его брошюры, а также моих продолжительных споров с ним по поводу составлявшегося тогда проекта нашей программы, я высказал т. Мартову свое опасение того, что «теперь начинается у нас борьба метафизического марксизма Тулина [3] с диалектическим материализмом Бельтова» («Тулин, — поясняет Плеханов, — автор одной из статей в сборнике «Материалы к характеристике экономического развития России», напечатанном весною 1896 г. и тогда же запрещенном цензурой. От его статьи на две версты несло метафизикой») [4].

Все же в силу разных причин Плеханов не особенно протестовал против издания ленинской брошюры, надеясь, с одной стороны, что ее ошибки будут замечены читателем и что, с другой стороны, Ленин сам исправит свои ошибки. В связи с последним Плеханов особенно подробно развивает свои мысли и дает интереснейший материал для характеристики его отношения к Ленину

«Я никогда не считал Ленина сколько-нибудь выдающимся теоретиком и всегда находил, что он органически неспособен к диалектическому мышлению, — заявляет Плеханов. — Но я думал, что он все-таки дорожит интересами теории и что теория, интересы которой ему дороги, есть все-таки теория научного социализма. Он представлялся мне, — если употребить выражения, часто встречавшиеся в этой статье, — более инстинктивным, чем сознательным марксистом; но я верил в благодетельную силу его «ортодоксального» инстинкта и надеялся, что он лучше усвоит если не метод, то вывод марксизма, — вещь доступная даже для метафизика, — когда в его голову извне проникает более ясное марксистское сознание» [5].

Под впечатлением того, что Ленин может все-таки «исправиться», — рассказывает Плеханов,— он поехал на съезд партии и там взял Ленина под свою защиту. Но, защищая Ленина, Плеханов не защищал полностью его точку зрения по существу. Плеханов только не хотел дать разгораться бесполезным, по его мнению, спорам. По словам Плеханова, он говорил,

«как говорят няньки о напроказивших детях, которых они хотят исправить, не прибегая к наказанию: «Это не Ваня (или, там, не Володя) шалил,

---

[1] Плеханов, Соч., т. XII, стр. 415—416. Подчеркнуто нами. — *Ред*

[2] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 135.

[3] Один из псевдонимов Ленина. — *Ред.*

[4] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 136.

[5] Там же, стр. 135—136. Разрядка подлинника. — *Ред.*

это шалила кошка, а Володя (или, там, Ваня) — умный мальчик, он шалить не будет» [1].

Признание Плеханова интересно конечно не только для характеристики отношения Плеханова к Ленину, но и для характеристики сущности позиции самого Плеханова. В соединении со всеми материалами, опубликованными Ленинскими сборниками, эти признания как нельзя более ясно показывают, что Ленин и Плеханов действительно представляли две различные тенденции социал-демократического движения в России, что это различие политических мировоззрений Плеханова и Ленина проявилось задолго до II съезда и что сближение Плеханова с Лениным на II съезде не было органическим и прочным. В других статьях этого периода Плеханов касается не только ленинского «Что делать», но и других вопросов, которые на съезде сближали его с большевиками. И во всех этих отдельных моментах Плеханов усиленно старается подчеркнуть, что если он и был с большевиками, то не по-настоящему, не всерьез, а только наполовину и в известной степени случайно. Больше того, Плеханов совершенно определенно заявляет, что считает свою позицию затушевывания разногласий с Лениным ошибочной и жалеет об этой ошибке.

Эта цепь признаний Плеханова имеет необычайно большое историческое значение. Верное сочеталось в ней с неверным. Верно было то, что в прошлом Плеханова и Ленина разделяли серьезные разногласия, которые вскрылись не сразу в силу целого ряда политических соображений. Неверно было то, что эти разногласия были связаны с ленинским «Что делать». В. Воровский в той же статье «Плоды демагогии» отмечал, что еще в первом номере «Искры» писалось: «Оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность». Плеханов никогда не возражал против этой формулировки и против многих других, ей подобных.

Теперь мы знаем из материалов, опубликованных во II и III Ленинских сборниках, что разногласия между Лениным и Плехановым были связаны главным образом с вопросом о программе. В своей статье Плеханов сделал слабый намек на программные разногласия. Он вскользь заметил, что ему случалось

«опровергать и осмеивать многие из тех узко-метафизических доводов, которые когда-то выдвигал Ленин во время наших споров о нашем проекте программы» [2].

Но Плеханов ограничился намеком, не указав, в чем была суть разногласий. Ленин обратил на это внимание, считая этот вопрос особенно важным. Он сделал следующее примечание к статье Воровского:

«Этим подчеркиванием того, что проект программы писан не мной, Плеханов первый выносит на публику в виде намека, попрека и упрека наши споры о проекте программы. К сожалению, он не рассказывает об этих спорах, а ограничивается сплетней, т. е. утверждением пикантным, но неясным и непроверенным. Я должен поэтому добавить к статье моего коллеги против Плеханова, что у меня есть документальные данные о спорах наших при обсуждении проекта программы, и эти данные я при случае опубликую. Читатели увидят тогда: 1) что совершенная неправда утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за «Что делать». Оно было из-за деления шестерки пополам при спорах о программе; 2) что я

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 138.
[2] Там же, стр. 137.

отстаивал и отстоял включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства крупным. Плеханов хотел ограничиться расплывчатым выражением в духе знаменитого «более или менее»; 3) что я отстаивал и отстоял замену термина «трудящаяся и эксплоатируемая масса» термином «пролетариат» в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что Плеханов, когда я и мои сторонники шестерки упрекали его за недостаточно выраженный пролетарский характер партии в его проекте программы, защищался контробвинением, что я «понимаю пролетарский характер партии по-мартыновски».

Материалы, опубликованные в V Ленинском сборнике, показывают, что Ленин действительно собирался написать статью о Плеханове под заглавием «Плеханов и новая «Искра», набросал два плана этой статьи, но не привел своего намерения в исполнение очевидно благодаря быстрому развитию революционных событий, выдвинувших на первый план другие вопросы. Наброски Ленина ближайшим образом связаны со статьями Плеханова «Враждующие между собой братья» и «Выбранные места из переписки с друзьями», относящимися к августу 1905 г.

Несмотря на то что статьи Плеханова и заметки Ленина относятся не к тому периоду, который мы освещаем, мы должны кое-что использовать из них для более яркой обрисовки интересующего нас вопроса. Статьи Плеханова показывают со всей очевидностью, что он не отделался еще от своих впечатлений ранней поры развития русской социал-демократии, когда сам он был ее действительным отцом и учителем. Плеханову казалось, что он имеет дело с политическими детьми, с незрелым движением, споры внутри которого не могут иметь серьезного значения, возражения которого своему отцу являются необоснованной дерзостью.

Более осторожно и умно, чем Троцкий, но вполне определенно подчеркивал Плеханов интеллигентский характер разногласий между большевиками и меньшевиками, отмежевывался от тех и других, призывал их к единству, предлагая как переходную меру федерацию. Однако острие своей критики направлял именно против большевиков, лишь затушевывая это обстоятельство общими рассуждениями.

Ленин это отлично видел и в краткой заметке передал многое, что ярко характеризовало политическую линию Плеханова.

«Политическая безэтичность. Мода. Тушинские перелеты. Перебежчики. «Душечка». Хвастливость. Сверхчеловек одинок и думает, что это потому, что он выше всех. Иногда он еще вдобавок лицемерит для прикрытия перебежек» [1].

Оценивая характер поворота Плеханова после II съезда в сторону меньшевизма, следует всегда иметь в виду две стороны вопроса. Во-первых, конкретные условия этого поворота и личные особенности положения Плеханова в партии. Эти обстоятельства объясняют элементы надпартийного высокомерия и лицемерия в статьях Плеханова этого периода. Во-вторых, — и это для истории партии важнее всего, — основное принципиальное содержание позиции Плеханова. В ее характеристике не должно быть никаких колебаний: Плеханов шел к самому настоящему меньшевизму. Поворот его после II съезда был решительным принципиальным поворотом, резким разрывом «всерьез» и за небольшим исключением — навсегда. Вполне правильно оценило либе-

[1] Лен. сб., V, стр. 364.

ральное «Освобождение» плехановское «Чего не делать» как «Знаменательный поворот». Плеханов охарактеризовал этот отзыв как «забавное недоразумение» [1]. Но Плеханов был неправ. Никакого «недоразумения», тем более «забавного» не произошло. Произошел действительно «поворот» и действительно «знаменательный», а главное поворот неслучайный. Линия «новоискровцев» была близка линии Плеханова. Он знал куда поворачивает. Правда, в течение периода, который мы здесь освещаем, т. е. периода, предшествовавшего «земской кампании», Плеханов мало высказывался по собственно тактическим вопросам, но когда высказывался, то целиком в духе новой «Искры». Такова принципиальная позиция Плеханова, если характеризовать ее за весь период борьбы до начала революции. Вернемся теперь к моменту овладения меньшевиками ЦО для выяснения позиции меньшинства в целом после «захвата власти».

д) БОРЬБА ЗА СОЗЫВ НОВОГО СЪЕЗДА (ПРОТИВ МЕНЬШЕВИКОВ И ПРИМИРЕНЧЕСТВА В РЯДАХ БОЛЬШЕВИКОВ).

Из имеющихся документов видно, что на «плехановский переворот» Ленин сперва предполагал ответить «контрпереворотом», так как Плеханов явно нарушал решения съезда и грубо исказил смысл отставки Ленина, как шага к мирной ликвидации конфликта в рамках партийных постановлений. В № 53 «Искры» на первой странице было помещено сообщение об изменении в составе редакции, причем ни слова не упоминалось о том, как и почему это изменение произошло. «Объективность» этого заявления прикрывала тот факт, что Плеханов, совершая кооптацию формально по уставу, фактически грубо нарушал постановление II съезда партии. Поэтому смысл «контрпереворота» должен был свестись к роспуску кооптированной Плехановым редакции и к взятию «Искры» в руки ЦК. В VII Ленинском сборнике опубликовано следующее неизданное заявление ЦК, написанное Лениным и помеченное 27/XI 1903 г.:

«ЦК РСДРП в заседании 27 ноября 1903 г. в Женеве принял единогласно следующее решение: «Передача т. Плехановым редакции мартовцам представляет из себя прямой переход Плеханова на сторону меньшинства партийного съезда. Переход этот [тем более] является прямым нарушением воли партийного съезда под влиянием скандалов в заграничной Лиге и вопреки твердо заявленному решению большинства русских комитетов партии. ЦК не может допустить такого нарушения воли съезда тем более, что, воспользовавшись для своего шага отставкой т. Ленина, т. Плеханов совершил прямое нарушение доверия, ибо т. Ленин дал свою отставку условно в интересах доброго мира в партии. А мартовцы, отклонив ультиматум ЦК от 25 ноября, отвергли мир и объявили этим войну. Поэтому ЦК берет в свои руки ЦО партии и объявляет, что он [добьется] всеми силами будет добиваться, чтобы воля партии в целом, а не заграничной Лиги и не отдельного лица, определила будущую судьбу партии» [2].

Но затем Ленин отчасти под нажимом примиренчески настроенного ЦК, о чем ниже, главным же образом в силу слабой подготовленности партии в целом и даже части наиболее передовых ее кадров из большинства к такому перевороту решил заменить такой метод более длительным, осторожным, в рамках как устава, так и существующих центральных учреждений партии. Суть этой

---

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 34.

[2] Лен. сб., VII, стр. 277—78.

борьбы можно выразить в двух-трех словах: необходим новый съезд, за созыв которого и нужно всячески бороться. Поэтому 29 ноября на заседании Совета партии ЦК фактически санкционирует плехановскую «кооптацию», и в состав Совета входят от ЦО Мартов и Аксельрод. Специальным обращением ЦК «узаконяет» заграничную Лигу, и борьба за съезд начинается уже при новом соотношении сил.

В этот период разногласия вступают в новую фазу. Особенности этой фазы в том, что выходят наружу разногласия между линией Ленина и линией ЦК, закончившиеся выходом Ленина не только из Совета как представителя ЦК, но и из самого ЦК.

Но «уступчивость» Ленина была совсем другой, чем «уступчивость» ЦК. Если момент требовал пока сохранения меньшевиков в партии и даже на руководящих постах, то это конечно не означало прекращения борьбы или беспринципной уступчивости.

Еще в известном рассказе о II съезде РСДРП, предназначавшемся для тесного круга единомышленников и впервые опубликованном в VI Ленинском сборнике, Ленин писал:

«Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться, — как подчинялись, без единого слова, искровцы твердой линии, когда их *бил* и разбил Мартов коалицией с Бундом. Но мартовцы зарвались уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол...» [1].

Означало ли, по Ленину, это «подчинение меньшинству без единого слова», — отказ от борьбы, смазывание или умаление разногласий? Конечно нет. Это означало только признание борьбы, борьбы до конца, но в границах партийности, как это диктовала сложившаяся обстановка. Допустимы ли «уступки» со стороны большинства меньшинству или необходимо всегда немедленно механическое отсечение? Уступки возможны, но эти уступки вовсе не означают ни того, что разногласия устраняются или умаляются, ни того, что фактом уступки частично сдаешь свою собственную позицию. Большевистская, диалектическая постановка вопроса обязывает к сочетанию глубокой принципиальности с учетом конкретных условий борьбы. А условия, как мы их характеризовали выше, как раз и были таковы, что лобовой атакой можно было только повредить делу. Что означала «уступчивость» ЦК? Уступчивость ЦК вытекала из непонимания характера разногласий и их глубины, из того, что разногласия рассматривались почти исключительно сквозь призму личного. Для отдельных членов ЦК некоторое значение имела также их оторванность, невозможность из России улавливать своевременно развивающиеся этапы борьбы, разоблачавшие меньшевизм и Плеханова, непонимание ленинской «гибкости». При этом, преуменьшая глубину разногласий и находясь под впечатлением того, что меньшевики пока что мало высказывались по принципиальным вопросам, ЦК не сумел правильно уловить тенденцию развития меньшевизма и его связь как с экономизмом, так и с освобожденчеством. Позиция же Плеханова внесла в ЦК еще большее смятение. Это непонимание характера борьбы, вытекавшее из очерченных выше условий, и того, что формально речь шла о «компромиссах» внутри «одной» партии, особенно

[1] Ленин, Соч., т. VI, стр. 57.

резко проявилось у ЦК как раз в период разрыва Ленина с Плехановым и перехода последнего на сторону меньшевиков. Это был период ярко выраженного беспринципного примиренчества в рядах ЦК. Как и поворот Плеханова, примиренчество оказало огромную услугу именно меньшевикам и их дезорганизаторской работе. Мы увидим, как окрыляла меньшевиков «примиренческая» борьба ЦК с Лениным, подталкивая их к более решительному образу действий. Руководящая тогда группа меньшевиков как к Плеханову, так и к ЦК относились как к «мавру», который должен будет сделать свое дело, чтобы потом уйти. Ленин был совершенно прав, поднимая вопрос о необходимости борьбы за подготовку нового съезда, который положил бы конец новому разброду, внесенному меньшевизмом в партию: ведь Ленин знал, что после таких «шагов» Плеханова меньшевики перейдут к еще более решительной атаке. Что в этой атаке видная роль отводилась «примиренчеству» ЦК, показывает хотя бы информация Плеханова и меньшевиков о Носкове, которого они считали «своим», предполагая, что его можно будет «двинуть» против Ленина. Меньшевики разработали целый план кампании, которая должна была закончиться полной капитуляцией большевизма и даже исключением Ленина из партии. 25/V 1904 г., уже после выхода брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад», Аксельрод писал Потресову:

«А теперь о брошюре нашего бонапартика (В. И. Ленина). Она на меня производит впечатление нелитературного произведения... я ее не одолел еще, но впечатление таково, что... «товарищу» Ленину... не должно быть места в партии... И вот мне пришла в голову... идея... Редакция представляет ЦК мотивированное требование о замещении Ленина в совете другим представителем. При этом заявляет, что в случае несогласия переведет (не для печати) на немецкий язык книгу Ленина и другие документы и представит их интернац[иональному] бюро, Каутск[ому, Бебелю и т. д.]. И обо всем этом напечатает в «Искре» вместе со своим подробно мотивированным предложением ЦК об удалении Ленина из совета...» [1].

Что это не было только «планом» Аксельрода, показывает также письмо Парвуса к Потресову, которому Парвус предлагал кооптировать Ленина в редакцию с тем, чтобы одновременно произошла кооптация представителей меньшинства в ЦК. Плеханов также участвовал в плане окончательного сокрушения меньшевиками Ленина, желая «убить» его «работой». В письме к Потресову от 21/VII 1904 г. он пишет:

«Сегодня я послал к вам свою статью против Ленина. Она вышла очень большая... Прочитав статью, вы сами увидите, что сократить ее было трудно: я атакую центр ленинской позиции и должен был окружить ее со всех сторон» [2].

Особенно подробно разработан план атаки на большинство в письмах Потресова, хотя последний в этот период был мало активен, но он играл крупную роль в деле борьбы против партии, в особенности же в попытке окружить большевиков со всех сторон, чтобы заставить сдаться. Потресов видел, что одних собственных сил и даже одних только сил заграничных меньшевиков недостаточно для того, чтобы покончить с Лениным. Он

[1] Социал-демократическое движение в России, т. I, Гиз., стр. 123.
[2] Там же, стр. 130—131.

пытается воздействовать на партию при помощи не только «своих» вождей, но и признанных тогда вождей II Интернационала, которые должны были выступить в роли «икон для верующих». Их выступление должно было произвести на молодую партию совершенно особое впечатление и окончательно убедить ее в том, что Ленин и большинство действительно — только новое издание бланкизма и бакунизма, раз против них выступают даже «сам» Каутский, Бебель и др. В связи с первым выступлением Каутского против одного из сторонников большевизма Лидина (М. Н. Лядова) Потресов писал Аксельроду:

«Во-первых, спешу вам сообщить, что я только что получил от Каутского письмо, разрешающее нам напечатать его ответ Лидину в «Искре». Итак, первая бомба отлита — с божьей помощью Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы был выработан общий план кампании против Ленина; взрывать его, так взрывать до конца, методически и планомерно... Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов — Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса. Это, знаете, для того, чтобы ударить по лбу наших меднолобых, рассеять гипноз и сделать их хотя сколько-нибудь восприимчивыми для аргументации по существу, а не для одних сакраментальных словечек»[1].

Таким образом обращение ко II Интернационалу вовсе не означало для меньшевиков мобилизации всей партии для уяснения сущности раскола, а, наоборот, для замазывания этих разногласий и запугивания партии давлением на нее «именами». Тем временем меньшевики подготовляли этот раскол тайком, нечестными приемами. Такой образ действий по отношению к партии обнаруживал мещанско-интеллигентскую природу меньшевиков. Борьба с ними, как и с Плехановым, за III съезд партии была борьбой за партийные методы ликвидации раскола. Меньшевистский план борьбы не остался планом на бумаге.

Но прежде чем перейти к освещению этапов борьбы против партии в этих новых условиях, мы остановимся на характеристике меньшевистских принципиальных позиций, на основе которых они пытались завоевать партию.

е) ПОЗИЦИЯ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ «ИСКРЫ». П. Б. АКСЕЛЬРОД И ВЫРАБОТКА МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПЛАТФОРМЫ.

Богатейший материал для уяснения связи между организационными и тактическими взглядами меньшевиков дают статьи Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и его задачи» («Искра» № 55 и 57) и «К вопросу об источниках и значении наших организационных разногласий» («Искра» № 68). Это о них писал Ленин:

«За основу разбора принципиальной позиции новой «Искры» следует взять, несомненно, два фельетона т. Аксельрода» [2].

Как и все другие меньшевики, Аксельрод прежде всего старается доказать несостоятельность ленинских организационных принципов. Но в защиту своих положений Аксельрод развернул очень широкую принципиальную аргумента-

[1] Социал-демократическое движение в России, т. I, Гиз, стр. 124—25. Подчеркнуто нами. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. VI, стр. 300.

цию, которая вышла далеко за пределы трактуемых организационных вопросов и затронула самые основные принципиальные вопросы политической деятельности пролетариата.

Обосновывая свое нападение на идеи «централизма», Аксельрод прежде всего пытается вскрыть классовое содержание этих идей. Само собой разумеется, что как правоверный меньшевик Аксельрод считает большевистские организационные принципы непролетарскими и в их распространении видит признак буржуазного влияния на рабочее движение. Развивая в этом направлении свою мысль, Аксельрод доходит до утверждения, что вся партия, вся российская социал-демократия далеко не является пролетарской партией. Дальше он дает еще более резкие формулировки. Оказывается, что партия вообще еще не стала партией.

«Мы еще вовсе не составляем п о л и т и ч е с к о й партии в настоящем смысле слова, между тем как по своим субъективным стремлениям и объективным требованиям нашего положения должны бы уже быть такой партией»,

заявляет Аксельрод. По его мнению российская социал-демократия пока является

«еще преимущественно организацией лишь принципиальных сторонников пролетариата среди революционной интеллигенции».

Аксельрод довольно обстоятельно пытается вскрыть исторические причины, которые обусловили указанную им особенность классового характера российской социал-демократии. В конечном счете объяснения Аксельрода сводятся к одной основной первопричине — к тому факту, что в России еще не совершилась буржуазно-демократическая революция, что русская буржуазия не проявила и еще не проявляет достаточной революционной активности и что выполнение задач собирания революционных сил для свержения царизма выпало на долю «принципиальных сторонников пролетариата». В России социал-демократии пришлось самой заняться элементарной задачей политического пробуждения рабочих масс, пришлось заняться задачей, которая не носит в себе специфических классовых пролетарских черт. Таким образом непролетарский характер партии объясняется, по мнению Аксельрода, непролетарским характером исторических задач, которые она на себя взяла.

Само собой разумеется, что, объясняя, Аксельрод в то же время осуждает. Он считает «окольным путем» тот путь, на который стала российская социал-демократия. Он подвергает самой обстоятельной и самой резкой критике всю тактику социал-демократической работы. И критикует он, конечно, как это сразу видно, не «экономистов», а линию ленинского «Что делать», ту линию, которая была официальной линией всей старой «Искры». Даже больше. Аксельрод старается показать, что «экономизм» во многом стоял выше, чем искровская практика. Аксельрод отдает предпочтение «экономистам», признавая, что они — пусть узко, но все же правильно понимали классовые задачи пролетариата, старались быть близкими к массе, развивать ее самодеятельность и не противопоставляли себя ей. Тогда как ленинцы не дают развиваться самодеятельности масс, отрываются от них, практикуют заместительство пролетариата интеллигентской организацией профессионалов-революционеров. Так

что понимание отношения партии к классу, по мнению Аксельрода, было в основе своей правильнее у экономистов.

Здесь разрыв с линией старой «Искры» и переход на сторону ее противников был полный.

Свое осуждение практики работы старой «Искры» Аксельрод связывает с осуждением ее принципиальной линии в смысле сочетания классово-пролетарских и обще-демократических задач. «Классовую борьбу со всем буржуазным строем» эта практика, по мнению Аксельрода, почти что игнорирует; фактически она исчерпывается одной только «борьбой с самодержавием», связанной с «пролетарским учением» лишь социал-демократической фразеологией, в «идеале» вообще — субъективными стремлениями платонического свойства» — жалуется Аксельрод. Он никак не может одобрить того, что, по его мнению,

«между н а ш и м и политическими задачами в современной России и обще-демократической злободневной задачей борьбы с царско-полицейским режимом — лишь бы во главе масс в этой борьбе шла социал-демократия — поставлен был знак равенства».

Это изображение большевистского разрешения вопроса о сочетании социал-демократических и демократических задач рабочего движения, разумеется, неверно. Но важно то, что в этом непонимании, которое проявляет Аксельрод, ясно обнаруживается его собственное отношение к разбираемому вопросу. Выясняется с полной очевидностью, что перспектива гегемонии социал-демократии в освободительном движении явно смущает Аксельрода, и он отвергает ее, имея в виду какие-то другие особые «наши», т. е. классово-пролетарские политические задачи.

Отказ Аксельрода от гегемонии пролетариата в демократической революции тем более ясен, что Аксельрод не признает партию рабочего класса действительным вождем того освободительного движения, которое уже развернулось и стало реальностью. В самых откровенных выражениях выявляет Аксельрод свое признание превосходства за буржуазно-демократическими элементами.

Представление о слабости сил пролетариата и его партии лежит в основе всех рассуждений Аксельрода. Он неоднократно подчеркивает в самых резких выражениях отсталость, слабость социал-демократии. Говоря о том периоде, когда рабочие рвались в бой, Аксельрод отмечает, что партия не в состоянии была овладеть массовым движением, и делает отсюда следующий характерный вывод:

«Если бы в этот период на арене политической борьбы оказалась сколько-нибудь организованная буржуазно-революционная фракция, способная стать во главе революционно настроенных рабочих масс, наша партия сразу оттеснена была бы на задний план и, быть может, надолго лишилась бы всякого серьезного общественного значения».

Это замечание вполне естественно вытекает из всей концепции Аксельрода. Оно еще раз подчеркивает, с одной стороны, признание задач политической борьбы с самодержавием классово-буржуазными задачами и, с другой стороны, признание необычайной слабости и неустойчивости партии. Здесь опять-таки необходимо подчеркнуть, что в самом опасении конкуренции со стороны буржуазных партий ничего неверного не было. Ленин тоже подчеркивал, что буржуазные партии могут оказаться сильными конкурентами социал-

демократии в области влияния на массы. Деятельность партии эсеров — роль Гапона, Хрусталева и Шмидта — показывает, что почва для таких опасений существовала, но Ленин, видя все это, считал необходимым бороться с буржуазными партиями за гегемонию пролетариата и находил победу пролетариата вполне возможной. Аксельрод считал партию слишком слабой для такой борьбы, неспособной победить в ней. Он подчеркивал, что за буржуазными партиями в данном случае должно быть преимущество, так как речь идет о выполнении исторических задач буржуазной демократии. Последним, так сказать, и карты в руки; социал-демократия могла сыграть свою роль серьезной общественной силы только потому, что налицо не было конкурента, а если бы такой конкурент существовал, то он, несомненно, оттеснил бы социал-демократию на задний план. Вполне понятно поэтому, что Аксельрод осуждает стремление социал-демократии взять на себя роль руководителя демократического движения. Он пишет:

«Практика нашего движения продвинулась вперед только в общереволюционном, а не социал-демократическом смысле... Получается такой результат, будто революционный социал-демократизм, подобно кустарничеству и оппортунизму, стихийным образом выполняет только роль заместителя буржуазной идеологии в освободительном движении России против абсолютизма».

Последнее выражение заслуживает особого внимания. Оно в яркой и точной форме передает оценку значения роли пролетариата в освободительном движении со стороны виднейшего и авторитетнейшего вождя меньшевизма.

Но Аксельрод не ограничивается этим громким эпитетом — «заместитель буржуазной идеологии». Он говорит не просто о «заместительстве», но и служении, подчинении пролетариата буржуазной идеологии. В практике социал-демократического движения он видит «отдачу рабочих масс под команду революционных элементов буржуазии». Если бы практика работы социал-демократии не изменилась, то

«мы имели бы в данном случае,— заключает Аксельрод, —революционную политическую организацию демократической буржуазии, ведущую за собой в качестве боевой армии рабочие массы России. А для довершения своей злой иронии история, пожалуй, поставила бы нам еще во главе этой буржуазной революционной организации не просто социал-демократа, а самого что ни на есть ортодоксального (по его происхождению) марксиста».

В этом указании на «ортодоксального марксиста» Аксельрод, несомненно, делает весьма прозрачный намек на Ленина, пытаясь теоретически обосновать меньшевистские обвинения по адресу Ленина в бланкизме, робеспьеризме и т. п. В этом положении, что социал-демократия «замещает» буржуазную идеологию в освободительном движении, что пролетариат подвинулся вперед только в «обще-демократическом», а не классовом смысле, — ключ к пониманию позиции Аксельрода и всего меньшевизма в этот период. Аксельрод противопоставляет антицаристское сознание классовому, считая, следовательно, что противоречия между пролетариатом и буржуазией не могут достаточно ярко обнаружиться в борьбе с царизмом и что нужны специальные методы классовой борьбы и классового воспитания. Поэтому вполне по-

нятно, что Аксельрод требует пересмотра и изменения линии работы партии. Он находит, что II съезд ничего не дал положительного в этом отношении и что теперь снова выдвигается основной вопрос: «что делать». Не считая борьбу с самодержавием к л а с с о в о й, в полном смысле этого слова, задачей пролетариата, Аксельрод выдвигает на первый план другие специфические классовые задачи.

«Влияние пролетарского или социал-демократического элемента в современном революционном движении России может выразиться лишь в том, что подготовительный процесс буржуазной революции явится в то же время процессом политического воспитания и объединения рабочих масс в партию революционного социализма. Задача и долг российской социал-демократии заключается именно в том, чтобы обратить таким путем предстоящую ликвидацию сословного и самодержавно-бюрократического строя в непосредственный пролог классовой борьбы пролетариата, уже с непосредственной целью политической экспроприации буржуазии, для совершения революции социалистической».

На разборе приведенной выдержки мы остановимся ниже. А сейчас покажем, как более конкретно мыслил себе Акселърод переход к новой «классовой политике», которую предвозвещал. «Выступление партии на путь политического воспитания и объединения пролетариата на почве не одной только борьбы с самодержавием, но и принципиального антагонизма со всем буржуазным обществом» Аксельрод во всяком случае понимал не как непосредственную революционную борьбу. Слово «борьба» фигурировало лишь в формулировке как общее слово, которое обычно употребляется, когда говорят о взаимоотношениях классов. На деле главное во взглядах Аксельрода сводится именно к в о с п и т а т е л ь н ы м задачам и разъяснению пролетариату его классовой политики и к противопоставлению его буржуазии в ч и с т о и д е й н о й, п о т и п у б л и з к о й к п а р л а м е н т с к о й б о р ь б е. Об этом вполне ясно свидетельствует сам Аксельрод. «Основную задачу» он формулирует как

«развитие классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата».

Путь к достижению этой задачи лежит, по мнению Аксельрода, через

«планомерное, систематическое вмешательство рабочих масс, организованных в классовую партию или руководимых ею, во все сферы общественно-политической жизни».

И, конечно, «планомерное, систематическое вмешательство... во все сферы общественно-политической жизни» он представляет себе типичным «парламентским», «словесным» вмешательством. Об этом свидетельствует сам Аксельрод, разъясняя в специальном примечании, что, говоря о классовой политической партии пролетариата, он подразумевает

«политическую партию современного типа, господствующую в государствах конституционных».

Совершенно ясно, что и «методы действия такой партии должны были соответствовать методам действия партий, господствующих в странах конституционных». Знаменитый меньшевистский план земской кампании является ярким подтверждением этому.

Таков круг идей Аксельрода, изложенный им в новой «Искре». Мы остановились на них с достаточной подробностью, ибо взгляды Аксельрода имели

громадное влияние на развитие меньшевизма. Изложенные нами статьи Аксельрода явились принципиальной, идейной основой, из которой вытекли почти все основные пункты меньшевистской позиции в революции 1905 г. Поэтому так важно ознакомление с этими статьями и разбор их.

Первое, что мы должны констатировать, это то, что вопросы, затрагиваемые Аксельродом, как мы уже отмечали, далеко выходят за пределы организационных вопросов, волновавших в то время партию. По существу статьи Аксельрода на девять десятых посвящены основным принципиальным вопросам политической тактики социал-демократии. Аксельрод излагает цельную систему взглядов, которая по всем своим пунктам противопоставляется большевизму. И в этой системе яснее ясного виден переход от организационных разногласий к тактическим, та л о г и ч е с к а я с в я з ь, которая этот переход вызывала и облегчала. Сначала — признание большевистских организационных принципов неверными. Затем — классовая оценка этих принципов и объявление их буржуазно-революционными. В связи с этим — утверждение о фактическом господстве буржуазно-революционных элементов над рабочими массами и о том, что социал-демократическая партия еще не является настоящей партией. Отсюда — требование пересмотра старой политической тактики и перехода к новым формам работы, которые должны максимально уподобить российскую социал-демократию западно-европейской. Вот логический путь, который был проделан Аксельродом и вместе с ним всем меньшевизмом. Куда же привел этот путь? Как оценить по существу новую точку зрения, сложившуюся у меньшевиков?

Главная ошибка Аксельрода заключалась в том, что он вместо анализа реальных политических фактов рисовал общую схему, совершенно не соответствующую действительности.

Аксельрод игнорировал глубокую связь, которая существовала между большевизмом и рабочим движением, не видел той работы по пробуждению и развитию классового самосознания пролетариата, которую проделывала социал-демократия. Поэтому так нелепо звучал призыв Аксельрода к общей агитации и пропаганде, когда перед пролетариатом выдвигались новые важнейшие революционные задачи, требовавшие, помимо обычной агитации и пропаганды, величайшего напряжения сил. Ленин в связи с этим говорил об Аксельроде, что он «твердит зады, пережевывает азбуку».

Но особенно большое значение имело то, что с тем же абстрактным схематизмом Аксельрод подходил к самому основному вопросу, — к определению классовых задач пролетариата и других классов в предстоящей революции. Вместо анализа реальных социальных отношений дореволюционной России и определения политических задач тех или иных классов в связи с их очередными задачами, Аксельрод строил общую схему, обнаружившую его неверный подход к пониманию исторических событий. Буржуазную революцию совершает и должна совершать буржуазия, пролетариат же может совершить только пролетарскую социалистическую революцию, — вот как рассуждал Аксельрод. Вся черновая будничная работа, необходимая для совершения буржуазной революции, не может считаться «клас-

сово пролетарской» работой. Оппортунистическая сущность этих положений совершенно очевидна. Аксельрод не видел, что переход к буржуазному общественному строю может совершаться в различных формах, различными путями и что в отличие от буржуазии пролетариат кровно, «классово» заинтересован в том, чтобы этот переход был возможно более радикальным, революционным. Решительная, последовательная демократическая революция, как это мы могли видеть хотя бы из предшествующего очерка, вполне отвечала классовым интересам пролетариата, она только не исчерпывала их.

И если Аксельрод отказался от идеи гегемонии пролетариата в демократической революции во имя якобы «подлинно классовых интересов» пролетариата, он совершал нечто обратное своему субъективному намерению. Аксельрод отворачивался от серьезнейшей, очередной исторической задачи, которую история поставила перед пролетариатом прежде всего, и тем самым урезывал его революционную активность. То, что это совершалось им в имя грядущих великих задач социалистической революции, не меняло дела. Возможность успешного выполнения будущих, более или менее отдаленных задач зависит от успешности выполнения задач настоящих, потому что всякий последующий этап движения подготовляется предыдущим. Совершение буржуазной революции под гегемонией пролетариата, по пути, указанному пролетариатом, было необходимо как наиболее верная гарантия облегчения социалистической революции.

Отказ от этой задачи неизбежно должен был затруднить, фактически отдалить осуществление социалистической революции, хотя бы этот отказ и совершался во имя ее.

Ошибка, совершенная Аксельродом, и методологически и по содержанию чрезвычайно интересна и значительна исторически. Она повторялась и повторяется непрерывно на всем протяжении истории рабочего движения как откровенными оппортунистами, так и представителями «левой фразы». В самой концепции Аксельрода откровенный оппортунизм тесно связан с «левой фразой». Логическое развитие посылок Аксельрода поэтому было мыслимо в двух направлениях.

«Борьбу со всем буржуазным обществом», которую провозглашал Аксельрод, он сам понимал как мирную реформистски-парламентскую, а не революционную борьбу. В этом с ним согласны были почти все меньшевики, и такое понимание формулы Аксельрода приводило к откровенно оппортунистическим выводам и практике. Но этот же самый лозунг Аксельрода можно было понять и как призыв к немедленной борьбе против всего буржуазного строя. Развивая это понимание, можно было притти к игнорированию буржуазно-демократического характера революции. Это понимание и развил впоследствии Троцкий, точку зрения которого мы разберем в специальной главе. Но Троцкий не сразу выступил с этим своим «лево-аксельродовским» взглядом на характер и движущие силы революции. Некоторое время он выступал, как «ортодоксальный аксельродовец».

Мы поэтому познакомимся еще с выступлениями Троцкого, чтобы получить более полное представление о развитии политических взглядов

Троцкого и идейных истоках течения, именуемого «троцкизмом», а также со всеми основными «оттенками» мнений новой «Искры» в этот период.

ж) Л. Д. ТРОЦКИЙ.

Основными документами, по которым можно судить о позиции Троцкого в этот период, являются его речь на II съезде, отчет сибирской делегации, статьи в новой «Искре» и брошюра «Наши политические задачи», а также материалы, опубликованные в переписке Мартова и Аксельрода. Наиболее полно взгляды Троцкого выражены в названной брошюре [1]. Она вышла в Женеве в 1904 г. как ответ на ленинскую «Шаг вперед, два шага назад».

Идейное влияние Аксельрода наложило глубокую печать на эту работу Троцкого. С полным основанием она носит посвящение «Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». В тексте своей работы Троцкий неоднократно с явным сочувствием останавливается на характеристике Аксельрода и его идейной линии. По мнению Троцкого, Аксельрод — «верный и проницательный страж интересов пролетарского движения», «истинный пролетарский идеолог в том смысле, в каком они имеются только в Германии», а фельетоны Аксельрода в № 55 и 57 «Искры» «знаменуют начало новой эпохи в нашем движении». Вся брошюра Троцкого представляет собою не что иное, как разъяснение и развитие мыслей, изложенных в разобранных выше статьях Аксельрода.

Стилистическая размашистость, безудержный полемический задор, угловатая резкость формулировок — отличительные черты «Наших политических задач». Об этом дают представление уже некоторые «громкие» подзаголовки брошюры, как например «Игнорирование задач самодеятельности пролетариата, как наследие периода «Искры», «Прочь политическое заместительство», «Диктатура над пролетариатом» и т. п. Об этом дает представление и то презрение, которое высказывается в брошюре по отношению к Ленину, в частности к его книге «Шаг вперед, два шага назад», о которой говорится, что в ней

«разрозненным предрассудкам придано подобие системы», и что «хотя и до выхода названной книжки мы не сомневались, что ничего внушительного тов. Ленин не сможет сказать в защиту своей позиции, ибо позиция, занятая им, совершенно безнадежна, но все же такой бедности мысли, какую он обнаружил, мы не ожидали» [2].

Как и Аксельрод, Троцкий с брезгливой презрительностью говорит о «копании в организационных мелочах», о «поразительно нищенской» мысли идей централизма. Большевистскому организационному плану и большевистской партийной дисциплине Троцкий противопоставляет «путь выживания наиболее прогрессивных программных, тактических и организационных оттенков»,

---

[1] В книге «Моя жизнь», выпущенной Троцким за границей в 1930 г. (вып. I, изд. «Гранит», Берлин), книге насквозь лживой, ренегатской, полной самовосхваления и самолюбования, где, между прочим, Троцкий особо подчеркивает свою исключительную память, он «нечаянно забывает» — говоря о расколе — упомянуть эту свою брошюру и так характеризует свое отношение к расколу: «Организационные планы Ленина вызывали у меня некоторые сомнения... связь с меньшинством II съезда имела кратковременный характер... Охватывая теперь прошлое в целом, я не жалею об этом».

[2] Троцкий, Наши политические задачи, стр. VIII и X.

т. е, путь фракционной борьбы, не ограничиваемой никакими рамками, захватывающей даже область программных вопросов.

Различие между выступлениями Троцкого и Аксельрода заключается лишь в том, что Аксельрод, как старый опытный политик, как учитель, развивал свою точку зрения осторожно, с большим умением, Троцкий же, как молодой ученик, высказал многое, что у Аксельрода не было договорено, и довел до крайности его положения.

Направляя свою критику против большевистского организационного плана, как такового, Троцкий выступает вообще против организационного плана, против предпочтительного внимания вопросам организации, тем самым подтверждая ленинскую мысль о «барском анархизме» меньшевиков. Он пишет:

«Вся наша задача целиком лежит в области политической тактики. Мы, так называемое «меньшинство», не выставляем самостоятельных организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно в процессе политической борьбы. В этом смысле мы действительно проявляем «оппортунизм в организационном вопросе» [1].

В связи с этим Троцкий и формулирует как неотложную очередную задачу «разрушение организационного фетишизма» и «очищение поля для вопросов политической тактики». Брошюра Троцкого целиком посвящена выполнению этой задачи. Сам Троцкий заявляет в предисловии:

«Эта брошюра и представляет собой попытку привлечь внимание товарищей, утомленное и притупленное наполовину схоластическими организационными дебатами, к вопросам политической тактики, с которыми связана вся дальнейшая судьба нашей партии [2].

Троцкий, таким образом, довел до крайности организационный оппортунизм меньшевиков, открыто бравируя этим. В этом вопросе, который по существу является вопросом об отношении партии к классу, Троцкий наиболее ярко выявил своеобразие своей собственной троцкистской позиции, совмещавшей меньшевистский оппортунизм с «левыми» фразами: другие вожди меньшевизма не договаривались до таких крайностей в вопросе о роли партии, о путях ее организации, о значении партийности и революционных методах борьбы, как Троцкий. Троцкому было чуждо представление о партии, как об авангарде класса, главное назначение которой — вести массы и обеспечить единство и силы и действия, что ни в коем случае не означает охвата партийными рамками всего пролетариата. До перехода власти в руки пролетариата подобный охват вообще совершенно невозможен, но и после взятия власти он может более или менее полно реализоваться только постепенно. Между тем Троцкий необходимым условием возможности диктатуры пролетариата считал охват партией всего пролетариата, т. е. почти полное отождествление партии и класса.

В попытках уточнить задачи партии, подчеркнуть ее организационное значение в деле борьбы за диктатуру пролетариата, Троцкий был склонен видеть отрыв от классовых задач, противопоставление партии

[1] Троцкий, цит. брошюра, стр 86. Разрядка наша.—*Ред.*

[2] Там же, стр. IX.

классу, подготовку «диктатуры над пролетариатом». Что партия проводит политику класса, не будучи организационно тем же, что и весь класс, Троцкий не понимал. Отсюда его противопоставление «социально-экономических» и «социально-политических» задач диктатуры пролетариата «организационно-заговорщическим» задачам, подчеркивание того, что

«развитие целого класса совершается неуклонно, но медленно; медленно, но неуклонно», что поэтому нужно раз навсегда отказаться от ускоренных методов политического заместительства, так как «единственным базисом неавантюристской социалистической политики сможет быть только самодеятельный пролетариат, а не класс, которому привито «настроение» в пользу сильной властной организации над ним» [1].

То, что диктатура пролетариата немыслима, как насилие заговорщиков над рабочим классом, конечно, верно. Но вся суть в том, что большевистская точка зрения вовсе не выдвигала заговорщических проектов. Письмо «большевиков-уральцев», которое Троцкий приводил, как пример большевистского утопизма, содержало в себе некоторые неудачные упрощенные формулировки, но в основе своей оно выражало правильную тенденцию партийной работы. Выступая против уральцев, Троцкий, как и Плеханов, выступал как раз против основ большевистской линии партийной работы, а не против ее отдельных удачных или неудачных формулировок. Последние использовались Троцким лишь как материал для того, чтобы окарикатурить большевизм и тем облегчить себе борьбу с ним. Вот какую партию хотел иметь Троцкий до завоевания власти, такую же партию думал он сохранить и в период диктатуры пролетариата. Именно поэтому-то Троцкий так и не понял большевистского учения о партии и партийности, повторяя в последующие периоды «меньшевистские зады» в этом важнейшем вопросе ленинизма.

Карикатурное изображение большевизма было вообще излюбленным методом меньшевистской борьбы. Мы это видели на примере Аксельрода, увидим и дальше. Утопизм, бланкизм, якобинизм, — в устах меньшевиков являлись синонимами большевизма. В лучшем случае это свидетельствовало об их непонимании сущности большевистской точки зрения и о пристрастии к поверхностным аналогиям.

Троцкий вопросу о якобинизме посвятил целый раздел «Якобинизм и социал-демократия». В основу этого раздела положена критика известного ленинского положения —

«Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ».

Главная цель, которой задался Троцкий, — это доказать, что социал-демократию нельзя ни в каком отношении сравнивать с якобинизмом, так как у них нет ничего общего. Троцкий начинает свое доказательство с формального истолкования положения Ленина в том смысле, что Ленин либо дает ничего не стоящий «плеоназм»: социал-демократ — есть социал-демократ, либо хочет утверждать, что якобинец, оставаясь якобинцем по всему своему мировоззрению, может стать социал-демократом. И тут Троцкий, разумеется, показывает, что такая вещь невозможна, так как якобинец — это революционный буржуа, утопист, идеалист, рационалист и т. п.,

[1] Там же, стр. 106.

а социал-демократ — это представитель пролетариата, материалист, диалектик и т. п.

Конечно Троцкий неверно изобразил положение Ленина. Ленин не хотел сказать, что якобинец, как таковой, оставаясь якобинцем XVIII в., может быть в то же время социал-демократом. Ленин хотел только сказать, что революционный социал-демократ, чтобы быть действительно революционным социал-демократом, должен соединять в себе мировоззрение пролетариата — марксизм и принадлежность к организации рабочего класса с якобинской манерой решительного революционного действия, в противоположность оппортунистам, которые, отказываясь от такого действия, перестают быть настоящими марксистами. Всякий, кто читал Ленина, мог видеть это с полной очевидностью.

Карикатурное изображение ленинской точки зрения облегчало Троцкому защиту оппортунизма. Что речь шла действительно о защите оппортунизма, видно также из того, что Троцкий отмечал как отрицательные черты якобинизма, которые социал-демократия не должна повторять, не только буржуазность, идеализм и т. п., но и способы революционного действия их: террор, гильотину. Обрисовывается вполне отчетливо, что Троцкий отрицательно относился тогда и к якобинской тактике террора, считая ее обусловленной безвыходным положением якобинцев и осужденной на неудачу.

«Якобинцы были утопистами. Они хотели республики равенства — на основе частной собственности, республики разума и добродетели — в рамках классовой эксплоатации. Методы их борьбы лишь вытекали из их революционного утопизма. Они стояли на острие великого противоречия, и они призвали к себе на помощь острие гильотины» [1].

Здесь вполне ясно выражена мысль Троцкого о том, что революционная политика якобинцев не есть закономерная политика революционной диктатуры для сокрушения врага, что это — лишь отчаянные попытки утопизма спасти себя от давления исторических сил. Еще яснее мысль о том, что революционная нетерпимость якобинцев есть просто сектантская нетерпимость — выражена в следующих формулировках:

«политическая подозрительность была неизбежным методом служения «истине» и высшей гражданской обязанностью «настоящего патриота»; «их внутренне-противоречивый теоретический идеализм толкал их на путь политического недоверия и беспощадной подозрительности»; «их метод был — гильотинирование малейших отклонений»; «якобинцы продвигали между собой и модерантизмом железо гильотины. Логика классового движения была против них, и они пытались обезглавить ее. Безумие! У этой гидры число голов все более возрастало, а головы, преданные идеям добродетели и истины, редели с каждым днем. Якобинцы «очищались», ослабляя себя. Гильотина была только механическим орудием политического самоубийства, а самое самоубийство было роковым выводом их безнадежной исторической позиции — глашатаев равенства на почве частной собственности, провозвестников универсальной морали в рамках классовой эксплоатации».

Мы не имеем возможности останавливаться здесь на подлинном характере и значении якобинской диктатуры. Это сделано отчасти в I главе. Важно только подчеркнуть, что суть этой диктатуры во всяком случае была не в «безумии» и не в утопии, а, говоря словами Маркса, в «плебейской расправе со ста-

[1] Троцкий, цит. брошюра, стр. 91 и сл.

рым порядком», что методы ее действия имели колоссальное положительное значение для судеб революции во Франции. Но от методов действия якобинской диктатуры Троцкий считал необходимым отказаться во всяком случае и противопоставлял им методы действия пролетарской партии, как он их и ее понимал.

«Наш метод — идейно-политическое изживание разногласий. Они отрубали головы, мы просвещаем их классовым сознанием». «Чистейшим оппортунизмом, принесением исторических интересов пролетариата в жертву фикции временного успеха была, есть и будет всякая попытка внести методы якобинизма в классовое движение пролетариата» [1].

И тут Троцкий со всей силой обрушивается на большевиков и «Максимилиана Ленина» с его «нравственно-отвратительной подозрительностью» и т. п., которые как раз хотят, по его мнению, внести в обиход партии гильотину для «инакомыслящих».

Здесь мы опять сталкиваемся с карикатурным искажением тех вопросов, которые Троцкий разбирает, на этот раз искажением двойным, касающимся и якобинцев и большевиков. По Троцкому выходило, что большевики хотят внутри партии пустить в ход якобинские методы воздействия на всех, несогласных с линией руководящих органов. Но ведь понятие «якобинский метод революционного действия» охватывает не область внутрипартийных отношений конечно, а метод действий класса — диктатора по отношению ко всем видам контрреволюции. И именно в таком смысле брал это понятие Ленин. С другой стороны, ленинская система внутрипартийных отношений, конечно, ничего общего не имела с гильотиной. Весь ход рассуждений Троцкого в этом отношении обнаруживал сознательное или бессознательное, но, во всяком случае, вполне определенное искажение вопроса, которое, как мы отмечали выше, облегчало защиту оппортунистического представления о партии, как о «борющихся течениях», где по закону естественного отбора лучшие выживают, а худшие сами по себе умирают. В этих вопросах Троцкий зашел дальше самых заядлых меньшевиков. Большевистскую непримиримость, стремившуюся к созданию единой цельной партии, он приравнивал к сектантской нетерпимости, противопоставляя ей германскую партию, которая вмещает в себе разнообразные течения и в которой

«коллективная мысль партии подверглась диалектической шлифовке путем трения, борьбы, ошибок и разочарований» (имеется в виду, конечно, внутрипартийная борьба). Пусть «эта в известной мере стихийно накопленная мудрость нередко тормозит дело выработки новых политических методов», но зато она «в то же время предохраняет партию от применения таких тактических приемов, которые представляют собой одну сплошную «дерзость» против партийных традиций» [2].

Вряд ли можно выразить ярче, чем это сделал Троцкий, тяготение к бесформенной партии с «стихийно вырабатываемой» мудростью, с авторитетом традиции, мешающей применению «дерзких» приемов тактики, — тяготение к типичной партии II Интернационала. Чтобы как следует оценить значение этого тяготения, важно, конечно, помнить, что борьба в германской социал-демократии, не разорвавшая единства партии, включала в себя и такой этап,

[1] Троцкий, цит. брошюра, стр. 94.
[2] Там же, стр. 5

как борьба с бернштейнианством и другими видами ревизионизма и оппортунизма. Уместно привести, что писал по этому поводу Плеханов в 1901 г.

«... во взглядах г. Бернштейна остались теперь лишь слабые следы социализма. В действительности он гораздо ближе к мелкобуржуазным сторонникам «социальной реформы», чем к революционной социал-демократии. А между тем он остается «товарищем» и его не просят удалиться из партии. Это отчасти объясняется очень распространенным теперь между социал-демократами всех стран ложным взглядом на свободу мнений. Говорят: «как же исключить человека из партии за его взгляды? Это значило бы преследовать его за «ересь». Люди, рассуждающие таким образом, забывают, что свобода мнений необходимо должна дополняться свободой взаимного сближения и расхождения, и что эта последняя свобода не существует там, где тот или другой предрассудок заставляет итти вместе таких людей, которым лучше разойтись ввиду различия их взглядов. Но этим неправильным рассуждением только отчасти объясняется тот факт, что г. Бернштейн не исключен из немецкой социал-демократической партии. Главная же причина заключается в том, что его новые взгляды разделяются довольно значительным числом других социал-демократов. По причинам, о которых мы не можем распространяться в этой статье, оппортунизм приобрел много сторонников в рядах социал-демократии разных стран. И в этом распространении оппортунизма заключается самая главная из всех опасностей, угрожающих ей в настоящее время. Социал-демократы, оставшиеся верными революционному духу своей программы,— и они, к счастью, почти везде еще составляют большинство, — сделают непоправимую ошибку, если не примут своевременно решительных мер для борьбы с этой опасностью. Г. Бернштейн, взятый сам по себе, не только не страшен, но прямо смешон, отличаясь уморительным сходством с философствующим Санчо-Пансой. Но «бернштейниада» очень страшна, как признак возможного упадка» [1].

Таким образом пресловутая «законность оттенков» Троцкого была по существу не чем иным, как повторением «задов» экономизма, повторением знаменитого требования «свободы критики», за которым скрывалась борьба с революционным крылом партии, борьба с «Искрой». Старая «Искра» должным образом разоблачала этот маневр, а «Новая Искра» в лице Троцкого его воскрешала, ставя его во главу угла. Поистине «... между старой и новой «Искрой» лежала пропасть».

В общем проблема партии-авангарда для него не существовала. Он отмахивался от нее указанием на «попутное» решение организационных вопросов, на «изживание» наиболее прогрессивных течений, на то, что II Интернационал уже указал верный путь. В этом отношении чрезвычайно характерна следующая выдержка, окончательно уясняющая отношение Троцкого к проблеме строительства партии.

«Задачи нового режима так сложны, что они могут быть решены не иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы не только социалистического мира с капиталистическим, но и различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, ничем не предрешенных проблем... И никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения в разногласии, ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой» [2].

Все вопросы, связанные с полемикой о партии и классе, о необходимости вовлечь в партию весь пролетариат, как условие диктатуры пролетариата,

[1] Плеханов, Соч., т. XI, стр. 63—64.

[2] Троцкий, цит. брошюра, стр. 105.

о диктатуре пролетариата или диктатуре над пролетариатом и т. д., как они были поставлены Троцким в 1904 г. в своей брошюре, имеют актуальный политический интерес. Они ярче обрисовывают причины ренегатства Троцкого и его борьбы против партии в настоящее время. С другой стороны, они показывают, насколько «ничто не ново под луной», как в последующий период различные внутри- и антипартийные уклонистские постановки вопроса о нашей партии и Коминтерне, о роли и задачах партии до и после победы пролетариата только повторяли и перепевали эти меньшевистско-троцкистские аргументы. Не случайно поэтому Ленин в гл. V «Детской болезни «левизны» в коммунизме» писал по поводу аналогичной постановки вопроса «левыми» в германской компартии:

«Всякий большевик, который сознательно проделал или близко наблюдал развитие большевизма с 1903 г., скажет сразу... «какой это старый, давно знакомый хлам!» [1].

Вопрос о «рабочем съезде» [2], поднятый меньшевиками, вопрос о немедленной реорганизации партии так, чтобы 90% ее состава составляли рабочие [3], поднятый накануне XIV съезда партии так называемой ленинградской оппозицией, — все это было лишь перепевами на новый лад основных идей «наших политических задач» Троцкого. Поэтому нужно будет еще раз остановиться на том, как ставился этот вопрос Лениным в «Шаг вперед, два шага назад».

«Было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, — писал Ленин, — что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовыми отрядами и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда п о д н и м а т ь все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными и помогающими» [4]:

Эту же мысль Ленин повторяет и в 1905 г.

«В капиталистическом обществе даже передовой класс, пролетариат, не в состоянии создать партии, охватывающей весь класс» [5].

Наконец на II конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

«В эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплоатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. ... действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих... лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой» [6].

Количество цитат можно было продолжить, но и этого вполне достаточно для соответствующих выводов.

---

[1] Л е н и н, Соч, т. XXV, стр. 188.

[2] См. ниже, гл. XII наст. тома. — *Ред.*

[3] См. там же, а также т. V наст. изд. — *Ред.*

[4] Л е н и н, Соч., т. VI, стр 205—206.

[5] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 302.

[6] Л е н и н, Соч., т. XXV, стр. 347.

Никто так, как Ленин и большевики, не подчеркивал необходимости широчайшего вовлечения масс в партию, и того, что нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата диктатуре партии.

Но вместе с тем Ленин и партия всегда при любых условиях решительно отвергали по существу целиком хвостистскую, целиком реакционную идейку о том, что пролетариат можно «скопом» принимать в партию, что без перехода всего пролетариата в партию не может быть и речи о диктатуре пролетариата, о победе пролетарской революции. Именно в духе большевизма, ленинизма, уже на 13-м году пролетарской диктатуры в СССР, Сталин отвечал свердловцам на их вопрос — как нужно подойти к оценке тех новых сдвигов в рабочем классе, которые характеризуются решением целых цехов вступить в ряды партии, с точки зрения дальнейших взаимоотношений партии и рабочего класса?

«Желание целых цехов и даже заводов вступить в партию есть признак величайшего революционного подъема миллионных масс рабочего класса, признак правильности политики партии, признак громогласного одобрения этой политики широкими массами рабочего класса. Однако из этого вовсе не следует, что мы должны принять в партию всех желающих вступить в нее. В цехах и на заводах имеются всякие люди, вплоть до вредителей. Поэтому партия должна сохранить в силе испытанный метод индивидуального подхода к каждому, желающему вступить в партию, и индивидуального приема в партию. Нам нужно не только количество, но и качество» [1].

Этого никогда не смог понять Троцкий, потому что он никогда не понимал и не понял организационных принципов большевизма. Именно поэтому он, будучи исключенным из партии в 1927 г., оценивал «ленинские призывы» рабочих коммунистов под углом зрения «разводнения» партии.

В несомненной связи с этим стоит и тот факт, что в работе Троцкого ярче, чем где бы то ни было в ту эпоху, выявлено вполне сознательное стремление перевести внутрипартийную полемику из области организационных вопросов в область тактических. Вообще говоря, подобное стремление расширить рамки спора, глубже обосновать свою позицию у Троцкого было тесно связано с развертыванием основных меньшевистских тактических положений. В постановке вопроса, данной Троцким, были две особенности, связанные с позицией «меньшинства», и именно с крайней его позицией. Во-первых, тактические вопросы выдвигались не просто, как важная очередная задача, тесно связанная со всем предыдущим развитием партии, не устраняющая с поля политической жизни ранее возникших и еще невыполненных задач, хотя бы, например, задачи организационного сплочения. Напротив, тактические вопросы выдвигались Троцким именно в противовес организационным задачам, с открытой целью свести на-нет значение последних. Объективный исторический смысл этого противопоставления заключался в том, что организационный оппортунизм меньшевиков прятался за ширму новой политической программы, якобы особенно «классово-выдержанной». Во-вторых, меньшевистская специфичность постановки вопроса у Троцкого обнаружилась в том, что выдвигаемая им тактическая программа противопоставлялась тактике старой «Искры», представляла собой отрицание всей ее революционной практики. Уже в предисловиях к брошюре говорится совершенно определенно о том, что

[1] Подчеркнуто Сталиным. — *Ред.*

«меньшинство» — или, вернее, небольшая, в особо благоприятные условия поставленная часть его — подвергло пересмотру политическую практику и искало новых тактических путей, что сделанные в этом отношении «приобретения» не должны быть потеряны, что дальше партии нужно будет «сконцентрировать все силы» для дружной переработки нашей партийной практики» и т. д. [1].

Вполне в духе этой постановки вопроса Троцкий говорил дальше, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть».

Новая тактическая линия, которую развивал Троцкий, в своих основных чертах нам уже знакома по фельетонам Аксельрода. Вслед за Аксельродом Троцкий проделал тот же идейно-логический путь, который мы обрисовали выше. Но как мы уже отчасти говорили, Троцкий проделал этот путь по-своему, внеся новые формулировки, которые заострили вопросы, поставленные Аксельродом, и придали им, в известном смысле, своеобразный характер. В этом своеобразном «доведении до конца» аксельродовских положений и заключается то особое, отличное от всего другого, что дал троцкизм в этот период. Принципиальное значение этого момента заключается в том, что «доведенные до конца» аксельродовские формулировки в соединении с революционными фразами давали уже в «Наших политических задачах» намек на те черты теории перманентной революции, которые Троцкий развил впоследствии.

Основным противоречием, в котором запутался Троцкий, было то, что он сам называл «загадкой»

«принципиального примирения революционно-демократической и социалистической задач» [2].

Те крайние выводы, которые он делал в том или ином случае, были связаны большей частью именно с этим основным вопросом.

Исходя из аксельродовского сравнения исторических судеб российской и западно-европейской социал-демократии, Троцкий вместе с тем резче и категоричнее Аксельрода подчеркивал отсутствие в России буржуазной демократии, а также то, что именно это обстоятельство было главной причиной недостатков партийной работы в прошлом.

В связи с этим у Троцкого даже резче, чем у Аксельрода, выявлено отрицательное отношение ко всей предшествующей практике партийной работы. У Троцкого совершенно отсутствует представление об объективных этапах рабочего движения. В представлении Троцкого прошлое партии рисуется, как борьба между различными интеллигентскими группами, впадающими из одной крайности в другую и готовыми пожрать друг друга. Только то, что эти группы стояли на платформе классовой борьбы пролетариата, предохраняло партию от раскола. Но при этом партия в лице ее борющихся течений не вела еще настоящей классово-пролетарской работы, она выполняла задачу буржуазной демократии.

---

[1] Троцкий, цит. брошюра, стр. IX.

[2] Там же, стр. 1.

Эту важнейшую мысль, уже знакомую нам по фельетонам Аксельрода, Троцкий выразил и развил гораздо резче своего учителя и в отношении к старой «Искре» и в отношении к экономизму.

Он писал:

«Как ни различно, следовательно, содержание двух предшествующих периодов (имеется в виду экономизм и старая «Искра». — *Ред.*), оба они объединяются тем, что представляют собой, в объективном смысле, выполнение буржуазно-демократической работы — под принципиальным знаменем социализма и субъективно, из чисто социалистических побуждений» [1].

Троцкий, следовательно, совершенно определенно отрицает объективно социалистическое значение работы старой «Искры». «Именем марксизма» озаглавливает он раздел брошюры, говорящий об «Искре». Он хочет сказать, что «Искра» делала буржуазно-демократическую работу, только прикрываясь именем марксизма.

Это основное принципиальное положение о том, что российская социал-демократия выполняла «за буржуазную демократию ее историческую задачу», самым обстоятельнейшим образом развивается Троцким на протяжении всей брошюры. «Социал-демократия еще далеко не стала на рельсы самостоятельной классовой политики пролетариата» [2], заявляет Троцкий. Далее он утверждает, что работа «Искры» была работой идейного размежевания среди интеллигенции, что пролетариат оставался вне этой работы, хотя она и делалась во имя его.

«Период «Искры» по своему объективному политическому смыслу был эпохой непосредственной борьбы за влияние на революционную интеллигенцию — на фоне вовлечения пролетариата в общедемократическую борьбу» [3].

То, что пролетариат «вовлекался в общедемократическую борьбу», в данном случае у Троцкого фигурирует вовсе не как положительное, заслуживающее одобрения, явление. В других местах Троцкий специально подчеркивает, что поскольку работа «Искры» направлялась на пролетариат, она носила «примитивно-демократический характер», что специфически классовые задачи пролетариата выделялись недостаточно, что нехорошо, например, делали, когда к интеллигентам партия предъявляла больше теоретических требований, чем к рабочим. В чем Троцкий видел истинную причину и истинный смысл этого явления, открывает следующая выдержка:

«Руководительница общедемократической борьбы под гегемонией партии пролетариата по замыслу — «Искра» — на деле превратилась в орган политической самозащиты социал-демократической интеллигенции во имя объективной задачи: вовлечения под своим знаменем пролетариата в общедемократическую борьбу» [4].

Очень важно, что Троцкий формулирует здесь, как объективную задачу «социал-демократической интеллигенции», вовлечение пролетариата в общедемократическую борьбу. В этой формулировке вполне ясно выражена мысль Аксельрода, что буржуазная демократия стремится использовать пролетариат, как пушечное мясо, в своих целях, и что большевики, как «крайняя ле-

[1] Троцкий, цит. брошюра, стр. 22. Разрядка наша. — *Ред.*

[2] Там же, стр. 2.

[3] Там же, стр. 15.

[4] Там же, стр. 16—17.

вая буржуазной демократии», практически выполняют эту задачу. Даже больше. Буржуазная демократия уже использовала марксизм в своих интересах. История легального марксизма имеет именно такой объективный смысл, что буржуазная интеллигенция «овладела марксизмом» «для своих временных целей». «Марксизм дал интеллигенции теоретические основы для борьбы за политическое раскрепощение». Но вполне понятно, что использовывая марксизм в своих целях, интеллигенция в то же время выбрасывала его революционную сущность, приспособляла к своим интересам. «Искре» не удалось добиться гегемонии в освободительном движении и установить свое влияние на его силы.

«Оказалось, что невозможно на литературном пути достигнуть тех политических эффектов, которые не отвечают соотношению политических сил. Если социал-демократия «по глубине своего влияния на пролетарские массы, по энергии и целесообразности политического действия неспособна завоевать себе решающий голос в деле демократической борьбы, то социал-демократическая газета тщетно будет пытаться взять на буксир всю демократию» [1].

Сквозь все отдельные рассуждения Троцкого отчетливо пробивается мысль о невозможности осуществления гегемонии пролетариата в буржуазной революции, поскольку она остается буржуазной. Это и есть его ответ на поставленную им «загадку», о которой мы говорили выше, — загадку «принципиального примирения революционно-демократической и социалистической задач». Именно согласования, соподчинения этих задач у Троцкого не получилось. «Самостоятельная классовая политика» и «завоевание политической свободы» все время фигурируют у него, как непримиримые величины, требующие специальных искусственных мер для своего примирения.

В связи с этим Троцкий приходит к самым пессимистическим выводам о силах партии и пролетариата. По мнению Троцкого, пролетариат все еще объект политики, а не субъект ее.

«Пролетариат находился во время «экономизма» в политическом гетто, не вышел из него и по сей день». «Речи о пролетариате, как авангарде общедемократического движения, все более и более начинают резать ухо, как политическая фальшь» [2].

Партия же на $^3/_4$, на $^9/_{10}$ интеллигентская — стоит над пролетариатом. Она осуществляет «политическое заместительство», не давая развиться «самодеятельности» рабочих масс. «Заместительство и заместительство!» — восклицает Троцкий. Он не жалеет иронии, чтобы осмеять практику работы партии. Он говорит:

«Все поле нашей деятельности покрыто разной величины белыми листками, на которых напечатаны общие мысли о необходимости низвергнуть самодержавие «во имя социализма». Листки эти называются прокламациями. Совокупность этих прокламаций называется почему-то Российской социал-демократической рабочей партией... Разве это не так?» [3].

И как заключение этой замечательной «критики» Троцкого, как его основной вывод звучат слова:

«Если бы в момент революционного подъема начала нового столетия рядом с социал-демократией стояла инициативная радикальная партия, она имела бы все шансы вышибить нашу партию из седла» [4].

---

[1] Троцкий, цит. брошюра, стр. 16.
[2] Там же, стр. 27.
[3] Там же, стр. 27.
[4] Там же, стр. 14.

Симпатии Троцкого к Аксельроду объясняются прежде всего тем, что Аксельрод первый, якобы, встал на защиту чистой классовости движения. В период «Искры» Аксельрод «не играл активной роли, ибо это не был период т. Аксельрода». Аксельрод не мог обращаться к интеллигенции, а «непосредственное искание тактических методов политического самоопределения пролетариата в общественно-исторических рамках абсолютизма, составляющее ту «свою линию» т. Аксельрода, которая проходит по всем его работам, почти не ставилось в этот период на очередь дня». «Тов. Аксельрод снова выступил в конце периода «Искры», чтобы сказать: «Довольно!» И это выступление Аксельрода было основным фактом, который вырыл «целую пропасть» между старой и новой «Искрой».

Эта характеристика Аксельрода как «стража пролетарских интересов» становится еще ярче, если ее сопоставить с тем, как рисует Троцкий роль «якобинца» Ленина в «Искре»:

«Там, где нужно было оформить, закрепить, приковать, завязать мертвой петлей, там где нужно было, «чтобы не ды-ша-ла!» — там решительно и талантливо выступал тов. Ленин» [1].

Положительная тактическая программа, которую развивал Троцкий, имела своей главной целью исправить то, что он вместе с меньшевиками приписывал, как гибельный недостаток, старой «Искре». Если раньше умалялись, сглаживались специфически пролетарские особенности движения, то теперь нужно их выделить и поставить на первый план.

«Да здравствует самодеятельность пролетариата — и прочь политическое заместительство»,

восклицает он [2]. Вопросу о том, как на деле выполнить намечаемую тактическую программу, Троцкий уделяет большое внимание. Коротко суть его предложения можно передать его собственными словами:

«Для непосредственного выполнения этой задачи недостаточно теоретически противопоставлять классовые принципы пролетариата принципам буржуазии. Необходимо политически противопоставлять пролетариат буржуазии» [3].

Этот лозунг «политического противопоставления пролетариата буржуазии» занимает виднейшее место в построениях Троцкого. Он повторяет его неустанно и варьирует на все лады. Недостаточно одного принципиально-теоретического противопоставления в программе или публицистического — в партийной прессе. Необходимо живое противопоставление в политическом действии. В этом состоит то

«новое, что мы хотим внести в деятельность нашей партии. П. Б. Аксельрод уже в течение целого ряда лет ведет устную пропаганду новых тактических задач, подготовляя, таким образом, необходимую психологическую почву в сознании руководящих движением товарищей» [4].

Таким образом Троцкий специально подчеркивал, что этот пункт является основным пунктом позиции меньшевизма.

---

[1] Троцкий, цит. брошюра, стр. 25.
[2] Там же, стр. 50.
[3] Там же, стр. 52.
[4] Там же, стр. 49. Разрядка наша.—*Ред.*

Та практическая картина «противопоставления», которую рисует дальше Троцкий, так же тесно связана с общими всем меньшевикам взглядами, как и сама принципиальная постановка вопроса о «противопоставлении». Троцкий вспоминает о том, как проходили первые либеральные съезды в начале 1904 г., и констатирует, что партия не проявила достаточной активности в связи с этими съездами. Пролетариат остался в стороне от движения. Задача же партии заключается в том, чтобы втянуть пролетариат в развернувшееся политическое движение. Троцкий показывает, как, по его мнению, должна была бы действовать партия. Суть практической программы, предлагаемой Троцким, применительно к этому случаю сводится к широкому обсуждению рабочими массами значения либеральных съездов и их решений, принятию собственных резолюций и систематическим попыткам к воздействию на либералов с целью заставить их принять требования пролетариата. Если либералы и не поддадутся воздействию рабочих, то, во всяком случае, от всей кампании останется та громадная польза, что рабочие поймут ограниченность либералов и достигнут более высокой ступени классовой сознательности.

Весь ход рассуждений Троцкого по этому вопросу как две капли воды похож на построения знаменитого «плана земской кампании», на котором мы дальше останавливаемся специально.

В корне ошибок Троцкого, как и Аксельрода, лежало все то же непонимание реальных, современных классовых интересов пролетариата и его задач, как гегемона революции, непонимание того, что буржуазная революция, оставаясь буржуазной, может двигаться по двум различным типичным путям, что один из этих путей в интересах помещиков и буржуазии, а другой — в интересах крестьянства и пролетариата.

Мы не даем здесь более подробного анализа этой ошибки меньшевиков, поскольку это будет сделано в следующей главе. Мы обрисовали лишь принципиальную позицию тех основных «оттенков» меньшевизма, с которыми мы встречаемся на протяжении всей последующей истории партии. Посмотрим теперь, как эта программа претворялась у меньшевиков в действие.

3) БОРЬБА ЗА III СЪЕЗД И МЕНЬШЕВИСТСКАЯ «ИСКРА».

Получив в свои руки ЦО, меньшевики немедленно удалили оттуда все «неблагонадежные» элементы. Снят был фактически с должности секретарь редакции Крупская и заменена меньшевиком Блюменфельдом. ЦО в целом все более и более решительно начал противопоставлять себя ЦК партии с целью непосредственно связаться с партией в России. Несмотря на то, что меньшевистская редакция обещала помещать по вопросу о внутрипартийных разногласиях исключительно статьи принципиального характера, уже «первые ее шаги» с подбором в редакции исключительно «своих людей» показывали, на какой путь станут новоискровцы. Редакция либо вовсе перестает печатать большевистские статьи и документы, либо снабжает эти документы меньшевистскими

«от редакции», извращающими смысл документа. Особенно усердствует «Искра» в отношении многочисленных протестов с мест и резолюций комитетов по поводу линии новой «Искры». Если же нельзя открыто выступить против того или иного слишком уж бьющего в глаза факта, то редакция «мобилизует» «примиренца» Плеханова либо, пользуясь примиренческим разбродом в ЦК, обходит этот факт молчанием. Выше мы говорили о совершенно недопустимых клеветнических нападках на Ленина и большевиков. Эта «манера» борьбы не только не прекратилась, но еще более усилилась, когда ЦО перешел в руки меньшевиков.

Лишенные возможности защищать партию в «Искре», большевики организуют свое фракционное издательство партийной литературы под названием «Издательство В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина». Не успела еще выйти (в половине августа 1904 г.) первая брошюра этого издания — «Долой бонапартизм» Галерки (М. С. Ольминский), — как уже 1 сентября опубликовывается такое «разъяснение» Совета:

«Совет партии разъясняет товарищам, что партийной литературой является только такая, которая издана за ответственностью и от имени одной из партийных организаций. Поэтому и заголовок РСДРП не может ставиться на изданиях, выпускаемых отдельными членами партии. Совет просит всех товарищей ввиду неоднократных уже нарушений этого само собой разумеющегося во всякой партии правила принять во внимание его решение».

Здесь интереснее всего, что вся партийная практика до сего момента целиком противоречила этому «само собой разумеющемуся» правилу и ни с чьей стороны не вызывала протестов. Достаточно назвать брошюры Троцкого, Акимова, Рязанова, вышедшие как их частные издания и снабженные партийным заголовком.

Кроме того, как остроумно указал покойный Воровский (Орловский) в своей брошюре «Совет против партии», постановление Совета противоречило § 1 устава в принятой съездом формулировке Мартова.

«Дело в том, что такая постановка вопроса была бы убедительна только тогда, когда бы всякий член партии был в то же время и членом организации, ответственной за него и связывающей и его ответственность. Но у нас ничего подобного нет.

...По существующему уставу, член партии является, так сказать, вольно практикующим революционером, состоящим только под «руководством» организации... Это независимое существование члена партии, по необходимости, предполагает и столь же независимое право на самостоятельное выражение его «партийного» мнения»[1].

Меньшевики из Совета пришли, таким образом, в столкновение со своими же собственными «принципиальными» требованиями на партийном съезде. Но принесение «принципов» в жертву фракционным соображениям стало не редкостью в практике меньшевистских фракционеров. Наряду с искажением и партийных и своих собственных решений, меньшевики искажали также и партийные документы. Так было с протоколами заграничной лиги, издание которых в искаженном виде меньшевиками вызвало необходимость со стороны большевиков выпустить специальные «Комментарии к протоколам II съезда заграничной лиги русской революционной социал-демократии».

А наряду с такой принципиальной борьбой «Искра» начинает соответствующим образом обрабатывать партийное общественное мнение и по существу

[1] П. Орловский, Совет против партии, изд. 1904.

разногласий. Все статьи, написанные по организационным вопросам — главным образом Мартовым, под крики о «большевистском консерватизме», «бюрократизме» и т. д., обосновывают в духе Аксельрода «ревизию» старой «Искры» и возврат «назад», как в свое время этот «боевой клич» был провозглашен легальными марксистами. Кампанию открывает Мартов в 53 номере «Искры» статьей «Наш съезд». Эта статья является как бы программной статьей новой редакции. Статья совершенно искажает борьбу на съезде, искажает всю принципиальную сторону споров с меньшевиками, изображая борьбу на съезде т о л ь к о как борьбу из-за центральных учреждений. Наряду с этим Мартов констатирует, что борьба с экономизмом только с отрицательной стороны разрешила вопрос об «организационных принципах», не дав «позитивной программы». Правда, в партии преобладает течение за централистское построение, но «ясного плана» все же по этому поводу нет и его нужно выработать. Такой неверной по существу, но осторожной формулировкой Мартов пытается прикрыть отступление меньшинства от организационных принципов старой «Искры», над выработкой которых так много поработал Ленин при одобрении всей остальной редакции. Венцом этой «разъяснительной» кампании явились два огромнейших фельетона Мартова в «Искре» (№№ 67 и 69) под названием «Вперед или назад» в связи с выходом ленинской брошюры «Шаг вперед, два шага назад». Эти фельетоны по мнению Мартова были «надгробным словом» над ленинской брошюрой. Они были действительно «надгробным словом», но только революционному прошлому меньшинства, когда оно сотрудничало вместе с Лениным.

Всю книжку Ленина Мартов характеризует как «иудушкино пустословие», как писание человека, которого Юпитер хочет погубить и потому лишает рассудка и т. д.

«Представитель пережитой стадии нашего партийного развития, упрямо стремящийся задержать партию на том пункте перелома в этом развитии, когда он сам был «вознесен» высоко над всей партией, — т. Ленин закрыл себе глаза на все окрест происходящее, и все внимание его поглощено теми карточными постройками, которые он возвел в лето 1903-е на II съезде и которыми он теперь так детски любуется, излагая их в четвертый раз на новый лад и переходя уже к графическому методу изображения этого «чудного» момента его политической карьеры. Поглощенный этим занятием, он постепенно, незаметно освобождается от всех уз, которые наложила на него усвоенная им марксистская «культура», и в своей п р а к т и ч е с к о й позиции все больше приближается к той свободе от «теории», которая уже так выгодно отличает от некоторых из его смелых учеников».

Однако, несмотря на все усердие со стороны меньшевиков, партия в своей массе явно их «не понимала». Уже начиная с 60 номера раздаются решительные протесты против оппортунистического поворота «Искры». Протестуют крупнейшие организации партии: Тверской, Бакинский, Екатеринославский, Батумский, Николаевский, Астраханский, Уфимский, Уральский, Пермский, Одесский, Рижский, Сормовский, Московский комитеты партии. Специально подает протест Сибирский союз по поводу выступлений Троцкого и т. д. Несмотря на все усилия меньшевиков им удается на страницах «Искры» получить поддержку только со стороны Киевского комитета, но и здесь, как увидим ниже, меньшевикам в дальнейшем не повезло. Голос партии,

настоящей партии, а не заграничного кружка, прозвучал достаточно ясно и внушительно. Но меньшевики и не думали сдаваться. Начинается демагогическая кампания под предлогом необходимости орабочивания партии и борьбы с интеллигентским засильем в комитетах, — кампания, целью которой было на самом деле учреждение своих собственных меньшевистских организаций. Эту кампанию ведут Мартов и Аксельрод, а для того, чтобы создать видимость недовольства «мест», пишутся статьи за подписью «Практика». Меньшевики, однако, не рассчитали «удара». Кампания эта как раз интересна тем, что она, выявив демагогические тенденции меньшевизма, окончилась для них полным провалом и помогла большевикам раскрыть перед рабочими истинную физиономию «интеллигентских воителей против господства интеллигенции». Кампания эта открылась в 64 номере «Искры» статьей «Практика» — «Ленин о наших организационных задачах», где этот меньшевистский «человек с места» просто пересказывал своими словами уже известные мысли Аксельрода, но вслед за «практиком» уже с целой брошюрой—«Рабочие и интеллигенты в наших организациях» — выступил некий автор под псевдонимом «Рабочий».

На основании меньшевистских сплетен и демагогии «Рабочий» разносил большевистский организационный план, но разносил его не по-меньшевистски, а так, что при добросовестной информации о сущности внутрипартийных разногласий он безусловно примкнул бы к большевикам. Поэтому Аксельрод вынужден был в специальном предисловии к этой брошюре «поправлять» «Рабочего», но поправлять так, что от мыслей «Рабочего» ничего не оставалось. В статье «Соловья баснями не кормят», посвященной этой брошюре, Ленин обращал внимание читателей на противоречие между намерением меньшевиков и между тем, что из этого намерения получилось. Автор-рабочий поставил в затруднительное положение новоискровцев тем вниманием, которое он уделил организационным гарантиям успеха партийной работы.

Ленин, таким образом, сразу отбросил демагогическую меньшевистскую шелуху, сразу же поставив вопрос на принципиальную почву. Но, потерпев неудачу в попытке прямого натиска на партию путем апелляции к рабочей массе, меньшевики приступили к своему любимому методу «обхода» путем соответствующих нажимов на центральные органы, чувствуя, что это — менее устойчивая крепость, чем партийная масса. С этой целью очередную сессию Совета меньшевики хотели использовать для фактического превращения ЦО в ЦК, поскольку последний еще колебался «куда итти» и недостаточно решительно помогал меньшевикам.

и) БОРЬБА ЛЕНИНА С ПРИМИРЕНЧЕСТВОМ К МЕНЬШЕВИЗМУ В РЯДАХ ЦК.

28—30 января 1904 г. собралась сессия Совета партии, на которой должен был обсуждаться внесенный по инициативе нового состава ЦО вопрос о согласовании деятельности ЦК и ЦО по изданию партийной литературы; фактически же под такой невинной формулировкой скрывалась цель превращения ЦО в ЦК. Совет в то время в результате плехановской кооптации состоял из пяти лиц: Аксельрода, Мартова, Плеханова, Ленгника и Ленина. Ясно было,

что большинство на нем было обеспечено меньшевикам и потому заранее можно было догадаться о его решениях по этому вопросу. Нужно было обязательно разоблачить игру меньшевиков, противопоставив ей свой план ликвидации раскола путем борьбы за созыв нового партийного съезда, склонив к этой борьбе всех тех, кто еще продолжал колебаться между большевистским признанием за разногласиями серьезного и принципиального характера и меньшевистской оценкой их как борьбы на личной почве, на деле все более и более отдававших партию на съедение оппортунистическому меньшинству. На заседании Совета партии Ленин внес поэтому предложение о внеочередном обсуждении внутрипартийного положения, имея в виду, во-первых, склонить Плеханова к борьбе за съезд, во-вторых, если Плеханов не согласится на эту борьбу, то, как и на предыдущем этапе борьбы, показать примиренчески настроенному ЦК, что Плеханов никакой «третьей» стороны не представляет, и ориентироваться на него в деле достижения мира, как это делал кое-кто из ЦК, нельзя.

Ленин предвидел, конечно, что его предложение не будет принято, так как знал, что Плеханов уже с меньшевиками, но этот шаг должен был еще раз показать, что никакими методами партийного воздействия на меньшинство кризиса разрешить нельзя. Чтобы ослабить впечатление от ленинского проекта, Плеханов, к которому присоединились и остальные члены Совета из меньшинства, заявил:

«То, что прочтено т. Лениным, имеет характер воззвания, из которого трудно понять, какие именно конкретные практические предложения Ленин имеет в виду» [1].

Призыв к подчинению партийной дисциплине на основе решений II съезда партии был для Плеханова только воззванием общего характера. В свою очередь Плеханов, неоднократно подчеркивавший, что он не принадлежит ни к меньшинству, ни к большинству, внес резолюцию, означавшую не только переход Совета, но и ЦК, т. е. фактически всех центральных органов партии, в руки меньшевиков. Таков был итог «примиренческой» позиции Плеханова. Не случайно именно он, а не меньшевики, внес такую резолюцию. Внеси ее меньшевики, все было бы ясно. Но Плеханов ведь стоял «над» обеими фракциями, и его позиция кое-что значила для колеблющихся, которых все еще можно было вводить в заблуждение. Эта резолюция и прошла меньшевистским большинством Совета против 2 голосов — Ленина и Ленгника; последние подали особое мнение, в котором констатировалось, что

«эта резолюция не только не прекратит партийных раздоров, вносящих полный фактический раскол в партийную организацию, а, напротив, еще более усилит и разожжет их, сделав их хроническими, внесет дальнейшую дезорганизацию в положительную работу партии».

Они предлагали немедленно созвать партийный съезд. Меньшевики прошли, конечно, мимо этого призыва созвать съезд. Съезда они боялись. Они хотели действовать только антипартийными методами дезорганизации и разложения, поэтому меньшевистская часть Совета провела ряд постановлений, дезавуиро-

[1] Ленин заготовил резолюцию, строго осуждавшую бойкот и требовавшую неуклонного проведения в жизнь решений II съезда. — *Ред.*

вавших ЦК и дававших меньшинству возможность через создание уполномоченных ЦО на местах распространять партийную литературу по своему усмотрению и совершенно обходить в своей работе ЦК. Короче, это была уже открытая борьба против партии и ее решений, принятых на II съезде.

В таком положении, когда, пользуясь случайно сложившимися благоприятными условиями, меньшинство пошло буквально на все, момент требовал быстрых и решительных действий со стороны ЦК. Меньшевики делали все возможное, чтобы захватить партию в свои руки, но захватить, замазывая, извращая разногласия, пряча от партии документы, дающие возможность разобраться в сущности борьбы, и действуя нечестными и демагогическими приемами. Тем более важна была широкая разъяснительная работа перед партийной массой. И Ленин твердо решил апеллировать к партии.

В X Ленинском сборнике опубликованы два ленинских документа — один, написанный до январской сессии Совета «К членам партии», другой — после него — «К партии» и кроме того письмо к рабочему-партийцу Н. Е. Вилонову, как ответ на запрос этого товарища. Все эти документы, излагающие сущность разногласий, показывают, как Ленин решил апеллировать к партии с призывом положить конец работе меньшинства. Однако одного обращения Ленин, повидимому, считал недостаточным. Он остановился на ранее принятом решении о необходимости более подробно аргументировать перед партией свою позицию. В результате такого намерения и была написана брошюра «Шаг вперед, два шага назад». Это была в сущности первая попытка серьезно и принципиально обосновать как свои позиции, так и позиции противника. Впервые на широкий партийный суд выносилась оценка меньшевизма как экономизма на новый лад, как оппортунистического крыла русского рабочего движения, т. е. впервые констатировались глубина и степень «маленьких разногласий». Вполне понятна поэтому та встреча, какая была оказана ленинским «шагам» меньшевиками, впрочем не только меньшевиками, как это мы сейчас увидим. Необходимость апелляции к партии в форме заявления сложилась у Ленина также благодаря все более обрисовывавшейся примиренческой позиции «Центрального комитета». Об этом свидетельствует сохранившаяся запись «Заметка» Ленина о позиции новой «Искры», где есть такое замечание, которое имело в виду не одного только Плеханова, но и примиренцев.

«Что меня особенно возмущает в той позиции, которую заняла теперь «мартовская» «Искра», так это внутренняя фальшь и ложь попытки обойти суть дела, попытки эскамотировать партийное общественное мнение и решение, попытки подменить понятия и факты. И только незнанием дела я склонен объяснять проявляемые некоторыми товарищами тупость и безразличие, нечувствительность к этой лжи. Против незнания надо бороться разъяснением, и я ни в коем случае не откажусь от своего намерения разъяснить все дело архиподробно (в случае надобности со всеми документами) в особой брошюре, за которую и возьмусь, как только выйдут протоколы съездов партии и лиги, т. е. очень скоро...» [1]

Брошюрой, в которой разногласия разъяснялись обстоятельно и всесторонне, и была «Шаг вперед, два шага назад». Но одной разъяснительной кампании теперь, после меньшевистских дел, после двух измен Плеханова

[1] Лен. сб., X, стр. 36, 37.

(в ЦО и в Совете), было уже недостаточно. Теперь нужны были действия, притом действия решительные в ответ на дела меньшинства. Но ЦК оказался не на высоте положения. «Примиренческая» болезнь Плеханова оказалась явно заразительной для ЦК, а тот факт, что выступал в Совете с ответом на ленинские предложения с резолюцией именно Плеханов, а не другие меньшевики, только укреплял эту болезнь, так как меньшевистских фокусов в этом ходе ЦК явно не уловил. Еще в декабре Ленин писал членам ЦК в Россию о необходимости подготовки нового съезда, предлагая для этого сплотить на почве защиты большевистской линии местные партийные комитеты.

Насколько по-партийному ставил вопрос Ленин, насколько чужд он был меньшевистской фракционности, показывает тот факт, что в письмах ЦК он намечает возможность ряда исходов в зависимости от состава съезда. Больше того, говоря о съезде, Ленин вовсе не имел в виду фракционного обособления и специального подбора, в цитированной выше статье «Первый шаг» Ленин писал о возможности такого исхода съезда, если бы за него всерьез взялись примиренцы:

«Теперь все и каждый видят и знают из фактов... что если бы Плеханов подал голос в январе 1904 г.[1] за съезд, то съезд был бы созван очень скоро, и на съезде образовалась бы такая внушительная примиренческая партия, которая ни в каком случае не дала бы преобладания ни большинству, ни меньшинству в отдельности. Повторяем, это не пустая догадка, а соображение, безусловно доказанное фактическим ходом последующих событий. Но Плеханов тоже предпочел «продажную любовь», т. е. тайный раскол попытке прямо и откровенно «объясниться и договориться до конца»[2].

Однако ЦК этой позиции, этого призыва Ленина не разделял. Больше того, он явно уклонялся в сторону «плехановских выводов», к меньшевизму. Так, член ЦК Глебов (Носков) и Кржижановский предлагали кооптировать в ЦК партии Мартова с тем, чтобы убрать его в Россию и этим якобы ликвидировать разногласие. В то же время ЦК печатает обращение к партии, в котором изображает дело так, что с выходом Ленина из редакции «Искры» мир в партии в общем восстановлен, так как Ленин обещал полное сотрудничество, восстановлен также мир между ЦК и лигой, словом, все обстоит хорошо и благополучно. А Ленину ЦК всерьез предлагает на время уехать, чтобы этот мир закрепить. Такая разъяснительная работа перед партией и такое объяснение ленинской позиции, разумеется, очень мало способствовали мобилизации партийных рядов для борьбы с меньшинством во имя действительной партийности. Поэтому в дальнейших своих обращениях в ЦК Ленин все более и более настойчиво подчеркивает необходимость внесения полной ясности в позицию, занимаемую ЦК. В письмах от 22/XII и 30/XII Ленин самым резким образом осудил елейные разговоры «о мире» и высмеял предположения о его, Ленина, отъезде. Ленин решительно требовал от ЦК более определенной большевистской позиции.

Нужно сказать, что одним из важных обстоятельств, помешавших ЦК занять определенную позицию, был не совсем удачный подбор его состава,

[1] Речь идет о январской сессии Совета. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 167.

в котором, как это оказалось впоследствии, большинство было настроено примиренчески. Дело в том, что на съезде была избрана тройка в составе Носкова, Кржижановского, Ленгника, которой было предоставлено право кооптации. В результате двух кооптаций в состав ЦК вошли: Красин, Гусаров, Землячка, Эссен и Гальперин (все, кроме Эссена, Ленгника и Землячки, примиренцы). Отчасти это объяснялось отрывом от «заграницы», так как большинство ЦК работало в России и недостаточно быстро могло ознакомляться с материалами и документами, но именно отчасти потому, что даже при информации ЦК либо уклонялся от ответа, либо явно склонялся к оценке раскола в духе «плехановских личностей», когда советовал, например, Ленину уехать. Основной же, решающей причиной были, безусловно, слабость, шаткость, нестойкость части большевиков, не сумевших понять как смысла разногласий, так и ленинского плана борьбы. ЦК отверг большинством пяти голосов против одного в российской части ЦК (Кржижановский, Носков, Красин, Гальперин, Гусаров против Землячки) предложение о немедленном созыве съезда, хотя отказ от съезда был отказом от партийного способа ликвидации раскола. ЦК шел по дорожке Плеханова, на которой впоследствии и застрял, когда стал уже в борьбе против ленинской подготовки съезда на путь кооптации меньшинства. Такой ЦК, конечно, не мог стать боевым центром по подготовке съезда. Теперь нужно было решительно положить конец дальнейшему распространению разложения партийных рядов и ликвидировать раскол. Потерей центральных учреждений еще не решался вопрос о самой партии. Меньшевистскому плану построения партии на экономистско-оппортунистический, хвостистский лад нужно было противопоставить борьбу за дальнейшее развитие принципов старой «Искры».

Поэтому 14 марта Ленгник и Ленин заявили о своем выходе из Совета партии в качестве представителей ЦК. Борьба вступила в новую полосу — подготовки съезда вопреки и против центральных учреждений партии. Во весь этот период примиренческий ЦК своей позицией оказал огромнейшие услуги меньшевикам в борьбе против партии. Именно примиренческое настроение ЦК делало особо хлесткими все выступления меньшевиков против Ленина. Об этом прямо упоминают и Плеханов («Теперь молчание невозможно»), Мартов («Осадное положение»), Троцкий («Наши политические задачи»). В свете опубликованных документов ясно, кого имело в виду меньшинство, когда писало, что Ленин изолирован, что Ленин в абсолютном одиночестве и т. д.

С самого начала примирения Носков повел предательскую политику, от которой не отказался и позднее. Вот что пишет 17 ноября 1903 г. Л. Мартов П. Аксельроду:

«Неожиданно я получил от Бор. Ник. (Носкова) запрос, чтобы я изложил ему свое мнение о ныдшнем положении дел. Я ответил ему, указав, что после всего происшедшего либо ему надо уйти, либо добиться, чтцбы ЦК пошел на уступки [1].

Неизбежная логика беспринципного примиренчества заставляла Глебова-Носкова скатываться в меньшевистское болото, отказываться от своей принципиальной позиции, ставить себя фактически в зависимость от оппозиции.

[1] Письма Аксельрода и Мартова, стр. 100.

Не меньшую услугу оказывает ЦК меньшевикам своими постановлениями о запрещении агитации за съезд и лишении Ленина звания заграничного представителя ЦК. Единственный нормальный и здоровый путь прекращения внутрипартийной склоки — созыв съезда — ЦК признает «серьезной угрозой единству нашей партии». Агитацию за созыв съезда ЦК поэтому запрещает. Зато предполагается новая попытка келейных кружковых соглашений за спиной партии, — созыв односторонней конференции с меньшинством, без участия большинства партии.

Принятое ЦК постановление было опубликовано не целиком. Но едва ли не более интересны «секретные» его пункты:

«Пункт 12. Установить за границей между тт. Глебовым и Лениным следующие отношения: а) т. Глебову поручается заведывание всеми делами ЦК за границей, как то: сношение с ЦО, посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение к печати в партийной типографии различных произведений и пр.; б) т. Ленину поручается обслуживание литературных нужд ЦК. Печатание его произведений наравне с произведениями остальных сотрудников ЦК происходит каждый раз с согласия коллегии ЦК».

Как видит читатель, установленное ЦК разделение труда между его представителями за границей — Лениным и примиренцем Глебовым (Носковым) — прямо великолепно: «зловредный дезорганизатор» Ленин сведен на роль технического сотрудника ЦК и отдан всецело под контроль «благоразумного» Глебова. Далее Глебову поручается «произвести реорганизацию постановки технического дела за границей», отстранить ведущих эту работу Бонч-Бруевича и других «ленинцев», принять партийную кассу от Лядова и т. д.

Но раз решив проделать «примирительную» комедию, ЦК не может уже остановиться и, забыв собственные тут же данные обещания, постановляет: «распустить Южное бюро ЦК ввиду несогласованности настоящей его деятельности с деятельностью ЦК».

«Несогласованность» работы Южного бюро с деятельностью ЦК выразилась в том, что бюро это осмелилось «свое суждение иметь». и агитировало за III съезд. Чисто «бонапартистский» поворот ЦК вызвал огромное возмущение целого ряда местных комитетов и выражение с их стороны недоверия ЦК.

Однако примиренцы в своем шествии к меньшевикам уже не знали удержу. Глебов не только лишил большевиков права и средств продолжать работу, он пытался запретить выход в свет ленинских «Шагов». В статье «Техника большевистского подполья» В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает о том, как Глебов пытался задержать книгу Ленина в типографии и как он наткнулся при этом на сопротивление партийных работников, которые сделали все, что было в их силах, чтобы ускорить появление в свет и распространение книги. Ленину и партии, разумеется, с таким ЦК было не по пути. Нужно было бороться за съезд против такого ЦК, к этому большевики и перешли.

к) БОРЬБА ЗА III СЪЕЗД ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА.

Партия живо откликнулась на призыв Ленина. Разлагающая партию работа меньшевиков вызвала решительный отпор с мест и имела успех, главным образом, лишь за границей, среди оторванных от партии меньшевистских

литераторов. Партия относительно настолько выросла и окрепла, что в лице 12 комитетов из 14 решительно осудила дезорганизаторскую работу меньшинства. В ответ на нее большевики начинают энергичную кампанию за созыв экстренного съезда. Мы уже упоминали, что с начала 1904 г. в «Искру», из-за отсутствия самостоятельного органа большинства, поступают с мест многочисленные протесты против травли Ленина, против клеветнической полемики, ведущейся меньшинством, и требования коренного изменения позиции, занятой руководящими органами партии. Начиная с 68 номера «Искры» раздаются отчетливые требования созыва съезда. Съезда требуют крупнейшие организации партии (Кавказский союзный комитет, Сибирский союзный комитет, Тульский, Петербургский, Екатеринославский, Одесский, Тверской и др.). Меньшевики, конечно, и слушать не хотели о съезде, зная заранее, как отнесется последний к их поведению.

Приведенный выше список комитетов и организаций, боровшихся за съезд, представляет собой только часть из помещенного в «Искре» материала, так как и ЦО и примиренчески настроенный ЦК использовали в борьбе против съезда все средства вплоть до раскассирования агитировавших за съезд организаций (Южное бюро), неопубликование резолюции за съезд и т. д. Больше того, «примиренческая» тактика членов ЦК после разрыва с Лениным, конечно, привела их, как и Плеханова, к капитуляции перед меньшевиками.

В результате переговоров с меньшевиками в ноябре в ЦК были кооптированы следующие меньшевики: 1) В. Н. Крохмаль (по II съезду Фомин — из Уфимского комитета): 2) В. Н. Розанов (по съезду — Попов — от группы «Южный рабочий»); 3) З. Р. Гальберштадт (по съезду — Фишер — от ОК); Гальберштадт была вскоре заменена Е. М. Александровой (по съезду — Штейн — от ОК). Трагедия ЦК заключалась в том, что он не имел мужества признать этот факт перед партией и после разоблачения его в брошюре Орловского (В. В. Воровского) «Совет против партии» в специальном письме к местным организациям прямо обманывал партию, когда писал: «ЦК никакого меньшинства в свой состав не кооптировал (на этот счет ходит кем-то пущенная сплетня)», на самом же деле как раз в это время ЦК и вел переговоры относительно кооптации трех представителей меньшинства, закончившиеся уже известными положительными результатами.

Таким образом необходимость самостоятельной организации большевиков во имя сохранения партии авангарда, во имя способности руководить массами в предстоящей революции, напрашивалась сама собой. Подготовку съезда партии могли провести только большевики. И вот в августе 1904 г. в Женеве состоялась созванная В. И. Лениным конференция 22 большевиков, в большинстве недавно приехавших из России, в составе: Ленин, Крупская, Воинов (Луначарский), Ольминский (Александров-Галерка), Шварц-Орловский (В. В. Воровский), В. Величкина (Бонч-Бруевич), В. Бонч-Бруевич, Олин (Лепешинский), О. Лепешинская, М. Лядов (Мандельштам), Хлебников (В. Ногин), Гусев (Драбкин), Землячка (Залкинд), Павлович (Красиков), А. А. Богданов, Десницкий (Строев), Мария Розенберг (Зверь) и др.

К сожалению до настоящего времени мы почти никаких материалов о работе этой конференции не имеем. А между тем она имеет большое историческое значение, так как фактически именно она наметила всю дальнейшую работу по подготовке III съезда [1]. Известно только, что конференция приняла обращение к партии, давая оценку создавшемуся положению и призывая к борьбе за III съезд.

Это обращение стало платформой подавляющего большинства партии, которая начала готовиться к съезду.

Обращение 22-х выдвигает прежде всего положение, что партия стоит перед наличием колоссального революционного подъема, который обязывает ее руководить все нарастающим движением рабочего класса, а к этой именно роли партия не подготовлена благодаря дезорганизаторской работе группы заграничников-литераторов.

Обращение 22-х не скрывает существующих разногласий, не затушевывает их. Но оно считает, что сущность происходящей борьбы — «в конфликте кружковщины и партийности», что под именем «меньшинства» сплотились элементы, стремящиеся вернуться к «допартийным формам организации».

«Положение, — читаем мы в обращении, — стало невыносимым, невозможным; затягивать его дальше прямо преступно. Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве III партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. Без него можно только ожидать прогрессивного разложения партии. Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее итти на раскол, чем подчиниться партии, то оно уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный и формальный раскол более чем неразумно: скованные одной цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы все свои силы на мелкую борьбу и дрязги, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут» [2].

Таким образом обращение 22-х не считает положение безнадежным. Товарищи эти признавали, что перед ними болезнь, но это была болезнь роста партийности, а не упадок ее в рядах социал-демократии. Эта болезнь роста вызывала сопротивление элементов кружковщины.

Обращение 22-х намечало и конкретные шаги к изживанию этой болезни роста. Новый партийный съезд по мысли этих товарищей должен был обеспечить:

«I. Переход редакции ЦО в руки сторонников партийного большинства.

---

[1] Когда книга была у нас сверстана, вышел № 2—3 «Пролетарской революции», в котором помещены воспоминания М. Ольминского (стр. 196 и след.) об этой конференции, названной им *частным совещанием* 22-х большевиков. Тов. Ольминскому удалось опросить ряд участников этого совещания, в результате чего представляется возможность уточнить как состав участников, так и характер работ этого совещания. — *Ред.*

[2] «Как рождалась партия большевиков», Гиз. 1926 г.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (лиги) к общерусскому центру — ЦК.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы» [1].

В ноябре 1904 г. на трех конференциях (Северной, куда входили: Петербургский, Московский, Нижегородский, Северный, Тверской и Рижский комитеты; Южной, куда входили: Одесский, Николаевский, Екатеринославский, и Кавказский, куда входили: Бакинский, Тифлисский, Батумский и Имеретино-мингрельский) было избрано так называемое «Бюро комитетов большинства», предъявившее ЦК ультиматум ответить в двухдневный срок, борется ли ЦК за подготовку и созыв съезда. В состав этого бюро входили: Землячка, Богданов, Лядов, Гусев, Литвинов, Рыков, Румянцев, Эссен, Владимиров. По словам Землячки и Литвинова, БКБ фактически также было избрано в Женеве [2]. ЦК, как и остальные центральные учреждения партии, всячески пытался сорвать работу по созыву съезда. 9 декабря Петербургский комитет потребовал от ЦК категорического ответа, берется ли он созвать съезд. Примиренческий ЦК испросил месячный срок для ответа. Это было, однако, только маневром для оттяжки, так как никакого ответа через месяц не последовало. Но объезд представителями БКБ местных комитетов показал, что партия в подавляющем большинстве против дезорганизаторов. Из числа 28 комитетов, имевших право решающего голоса на съезде, 21 высказались за созыв съезда. При этом очень интересно свидетельство М. Н. Лядова о настроениях меньшевиков-партийцев рабочих на местах: «Попадая на заседания меньшевистских комитетчиков-интеллигентов, мы теряли только зря время. Но каждый раз, когда нам удавалось проникнуть в рабочую периферию меньшевистских комитетов, мы быстро договаривались до основной сущности вопросов; наши резолюции принимались, и мы чувствовали, как изголодались эти рабочие-меньшевики по действительному революционному руководству единой революционной партии» [3].

Одновременно с организацией практического центра большевикам удалось, наконец, поставить издание своего еженедельного органа, названного по предложению Ленина «Вперед», под редакцией Ленина, М. С. Ольминского, В. В. Воровского, А. В. Луначарского. Первый номер вышел 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.).

Мы не останавливаемся на дальнейших этапах борьбы за ликвидацию раскола, за III съезд партии, поскольку они связаны с революцией 1905 г. и будут освещены ниже. Отметим лишь, что такое оформление большевиков имело громадное значение. Подумать только, имея против себя все центральные учреждения партии, без собственного печатного органа, без средств, могли ли противостоять большевики меньшевистской устной и печатной бомбардировке? Нужно иметь в виду, что каждый номер «Искры» приносил огромнейшие фельетоны против Ленина и партии, а большевикам даже не было возможности на все это отвечать. Поэтому выход «Вперед» имел колоссаль-

---

[1] «Как рождалась партия большевиков», Гиз, 1926 г.

[2] См. журн. «Пролетарская революция» № 11 (34) за 1924 г.

[3] Там же, № 3 за 1921 г.

нейшее значение для дальнейшей борьбы с меньшевиками. Нам остается теперь осветить тактическую платформу новоискровцев накануне революции.

л) НОВАЯ «ИСКРА» О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Через всю новую «Искру» красной нитью проходит критическое отношение ко всему, что относится к активной боевой подготовке пролетариата, к выполнению им своей исторической миссии вождя в предстоящей революции. В этом отношении прямо замечательна статья Засулич «О чем говорят нам июльские дни» [1]. Статья эта была написана под впечатлением грандиозных летних стачек 1903 г. и разбирала вопрос о подготовке революции. Уже здесь мы имеем в готовом виде противопоставление политических задач организационным, агитации, плану и т. п., имеем то противопоставление, которое было особенно характерным для меньшевистской тактической линии и было в дальнейшем закреплено в официальных меньшевистских резолюциях.

«Представить себе революцию совершившейся по заранее составленному плану, наперед определенными путями и способами, было бы, конечно, утопией»,

писала Засулич. Первым шагом нашей подготовки к революции должно было быть, по ее мнению,

«не составление плана, а усвоение и широкое распространение самой мысли о реальной возможности, а может быть, и неизбежности революции в ближайшем будущем».

Оба эти утверждения неверны. Нельзя, конечно, спорить против того, что трудно предвидеть все изгибы революции, и что идейная подготовка является необходимым предварительным условием практического подхода к революционному действию. Но слова Засулич имеют в виду не простое повторение общеизвестной истины. В более или менее замаскированной форме эти слова выражают отрицательное отношение к организационной подготовке пролетариата к революции. В этот период обвинений Ленина в «бонапартизме, бланкизме» и т. п., в период борьбы новоискровцев с идеей крепкой партийной организации авангарда, — слова Засулич, несомненно, выражали хвостизм меньшевиков, упорно продолжавших смотреть назад в сторону агитации и отворачивавшихся от того, что стояло впереди — от организации революции.

Интересно, что Засулич предвосхитила обнаружившуюся впоследствии непоследовательность меньшевиков, которые допускали частичные выступления и частичный захват власти, но отвергали общую идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

«Конкретные планы определенных действий в том или ином случае, применительно к тому или другому городу, могут начать вырабатываться в атмосфере, уже насыщенной ожиданием близкой революции» [2].

---

[1] «Искра» № 53, 25 ноября 1903 г. Эта статья первоначально подготовлялась для меньшевистского фракционного органа «Крамола». — *Ред.*

[2] Разрядка наша. — *Ред.*

Здесь следует обратить внимание на то, что если и допускается в определенных случаях возможность (а не необходимость) составления плана действий, то и то лишь «в том или ином случае, применительно к тому или иному городу», а не в масштабе всей страны. Ленин в своей брошюре «Две тактики с.-д. в демократической революции» подверг уничтожающей критике эту тенденцию меньшевизма в ее законченной формулировке Женевской конференции 1905 г. [1].

Еще более характерна мысль Засулич о вооружении.

«Вооружаться надо — это несомненно, — надо и при демонстрациях, массовых митингах, протестах. Но сила далеко не в одном оружии. Как бы хорошо ни была вооружена народная масса, войска всегда будут вооружены гораздо лучше. Оружием массы, побеждающей войска, может быть лишь страстное упорство в достижении определенной цели. Народное волнение превращается в революцию, когда волнующаяся масса, объединившись на одном или нескольких определенных требованиях, проникается решимостью не покидать улицу, не расходиться, не прекращать борьбу, пока эти требования не получат удовлетворения сейчас же, тут же, на месте».

Как характерно для меньшевизма это в ы н у ж д е н н о е признание необходимости вооружения с неизбежным пространным «но» после него. И то, что следует за этим «но», обнаруживает растерянность перед практическими задачами революции, уверенность, что все сделается как-то само собой, стоит лишь толпе не расходиться, пока ее требования не будут удовлетворены «сейчас же», «тут же», «на месте».

Другие лидеры меньшевизма не были в такой же степени наивны в дальнейшем, но и они, подобно Засулич, всегда старались уклониться от прямого ответа на вопрос, к а к же совершать революцию, ограничиваясь ссылками на «стихийный взрыв» и т. п. Мартов считал самую постановку вопроса о подготовке восстания утопизмом и строго осуждал заботу о технической стороне подготовки революции («Искра» № 62, 15/III 1904 г.) [2]. По мнению меньшевиков, чрезмерные заботы об организационной стороне дела приводят к ослаблению агитации и всего содержания работы партии. В то же время Мартов, как и Дан, намечает целую «программу действий», прямо и решительно призывающих партию на путь экономизма, причем предвидя несомненно критику такого «плана», меньшевики заранее пытаются себя застраховать запугиванием читателя-партийца расколом и теми разрушительными действиями, которые могут погубить партию. Меньшевики упрекают практиков в том, что они недостаточно увязывают работу с «повседневными требованиями».

«Готовность во имя того или иного чисто формального организационного принципа легко разрушать то, что, несмотря на все наши великие прегрешения, нам удалось создать в деле партийной организации, всякая легкомысленная игра в новые «расколы» — является, при данных обстоятельствах, вопиющим проявлением революционной незрелости, прямым преступлением перед партией. Всякие попытки подавления — во имя таких же формальных принципов — свободной коллективной инициативы в главном нашем деле революционизирования рабочих масс и организации их авангарда являются в данный критический момент особенно вредными. Всякое стремление добиться однородности и отсутствия всяких «разногласий»

---

[1] См. об этом ниже в главе IV наст. тома. — *Ред.*

[2] Мартов в еще более резкой форме повторил это на V съезде партии. См. ниже в главе XII наст. тома. — *Ред.*

внутри организации путем систематического «отсечения» несогласномыслящих или их приведения к тому знаменателю, при котором они «лишились бы возможности» кого-то «подсиживать», иначе говоря, путем постоянного дробления организационных сил, повело бы к полному обессилению нашей партии, к полной потере ею способности явиться деятельным, умелым и серьезным руководителем масс» [1].

Конечно сами по себе упреки в неумелой агитации справедливы и небезосновательны. Но в том-то и дело, что под видом «умелой» и «принципиальной» агитации Мартов и Дан настолько открыто толкают партию на путь экономизма и хвостизма, на путь отказа от революционного руководства, что ясно, против кого написаны строки о «легкомысленной игре в новые расколы». Дан в этом отношении шел еще дальше Мартова.

Критическое отношение меньшевиков к «техническим» вопросам, т. е. к вопросам организации революции, вполне естественно вытекало из всей их позиции, отдававшей руководящую роль в революции либеральной буржуазии. Пусть они делают, рассуждают меньшевики, нам не следует слишком зарываться вперед, в противном случае мы можем оказаться орудием в руках буржуазии.

Новая «Искра» дает богатый материал не только по вопросу о том, «чего не делать» пролетариату. Она развивает также широкую положительную программу, рисуя определенную цепь действий, которые пролетариат должен совершить. Эта линия, как мы указали выше, сводилась к выдвижению на первый план задач классового воспитания пролетариата, противопоставляемых его боевым задачам, причем это воспитание мыслилось как раз в таких формах, которые могли бы быть уместными лишь в буржуазно-демократических странах Запада, а не в романовской империи накануне революции.

Очень характерно, что уже в этот период получает свое полное развитие та тенденция меньшевизма, которая впервые была выражена в резолюции Старовера об отношении к либералам, принятой II съездом, тенденция к выдвижению внешне-радикальных условий для соглашения с либералами. В уже цитированной статье «Пробуждение демократии и наши задачи» Мартов восклицает:

«И мы скажем радикальной буржуазной демократии: мы пойдем рука об руку с вами только в том случае, если вы без недомолвок и без оговорок подпишете выдвинутые нами основные политические требования» [2].

Типичная меньшевистская вера в «подписанные условия» и готовность итти «рука об руку» с либералами необычайно ярко выражены в этих словах.

Если коснуться тех «условий», тех лозунгов, которые новая «Искра» предлагала в этот период, то придется констатировать крайнюю умеренность этих лозунгов. Тот же Мартов в статье «Петербургская весна» писал:

«Мир и свобода — вот то знамя, которое проведет резкую грань между старой и новой Россией и, сплотив снова в одну семью растерявшихся ныне лакеев реакции, противопоставит им соединенные силы рвущихся к освобождению классов. «Мир и свобода», — этот лозунг, и только он, может объединить в данный момент для совместной борьбы «отдельными колоннами» разные общественные классы, противостоящие «господствующей

[1] «Искра за два года», стр. 74 — 75.

[2] «Искра» № 58, 25 января 1904 г.

клике». «Мир и свобода» или в переводе на язык политических требований: «немедленная приостановка военных действий и созыв всенародного учредительного собрания для ликвидации настоящего государственного порядка и заключения мира». «Сознательный пролетариат, выставивший с самого начала войны это требование, окажет поддержку только тому общественному движению, которое ясно и недвусмысленно выставит этот лозунг» [1].

Меньшевистская специфичность мартовской постановки вопроса прямо бьет в лицо. Помимо той же веры в «условия» и в возможность объединения с либералами, здесь заслуживает внимания самая формулировка «условий». Немедленное заключение мира и созыв учредительного собрания, — вот платформа, которую выдвигали меньшевики. И тот и другой лозунг страдали тем, что не давали точного и ясного указания на то, что царизм должен быть свергнут революционным путем и заменен демократической республикой. Лозунг «немедленный мир» предполагал, что таковой должно заключить царское правительство, лозунг «учредительное собрание» оставлял открытым вопрос о том, кто его созовет. Слово «свобода» затушевывало характер строя, который должен быть установлен в результате революции. Лозунг «республика» новоискровцами не выдвигался. Не говорили они отчетливо «долой монархию», ограничиваясь менее определенным «долой самодержавие». В № 72 «Искры» была помещена статья Изгоя «Вопрос о форме правления в нашей пропаганде и агитации», в которой автор предлагал заменить лозунг «долой самодержавие» более определенным и революционным: «демократическая республика». Редакция новой «Искры» снабдила статью Изгоя весьма пространным примечанием. Не высказываясь прямо против предложения Изгоя и даже отчасти соглашаясь с ним, новая «Искра» подчеркивала, что для пролетариата, с точки зрения его социалистических задач, собственно говоря, нет большой разницы между монархией и республикой. И лозунг «демократическая республика» так и не привился на страницах новой «Искры». Опять пресловутая меньшевистская «классовость» выступила на сцену, как прикрытие отсутствия революционности. Слово «революция», как бы часто оно ни повторялось на страницах «Искры», теряло все свое реальное значение, превращаясь в общий термин, выражающий переход от одного строя к другому, независимо от характера перехода и степени демократичности нового строя. Как и в вопросах организационных, меньшевики в своей принципиальной тактической платформе в сущности подготовляли полный отказ от гегемонии пролетариата в предстоящей революции.

м) НОВАЯ «ИСКРА» ОБ ОТНОШЕНИИ К КРЕСТЬЯНСТВУ В ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству в предстоящей революции ни Аксельродом, ни Троцким, ни Плехановым не был разработан. В новой «Искре» программную статью по аграрному вопросу дал Игрек (П. Маслов). Эта статья была написана в связи с опубликованием аграрной программы эсеров. Критикуя эсеров, Маслов указывал на их эклектизм, на безнадежность их стремления примирить одной программой классовые инте-

[1] «Искра» № 74, 20 сентября 1904 г.

ресы пролетариата, крестьянства и интеллигенции, на утопизм их надежды избегнуть развития капитализма в деревне социализацией земли и введением уравнительного землепользования. Критиковать эсеров безусловно было необходимо, так как эсеровская программа была действительно утопична и эклектична. Но в ходе своей критики Маслов обнаружил специфический меньшевистский подход к оценке народничества и к аграрному вопросу вообще. Уже здесь он ясно выразил ту идею, которая впоследствии была развернута меньшевиками в программу, — идею «муниципализации» земли. Так, например, Маслов возражает против уничтожения мелкой частной собственности на землю в России.

«Нечего и говорить, что «социализация всех частновладельческих земель» даже при всеобщей народной революции — безнадежная утопия, так как экспроприация мелкого землевладения — такое же безнадежное дело, как и экспроприация вообще мелкой собственности» [1].

Точно так же вполне определенно указывает Маслов, как на революционный путь, на

«экспроприацию мелкого землевладения и передачу его в руки местного самоуправления» [2].

Мы не будем здесь подробно развивать эту сторону вопроса, поскольку она освещается в главе, посвященной аграрному вопросу [3]. Здесь нам важнее отметить другую сторону вопроса, а именно то, что Маслов ограничивается общей академической критикой эсеров. Он не ставит даже вопроса о крестьянстве как определенной социальной силе в царской России, не пытается проанализировать возможную роль и значение этой силы в революции. Недаром он начинает свою статью с оговорки, что

«трудно, конечно, предрешить и наперед точно учесть ту роль, которую сыграют различные классы в этой борьбе во время и после победы над самодержавием».

Это было бы верно, если бы речь шла о конкретной борьбе, поскольку, конечно, ни один политик никогда не может учесть все детали, весь путь, по которому развернутся события. Ведь революции не делаются по учебникам. Недаром Ленин предлагал объявить просто дураками таких политиков, которые собирались делать революцию «по учебникам». Но в том-то и дело, что Маслов в данном случае своим замечанием имел в виду не это. Дальше он пишет:

«Задача каждой политической партии заключается не только в том, чтобы, по возможности, определить роль всех общественных сил, но и выяснить, какие задачи осуществимы в ближайшем будущем и какие в более или менее отдаленном будущем. Без такого учета всякая программа партии будет представлять из себя или бессодержательный набор громких фраз, или, в лучшем случае, ряд благих пожеланий, которые могут никогда не осуществиться или привести совершенно не к тем последствиям, которых от них ожидают» [4].

Очень характерно, что Маслов совершенно не понял объективной сущности крестьянской революции. Он подменил вопрос о крестьянстве вопросом об интеллигентской природе эсеров, совершая две ошибки: 1) устраняя вопрос

---

[1] «Искра» № 77, 5/XI 1904 г.

[2] Там же. Разрядка наша. — *Ред.*

[3] См. ниже гл. VIII наст. тома. — *Ред.*

[4] «Искра» № 77, 5/XI 1904 г., стр. 3.

о крестьянстве; 2) извращая объективное значение эсеров. За такой критикой эсеров скрывался, хотя об этом прямо и не говорилось — прямо об этом меньшевики сказали лишь в 1906 г. — отказ от крестьянской революции.

«В начале своей статьи, — пишет Маслов, — мы указывали на необходимость для каждой партии знать, что она может и что она хочет, на необходимость политического прогноза. Из программы социалистов-революционеров видно, что они не знают ни того, ни другого. «Уравнительное землепользование» — мелкобуржуазная утопия, неосуществимая даже при полицейском гнете и при всеобщей бедности, благоприятствующей «равнению» [1].

Таким образом, начав с того, что трудно «заранее предрешать», Маслов фактически уже предрешал и предрешал в совершенно определенном меньшевистском духе [2]. Нужно сказать, что эта же черта — либо полное отсутствие постановки вопроса о крестьянстве в революции, либо шатания и колебания — проходит красной нитью через всю новую «Искру».

Кроме самого незначительного количества отдельных случайно оброненных замечаний, новая «Искра», помимо статей Игрека, ничего по крестьянскому вопросу не содержит. Само собой понятно, что это не было случайным явлением и лишь отражало отношение меньшевиков к крестьянству, их неправильную оценку его роли в революции, недооценку его. Самый характер меньшевистских замечаний ясно свидетельствует о невнимании редакции к этой существеннейшей проблеме приближавшейся революции. Меньшевистские замечания о крестьянстве, во-первых, отрывочны, неполны, во-вторых, противоречивы. В статье Негорева (Иорданского) «Перед голодом» встречается, например, почти большевистская формулировка:

«Крепкое сплочение в единую армию городских рабочих, революционного класса по отношению ко всему существующему строю, и крестьянства, революционного класса по отношению к полуфеодальному строю, сохранившемуся в сельской России, становится близким и возможным» [3].

Неправильно было бы думать, что эта выдержка мало-мальски соответствует взглядам новоискровцев. Для идейного облика новой «Искры» характерны иного рода мысли. Несомненно, что подлинные меньшевистские настроения передает другая заметка, К. Д., которая касается взглядов вождя бельгийской социалистической партии Вандервельде на отношение социалистов к крестьянству. Автор заметки с удовлетворением констатирует, что Вандервельде отказался от своего старого взгляда, согласно которому

«социал-демократия может и должна защищать крестьянина не только как пролетария, но и как мелкого собственника, поскольку эта собственность не является в его руках орудием эксплоатации» [4].

---

[1] «Искра» № 77, 5/XI 1904 г., стр. 4.

[2] «Искра» № 68, 25 июня 1904 г.

[3] Ленин тоже подверг критике эсеровский проект программы (см. Соч., т. VI, стр. 53—59). Но наряду с констатированием утопичности, эклектизма, ревизионизма и прочих ошибок в этой программе, Ленин тут же дал классовый анализ эсеров и определил значение, какое они могут играть в революции.

[4] «Искра» № 59, 10 февраля 1904 г.

Новый взгляд Вандервельде, к которому присоединяется автор, а через него — и новая «Искра» гласит, что крестьянами надо заниматься лишь постольку, поскольку они рабочие, в той мере, в какой их интересы совпадают с интересами других рабочих.

Стоя на последней точке зрения, трудно было бы понять своеобразие роли крестьянства в русской революции и особенности взаимоотношений пролетариата и крестьянина. Речь ведь шла, конечно, не о защите пролетарской партией интересов мелких собственников, а о союзе пролетариата с революционным крестьянством для борьбы с общим врагом. Признавая, что крестьянами надо заниматься лишь «постольку, поскольку они рабочие», трудно было притти к мысли о подобном союзе. Если к этому прибавить вскользь брошенное, ни к чему не обязывающее замечание о привлечении крестьянства к борьбе в уже цитированной статье В. Засулич, статье, которая не упустила указать, что исход борьбы в значительной степени зависит от либералов, — то это и будет все, что можно найти на страницах меньшевистской «Искры» накануне революции 1905—1907 гг.

и) НОВАЯ «ИСКРА» ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛИБЕРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ.

Если новая «Искра» мало и довольно прохладно говорила о крестьянстве, зато много и, главное, сравнительно тепло говорила она о городской буржуазной демократии и о либералах прежде всего. И при этом характерно, что главное во всех рассуждениях «Искры» о либеральной буржуазии заключалось как раз в том, что меньшевики ждут от буржуазии выполнения по-революционному своей «исторической миссии», т. е. что именно под руководством буржуазии, при активном и ближайшем участии буржуазии, в России будет доведена до конца буржуазная революция.

Но если в вопросе об оценке роли крестьянства у меньшевиков н и к о г д а н и к а к и х разногласий не было, то уже на страницах «Искры» в этот период обнаружились внутри меньшевизма разногласия в подходе к либералам, — разногласия, закончившиеся после так называемого «плана земской кампании» временным разрывом между всеми меньшевиками, с одной стороны, и Троцким и Парвусом — с другой. С самого начала обнаружившийся различный подход к либералам не помешал однако продолжению сотрудничества и полному сближению после прекращения «Искры» и создания «Начала» [1]. Сближала, разумеется, борьба против Ленина и большевиков. Но зато газета, официальный орган партии, иногда даже в одном и том же номере давала различную оценку либерализма, — начиная от воспевания, восхваления и чисто дружеской критики (Плеханов, Дан, Мартов, Негорев и др.) и кончая уничтожающей критикой в духе «перманентной революции» Троцкого — Парвуса. Впрочем то, что у одних была критика «дружеская», а у других «уничтожающая», не означало, что принципиально различны и исходные точки. Этого-то как раз не было, и это обусловило сотрудничество.

Троцкий, как и меньшевики, признавал, что буржуазная революция, это, в конце концов, такая революция, которая выгоднее всего буржуазии и

[1] См. об этом ниже, главу VI наст. тома. — *Ред.*

которую делает поэтому в первую голову буржуазия; роль пролетариата как вождя в буржуазной революции — поскольку меньшевики вообще принимали таковую — они понимали крайне узко и ограниченно. Пролетариат «толкает» буржуазию, «заставляет делать», но руководит, «делает» именно буржуазия. Отсюда весь дух статей меньшевиков, посвященных либералам, пропитан «будированием». Буржуазии пока на общественной сцене нет, но она будет и будет обязательно для того, чтобы осуществить свою миссию, — рассуждают «последовательные» аксельродовцы: Дан, Мартов, Плеханов и др. Буржуазии нет и не будет, да и не откуда ей взяться на политической арене в наших русских условиях, она ничтожна, она — «птичка-невеличка» и т. д. — рассуждает Троцкий и, как последовательный аксельродовец, приходит к выводу, что и революция поэтому у нас не может длительно развиваться как революция буржуазная, ибо с приходом к власти пролетариата она немедленно перейдет на социалистические рельсы, отсюда у него и «уничтожающая» критика либералов во имя такого «перехода». Причем иногда такое «левое» понимание буржуазной революции и ее движущих сил могло встречаться в статьях «правых» Дана, Негорева и др. С другой стороны, как мы видели выше, не кто иной как Троцкий «предвосхитил» в «наших политических задачах» меньшевистский «план земской кампании». Идея буржуазной революции, более выгодной пролетариату, чем буржуазии, на основе союза рабочих и крестьян под гегемонией первого, в интересах перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую, была абсолютно чужда всем меньшевикам. Вот почему возможно было сотрудничество всех меньшевиков от «крайних правых» до «ультра-левых», которых к тому же объединяла борьба с большевиками.

В новой «Искре» доминировала переоценка удельного веса буржуазии в общественном движении. Переоценка эта проявлялась, конечно, не в прямом грубом утверждении, что та политика, которую проводили тогда либерально-оппозиционные круги, вполне отвечает задачам революционной эпохи. «Искра» критиковала либералов, критиковала их иногда довольно остро. Но, критикуя действия либералов, меньшевики в то же время не уставали выражать надежду на то, что «общество» полевеет, что оно, наконец, поймет свои настоящие задачи и по-настоящему примется за их выполнение. Последнее особенно важно. То, что «общество» будет «леветь», было верным утверждением. Но ведь вопрос заключался в том, кто будет гегемоном революции — пролетариат или либеральная буржуазия. Именно в этих пунктах, как мы это увидим ниже, меньшевизм резко расходился с большевизмом. Ход революции

«будет в значительной степени зависеть от «общества». «К мысли о ее (революции)» неизбежности должно привыкнуть даже общество, продолжающее «не верить в революцию»,

заявляла Засулич в цитированной нами выше статье «О чем говорят нам июньские дни». В статье «С народом или против народа» Дан выражал надежду, что

«пролетариат сумеет заставить земцев под страхом политической смерти итти дальше, чем это им диктует классовая буржуазная психология» [1].

[1] «Искра» № 55, 15 декабря 1903 г.

А Мартов в статье «Пробуждение демократии и наши задачи» отмечал, что начавшийся реакционный поход на земства

«способствует перемещению в л е в о политического центра системы оппозиционных и революционных сил» [1].

Особое значение придавал Мартов земскому «третьему элементу» и молодой разночинной интеллигенции, отличая их от политически менее подвижных «отцов». Но и этот последний общественный слой Мартов не считал потерянным для революции. Он предвкушал радостный миг, когда в движение будут втянуты

«признанные светила «юриспруденции», когда «за молодой демократией должен будет пойти солидный буржуазный либерализм».

Статья Мартова писалась под непосредственным впечатлением первых съездов представителей свободных профессий и поэтому особенно ярко отразила надежды меньшевизма на «полевение» либеральных элементов.

Меньшевики выражают свое удовлетворение по поводу нарождения у нас такой буржуазии, которая, по Аксельроду, избавит нас от «политического заместительства». Причем совершенно достаточной гарантией такой революционности для меньшевиков является признание «условий» со стороны этой буржуазии в духе пресловутой староверовской резолюции. Об этом прямо твердит цитированная нами выше передовая № 58 «Искры».

Совершенно естественно, что по мере развития событий и приближений к началу знаменитой «эпохи доверия» меньшевистские комплименты «соседям справа» становились все определеннее. В частности Н. Негорев писал:

«Буржуазное — оппозиционное и даже революционное движение не только не растает от милостей сверху, но даже, быть может, обострится. Буржуа-разночинец, «трудом» сбивший копейку и чуждый дворянской сентиментальности, предъявит самодержавию ростовщический счет за ту долю патриотических миллионов, которую он уплатит теперь для спасения бюрократии в военных затруднениях» [2].

Даже чисто либеральное земское крыло, которое меньшевики критиковали и которому противопоставляли молодые демократические элементы, не казалось новоискровцам безнадежным. Они думали видеть в либералах

«лагерь тех, которые поймут связь своих интересов с интересами широких слоев демократии и, на первых шагах исторического пути, — с о в м е с т и м о с т ь и н т е р е с о в «о б щ е с т в а» с б л и ж а й ш и м и и н т е р е с а м и р а б о ч е г о к л а с с а» [3].

Наступил, наконец, ноябрь 1904 г., когда состоялся знаменитый земский съезд, который, как известно, достаточно ясно обнаружил всю ограниченность либерализма. А вот как оценила его меньшевистская «Искра»:

«Это большой успех, знаменующий кульминационную точку в развитии исторического земскбго либерализма. Резолюции 6—8 ноября приобретают значение политического события первостепенной важности. Прогрессивная русская буржуазия впервые «полным голосом»

---

[1] «Искра» № 58, 25 января 1904 г.

[2] «Искра» № 65, 1 мая 1904 г.

[3] П. С т р е л ь с к и й, Дружина князя Святополка, «Искра» № 75, 5 октября 1904 г. Разрядка наша. — *Ред.*

сказала «прости» выпестовавшему ее просвещенному крылу самодержавной бюрократии, впервые ответила достойной политических деятелей «черной неблагодарностью» шарлатанам сердечного попечения, так долго превращающим в один из устоев самодержавия то общественное самоуправление, которому по самой исторической сущности надлежало быть могильщиком» [1].

Последние три цитаты заслуживают особого внимания. В них выражена уже не общая туманная надежда на революционизирование буржуазии, на то, что последняя начнет «верить» в революцию и т. п. Надежда стала уверенностью, общее выражение — конкретным утверждением. Речь идет о том, что буржуазия предъявит «ростовщический счет самодержавию», о том, что «создаст революционную политическую партию», о том, что она поймет совместимость своих интересов с «ближайшими интересами рабочего класса». Речь идет о том, наконец, что буржуазия уже выступила, уже заговорила «полным голосом» и «достойно» «распростилась» с самодержавием. Это говорило о земском съезде 5—6 ноября. Мы отлично знаем, каким было на деле это «прощание» либерализма с самодержавием.

Как мы уже упоминали, чрезвычайно характерно, что в своей оценке роли буржуазии в революции меньшевики не дают конкретного классового анализа различных групп «буржуазной демократии» и особенностей их интересов. И самая основная мысль меньшевиков о заинтересованности буржуазии в демократическом перевороте опять-таки вытекает не из анализа реальных классовых отношений в данный исторический момент, а из совершенно неверных положений о конкретных путях буржуазно-демократической революции. Выше уже были показаны отличительные черты этого перехода для Англии, Франции и Германии и те особенности, которые имели место в России [2]. Меньшевики, правда, отличали земский либерализм от интеллигентского демократизма и часто критиковали первый, явно переоценивая второй. Но это отличие не мотивировано у меньшевиков, не обосновано более или менее четким анализом реальных интересов той и другой группы, анализом того, что объединяло их, и того, что разъединяло. Неудивительно поэтому, что после попытки к различению меньшевики сваливали в одну кучу «Освобождение» и «Революционную Россию», выражая надежду, что из их «туманных недр» родится революционная демократическая партия. Неудивительно также, что остается совершенно неясным, на чем основывается надежда новоискровцев на активную роль буржуазии в революции: на том ли, что буржуазию толкают к революции ее классовые интересы, или на том, что буржуазия революционизируется, преодолевая свои интересы, вопреки им, на что сбиваются новоискровцы. Как это ни странно, но новоискровцы не дают определенного ответа на этот вопрос, мы имеем по крайней мере совершенно противоречивые формулировки по этому вопросу. Вот что писал Дан:

«При наличности хотя бы весьма скромного политического чутья и политического смысла, способного стать хоть на время выше классового инстинкта, выра-

[1] Мартов, Итоги земского «парламента», «Искра» № 70, 20 ноября 1904 г.

[2] См. главу I наст. тома. — *Ред.*

стающего на почве мелких хозяйственных интересов минуты, земцы могли в этом случае, и не вылезая из своей земской скорлупы, сделать свои требования национальными, общенародными требованиями» («С народом или против народа») [1].

Что это, как не допущение того, что земцы могут стать на сторону народа вопреки своим классовым интересам (хотя бы последние и назывались по-дановски «классовым инстинктом, вырастающим на почве мелких хозяйственных интересов минуты»)?

С другой стороны мы имеем заявление Негорева:

«Уж недалеко то время, когда русская буржуазная демократия, защищая свои жизненные интересы, выступит как революционная политическая партия» [2].

Надо полагать, что под «жизненными интересами» разумеются прежде всего классовые интересы. Можно было бы сослаться на то, что первая цитата говорит о земцах, а вторая — о демократии вообще. Но Негорев, продолжая свою мысль, точно указывает на «Освобождение», которое, как известно, было близко к земским кругам. А Мартов в приведенной нами выдержке совершенно ясно заявлял, что «общественному самоуправлению» (т. е. земству) «по самой исторической сущности» [3] надлежит быть могильщиком самодержавного строя. Кажется, достаточно определенно. Во всяком случае, если бы новоискровцы хотели провести различие между классовыми интересами земцев и интеллигенции, если бы они эти различия понимали и могли в них разбираться, они высказались бы совершенно точно, без недоговоренности.

Меньшевики не говорили еще прямо, что гегемония в предстоящей революции должна принадлежать буржуазии, но меньшевики именно из этого исходили и на это надеялись. Перспектива руководства демократической революцией пролетариатом не по душе новоискровским оппортунистам.

Это сказалось и на меньшевистской оценке русско-японской войны. «Искра» явно хотела угодить своей оценкой войны либералам, но не решалась это сделать прямо и металась из стороны в сторону. В целом ряде статей все время подчеркивалась абсолютная изолированность самодержавия и то, что буржуазия якобы совершенно не заинтересована в настоящей войне, что самодержавие стоит на краю пропасти, что его якобы никто не поддерживает, но так как буржуазия, по крайней мере, вначале захлебывалась от патриотического восторга, то «Искра», замазывая эти факты, доходила до того, что сбивалась по существу на принципиально оборонческую позицию.

«Пролетариат, — писал Дан, — не может остаться равнодушным и к такому порабощению государства, в котором волей исторических судеб живет и борется, к такому порабощению, которое превратило бы это государство в объект чужой эксплоатации, подрезало в корне возможность его прогрессивного развития, сделало его новой Арменией, сохранило для пролетариата весь гнет, все несчастья, но без малейшей надежды на возможность революционной борьбой сбросить с себя все путы социального рабства; и в этом смысле сказал Бебель, что немецкий пролетариат «до последнего человека встанет на защиту отечества и народа», если самому существованию Германии будет грозить опасность»,

---

[1] «Искра за два года».

[2] Разрядка наша. — *Ред.*

[3] Разрядка наша. — *Ред.*

Постановка вопроса совершенно ясная и достаточно знаменательная. Если при такой принципиальной установке Дан все-таки высказывался против войны, то лишь потому, что теперь

«жизненные интересы народа не поставлены на карту»[1].

Но так как открыто стать подобно либералам на «защиту отечества» было, конечно, неудобно, то «Искра» провозгласила лозунг «мир во что бы то ни стало». На этой позиции она удержалась недолго, как не удержались на своих «патриотических» позициях и либералы, и вскоре перешла к своему условному пораженчеству, прикрывая этот фактический отказ от своих старых позиций бессмысленными замечаниями по адресу большевиков и ряда крупных деятелей II Интернационала, разделявших большевистскую линию в этом вопросе о якобы «спекуляции» на победу японского оружия. В статьях «Европейский капитал и самодержавие» и «Падение Порт-Артура» Ленин подверг уничтожающей критике взгляды «Искры», отметив ее шатания от откровенного оборончества через пацифистский мир во что бы то ни стало к условному или даже полному пораженчеству (например у Плеханова).

Здесь следует еще подчеркнуть тот весьма знаменательный факт, свидетельствовавший, вопреки мнению меньшевиков, о неуклонном росте партии, что местные комитеты, которые третировались «Искрой», как «жалкая шпана», дали вполне правильную оценку русско-японской войны и решительно выступили против колебаний и шатаний «Искры» в этом вопросе. Однако, полемизируя с постановлениями этих большевистских партийных комитетов, «Искра» еще более углубляла свою ошибку, изображая войну как исключительное следствие авантюристской политики царской клики, не опирающейся ни на какие классовые интересы. Вполне очевидно, что такой взгляд сложился под влиянием стремления меньшевиков представить буржуазию революционной, способной на решительную борьбу с царизмом.

Перед нами прошла картина все возрастающего и углубляющегося расхождения между большевиками в области важнейших вопросов революционной стратегии и тактики. Важнейшим этапом в этом отношении, переломным моментом явились разногласия вокруг меньшевистского плана земской кампании, который освещается нами в следующей главе.

Какие выводы можно сделать на основе всего приведенного материала в связи с вопросом, который был поставлен в самом начале: о внутренней закономерности развития, разногласий между большевиками и меньшевиками, о расширении и охвате не только области организационной, но и тактической. Прежде всего придется отметить, что самый характер так называемых организационных разногласий был таков, что до крайности облегчал переход к разногласиям по основным вопросам стратегии и тактики революционного действия. Организационные разногласия не были просто техническими разногласиями по тем или иным отдельным пунктам устава и т. п. Уже на втором съезде ясно было, что все эти мелкие вопросы по существу связаны с одним большим основным вопросом, неодинаковое понимание которого приводит

[1] «Искра» № 68, 10 июля 1904 г. Разрядка наша. — *Ред.*

к разногласиям по различным отдельным пунктам. Этим большим основным вопросом был вопрос о гегемонии пролетариата о роли партии, о взаимоотношениях партии и класса. Что спор идет именно по этим вопросам, особенно ясно стало вскоре после съезда. Статьи Аксельрода и брошюра Троцкого подтверждают это целиком. А этот вопрос — о взаимоотношении партии и класса, о роли партии — есть уже не просто «организационный» вопрос. В силу своего громадного принципиального значения он выходит за рамки собственно организационных вопросов, потому что на основе его, несомненно, должны были строиться конкретные планы деятельности партии. Что на всякий конкретный план той или иной кампании должна была влиять оценка роли партии и ее взаимоотношений с классом, вполне понятно.

В самую раннюю пору своего развития вопрос о роли партии связывался и дополнялся не менее важным вопросом, — о роли пролетариата в революции. Между обоими вопросами существовала самая тесная закономерная связь. Уже в общей постановке легко понять, что определенная позиция в вопросе об отношении партии к классу необходимо вызывает соответствующую позицию в вопросе об отношении класса к революции. Следовательно путь от конкретных организационных разногласий к конкретным тактическим проходит через два общих принципиальных вопроса — о роли и задачах партии и роли и задачах пролетариата. «Маленькие» разногласия при своем развитии привели к большим принципиальным разногласиям, и последние в свою очередь привели к большому количеству конкретных «маленьких» разногласий.

Чем объяснить, что начало разногласий было связано именно с организационными вопросами? Это находит свое объяснение прежде всего в характере этапа партийной истории, во время которого произошел раскол. Период второго съезда — это период организационного оформления партии, которое съезд должен был завершить. Вполне понятно, что в таких условиях организационные вопросы выдвинулись на первый план. При этом особенно важно то, что съезд должен был практически провести в жизнь торжество принципа партийности над принципом кружковщины. Нашлись элементы, которые, признавая на словах преобладание партии над кружками, отступили от этого признания, когда дело дошло до уничтожения их собственного кружка (меньшевистская часть редакции «Искры»).

Чем объяснить быстрое развитие расхождения, резкость его, скорый переход в новую «тактическую» фазу? С одной стороны, внутренней логикой борьбы, усиленным стремлением меньшевиков расшатать, развалить только-только созданную партию; и не только в области организационной, но, как мы видели, и в области тактической показать «свое лицо», оказавшееся лицом оппортунизма. С другой стороны — и это важнее всего, — переменой объективной обстановки, развертыванием революционного движения, началом революции. Новый период ставил новые практические действенные задачи. Необходимо было соответствующим образом реагировать на них. Вполне естественно, что при различии принципиального подхода к задачам партии и задачам пролетариата отклик на эти новые задачи должен был быть различным.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К III ГЛАВЕ.

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РАСКОЛУ В РСДРП.

I. Второй Интернационал и вопрос о партии.

а) Интернационал и ревизионисты.
б) Интернационал и борьба на два фронта.

II. Второй Интернационал и раскол.

а) Позиции Бебеля, Каутского.
б) Позиция Парвуса и Розы Люксембург.

III. Ленин и Второй Интернационал в этот период.

ЛИТЕРАТУРА: см. в тексте.

ГЛАВА III.

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РАСКОЛУ В РСДРП.

а) ВВЕДЕНИЕ.

Говоря о позиции II Интернационала в этот период, мы имеем в виду отношение к расколу в РСДРП главным образом германской с.-д., которая в лице Бебеля, Каутского, Р. Люксембург и др. сделала ряд попыток вмешательства в дела РСДРП, попыток, целиком поддержанных впоследствии Международным Социалистическим бюро (МСБ). Поэтому мнение Бебеля и др. можно считать в данном случае мнением в с е г о II Интернационала. Тем более, что кроме германской с.-д. никто из остальных крупных и влиятельных партий II Интернационала так подробно не интересовался расколом в РСДРП, и по крайней мере нигде не выступал специально по поводу принципиальной стороны раскола.

Формально положение дел в РСДРП впервые обсуждалось в МСБ накануне Амстердамского конгресса II Интернационала (14—20 августа 1904 г.). Обсуждение было вызвано инцидентом с составом русской делегации на конгрессе. По уставу нашей партии представительство на Международные конгрессы представлялось советом партии. Доклад с партийным отчетом должны были написать совместно редакция ЦО и ЦК. Редакция назначила для этого Дана, ЦК — Глебова (Носкова). По соглашению с Лениным — Глебов должен был в отчете вовсе не касаться внутрипартийных разногласий. Однако Глебов вообще никакого участия в составлении отчета не принял, а Дан, разумеется, использовал отчет для того, чтобы грубо тенденциозно изобразить положение дел в партии. Против этого меньшевистского отчета Глебов-Носков, однако, и не думал протестовать, лишний раз иллюстрируя «примиренческую» физиономию ЦК [1].

Этот отчет не был даже утвержден формально всем советом, куда входил и Ленин, и узнал о нем Ленин только тогда, когда отчет уже был переведен на немецкий язык и отпечатан в типографии. Тогда Ленин решил подготовить параллельный отчет от большевиков. Но так как формально ни от одного из центральных органов партии этот второй отчет представить нельзя было (ЦО и Совет были уже, как известно, в руках меньшевиков, а формально «примиренческий» ЦК тоже фактически был с меньшевиками), решено было пус-

[1] Подробнее см. об этом у Ленина, «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», Соч., т. VI, стр. 381.

тить отчет в виде частного издания от кого-нибудь из большинства [1]. Аналогичный инцидент получился также с формированием делегации. Ленин высказался за то, чтобы делегацию составлял только совет партии. Между тем меньшевистское большинство совета включило в делегацию также Дана, Дейча и Засулич. Ленин решительно опротестовал это решение, но делегация уже выехала на конгресс, и Ленин решил апеллировать к конгрессу. Ход меньшевиков был совершенно ясен. Покончив, как им казалось, с Лениным в России, благодаря захвату в свои руки центральных органов партии, они, повидимому, решили теперь действовать «в международном масштабе». Имея всю делегацию против одного Ленина, составив тенденциозный отчет о партийных делах, меньшевики надеялись одним махом расправиться с Лениным на конгрессе, если только он захотел бы выступить. Для меньшевиков тем более важно было демонстрировать свое «единство» против «раскольника» Ленина, что одним из боевых вопросов конгресса был вопрос о необходимости объединения всех социалистических партий каждой страны в единую партию. Но меньшевики строили свою игру слишком, слишком тонко. Ленин в силу вышеизложенных обстоятельств, отчасти из-за болезни, решил в Амстердам не ездить, предложив от имени большинства послать Лядова и Красикова, о чем Лениным была послана на конгресс соответствующая телеграмма. Однако Плеханов пустился на довольно-таки простоватую хитрость. Получив эту телеграмму, как представитель русской секции, он заявил Каутскому, Розе Люксембург и др., что это просто Ленин прислал... поздравление конгрессу. Не дождавшись ответа, делегаты большинства тем не менее выехали и обратились с протестом в МСБ. Несмотря на решительное противодействие меньшинства, в частности Плеханова, делегация большинства была допущена на конгрессе. Ход меньшевиков был бит. Легонькая победа превратилась для них в серьезнейшее поражение [2]. Крайне

---

[1] Он распространялся на конгрессе как «материал для изучения раскола в РСДРП» за подписью М. Лидина (М. Н. Лядова). В своих воспоминаниях «Из жизни партии в 1903—1907 гг.», тов. Лядов так описывает историю появления этого документа: «Предполагалось этот отчет раздать на конгрессе лично всем делегатам. Насколько помню, в составлении этого отчета принимали участие Ильич (редакция сочинений Ленина отмечает участие в составлении и редактировании этой брошюры Ленина. См. Соч., т. VI, прим. 135, стр. 449. — *Ред.*), Воровский, Красиков и я. Каждый взял по главе, намеченной Ильичем. Кроме того в мою обязанность входило перевести книжку на немецкий язык. Работали мы буквально день и ночь в течение восьми дней... (времени оставалось до начала конгресса всего дней десять)... и Ильич и Надежда Константиновна помогали мне переводить... Бонч-Бруевичу удалось разыскать французскую типографию, которая согласилась набрать и отпечатать эту книжку» (стр. 45).

[2] Меньшевики, разумеется, были в конец расстроены тем, что вся их кампания провалилась. В цитированных выше воспоминаниях Лядова читаем:

«За день до окончания конгресса мы получили наконец долгожданную посылку с нашей книжкой, которая должна была служить контрдокладом в противовес докладу, составленному якобы от всей партии Даном. Я рано утром разложил этот доклад, напечатанный на немецком языке на всех столах, перед каждым делегатом конгресса. Разложил его также и перед нашими соседями меньшевиками. Сидел я как раз рядом с Аксельродом и Засулич. Как только они просмотрели несколько страничек, возмущенные вскочили с мест. Засулич заявила мне: «Я с вами больше не знакома», а Аксельрод угрожающе прошипел: «За это вы будете отвечать перед Советом партии». — «Ну, что же, — отвечал я, — конечно, готов отвечать, если что-нибудь неверно изложил, но ведь это надо будет доказать, что я неверно передал». Меньшевики очень за-

характерным является однако обсуждение вопроса в МСБ по поводу этого инцидента. Допуская большевиков — МСБ II Интернационала вовсе и не думало вникать в значение споров между большевиками и меньшевиками. В защиту большевиков высказались все выступавшие по этому вопросу (Адлер, Гайдман, Р. Люксембург, Ван-Коль, Каутский и Бебель). Но высказывались они в защиту только потому, что вообще в духе II Интернационала было «узаконение оттенков». II Интернационал не поступил бы иначе, если бы речь шла о меньшевиках. Больше того, с этой точки зрения меньшевизм был безусловно подлинное детище II Интернационала, в организационных вопросах в особенности. Это показала вся последующая борьба II Интернационала с большевистским пониманием партии и партийности. Не случайно, что на почти одновременно заседавшем со II съездом нашей партии — Дрезденском партейтаге германской с.-д., где был дан бой ревизионизму, как только дело дошло до исключения из партии все усиливающегося и усиливающегося ревизионистского крыла, следовавшего после выступления Бернштейна принципу оппортуниста Ауэра — секретаря ЦК (Форштанда) германской с.-д., заявившего Бернштейну — «Ты осел, Эдди, об этом не говорят, это д е л а ю т»,—сразу же сказалась тактика, характерная для II Интернационала.

Как только дело дошло до «оргвыводов», Бебель, покритиковав правых оппортунистов, выдвинул обычный аргумент — единство, во что бы это ни стало, и потому сохранение в партии и этого «оттенка». Естественно, что ставя на конгрессе вопрос о необходимости «единой» партии в каждой стране, II Интернационал меньше всего заботился о создании боевой централизованной партии, авангарда в большевистском духе. Общая установка II Интернационала заключалась при этом в том, что в этом вопросе кроме большевиков даже «левые» стояли на неправильной оппортунистической позиции. Мы неоднократно встретимся с тем, как не только Каутский, Бебель, но и Р. Люксембург чисто по-меньшевистски боролись с «ленинским сектантством» в вопросе о партии.

Неправильность позиции II Интернационала в вопросе об одной партии особенно ярко иллюстрировалась примером России, находившейся буквально накануне революции, и где партию — авангард наиболее передового, наиболее революционного класса пытались превратить в механическое «объединение» не только меньшевиков и большевиков, но и всей РСДРП с эсерами. Русская революция не только в вопросах теоретических и тактических, но и организационных была «оселком», была серьезной проверкой способности к революционному руководству II Интернационала.

суетились. Я видел, как Аксельрод долго что-то доказывал Каутскому, жаловался ему на меня. Иностранные товарищи нашей книжкой заинтересовались. Многие, которым не досталось книжки, приходили просить ее у нас. Мы роздали все, что было напечатано.

После нашего возвращения в Женеву меньшевики горько жаловались на нас в «Искре», но до суда над нами в Совете партии дело почему-то не дошло, нас туда не вызывали, никто нас не допрашивал. А мы очень этого хотели. Получилась бы очень интересная история, если б действительно члены редакции «Искры», кооптированные единолично Плехановым после того, как съезд их не счел возможным избрать, судили бы нас за то, что мы незаконно представляли партию, после того как большинство съезда и большинство партийных комитетов признало нашу линию правильной, линией партии» (стр. 53—54).

Русская революция сигнализировала серьезную опасность для II Интернационала с его теориями «живи и жить давай другим». Большевики накануне революции, борясь за партию-авангард, боролись не только с русскими меньшевиками, но и со всем II Интернационалом. В этом легко убедиться, сопоставив принципиальную аргументацию Каутского, Бебеля и Розы Люксембург с тем, что говорили меньшевики (Аксельрод, Троцкий, Мартов и др.).

Нет ничего удивительного в том, что в своей принципиальной позиции II Интернационал в сущности целиком (не исключая наиболее левых элементов — Р. Люксембург и Парвуса) стал на сторону меньшевиков. Известно половинчатое отношение громадного большинства II Интернационала к бернштейниаде в германской социал-демократии и вообще к оппортунизму и реформизму. В особенности в вопросах организационных сказывались серьезные колебания и уступчивость. Вообще организационным принципам II Интернационала (поскольку можно говорить о таковых для II Интернационала) была абсолютно чужда идея боевой централизованной партии, — авангарда с единой программой, тактикой и организацией. Она была чужда всем элементам Интернационала за исключением одних большевиков. Так, «левый» Парвус заявляет в письме Потресову от 13 марта 1904 г.:

«Редакция «Искры» требует от него (т. е. от Рязанова. — *Ред.*) публичного признания программы, которую он критиковал и намерен дальше критиковать. Не могу понять, для чего это понадобилось. Если вы будете стоять на этой точке зрения, то вам придется принять в партию Бернштейна, который программу одобрил, а меня, пожалуй, исключить из нее, так как я решительно против... (Следует перечисление пунктов программы, с которыми Парвус не согласен). Оставьте вы, ради всех святых, этот чиновничий формализм» [1].

Мы видим, как далеко ушел этот «либерализм» даже у левых, — признание программы для них уже только... формализм, — нечего сказать, хорошее представление о партии-авангарде! Ниже мы увидим, что еще дальше идет в этих вопросах Р. Люксембург. Естественно, что при таком отношении к программе для членов партии «левые» неизбежно должны были итти и на компромиссы в вопросах тактики, во всех вопросах политического поведения партии. Так, по меньшей мере странное заявление мы находим в другом письме Парвуса к Потресову:

«Я получил от Бебеля письмо, полное жалоб. Открытая пропаганда насильственной революции со стороны русской социал-демократии, разумеется, нарушает всю парламентскую тактику немцев. Тут, конечно, ничего не поделаешь. Я ему в этом смысле и отписал. Однако не надо забывать, что немецкое правительство только ищет повода, чтобы обвинить социал-дем[ократов] в подготовлении насильственного переворота и этим оправдать введение политических репрессий. Поэтому редакции «Искры» необходимо стараться избегать всего, что могло бы дать германскому правительству формальное основание сослаться на нее в подтверждение воздвигаемого ею против немецкой социал-демократии ложного обвинения. Я еще до получения письма Бебеля телеграфировал вам об одном месте в последней передовице «Искры», относительно которого я именно опасался, что оно может в этом смысле быть использовано. Я все же перевод ее поместил в Weltpolitic, а отдельные оттиски выслал в редакции. Однако советую в буржуазные газеты не рассылать.

[1] Социал-демократическое движение в России, том I, стр. 116—117. Разрядка наша. — *Ред.*

Бебель, между прочим, грозит изменением тактики партии по отношению к русской социал-демократии. Это не мешает иметь в виду»[1].

Эти странные советы «левого» насчет необходимости по возможности воздерживаться от «пропаганды насильственной революции», чтобы «не мешать парламентской тактике», со специальными угрозами со стороны Бебеля «закрыть кредиты» со стороны германской социал-демократии в случае неисполнения, чрезвычайно характерны для деятелей II Интернационала, особенно в отношении русской социал-демократии, которая готовилась к предстоящей революции. Характерно и то, что выполнялась эта миссия именно «левыми». И если русские меньшевики в этом вопросе еще открыто не солидаризировались со своими «западно-европейскими» братьями (хотя Аксельрод и Мартов, как мы видели, уже тогда недалеко ушли от Бебеля в понимании значения «парламентской борьбы» да и вообще «легальных возможностей» для борьбы за «насильственную революцию»), зато в вопросах понимания роли партии в революции здесь получилось прямо-таки трогательное единство. Так, Потресов, желая вовлечь наиболее радикальные элементы II Интернационала в борьбу с большевиками, даже к Р. Люксембург обращается в таком тоне с просьбой принять участие в этой борьбе.

«Обращаюсь к вам от имени редакции, — пишет Потресов, — с большой просьбой — написать статейку для «Искры» по поводу ленинского памфлета, не стесняясь выбором темы, — книжка Ленина дает обильный материал.

Нам весьма важно иметь отзыв об этой брошюре именно от вас, — которая, с одной стороны, стояла до сих пор в стороне от наших внутрипартийных споров [а с другой] — ославлена западно-европейскими ревизионистами как бланкистка. Быть может вы именно в связи с брошюрой Ленина и коснулись бы вопроса о заговорщической и социал-демократической организации. Во всяком случае что бы вы ни написали, нам будет чрезвычайно ценно. Пожалуйста не откажите в нашей просьбе»[2].

Подчеркнутые места ярко показывают, на что бил Потресов, предлагая Р. Люксембург реабилитироваться. Хорошо известно, кто именно бросал ей подобные обвинения, — это были наиболее откровенные оппортунисты во II Интернационале. В то время Р. Люксембург, исполнив просьбу «Искры», оказала большую поддержку меньшевикам. Таким образом дело здесь было не только в том, что деятели II Интернационала верили на слово меньшевикам и не читали или недостаточно глубоко знакомились с документами. В вопросе о роли и задачах партии позиция меньшевиков по духу, по всей своей сущности, была ближе, была роднее II Интернационалу, в то время как «ленинизм» был органически чужд природе последнего. Рассматривая принципиальную позицию II Интернационала, мы видели, что МСБ иногда выступало против меньшевиков, но при этом целиком и полностью разделяя меньшевистскую точку зрения. Освещая позицию II Интернационала, мы остановимся на отношении к расколу главным образом Каутского, Бебеля и

---

[1] Там же. Разрядка наша.— *Ред.*

[2] Там же. Разрядка наша. — *Ред.*

Р. Люксембург, как наиболее крупных и авторитетных вождей Интернационала, принимавших довольно видное участие в русских делах, а также Парвуса, который вместе с Троцким много писал о русских делах в духе «перманентной революции» (вернее Троцкий только «популяризировал» Парвуса).

б) КАУТСКИЙ И БЕБЕЛЬ.

Каутский, в то время вождь «ортодоксальной» социал-демократии, уже тогда проявлял некоторые колебания в сторону реформизма, — предвестника будущего поворота к социал-предательству. Эти колебания в свое время дали повод Плеханову резко выступить против мягкотелости Каутского в его борьбе с Бернштейном, «ревизовавшим» Маркса. Эти же колебания проявились в его отношении к разногласиям внутри нашей партии после II съезда. Впрочем в отношении русского меньшевизма и раскола эти колебания длились у Каутского недолго. Каутский не только целиком стал на точку зрения меньшевиков, но принял все меры к тому, чтобы на страницах германской социал-демократической печати, тогда самой авторитетной для всего II Интернационала, дать меньшевистское освещение сущности разногласий. Не выступая сначала открыто, якобы из желания соблюсти нейтралитет, Каутский скрыл, что он все время тщательно информировался меньшевиками (главным образом Аксельродом) о ходе раскола. Поводом к выступлению Каутского послужило письмо — статья М. Н. Лядова к нему с просьбой поместить ее в «Neue Zeit». Каутский ответил, конечно, отказом, причем в ответном письме пространно изложил свои взгляды, явно став на сторону меньшевиков. Письмо, разумеется, предназначалось для печати, но Каутский, желая, как он выразился, остаться нейтральным, не хотел его печатать и согласился на это только тогда, когда узнал от меньшевиков, что его взгляды в этом письме могут быть превратно истолкованы. Таким образом письмом Лядова Каутский воспользовался, чтобы выступить открыто в защиту меньшевиков. Об этом свидетельствует и конец письма:

«Если я могу чем-нибудь посодействовать прекращению раскола, — я готов сделать все возможное. Я готов даже изменить свои выводы, если мне покажут, что мои предпосылки неверны. Я пишу в том же смысле одному товарищу, державшемуся противоположного направления, — или лучше я отправлю ему копию с этого письма».

Ясно, что раз письмо посылают товарищу, держащемуся противоположного «мнения» (речь шла о Потресове) и при этом не пытаются даже изложить свое отношение ко взглядам этого товарища, то с ним соглашаются, либо дают возможность этим письмом воспользоваться. Письмо Каутского было опубликовано в № 66 «Искры» под заголовком «Каутский о наших партийных разногласиях». Статья эта ясно показывала, что Каутский совершенно не понял принципиальной сущности борьбы, не понял, что организационные разногласия — лишь начало размежевания двух противоположных мировоззрений, размежевания между революционной и оппортунистической частями партии. Занимаясь поверхностными аналогиями между задачами организации партии в России и условиями работы уже существовавшей германской социал-демократии в эпоху исключительного закона против социалистов, Каутский неожиданно

приходил к выводу, что ленинская формулировка пункта первого устава осуществима только в странах свободных, в то время как в русских условиях наиболее широко охватывает партию формулировка Мартова. Таким образом, подменив принципиальный спор о партии и ее формировании конкретным вопросом о тактике германской социал-демократии в определенную эпоху, Каутский приходил к поистине бессмысленному выводу, что централизм и конспирация — детище легальной эпохи, а автономизм — полицейско-самодержавной. Каутский писал:

«Все дошедшие до меня сведения сходятся в том, что исходным пунктом раздоров внутри партии были разногласия по поводу организационного устава, — по вопросу о том, кто должен считаться членом партии, — тот, кто принадлежит к какой-нибудь партийной организации, или тот, кто поддерживает партию, признавая ее программу и ее контроль над своей деятельностью.

Если бы вопрос этот был поставлен в Англии, Франции или Швейцарии, то я, не колеблясь, высказался бы за первую формулировку. Там, где социал-демократия может открыто организовать свои силы, членом партий должен считаться только тот, кто участвует в какой-нибудь партийной организации.

Не так, однако, обстоит дело в России. Партийная организация может существовать там лишь в виде т а й н о г о о б щ е с т в а, и вопрос должен быть формулирован для России так: следует ли заставлять каждого члена партии вступать в тайную организацию, или, другими словами, следует ли ограничивать партию рамками тайного общества?

Этот вопрос стоял перед немецкой социал-демократией во время господства исключительных законов, и она ответила на него о т р и ц а т е л ь н о [1]. Не в интересах нашего дела считать членами нашей партии только тех, кто может вступить в нашу тайную организацию. Но не в интересах нашего дела также вводить всех преданных этому делу людей в нашу тайную организацию. Такая организация не должна переходить известных минимальных границ, если только она хочет остаться дееспособной и предохранить себя от провалов. Нам совершенно незачем раздвигать ее в какой-нибудь местности за границы, которые определяются каждый раз практическими соображениями. Распространению же нашей партии мы, наоборот, не должны ставить никаких границ.

Уже из этого ясна вся разница между партией и тайной организацией.

Во время законов против социалистов мы старались вводить в наши организации тех только, в ком они нуждались, кто работал над изданием, транспортом и распространением литературы, кто занимался добыванием и расходованием денежных средств, устройством демонстраций и т. п. Нецелесообразно было, наоборот, принимать в организацию людей, которые не должны были регулярно работать в ней, которые лишь по мере надобности поддерживали партию денежными средствами, личными услугами или участием в демонстрациях. Конечно мы старались по возможности сорганизовать и эти элементы в профессиональные союзы, в певческие ферейны и т. п. В России это все, конечно, невозможно. Но и у нас в действительную тайную партийную организацию эти сравнительно широкие организации не входили».

Каутский видел, что речь идет о чем-то совершенно новом, до сих пор неизвестном во II Интернационале, и потому пытался попросту умалить значение организационных вопросов, низведя их до чисто технических, искажая при этом большевистский взгляд на централизм и автономизм; а тот факт, что спор между меньшевиками и большевиками, — как это обстоятельно доказывал Лядов в своем письме, — был спором между интеллигентским индивидуализ-

[1] Впоследствии Каутский должен был открыто признать свою ошибку в этом вопросе. На так наз. Брюссельском совещании в резолюции исполкома МСБ, принятой по поводу положения дел в РСДРП, пункт 3 этой резолюции гласил: «Организация партии должна быть сейчас тайной». Автором резолюции был Каутский.

мом и пролетарской дисциплинированностью, Каутский, представляя как чистую случайность, писал:

«В основе того русского спора, о котором идет речь, лежит противоположность между условиями существования открытой организации, с одной стороны, и тайной — с другой. И только случайно этот спор имеет внешнее сходство с нашими столкновениями между пролетарской дисциплинированностью и интеллигентским индивидуализмом. При открытой организации каждое пролетарское движение должно стремиться к проведению самой строгой дисциплины и самой тесной сплоченности; при тайной организации приходится, наоборот, отказаться, от этих стремлений. Здесь нужно предоставить каждой отдельной организации очень широкую автономию. Здесь всякая формальная централизация только уменьшает дееспособность организации и увеличивает опасность и опустошительность провалов. Во время исключительного закона в Германии каждая местная часть партии была автономна также и в отношении того способа организации, который она для себя вырабатывала, применяясь повсюду к местным условиям». И в другом месте: «Не нужно преувеличивать значения организационных вопросов в том виде, как они поставлены теперь перед русскими социал-демократами. Я не вижу здесь принципиального противоречия ни между пролетарскими и интеллигентскими стремлениями, ни между «демократизмом и диктатурой», а простой вопрос целесообразности, вопрос о том, какая форма организации при настоящих русских условиях наилучше обеспечивает необходимую комбинацию подвижности и приспособляемости к изменчивым условиям борьбы с единством и планомерностью действия» [1].

Чувствуя, однако, слабость своей позиции, Каутский начинает в духе меньшевиков бить на необходимость «сохранения икон» и «почитания родителей»:

«Но связующей силой, объединявшей все эти самостоятельные элементы, было взаимное доверие, — не формальная централизация, а прежде всего доверие к вождям, к их честности, уму, верности своим убеждениям и энергии. Без престижа таких личностей, как Бебель, Либкнехт, Зингер, Ауэр, без обаяния имени Энгельса, стоявшего за спиной Бернштейна и постепенно создававшего ему влияние в партии, — немецкая социал-демократия не справилась бы так легко с исключительным законом».

Совершенно понятно, что именно имеет в виду в данном случае Каутский. Само собою ясно огромное значение и авторитет вождей во внутрипартийной борьбе. Об этом неоднократно писал Ленин. Но Каутский к этому вопросу подходит чисто по-меньшевистски. В самом деле что собственно имеет в виду Каутский в данном случае? Каутский скатывается в сущности к следующему: не партия разбила все рогатки, поставленные ей германской буржуазией. Ничего подобного. Это возможно было главным образом только благодаря «энергии и уму» Аксельрода да Мартова..., т. е. Бебеля, Либкнехта и др.; ясно, какую ошибку допустил II Съезд РСДРП, не включив «таких вождей» в редакцию ЦО партии.

Все это Каутскому нужно было не только для того, чтобы разбить в пух и прах организационные принципы большевизма; ему нужно было (повидимому,

---

[1] Здесь с Каутским, как и с меньшевиками в подобных случаях, произошла «маленькая неприятность». Запутался в собственной аргументации, забыл, что говорил на предыдущей странице. В самом деле, в начале прямо заявив о том, что «централизм» пригоден только для стран «свободных», он неожиданно доказывает, что все дело в целесообразности, в зависимости... от условий вообще. Поистине понимай, как хочешь... И все это только для того, чтобы получше защитить меньшевиков. Но, повидимому, чем лучше хочешь защищать меньшевиков, тем больше нужно путать и сбивать с толку своего читателя.

также по инструкции меньшевиков) уничтожить и Ленина. Поэтому он немедленно переходит в наступление и против Ленина.

«Не менее ошибочным представляется мне дальнейший образ действия Ленина — исключение Аксельрода, Старовера и Засулич из редакции «Искры». При этом я должен напомнить о том, что было мною сказано выше о роли доверия, престижей при широко разветвленной и поэтому отличающейся чрезвычайно слабою связью частей тайной организации. Эти невесомые крайне важны и никогда не могут быть замечены какой-либо формальной организацией. Поэтому при тайной организации одним из важнейших условий является то, что ее вожди всегда были солидарны, публично бы поддерживали друг друга лично, даже и в тех пунктах в которых они по существу дела друг с другом не согласны».

Таким образом Каутский со всей силой своего авторитета становится на сторону меньшевиков, все сводя к «личностям» и советуя Ленину «ужиться». Но Каутскому этого мало. Совсем в духе меньшевиков, он и мысли не допускает, что Аксельрод или Мартов могут стать оппортунистами:

«Вы утверждаете далее, что Аксельрод и его друзья склоняются к экономизму и оппортунизму. Я не могу проверить этих обвинений, так как я не в состоянии следить за вашей литературой. Но я не могу им поверить: для этого я слишком давно знаю Аксельрода, Плеханова, Засулич как ясные и последовательно мыслящие умы. И мне вдруг говорят, что они внезапно, за несколько месяцев совершенно перевернулись. Я должен предположить, что ожесточение борьбы заставляет вас видеть в слишком черном свете».

Став на такой, можно сказать, «марксистский» путь критики большевизма, Каутский естественно находит место в своей критике не только для «хороших» вождей и их значения для партии, но и для вождей «дурных», к которым он, разумеется, относит Ленина. Вообще борьба в партии для Каутского — это борьба среди «вождей». Поэтому в неуживчивости Ленина Каутский и усматривает причину раскола.

«Если бы Ленин не желал раскола, а хотел бы поддерживать единство партии, то он должен был бы столковаться с прежними редакторами, которые сделали «Искру» тем, что она есть».

После этого нетрудно уже понять, почему Каутский приходит к выводу, что:

«ответственность за возникновение этой злополучной борьбы падает на... Ленина».

«Искра», разумеется, восторженно рекламировала письмо Каутского в защиту своей позиции. Ведь Каутский прямо заявлял в статье, что если бы ему предложили выбирать между формулировкой Мартова и формулировкой Ленина, он выбрал бы первую. «Искра» радовалась не зря. Писания Каутского свидетельствовали, что «Искра» имеет крепкую и верную защиту. Ссылки Каутского на то, что он нейтрален, что он не высказывается категорически, потому что не знает хорошо русских условий, были просто увертkой.

Прямо поразительно было, как человек, мало информированный, плохо знающий условия, не желавший и, как он говорил, избегавший переносить спор на страницы международной социалистической печати, касаясь спора, излагал его удивительно специфически, так, примерно, как будто статья писалась в кабинете... Аксельрода [1]. Ларчик, однако, открывался просто.

[1] Об информации Плехановым о расколе РСДРП говорил на заседании МСБ, на котором обсуждался вопрос о созыве русской делегации на Амстердамском конгрессе, Адлер: «сам же говорил, — говорил Адлер, обращаясь к Плеханову, — прожужжал нам все уши о ваших разногласиях с Лениным».

В № 68 «Искры» появляется статья Аксельрода — «К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий» (из переписки с Каутским), которая, после опубликования статьи Каутского, с циничной откровенностью повествует об «истинных вдохновителях» Каутского. Но мало того, что Каутский защищал меньшевиков, скрывая тот факт, что пользуется их лживой и тенденциозной информацией, он говорил заведомую неправду, когда писал, что «не хотел бы, чтобы немецкие товарищи узнали об этих разногласиях». На самом деле Каутский не хотел только, чтобы «немецкие товарищи» узнали об истинном смысле разногласий в оценке большевиков, но сам добивался освещения перед германской социал-демократией меньшевистских взглядов на раскол. Именно благодаря этому и появилась в «Neue Zeit» статья Розы Люксембург. Вот что мы читаем по этому поводу в письме Мартова к Аксельроду:

«Роза Люксембург написала большую статью против Ленина, которую Каутский выпросил для «Neue Zeit», где она появляется одновременно с «Искрой» с указанием, что написана по нашему заказу. Статью в 14 страниц «Neue Zeit» мы еще не имеем, получим от Дитца в корректуре».

И тот же Каутский оставался верен самому себе до конца, когда отказался поместить ответ Ленина на статью Розы Люксембург. Это вызвало протест со стороны Ленина, который писал в Международное социалистическое бюро:

«Так как Международное бюро считает возможным черпать сведения в «некоторых немецких газетах», я вынужден заявить, что почти все немецкие социалистические газеты, а особенно «Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung» стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, например, тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию в партии [1]. В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III съезда. После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в российской социал-демократии» [2].

Насколько далеко шла информация меньшевиков, показывает тот факт, что Каутский в своей статье выступал даже против созыва III съезда, за который боролись большевики. О том, что меньшевики после съезда, оставшись в меньшинстве, в своих фракционных документах тоже требовали созыва съезда, Каутскому, конечно, не рассказали.

Такова позиция «нейтрального» Каутского.

Что касается Бебеля, то он, как известно, тоже по настоянию меньшевиков, явился инициатором предложения большинству третейского суда, за который меньшинство с удовольствием ухватилось, выдвинув даже своими представителями Каутского и К. Цеткин. Однако можно было заранее предвидеть, каков будет исход этого третейского суда, если принять во внимание враждебное отношение к зарождавшемуся большевизму со стороны всего Интернационала, взгляд Интернационала на роль и задачи партии и на организационные принципы. Взгляд Интернационала на источник разногласий в РСДРП как на «раскол» среди отдельных личностей и самый факт предложения «третейского

[1] К сожалению, эта статья Ленина до сих пор (она имеется в Институте Ленина) не увидела света. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 11—12.

суда» вместо изучения сути спора с целью партийной ликвидации разногласий. Наконец, его открытые симпатии к меньшинству, тенденциозная информация которого служила лидерам II Интернационала источником всех сведений о разногласиях.

Бебелю ответили и меньшевики (Совет партии), принимавшие, конечно, предложение, и Бюро комитетов большинства, а от имени редакции «Вперед» проект ответа составил Ленин.

Бюро комитетов большинства благодарило немецких социал-демократов, «давших новое яркое и живое проявление международной солидарности борющегося за социализм пролетариата», но заявило в то же время, что там, где идет вопрос о принципах, неуместен суд, что только партия в лице своего съезда в силах и вправе решить вопрос. Она выяснит способы объединения и объединенного действия в происходящей революционной борьбе. Это было в сущности резкое и решительное выступление против всего построения работы и руководства II Интернационалом отдельными партиями. Это было, если угодно, прямое противопоставление себя Интернационалу, и только обстановка заставляла выражаться так осторожно. Поэтому особый интерес представляет ответ Ленина, вернее зачеркнутый и не посланный абзац ответа, восстановленный сейчас во 2-м изд. Сочинений Ленина.

Уже тогда Ленин видел, что, защищая меньшевиков и их позицию, II Интернационал в сущности защищает самого себя. Последующий Амстердамский конгресс II Интернационала с его постановкой вопроса об одной социалистической партии целиком подтверждал правоту Ленина. Но обстановка была такова, что выступить открыто против Интернационала и таких его лидеров, как Каутский или Бебель, по вопросу, значение которого не вполне уяснили себе даже очень видные большевики, значило на деле принести только большой вред. Такое выступление в этих условиях было преждевременно. Нужно было только показать, какое значение своим разногласиям придает партия и каким способом она их разрешает; это и сделали как БКБ, так и Ленин. Но уже и тогда Ленин ясно различал оппортунистическое течение в понимании II Интернационалом роли и задач партии. Это обстоятельство придает в настоящее время совершенно особый интерес объяснениям Ленина. Вот что писал Ленин:

«В заключение позволю себе также выразить глубокое сожаление по поводу того, что попытка вмешательства германской социал-демократии теперь, возможно, уже запоздала. Я говорю здесь о вмешательстве вообще, не об особых и особенно трудно осуществимых формах вмешательства, как, например, обязательный третейский суд. Несколько месяцев тому назад, когда, может быть, это было еще не слишком поздно, когда еще существовал след надежды, что III партийный съезд может соединить обе фракции и восстановить единую партию, — тогда немецкая социал-демократия сделала все для нее возможное, чтобы закрыть этот путь. Каутский пытался ослабить в «Искре» (№ 66. — *Ред.*) ценность формальной организации. Еженедельник германской социал-демократии превозносил дезорганизацию и вероломство (Роза Люксембург в «Neue Zeit») под тем остроумным и «диалектическим» предлогом, что организация — это лишь процесс, только тенденция. Раздражение в наших рядах по поводу этого было велико. Товарищ Рядовой (А. Богданов. — *Ред.*), очень влиятельный член большинства, стоял на том, что Каутский поместит мой ответ. Я держал с ним пари, что будет противоположное этому. Моя «защита» была написана коротко и ограничилась по существу тем, что исправляла существенные неверности и противопоставляла насмешкам над нашей партией фактическое

изложение. Каутский отверг мою статью с замечательной мотивировкой, будто нападки на нас «Neue Zeit» напечатало не потому, что они направлены против нас, но несмотря на это. Это была просто насмешка. Итак, «Neue Zeit» (и не одно оно) желало познакомить германскую социал-демократию только со взглядами меньшинства. Раздражение по поводу этого в наших рядах было безмерно велико. На мой взгляд было естественно, что германские социал-демократы последовали человечески вполне понятному желанию видеть заграничных представителей русской социал-демократии в давно известных личностях, что они насмехались над русским партийным съездом и его решениями, над русскими комитетами и их работой. Но после этого меня не удивит, если попытки вмешательства со стороны представителей немецкой социал-демократии натолкнутся на затруднения в наших рядах».

Таково было отношение двух крупнейших фигур германской социал-демократии и влиятельнейших вождей Интернационала.

в) ПАРВУС.

Каково же было отношение к «расколу» «левых». Начнем с Парвуса, который, как мы видели, склонялся к прикрыванию центризма и выступал по поручению Бебеля с просьбами к РСДРП об «умеренности» в своих выступлениях. Парвус для нас представляет интерес еще и потому, что, как мы упоминали выше, он вместе с Троцким занимал «особую» позицию в новой «Искре». Конечно, говоря о Троцком и Парвусе вместе, мы отдаем себе отчет в том, что их нельзя для этого периода ставить на одну доску по той роли и значению, какую каждый из них играл. Первый — молодой, только что выдвинувшийся литератор, второй — уже признанный лидер левого крыла II Интернационала. Но их обоих сближала в будущем троцкистская теория перманентной революции, — это «левое издание» аксельродовщины, основу которого они теперь закладывали; далее, оба они уже в этот период налаживали довольно тесное сотрудничество (попытка издания популярного органа, защита Парвусом Троцкого в редакции «Искры», с которой у Троцкого были трения); наконец их обоих сближало прикрашивание аксельродовщины и в этот период специфической «левой фразой» — в особенности именно у Парвуса. В цитированном выше письме Парвус совсем как меньшевик определяет свое понимание «ленинизма» (выражение Парвуса. — *Ред.*). Это была типичная меньшевистская критика партии авангарда. В то же время Парвус с большой похвалой отзывается о фельетонах Аксельрода. В письме к последнему от 6 февраля 1904 г. Парвус писал:

«Я с удовольствием прочитал вашу статью в последнем номере «Искры». Вы вскрыли больное место политики социал-демократии в России. Борьба против самодержавия требует объединения всех оппозиционных элементов и концентрации сил на непосредственный политический эффект, — интересы социальной революции требуют, пока партия не выросла, классового обособления пролетариата. Это объективное противоречие, которое может быть разрешено только жизнью, свержением самодержавия, а до тех пор тактика партии будет колебаться то в ту, то в другую сторону. Однако сознательной деятельностью мы можем уменьшить амплитуду колебаний. А если бы этого даже не удалось, то во всяком случае мы можем умом и знанием воспрепятствовать узколобию и невежеству, раскачивать партию направо и налево».

Таким образом, как и Троцкий, Парвус считал «загадкой» сочетание двух войн, стоящих перед рабочим классом — борьбу против самодержавия и против капитализма, предлагая в сущности плыть по течению в надежде на

«сознательную деятельность», совершенно не понимая значения для пролетариата первой войны в интересах второй.

Правда, при этом Парвус уже в следующем письме указывал Аксельроду, что его выводы о необходимости из-за такого противоречия перестроить работу партии на манер германской социал-демократии, в которой все более и более берут верх оппортунистические элементы, требуют некоторых оговорок.

«Пишу это, чтобы удержать вас от слишком больших похвал немецкой социал-демократии, которой конечно в общем результате удается соединять демократическую оппозицию с классовой борьбой, но только после очень значительных колебаний и шатаний и при сильном участии сознательной работы критики».

Однако после этого «левого кивка» Парвус тут же спешит расшаркаться перед Аксельродом в том, что основная мысль его верна и что в борьбе с «внутренним врагом», т. е. Лениным, он готов оказать посильную помощь. Как и Троцкий, Парвус отказывается заниматься организационными вопросами или, как он выражается, «вмешиваться в организационные детали», выдвигая на первый план задачи тактические. Подготовляя специальную книгу о задачах социал-демократии в России, он именно на тактических вопросах и думает сосредоточить внимание партии. Но особенно интересно то, что в переписке, где он в связи с планом земской кампании уже расходится с «Искрой», он подчеркивает, что на борьбе с Лениным все же можно сойтись, ибо идеи «Искры» ему по духу ближе. В письме к Мартову в феврале 1905 г. Парвус говорил:

«Вы, очевидно, боролись не против меня, а против Ленина. Тут мы всего скорее достигнем соглашения.

У меня есть указания, что Ленин собирается писать по поводу моей статьи. Если он будет меня провоцировать, то придется ответить. Это мне даст возможность определить также то, что меня отделяет от него, соединяет с вами».

Таким образом левизна как Парвуса, так и Троцкого была не чем иным, как аксельродовщиной наизнанку. Но наиболее полно и принципиально выдержанно из «левых» выступила Роза Люксембург. Она никогда не колебалась в вопросах тактических в сторону «центристов», как это делал Парвус, и хотя она, разумеется, не принимала всех позиций большевизма в 1905 г., но в первой русской революции наиболее близко стояла к нему; сверх того у нее не было таких шатаний, как у перманентников, например по вопросу о бойкоте, когда они выступали против меньшевиков; поэтому ее выступление имеет особый интерес.

г) РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ.

В огромнейшем фельетоне «Организационные вопросы русской социал-демократии», помещенном в № 69 «Искры», Роза Люксембург до конца прикрывает фальшивую позицию Аксельрода, вместе с тем «развивая» и «углубляя» ее. Как и Аксельрод, Роза Люксембург в связи с организационным вопросом поднимает все вопросы социал-демократической политики в условиях господства самодержавно-крепостнического режима. Правда, в отличие от Каутского Люксембург не прибегает к поверхностным аналогиям и высмеивает такой метод, но в то же время она соглашается с Каутским, который снабжает ее статью отдельными примечаниями против большинства. Как и

Аксельрод, Роза Люксембург начинает с констатирования той своеобразной, кажущейся автору «противоречивой» задачи, которая выпала на долю РСДРП:

«На долю русской социал-демократии выпала своеобразная, беспримерная в истории социализма задача: в самодержавном государстве выработать тактику социал-демократическую, т. е. соответствующую классовой борьбе пролетариата. Обычное сравнение современного положения дел в России с эпохой господства законов против социалистов в Германии неудачно, поскольку имеется в виду оценка России с точки зрения полицейских, а не политических условий. Препятствия, которые ставит массовому движению отсутствие демократических свобод, имеют сравнительно второстепенное значение: массовое движение и в России сумело прорваться через преграды самодержавного порядка и создать себе свою собственную, хотя и хромую, «конституцию» «уличных беспорядков». Оно сумеет делать это и впредь до своей окончательной победы над самодержавием. Главное затруднение для социал-демократической борьбы в России заключается в том, что классовое господство буржуазии затемняется господством самодержавного насилия; это господство самодержавия неизбежно придает социалистической проповеди классовой борьбы абстрактно пропагандистский, а непосредственно политической агитации — по преимуществу революционно-демократический характер» [1].

Отметив это своеобразие, Р. Люксембург переходит к характеристике ленинского построения партии, которое она считает, конечно, бюрократическим централизмом, могущим в этих условиях вылиться в оппортунизм.

А обвинив Ленина в оппортунизме, Р. Люксембург уже не знает удержу и так изображает ленинский план:

«Точка зрения, нашедшая в ней сильное и исчерпывающее выражение, есть точка зрения беспощадного централизма, основной принцип которого состоит, с одной стороны, в резком выделении и обособлении организованных, выдающихся и деятельных революционеров из окружающей их, хотя и неорганизованной, но революционно-активной среды, с другой, — в строгой дисциплине и прямом, решительном и определенном вмешательстве центральных учреждений во все проявления жизни местных организаций партий. Достаточно отметить, что по этому поводу ЦК, например, имеет право организовывать все местные комитеты партии и, следовательно, определять личный состав каждой отдельной местной организации от Женевы до Льежа, от Томска до Иркутска, давать им готовый устав, безапелляционно распускать их и вновь создавать и в результате таким образом косвенно влиять на состав самой высшей партийной инстанции, — съезда. Таким образом ЦК является единственным действительно активным ядром партии, все же остальные организации — только его исполнительными органами.

Именно в этом соединении строжайшего организационного централизма с социал-демократическим массовым движением Ленин видит специфический революционно-марксистский принцип и выдвигает множество фактов в защиту своей точки зрения. Посмотрим, однако, на дело поближе».

Изобразив так ленинский централизм, Р. Люксембург переходит к критике ленинского «бланкизма» и «якобинизма»:

«С точки зрения формальных задач социал-демократии как боевой партии централизм в ее организации на первый взгляд кажется условием, от выполнения которого непосредственно зависят боевая способность и энергия партии. Однако тут гораздо важнее точки зрения формальных требований всякой боевой организации специфические исторические условия пролетарской борьбы.

Социал-демократическое движение есть первое в истории классовых обществ, рассчитанное всеми своими сторонами и общим своим ходом на организацию и непосредственную самодеятельность масс.

В этом отношении социал-демократия создает совсем другой тип, чем прежние социалистические движения, например якобинско-бланкистского типа.

---

[1] «Искра» № 69, стр. 2.

Ленин, кажется, недооценивает это, когда в своей книге (стр. 140) думает, что революционный социал-демократ есть не что иное, как якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои интересы. Отличие социал-демократии от бланкизма исчерпывается для Ленина организованностью и классовым сознанием пролетариата в противоположность заговору небольшого меньшинства. Он забывает, что отсюда вытекает полная переоценка организационных понятий, совершенно новое содержание, вкладываемое в понятие централизма, совершенно новое понимание взаимоотношения между организацией и борьбой.

Бланкизм не опирался на непосредственную классовую деятельность рабочих масс и не нуждался поэтому в организации масс. Напротив, так как широкие народные массы должны были появиться впервые на поле борьбы лишь в момент революции, а предварительная деятельность состояла в подготовлении революционного удара небольшим меньшинством, то резкое отграничение предназначенных для этой определенной деятельности личностей от народной массы было прямо необходимо для удачного выполнения их задачи. Но в то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской деятельностью бланкистской организации и повседневной жизнью народных масс не было никакой внутренней связи.

Вместе с тем и тактика и ближайшие задачи деятельности, импровизируемые свободно и по вдохновению, без связи с почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемые наперед до мельчайших подробностей, отливались в форму заранее намеченного плана. Поэтому действующие члены организации естественно превращались в чисто исполнительные органы вне их поля деятельности существующей и заранее определяемой воли, в орудие ЦК. Отсюда вытекает и вторая особенность заговорщического централизма: абсолютное слепое подчинение органов партии ее центральному учреждению, распространяющему свою безапелляционную власть вплоть до самой периферии партийной организации».

Естественно, что Р. Люксембург решительно восстает против большевистского организационного плана, к тому же крайне утрированного в ее изложении, и выносит окончательный приговор Ленину, который гласит:

«Построение централизации в социал-демократии на этих двух основаниях — на слепом подчинении в самых мелочах всех партийных организаций и их деятельности центральной власти, которая одна думает, творит и решает за всех, а также на строгом отграничении организованного ядра партии от окружающей его революционной среды, как на этом настаивает Ленин, — кажется нам поэтому механическим перенесением организационных принципов бланкистского движения рабочих масс. И Ленин, быть может еще остроумнее, чем это мог бы сделать кто-либо из его оппонентов, характеризует свою точку зрения, определяя своего «революционного социал-демократа» как якобинца, связанного с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы».

Нет никакой нужды снова разбирать эти положения, поскольку они целиком взяты у Аксельрода и Троцкого, и мы их уже разбирали. Но обосновывает эти положения Р. Люксембург действительно полностью. Как и Каутский, Люксембург категорически не желает принять ленинского объяснения разногласий, вытекавших из антипартийного интеллигентского индивидуализма меньшевиков, чуждавшихся пролетарской дисциплинированности, не аргументирует это Люксембург иначе, чем Каутский. Люксембург считает, что в России интеллигенция играет пока совершенно другую роль, так как отсутствие буржуазного режима не делает ее, подобно Западу, оппортунистичной. По ее мнению, «дезорганизаторские тенденции» свойственны отнюдь не русскому, а западно-европейскому интеллигенту, и не в силу общего характера его профессиональной деятельности, а благодаря влиянию... буржуазного парламентаризма. Вот что она говорит:

«Парламентаризм не только поддерживает все известные идеи теперешнего оппортунизма, переоценку значения реформистской группы, сотрудничества классов и партий мирного разви-

тия и т. д., как мы это видели во Франции, Италии, Германии. Одновременно обособляя в социал-демократии интеллигентов в роли парламентских деятелей от пролетарской массы и некоторым образом повышая их над нею, он создает почву, на которой эти иллюзии могут практически проявляться. Наконец с ростом рабочего движения парламентаризм превращают в орудие его политической карьеры, делая его таким образом прибежищем для буржуазных честолюбцев и неудачников.

Всеми этими моментами определяется и известная склонность интеллигента-оппортуниста западно-европейской социал-демократии к дезорганизации и недисциплинированности».

А у русского интеллигента, поясняет Р. Люксембург, буржуазного парламентаризма еще нет, и потому неоткуда взяться дезорганизаторским, анархическим тенденциям.

Напротив того, утопические и оппортунистические фантазии русских «интеллигентов»-социалистов обнаруживают склонность принимать противоположные теоретические формы: самоотречение, «самобичевщина». Ведь было же «хождение» в народ, т. е. обязательное преображение интеллигента в крестьянина, для старых «народников» таким же продуктом беззаветной интеллигентской решимости, как недавний грубый культ «мозолистого кулака» для последователей чистого «экономизма».

К тому же, настаивая на этом своем ошибочном положении, Роза Люксембург, как и Аксельрод, приходит к выводу, что вообще наша партия еще далеко не пролетарская, что социал-демократические принципы организации ей пока не только чужды, но и не могут быть таковыми до свержения самодержавия:

«Уже из анализа действительного содержания социал-демократического централизма становится очевидным, что для него в России в настоящее время не может существовать в полной мере необходимых условий; а именно — наличности значительного, уже воспитанного в политической борьбе слоя пролетариата и возможности проявления его самодеятельности путем прямого влияния на дела (на публичных съездах, в партийной прессе и т. д.).

Последнее условие, очевидно, может быть осуществлено только при политической свободе, первое же — выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться,— находится лишь в процессе возникновения и должно служить руководящей нитью во всей агитационной и организационной работе».

Став на защиту интеллигентского построения партии, Роза Люксембург решительно выступает против ленинского положения о том, как и где создается пролетарская дисциплина.

«Тем поразительнее кажется обратное убеждение Ленина, будто все предварительные условия для создания большой и крайне централизованной рабочей партии имеются в России уже налицо. И если он оптимистически восклицает, что теперь уж «не пролетариату, а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины» (стр. 145) и прославляет воспитательное значение фабрики для пролетариата, которая уже сама по себе подготовляет его к «дисциплине и организации» (стр. 147), то это лишний раз свидетельствует об его слишком механическом представлении о социал-демократической организации.

«Дисциплина», которую Ленин имеет в виду, внушается пролетариату не одной только фабрикой, но и казармой и современным бюрократизмом, — словом всем механизмом централизованного буржуазного государства».

Таким образом у Розы Люксембург еще более, чем у Аксельрода, сквозило умаление борьбы против самодержавия под гегемонией пролетариата и его

партии. У Розы еще сильнее сказалась защита интеллигентского индивидуализма, еще сильнее проявилась апология оппортунизма в организационных вопросах, и тот факт, что это делала именно «бесстрашная» и «непоколебимая» Роза Люксембург, еще красочней говорило за себя. Меньшевики поэтому о с о б о подчеркивали значение выступления Розы Люксембург. Примечание от редакции гласило:

«Тов. Ленин, возражая на обвинения в бланкистском извращении марксизма, упомянул в своей последней книге, что в Германии такие «ортодоксы», как Парвус и Люксембург, подвергались со стороны местных оппортунистов тому же обвинению, из чего-де вытекает тождество критики, направленной против Ленина, с критикой бернштейнианцев. Ввиду этого представлялось особенно интересным узнать мнение названных товарищей о наших нынешних разногласиях. Свое мнение о «ленинизме» Парвус выразил еще прежде, чем в «Искре» началась какая бы то ни была полемика с «твердым» направлением (в «Neue Zeit», см. об этом в письме Ленина: «Почему я вышел из редакции»). После появления «Шаг вперед» мы обратились к т. Люксембург с предложением высказаться об этой книге. Ее мнение было ценно для нас вдвойне как мнение одного из немногих представителей международной социал-демократии, владеющего русским языком и могущего поэтому внимательно следить за нашим партийным развитием. Ответом на наше предложение явилась печатаемая здесь статья, которая, надо надеяться, выяснит т. Ленину полную непричастность революционного марксизма к его организационной точке зрения.

Статья т. Розы Люксембург, написанная первоначально по-немецки, появляется одновременно и в «Neue Zeit». Необходимое примечание к ней К. Каутского будет особенно поучительно для тех, кто после помещенного у нас его «письма» все еще не верил, что редактор «N. Z.» не принадлежит к «твердому» направлению».

Мы еще не имеем до сих пор статьи Ленина с ответом Розе Люксембург, но попутно возвращаясь к ее выступлению на страницах меньшевистской «Искры», Ленин в статье «Соловья баснями не кормят» резко и решительно охарактеризовал выступление Люксембург: «...никакого другого содержания кроме защиты беспринципности нет во всей пресловутой теории организации процесса (см. особенно статьи Розы Люксембург), теории, опошляющей марксизм» [1]. В другом месте Ленин, критикуя меньшевистскую кампанию против «организации революции», иронически писал о «пышных фельетонах пышной Розы» [2].

Таким образом, подводя итог, мы можем с полным правом подчеркнуть, что Ленин и большевики выступали накануне первой русской революции в б о р ь б е з а п а р т и ю не только против русского меньшевизма, но и против в с е х л и д е р о в II Интернационала. Ошибки II Интернационала, а «левых» в частности, были тем более значительны, что все это происходило в обстановке надвигавшейся революции в России, когда значение партии-авангарда было исключительно важно. Все это усугублялось явным попустительством растущим элементам ревизионизма и оппортунизма во II Интернационале и оставлением оппортунистов в социалистических партиях, вопреки требованиям широкой рабочей партийной массы, как это было например на Дрезденском партейтаге германской с.-д.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 55.

[2] Там же, стр. 124.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К IV ГЛАВЕ.

ХАРАКТЕР И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. В ОЦЕНКЕ БОЛЬШЕВИКОВ.

I. Значение меньшевистского «плана земской кампании» в развитии разногласия с меньшевиками.

II. Большевистская оценка характера и движущих сил революции.

а) Понимание буржуазной революции.

б) Расстановка классовых сил.

в) Партия в революции.

III. Большевистская постановка вопроса об «организации революции».

а) Вопрос о руководстве революцией «снизу» и «сверху».

б) Временное революционное правительство и вооруженное восстание.

в) Учение Ленина о революции, как о самой справедливой войне, ведущейся массами в их собственных интересах.

IV. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства и ленинское учение о «перерастании» в 1905—1907 гг.

а) Сущность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

б) Различие между Революционным временным правительством и революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

в) Вопрос о возможности социалистической революции в России в 1905—1907 гг.

ЛИТЕРАТУРА:

Основной работой является брошюра Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Соч., т. VIII. Остальная литература в тексте.

ГЛАВА IV.

ХАРАКТЕР И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. В ОЦЕНКЕ БОЛЬШЕВИКОВ.

а) ВВЕДЕНИЕ.

Внутрипартийная борьба, которая развертывалась в период подготовки II съезда РСДРП, на самом съезде и после него, была по сути дела предвосхищением последующей борьбы и коренных разногласий, наметившихся между большевиками и меньшевиками в период революции 1905—1907 гг.

Ленин прямо указывает, что все основные вопросы революции 1905—1907 гг., все вопросы, по которым наметились в эти годы расхождения между большевиками и меньшевиками (и вопрос о характере и движущих силах революции в первую очередь), были по сути дела поставлены задолго до наступления самой революции. Исторические корни этих разногласий между большевиками и меньшевиками в революции 1905—1907 гг. следует, по мысли Ленина, искать в тот период, когда еще только вырабатывалась программа российской социал-демократии и намечались основные линии ее политической деятельности.

Поэтому борьбу, которая развернулась между большевиками и меньшевиками в период революции 1905—1907 гг. по основным вопросам стратегии и тактики пролетарской партии, а прежде всего по вопросу о характере и движущих силах революции, необходимо поставить в связь с теми разногласиями, которые намечались по этим вопросам, в иной лишь связи и в иных условиях, в среде русских социал-демократов в годы подготовки первой русской революции [1]. Революция 1905 г. лишь видоизменила, конкретизировала и обострила существовавшие между большевиками и меньшевиками разногласия, наглядно показав органическую связь меньшевизма с буржуазным либерализмом и большевизма с революционным рабочим движением. Таким образом эпоха буржуазно-демократической революции породила новую борьбу течений социал-демократии, которая была прямым продолжением предыдущей.

«Экономизм» видоизменился в «меньшевизм». Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм» [2].

Открытое столкновение классовых сил полностью оправдало теоретическое предвидение Ленина, в оттенках меньшевизма улавливавшего

[1] См. по этому вопросу гл. II наст. тома. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 219.

шаги другого класса, видевшего в меньшевизме объективно-классовую роль придатка и пособника буржуазного либерализма.

И несмотря на отдельные моменты практического сближения (конец 1905 г.) и на формальное объединение на IV и V съездах большевики и меньшевики вышли из революционной эпохи 1905—1907 гг. в сущности как два разнородных политических организма, как две различные политические партии с обой, отличной друг от друга стратегией, тактической линией и организационной установкой.

Оценка характера и движущих сил революции 1905 г. играла решающую роль во всем этом процессе идейного расхождения большевиков и меньшевиков. Именно в этом вопросе наиболее полно обнаруживается вся глубина расхождения, лежит ключ к пониманию всех частичных разногласий по отдельным практическим вопросам той эпохи. С другой стороны, различие между большевиками и меньшевиками в оценке характера и движущих сил революции 1905 г. имеет в общеисторическом масштабе то значение, что оно в известной степени предвосхищает и предопределяет позиции обоих течений в период пролетарской революции 1917 г. Поэтому разбор этой оценки и разногласий, связанных с ней, приобретает громадное значение в деле изучения и большевизма и того,

«в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм» (Ленин).

Наряду с этим разбор большевистской и меньшевистской оценки характера и движущих сил революции 1905 г. приобретает большое значение как со стороны изучения идейно-тактических основ большевизма и меньшевизма, так и со стороны выяснения их методологии в подходе к революционному наследству Маркса и Энгельса. Известно, что меньшевизм особенно на первых этапах своего развития, когда еще не наметился окончательный разрыв его с пролетарской партией, всячески старался прикрыться революционной фразеологией и стремлением аргументировать «от марксизма и его основоположников». История разногласий большевиков и меньшевиков в связи с оценкой характера и движущих сил революции 1905 г. дает в этом отношении богатейший материал [1]. Если подходить к вопросу об оценке характера революции 1905 г.

---

[1] Поэтому ни в коем случае нельзя согласиться с А. Мартыновым, когда он пишет: «Ошибки большевизма заключались всегда в том, что они переоценивали силы революции, ошибки меньшевиков в том, что они их недооценивали». Дело здесь, разумеется, вовсе не в «недооценке» или «переоценке» «сил». Это вынужден признать в другом месте статьи и сам Мартынов.

Да и вообще неверна сама установка, по которой большевики всегда «левые», а меньшевики — «правые». Быть «революционней всех» не большевистская, а парвусо-троцкистская установка. Большевизм ведет и вел не «правую» и не «левую», а правильную, революционную, пролетарскую линию политики.

Другое дело, что по отношению к большинству во II Интернационале большевики составляли левое крыло.

См. А. Мартынов, Великая историческая проверка, «Красная новь» за 1923 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6. В этой работе Мартынов наряду с рядом верных и интересных по-

большевиками и меньшевиками только с точки зрения общих и отвлеченных формальных определений и той игры в формулировки, над которой издевался Ленин, то может создаться впечатление, будто большевики и меньшевики одинаково смотрели на этот основной и важнейший вопрос. Ибо и меньшевики и большевики были убеждены в буржуазном характере революции 1905 г. [1].

И меньшевики и большевики сходились на том, что партия не может ставить непосредственной задачей рабочего класса в революции захват власти пролетариатом. А между тем по всем этим вопросам существовали глубочайшие разногласия. Ибо меньшевики и большевики решительно расходились в понимании как социально-экономического содержания этой революции, так и того, что значит окончательное уничтожение феодально-крепостнических пережитков в стране, и большевики и меньшевики решительно расходились в понимании путей перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической в России. Отсюда и глубочайшие тактические разногласия.

Решающее значение в развитии этих разногласий между большевиками и меньшевиками сыграл «план земской кампании», с разбора которого мы и начинаем наш анализ.

б) ЗНАЧЕНИЕ «ПЛАНА ЗЕМСКОЙ КАМПАНИИ» В РАЗВИТИИ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ БОЛЬШЕВИКАМИ И МЕНЬШЕВИКАМИ.

Когда начался период либеральных банкетов и съездов, редакция «Искры» обратилась к партийным организациям с письмом, в котором излагала свой план проведения агитационной кампании в связи с выступлениями земцев. Этот «план» привлек внимание Ленина своими явно выраженными чертами тактического оппортунизма.

В своих воспоминаниях старые большевики единодушно отмечают, какое громадное впечатление произвел на Ленина меньшевистский план. Именно с этого периода начинается особенно решительная работа по отмежеванию от меньшевиков, и вскоре Ленин считает возможным употребить выражение: «две партии».

В своих замечаниях по поводу реферата М. С. Ольминского, читанного в Женеве 7 февраля (нового стиля) 1905 г., Ленин писал следующее:

«II съезд-раскол (с момента организации м е н ь ш и н с т в а)... Вперед лишь продолжение раскола. Меньшевики раньше это поняли, а мы были глупы. 2 п а р т и и. Название меньшинства и большинства негодны. Теоретические разногласия выросли» [2].

Конечно выражение «две партии» не следует понимать в безусловном и окончательном смысле. Как уже отмечалось выше, речь не шла еще о полном разрыве навсегда. Речь шла пока скорее о «двуединой» партии, чем о двух со-

---

ложений допускает и ряд грубейших ошибок в оценке большевизма, меньшевизма и троцкизма в 1905—1907 гг., равно как и роли и значения партии до и во время революции.

[1] Открыто отрицали буржуазный характер революции только эсеры. Даже «перманентники» (Троцкий, Парвус) признавали формально, что России предстоит пережить буржуазную революцию или, по крайней мере, что последняя начнется как буржуазная.

[2] Лен. сб., V, стр. 86.

вершенно самостоятельных партиях. Но важно отметить, что по сравнению с первым периодом раскола был сделан решительный шаг дальше в сторону разрыва. И чрезвычайно важную роль в этом отношении сыграл именно план земской кампании, который показал, как далеко зашли в сторону оппортунизма меньшевики в своих поисках новых тактических путей. Ленин имел в виду этот план, когда писал, что «теоретические разногласия возросли».

Конечно в основном идеи, изложенные в плане земской кампании, не были новы. В смысле теоретическом этот план целиком вытекал из тех положений, которые были выставлены Аксельродом. Аксельрод же являлся и его автором в прямом и безусловном смысле. Тем не менее мы остановимся возможно подробнее на этом важнейшем документе партийной истории и связанных с ним разногласиях, чтобы лучше выявить основные черты большевизма и меньшевизма на конкретном новом материале — на новом этапе движения.

1. Меньшевистский план земской кампании.

«Письмо к партийным организациям» начинается констатированием серьезности политического момента.

«Можно с уверенностью сказать, что никогда еще Россия не была так близко к конституции, как теперь»,

заявляют новоискровцы, хотя и они не берутся предсказать, когда точно «совершится, наконец, превращение России в конституционную страну». Интересы пролетариата требуют, чтобы социал-демократия активно вмешалась в ход событий и не дала им остановиться на полпути. Либеральному требованию цензовой конституции должно быть противопоставлено

«требование избранного всенародным голосованием, на основе всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов Учредительного собрания, которое уже выработает конституцию страны».

Требование созыва Учредительного собрания должно лечь во главу угла всей партийной агитации.

Но при этом «Письмо» указывает на два важных обстоятельства, которые следует иметь в виду при развертывании агитации. Прежде всего надо помнить, что, противопоставляя последовательно-революционные требования непоследовательным, сталкивая лицом к лицу рабочие массы и либеральные собрания, партия будет иметь дело

«не с властным политическим представительством эксплоататорских классов, а с бесправными органами местного самоуправления»,

которые лишь просят царизм о конституции.

«Нынешние земства — не враг демократии, а ее союзник, «недостаточно решительный в своих действиях и недостаточно демократический в своих стремлениях», но все-таки союзник, идущий против абсолютизма».

Поэтому

«по отношению к нынешним земствам наша задача сводится к предъявлению им тех политических требований революционного пролетариата, которые они обязаны поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа и рассчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочих масс».

Несмотря на то, что проявления непоследовательности и половинчатости либералов несомненно имеют место, надо все время помнить, что покамест

«наше отношение к либеральной буржуазии определяется задачей придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми выступит руководимый социал-демократией пролетариат».

Второе обстоятельство, на которое указывает меньшевистское «Письмо», заключается в том, что тот путь политического действия, который оно предлагает, еще нов. Ни партия, ни рабочие массы к этому пути не подготовлены. В отличие от Западной Европы у нас не практиковались раньше подобные политические кампании. Поэтому «Искра» напоминает, что

«мы делаем еще первый опыт на новом пути, что мы, так сказать, упражняем пролетариат и саму нашу партию с целью подготовить его и себя к предстоящим битвам с партиями эксплоататорских классов и с государственной властью».

Далее новоискровское «Письмо» рисует конкретный ход предполагаемой кампании. Первым действием является созыв в тех городах, где это возможно, собрания из наиболее активных рабочих — социал-демократов. Это собрание должно обсудить основные лозунги предстоящей агитационной кампании.

Следующим шагом должно явиться образование организационной группы, которая должна провести в жизнь намеченный план кампании. Организационная группа вырабатывает резолюцию, содержащую требования к либеральной оппозиции и объяснения, почему эти требования адресуются либералам, а не правительству. Потом избирается еще особая исполнительная комиссия, о которой «Письмо» говорит только, что ее

«функции и обязанности видны отчасти из самого названия ее».

После этого резолюция и требования должны быть широчайшим образом обсуждены рабочими, чтобы дать им возможность вполне сознательно присоединиться к лозунгам партии. Рабочие же должны обсудить и вопрос о том, как осуществить самый острый момент кампании — предъявление резолюции и требований либералам.

Меньшевистское «Письмо» предусматривает, что

«наиболее импонирующим способом» выступления социал-демократов «были бы многолюдные манифестации рабочих, приуроченные к тому, когда земские собрания будут обсуждать адреса, петиции, ходатайства»... Нужно будет при этом «постараться привести массы в непосредственное прикосновение» с земскими собраниями».

Некоторые демонстранты должны проникнуть в зал заседаний, попросить слова и прочитать перед либералами свою декларацию. В случае отказа выслушать рабочих ими должен быть заявлен протест от имени масс.

«Письмо» отмечает два необходимых условия, при которых рабочая демонстрация может быть успешной. Первое состоит в том, что демонстрация должна быть достаточно многочисленной и что ее участники должны хорошо понимать разницу

«между обычной демонстрацией против полиции или правительства вообще и демонстрацией, имеющей своей непосредственной целью борьбу против абсолютизма, при помощи прямого воздействия революционного пролетариата на политическую тактику либеральных элементов в настоящий момент».

Второе условие состоит в том, чтобы были приняты меры к тому, чтобы многочисленная рабочая манифестация не вызвала в земцах «панического страха» и не заставила их обратиться за помощью к полиции и казакам, которые, вполне понятно, испортили бы все дело, превратив

«мирную манифестацию в безобразную драку и варварское побоище, извратив весь ее смысл».

Чтобы избежать такого исхода, демонстранты должны заранее предупредить земцев о своих намерениях и целях. Если возможно, нужно при этом вступить в определенное соглашение с левыми земскими элементами и заручиться их содействием. Только при таких условиях можно лишить земцев возможности взваливать на голову рабочих вину за их собственную, «земцев», «трусость и политическую близорукость», если бы они все-таки обратились к полиции.

«Письмо» подчеркивает, что все эти сложные приготовления относятся только к тем демонстрациям, которые имеют своей прямой целью непосредственное воздействие на либеральную оппозицию. Что касается демонстраций «обычного, так сказать, общедемократического типа», то они не требуют такой тщательной подготовки. Для них

«достаточно одной только наличности в народных массах сильного политического брожения... Само собой разумеется, — замечают меньшевики, — что партия наша обязана использовать это настроение масс хотя бы и для такой, если можно выразиться, низшего типа мобилизации этих масс против абсолютизма».

Но все симпатии новоискровцев, видимо, на стороне демонстраций «высшего типа» (употребляя их терминологию). «Письмо» еще раз напоминает о максимальной осторожности, которая необходима при проведении тактики воздействия на земские круги. Если окажется, что открытая демонстрация все-таки грозит запугать либералов и «скомпрометировать наш первый политический опыт этого рода», то нужно избрать другие средства политического воздействия.

«Как крайний случай в смысле внешней осторожности» новоискровцы выдвигают «доставку этого заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасывание его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания». «Смущаться этим можно было бы, — заявляют меньшевики, — стоя на точке зрения буржуазного революционизма, для которого внешний эффект все, а процесс планомерного развития самосознания и самодеятельности пролетариата — ничто».

2. Ленинская критика меньшевистского плана земской кампании.

Основным вопросом, который освещало «Письмо», был, как мы видели, вопрос об отношении социал-демократов к либеральному движению. Вполне естественно, что и Ленин, разбирая меньшевистское «Письмо», начинает с рассмотрения этого вопроса. Ленин отмечает, что отношения социал-демократов к либерализму не могли оставаться одинаковыми на всем протяжении пройденного исторического пути. Заметно вырисовываются два основных этапа развития этих отношений. Первый — до появления органа либералов «Освобождение» — характерен тем, что появление на историческую сцену буржуазного либерализма приходилось доказывать, показывать, в известной степени стимулировать. Второй период — после появления «Освобождения» — характерен тем,

что либерализм вполне открыто и определенно выступил на историческую сцену. Благодаря этому главной задачей социал-демократов стала критика либерализма, разоблачение его половинчатости и нерешительности.

Главная ошибка меньшевиков в том и заключается, что они не понимают значения этой перемены, не понимают, как должна социал-демократия строить свои отношения к либерализму теперь, в 1904 г., когда он уже выступил и претендует на роль гегемона в движении. Редакция новой «Искры» только формально признает необходимость разоблачения либерализма, мотивируя это «принципиальными требованиями программы». Она ограничивает свое признание большим «н о», которое гласит, что т е п е р ь «в пределах борьбы с абсолютизмом» главная задача состоит не в том, чтобы критиковать, разоблачать, а в том, чтобы «придать побольше храбрости» буржуазии и заставить ее принять политические требования пролетариата. Ленин высмеивает это меньшевистское «н о». Он находит странным это противопоставление.

«Каким образом в состоянии мы придать храбрости либеральной демократии иначе, как беспощадным разбором и уничтожающей критикой ее половинчатости в вопросах демократии?», спрашивает Ленин [1].

Буржуазия по характеру своего классового положения в современном обществе, стоя между абсолютизмом и эксплоатируемыми массами, обречена на половинчатость в отношении демократизма. «Подтолкнуть либералов» влево, «придать им храбрости» можно, только критикуя их и отрывая от них более радикальные мелкобуржуазные элементы. Иного пути нет.

Ленин считает себя вынужденным притти к заключению, что

«авторы сбиваются на мысль, будто можно «придать храбрости» либералам посредством уменьшения храбрости пролетариев» [2].

В этом убеждает Ленина то предостережение, которое делают меньшевики, напоминая организаторам кампании, что не нужно устрашать земцев и доводить их до паники, так как это может послужить на руку реакции. Ленин напоминает, что постановка вопроса о том, что решительные революционные выступления на руку реакции, составляет достояние врагов революции.

«О рычаге для реакции нам действительно говорят теперь на каждом перекрестке, но говорят нововременцы. О компрометирующей тактике устрашения нам действительно прожужжали все уши, — не кто иной, как трусливые вожаки буржуазной оппозиции» [3].

Ведь самый характер требований пролетариата и его выступлений таков, что они не могут не пугать либералов своей последовательной революционностью. Задача — «не испугать» либералов может быть достигнута только смягчением лозунгов пролетариата и ослаблением его активности. Но такое смягчение и ослабление «пролетариат отвергнет с негодованием». Правительство ревностно охраняет основы крепостнического строя и подавляет народную свободу, оно «не сделало еще ни единой хоть сколько-нибудь ощутимой для пролетариата уступки». Нелепо в такой момент призывать к соблюдению такта, осторожности, к оглядыванию на настроение либералов.

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 7.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 8.

«Мы были бы глупцами, если бы соображались с их паникой, — замечает Ленин. — Мы должны соображаться с состоянием своих сил, с ростом народного возбуждения и возмущения, с моментом, когда прямой натиск пролетариата на самодержавие примкнет к одному из стихийных и стихийно растущих движений» [1].

Тут мы подходим к центральному моменту ленинской критики меньшевистского плана. Ленин указывает, что у меньшевиков вполне ясно выражена мысль, что при определенных условиях либеральные земцы имеют право выступать от имени народа и предъявлять «наши требования» самодержавию. Против этой мысли Ленин обрушивается со всей силой. Прежде всего Ленин констатирует нелепость самой постановки вопроса о том, что либеральная буржуазия может предъявить требования пролетариата правительству. Принять искренне, всерьез политическую платформу пролетариата буржуазия не может, иначе она не была бы буржуазией. Если бы она обещала отстаивать требования пролетариата, то это было бы лицемерием, обманом с ее стороны. Наконец если бы у пролетариата оказалось достаточно силы, чтобы вынудить буржуазию принять его требования, то лучше было бы использовать эту силу для непосредственного «разговора» с правительством.

По всем этим основаниям нелепо говорить о том, что либеральная буржуазия будет выступать «от имени народа». Еще более нелепо пытаться определить, в каком случае она будет «иметь право» на это выступление и в каком случае не будет иметь такого права. «Право на выступление от имени народа» дается самим действием.

«Всякий демократ (и в том числе буржуазный демократ) имеет право выступать от имени народа, но он имеет это право лишь постольку, поскольку он последовательно, решительно и до конца проводит демократизм» [2].

Именно решительное политическое действие является критерием этого «права», и поэтому попытка формально, на бумаге, путем формулирования известных условий определить наличие этого «права» — бесплодная и вредная попытка. Это означает

«пытаться наперед определить, так сказать, меру допустимой подлости».

Тут Ленин нащупывает и разоблачает неверность самого направления меньшевистской тактики. План земской кампании вполне ясно и определенно подчеркивает, что «центральным фокусом» деятельности социал-демократии должно быть «внушительное организованное воздействие на буржуазную оппозицию». Такая постановка задачи в основе своей ошибочна, говорит Ленин.

«Редакция «Искры» поставила вопрос о центральном фокусе как раз вверх ногами» [3].

Ведь буржуазная оппозиция не является основной силой, борющейся за освобождение народа. «Она стоит между двумя борющимися сторонами». Только сила массового движения и массовой борьбы придает ей вес и значение. Надо, конечно, помнить, что буржуазная оппозиция может быть использована как своего рода «союзник», не надо задаваться целью нарочно «пугать» ее — это

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 9.
[2] Там же, стр. 12.
[3] Там же, стр. 10.

само собой разумеется. Но не надо забывать также основного факта, что только движение народных масс, направленное прямо против царизма, может привести революцию к победе. Поэтому если говорить о «центральном фокусе» политического действия, то как таковой надо представлять только реальную власть — царизм и силы, его поддерживающие, а не кого бы то ни было другого.

«Центральным фокусом и руководящей нитью должно быть для нас воздействие именно не на земцев, а на правительство... Именно в настоящий момент не кто иной, как заведомые пенкосниматели и предатели свободы лезут из кожи, чтобы обратить центр тяжести общественного и народного внимания на земство, вызвать доверие к земству, которое на самом деле доверия истинной демократии отнюдь не заслуживает» [1].

Уподобляясь этим «пенкоснимателям», новоискровцы играют роль, совсем не подобающую социал-демократии — вождю самого революционного класса — пролетариата. Нечего и говорить, что к конкретной картине проведения кампании, обрисованной в «Письме», Ленин относится не иначе как с насмешкой. Всей сложной процедуре собраний, выделения комиссий, предупреждения земцев и т. п. Ленин дает убийственную характеристику, как «с о г л а ш е н и ю о н е п р о и з в е д е н и и п а н и ч е с к о г о с т р а х а». Помимо того что самая постановка вопроса о том, что пролетариат, оставаясь самим собою, может избежать «испуга» буржуазии, нелепа (что отмечалось выше); просто смешно предположение, что предварительным соглашением с либералами можно избежать столкновения с полицией. Как будто от либералов это зависит, как будто полиция сама не вмешается тогда, когда она найдет это нужным! Единственная гарантия от нападения полиции и казаков — это с и л а манифестации. Но если есть такая сила, то ее нужно направить прямо против сил царизма.

Особенное возмущение со стороны Ленина вызывает то предпочтение, которое новая «Искра» оказывает новым демонстрациям на либеральных съездах и банкетах перед старыми антиправительственными, именуя первые демонстрациями «высшего», а вторые — «низшего» типа. «Не всякому дано вместить всю глубину этих замечательных рассуждений», восклицает Ленин, приводя слова новоискровцев о высшем и низшем типах демонстраций. Ленин вспоминает ростовскую демонстрацию с ее могучим размахом, с охватом «тысяч и тысяч» рабочих, узнающих о социализме и политических требованиях пролетариата. Эту демонстрацию новоискровцы относят к «общедемократическому типу», в ней они не видят «конкретного противопоставления революционного пролетариата и буржуазной оппозиции». Подобное «противопоставление», «новый путь», «высший тип» и т. п. новоискровцы находят в том, что оратор, выделенный бесчисленными комиссиями,

«заявит громко протест в земском собрании о нежелании его выслушать». «Побойтесь бога, господа! — восклицает Ленин. — Ведь даже Мартынов в худшие времена «Рабочего дела» вряд ли договаривался когда до подобных пошлостей... Вот они, новые тактические задачи, новые тактические взгляды новой «Искры», о которых с такой помпой возвестили миру через Троцкого» [2].

---

[1] Там же, стр. 11.

[2] Там же, стр. 16—17.

Положительную программу большевиков Ленин резюмирует в специальном разделе брошюры.

«Именно в настоящий момент центральным фокусом политической деятельности пролетариата должна быть организация внушительного воздействия на правительство, а не на либеральную оппозицию» [1].

Соглашения с либералами неуместны. Сейчас они в особенности неуместны, потому что налицо — революционная ситуация, а либерализм колеблется и не хочет переходить в решительное наступление против царизма.

Конечно, призыв к прямому действию, отмечает Ленин, не надо понимать как призыв к немедленному восстанию.

«Было бы очень неразумно... если бы теперь... кто-нибудь вздумал кричать о немедленном штурме, призывать строиться сейчас в штурмовые колонны и т. п.». Ведь «политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха, залог поддержки почина пролетариата, все ширится, растет и обостряется» [2].

Правительство запутается еще хуже, чем оно запуталось теперь, волна народного движения поднимется еще выше. Тогда и встанет вопрос о штурме. Пока же

«дело рабочего класса — расширять и укреплять свою организацию, удесятерять агитацию в массах, пользуясь всякими шатаниями правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его на примере всех тех половинчатых и заранее осужденных на неуспех «шагов», о которых так много кричат теперь» [3].

Необходимо вести всю подготовительную работу так, чтобы это была подготовительная работа к восстанию, к свержению царизма. Не надо оставлять без внимания земское движение, надо откликаться на него. Но нельзя ставить во главу угла всей революционной работы эти «отклики» и связь с либералами. Реальная правда состоит в том, что

«под давлением революционного пролетариата правительство разрешило либералам поговорить о свободе» [4].

Это значит, что только натиск пролетариата может обеспечить дальнейшие победы революционного движения.

Резкая критика, направленная Лениным против меньшевистского тактического плана, вызвала с их стороны необходимость «уточнить» постановку вопроса. Редакция «Искры» написала еще одно «Письмо к партийным организациям». Отдельный ответ дал Плеханов в статье «О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом» (письмо к Центральному комитету) и с целой серией статей в «Искре» выступил А. Потресов (Старовер) [5].

По существу в своем ответе меньшевики, с одной стороны, явно искажают настоящую точку зрения Ленина, с другой стороны, они еще более

---

[1] Ленин, Соч. т. VII, стр. 18.
[2] Там же, стр. 19.
[3] Там же, стр. 19.
[4] Там же, стр. 20.
[5] См. «Искра» № 78, 98, 106, 107, 111.

заостряют и углубляют свои оппортунистические ошибки. Особенно обнаруживается это искажение при сравнении ими ленинской точки зрения с эсеровской.

«Не очевидна ли... ужасающая близость тактических взглядов ленинского кружка к столь недавно еще презренным взглядам «социалистов-революционеров».

О том же говорит указание меньшевиков, что Ленин переменил свою позицию, что раньше он сам был за обращение к либералам. «Интересно, что 2 года тому назад, участвуя в редакции «Искры», Ленин был еще довольно далек от «социал-революционерского» понимания истинно революционной тактики».

Таково же по своему значению утверждение, что

«Ленин пытается убедить нас, что революционный пролетариат может свои требования предъявлять только самодержавному правительству, а не земской оппозиции».

В этом же духе утверждение, что ленинская критика идеи предъявления либералам определенных условий ведет на практике

«к готовности вступить в соглашения с ней без достаточных гарантий действительной демократической политики... развязывает партии руки договариваться с нею в известные моменты, без всяких политических условий — в интересах минутного успеха... и отдает сильной дозой беспринципности и авантюризма».

Так ставить вопросы и так изображать точку зрения Ленина можно было, только не понимая или сознательно искажая ее.

Заострение меньшевиками своей позиции выразилось в том, что они еще более резко и ясно сформулировали те положения, против которых Ленин направлял свою критику. Особенно значительным и важным является это заострение в вопросе о «высшем» и «низшем» типах демонстраций.

В своем ответе на критику Ленина Плеханов становится на ту же принципиальную платформу, что и новоискровцы. Он определенно заявляет, что в решении, предложенном новой редакцией,

«оппортунизма нет и тени» и что он считает «себя обязанным выступить на защиту той тактики, которую рекомендовала «Искра» ввиду происходящей теперь земской кампании» [1].

В своей аргументации Плеханов в основном брал оружие из того же арсенала, что и новоискровцы. Он повторяет, например, два следующие положения, знакомые нам из второго «Письма»: 1) Ленин выдумывает разногласия в своих фракционных интересах. 2) Ленин забывает, что раньше он говорил то же самое, что сейчас говорит «Искра». Отличие Плеханова в этом отношении от других новоискровцев заключается лишь в том, что он более обстоятельно развивает эти два «довода».

Во многих других пунктах и у Плеханова мы наблюдаем новоискровскую черту, отмеченную нами выше, — уклонение от прямого ответа на спорный вопрос, связанное с искажением того, о чем именно идет спор.

Разница между ответом новоискровцев и ответом Плеханова сводилась лишь к тому, что «Письмо» «Искры» не ограничивалось уклонением от сути разногласий, оно заострило самые существенные пункты своей позиции, а Плеханов в общем и целом ограничивался этим уклонением, не заостряя опасных моментов. Так, например, Плеханов совершенно обошел вопрос о связи резолюции Старовера с «условиями соглашения» и о «высшем» и «низшем» ти-

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 169 и 170.

пах демонстраций, — эти, по выражению Ленина, «исходный» и «заключительный» пункты разногласия [1]. Именно поэтому Ленин записал, что

«Плеханов защищает неверную позицию чрезвычайно осторожно и умно. Редакция — неумно» [2].

Это замечание Ленина надо понимать в прямом его смысле. Действительно Плеханов умело и осторожно защищал тактическую позицию новоискровцев, а «Письмо» редакции делало это топорно и неуклюже. Но из этого нельзя делать того вывода, который, например, делает Ваганян [3], о том, что тактическая позиция Плеханова по существу отличалась от позиции новоискровцев. Между Плехановым и остальными членами редакции «Искры» были, действительно, трения, которые в конечном счете привели к выходу Плеханова из редакции. Но эти трения больше всего касались личных вопросов и только отчасти касались они вопросов организационных и фракционной борьбы. Меньше всего были они связаны с вопросами тактическими. Об этом говорит яснее ясного вся дальнейшая история тактической линии Плеханова, который не случайно оказался в 1905—1907 гг. и в годы империалистической войны и в 1917 г. на крайне правом фланге меньшевизма. Да и из самого ответа Плеханова Ленину это видно достаточно ясно. Плеханов прямо заявлял о своем согласии с редакцией «Искры» [4]. Помимо этого, несмотря на всю осторожность и умелость полемики, Плеханов все же проговаривался, давая «стопроцентные» принципиальные меньшевистские формулировки. Плеханов заявлял, например:

«Разница между нами и товарищами, нас осуждающими, сводится вот к чему: мы, «оппортунисты», хотели бы хоть отчасти свалить тяжесть предстоящей политической борьбы с плеч пролетариата на плечи буржуазии. Они, «радикалы», хотят, чтобы эта тяжесть целиком легла на спину пролетариата» [5].

В общей связи со всей историей разногласий между большевиками и меньшевиками нельзя не видеть в этих словах очень искусную, но вместе с тем откровенную формулировку принципиальной позиции меньшевизма в отношении роли пролетариата и буржуазии в революции. Другим моментом, где Плеханов оказывается не совсем «ловким», является его защита необходимости «не запугать» либералов. После различных полемических отклонений Плеханов все-таки открыто заявлял, что надо «напомнить, что мы не анархисты», что мы не за немедленное совершение социалистической революции, которая обязательно будет отделена от буржуазной «значительным промежутком времени». Все это очень беспокоит либералов, и это их беспокойство надо рассеять.

Верно, конечно, что социал-демократы не анархисты, что революция 1905 г. не была социалистической, но плехановская постановка вопроса о необходимости рассеять опасения либералов все же, несомненно, меньшевистская. Поэтому в заметке «Как они защищаются» Ленин говорит об отличии и связи позиции Плеханова с позицией «Новой искры»:

---

[1] Ленинский сборник, V, стр. 61.

[2] Там же.

[3] См. В. Ваганян, Г. В. Плеханов, 1924 г.

[4] См. выше плехановскую оценку новоискровцев: «Ни тени оппортунизма», «Решение в духе научного социализма».

[5] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 183.

«Плеханов все время вертится около противоречия старого и нового Ленина, доказывая, что редакция «Искры» действовала согласно старому Ленину.

Плеханов изображает дело так, будто Ленин т е п е р ь против демонстраций перед земцами и против диктования им положительной программы действия. Это вздор, передержка» [1].

Основной момент в потресовской критике точки зрения Ленина, центр тяжести ее составляет противопоставление прежних ленинских взглядов его теперешним взглядам, — черта, знакомая нам уже по ответу редакции «Искры» и Плеханова, черта, опять-таки доведенная до крайности Потресовым.

Пользуясь рядом выдержек из старых статей Ленина, Потресов пытался доказать, что Ленин раньше совершенно иначе относился к проблеме отношения социал-демократии к либерализму. Ленин не отказывался не только от того, чтобы «итти во все классы населения», не только от того, чтобы «диктовать положительную программу» либералам, но и от того, что допустимо социал-демократам «поддерживать требования» либералов. Потресов поэтому недоумевал, как допускает Ленин подобную непоследовательность.

Этот вопрос заслуживает особого внимания тем более, что «недоумение» Потресова, как мы видели, разделялось всеми меньшевиками. Понятно, Ленин раньше несколько иначе ставил вопрос об отношении к либерализму, чем в своей критике меньшевистского плана земской кампании. Правда, и тогда Ленин давал формулировки, вполне соответствовавшие его теперешней линии, таково, например, указание на условия совместной борьбы с царизмом, которое Ленин дал в статье «Политическая борьба и политиканство».

«Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк однажды назвал самоурезыванием и самозапрятыванием, не условной ложью дипломатического взаимопонимания, а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы» [2].

Но в общем и целом верно, что в этот период Ленин несколько иначе ставил вопрос об отношении к либерализму. В чем же тогда заключается объяснение этого?

Объяснение заключается в том, что Ленин подходил к вопросу не абстрактно, а конкретно — исторически. Он считал нужным учитывать своеобразие каждого нового политического этапа и менять тактику в зависимости от соотношения борющихся сил. Выше мы видели, какие два основных этапа либерального движения отмечал Ленин в своей брошюре. Еще более ярко выразил Ленин эту свою постановку вопроса в заметке «Буржуазия спавшая и буржуазия проснувшаяся», оставшейся в свое время неопубликованной и ставшей известной в последнее время.

«Тема для статьи.

Представьте себе, что небольшое число людей борется с вопиющим, безобразным злом, которого не сознает или к которому равнодушна масса спящих людей. Какая главная задача борющихся? — 1) разбудить как можно больше спящих; 2) просветить их насчет задач их борьбы и условий ее; 3) организовать их в силу, способную одержать победу; 4) научить их воспользоваться правильно плодами победы.

Естественно, что 1 должно предшествовать 2—4, которые без 1 невозможны,

---

[1] Ленинский сборник, V, стр. 62.

[2] Л е н и н, Соч., т. V, стр. 199.

И вот небольшое число людей б у д и т всех, толкает в с я к о г о и к а ж д о г о.

Их усилия, благодаря развитию также самой жизни, увенчались успехом. Разбужена масса. Тогда начинает оказываться, что часть разбуженных з а и н т е р е с о в а н а в сохранении зла и намерена либо сознательно поддерживать его, либо удержать такие его стороны, такие части, которые выгодны данным группам разбуженных.

Не естественно ли, что тогда борцы, глашатаи боя, будители, звонари революции, обращаются п р о т и в этих разбуженных, которых о н и ж е с а м и разбудили? Не естественно ли, что борцы т о г д а не будут уж тратить своих сил на расталкивание «всех и каждого», а перенесут центр тяжести на тех, кто оказался способным: 1) проснуться — раз; 2) воспринять идеи последовательной борьбы — два; 3) бороться серьезно и до конца — три.

Таково отношение русских социал-демократов к либералам в 1900—1902 гг. (будили), в 1902—1904 гг. (размежевывали пробуждающихся) и в 1905 г. (боролись с проснувшимися... предателями) [1].

Мы привели эту выдержку целиком, потому что она дает исчерпывающий ответ на поставленный вопрос о разнице между «старым» и «новым» Лениным. Суть этого ответа сводится к тому, что не было «старого» и «нового» Ленина, а были старый и новый этапы либерального движения.

Следует еще отметить особо, что и в новом этапе Лениным не отрицалась возможность революционизирующего влияния пролетариата на либеральное движение. Но Ленин понимал это революционизирование как влияние решительной борьбы пролетариата, стоящего впереди антицаристского фронта. Об этом мы говорим подробнее ниже. Под шумок о «старом» и «новом» Ленине Потресов в своих статьях решительно и открыто уже в этот период отказывался от идеи гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, объявляя такую идею интеллигентской и ничего общего с пролетариатом не имеющей. Аргументация Ленина может быть направлена не только против Потресова, но и против всех меньшевиков. Потресов, как в свое время и Троцкий, лишь договаривал «до конца», выбалтывал то, о чем меньшевики «поумней» предпочитали пока что помолчать, либо завуалировать такой отказ от гегемонии.

Но критикуя «прогноз» Потресова об интеллигентской якобы идее гегемонии пролетариата в буржуазной революции, Ленин в небольшой заметке — «Социал-демократическая душечка» — дал меткую характеристику еще одной свойственной всем меньшевикам черты, которой мы уже частично касались и которая проходит красной нитью через всю историю меньшевизма, именно и м п р е с с и о н и з м, п о л и т и к у, с т р о я щ у ю с я н а н а с т р о е н и я х м и н у т ы (е щ е в ч е р а к р и ч а л и о п р о л е т а р и а т е к а к в о ж д е, — с е г о д н я о б ъ я в л я ю т э т у и д е ю и н т е л л и г е н т с к о й). Приводим ее полностью.

«Приветствуемый «Освобождением» т. Старовер продолжает в новой «Искре» каяться в грехах, содеянных им (по неразумию) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила всем: мы с Ванечкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец жила с ветеринаром и го-

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 283—284.

ворила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и т. Старовер: «мы с Лениным» ругали Мартынова, «мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! В чьих-то объятиях очутишься ты завтра?» [1].

Это относилось к меньшевизму всему, а не только, разумеется, к выступлениям Потресова, — недаром тот же термин «душечка» мы встречаем и в планах статей против Плеханова.

Подведем итог вопросу о плане земской кампании на основе разобранного материала. В чем же заключалась ошибка меньшевиков? Ошибка заключалась в отрицании задач пролетариата как ожидя революции, в стремлении свести роль пролетариата лишь к подталкиванию либеральной буржуазии. Суть ошибки меньшевиков, оппортунистичность их выступления заключалась в том, что они центр тяжести политической деятельности пролетариата, руководимого социал-демократией, хотели перевести на выступления перед либералами, что они эти выступления объявляли «высшим типом» движения. Против этого высказывался и против этого боролся Ленин прежде всего.

В чем корень, принципиальная почва ошибки меньшевиков? Все в той же коренной ошибке, которую мы отмечали, разбирая фельетоны Аксельрода, — в отрицании идеи гегемонии пролетариата, прикрываемом стремлением проводить строгое разделение между специфически классовыми и общедемократическими интересами пролетариата, между задачей борьбы с царизмом и задачей развития классового самосознания. В понимании меньшевиков эта «двоякая задача» превращалась в две самостоятельные задачи, по существу мало связанные между собой. С точки зрения меньшевиков борьба с царизмом не развивает классового самосознания пролетариата, во всяком случае она делает это в ничтожной степени. Ведь демонстрация против царизма, боевое столкновение и т. п. не носят в себе ничего специфически пролетарского. Это могут делать и буржуазно-демократические элементы, — рассуждали меньшевики. Зато вот изложение на банкете земцев социал-демократической программы — это пролетарское выступление. Сталкиваясь с буржуазными программами, с программой либеральных земцев, это выступление развивает классовое самосознание. Поэтому это выступление, в отличие от выступления против царизма, является выступлением «высшего типа».

Неверность меньшевистской постановки вопроса прямо бьет в глаза. Только самый абстрактный шаблонный подход к определению классовых интересов пролетариата и других классов в революции против царизма может приводить к таким выводам. Противоречие классовых интересов между пролетариатом и буржуазией в дореволюционной России выражалось не только в том, что всегда и везде разделяет эти два класса, а и в различии подхода к задачам борьбы с царизмом. Избирая свой путь решительной и непримиримой

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 253.

революции против царизма, пролетариат тем самым уже вступал на свой собственный классовый путь, «противопоставлял» себя буржуазии. Пролетариат выступал вождем, гегемоном крестьянства в борьбе за американский путь развития, буржуазия же готова была на сделку с царизмом на почве прусского пути развития. Отказ от гегемонии пролетариата в буржуазно революции, отказ от подлинно-революционной борьбы, сползание на реформистский путь, — уже в этом «плане» меньшевиков налицо, хотя формально на словах они все еще заявляли о «гегемонии».

Результаты кампании «Искры», как это и отмечал Ленин, в действительности свелись к нулю. Многочисленные корреспонденции, помещенные в «Искре», изобилуют «отчетами» о «достигнутых успехах». Но что это были за успехи? Либо полный провал, либо «лестное внимание либеральных дам, с любопытством разглядывавших в лорнет «пролетариат», либо принятие «к сведению» с.-д. требований и только. Все эти корреспонденции являются ярким свидетельством того, как был понят план новой «Искры» на местах. Меньшевики в России вполне в духе аксельродовского «плана» главной задачей кампании считали именно передачу буржуазии «мандата» на представительство пролетариата в освободительном движении; поэтому неуспех кампании приводил их к пессимистическим выводам; они начали договариваться до того, что о пролетариате никто не хочет позаботиться, что о нем никто не думает, что пролетариат остался в тени. Новая «Искра» не смущалась этим пессимизмом и утешала таких корреспондентов, нисколько не возражая против их понимания смысла всей кампании.

в) БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА И ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Взгляды большевиков на характер и движущие силы революции 1905—1907 гг. изложены как в решениях партийных съездов и конференций, так и в большевистской печати того периода. Основным материалом, содержащим в себе подробную разработку и обоснование большевистской стратегии и тактики в буржуазно-демократической революции, являются ленинские работы, дающие не только ортодоксальное изложение, истолкование и применение взглядов Маркса и Энгельса к российским условиям, но и развивающие эти взгляды в обстановке новой эпохи до более высокой ступени теоретического анализа и более конкретной разработки революционной стратегии и тактики рабочего класса. Мобилизуя для выработки большевистских взглядов на характер и движущие силы революции 1905—1907 гг. и для борьбы с меньшевиками идейное наследство Маркса и Энгельса, Ленин развертывает стройную систему стратегии и тактики пролетарской партии в буржуазно-демократической революции эпохи империализма, давая самостоятельное, но целиком опирающееся на взгляды основоположников марксизма, творческое освещение и разработку ряда вопросов, вставших перед РСДРП в годы революции 1905—1907 гг. При этом, что особенно важно подчеркнуть, Ленин разрешает в этой связи впервые вставшую после смерти Маркса и Энгельса во всемирно-историческом масштабе задачу практического применения марксистской мето-

3-ий С'ЕЗД Р.С-Д.Р.П. /БОЛЬШЕВИКОВ/
ЛОНДОН, 25 апреля—10 мая 1905 г.
БОГДАНОВ
ЛЕНИН
КРАСИН
ПРЕЗИДИУМ
ЛИТВИНОВ
РОМАНОВ
СКРЫПНИК
ДЖАПАРИДЗЕ
АЛЕКСЕЕВ
КРАСИКОВ
ШКЛОВСКИЙ
ПОРЯДОК ДНЯ
II. Внутренние вопросы партийной жизни.
V. Отчеты делегатов.

дологии в вопросах политики и тактики, задачу превращения диалектики в орудие практической политики в революционную эпоху. В борьбе между большевиками и меньшевиками в революции 1905—1907 гг. практически в открытой революционной борьбе решался с этой точки зрения важнейший исторический вопрос: как сочетать борьбу за демократию с борьбой за социализм, как, каким путем и в каких формах партия пролетариата должна, борясь за завершение буржуазно-демократической революции, обеспечить переход к революции социалистической и как следует в связи с этим подойти к идейному наследству Маркса и Энгельса. Большевики сумели дать в противовес меньшевикам правильное решение этой важнейшей для всей эпохи империализма и пролетарских революций проблемы и показавшие всей своей стратегией, тактикой и политической и организационной деятельностью в годы революции 1905—1907 гг. образец того, как следует бороться за осуществление этой задачи, выдвигались тем самым всем ходом исторических событий на роль передового отряда международного рабочего движения. Выяснению этой роли российского пролетариата и его партии, выяснению всемирно-исторического значения самой проблемы сочетания борьбы за демократию с борьбой за социализм и установлению как путей, форм и методов, так и движущих сил этой борьбы посвящены ленинские работы того периода, являющиеся непревзойденным образцом марксистского анализа и марксистской политики.

Ленинская постановка вопроса о характере и движущих силах революции 1905—1907 гг. складывалась из следующих основных моментов:

1) выяснение сущности буржуазной революции, ее основных типов и своеобразия и особенностей революции 1905 г.;

2) определение движущих сил революции 1905 г., характера и степени заинтересованности в ней различных классов;

3) разработка вопросов, связанных с организацией революции (в первую очередь вопроса о вооруженном восстании, Временном революционном правительстве и участии в нем социал-демократов; вопроса о роли партии, соотношении «сознательности» и «стихийности» в революционную эпоху и т. д.);

4) возможные исходы и перспективы революции;

5) международное значение русской революции; русская буржуазно-демократическая революция 1905 г.; социалистическая революция в Западной Европе и национально-революционная борьба на Востоке.

К разбору этих вопросов в том плане и последовательности, в каких они даны здесь в соответствии с ленинской постановкой их, мы и перейдем.

г) БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ЕЕ СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ.

Исходным положением ленинской оценки революции 1905—1907 гг. явилось признание ее буржуазного характера.

«Марксисты, — писал Ленин в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции», — безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью,

сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии как класса» [1].

В другом месте Ленин пишет:

«Только разочарования и шатания из стороны в сторону ждут тех, кто чурается якобы односторонней классовой точки зрения, кто хочет быть социалистом и в то же время боится прямо назвать предстоящую нам в России, начавшуюся у нас в России революцию — буржуазной революцией» [2].

Четкость и определенность, с какими Ленин указывал на буржуазный характер революции и которые не вызывали разногласий в среде социал-демократии, в значительной степени обусловливались тем смешением буржуазно-демократических и социалистических взглядов, которые характеризовали позицию социалистов-революционеров в революции 1905 г.

Не отдавая себе ясного отчета в характере происходящей в России революции и следуя традициям и взглядам мелкобуржуазного социализма народников, эсеры изображали революцию 1905 г. как революцию, несущую с собой установление социалистических порядков. Облекая, таким образом, свое революционно-демократическое существо социалистической фразеологией и упрекая революционных социал-демократов в отказе от борьбы за социализм, эсеры создавали большую опасность дезорганизации борющихся в революции классов (пролетариата и крестьянства) относительно ставших перед ними задач и различий их классовых интересов. В революционную эпоху, в эпоху буржуазно-демократической революции подобные взгляды могли принести огромный вред делу классовой самостоятельности пролетариата и четкого разграничения классовых сил в период завершения буржуазно-демократического переворота и в условиях перехода от него к революции социалистической. Поэтому Ленин считал совершенно необходимым противопоставить точную, научную марксистскую оценку реальных классовых отношений вредным иллюзиям партии социалистов-революционеров.

«Социалисты-революционеры, — писал Ленин, — ...не знают азбуки о законах развития товарного и капиталистического производства, они не видят того, что даже полный успех крестьянского восстания, даже перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («Черный передел» или что-нибудь в этом роде) нисколько не уничтожит капитализма, а, напротив, даст толчок его развитию и ускорит классовое распадение самого крестьянства. Непонимание этой истины делает из социалистов-революционеров бессознательных идеологов мелкой буржуазии» [3].

Старый спор между марксистами и народниками о судьбах исторического развития России вступал в новую фазу, повторяя прежние принципиальные положения в новой обстановке и в связи с новыми вопросами.

Основная мысль, которую развивает в этой связи Ленин, сводится к тому, что конфликт экономических и классовых сил, который привел царскую Россию к революции, являлся конфликтом между потребностями развивающегося

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 55.
[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 30—31.
[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 55—56.

капитализма и теми препятствиями, которые ставил на его пути самодержавно-крепостнический строй, и что поэтому на очередь дня стала задача осуществления буржуазно-демократических преобразований, которые хотя и не могут обеспечить полного освобождения рабочего класса, но могут создать наилучшие условия для борьбы за это освобождение.

«Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота» [1].

Ленин придавал важнейшее значение этому положению, считая необходимым положить его в основу определения своеобразия классовых задач пролетариата в революции.

«Настаивание на этой истине, — писал Ленин, — имеет для социал-демократии огромное значение, не только теоретическое, но и практически-политическое, и б о о т с ю д а в ы т е к а е т о б я з а т е л ь н о с т ь п о л н о й к л а с с о в о й с а м о с т о я т е л ь н о с т и п а р т и и п р о л е т а р и а т а в н а с т о я щ е м «о б щ е д е м о к р а т и ч е с к о м» д в и ж е н и и» [2].

Важно подчеркнуть со всей силой, что эта «конкретизация» и развитие первой «вводной» мысли занимают виднейшее место в работах Ленина и составляют основу позиции большевиков. Общее положение — наша революция буржуазна, потому что ее ближайшая задача — не уничтожить капитализм, а расчистить для него дорогу, — направлялось Лениным одновременно против двух типов неправильного понимания характера революции. Как и почему эта формула направлялась против эсеровской точки зрения, мы видели. Но, с другой стороны, формула Ленина направлялась и против меньшевистского толкования понятия «буржуазная революция». Говоря, что ближайшая задача революции — расчистить дорогу для свободного капиталистического развития, Ленин в то же время говорил, что т о л ь к о это в первую голову и делает революцию буржуазной и что эта формулировка не предопределяет еще всех возможных выводов о роли различных классов в революции, о ее конкретном пути и т. п. Напротив, Ленин самым категорическим образом подчеркивал, что пути буржуазной революции могут быть различными и что главная задача партии пролетариата — найти из всех возможных путей буржуазной революции путь, наиболее соответствующий интересам рабочего класса, для немедленного перехода к борьбе за социализм. Именно в такой связи Ленин писал:

«Для пролетария борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки. Строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их происхождения — вовсе не значит откладывать в долгий ящик конечную цель, вовсе не значит замедлять заранее свой путь. Напротив, именно для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуществления конечной цели необходимо понимать отношение классов в современном обществе» [3].

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 40—41.

[2] Там же, стр. 56. Разрядка наша. — *Ред.*

[3] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 30.

Такое понимание революции Ленин считал особенно важным прежде всего потому, что только на его основе можно было определить правильную классовую линию пролетариата. Но Ленин не останавливался подобно меньшевикам на констатировании буржуазного характера революции 1905 г. и указании на опасность растворения пролетариата в буржуазной демократии. Отправляясь от своей общей характеристики социально-экономического содержания революции, он со всей решительностью и определенностью развил мысль о безусловной обязательности для марксистов конкретизировать и уточнить понятие буржуазной революции, включив в него учет особенностей и своеобразия революции 1905—1907 гг. Выступив против эсеровского смешения буржуазно-демократического и социалистического переворота и отмежевавшись своей оценкой революции 1905 г. как революции буржуазной от попыток затушевывания самостоятельности классовых задач и интересов пролетариата в революции 1905 г., Ленин со всей силой обрушился против ошибок другого типа — против стремления меньшевиков вывести из оценки социально-экономического содержания революции отказ и отрицание руководящей роли пролетариата и его партии в этой революции.

Ленину был чужд тот доктринерски-мещанский взгляд меньшевиков, будто буржуазный характер революции связан с большей заинтересованностью в ней буржуазии, будто буржуазный характер революции сам собою обусловливает и предполагает руководящую роль в революции буржуазии как класса-гегемона. Ленин развернул учение об основных типах буржуазно-демократической революции и в применении к российским условиям показал неверность той меньшевистской концепции буржуазной революции, по которой развитие ее протекает по определенному, раз навсегда установленному и выработанному историей шаблону, при неменяющейся расстановке основных классовых сил и независимо от своеобразия исторических условий и конкретных задач и форм борьбы в революции. Анализ предпосылок революции 1905 г., анализ того, из-за чего шла и развертывалась борьба классов в 1905—1907 гг., привел Ленина к выводу, что основным, коренным вопросом революции является аграрно-крестьянский вопрос, накладывающий свой отпечаток на весь ход и характер революции 1905 г. Не меняя в основном буржуазного характера революции 1905 г. в смысле ее социально-экономического содержания, это обстоятельство, однако, создавало специфические черты русской буржуазной революции как революции крестьянской. Ленин так определяет понятие крестьянской революции в эпоху капитализма:

«Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства и возможна

буржуазная революция в подобной стране без крестьянства. Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т. е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянство в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию. Следовательно, общее марксистское понятие «буржуазная революция» содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле объективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна» [1].

Таким образом корень стратегических и тактических ошибок меньшевиков в революции 1905 г. Ленин видел в непонимании ими особенностей этой революции как революции крестьянской, в неумении выделить понятие крестьянской революции как одного из видов буржуазной революции.

«Вышло так, что непродуманное, абстрактное понятие буржуазного переворота заслонило вопрос о той его разновидности, которой является крестьянская революция! Все это — одни «передряги», а реальна лишь «обычная колея». Трудно рельефнее выразить обывательскую точку зрения и непонимание того, из-за чего собственно идет борьба в нашей буржуазной революции» [2].

Корни этой основной ошибки меньшевизма заключались в немарксистском понимании самой категории буржуазной революции и в установлении прямой зависимости между социально-экономическим характером революции и составом ее движущих сил. Но

«...высасывать» ответ на конкретные вопросы русской буржуазной революции первого десятилетия XX в. из «общего понятия» буржуазной революции в самом узком смысле слова — значит опошлять марксизм до либерализма» [3].

Ибо если в теории подобная установка меньшевизма являлась прямым отказом от основных требований диалектического анализа, то на практике, в политике, она логически приводила к отказу от руководящей роли пролетариата в революции, к игнорированию и боязни крестьянской революции и капитуляции перед буржуазным либерализмом.

«Говорить о демократическом перевороте и ограничиваться простым и голым противопоставлением «пролетариата» и «буржуазии» есть чистая несообразность, ибо этот переворот знаменует именно тот период развития общества, когда масса его стоит собственно между пролетариатом и буржуазией, составляет из себя обширнейший мелкобуржуазный крестьянский слой. У этого гигантского слоя именно потому, что демократический переворот еще не совершен, гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова. В непонимании этой простой вещи — один из главных источников мартыновской путаницы» [4].

Ленин вовсе не затушевывал трудности, которые связаны были с практическим осуществлением «крестьянской революции».

«Трудна крестьянская революция под руководством пролетариата в капиталистической стране, очень трудна, но она возможна, и за нее надо бороться. Три года революции научили нас и весь народ не только тому, что за нее надо бороться, но и тому, как бороться. Никакие

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 437—438.
[2] Там же, стр. 435.
[3] Ленин, Соч., т. XV, стр. 343.
[4] Ленин, Соч., т. VII, стр. 187—188.

меньшевистские «подходцы» к политике поддержки кадетов не вытравят этих уроков революции из сознания рабочих» [1].

И в другом месте:

«Было бы непозволительным оптимизмом забывать о тех трудностях, которые связаны с вовлечением в движение массы не только рабочего класса, но и крестьянства. Именно об эти трудности сламывались не раз усилия довести до конца демократическую революцию, причем торжествовала всего более непоследовательная и своекорыстная буржуазия, которая и «приобретала капитал» монархической защиты от народа и «соблюдала невинность» либерализма... или «освобожденства». Но трудность не есть неисполнимость. Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает в сто крат революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса» [2].

И несмотря на такие значительные трудности, Ленин видел только в такой революции, революции, поднимающей на борьбу за свои интересы подлинные миллионы, гарантию успешного развития ее не только в русском, но и в международном масштабе, хотя это был и очень длительный и упорный путь борьбы.

«Слов нет, много еще темноты и забитости в народе, масса еще труда должно пойти на развитие самосознания рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но посмотрите, как быстро выпрямляется вчерашний раб, как сверкает огонь свободы даже в полупотухших глазах. Посмотрите на крестьянское движение. Оно разрозненно, бессознательно, мы знаем лишь крохи правды о его размерах и характере, но мы знаем твердо, что сознательный рабочий и поднимающийся на борьбу крестьянин поймут друг друга с двух слов, что каждый луч света сплотит их теснее для борьбы за свободу, что они не уступят тогда в руки презренно-трусливой и корыстной буржуазии и помещиков с в о е й революции, той демократической революции, которая может дать землю и волю, дать все мыслимые в буржуазном обществе облегчения жизни трудящимся для дальнейшей борьбы за социализм.

Нет, не мечта всенародное вооруженное восстание. Не праздная мысль о полной победе пролетариата и крестьянства в настоящей демократической революции. А какие великие перспективы открывает такая победа для европейского пролетариата, который вот уже много лет искусственно сдерживает в его стремлении к счастью военная и помещичья реакция! Победа демократической революции в России будет сигналом к началу социалистической революции, к новой победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран» [3].

Поэтому Ленин резко выступил против Троцкого, который высказал мысль, что «священник Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места». Не сумев понять подобно меньшевикам своеобразия русской революции 1905 г., как крестьянской революции, и оказавшись неспособным выяснить и определить роль и задачи пролетариата в этой революции, равно как условия перехода от нее к революции социалистической, Троцкий, как это будет показано ниже, «несуразно-левой» фразой прикрывал меньшевистский отказ от необходимости поднять массы на борьбу именно по такому пути. В результате вне поля зрения Троцкого оказывались как раз характернейшие и отличительнейшие черты революции 1905 г., те черты, которые порождались участием в революции самых широких мелкобуржуазных масс без

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 193.
[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 96.
[3] Ленин, Соч., т. VII, стр. 365.

ясных и четких политических взглядов и устремлений, но придававших тем не менее революции исключительную силу и размах и объективно расчищавших дорогу для осуществления последовательных демократических преобразований.

Таким образом если пролетариат является самой надежной, самой последовательной и наиболее далеко идущей революционной силой в царской России, то участие широких мелкобуржуазных, т. е. прежде всего крестьянских масс, с одной стороны, делает русскую революцию подлинно массовой революцией и, с другой стороны, определяет социальное содержание этой революции. Все эти мысли вполне ясно выражены в цитируемой нами статье Ленина.

д) ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

1. Вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Естественно, что в результате расхождения по вопросу о характере и особенностях революции 1905 г. большевики и меньшевики должны были решительно разойтись и в вопросе о движущих силах этой революции и роли пролетариата в ней. Большевики определяли природу русской революции как революцию крестьянскую, которая должна в интересах ее победоносного исхода зайти значительно дальше требований и желаний буржуазии (и русской и международной, интересам которой не мог не быть нанесен ущерб свержением самодержавия). Большевизм констатировал непоследовательность и нерешительность буржуазии в революции и ее стремление к сделке с реакцией и наибольшую последовательность и заинтересованность в перевороте рабочего класса и крестьянства, выдвигающихся в роли движущих сил революции.

«Антагонизм пролетариата и буржуазии, — писал Ленин еще в начале 1905 г., — у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 гг., поэтому буржуазия будет больше бояться п р о л е т а р с к о й революции и скорее бросится в объятия реакции» [1].

Составным же звеном меньшевистской концепции буржуазной революции являлось положение о том, что буржуазная революция несравненно более выгодна буржуазии, нежели пролетариату. Это утверждение, естественно, увязывалось в общий стратегический план меньшевизма в революции 1905—1907 гг., имевший своей основной посылкой признание гегемонии буржуазии в буржуазной революции и отстранение пролетариата от активно-организаторской роли в буржуазно-демократическом перевороте. Что же означала в понимании большевиков эта «активно-организаторская» роль пролетариата в буржуазно-демократической революции?

Мы видели раньше [2], что в буржуазных революциях Запада крестьянство, несмотря на все свое громадное значение, участвовало под руководством других классов: крупной буржуазии или мелкой, но во всяком случае не под своим собственным руководством. Объективные условия существования крестьянства как класса — его разрозненность, местная ограниченность, культурная отсталость — вполне объясняют это явление. Отмеченная раньше историческая тен-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 182.

[2] См. гл. I наст. тома. — *Ред.*

денция убывания революционной роли буржуазии, приводившая к тому, что буржуазия не могла играть роли гегемона революции, во всяком случае не означала, что эта гегемония переходила в руки крестьянства. Во Франции крупную буржуазию в роли гегемона революции в момент подъема революции заменила буржуазия мелкая. В Германии никакой класс не оказался в состоянии взять на себя роль вождя революции, и поэтому германская революция так и вошла в историю, как суррогат революции. В России, как и в других странах, крестьянство не было способно осуществить самостоятельную революцию. С другой стороны, в России, как и в Германии, ни крупная ни мелкая буржуазия не были способны сыграть роль вождя буржуазной революции. Зато в России, в отличие от всех других стран в эпоху их буржуазных революций, пролетариат был вполне оформившимся классом, с большой политической сознательностью и силой. Пролетариат в России вырос в новую историческую силу, единственно способную взять на себя руководство крестьянством в демократической революции.

Таким образом «помощь пролетариата крестьянству», о которой говорил Ленин, должна была по мнению большевиков выразиться в том, что пролетариат сыграет роль вождя, руководителя, гегемона революционной борьбы народных масс.

Что толкало пролетариат к активному участию в буржуазной революции, мы уже видели. Что предопределяло его руководящую роль в этой революции, легко понять. Пролетариат — самый революционный класс капиталистического общества и в то же время наиболее сознательный, наиболее организованный революционный класс. Преимущества пролетариата перед крестьянством в этом отношении очевидны.

Само собой разумеется, что это общее положение особенно верно по отношению к более развитому капиталистическому обществу, когда пролетариат достигает большей зрелости. В отношении России оно во всяком случае было безусловно верным. Условия развития капитализма в России, на которые мы неоднократно указывали выше, способствовали особенно значительной роли русского пролетариата в революции.

Если по установленному Энгельсом закону [1] полный успех буржуазной революции мог быть обеспечен только самым широким ее размахом, идущим д а л ь ш е того, что достижимо на данной исторической ступени при определенном соотношении классовых сил, то русский пролетариат как раз более всего мог способствовать победе буржуазной революции, так как он мог итти и шел дальше, чем какой бы то ни было класс современного общества. В отношении России XX в. пролетарское продвижение «дальше» имело под собой реальную базу, не предполагало о б я з а т е л ь н о г о возвращения назад, а, наоборот, могло явиться ступенью совершенно к новому — социалистическому — строю. Но этот п е р е х о д к социализму, закрепляющий пролетарское «дальше», не следует в этот период рассматривать как непосредственное н а ч а л о социалистической революции. Пролетариат в с е в р е м я боролся за социалистическую революцию, но н а д а н н о м э т а п е д в и ж е н и я пролетарский отпечаток на ход событий должен был выразиться в доведении буржуаз-

[1] См. гл. I наст. тома, стр. 19. — *Ред.*

ной революции до самого решительного конца, до полнейшей демократизации государственного строя в интересах облегчения подготовки пролетариата к социалистической революции.

Именно в этом смысле говорил Ленин, что буржуазная революция гораздо выгоднее пролетариату, чем буржуазии. Именно поэтому настаивал он на самом активном участии пролетариата в революции.

«Марксизм учит пролетариат не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе» [1].

Меньшевики, писал по этому поводу Ленин:

«в корне неправильно понимают смысл и значение категории «буржуазная революция» [2].

В их представлении буржуазная революция есть такая революция, которая выгодна только буржуазии, в которой непосредственно заинтересована только одна буржуазия. Но этим меньшевики как раз и обнаруживают не только свое непонимание марксистских взглядов на этот вопрос, но и неумение связать решительную и последовательную борьбу рабочего класса за доведение до конца буржуазно-демократического переворота с его борьбой за социализм. Тем самым меньшевики изменяют важнейшему положению Маркса, всегда отстаивавшему ту мысль, что «рабочие могут и должны участвовать в буржуазной революции, так как она является необходимым условием для начала пролетарской революции». С другой стороны, подобный взгляд меньшевиков, логически ведущий к выводу о якобы незаинтересованности пролетариата в буржуазной революции, сближает их с «стародедовской народнической теорией», полагавшей, что трудящимся не нужна буржуазная политическая свобода, и с анархизмом, отрицающим всякое участие пролетариата в буржуазной революции, в борьбе за доведение этой революции до конца. В обоих случаях это ведет к признанию необходимости передачи руководства в революции буржуазии и к отрицанию и отказу от революционной борьбы за создание наилучших условий для подготовки и организации социалистического переворота. Кроме того, указывал Ленин, меньшевики совершенно упускают из виду, что

«в таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс безусловно заинтересован поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу безусловно выгодно устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма... Поэтому буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату». Больше того, «в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 59.
[2] Там же, стр. 56.

дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предает дело свободы, что буржуазия неспособна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям» [1].

Свое отрицание большей заинтересованности пролетариата в буржуазно-демократической революции и его гегемонии в ней меньшевики пытались представить как стремление сохранить классовую особенность пролетариата и устранить возможность растворения его в буржуазной демократии. Этот довод меньшевизма, логически связанный с положением о большей заинтересованности в революции буржуазии, по существу дела сводился не только к отказу от использования революционной энергии крестьянства, к отказу от заключения союза с ним под руководством пролетариата, к отрицанию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но и к отказу от единственно мыслимых и единственно верных путей борьбы за социализм. Так, под предлогом сохранения классовой самостоятельности пролетариата и нежелания связать ему руки в борьбе с непоследовательностью буржуазной демократии, меньшевиками протаскивалась фактически пошлая либеральная идея об отстранении пролетариата от активного участия в буржуазной революции и об отказе от борьбы за гегемонию в ней.

«Только в случае полной победы демократической революции, — писал Ленин, — у пролетариата не будут связаны руки в борьбе против непоследовательной буржуазии, только в этом случае он не «растворится» в буржуазной демократии, а наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток. Одним словом, чтобы не оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазной демократией, пролетариат должен быть достаточно сознателен и силен, чтобы поднять до революционного самосознания крестьянство, чтобы руководить его натиском, чтобы таким образом самостоятельно провести последовательно-пролетарский демократизм. Вот как стоит столь неудачно разрешенный новоискровцами вопрос об опасности остаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией. Буржуазия всегда будет непоследовательна... Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства. Нехватит на это силы у пролетариата, — буржуазия окажется во главе демократической революции и придаст ей характер непоследовательной

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 57—58.

и своекорыстной. Помешать этому нет иного средства, кроме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Таким образом мы приходим к несомненному выводу, что именно новоискровская тактика, по ее объективному значению, играет на руку буржуазной демократии» [1].

А в связи с этим вся стратегическая линия меньшевизма в революции 1905 г. была направлена на создание условий, обеспечивающих гегемонию буржуазии, и на устранение условий, могущих повлиять на отход буржуазии от революции. «Судьба и исход революции зависят от буржуазии», «как бы не отшатнулась буржуазия», — вот основные мотивы, звучавшие в меньшевистских выступлениях в 1905 г. и проходившие красной нитью через все принципиальные положения и тактические лозунги меньшевизма, как это мы увидим ниже. В крестьянской революции буржуазия неизбежно должна будет играть контрреволюционную роль, неизбежно будет колебаться между революцией и реакцией, и потому стратегическая задача пролетариата должна будет состоять в нейтрализации колебаний буржуазии, в подавлении ее контрреволюционных шатаний, в изоляции ее от влияния на трудящиеся массы, — таков был контртезис большевизма. Отвечая меньшевикам, Ленин писал:

«Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот неспособен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом. Для того чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т. е. способны именно «заставить ее отшатнуться»...). Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции» [2].

Так на основе жесточайшей и непримиримой критики меньшевистской стратегии Ленин развертывает свое учение о движущих силах буржуазно-демократической революции.

Надо иметь в виду, что историческая тенденция к уменьшению революционности буржуазии и к увеличению ее трусости и подлости во всяком случае не относится к области морали и не может быть объяснена социально-психологическими факторами. В основе этой тенденции лежали вполне определенные материальные факторы. Важнейшим из них была степень зрелости пролетариата и развития его классовой борьбы против буржуазии. В отношении Германии этот момент играл очень большую роль. Еще большую роль играл он в отно-

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 65—66.

[2] Там же, стр. 95—96.

шении России. В первой главе мы отмечали уже относительную зрелость русского пролетариата и относительную слабость русской буржуазии. Различие между политической силой пролетариата и буржуазии в России было больше, чем где бы то ни было. Значение этого различия для оформления политической линии буржуазии было тем больше, что окружающие Россию страны имели еще более развитой пролетариат, вполне созревший для социалистической революции. Поэтому русская революция, естественно, превращалась в исходный пункт мировой пролетарской революции. Либеральная буржуазия со всей ясностью показывала, что она стремится к революции типа 1848 г. и смертельно боится подлинной массовой революции типа 1789 г. И Ленин заключает:

«Все это, повторяем, естественный и неизбежный результат самого положения буржуазии как класса в современном обществе. Все это — подтверждение коренного отличия пролетарской политики революционной борьбы от буржуазной политики либерального маклерства» [1].

Таким образом в силу законов диалектики исторического развития класса капиталистической буржуазии и его политического отражения либерализм не мог играть роли вождя буржуазной революции, несмотря на то что эта революция как будто бы должна подготовить почву для буржуазного господства. Эта черта, этот «парадокс» свойственен не только той обстановке, в которой находилась Россия в период революции 1905 г. Подобное явление в общем и целом наблюдалось в истории почти всех буржуазных революций.

Мысль, что русская буржуазия поэтому в более сильной степени повторяет антиреволюционные черты западно-европейской, еще раньше была выражена Лениным в статье «Революционеры в белых перчатках». Статья эта была написана в связи с тем, что либералы не только фигурально, но и буквально начали свои переговоры с царизмом, отрядив депутацию к Николаю.

Ленин писал:

«Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу к конституционным монархам. Русские буржуа хотят «учиться у истории» и «сократить стадии развития»: они хотят сразу предать революцию, сразу оказаться изменниками свободе. В интимных беседах они повторяют один другому слова Христа к Иуде: что делаешь, делай скорее!» [2].

Такова была оценка большевиками двух классов буржуазии и крестьянства.

Основной вывод, который Ленин делает из своей постановки вопроса об интересах пролетариата в буржуазной революции, сводится к тому, что пролетариат должен проявить максимальную активность и положить все силы на то, чтобы обеспечить развертывание революции именно по тому пути, который в его интересах. И не только должен, но и может.

е) ВОПРОС ОБ «ОРГАНИЗАЦИИ И РУКОВОДСТВЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ».

Понятие «гегемонии пролетариата в буржуазной революции», как его представляли себе большевики, отнюдь не может быть исчерпано тем, что и пролетариат — самый революционный, самый организованный и наиболее

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 345.

[2] Там же, стр. 359.

далеко идущий класс современного общества. Революционность и организованность были лишь необходимыми предпосылками для осуществления гегемонии, но не самым этим осуществлением. Осуществление гегемонии предполагает определенные действия со стороны класса-гегемона и определенные отношения между этим классом и другими, союзными ему и принимающими его руководство. Помимо общеполитического руководства, помимо указания на пути, по которым должна пойти революция, со стороны класса-гегемона требуются действенная инициатива, активное участие в реальной революционной борьбе и руководство ею. С другой стороны, самозамыкание наиболее революционного класса, ограничение его революционными призывами и принципиальной критикой действий других классов не может считаться осуществлением гегемонии. Быть гегемоном, вождем революции — значит вести ее вперед действием, но вести так, чтобы вести широкие народные массы, не отрываясь от них.

Гегемония пролетариата в русской революции означала тесное объединение движения пролетариата с движением крестьянства, означала подлинно массовую «народную» революцию во главе с рабочим классом при его гегемонии.

Ленин прямо ставил вопрос о народной революции, посвящая ей сильные, бьющие строки:

«Да, народной революции. Социал-демократия боролась и борется с полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом «народ». Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа. Она настаивает безусловно на необходимости полной классовой самостоятельности партии пролетариата. Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа» [1].

Чтобы понять как следует большевистскую трактовку гегемонии пролетариата в буржуазной революции, следует все время иметь в виду эти две стороны вопроса, диалектически соединяющиеся: 1) безмерная революционная активность, 2) но во главе масс, в связи с массами, теми именно массами, которые в данной конкретной революции могут играть революционную роль. Эта же диалектическая полнота охвата вопроса характеризует и все моменты большевистской оценки характера и движущих сил революции.

Здесь большевизм наносил удар меньшевистскому пониманию революции.

Для большевиков революция не была печальной необходимостью или тяжелым этапом, который нужно поэтому скорее пройти. Большевики придавали громадное значение самому революционному процессу, как определенному самостоятельному периоду общественного развития, означающему гигантское ускорение этого развития и стремительное продвижение его вперед, на высшую ступень. Значение революции заключается не

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 103.

только в том, что она вырывает могилу старому общественному порядку и расчищает путь для нового. Революция не просто устраняет, разрушает что-либо; она и создает, разрушая, созидает с самого своего начала, меняет обстановку, меняет людей, подготовляет почву для нового строя.

«Революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в действии» [1].

Беря боевую, разрушительную сторону, Ленин сравнивал революцию с войной, отмечая в то же время ее отличие от всех других войн.

«Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплоататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия» [2].

Это понимание революции как войны Ленин развил очень подробно, делая из него соответствующие выводы, требуя, чтобы к революции относились с полной серьезностью, как к войне, требующей натиска и самоотверженной борьбы. Но как самую важную черту, характерную для революции и отличающую ее от заговора, черту, придающую революции творческий, созидательный характер, Ленин отмечал участие масс, втягивание миллионов в политическую борьбу.

«В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы. Историю этой борьбы приходится измерять днями» [3].

Почти каждая статья Ленина, посвященная революции, в той или иной форме повторяет эту мысль. Величие борьбы миллионов за свое освобождение захватывает Ленина. Он в самых резких формулировках неустанно подчеркивает, что именно это есть революция, что революция есть борьба миллионов, борьба забитого, угнетенного человечества. Размах борьбы, ее могучая стихийная сила могут пугать только буржуазию, обывателей, дрожащих за свое благополучие и прибегающих к слову «бунт» для характеристики массового движения. У Ленина это слово теряет значение осуждения.

«Недаром говорят, — замечает Ленин, — что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция» [4].

Борьба масс, которую либерал полупрезрительно называет бунтом, имеет громадное творческое воспитательное значение. Эта борьба приобщает

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 73.
[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 86.
[3] Там же, стр. 83.
[4] Там же, стр. 82.

к сознательной жизни миллионы отсталого человечества, она увеличивает кадры людей, активно, действенно участвующих в направлении процесса общественного развития.

«Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя» [1].

В другом месте, цитируя слова Маркса: революции — локомотивы истории, Ленин пишет:

«Революции — праздник угнетенных и эксплоатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса с точки зрения узкой мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности масс, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденской» буржуазии сочинять из страха перед революцией и из страха перед прямым путем обходные окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы» [2].

Какая пропасть отделяет эти слова вождя революционной партии пролетариата от нытья оппортунистических «политиков», боявшихся «разрушительного инстинкта» масс, опасавшихся за целость «культуры», которая якобы могла погибнуть под напором «разбушевавшейся стихии»! Революция — созидание, революция — утверждение культуры, говорил Ленин. Революция разрушает и уничтожает только старое, мешающее движению человечества вперед. Тем, кто этого не понимал, Ленин попросту советовал уйти с дороги, не мешать.

Тех же, для кого революция действительно являлась праздником, Ленин призывал к активному участию в ней, к работе, могущей обеспечить ее победу, т. е. доведению революции до конца. Но что означало в большевистском понимании это «доведение революции до конца»?

Основная задача, которая стояла перед революционным союзом пролетариата с крестьянством, формулировалась большевиками как «решительная победа» над царизмом, как «доведение до конца» буржуазной революции. Очень важно разобрать, как понимали большевики это «доведение до конца» буржуазной революции. Несмотря на кажущуюся ясность таких выражений, как «решительная победа», «доведение до конца», все же на практике приходилось их расшифровывать главным образом потому, что, как мы увидим дальше, в понимании меньшевиков эти выражения приобретали совсем особый смысл.

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 384.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 104—105.

Исходным пунктом для уяснения большевистского понимания задачи «доведения до конца» буржуазной революции является связь этой задачи с задачей гегемонии пролетариата в буржуазной революции.

Это обстоятельство, т. е. слияние задачи доведения до конца буржуазной революции с задачей гегемонии пролетариата, является основной причиной сложности этого вопроса. Суть в том, что задача осуществления гегемонии пролетариата в буржуазной революции являлась совершенно новой исторической задачей. Русский пролетариат не мог основываться в этом вопросе на опыте пролетариата других стран, поскольку такого опыта в общем и целом история еще не знала. Деятельность Маркса и Энгельса в 1848 г. намечала определенную линию, но именно общую принципиальную линию, которая осталась неосуществленной на практике. Неразвитой осталась также героическая попытка Парижской коммуны, которая не успела развернуться в общенациональную революцию (к вопросу о значении опыта Парижской коммуны мы еще вернемся в другом месте) [1]. Помимо этих двух исторических моментов русскому пролетариату не с чего было брать примера. Итти вперед по новому пути приходилось впервые в истории.

Итак, задача доведения революции до конца могла быть выполнена только под руководством пролетариата. Основное значение этого обстоятельства заключалось в том, что «конец» революции определялся в согласии с интересами пролетариата, а не буржуазии. Это значило, что с точки зрения большевиков нельзя было бы считать буржуазную революцию доведенной до конца, если бы либеральная оппозиция получила требуемые уступки и отказалась бы от своей оппозиции старому порядку. Пока не проведена полная демократизация государства, пока не удовлетворены интересы крестьянства, пока пролетариат не получил полной свободы для организации своих сил, — до тех пор нельзя считать буржуазную революцию доведенной до конца.

Поэтому большевики энергично боролись против всякого смазывания задач демократического переворота и половинчатых «конституционных» формулировок. Анализируя резолюцию меньшевистской Женевской конференции, Ленин отмечал как очень серьезную ошибку то, что меньшевики совершенно обходили вопрос о необходимости установления республики, ограничиваясь половинчатым требованием «уничтожения самодержавия», т. е. молчаливо допуская установление конституционной монархии. Ленин считал подобное допущение прямым ренегатством.

Ленин видел в этом попытку меньшевиков принизить, сузить осуществление нашей программы-минимум. Об этом свидетельствует следующее место из статьи Ленина «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», где Ленин пишет:

«Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум» [2].

«Доведение до конца» буржуазной революции Ленин понимал в самом широком смысле этого слова, как «устранение самой почвы, способной родить бур-

[1] См. об этом гл. VII наст. тома. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 199.

жуазную революцию», т. е. разрешение в борьбе всех противоречий, которые привели к революции.

Такое понимание задач революции связывалось с отчетливым представлением о необходимости больших усилий, упорной борьбы, решительного натиска пролетарских и крестьянских масс. Оно приводило к специальному выделению и разработке задач революционного действия, единственно способного обеспечить выполнение намеченных целей. Всякий конкретный лозунг поэтому связывался большевиками с вопросом, как его провести, какой путь действия наметить для его осуществления? Условием истинной революционности политической линии большевики считали поэтому принятие не только известных общих лозунгов, хотя бы, например, лозунга Учредительного собрания, который признавали и либералы, но и революционных путей к проведению этих лозунгов. Большевики стояли за решительную революционную, «плебейскую» манеру разделаться с царизмом. В этом смысле большевики, действительно, были якобинцами XX в.

Необходимо сейчас же отметить тот условный смысл, в каком здесь употребляются выражения «плебейская манера разделаться с абсолютизмом» и «якобинцы XX в». Большевики представляли совершенно иной класс, чем французские революционеры XVIII в., и это одно проводит непроходимую грань между ними (как и между народовольцами, по отношению к которым иногда также применяют это выражение). Гегемония пролетариата в буржуазной революции означала не только «плебейскую манеру разделаться с абсолютизмом», она означала также проведение программы-минимум социал-демократии, подготовку почвы для самого коренного, самого радикального социалистического переворота. Для русских «якобинцев» буржуазная революция не являлась высшей точкой, пределом достижения, она являлась только ступенью, переходом к другой, еще более значительной исторически, социалистической революции.

Наконец методы действия большевиков как определенной политической п а р т и и, связанной с широкими массами и опирающейся на них, тоже коренным образом отличались от якобинских методов действия. Сам Ленин об этом писал следующее:

«Якобинцы современной социал-демократии — большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж как сказать — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 г., перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской социал-демократической рабочей партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX в., пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на

такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII в., буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы» [1].

Одна очень важная черта сближала большевизм с якобинством, это — признание революции как решительной вооруженной борьбы восставших масс, единственным средством радикального разрешения социальных противоречий. Но большевики, как мы видели, еще ярче якобинцев выразили это признание. Ортодоксальный марксизм — теоретическое оружие большевиков — н а у ч н о осветил вопрос о значении революции как общественного явления. Это большевистское понимание революции и гегемонии пролетариата в ней приводило к одному из важнейших принципиальных положений большевизма в борьбе с меньшевиками в 1905—1907 гг. — к лозунгу «Организовать революцию».

Говоря о революции как «празднике масс», Ленин все время оставался на своей старой позиции по вопросу о «стихийности и сознательности». Это значило, что, говоря о революции и ее значении, он имел при этом в виду, что революция не должна развертываться и с к л ю ч и т е л ь н о как стихийный процесс. Приобрести свое полное значение и достигнуть полного успеха революция, по мнению Ленина, могла только в том случае, если в ее ход вмешается организующая сила пролетариата и его партии.

Постановка вопроса: «должны ли мы организовать революцию?» является важнейшим моментом большевистской точки зрения. Ленин посвятил этому вопросу специальную статью, так именно и озаглавленную (февраль 1905 г.). Эта статья была ближайшим образом связана с полемикой между Парвусом и редакцией новой «Искры», когда последняя, поместив статью Парвуса, вместе с тем резко высказалась против возможности «организовать революцию», стоя на своей старой позиции — «организация — процесс».

Для Ленина, конечно, проблема «организации революции» была не нова. Она самым тесным образом была связана с его линией искровского периода, и новый революционный этап лишь обусловливал дальнейшее развитие ленинского представления о партии как «воюющей» партии [2].

Учение Ленина о «воюющей партии» вполне соответствовало его учению о революции как войне, о котором мы говорили выше. Как и война, революция требует правильной организации и руководства. Силы революции во многих отношениях похожи на военные силы. В статье «Новые задачи и новые силы» (февраль 1905 г.) Ленин широко развернул это сравнение.

«Революционная эпоха для социал-демократии — все равно что военное время для армии. Надо расширять кадры нашей армии, переводить ее с мирных контингентов на военные, мобилизовать запасных и резервных, призывать под знамена получивших отпуск, налаживать новые вспомогательные корпуса, отряды и службы. Надо не забывать, что на войне неизбежно и необходимо пополнять свои ряды менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да рядом офицеров простыми солдатами, ускорять и упрощать производство солдат в офицеры» [3].

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 64—65.
[2] Л е н и н, Соч., т. X, стр. 85.
[3] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 148.

Из этой постановки вопроса вполне естественно вытекала мысль, что революция не менее, чем обычная война, и даже гораздо больше нуждается в опытном штабе. Почему? Потому что

«гражданская война отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся — в силу перехода из одного лагеря в другой (то октябристы уйдут на сторону правительства, то часть войск уйдет на сторону народа), в силу невозможности провести грань между «комбатантами» и «некомбатантами», т. е. между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися. Когда правительство «бастует», когда полиция замирает в «стойке», война все же не прекращается именно потому, что она есть гражданская война, что внутри самого населения есть заинтересованные защитники старой власти и защитники свободы. Вот почему и теперешний подъем, который уравновесил силы, приводит опять-таки с железной необходимостью, с одной стороны, к ослаблению правительства, к «забастовке» его, к некоторому повторению «стойки над революцией», а с другой стороны, к возобновлению октябрьских, ноябрьских и декабрьских форм борьбы. Всякий, кто хочет сознательно относиться к великим событиям, развертывающимся перед нами, кто хочет учиться у революции, должен дать себе полный отчет в неизбежности этих форм борьбы, должен продумать те задачи, которые возлагаются на нас этими формами борьбы» [1].

А между тем рабочий класс ни в коем случае не может подходить одинаково к оценке любой войны.

Суть вопроса заключалась в том, что революция не менее всякой другой войны нуждается в организационном руководстве, которое в данном случае может и должна взять на себя партия пролетариата. Подчеркивание этой стороны вопроса является одной из характерных черт большевистской позиции в революции 1905 г.[2] Ленин пишет в брошюре «Две тактики»:

«Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы, но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-либо революцию? Сумеем ли мы воспользоваться правильностью нашего социал-демократического ученья, связью нашей с единственным до конца революционным классом — пролетариатом, для того чтобы наложить на революцию пролетарский отпечаток, чтобы довести революцию до настоящей решительной победы на деле, а не на словах, чтобы парализовать неустойчивость, половинчатость и предательство демократической буржуазии» [3].

Несомненно, что «научить революцию», наложить на нее «пролетарский отпечаток», довести ее до «настоящей решительной победы», — это и значило «организовать ее». Ленин отметал вульгарное понимание «организации революции» в смысле создания ее предпосылок. Разумеется, предпосылки революции искусственно не создаются, они являются результатом объективного процесса общественного развития. Но раз эти предпосылки уже даны, если начинающаяся революция — факт, то преступлением перед революцией

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 234.

[2] Здесь Ленин развивает и развертывает те положения, которые были им даны за несколько лет до революции в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» и в «Что делать». Сам Ленин неоднократно указывал на это обстоятельство, подчеркивая в полемике с меньшевиками, что идея вооруженного восстания и руководящей роли партии в нем всегда являлась одной из важнейших идей русской революционной социал-демократии, что разработка ее с самого начала была поставлена в связь с идеей гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и что поэтому позиция меньшевиков 1905 — 1907 гг. является прямым отходом от идейных и организационных основ РСДРП.

[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 304.

является забвение необходимости придать движению максимально организованный характер, сознательным вмешательством подготовить все, что может облегчить и обеспечить победу.

«Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь» [1].

В этом придании большого значения революционной воле на основе данной обстановки одна из характернейших особенностей большевизма. Задача «научить революцию» выражает большую требовательность к себе, к тем партиям и массам, которые эту революцию совершают. Здесь Ленин гениально развивает опыт и указания Маркса по поводу роли и задач пролетариата в революции 1848—1850 гг., когда в качестве одной из слабых сторон пролетариата Маркс как раз отмечал почти полное отсутствие действенного боевого авангарда партии.

Подобной требовательностью проникнуто все, что Ленин писал в этот период.

«Надо, чтобы руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее» [2].

Но особенно важно, чтобы революционный ведущий авангард не ограничивался одним только выставлением лозунгов, даже самых революционных.

Основная задача революционной партии — политическое действие. Ленин решительно боролся против педагогического высокомерия меньшевиков, которые умаление революционной активности пролетариата прикрывали призывами к воспитанию рабочего класса. В наброске статьи «О смешении политики с педагогикой» (июнь 1905 г.) Ленин во всю величину ставил этот вопрос.

«В политической деятельности социал-демократической партии всегда есть и будет известный элемент педагогики, — писал Ленин, — надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса... В этой повседневной деятельности есть, повторяем, известный элемент педагогики. Социал-демократ, который забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом» [3].

Но суть в том, что это только одна сторона вопроса, одна сторона социал-демократической деятельности. Воспитательная работа составляет необходимое условие работы социал-демократов при всяких обстоятельствах. Она является первоначальной «азбучной» работой. И поэтому при всей ее важности она не может исчерпать всех задач социал-демократии, задач политического действия, связанных с различными конкретными этапами движения. Ленин продолжал:

«Но у нас часто забывают теперь, что социал-демократ, который задачи политики стал бы сводить к педагогике, тоже — хотя по другой причине — перестал бы быть социал-демократом. Кто вздумал бы из этой «педагогики» сделать особый лозунг, противопоставлять

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 104.

[2] Там же.

[3] Ленин, Соч., т. VII, стр. 308—309.

ее «политике», строить на этом противопоставлении особое направление, апеллировать к массе во имя этого лозунга против «политиков» социал-демократии, тот сразу и неизбежно опустился бы до демагогии» [1].

Таким образом руководство движением, задачу организации революции большевики понимали как самую серьезную и ответственную задачу, связанную с организацией именно целеустремленного политического действия.

Само собой разумеется, что выполнение этой задачи не мыслилось большевиками иначе, как в самой тесной связи с борьбой миллионов, которой они придавали такое исключительное значение. Поэтому они считали необходимым не только «научить» революцию (в том смысле, в каком мы указывали выше), но и учиться у нее организовывать массы для движения вперед.

Как раньше в отношениях пролетариата к широким крестьянским массам, так и теперь в отношениях партии пролетариата к своему классу и его союзникам большевики видели и отмечали одновременно две стороны вопроса: 1) сознательность, действенность, организованность и 2) связь с широчайшим массовым движением.

Важнейшей практической проблемой, связанной с задачей организации революции, была проблема вооруженного восстания и образования Временного революционного правительства.

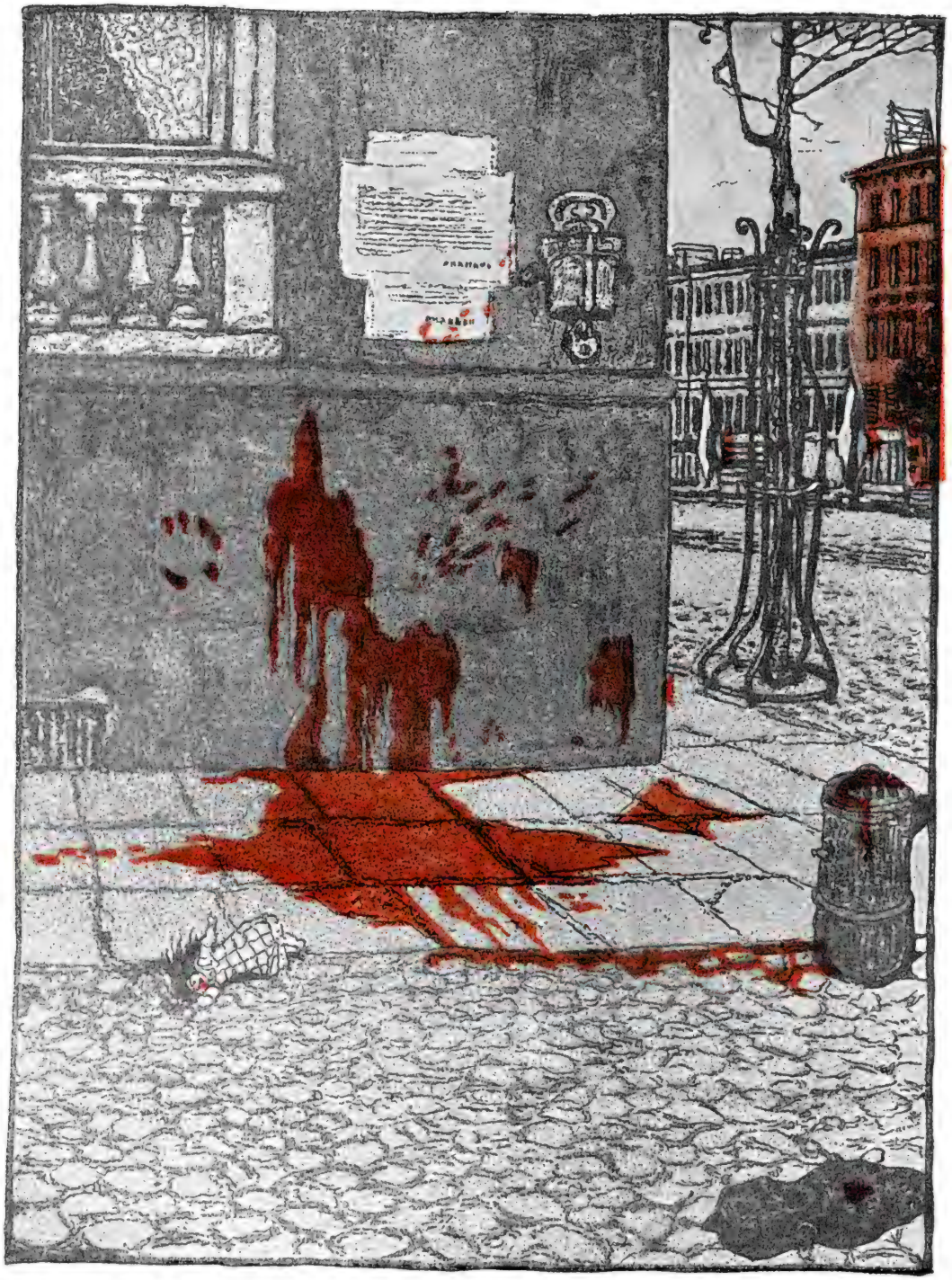
ж) ВОПРОС О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ И ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

В разделе о «доведении революции до конца» мы уже говорили, что большевики считали обязательным свержение монархии и установление демократической республики. Теперь к этому надо добавить, что единственным путем, который может действительно обеспечить такой результат, такую «решающую победу», большевики считали вооруженное восстание и создание Революционного временного правительства.

Вопрос ставился следующим образом. Новый общественный порядок в России должен быть установлен Учредительным собранием. Но как обеспечить демократические условия созыва и работы Учредительного собрания, как обезопасить Учредительное собрание от давления старого режима, который, будучи у власти, несомненно не оставался бы пассивным и нейтральным во всей процедуре выборов и дальнейшей работы народных представителей? На это большевики давали один ответ: только свержением царизма и созданием Революционного временного правительства, которое одно только и может обеспечить демократические условия выборов в Учредительное собрание, отражение реакционных давлений на него и выполнение его решений. Свержение же царизма вполне естественно может быть произведено только через вооруженное восстание, через прямой натиск масс на старую власть.

Мы не будем здесь развивать вопроса о восстании, который во всей своей подробности и конкретности входит в главы IX—XI о тактике партии. Здесь только важно подчеркнуть, что большевики считали восстание совершен-

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 309.



Октябрьская идиллия («Жупель № 1 1905 г.)

Забрызганный кровью угол дома, брошенная кукла и потеренная галоша молчаливо свидетельсвуют, что треповский приказ «патронов не жалеть» (наклеен на углу дома сверх манифеста о свободах) и после 17 октября остается в силе и является настоящим выразителем царской воли.

по необходимым условием свержения царизма, а свержение царизма — совершенно необходимым условием полной победы революции и создания демократического строя, который большевиками не мыслился иначе, как строй республиканский. Самый энергичный непосредственно-революционный натиск масс, самое энергичное давление «снизу» — без этого большевики не представляли себе победы революции.

Но основное принципиальное значение в большевистской позиции, ее отличительную черту составляло то, что большевики считали необходимым действие «снизу» соединить с действием «сверху». Обоснование необходимости «действия сверху» и его значения занимает виднейшее место в работах Ленина.

«Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает в последнем счете только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времен Парижской коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху: начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы этих действий» [1].

Так из большевистской оценки роли и задач пролетариата в революции 1905—1907 гг. непосредственно вырастал и соответствующий стратегический план организации и руководства революцией. Необходимость такого стратегического плана, необходимость «организовать революцию» и обеспечить партийное руководство ею определялись именно этой руководящей ролью пролетариата в революции, его большей, по сравнению со всеми другими классами, заинтересованностью в доведении ее до конца. С другой стороны, необходимость эта была связана с тем, что решительная победа над царизмом возможна была лишь при условии победы вооруженного восстания и создания временного революционного правительства, требовавших в свою очередь организованного руководства и действий «сверху». Эта мысль о необходимости сочетать стихийный революционный натиск масс и давление их на самодержавно-помещичий строй под руководством партии не только «снизу», но и «сверху» проникала собою все выступления, статьи и работы Ленина в период революции 1905—1907 гг. и все решения большевистских съездов, конференций и совещаний, отличая большевистскую линию в революции от революционного авантюризма эсеров и хвостизма меньшевиков.

Под действиями «сверху» Ленин подразумевал создание Временного революционного правительства, вырастающего из недр вооруженного восстания и опирающегося в своей деятельности на вооруженный народ, правительство, в котором допустимо участие пролетариата в лице с.-д. партии. Вопреки меньшевикам, выступившим сообразно их общей стратегической установке против организации вооруженного восстания и обвинявшим большевиков в бланкизме и увлечении «техникой», Ленин решительно и последовательно развивал план организации вооруженного

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 42.

восстания, настаивая на его разработке не только со стороны общеполитической, но и со стороны военно-технической, — в том убеждении, что вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, которые надо усвоить борющейся партии пролетариата. Эта мысль, подробно развитая Лениным впоследствии, в период подготовки Октябрьской революции, является руководящим началом ленинских высказываний о вооруженном восстании в период 1905—1907 гг. Ленин прямо ставит перед партией задачу подготовки и организации вооруженного восстания, отстаивая в противовес меньшевикам положение о возможности и необходимости назначения вооруженного восстания в определенный срок. В ряде статей того периода (в частности и в особенности в статьях «Две тактики», «О боевом соглашении для восстания», «Должны ли мы организовать революцию» и т. д.) Ленин разрабатывает проблему вооруженного восстания как важнейшую проблему организации революции, оценивая восстание как высшую форму нарастания революционного кризиса и политической борьбы и как необходимое условие победы революции. При этом разработку всех вопросов, связанных с проблемой вооруженного восстания и временного революционного правительства как органа этого вооруженного восстания и революционной войны против старого порядка, Ленин ведет под знаком руководящей, организаторской роли пролетарской партии, накладывающей на революцию свой «пролетарский отпечаток».

Вопрос о Временном революционном правительстве, его происхождении и задачах Ленин прямо связывал с проблемой вооруженного восстания и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которой мы коснемся ниже. По мысли Ленина Временное революционное правительство должно быть органом вооруженного восстания, создаваемым в процессе восстания и осуществляющим задачу доведения революции до конца.

Сущность и задачи Временного революционного правительства сам Ленин формулировал следующим образом:

«По своему происхождению и основному характеру это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению оно должно быть орудием созыва Всенародного учредительного собрания. По содержанию его деятельности оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа» [1].

Ленин был решительно чужд той мысли, которую склонны были развивать меньшевики, будто Временное революционное правительство должно явиться лишь органом осуществления исторических задач буржуазной революции. Участие представителей пролетариата во Временном революционном правительстве ведет к решительной ломке и свержению самодержавно-крепостнического строя, требует доведения революции до конца и подавления контрреволюционных попыток ради обеспечения наилучших условий для борьбы за социализм, а вовсе не означает необходимости осуществления только исторических задач буржуазной революции вообще.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 40.

Ибо исторические задачи буржуазной революции может, вообще говоря, осуществить и не «временное» и не «революционное» правительство, не правительство, являющееся по своей социальной природе органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Эти вполне назревшие экономически, социально и политически задачи могут быть осуществлены даже правительством, подавившим и победившим революцию.

«Пример любой европейской страны, — писал Ленин, — покажет вам, что именно ряд правительств, вовсе не «временных», осуществлял исторические задачи буржуазной революции, что даже правительства, побеждавшие революцию, вынуждены были все-таки осуществить исторические задачи этой побежденной революции» [1].

То, что отличает собою Временное революционное правительство от всех этих правительств, осуществивших в той или иной мере, в той или иной форме исторические задачи буржуазной революции, заключается в том, во-первых, что оно является органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, «по-плебейски» расправляющимся со старым порядком, доводящим революцию до конца и отстаивающим завоевания революции в борьбе с контрреволюцией в интересах пролетариата и крестьянства, и в том, во-вторых, что оно не столько заинтересовано в осуществлении исторических задач буржуазной революции вообще, сколько в обеспечении наилучших условий для последующего перехода и борьбы за социализм. Временное революционное правительство — и в этом состоит одна из его отличительных черт — является не органом «порядка», а органом вооруженного восстания и революционной войны. Будучи по своей социальной природе революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, Временное революционное правительство и по методу своих действий (плебейская расправа с самодержавием и контрреволюцией), и по характеру и направлению своей деятельности (выполнение программы-минимум пролетарской партии), и по своей исторической роли (разрешение задач буржуазно-демократической революции в интересах трудящихся классов и обеспечение наилучших условий борьбы за социализм) коренным образом отличается от правительств, являвшихся и являющихся органом осуществления исторических задач буржуазной революции вообще. Этим и определяется отношение пролетарской партии к Временному революционному правительству. Партия пролетариата — РСДРП — может и должна принять активное участие в этом правительстве, осуществив в нем интересы рабочего класса, заключающиеся в наиболее последовательном и решительном доведении революции до конца ради создания наилучших условий для борьбы за социализм. Попытку меньшевиков исказить социальную природу Временного революционного правительства, провести различие между революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства и Временным революционным правительством, попытку, связанную с их общей позицией в вопросе об участии социал-демократов во Временном революционном правительстве, Ленин рассматривал поэтому как яркое выражение антимарксистской политической методологии и оппортунизма меньшевиков.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 51.

з) УЧАСТИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ВО ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

На основе всего изложенного легко представить себе, как должны были относиться большевики к вопросу о допустимости участия социал-демократов во Временном правительстве. Признавая, с одной стороны, что пролетариат самым тесным образом заинтересован в проведении решительной буржуазной революции и что, с другой стороны, учреждение Временного правительства совершенно необходимо для победы революции, вполне естественно было сделать вывод, что социал-демократы не могут стать на позицию принципиального отказа от вхождения во Временное правительство, хотя бы оно по существу являлось правительством буржуазной демократии. Между Временным правительством и всяким иным демократическим правительством стран Запада большевики видели то принципиальное отличие, что Временное правительство должно было явиться органом р е в о л ю ц и о н н о й демократии, ведущей борьбу со старым порядком, а не органом половинчатой буржуазии, сопротивляющейся натиску социалистического пролетариата.

Третий (большевистский) съезд партии принял поэтому постановление, допускающее вхождение представителей социал-демократии во Временное правительство.

«В зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в ц е л я х б е с п о щ а д н о й б о р ь б ы с о в с е м и к о н т р р е в о л ю ц и о н н ы м и п о п ы т к а м и и о т с т а и в а н и я с а м о с т о я т е л ь н ы х и н т е р е с о в р а б о ч е г о к л а с с а» [1].

Признавая возможным участие социал-демократов во Временном правительстве, съезд вместе с тем строго оговаривал необходимость проведения со стороны представителей социал-демократии строгой классовой политики.

«Необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям» [2].

Съезд оговаривал конечно, что «действие сверху», каким является участие социал-демократов во Временном правительстве, ни на одну минуту не должно заслонять необходимости активнейшего массового «действия снизу».

«Независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во Временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции» [3].

Следует особо отметить, что, ставя вопрос об участии социал-демократов во Временном правительстве, большевики и Ленин строго отличали этот вопрос от вопроса о так называемом «захвате власти». В «Двух тактиках» Ленин решительно отмежевывался от всяких истолкований резолюции съезда в смысле «завоевания власти пролетариатом».

---

[1] Третий очередной съезд РСДРП 1905 г., Гиз, 1924, стр. 520. Разрядка наша. — *Ред.*

[2] Там же.

[3] Там же.

«Завоевание власти социал-демократией есть именно социалистический переворот и не может быть не чем иным, если употреблять эти слова в их прямом и обычном значении» [1].

Теперь мы должны рассмотреть, как ставился вопрос о перспективах перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

и) РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА.

Для уяснения большевистской оценки характера революции 1905 г. необходимо остановиться на сформулированном Лениным лозунге: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Самым ближайшим образом лозунг «революционно-демократической диктатуры» связан с большевистским представлением о Временном правительстве и об участии в нем социал-демократии. Такое Временное правительство и должно было являться конкретным воплощением того, что в социально-классовом смысле можно было назвать демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

«Отношение между указанными понятиями на самом деле,—говорил Ленин,—приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «Временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, временный характер правительства, связанного будущим Учредительным собранием. Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение, каковы бы ни были условия, ясно во всяком случае, что Временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь, чтобы видеть, что Временное революционное правительство не может быть «не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства» [2].

Ясно, следовательно, что революционно-демократическая диктатура есть прежде всего боевой союз пролетариата с революционным крестьянством. Почему революция должна привести к диктатуре? Потому что без диктатуры нельзя победить в длительной и упорной борьбе, которая предстоит революции.

«Ведь если мы, революционный народ, т. е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его», — пишет Ленин. В случае победы революции потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отстоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства» [3].

Ленин неоднократно подчеркивает мысль о том, что революция — длительный процесс, что борьба затянется, что предстоит целая эпоха революционных битв. Победа революции, говорит он,

«будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразова-

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 43.
[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 201.
[3] Там же, стр. 199

ний, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно» [1].

Ленин решительно боролся против вульгарно-буржуазного изображения диктатуры либералами, полностью повторяемого меньшевиками.

С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Мартынова, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Вперед» и «Пролетария» к лозунгу диктатуры тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья»...

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9 января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения о парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры» [2].

Но, говоря о диктатуре, имеет ли в виду здесь Ленин социалистическую диктатуру? Отнюдь нет.

Исходя из соответствующих высказываний Маркса в связи с германской революцией 1848 г., Ленин пишет:

«По содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 г. революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к *демократическому* перевороту: защита от контрреволюции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа. Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура...

С соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма, все эти положения целиком применимы и к России 1905 г. Несомненно, что, извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем притти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство» [3].

Почему эта диктатура будет демократической, а не социалистической? Этот вопрос теснейшим образом связан с формулой «*диктатура пролетариата и крестьянства*». Объединение этих двух классовых сил показывает, какой характер должна носить их совместная диктатура. Поскольку здесь крестьянство берется в целом как класс, постольку не может быть и речи о социалистическом характере этого крестьянского движения, направленного против помещиков-крепостников. Движение крестьянства есть буржуазно-демократическое движение. Перепрыгнуть через это движение пролетариат не может. Как класс, организующий революцию, он должен ее организовать

---

[1] *Ленин*, Соч., т. VIII, стр. 62.

[2] Там же, стр. 119—120.

[3] Там же, стр. 121—123.

на почве наиболее острых социальных противоречий современности, по линии борьбы за те требования, которые являются наиболее насущными для классов, входящих в состав движущих революцией сил. В царской России это означало вести в бой в с е крестьянство под лозунгами конфискации помещичьей земли и демократической республики.

Говоря об объективных условиях, не позволявших революции н е п о с р е д с т в е н н о выйти за рамки демократической диктатуры, Ленин всегда указывал при этом и на субъективный момент.

«Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса» [1].

Но ставить так вопрос — отнюдь не значит «ограничивать» революцию буржуазными рамками.

«...В ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики... Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократически настроенные массы народа, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами, — и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований» [2].

Не поддающаяся кривотолкам формулировка относительно соотношения между демократической и социалистической диктатурой дана Лениным в следующих словах:

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм» [3].

При этом революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства Ленин мыслил как обостренную и длительную борьбу, а не как однократный акт. Ниже мы подробно остановимся на этих «этапах» развития революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В ходе развития революционных событий отношение классов изменится. В новой борьбе против старого мира выступит новый союз. Отсюда и общий итог, к которому приходил Ленин, был следующий:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 40—41.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 84 и 85.

[4] Там же, стр. 96.

г) РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА.

Оценивая характер и движущие силы русской революции, Ленин предметом анализа брал прежде всего внутренние силы русской революции. Об этом сам он ясно заявляет. Так, в «Двух тактиках» совершенно определенно высказана та мысль, что для того, чтобы революционная власть могла удержаться, она должна опереться на определенные внутренние силы российской революции прежде всего.

В цитированной нами брошюре «Две тактики» Ленин еще раз замечает.

«Оставим в стороне силы внешней политики, международных комбинаций, которые сложились очень выгодно для нас теперь, но которые мы все исключаем из рассмотрения, и исключаем справедливо, поскольку вопрос идет о внутренних силах России» [1].

Несомненно, что такой подход к анализу перспектив революции был вполне правилен. Но из этого не следует, что Ленин игнорировал международную обстановку и не придавал ей значения. Напротив, Ленин уделял очень большое внимание вопросам о взаимных влияниях, которые могут оказать друг на друга русская революция и западно-европейские страны. Сам Ленин, подчеркивая необходимость анализа внутренних сил в первую очередь делал это, однако, лишь постольку, поскольку ему важно было доказать, что у русской революции с точки зрения внутренних ресурсов достаточно сил для победы, но при этом Ленин тут же категорически подчеркивал, насколько важна для русской революции благоприятная международная обстановка.

В представлении Ленина русская революция должна была сыграть крупнейшую роль в развитии всех стран в сторону революционизирования [2]. Русский царизм теснейшим образом связан с западно-европейской буржуазией. Времена, когда царизм был пугалом буржуазии, прошли безвозвратно. Соотношение классовых сил в Западной Европе коренным образом изменилось. Буржуазия окончательно перестала быть революционной. Поэтому и переменилось ее отношение к «международному жандарму» — царизму. Последний не перестал играть роль жандарма, но теперь уже буржуазия сама использует его как своего слугу. Свержение царизма наносит поэтому сильный удар международной буржуазии.

Но, нанося удар международной буржуазии, русская революция вместе с тем оказывает посильную помощь мировому пролетариату. Победа революции в России способна значительно приблизить победу мировой революции. В особенности велика ее роль в этом отношении для колониальных и зависимых стран Востока, которые будут выведены из своей многовековой спячки.

Тем самым русская революция связывалась с мировой как ее звено.

Из особенностей международного положения России большевики делали два основных вывода. Во-первых, большевики отмечали увеличение шансов на победу русской революции как следствие того, что Россия окружена высокоразвитыми странами с зрелым пролетариатом и назревающей социалистической революцией.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 93—94.

[2] Известно, что Маркс неоднократно высказывал эту же точку зрения на русскую революцию.

«Франция конца XVIII в. была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX в., совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией», говорил Ленин на IV съезде партии [1]. В иной форме ту же мысль выразил Ленин в уже цитированной нами раньше заметке «Революция типа 1789 или типа 1848 гг.».

«У нас международная конъюнктура выгоднее, ибо пролетарская Европа сделает помощь русской монархии со стороны монархов европейских невозможной» [2].

Во-вторых, указывалось, что международное значение русской революции накладывало большую ответственность на руководящие силы этой революции, так как от них зависит, приобретет ли русская революция достаточный размах, чтобы оказать влияние на окружающие страны.

Большевики подчеркивали, что при сложившейся обстановке, т. е. при данном соотношении внутренних сил и данной международной ситуации, русский пролетариат должен взять на себя инициативу, должен начать революцию и развивать ее возможно дальше, к революционной диктатуре, не дожидаясь начала революции на Западе. Последняя может быть ускорена только борьбой русского пролетариата, а не ожиданием.

Ленин писал:

«Мы должны... давать практические лозунги не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения» [3].

Но следует напомнить, что большевики призывали русский пролетариат к революции не просто из общих революционных стремлений, а потому, что соотношение внутренних сил России это позволяло. Без этого условия такой призыв был бы не большевистским, а авантюристским. Большевизм немыслим вне трезвого революционного учета обстановки.

Большевики предусматривали и обратное влияние международной социалистической революции на русскую революцию. Победа мирового пролетариата должна была бы, по мнению большевиков, укрепить позицию русского пролетариата, создав ему прямую возможность перехода от демократической революции к социалистической. Здесь мы вплотную подошли к ленинской теории перерастания, ленинской теории перманентной революции.

л) ЛЕНИНСКАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ПЕРЕРАСТАНИИ РЕВОЛЮЦИИ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ В РЕВОЛЮЦИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ В 1905—1907 гг.

1. Что Ленин понимал под «перерастанием».

Вопрос о перерастании революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую со всей полнотой был поставлен большевиками в 1905—1907 гг. Однако большевистская точка зрения на перерастание ничего общего не имела с меньшевистско-троцкистской теорией перманентной революции. Известно также, что о перманентной революции писали в этот период Троцкий и меньшевики. Одно время в литературе Троцкого принято было считать чуть ли не «творцом» учения о непрерывной революции. На самом

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 150.

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 181—182.

[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 84. Подчеркнуто Лениным. — *Ред.*

же деле между меньшевиками и Троцким, с одной стороны, Лениным и Марксом, подлинными творцами теории перманентной революции, — с другой, в вопросах теории перманентной революции сходство лишь чисто терминологическое. Различие же глубоко принципиальное, методологическое в оценке революции и ее движущих сил.

У Троцкого, несмотря на все разговоры о «перманентности», о т с у т с т в у е т именно какой бы то ни было анализ перехода от одного этапа революции к другому и от буржуазно-демократической революции в целом — к социалистической, ибо у Троцкого даются, и притом неверно даются, только «концы и начала». Уже в самых первых статьях, относящихся к революции 1905—1907 гг., а в особенности в классической работе Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» анализируются три следующих важнейших момента теории перманентной революции: вопрос о внутренних силах революции, о взаимоотношении русской революции и революции мировой, и о роли и задачах авангарда — партии — в революции. Однако полную и развернутую схему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую мы находим лишь в вышецитированном ленинском документе «Этапы, направление и перспективы революции» (написанном в конце 1905 или в начале 1906 г.).

В связи с этим обстоятельством важно подчеркнуть, что основные мысли «Этапов», притом буквально в тех же выражениях, мы находим в статьях Ленина начала 1905 г., в особенности в статье о «Временном революционном правительстве». Там прямо сказано:

«Нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся— тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда..., но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков» [1].

«Этапы, направление и перспективы революции» являются документом исключительной силы и значимости, и мы приводим его полностью:

«1) Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и б у д и т либеральную буржуазию: 1895—1901/02.

2) Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и п р и с о е д и н я е т политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии: 1901/02—1905.

3) Рабочее движение разгорается в прямую р е в о л ю ц и ю, причем либеральная буржуазия уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но р а д и к а л ь н ы е элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для п р о д о л ж е н и я р е в о л ю ц и и: 1905 (особенно конец).

4) Рабочее движение побеждает в д е м о к р а т и ч е с к о й революции, при пассивном выкидании либералов и при активной поддержке к р е с т ь я н с т в а. Плюс радикаль-

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 191.

ная, республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана.

(«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».)

5) Либеральная буржуазия, выжидательная в 3-м периоде, пассивная в 4-м, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату.

6) На почве отношений, сложившихся в период 5-й, растет и разгорается новый кризис и новая борьба, причем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849/50 г. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат.

Итак, в этой стадии либеральная буржуазия и зажиточное (отчасти среднее) крестьянство организуют контрреволюцию. Российский пролетариат плюс европейский пролетариат организуют революцию.

При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадежно. Вторая победа будет социалистическим переворотом в Европе.

Европейские рабочие покажут нам, «как это делается», и тогда мы вместе с ними сделаем социалистический переворот» [1].

В этом документе не игнорируется ни один из этапов, ни одна из ступеней подготовки и развития революции на новый более высокий этап революции, означающий новую соответствующую расстановку классовых сил. Из этого документа ясно, что самый вопрос о перерастании буржуазной революции в революцию социалистическую имеет место лишь при таком размахе революции, когда победа буржуазной революции принимает конкретное воплощение в диктатуре пролетариата и крестьянства, когда демократическая диктатура, отстаивая себя от сил реакции, как русских, так и международных, вызывает к жизни и ободряет все антагонизмы, таящиеся в капиталистическом мире. Борьба на расширенной основе за отстаивание демократической диктатуры социальных низов и ведет к переходу, к перерастанию одной диктатуры в другую. Вовлечение новых мировых классовых сил вливает новое содержание и в борьбу. Этот же документ отвечает на очень важный вопрос, когда и как складывался «ленинский план».

Необходимо отметить, что некоторые товарищи утверждали в литературе, что не только истоки идеи перерастания, но и весь ленинский план перерастания дан полностью чуть ли не в первых его работах, например в «Друзьях народа», написанных в 1894 г. Какую ошибку здесь совершают эти товарищи? Они смешивают два, хотя и связанных, но самостоятельных вопроса: общую постановку вопроса о значении борьбы за буржуазно-демократическую революцию в интересах окончательной победы социализма, в частности и в особенности тщательнейшую разработку этого вопроса для России у Ленина, — с вопросом о перерастании революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую, конкретную разработку которого Ленин дает, по вполне понятным причинам, лишь в 1905 — 1907 гг.

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 424—427.

Известно, что разработка вопроса о наличии двух войн в борьбе против крепостничества и против капитализма и о значении первой войны против крепостничества в интересах войны второй, прошла в русском марксизме через два этапа: а) разработки вопроса о значении политической борьбы для социализма в борьбе с народниками; б) разработки этого же вопроса внутри самого марксизма. В обоих этих этапах, начиная с 90-х годов, выделялась та особая ленинская линия, по которой впоследствии прошел водораздел между большевиками и меньшевиками по одному из важнейших вопросов русской революции.

Можно сказать, что эта проблема действительно получает у Ленина свою правильную разработку в крупнейших произведениях 90-х и 900-х годов. Это естественно и понятно, ибо Ленин, с исключительной глубиной и блеском, как никто из российских марксистов того периода, разрабатывал вопрос о конкретных исторических особенностях предстоящей революции, пользуясь методом и богатейшим наследием Маркса и Энгельса и углубляя на новой основе их учение. Когда Плеханов провозгласил на I конгрессе II Интернационала, что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих», то это имело, разумеется, очень большое значение для развития марксизма в России, но вместе с тем имело совершенно определенное исторически ограниченное значение общей формулы, направленной против народников и имеющей тот смысл, что в России, как и на Западе, человек «будущего»—не «мужик», как думали народники, а рабочий. Применительно к русским условиям из этой формулы можно было сделать в будущем и меньшевистские и большевистские выводы. Меньшевики в 1905—1907 гг. вместе с Плехановым в своей тактике пытались опереться на эту общую формулу в доказательство того, что именно их тактика и есть ортодоксально-марксистская. Троцкий в своих «Беглых заметках о Плеханове» доказывал, что из этой формулы вытекает троцкистская теория перманентной революции. Огромная заслуга Ленина в том, между прочим, и заключается, что он не ограничился общей плехановской формулой, за которую цеплялись и меньшевики, не умея не только конкретно правильно применить ее, но даже правильно поставить вопрос о значении первой войны в интересах перерастания. Ленин совершенно конкретно разработал вопрос о значении первой войны против крепостничества в русских условиях для борьбы за социализм. Поэтому для выяснения ленинских взглядов на перерастание имеет огромное значение ленинский анализ первой войны, данный еще в девяностых годах прошлого столетия.

В других работах, написанных значительно ранее 1905 г., мы имеем отчетливое представление о пролетариате-гегемоне, роли крестьянства, буржуазии, т. е. разработку того круга проблем, которые входят в теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, — теории, которая сыграла такую крупную роль в 1905 г. и по линии которой произошло размежевание в рядах социал-демократии. Так исторически складывался этот «план» у Ленина.

Ленинская теория перерастания вытекает непосредственно из учета специфических исторических особенностей российской буржуазно-демократической революции. Сжато эти особенности сводятся к тому, что революция

1905 г. — одна из последних в Европе буржуазно-демократических революций, при которой сама буржуазия не может играть роли движущей силы, ибо — это революция крестьянская, руководимая пролетариатом. Эта революция совершается в такой международной обстановке, когда рабочий класс поставил в порядок дня борьбу за социалистическую революцию, или точнее, когда в Европе условия для такой революции созрели в полной мере и относительно созрели в России.

Крестьянская революция 1905 г., руководимая пролетариатом, совершаемая в благоприятной международной обстановке, может перерасти в социалистическую при трех непременных условиях.

1. Если «плебейская расправа» со старым порядком будет проведена с максимальной полнотой и силой, иными словами, если установится «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Такая пролетарско-крестьянская диктатура имеет двоякие задачи — борьбу с «прошлым» и борьбу за «будущее». Первая задача — ликвидация «прошлого» самодержавия, крепостничества, монархии, привилегий — совершается в союзе со всем крестьянством. Вторая задача — борьба за «будущее» — предполагает борьбу против строя частной собственности, борьбу наемного рабочего с хозяином, борьбу за социализм. Она исполняется в союзе с пролетарскими и полупролетарскими элементами деревни, при нейтрализации среднего крестьянина.

2. Если полная победа буржуазно-демократической революции поднимет социалистическую Европу, то

«европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, поможет нам совершить социалистический переворот» [1].

3. Если пролетариат будет организован в партию, которая руководствуется в своей деятельности принципами революционного марксизма. Этой задаче, можно сказать, с первых же шагов своей деятельности Ленин отводит центральное место [2].

Итак, по Ленину, Россия 1905 г. характеризуется двумя типами войны, — войной в недрах крепостнического строя и войной в недрах рождающегося нового общественного буржуазного строя. Второй тип войны, знаменующий собой борьбу наемного труда и капитала, в 1905 г. еще требует для окончательного своего развития и торжества помощи «не русского резерва», т. е. помощи социалистического пролетариата Европы. Ленин таким образом устанавливает как инициативную, так и выдающуюся роль российской революции для дела борьбы европейского пролетариата за социализм. На этом вопросе следует остановиться несколько подробнее.

Ленин в 1905—1907 гг. прямо ставил вопрос о том, что в тот период (1905—1907 гг.) без «Запада» русский пролетариат не сможет непосредственно совершить социалистической революции. Да это и совершенно понятно, поскольку материальных предпосылок для такого переворота в России еще тогда не было. Монополистической стадии русский капитализм в 1905 г. еще не достиг.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 83.

[2] Между прочим, в 1929 г. некоторые товарищи в своих выступлениях по теории «перерастания» умудряются обходить этот вопрос. — *Ред.*

Из этого отнюдь не следует, что и самого вопроса о диктатуре пролетариата и социалистической революции для России Ленин не ставил.

«От революции демократической мы сейчас же начнем переходить, и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути...

Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевенькой популярностью, мы сможем сказать и говорим л и ш ь о д н о: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, ч т о б ы т е м л е г ч е было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической» [1].

Поэтому совершенно неправ был в свое время А. Слепков, который в полемике со Сталиным писал о том, что Сталин ошибается, когда считает, что вопрос о социалистической революции для России был выдвинут Лениным в 1905 г. Здесь Слепков, совершенно не поняв диалектичности в ленинской постановке вопроса о соотношении буржуазной и социалистической революции для России в 1905—1907 гг., сбивался в сущности на троцкистское обвинение в «самоограничении» большевиков [2].

Попытки троцкистов опереться в споре с партией на выступление Ленина на IV партийном съезде вскрывают основной грех троцкизма — неумение разобраться в различных условиях борьбы за отстаивание демократического переворота и переворота социалистического и совершенном непонимании разницы между 1905—1907 гг. и периодом после Октябрьской революции, когда создались уже условия не только для социалистической революции в России, но и для построения социализма в одной нашей стране.

Выступая по вопросу о «гарантиях от реставрации», поднятому на IV съезде партии во время дискуссии по аграрному вопросу меньшевиками, которые пытались поставить этот вопрос о «гарантиях» оппортунистически, Ленин говорил:

«Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик при всех и всяческих формах владения и собственности будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата, и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе» [3].

Надо быть слепым или сознательно закрывать глаза, чтобы не заметить, что Ленин говорит о недостаточности сил у одной демократической диктатуры («демократической республики»), чтобы отстоять себя, а не о возможности отстоять себя победившей социалистической диктатуры пролетариата.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 186—187.

[2] См. «Большевик» № 9, 1924 г. Эту же неверную точку зрения А. Слепков повторяет в своей брошюре «Революция 1905—1907 гг.», Гиз, 1925 г.

[3] Л е н и н, Соч., т. IX, стр. 150.

Ленин говорил о двух гарантиях от реставрации: абсолютной и относительной, условной. Абсолютной гарантией от реставрации он считал социалистический переворот на Западе.

«Если же, — говорил он в том же заключительном слове, — поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т. е. если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца» [1].

Под относительной или, как иначе говорил Ленин, под временной и условной гарантией от реставрации Ленин понимал создание таких условий, которые бы в максимальной степени способствовали сохранению завоеваний демократической революции. Больше взять, дальше продвинуться, — вот в чем смысл ленинской постановки вопроса об относительной гарантии от реставрации.

Троцкий в своих работах потратил много сил, чтобы в совершенно извращенном виде представить концепцию большевизма в 1905 г., в особенности в вопросе о перерастании. Он всюду в своих работах ставит на одну доску меньшевиков и большевиков, которых, по его мнению, объединяло одинаковое представление о буржуазном характере русской революции. Замазывание принципиальных отличий меньшевизма и большевизма в 1905 г., замазывание вопроса о ленинской формуле «перерастания» — вот что характеризует троцкистские высказывания по этому вопросу, как это мы увидим ниже. Было бы ошибкой думать, что такая точка зрения характеризует позицию Троцкого лишь до 1917 г. Ничего подобного. Известно примечание Троцкого, написанное им в 1922 г. к книге «1905 г.», об идейном перевооружении большевизма в 1917 г. Возьмем также к примеру предисловие Троцкого к брошюре «Итоги и перспективы», написанное в 1919 г. Формулируя разногласия большевиков и меньшевиков в 1905 г., Троцкий так определял позицию большевиков:

«Точка зрения большевиков, признавая неизбежность буржуазного характера грядущей революции, в качестве задач ее выдвигала создание демократической республики путем диктатуры пролетариата и крестьянства».

Повторяем, что это писалось в 1919 г., и надо только удивляться «упрощенству», мягко выражаясь, в изложении точки зрения большевиков. По приведенной квалификации большевизм в 1905 г. выглядит революционно-демократическим течением политической мысли. Здесь Троцкий как бы подкрепляет «пророчество» Аксельрода, Потресова и других о том, что из недр социал-демократии выдвинутся идейные кадры буржуазной демократии, а большевики являются ближайшими кандидатами в эти кадры. Нет нужды после всего изложенного выше доказывать несостоятельность подобных утверждений. Точка зрения большевиков сводилась к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую и вовсе не к ограничению революции буржуазными рамками, как это доказывает Троцкий, а вслед за ним и другие.

[1] Там же, стр. 150—151.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К V ГЛАВЕ.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ОЦЕНКОЙ ХАРАКТЕРА И ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ.

I. Общее введение: Меньшевизм и различные течения в нем.

II. Оценка характера и движущих сил у меньшевиков.

а) Меньшевистское понимание буржуазной революции.
б) Меньшевистская расстановка классовых сил.
в) Меньшевистское понимание роли партии в революции.

III. Меньшевизм и вопрос об «организации революции».

а) Меньшевизм и вопрос об организации революции не только «снизу», но и «сверху».
б) Меньшевизм и вопрос о революционном Временном правительстве и вооруженном восстании.
в) Меньшевистское понимание «доведения революции до конца».

IV. Меньшевизм и «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

а) Союз пролетариата с городской буржуазной демократией, как основной лозунг меньшевизма.
б) Лозунг «революционных местных самоуправлений» у меньшевиков.

ЛИТЕРАТУРА:

Основной работой, характеризующей меньшевизм в этот период, является брошюра А. Мартынова «Две диктатуры»; остальная литература в тексте.

ГЛАВА V.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ОЦЕНКОЙ ХАРАКТЕРА И ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ.

а) ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕНЬШЕВИЗМА.

Если взгляды большевиков на характер и движущие силы революции характеризуются полным единством принципиального подхода к оценке развертывающихся событий, совершенно свободны от внутренних противоречий и образуют в целом стройный и выдержанный стратегический план революционной борьбы пролетариата, то совершенно противоположные свойства обнаруживает в этом отношении точка зрения меньшевиков. Материал, характеризующий позицию меньшевиков, изобилует внутренними противоречиями и обнаруживает непоследовательность и колебания, свойственные мелкобуржуазной природе меньшевизма.

Непоследовательность и противоречия меньшевистской позиции, отсутствие единства в ней объясняются прежде всего тем, что меньшевизм являлся целой системой политических взглядов, внутри которой всегда существовали различные оттенки и разновидности. В главе II мы говорили о своего рода «трех течениях» меньшевизма, беря последний в широком историческом разрезе, охватывающем всю предшествующую нашей революции эпоху. В отношении периода 1905—1907 гг. тоже можно говорить о своего рода «трех течениях» меньшевизма, только в несколько ином конкретном соотношении. Но, обрисовывая различные группировки внутри меньшевизма, мы сразу же подчеркиваем условность и относительность такого деления, важного, однако, и нужного нам для того, чтобы помимо сплошной общей критики меньшевизма суметь проследить источники его «законных течений». Эти «оттенки мнений», между прочим, лучше объясняют колебания и шатания мелкой буржуазии в тот или иной период, лучше оттеняют «правые», «центристские» и «левые» настроения мелкобуржуазной идеологии, просачивающейся иногда даже и в нашу партию. Такое разграничение тем более необходимо, что у нас при практиковавшемся иногда упрощенном изображении меньшевизма, особенно перед молодыми членами партии, недооценивалась возможная «амплитуда» колебаний среди новоискровцев.

Первое течение представлялось Аксельродом и Плехановым. Если, вообще говоря, между политической линией Аксельрода и Плеханова существовала разница, например, на II съезде партии или в эпоху ликвидаторства, то в

разбираемый нами период эта разница сводилась к минимуму. Плеханов еще в 1904 г. отметил свое согласие с тактической линией Аксельрода. В 1905—1907 гг. он это согласие продемонстрировал с полной наглядностью. Больше того, Плеханов выдвинулся на первый план как защитник правоверно-меньшевистской тактической линии. Аксельрод, всегда игравший доминирующую роль в выработке политической линии, в определении новых путей меньшевизма, обычно держался как-то в тени, мало писал и мало выступал [1].

Плеханов же писал в этот период много и подробно, занимая боевые позиции в меньшевистском руководстве. Политические статьи Плеханова этого периода поражают своим открытым оппортунизмом. Та линия, которую защищал Плеханов, была самой крайней правой линией меньшевизма. В своем последовательном развитии она привела к тому, что записано в истории под именем «ликвидаторства» [2]. Сам Плеханов отшатнулся от ликвидаторства, отмежевался от него. Но это не меняет факта, что между позицией, которую он занимал в 1905—1907 гг., и между позицией ликвидаторов существует самая близкая идейная связь. Предательство ликвидаторов было последовательным выводом из того, что в период революции говорил Плеханов.

Второе течение меньшевизма представляли Мартов, Мартынов, Дан и некоторые другие, менее известные, новоискровские литераторы. Определенно самостоятельной позиции у него не было. Оно выделяется нами как среднее течение («центр»), жмущееся то к одному — аксельродовскому, череванинскому, то к другому — меньшевистскому берегу, известному под именем «теории перманентной революции Парвуса — Троцкого», о котором ниже. В основе, конечно, и Мартов, и Мартынов, и Дан были аксельродовцами, но аксельродовцами неустойчивыми, способными под влиянием определенных событий заговорить другим голосом, чем обычно. Поэтому с полным правом можно сказать, что цепь — Аксельрод, Плеханов, Мартов, Мартынов, Дан и др. — ликвидаторы — характеризует содержание и путь этих двух течений меньшевизма: наиболее последовательных в своем оппортунизме течений.

Третье течение меньшевизма представляли Парвус и Троцкий. Их позиция, получившая название «троцкистской теории перманентной революции», вошла в историю как особая, якобы надфракционная позиция и освещается у нас в отдельной главе. Но по существу линия Парвуса и Троцкого не может быть иначе охарактеризована как одно из течений меньшевизма. Так ее характеризовал и Ленин. До 9 января, как мы уже видели, Троцкий был и организационно связан с меньшевиками, ничем не отличаясь от них [3]. После

---

[1] На IV съезде партии Аксельрод, обосновывая тактику меньшевиков, говорил, между прочим, что он «не склонен к полемике потому, что... не умеет полемизировать».

[2] Одним из проявлений открытого ликвидаторства в революции 1905—1907 гг. является брошюра Череванина «Пролетариат в революции». Благодаря этой брошюре имя Череванина стало синонимом предательства. Но и это самое крайнее предательское выступление Череванина было под большим влиянием идей Аксельрода—Плеханова, их тактики, их политики. Череванин только откровенно выбалтывал то, что было на уме у всех меньшевиков. Ниже это будет доказано со всей очевидностью.

[3] См. главу II наст. тома. — *Ред.*

9 января, несмотря на некоторое отличие своей позиции и полемику с «Искрой», он этой связи не порывал. Не порывали с ним и меньшевики. Дальше мы покажем, что и по с о д е р ж а н и ю позиция Троцкого и Парвуса была не более как разновидностью меньшевизма, хотя в этот период троцкизм некоторыми своими чертами приближался к большевизму. («Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата».—Л е н и н). В недрах меньшевизма троцкизм был самым «крайним левым» течением. Это была специфическая «левизна», которой были подвержены в общем в тот или другой момент все меньшевики, но которая особенно ярко сказывалась у «перманентников» Троцкого — Парвуса. Поэтому и остальные меньшевики сочувственно относились к этой «оригинальной» теории, как отзывался о ней Ленин.

Говоря о «левизне» меньшевиков, мы имеем в виду одну из отмеченных Лениным черт [1], объясняющих противоречивость и запутанность меньшевистской точки зрения. Это — и м п р е с с и о н и з м меньшевиков, неустойчивость их принципиальной линии и характерная для мелкой буржуазии готовность под влиянием минуты бросаться из одной крайности в другую, переходить от оппортунизма к авантюризму. Сегодня, на подъеме революции, «Начало помчало» прямо от царского самодержавия к рабочему правительству, завтра — разговоры о врастании в столыпинскую монархию. По поводу отношения Парвуса к Булыгинской думе Ленин писал:

«Без царя и правительство рабочее!—кричал Парвус под впечатлением 22 (9) января. Без народа и дума либеральная! — вот к чему сводится его теперешняя «тактика» после 19 (6) августа. Нет, товарищ, на настроении минуты, на раболепстве перед минутой мы не будем строить своей тактики!» [2].

Революция 1905—1907 гг. с ее периодами подъема, успехов, неудач и упадка соответственным образом влияла на меньшевиков, заставляя их менять свою линию. Но вся суть вопроса заключается в характере изменения тактической линии. Большевики тоже совершали тактические повороты. Но это были, действительно, буквально т а к т и ч е с к и е повороты. Они сводились к известным изменениям методов борьбы, не затрагивающим основной принципиальной линии, основного стратегического плана под влиянием событий. Меньшевики же просто бросались из одной крайности в другую, ломая то подобие стратегического плана, который они имели. Окрыленные успехами, они готовы были перешагнуть через все реальные препятствия. Подавленные поражениями, они сдавали все, даже и то, за что можно и нужно было бороться.

Выступая вначале вполне заодно с Аксельродом, Мартов, Мартынов и Дан в октябрьско-декабрьский период в очень горячих выражениях заявили себя сторонниками «перманентной революции». Но подобные колебания были свойственны всем течениям меньшевизма. В дни потемкинского восстания Плеханов, напр., осуждал матросов за недостаточную решительность, делал призыв к дальнейшему развитию восстания и выражал уверенность в его

[1] См. выше гл. II наст. тома. — *Ред.*

[2] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 227.

победе. С другой стороны, Парвус, как мы видели, в вопросе об отношении к Булыгинской думе занял крайне правую антибойкотистскую позицию. А Плеханов по поводу крестьянских волнений писал, напр., следующее:

«Мы должны помнить, что если бы в самом деле совершился тот «черный передел», о котором давно толкуют русские крестьяне и о котором в конце семидесятых годов мечтала также значительная часть русских революционеров, то в этом факте не было бы ровно ничего социалистического. Напротив, он был бы апогеем буржуазной революции и дал бы новый, чрезвычайно сильный толчок давно уже начавшемуся... расслоению деревни» [1].

Это не помешало, однако, Плеханову говорить об аграрной программе большевиков на IV съезде, что она реакционна.

Все эти колебания разрушают рамки отдельных течений меньшевизма, делают их подвижными, и самое разделение становится в известной степени условным. Но, несмотря на известную условность, это разделение все же вполне реально и необходимо. Факт этого разделения в соединении с фактом постоянных импрессионистских колебаний вполне объясняет, почему в изложении меньшевистской точки зрения не может быть той же последовательности и цельности, что в изложении точки зрения большевиков. В своем изложении мы прежде всего и освещаем основное, общее, характерное для всего меньшевизма как политического течения.

б) МЕНЬШЕВИКИ О БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. И РОЛИ В НЕЙ ПРОЛЕТАРИАТА.

Центральным пунктом разногласий большевиков с меньшевиками в первой русской революции был несомненно вопрос о роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, по которому мнение меньшевиков сводилось в конце концов к признанию гегемонии за либералами, хотя об этом меньшевики в этот период и не говорят так откровенно, как в период ликвидаторства. В одной из своих статей этого периода Ленин именно так и определяет сущность разногласий:

«Суть спора между обоими крыльями русской социал-демократии лежит в решении, признавать ли гегемонию либералов, или стремиться к гегемонии рабочего класса в буржуазной революции» [2].

Такой взгляд на роль пролетариата вытекал у меньшевиков из крайне ограниченного и явно неверного понимания, во-первых, как самой категории «буржуазная революция» и ее значения для пролетарской борьбы за социализм, так, во-вторых, и обстановки, в которой эта буржуазная революция происходила.

Как мы уже отмечали выше, между большевиками и меньшевиками не было разногласий в том, что предстоящая революция должна иметь буржуазный характер. Этот взгляд сложился у русских социал-демократов задолго до раскола искровцев. Тезис Ленина, что революция «очистит почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского развития

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 246.
[2] Ленин, Соч., т. XI, стр. 43.

капитализма», в общем разделялся и меньшевиками. Но общей для большевиков и меньшевиков эта формула была лишь в той ее части, которая направлялась против народнических иллюзий. Другая сторона этой формулировки, имевшая у Ленина ограничительный смысл, говорившая, что только поэтому можно называть революцию буржуазной, оставалась чуждой для меньшевиков. Социальное содержание революции меньшевики воспринимали и изображали слишком обще, поверхностно. Конкретно говоря, меньшевикам было совершенно чуждо ленинское учение о двух путях буржуазной революции. Меньшевики, разумеется, в своих рассуждениях предусматривали, что революция может кончиться решительной победой или компромиссом. В этом смысле можно говорить, что они видели «два исхода» революции. Но меньшевистская постановка вопроса об этих «двух исходах» в корне отличалась от ленинской. У меньшевиков «предвидения» в области «исходов», «путей» революции имели совершенно иной характер. Принципиальное значение этой революции, по мнению меньшевиков, во всех случаях остается одинаковым.

Здесь-то и появилось неправильное понимание меньшевиками категории «буржуазная революция», о котором мы говорили выше. Меньшевики к основному определению буржуазной революции добавляли: буржуазная революция — такая революция, в которой больше всех других классов заинтересована буржуазия, потому что именно ее классовые задачи и интересы находят выполнение и удовлетворение в этой революции. Практическое значение такого утверждения было громадно. Мы увидим дальше все частичные преломления этого положения в практике меньшевистской деятельности. Покамест отметим, что основным выводом из такого подхода к оценке характера революции у меньшевиков было: нельзя делать революцию «вопреки буржуазии» [1]. Последующее ознакомление с меньшевистской оценкой движущих сил революции покажет нам, как обосновывался этот вывод. Вот, напр., характерные для меньшевизма рассуждения Плеханова по поводу этого основного утверждения:

«Товарищи, осуждающие нас, согласны с нами в том, что России предстоит теперь пережить не пролетарскую, а буржуазную революцию. Но между тем как мы советуем пролетариату, которому суждено играть главную роль в этой буржуазной революции, своевременно позаботиться о том, чтобы в начинающейся борьбе приняли участие все те буржуазные элементы, которые только могут участвовать в ней, — наши мниморадикальные товарищи хотят, чтобы буржуазная революция совершена была силами одного пролетариата. Нечего сказать, хорош радикализм! Если бы пролетариат послушался «радикальных» советов, даваемых ему этими нашими товарищами, то нашим восхищенным очам, может быть, в самом скором времени пришлось бы наслаждаться следующим отрадным зрелищем: революционный пролетариат, не щадя живота своего, ведет борьбу с абсолютизмом, предоставляя «половинчатой» буржуазии, в наказание за ее «половинчатость», спокойно сидеть, сложа руки; а когда абсолютизм падает, этот самый пролетариат отходит на задний план, потому что совершенная им революция имеет буржуазный, а не социалистический характер,— предоставляя «половинчатой» буржуазии целиком пользоваться плодами совершенной им революции. Какой замечательный радикализм! И как не сказать о людях, одер-

[1] «Вопреки буржуазии» — формула Ленина. Вывод, что нельзя революцию делать «вопреки буржуазии», характерен не только для «правоверных» меньшевиков. В нескольо измененном виде — нельзя делать буржуазную революцию «вопреки буржуазии» — он свойственен и перманентникам. Мы это покажем дальше.

жимых им, что они стремятся «радикально» работать на пользу «половинчатой» буржуазии» [1].

Разумеется, здесь дано совершенно неверное утверждение, будто большевики пытались в своей стратегии и тактике «изолировать» пролетариат, либо заставить его работать «на буржуазию». Это было верно как раз для меньшевиков. Ведь именно революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства и ее победоносное развитие гарантировали успешную реализацию в интересах масс плодов революции и дальнейшее развитие последней. Но меньшевики этим лишь подчеркивали, что буржуазная революция всегда, в любой исторической обстановке выгоднее больше всего буржуазии и что между революцией буржуазно-демократической и революцией социалистической существует китайская стена. Между тем ленинское учение о двух путях буржуазной революции тем именно и отличалось, что указывало на глубокую принципиальную классовую разницу между этими двумя путями. Конечно и у Ленина понятие «буржуазный» охватывало оба пути. Но Ленин ставил ударение на различии путей революции и всю свою тактику строил на этом. А меньшевики ставили ударение на том, что было общим для всех путей, не придавая серьезного принципиального значения отличиям, не ставя в зависимость от них своей тактики.

Этот момент крайне важен для понимания различий между точками зрения большевиков и меньшевиков. Он ближайшим образом связан с оценкой роли различных классов в революции. Два пути буржуазной революции у Ленина означали в то же время два четко разграниченных лагеря противников самодержавия. Нечеткое разграничение путей буржуазной революции означало у меньшевиков нечеткое разграничение различных лагерей, желающих изменения старого порядка.

Меньшевикам — всем без исключения — была абсолютно чужда идея крестьянской революции, они считали эту идею крайне вредной, реакционной и стремились всячески ее дискредитировать. Меньшевики, как заявил один делегат на IV съезде партии, «боялись крестьянской революции», а Ленина и большевиков упрекали за такой взгляд «в народовольчестве».

Вот как изображал крестьянскую революцию в своем докладе на IV съезде партии Мартынов:

«...Товарищи из большинства отмечают еще одну новую черту русской революции. Мы стоим накануне крестьянской революции, которой еще не видал мир, — говорил здесь т. Ленин. Если бы он такими словами хотел сказать, что наша революция будет сопровождаться революционным движением крестьянских масс, — это для нас, марксистов, не было бы новостью, тем более, что такими крестьянскими движениями сопровождалась всякая крупная революция. Но он имел в виду нечто большее. Он говорил о крестьянской революции, которая приведет к политической власти крестьянства, о диктатуре крестьянства [2]. Вот это действительно новое слово в устах марксиста и притом такое, которое опрокидывает все наши традиционные представления о буржуазной революции. Нас хотят уверить, что в обществе с развивающимися капиталистическими отношениями, в обществе с экономическим, политическим

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 182—183.

[2] Конечно Ленин говорил не о диктатуре крестьянства, а о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.— *Ред.*

и культурным преобладанием города над деревней политическая власть и гегемония будут завоеваны деревней... Новая теория крестьянской революции есть очевидная реставрация старых народнических утопий. И не случайность, не обмолвка были заявления т. Ленина и т. Воинова, которые вы здесь слушали. Они говорили, что, когда народники много лет тому назад писали о крестьянской революции, это была фраза, это была маниловская утопия; теперь же, после октябрьских и ноябрьских событий, это — реальный факт. Этими заявлениями тт. Ленин и Воинов подтверждают, что с их точки зрения оправдались старые предсказания народников, а не предсказания марксистов» [1].

Поэтому меньшевики не останавливались даже перед чисто буржуазной утрировкой крестьянских революций эпохи крепостничества, презрительно клеймя их как «бунт», не понимая революционного значения этого бунта.

«Откуда же тт. большевики взяли свою теорию: либо конституция, либо восстание? — говорил в той же речи А. Мартынов. — Все из того же утопического народнического арсенала. Надо им отдать справедливость, они весьма последовательны. Кто говорит, что у нас будет крестьянская революция, тот должен сказать, что эта революция выльется в форму восстания вроде пугачовского бунта» [2].

Такая оценка крестьянской революции приводила и привела меньшевиков к выводу, что руководящая роль пролетариата в революции должна свестись лишь к созданию для буржуазии обстановки, максимально благоприятной для выполнения «своей исторической миссии». На этом положении меньшевики тем более настаивали, что считали, что вообще гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции не есть «принципиально-классовая» задача пролетариата, что она не способствует «классовому» «социалистическому» воспитанию рабочего класса.

Эта известная уже нам идея Аксельрода [3] стала центральной идеей меньшевизма при выработке тактического и стратегического плана революции. Наиболее полно и подробно развивал эту идею сам Аксельрод на IV съезде партии, где он доказывал, что для противопоставления пролетариата буржуазии у нас пока нет еще никаких оснований, что такое противопоставление у нас может начаться только после победы над царизмом, только после победы буржуазной революции, когда только и сложится почва, благоприятная для борьбы за социализм на западно-европейский манер. Иную тактику (т. е. тактику большевиков — *Ред.*) Аксельрод, как и Мартынов, иначе не характеризовал как заговорщическую, немарксистскую.

Вот слова Аксельрода по этому поводу:

«...если бы в русской действительности не было, по крайней мере, зачаточных элементов для политической борьбы... на основе классового (а не только сословного)

---

[1] «Протоколы Объединительного съезда РСДРП», Госиздат, 1926 г., стр. 164.

[2] Там же, стр. 165. К сожалению, находятся и в наше время товарищи, которые на страницах партийных журналов позволяют себе чисто по-меньшевистски характеризовать крестьянские революции эпохи крепостничества (см. «Историк-марксист» № 6, ст. Томсинского — О характере пугачовщины. В этой статье автор доказывает, что «движение имело прогрессивный (разрядка автора — *Ред.*) характер, так как... в случае удачного исхода восстания помещичьи хозяйства скорее пошли бы по пути капитализации, а помещичье государство — по пути реформации старых общественных отношений» (стр. 62). О полном уничтожении крепостников ни слова. — *Ред.*

[3] См. гл. II наст. тома — *Ред.*

антагонизма, то для развития социал-демократии как действительно пролетарской партии в современной России не было бы реальной исторической почвы, и она обречена была бы влачить существование доктринерской секты, приносящей сомнительную пользу и несомненный вред освободительному движению. В лучшем случае она представила бы собою своего рода историческое недоразумение, потому что выполняла бы под словесной оболочкой марксизма общедемократическую миссию, а не принципиально-пролетарскую. Но в русской почве находились такие элементы, которые могли бы послужить зацепками, исходными пунктами и орудиями для создания или завоевания нами арены для политической борьбы на основе классового антагонизма буржуазии и пролетариата. Разумеется, не в том чистом виде и далеко не в таких развитых формах, как в тех передовых капиталистических странах, в которых буржуазия политически господствует, и пролетариат имеет реальную возможность непосредственно с ней бороться за политическую власть. У нас такая борьба пока исключается всей совокупностью исторических условий, определяющих главное содержание и непосредственные задачи нашего революционного движения, сковывающих, по выражению Маркса, буржуазию и пролетариат «общим интересом», общей потребностью освободиться от общего врага. Против этих условий нет никаких талисманов и никакими ухищрениями — словесными или тактическими — мы не можем совершенно обойти объективное историческое требование «политического сотрудничества» пролетариата и буржуазии в абсолютистской России. Наоборот, в органическом планомерном сочетании нашей принципиально пролетарской задачи с этим общедемократическим требованием, обусловливаемым социальным содержанием нашей революции, и заключается центр тяжести всех политических проблем русской социал-демократии. Или, точнее, в таком сочетании дела развития классового самосознания и политического объединения рабочих масс с насущными общедемократическими интересами и требованиями русской революции состояла и состоит главная тактическая задача нашей партии, на этом сочетании должна была быть построена ее тактика» [1].

И дальше:

«Мне кажется, я выяснил достаточно, почему я придаю первостепенное, принципиальное значение нашим внутрипартийным тактическим разногласиям, почему я думаю, что торжество бунтарско-заговорщической тактики привело бы к политическому обезличению (в пролетарском смысле) того движения, которое до сих пор идейно, несомненно, было «социал-демократическим»... Если эти тенденции и впредь будут господствовать, ...мы, нынешние социал-демократы, закончим нашу историческую карьеру тем, что превратимся — да позволено мне будет это выражение — в своего рода исторических самозванцев, присвоивших себе неподобающее им звание» [2].

Аналогичный подход к оценке значения буржуазной революции для пролетариата и его борьбы за социализм мы находим у Плеханова, с той лишь разницей, что Плеханов хитрее, чем Аксельрод, смазывал суть спора, пытаясь подменить один вопрос другим. С такой манерой Плеханова мы уже знакомы и встретимся еще с ней неоднократно. Так, в своих письмах «О тактике и бестактности» он писал:

«Наши революционеры могли пренебрегать «обществом» до тех пор, пока «политика» представлялась им делом, недостойным истинного социализма. Но как только политическая

---

[1] «Протоколы Объединительного съезда РСДРП», стр. 172—173. Подчеркнуто нами.—*Ред.*

[2] Там же, стр. 184.

борьба заняла место в их программе, сейчас же явилось у них сознание того, как важно им обеспечить себе сочувствие общества» [1].

Конечно дело здесь было не в «сочувствии общества», взятом само по себе. Никто им «пренебрегать» не собирался. Но дело здесь было в том, как понимать это «сочувствие» и какие выводы должен сделать пролетариат из этого «сочувствия» в условиях начавшейся революции; должен ли пролетариат стать во главе революции или, наоборот, «обеспечить себе сочувствие общества» тем, что, как думали меньшевики, уступить «обществу» гегемонию? Здесь следует подчеркнуть у Плеханова еще одну ошибку, характерную для меньшевиков. Совершенно не понимая марксо-ленинской идеи крестьянско-буржуазной революции в интересах борьбы за социализм, обвиняя большевиков в «заговорщичестве» и «народничестве», меньшевики как раз сами воспринимали отрицательные черты народничества, поскольку узко и ограниченно понимали задачи «политической борьбы» («буржуазной революции»), как такой борьбы, которая только нужна и выгодна буржуазии. И только большевики сумели правильно по-марксистски поставить вопрос о «политической борьбе» в интересах борьбы за социализм. С этой точки зрения «классовые» интересы пролетариата нельзя было, неверно было противопоставлять интересам «общедемократическим», как якобы не «классовым», не вытекающим из интересов пролетариата, борющегося за социализм. Меньшевикам такая постановка вопроса в применении к России нужна была еще для того, чтобы доказать, что самодержавие у нас изолировано, что буржуазия якобы вся готова бороться за его революционное свержение. Поэтому Плеханов считал, что большевики, если даже захотят, при своих взглядах не смогут принять участия в свержении старого порядка.

«Вопреки своему страстному желанию, — писал Плеханов, — «большевики» все-таки не умеют принять полезное участие в похоронах нашего старого порядка, который одинаково гнетет всех нас, который давно уже отжил свое время и которому, по известному солдатскому выражению, давно уже отпускается паек на том свете» [2].

Плеханов сравнивал большевиков с реакционными социалистами Германии (так называемыми «истинными социалистами» 40-х годов, которых Маркс резко и заслуженно критиковал).

«Немецкий «истинный социализм», — писал Плеханов, — забывал, по словам Маркса, «что французская критика, неразумным отголоском которой он явился, имеет в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией, т. е. именно те общественные условия, о завоевании которых только еще шла речь в Германии». Вот таким забвением часто грешат и наши русские «истинные» социал-демократы. В № 3 «Дневника» я указывал на одну группу наших провинциальных товарищей, которая не нашла ничего лучшего для борьбы с полной политической неразвитостью местного пролетариата, как предпринять жестокий поход против «либералов». Я вполне уверен, что эти товарищи тоже «признают политику». Но это не мешает им походить, как две капли воды, на «истинных» немецких социалистов сороковых годов».

---

[1] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 113.

[2] Там же, стр. 202.

Плеханов в дальнейшем сам поставил все точки над i в вопросе о том, какую критику считал он допустимой у социал-демократов по отношению к либералам. Граничат с цинизмом рассуждения Плеханова о противопоставлении пролетариата буржуазии.

«Мы так часто кричим об измене буржуазии, что когда она в самом деле «изменит», т. е. помирится с бюрократией, — и когда нам в самом деле надо будет кричать об этом со всех крыш, то наши крики уже не произведут надлежащего действия, и с нами повторится история мальчика, кричавшего: «волк! волк!», когда волк еще не появлялся.

Сознание противоположности их интересов с интересами буржуазии развивается в умах рабочих путем о п ы т а. Опыт экономической борьбы освещает перед ними экономическую сторону дела, опыт политической борьбы выясняет им то же дело с его политической стороны. Но усвоение опыта политической борьбы немало не затруднится для рабочего тем фактом, что он в борьбе с абсолютизмом пойдет рядом с буржуазией. Совершенно наоборот! Тут-то и обнаружится для него ее политическая непоследовательность.

И обнаружится просто благодаря тому, что буржуазия не может итти так далеко, как пролетариат, не может не отставать от него. И этот неизбежный факт отставания послужит незаменимым предметным уроком для пролетариата. Наша критика, конечно, должна разъяснить пролетариату смысл такого урока. Но, во-первых, иное дело критика, а иное дело — крепкое слово» [1].

В другом месте Плеханов еще более подчеркивает то, чем собственно должен заниматься рабочий класс.

«Наши товарищи очень любят «противопоставлять себя буржуазии». И оно, разумеется, так и следует. Но лучший способ противопоставления себя буржуазии заключается в социалистическом воспитании пролетариата. А для социалистического воспитания пролетариата совсем недостаточно кстати и некстати бранить буржуазию. Воспитывать пролетариат может только тот, кто не отворачивается от е г о э к о н о м и ч е с к о й б о р ь б ы с его эксплоататорами» [2].

Но, ставя так, как Плеханов, вопрос о буржуазной революции и роли буржуазии в ней, меньшевики естественно смазывали вопрос о том, какой именно слой буржуазии действительно заинтересован в революционной борьбе. Вместо большевистского деления (крупная буржуазия, крестьянство и т. д.) меньшевики идут по линии общего деления на крупную, среднюю, мелкую буржуазию, совершенно игнорируя конкретно-исторические условия и всячески затушевывая революционную роль крестьянства, предпочитая крестьянству городскую контрреволюционную буржуазию. Так, на V съезде РСДРП меньшевик (бундовец) Абрамович говорил:

«Д а и с е й ч а с п о ц е л о м у р я д у в о п р о с о в, к у л ь т у р н о м у и п о л и т и ч е с к о м у в о с п и т а н и ю г о р о д с к а я б у р ж у а з и я б л и ж е к н а м, ч е м с т и х и й н о - р е в о л ю ц и о н н о е т е м н о е к р е с т ь я н с т в о. Поскольку мы, следовательно, перейдем к выработке тактики на определенный период российской революции, не увлекаясь той или иной абстрактной схемой, поскольку вы при этом не захотите намеренно обострять разногласия, мы сможем сойтись на определенных политических действиях» [3].

Это не была случайно, вскользь брошенная или неудачно сформулированная мысль. Это была подлинная сущность меньшевистской оценки движу-

---

[1] П л е х а н о в, Соч., т. XV, стр. 99.

[2] Там же, стр. 8.

[3] Лондонский съезд РСДРП, полный текст протокол изд. ЦК, Париж 1909 г., стр. 293.

щих сил революции. Точь-в-точь такую же оценку повторяет другой видный меньшевик Кольцов в статье «Кадеты и буржуазная демократия», по поводу которой Ленин писал:

«Тов. Д. Кольцов повторяет в № 49 «Русской жизни» обычное меньшевистское рассуждение в защиту политики поддержки кадетов. Но делает он это так прямолинейно и наивно, что положительно остается только поблагодарить его за доведение ошибочной теории до абсурда. «С кем у социал-демократов больше общих точек соприкосновения, — спрашивает он... — с городской или сельской демократией? От кого социал-демократия может скорее ожидать поддержки в своей борьбе со всеми культурными, религиозными, национальными и г. п. предрассудками? Кто скорее будет поддерживать все меры, клонящиеся к свободному развитию производительных сил? Стоит поставить эти вопросы, кардинальные для социал-демократической политики, и ответ будет ясен сам собой. Все, что говорится в «Коммунистическом манифесте» о революционной роли буржуазии, остается столь же верным в XX столетии, как оно было верно в XIX, столь же верным в России, как оно было верно в Англии... и т. д. Что касается сельской демократии, то, несмотря на свои революционные аллюры, она будет в очень многих случаях отстаивать старые изжитые формы производства и общественности... Когда большевики говорят о кадетах, они забывают о стоящей за ними городской демократии, и, наоборот, — все крестьянство у них олицетворяется в парламентской группе эсеров и трудовиков. Это значит за деревьями не видеть леса, за парламентским представительством не видеть социальных интересов широких народных масс».

«Мы от всей души приветствуем, — замечает Ленин, — этот переход меньшевиков к выяснению принципиальных основ наших тактических разногласий. Давно пора.

Итак, кадеты — прогрессивная городская буржуазия, трудовики — отсталая сельская буржуазия. К этому сводится ваш «марксизм».

Но если так, почему вы не говорите открыто и прямо этого при всей партии? Почему вы не заявляете в проекте резолюции для партийного съезда со всей определенностью, что во имя «Коммунистического манифеста» РСДРП обязана поддерживать кадетов против трудовиков»[1].

Такой подход к общей оценке движущих сил революции ставил ставку на половинчатую позицию городского либерализма, а не революционную роль крестьянства, заставляя меньшевиков в своих политических выступлениях все больше и больше склоняться к «компромиссному», а не революционному исходу борьбы за полное уничтожение всех остатков крепостничества. В свете всего изложенного вовсе не случайно то, что меньшевики на своей конференции в Женеве «забыли» упомянуть даже о борьбе за республику. Мы видели, какое большое значение придавал этому вопросу Ленин. А на IV съезде партии, когда большевики запротестовали по поводу двусмысленности меньшевистского термина «демократическое государство», под которым можно было подразумевать и конституционную монархию и республику, меньшевистский генеральный докладчик по аграрному вопросу Маслов (по съезду Джон) отвечал так:

«Понятие «демократического государства» вполне определенное. Вся наша программа-минимум говорит об этом. Что хорошо в прокламации, то не всегда удобно вносить в программу»[2].

Таким образом для меньшевиков программа это — одно, а массовая боевая агитация через прокламации — другое: там можно писать что угодно

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 33—34.

[2] «Протоколы», стр. 116.

и наобещать что угодно, сознательно вводя в заблуждение и прямо-таки обманывая массы.

Такую же точно постановку вопроса по существу в более замаскированной форме мы имеем и у Плеханова:

«Историческая сцена — не детская, — пишет он, — и наша мать, бюрократия, очень мало смущается тем, что на нее дуются опекаемые и допекаемые ею обыватели. Поворачиваясь спиною к тем жалким кусочкам прав, которые эта нежная мать вынуждена была бросить народу, мы не смущаем ее, а, напротив, увеличиваем ее самоуверенность. Чем меньше мы воспользуемся этими кусочками прав, тем меньше опыта будет у русского народа; а чем меньше опыта будет у русского народа, тем лучше будет для нашей матери-бюрократии» [1].

Конечно пренебрегать «малым» не следовало, но ставить именно так вопрос в революционную эпоху — значит заранее воспитывать массы не для революционной борьбы, а для борьбы за «кусочки».

В заключение следует отметить, что Мартынов в цитированной работе «Великая историческая проверка» считал, что в принципиальной постановке вопроса о гегемонии пролетариата правы были не большевики, а меньшевики и троцкисты. Ход рассуждений у него таков:

«Русская социал-демократия ставила себе противоречивую задачу — осуществить гегемонию пролетариата в буржуазной революции. Выяснить же себе неразрешимость *(!—Ред.)* этой задачи наша социал-демократия долгие годы не была в состоянии, ибо революция 1905 г. не могла быть доведена до логического конца при тогдашних международных условиях. При таких условиях ни одна из наших двух фракций, подходивших каждая с своей точки зрения к разрешению неразрешимой (!! — *Ред.*) задачи, не могла найти в опыте русской революции достаточно убедительного для всего русского пролетариата в целом аргумента в пользу своей правоты, и спор затягивался на долгие годы» [2].

И в другом месте:

«Имели ли право большевики взять курс на «диктатуру пролетариата и крестьян» весной 1905 г., т. е. еще до того, как они восприняли новую формулу революции (т. Мартынов имеет в виду тактику партии в 1917 г., которую т. Мартынов, видимо, как и Троцкий, рассматривает не как развитие «старой», а как «перевооружение»; что это именно так, видно будет ниже. — *Ред.*), когда они еще были твердо убеждены, что наша революция будет буржуазная, и только (!) буржуазная? Не было ли это с их стороны революционным авантюризмом?.. Ленин был прав. Большевиков можно было бы обвинять лишь в том случае в авантюризме, если бы они непосредственно стремились к диктатуре пролетариата в условиях, когда есть налицо другая, более созревшая для власти сила, способная двигать революцию вперед, и когда лозунг диктатуры пролетариата только бросил бы палки под колеса революции. Но этого не было, поэтому большевики обязаны были выставить этот крайний (!!! — *Ред.*) революционный лозунг, противопоставляя ожидающим их впереди большим затруднениям свой большой революционный энтузиазм и свою веру в творческую силу марксистского разума» [3].

Не надо даже пристально вглядываться в эту «теорию», чтобы видеть, что это по существу старая, хорошо знакомая нам меньшевистско-троцкистская идейка о «политическом заместительстве», о «самоограничении» и об «идейном перевооружении». Именно поэтому т. Мартынов только и мог притти к своим прямо-таки чудовищно неверным выводам, когда писал:

---

[1] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 105.

[2] «Красная новь», 1923 г. № 2, стр. 239.

[3] Там же, стр. 265—266. Подчеркнуто нами. — *Ред.*

«Л. Троцкий в 1905 г. рассуждал логичнее и последовательнее, чем большевики и меньшевики. Но недостаток его рассуждения заключался в том, что он был «слишком последователен». Та картина, которую он рисовал, весьма (!) точно (!!) предвосхитила (!!!) большевистскую (?) диктатуру в первые три года Октябрьской революции, которая, как известно, пришла в тупик, оторвав пролетариат от крестьянства, в результате чего большевистская партия вынуждена была отступить далеко назад (!?!?)... Поэтому Троцкому и Парвусу удалось правильно указать большевикам на слабое место их платформы» [1].

Нет нужды опровергать эту схему Мартынова. Заметим лишь, что как в 1905 г., так и в 1917 г. Ленин специально отгораживался от этой «логичной и последовательной» схемы. Статьи Мартынова в 1923 г. носят еще явный след того теоретического пленения, в котором находился Мартынов у Троцкого в конце 1905 г.

«Я в момент высшего подъема революции в 1905 г., — пишет Мартынов, — заодно с Троцким в «Начале» писал о «перманентной революции».

И только Троцкий мог после этого писать:

«Его (Мартынова. — *Ред.*) приблизили и подняли, вернее, к нему приблизились и спустились исключительно ради его борьбы с «троцкизмом». Ему не пришлось переучиваться. Он продолжал громить (!?) «перманентную революцию», т. е. делал то же, что и в предшествовавшие двадцать лет...» [2].

Троцкий опять хочет сказать, будто его перманентная революция была верна, и с ней боролись не Ленин и партия большевиков, а меньшевики. И это после многочисленных «признаний» о правоте линии Ленина в этом вопросе. Конечно Мартынов, будучи меньшевиком, и не думал «громить» троцкистскую перманентную революцию.

в) БУРЖУАЗИЯ КАК ОСНОВНАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА, ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ МЕНЬШЕВИКОВ, В БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 — 1907 гг.

Меньшевики исходили из необходимости во что бы то ни стало привлечь буржуазию к участию в революции, но они совершенно не понимали ни того, от чего зависит поступательное развитие революции вперед, ни того, почему в процессе развития революции даже крупная буржуазия делает вид, что сочувствует революции в момент подъема либо в момент тех или иных неудач самодержавия (напр., в русско-японской войне), и целиком поддерживает самодержавие, с которым связано «тысячами нитей», в момент упадка революционной волны.

Так, Мартынов говорил на V съезде партии:

«Мы из дряблости российской городской буржуазной демократии должны будем сделать не тот вывод, что ею можно пренебречь во время революции, а тот вывод, что наша революция будет крайне упорная и затяжная» [3].

Мартынов развивал, собственно, ту идейку меньшевиков, что основной стратегической задачей партии пролетариата в революции является всеми способами «подталкивать» буржуазию, добиваться того, чтобы дряблость и революционное бессилие буржуазии благодаря умной тактике меньшевиков сменились ее способностью и готовностью к доведению революции до конца.

«Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции, — писал, развертывая и углубляя эту меньшевистскую стратегию, Мартынов, — может выразиться только в том, что

[1] Там же, стр. 262.

[2] Л. Троцкий, Кто руководит Коминтерном.

[3] «Протоколы», стр. 279—280.

пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: «либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом» [1].

Эту же мысль Мартынова Кавказская конференция новоискровцев в 1905 г. формулировала следующим образом:

«Конференция полагает, что образование социал-демократами Временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма, с другой, заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах» [2].

Таков был меньшевистский подход к оценке буржуазии как движущей силы революции.

Не понимая, что все эти повороты буржуазии связаны с одним моментом — предать революцию при первой же возможности, либо использовать революцию для наиболее выгодной сделки с царизмом, меньшевики всерьез принимали такие повороты как вполне искреннее желание буржуазии примкнуть к революции, чтобы довести ее до полной победы. Особенно характерно в этом отношении выступление Мартынова на V съезде РСДРП.

«Если в оценке либеральной буржуазии правы были большевики, а не мы, — говорил Мартынов, — если б кадеты были контрреволюционной силой, которая прежде всего и больше всего боится революционного движения пролетариата и крестьян, то они сильнее всего повернули бы вправо в октябрьские дни, в момент наибольшего подъема пролетарского движения; между тем дело обстояло как раз наоборот: тогда они были наиболее оппозиционны, а вправо они повернули больше всего теперь, как раз в момент наибольшего упадка революционного движения масс.

Из различной политической оценки нашей средней и мелкой буржуазии вытекают две тактики в нашей партии по отношению к кадетам. Мы, меньшевики, в интересах изолирования реакции предъявляли кадетам исторический вексель к уплате: мы предъявляли им требование, вытекающее из исторической задачи буржуазной демократии и отчасти из их собственной программы, и критикуем их, поскольку они изменяют этим принципам и своим собственным обещаниям. Большевики же считают банкротство кадетов раз навсегда совершившимся фактом, они никаких требований им не предъявляют и самое предъявление этих требований считают чем-то чреватым крайне вредными иллюзиями.

Большевистская тактика с внешней стороны имеет вид более революционный, чем меньшевистская. В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Эта тактика либо толкает кадетов в объятия реакции и тем увеличивает ее силы, либо же, поскольку кадеты по этому пути не идут и остаются оппозиционными, она изолирует социал-демократов от огромного большинства населения и увеличивает за ее счет влияние и силу кадетов» [3].

«Оппортунистическое крыло социал-демократии всегда склонно «давить» на буржуазную демократию посредством взимания обязательств с нее,—писал Ленин.—Революционное крыло социал-демократии «давит» на буржуазную демократию и толкает ее налево тем, что клеймит ее за повороты вправо, тем, что распространяет в массе лозунги решительной революции» [4].

---

[1] Мартынов, Две диктатуры, 2-е изд., Петроград 1917 г., стр. 78.

[2] Цит. по Ленину, Соч., т. VIII, стр. 191.

[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 171.

[4] «Протоколы», стр. 280—281.

Таким образом меньшевики в угоду своей схеме рисовали себе картину, прямо противоположную действительности. И это было характерно для всех этапов революции.

Некоторое представление о том, как меньшевики относились к движению оппозиционных кругов, какие перспективы этого движения они рисовали себе, дает уже глава, охватывающая период до 9 января. Выступление питерских пролетариев, кровавая развязка его и последующие события не внесли в этом отношении существенных изменений во взгляды меньшевиков. На всем протяжении революционной эпохи меньшевики совершенно явственно высказывали убеждение, что городская буржуазная демократия должна и может сыграть революционную роль в борьбе с самодержавием. «Реакция изолирована», «бюрократия одинока», «против самодержавия сплотились все силы народа» — типичные выражения меньшевиков во всю эту эпоху. Когда под влиянием катастрофического поражения в русско-японской войне буржуазия начинает временно отворачиваться от самодержавия, вовсе не становясь на путь революции, Плеханов спешит отметить это в статье «Мукден»:

«Вокруг микадо собрались все живые силы Японии, за исключением пока еще немногочисленных в ней социал-демократов. У нас, наоборот, все живые силы давно уже отвернулись от царского правительства и давно ведут с ним ожесточенную, то скрытую, то явную борьбу» [1].

Кого здесь подразумевает Плеханов под «живыми силами»—совершенно ясно. Говоря о попытках царизма сговариваться с либералами, перетянуть их на свою сторону известными уступками, «Искра» замечает, что

«предпринимаемый Витте опыт гальванизации смрадного трупа российского самодержавия только усилит его разложение».

Попытки сговориться с либералами, сплотить их вокруг обновленного самодержавия обречены на неудачу. Почему? Потому что...

«одного нельзя предполагать и в одно нельзя верить, — что утопия подзаконного и просвещенного абсолютизма соберет сколько-нибудь влиятельную и значительную партию. Современное либерально-демократическое движение питается всеми соками буржуазного общества, и ничто не остановит его натиска на отживший деспотизм» [2].

Меньшевики не могли не видеть, что крупные капиталисты явно склоняются на сторону реакции и революционной силы не представляют. С тем большей настойчивостью подчеркивали меньшевики, что средняя и мелкая городская буржуазия сыграют роль такой силы. Очень ярко сформулировал это Мартынов в своей речи на V съезде партии.

«На счет этих двух классов, на счет крупных землевладельцев и крупных капиталистов у нас нет двух мнений в партии, — говорил Мартынов. — Зато у нас существует глубокое разногласие в политической оценке средней буржуазии и крестьянства» [3].

Вопроса о крестьянстве мы коснемся далее в особом разделе. Пока о средней буржуазии.

«Мы утверждаем, — говорил Мартынов, — что интересы средней буржуазии находятся еще в глубоком антагонизме с существующим у нас политическим строем». В основе этого про-

---

[1] Плеханов, Соч., т. XII, стр. 237—238.

[2] «Искра» № 83, 7/1 1905 г., ст. «Петербург, 27 декабря».

[3] «Протоколы», стр. 279.

тиворечия лежит то, что «средняя буржуазия сильнейшим образом заинтересована в развитии производительных сил страны» [1],

а между тем царизм не дает больших возможностей для этого развития. Уступки, которые царь дал в октябре 1905 г., недостаточны и

«не могут удовлетворить буржуазного общества, какие бы иллюзии оно само ни питало на этот счет».

Мартынов предвидит возражение, что на деле буржуазная демократия до сих пор не показала себя достаточно революционной. Но на это были серьезные причины, вполне уважительные, с точки зрения Мартынова. Из них основные: относительная слабость русской буржуазной демократии и запоздалость ее революции. Из всего этого Мартынов делает вывод, что неправильно утверждение, будто

«наша средняя и мелкая буржуазия представляют уже из себя контрреволюционную силу», правильно же будет сказать, «что они страдают относительным политическим бессилием» [2].

Это положение о том, что средняя буржуазия просто бессильна политически, но что именно она, а не крупная буржуазия задает тон, очень важно для понимания меньшевистской точки зрения. Из него следовал вывод, что активная поддержка пролетариата может вдохнуть силу в буржуазию и заставить ее выступить. В числе причин, которые обусловливали слабость буржуазной демократии, Мартынов указывал то, что

«российская буржуазная демократия уже с самого начала своего политического существования лишена была возможности опереться на пролетариат, потому что пролетариат у нас давно борется под своим собственным социалистическим знаменем».

В связи с этим Мартынов указывал, что

«как только революционное движение народа усиливалось, они (либералы) начинали леветь, как только оно падало, они начинали праветь» [3].

Это значило, что, по мнению меньшевиков, буржуазия все-таки выступает в конце концов как революционная сила. Отношение меньшевиков к средней буржуазии особенно ярко проявилось в их оценке значения и роли кадетской партии, которая в глазах меньшевиков являлась представительницей именно средней буржуазии.

«Кадеты очень искренно хотели бы разделаться с нашим старым порядком», писал Плеханов [4].

В том же духе Плеханов продолжает:

«Партия кадетов уже сыграла—отчасти благодаря собственным заслугам, отчасти благодаря крупным тактическим ошибкам «левых партий» — чрезвычайно важную роль в общественной жизни России. В будущем ей тоже суждено играть очень немаловажную политическую роль» [5].

Плеханов идет еще дальше. Вот как в «Письме к рабочим» Плеханов характеризует буржуазные партии в Думе:

---

[1] «Протоколы», стр. 279.

[2] Там же. Курсив наш. — *Ред.*

[3] Там же.

[4] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 196.

[5] Там же, стр. 191.

«Не смущайтесь тем, что в Думе господствуют буржуазные партии. Не потому ненавидит Думу г. Горемыкин, что в ней преобладает буржуазия, а потому, что буржуазия, преобладающая в ней, требует свободы для всех и земли для крестьянства» [1].

Нельзя, однако, сказать, что, ориентируясь на среднюю буржуазию, меньшевики окончательно ставили крест на правых либеральных кругах буржуазии. Да это и вполне понятно. Разговоры о средней буржуазии были только маской, поскольку меньшевики связывали исход буржуазной революции только и обязательно с участием буржуазии, а тон задавала ведь именно крупная буржуазия, значение которой меньшевики, однако, стремились всячески показать как незначительное, неруководящее [2].

Июльский земский съезд 1905 г. вызвал со стороны меньшевиков оживление надежд на то, что и чисто либеральные круги сыграют большую положительную роль в развертывании революции [3].

Поворот либералов воспринимается как поворот к народу, как стремление соединиться с ним для совместной борьбы.

«Апелляция к народу, — эти слова впервые раздались в земском лагере»,

говорит «Искра». Эту «апелляцию к народу», стремление либералов заручиться его поддержкой меньшевики оценивают как чрезвычайно положительное явление.

«Пролетариат может только пожелать, чтобы представители имущих классов вступили решительно на этот путь. Он может только пожелать, чтобы и они в свою очередь сделали кое-что для вовлечения нации в острый конфликт с силами реакции»,

заявляет та же статья «Искры».

Еще более четко это дано у Плеханова:

«Сегодня грубят земцы, завтра выпрямляется почти во весь огромный рост мужественная фигура пролетариата, послезавтра заговаривает о политической свободе промышленная буржуазия, бывшая до последнего времени верным союзником абсолютизма, которым она пользовалась как удобным орудием своего обогащения, — одним словом, каждый божий день венценосцу приходится слышать о том, что все новые и новые слои его «верноподданных» начинают увлекаться «бессмысленными мечтаниями» [4].

Меньшевики высказываются здесь с полной ясностью:

«Мы думаем, что буржуазия еще может, а следовательно и должна многое сделать в деле расшатки самодержавия вовлечением в борьбу с ним более отсталых слоев народных масс (особенно сельских), не поддавшихся еще революционному воздействию «крайних» партий. В этом смысле один факт перехода официальных организаций имущих классов к борьбе нелегальной, хотя бы в форме пассивного сопротивления и крупных политических демонстраций, будет иметь крупное агитационное значение. И нас нисколько не может смущать то соображение, что, ведя в народе такую агитацию, конституционалисты-земцы будут вербовать себе

---

[1] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 90.

[2] У Мартынова в «Великой исторической проверке» читаем: «Меньшевики... при всех условиях и всяческими заклинаниями старались выдвинуть вперед революционную буржуазную демократию, чтобы подталкивать ее сзади, и когда таковая не обнаруживалась, старались ее выдумать, готовые на худой конец и оппозиционных либералов, всегда боявшихся (курсив автора. — *Ред.*) революции, перекрестить в «движущую силу революции» («Красная новь», 1923 г., № 2, стр. 246—247).

[3] См. ниже гл. X наст. тома.— *Ред.*

[4] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 241.

недостающие им теперь народные массы, становясь, таким образом, непосредственными нашими политическими «конкурентами». Политической конкуренции либералов нам всего менее приходится бояться».

Мысль о том, что либералы должны пойти в народ, была особенно ярко сформулирована Плехановым. Критикуя либералов за то, что они «занимаются только словами», Плеханов рекомендует им заняться делом:

«Вот если бы наши либеральные и радикальные ораторы «пошли в народ», как это делали революционеры семидесятых годов и как это делают теперь социал-демократы; если бы их речи содействовали развитию политического сознания в народной массе, тогда их слово приобрело бы значение важного исторического дела» [1].

Дальше мы увидим, как увязывалось это пожелание меньшевиков, чтобы либералы пошли в народ со всей их схемой расстановки классовых сил в борьбе против царизма.

Этот последний момент, т. е. указание меньшевиков на то, что они не боятся «конкуренции либерализма» в политической работе среди народа, их прямой призыв к «хождению в народ», адресованный либералам, особенно важны для понимания меньшевистской оценки буржуазии как движущей силы революции. Вырисовывается с несомненной ясностью, что капиталистическая буржуазия расценивалась меньшевиками как основная сила революции, по самой социальной сущности своей подготовленная к руководящей роли. Конечно исторические факты, обнаружившие контрреволюционность русской буржуазии, были настолько значительны, что не могли быть обойдены меньшевиками. Отсюда ряд меньшевистских оговорок, цель которых объяснить и оправдать поведение буржуазии, показать, что, несмотря ни на что, буржуазия (даже крупная) должна быть относима к последовательно революционному лагерю.

О необходимости «итти в народ» говорили также и большевики и Ленин прежде всего. Но большевики призывали во всяком случае не либералов, а партию для обеспечения максимального размаха революции.

«Вообще говоря, — писал Ленин, — теперешним расширением свободы действия мы, социал-демократы, должны пользоваться всячески, и чем обеспеченнее будет эта свобода, тем энергичнее будем мы выдвигать лозунг: «в народ!» Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких размерах, о которых мы, вчерашние конспираторы и «кружковики», не смели и мечтать. Теперь воздействие идей социализма на массы пролетариата идет и будет итти такими путями, которых мы зачастую совершенно не в состоянии будем проследить. Соответственно таким условиям надо будет заботиться о более правильном распределении социал-демократической интеллигенции, чтобы она не толкалась зря там, где движение уже стало на ноги и обходится, если можно так выразиться, своими силами, чтобы она шла «в низы», где работа тяжелее, условия труднее, нужда в опытных и знающих людях сильнее, источников света меньше, политическая жизнь бьет слабее. «В народ» мы должны теперь итти и на случай выборов, в которых примет участие все население даже самых глухих углов, — и (это еще более важно) на случай открытой борьбы, чтобы парализовать реакционность провинциальной Вандеи, чтобы обеспечить распространение по всей стране, во всех массах пролетариата тех лозунгов, которые будут исходить из крупных центров» [2].

---

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 215.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 378—379.

Либеральному же хождению «в народ» Ленин давал совсем иную оценку чем меньшевики, вскрывая истинную причину такого либерального хождения.

В статье «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» Ленин писал:

«Либеральная буржуазия идет к народу. Это верно. Она вынуждена итти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идет к нему не как представительница его интересов, не как новый, пламенный боевой товарищ, а как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей страны к другой. Сегодня — она у царя и просит его, от имени «народа», монархической конституции, трусливо отрекаясь в то же время от народа, от «смуты», от «крамолы», от революции. Завтра — она грозит царю со своего съезда, грозит монархической конституцией и мирным сопротивлением против штыка... Вы заслужили это презрение,— пишет дальше Ленин по адресу либералов, — ибо вы не боретесь вместе с народом, а только крадетесь к власти за спиной революционного народа» [1].

Но еще более ясными становятся симпатии меньшевиков к буржуазии, когда знакомишься с их оценкой роли крестьянства в революции 1905—1907 гг.

г) КРЕСТЬЯНСТВО КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА В БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОЦЕНКЕ МЕНЬШЕВИКОВ.

Если коротко характеризовать отношение меньшевиков (в том числе и троцкистов) к крестьянству, то его можно выразить двумя словами: н е д о в е р и е и о п а с е н и е. Что крестьянство должно сыграть большую роль в революции — в этом меньшевики не сомневались. Но вопрос о самом характере этой роли ставился ими чисто по-либеральному.

По мнению меньшевиков крестьянство не было способно создать сильное политическое движение. Самое большее, на что способно крестьянство,— это стихийный бунт наподобие пугачовского, революционное значение которого все меньшевики решительно отрицали. В таком смысле оценивалось меньшевиками значение крестьянских движений эпохи крепостничества. Меньшевики думали, что, пожалуй, для революции лучше было бы обойтись б е з такого бунта, который только способен запутать, осложнить революцию, а не способствовать ее победному завершению. В широко развернутом крестьянском движении меньшевики видели угрозу уже существующим элементам капитализма в деревне, считая, что успех крестьянского движения означает движение назад.

Об этом вполне точно свидетельствует Плеханов:

«В этом я окончательно убедился на конференции «меньшевиков». Некоторые из присутствовавших на ней товарищей нисколько не скрывали тех опасений, которые внушало им крестьянское движение» [2].

Слова Плеханова подтверждал на IV съезде меньшевик Андреянов:.

«Тов. Плеханов верно заметил, что мы боялись крестьянской революции» [3].

Бурное развитие крестьянского движения в 1905 г. и в особенности в 1906 г. не осталось без влияния на меньшевиков. Они все более склонялись к тому, что это движение м о ж е т стать полезно для революции. Особенно

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 133.
[2] П л е х а н о в, Соч., т. XV, стр. 25.
[3] «Протоколы», стр. 66.

ярко эта мысль была выражена в речах меньшевиков на IV съезде. Но и теперь меньшевики по существу не отступили от своих принципиальных позиций. Говоря об объединении с восставшими крестьянскими массами, они понимали это объединение именно как буржуазное использование крестьянской борьбы, а не как прочный союз. «Нам нужна не крестьянская земля, а крестьянская борьба», заявляли они.

Так же, примерно, ставил вопрос Ф. Дан в ст. «О революционной работе в деревне» в № 87 «Искры» от 10/11 1905 г., т. е. в начале революции:

«Мы должны вовлечь крестьянство в активную деятельность и в переживаемый нами ныне, по преимуществу разрушительный, революционный период, когда речь идет прежде всего об уничтожении современного государственного строя.

Крестьянское движение должно и может явиться огромной силой, дезорганизующей и разрушающей современный государственный механизм. Но разрушительная сила может действовать в двух направлениях—реакционном и революционном. Аграрный террор, направленный главным образом не против правительственной власти (им в лучшем случае могут быть задеты мелкие представители ее), а против помещиков и вообще землевладельческой буржуазии, — тоже разрушительная сила. Но не создавая политической организованности крестьянства, направляя мысль деревни на отдельных лиц и отдельные местные нужды и тем отвлекая ее от всенародной революционной задачи, такого рода «разрушительное» участие крестьян в общенародном восстании грозит жестокими разочарованиями. А народные «разочарования», в переводе на язык объективной действительности, выражаются в потоках народной крови и в истощении революционной энергии народа» [1].

И Череванин в сущности был только последовательнее и прямее, когда прямо так и заявлял:

«Как стихийная революционная сила, лишенная политической сознательности, крестьянство в этот момент не могло быть надежным союзником в восстании, будучи же монархическим по своим чувствам и убеждениям, оно при серьезных попытках свергнуть монархию могло легко стать контрреволюционной силой, поднявшись на почве тех или других лживых обещаний против революционного города» [2].

Нетрудно видеть принципиальное значение обоих меньшевистских положений:

«Нам нужна не крестьянская земля, а крестьянская борьба» и «крестьянская революция— это народническая утопия».

Непонимание истинного значения крестьянского вопроса в России выявлено здесь совершенно открыто. В самом деле, как расшифровать это противопоставление: «борьба, а не земля». Нет сомнения, что этим противопоставлением меньшевики хотели подчеркнуть, что особенно серьезного значения крестьянству, его интересам, его требованиям придавать не следует, что нужно крестьянство просто использовать как силу и этим «использованием» ограничиться. Этим меньшевики показывали, что они не видят ни подлинной силы крестьянского движения, ни его социального значения. Ни о каком союзе с революционным крестьянством здесь и помину нет.

Последний момент уже вполне открыто выражен во втором положении о невозможности крестьянской революции. Не желая отличать действительно

[1] См. «Искра за два года», ч. I, СПБ, 1906 г., стр. 277—278. Подчеркнуто нами. — *Ред.*

[2] Череванин, Пролетариат в революции, М. 1907 г., стр. 57.

утопическое народническое представление о крестьянской революции от большевистского, меньшевики еще более подтверждали свое неумение разобраться в конкретной действительности. Они не уловили сути исторической тенденции, обнаруженной Энгельсом, и забыли, что большевики говорят не о крестьянской революции на народнический манер, а о крестьянской революции под гегемонией пролетариата, — а это совсем не похоже было на бакунинский утопизм.

Мы уже знаем, что в брошюре «Две тактики» Ленин отмечал это основное различие между постановкой вопроса большевиками и меньшевиками.

«Крестьянский вопрос» поставлен совершенно различно съездом партии и конференцией, — писал Ленин.—Съезд выработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению». Конференция — о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае выдвигается центральный практичес ий лозунг агитации — немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех демократических преобразований. В другом — «требование образования комитетов» должно быть предъявлено Учредительному собранию. Почему мы должны непременно ждать этого Учредительного собрания»[1].

Меньшевистская оценка роли крестьянства в революции ясно показывает, что меньшевикам было совершенно чуждо представление о двух путях буржуазной революции, — до такой степени они далеки от того, чтоб признать крестьянство особым видом буржуазной демократии, борьба которой с царизмом может иметь подлинно прогрессивный и революционный характер, чем «борьба» либеральной буржуазии.

Но тем самым и вопрос о роли пролетариата в буржуазной революции как вождя терял у меньшевиков почву. В какой мере у Ленина вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазной революции был связан с возможностью двух путей революции, с особенностями крестьянского движения, мы уже видели. Отказываясь от ленинского понимания характера и роли крестьянского движения, меньшевики вполне последовательно должны были или прямо отказаться от идеи руководства пролетариатом или как-нибудь по-особому это обосновать. Нетрудно видеть, что обоснование руководящего значения пролетариата при меньшевистском отношении к крестьянству являлось противоречивой, невыполнимой задачей. Объективно оно сводилось к прикрытию отказа от главной роли пролетариата различными бессодержательными формулами.

Меньшевистская оценка роли пролетариата в революции и его взаимоотношений с другими классами полностью убеждает нас в этом [2].

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 88.

[2] В цит. статье «Великая историческая проверка» А. Мартынов правильно отмечает: «Меньшевики не делали принципиального различия в своем отношении к либеральной буржуазии, с одной стороны, и к крестьянству — с другой. Можно даже сказать, что они приписывали большее революционное значение либералам, чем крестьянам, ибо либералы, по их мнению, были выразителями противоречия между прогрессивными интересами капиталистического развития России и азиатским варварством царизма, между тем как крестьяне и их

д) МЕНЬШЕВИКИ В ПОГОНЕ ЗА СОГЛАШЕНИЕМ С ЛИБЕРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИЕЙ.

Что меньшевики в своей стратегической схеме выдвигали организацию подобного соглашения, видно уже из оценки роли буржуазии, крестьянства и пролетариата в революции. Осуждение крестьянства как важнейшей революционной силы, умаление политической активности пролетариата соображениями о том, чтобы не «запятнать» себя, вполне естественно приводили к мысли о блоке пролетариата с буржуазией. Ознакомимся немного подробней с меньшевистской аргументацией в этом вопросе.

Говоря, что «здание политической свободы будет основано главным образом на том камне, который называется пролетариатом», Плеханов продолжает:

«Но пролетариату нужна поддержка со стороны других классов трудящегося населения, и с этой стороны немалую пользу могли бы принести ему наши демократы и даже наши либералы, которые так любят свободу и так далеки еще от народной массы» [1].

Уже в этой формулировке заключается вполне определенная мысль о расстановке революционных сил. Если Ленин давал формулу: вместе с революционным крестьянством против царизма вопреки буржуазии, то Плеханов, как видим, давал формулу: вместе с буржуазией против царизма при неопределенной (или даже враждебной) позиции крестьянства. В дальнейшем Плеханов, который этим вопросом занимался больше других меньшевиков и давал более четкие формулировки, обосновал свое положение о союзе пролетариата с буржуазией.

Мы видели выше, что предпосылку соглашения между пролетариатом и буржуазией Плеханов видит в том, что оба они — н о в ы е, г о р о д с к и е классы, вступающие в борьбу со старой д е р е в е н с к о й Россией. Этим особенно подчеркиваются преимущества буржуазии перед крестьянством. Пусть эксплоататорский класс — буржуазия — не может пойти так далеко, как пролетариат, это не является, думают меньшевики, препятствием для совместного продвижения вперед. Плеханов тут же приводит и объединяющую формулу:

«Всеобщее избирательное право по четырехчленной формуле ... свобода слова, печати и т. д., народный суверенитет, народоправие и т. д., и т. д., — каждая из этих формул м о ж е т явиться «алгебраическим знаком», объединяющим требования сознательного пролетариата и известной части буржуазии» [2].

Н е о б х о д и м о с т ь блока с буржуазно-демократическими элементами, понимая под последними именно буржуазные элементы, Плеханов подчеркивал и доказывал особенно энергично.

идеологи, народники, проникнуты экономически-реакционным социальным утопизмом. Поэтому они в первой стадии революции склонны были главные усилия направить на поддержку либералов в их конфликте с царской бюрократией, а во второй — на поддержку в первую голову г о р о д с к о й буржуазной демократии в ее борьбе с либералами, хотя эта городская буржуазная демократия была у нас в значительной мере мифической или во всяком случае ничтожной по своему экономическому удельному весу» («Красная новь», 1923 г., № 3, стр. 257—258).

[1] П л е х а н о в, Соч., т. XIII, стр. 218.

[2] П л е х а н о в, Соч., т. XV, стр. 285.

«Успешное восстание невозможно теперь у нас без сочувствия к нему со стороны «общества», заявляет Плеханов [1].

Для доказательства этого положения он развертывает очень важную и любопытную аргументацию. Чтобы народное восстание было победоносным, нужно обеспечить сочувствие делу восстания со стороны войска. Но в войске сильнейшее влияние имеют офицеры. Через них очень легко можно влиять на все войско. Но ведь офицеры плоть от плоти и кость от кости нашего «общества». Следовательно нам необходима поддержка общества уже хотя бы потому, что эта поддержка может обеспечить сочувственную к революции позицию офицеров и через них всего войска.

Плеханов делает последовательные практические выводы из своих суждений.

«Если для нас в военном отношении не только полезна, но прямо необходима поддержка со стороны «общества», то нам следует сделать все, что требуется современным положением нашего пролетариата для того, чтобы «общество» не переставало сочувствовать его революционному движению» [2].

Это была открытая ставка на такое восстание, которое означало, что оно если и будет, то будет лишь с санкции и под руководством либералов. Именно так Плеханов подошел к оценке Струве восстания на «Потемкине» [3].

Отсюда у Плеханова вырастает целая программа отношений к либералам. В основу этой программы Плеханов ставит, что

«нам нужно только на виду у всех ясно и отчетливо поставить свою ближайшую политическую задачу и решительно воздерживаться от тех бестактных выходок, которые принимаются иными за проявление крайнего социалистического радикализма, но которые на самом деле более всего вредны именно этому последнему» [4].

Плеханов, явным образом имея в виду большевиков, приводит и примеры «бестактных выходок». Так, например, он решительно осуждает манеру

«клеймить именем оппортунизма и громить как измену пролетариату поддержку, оказываемую нами освободительным «кампаниям», предпринимаемым теми или другими элементами этого общества» [5].

Не менее решительно осуждает Плеханов даже указания на измену буржуазии.

Становясь на почву соглашения пролетариата с буржуазией, Плеханов (а с ним и меньшевики) пришел к формуле:

«раз навсегда покончить с этим антилиберальным походом» [6].

Эта сторона меньшевистской позиции, так тесно связанная с старой меньшевистской проповедью соглашения с земцами о «непроизведении панического страха», чрезвычайно важна для понимания истинного характера того согласования действий с буржуазной демократией, которое предлагали мень-

---

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 196.
[2] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 192.
[3] См. ниже гл. X. наст. тома. — *Ред.*
[4] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 193.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 10.

шевики. Вывод, к которому пришли меньшевики, заключался в том, что пролетариату рекомендовалось соразмерять свое движение с движением либеральной буржуазии, чтобы добиться ее симпатии и поддержки, чтобы не дать себя «изолировать», чтобы не отпугнуть буржуазии.

Таким образом совершенно неизбежно получалось, что в блоке пролетариата и буржуазии, которого хотели меньшевики, руководящая роль должна была принадлежать именно буржуазии, так как на нее шло политическое «равнение». Гегемония пролетариата возможна была только в союзе с крестьянством, классом революционным в тот период, и классом, нуждавшимся в руководстве. В союзе же с буржуазией, классом нереволюционным и немогущим терпеть руководства рабочего класса, гегемония пролетариата становилась неосуществимой.

Вот почему, подводя итоги меньшевистских рассуждений о тактике социал-демократии, Ленин писал:

«Основная ошибка всего меньшевизма — непонимание того, какие именно элементы буржуазии могут совместно с пролетариатом довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России. Меньшевики постоянно сбиваются и до сих пор на то, что буржуазную революцию должна собственно делать «буржуазия» (вообще буржуазия без различия «цветов»!), а пролетариат должен помогать. Поэтому меньшевики (и в том числе Плеханов) никогда не могли определить сколько-нибудь по-марксистски, чем будет с точки зрения политической перегруппировки классов «решительная победа современной революции», хотя поговорить о решительной победе, даже в резолюциях, они были не прочь. Утверждение большевиков, что решительная победа может быть только за диктатурой пролетариата и крестьянства, им не нравилось, но ни опровергнуть его, ни исправить или видоизменить они не могли» [1].

Если это верно для меньшевистской оценки характера и движущих сил революции, то не менее верно, что подход меньшевиков к определению путей революции, к наметке методов борьбы как нельзя более ясно подтверждает факт отказа их от руководящей роли пролетариата в революции.

е) КАК ПРАКТИЧЕСКИ ПРЕДСТАВЛЯЛИ СЕБЕ МЕНЬШЕВИКИ РОЛЬ ПРОЛЕТАРИАТА В БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Мы видели раньше, как соединялась у большевиков мысль о гегемонии пролетариата в крестьянской буржуазной революции с мыслью об организации революции. Из того, что на долю пролетариата выпала роль гегемона, вождя борющихся классов, вполне естественно вытекало, что пролетариат и его партия должны «организовать» революцию (в том смысле, в каком это указывалось). Такая же последовательность, только противоположная по содержанию, имеется в позиции меньшевиков по отношению к этим двум вопросам. Два подхода, два понимания характера и движущих сил революции, естественно, приводили к двум принципиально отличным практическим «планам действия». Об этом совершенно ясно говорили не только большевики, но и меньшевики.

«Не надо забывать только одного обстоятельства, — писал Ленин, — часто упускаемого из вида при рассуждениях на тему об этом «размахе» (т. е. о «размахе» революции. — *Ред.*).

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 295.

Не надо забывать, что речь идет не о трудностях задачи, а о том, на каком пути искать и добиваться решения ее. Речь идет не о том, легко или трудно сделать размах революции могучим и непобедимым, а о том, как поступать следует для усиления этого размаха. Расхождение касается именно основного характера деятельности, самого направления ее. Мы подчеркиваем это, потому что неснимательные и недобросовестные люди слишком часто смешивают два различные вопроса: вопрос о направлении пути, т. е. о выборе одного из двух различных путей, и вопрос о легкости осуществления цели или близости ее осуществления на данном пути» [1].

«Товарищи! — говорил Мартынов на IV съезде партии.— Мы, так называемые меньшевики и большевики, расходимся не только в наших нынешних тактических директивах, мы расходимся в самом критерии, в самом представлении о ходе всякой революции. Именно поэтому мы различно оцениваем текущий момент, именно поэтому мы приходим к различным тактическим выводам» [2].

Отказ меньшевиков от руководящей роли пролетариата (хотя бы и скрытый, но вполне реальный) точно так же, естественно, приводил к отказу от задачи «организации революции».

Здесь отказ был уже совершенно открытым. Когда Парвус поместил в «Искре» свою статью об организации революции, то редакция решительно высказалась против Парвуса и вступила с ним в жестокую полемику [3].

Большевистскому лозунгу «организовать революцию» для борьбы «за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства» меньшевики и противопоставили лозунг «развязывать революцию» для осуществления «революционного самоуправления». Определенность большевистского лозунга, охватывающего и определенную конкретную цель и методы революционного действия, вполне соответствовала определенности и четкости большевистской позиции. Неопределенность лозунга «развязывания революции» тесно связана с двойственностью, неопределенностью, противоречивостью

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 96.

[2] «Протоколы», стр. 133. Вот почему, строго говоря, «центральным пунктом», характеризующим разногласия между большевиками и меньшевиками, следует считать вообще совершенно различное понимание задач осуществления как программы-минимум, так и программы-максимум. — *Ред.*

[3] Как мы уже упоминали выше, характерно, что не кто иной, как Троцкий выступил в «Искре» с рядом статей, успокаивавших «Искру» и меньшевиков и всячески подчеркивавших, что между меньшевиками и Парвусом разногласий нет. Так, в одной из этих статей («Искра» № 93, от 17 марта 1905 г.) Троцкий писал:

«Задачей нашей является не только «развязать» революцию, но и подготовить условия ее победы. Так ставит и вполне правильно ставит вопрос передовая статья № 87 «Искры». Можно даже, пожалуй, пойти дальше и сказать: «развязывать» революцию не приходится, ибо она уже «развязана», — вся задача сводится к тому, чтобы подготовить ее победу. Как? Внесением в «развязавшуюся» революционную стихию элементов политической и технической организованности. Говоря кратко, это значит организовать революцию. Так именно ставила вопрос статья т. Парвуса «Итоги и перспективы», и несогласие с нейредакции оказалось чистым недоразумением, устраненным ныне цитированной выше передовой статьей» (подчеркнуто нами. — *Ред.*). («Политические письма», см. Троцкий, Соч., т. II, ч. I, Госиздат, 1925 г., стр. 234).

По меньшей мере странными кажутся после этого примечания «мудрых» редакторов I и II полутомов II т. Собрания соч. Троцкого о том, что как раз в этих статьях Троцкий приближается к ленинскому пониманию стратегии и тактики партии в 1905—1907 гг. А сам Троцкий повторяет это утверждение и сейчас. «Революцию 1905—1907 гг. я провел рука об руку с большевиками» (Троцкий, Моя жизнь, изд. «Гранит», Берлин).

позиции меньшевиков и в конце концов со стремлением по возможности «не ввязываться в драку».

По существу уже знакомая нам меньшевистская постановка вопроса о «политических» и «технических» методах борьбы в значительной степени проливает свет на то, что меньшевики понимали под «развязыванием революции». В основе этой формулы лежит представление о революции как стихийном процессе, о силах революции как стихийных силах и о «вспомогательной», «указующей», «толкающей», но ни в коем случае не «организующей» роли передовой партии, передового класса.

Классическую постановку вопроса в этом отношении давала статья Мартова «Девятое января». Автор весь под впечатлением могучего стихийного рабочего движения, показавшего свою грандиозность в день «кровавого воскресенья» в Петербурге. Эта мощность рабочей стихии заставляет «Искру» окончательно поставить крест на перспективах организационного воздействия и организационного объединения масс со стороны партии.

«Нелепо и вредно мечтать, — пишет Мартов, — о монополии активной роли в надвигающемся восстании для русской социал-демократии. О чем она вправе, о чем она должна «мечтать»,—это о политической гегемонии для своего класса, о политически руководящей роли для себя как авангарда класса—освободителя нации. А эта роль не может быть ни достигнута, ни прочно закреплена за нами тем, что нам удастся взять всецело в свои руки техническую организацию и проведение восстания» [1].

Эту уже знакомую нам мысль о предпочтительности выполнения политических задач перед техническими «Искра» развивает и формулирует ясно и последовательно.

«Сознательный пролетариат, — продолжает Мартов, — опираясь на логику стихийного процесса исторического развития, использует для своих целей все элементы организации, все элементы брожения, которые создает момент «канула революции», нисколько не смущаясь тем, что все эти элементы отнимают у него долю «технического руководства» самой революцией, и таким образом волей-неволей посодействуют перенесению наших требований в самые отсталые слои народной массы. Мы будем только рады, если вслед за священником, популяризовавшим в массах наше требование разрыва государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход на Зимний дворец, русская революция обогатится генералом, который первым поведет народные массы в победный бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти. Мы будем вправе видеть громадный успех нашей работы, если какое-либо узко-националистическое или ограниченно-буржуазное движение послужит последним толчком, от которого затрясется царская Бастилия, если террористической организации заговорщиков удастся пробить в правительственном механизме первую брешь. Все это будет работать для рабочего класса, если только рабочий класс во всех перипетиях революции будет политическим авангардом восстающей нации, если под его политическим давлением будут совершаться все эти революционные превращения, если только движущей силой всего революционного процесса будет сознательная и планомерная работа социал-демократии» [2].

Сейчас же после приведенной нами выдержки «Искра» и формулирует свой лозунг «развязывания революции».

«Нашей задачей в данный момент является поэтому не столько «организовать» народную революцию, сколько «развязать» ее. Революция уже существует потенциально

[1] «Искра» № 85, 27/I 1905 г.

[2] «Искра за два года», ч. 1, стр. 261.

в мыслях и чувствах широких народных масс. Надо дать ей выход в открытом движении, надо реализировать ее, — и эта задача лежит целиком в области агитации и организации масс, в области политического руководства массами» [1].

Таким образом, как это видно уже с самого начала, вопрос о «развязывании революции» тесно смыкается с вопросом о преимущественном значении общеполитической работы перед всякими другими, «организационными», «техническими» и т. п. средствами борьбы. «Техника», «боевизм» и т. п. в устах меньшевиков приобретают пренебрежительное значение. Политическое руководство, выражаемое в пропаганде и агитации, является в глазах меньшевиков единственным делом, достойным партии пролетариата в революционную эпоху.

О том, что этим видам работы нужно уделить преимущественное внимание, говорят чуть ли не все статьи и выступления меньшевистских лидеров.

«Какова же первая, самая насущная задача революционеров в нынешней России?» — спрашивал Плеханов. И отвечал: «Все та же политическая агитация в массе» [2].

Эту свою мысль Плеханов развивает подробнейшим образом на протяжении всего революционного периода.

Утверждение о первостепенном значении воспитательной работы, как мы уже видели, не было в устах меньшевиков простым положительным утверждением. Оно все время связывалось у них с критическим отношением к организационным, «техническим» задачам, которые, по мнению меньшевиков, выдвигались большевиками на первый план в ущерб задачам политическим. Очень ярко это выражено Мартовым в той же статье «Девятое января». Развивая мысль о расширении воспитательной работы, об охвате ею всего пролетариата, автор продолжает:

«Нам скажут, что, уйдя в эту работу, мы оставляем в стороне «важнейшую» из задач момента, — мы оставляем в стороне работу по вооружению пролетариата, по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и единовременность нападения народа на правительство, которая бы обеспечила нам военнотехническое руководство массами в момент решительной борьбы».

Против этого предполагаемого упрека Мартов выдвигает следующее соображение:

«Мы, конечно, не можем игнорировать технических задач. Но, как они ни важны, не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию».

В чем Мартов видит «центр тяжести» политической работы, он говорит совершенно ясно:

«Как и все революционеры, мы должны заботиться о вооружении идущих к восстанию масс, но не должны забывать, что подпольные организации могут сделать в этом отношении очень немного, и все их старания не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием, — жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого. Вот куда должны мы направить свои усилия, — на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания» [3].

---

[1] Там же.

[2] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 323.

[3] «Искра» № 85, 27/I 1905 г.

Итак, следовательно, именно на пропаганду надо направить все усилия революционеров. Это, действительно, один из основных пунктов меньшевистской позиции. Плеханов язвительно писал:

«Как у Дюринга вся политическая история объясняется появлением на сцене «человека со шпагой», так у вас все политические задачи, которые ставит перед нами история, разрешаются появлением «человека с техникой». Нечего сказать, хорошие марксисты» [1].

Фактически меньшевики вращались в кругу старых экономистских идей [2].

---

[1] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 115.

[2] «Вульгарный революционаризм, — писал Ленин, — не понимает того, что слово тоже есть дело; это — положение, бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие пути не заменят и искусственно не вызовут. Хвостизм революционеров не понимает того, что когда начался революционный момент, когда старая «надстройка» треснула по всем швам, когда открытое политическое выступление классов и масс, творящих себе новую надстройку, стало фактом, когда гражданская война началась, — тогда ограничиваться по-старому «словом», не давая прямого лозунга перейти к «делу», тогда отговариваться от дела ссылкой на «психические условия» да на «пропаганду» вообще есть безжизненность, мертвенность, резонерство или же предательство революции и измена ей...

Хотите ли вы пояснения этой разницы между вульгарным революционаризмом и хвостизмом революционеров на истории социал-демократического движения в России? Мы вам дадим такое пояснение. Припомните 1901—1902 гг., которые миновали так недавно и которые кажутся уже нам теперь каким-то отдаленным преданием. Начались демонстрации. Вульгарный революционаризм поднял крик о «штурме» («Рабочее дело»), выпускались «кровавые листки» (берлинского, если память мне не изменяет, происхождения), нападали на «литературщину» и кабинетный характер идеи всероссийской агитации посредством газеты (Надеждин). Хвостизм революционеров выступал тогда, наоборот, с проповедью, что «экономическая борьба есть лучшее средство для политической агитации». Как держалась революционная социал-демократия? Она нападала на оба эти течения. Она осуждала вспышкопускательство и крики о штурме, ибо все ясно видели или должны были видеть, что открытое массовое выступление есть дело завтрашнего дня. Она осуждала хвостизм и выставляла прямо лозунг даже всенародного вооруженного восстания, не в смысле прямого призыва..., а в смысле необходимого вывода, в смысле «пропаганды»..., в смысле подготовки тех именно «социально-психических условий», о которых теперь представители растерянной, торгашеской буржуазии разглагольствуют «грустно и некстати». Тогда пропаганда и агитация, агитация и пропаганда действительно выдвигались объективным положением вещей на первый план. Тогда оселком работы по подготовке восстания могла выставляться (и выставлялась в «Что делать») работа над общерусской политической газетой, еженедельный выпуск которой казался идеалом. Тогда лозунги: массовая агитация вместо непосредственных вооруженных выступлений; подготовка социально-психических условий восстания вместо вспышкопускательства — были единственно правильными лозунгами революционной социал-демократии. Теперь эти лозунги превзойдены событиями, движение ушло вперед, они стали хламом, ветошью, годной только для прикрытия освобожденского лицемерия да новоискровского хвостизма!

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел? Гражданской войны еще нет, и критика оружия не должна теперь же явиться необходимым и обязательным преемником, наследником, душеприказчиком, завершителем оружия критики?

Посмотрите вокруг себя, высуньтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 73—74).

Идея «развязывания революции» с ее превознесением стихийности, отказ не только от «монопольного», но и от всякого организационного руководства революционным движением, самозамыкание в кругу задач воспитательной работы свидетельствуют об этом с полной убедительностью. Меньшевики резко противопоставляли этот лозунг «развязывания революции» мысли о необходимости организовать вооруженное свержение самодержавия.

«Развязать» революцию и закрепить за собою революционные позиции в возможно большем количестве мест, — писал Ф. Дан в № 109 «Искры» от 29 августа 1905 г. — это задача, ничего общего не имеющая с жалкой детской выдумкой новейших революционных стратегов, мечтающих о назначении «всенародного» восстания в три часа ночи с воскресенья на понедельник» [1].

Но рассуждая так, меньшевики в сущности шли еще дальше, еще правее старых экономистов, поскольку в революционной обстановке отказ от организации революционной борьбы пролетариата означал открытое предательство этой борьбы интересам буржуазии.

ж) МЕНЬШЕВИСТСКАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ.

Хвостизм меньшевиков и их «экономизм на новый лад» были, разумеется, не случайными. Отсюда неизбежно приспособление всего меньшевистского «плана действий» к интересам и нуждам буржуазного движения, отсюда неизбежна выработка такой тактики, в результате которой буржуазия «не отшатнулась бы» от революции. По этому поводу Ленин писал следующее о меньшевиках и их конференции в 1905 г., заседавшей одновременно с III большевистским съездом:

«Новоискровцы любят упрекать нас в том, что мы игнорируем опасность растворения пролетариата в буржуазной демократии. Мы бы хотели посмотреть на того, кто предпринял бы доказать этот упрек на основании текста резолюций, принятых III съездом РСДРП. Мы ответим нашим оппонентам: социал-демократия, действующая на почве буржуазного общества, не может участвовать в политике, не идя то в том, то в другом отдельном случае р я д о м с буржуазной демократией. Разница между нами и вами при этом та, что мы идем рядом с революционной и республиканской буржуазией, не сливаясь с ней, а вы идете рядом с л и б е р а л ь н о й и м о н а р х и ч е с к о й б у р ж у а з и е й, тоже не сливаясь с ней. В о т к а к о б с т о и т д е л о.

Ваши тактические лозунги, данные от имени конференции, с о в п а д а ю т с лозунгами «конституционно-демократической» партии, т. е. п а р т и и м о н а р х и ч е с к о й б у р ж у а з и и, причем вы не заметили, не сознали этого совпадения, оказавшись таким образом фактически в х в о с т е о с в о б о ж д е н ц е в...

Конференция своей резолюцией бессознательно о п у с к а е т с я до уровня либеральной и монархической буржуазии. Съезд партии своей резолюцией сознательно п о д н и м а е т до своего уровня способные на борьбу, а не на маклерство, элементы революционной демократии» [2].

Совершенно естественно, что этот хвостизм меньшевиков — их «экономистская» тактика и политика — должны были особенно ярко проявиться в двух важнейших вопросах, стоявших перед социал-демократией: вопросе

---

[1] «Искра за два года», «К вопросу о Государственной думе», ч. I, стр. 405.

[2] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 54.

о подготовке и организации вооруженного восстания и вопросе о Временном революционном правительстве, тесно связанном с первым.

И здесь меньшевики, желая как-нибудь прикрыть свой оппортунизм, прибегали к излюбленному своему методу противопоставления «чисто классовых политических задач пролетариата» задачам «техническим», совершенно игнорируя при этом факт уже начавшейся, уже развивающейся революции.

Наиболее яркое выражение меньшевистское противопоставление «политических» задач «техническим» получило в вопросе о подготовке восстания. Самой необходимости восстания как решительного удара по самодержавию меньшевики не отрицали. Но всегда, говоря о необходимости восстания, меньшевики подчеркивали, что нельзя слишком увлекаться мыслями о восстании, в особенности о назначении его, и тем самым в значительной степени ограничивали категоричность положения о необходимости восстания.

Резолюция меньшевистской женевской конференции 1905 г. следующим образом формулировала свое отношение к вооруженному восстанию:

«Ставя себе задачей подготовлять массы к восстанию, социал-демократия стремится подчинить его своему влиянию и руководству и использовать в интересах рабочего класса.

Принимая во внимание, что

1) возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами исключается уже одной слабой организованностью передовых слоев пролетариата и неизбежно стихийным характером революционного движения тех именно народных масс, быстрое вовлечение которых в борьбу с царизмом является залогом нашей победы;

2) что благоприятные условия для победоносного восстания создаются прежде всего непрекращающимся брожением в массах и растущей дезорганизацией реакционных сил, социал-демократия, в целях подготовки восстания, должна прежде всего:

а) расширять свою агитацию в массах на почве текущих политических событий;

б) связывать с своей политической организацией и подчинять ее влиянию самостоятельно возникающие социально-экономические движения пролетарских масс;

в) укреплять в массах сознание неизбежности революции, необходимости быть всегда готовыми к вооруженному отпору и возможности его превращения в каждый данный момент в восстание;

г) установить самую тесную связь между борющимся пролетариатом разных местностей, чтобы таким образом сделать возможным для социал-демократии инициативные действия по превращению подготовляющихся стихийно движений в планомерные восстания. Установить возможно большее общение между пролетарским движением в городах и революционным движением в деревне;

д) заинтересовать посредством широкой агитации в революционной борьбе пролетариата за демократическую республику возможно более широкие круги населения, дабы обеспечить боевым действиям пролетариата, руководимого самостоятельной классовой партией, возможно более активную поддержку пролетарских групп.

Только на почве такой всесторонней работы социал-демократии может быть приближен момент восстания, может быть облегчено подчинение его нашему руководству и могут приобрести более или менее серьезное значение технически боевые приготовления наших партийных организаций к восстанию» [1].

Но сведение всего вопроса о подготовке восстания к «агитации и пропаганде» в момент, когда на этом вопросе должно было быть сосредоточено все внимание пролетариата, как вождя революции, означало по сути дела отказ

[1] Третий очередной съезд РСДРП, Госиздат, М. 1924 г., стр. 544—545.

от подготовки восстания, означало чисто либеральное непонимание значения восстания для полной победы революции, означало боязнь восстания, готовность прибегнуть к нему только в самом крайнем случае (ниже мы увидим, что именно так и понимали меньшевики значение этого вопроса для революции). Поэтому Череванин только прямо и добросовестно расшифровывал эту резолюцию меньшевиков, когда писал:

«Можно было бы поставить вообще вопрос, имеет ли какое-либо значение пропаганда восстания. Восстание до сих пор везде и всегда, где оно возникало, в зникало в качестве стихийного народного взрыва на почве крайне обострившихся противоречий. Восстание для народа всегда и везде является крайним средством, он не готовится к нему заранее и хватается за него только в порыве крайнего возбуждения или отчаяния» [1].

В этой выдержке позиция меньшевиков доведена до крайне правого предела. По существу здесь заключается отрицание необходимости самого восстания и даже пропаганды его. Следует, конечно, помнить, что Череванин стоял на самом крайнем правом фланге меньшевизма и писал свою статью после поражения, когда уже начался упадок движения. Но подобные же мысли высказывались не только Череваниным. Вспомним статьи Засулич и Мартова, цитированные в предшествовавшей главе [2]. Активный наступательный характер восстания вполне сознательно игнорировался меньшевиками. Они предпочитали говорить о «вооруженном сопротивлении», о «частичных эпизодических выступлениях», о революционном самоуправлении.

«Организация революционного самоуправления — это и есть единственный способ действительной «организации» всенародного восстания... Работа по подготовлению организации революционного самоуправления народа и есть действительная работа по «подготовке» восстания, на фоне которой и могут приобрести важное значение подготовительные работы военно-технического характера»,

писала «Искра» в № 108 от 13 июля 1905 г. [3].

Особенно обстоятельно и принципиально меньшевики аргументировали свое отношение к задаче подготовки восстания на IV (речь Аксельрода) и на V (речь Мартова) съездах. Аксельрод говорил совершенно в духе своих фельетонов 1904 г:

«Сосредоточение всего внимания, всех помыслов и сил социал-демократии на применении террористических и бунтарско-заговорщических методов и средств борьбы не может не сопровождаться улетучиванием принципиально-пролетарского содержания из нее и превращением нашей партии, если не формально, то по существу, по фактическому социальному содержанию ее деятельности, в организацию буржуазно-революционную» [4].

Направление деятельности партии пролетариата в сторону активного практического руководства восстанием непременно сделает, по мнению Аксельрода, пролетариат орудием в руках буржуазии. Практически это подчинение должно проявиться в том, что, благодаря специфическому характеру задач руководства восстанием, преобладание в партии должны получить элементы, чуждые марксизму.

---

[1] Череванин, Пролетариат в революции, цит. изд., стр. 64.

[2] См. гл. II наст. тома. — *Ред.*

[3] Ф. Дан, Наша тактика и Государственная дума, «Искра за два года», стр. 399.

[4] «Протоколы», стр. 175.

«Я полагаю, что в сфере военнореволюционной техники и организации чисто боевых вооруженных атак мало-мальски толковый и храбрый офицер или даже унтер-офицер стоит больше целого десятка Марксов, вместе взятых», говорил Аксельрод [1].

Аксельроду представлялось поэтому неизбежным наводнение партии военными элементами, совершенно чуждыми пролетариату. С другой стороны, и старые партийные товарищи, уделив все свое внимание военной работе, должны были, по мнению Аксельрода, растерять «свой идейный багаж социал-демократизма». Поэтому Аксельрод делает категорический вывод: «Организация чисто боевых атак, а тем более настоящих восстаний, не может быть делом той или другой политической партии, как таковой... И если уж признать, что техническая подготовка всеобщего вооруженного восстания является главной и вполне выполнимой задачей современного исторического момента, то, разумеется, необходимо прежде всего осуществить именно этот план, т. е., между прочим, покончить на время и с существованием социал-демократии как организованной политической партии [2].

Здесь вопросу дана крайняя принципиальная постановка. Задачу подготовки и руководства восстанием и социал-демократическую политику Аксельрод считает настолько чуждыми, что они, по его мнению, исключали друг друга.

Вполне в духе Аксельрода высказывался на V съезде Мартов:

«Мы предлагаем совершенно устранить из порядка дня пункт о «подготовке восстания», предложенный тт. большевиками. Мы находим, что принципиально недопустимо, чтобы партия классовой борьбы пролетариата на своем съезде обсуждала такой вопрос. Социал-демократическая партия может принимать участие в восстании, призывать массы к восстанию, определять свое отношение к восстанию как форме революционной борьбы народных масс; но готовить восстание она не может, если остается на почве своей программы, если не становится партией заговора. Наши партийные традиции не знают таких вопросов, и я бы предостерег съезд от введения такого новшества, как предлагаемое включение в порядок дня вопроса о заговорщическом «делании» восстания. Что речь идет о подобном заговорщическом делании, видно из того, что в скобках после «подготовка» и т. д. стоит «боевые организации и пр.». Мы не можем на своем съезде обсуждать такого вопроса, как не можем, скажем, обсуждать вопроса: «подготовка цареубийства» [3].

Мы проследили принципиальную постановку вопроса меньшевиков о восстании на протяжении всей революции и видели, что именно Череванин наиболее четко формулировал эту постановку вопроса. Тот факт, что не все меньшевики с самого начала говорили «по-череванински», характеризовал лишь их «трусливый оппортунизм», но когда речь шла об открытой, ясной постановке вопроса, уже нельзя было различить «левая—правая где сторона». Туманные «левые фразы» должны были прикрывать, вводить в заблуждение неразобравшиеся еще пока массы. В дальнейшем мы еще неоднократно столкнемся с такой манерой меньшевиков. Поэтому тысячу раз верна характеристика,

---

[1] «Протоколы», стр. 175.

[2] Там же, стр. 183. Разрядка наша. — *Ред.*

[3] «Протоколы», стр. 58.

данная Лениным меньшевистской постановке вопроса о вооруженном восстании еще в начале революции:

«У кого есть глаза, чтобы видеть,— писал Ленин,— тот не может усомниться в том, как должен быть поставлен теперь сторонниками революции вопрос о вооруженном восстании. Посмотрите же на т р и постановки этого вопроса, данные в сколько-нибудь способных влиять на м а с с ы органах свободной печати.

Постановка первая. Резолюция III съезда РСДРП. Признано и заявлено во всеуслышание, что общедемократическое революционное движение у ж е п р и в е л о к н е о б х о д и м о с т и вооруженного восстания. Организация пролетариата для восстания поставлена на очередь дня как одна из существенных, главных и н е о б х о д и м ы х задач партии. Поручено принять с а м ы е э н е р г и ч н ы е меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием.

Постановка вторая. Принципиальная статья в «Освобождении» «вождя русских конституционалистов» (так назвал недавно г-на Струве столь влиятельный орган европейской буржуазии, как «Франкфуртская газета»), или вождя русской прогрессивной буржуазии. Мнение о неизбежности восстания им не разделяется. Конспирация и бунт — специфические приемы неразумного революционизма. Республиканизм — метод оглушения. Вооруженное восстание — вопрос, собственно, только технический, тогда как «самое основное, самое нужное дело» — массовая пропаганда и подготовка социально-психических условий.

Постановка третья. Резолюция новоискровской конференции. Наша задача — подготовлять восстание. Возможность планомерного восстания исключается. Благоприятные условия для восстания создаются правительственной дезорганизацией, нашей агитацией, нашей организацией. Лишь тогда «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления».

И только? И только. Стало ли восстание необходимым, этого новоискровские руководители пролетариата еще не знают. Неотложна ли задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы, — для них еще неясно. Не нужно звать к принятию самых энергичных мер, гораздо важнее (в 1905, а не в 1902 г.) разъяснить в общих чертах, при каких условиях эти меры «могут» приобрести «более или менее серьезное» значение...

Видите ли вы теперь, товарищи-новоискровцы, куда привел вас ваш поворот к мартыновщине? Понимаете ли вы, что ваша политическая философия оказалась перепевом философии освобожденческой? — что вы оказались (против вашей воли и помимо вашего сознания) в хвосте монархической буржуазии?» [1]

а) КРИТИКА МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМ. РЕВ. ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ДОПУСТИМОСТИ УЧАСТИЯ С.-Д. В НЕМ.

Отрицательное отношение меньшевиков к задачам организации восстания вполне естественно связано с их отрицанием необходимости «действия сверху», или, иначе говоря, участия социал-демократов во временном революционном правительстве. «Действие сверху» как тип наиболее организованного действия, возлагающего наибольшую ответственность на тех, кто его проводит, разумеется, не могло быть одобрено теми, кто вообще отрицал необходимость для партии играть роль организатора восстания. Но признание недопустимости участия пролетариата во временном правительстве связано у меньшевиков еще с одним принципиальным вопросом, — с представлением о задачах временного правительства и классовом характере революционной диктатуры. При этом меньшевики, заметая следы, прибегали к своей излюбленной манере передержки и подмене одного (спорного) вопроса другим, вовсе и не являющимся предметом спора. Особенно усердствовал Плеханов. Свою статью, направлен-

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 75—76.

ную против ленинских статей «О временном революционном правительстве», Плеханов озаглавил «К вопросу о захвате власти» (т. е. к вопросу о социалистической диктатуре), как будто спор шел об этом. Притом, чтобы еще больше оглушить своего читателя, Плеханов предпослал основному содержанию статьи следующие мысли:

«Политическая власть представляет собою ничем незаменимое орудие коренного переустройства производственных отношений. Поэтому всякий данный класс, стремящийся к социальной революции, естественно, старается овладеть политической властью. Пролетариат не составляет исключения из этого общего правила. Чтобы устранить капиталистические отношения производства, осуждающие его на тяжелую зависимость по отношению к классу предпринимателей, ему безусловно необходимо добиться политической власти. Другими словами: диктатура пролетариата должна быть первым актом социалистической революции. Это оспаривают, — и конечно, не могут не оспаривать, — гг. Бернштейны. Но это совершенно неоспоримо с точки зрения социал-демократа, верного революционному духу своей программы. Следовательно, об этом распространяться излишне» [1].

Получилось так, будто предметом дискуссии служит вопрос о «захвате власти», как и в спорах с Бернштейном. Поэтому Ленин прежде всего разоблачает ошибку в таком изображении существа разногласий. Ленин пишет:

«Плеханов выражает желание поспорить о том, следует ли направлять тактику к захвату власти. Боимся, что желание Плеханова (понятное лишь с точки зрения затушевывания мартыновской постановки вопроса) останется невинным пожеланием, ибо никто на эту тему не спорил и не спорит» [2].

Ленин так характеризовал сущность разногласий по этому вопросу:

«Резолюция III съезда РСДРП, как видно из ее названия, посвящена всецело и исключительно вопросу о временном революционном правительстве. Это значит, что участие социал-демократии во временном революционном правительстве входит сюда как часть вопроса. С другой стороны, речь идет только о временном революционном правительстве, ни о чем другом; следовательно, сюда не входит совершенно вопрос хотя бы о «завоевании власти» вообще и т. п. Правильно ли поступил съезд, отстранив этот последний и подобные вопросы? Несомненно правильно, ибо таких вопросов политическое положение России отнюдь не выдвигает на очередь дня. Наоборот, всем народом поставлено на очередь свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания. Съездам партии следует ставить на разрешение не те вопросы, которых коснулся кстати или некстати тот или иной литератор, а те, которые имеют серьезное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития» [3].

Между тем меньшевики именно так — по-плехановски — хотели извратить спор с большевиками. При этом характерно, что сам Плеханов не сразу стал на точку зрения о недопустимости участия с.-д. в революционном правительстве. Так, после Парижского и Амстердамского конгрессов II Интернационала он давал иную постановку вопроса о возможности участия социал-демократии в революционном правительстве.

В статье «Несколько слов о последнем международном социалистическом конгрессе» Плеханов, приведя текст резолюции, запрещающей «всякое участие

---

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 203.
[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 315.
[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 37—38.

социалиста в буржуазном правительстве, по отношению к которому социалисты должны находиться в непрерывной оппозиции», добавляет:

«Я не могу безусловно одобрить это решение, так как оно совершенно запрещает участие социалиста в буржуазном министерстве, а я думал и думаю,— подобно Каутскому,— что в некоторых исключительных случаях такое участие может быть необходимо для защиты насущных интересов рабочего класса. Все дело только в том, чтобы социалист, вступивший в буржуазное министерство, своим дальнейшим поведением и своими речами содействовал не затемнению классового самосознания рабочих, — как это делает Мильеран, — а его углублению и развитию» [1].

В своем фельетоне «В Амстердаме» он писал:

«Подобно тому как в литературе все роды хороши, кроме скучного, так и в политике все тактические приемы позволительны, кроме нецелесообразных. А участие социалиста в буржуазном министерстве не может быть раз навсегда объявлено несообразным с нашей целью» [2].

И только став меньшевиком, Плеханов в статье «Выбранные места из переписки с друзьями» говорил:

«Я утверждаю, что... участие социалистов, в качестве меньшинства, в буржуазном революционном правительстве не только смешно и бесцельно, но прямо непозволительно, потому что оно дает буржуазии возможность политически эксплоатировать представителей пролетариата» [3].

Классическую меньшевистскую постановку разбираемого вопроса дал Мартынов в своей брошюре «Две диктатуры», вышедшей в свет до 9 января. Анализируя историю якобинской диктатуры, которая погибла вследствие своей классовой «промежуточности» и стремления балансировать между эксплоататорами и эксплоатируемыми, Мартынов приходит к выводу, что исторически возможны только две диктатуры: диктатура буржуазии и диктатура пролетариата. Подобная постановка вопроса совершенно исключала то, что развил Ленин: идею революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в буржуазной революции. Революция осуществляет исторические задачи буржуазии, она неизбежно подготовляет господство буржуазии, — говорил Мартынов. Участие пролетариата при таких условиях в правительстве, хотя и революционном, но несомненно буржуазном, означает связывание себе рук, объединение своей политики с политикой буржуазии, которая обязательно будет вести борьбу против пролетариата. Иначе говоря, участие социал-демократов во временном правительстве не может быть ничем иным, как авантюрой, предательством интересов пролетариата, поэтому Мартынов предлагал как единственно правильную линию, линию «крайней революционной оппозиции».

Мысли, развитые Мартыновым, легли в основу меньшевистской позиции по этому вопросу. Женевская конференция приняла резолюцию, в которой по существу говорила то же, что Мартынов.

Эти же мысли в самых разнообразных вариациях повторялись всеми видными меньшевиками. Боязнь «осквернить уста» лозунгом «да здравствует правительство» явно довлеет над меньшевистскими лидерами. В одной из

[1] Плеханов, Соч., т. XI, стр. 115.

[2] Там же, т. XVI, стр. 309.

[3] Там же, т. XIII, стр. 293.

своих статей «На очереди», где ставился вопрос по-плехановски [1], Мартов с иронией рассказывает о «захвате власти», о французском революционере Распайле, который вначале получал почести от французской республики, а потом был посажен республиканскими властями в тюрьму. Как и Мартынов, Мартов ставит альтернативу: «или-или».

Точно так же в общем строит свои рассуждения Плеханов. Как и другие меньшевики, идею о допустимости вхождения социал-демократов во временное правительство он не называет иначе, как мильеранистской, жоресистской и т. п. В связи с этим большевизм Плеханов окрещивает «у б л ю д к о м, п р о и с ш е д ш и м о т с к р е щ и в а н и я б л а н к и з м а с ж о р е с и з м о м» [2].

«Наши противники хотят диктатуры «простого и черного народа», — писал Плеханов.— Это — социально-политическая категория, которая могла показаться определенной т о л ь к о н а р о д н и к а м. Мы стремимся к д и к т а т у р е п р о л е т а р и а т а. А пока она невозможна, мы требуем, чтобы партия, представляющая интересы этого революционнейшего в России, как и везде, класса, оставалась в о п п о з и ц и и к о в с е м б у р ж у а з н ы м п а р т и я м, к о в с е м х о з я е в а м, х о з я й ч и к а м и п о л у х о з я й ч и к а м, л и ш ь п о д д е р ж и в а я и х в т о й м е р е, в к а к о й о н и с т а н о в я т с я р е в о л ю ц и о н н ы м и» [3].

Поэтому Ленин иначе и не характеризовал позицию «Искры», позицию меньшевиков, как хвостистскую, предательскую позицию.

«...возьмите... рассуждение «Искры» по поводу возгласа: да здравствует революционное временное правительство! — писал Ленин. — Она назидательно замечает: «сочетание слов: «да здравствует» и «правительство» сквернит уста». Разве это не пустозвонная фраза? Они говорят о свержении самодержавия и в то же время боятся осквернить себя приветствием революционному правительству! Удивительно, право, что они не боятся осквернения от приветствия республике. Ведь республика необходимо предполагает правительство, и ни один социал-демократ никогда не сомневался в том, что именно буржуазное правительство. Какая же разница между приветствованием временного революционного правительства и приветствованием демократической республики? Неужели социал-демократия, политическая руководительница самого революционного класса, должна уподобиться анемичной и истеричной старой деве, которая жеманно настаивает на необходимости фигового листка: приветствовать то, что подразумевает буржуазное демократическое правительство, можно, но приветствовать прямо временное революционно-демократическое правительство нельзя?

Картина: петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новоискровцы и, вознося горе свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов...» [4].

Во всей постановке этого вопроса меньшевики проявили ту же черту, что и раньше в других вопросах — извращение ортодоксального марксизма, который в идейной позиции большевиков уже тогда шагнул далеко вперед. Говоря о «двух диктатурах», меньшевики имели в виду, так сказать, «химически чистые» в классовом смысле диктатуры, игнорируя богатый исторический опыт и своеобразие соотношения классовых сил в России.

---

[1] «Искра», № 95, 17 марта 1905 г.

[2] П л е х а н о в, Соч., т. XIII, стр. 297.

[3] Там же, стр. 300.

[4] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 201—202.

Насколько возможна была каждая из этих «химически» чистых диктатур как результат революции 1905 г., мы видели, разбирая точку зрения большевиков. Не видя «третьей диктатуры», меньшевики просто не видели того нового, что выдвинула новая эпоха и что сумел понять Ленин. С другой стороны, отношение меньшевиков к идее демократической диктатуры пролетариата и крестьянства еще раз подчеркивало отказ от гегемонии пролетариата в буржуазной революции, усиливая те моменты, которые мы отмечали выше. Даже самая формулировка: «быть в революционной оппозиции» подчеркивала, что, во-первых, инициатива и руководство передаются кому-то другому и что, во-вторых, авторы лозунга обязуются быть только в оппозиции к этому новому хозяину, не беря на себя задачи активного свержения его, если это понадобится. Меньшевистское умаление активности пролетариата выражено в этом вполне ясно. Еще более ясно оно выражено в другом меньшевистском лозунге, лозунге «революционного самоуправления».

Ленин следующим образом резюмировал ошибку мартыновской постановки вопроса у меньшевиков:

«Он боится только додумать до конца, боится назвать вещи их настоящим именем. Он говорит поэтому слова, значения которых не понимает, он робко повторяет, с смешными и неумными выкрутасами, лозунги, настоящий смысл которых от него ускользает. Только с хвостистом и возможен поэтому такой курьез в самой «интересной» части его заключительных выводов: революционное давление пролетариата и «народа» на верхи общества, но без революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства,— до этого мог договориться только Мартынов! Мартынов хочет, чтобы пролетариат грозил верхам общества, что он с народом пойдет вперед, но чтобы в то же время пролетариат твердо решил со своими новоискровскими вождями н е и т т и в п е р е д по демократическому пути, ибо это есть путь революционно-демократической диктатуры. Мартынов хочет, чтобы пролетариат оказывал давление на волю верхов обнаружением своего безволия. Мартынов хочет, чтобы пролетариат побуждал верхи «согласиться» довести буржуазную революцию до ее логического демократически-республиканского конца, побуждал тем, что выражал свою собственную боязнь в з я т ь на с е б я вместе с народом это доведение революции до конца, взять на себя власть и демократическую диктатуру. Мартынов хочет, чтобы пролетариат был авангардом в демократическом перевороте, и п о э т о м у умный Мартынов п у г а е т пролетариат перспективой участия во временном революционном правительстве в случае успеха восстания» [1].

Готовность меньшевиков пойти по «второму» пути, пути неполной победы над царизмом, вырисовывается перед нами со всей определенностью. В самом деле, относясь совершенно отрицательно к возможности участия социал-демократов во временном правительстве, меньшевики вместе с тем переносили свое отрицательное отношение и на самое это правительство. Не отрицая возможности и даже желательности образования временного правительства, меньшевики вместе с тем не подчеркивали, как это делали большевики, н е о б х о д и м о с т и этого, не отмечали, что именно этого требует революция. Наоборот, меньшевики допускали возможность того, что революция сможет обойтись и без такого правительства, что созыв Учредительного собрания возможен под непосредственным давлением народа каким-то другим учреждением (т. е. по сути дела испугавшимся царизмом). И меньшевики не проводили никакой

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 188 — 189.

принципиальной разницы между этими двумя случаями. Об этом совершенно ясно говорит уже цитированная нами резолюция женевской конференции, где сказано:

— «Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего под непосредственным революционным давлением народа организовать всенародное Учредительное собрание.

И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи» [1].

Отсюда меньшевики делали такой вывод:

«Поэтому и временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой по своему историческому характеру буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя.

При таких условиях социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей рук в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранит ее от растворения в буржуазной демократии» [2].

Здесь меньшевики по сути дела, во-первых, прямо сбивались на струвистский взгляд на государство как на организацию порядка...

«правительство, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами»,

...во-вторых сбивались на анархистскую мысль о том, что пролетариат никогда не может принимать участия в революционной борьбе «сверху», что он всегда должен бороться только «снизу», ни в коем случае не принимая участия в правительстве. В «Двух тактиках» Ленин резко и решительно вскрывает эту оппортунистическую путаницу.

«Неправда ли, как это связно выходит? — пишет он. — Мы ставим себе ц е л ь ю подчинить восстание и пролетарских и н е п р о л е т а р с к и х масс нашему влиянию, нашему руководству, использовать его в наших интересах. Мы ставим себе целью, следовательно, руководить при восстании и пролетариатом, и революционной буржуазией, и мелкой буржуазией («непролетарские группы»), т. е. «р а з д е л и т ь» руководство восстанием между социал-демократией и революционной буржуазией. Мы ставим себе целью п о б е д у восстания, долженствующую привести к учреждению временного правительства («вышедшего из победоносного народного восстания»). П о э т о м у... поэтому мы не должны ставить себе целью захватить или разделить власть во временном революционном правительстве!!

Наши друзья никак не могут свести концов с концами. Они колеблются между точкой зрения г. Струве, отговаривающегося от восстания, и точкой зрения революционной социал-демократии, призывающей взяться за эту неотложную задачу. Они колеблются между анархизмом, принципиально осуждающим как измену пролетариату всякое участие во временном революционном правительстве, и марксизмом, требующим такого участия при условии руководящего влияния социал-демократии на восстание. У них нет никакой самостоятельной позиции: ни позиции г. Струве, который желает торговаться с царизмом и потому должен уклоняться и вилять по вопросу о восстании; ни позиции анархистов, которые осуждают всякое действие «сверху» и всякое участие в буржуазной революции. Новоискровцы смешивают сделку с царизмом и победу над царизмом. Они хотят участвовать в буржуазной революции. Они несколько ушли вперед от «Двух диктатур» Мартынова. Они согласны даже руководить восстанием народа, — с тем, чтобы отказаться от этого руководства тотчас после победы (или, может

[1] Третий очередной съезд РСДРП, Госиздат, М. 1924 г., стр. 551.

[2] Там же.

быть, непосредственно перед победой?), то есть с тем, чтобы не пользоваться плодами победы, а отдать все плоды целиком буржуазии. Это называют они «использовать восстание в интересах рабочего класса»...

Останавливаться дольше на этой путанице нет надобности» [1].

Меньшевики и сами чувствовали шаткость своих положений; наряду с лозунгом «оставаться крайне левой оппозицией во время революции» они выдвинули, как известно, в противовес лозунгу «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» лозунг «организации революционных местных самоуправлений», лозунг организации «революционных коммун» и частичного захвата власти. Даже такая постановка вопроса означала, что меньшевики принципиально признают свои позиции никуда негодными, неверными и вынуждены итти именно в направлении, указанном большевиками, ибо частично признают необходимость руководить не только снизу, но и сверху, но это был только робкий шаг, вносивший путаницу, так как неясно было, почему же можно «брать власть» в одном или другом городе, но нельзя было ее взять в области, в центре, неясно было, что же это за «коммуна», за «самоуправления» на местах, если в центре сидит старое правительство. Наконец в каких же взаимоотношениях находятся эти «местные власти» с временным правительством, если таковое создалось бы в центре?

Все это меньшевики обходили, смешивая при этом буржуазный и социалистический характер революции, поскольку лозунгами «частичного захвата власти», «революционных коммун» они не давали ясных указаний, о каком «захвате» собственно идет речь, — демократическом или социалистическом [2]. Но вся эта путаница была не случайна, а била в одну и ту же меньшевистскую точку: «чтобы буржуазия не отшатнулась». Мартынов в «Великой исторической проверке» пишет:

«Меньшевики, насколько мне помнится, по инициативе Ф. Дана, выдвинули в 1905 г. лозунг: «развязывать революцию»; но за этим лозунгом скрывалось не столько «развязывание» пролетарской революционной стихии, сколько развязывание общедемократической стихии, в которой пролетариат мог бы играть роль толкача; правда, меньшевики в 1905 г. дали лозунг образования «революционных коммун», — но не случайно они употребляли это выражение всегда в множественном числе, ибо, готовые брать власть на местах для «развязывания революции», готовые взять ее где-нибудь в Тифлисе, или в Гурии, или в Севастополе, — они боялись ее взять в центре, в Петербурге. Правда, меньшевики на майской общепартийной конференции 1905 г. предусматривали случай, когда социал-демократическая партия вынуждена будет взять власть, и тогда, говорили они, мы постараемся перенести революцию на Запад, чтобы зажечь пожар западно-европейской социалистической революции. Но этот случай меньшевики рассматривали как «несчастный случай» [3].

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 77—78.

[2] В примечании к 10-й главе брошюры «Две тактики» Ленин писал:

«Смешение мелкобуржуазной борьбы за полный демократический переворот с пролетарской борьбой за социалистическую революцию грозит политическим крахом социалисту. Это предостережение Маркса вполне правильно. Но именно лозунг «революционные коммуны» и ошибочен как раз по этой причине, ибо известные в истории коммуны как раз смешивали демократический и социалистический переворот» (Соч., т. VIII, стр. 127).

[3] «Красная новь» № 2, 1923 г., стр. 247.

Но зато никак нельзя согласиться с Мартыновым, когда он после всего этого дает такую обобщающую оценку тактики большевиков и меньшевиков:

«В споре 1905 г. между меньшевиками и большевиками выявились две тактики. Для меньшевиков — вначале бе слово. Таким «словом» для них была, напр., тактическая платформа Маркса средины прошлого века, а наипаче старое «слово» Плеханова о «буржуазной революции». Для большевиков, рвавшихся вперед с необузданностью молодых варваров — сначала было дело, и, делая это дело революции, они в процессе борьбы учились (и у ч и л и с ь (!) часто (!!) у самих меньшевиков (!! — *Ред.*), (как русский «варвар» Петр учился у «европейцев» шведов) и, учась, находили в себе при помощи диалектики марксизма подходящие для момента новые «слова» [1].

Нет надобности критиковать эту оценку, настолько очевидна ее ошибочность. Меньшевики и большевики представляли действительно, как мы видели, «две линии революции», и уж если кто иногда и учился у кого, так это как раз меньшевики у большевиков.

Нам остается еще остановиться на меньшевистской постановке вопроса о «перерастании», но здесь уже «сродство» с троцкизмом настолько тесно, что, только изложив позицию этого последнего, можно будет указать на «отличие» меньшевистской постановки вопроса.

---

[1] «Красная новь» № 2, 1923 г., стр. 266.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VI ГЛАВЕ.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С ОЦЕНКОЙ ХАРАКТЕРА И ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ У ПАРВУСА И ТРОЦКОГО

(троцкистской «теорией перманентной революции»).

I. Вопрос о «буржуазном» и «социалистическом» этапах революции у Парвуса и Троцкого.

а) Возможна ли буржуазная революция в условиях высокоразвитого капитализма.
б) Задачи пролетариата в буржуазной революции в новых условиях.
в) Что такое «перманентность» по Парвусу и Троцкому.

II. Оценка революции 1905 г. у Парвуса—Троцкого.

а) Характер революции.
б) Движущие силы революции.
в) Внутренние и внешние условия развития революции.
г) Анализ особенностей исторического развития России.

III. «Рабочее правительство» как центральный лозунг троцкизма.

а) Лозунг «рабочего правительства» и его задачи.
б) «Рабочее правительство» и меньшевики.
в) «Рабочее правительство» и большевики.

IV. «Пёрманентная революция» Парвуса—Троцкого в вопросах тактических и организационных.

Заключение:

Перманентная революция Парвуса—Троцкого как разновидность меньшевизма.

ЛИТЕРАТУРА:

Основной является брошюра Троцкого «Итоги и перспективы». Остальная литература в тексте.

ГЛАВА VI.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С ОЦЕНКОЙ ХАРАКТЕРА И ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ У ПАРВУСА И ТРОЦКОГО

(троцкистской «теорией перманентной революции»).

а) ВВЕДЕНИЕ.

В предыдущих главах мы останавливались на двух оценках характера и движущих сил революции 1905 г. со стороны РСДРП — большевистской и меньшевистской, революционной и оппортунистической. Теперь мы ознакомимся с третьей оценкой — парвусо-троцкистской, известной под именем «троцкистской теории перманентной революции». Выделяя схемы особо, мы сразу же подчеркиваем, что в основных принципиальных, тактических и организационных моментах парвусо-троцкистская теория перманентной революции выступает как одна из разновидностей меньшевизма. Представление об основных задачах рабочего класса в революции, игнорирование типичных особенностей русской буржуазно-демократической революции как революции крестьянской, отказ от гегемонии пролетариата в революции, непонимание революционной роли крестьянства, чисто меньшевистская критика центрального большевистского лозунга — революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства и т. д., — все это не только теоретически, но и политически роднило троцкистов с меньшевиками.

Но Парвус и Троцкий своей «теорией» подкрепляли меньшевизм в таких социально-политических условиях (именно — в эпоху максимального подъема революции), когда обычных аргументов, «классических» для оппортунизма, было недостаточно для оказания развращающего буржуазного влияния на рабочий класс и подчинения его гегемонии либералов. Последнее могло быть успешнее и удачнее выполнено мнимо-левым «революционным» фразерством, каковым являлась троцкистская теория перманентной революции. Так в наше время, обманывая массы, «левая» социал-демократия выступает на сцену тогда, когда языком Шейдеманов и Носке говорить неудобно.

Парвус и Троцкий «левой» теорией политически укрепляли позиции Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова и пр. [1].

---

[1] Неслучайно Мартов, еще совсем недавно «споривший» на страницах «Искры» с Троцким и Парвусом, писал в конце октября 1905 г., когда меньшевики заключили блок

Меньшевизм и его разновидность — троцкизм — суть оппортунизм, выросший из одних и тех же политических и экономических условий, классовый источник которого — подавляющее преобладание в России 1905 г. мелкобуржуазной стихии.

Ленин в предисловии к сборнику «За 12 лет» (сентябрь 1907 г.) писал следующее:

«Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа: с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелкобуржуазного оппортунизма. В такой мелкобуржуазной стране, как Россия, в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой рабочей социал-демократической партии эти тенденции не могли не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе. Ознакомление с различными формами проявления этой тенденции в российской социал-демократии в разные периоды ее развития необходимо для укрепления революционного марксизма, для закаления русского рабочего класса в его освободительной борьбе» [1].

Мелкобуржуазный оппортунизм в социал-демократической партии в разные периоды, на разных этапах революционного развития событий 1905 г. неизбежно проявлялся в различных формах. Шаткость и неустойчивость мелкой буржуазии нашла в оппортунистическом крыле социал-демократии соответствующее выражение — в «правых», «центристских» и «левых» тенденциях. Плеханов — Череванин, Дан — Мартов, Парвус — Троцкий — самые яркие представители этих колебаний мелкобуржуазной идеологии.

Все эти оппортунистические течения были объединены исключительной враждой к большевизму — подлинному представителю революционного пролетариата в 1905 г. Марксо-ленинская стратегия и тактика в революции 1905 г. могла победить лишь в борьбе со всеми этими разновидностями меньшевистского оппортунизма (в том числе и троцкизма) путем полного идейного и политического разоблачения последних в глазах рабочих масс.

Разбор троцкистской концепции движущих сил революции 1905 г., тех задач, которые она выдвигала перед рабочим классом, а также классового значения парвусо-троцкистской схемы в целом имеет специальный интерес для характеристики позиции мелкой буржуазии в обстановке восходящей линии революции, когда «взбесившийся» мелкий буржуа под влиянием революционного подъема не хотел знать ни о каких «этапах», «переходах», «остановках», «мчась» на всех парах к социализму, чтобы затем в обстановке упадка революционной волны отказаться вовсе от каких бы то ни было революционных позиций.

с Троцким и Парвусом, начав издавать совместно газету «Начало», Аксельроду: «Уживемся ли мы с толстяком (т. е. Парвусом. — *Ред.*) и Троцким — неизвестно. Сделаем все возможное, чтобы ужиться. Придется допустить без контркритики пропаганду довольно-таки рискованных идей». Да, меньшевикам нечего было бояться этих «рискованных» идей, и потому они так легко согласились их распространять. Именно такие «идеи» выгодно было меньшевикам «пустить» в оборот в октябрьско-декабрьские дни 1905 г.

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 70.

Поэтому совершенно неправы товарищи, делающие выводы об «одиночестве» Троцкого в том смысле, будто никакой классовой базы под это «одиночество» подвести нельзя. За этим в сущности скрывается попытка смазать социальную сущность троцкизма.

Так, один из ближайших сподвижников Троцкого в 1905 г., Сверчков [1], свидетельствует, что теория перманентной революции, которую ревностно пропагандировал Троцкий, не только в партии никакого влияния не имела, но и не разделялась тогда почти никем.

В этом же духе высказывался Рыков.

«До октября 1917 г. троцкизм представлял из себя не политическое течение среди рабочего класса, а идеологию одного лица — т. Троцкого»

Радек в статье «Развитие и значение лозунга демократической диктатуры» (1928 г.) пишет, что

«на основе этой теории т. Троцкому не удалось создать какой бы то ни было массовой фракции. Это показывает, что родилась она из теоретической ошибки одиночек, а не из потребности какого бы то ни было класса или серьезной классовой прослойки» [2].

Во всех приведенных выдержках сквозит мысль о невозможности подведения социальной, классовой базы под теорию перманентной революции. Мы видим, как далеки такие оценки от ленинской, которая, подчеркивая специфические особенности носителей этой идеологии («сверхчеловеки», «одиночки», «исключительный индивидуализм»), все же не игнорировала и классовой базы этой троцкистской идеологии.

б) ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В ОЦЕНКЕ ПАРВУСА — ТРОЦКОГО.

Оценка движущих сил революции, тактических задач, лозунгов борьбы и пр. связывалась с правильным, революционно-марксистским пониманием характера революции 1905 г. Разбор парвусо-троцкистской схемы должен начаться с вопроса о понимании Троцким буржуазно-демократической революции. Мы уже знаем [3], что к оценке роли и задач пролетариата в буржуазно-демократической революции Троцкий подходил как верный ученик и последователь Аксельрода. «Левые» выводы Троцкого из аксельродовской концепции сводились к тому, что он пытался как в 1905 г., так и в последующий период вплоть до 1917 г. [4] доказывать, что при любых условиях пролетариат не сможет быть во главе революции, без того чтобы не стать немедленно на путь социалистического переворота. К буржуазному этапу революции Троцкий подходит поэтому чисто формально, идея двух типов буржуазно-демократической революции ему, как и всем меньшевикам, абсолютно чужда. При этом анализ троцкистского понимания характера революции затрудняется тем обстоятельством, что Троцкий, как и Парвус, нигде прямо не говорит, что он

---

[1] Сверчков, На заре революции, изд. 1922 г., стр. 181.

[2] Ложно и хвастливо ответил Троцкий Радеку в связи с вопросом о массовой фракции: «Моя линия совпадала с линией большевиков. К чему же было создавать другую фракцию?»

[3] См. выше, гл. II. — *Ред.*

[4] Троцкий, как известно, не видит принципиального различия между оценкой характера и движущих сил революций 1905 и 1917 гг. — *Ред.*

понимает под буржуазным и что под социалистическим этапом революции. Важнейшими работами Троцкого, где дано наиболее полно обоснование его теории, являются: брошюра «Итоги и перспективы», предисловие к «Речи Лассаля перед судом присяжных», предисловие к «Гражданской войне во Франции» Маркса и статьи «Наши разногласия» и «Борьба за власть». Хотя последняя написана в 1915 г., однако она имеет прямое отношение и к периоду 1905 г., так как в ней Троцкий развивает свои основные положения, высказанные им в 1905 г. и ошибочность которых Троцкий, вопреки резкой критике Ленина, не только не признает, но еще больше углубляет в связи с новыми условиями. Тем более, что по Троцкому, новые перемены в экономике России между 1905 и 1915 гг. ничего не внесли в оценку характера и движущих сил революции. Не понимая принципиального различия между экономическими уровнями России 1905 и 1915—1917 гг. (когда капитализм превратился в монополистический капитализм), Троцкий писал:

«Что значит: «при уровне экономического развития России 1905 г.»? А как обстоит дело с уровнем 1917 г.? На этой разнице уровней построена вся теория социализма в отдельной стране. Ведь программа Коминтерна разграфила весь земной шар на клетки, «достаточные» и «недостаточные» для самостоятельного построения социализма. Разница экономических уровней может иметь непосредственно решающее значение для политической силы пролетариата. В 1905 г. мы не дошли до диктатуры пролетариата, как не дошли и до демократической диктатуры. В 1917 г. мы дошли до диктатуры пролетариата, поглотившей собою демократическую диктатуру. Но при экономическом развитии 1917 г., совершенно так же, как и при уровне 1905 г., диктатура может удержаться и развернуться в социализм только, если на помощь ей своевременно придет западный пролетариат. По отношению к этому основному вопросу, определяемому мировым соотношением сил, разница уровней России 1905 и 1917 гг. является фактором второго порядка». (Разрядка наша. — *Ред.*)

За исходный пункт всех своих рассуждений Троцкий берет одну мысль Лассаля, к которой подходит совершенно некритически, хотя Лассаль явно не по-марксистски ставит вопрос о значении буржуазно-демократической революции для пролетариата в новых условиях. Неверность этой лассалевской мысли особенно ярко сказывалась как у самого Лассаля, так и у Троцкого в оценке движущих сил революции.

«Из событий 1848/49 г., — пишет Троцкий, — Лассаль сделал тот непоколебимый урок, что «никакая борьба в Европе не может быть успешна, если только с самого начала она не будет провозглашена чисто социалистической»... Мы далеки от намерения пророчествовать. Но для нас ясно одно: победа возможна лишь на том пути, который в 1849 г. формулировал Лассаль. От классовой борьбы к единству буржуазной нации возврата нет» [1].

Если бы Троцкий хотел здесь сказать, что обстановка и условия борьбы за разрешение задач буржуазной революции изменились, что теперь задачи эти могут быть разрешены только под гегемонией пролетариата, то это было бы совершенно верно. Но Троцкий имеет в виду совсем не это. Троцкий как меньшевик хочет сказать, что, поскольку буржуазная революция выгодна прежде всего буржуазии и совершается она только под руководством буржуазии,

[1] Троцкий, «1905», изд. 3-е, М. — Л. 1924 г., стр. 60.

постольку в нашу эпоху значение самой буржуазной революции, когда буржуазия стала контрреволюционным классом, так ничтожно, что заставит пролетариат в сущности логикой положения стать немедленно на путь социалистической революции. Эту мысль Троцкий еще резче повторяет в 1915 г. в своей статье «Борьба за власть» [1], вызвавшей резкую критику со стороны Ленина в известной статье «О двух линиях революции» [2].

В указанной статье Троцкий, развивая мысль, высказанную выше, пишет:

«Национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием подлинно революционной буржуазной демократии. Время национальных революций прошло, — по крайней мере, для Европы — так же, как и время национальных войн... Мы живем в эпоху империализма; это... определенный... режим. Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат буржуазной нации» [3].

Так Троцкий целиком «популяризирует» мысль Лассаля в духе уже известной нам аксельродовской идейки о том, что, совершая под своим руководством буржуазную революцию, пролетариат занялся бы «политическим заместительством», прикрываясь при этом «империалистической эпохой», которая, по Троцкому, повидимому, наступила в России еще до революции 1905 г. (поскольку принципиально последняя цитата ничем не отличается от сказанного Троцким выше по поводу Лассаля). Разница лишь в том, что в 1915 г. Троцкий берет при этом также под обстрел и марксо-ленинскую теорию национально-освободительных войн и революций в эпоху империализма, повторяя аргументы так называемых «левых» (Розы Люксембург, Радека, Бухарина и др.) и не понимая, как и «левые» эпохи войны, то новое, что действительно внесла империалистическая эпоха в этот вопрос [4].

Казалось бы, что определение революции 1905—1907 гг. как революции социалистической напрашивается у Троцкого как будто с достаточной отчетливостью. Однако остается все же неясным, какое же место, какое значение имеет у Троцкого «буржуазный этап» революции и с какого момента он считается по Троцкому завершенным. И вот нужно сразу же подчеркнуть, что для («перманентников») в определении социального содержания революции характерны нечеткость, неясность, вытекающие из чисто меньшевистского понимания категории «буржуазная революция», завуалированного, правда, «левой» фразой, смешивающей задачи буржуазной и социалистической революции. Но это как раз и делало ее вполне приемлемой для оппортунизма: «понимай и так и этак, в зависимости от погоды»... Приведем ряд характерных примеров.

«Пролетариат выполняет свою миссию, опираясь, как в свое время буржуазия, на крестьянство и мещанство... Это не «диктатура крестьянства и пролетариата», это — диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство. Его работа не ограничивается, конечно, рам-

---

[1] «Наше слово», Париж, 11/X 1915 г.

[2] Ленин, Соч., т. XVIII.

[3] «1905», стр. 289. Разрядка автора. — *Ред.*

[4] См. об этом «История ВКП(б)» под ред. Ем. Ярославского, т. III, изд. 2-е.

ками государства. Логикой своего положения он будет немедленно выброшен на международную арену» [1].

В статье «Борьба за власть» [2] Троцкий пишет, что борьба против третьеиюньской монархии будет прежде всего «борьбой самого пролетариата», поэтому

«ясно, что п о б е д а в э т о й б о р ь б е должна передать власть тому, кто руководил борьбой, т. е. социал-демократическому пролетариату. Вопрос идет, стало быть, не просто о «временном революционном правительстве» (пустая форма, которую историческому процессу предоставляется заполнить неизвестно каким содержанием [3], а о р е в о л ю ц и о н н о м рабочем правительстве, о завоевании власти российским пролетариатом» [4].

В связи с этим Троцкий неоднократно разъяснял в 1905 г., что «непрерывная революция» в его понимании заключается в том, «что между ближайшей и конечной целью устанавливается непрерывность», совершенно при этом не объясняя—благодаря каким же условиям собственно эта непрерывность происходит, в то время как именно в этом-то и заключался «гвоздь» вопроса.

Представление «перманентников» о характере российской революции 1905 г. как революции социалистической нашло себе выражение и в мыслях, высказанных в предисловии Троцкого к брошюре Маркса «Парижская коммуна». Вслед за Каутским, разбиравшим этот же вопрос в брошюре «Американский и русский рабочий», Троцкий следующим образом доказывает здесь возможность для отсталых стран становиться на путь диктатуры пролетариата:

«День и час, когда власть перейдет в руки рабочего класса, зависит непосредственно не от уровня производительных сил, а от отношений классовой борьбы, от международной ситуации, наконец от ряда субъективных моментов: традиции, инициативы, боевой готовности... В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой. В 1871 г. он сознательно «взял в свои руки управление общественными делами» в Париже, — правда, только на два месяца, — но ни на один час он не брал власти в крупнокапиталистических центрах Англии или Соединенных штатов. Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических средств и сил страны представляет собой предрассудок упрощенного до крайности «экономического» материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего» [5].

Троцкий пытается таким образом подойти к оценке русской революции и ее особенностей с точки зрения закона неравномерности экономического и политического развития капитализма. Однако Троцкий не понял значения этого закона для рассматриваемой эпохи и не сумел применить его к ее особенностям. Здесь следует подчеркнуть только то, что и тут Троцкий как будто ставит вопрос о диктатуре пролетариата и для России, но опять увиливает от прямого ответа на вопрос: как же произойдет переход к такой диктатуре от буржуазного этапа революции и как, по его мнению, эта диктатура может осуществиться?

---

[1] Т р о ц к и й, предисловие к брошюре Ф. Лассаля «Речь перед судом присяжных», изд. «Молот», Спб. 1905 г., стр. 27.

[2] «Наше слово», 17/X 1915 г.

[3] И после этого Троцкий имеет наглость писать в книге «Моя жизнь», что резолюцию о временном революционном правительстве для III съезда писал он, Троцкий, в то время как на самом же деле, как это документально установлено, эта резолюция писалась Лениным. Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 466, прим. 127.

[4] «1905», стр. 292. Разрядка автора. — *Ред.*

[5] Изд. «Молот» 1906 г., стр. III — IV.

Не будем пока останавливаться на ошибочном воззрении Троцкого, безоговорочно признающего заодно с меньшевиками Парижскую коммуну диктатурой пролетариата, тогда как Ленин видел в Парижской коммуне демократическую диктатуру пролетариата и мелкой буржуазии, и лишь в определенном смысле Ленин говорил о Парижской коммуне как о диктатуре пролетариата [1].

Итак, Троцкий считает, что революция 1905 г. может закончиться успешно только как революция, которая непосредственно осуществляет программу-максимум, т. е. решительно вторгается в отношения капиталистического общества.

Такая оценка эпохи и исторического смысла революции 1905 г. является оппортунистической по самому своему существу.

«Мелкобуржуазный оппортунист способен к бесчисленным перевоплощениям: он нередко играет красками крайней революционности, но при решительном историческом испытании всегда ползает на брюхе»,

пишет Троцкий в предисловии к книге «Война и революция» [2]. Характеристика эта вполне применима к троцкистской теории перманентной революции, также игравшей лишь «красками крайней революционности». В самом деле, говоря о ближайшем этапе революции как о социалистическом, Троцкий даже и не пытался анализировать экономические и социальные предпосылки для такого перехода. Он ограничивался лишь констатированием факта, что начать может не только передовая, но и отсталая страна. Вот почему для Троцкого совершенно безразличны изменения, происшедшие между 1905 и 1917 гг.

Причем Троцкий, рассматривая революцию 1905 г. как социалистическую, считал, что успех ее возможен только при прямой и непосредственной поддержке европейского пролетариата, захватившего в свои руки государственную власть. Итак, закон неравномерности нужен был Троцкому только для того, чтобы доказать, что отсталая страна может начать революцию, не имея абсолютно никаких внутренних данных для ее дальнейшего победоносного развития,—т. е. прямо противоположное тому, что доказывал Ленин [3].

Большевизм, ставящий ставку на доведение до конца демократической революции в целях создания максимально благоприятных условий для перерастания революции в социалистическую, по мнению Троцкого, создал «метафизическую конструкцию» [4]. Такая оценка большевизма свидетельствовала, что Троцкий в значительной мере повторял лишь аргументы мелкобуржуазных течений эсеровского толка в русской революции 1905 г. Последние, как известно, в революцию 1905 г. выступили без программы и точно выясненной общей перспективы революции. Ленин жестоко осуждал эсеров, которые

---

[1] См. об этом ниже гл. VII наст. тома. — *Ред.*

[2] Троцкий, т. I, стр. 8.

[3] См. об этом т. III и IV «Истории ВКП(б).» — *Ред.*

[4] «1905», стр. 285.

«только во время революции спохватились выступить с «проектом» программы и заняться впервые вопросом — буржуазная ли революция происходит у них перед глазами» [1].

Эти слова Ленина могут быть в значительной мере перенесены и на меньшевиков и в особенности на троцкистов, которые, имея программу РСДРП, признавали, правда, что революция начнется как буржуазная, но совершенно не понимали особенностей этого буржуазного этапа, считая, что понятие «буржуазная революция» всегда одно и то же, при любых исторических условиях, и потому сбивались под влиянием событий на «любые крайности». Троцкий в предисловии к «1905» пишет:

«Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции».

Конечно, в самом факте выковывания революционной теории в огне революции не было ничего оппортунистического. Неоднократно это подчеркивали Ленин и большевики. Но в том-то и дело, что речь шла не о дальнейшем развитии революционной теории, а о «рабском преклонении перед минутой и минутным настроением». Так, Парвус сознавался, что «бурный вихрь» классовой борьбы закружил голову многим социал-демократам.

Признания Троцкого и Парвуса о времени обоснования точки зрения «перманентников» крайне важны. Она была обоснована в обстановке мощного выступления пролетариата людьми, которые руководить движением не могли, которые потеряли марксовский научный компас и сбивались на настроения минуты.

Эти «сверхчеловеки», как говорил о них Ленин, высказывали «полуанархистские мысли» [2] и развивали, как «самые невежественные люди» [3], путанные взгляды о соотношении между буржуазной и социалистической революциями.

«Левизна» троцкистов в вопросе об объективном историческом смысле революции 1905 г. противоречила основному принципу революционного марксизма о гегемонии пролетариата в борьбе против абсолютизма. Она затушевывала самые существенные, самые важные задачи социал-демократии и рабочего движения в 1905 г. «Левизна» по существу прикрывала глубокое неверие в политические силы и способности пролетариата в буржуазно-демократической революции, которая при доведении до конца, до полной ликвидации всех и всяческих остатков крепостничества и при помощи западноевропейского пролетариата могла перейти в революцию социалистическую.

А о тех, кто смешивал буржуазно-демократический этап революции с социалистическим, кто не разграничивал программы-минимум и программы-максимум, Ленин писал, в другой связи, что это должно привести «неизбежно ко всякого рода мелкобуржуазным и оппортунистическим или анархическим извращениям пролетарского социализма». Наметив перспективу перманентной революции как социалистической уже на ближайшем этапе, парвусо-троцкист-

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 33.
[2] Там же, стр. 40.
[3] Там же, стр. 41.

ская схема должна была, естественно, игнорировать капитальные, стоявшие на очереди демократические задачи революционного пролетариата, отдаляя эту перспективу в неизвестность.

Маркс в 1848—1850 гг. учитывал постоянные перемены в социальном содержании германской революции и, следовательно, различное соотношение классовых сил в революции вплоть до ее завершения социалистическим этапом. Большевизм 1905 г. следовал этой марксовой схеме, углубляя и развивая ее в связи с новой эпохой. Достаточно вспомнить гениальный набросок Ленина «Этапы, направление и перспективы революции» [1], который мы цитировали выше [2].

Учет этапов, их своеобразие, соотношения классовых сил характеризуют большевизм в его историческом развитии как до, так и после октябрьской победы.

В XI Ленинском сборнике помещен ленинский «Дневник публициста», где включены темы статей и работ, которые должны были быть разработаны Лениным. Пункт 21 этого «Дневника» включает следующее:

«21. Ступени или стадии в революции. Учет классовых сил и союзников» [3].

Если бы революционная партия пролетариата всего этого не учитывала, она неизбежно должна была бы плыть по течению, намечать авантюристическую тактику через форсирование событий и по существу в результате остаться без масс. Такая судьба постигла «троцкистскую теорию перманентной революции». Ленин писал о последней:

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии... Эту задачу неправильно решает... Троцкий» [4].

«Жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории» [5],

заключает Ленин. Решающего испытания — событий действительной жизни эта «теория» не выдержала, показав свою несостоятельность не только в период 1905 и 1917 гг., но и в период утверждения диктатуры пролетариата, социалистического строительства, революции в Китае и т. д.

в) ПРОЛЕТАРИАТ В РЕВОЛЮЦИИ ПО СХЕМЕ «ПЕРМАНЕНТНИКОВ».

После ознакомления с общей постановкой вопроса у Парвуса — Троцкого о характере революции перейдем к критике их взглядов на развитие самой революции и роли пролетариата в ней.

«Мудреное название это («перманентная революция».— *Ред.*) выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он

[1] Ленин, Соч., т. VIII.

[2] См. гл. III наст. тома. — *Ред.*

[3] Назв. сборник, стр. 10.

[4] Ленин, О двух линиях революции, Соч., т. XVIII, стр. 317.

[5] Там же.

придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т. е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» [1].

В другом месте Троцкий так критикует меньшевиков и большевиков, защищая свою теорию:

«Так как социальные условия России не созрели для социалистического переворота, то политическая власть была бы для пролетариата величайшим несчастьем. Так говорят меньшевики. Это было бы верно, — отвечает Ленин, — если б пролетариат не сознавал, что дело идет только о демократической революции.

Если меньшевики, исходя из абстракции: «наша революция буржуазна», приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же голой абстракции: «демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». (Примечание к нынешнему изданию — «Этого, как известно, не случилось, так как под руководством т. Ленина большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г., т. е. до завоевания власти») [2].

Мы привели эти длинные выписки для того, чтобы перспектива развития пролетарской гегемонии с точки зрения Троцкого была освещена возможно полнее. Они дают достаточно данных для критики неоднократных утверждений Троцкого об отсутствии у него «скачков» и пр. Но по меньшей мере странным кажутся поэтому следующие утверждения Троцкого. «Скучно и совестно приводить цитаты, доказывающие, что о «скачке» от самодержавия к социализму у меня не было и речи», пишет он в 1928 г., пытаясь доказать, что не о перепрыгивании у него шла речь в 1905 г., а о перерастании в ленинском смысле.

«Всякое перепрыгивание через реальные, т. е. объективно общественные этапы... означает политический авантюризм», пишет Троцкий в той же работе «Перманентная революция и линия Ленина». Насчет политического авантюризма Троцкий совершенно прав, но это как раз и есть подлинная характеристика троцкизма.

«Марксизм есть прежде всего метод анализа, — не анализа текстов, а социальных отношений»,

замечает Троцкий в брошюре «Итоги и перспективы» (стр. 35). Но от правильно сформулированного положения до умения приложить его к живой, конкретной действительности — дистанция большая. В схеме, нарисованной

[1] «1905», стр. 4, 5.

[2] Там же, стр. 283, 285.

Троцким, вместо общей оценки борющихся классовых сил, даны отдельные примеры, свидетельствующие о тех или иных вполне возможных «колебаниях», «шатаниях» крестьянства и т. д. Но ведь эти примеры вовсе не подтверждают принципиального подхода автора. В самом деле мыслим и такой пример. Крестьянство не поддерживает пролетариат, отказывая или в помощи безработным или в продаже революционному городу хлеба и т. п. Революционный город временно терпит поражение. Опять на крестьянскую землю покушается помещик. Крестьянин на опыте убеждается, что ему для победы необходимо нести известные «издержки революции», что нужно под руководством пролетариата не только «разбить», но и «добить» врага. Далее, после того как революция действительно победила как буржуазно-демократическая, когда речь идет о ее наивысшем этапе для перехода в революцию социалистическую, тогда... но тогда разве можно ставить вообще вопрос «обо всем крестьянстве», как это делает Троцкий? Конечно, нет. Что же тогда остается от «схемы» нашего автора? Да ровным счетом ничего. В чем же его ошибка? Дело в том, что, приведя свою схему, Троцкий не видел никаких шансов на победу социалистической революции в России, на победу пролетариата, стоящего одиноко не только против помещиков и буржуазии, но и против крестьянства. Больше того. Троцкий много раз указывал, что пролетариат столкнется с сильнейшим контрреволюционным движением всех остальных слоев населения и не устоит в этой борьбе, если не получит помощи от победоносной западноевропейской революции. Мы не приводим соответствующих выдержек, иллюстрирующих эти положения, так как они и без того широко известны.

В основном, ход рассуждений Троцкого представляется в следующем виде.

Ни один слой буржуазной демократии (в том числе и крестьянство) неспособен быть активной движущей силой революции. Только пролетариат, один пролетариат может осуществить русскую революцию, которая тем самым станет социалистической. Но социалистическая революция в России обречена на гибель, если не будет поддержана победоносной пролетарской революцией в Западной Европе.

Откуда же такие выводы у Троцкого? Источник их тот же, что и у меньшевиков.

Мы помним, что Троцкий говорил об отсутствии в России буржуазной демократии, ставя крестьянство в один лагерь с буржуазией и помещиками. Крупная буржуазия контрреволюционна, городская мелкая буржуазия почти не существует, слаба, крестьянство — темная масса, не могущая играть самостоятельной роли, — так рассуждал Троцкий. Вот что он писал, например, в предисловии к своей книге «Наша революция»:

«Нас обвиняли в умысле изолировать пролетариат от демократии. От какой демократии? — спрашиваем мы в сто первый раз. Укажите нам ее! Назовите нам ее! Скажите нам, что собственно нужно делать, чтобы привлечь ее к себе?.. Имеется ли в виду крестьянство? или оппозиционные землевладельцы? городское мещанство? или либеральный капитал? Что именно из этого перечня? Или все это, вместе взятое?» [1].

[1] «Наша революция», стр. XVIII.

Постановка вопроса здесь совершенно ясна. Автор несомненно отрицает наличие революционной буржуазной демократии в России и ставит крестьянство в один ряд с либеральными помещиками и капиталистами. Приведенная выдержка является далеко не единственной, могущей характеризовать троцкистскую оценку роли крестьянства как движущей силы русской революции. Дальше, в разделе о крестьянстве мы на этом остановимся подробней. То, что Троцкий не оценивал русскую революцию как крестьянскую революцию, что он не соглашался с такой оценкой и боролся против нее, широко известно и не нуждается в доказательствах. Если Троцкий и принимал слово «буржуазная» для характеристики русской революции, то лишь условно и формально. Нужно далее отметить, что эта «буржуазная» революция воспринималась Троцким как исключительно городская революция. И так как городская буржуазия действительно не могла играть роли подлинно революционной силы, то пролетариат оставался единственным классом, способным сделать революцию против царизма, а это обстоятельство делало революцию уже не буржуазной, а социалистической.

«Главную массу населения городов России, — писал Троцкий, — составляет в настоящее время индустриальный пролетариат. Уже одна эта аналогия подсказывает мысль о возможности такой исторической ситуации, когда победа «буржуазной» революции оказывается возможной только через завоевание революционной власти пролетариата» [1]

В этой вполне ясной выдержке, безусловно говорящей о предельной условности, с которой Троцкий признавал буржуазный характер революции 1905 г., совершенно понятна его постановка вопроса о гегемонии.

Установив, что российская революция по своему основному и главному содержанию могла быть только революцией социалистической, Троцкий приходит к заключению, что российский пролетариат характеризуется «полным революционным одиночеством», т. е. на арене борьбы нет ни одного класса, ни одной социальной прослойки, которые могли бы оказать ему действенную помощь.

«Революция надвинулась, восстание стоит на очереди, а мы (как руководящая партия) одни. Где мы сильны, там организационно сильна революция, где мы слабы, там организационно слаба она, где нас нет, там революция лишена организации и руководящих элементов» [2].

Если бы здесь шла речь о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, если бы речь шла о роли пролетариата как вождя, картина была бы ясна, но Троцкий категорически утверждает: «кроме нас на революционном поле никого нет» [3].

«Победу восстания как торжество всей революции может обеспечить только пролетариат, — повторяет дальше Троцкий. — Другие группы городского населения и крестьянство сыграют в революции свою роль, поскольку будут итти за пролетариатом, поддерживать его, облегчать ему работу. Самостоятельной революционной роли, сколько-

[1] «1905», стр. 260—261.
[2] Троцкий, Соч., т. II, ч. 1, стр. 235, 236.
[3] Там же, стр. 235.

нибудь равносильной роли пролетариата, не сыграют ни крестьянство, ни мещанство, ни интеллигенция» [1].

Эта цитата бросает свет на утверждение Троцкого о совпадении стратегической линии троцкистов и большевиков. Характерно, что писались эти строки на страницах меньшевистской «Искры» в той самой статье, в которой Троцкий решительно успокаивал меньшевиков, что не связывает такую схему революции с большевистским пониманием лозунга «организовать революцию».

«Так именно (т. е. так, как меньшевики), — пишет Троцкий, — ставила вопрос статья Парвуса, —... и несогласие с ней редакции оказалось чистым недоразумением» [2].

Итак по внешности «перманентники» обосновывают «очень смело» роль российского пролетариата в революции.

Но в том-то и дело, что это «выпячивание» таково, что, по существу, сам российский пролетариат неспособен вести за собой революционные массы в борьбе против самодержавия. «Перманентники» обволакивали пролетариат такой завесой пессимизма, недоверия, они обосновывали условия политической борьбы и победы пролетариата таким образом, что подрывали веру в революцию, в возможность такой борьбы и победы.

В 1915 г. в статьях «Военная катастрофа и политические перспективы» Троцкий вновь, через 10 лет после революции 1905 г., повторяет свои соображения об «одиночестве» пролетариата:

«Единственной самостоятельной силой революционного движения может быть только пролетариат» [3]. «Если национальная революция в 1905 г. не могла быть завершена, то вторичная национальная революция, т. е. революция, объединяющая нацию против старого режима, не может быть историей даже поставлена» [4].

Отсюда Троцкий делает вывод, что новую революцию нельзя

«ставить в зависимость от революционного движения русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства» [5].

Революцию в России надо поставить в зависимость только от интернациональной революции пролетариата и курс надо держать «на интернациональную революцию пролетариата» [6].

Троцкий заключает свою серию статей следующими важными положениями:

«Во всей нашей работе мы будем исходить из глубокого убеждения в том, что только революционная борьба европейского пролетариата против собственной капиталистической реакции, против милитаризма, против частной собственности на средства производства, только эпоха непосредственного натиска западно-европейского пролетариата на государственную власть, — только международная социалистическая революция может создать ту обстановку и выдвинуть те силы, при помощи которых революционная борьба пролетариата России может быть доведена до конца» [7].

---

[1] Троцкий, Соч., т. II, ч. 1. стр. 239.
[2] Там же, стр. 234.
[3] Троцкий, Война и революция, т. I, стр. 261.
[4] Там же, стр. 265.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 267.

Если даже признать (выше мы видели, почему нельзя этого признать), что 1905 г. выдвинул перед социал-демократией непосредственно задачи социалистической революции, то не было оснований притти к выводу об отсутствии в России союзников социалистического пролетариата. К последнему выводу можно было притти, лишь признав лассалевский принцип о «сплошной реакционной массе», что мы у Троцкого и видим, противостоящей пролетариату, отказавшись совершенно от диференцированного подхода к крестьянству (выделения пролетарских и полупролетарских элементов деревни) во время и в особенности после победы революции, а также придерживаясь совершенно неверных, антимарксистских воззрений на соотношение революций буржуазной и социалистической — русской и мировой пролетарской.

По существу мы имеем чисто меньшевистское отрицание возможности гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и как бы признание правоты меньшевиков, упрекавших большевиков в том, что они ведут на гибель рабочий класс, навязывая ему разрешение «чуждых» задач буржуазно-демократической революции и при.ом не только «снизу», но и «сверху», и меньшевистский совет «брать власть» только в том единственно возможном случае, если на Западе начнется социалистическая революция. Эта меньшевистская сущность троцкизма становится еще ясней при анализе троцкистского понимания роли крестьянства.

г) КРЕСТЬЯНСТВО ПО СХЕМЕ «ПЕРМАНЕНТНИКОВ».

В вопросе о крестьянстве Троцкий, как и меньшевики, сбивается на типичный либеральный подход к оценке революционной роли крестьянства. Как и меньшевиков, Троцкого интересует, главным образом, крестьянская «борьба», которой не руководит, а которую в сущности, как и буржуазия, эксплоатирует пролетариат.

Основная преобладающая ошибка в этом пункте, несомненно, заключается в неправильном понимании действительного характера и значения крестьянского движения. Понятия «недооценка» или «переоценка» не могут дать полного представления об истинном характере этой ошибки [1]. Сравнивая позицию Ленина с позицией Троцкого в отношении к крестьянству, мы видим два совершенно различных подхода.

Ошибка Троцкого тем глубже и значительнее, что не только русская, но и все классические западно-европейские буржуазные революции не были чисто городскими революциями. Крестьянство и в Западной Европе играло роль решающей силы, обеспечивавшей победу восставшего народа. Мы уже знаем мнение Маркса и Энгельса об этом [2].

Энгельс говорит, главным образом, об английском крестьянстве. О решающем значении крестьянства в Великой французской революции XVIII в. почти не приходится говорить, — настолько это очевидно. Последующая история сделала буржуазию контрреволюционной, но не изменила положения крестьянства как основной решающей силы буржуазной революции. Немецкая

---

[1] Сталин, Основы ленинизма, Введение.

[2] См. гл. I наст. тома. — *Ред.*

революция 1848 г. не развернулась широко и глубоко не потому, что нельзя было повести в бой крестьянство, а потому, что буржуазия изменила революции, а пролетариат был еще слишком слаб, чтобы взять на себя руководство ею. И если русская буржуазия еще больше, чем немецкая, не могла быть вождем революции, зато русский пролетариат вполне созрел для этой роли. Гегемония пролетариата в крестьянской революции в России была подготовлена давно наметившимися тенденциями исторического развития. Ленин показал эти тенденции и правильно обосновал свое понимание гегемонии пролетариата. Троцкий не понял ни того, ни другого между прочим еще и потому, что целиком подменяет анализ Маркса оппортунистическим анализом Лассаля. Именно в этом причина «недооценки» крестьянства со стороны Троцкого.

Даже когда Троцкий старался приблизиться к большевистской постановке вопроса, когда он говорил о возможности использования крестьянства в революции и о «революционной гегемонии пролетариата» и т. п., он был как нельзя более далек от действительного большевизма. Вот чрезвычайно характерная выдержка, с полной очевидностью подтверждающая это:

«Русская буржуазия сдает пролетариату все революционные позиции. Ей придется сдать и революционную гегемонию над крестьянством. При той ситуации, которая создается переходом власти к пролетариату, крестьянству остается лишь присоединиться к режиму рабочей демократии. Пусть даже оно сделает это не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму!» [1].

Истинный смысл троцкистского понимания «революционной гегемонии пролетариата» вырисовывается здесь с полной определенностью. Это не гегемония, это не руководство в борьбе, а господство над крестьянством, — господство, устанавливающееся после самостоятельного захвата власти пролетариатом, господство, основанное на несознательном подчинении крестьянства. Расхождение с ленинской постановкой вопроса здесь громадное.

Это видно особенно ярко из цитированной уже статьи «Борьба за власть». Эта статья повторяет в более резкой и категорической форме уже знакомые нам положения. Троцкий прямо ссылается на них.

Обосновывая эти мысли, Троцкий снова характеризует различные буржуазные классовые группы и опять касается роли крестьянства.

«Остается крестьянство. Но, насколько мы знаем, ни Аксельрод, ни Мартов никогда не питали преувеличенных надежд на его самостоятельную революционную роль. Пришли ли они к выводу, что за протекшее десятилетие непрерывной диференциации в среде крестьянства эта роль возросла? Такое предположение шло бы явно наперекор и теоретическим соображениям и всему историческому опыту» [2].

Еще в более резкой форме Троцкий повторял, что и мелкая городская буржуазия тоже не может быть активной движущей силой революции:

«Ремесленная и торговая мелкая буржуазия уже в революции 1905 г. играла ничтожную роль. За протекшее десятилетие социальное значение этого слоя бесспорно еще более пало:

---

[1] Троцкий, Наша революция, стр. 253.

[2] Там же, стр. 290.

капитализм расправляется у нас с промежуточными классами несравненно более жестоко и радикально, чем в странах старой экономической культуры» [1].

Излишне комментировать эти слова, — настолько здесь ясна связь с «классическими» положениями троцкизма, выработанными в процессе революции 1905 г. Это обстоятельство имеет двоякое значение. С одной стороны, важно иметь в виду, что Ленин вплоть до самой Февральской революции, т. е. до решительной перемены в соотношении классовых сил, не менял своей концепции 1905 г. для ближайших задач русской революции. Следовательно ни о каком сближении принципиальных идейных позиций Ленина и Троцкого здесь не могло быть и речи. С другой стороны, важно иметь в виду, что здесь мы подходим вплотную к позиции Троцкого в 1917 г., — позиции, не отличающейся от его позиции 1905 г. [2].

Обосновывая точку зрения «перманентников» по вопросу о крестьянстве, Троцкий оставил позиции классовой борьбы (а без этой позиции нет марксизма) и тем самым скатился к вульгарным воззрениям наших отечественных народников. Нигде, ни в одной из многочисленных работ Троцкого периода 1905—1917 гг., нет и попытки подойти к определению различных социальных прослоек среди крестьян и их места на разных этапах революции. Всюду, наоборот, мы встречаемся с чисто оппортунистической манерой сплошного, огульного подхода к крестьянству. Как до, так и после победы революции и ее дальнейшего развития разные категории крестьянства объединяются совсем в стиле лассалевской «сплошной реакционной массы» и им приписывается враждебное или полувраждебное отношение к политическим стремлениям пролетариата. Ясно, что с помощью подобной «методологии» «перманентники» могли обосновать любую платформу и наметить очень мрачную, пессимистическую картину развития событий. Ясно также, что политический вред подобных взглядов должен был быть громадным.

Как и меньшевики, «перманентники» замазывали вопрос о существовании революционной (т. е. крестьянской) и контрреволюционной (т. е. либеральной) буржуазии, которые объединяются одним понятием «буржазная демократия», ибо обе не выходят за рамки товарно-капиталистического строя.

Так, в статье «Наши разногласия», Троцкий пишет:

«История не может вверить мужику задачу раскрепощения буржуазной нации. Вследствие своей разбросанности, политической отсталости... крестьянство способно только нанести старому порядку несколько сильных ударов с тыла: с одной стороны, стихийными восстаниями деревни, вызывающими замешательство и панику, с другой—внесением недовольства в армию» [3].

Такого же рода «осторожность» проявляли и меньшевики. Поэтому нет ничего удивительного, что «перманентники» рассыпались в комплиментах по их адресу в связи с их взглядами на крестьянский вопрос.

В какой мере Троцкий впадал в субъективистские преувеличения, ибо отвлекался от живой жизни и марксистского анализа действительных отношений, — легко судить из следующего примера. 12 июля 1910 г. в рабочем доме города Софии Троцкий произнес речь, посвященную 1905 г. Здесь он повто-

---

[1] Троцкий, Наша революция, стр. 289—290.
[2] См. «История ВКП (б)» под ред. Ем. Ярославского, т. IV.
[3] «1905», стр. 281—282.

ряет старое свое соображение об отсутствии в России «буржуазной демократии», способной на революцию, вследствие чего

«та колоссальная задача, которая предстала перед русским народом и властно требует разрешения, и пала целиком на плечи российского пролетариата».

Куда же делось крестьянство? Почему оно не признается одной из решающих сил революции? На это Троцкий ответил давно:

«Крестьянство представляет собой в целом мятежную стихию, оно сможет быть поставлено на службу революции лишь той силой, которая возьмет в свои руки государственную власть» [1].

Повсюду, где Троцкий касается роли крестьянства в революции, он находит эту роль пассивной. Крестьянство «присоединяется» к движению, крестьянство «неохотно это делает» и пр. «Перманентники», как и меньшевики, решительно выступали против большевистского лозунга национализации земли как лозунга крестьянской революции. В передовой первого номера «Начала», являющейся программной статьей, Парвус так определял роль крестьянства:

«Победа революции выдвигает на политическую сцену крестьянство. Оно способствовало революции, умножая политическую анархию, но не было в состоянии концентрировать свою политическую борьбу. Теперь оно внесет в борьбу партий всю путаницу своих экономических требований и экономических невозможностей» [2].

В духе этой статьи, желая, повидимому, одним «махом» ликвидировать эту досадную «путаницу», портящую «стройный чертеж» Парвуса — Троцкого, и совершенно не понимая сущности дела, Троцкий рисовал такую «перспективу» разрешения аграрного вопроса:

«В области сельского хозяйства аналогичные проблемы (т. е. задачи революционного правительства) создадутся самим фактом экспроприации земли. Никоим образом нельзя предположить, что пролетарское правительство, экспроприировав частновладельческие имения, разобьет их на участки, продаст для эксплоатации мелким производителям; единственный путь — это организация кооперативного производства под коммунальным контролем или прямо за государственный счет».

Здесь перед нами — программа, по которой не пошла русская революция и вряд ли пойдет какая-либо революция. Троцкий, как и меньшевики, под видом марксистского анализа, фактически шел по пути компромиссного либерального разрешения аграрного вопроса, несмотря на внешнюю «левизну», ибо, отказывая крестьянам в земле, не понимал центрального вопроса революции. Отведя крестьянству такое пассивное место, при котором оно не играет существенной роли в революции (это для революции пятого года!!), Троцкий, естественно, должен был ударить и ударил по большевистскому лозунгу «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Ниже мы еще рассмотрим эту критику, а пока подведем некоторые итоги.

Прямым ответом на ошибочные выступления Троцкого как в 1905 г., так и в последующий период явилась статья Ленина в ноябре 1915 г., «О двух линиях революции».

«Опыт русской революции 1905 г. и контрреволюционной эпохи,—пишет Ленин,—говорит нам, что у нас наблюдались две линии революции в смысле борьбы двух классов: пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы...»

---

[1] Троцкий, Социал-демократия и революция, «Начало» № 10.

[2] «Начало» № 1, «Наши задачи». Статья без подписи (авт. этой статьи был Парвус). — *Ред.*

«Что крестьянство проявляло революционные стремления в демократическом смысле, это доказали в массовых размерах все крупные политические события: и крестьянские восстания 1905/06 г., и военные волнения тех же лет, и «крестьянский союз» 1905 г., и обе первые Думы... Об этом, к сожалению, часто забывают, но это факт. И в III и IV Думах крестьяне-трудовики показали при всей их слабости, что деревенские массы настроены против помещиков». «Большевики сознательно помогали пролетариату итти по первой линии, бороться с беззаветной смелостью и вести за собою крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, развращая пролетариат приспособлением его движения к либералам» [1].

Касаясь тех мест, где Троцкий резко оспаривает революционную роль крестьянства, Ленин писал:

«Антагонизм крестьянства и Марковых — Романовых — Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее» [2].

Как видим, помимо критики представлений Троцкого о фактических событиях и соотношении классов в 1905 г. и в период реакции, Ленин давал критику троцкистского воззрения на роль крестьянства в революции прошедшей и в революции наступающей. В этой критике Ленин ставил линию Троцкого в один ряд с «либеральными рабочими политиками», которые ведут линию предательства интересов и пролетариата и крестьянства, линию на «пруссификацию наших общественных отношений».

При этом Ленин вполне закономерное обвинение в недооценке крестьянства выдвигает и не только в этой статье, а почти во всех, которые затрагивали вопрос о теории перманентной революции Троцкого.

Возвратившись уже в 1928 г. в Алма-Ата к вопросу в статье «Перманентная революция и линия Ленина», Троцкий оспаривал, будто бы Ленин критиковал «перманентную революцию» за игнорирование крестьянства.

«Карикатурное искажение противопоставления «перманентной революции» ленинской линии на «союз с мужиком» родилось вместе с периодом общественной, политической и партийной реакции», уверяет Троцкий.

По точному смыслу этой филиппики выходит, что это обвинение в игнорировании крестьянства и выдвинуто оно было только в 1923 г. Как назвать такой метод спора со стороны Троцкого, как не методом грубейшей фальсификации истории?

д) КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ ПО СХЕМЕ «ПЕРМАНЕНТНИКОВ».

Л. Мартов в статье «Социал-демократия в 1905—1907 гг.» [3], касаясь позиции «Начала» в отношении либералов, отмечает, что Парвус сперва в этой газете отстаивал формулировку «обычно меньшевистскую».

В то же время политический близнец Парвуса — Троцкий призывал проклятия на голову либералов.

«Действительная демократия в обстановке абсолютизма может быть только революционной демократией» — писал он в брошюре «До 9 января» [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 315—316.
[2] Там же, стр. 317—318
[3] «Общественное движение», т. III, кн. V, стр. 592.
[4] Троцкий, Соч., т. II, ч. 1, стр. 25.

Демократия либералов, по справедливому мнению Троцкого, есть «демократия, поворачивающаяся к революции спиной», «демократия, поддерживающая иллюзии мирного обновления России», «антиреволюционная демократия», «демократия мирных средств». Все эти отзывы взяты из брошюры «До 9 января». Они свидетельствуют как будто о резкости, которая свойственна подходу Троцкого к либерализму. Но крайне характерно, что через 10 дней после кровавого воскресенья 20 января 1905 г., Троцкий в статье «Что же дальше» приходит к выводу, что вообще либерализма в России больше не существует, ибо выступление пролетариата... опровергло все либеральные расчеты.

«Революция пришла и закончила период нашего политического детства. Она сдала в архив наш традиционный либерализм с его единственным достоянием: верой в счастливую смену правительственных фигур... Либерализм, ничего не желавший знать о революции, шушукавшийся за кулисами, игнорировавший массу, рассчитывавший на свой дипломатический гений, — сметен. С ним покончено на весь революционный период»[1].

Прямой политический вывод из такого категорического утверждения сводился к тому, что незачем считаться и, значит, бороться с либералами, что, в сущности, отсутствует такая политическая сила, в борьбе с которой надо отстаивать гегемонию рабочего класса в общественных событиях. На общественной сцене «остаются либералы левого толка», к которым относятся эсеры, интеллигентная демократия городов и «освобожденцы».

Это — один из многочисленных примеров политического импрессионизма Троцкого, пример забвения им всяческих границ. В этом вопросе о либералах сказалось обычное мелкобуржуазное колебание от ничем неограниченного, необузданного оптимизма в болото самого мрачного пессимизма.

Цитируя слова меньшевистской «Искры», писавшей в духе Троцкого, «На смерть поражен умеренный русский либерализм», Ленин писал:

«Это ребяческая наивность, когда за смерть либерализма принимают его «политичное» желание притаиться. На самом деле либерализм жив, живет и оживает. Он именно теперь стоит накануне власти. Он именно для того и притаился, чтобы вернее и безопаснее протянуть в надлежащий момент руку к власти. Он именно для того и заигрывает во-всю с рабочим классом. Надо быть близоруким до последней степени, чтобы это кокетничанье (опасное стократ именно в переживаемый момент) принимать за чистую монету, чтобы хвастливо заявлять: «пролетариат — освободитель родины, пролетариат — авангард всей нации в эти дни признан в своей героической роли общественным мнением передовых элементов либерально-демократической буржуазии». Поймите же, наконец, господа новоискровцы, что либеральные буржуа признают пролетариат героем именно потому, что, нанося удар царизму, этот пролетариат еще недостаточно силен, еще недостаточно социал-демократичен, чтобы отвоевать себе такую свободу, какой он хочет»[2].

Именно после 9 января, когда зашевелились все общественные классы и группы, либералы стали исключительно активными. Троцкий сам это вынужден был признать в специальном обзоре, посвященном либеральному движению

[1] Троцкий, Соч., т. II, ч. 1, стр. 56—57.

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 124—125. И только «примечатели» соч. Троцкого могли после этого писать о том, что по вопросу о либералах точки зрения большевиков и Троцкого совпадают (см. Троцкий, Соч., т. II, ч. 2, стр. 383).—*Ред.*

й озаглавленном «Капитал в оппозиции». В разделе «Рабочие толкают капиталистов на путь оппозиции» приводятся десятки выдержек из петиций сахарозаводчиков, московской биржи, текстильных фабрикантов и пр. с требованиями установления конституционного режима.

«Капитал разочаровывается в мерах полицейской репрессии... Капитал пришел к выводу, что «мирный» ход промышленного развития требует либерального режима. Пролетариату пришлось пролить реки крови, прежде чем хозяева и руководители промышленности поняли, что для дальнейшего развития их экономического могущества необходимы конституционные учреждения... Только после кровавого воскресенья «сотни миллионов рублей» заговорили языком либеральной оппозиции» [1].

Читателю ясна теперь «принципиально выдержанная» позиция Троцкого и в этом вопросе и причины, по которым Ленин попросту назвал Троцкого «пустозвон».

е) ТРОЦКИЗМ В ВОПРОСАХ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ.

К своим «левым» выводам Троцкий пришел, базируясь на целой системе исторических воззрений на природу русского государства, классов русского общества, особенностей исторического развития России и т. д. Эти «оригинальные» исторические взгляды были попросту пересказом либерально-кадетских историков (Милюкова, Ключевского и т. д.), переложенных на меньшевистский лад. Эти кадетские исторические воззрения Троцкий отстаивал не только до революции 1917 г., но и после вхождения в партию.

Главнейшим содержанием буржуазно-помещичьей исторической схемы является теория внеклассового происхождения русского самодержавия, теория «закрепощения» и «раскрепощения» царизмом всех сословий и классов русского общества, теория примитивности экономической основы самодержавия и пр. Марксистская критика кадетских взглядов на русский исторический процесс была дана Лениным еще в одном из первых его произведений («Что такое «друзья» народа»).

Первую попытку использовать буржуазно-помещичьи взгляды на особенности развития России сделал А. Мартынов, еще будучи экономистом, в конце 90-х годов в своей книжке «Очерки русской истории» (есть ряд советских изданий). В своей большой работе «Великая историческая проверка» А. Мартынов правильно доказывает, что в основе всех построений меньшевизма 1905 г. лежали кадетские взгляды на особенности развития русской истории. Именно базируясь на кадетских исторических воззрениях, меньшевики пришли к отрицанию идеи гегемонии пролетариата, к революционным способностям российского крестьянства и пр., т. е., в сущности говоря, все решающие вопросы российской революции меньшевики обосновывали кадетскими аргументами об особенностях русского исторического процесса. «Левая» разновидность меньшевизма, представленная Парвусом — Троцким, все свои выводы тоже построила на основе

«исходивших из господствовавших в меньшевистской фракции взглядов на русскую историю» [2].

[1] Троцкий, Соч., т. II, ч. 1, стр. 84.

[2] А. Мартынов, «Красная новь» № 2 за 1923 г., стр. 250.

В статье «Нужна железная метла» Троцкий пишет:

«До революции царское правительство, опираясь на темноту крестьянской массы и на миллионы европейской биржи, стояло «над» всеми классами общества... Но проходят два-три года контрреволюции. За это время дворянство помогло бюрократии стать на ноги и зализало своим языком зияющие раны самодержавия. И что же? Оправившись, бюрократия снова пытается стать «над» всеми классами, в том числе и «над» помещиками» [1].

Эту мысль о внеклассовости и «надклассовости» царизма Троцкий неустанно повторяет в ряде своих работ дореволюционного времени. Особенно любопытны его статьи периода реакции, напр. статьи «Крах террора и его партии», где он доказывает, что

«под эсеровским взглядом на «внеклассовую» природу абсолютизма имеется свое историческое основание» [2].

Разбирая вопрос, каким образом могла возникнуть идея, что убийством царя можно ликвидировать царизм, Троцкий заявляет:

«Чтобы самая мысль о механическом уничтожении абсолютизма могла приобрести популярность, для этого государственный аппарат должен представляться чисто внешней насильственной организацией, не имеющей никаких корней в организации общества. Но именно таким представлялось революционной интеллигенции русское самодержавие. Под этой иллюзией было свое историческое основание: царизм слагался под давлением более культурных государств Запада. Чтобы устоять в состязании, он должен был нещадно обирать народные массы и, таким образом, вырывать экономическую почву из-под ног даже у привилегированных сословий. А в XIX в. сюда присоединилось могущественное давление европейской биржи. Чем большие суммы она давала взаймы царизму, тем меньше становилась его непосредственная зависимость от экономических отношений собственной страны. Европейской военной техникой он вооружался на европейские средства и вырос, таким образом, в «самодовлеющую»... организацию, возвышающуюся над всеми классами общества. Отсюда, естественно, могла родиться мысль: взорвать на воздух эту чужеродную постройку при помощи динамита...

Террор социалистов-революционеров в общем и целом вызван теми же историческими причинами: «самодовлеющим» деспотизмом русской государственности, с одной стороны, и «самодовлеющей» революционностью русской интеллигенции» [3].

Следует отметить, что Троцкий здесь даже оправдывает полуанархическое представление народников о надклассовой природе государственной власти.

Между тем о государстве как о надклассовой организации не может говорить ни один марксист. Маркс в «18 брюмера», касаясь классовой основы бонапартистской власти Наполеона III, пишет:

«При втором Бонапарте государство становится, повидимому, совершенно самодовлеющим. Государственная машина настолько укрепила свою независимость от буржуазного общества, что во главе ее мог стать шеф общества 10 декабря... И все же эта государственная власть не висит в воздухе. Бонапарт является представителем класса и как раз наиболее многочисленного класса французского общества, — малоземельных парцелляpных крестьян» [4].

---

[1] Троцкий, Соч., т. IV, стр. 263—264.

[2] Там же, стр. 349.

[3] Там же, стр. 346—347.

[4] Маркс и Энгельс, Исторические работы, Гиз, стр. 221 — 222.

Парвус в своей книге «Россия и революция» [1] в общем и целом тоже примыкает к милюковско-кадетским историческим воззрениям. Троцкий выступает категорическим противником взгляда, что Россия с своеобразными отличиями повторяла путь Запада, и целиком опирается на кадетскую историографию.

«В противовес народникам марксисты так долго не признавали нашей «самобытности», что дошли до принципиального отождествления экономического и политического развития России и Европы» [2].

Но намереваясь исправить эту «односторонность» марксистов, Троцкий попросту копирует буржуазно-помещичьих историков.

Покровский по поводу троцкистских рассуждений о «примитивности» экономической основы России пишет:

«Легенда о «примитивной экономической основе», на которой воздвигалась московская государственность задолго до Романовых, должна быть сдана в архив вместе с легендами о «борьбе со степью» и «закрепощении и раскрепощении», — все три легенды составляют одно неразрывное целое. Московская Русь XVI в. была не примитивнее по своим экономическим условиям, нежели любая европейская страна позднего средневековья» [3].

То же самое относится и к теории Троцкого об особенностях развития русского города, теснейшим образом связанной с вопросом об отсутствии в России так называемой городской мелкой буржуазии. Неоднократно Троцкий развивал эту схему, ею же он обосновал взгляд о невозможности буржуазной революции в России.

«Старые русские города, подобно городам азиатских деспотий, почти совершенно не выполняли производственных функций. Это были военно-административные пункты, полевые крепости и в некоторых случаях торговые центры, которые жили на всем готовом» [4].

Покровский, критикуя этот взгляд, пишет:

«И московский город как исключительно потребительский центр выдуман русскими буржуазными историками, — это им было нужно для подкрепления их концепции... В этом резком противопоставлении русского и западно-европейского города у т. Троцкого чрезвычайное преувеличение и упрощенчество» [5].

В российских городах не было средоточия промышленно-торговой жизни. Когда же она началась (80—90-е годы XIX в.), иностранный капитал, притекавший в Россию, задушил своей передовой техникой русское ремесло и кустарничество. Этим самым буржуазия, по мнению Троцкого, лишилась своей опоры, не могла быть революционной, поэтому неправильно думать о возможности буржуазной революции в России.

Германия, где в 50-х годах Маркс указывал на предательство буржуазии, была типичной страной городского ремесла. Там-то, по исторической схеме Троцкого, и полагалось выступить буржуазии как революционному классу, но Маркс это положение оспаривает всей своей теорией перманентной революции. Суть ошибки Троцкого, как и всех впрочем меньшевиков, заключалась в том, что, построив свою антимарксистскую «городскую» теорию, они совершенно неисторически и недиалектически подходили к оценке революцион-

[1] Изд. Глаголева, Спб., стр. 96, 97, 109, 128.
[2] «1905», стр. 282.
[3] «Марксизм и особенности...», стр. 91.
[4] «1905», стр. 46.
[5] «Марксизм и особенности...», стр. 44.

ного значения города, они совершенно забыли важнейшее положение Энгельса по поводу революционных войн крестьянства в Германии в XVI в., в эпоху феодализма и крепостничества, в котором он подчеркивал, что вовсе не всегда роль последовательного революционного борца играл город, что как раз в эпоху «классического средневековья» не город, а деревня играла решающую роль. Энгельс пишет:

«В партию превращают ее (т. е. плебейскую оппозицию. — *Ред.*) лишь крестьянские восстания, и даже тогда она находится в своих требованиях и выступлениях в зависимости от крестьян, — замечательное доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни» [1].

Итак, Энгельс подчеркивает, что крестьянская борьба того периода, в котором меньшевики ищут «городских союзников», была наиболее революционной. Однако меньшевики и троцкисты пытаются своим оппортунистическим «анализом» прошлого оправдать свою хвостистскую тактику в настоящем. Нечего сказать, хорош марксизм!

Исторические взгляды, которые впоследствии излагал Троцкий, были вначале развиты и своеобразно обоснованы Плехановым в его статьях «Народники-беллетристы» и наиболее полно в большой трехтомной работе, оставшейся незаконченной, «История русской общественной мысли». Ленин на IV съезде РСДРП квалифицировал плехановские взгляды как «утрировку либерально-народнического взгляда на Московскую Русь» [2]. Сказанное Лениным о Плеханове, разумеется, с полным правом можно распространить и на Троцкого.

В проекте программы, написанном в конце 90-х годов, Ленин указывал на необходимость «охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма». Неоднократно возвращаясь к этому вопросу, Ленин дал блестящую характеристику классовой природы самодержавия в целом ряде статей. Ленин решительно боролся против меньшевистского (троцкистского тож!) взгляда на самодержавие как нечто «надклассовое», показав как классовую природу, так и эволюцию самодержавия на основных этапах исторического развития России: так в статье «Наши упразднители» Ленин писал:

«Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII в. с боярской думой не похожа на чиновничье-дворянскую монархию XVIII в. Монархия первой половины XIX в. — не то, что монархия 1861—1904 гг. В 1908—1910 гг.

---

[1] Энгельс, Крестьянская война в Германии, Гиз, 1926, стр. 40.

[2] Так еще в конце 80-х годов Плеханов писал: «По отношению к народному благосостоянию русская история шла совсем не так, как западно-европейская. То, что, напр., в Англии, съел капитализм, у нас уже съело государство.

В этом факте нет ничего нелепого. Иначе и быть не могло при нашей экономической неразвитости и при тех требованиях, которые навязывались русскому государству соседством с гораздо более развитой Западной Европой, а отчасти и самодурством наших самодержцев, часто бравшихся за решение совершенно чуждых интересам России вопросов международной политики. За все это, и за соседство с Западной Европой, и за политические прихоти самодержцев, расплачивался русский мужик, наша единственная платежная сила» (Плеханов, Соч., т. X, стр. 85, 86).

явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии» [1].

Важнейшие события русской истории Троцкий изображает под углом зрения надклассовости царизма (напр. реформу 1861 г., развитие промышленности, армию, внешнюю политику).

По вопросу о классовом характере российского самодержавия в спорах с русским бланкистом Ткачевым и Энгельс дал исчерпывающее объяснение.

Ткачев доказывал легкость «захвата власти» революционерами в России тем, что русский царизм висит в воздухе, не имеет экономических корней в стране. По сути дела такие же взгляды развивали впоследствии народовольцы.

Энгельс в статье «О социальном развитии России», написанной в 1875 г., пишет:

«Итак, русским рабочим... легче совершить революцию, потому что им приходится бороться не с силой капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство «только издали кажется силой... Оно не имеет корней в экономической жизни народа; оно не является воплощением интересов какого-нибудь сословия... У вас государство — действительная, а не кажущаяся только сила... У нас — как раз наоборот: наш общественный строй обязан своим существованием государству, — государству, так сказать, висящему в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим общественным строем; государству, корни которого кроются в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться... ни на смелом утверждении, будто русский общественный строй... обязан своим существованием государству, ни на том противоречии, что это самое государство «не имеет ничего общего» с существующим общественным строем, который является будто бы его собственным созданием. Всмотримся лучше теперь в это «висящее в воздухе государство», не представляющее интересов ни единого сословия» [2].

Дальше Энгельс анализирует распределение земель между отдельными сословиями и изумленно спрашивает:

«И русское дворянство не заинтересовано в существовании русского государства» [3]. «Не только русское государство вообще, но даже и его специфическая форма, царский деспотизм, отнюдь не висит в воздухе, а напротив, представляет собою логически необходимый продукт тех русских общественных отношений, с которыми он, по мнению т. Ткачева, «не имеет ничего общего!» [4].

Так по Энгельсу и Ленину, а не по Троцкому, обстоит дело с «надклассовостью» русского самодержавия, этой подлинной диктатурой крепостников.

Поэтому Покровский имел полное основание закончить свой спор с Троцким такой оценкой:

«Историческая теория Троцкого совершенно подтверждает тот приговор, который вынесла партия о троцкизме вообще» [5].

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 83.

[2] Энгельс, Статьи 1871—1875 гг., П. 1919 г., стр. 59—60.

[3] Там же, стр. 60.

[4] Там же, стр. 67.

[5] Покровский, Марксизм и особенности..., стр. 54.

ж) ТРОЦКИСТСКИЙ ЛОЗУНГ «БЕЗ ЦАРЯ, А ПРАВИТЕЛЬСТВО РАБОЧЕЕ» И ЕГО КРИТИКА БОЛЬШЕВИКАМИ.

Если центральным, синтезирующим лозунгом большевизма в первой русской революции была революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, то примерно такую же роль у троцкистов играл лозунг: «Без царя, а правительство рабочее». Но именно в этом лозунге наиболее ярко сказалась несостоятельность теории перманентной революции Троцкого и Парвуса. Известна оценка, данная ему Лениным в 1905, 1915 и 1917 гг. Самое характерное, пожалуй, было в этом лозунге то, что он предназначался Троцким, повидимому, для всех времен и эпох: и в 1905, и в 1915, и в 1917 гг., несмотря на изменившуюся обстановку, чего не мог отрицать и Троцкий, лозунг оставался все тем же. Что это был за лозунг, что это было за правительство? Демократическое? Но тогда как же понять этот лозунг для 1915 и 1917 гг., когда Троцкий прямо ставил вопрос о диктатуре пролетариата, и Ленин в статье «О двух линиях революции» указывал Троцкому, что, чтобы быть последовательным, нужно сказать: «рабочее социалистическое правительство»? Или может быть Троцкий имел в виду уже и в 1905 г. «рабочее правительство» как социалистическое? Но тогда как понять его указание, что «черную работу» берет на свои плечи «это же правительство». Троцкий (хотя бы и чисто формально) признавал, что революция начинается как буржуазная. И как тогда происходит перевоплощение рабочего демократического правительства в социалистическое? На все эти вопросы теория Троцкого не дает ответа. Туманный, сбивчивый, путанный лозунг целиком и полностью вытекал из схемы, которая выхолащивала самое главное и основное: анализ этапов революции, переходы от одного к другому.

Далее по схеме Троцкого пролетариат Запада в «государственной форме» помогает пролетариату русскому. «Ничто так не окрыляет фантазии, как отсутствие фактов», — говорил Щедрин. И Троцкий, окрыленный «вселенскими перспективами», проходит мимо «прозаических» вопросов о том: а) каковы условия победы пролетариата на Западе, как конкретно отражается борьба за удержание власти, б) почему, несмотря на неразрешимость основных противоречий (по схеме Троцкого) с крестьянством, русский пролетариат все же обращается к помощи европейского пролетариата.

Именно поэтому трактовка этого «рабочего правительства» у Троцкого сбивалась то на демократические, то на социалистические задачи. Отсюда и сродство этого лозунга с принципиальными меньшевистскими позициями. В самом деле, меньшевистская схема перерастания может быть представлена примерно так. Пролетариат России сам по себе слаб и не готов к социалистическому перевороту, внутри страны нет сил, способных его поддержать (крестьянство в большинстве—враждебная сила). Остается один единственный «Запад» [1]. Вот если он начнет, рассуждали меньшевики, тогда «мы поддержим». Постоянный припев у Троцкого, как и у всех меньшевиков: «Запад начнет». Но 1) ведь евро-

[1] Очень важно подчеркнуть, что собственно и «Запад» меньшевики тоже считали «неготовым» (см. брошюру Ленина «Две тактики», полемику Ленина с меньшевиками по этому вопросу). — *Ред.*

пейскому пролетариату нужно еще разбить свою буржуазию прежде чем «помогать» нам. Что же мы должны делать в это время? 2) Или, если он «начнет», то мы «берем власть»? Но ведь мы еще слабы и не готовы, по мнению меньшевиков. 3) Как же нам быть, если невозможно провозгласить «сразу» диктатуру пролетариата, а в любом, даже революционном буржуазно-демократическом правительстве («сверху»), пролетариат участвовать не может? Либо немедленно свергать «старое» правительство, либо «пока» все еще ждать, пока «мы будем готовы». Но ведь это значит предавать западно-европейский пролетариат, против которого поднимается не только «своя», но и русская контрреволюция? Но почему же тогда не готовиться сразу, с самого начала, руководя революцией не только «снизу», но и «сверху», углубляя и расширяя ее и тем самым «помогая» Западу? 4) Либо «сразу» «взять власть», провозгласить диктатуру пролетариата в надежде исключительно на победу западно-европейского пролетариата? Ну, а вдруг он потерпит временно поражение, как тогда быть? Вот на все эти вопросы, связанные с проблемой перерастания, меньшевизм со своей схемой ответа не давал и дать не мог, поскольку оставался меньшевизмом.

Мы видим, что и «перманентники», как меньшевики, никогда в своих рассуждениях о «перерастании» не брали всерьез внутренние силы и их развитие в процессе революции, никогда поэтому не уясняли значения «программы-минимум» для борьбы за «программу-максимум», понимая социалистическую революцию как какой-то однократный акт, в котором значение страны, начинающей социалистическую революцию, только к тому и сводится, что она немедленно зажигает мировой пожар; именно в таком духе Троцкий и развивал свои теории не только в 1905, но и в 1917 г., а также в последующий период открытой борьбы с партией.

Ошибки троцкистской теории перманентной революции разоблачены в работах Ленина и Сталина.

Сталин отмечал как главную ошибку в этой теории непонимание роли пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Это же имел в виду прежде всего и Ленин:

«Основная ошибка Троцкого — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической» [1].

Или в другом месте у Ленина читаем:

«Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции»

Отсюда вытекали уже и остальные ошибки Троцкого, в частности и в особенности ошибки в оценке роли крестьянства в революции. Поэтому и «призыв к восстанию» Троцкого еще не означал понимания этой проблемы «по-большевистски», и сам Троцкий мог уживаться с меньшевиками, несмотря на такие «призывы».

Несмотря на расхождение по вопросу о вооруженной борьбе, «троцкисты» и меньшевики сходились в принципиальном обосновании вопроса

[1] Ленин, Цель борьбы пролетариата в нашей революции, Соч., т. XIV, стр. 44.

о возможности перехода власти в руки рабочего правительства. Устами Мартынова меньшевики, как известно, ставили вопрос о захвате власти «независимо от нашей воли, — под влиянием внутренней диалектики революции». Недаром Мартынов в «Двух диктатурах» дал образцово хвостистские соображения о гибельности для русской революции перспективы удачного исхода вооруженного восстания под руководством партии социал-демократов. «Троцкисты», правда, сознательно шли на такой захват власти. Но рассуждения «троцкистов» и меньшевиков о благоприятных классовых соотношениях для рабочего правительства были общие. По их рассуждениям выходило, что гибель рабочего правительства наступит даже ранее того времени, когда это правительство займется хозяйственными задачами. В рамках отдельной страны даже приступить к хозяйственному строительству невозможно. Гибель рабочего правительства произойдет-де от совершенно неизбежного столкновения между рабочим классом и крестьянством. Среди последнего отсутствуют группы, прослойки, которые могли бы быть опорой рабочей диктатуры, и поэтому крестьянство целиком выступает как вражеская сила.

Надо отметить при этом, что безнадежность рабочего правительства «перманентники» возводят в социологический закон. Он обязателен не только для России — страны отсталой, но и для стран более передовых, если только их немедленно не поддерживают остальные страны.

«Русская революция, оставаясь изолированной в национальных рамках, оказалась бы обреченной на гибель... Спасение русской революции — в перенесении ее на всю Европу» [1]. Но не только Россия не устоит; безнадежно, по мнению Троцкого, думать, что «социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» [2].

Этими же аргументами Троцкий в статье «Наша революция» доказывал бесплодность, ошибочность лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо логикой своего положения пролетариат, став у власти, себя не сможет ограничить, он должен будет сделать глубокие вторжения в капиталистическую собственность. А это — «путь к социализму» [3].

«Перед революционной властью будут стоять объективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет. Перед рабочим правительством с самого начала встанет задача: соединить свои силы с силами социалистического пролетариата Западной Европы... Перманентная революция станет, таким образом, для пролетариата России требованием классового самосохранения» [4].

Насколько не эпизодически, а именно органически был связан троцкизм с меньшевизмом, именно как законное детище, показывает в данном случае тот факт, что нарисованная Троцким перспектива, даже в тех же самых выражениях, была дана меньшевистской женевской конференцией 1905 г. Вот как гласил текст меньшевистской резолюции по этому вопросу:

---

[1] Троцкий, Соч., т. I, стр. 98.
[2] Там же, стр. 90.
[3] «1905», стр. 284.
[4] Там же, стр. 286.

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и, по возможности, дольше удержать ее в своих руках, — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований».

Итак, рабочая власть вынуждена осуществлять социалистическую политику, которая отталкивает крестьянство и мелкобуржуазные элементы города; пролетариат в стране экономически отсталой неспособен разрешать хозяйственные вопросы без государственной помощи европейского пролетариата. Точь в точь рассуждения Троцкого и за последний период после Октября. Вот уж поистине «упорство» и нежелание или неумение понять, почему же жизнь у нас не десять, как писал в 1915 г. Ленин, а целых двадцать пять лет (!) шла мимо этой прекрасной теории. Какова же судьба такой власти? Тут мы подошли к международным задачам, как они были определены «троцкистами» и которые проповедывались по вполне понятным причинам также меньшевиками, напр. Мартыновым в газете «Начало».

Так, Мартынов в «Революционных перспективах» писал, что социал-демократы не стали бы пятиться назад, если бы независимо от их воли они бы оказались у власти. Что стали бы тогда делать новоискровцы?

«Мы бы поставили себе целью разбить тесные национальные рамки революции и толкнуть на путь революции Запад, как сто лет назад Франция на этот путь толкнула Восток».

Известно, как революционная Франция «сто лет назад» толкнула на путь революции Восток: она это сделала так называемыми революционными войнами. Мартынов, повидимому, намечает аналогичную программу внешней политики рабочего правительства.

Ниже мы познакомимся с ленинской постановкой вопроса о революционных войнах. Но сначала покажем ход рассуждений «троцкистов». Как известно, по их представлениям рабочее правительство будет поставлено в условия, при которых оно неизбежно должно погибнуть, не имея опоры внутри страны. «В рамках национальной революции выхода из... противоречия нет». «Выход» найден в следующем: соединить силы пролетариата с силами европейского пролетариата средствами «революционно-агрессивной тактики».

«Если бы у рабочей власти не оказалось достаточной инициативы для революционно-агрессивной тактики и она задумала бы перейти на сухоядение только национальной и только демократической диктатуры, соединенная реакция Европы не замедлила бы ей разъяснить, что рабочий класс, в руках которого находится государственная власть, должен всю ее обрушить на чашу весов социалистической революции» [1].

Мы позволим себе привести заключительный абзац брошюры «Итоги и перспективы», где дается безнадежно пессимистическая перспектива русской революции и революционной войны уже, в сущности, как «благородного жеста» со стороны пролетариата, который без поддержки международной революции все равно немедленно погибнет... Ну, разве это не «предвосхище-

[1] «1905», стр. 286.

ние благородной тактики» левых коммунистов периода Бреста, о которых Ленин говорил, что они рассуждают, как шляхтичи, собирающиеся «благородно» погибнуть со шпагой в руке [1]. Вот этот поистине «замечательный» абзац:

«Российский пролетариат, оказавшись у власти... встретит организованную вражду со стороны мировой реакции... Предоставленный своим собственным силам рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства... с судьбой социалистической революции в Европе... Колоссальную государственно-политическую силу... он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. С государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европейской реакцией перед собой, он бросит своим собратьям во всем мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [2].

Нарисовав такую перспективу, вряд ли можно было ожидать, что массы, рабочий класс, прежде всего, ею увлекутся на борьбу. Это — психология отчаяния, неверия в способности русской революции. Это — подход к революционной войне с точки зрения «взбесившегося мелкого буржуа».

Если обратиться к действительной линии внешней политики советского правительства до наших дней, то она полностью опровергнет прогноз «перманентников». По Троцкому выходило, что только объявлением войны Европе российская революция поможет европейскому социалистическому пролетариату, и только, следовательно, таким способом можно исполнить социалистический долг. Не случайно такая «активная политика» положена была, в сущности, в основу рассуждений левых в 1918 г., когда природа «взбесившегося мелкого буржуа» в новых, правда, условиях опять сказалась в повторении аналогичных рассуждений. Так, Смирнов в № 1 «Коммунист» от 5 марта 1918 г. писал в пользу революционной войны совсем в духе троцкизма. Мир с Германией, по мнению Смирнова, сулит не пролетарский, а мелкобуржуазный социализм, который терпеливо будет ждать революции на Западе. «Она погибнет, если этой революции не произойдет». Все «левые», защищая тезис об обреченности русской революции без Европы, требовали объявления революционной войны. Бухарин на VII съезде партии выставил положение, что в случае победы революции в России «на очереди станет объявление революционной войны... Такой революционной войной мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции». Мысли эти привели к «странному и чудовищному» заключению о выгодности утраты советской власти. Ленин эти предложения о революционной войне называл «слепой азартной игрой», «авантюрой», «ставкой на историческое преступление». «Левые», как и Троцкий, не понимали, что самый факт существования Советского Союза служит величайшей агитацией в пользу социалистической мировой революции, а линия сохранения единственного плацдарма мировой революции есть доподлинная социалистическая обязанность. В цитированном уже документе «Дневник публициста» Ленин на основе критики «левых» 1918 г., которая может быть

[1] См. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 327.
[2] Там же, стр. 80.

целиком отнесена к «троцкистам», дает набросок постановки вопроса о революционной войне с точки зрения марксизма-ленинизма. Вот что он пишет в дневнике:

«25. Революционная фраза и революционный долг в вопросе о революционной войне.

26. Как надо «подготовить» революционную войну?

27. Революционная война держащего власть пролетариата может быть лишь войной за упрочившийся социализм.

28. Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной» (стр. 10).

Мы проследили полное сродство троцкизма с меньшевизмом в важнейших принципиальных вопросах. Как же относился в 1905—1907 гг. официальный меньшевизм к троцкизму?

з) МЕНЬШЕВИЗМ И ТРОЦКИЗМ («ОФИЦИАЛЬНЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ» В РОЛИ ПРОПОВЕДНИКА ТЕОРИИ «ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»). «НАЧАЛО».

Читатель уже подготовлен к тому, чтобы воспринять как вполне закономерный факт слияние несуразно-левых «троцкистов» с меньшевиками. Организационное слияние нашло свое выражение в создании газеты «Начало» (первый номер вышел 13 ноября 1905 г., закрыта 2 декабря, всего вышло 16 номеров). В этой газете подвизались все политические и литературные знаменитости меньшевизма: Мартов, Дан, Потресов, Мартынов, Иорданский, Парвус, Троцкий, Дейч, Смирнов, Кольцов, Балабанов и др. [1].

В первом номере было помещено официальное заявление организационной комиссии меньшевиков, что по соглашению с редакцией «Искры» и «Социал-демократа» эти заграничные органы приостанавливаются, а взгляды, отстаивавшиеся ими, будут представлены «Началом».

25 августа 1921 г. Троцкий поместил в книге воспоминаний Сверчкова «На заре революции» краткое письмо, где «историю» образования «Начала» он изложил таким образом:

«Мы с Парвусом поставили на «договорных» началах с меньшевиками большую ежедневную газету «Начало». Газета взяла очень революционный тон и... проводила идею перманентной революции... Когда в декабре у меньшевиков началось похмелье, самое упоминание о «Начале» вызывало раздражение в их среде, в том числе и у бывших меньшевистских редакторов и сотрудников газеты» [2].

Эту же версию о «договорных», «коалиционных» началах повторили редакторы сочинений Троцкого [3].

Фальсификация исторических фактов, данная этими справками, возмутила Мартова, и в меньшевистском журнале «Летопись революции» он написал:

«Троцкий пишет слишком лаконично, что может дать ложное представление о сообщаемых им фактах... Аберрации памяти Троцкого надо приписать его уверение, что после 17 октября «мы с Парвусом поставили на «договорных» началах с меньшевиками большую ежедневную газету «Начало». На деле газета была поставлена тогдашним центральным учреждением меньшевистской фракции — Органи-

[1] См. Мартов, История РСДРП, стр. 132.

[2] Сверчков, Назв. книга, изд. 3-е, Л. 1925 г., стр. 14.

[3] См. Троцкий, Соч., т. II, ч. 1, стр. 607, прим. 227.

зационным комитетом... «Договорный» элемент, пожалуй, заключался в том, что, по соглашению, в тесный редакционный комитет из трех членов, обладавший широкими правами, был введен, рядом с А. Н. Потресовым и пишущим эти строки, и Парвус, как представитель того особого оттенка, который его и Троцкого отличал от «правоверного» меньшевизма» [1].

В литературе, посвященной «перманентной революции», нередко попадается ложное истолкование теоретического и организационного слияния «перманентников» и меньшевиков в революции 1905 г. Так, во вводной статье к вышедшему в 1929 г. II тому книги «Наши противники» (изд. Ком. у-та им. Свердлова) факт этот трактуется таким образом, что «меньшевики погрешили против своей теоретической совести», когда стали на позицию «перманентников».

Переход официального меньшевизма на сторону перманентной революции в 1905 г. игнорируется также Зиновьевым. Так в «Ленинизме» он пишет:

«Что касается газеты «Начало», то она, будучи очень хлесткой и «несуразно-левой» по форме, в теоретической области сказала очень мало своего. Никто всерьез ее не принимал, и даже меньшевики, подшучивая над ней, острили: «Ну, «Начало» помчало». Полезнее остановиться на более «солидных» теоретических источниках» (стр. 127).

Здесь, как видим, меньшевики противопоставляются «троцкистам» в полной мере. Однако не только в вопросах организационных и тактических, но и в подходе к оценке и в самой оценке характера и движущих сил революции мы имеем принципиально одно и то же. В самом деле, вот что пишет в передовице № 11 «Начала» Мартынов:

«Чего мы будем требовать в Учредительном собрании?.. Мы отвечаем ясно и категорически: мы будем требовать не «социализации», а социализма, не уравнительного пользования землей, а обобществления всех средств производства... Одна лишь... социал-демократия выставляет лозунг: непрерывная революция, она одна приведет массы к последней и решительной победе».

Троцкий в «1905», комментируя это бесподобное место, называет его вульгаризацией идеи перманентной революции. На самом деле это есть как раз наиболее прямая и четко сформулированная идея перманентной революции по Троцкому.

«Перманентники» и меньшевики совершенно сходились и в вопросе о том, при каких условиях может участвовать в руководстве революцией пролетариат. Пролетариат может руководить сверху только в социалистической революции.

«Пролетариат не может и не должен получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции» («Две диктатуры»).

Кадет Изгоев в книге «Русское общество и революция» (изд. 1910 г.) в статье «Диктатура пролетариата» обрушивается на «фантастическую» большевистскую теорию рабоче-крестьянской диктатуры на этапе буржуазной революции.

«В чьи руки могла бы быть передана власть? Отвечу прямо: только в руки земцев и третьего элемента, объединившихся... в конституционно-демократическую партию... Пролетариат, ясно сознав положение дел, твердо усвоив себе, что происходит только демократическая и политическая революция, должен был всей своей силой и всем своим влиянием поддержать те слои, в руки которых должна быть передана власть... Но я уже слышу негодующие

[1] «Летопись революции», кн. I, Берлин 1923 г., стр. 305.

возгласы: «Как! Принизить роль пролетариата, отдать его на службу буржуазии?» Прежде всего не надо горячиться. Это не «служба», а «союз» (стр. 279).

А «Полярная звезда» в № 10 за 1905 г. писала:

«Сколько времени и сил ушло на полемику с народниками, на уяснение того взгляда, что предстоящая революция будет иметь политический, «буржуазный», демократический характер, а ни в коем случае не социалистический. Казалось, эта истина усвоена всеми и стала общим местом, а как дошло до дела, то выяснилось, что усвоение только внешнее, что различие между предстоящей политической и грядущей социалистической революциями совершенно не продумано».

Как видим, «перманентники», меньшевики, кадеты — совершенно единодушны в вопросе о роли пролетариата в «предстоящей политической революции», в этом единодушии выражается отношение к самостоятельной, руководящей роли пролетариата. Последняя может наступить только в условиях «социалистической революции».

«Мы, как классовая партия, стремимся к политической власти только для непосредственного осуществления революционной диктатуры пролетариата». А участвовать в правительстве для победы буржуазной революции мы не можем, и «тогда мы прекращаем классовую оппозицию всем силам современного общества, стоящим вне пролетариата, берем на себя прямую ответственность за все плоды исторической ограниченности буржуазной революции» [1].

Но, чтобы скрыть ликвидаторскую сущность подлинных взглядов, «перманентники» находят выход в том, чтобы временное правительство было социал-демократическим, а круг стоящих перед ними задач выходил бы за рамки буржуазных отношений. Но такое истолкование охотно принимали и меньшевики, поскольку оно означало отказ от гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Неудивительно поэтому, что они слились в одном органе, проповедывавшем одинаковые взгляды [2].

и) ТЕОРИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПАРВУСА И ТРОЦКОГО И БОЛЬШЕВИЗМ.

Примечание 28 к 1 части III тома сочинений Троцкого гласит:

«Статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком предвосхитили политическую тактику революционной социал-демократии. Основные выводы этих статей почти до деталей совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты т. Лениным в знаменитых «Письмах издалека» (стр. 370). Мы вынуждены здесь забежать несколько вперед, поскольку Троцкий все время пытался «валить в одну кучу» 1905 и 1917 гг.»

Приведенное утверждение имело ответственный характер. Оно выражало мысль самого Троцкого, — старую его мысль, повторенную в самой отчетливой форме на VII пленуме ИККИ, где Троцкий специально подчеркивал, что его прошлые политические ошибки не помешали ему самостоятельно притти к такому же пониманию характера русской революции, какое развивал Ленин.

---

[1] Мартов, На очереди, «Искра», № 93.

[2] И только Троцкий может писать о «Начале» в таких тонах: «Большевистская «Новая жизнь» без Ленина была сероватой. «Начало», наоборот, пользовалось гигантским успехом. Думаю, что оно ближе, чем какое бы то ни было другое издание за полвека, подходило к своему классическому прототипу, «Новой рейнской газете» Маркса в 1848 г.» («Моя жизнь», ч. 1, стр. 204. Разрядка наша. — *Ред.*)

«Если «перманентная революция» была неправильна, поскольку отличалась от действительных взглядов Ленина, в ней было тем не менее нечто верное, что дало мне возможность притти к большевизму. «Перманентная революция», в частности, не помешала мне после опыта борьбы с большевизмом, — в чем, как сказано, я был неправ, — в 1917 г. в Америке наметить в самом основном принципиально ту же линию, которую Ленин развернул перед партией и провел в жизнь» [1], —

вот подлинные слова Троцкого.

Но эти слова далеко не точно передают то, что было в действительности. Сам Троцкий раньше несколько иначе излагал те же самые факты. Напомним хотя бы о примечании к «1905» об «идейном перевооружении» большевизма и о письме к Ольминскому, в котором он признавал себя и поныне стоящим на точке зрения «перманентной революции». Это признание не совсем вяжется с приведенными словами Троцкого. А между тем оба последних документа относятся к нашей эпохе, к 1921—1922 гг. Больше того, «Новый курс», написанный в 1923 г., и «Уроки Октября», относящиеся к 1924 г., развивали ту же теорию об «идейном перевооружении» большевизма. От этого довольно далеко до признания своих ошибок.

И только порвав с партией, Троцкий прямо заявил, что, во-первых,

«не перманентная революция, а примиренчество — вот что отделяло меня от большевизма», во-вторых, «в оценке политической обстановки в целом и ее революционных перспектив я по чистой совести не могу себе поставить в вину серьезных ошибок» [2].

Наконец в переизданной — правда еще в 1919 г. — брошюре «Итоги и перспективы», в которой Троцкий видит (см. «Моя жизнь») «наиболее законченное для того периода обоснование теории перманентной революции» [3], в специальном предисловии категорически подчеркивалась правильность троцкистской схемы, критиковался большевизм, а вместо послесловия была дана статья Троцкого «Борьба за власть», против которой Ленин выступил со своей хорошо известной статьей «О двух линиях революции». Все это совершенно ясно показывает, каким «учителем» большевизма мог быть Троцкий [4].

Едва ли все это после рассмотрения позиции Троцкого требовало бы серьезного разбора, если бы не специфический интерес к факту кратковременного пребывания Троцкого в нашей партии. Теория «перманентной революции», действительно, не помешала Троцкому стать в 1907 г. членом большевистской партии. Но в какой мере точка зрения Троцкого совпадала с большевистской, в какой мере его линия была «в самом основном принципиально та же», что и у Ленина, — это другой вопрос. Несомненно, что на вопросы: брать ли власть, перешагнуть ли ей через буржуазно-демократические рамки революции? — Троцкий давал такие же ответы, как и Ленин, если

---

[1] Цит. по стенограмме, отпечатанной в «Правде».

[2] «Моя жизнь», ч. 1, стр. 213.

[3] Там же, стр. 215

[4] Без излишней скромности Троцкий в одном месте буквально так и пишет: «В Россию я приехал в феврале 1905 г., тогда как остальные руководящие эмигранты прибыли только в октябре и ноябре. Среди русских товарищей не было ни одного, у кого я мог бы учиться. Наоборот, я сам оказался в положении учителя» (там же, стр. 211).

брать формальное «да» или «нет». Но, как мы отмечали выше, главное заключалось в том, к а к обосновывался социалистический характер русской революции, к а к и м о б р а з о м предполагалось перешагнуть через ее буржуазно-демократические рамки. В этом «к а к», «к а к и м о б р а з о м» теоретическая концепция Троцкого не только не совпадала с ленинской, но была прямо противоположна ей [1], причем нас в данном случае интересует только та часть рассуждений, которая является исторической проверкой взглядов, относящихся к 1905 г.

Для полноты и ясности вопроса мы должны напомнить читателю характерные особенности ленинского анализа движущих сил революции. Строго ориентируясь на внутренние силы революции, Ленин искал на всяком историческом этапе ц е н т р т я ж е с т и классовых противоречий и отсюда выводил ту или иную основную стратегическую формулу революции. В этом отношении чрезвычайно характерен самый способ, методология подхода к оценке того или другого политического момента у Ленина.

«Марксист, — писал Ленин еще в 1906 г., — ни в каком случае не должен забывать, что лозунг н е п о с р е д с т в е н н о предстоящей борьбы не может быть выведен просто и прямо из о б щ е г о лозунга известной программы. Недостаточно сослаться на нашу программу... чтобы определить лозунг непосредственно — т е п е р ь — предстоящей, летом или осенью 1906 г., борьбы. Для этого надо учесть к о н к р е т н у ю историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из п р е д ы д у щ и х шагов и этапов движения. Только такой анализ будет действительно историческим анализом, обязательным для диалектического материалиста» [2].

Известно, что «перманентники», как и меньшевики, занимали самую резкую позицию в вопросе об оценке большевистского тезиса революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, не понимая классовой сущности его, не понимая, что речь идет о «марксистском определении клас-

---

[1] Троцкий в статье «Китайский вопрос после VI Конгресса» пишет: «Формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства являлась для России алгебраической... Правомерность этой формулы обусловливалась тем, что основные величины ее не были проверены в действии... В Китае лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства мог еще иметь известную политическую правомерность, гораздо более ограниченную и эпизодическую, чем в России».

Иными словами, Троцкий здесь доказывает, что ленинизм в 1905 г. неправильно выдвинул формулу демократической диктатуры. Это — старая песня о правильности линии Троцкого.

Именно такое двурушничество Троцкого открыло в 1928/29 г. глаза тем оппозиционерам-троцкистам, которые всерьез полагали, что Троцкий борется за ленинизм, а не за троцкизм. Так, статья Преображенского, написанная в бытность его оппозиционером, упоминает «группу 5 бакинцев во главе с Гиршиком и Поповым», которая задалась целью «реабилитировать Троцкого» и выставила тезис, что «и с т о р и ч е с к о г о т р о ц к и з м а н и к о г д а н е б ы л о, в с е э т о в ы д у м а н о С т а л и н ы м и З и н о в ь е в ы м. Т р о ц к и й в с е г д а б ы л п р а в п р о т и в Л е н и н а в в о п р о с е о п е р м а н е н т н о й р е в о л ю ц и и, о Б р е с т с к о м м и р е, в п р о ф с о ю з н о й д и с к у с с и и 1921 г о д а».

Такого сорта взгляды, начавшие получать большой кредит среди оппозиции, заставили бывших большевиков-оппозиционеров — Преображенского и др. настаивать на том, чтобы Троцкий вновь подтвердил заявление «ч т о п о в с е м о с н о в н ы м в о п р о с а м в п р о ш л ы х с п о р а х п р а в б ы л Л е н и н».

[2] Л е н и н, Соч., т. X, стр. 9.

сового содержания победоносной революции», как характеризовал Ленин формулу «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [1]. Троцкий писал, что такая диктатура неосуществима, ибо у пролетариата и крестьянства нет общих интересов, у них антагонистические отношения, не может быть у них «общей воли», что участие в одной власти было бы возможно, если бы крестьянство способно было создать свою партию и пр. и т. д. Это была точная копия меньшевистской аргументации против большевиков.

Вот что писал, например, Мартынов, который в «Начале» вместе с Троцким горячо отстаивал «перманентную революцию»:

«Публицисты «Вперед» (т. е. большевики.—*Ред.*)... несравненны в своей развязности оппортунистов. Вр. правит., — говорят они, — будет осуществлением «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Что это значит? Диктатура предполагает абсолютное единство — единую волю. В рассматриваемой комбинации единство может быть достигнуто, либо если крестьянство станет на точку зрения пролетариата, т. е. на точку зрения социализма, либо если пролетариат станет на точку зрения крестьянства, т. е. мелкой буржуазии. Публицисты «Вперед» категорически исключают первую возможность» [2].

Здесь полное тождество даже терминов, не говоря уже о тождестве политического смысла.

Критику «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» Троцкий дает почти во всех своих работах этого периода — и в предисловии к известной речи Лассаля, и в предисловии к «Парижской коммуне» Маркса, и в статье «Наши разногласия», и, наконец, в «Итогах и перспективах». Собственно «Итоги и перспективы» в части, интересующей нас, только пересказ, либо повторение первых двух работ, но мы разберем именно «Итоги и перспективы», ввиду того, что Троцкий в своей полемике с Радеком утверждал, что-де Ленин этого «важнейшего произведения» даже не читал [3]. На самом деле Ленин в статье «Цели борьбы пролетариата в нашей революции» разбирает и подвергает уничтожающей критике это «важнейшее произведение». Троцкий пишет в «Итогах и перспективах» по поводу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства следующее:

«Из сказанного ясно, как мы смотрим на идею «диктатуры пролетариата и крестьянства». Суть не в том, считаем ли мы ее принципиально-допустимой, «хотим мы или не хотим» такой формы политической кооперации, но мы считаем ее неосуществимой — по крайней мере, в прямом и непосредственном смысле.

В самом деле. Такого рода к о а л и ц и я п р е д п о л а г а е т, ч т о л и б о о д н а и з с у щ е с т в у ю щ и х б у р ж у а з н ы х п а р т и й о в л а д е в а е т к р е с т ь я н-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XIV, стр. 37.

[2] «Искра» № 90, 95, ст. А. М а р т ы н о в а, Революционные перспективы.

[3] Поняв, наконец, всю бессмысленность подобного утверждения, Троцкий в только что выпущенной книге «Перманентная революция», являющейся просто перепечаткой его статьи против Радека, так «поправляется»:

«Правда, в 1909 г. Ленин цитирует мои «Итоги и перспективы» в статье, посвященной полемике против Мартова. Однако не трудно было бы показать, что Ленин берет эти цитаты из вторых рук, т. е. у того же Мартова. Только так и можно объяснить некоторые из его возражений»... («Перманентная революция», Берлин, изд. Гранит, 1930 г., стр. 40). Итак, Ленин «не читал» или Ленин читал из «вторых рук». Что еще выдумает «мистер Троцкий» в своей «очередной книге»?

ством, либо, что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно» [1].

Приводя и разбирая это место из брошюры, Ленин писал:

«...Основная ошибка т. Троцкого — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые т. Мартов повторяет, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением. Чтобы не оставить дела в этом запутанном виде, в котором излагает его т. Мартов, покажем, по крайней мере, неправильность этих, заслуживших одобрение т. Мартова, рассуждений т. Троцкого. Коалиция пролетариата и крестьянства «предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо, что крестьянство создаст самостоятельную могучую партию». Это очевидно неверно ни с общетеоретической точки зрения, ни с точки зрения опыта русской революции. «Коалиция» классов вовсе не предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это — смешение вопроса о классах с вопросом о партиях. «Коалиция» указанных классов вовсе не предполагает ни того, чтобы одна из существующих буржуазных партий овладела крестьянством, ни того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию! Теоретически это ясно из того, что, во-первых, крестьянство особенно трудно поддается партийной организации, во-вторых, создание крестьянских партий — особенно трудный и длительный процесс в буржуазной революции, так что «могучая самостоятельная» партия может явиться, например, лишь ко времени окончания революции. Из опыта русской революции тоже ясно, что «коалиция» пролетариата и крестьянства осуществлялась десятки и сотни раз в самых различных формах без всякой «могучей самостоятельной партии» крестьянства. Коалиция эта осуществлялась, когда было «совместное действие», скажем, совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов, или железнодорожного стачечного комитета, или крестьянских депутатов и т. д. Все подобные организации были преимущественно беспартийны и тем не менее «коалиция» классов безусловно имела место в каждом совместном действии таких организаций. Крестьянская партия при этом намечалась, зарождалась, возникала в виде «Крестьянского союза» 1905 г. или «Трудовой группы» 1906 г. — и, по мере роста, развития, самоопределения такой партии, коалиция классов принимала различные формы, начиная от неопределенных и неоформленных и кончая вполне определенными и оформленными политическими соглашениями...» [2]

Исчерпывающая критика, данная Лениным «важнейшему» аргументу Троцкого против идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства интересна тем, что этот «важнейший» аргумент выдвигали против этой идеи и меньшевики. Последние подчеркивали при этом то обстоятельство, что сами большевики не включали формулы диктатуры пролетариата и крестьянства ни в одну из своих собственных тактических резолюций. Однако меньшевики совершенно не поняли значения этого обстоятельства, изображая дело так, будто сами большевики в сущности отказались от этой идеи как неверной и немарксистской. В чем здесь было дело? В том, что меньшевики не понимали особенностей этой формулы, ее значения и места в большевизме. В статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» Ленин, полемизируя по этому поводу с Мартовым, пишет:

«Ни единому человеку не приходило в голову требовать буквального совпадения резолюций политически борющейся массовой партии и формул марксистского определения классового содержания победоносной революции» [3].

---

[1] Троцкий, Итоги и перспективы, стр. 44. Разрядка наша. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 44—45. Разрядка наша. — *Ред.*

[3] Там же, стр. 37.

Речь идет о формуле революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Таким образом «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» есть не просто лозунг (по Ленину) для «сегодняшнего дня», это есть обобщающая формула всего хода победоносной революции, формула, которая лежит в основе тактики партии, но которую нужно уметь конкретизировать для каждого этапа революции, которую нужно уметь увязать с ее составными тактическими звеньями.

Не поняв этого, Троцкий не сумел, конечно, понять ни того, как эта диктатура «осуществлялась» и «осуществилась», ни того, как ставился большевиками вопрос о революционной роли крестьянства, ни того, как большевики подходили к вопросу о перерастании.

После всего изложенного не требуется больше доказательств полного совпадения взглядов «троцкистов» с меньшевиками, в вопросе о крестьянстве. Как мы уже указывали, говоря о крестьянстве, Троцкий всегда имеет в виду не активную роль его в революции, — ибо этой активности он боится, как и меньшевики, — а о «привлечении», «присоединении» к режиму. Троцкий в статье «Борьба за власть» как бы сам напоминает, что сблизило «перманентников» и меньшевиков. Он пишет:

«Остается крестьянство. Насколько мы знаем, ни Аксельрод, ни Мартов никогда не питали преувеличенных надежд на его самостоятельную революционную роль. Пришли ли они к выводу, что за истекшее десятилетие непрерывной диференциации в среде крестьянства эта роль возросла? Такое предположение шло бы явно наперекор и теоретическим соображениям и всему историческому опыту» [1].

Но пожалуй наиболее извращал Троцкий большевизм в вопросе о перерастании, именно в выводе о неизбежности для большевизма перевооружиться в сторону «троцкизма».

В предисловии к «Итогам и перспективам», написанном уже в советский период, в 1919 г. Троцкий так рисует позицию большевиков:

«Точка зрения большевиков, признавая неизбежность буржуазного характера грядущей революции, в качестве задач ее выдвигала создание демократической республики путем диктатуры пролетариата и крестьянства... Большевизм... отнюдь не был заражен верой в могущество и силу революционной буржуазной демократии в России. Он с самого начала признавал решающее значение рабочего класса в грядущей революции, но программу этой революции он на первых порах ограничивал интересами многомиллионных крестьянских масс, без которых и против которых революция не могла быть пролетариатом доведена до конца. Отсюда признание (до поры, до времени) б у р ж у а з н о-демократического характера революции» (стр. 3—4).

В обоих случаях ни слова о большевистском понимании «перерастания», в обоих случаях абсолютное непонимание, почему же большевики ставили так вопрос «до поры, до времени». По Троцкому это должно означать, что большевики «самоограничивали пролетариат» рамками буржуазной революции, и только он, Троцкий, указал «дальнейший» путь.

Вопрос о «самоограничении» играл крупную роль у «перманентников» в борьбе против большевиков. Абсолютно не поняв идею большевиков о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, не поняв положения Ленина:

[1] «1905», стр. 290.

«Надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи..., показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе» [1],

«троцкисты» бросили большевикам обвинения в «самоограничении» пролетариата. Именно поэтому Троцкий писал, что большевики

«доведение революции до конца» понимают «чисто формалистически, в смысле осуществления программы-минимум, после чего должна открыться эпоха «нормальной» капиталистической эксплоатации в демократической обстановке» [2].

Мысль, заключенная здесь, квалифицирует большевиков как революционных демократов и как бы подтверждает «пророчество» Аксельрода, Потресова и др., что из недр социал-демократии выдвинутся идейные силы для буржуазной демократии.

«Выход из противоречия... Ленин видит в политическом самоограничении пролетариата, причем это самоограничение должно явиться в результате теоретического сознания, что переворот, в котором рабочий класс играет руководящую роль, есть переворот буржуазный. Объективное противоречие Ленин переносит в сознание пролетариата и разрешает путем классового аскетизма, имеющего своим корнем не религиозную веру, а «научную» схему. Достаточно лишь ясно представить себе эту конструкцию, чтобы понять ее безнадежно идеалистический характер» [3].

И дальше Троцкий утверждает, что Ленин якобы политически самоограничивал пролетариат и это самоограничивание предлагал

«дополнить объективной антисоциалистической гарантией в виде сотрудника-мужика» [4].

«Буржуазно-демократическое самоограничение», «приостановка классовой борьбы после победы демократической революции» и пр., — вот круг обвинений «перманентников» по адресу большевиков. Отсюда — шедевр пророчества Троцкого: «антиреволюционные стороны большевизма грозят большой опасностью только в случае революционной победы». Нужно сказать, что и здесь «перманентники» ни капельки не оригинальны, повторяя лишь меньшевиков.

Что пишут меньшевики по вопросу о «самоограничении» пролетариата? Мартов в статье «На очереди» пишет [5]:

«Пролетариат..., получив ее (политическую власть. — *Ред.*) в ходе социальной борьбы, не сможет ограничить себя в ее пользовании рамками буржуазной революции. Если он получит власть как класс..., он не сможет не повести революцию дальше, не сможет не стремиться к Revolution in Permanenz (перманентной революции. — *Ред.*) — к прямой борьбе со всем буржуазным обществом. Конкретно это значит — либо новое повторение Парижской коммуны, либо начало социалистической революции «на Западе» и ее переход в Россию».

Любопытно, что статья Мартова была написана в середине марта месяца 1905 г., т. е. несколько ранее однородных высказываний Троцкого.

Таким образом и проблема «самоограничения» пролетариата вызывала и у меньшевиков и у «троцкистов» один и тот же ход мыслей.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 104.
[2] «1905», прилож., «Наши разногласия», стр. 281.
[3] «1905», стр. 283—284.
[4] Там же.
[5] «Искра» № 93.

Нет нужды после всего приведенного выше разбирать эти положения, останавливаться на их критике, доказывать несостоятельность обвинений большевиков в «самоограничении», настолько ясна теперь после всего изложенного их абсурдность.

В самом последнем выступлении Троцкого в защиту своей троцкистской теории перманентной революции в статье «Перманентная революция и линия Ленина» имеется несокрушимый аргумент (так полагает автор статьи) против большевистской критики теории перманентной революции.

«Официальная критика троцкизма в этом вопросе осторожно ограничивалась теорией и не захватывала «тактику, из нее вытекающую»... На всех этапах первой революции у меня была полная солидарность с Лениным в оценке сил революции и ее очередных задач» [1].

Итак, троцкизм в вопросах тактических шел в ногу с большевизмом на всех этапах первой революции. Потому-то партийная критика и игнорирует вопросы тактики, ибо последние свидетельствуют в пользу Троцкого. В дальнейшем в главе о тактике на отдельных этапах революции мы покажем несостоятельность подобных утверждений, но и сейчас нельзя не привести нескольких примеров как из области т а к т и ч е с к и х, так и о р г а н и з а ц и о н н ы х вопросов, доказывающих полную несостоятельность троцкистских утверждений.

Начнем с последних. «Перманентная революция», в марксовском истолковании, предполагала обязательную организацию рабочего класса в самостоятельную партию. Как известно, в 1848—1850 гг. Маркс отмечал полное отсутствие партийной организации. Большевизм воспользовался этими указаниями Маркса и Энгельса в разработке вопроса о роли партии в революции.

Как подходили «перманентники», и в первую голову Троцкий, к вопросу о партийной организации или к организационным задачам? Хорошо известна позиция Троцкого в вопросах о роли и задачах партии рабочего класса до революции [2].

Одни и те же воззрения по организационному вопросу лежат в основе рассуждений Троцкого в течение всего периода первой русской революции, эпохи реакции, войны, Октябрьской революции и всего периода последующей работы. Как, напр., ставило вопрос о партии «Начало» в статье Парвуса?

«Организация пролетариата — база всей нашей дальнейшей деятельности. Весь рабочий класс фабрик и заводов должен войти в социал-демократическую партию... Надо старую конспиративную организацию слить с новой, массовой. Пропаганду этой идеи, агитацию за нее на фактах политической борьбы мы ставим ближайшей целью нашей газеты» [3].

«Не нужно собирать партийный съезд, нужен широкий учредительский рабочий съезд» [4].

В брошюре «В защиту партии» [5] помещено письмо Троцкого от 12 сентября 1906 г. к Аксельроду, инициатору и защитнику идеи «рабочего съезда», где Троцкий пишет: «Я лично был и остаюсь горячим сторонником

---

[1] Эту же версию Троцкий еще резче подчеркивает в своей книге «Моя жизнь», ч. 1.

[2] См. об этом главу II наст. тома, а также т. I, гл. VII и VIII. — *Ред.*

[3] П а р в у с, «Начало» № 1

[4] Там же, № 6.

[5] Изд. Глаголева, 1907 г., стр. 39.

идеи съезда (рабочего. — *Ред.*), — иными словами, Троцкий стоит целиком и полностью на позициях меньшевизма в вопросах о партии [1].

Такова на деле «полная солидарность с Лениным» Троцкого в вопросах организационных. Не лучше обстоит дело с вопросами тактическими, которых мы касаемся ниже, хотя мы уже знаем троцкистскую постановку вопроса об «организации революции» о временном революционном правительстве и вооруженном восстании и об оценке либералов и в аграрно-крестьянском вопросе и т. д.

Иными словами, «перманентная революция» и ее теоретики ни по одному, из важнейших тактических и организационных проблем революции 1905 г. не были с большевиками. После всего изложенного нужно только удивляться ретивости редакторов сочинений Троцкого, когда в примечаниях ко 2-й части II тома они пишут:

«Несмотря на иную оценку природы революции 1905 г. и ее движущих сил, чем та, которую дал Ленин, т. Троцкий вплотную подходил к большевикам в следующих пунктах: 1) роль либеральной буржуазии в революции он оценивал так же, как и большевики; 2) по вопросу о руководящей роли пролетариата в революции т. Троцкий вместе с большевиками утверждал, что «революция выдвигает пролетариат на первое место и передает ему гегемонию...» и 3) по вопросу о тактике в революции т. Троцкий доказывал необходимость вооруженного восстания, приводящего к созданию революционного временного правительства» (стр. 383).

Дело обстояло, как мы показали выше, совсем наоборот. Критика теории перманентной революции со стороны как тактической, так и организационной не оставляет сомнений в том, что последняя есть разновидность меньшевизма.

Обратное утверждение скатывается к тем взглядам, которые неоднократно в 1922 г. высказывал Троцкий и которые особенно рельефно выражены им в статье «Перманентная революция и линия Ленина» в следующей формулировке:

«Различия двух линий — перманентной и ленинской — имели второстепенное, ничтожное значение... объединяло же их самое основное... Мои «Итоги и перспективы» полностью подтвердились...».

Так утешает себя Троцкий.

Вполне понятно, почему Ленин оценивал все «принципиальные» воззрения Троцкого:

«Он (Троцкий) был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 г. защищал избирательные соглашения с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весною 1907 г. на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург «есть скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня от идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций» [2].

---

[1] Подробнее см. об этом гл. XI наст. тома. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. XV, стр. 23.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VII ГЛАВЕ.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА МЕНЬШЕВИКАМИ И ТРОЦКИСТАМИ.

I. Вопросы о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции у Маркса—Энгельса.

а) Понимание Марксом—Энгельсом буржуазной революции.
б) Маркс—Энгельс о движущих силах буржуазной революции.
в) Особенности позиции Маркса—Энгельса в революции 1848 г. в Германии.
г) Теория перманентной революции у Маркса—Энгельса.

II. Тактика пролетариата в буржуазной революции по Марксу—Энгельсу.

а) Вопрос об «организации революции».
б) Вопрос об участии в революции не только «снизу», но и «сверху».
в) Вопрос о значении партии для пролетариата.

III. Историческое подготовление «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» в свете взглядов Маркса и Энгельса.

ЛИТЕРАТУРА: см. в тексте.

ГЛАВА VII.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА МЕНЬШЕВИКАМИ И ТРОЦКИСТАМИ.

а) МЕНЬШЕВИСТСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ПОЗИЦИИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В ВОПРОСЕ О РОЛИ ПРОЛЕТАРИАТА В БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Известно, что в своей полемике с большевиками в 1905—1907 гг. меньшевики и Троцкий пытались аргументировать всеми историческими работами Маркса, Энгельса и Лассаля, стремясь одновременно доказать, что в основных вопросах политики большевики отходят от марксизма [1].

Разумеется, брать высказывания Маркса можно было и нужно было, только в свете эпохи, в которую эти работы писались, используя опыт борьбы для новой эпохи. Между тем меньшевики не только механически переносили высказывания Маркса в новую историческую обстановку, но при этом искажали условия, к которым относились высказывания Маркса—Энгельса.

---

[1] Только в октябре 1917 г. меньшевики вместе со своими собратьями— западно-европейской социал-демократией, открыто отказавшись от марксизма, начали оправдывать свой отход старыми аргументами Бернштейна, указывая, что только собственно «в молодости» Маркс был за «насильственную революцию», Маркс был «большевиком». Так, известный меньшевик Д. Далин в книге «После войн и революций» (Берлин 1922 г., стр. 177—178) писал:

«Если б первая германская революция не закончилась так скоро контрреволюцией; если б реформы, произведенные ею, оказались глубже, а народное движение сильнее, если б «крайняя левая» пришла к власти и вынесла вверх Маркса как своего вождя, — он попытался бы осуществить социализм в Германии и проделал бы весь большевистский опыт с начала до конца (подчеркнуто автором.— *Ред.*), с неизбежным террором, с изгнанием буржуазии, с войной против крестьянства, с экономической катастрофой и с неизбежным затем поражением. Его «программа коммунистов» и его восхищение перед деятелями 93-го года не оставляют на этот счет никаких сомнений. Да, в 40-х гг. Маркс был большевиком. Большевизм— вовсе не чисто русское явление. Он появляется на сцену везде в момент революции как движение наиболее придавленных слоев, соединяющих крайнюю политическую революционность с крайним экономическим утопизмом». Не говоря уже о том, что меньшевики вынуждены признать в лице большевиков подлинных революционных марксистов, по смыслу цитаты может показаться, что Маркс после 1848 г. «перестал быть большевиком». Стоит, однако, бегло проследить последующие высказывания Маркса, чтобы убедиться, что до последнего дня Маркс оставался подлинным пролетарским борцом, и большевики-ленинцы являлись и являются его учениками и продолжателями его великого дела.

Стоит также отметить, что в связи с юбилеем Бернштейна в 1930 г. «Социалистический вестник» выдвинул именно Бернштейна как учителя марксизма. — *Ред.*

Посмотрим же, как истолковывали меньшевики идеи Маркса и Энгельса, защищая свои позиции. Больше всего внимания меньшевики уделяли работам Маркса и Энгельса, связанным с эпохой революции 1848 г. В статье «Революционные перспективы» Мартынов писал:

«Тактика революционной оппозиции завещана нам историей 48 г.» [1].

Основным вопросом, в котором меньшевики пытались показать себя безукоризненными марксистами, был вопрос о допустимости участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Как мы видели раньше, именно вокруг этого вопроса больше всего вращались споры. Вполне естественно, что меньшевики сосредоточили на этом пункте свой «марксистский» огонь. Первый теоретический «залп» по этой линии дал Мартынов в «Двух диктатурах», с которых, как известно, и началась дискуссия. Из приводимых им выдержек мы остановимся на двух наиболее важных, которым сам Мартынов придавал особое значение. Первая из них — выдержка из «Крестьянской войны в Германии» Энгельса. Энгельс писал:

«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. Возможное для такого вождя зависит не от его воли, а от уровня, достигнутого противоположностью интересов различных классов, уровня, в свою очередь зависящего от степени развития материальных условий существования, отношений производства и обмена. С другой стороны, то, что такой вождь должен делать то, чего требует от него его собственная партия, также зависит не от него, но в то же время и не от степени развития классовой борьбы и не от ее условий; он остается связанным своими прежними доктринами и требованиями, которые также вытекают не из взаимного положения общественных классов в данный момент, не от временных, более или менее случайных отношений производства и обмена, но обусловливаются способностью этого вождя к пониманию общих результатов социального и политического движения. Таким образом перед ним неизбежно вырастает неразрешимая дилемма: что он может сделать — противоречит всем его предыдущим поступкам, его принципам и непосредственным интересам его партии; что он должен был бы делать — оказывается неисполнимым. Словом, он вынужден будет в интересах именно этого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно» [2].

Эта выдержка приведена Мартыновым в заключении главы «Диктатура пролетариата и диктатура санкюлотов. Социал-демократы и якобинцы Исторический ублюдок». Слова Энгельса должны были подтвердить мартыновское учение о двух «химически чистых» диктатурах и утверждение его, что всякий, кто позволяет себе стремиться к иного типа диктатуре, попадет в положение «злостного банкрота». Хотя ленинские положения о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» не были еще выдвинуты, когда Мартынов писал свою брошюру, но вполне понятно, что угроза банкротством имеет ближайшее отношение именно к этой формуле.

Более непосредственно и уже совершенно открыто направлена против «ленинской тактики» вторая выдержка из марксовских «Разоблачений о кельн-

[1] «Искра» № 93.

[2] «Две диктатуры», изд. 2-е, 1918 г., стр. 73.

ском процессе коммунистов», которая Мартыновым приводится в заключение всей его брошюры. Мы перепечатываем ее целиком с вводными словами Мартынова:

«Если б ленинцы последовательно проводили в настоящее время свою тактику, т о о б ъ е к т и в н о они сыграли бы роль с о з н а т е л ь н ы х и л и б е с с о з н а т е л ь н ы х п о л и т и ч е с к и х а в а н т ю р и с т о в. Если б они пошли по этому пути, то мне не нужно было бы для их оценки прибавить ни одного слова к тому, что Маркс сказал по адресу фракции Виллиха-Шаппера, отделившейся в 1848 году от Коммунистического союза: «Союз коммунистов был не заговорщическое общество, а общество, которое тайно занималось организацией пролетарской партии... Само собой разумеется, что такое тайное общество, которое ставит себе целью о б р а з о в а н и е н е п р а в и т е л ь с т в е н н о й, а о п п о з и ц и о н н о й п а р т и и б у д у щ е г о, представляет мало привлекательного для тех господ, которые, с одной стороны, скрывают свое ничтожество под театральной мантией конспирации, с другой стороны, удовлетворяют свое ограниченное честолюбие в первый день ближайшей революции, для которых на первом плане важно играть роль в данную минуту, получить долю из демагогической добычи и быть приветствованными демократическими базарными крикунами» [1].

Приведенными словами брошюра Мартынова заканчивается. Автор не дает никаких комментариев. Повидимому, слова Маркса о том, что коммунисты ставят себе целью «образование не правительственной, а оппозиционной партии будущего», он считает достаточно убедительными и исчерпывающими для теоретического умерщвления большевизма.

Из других документов эпохи революции 1848 г. большое внимание уделили меньшевики известному «обращению» ЦК союза коммунистов от марта 1850 г. Истолкованием этого документа занимался, между прочим, Плеханов. В статье «К вопросу о захвате власти», отвечая на вопрос:

«не приходилось ли самому Марксу высказываться о той тактике, которой должен держаться революционный пролетариат в исторические дни, подобные переживаемым нами» [2],

Плеханов указывает прежде всего на это «обращение». Как известно, в этом документе Маркс констатирует, что революция не закончена, несмотря на тяжелые поражения. После первого этапа революции, приведшего к власти либеральную буржуазию, должен наступить новый этап, который приведет к власти демократическую мелкую буржуазию. По отношению к этому классу пролетариат должен занимать совершенно самостоятельную позицию, ни в какой мере не беря на себя ответственности за его политику. В каждом этапе движения пролетариат должен выступать с более революционными требованиями, чем те, которые демократическая мелкая буржуазия может удовлетворить. Такая борьба может найти свое конечное разрешение лишь в установлении господства пролетариата.

Плеханов подробно излагает ход рассуждений Маркса. Он усиленно подчеркивает марксово положение, что пролетариат должен все время итти дальше мелкой буржуазии, не позволяя ни на один миг ей успокоиться и удовлетвориться достигнутым. Критикуя нерешительность, узость и ограниченность

---

[1] Там же, стр. 88—89.

[2] П л е х а н о в, Соч., т. XIII, стр. 204.

даже самой левой фракции демократии, гнать революцию до крайних возможных пределов. Отсюда Плеханов делает следующий вывод:

«Основатель научного социализма, как видно, не допускал даже и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя. Совершенно наоборот: после победы над крупной буржуазией и захвата власти мелкобуржуазными демократами рабочие должны были по плану Маркса сложиться в сильную оппозиционную партию, которая своей критикой и своей агитацией толкала бы вперед мелкобуржуазное правительство» [1].

Марксово «Обращение» Плеханов использовал не только для этого вывода. Плеханову казалось, что, опираясь на «Обращение», можно опровергнуть большевистское положение о том, что в революции вовсе необязателен плавный, без скачков переход влияния руководства и власти от одного класса к другому, третьему и т. д., например от помещиков к либеральной буржуазии, потом к демократической мелкой буржуазии и лишь затем к социалистическому пролетариату. Такую схему большевики считали верной лишь на долгом историческом пробеге. Для определения конкретной политической линии в данной революции большевики требовали анализа конкретных классовых отношений и, вполне естественно, допускали, в зависимости от наличия объективных предпосылок, отклонения от общей схемы. Ленин с полной наглядностью иллюстрировал возрождение рабочедельской «теории стадии» в практических узорах меньшевизма.

«Составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства», писал Ленин [2].

Это возражение Ленина против Мартынова Плеханов представил так, как будто бы не Мартынов, а Маркс является в глазах Ленина «виртуозом филистерства». Аналогичную картину Плеханов рисовал, характеризуя работу Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848 — 1850 гг.». Наконец меньшевики и Троцкий, останавливаясь на ленинской характеристике Парижской коммуны, как революционно-демократической диктатуры пролетариата и мелкой буржуазии, решительно оспаривали такой анализ, безоговорочно называя Парижскую коммуну диктатурой пролетариата.

В защиту основного меньшевистского положения о недопустимости участия пролетариата во временном правительстве в период буржуазной революции, Плеханов привел еще письмо Энгельса, адресованное в 1894 г. видному итальянскому социалисту Турати. Не цитируя Энгельса дословно, Плеханов передал содержание этого письма, совершенно исказив то, что имел в виду Энгельс. Энгельс писал Турати, что предстоящая революция в Италии не будет еще иметь социалистического характера. Революция приведет мелкую буржуазию к власти, и пролетариат не должен принимать участия в мелкобуржуазном правительстве. Вполне уместно привести собственные слова Энгельса, которые имеет в виду Плеханов.

---

[1] Там же, стр. 207.

[2] Ленин, Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, Соч., т. VII, стр. 199.

«После совместной победы нам, возможно, предложат участие в новом правительстве, но всегда, как меньшинству. В этом кроется величайшая опасность. После февраля 1848 г. французские социал-демократы (группа «Реформы», Ледрю-Роллен, Луи Блан, Флоконе и т. д.) совершили ошибку, приняв на себя подобного рода обязанность. Будучи меньшинством в правительстве, они добровольно разделили ответственность за все бесчестные поступки и предательство по отношению к рабочему классу, совершенные большинством чистых республиканцев. Между тем их присутствие в правительстве совершенно парализовало революционную активность рабочего класса, представлять который они претендовали». «Маркс и Энгельс осудили бы тактику «Вперед» и одобрили бы тактику «Искры»,

победоносно заключил свою ссылку на энгельсовское письмо Плеханов [1].

Таким образом меньшевики категорически выставили утверждение, что именно они являются последовательными продолжателями тактики Маркса и Энгельса. Материал, приводимый ими, требует внимательного разбора и анализа. Этот разбор мы начнем с характеристики ленинского истолкования позиции Маркса и Энгельса в разбираемых вопросах.

Особо мы коснемся вопроса о меньшевистско-троцкистском истолковании марксовской теории перманентной революции.

б) КРИТИКА ИЗВРАЩЕНИЙ МАРКСИЗМА МЕНЬШЕВИКАМИ И ТРОЦКИСТАМИ.

Здесь прежде всего необходимо отметить самый подход Ленина к делу применения марксистских принципов к решению тактических проблем русской революции.

Чрезвычайно интересным и важным является в этом отношении следующее заявление Ленина, сделанное им на III съезде РСДРП в докладе об участии социал-демократов во временном революционном правительстве.

«Без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства республика в России невозможна. Это утверждение «Вперед» выставил на основании анализа реальной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал. И потому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя» [2].

Совершенно ясно, что механическое перенесение самой правильной тактической директивы из одной обстановки в другую без всяких поправок и изменений ничего общего с марксистской методологией не имеет.

Изменение обстановки не может не отразиться на характере политических выводов.

Нельзя сказать, что понимание этого было совершенно чуждо меньшевикам. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Плеханов высказывался, например, следующим образом:

«Мы коренным образом изменили бы духу своего собственного учения и стали бы недостойными его, если бы хоть раз допустили, что наши теоретические и практические споры могут исчерпываться простым указанием на то, что утверждал Маркс, на то, как magister dixit» (учитель сказал. — *Ред.*) [3].

---

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 211.

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 268. Разрядка наша. — *Ред.*

[3] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 277.

Однако в действительности ни Плеханов, ни другие меньшевики не следовали этому правилу. Даже затрогивая вопрос об обстановке, в которой нужно применять те или иные политические действия, они не шли дальше установления «п о д о б и я» наших «исторических дней» дням 1848 г. То, что о т л и ч а л о нашу революцию от всех других, то, что было в ней особого, своеобразного, лишь в самой слабой степени доходило до сознания меньшевиков. Во всяком случае они никогда не могли поставить как следует вопроса об особенностях русской революции и сделать из этого соответствующие выводы в смысле применения марксистских принципов к новой обстановке. В уже цитированном нами докладе на III съезде Ленин следующим образом формулировал различие между большевиками и меньшевиками в этом вопросе:

«Вперед» ставит вопрос на конкретную почву, учитывая реальные общественные силы, которые участвуют в России в борьбе за демократический переворот. Плеханов же ни единого слова не говорит о конкретных русских условиях. Весь багаж его ограничивается парой не к месту приводимых цитат» [1].

Плеханов не только не давал анализ русских условий. Он не считал нужным отмечать и особенности той обстановки, в применении к которой Маркс и Энгельс писали свои работы. На примере разбора «Обращения» ЦК Союза коммунистов мы можем наглядно видеть разницу между большевистской и меньшевистской постановкой и разрешением политических вопросов.

Ленин прежде всего дал тщательный анализ классовых сил и взаимоотношение политических партий, характеризовавшее 1850 г. в Германии. Переход власти к либеральной буржуазии на первом этапе революции был совершившимся фактом. Вполне реальным фактом было также преобладание политической силы демократической мелкой буржуазии над силами пролетариата. «Обращение» констатировало эти факты и на их основании строило свой политический прогноз. Придавать этому прогнозу, так тесно связанному с вполне определенным соотношением сил в одной стране в одну определенную эпоху, обязательное значение для всех стран для всех ситуаций было совершенно неправильно.

Это указание Ленина, такое неопровержимое и простое, Плехановым совершенно не было понято. Весьма поучительно отметить, что историческое высказывание Маркса о том, что Великая французская революция конца XVIII в. развивалась по восходящей линии, а Февральская революция 1848 г. — по нисходящей, Плеханов пытался использовать для доказательства того, что не надо стремиться продвинуть революцию сразу на высшую ступень.

«Февральская революция скакнула на несколько ступенек сразу... и пошла по нисходящей линии», поучал Плеханов [2].

Как это ни странно, Плеханов представлял дело так, словно Маркс осуждал Февральскую революцию 1848 г. за слишком стремительное продвижение вперед. Как известно, Маркс никогда не думал, что Февральская

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 267.

[2] П л е х а н о в, Соч., т. XIII, стр. 285.

революция зашла дальше допустимого. Осуждал он французских революционеров не за забегание вперед, а, наоборот, за нерешительность, за несоответствие слов делу. Ошибка, допущенная здесь Плехановым, прямо чудовищна.

Разбирая второй вопрос, связанный с «Обращением», вопрос об участии представителей рабочей партии в революционном временном правительстве, Ленин опять считал необходимым предпослать правильное освещение тогдашнего соотношения классовых сил. Можно ли было, например, игнорировать, что в эту эпоху немецкая мелкая буржуазия была несравненно организованнее, чем немецкий пролетариат? Пролетариат не имел тогда своей политической партии. Его политическую линию отстаивали только отдельные единицы, как Маркс, Энгельс и их друзья [1]. Совсем неслучайно в «Обращении» так много уделено внимания вопросу об оформлении самостоятельной рабочей партии, что главным уроком революционных событий является сознание необходимости. При таком соотношении сил до организации рабочей партии ставить вопрос о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, об участии пролетариата во временном правительстве нельзя было.

«При тогдашних условиях, — говорит Ленин, — не могло возникнуть и мысли о таком участии от имени рабочей партии в целях демократической диктатуры» [2]. «Он (Маркс) писал не накануне революции как представитель организованного пролетариата, а после революции как представитель организующихся рабочих» [3].

В этой коротенькой формуле вскрыта вся глубина различия между возможностями политического действия пролетариата в Германии 1848—1850 гг. и в России 1905 г. Нетрудно понять, какое значение имело это различие. Следует только вспомнить, какое значение придавал Ленин наличию организованной партии пролетариата. Говоря о допустимости участия социал-демократии в революционном временном правительстве, он много раз подчеркивал, что это участие имеет свои особенности, и что положительное значение оно может иметь лишь при достаточно самостоятельной политике представителей пролетариата и достаточной мощи рабочего класса. Поскольку немецкий пролетариат еще не имел своей партии и вообще не обладал достаточной политической силой, он еще не мог ставить себе таких колоссальных и трудных задач, как проведение демократической диктатуры.

Подчеркивая эту сторону вопроса, Ленин протестовал против плехановского указания, что Маркс отрицательно разрешал вопрос об участии представителей пролетариата во временном правительстве. По мнению Ленина, такой вывод был неверен, так как

«Маркс не упоминал и не решал вопроса об участии во временном революционном правительстве, ибо этот вопрос тогда не мог иметь никакого практического значения, и все внимание обращалось всецело на организацию самостоятельной рабочей партии» [4].

---

[1] См. об этом ниже. — *Ред.*

[2] Ленин, т. VII, стр. 319.

[3] Там же, стр. 266. Разрядка наша. — *Ред.*

[4] Там же, стр. 267.

Практика 48 года в Германии дала много ценнейших указаний Ленину на то, как следует беспощадно бороться с «теорией соглашения», но она не в силах была указать положительную программу действий в условиях, выдвинувших пролетариат в качестве вождя народной революции. Насколько не сходна вся картина борьбы в Германии 1848 г. и в России 1905 г., как не ясны были еще ее основные контуры, видно из того, что Маркс в ту эпоху не проводил ясного разграничения между социалистической революцией и буржуазной. Революцию 1848 г. Маркс и Энгельс вначале считали прямым прологом социалистической революции и думали, что полное господство пролетариата близко. Ленин писал об этом следующее:

«Маркс и Энгельс в 1850 г. не различали демократической и социалистической диктатуры или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм — близким. Они не различали поэтому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различение (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом социалистов-революционеров), то надо особо разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре» [1]. По мнению Ленина, Маркс и Энгельс «считали социализм близким и потому недооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными, ввиду несомненной победы мелкобуржуазной демократической партии» [2].

Но... «может быть, у Маркса и Энгельса можно найти ответ на вопрос не о конкретной русской ситуации, а об общих принципах революционной борьбы пролетариата» [3],

спрашивал Ленин и отвечал на это утвердительно. Как наиболее важный момент, говорящий в пользу большевистской позиции, Ленин отмечал признание со стороны творцов научного социализма принципиальной допустимости и даже необходимости «действия сверху», т. е., иначе говоря, необходимости диктатуры. В подтверждение этого Ленин особенно подчеркивал мысли Энгельса, высказанные в брошюре «Бакунисты за работой».

В этой работе Энгельс подвергал критическому разбору действия испанских анархистов в период революционных событий 1873 г. Энгельс указывал, что анархистам пришлось отказаться от своих предубеждений в отношении к государству и принимать участие в революционной диктатуре. И если Энгельс при этом жестоко критиковал анархистов, то не за участие в революционном правительстве, а, наоборот, за недостаточную решительность, медлительность и прочие тактические ошибки. Во всяком случае совершенно ясно, что Энгельс был далек от мысли отрицать допустимость участия партии пролетариата в осуществлении диктатуры революционного народа и, следовательно, вхождения в революционное правительство.

«Энгельсу не нравится только то, что бакунисты б ы л и в меньшинстве, а не то, что они там заседали», говорил Ленин [4].

Не менее яркое выявление отношения Маркса и Энгельса к вопросу о диктатуре находил Ленин в их статьях 1848/49 г. Сила, с которой Маркс и Энгельс

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 321.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 269.

[4] Л е н и н, Доклад об участии социал-демократов во временном революционном правительстве, Соч., т. VII, стр. 270.

обрушились против предательства либеральной буржуазии, не имеет себе равной. Они жестоко критиковали конституционные иллюзии парламентских деятелей и неустанно указывали на необходимость восстания и насильственного овладения властью. Маркс и Энгельс совершенно определенно призывали к установлению диктатуры революционного народа, указывая на пример якобинской диктатуры 1793 г.— этого «плебейского способа разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией». Что касается классового характера той диктатуры, к которой призывали Маркс и Энгельс, то, по мнению Ленина,

«несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство». Это значило, что «извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем притти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1].

Касаясь письма Энгельса к Турати, Ленин кратко указывал на то, что в Италии того времени т. е. в 1894 году демократический переворот давно уже совершился, и что поэтому в отношении Италии нужна иная постановка вопроса, чем в отношении России, и Энгельс как раз своим письмом и предупреждает против возможного повторения ошибок 1848 г. во Франции. Что касается известного энгельсовского положения о трагедии вождя того класса, время господства которого еще не пришло, положения, занимавшего, как мы видели выше, видное место в меньшевистской аргументации, то здесь Ленин давал следующее объяснение. Под «господством класса» в отношении пролетариата следует понимать социалистическую диктатуру пролетариата. Для такой диктатуры время еще, действительно, не пришло, и если бы социал-демократия поставила своей задачей немедленное осуществление этой диктатуры, она действительно попала бы в трагическое положение. Но «демократическая диктатура», о которой идет у большевиков речь, не есть еще «господство класса» в действительном смысле этого слова. Это—путь к социалистической диктатуре, это-тактика, направленная к укреплению позиций пролетариата в его будущей борьбе. Такая диктатура вполне возможна и вполне назрела объективно. Следует только хорошо понимать ее сущность и ее задачи, следует только правильно отличать ее от социалистичекой диктатуры и правильно осуществлять ее, и тогда не создастся никакого трагического положения.

«Энгельс предостерегает именно от того ложного положения, которое является результатом непонимания вождем действительных интересов «своего» класса и действительного классового содержания переворота», писал Ленин [2].

---

[1] Ленин, Две тактики социал-демократов в демократической революции, т. VIII, стр. 123.

Нелишним будет в связи с этим напомнить следующую, приведенную нами в первой главе выдержку, в которой немецкая буржуазия противопоставляется французской. «Германская буржуазия 1848 г. немедленно предала своих естественных союзников — крестьян, которые являются плотью от плоти ее и без которых она совершенно бессильна перед лицом дворянства» (Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции, стр. 138). — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 185.

К сожалению, этого исключительно важного места из Энгельса не понял Мартынов и в 1923 г. (хотя он, уходя от меньшевизма, проделал гигантскую работу над преодолением своих

Итак, мы видим, Ленин считал неправильным, антиисторичным искать у Маркса буквальный, «дословный» ответ на проблемы русской революции. В эпоху Маркса существовало иное соотношение классовых сил, революция проходила в иных конкретных формах, и поэтому и революционные проблемы ставились по-иному. Но зато Маркс и Энгельс достаточно ясно высказались за необходимость осуществления диктатуры «революционного народа», а в русских условиях 1905 г. это и означало борьбу за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

в) К ВЫСКАЗЫВАНИЯМ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ПО ВОПРОСАМ РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ.

В своей полемике большевики и меньшевики более или менее широко привлекали к делу литературное наследство Маркса и Энгельса.

старых ошибок), когда он говорил, что если в 1905 г. большевики «совершили натяжку» в таком истолковании Энгельса, то 1917 г. и тактика большевиков показала, что Энгельс был в сущности неправ. Вот что пишет Мартынов: «Выставив лозунг «диктатуры пролетариата и крестьянства» в буржуазной революции, пытались ли большевики ответить на тот вопрос, который я поднял в 1904 г. в своей брошюре «Две диктатуры»? Пытались ли они объяснить, как они избегнут тех огромных затруднений, на которые указывал Энгельс в своей книге «Крестьянская война в Германии»? Да, они на это отвечали, сначала подробно в двух номерах своего органа «Вперед» (№ 13, 5/IV (23/III) 1905 г. и № 14, 12/IV (30/III) — «Социал-демократия и временное революционное правительство»), и затем Ленин говорил об этом более кратко, но повторяя по существу то же самое в своем докладе на III съезде партии и в своей брошюре «Две тактики». Они отвечали, но ответ их был неубедительный. Они, с одной стороны, с явной натяжкой, чисто «рационалистически» истолковывали слова Энгельса и чисто «рационалистически» решали вопрос; они, с другой стороны, в страстных, увлекательных, пламенных выражениях апеллировали к вере в революционное творчество. Суть их возражений сводилась к следующему: Энгельса нужно понимать в смысле «гибельности н е п о н и м а н и я (курсив автора фельетона «Вперед») действительных исторических задач переворота». «Энгельс указывает на опасность непонимания вождями пролетариата н е п р о л е т а р с к о г о (курсив автора) характера переворота». Какое же, говорили они, это имеет отношение к нам, когда мы с самого начала отдаем себе ясный отчет, что мы собираемся сделать демократический переворот, а не социалистический, не пролетарский; когда мы с самого начала открыто и определенно об этом заявляем, и когда мы к тому же «отгораживаемся и программой, и тактикой, и организацией от революционной демократии»?! Правда, «при быстром ходе вперед труднее отличить верный путь и быстро решить сложные и новые вопросы», но нужно быть филистером, чтобы этого пугаться, и т.д. Теперь сама жизнь показала, как нужно толковать слова Энгельса. Теперь, особенно теперь, всякому ясно, что Энгельс говорил не о последствиях плохого «понимания» вождей, как писал «Вперед», а о последствиях их трудного «положения». Ведь большевистская партия до октября 1917 г. хорошо «понимала» и на своей апрельской конференции говорила, что у нас возможны только «первые шаги к социализму»; однакоже, придя к власти, она «должна» была либо пойти к коммунизму, либо делать то, что она экономически «может», и тогда бы она сейчас же лишилась революционной опоры в пролетариате. Вот это именно Энгельс и имел в виду, когда он совершенно ясно, черным по белому, писал: «В о з м о ж н о е для такого вождя зависит не от его воли... С другой стороны, то, что такой вождь д о л ж е н делать... также зависит не от него...» Другой вопрос: прав ли был Энгельс абсолютно или был только относительно прав? Октябрьская революция показала, что Энгельс был прав, но лишь условно, относительно. Она показала, что при и з в е с т н о й и с т о р и ч е с к о й с и т у а ц и и партия, очутившись в таком трудном положении, какое описывал Энгельс, может, потерпев сильные аварии, все же выбиться на дорогу» («Великая историческая проверка», «Красная новь» № 2, 1923, стр. 260—261). Это место еще раз показывает, что Мартынов не понял еще ни различия между демократической и социалистической диктатурой, во-первых, ни тактики пролетарской революции, победившей в одной стране, во-вторых.

Необходимость хотя бы беглого пробега по некоторым основным высказываниям основоположников революционного марксизма по вопросам стратегии и тактики пролетарской партии в революции ясна без мотивировки.

В статье «Германская кампания за имперскую конституцию» Энгельс, рассказывая о южно-германском восстании, писал:

«Само собой понятно, что и мне предлагались в большом количестве гражданские и военные должности, которые я не замедлил бы принять, если бы дело шло о пролетарском движении. Но при данной обстановке я отклонил все эти предложения» [1].

Частично мы выше видели, какое объяснение давал такой постановке вопроса со стороны Маркса и Энгельса Ленин. По мнению Ленина, решающее значение в этом вопросе имела слабость германского пролетариата, отсутствие организованной пролетарской партии, без чего участие в буржуазном революционном правительстве немыслимо, так как без твердого руководства представители пролетариата не могли бы проводить свою линию. То обоснование, которое давал своему отказу от правительственных должностей Энгельс, вполне подтверждает мысль Ленина. В самом деле, какова была обстановка, в которой находились Маркс и Энгельс в 1848—1850 гг.?

«Манифест коммунистической партии был напечатан за несколько дней до Февральской революции. Организация Союза коммунистов завершилась едва только в ноябре 1847 г. Организация, которая охватывала заграничные кружки — парижский, брюссельский и лондонский — и только отчасти была связана с некоторыми мелкими немецкими группами. Уже одно это заставляет нас предполагать, что силы организованные... — я не говорю о всем Союзе коммунистов, а только о немецкой секции — организованные силы, на которые можно было рассчитывать, были весьма ничтожны. А революция вспыхивает уже 24 февраля 1848 г. в Париже», пишет Рязанов в книге «Маркс и Энгельс» [2].

Это очень важно для представления о степени организации рабочего класса к моменту буржуазной революции 1848 г. Далее Рязанов подчеркивает это обстоятельство еще резче.

«Маркс и Энгельс считались с определенным фактом: никакой организации у немецкой секции Союза коммунистов не было. Были только отдельные лица, сочувствовавшие им. Что оставалось делать Марксу и Энгельсу и ближайшим товарищам? Лет через сорок приблизительно после этих событий Энгельс старался объяснить молодым товарищам тактику, которой он и Маркс следовали в 1848 г. в Германии... Энгельс указывает, что никакой пролетарской организации не было, и оставалось с самого начала действовать двумя путями: либо взяться сейчас же, с первых дней, за организацию пролетарской партии, или использовать те демократические организации, которые имелись налицо, объединить их и внутри этих демократических организаций, путем критики, пропаганды произвести необходимую реорганизацию, притягивая в эту общую демократическую организацию и различные рабочие общества, которые не входили в демократическую организацию. Второй путь, который был выбран Марксом и Энгельсом, это — отказ от организации в Рейнской провинции специально пролетарских организаций и вступление в демократический союз, имевшийся в Кельне» [3].

Не лучше обстояло дело и с идеологией в союзе. Даже в «Союзе коммунистов», в котором уже с самого начала принимали участие Маркс и Энгельс,

---

[1] «Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 гг.)», М.—Л. 1926, стр. 355.
[2] Изд. «Моск. раб.», 1923, стр. 103.
[3] Там же, стр. 104, 106.

были типичные мелкобуржуазные настроения. Вот что пишет Энгельс в своей статье по поводу состава и настроений в «Союзе коммунистов»:

«Социальная доктрина Союза при всей своей неопределенности отличалась одним крупным недостатком, который, однако, вытекал из самих условий. Члены союза, поскольку они вообще были рабочими, собственно были почти исключительно ремесленники. Люди, которые их эксплоатировали, сами были не более как маленькие мастерки в больших городах мира... Эти ремесленники сами еще не были настоящими пролетариями, они все еще представляли лишь переходную ступень к современному пролетариату, придаток мелкой буржуазии, которая пока не стояла в прямом противоречии с буржуазией, т. е. с крупным капиталом. И величайшую честь им делает то обстоятельство, что они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и, хотя не вполне сознательно, все же конституироваться в качестве партии пролетариата. Но неизбежно было то, что их старые ремесленные предрассудки подставляли нам ногу каждый раз, когда дело доходило до обстоятельной критики существующего общества, т. е. до анализа экономических фактов. Я не думаю, чтобы в Союзе был тогда хоть один человек, который прочитал бы какую-нибудь книгу по экономике. Но это ничего не значило: «равенство», «братство» и «справедливость» устранили всякие теоретические затруднения» [1].

Вполне понятно поэтому, что Фридрих Энгельс в письме к Вишневецкой, написанном в 1889 г., отмечал следующее:

«Когда мы в 1848 г. вернулись в Германию, мы примкнули к демократической партии, видя в этом единственное средство приобрести влияние на рабочий класс».

Энгельс, доказывая правильность такого шага, говорит, что учение Маркса нельзя просто выучить, надо, чтобы массы на собственном опыте убедились в правильности принципов марксизма.

«Где были бы мы теперь, — пишет Энгельс в том же письме, — если бы в промежуток 1867—1873 гг. мы шли только с теми, кто открыто признавал нашу программу» [2].

Таково, следовательно, было положение партийной организации германского рабочего класса к 1850 г. Но опыт участия в демократическом союзе, рост влияния марксовых идей, надежда на новый революционный подъем в Германии — привели к формулированию идеи перманентной революции, изложенной в знаменитом «Обращении» ЦК к Союзу коммунистов в 1850 г. Окончательная измена революции со стороны немецкой крупной буржуазии, ее блок с контрреволюционным дворянством и расчет Маркса на новый подъем революции, главными участниками которой должны были быть мелкая буржуазия и пролетариат, — подсказали Марксу перемену тактики, Маркс и Энгельс не закрывают глаз на действительное положение вещей.

«Пролетарской или действительно революционной партии лишь с большой медленностью удавалось отвлечь массу рабочих от влияния демократов, в хвосте которых шли рабочие в начале революции», писал Энгельс [3].

И если в дальнейшем пролетариат все больше освобождался от влияния демократов, то это еще не означало создания сильного пролетарского револю-

---

[1] Разрядка наша. — *Ред.*

[2] Письмо Энгельса от 27 января 1887 г. Вишневецкой полностью помещено в книжке Г. Дункер, Маркс и Энгельс о программе и тактике, Гиз., стр. 104.

[3] Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, Исторические работы, стр. 272.

ционного движения. По крайней мере в решающий момент, в период южно-германского восстания 1849 г. вследствие неорганизованности и колебаний мелкой буржуазии

«движение перестало интересовать пролетариат, и в короткое время крупная и мелкая буржуазия достигла своей цели, приведя пролетариат в состояние равнодушия» [1].

Как видим, Энгельс все время касается фактической стороны дела, описывая конкретную роль того или иного класса. Во всяком случае мы не находим у Энгельса ничего похожего на меньшевистскую постановку вопроса: так как настоящая революция есть буржуазная, а не социалистическая, то участие представителей пролетариата в революционном правительстве недопустимо. Если бы Энгельс думал так, «по-меньшевистски», то он, напр., не мог бы высказать следующего предположения:

«Рабочие и крестьяне, которые не менее мелкой буржуазии страдают от теперешнего режима сабли, недаром проделали опыт последнего восстания; они, которые, помимо всего прочего, должны отомстить за своих павших и убитых братьев, позаботятся уже о том, чтобы при ближайшем восстании руководящая роль досталась им, а не мелким буржуа» [2].

О чем говорит эта выдержка? Она показывает, что Энгельс считает возможным и, очевидно, вполне желательным, чтобы руководящая роль перешла к рабочим и крестьянам, притом не в отдаленном будущем, а немедленно «при ближайшем восстании». Это показывает с исчерпывающей убедительностью, что в отказе Энгельса от руководящих постов, как это доказывал Ленин, решающую роль играло именно соотношение классовых сил, а не соображения об общем характере революции. Изменилось или могло измениться лишь соотношение сил тех классов, которые способны были бороться против прусского абсолютизма [3]. Раньше пролетариат находился под влиянием мелкой буржуазии, он был слаб, деморализован, пассивен. Теперь он начал понимать ход событий и проникался желанием взять реванш. Скоро, в ближайшем восстании, он вместе с крестьянами покажет себя подлинным руководителем движения, — вот ход мыслей Энгельса. И вряд ли может появиться сомнение, что если бы это предвидение подтвердилось, если бы пролетариат действительно стал во главе движения, то Энгельс не стал бы отказываться от руководящих постов, и весь вопрос о революционном правительстве стал бы по-иному, чем это было в 1849 г.

Еще одно подтверждение этому выводу можно найти в письме Энгельса Марксу от 13 февраля 1851 г. Отстаивая необходимость занятия совершенно самостоятельной позиции, Энгельс писал:

«Мы можем и должны занять такое положение при ближайшей революции. И не только не занимать никакого официального государственного положения, но даже насколько возможно дольше никакого официального партийного положения, никакого места в комитете и т. д., никакой ответственности за этих ослов, — беспощадная критика по отношению ко всем и притом та веселость, которой не отнимут у нас все заговоры дураков» [4].

---

[1] Энгельс, Германская кампания за имперскую конституцию, «Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции», стр. 327.

[2] «Германская кампания за имперскую конституцию», «Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции», стр. 408.

[3] Не лишним будет также отметить то сочетание классов, которое мы находим у Энгельса: рабочие и крестьяне. Это — еще один довод в пользу большевистской точки зрения.

[4] Маркс и Энгельс, Письма, 1923, стр. 34.

Здесь мотивы и обстоятельства отказа от руководящей роли вскрываются с исчерпывающей ясностью. «Никакого официального партийного положения», «Никакой ответственности за этих ослов», — в этой резкой формуле отражено неудовлетворительное состояние движения, отсутствие подлинно революционной, построенной на правильной теоретической базе пролетарской партии. Маркс и Энгельс отказываются от руководства существующей партийной организацией ввиду ее полного несоответствия задачам эпохи. В силу этого отпадает постановка вопроса об участии во временном революционном правительстве, и вполне определенно обнаруживается неправота меньшевиков, истолковывавших отрицательное отношение Маркса и Энгельса к участию в революционном правительстве общими принципиальными мотивами, а не соотношением классовых сил.

Анализ отношения Маркса и Энгельса к опыту участия французских социалистов во временном правительстве 1848 г. тоже подтверждает эти выводы. Как известно, Маркс и Энгельс отрицательно относились к этому опыту, считая действия французских социалистов ошибочными. Меньшевики с торжеством ссылались на эту критику, видя в ней сокрушающий аргумент против большевистской позиции. Между тем стоит посмотреть, п о ч е м у, з а ч т о критиковали Луи Блана и других деятелей 1848 г. Маркс и Энгельс, чтобы убедиться в неправильности меньшевистского подхода к вопросу. Уже в отрывке из письма Энгельса к Турати, который мы приводили раньше, указание на ошибку Луи Блана сопровождалось также объяснением сути этой ошибки, указанием на то, что, «будучи меньшинством в правительстве, они добровольно разделили ответственность за все бесчестные поступки и предательства по отношению к рабочему классу...». Отсюда еще не вытекало, что всегда и везде представители рабочего класса будут играть такую же печальную роль в революционном правительстве. Смысл их вхождения в подобное правительство состоял ведь в проведении с в о е й линии, и только при этом условии Ленин и допускал подобное вхождение. Совсем не случайно встречаем мы в письме Энгельса к Бебелю от 11 декабря 1884 г. следующее выражение:

«Как не следует поступать, будучи в меньшинстве — показало нам социал-демократическое меньшинство парижского февральского правительства в 1848 г. ...Но этот вопрос остается пока еще академическим» [1].

Энгельс, следовательно, заостряет внимание Бебеля на том, «как н е с л е д у е т поступать, будучи в м е н ь ш и н с т в е», а не на том, что участие представителей пролетариата в революционном буржуазном правительстве принципиально недопустимо. Еще больше ясности вносит в вопрос «Борьба классов во Франции» Маркса.

Вот что, напр., писал Маркс по поводу взаимоотношений луиблановской комиссии в Люксембурге и с временным правительством в связи с тем фактом, что эта комиссия добровольно обособилась и отстранилась от важнейших текущих политических вопросов.

«Таким образом представителей рабочего класса изгнали из заседаний временного правительства; буржуазная часть последнего сосредоточила исключительно в своих руках дей-

[1] М а р к с и Э н г е л ь с, Письма, 1923, стр. 292.

ствительную государственную власть и бразды правления, а подле министерств финансов торговли, общественных работ подле, банка и биржи образовалась социалистическая синагога, на первосвященников которой, Лун Блана и Альбера, возложили задачу открыть путь в обетованную землю, возвестить новое евангелие и дать работу парижскому пролетариату. В отличие от всякого рода заурядной государственной власти в их распоряжении не было ни бюджета, ни исполнительной власти. Головой должны они были сломать главные устои буржуазного общества. В то время как Люксембург отправился в поиски философского камня, в ратуше чеканили монету, немедленно поступавшую в обращение» [1].

Значит, — не участие во власти со стороны представителей пролетариата вызывает возмущение Маркса, а наоборот, их самоустранение, их беззаботность насчет действительно серьезных политических вопросов. Вывод, который можно сделать из марксовой критики, должен гласить: больше активности, проведение действительно пролетарской революционной линии. Очень интересно также отметить, что в той же работе Маркс проводит различие между республикой «учреждающейся» и республикой «учрежденной». Это имеет ближайшее отношение к ленинской постановке вопроса о необходимости борьбы за республику против контрреволюции, о необходимости не только «разбить» врага, но и «отбить» все его попытки вернуться к господству, «добить» его окончательно.

Когда Маркс и Энгельс в своих работах говорят о победе пролетариата, это воспринимается современным читателем как описание победы социалистической революции. Отсюда делаются соответствующие принципиальные выводы. Между тем этот вопрос вовсе не так прост. Возьмем, например, Парижскую коммуну. Общеизвестно, что Энгельс характеризовал ее как «диктатуру пролетариата». А в то же время в письме к голландскому социал-демократу Домела Ньювангуису (от 22 февраля 1881 г.) Маркс подчеркивал, что «большинство коммуны отнюдь не было социалистическим и не могло им быть», и что «полезный для всей народной массы» компромисс с Версалем «единственно и был тогда достижим» [2]. «Одного захвата французского банка было бы достаточно, чтобы положить конец версальской заносчивости», — писал Маркс, желая отметить достижимость компромисса. На первый взгляд получается серьезное противоречие. Действительно правительство Парижской коммуны не проводило социалистической программы, и прав был Ленин, характеризуя его в 1905 г. как правительство демократической диктатуры пролетариата и мелкой буржуазии. В цитируемом письме Маркс фактически подтверждает эту характеристику. Как же совместить с этим определение коммуны как диктатуры пролетариата? Разгадка заключается в том, что раньше Маркс противопоставлял коммуну буржуазному государству. И в этом противопоставлении он прежде всего подчеркивал то новое, характерное, что дала коммуна: тип власти нового класса, принципиально отличный от старых форм государства. И в этом нет никакого противоречия позднейшему замечанию Маркса, что коммуна еще не подошла к осуществлению социалистической программы, что она только встала на путь, который к этому ведет. Различие между демократической диктатурой пролетариата и мелкой бур-

[1] Маркс, Борьба классов во Франции, «Исторические работы», стр. 35.
[2] Цитируем по «Правде», 14 марта 1928 г.

буазии и социалистической диктатурой пролетариата имело особое значение для Маркса после того, когда пролетариат в своей борьбе и организованности шагнул так далеко вперед. И называя коммуну диктатурой пролетариата, Энгельс не забывал также подчеркнуть этот важнейший момент [1].

Само собой разумеется, что, говоря о революционно-демократической диктатуре, мы вовсе не имеем в виду одной и той же политической формы. Ленин совершенно категорически подчеркивал, что лозунг «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» нельзя понимать слишком узко, как нечто раз навсегда данное и неподвижное. Эта формула выражает лишь такое соотношение классовых сил, когда пролетариат играет роль вождя в революции и осуществляет эту роль через революционное правительство, не проводя еще социалистической программы, а только подготовляя почву для нее. Такое сочетание сил может проявляться в разных формах и иметь разную судьбу в различных странах, но «демократическая диктатура» во всяком случае совершенно необходима там, где революция еще не может быть социалистической в первом своем этапе и где пролетариат в то же время достаточно силен, чтобы дать движению максимально быстрый ход для скорейшего достижения своих классовых целей.

Во всяком случае совершенно ясно, что та победа пролетариата, к которой Маркс и Энгельс стремились в эпоху революции 1848 г., еще не могла сразу проявиться в виде социалистической диктатуры. Она неизбежно должна была бы принять на первых шагах форму «демократической диктатуры». Маркс и Энгельс неоднократно возвращались к вопросам, связанным с тактикой партии пролетариата в моменты, когда та или другая фракция демократии выдвигалась историей на политическую авансцену. В этом смысле особенно интересно письмо Энгельса к Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. Вот что писал Энгельс:

---

[1] Вот почему Ленин специально подчеркивал необходимость строго учесть эти два момента в Парижской коммуне. Статья «Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры», написанная по поводу меньшевистско-троцкистской оценки коммуны и возможности участия социал-демократов в буржуазно-демократической революции не только «снизу», но и «сверху», как теперь выяснено, в целом принадлежит не Ленину, но как раз конец этой статьи, дающий характеристику коммуны в упомянутом нами смысле, написан Лениным. Вот что он в нем говорит:

«Нам кажется, что наша маленькая историческая справка не лишена поучительности. Эта справка учит нас прежде всего тому, что участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно. Эта справка показывает нам далее, что реальной задачей, которую пришлось выполнять коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум». Наконец, эта справка напоминает нам, что, извлекая уроки для себя из Парижской коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам (не взяли французского банка, не предприняли наступления на Версаль, не имели ясной программы и т. д.), а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь. Не слово «коммуна» должны мы перенимать у великих борцов 1871 г., не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические их лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (Соч., т. VIII, стр. 470).

«Мне представляется, что в одно прекрасное утро наша партия будет вынуждена стать у власти благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий, для того чтобы осуществить все то, что лежит не в нашем, а в общереволюционном и специально в мелкобуржуазном интересе. В таком случае под давлением пролетарского народа придется нам, связанным своими собственными, более или менее ложно истолкованными, более или менее страстно в смертельной борьбе выдвинутыми вперед, опубликованными в печати заявлениями и планами,—придется нам производить коммунистические опыты и прыжки, о которых мы сами всего лучше знаем, как несвоевременны они. При этом теряются головы, — надо надеяться только в физическом смысле, — наступает реакция, и пока еще мир будет в состоянии вынести свой исторический приговор по поводу подобных событий, нас станут считать не только скотами, на что было бы еще наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже.

Другой перспективы я себе не представляю. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в передовую революцию вместе с такой передовой страной, как Франция, — эта передовая партия в Германии должна обязательно очутиться у власти, как только дело дойдет до серьезного конфликта и как только будет угрожать действительная опасность. Для этой партии такое положение было бы во всяком случае п р е ж д е в р е м е н н ы м. Однако все это не важно; и самое лучшее, что мы можем сделать,— так это заранее в литературе нашей партии подготовить ее историческое оправдание на тот случай, если бы события навязали ей указанную роль. Впрочем, теперь наше выступление на историческую сцену будет куда внушительнее, чем в прошлый раз. Во-первых, мы в персональном отношении освободились от всех старых болтунов и шелопаев, во-вторых, мы все же в известной степени усилились, в-третьих, мы можем рассчитывать на молодое поколение в Германии (если не что другое, то кельнский процесс нам в том порукой) и, наконец, мы сами все-таки много приобрели в изгнании» [1].

Итак, Энгельс констатирует, что партия пролетарских революционеров будет вынуждена взять власть, чтобы осуществить то, чего не могли сделать буржуазные партии. При этом пролетарской партии придется зайти дальше выполнимого, придется «производить коммунистические опыты и прыжки». Все это преждевременно и чревато большими опасностями. Но Энгельс не делает вывода, что партии следует уклониться от власти. Наоборот, он считает нужным все же пойти навстречу создающейся ситуации и под конец выражает надежду на лучший исход, так как силы партии возросли по сравнению с первыми годами революции. Разница между энгельсовской постановкой вопроса и меньшевистской вполне очевидна. Признавая сложность создающейся ситуации, Энгельс в то же время далек от намерения панически бежать от грядущих трудностей. Притом и здесь вопрос об удельном весе пролетарской партии играет у него значительную роль. Недаром он считает нужным отметить, что «теперь» у партии больше сил, чем раньше. Вполне понятно, что когда у партии в эпоху революции 1905 г. сил оказалось еще больше, она могла по-иному поставить все вопросы. Конечно и в этом случае она не отказалась от необходимой осторожности и внимательнейшего отношения к грядущим трудностям.

Мысль Энгельса, что трудности, с которыми неизбежно должна встретиться завоевавшая власть пролетарская партия в эпоху, когда объективные условия еще не созрели для ее полного господства, не должны заставить ее отказаться от осуществления революционной диктатуры, — эта мысль особенно ярко выражена также в уже цитированном нами письме Маркса

[1] М а р к с и Э н г е л ь с, Письма, 1923 г., стр. 59—60.

к Домела Ньювангуису. Касаясь интересовавшего его корреспондента вопроса о затруднениях победившей социалистической партии, Маркс писал:

«...затруднение правительства, неожиданно возникшего благодаря победе народа, ни в коем случае не является чем-то специфически «социалистическим». Наоборот. Одержавшие победу буржуазные политики сейчас же начинают опасаться своей «победы», в то время как социалист может, по крайней мере, без всяких стеснений приступить к действиям. В одном вы можете быть уверены: социалистическое правительство не может стать во главе страны, если там не существуют настолько развитые условия, чтобы оно тотчас же могло принять надлежащие меры и так запугать буржуазию, чтобы выиграть первое условие для последовательной политики — время» [1].

Здесь очень ясно выражена мысль о необычайной важности для вновь победившего правительства получить возможность выиграть время для маневрирования. Иначе говоря, здесь Маркс восстает против отступления перед объективными трудностями, против паники, он зовет к революционной смелости и к использованию благоприятной политической ситуации, которая представляется партии пролетариата. Под этим углом зрения выявляет там же Маркс свое отношение к Парижской коммуне. Следовало итти в бой, следовало брать власть и осуществлять ее возможно более решительно, диктаторски. В то же время Маркс еще раз решительно подчеркивал всю трудность вопроса, всю невозможность вполне точного намечения «маршрута революции».

«Как непосредственно поступить в какой-нибудь определенный момент в будущем, конечно, вполне будет зависеть от тех исторических условий, в которых придется действовать. Но этот вопрос вообще представляется довольно туманным, вообще представляет еще загадку, единственным ответом на него должно быть критическое изучение этого самого вопроса. Мы не можем решить такого уравнения, которое в своих данных не заключает элементов своего решения... «Доктринерское и по необходимости фантастическое предвосхищение программы действия будущей революции только отвлекает от настоящей борьбы» [2].

Особенности позиции Маркса и Энгельса в интересующем нас вопросе можно резюмировать следующим образом. Прямой, точной формулировки лозунга «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» Маркс и Энгельс не дали и в тех условиях дать не могли. Но все содержание их позиции в отношении революции 1848 г. и в дальнейшее время, все основы их политической методологии говорят за решение с их стороны вопроса в большевистском духе.

Мы не касаемся здесь вопроса о том, какое значение имела правильная большевистская оценка характера революции 1905 г. для развития самой революции. Это будет освещено в дальнейших главах. Сейчас нас интересует другая сторона вопроса: теоретическое значение большевистских взглядов, их место в общем развитии марксистской теории. Из всего предыдущего с полной ясностью вытекает вывод, что ленинская формула «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (эта «квинт-эссенция» большевистской позиции), несомненно, представляет собою шаг вперед в развитии марксизма. Эта формула целиком основывалась на марксистских принципах стратегии и тактики. Но она не просто повторяла мысли Маркса и Энгельса. Она представляла собою новый вывод, новую формулировку

[1] «Правда» от 14/III 1928 г., № 62.
[2] Там же.

с новым, вполне развитым обоснованием. Лозунг «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», выдвинутый в начале революции 1905 г., является одним из важнейших элементов в развитии ленинизма.

Совершенно неправильно было бы умалять значение этого лозунга, исходя из соображений о его «преходящем» характере, о том, что он связан с буржуазной революцией, между тем как главная цель пролетариата состоит в проведении революции социалистической,—или противопоставлять его лозунгу социалистической диктатуры пролетариата так, как это делает Троцкий, считающий лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства лозунгом реакционным [1]. Мировая социалистическая революция не является «химически чистым» процессом, вроде того как это представлялось Мартынову. Борьба пролетариата за социализм развивается одновременно с многочисленнейшими и разнообразнейшими аграрными и национальными движениями. Пролетариат должен суметь возглавить эти движения и направить их в свое русло. Ленин в 1905 г. учил, как это делать, и его уроки, конечно, не потеряли своего значения и для нашего времени, когда мировая пролетарская революция так тесно связана с освободительной борьбой колониальных народов. С другой стороны, в чисто теоретическом отношении следует иметь в виду, что ленинская теория «революционно-демократической диктатуры» неразрывно связана с его теорией социалистической диктатуры и как бы подготовляет ее. Характеристика понятия «диктатуры», данная Лениным в 1905 — 1907 гг., вполне сохраняет свое значение и для 1917 г. Точно так же характеристика советов как органов революционной диктатуры в период первой революции предвосхищает и подготовляет позднейшие основные формулировки о советской власти.

В теории демократической диктатуры особенно ярко проявилась диалектическая сила ленинской мысли. Может быть поэтому эта теория осталась непонятой всеми, кто был заражен меньшевистским догматизмом. Так, Плеханов в статье «Враждующие между собою братья» говорит:

«Между тактическими разногласиями самое большое место занимает, конечно, придуманная редакцией газеты «Вперед» диктатура, стремление к которой грозит превратить ленинский ломоть партии в общество заговорщиков а ля Бланки и бланкисты» [2].

Чрезвычайно характерно отметить, что Мартынов даже уже накануне своего вступления в компартию в 1922 г. продолжал бороться с ленинской постановкой этого вопроса. В цитированной уже работе «Великая историческая проверка» Мартынов категорически подчеркивал, что большевики в 1905 г. ставили себе «утопическую задачу непременно добиться диктатуры в революции, сохраняя ее буржуазный характер». По мнению Мартынова, вся вообще задача проведения гегемонии пролетариата в буржуазной революции была совершенно неразрешимой. Поэтому Мартынов, покидая меньшевиков, решительно высказывался в пользу той постановки вопроса, которую развивал в 1905 г. Троцкий. На самом же деле мы имеем все важнейшие элементы лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства у Маркса.

---

[1] См. цитированную выше книгу Троцкого «Перманентная революция».

[2] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 319.

Потому-то, полемизируя с меньшевиками по вопросу о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, Ленин писал:

«Заметим, что, защищая идею союза пролетариата и крестьянства в буржуазной русской революции, Каутский в сущности не выдвигает никакой «новой» идеи, а всецело идет по стопам Маркса и Энгельса...

Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение с.-д., вызывает лишь улыбку. В народническом пленении рассуждающие так quasi-марксисты должны бы были обвинить в первую голову Каутского, Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одерживать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России» [1].

г) ТЕОРИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ У МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА.

Энгельс уже в 1885 г., возвращаясь в статье «К истории Союза коммунистов» («Разоблачения о кельнском процессе коммунистов») к надеждам на новый подъем революции в 1850 г., писал, что эти надежды в течение 1850 г. становились все более невероятными и невозможными.

«Промышленный кризис 1847 г., подготовивший революцию 1848 г., был позади; начался новый, до тех пор неслыханный период промышленного подъема. Для всякого, имевшего глаза, чтобы видеть и пользоваться ими, должно было сделаться ясным, что революционная буря 1848 г. постепенно исчерпала самое себя» [2].

К этому выводу пришел Маркс, когда возвратился к своим экономическим работам, подготовлявшим «Капитал». Именно поэтому в «Обозрении» за май—октябрь 1850 г. в «Новой рейнской газете», издававшейся в Гамбурге, Маркс и Энгельс писали:

«При том всеобщем подъеме, при котором производительные силы буржуазного общества развиваются настолько широко, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений,— не может быть и речи о действительной революции» [3].

В таком же духе пишет Энгельс в предисловии к марксовской «Борьбе классов»...

«Факты... сделали совершенно несомненным... что... постепенно вновь наступившее с половины 1848 г. и достигшее полного расцвета в 1849 и 1850 гг. промышленное оживление явилось живительной силой для снова окрепшей европейской реакции. Это имело решающее значение...

...новая революция возможна только в сопровождении нового кризиса. Но наступление ее так же несомненно, как и наступление кризиса... История показала, что мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте далеко еще недостаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства... Капитализм... в 1848 г. обладал еще большой способностью к расширению» [4].

Эта трезвость в оценке экономического положения вызвала, разумеется, соответствующее определение очередных задач рабочего класса со стороны

---

[1] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 49—50.
[2] «Исторические работы», стр. 420.
[3] Там же, стр. 421.
[4] «Исторические работы», стр. 7—8.

Маркса и Энгельса. Формулировка этих задач не была «по нутру людям чувства», которые хотели «в один миг осуществить революцию».

«Вульгарная демократия со дня на день ожидала нового взрыва; мы уже осенью 1850 г. заявили, что по крайней мере п е р в ы й отдел революционного периода закончен, и что ничего нельзя ждать до той поры, пока не разразится новый экономический мировой кризис, зато мы подверглись отлучению как изменники революции со стороны тех самых людей, которые впоследствии почти все без исключени пошли на мировую с Бисмарком, поскольку Бисмарк нашел их достойными этой чести» [1].

Маркс и Энгельс говорят о том, что они ошибались в оценке революционных возможностей для социалистической революции, в оценке зрелости действовавших на исторической арене 1848 — 1850 гг. классов. Но им и в голову не могло притти, что их самокритика будет воспринята так, как будто они с осуждением отнеслись к самой борьбе за углубление революционной ситуации. Никогда и нигде Маркс и Энгельс не говорили и не могли говорить, что задача максимально использовать все возможности для того, чтобы революцию сделать полносочной, длительной, непрерывной, была ошибочна. Но меньшевики и Плеханов именно такие чудовищный вывод и уроки извлекли из самокритики Маркса и Энгельса. Так, Плеханов в статье «К вопросу о захвате власти» писал:

«Маркс и Энгельс не одобрили бы своей тактики 1850 г. только с той ее стороны, которая обусловливалась их тогдашним убеждением в дряхлости капитализма, а следовательно, и в совершенной близости социалистической революции, для которой мелкобуржуазный переворот должен был послужить только прологом. Именно это убеждение и продиктовало им выставленный ими лозунг — н е п р е р ы в н а я р е в о л ю ц и я. Впоследствии, когда социалистическая революция перестала казаться им совсем близкой, они, даже в ожидании мелкобуржуазной революции, уже не сказали бы: «н а ш л о з у н г — Revolution in Permanenz» (перманентная революция.—*Ред.*), так как они видели бы, что отсутствуют объективные (а следовательно, и субъективные, т. е. психологические) условия «непрерывной революции». Политические задачи пролетариата были бы определены ими уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы социалистов в мелкобуржуазном правительстве. Иначе сказать, они тем яснее показали бы себя ненавистными газете «Вперед» виртуозами филистерства» [2].

В опровержение такого взгляда, ревизионистского в самом своем существе, сошлемся на свидетельство Энгельса. В 80-х годах в Германии под влиянием мирового аграрного кризиса создалась революционная обстановка, позволявшая предполагать неизбежный приход к власти мелкобуржуазной демократии. В эти годы Энгельс счел необходимым (в 1885 г.) напомнить немецкой социал-демократии «Обращение ЦК к Союзу коммунистов», написанное в марте 1850 г., имеющее, по мнению Энгельса, н е т о л ь к о т е о р е т и ч е с к и й, н о и з л о б о д н е в н ы й п о л и т и ч е с к и й и н т е р е с, ибо оно намечает социалистическую тактику пролетариата при сходной ситуации, которая сложится в европейских странах.

«Это воззвание, — говорит Энгельс, — ...представляет некоторый интерес в настоящее время (1885 г. — *Ред.*), потому что мелкобуржуазная демократия еще и теперь является той

[1] Там же, стр. 10.

[2] П л е х а н о в, Соч., т. XIII, стр. 210.

партией, которая при ближайшем европейском потрясении — а оно скоро наступит (промежутки между европейскими революциями 1815, 1830, 1848–1852, 1870 гг. продолжаются в нашем веке от 15 до 18 лет) — в Германии безусловно должна первой стать у кормила правления как спасительница общества от коммунистических рабочих; следовательно многое из сказанного там применимо и к настоящему времени».

В начале 1850 г. (февраль—март) Маркс и Энгельс ожидают нового подъема революции, но без участия либеральной буржуазии, растерявшей все остатки революционности, пошедшей по нисходящей линии и докатившейся до полного слияния с немецкой контрреволюцией. В этой обстановке ожидающейся революции с выдающейся ролью мелкобуржуазной демократии закладывается теория перманентной революции марксизма. Изложена эта теория в обращении ЦК к Союзу коммунистов в марте 1850 г.

Обращение прежде всего отмечает уклон в легализм со стороны многих деятелей Союза в революционные годы 1848—1849, которые думали

«что время тайных обществ миновало, и что достаточно одной открытой деятельности» [1].

Неумение сочетать легальные и нелегальные формы организации привело к распаду и разрыву связей отдельных округов и общин с ЦК, поэтому рабочая партия Германии

«потеряла свою единственную прочную точку опоры, в лучшем случае осталась организованной в отдельных местностях и для местных целей и благодаря этому оказалась... совершенно... под руководством мелкобуржуазных демократов. Такому положению необходимо положить конец» [2].

Маркс и Энгельс в первую голову указывают на отсутствие рабочей партии у германского пролетариата и на то, что это обстоятельство (распыленность и распадение Союза коммунистов) само по себе усиливало организацию «демократической мелкой буржуазии». Расчеты на новый революционный подъем в 1850 г. обязывали Маркса и Энгельса созвать совещание революционных деятелей в Лондоне, где собравшиеся

«с обновленным рвением приступили к реорганизации Союза».

ЦК отмечает крайнюю важность этой задачи восстановления Союза в связи с новым подъемом,

«в такой момент, когда предстоит новая революция, следовательно, когда рабочая партия должна выступить по возможности организованно, солидарно и самостоятельно, чтобы буржуазия не сумела вновь использовать ее и взять на буксир, как было в 1848 г.».

Выдержка эта указывает, какое исключительное значение по схеме Маркса и Энгельса, которая в сущности представляет первоначальный набросок плана перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, играет самостоятельная рабочая партия.

---

[1] Маркс и Энгельс, Исторические работы, стр. 497.

[2] Там же, стр. 497—498.

«Развитие не пойдет.. мирным путем. Напротив, революция, которая ускорит развитие, близка...» [1].

В новой революции роль либеральных буржуа

«возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, как либеральные буржуа до 1884 г.» [2].

Демократическая партия составлена из разнообразных частей — прогрессивных групп крупной буржуазии, демократически-конституционных мелких буржуа и республиканских мелких буржуа.

«Отношение рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково; она борется вместе с нею против той фракции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда она сама хочет упрочиться» [3].

Главная цель этой демократии—создать общественный порядок для капиталистического строя и

«подкупить рабочих более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу, временно делая сносным их положение». Требования этой партии «не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят путем проведения возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наша задача, наши интересы... заключаются в том, чтобы сделать революцию перманентной (непрерывной) до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти... пока... решающие производительные силы не будут сосредоточены в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества» [4].

Эта программа перманентной революции выдвигается в расчете на новый подъем и что германские рабочие

«не сумеют достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не проделав целиком продолжительного пути революционного развития» [5].

Еще более выразительно по этому вопросу высказался Маркс на заседании Центрального комитета в Лондоне 15 сентября 1850 г. в спорах с ультралевыми Виллихом и Шапером, не понимавшими вопроса о наступлении новой полосы экономического подъема немецкого хозяйства. Спор по этому вопросу привел к расколу Союза коммунистов, и сам Маркс признавал полезным для дела рабочей партии освобождение от левых фразеров. Вот что Маркс сказал в речи против левых:

«Меньшинство ставит на место критических воззрений догматические, на место материалистических — идеалистические. Вместо действительных отношений просто его воля ста-

---

[1] Маркс и Энгельс, Исторические работы, стр. 499.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 500.
[4] Там же, стр. 500—501.
[5] Там же.

новится для него движущей силой революции. В то время как мы говорим рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданских и международных войн не только для того, чтобы изменить отношения, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству», — вы, напротив, говорите: «Мы должны сейчас же достигнуть господства, иначе нам остается только ложиться спать». В то время как мы германским рабочим в особенности указываем на неразвитое состояние германского пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословным предрассудкам германских ремесленников, что, разумеется, популярнее. Вы делаете со словом «п р о л е т а р и а т» то же самое, что сделали демократы со словом «н а р о д», превратив его в какое-то священное существо. Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие революционной фразой» [1].

Тактика, основы которой изложены в «Обращении», не была испробована на деле, ибо революция в Германии остановилась на полдороге, завершилась, по выражению Ленина, выкидышем и не дошла ни до мелкобуржуазной стадии, как думали Маркс и Энгельс, ни тем более до своей пролетарской стадии.

Перманентная революция обосновывается Марксом для Германии 1850 г., т. е. для страны, где буржуазная революция должна совершиться

«при более прогрессивных условиях европейской цивилизации..., с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Маркс делает отсюда заключение, что «н е м е ц к а я б у р ж у а з н а я р е в о л ю ц и я... м о ж е т б ы т ь л и ш ь н е п о с р е д с т в е н н ы м п р о л о г о м п р о л е т а р с к о й р е в о л ю ц и и» [2].

Совершенно понятно, что по этим особенностям немецкой революции марксова теория перманентной революции должна была заключать в себе «к о е-ч т о и з т о г о... ч т о д о л ж н о с о с т а в и т ь с п е ц и ф и ч е с к у ю о с о б е н н о с т ь р е в о л ю ц и й XX в е к а», как отмечал И. И. Степанов-Скворцов в предисловии к книге В. Блосса «Германская революция» [3]. По этим причинам можно категорически утверждать, что именно большевизм эпохи 1905 и 1917 гг., обосновавший свою тактику, исходя из правильно понятого духа марксовских тактических принципов, должен был взять под защиту теорию перманентной революции, как от откровенного опортунизма меньшевиков (Плеханов), так и от тех, кто, подобно Троцкому, повторял в новых условиях ошибки «взбесившихся мелких буржуа» типа Шапера — Вилліха.

Перманентная революция Маркса, как мы видели выше, вовсе не игнорирует буржуазного этапа революции. Наоборот, этот этап, по Марксу, представляет величайшее значение для пролетариата [4].

С этой точки зрения меньшевики, проповедывавшие в 1905 г. теорию «крайней оппозиции» в революционной борьбе, когда вопрос не шел о коренном освобождении рабочего класса, т. е. о социалистической революции, — выступали как совершенно немарксистские течения, ибо они разрывали с указаниями

---

[1] М а р к с, Разоблачения о кельнском процессе коммунистов, «Исторические работы», стр. 427—428.

[2] «Коммунистический манифест», изд. 5-е, стр. 96.

[3] Гиз, 1920 г., стр. III.

[4] Рабочие «могут и должны участвовать в буржуазной революции, так как она является условием рабочей революции. Но рабочие ни на одно мгновение не могут смотреть на буржуазную революцию, как на свою конечную цель» (из примечаний Рязанова к 5 изд. «Коммунистич. манифеста», стр. 253).

Маркса и Энгельса. Не случайна, конечно, аналогия, которую устанавливает Энгельс между меньшевиками в эпоху революции 1905 г., хлопотавшими о том, чтобы поскромнее отвести место социалистической партии в буржуазной революции, и бакунистами 1873 г., боявшимися потерять свою «чистоту», приняв участие в борьбе за «буржуазную» республику.

Бакунисты, проповедывавшие такую теорию, оказались перед революционными событиями в Испании, где им пришлось активно участвовать в самой худшей мелкобуржуазной политике.

«Испания настолько отсталая в промышленном отношении страна, что там еще и речи не может быть о немедленном полном освобождении рабочего класса. Прежде чем явится такая возможность, Испания должна пройти еще различные предварительные ступени развития и преодолеть ряд препятствий. Республика давала возможность пройти эти предварительные ступени в наикратчайший промежуток времени и быстро уничтожить эти препятствия. Но воспользоваться этой возможностью можно было только при деятельном вмешательстве испанского рабочего класса в политическую борьбу» [1].

Как видим, Энгельс отнюдь не на стороне бакунистов, проповедующих «невмешательство». Анархисты в испанской революции участие приняли и, по замечанию Маркса,

«ушли головой в политику, но в самую худшую, буржуазную политику. Они работали не над тем, чтобы доставить политическую власть рабочему классу... Нет, они помогали достигнуть власти одному из слоев буржуазии» [2].

Этот же аргумент, как известно, большевики обращали против меньшевиков и троцкистов в 1905 г., против меньшевиков и эсеров в 1917 г., ушедших головой «в самую худшую буржуазную политику». Когда активность пролетарских масс России в октябрьско-ноябрьские дни 1905 г. переросла программу меньшевистских действий и их теории были растоптаны практикой массового движения, меньшевики с легкостью балерины из болота оппортунизма перекочевали в лагерь авантюристов. Они в 1905 г. всей своей позицией как бы возродили положение бакунистов в 1873 г. в Испании, так жестоко осмеянных Энгельсом. Анархисты, отмечает Энгельс, писали в своей газете «Революционная солидарность»:

«Революционное движение распространяется по всему полуострову с быстротой молнии... В Барселоне еще ничего не произошло, но все окрестности охвачены перманентной революцией».

Но это, — замечает Энгельс, — была революция бакунистов, которая заключается в бряцании бубнами, а по этой самой причине «непрерывно стоит на месте» [3]. Платформу бакунистов в целом Энгельс характеризует такими словами: «Валяй без церемоний»... Анархисты

«отбросили тот принцип, что рабочие не должны принимать участия ни в одной революции, которая не имеет целью немедленное и полное освобождение рабочего класса, они приняли участие в заведомо и чисто буржуазном движении» [4].

---

[1] «Бакунисты за работой», изд. «Новый мир», 1936 г., стр. 3.
[2] Там же, стр. 4.
[3] Там же, стр. 9.
[4] Там же, стр. 22.

Эти замечания можно отнести к троцкистам и меньшевикам 1905 г., когда они в «Начале» и в «Русской газете» и «Набате» с неменьшей помпой занимались «бряцанием бубнами».

В этой же работе «Бакунисты за работой» Энгельс дает критику положений анархистов по вопросу о стадиях и этапах революций, имеющую самый ближайший интерес для нашего времени.

Тридцать три эмигранта — участников Парижской коммуны — опубликовали программу следующего содержания:

«Мы — коммунисты, потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы, которые отдаляют день победы и удлиняют период рабства».

«Немецкие коммунисты, — писал по этому поводу Энгельс, — являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет более места частной собственности на землю и все средства производства. 33 бланкиста являются коммунистами потому, что они воображают, что р а з о н и хотят перескочить через промежуточные переходные станции, то и дело в шляпе, и что если, в чем они твердо уверены, на этих днях «начнется» и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен». Следовательно если этого нельзя сделать сейчас же, то и они не коммунисты. Что за детская наивность выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента» (стр. 53).

Меньшевистская теория перманентной революции Троцкого как раз по вопросу об «этапах, промежуточных станциях», можно сказать, буквально стоит на позициях этих домарксовских идей и неоднократно и в 1905 г., и в позднейшие годы боролась против идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VIII ГЛАВЕ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РСДРП В РЕВОЛЮЦИИ 1905 — 1907 гг.

I. Общее значение аграрного вопроса в первой русской революции.

II. Два типа аграрных программ в революции.

а) Правительство и аграрный вопрос.
б) Буржуазия и аграрный вопрос.
в) Народники и аграрный вопрос.

III. Аграрная программа с.-д.

а) Аграрная программа партии накануне революции.
б) Большевистская аграрная программа в революции.
в) Борьба большевиков с меньшевистской аграрной программой.

IV. Проверка на опыте борьбы правильности б льшевистской аграрной программы

а) Крестьянское движение накануне и в первой русской революции. Руководство движением большевиками.

ЛИТЕРАТУРА.

Основной является работа Ленина «Аграрная программа социал-демократий в первой русской революции 1905—1907 гг.», Соч., т. XII. Остальная литература в тексте.

ГЛАВА VIII.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РСДРП В РЕВОЛЮЦИИ 1905 — 1907 гг.

а) ВВЕДЕНИЕ.

Аграрный вопрос был центральным вопросом русской революции 1905 г. Он определял собой и характер революции и соотношение сил в революционной борьбе. Своеобразие развития русского капитализма и русского сельского хозяйства обусловливало и своеобразие запоздалой русской буржуазной революции, буржуазной революции с контрреволюционной буржуазией, с гегемонией пролетариата и революционным крестьянством (этой «левоблокистской» буржуазией, по выражению Ленина). Вокруг разрешения аграрного вопроса развернулась борьба классов и партий в период революции: помещиков и буржуазии, с одной стороны, пролетариата и крестьянства — с другой. В чем сущность этой борьбы?

«Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбежностью кладет конец этим остаткам. В этом отношении перед Россией только один путь буржуазного развития. Но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно может итти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа» [1].

Аграрная реформа в Пруссии (отмена крепостного права) проводилась в течение более чем полстолетия. С 1804 г. началось это медленное, черепашьим темпом осуществляемое уничтожение крепостного права. «Эдикт о регулировании» 1811 г. освобождал с выкупом часть крестьянства. Освобождение было ограничено зажиточным крестьянством (освобождался крестьянин, имеющий хоть одну запряжку). Правом выкупа воспользовалась небольшая часть крестьянства. До революции 1848 г. в восточных провинциях Пруссии откупилось 289 652 крестьянина. Помещикам было отдано 400 тыс. *га* земли и 18 544 768

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 348.

талеров деньгами. XIX в. принес прусскому юнкеру капиталистический рынок в Англии и развизающийся капитализм внутри страны. Крепостник начинает расширять свое хозяйство и от методов крепостнической эксплоатации (барщина) переходит к капиталистическим. После революции 1848 г. помещики сохранили монополию на землю, и развитие помещичьего хозяйства по капиталистическому пути пошло быстрым темпом. Рядом с помещиком-капиталистом за счет разоренного крестьянства вырос немецкий кулак (гроссбауэр). XIX в.— век агонии крестьянского хозяйства, его разорения и обнищания. Крестьянская борьба в Германии не смогла широко развернуться в эпоху буржуазной революции. Пролетариат был слишком слаб, чтобы быть вождем. Крестьянский единый фронт был разрушен развитием капитализма еще до революции 1848 г. Революция 1848 г. закончилась компромиссом буржуазии и дворянства. Последующее развитие капитализма в Германии привело к окончательной отмене крепостного права и к превращению германского сельского хозяйства в буржуазное. Помещики сохранили свою хозяйственную мощь.

Американское сельское хозяйство развивалось как хозяйство колонизуемой страны. Пришелец из Европы находил обширные пространства свободных земель, которые он получал от государства почти даром. Так, например, из общего количества 269 406 415 акров земли, распределенной штатами за 1840—1860 гг., только 68 752 889 акров было продано, остальные земли были розданы даром. До второй половины XIX в. Северная Америка экономически была разделена на две части: север и юг. Север — район свободно хозяйничающего фермерства и быстро развивающегося капитализма, юг — район рабовладельческих латифундий, хлопчатобумажных, табачных и т. п. плантаций, основной производительной силой которых был раб. Развитие капитализма на Севере привело к столкновению этих двух систем. Гражданская война 1861—1865 гг. была радикальной буржуазной революцией, уничтожившей рабскую систему и основу ее—колоссальные латифундии рабовладельцев. Америка второй половины XIX в.—фермерски-капиталистическая страна. Хозяйничающий на свободной от помещика земле фермер имел все условия для чрезвычайно быстрого развития по пути капитализма. Америка дала пример гигантского роста капитализма и производительных сил и в промышленности и в сельском хозяйстве, как ни одна страна в мире. Ленин берет американский тип развития капитализма как перспективу развития сельского хозяйства в результате революционной ломки помещичьей монополии на землю в России.

По словам Ленина, оба эти типа эволюции совершенно явственно обнаружились еще в 1861 г., именно в момент проведения реформы. Крепостники, делая шаг в сторону буржуазного развития, стремились провести реформу по прусскому образцу. Крестьяне же поднимались на борьбу за американский путь развития, за революционное уничтожение всего крепостнического строя, причем в 60—70-е годы они боролись не под руководством пролетариата, который еще не успел развиться, а под руководством революционной мелкой буржуазии — русских якобинцев.

«В экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения

реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого); но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплоатации, вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплоатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собой разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы» [1].

В 1861 г. победили крепостники. Они пытались направить развитие по прусскому пути. Крестьянские революционные вспышки в течение всей второй половины XIX в., революционное народническое движение (народовольцев в особенности) являлись не чем иным, как борьбой за другой американский путь развития. Только в начале XX в., когда вырос пролетариат и крестьянство получило в его лице своего руководителя, борьба за американский путь начинается на новой, расширенной основе. Именно в борьбе за американский путь развития и заключалось объективное значение крестьянского революционного движения в первой русской революции.

Когда мы говорим о борьбе двух путей, то безусловно эту борьбу нужно понимать, как реальную борьбу реальных классов. Именно: борьбу между крепостниками, которые вели страну по прусскому пути развития, и крестьянством, выступавшим под гегемонией пролетариата за революционное уничтожение остатков крепостничества — за американский путь развития.

Разумеется, и прусский и американский пути развития имели свои реальные предпосылки в экономике. Ленин подчеркивал, что корни этих тенденций — прусской и американской — «лежат глубоко во всей экономической структуре России». Предпосылки прусского пути развития, при котором во главе идут «крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными», несомненно, коренились в наличии прежде всего помещичьих хозяйств, часть которых еще с середины XIX в. начала постепенно превращаться в капиталистические хозяйства и в развитии части крестьянских хозяйств в кулацкие (гроссбауэровские) хозяйства, с выделением на другом полюсе пролетариата и полупролетариата. Предпосылки же американского пути развития заключались в наличии мелкого производства, которое, по словам Ленина, ежеминутно, ежечасно рождает капитализм. Развитие крестьянского хозяйства после реформы 1861 г. отнюдь не было, как считали народники, развитием народного производства и «трудового начала», а было развитием капитализма: выделением, с одной стороны, сельской буржуазии, а с другой — сельского пролетариата. Причем, по словам Ленина,

«...и в тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (напр. в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре» [2].

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 350.

[2] Там же, стр. 349.

Именно развитие капитализма в этих областях показывает, каких успехов достиг бы капитализм в России, если бы во всей стране было уничтожено крепостничество.

Как неоднократно подчеркивал Ленин, прусский путь это — путь реформы, американский путь — путь революции. Прусский путь — это такой путь развития капитализма в сельском хозяйстве, когда во главе идут крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными. Американский путь имеет

«во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства» [1].

Поэтому заявить, что, скажем, южные крестьянские хозяйства или же кулацкие хозяйства в центре, в противоположность прусским помещичьим хозяйствам, являлись уже продуктом развития сельского хозяйства по американскому пути — это значит подменить ленинское понимание американского пути, как пути революции, реформистским его пониманием, именно, мирным развитием крестьянского хозяйства по американскому пути и в условиях господства крепостников.

Известно, что ни одна общественно-экономическая формация не погибает раньше, чем в недрах предшествующей формации не создадутся необходимые материальные производительные силы. Безусловно, в современной капиталистической Европе и Америке уровень материальных производительных сил таков, что они уже вступили в конфликт с существующими производственными отношениями. Сейчас пролетариат в капиталистических странах Европы и Америки ведет борьбу за социалистический путь развития. Несомненно, многие из теперешних предприятий, принадлежащих трестам и синдикатам, после революции превратятся в последовательно социалистические предприятия. Однако можно ли сказать, что уже сейчас имеются, как это думают герои II Интернационала, развивающиеся социалистические отношения в империалистической Европе и Америке? Отнюдь нет. Для того чтобы завод Круппа или Моргана превратился в последовательно социалистическое предприятие, нужно только одно, именно — социалистическая революция, диктатура пролетариата (в переходный период) и переход средств производства из рук буржуазии в руки пролетариата. Между тем предприятие может остаться на первом этапе социалистического строительства с теми же корпусами зданий, с теми же машинами, даже в известной степени с тем же составом рабочих.

Точно так же, скажем, южно-русские крестьянские капиталистические хозяйства и богатеи даже в центре России при победе демократической революции пошли бы вместе с теми мелкими крестьянскими хозяйствами, которые революционным путем уничтожили крепостнические латифундии. Многие из них и явились бы теми хозяевами, «которые и могли использовать более всего завоевания демократической революции».

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 348.

Однако можно ли их в условиях диктатуры крепостников назвать уже готовыми фермерами? Нет, нельзя.

Всякому известно, что и в Пруссии наряду с развитием юнкерских хозяйств шло выделение гроссбауэров из крестьянства при одновременной пролетаризации другой части крестьянства. В смысле экономическом гроссбауэр является таким же капиталистическим предпринимателем, как и американский фермер; вся разница между ними заключается в том, что немецкий гроссбауэр развивался при наличии остатков феодально-крепостных отношений, в условиях диктатуры крепостников, американский же фермер развивался на земле, свободной от остатков феодально-крепостных отношений. Следовательно, качественное различие между американским фермером и немецким гроссбауэром, коренится лишь в этих условиях их развития.

Поскольку в России господствовали крепостники, во главе развития шли крупные помещичьи хозяйства. Крепостники пытались тащить Россию по прусскому пути. Крепостнические хозяйства развивались в юнкерские хозяйства, а в крестьянских хозяйствах на кулацком фланге выделялись гроссбауэры, пролетарии и полупролетарии. Развитие этих гроссбауэров в южных районах, наиболее свободных от остатков феодально-крепостных отношений, показывало именно тот путь, по которому могло бы пойти развитие в условиях победы демократической революции. Но для того, чтобы эти крупные крестьянские хозяйства пошли по американскому пути, нужно было качественное изменение — именно, уничтожение путем революции полукрепостного землевладения, уничтожение диктатуры крепостников.

Таким образом зажиточный крестьянин Степной Украины, Северного Кавказа и т. д. был почти настоящим фермером. Но для того, чтобы он превратился в этого «настоящего» фермера, нужен был скачок, именно, нужна была демократическая революция.

Итак, если исходить из ленинского понимания прусского пути, как пути реформы, а американского пути, как пути революции, то не может быть и речи о том, что одновременно существовали два пути капиталистического развития сельского хозяйства. В действительности же, крепостники, подавляя крестьянское движение, направляли развитие по прусскому пути. Борьба крестьянства под руководством пролетариата и была направлена против этого прусского за американский путь развития сельского хозяйства. Только в случае победы демократической революции, в случае установления в России революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и революционного уничтожения всех остатков крепостничества, развитие могло бы пойти по американскому пути.

Следовательно, американский путь развития мог бы быть лишь после победы демократической революции и до социалистической революции. Однако в России Октябрьская социалистическая революция на ходу завершила задачи демократической революции. Поскольку демократическая революция непосредственно переросла в социалистическую, не осталось места для развития сельского хозяйства по американскому пути. Победившая социалистическая революция создала условия для некапиталистического развития сельского хозяйства. Поскольку мелкое хозяйство ежеминутно, ежечасно рождает капи-

тализм, — и после Октябрьской революции, особенно в годы нэпа, имело место развитие кулачества. Капиталистические элементы оказывали и, особенно теперь, оказывают жесточайшее сопротивление росту социализма. Однако, преодолевая сопротивление капиталистических элементов, приступив на основе коллективизации сельского хозяйства к уничтожению кулака как класса, партия и советская власть ведут деревню по социалистическому пути развития.

Совершенно ясно, что там, где еще не разрешены задачи демократической революции, как, например, в колониальных и полуколониальных, а также в некоторых европейских и южно-американских странах с остатками феодально-крепостных отношений, теперь не может быть и речи о противопоставлении прусскому пути развития — американского пути. В эпоху мировой социалистической революции и при наличии успешно развивающегося социализма в СССР, в этих странах демократические революции непосредственно будут перерастать в социалистические. А социалистические революции откроют перед этими странами путь некапиталистического развития, который и там предполагает ожесточенную борьбу с капиталистическими элементами, вырастающими на почве мелкого производства.

Таким образом очевидно, что в современных условиях не может быть и речи о противопоставлении капиталистическому, скажем, прусскому пути, американского пути. Теперь может быть речь лишь о противопоставлении капиталистическому пути некапиталистического, социалистического пути.

Ленинское учение о прусском и американском пути имело огромное значение в борьбе как против народничества, так и против меньшевизма.

Характеристикой крестьянского движения, как борьбы за американский путь развития, т. е. за тот же капитализм, но другого типа, Ленин разбил народническое представление о том, будто борьба крестьян и помещиков была борьбой «народного производства» и «трудового начала» против капитализма.

«Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой «народного производства» и «трудового начала» против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития» [1].

В то же время ленинское учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве отвергало и меньшевистскую трактовку крестьянского движения как реакционного. Меньшевики не понимали борьбы крестьянства, как класса эпохи крепостничества, против диктатуры крепостников за американский путь развития. Они рассматривали ее лишь как борьбу мелких капиталистических собственников против крупных собственников, которая является реакционной борьбой.

Как писал Ленин:

«Маслов затушевывает посредством общеевропейских категорий (мелкие и крупные собственники) историческую особенность России, играющую крупнейшее значение в данную революцию: борьбу мелких буржуазных и крупных феодальных собственников» [2].

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 350.

[2] Там же, стр. 351.

Эту же путаницу Маслова Ленин отмечал и в другом месте:

«Мелкий собственник, — решает Маслов, — больше всего боится конкуренции и господства крупного собственника, господства капитала». «Путаете, т. Маслов! — писал Ленин. — Ставить рядом крупного (крепостнического) собственника на землю и собственника капитала — значит повторять предрассудки мещанства» [1].

Несмотря на то, что Ленин совершенно четко заявляет о том, что нельзя ставить рядом крупного крепостнического собственника на землю и собственника капитала, несмотря на то, что Ленин совершенно четко указывает на то, что нельзя рассматривать борьбу в дореволюционной деревне как борьбу мелких и крупных собственников, эти, в конечном счете, масловские положения в новых условиях, на новой основе, с новой аргументацией повторяются даже и в настоящее время.

Именно, вместо ленинского учения о крестьянской революции как о борьбе крестьянства как класса эпохи крепостничества против диктатуры крепостников выставляется теория борьбы крестьянских фермеров против помещиков, т. е. в качестве главной движущей силы в деревне выставляется не беднота и середняк, а кулак.

Так, напр., А. Гайстер, по-нашему, неверно оценивает сущность крестьянской борьбы. Он пишет:

«Развернувшиеся в борьбе противоречия столкнулись **в капиталистическом обществе** на капиталистической основе» [2],

тогда как Ленин всюду подчеркивал, что шла борьба не в капиталистическом обществе на капиталистической основе. В действительности, борьба шла в обществе с феодальными и крепостническими остатками, шла борьба класса крестьян против класса помещиков-крепостников.

У А. Гайстера получается, что в деревне шла борьба капиталистического предпринимателя из крестьян против капиталистического предпринимателя из помещиков.

«Так столкнулись два пути буржуазно-капиталистического развития сельского хозяйства. На одном пути шла эволюция помещичьего хозяйства. Монопольный владелец огромных пространств земли переходил к высшим формам капиталистического хозяйствования — машине и наемному труду. На другом пути конкурентной борьбы выделился капиталистический предприниматель из крестьян, стяжавший средства производства, выросший в силу капиталистической конкуренции» [2].

Как видим, здесь у Гайстера по существу обоснование революционной роли кулачества. Нет спора, что кулачество было оппозиционным по отношению к помещику и выступало против него вместе со всем крестьянством, но, как увидим дальше, кулачество тянуло все крестьянство к союзу с либеральной буржуазией.

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 367.

[2] А. Гайстер, Сельское хозяйство капиталистической России, изд. Коммунистической академии, 1928 г., стр. 158.

Гайстер скатывается к явной идеализации кулака. Дореволюционного кулака, которого Ленин характеризовал как наиболее зверского кабального эксплоататора крестьянства, Гайстер изображает в качестве передового американского фермера:

«Не связанные с монопольными тенденциями буржуазно-торговые крестьянские хозяйства развертывались на основе конкурентной, свободно-капиталистической борьбы. Это связало пути их развития с более высокой стадией капитализма — с господством методов и форм индустриального капитализма» [1].

Как видим, по Гайстеру, получается, будто бы буржуазно-торговые крестьянские хозяйства развертывались на основе свободной капиталистической борьбы, будто бы они не были связаны с монопольными тенденциями. Ясно, что такое развитие могло иметь место лишь в условиях американского пути. В условиях же диктатуры крепостников, при сохранении остатков крепостничества конечно не могло быть и речи о таком развитии.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению крестьянского движения накануне и в момент революции 1905 г.

б) КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ И В МОМЕНТ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

Как указывалось выше, нещадная эксплоатация крестьянства при диктатуре крепостников являлась главной предпосылкой крестьянской революции и определяла ее основное содержание, именно уничтожение полукрепостного строя в деревне и расчистку пути для капиталистического развития по американскому, фермерскому пути. Однако если наличие полукрепостного строя в деревне и диктатура крепостников являлись основной п р и ч и н о й движения, то непосредственной его п р е д п о с ы л к о й становится развитие капитализма и связанное с последним обострение классовых противоречий в деревне. Развитие капитализма в деревне усиливало гнет помещиков, которые, переходя постепенно от отработочного хозяйства к капиталистическому, захватывали крестьянские земли, запрещали пастьбу крестьянского скота на тех землях, которые до того находились в крестьянском пользовании, запрещали рубку леса. Далее, переходя к капиталистическому хозяйству, помещики все более усиливали тяжесть арендных условий, увеличивали гнет отработок и т. д.

Как известно, в XIX в. наиболее крупные крестьянские выступления имели место накануне и в момент проведения реформы 1861 г. Однако разрозненные крестьянские выступления были подавлены. Крепостники провели реформу 1861 г. по прусскому образцу и сделали попытку по прусскому же пути вести все развитие страны.

В течение 2-й половины XIX в. не прекращались отдельные крестьянские вспышки.

---

[1] Там же, стр. 168.

О том, как развивалось крестьянское движение после реформы 1861 г. до 1905 г. показывает следующая таблица:

Годы	Число губерний, охваченн. движением	% губерний, охваченн. движением
1861—1865 . . .	45	90
1866—1870 . . .	4	8
1871—1875 . . .	6	12
1876—1880 . . .	10	20
1881—1885 . . .	27	54
1886—1890 . . .	2	4
1891—1895 . . .	8	16
1896—1900 . . .	24	48
1900—1904 . . .	42	84

Как видим, крестьянское движение, достигшее довольно большой силы в 1861—1865 г. в последующие годы значительно сократилось, а в конце 70-х, начале 80-х годов вновь стало нарастать. Значительный подъем движения начинается лишь с конца 90-х и начала 900-х годов.

Накануне революции 1905 г. среди наиболее крупных выступлений можно указать крестьянские выступления в 1902 г. в Полтавской, Харьковской губ., возникшие под влиянием забастовочного движения 1901 и начала 1902 гг. Здесь выступления вылились в массовые разгромы помещичьих имений. Полтавские и харьковские события дали отзвук и в других губерниях. В частности в Саратовской, в Тамбовской и в целом ряде других участились крестьянские выступления против помещиков.

Довольно большой размах движение получило также на Кавказе, в частности в Гурии. Во всех районах, кроме Гурии, движение в 1903—1904 гг. несколько ослабело, в Гурии же в 1904 г. оно достигло уже весьма большой силы. В 1905 г. крестьянское движение возникло под непосредственным влиянием рабочего движения, в частности тех стачек, которые следовали за 9 января. Движение началось 13 февраля в Дмитриевском уезде Курской губ., откуда оно вскоре перебросилось на соседние губернии. Одновременно же началось движение на Кавказе, прежде всего в Кутаисской губ., в Гурии, а также в Прибалтике. Повсюду отмечается обострение отношений крестьян и помещиков. Весной и летом повсеместно начались захваты земель, потравы лугов, участились лесные порубки. На юге, в Степной Украине, на Кубани, затем в Правобережной Украине, особенно в Волынской, Подольской губ., а также в Прибалтике довольно широко развернулось стачечное движение. На Кавказе, в Гурии шла массовая смена властей. В августе — сентябре почти повсеместно наступает некоторое затишье. Вторая половина и конец лета проходит в небольших, так сказать, авангардных стычках, которые предшествуют крупным выступлениям в октябре — декабре.

Непосредственным толчком к осеннему массовому крестьянскому выступлению послужила октябрьская стачка. Октябрьская забастовка всколыхнула деревню. Полиция сообщает, что «крестьяне с нетерпением ждут земли и готовы начать насильственное отобрание земель у помещиков». Большие

массы агитаторов были брошены в деревню. Движение началось в 20-х числах октября, примерно с 24—25-го, в Сердобском и Балашовском уездах Саратовской губ. Почти одновременно с Саратовской губ., крестьянское движение началось в соседних с Саратовской губерниях — Пензенской и Тамбовской. Одновременно начинается движение в Черниговской губ., которая становится в концу октября вторым после Саратова революционным центром. Движение перекидывается и в районы нечерноземной полосы. Усиливается порубка, происходит смена властей, крестьяне массами отказываются от уплаты налогов и т. д. После первых чисел ноября наступает некоторое затишье после подъема. Первая атака крестьянства на помещичьи усадьбы закончилась. Наступил известный интервал. Однако отдельные стычки продолжались то тут, то там.

Упадок крестьянского движения позволил правительству перейти в наступление. Посылаются карательные отряды, которые устраивают экзекуции и отбирают у крестьян все захваченное ими у помещиков. Крестьянское движение было настолько неорганизованно, что правительство, почти совершенно не имевшее в своем распоряжении войск, могло расправиться с ним со сравнительно небольшими отрядами.

После некоторого затишья в первой половине ноября новый подъем движения начинается в конце ноября и в первых числах декабря. И на этот раз движение началось в поволжских губерниях — Саратовской, Симбирской и Самарской. Полицейские донесения говорят о том,что «волнения среди крестьян с посягательством на собственность помещиков и вообще всех зажиточных жителей повсеместно по уезду усиливаются не по дням, а по часам». Некоторые землевладельцы и их управляющие из опасения за свою жизнь покидают имения и переселяются в города.

Опять волна разгромов имений прокатывается по всему черноземному центру. Крестьянские выступления происходят одновременно с рабочими и военными выступлениями. Разгромное движение захватывает и степные губернии — Екатеринославскую, Таврическую и другие, где полиция была парализована событиями в Севастополе. Большой напряженности достигает крестьянское движение и в Прибалтике, где дело доходит до создания местных республик, как, например, Тукумская и др.

Что касается Кавказа, то здесь движение большой силы достигло в сентябре — октябре месяце. Однако в центре движения — в Гурии — после манифеста 17 октября меньшевики предательски дезорганизовали движение, фактически отказавшись от дальнейшей борьбы и от захвата власти, так как, по заявлению одной меньшевистской конференции, захват власти поставил бы меньшевиков в неудобное положение: вместо оппозиции они должны были сами превратиться в правительство.

В октябрьско-декабрьской революционной борьбе у рабоче-крестьянских масс нехватило организованности и подготовки, чтобы свергнуть самодержавие и одержать победу.

После октябрьско-декабрьского штурма самодержавие воспользовалось затишьем для того, чтобы расправиться с революционными массами. Насколько неорганизована была крестьянская борьба показывает тот факт, что со срав-

нительно небольшими отрядами, переходившими с места на место, царское правительство подавляло движение. Отряд приезжал в село, производил расстрелы и экзекуции, затем переходил в другое место. Карательные отряды прошли по всему центру России, по всей Белоруссии, по Прибалтике и Кавказу, огнем и мечом расправляясь с революцией.

Однако крестьянское движение не было подавлено этими карательными отрядами. Весною 1906 г. начался новый подъем революционного крестьянского движения. Он захватил прежде всего южные и юго-западные губернии. Повсеместно начались массовые потравы лугов, захваты земель и пр. Происходили массовые снятия рабочих и с.-х. стачки. Массовое стачечное движение захватило весь юг и юго-запад, достигая здесь значительно большей силы, чем это было летом 1905 г. В центрально-черноземных и поволжских губерниях начались разгромы помещичьих гнезд. Подъем движения летом 1906 г. был вторым, но несомненно более слабым штурмом, чем октябрьский и декабрьский 1905 г. На этот раз движение было подавлено правительством с еще большей легкостью, чем в 1905 г. Если в 1905 г. почти вся центральная и особенно восточная Россия была оголена от войск, находившихся на Дальнем Востоке, то уже в начале 1906 г. демобилизация армии была закончена, и войска были стянуты в наиболее опасные для помещиков губернии.

После летнего подъема 1906 г. волна крестьянского движения все время идет на убыль, слегка повышаясь осенью 1906 и в начале 1907 г. В 1907 г. обращает на себя внимание значительный рост поджогов. Поджог являлся тем средством террора, каким крестьянство отвечало на наступление помещиков.

Какой огромной силы достигло крестьянское революционное движение в 1905 — 1907 гг. показывает сравнение количества выступлений в эти годы с предыдущими годами.

Число крестьянских выступлений по годам [1].

Годы	Черноземная полоса	Нечерноземная полоса	По всей Европ. России
1900	44	4	48
1901	28	22	50
1902	301	39	340
1903	123	18	141
1904	75	16	91
1905	2 508	720	3 228
1906	1 980	620	2 600
1907	979	358	1 337

Как видим, наибольшей силы крестьянское движение достигло в 1905 г. В 1905 г. было 3 228 всех зарегистрированных выступлений, а в 1906 г.— 2 600.

К сожалению, не имеется точных данных по Кавказу, Прибалтике и Польше. Приведенные данные в основном относятся к теперешним районам РСФСР, Белоруссии и Украины. Конечно цифры неполны, так как они составлялись на основании донесений полиции и по газетным данным. Все же они дают некоторое представление о масштабе движения по годам.

---

[1] С. Дубровский и Б. Граве, Крестьянское движение, сб. «1905».

Нижеследующие цифры дают картину крестьянского движения по основным районам (на основании тех же данных) [1]:

Районы	В абсолютн. числах		В процентах	
	1900—1904 гг.	1905—1907 гг.	1900—1904 гг.	1905—1907 гг.
Черноземная полоса				
Центр.-черноземный	84	2 196	12,5	30,6
Средневолжский	174	724	25,9	10,3
Нижневолжский	13	244	1,9	3,4
Украина степная	14	468	6,5	6,5
» правобер.	132	985	19,9	13,7
» левобер.	124	850	18,9	11,8
Итого	571	5 467	82,5	76,3
Нечерноземная полоса				
Центр.-промышл.	12	482	1,8	6,7
Белорусский	31	655	4,6	9,1
Приозерный	14	235	2,0	3,3
Приуральский	25	104	3,6	1,5
Северный	1	54	0,1	0,8
Прибалтийский	16	—	2,4	—
Литва	—	168	—	2,3
Итого	99	1 698	14,8	23,7
Всего	670	7 165	100	100

Как видим, в 1905 г. из районов центральной России наиболее сильное движение было в черноземной полосе. Однако по сравнению с кануном 1905 г. несколько более все же выделяется нечерноземная полоса. Это говорит о большем распространении движения, о его большей широте.

В основном крестьянское движение было направлено главным образом против помещиков [2].

№ п/п	Направление движения	1900—1904 гг. Абс.	1900—1904 гг. %	1904—1907 гг. Абс.	1904—1907 гг. %
1	Непосредственная борьба против помещиков	441	65,8	5 404	75,4
2	Борьба с духовенством	12	1,8	33	0,5
3	Борьба против кулачества	21	3,1	97	1,4
4	Столкновения с властями	196	29,3	1 041	14,5
5	Прочие	—	—	590	8,2
	Всего	670	100	7 165	100

Таким образом и накануне 1905 г. и в 1905 г. преобладающей является непосредственная борьба против помещиков. Другие виды выступлений, как, например, столкновение с властями, выступления против духовенства, против кулачества — имеют сравнительно небольшой удельный вес.

---

[1] С. Дубровский, Крестьянство в 1917 г., Гиз, 1927 г., стр. 51.

[2] Там же, стр. 59.

Политическое движение крестьян было неизмеримо более сильно в таких районах, как Прибалтика и Грузия. В них преобладали политические выступления, столкновения с полицией, с войсками и пр. Что касается районов центральной России, наиболее близких к пролетарским центрам, то и здесь значительно преобладали столкновения с войсками, отказ от уплаты налогов, всякие политические выступления, демонстрации и т. д.

Основные виды противопомещичьей борьбы в 1900—1907 гг: [1].

№ п/п	Виды движения	1900—1904 гг. Абс.	1900—1904 гг. %	1905—1907 гг. Абс.	1905—1907 гг. %
1.	Разгромы и полная ликвидация имений	86	19,5	846	
2.	Захваты земель и запашки	48	10,9	216	15,7
3.	Захваты лугов, выгон и пр.	60	13,6	573	4,0
4.	Порубка леса	23	5,2	809	10,6
5.	Арендное движение	21	4,8	211	15,0
6.	Стачки с.-х. рабочих	15	3,4	723	3,9
7.	Снятие с работ рабочих и служ.	—	—	474	13,4
8.	Крестьян. террор	100	22,7	1 184	8,7
	а) поджоги	70	15,9	979	21,9
	б) прочие	30	6,8	205	18,1
9.	Захваты продовольствия и фуража	19	4,3	316	3,8 —
10.	Столкновения при размежевании	31	7,0	52	100
11.	Прочие	38	8,6	—	—
	Итого	670	100	5 404	100

Таблицы показывают, что в антипомещичьей борьбе большую роль играли террористические меры, как поджоги, избиение помещиков и их служащих и пр. Поджоги были наиболее безопасной формой крестьянского террора против помещиков, и эта форма широко применялась крестьянами особенно после разгрома революции, так как каждое открытое выступление влекло за собой жесточайшую помещичью репрессию. Затем идут разгромы, порубки, захваты лугов, потравы, т. е. преобладала революционно-экономическая борьба.

Крестьянское движение было мало организовано. Создавшийся в 1905 г. крестьянский союз благодаря политическим репрессиям не смог превратиться в организационный центр крестьянского движения.

Основное, что нужно отметить для характеристики крестьянского движения, это тот факт, что оно шло под непосредственным влиянием рабочего движения, под влиянием рабочего класса, который выступал гегемоном всей революции.

Мы уже отмечали выше, что напр. в крестьянских выступлениях накануне 1905 г. в Полтавской и Харьковской губ. известную роль играли рабочие, возвратившиеся из городов в деревни из-за забастовок 1902 г.

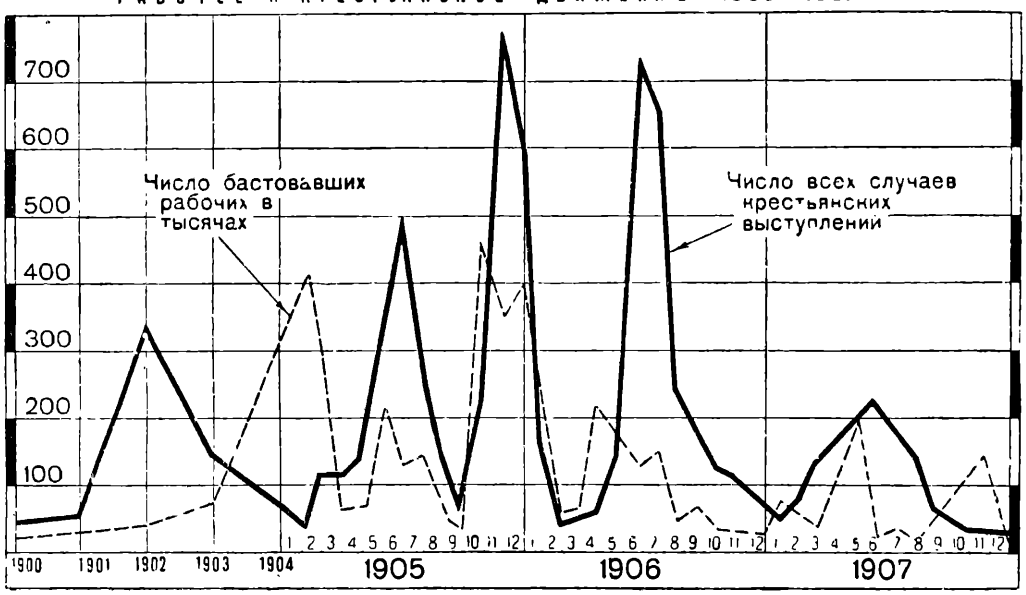
Мы отмечали также большое влияние на развитие революционного движения в Закавказьи, в частности в Гурии, рабочих, возвратившихся с бакинских промыслов. Но наиболее ярко влияние рабочего движения сказалось

[1] С. Дубровский, Крестьянство в 1917 г., Гиз, 1927 г., стр. 56.

осенью. Во многих местах крестьянские выступления являлись прямым результатом октябрьской забастовки. Несомненно, большое влияние на деревню оказала и ноябрьская стачка, объявленная в Петербурге Советом рабочих депутатов. Декабрьский подъем крестьянского движения находился в связи с общим подъемом революционного движения, который выразился в декабрьском вооруженном восстании. В непосредственной связи с восстанием в Севастополе развертывалось в ноябре крестьянское движение на юге России, прежде всего в Таврической губернии. Однако нужно указать, что при огромном влиянии рабочего движения не было все же непосредственной организационной связи между ним и крестьянским движением, поэтому последнее обычно запаздывало.

О том, что крестьянское движение находилось под прямым воздействием и в известной мере под руководством рабочего движения, может дать некоторое представление следующая диаграмма рабоче-крестьянского движения 1905 г.

РАБОЧЕЕ и КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1900–1907 гг



Как видим, диаграмма показывает, что подъем крестьянского движения обычно следовал за подъемом рабочего движения, несколько от него отставая.

Именно это отсутствие непосредственной смычки рабочего и крестьянского движения, отставание крестьянского движения было одной из причин неудачи революции 1905 г.

Не следует думать, что все крестьянство в целом самотеком шло за пролетариатом. Гегемония пролетарита, руководство пролетариата устанавливалось в процессе ожесточенной классовой борьбы, в частности борьбы с буржуазией за влияние на крестьянство.

Безусловно крестьянство в целом участвовало в революции именно как класс эпохи крепостничества, боровшийся против диктатуры крепостников. Однако рассмотрение конкретного материала показывает, что в движении далеко не везде одинаково участвовали все слои деревни. Деревня в целом вы-

ступала лишь в районах наиболее слабой диференциации крестьянства. В районах же более сильного расслоения, участие напр. зажиточного крестьянства было далеко не одинаковым. В некоторых случаях оно шло вместе со всем крестьянством, подчиняясь при этом сплошь и рядом не только моральному, но и физическому давлению всей деревни. В отдельных случаях зажиточные крестьяне были даже инициаторами движения, а в иных случаях, наоборот, зажиточные открыто становились на сторону помещиков. Сплошь и рядом именно из них вербовались черносотенные банды, которые группировались вокруг церкви и служили орудием в руках крепостников для расправы с крестьянским движением подобно тому, как фашистские банды служат империализму для разгрома революционного рабочего и крестьянского движения.

Таким образом было бы совершенно неправильным выставлять по меньшевистски кулака в качестве первого либерала в деревне, в качестве центральной фигуры. Как мы указывали во введении, абсолютно неправильно изображение крестьянской борьбы против помещиков как борьбы прежде всего зажиточного крестьянства в качестве представителя будто бы фермерского капитализма. Вопрос о слоях крестьянства необходимо ставить в связи с вопросом о руководстве крестьянским движением.

Несомненно буржуазия, в частности либералы, кадеты стремились также влиять на деревню, и в этом отношении проводником их влияния было зажиточное крестьянство. Именно через зажиточное крестьянство, а отчасти через учителей, агрономов, медицинский персонал — либералы пытались воздействовать на деревню. Этим объясняется, что кадеты напр. на выборах в 1-ю и 2-ю Государственную думу получили известную часть крестьянских голосов.

С другой стороны — пролетариат шел во главе крестьянства, организуя сельскохозяйственный пролетариат и полупролетариат. Большую роль в установлении смычки революционного рабочего класса с деревней играли те крестьяне, которые уходили в города на заработки. Таким образом совершенно неправильно ставить вопрос о кулаке как главной фигуре в 1905 г. Основную массу крестьянства составляли беднота и середняки. Именно они являлись главной действующей силой в деревне. Кулак же несомненно сплошь и рядом выступал со всем крестьянством против помещиков, но большей частью тянул крестьянство с пути революции на путь реформ, на путь соглашения, на путь либерализма.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о партийном руководстве крестьянским движением и в частности к выяснению роли большевистской партии, проследим борьбу вокруг аграрных программ и в частности борьбу между большевистскими и меньшевистскими аграрными программами.

в) ДВА ТИПА АГРАРНЫХ ПРОГРАММ В РЕВОЛЮЦИИ.

В аграрных программах борющихся партий отразились действительные интересы классов, защищавших определенный тип капиталистического развития (прусский путь реформ или американский путь революции).

«Разделительная линия проходит между кадетами и трудовиками. Определяют эту линию интересы двух основных классов русского общества, борющихся из-за земли: помещиков и

крестьянства. Кадеты сохраняют помещичье землевладение и отстаивают культурную, европейскую, но помещичью буржуазную эволюцию земледелия» [1].

Поэтому программы выявляют кардинальное различие в отношении к основному вопросу революции: об уничтожении полукрепостного помещичьего землевладения. Аграрные программы помещиков и буржуазии (правительство, правые октябристы и кадеты) основным принципом аграрной политики считают сохранение помещичьей собственности на землю. Разница между ними в деталях. Крестьянские партии и организации (трудовики, эсеры, крестьянский союз) и рабочий класс борются за уничтожение помещичьего землевладения.

Перейдем к рассмотрению аграрных программ, выражавших интересы основных борющихся классов.

1. Правительство и аграрный вопрос.

Первые признаки нарастания революции в «оскудевшей» деревне заставили господствующие классы обратить внимание на мужика, на «овец», как говорил Витте. Политика одних репрессий была недостаточна. Витте, наиболее дальновидный из правительственной клики, так определяет сущность предреволюционного аграрного кризиса:

«Все революции происходят оттого, что правительство во-время не удовлетворяет назревшие народные потребности» [2].

Боязнь революции привела к тому, что правительство занялось всерьез вопросом о том, как найти наиболее выгодный для помещика выход из аграрного кризиса. В 1902 г. (29/I) создается «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Для изучения нужд деревни были созданы губернские и уездные комитеты.

Община и правовое неравенство крестьянства — вот тормозы развития сельского хозяйства, таково было мнение комитетов и большинства «Особого совещания». Дворянство понимает, что необходимо «раскрепощение» буржуазного развития деревни и это «раскрепощение» должно итти по пути сохранения неприкосновенной «помещичьей собственности».

Программа помещичьего «разгораживания» земель для капитализма была готова. Помещик по-своему, по-помещичьи, по-прусски хотел уничтожить перегородки для капитализма на крестьянской земле. Уничтожение общины обещало помещику, переходившему на капиталистические рельсы, быструю пролетаризацию деревни и дешевую рабочую силу, а также союзника в лице деревенского кулака, который должен был удержать в крестьянской массе уважение к собственности.

Начавшееся в январе — феврале 1905 г. массовое движение заставило правительство прибегнуть прежде всего к мерам репрессии. Особое совещание под председательством Витте закрывается. 15 апреля 1905 г. издается указ об особых комиссиях по выяснению виновников «беспорядков» и взысканию с них причиненных убытков. Причем иск мог обращаться и на надельные земли, которые могли быть продаваемы для возмещения убытков помещиков.

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 354.

[2] Витте, Воспоминания, т. I, стр. 483.

Большую панику среди помещиков вызвало октябрьско-декабрьское революционное движение.

Помещики, как говорит Витте, «совсем потеряли голову».

«Дубасов действовал в Черниговской и Курской губ. весьма энергично и не вызывал нареканий ни с чьей стороны. Хотя крестьянские волнения на него, видимо, произвели сильное впечатление, так как в бытность его несколько дней, во время этой командировки, в Петербурге он мне убежденно советовал провести закон до созыва Государственной думы, по которому те земли, которые крестьяне насильно захватили, остались бы за ними, и на мое возражение против такой меры он мне говорил: «Этим крестьян успокоите, и помещикам будет лучше, так как в противном случае они, крестьяне, отберут всю землю от частных землевладельцев».

Я привожу этот факт как иллюстрацию того настроения, которое тогда торжествовало в самых консервативных сферах. Никто Дубасова не заподозрит ни в физической, ни в моральной трусости. Если он предлагал такую меру, то потому, что был убежден в ее целесообразности и неизбежности» [1].

Если эта паника охватила таких устремителей крестьянских беспорядков, как Дубасов, который в Курской и Черниговской губ., где крестьянские беспорядки были чрезвычайно сильны, сам, с горстью войск, справлялся с бушующим крестьянством, «о т р е з в л я л (разрядка наша. — *Ред.*) их (отрезвление достигалось испытанными методами расстрелов и порки (*Ред.*) и достиг почти полного успокоения» [2], — то остальные помещики были в еще большей панике. Были проекты отдать часть земли крестьянству и т. д. Такой проект (как курьез эпохи революции) предлагал даже знаменитый Трепов, бывший тогда дворцовым комендантом. Даже Николай II предлагал Совету министров обсудить проект проф. Мигулина о необходимости немедленного принудительного отчуждения части помещичьих земель в пользу крестьянства. Совет министров отверг этот проект только в январе 1906 г., после разгрома декабрьского восстания.

Как видим, кадетская программа принудительного отчуждения части помещичьих земель поддерживалась в период революционного подъема даже самыми консервативными помещичьими кругами. К этому же времени относится и возникновение проекта Кутлера (к.-д.), бывшего тогда министром земледелия. Этот проект сводился к тому, чтобы принудительно с выкупом отчудить часть помещичьих земель. Как только революционное движение было подавлено, с крестьянством справились карательные экспедиции и было разбито рабочее движение, стала проходить и паника в дворянских кругах. О необходимости обязательного отчуждения земли в пользу крестьян (или дополнительном наделе) сначала перестали говорить, потом стали выражать сомнение в целесообразности этой меры и наконец самую идею принудительного отчуждения хотя бы за плату начали признавать преступною, а тех, которые придерживаются такой ереси — революционерами [3].

Так благонамеренный и совсем не хотевший революции министр Кутлер стал в глазах правительства «революционером» и должен был уйти в отставку.

---

[1] В и т т е, Воспоминания, т. II, стр. 116.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 159.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1905 г.

Из циркуляра министра внутренних дел Дурново.

«Немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, в случае сопротивления—сжигать их жилища... Аресты теперь не достигают цели, судить сотни и тысячи людей невозможно. Ныне единственно необходимо, чтобы войска прониклись вышеизложенными указаниями».

Расправы в Тамбовской губ.

Лауниц. Тамбовский губернатор, градоначальник Петербурга, убит 21 дек. 1906 г. Кудрявцевым.

Богданович. Вице-губ. Тамбовской губ., убит 15 дек. 1905 г. Катиным и Кузнецовым.

Луженовский. Сов. Тамб. губ. прав., убит 10 января 1905 г.

Расправы в Курской, Саратовской и Полтавской губ.

Сахаров. Убит 22 ноября 1905 г. Биценко

Дубасов. Послан на усмирение Курской губ.

Донесение шт.-ротм. Белевцова.

«7 ноября мы отправились в село Петровское и созвали сход. Я потребовал от схода выдачи зачинщиков и возврата награбленного; сход, после несколько раз повторенного мною требования, отказался его исполнить, тогда я дал залп в воздух, сход и после этого не исполнил моего требования, тогда я дал залп, которым убито 3 и ранено 7. Также нами было подожжено несколько построек, принадлежавших зачинщикам, после чего народ на коленях просил прощения и обязался выдать зачинщиков, которых тут же назвали по фамилиям...»

Из открытого письма статскому советнику Филонову В. Г. Короленко.

«...Вы сразу стали поступать в Сорочинцах, как в завоеванной стране. Прежде всего вы поставили их всех на колени, окружив казаками с обнаженными шашками, и выставив два орудия. Под угрозой смерти вы держали их в течение 4 ч. 30 м. Дальнейшее «дознание» состояло в том, что вы вызывали отдельных лиц и едва вызванный раскрывал рот, чтобы ответить, как вы собственной советницкой рукой ударяли его по физиономии и передавали казакам, которые, по вашему приказу... валили в снег, били нагайками по голове и лицу, пока жертва не теряла голоса, сознания и человеческого подобия».

Кузнецов.

Кудрявцев.

Катин.

Биценко.

Виноградов.

Кириллов.

Сидоров.

Как правительство шло навстречу крестьянской нужде.

Под давлением крестьянских волнений манифестом 3 ноября 1905 г. выкупные платежи с крестьян уменьшены с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. взимание этих платежей прекращается совсем. На самом деле это была не милость, а новая тягота, так как крестьянами к 1906 г. была выплачена вся сумма долга по выкупным платежам и все проценты. Взимание выкупных платежей хотя бы и в половинном размере был узаконенный грабеж крестьян.

«4 августа» [1] русского дворянства закончилось бесславным поражением. Начинается полоса «трезвой» помещичьей политики, основная задача которой— расчистка пути для развития капитализма по прусскому пути и уничтожение самой возможности крестьянской революции. Характерно, что в помещичьих кругах великолепно сознавалась необходимость развития капитализма в русской деревне. В этом отношении интересны речи правых и октябристов во 2-й Думе. Так, речь князя Святополк-Мирского — это настоящий гимн гегемонии помещиков в развитии капитализма в деревне. Недаром наших русских помещиков прельщает роль английского лорда и германского юнкера. «Дружными усилиями лордов архаическая земельная община была разрушена, английский фермер заслужил славу первого земледельца в мире, а экономическое благосостояние страны достигло небывалой высоты... Ни один общественный класс не заслужил в такой степени ту блестящую судьбу, которая выпала ему на долю, чем английские помещики XVII и XVIII столетий». Помещики — носители идеи земледельческого прогресса, «духа инициативы» и т. д. и т. д. Так представлялась русским помещикам их собственная роль. «Трезвая» политика правительства была проведением в жизнь помещичьей программы. Основные линии этой политики по отношению к деревне — карательные экспедиции и целый ряд экономических мероприятий.

Манифест 11 августа 1904 г. отменял недоимки по выкупным платежам, земским и казенным сборам на надельные земли. К 1906 г. были сделаны новые уступки. С 1 января 1907 г. правительство прекратило взыскание с крестьян выкупных платежей (манифест 3 ноября 1905 г.). Правительство попыталось по-помещичьи «разрешить» и основной вопрос — вопрос о земле. Это «разрешение» шло по линии деятельности Крестьянского поземельного банка. Крестьянский банк увеличил покупки дворянских земель и продажу их крестьянам. Эта операция была безусловно выгодна для помещиков. Но основная линия экономической политики правительства идет по пути укрепления частной собственности на землю в деревне. Отсюда подготовка указа 9 ноября 1906 г., ставшего законом 14 июня 1910 г., о праве закрепления надельных земель в собственность и о праве выхода из общины. По указу, в тех общинах, где не было передела в течение 24 лет, земля формально считалась перешедшей в собственность. Владельцам нужно было только получить «удостоверительные акты». В остальных общинах выдел из общины был обязателен, если этого требовала одна пятая часть числа домохозяев или 50 членов общины в том случае, если община имела больше 250 дворов. Наряду с этим проводилась политика поощрения выселений на хутора и выделения отрубов. Таким образом правительство попыталось расчистить путь для развития капитализма в деревне на основе сохранения помещичьей монополии на землю. Расчет был на то, что быстрый темп развития капитализма при сохранении господства помещиков разложит единый крестьянский фронт, создаст помещику союзника в лице кулака, выведет деревню из аграрного кризиса и уничтожит возможность крестьянской революции.

[1] 4 августа 1789 г. во Франции дворяне, под давлением крестьянских восстаний вынуждены были отказаться от своих привилегий.

2. Кадетская аграрная программа.

Наиболее полно программа либеральной буржуазии была выражена кадетами, которые уже в момент первой революции начали формироваться как партия русского финансового капитала и империализма.

Борьба за крестьянство широко развернулась в период революции. Буржуазия, хотевшая развития капитализма без революции, понимала, что исход борьбы будет зависеть от того, за кем пойдет крестьянство. Революционные дни 1905 г. ребром поставили вопрос о стратегии и тактике в крестьянской революции и перед идеологами либеральной буржуазии — кадетами. Кадеты по-своему тоже понимали значение «поземельного вопроса»:

«Поземельного вопроса не могут отодвинуть на второй план никакие события, как бы они ни были величественны и важны» [1].

Сущность аграрного вопроса, по мнению теоретиков кадетской партии (Кауфман, Герценштейн, Петрункевич и др.), заключается в агрикультурном кризисе крестьянского хозяйства. Второй стороной этого кризиса является малоземелье. Низкая техника сельского хозяйства при малоземельи привела к аграрному перенаселению. Причины малоземелья имеют свою историю:

«1) Нормы надела 1861 г. были недостаточны, 2) правительство за 45 лет после реформы ничего не сделало для поднятия техники сельского хозяйства.

Русское общество и государство не могут оставаться безучастными зрителями критического положения многомиллионных масс», попавших в него «в силу обстоятельств и непростительной небрежности правительства и руководящих общественных классов» [2],

так объясняет кадетская профессура исторические причины кризиса крестьянского хозяйства.

Кадетская постановка аграрного вопроса сводится к замазыванию основной причины аграрного кризиса: наличия помещичьей полукрепостной монополии на землю. Помещичья монополия на землю, полукрепостная кабала, крепостническое государство, закрепляющее эту монополию и выкачивающее посредством налогов, выкупных платежей и т. д. почти весь прибавочный продукт из крестьянского хозяйства, — все это упорно обходится в кадетских трудах по аграрному вопросу. Совершенно понятно, что для замазывания основного противоречия русской деревни кадетам приходится прибегать к своеобразной исторической концепции, в которую включается и «небрежность» правительства и «руководящих» классов, и низкая техника сельскохозяйственного производства.

Кадетскую концепцию воспринял и кое-кто из социал-демократов (Шанин — бундовец), на что указывал Ленин:

«Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии. Главной и основной помехой развитию производитель-

---

[1] «Аграрный вопрос», т. I, изд. кн. Долгорукова и Петрункевича, М. 1905 г.

[2] «Аграрный вопрос», т. II, стр. 3.

ных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т. е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д. Устранение этих пережитков крепостничества давно стало хозяйственной необходимостью, и кризис земледелия к концу XIX в. обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 г. до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества» [1].

Как видим, Ленин совершенно отчетливо указывает на то, что агрикультурный кризис обострился именно потому, что процесс освобождения России от пережитков средневековья слишком затянулся. Кадеты же пытались весь аграрный кризис свести исключительно к агрикультурному кризису, и тем затушевать влияние на кризис помещичьей эксплоатации, между тем как агрикультурный кризис и был выражением назревшего конфликта между развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями.

Совершенно не случайно то, что кадеты сходятся в оценке кризиса с правыми партиями, которые тоже подчеркивают его агрикультурный характер. На крестьянском фронте заключается блок между кадетами и правыми; основная задача этого блока — борьба против крестьянской революции. Кадеты не скрывают своей боязни революции. Вслед за «гуманными» рассуждениями о необходимости прийти на помощь многомиллионной массе крестьянства» иногда высказывается и основная причина этой буржуазной «гуманности». Проф. Чупров, напр., после доказательства того, что правительству необходимо провести аграрные реформы, выдвигает основной довод:

«Эта исстрадавшаяся масса не нынче-завтра выйдет из терпения и разнесет все» [2].

Кадеты защищали сохранение основных устоев деревни — помещичьей монополии на землю.

«Среди крестьянства довольно популярна мысль об экспроприации частновладельческой земли без выкупа. Помимо разных других соображений, уже не раз приводившихся против этого плана, нельзя не заметить, что захват чужого имущества неминуемо оттолкнет от крестьянского хозяйства всякого рода капиталы и уничтожит в корне все виды кредита... кто поручится, что не отберут и капиталы?» [3] «Мы считаем, что самая идея, лежащая в основании этого решения (предоставление почти всей русской территории крестьянам, хотя бы с сохранением за помещиками небольших имений в 50—100 десятин), по тому одному не может быть приемлема, что она находится в резком противоречии с основными тенденциями развития современного народного хозяйства... Прежде всего... пришлось бы принести в жертву интерес целого обширного класса помещиков (разрядка наша — *Ред.*), так или иначе тесно связанных с землею и сельским хозяйством как источником своего существования» [4]

Совершенно ясно, что эти рассуждения продиктованы стремлением сохранить помещичье землевладение. А экономические доводы насчет невыгодности экспроприации помещиков для крестьянства явно несостоятельны. Недаром приходится в конце концов взывать к «справедливости»: «незаслужен-

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 266.
[2] «Аграрный вопрос», т. II, Чупров, К вопросу об аграрной реформе, стр. 12.
[3] Там же, стр. 19.
[4] Там же.

ное (?) изгнание» помещиков «плохо гармонировало бы... с задачами современного освободительного движения». Еще один довод выдвигают кадеты против экспроприации помещиков, а именно, что последствием ее будет падение промышленности, так как рабочие уйдут в деревню. Вся кадетская аргументация проникнута одним стремлением: доказать вред крестьянской борьбы за землю. Основной задачей кадетской партии в области аграрной политики становится: 1) предотвратить аграрную революцию, 2) дать толчок развитию капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути. Еще за 10 лет до первой русской революции будущий вождь русского либерализма Струве наметил желательный для буржуазии путь капиталистического развития России. Видя основные причины задержки развития русского капитализма в состоянии сельского хозяйства (агрикультурный кризис), Струве выдвигал программу раскрепощения капитализма в русской деревне путем уничтожения общины, выделения слоя крепкого крестьянства и т. д. (чем не программа будущей столыпинщины!).

Как известно, кадетская партия составилась из бывшего союза «Освобождения», основанного Петром Струве в 1902 г. вокруг заграничного журнала «Освобождение», а с другой стороны — из земцев-конституционалистов, представлявших капиталистическое крыло помещиков. Именно земцы-конституционалисты и сформулировали те принципы, которые потом легли в основу кадетской программы. Вот как была сформулирована программа земского съезда в 1905 г.:

«1. Государственное вмешательство в экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрных отношений. 2. Правильная постановка аграрного закона обусловливается коренным преобразованием государственного строя России на началах всеобщего избирательного права. 3. Предстоящая аграрная реформа должна быть построена на следующих началах: 1) Улучшение экономического положения земледельческого класса путем обязательного выкупа из частновладельческих земель необходимых прирезок в интересах малоземельных групп разных категорий. 2) Признание государственным земельным фондом казенных и удельных земель; увеличение этого фонда путем покупки и выкупа частновладельческих земель и эксплоатация его в интересах трудящегося населения. 3) Государственное вмешательство в арендные отношения. 4) Образование общественно-государственных (т. е. помещичьих — *Ред.*) посреднических комиссий. 5) Правильная постановка переселения и расселения крестьянства. 6) Коренной пересмотр межевого законодательства в видах облегчения, ускорения и удешевления размежевания земель, уничтожения чересполосицы частновладельческих земель и надельных земель, обмена участков и т. д.» [1].

В этой программе предвосхищены все основные положения будущей кадетской программы, именно: обязательный выкуп частновладельческих земель, признание государственным земельным фондом казенных и удельных земель и т. д. Именно в этом духе формулирует затем свои основные положения кадетская программа.

Мерой выхода из аграрного кризиса является проведение аграрной реформы, основные принципы которой: добавочные наделы крестьянам до «продовольственной» нормы, колонизация окраин и изменение финансово-экономической политики правительства (увеличение агрономической помощи, кредиты и т. д.). Максимум аграрных требований кадетов — принудительное

[1] «Русские ведомости», отчет.

отчуждение частновладельческих земель за выкуп (записка 42 депутатов I Думы). Отчуждению по «справедливой» оценке подлежат земли, на которых помещики не ведут своего хозяйства (обработка крестьянским инвентарем, сдача земли в аренду и т. д.). Таким образом кадетская максимальная программа не затрагивает интересов буржуазных помещиков. Она направлена против отсталых, полукрепостнических форм помещичьей эксплоатации. Эта мера могла иметь двоякое значение: 1) крупное землевладение получало через выкупную операцию денежный капитал, и это могло стимулировать развитие капитализма в помещичьих латифундиях, 2) крестьянство должно было получить некоторое «улучшение» своего положения и успокоиться. Каков был бы объективный результат проведения кадетской аграрной реформы? Выкупная операция проводится за счет крестьянства. Смысл «справедливой» оценки заключался в том, что 70% всей выкупной суммы по кадетскому проекту, т. е. 2,9 млрд. руб., должны были перейти в руки 9 573 владельцев латифундий. Крестьянину доставалось новое выкупное бремя и «продовольственная», фактически голодная и мало чем отличающаяся от существующей, норма надела. Существа противоречий в русской деревне аграрная кадетская программа не разрешала, тем более, что проведение аграрной реформы (разрешение вопросов об отчуждении, оценка земель, вопрос о норме надела) передавалось землеустроительным комиссиям с преобладанием землевладельцев [1].

В I и II Думе кадеты скрывали, что хотят предоставить разрешение вопроса господствующему классу. Татаринов, Кутлер и другие кадеты в своих речах об этом факте умолчали. На практике почти такие же землеустроительные комиссии были созданы самим правительством при проведении столыпинской реформы.

Словом, кадетские аграрные проекты даже в период наибольшего радикализма кадетских требований (в период I Думы) своеобразно повторяют «Великую» (из речей кадетов в Государственных думах) реформу 1861 г., т. е. предлагают новую помещичью «чистку земель» для капитализма.

Характерна эволюция кадетской аграрной программы. В период подъема кадеты признавали частичную национализацию земель в форме создания государственного земельного фонда. Приводим данные из записки 42-х в I Думу [2].

2. «Отчуждаемые земли поступают в государственный земельный запас. Начала, на которых земли этого запаса подлежат передаче нуждающемуся в них населению, должны быть установлены сообразно с особенностями землевладения и землепользования в различных областях России».

VI. «Земли из государственного земельного запаса передаются в долгосрочное п о л ь з о в а н и е (разрядка наша — *Ред.*) на срок, установленный подлежащими учреждениями без права переуступки. За все земли, отводимые из государственного запаса, взимается плата, размер которой определяется соответственно по доходности земель и сообразно с общим планом земельного обложения».

---

[1] Состав землеустроительных комиссий по кадетским проектам: 5 представителей от крестьян, 5 от землевладельцев, председатель, назначенный земским собранием (т. е. тот же землевладелец).

[2] Стенографические отчеты Государственной думы 1906 г., стр. 248—249.

По этому проекту, за государством признавалось право регулирования земельных отношений на «отчужденных» землях. В 1907 г. кадеты отвергают и частичную национализацию земли. Кутлер во II Думе, критикуя проект трудовиков, говорит о том, что кадеты предлагают отдать эти земли, подлежащие отводу «крестьянам, окончательно в крестьянское ведение» [1].

Кадеты считают необходимым решительно бороться против вредной «утопии» — национализации земли. Аргументация их сходна с известной аргументацией Плеханова («гарантии от реставрации»). «Взаимное соотношение сил в будущих государственных учреждениях может сложиться так, что ныне экспроприированные земли будут отданы прежним владельцам наподобие того, как реставрация во Франции возвратила часть земель дворянству» [2].

Значение этой аргументации заключается только в том, что кадеты были против экспроприации помещичьего землевладения, и все средства были хороши, чтобы доказать невозможность этой меры. Нужны были не гарантии от реставрации, а гарантии от революции. Национализация земли, даже частичная, стала казаться слишком революционной. Национализация всей земли, по мнению кадетов, «несбыточная мечта».

«Мне кажется, господа, что можно представить себе политические условия, при которых законопроект о национализации земли мог бы получить силу закона, но я не могу представить себе в ближайшем будущем тех политических условий, при которых этот закон был бы действительно осуществим»,

говорит Кутлер во II Думе [3]. Кадеты отлично понимают, что без революционной ломки «существующих земельных правоотношений» этой меры провести нельзя. А революционной ломки землевладения, как мы уже говорили, кадеты боятся, как огня. При теоретическом анализе значения национализации кадеты считают ее последовательной буржуазной мерой [4]. Однако в своих выступлениях в Думе они заявляют:

«Раз никто не предлагает уничтожения собственности вообще, необходимо во всей силе признать и существование собственности на землю» [5].

И в другом месте:

«Грозный крик бушующих крестьянских масс»... погубит «наше поместное землевладение и самих землевладельцев» [6]

и нарушит жизненные интересы русской буржуазии, кровно спаянной тысячью экономических нитей с «поместным» землевладением.

Для эволюции аграрной программы кадетов чрезвычайно характерно их отношение к столыпинскому законодательству.

Во II и III Думах кадеты солидаризировались с главными принципами столыпинской реформы, именно с принципом насаждения частной земельной собственности в деревне, содействия агрикультурному прогрессу и т. д.

---

[1] Стенографические отчеты Государственной думы 1907 г., Спб, стр. 739.

[2] «Аграрный вопрос», т. II, М. 1907 г., ст. Чупрова, К вопросу об аграрной реформе, стр. 31.

[3] Стенографические отчеты Государственной думы, стр. 733.

[4] «Аграрный вопрос», т. I, Герценштейн, Национализация земли.

[5] Стенографические отчеты Государственной думы, стр. 737.

[6] «Аграрный вопрос», Герценштейн, Национализация земли, стр. 87.

«Смысл ее (т. е. министерской программы) заключается в возможности дополнительного наделения землей путем скупки помещичьих земель. Для того чтобы план мог быть осуществлен без разорения для государства, необходим во всяком случае ряд мер, чтобы парализовать повышение цен на землю» [1],

так ставят кадеты вопрос о столыпинской реформе, в частности о деятельности крестьянского банка. Так же ставит вопрос и Кутлер во II Думе в своем ответе на программную речь Столыпина. Он подчеркивает, что разница между скупкой земель Крестьянским поземельным банком и кадетским «принудительным» отчуждением заключается только в высоте земельных цен.

Основные возражения, которые выдвигались кадетами при обсуждении столыпинской реформы, направлялись главным образом по линии тактики. По мнению кадетов, напористость царского правительства в проведении столыпинской реформы, открытое насилие над основной крестьянской массой могли вызвать новую вспышку крестьянской революции, так как проведение реформы не успокаивало деревню, а еще более ее раздражало. В основном к этому сводились оппозиционные выступления кадетов при обсуждении столыпинской реформы. Кадеты с большой тщательностью скрывают истинную сущность классовой борьбы в революции и свое место в ней.

Кадетская аграрная политика была политикой идеологов прусского пути капиталистического развития сельского хозяйства. Основная задача, которую они должны были выполнить — это доставить русской буржуазии гегемонию в революции и этим предотвратить революцию. Удалось ли кадетскому хамелеону увлечь за собой крестьянство? Нет, не удалось. Крестьянство шло своим путем и уже в I Думе выступило со своей аграрной программой, находящейся в резком противоречии с основными положениями кадетской аграрной программы. Крестьянство, как мы увидим ниже, не признавало «священных прав» помещиков.

г) НАРОДНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС.

1. Эсеры.

Партия социалистов-революционеров организовалась из различных народнических групп в 1902 г. Основная работа партии протекала в двух направлениях: террористическая работа (боевая организация) и массовая работа, преимущественно среди крестьянства. В 1902 г. для этой работы был организован «Крестьянский союз партии эсеров». Главный центр эсеровской работы — Полтавская, Саратовская и Тамбовская губ. Часто студент, снабжающий книжками и прокламациями бунтующую деревню в этих губерниях, был эсером. В этом преимущественно и заключалась эсеровская работа в деревне до революции 1905 г., так как деревня на организацию поддавалась туго. Рост массового движения в 1905 г. создал предпосылки для развития и расширения эсеровской работы на местах. Деятельность эсеров среди крестьянства принимает организационные формы. К 1907 г., по официальному отчету эсеров (на Штутгартском конгрессе II Интернационала), несомненно преувеличивавшему их работу в деревне, эсеры имели организации почти во всех губерниях России.

[1] «Вестн. нар. своб.» № 10.

В Московской губ. 425 организованных крестьян. В Нижегородской губ., Тверской — 700 членов партии.

Рязанская губ. — 300 членов партии. Во II Думу прошел один член партии с.-р.

В Саратовской губ. были эсеры во всех деревнях и т. д. [1].

Аграрная программа эсеров, принятая на официальном I съезде партии в декабре 1905 г., говорит о социализации земли,

«изъятии ее из товарного оборота и обращении из частной собственности отдельных лиц в общенародное достояние». «Пользование землей должно быть уравнительно трудовым, т. е. обеспечивать потребительскую норму на основании приложения собственного труда». (Из программы эсеров.)

§ 2 внесенного в I Думу законопроекта гласит следующее:

«Вся земля с ее недрами и водами объявляется общей собственностью всего населения российского государства».

Народная власть устанавливает законы пользования землей. Эсеры отстаивают и в I и во II Думах социализацию земли.

На II съезде партии эсеров (февраль 1907 г.) перед открытием II Думы стоял вопрос об аграрном законопроекте, который эсеры должны были внести в Думу. Основные положения этого законопроекта:

«1) Всякая собственность на землю в пределах российского государства отныне и навсегда отменяется.

2) Вся земля с ее водами и недрами объявляется достоянием всего населения российского государства.

3) На пользование этим достоянием все граждане и гражданки имеют равное право.

4) Верховным распорядителем... является государство...

5) Основные правила частно-трудового пользования: а) никто не имеет права пользоваться землей в размере большем, чем может при средних в данной местности условиях хозяйства обработать сам или рабочими силами своей семьи, т. е. не выше трудовой нормы».

Аграрная программа эсеров тесно связана с их оценкой характера и движущих сил русской революции.

Исходной ошибкой эсеров в вопросе о характере русской революции 1905 г. является непонимание законов развития капитализма. По мнению эсеров, мелкое производство обнаруживает при капитализме большую устойчивость. Они считали, что неверно связывать вопрос о социалистической революции с развитием промышленности, неверно отождествлять социалистическую революцию с пролетарской революцией. Крестьянство, по мнению эсеров, и рабочий класс — одно и то же. Никакой разницы между городским пролетариатом и крестьянством нет. Носителем социализма является «труд», в форме ли мелкого самостоятельного производства, в форме ли работы наемного рабочего. «Право труда» — вот теоретическое обоснование эсеровской практики. Поэтому эсеры рассматривают крестьянское требование «уравнительности», как требование социалистическое.

«Не является ли революционная конфискация помещичьих земель ближайшим преддверием той социализации земли, которая, по нашему глубокому убеждению, может осуществиться уже в течение переживаемой фазы русской социальной жизни» [2].

---

[1] Цифры взяты из сб. «Общ. движ. в начале XX века», том III, стр. 126.

[2] «Революц. Россия» № 75, от 15/IX 1905 г.

Эсеровская социализация земли, по их мнению, есть социалистическая мера. Уравнительность крестьянского землепользования обеспечивается в будущую, послереволюционную эпоху основным законом развития сельского хозяйства — устойчивостью мелкого трудового производства. Община как самоуправляющаяся единица будет регулятором аграрных отношений.

В области политической требования эсеров в 1905 г. сводились к свержению самодержавия и установлению «народной власти» в лице учредительного собрания.

Во всей эсеровской концепции русской революции сказывается то, что они стоят на почве утопического социализма и не понимают, что их программа есть программа радикальной, буржуазно-демократической революции. В свое время эсеры упрекали социал-демократов в том, что, считая русскую революцию буржуазной, они хотят руководить революционным движением.

«Искра» беспрестанно твердит, что социал-демократия должна стоять в о г л а в е революционного движения... р у к о в о д и т ь и м (разрядка наша — *Ред.*) и когда настанет момент — вести в бой рабочие массы... но позвольте, господа! Если вы так твердо убеждены, что революция будет буржуазной, как вы можете верить в возможность для себя с т о я т ь в о г л а в е революционного движения, р у к о в о д и т ь и м?»

Такой упрек для утопического социалиста вполне л о г и ч е н, так как он происходит от полного непонимания исторического развития.

Обоснованием эсеровской аграрной программы служит взгляд на революцию 1905 г. как революцию социалистическую. Социализм прежде всего должен быть создан на земле. Депутат Архангельский во II Думе так характеризовал точку зрения эсеров на этот вопрос:

«Мы стремимся к социализму постепенно и в данном случае мы считаем необходимым передать землю в руки тех, кому она принадлежит» [1].

Община, на которую возлагается непосредственное регулирование аграрных отношений, по представлению эсеров, как и всех последовательных народников, — оплот социализма. Наивным утопизмом веет и от теоретического обоснования эсеровской программы.

«Право на землю мы считаем неотъемлемым правом человека и гражданина» [2].

Двойственный характер эсеровской аграрной программы сказывался в том, что утопический социализм эсеров исчезал, как только они сталкивались с непосредственной практикой аграрной революции. Утопическое желание ввести немедленно социализм на земле лишь выражало основной лозунг крестьянской борьбы:

«немедленно взять помещичью землю. Крестьяне, которые посылали меня сюда, сказали так: земля наша, мы пришли не покупать ее, а взять»,

так говорил депутат II Думы от Саратовской губ. Кирносов [3]. Хитрая мотивировка кадетов и правых относительно того, что отмена частной собственности на землю, — мера социалистической революции, с которой надо ждать, «делить так, чтобы делить все», встречает возражения со стороны эсеров.

«Мы не хотим ждать, мы должны землю взять теперь» —

---

[1] Протоколы II Думы, стр. 1075.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 1143.

вот лейт-мотив речей эсеров по аграрному вопросу.

«Большинство мужиков уверено, что земельный спор — это спор русского мужика с барином, закрепостившим его» [1],

говорит депутат Зимин во II Думе. Та же ненависть к барину слышится и в речах других депутатов. Эсеры требуют замены царской власти «народной властью». В разрешении земельного вопроса «крестьяне должны получить право на руководящую роль» (депутат Афанасьев от Курской губ.).

Эсеры выдвигают идею создания земельных комитетов на основе всеобщего избирательного права для решения аграрного вопроса на местах. Ими верно схвачен непосредственный реальный смысл крестьянской борьбы как борьбы за уничтожение помещичьего землевладения. Во имя чего уничтожить помещичье хозяйство — во имя каких перспектив? Социализм или капитализм? Эсеровская программа говорит о социалистической перспективе аграрной революции, в действительности же она выражала борьбу за буржуазно-демократический переворот, борьбу за американский путь развития, за крепкое фермерство, за капитализм. Все это со всей ясностью выступает наружу у крестьянского «социалиста». «Стало быть во что бы то ни стало, — говорил крестьянин Хворостухин во II Думе (деп. от Саратовской губ.), — нужно развязать экономическую свободу всему народу, в особенности народу, который столько лет страдал и голодал» (!).

«Дайте землю, — говорит другой (Афанасьев), — крестьяне сами понимают, как ее обрабатывать, как можно от нее больше пользы получить». «Не мешайте нам хозяйствовать, свобода крестьянскому хозяйству, а отсюда и капитализму»,

вот что скрывается за утопическим социализмом эсеровских практиков. Эсер Мушенко, депутат II Думы, приводит своеобразные доказательства необходимости передачи всей земли крестьянству. В ответ на речь Столыпина он говорит:

«Мы говорим, что трудами должен воспользоваться не кто-либо иной, а тот, кто работает на этой земле. Мы говорим, что земледелец, вложивший свой труд и к а п и т а л (разрядка наша — *Ред.*), в участок земли, если по каким-либо причинам вынужден оставить земледелие и переселиться, напр., в город, должен быть обеспечен, должен быть вознагражден за неиспользованное улучшение. Далее, Столыпин говорит, что мы собираемся от многоземельных общин отрезать излишнюю землю в пользу малоземельных. В нашем проекте мы говорим, что излишняя земля у многоземельных общин остается у них. Эти излишки земли облагаются... в пользу малоземельных общин, и таким образом у с т а н а в л и в а е т с я у р а в н и т е л ь н о с т ь з е м л е п о л ь з о в а н и я» (разрядка наша — *Ред.*) [2].

Мушенко здесь не замечает одного: что эти меры создают не уравнительность землепользования, а предпосылки для концентрации земель, для свободного перелива капиталов в сельское хозяйство. Все стремления эсеров ввести социализм объективно способствуют развитию капитализма.

«Но я спрашиваю: где же, в каком государстве, весь прирост населения поглощается земледелием?.. Если государство, если страна не вырождается, а развивается в промышленном отношении, то это значит, что на фундаменте сельского хозяйства, удовлетворяющего элементарной потребности в пище и сырье, воздвигаются новые и новые хозяйственные этажи. Потребности растут, появляются новые продукты производства, появляются новые отрасли

[1] Протоколы II Думы, речь деп. от Симбирской губ. Зимина.

[2] Протоколы II Думы, стр. 1175.

производства, обрабатывающая промышленность притягивает к себе все большее и большее количество рабочих рук. Городское население растет больше, чем земледельческое, и поглощает бо́льшую часть прироста населения. Бывает иногда, господа, что земледельческое население уменьшается не только относительно, но даже абсолютно. Если у нас процесс этот идет медленно, то это потому, что не на чем возводить эти хозяйственные новые этажи. Крестьянское хозяйство, этот фундамент, слишком расшатан, рынок для промышленности слишком мал. Создайте на почве передачи народу земли в пользование здоровое, полное жизненных сил земледельческое население и вы увидите, какой спрос будет на продукты промышленности и какая масса рабочих рук потребуется в городах на фабрики и заводы. А министр пугает нас приростом населения и не знает, что мы будем делать с ним» [1].

Так рисует эсер Мушенко эльдорадо «социализма» в свободной от помещиков и самодержавия стране. Стремящийся самостоятельно хозяйствовать фермер устами утопического социалиста доходит до отрицания социализма.

«Экономическая гармония, которую рисует этот эсер на почве капиталистического закона, наивна до умилительности... Это гармония бессознательного буржуазного революционера, желающего смести дочиста остатки самодержавия, крепостничества, средневековья» [2],

говорит Ленин. Социалистическая часть эсеровской программы остается как благое пожелание. Утопический социализм эсеров потерпел крах в реальной борьбе. В 1906 г. в Думе от эсеров отделяются трудовики, которые вносят проект 104-х, подписанный беспартийными крестьянами, народными социалистами, отделившимися от эсеров. Эсеры вносят проект 33-х. Во II Думе эсеры внесли некоторые поправки к проекту трудовиков, но в отпоре правым и кадетам объединялись с трудовиками. Эсеры как социалисты превращаются в секту, эсеры как буржуазные революционеры примыкают к более реалистическим крестьянским партиям.

2. Трудовики.

Развитие классовой борьбы оформило крестьянскую идеологию. Выступление крестьянства на думской арене сорганизовало наиболее сознательные элементы его против правых и кадетов, в речах и аграрных проектах которых резко и откровенно выражались интересы помещичьего землевладения. Группа трудовиков организовалась как парламентская фракция в 1906 г. в период I Думы. В состав перводумской трудовой группы вошло: 2 эсера, 10 социал-демократов, 9 членов «Крестьянского союза», 7 беспартийных социалистов, 1 член радикальной партии, 2 свободомыслящих, 18 левее кадетов, 8 автономистов, 21 беспартийных, 27 неопределенных. Как мы видим, состав трудовой группы чрезвычайно пестрый. Но уже в I Думе в этой группе начинают играть руководящую роль народные социалисты (группа, отделившаяся от эсеров — правые народники). Проект трудовой группы (проект 104-х), внесенный в I Думу, исходит из принципа национализации земли.

«§ 1. Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы народу, причем нужная для сельского хозяйства земля могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет обрабатывать ее своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею.

---

[1] Стенографические отчеты II Думы, стр. 1173.

[2] Ленин, Соч., т. XI, стр. 479.

§ 2. С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские и монастырские земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную в данной местности трудовую норму.

§ 3. Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовой нормы, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность (разрядка наша — *Ред.*).

§ 4. Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства. Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могут быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждены народом на местах (см. § 18).

§ 17. Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного времени должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и волостные (или другие, соответствующие им по местным условиям). Комитеты должны быть избраны посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Основным добавлением к проекту трудовиков, внесенному во II Думу, был следующий параграф:

«§ 16. Заведывание общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Характерная черта аграрной программы трудовиков заключается в том, что община, эта основная база народнического социализма, из программы исчезает совсем. В проекте трудовиков меньшевики находили подтверждение основных возражений против национализации всей земли:

«крестьяне не захотят национализации своих земель». «Уже при существовании I Думы... выяснилось, что крестьяне вовсе не так склонны положить «на алтарь отечества» свои надельные земли» [1].

Это положение опровергается самим проектом трудовиков, который предполагает постепенный переход надельных и прочих крестьянских земель в общенародную собственность. Таким образом в программу трудовиков последовательно проводится принцип национализации земли.

То же проводят трудовики и в своих думских речах. Так, например, деп. II Думы от Черниговской губ., народный социалист Волк-Карачевский говорит:

«Плоды земные принадлежат всем, а земля никому».

О том же говорит и деп. Киселев:

«Я думаю, что только полная и безповоротная отмена частной собственности на земли, только принудительное отчуждение всех частновладельческих земель и передача их вместе с казенными, удельными, кабинетскими, церковными землями в общенародный фонд, только предоставление всем гражданам, желающим трудиться, права пользования землею, — только такое решение мы можем признать удовлетворительным».

«Партия народной свободы говорит: Мы сочувствуем широкой постановке аграрной реформы, но национализация земли в настоящее время, при настоящих условиях, невоз-

[1] П. Маслов, Крестьянские движения в России в эпоху первой русской революции, 1924 г., «Мир», стр. 191.

можна. Это дело далекого будущего, поэтому лучше дать синицу в руки, чем журавля в небе»... «Неужели нам нужно еще и еще платить, чтобы выкупить ту самую землю, которая и без того давным-давно уже нами куплена? А ведь если мы теперь ее не возьмем, если мы ограничимся этой синичкой, ощипанной партией народной свободы, то ведь нам, а если не нам, то нашим детям, не миновать придется вновь браться за него... и этот журавль, т. е. не в небе, а на земле, — он там, в руках тех, кого представляют господа правые» [1],

так характеризует трудовик классовый смысл национализации земли.

Вознаграждение за отчуждаемую землю, так же как и весь проект трудовиков, резко отличается от кадетского «справедливого» выкупа. У кадетов этот «справедливый» выкуп устанавливают землеустроительные комиссии с преобладанием помещиков, у трудовиков самый вопрос о вознаграждении землевладельцев решается народом (к-ты на основе всеобщего избирательного права) на местах. Из речей самих трудовиков смысл «вознаграждения» вполне ясен. «Неужели мы будем платить за свою землю?» — слышится в речах почти всех трудовиков. И самый параграф о вознаграждении — только уступка правым крестьянам, продиктованная стремлением привлечь отдельные буржуазные элементы крестьянства к общедемократическому крестьянскому движению. Словом, трудовики проводят своеобразную тактику единого фронта. Трудовики — это типичная крестьянская партия в эпоху крестьянской буржуазной революции, когда крестьянство выступает как класс в борьбе со старым полукрепостническим строем. Эта (буржуазная по существу) партия отражает двойственные черты класса, который она представляет. Крестьянство в массе своей мелкобуржуазно, в нем не могут не быть сильны буржуазные тенденции. Поэтому трудовики хотят освободить землю от помещиков, разгородить ее.

«Я скажу тот, кто разгородит землю так, как она загорожена теперь, тот будет основателем нового, истинно гражданского общества, построенного на началах равенства, братства, свободы» [2],

говорит трудовик Волк-Карачевский во II Думе.

«В чем сущность собственно земельного вопроса? Ответ короткий: у крестьян земли нет, а рядом люди, помещики владеют тысячами, десятками тысяч десятин» [3].

Это разгораживание земель приведет к развитию капитализма, и правое крыло трудовиков — народные социалисты — сознают это.

Но трудовики в массе — истинные представители революционной крестьянской буржуазии — ведут борьбу во имя лозунга всех буржуазных революций «свободы, равенства и братства». Поэтому в проекте трудовиков как благое пожелание, как яркая одежда революции, сохраняется «равное право на землю», «трудовая норма». Борьба с помещиками, крестьянская правда и справедливость во имя победы над крепостником одушевляют крестьянского революционера.

«Они (правые) вместе с правительством только и повторяли: частная собственность священна и неприкосновенна! Так и запишем, так и скажем. Пускай русский народ знает, чего хотят эти господа» [4].

Речи трудовиков полны яркой, страстной ненависти к помещикам. Трудовики дают правильную оценку столыпинской политики как политики по-

---

[1] Протоколы II Думы, стр. 1951.

[2] Там же, стр. 1081.

[3] Там же, речь Киселева, стр. 1943.

[4] Там же.

мещичьего государства. Они видят единый фронт от правительства до кадетов против крестьянской борьбы за землю. И трудовики значительно полнее и ярче меньшевиков выявили правую, буржуазно-помещичью сущность кадетов. Крестьянскому революционеру классовый инстинкт подсказывал верное определение врагов. И трудовик уже никак не мог зачислить кадетов в группу «демократов», чуть-чуть правее трудовиков, как это делают меньшевики.

В речах трудовиков не могло не отразиться наличие внутрикрестьянской классовой борьбы. При характеристике столыпинской реформы трудовик Караваев указывает на то, что

«...земли в конце концов попадут в руки состоятельных крестьян, потому что по условию распределения богатый крестьянин, хотя бы многоземельный, имеет возможность получить землю для отрубного хозяйства... Политическим последствием явится образование особого класса деревенских буржуа... Мы знаем, что действительно эти крестьяне являются первой опорой реакции»... [1].

Это заявление показывает, что даже трудовики понимали, что зажиточный кулак в 1905 г. отнюдь не был «первым либералом», а, наоборот, часто становился «первой опорой реакции».

3. Крестьянский союз.

Крестьянское движение в революции 1905 г. дало зародыш революционной массовой крестьянской организации — Всероссийскому крестьянскому союзу. Эту форму организации крестьянства подсказал город. Внешний толчок оформлению крестьянского союза был дан указом 18 февраля 1905 г. о праве представления совету министров соображений о «нуждах государственного благоустройства и народного благосостояния». Поводом же к созданию крестьянского союза послужила попытка богородского (Московской губ.) предводителя дворянства организовать крестьянство на почве поддержки правительственной политики. Крестьяне Московской губ. созвали в мае 1905 г. съезд, который высказался за организацию Крестьянского союза. Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза был созван 31 июля—1 августа 1905 г., затем делегатское совещание 6—10 ноября того же года. Крестьянский союз опирался непосредственно на массовое крестьянское движение. Наказы избирателей (приговоры крестьянских сходов) делегатам съезда были подписаны тысячами крестьян. Организаций крестьянского союза на местах было немного, но влияние этого союза на местах, по отзывам делегатов съезда, было большим. Сведения о работе крестьянского союза говорят о том, что его влияние, рост числа его членов зависели от того, насколько широко развернулось крестьянское движение по отдельным районам.

Основной задачей Крестьянского союза было добиться выполнения основных требований крестьянства — достать землю. Аграрная программа ВКС сводится к национализации земли. Первым съездом было единогласно принято решение об отмене частной собственности на землю. В этом вопросе Крестьянский союз встал на почву реальных требований крестьянства. Характерно, что

[1] Стенографические отчеты Государственной думы, стр. 722

за отмену частной собственности на землю высказался даже представитель подворного землевладения. Меньшевистская боязнь крестьянской Вандеи при национализации земли доказала свою несостоятельность и здесь, на съездах представителей крестьянства. На первом съезде и делегатском совещании стоял вопрос о выкупе. Постановление первого съезда сводится к принципиальному признанию выкупа некоторых категорий земель. Делегаты съезда решительно высказались за конфискацию без выкупа земель монастырских, церковных, удельных, кабинетских, государственных и крупных помещичьих латифундий. У частных владельцев земля должна быть отобрана частью за выкуп, а частью без выкупа. Интересны прения делегатов вокруг этого вопроса. Основное содержание части речей делегатов заключается в том, что «земля ничья — земля божья», ее отняли у трудового крестьянства силой, поэтому ничего за нее платить не следует. Если говорить о крестьянских землях, то отмена частной собственности на них не страшна, так как «они все равно получают землю при разверстке» [1].

Большинство съезда приняло по этому вопросу указанное выше компромиссное решение о выкупе. Это решение было победой зажиточных слоев крестьянства. При общих уравнительных тенденциях, которые выявились на съезде, зажиточный крестьянин, прикупивший помещичью землю, боялся потерять и эту землю и потраченные на ее покупку деньги. Именно эти соображения руководили зажиточным большинством съезда, когда оно принимало компромиссное предложение о выкупе, так как даже зажиточные были за безвозмездную конфискацию помещичьих земель. Горячей классовой ненавистью к помещикам звучат речи делегатов тогда, когда ставится вопрос о выкупе помещичьих земель.

«Мало мы им переплатили за аренду? Я не могу сосчитать бочек нашей крови, которою мы полили землю. Мало того, наши бабушки молоком своих грудей выкармливали борзых щенят для них... Это ли не выкуп? Столетиями мы были перекати-поле, а они нашим ветром. И теперь им платить? Нет! Не нужно дипломатических разговоров, нужен один путь — революционный» [2].

Вопрос о том, кто должен распоряжаться национализированными землями, оставлен в постановлениях съездов открытым до решения этого вопроса Учредительным собранием. В речах же делегатов не вызывало споров положение о том, что распределять общенародную землю будут сами крестьяне через крестьянские комитеты, местные самоуправления и т. д. Большинство делегатов высказывалось за уравнительное землепользование. Мы уже разбирали раньше вопрос о том, какое значение в условиях русской революции имела борьба крестьянства за уравнительное землепользование, за «равное право» на землю.

Ее реальное содержание — борьба против помещика-крепостника и только. И избиратели-крестьяне в своих приговорах и делегаты твердили одно: «надо получить землю». На вопросе о том, что будет после овладения землей, делегаты останавливаются мало. Даже эсеры и народники, которые были на съездах, очень мало говорят об общинном крестьянском социализме.

---

[1] Материалы к крестьянскому вопросу. Отчет о заседаниях делегатского съезда ВК союза 6—10 ноября 1905 г., «Новый мир», 1905 г., стр. 12.

[2] Там же, стр. 18.

Политическая программа Крестьянского союза заключается в требовании созыва Учредительного собрания, причем некоторые делегаты считают необходимым еще до этого создать на местах крестьянские комитеты, которые пользовались бы всей полнотой власти. В резолюциях съезда говорится о том, что закон о созыве Учредительного собрания должен быть издан немедленно. Подразумевается, что этот закон будет издан царским правительством. В резолюциях нет прямого указания на революционный путь завоевания власти. Есть лишь некоторый намек — носящий характер угрозы царскому правительству — на то, что крестьянскому терпению может притти конец.

«На основании всех сведений, полученных со всех концов России, совещание заявляет, что оно предвидит, что неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась» [1].

Непосредственным же средством борьбы за выполнение крестьянских требований Крестьянский союз считает всеобщую земельную забастовку: отказ владельцам в рабочей силе, отказ от аренды и других земельных сделок.

Некоторые делегаты открыто говорили о том, что нет другого выхода, как брать «дубину». Особенно решительны были речи делегатов Сарат. губ., где крестьянство уже прошло школу вооруженной борьбы с правительством.

Крестьянский союз был разогнан в конце 1905 — в начале 1906 г.

Союз этот был зародышем массовой крестьянской организации, имевшей своей основной задачей борьбу за землю против господства крепостников. В 1905 г. роль пролетариата, как гегемона революции, была настолько очевидна, что необходимость союза с ним особо подчеркнута в реэолюции Крестьянского союза.

«Крестьянский союз, — читаем мы в резолюции, — возьмет на себя руководство делом и войдет в соглашение с братьями-рабочими, городскими, фабричными и заводскими, железнодорожниками и другими союзами» [2].

Однако нужно указать, что полулиберальные руководители Крестьянского союза старались всячески воспрепятствовать даже выступлению на делегатском совещании представителей социал-демократии.

д) АГРАРНАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Социал-демократическая партия к революции 1905 г. имела программу, принятую II съездом партии в 1903 г. В этой программе выдвигалось требование возвращения крестьянству земель, отрезанных помещикам в силу реформы 1861 г., так называемых «отрезков». Проведение этой меры возлагалось на сословные крестьянские комитеты.

В первом выпуске «Истории ВКП(б)» изложена история разногласий по вопросу об аграрной программе в редакции старой «Искры». Проект аграрной программы был написан Лениным. Как мы указывали выше, Ленин уже в начале 900-х годов считал, что в программу необходимо внести требование

---

[1] Материалы к крестьянскому вопросу. Отчет о заседаниях делегатского съезда ВК союза, 6—10 ноября 1905 г., «Новый мир», 1905 г., стр. 26.

[2] Там же, стр. 25.

КРЕСТЬЯНСКИЙ

Крестьянский союз... это была действительно народная, массовая организа мелкобуржуазным иллюзиям крестьянства, но безусловно «почтенная» реаль ная применять действительно революционные методы борьбы, не суживав шая на сцену самих крестьян с их не

А. В. Шестаков

А. П. Щербак — член ноябрьского съезда, руководящего крестьянского движения в Сумском у. Харьк. губ.

Крестьянский союз решено было организовать на крестьянском съезде в Москве в мае 1905 г. В ноябре от с.-д. большевиков на съезде был т. Шестаков.

Съезд крестьянского союза 6 ноября 1905

Крестьяне члены союза с Щербаком в Харьк. тюрьме.

Крестьяне члены союза—дед, отец и сын вместе с Щербаком в Харьк. тюрьме.

Группа делегатов Московской губ. вместе с членами бюро.

Группа делегатов украинцев.

Исполнительный комитет Крестьянского союза Донской области.

До победы крестьянского восстания и для такой победы

ция, раздлявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к ная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавнавистью к чиновникам и помещикам.

Ленин.

Учредительный съезд союза был 31 июля и 1 августа. Представлены 22 губ. 100 крестьянами и 25 интелл.

Были организованы главный комитет и «бюро содействия» из интеллигентов, стремившихся отвлечь крестьянство от партийного руководства революционных партий (особенно от с.-д.). Арест 13/XI 1905 г.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ СЪЕЗДА 6—10 ноября.

По земельному вопросу в настоящее время съезд, обсудив меры для скорейшей передачи земли народу, постановляет:

1. Не покупать совершенно земли у владельцев.
2. Не брать ее в аренду.
3. Не входить ни в какие другие земельные договоры с владельцами.
4. В случае, если требования народа не будут исполнены, крестьянский союз прибегнет к общей земледельческой забастовке.

СОСТАВ БЮРО СОДЕЙСТВИЯ

В Тесленко

С. В. Курнин

А. Стааль

О ЧЕМ ГОВОРИЛОСЬ НА СЪЕЗДЕ 6/XI 1905 г.

1. О земельном вопросе.
2. О восстаниях и волнениях крестьян,
3. О чиновниках и местном самоуправлении.
4. По поводу кронштадтского восстания.
5. О еврейских погромах.
6. Об отношении к Госуд. думе — за бойкот.
7. О дальнейшей работе Крестьянского союза.

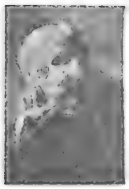
А. П. Левицкий

Мазуренко

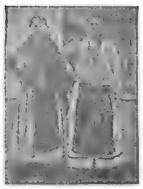
С. М. Блеклов

С. В. Белевский

УЧАСТНИКИ СЪЕЗДА



В. Тан (Богораз)



Делегатки крестьянки с. Николаевского Воронежской губ.

Делегаты Ярославской губ.

Делегаты Киевской губ.

В. Аникеев, руковод. союза в 1905 г.

крестьянский союз есть могучая и жизненная организация.

Ленин.

национализации земли «при определенных политических условиях» как лозунг крестьянского восстания.

Этот пункт встретил в старой «Искре» резкие возражения со стороны Плеханова, Аксельрода, Засулич и др. Основное возражение заключалось в том, что национализация земли есть мера социалистической революции, что при всяких условиях в России (если нет социалистического переворота) она будет реакционной мерой. В комментариях к статье «Проект программы РСДРП» (4-я книга «Зари») Плеханов писал о том, что в революционную эпоху нельзя итти дальше экспроприации крупных землевладельцев.

Выдвинутое Лениным требование национализации не было принято редакцией «Искры». Осталось в программе требование «отрезков». Это требование затрагивало только часть помещичьих хозяйств, оставляя неприкосновенным капиталистическое хозяйство помещика. Предполагалось, что возвращение отрезков «встряхнет Обломова» [1], заставит его вести капиталистическое хозяйство, так как лишит его дарового кабального труда. Требование отрезков, если брать их как максимум аграрных требований, сохраняет помещичье землевладение и частную собственность на землю.

Таким образом требование возвращения отрезков было типичным частичным требованием, подобно требованию снижения и отмены налогов, сложения ипотек, изменения условий аренды, в частности уничтожения кабальной аренды и т. д.

Программу отрезков Ленин рассматривал не как требование, на котором должно было остановиться крестьянское движение, а лишь как шаг в борьбе за основные требования.

«Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть д в е р ь. В эту дверь прежде всего надо выйти д л я т о г о, ч т о б ы и т т и д а л ь ш е...» [2].

Как видим, Ленин совершенно четко ставит вопрос об отрезках именно как о частичном требовании.

Однако если и рассматривать отрезки лишь как частичное требование, то все же выставление их буквально накануне подъема крестьянского движения несомненно было ошибочным.

Вот что говорил об этом Ленин в своей книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», написанной уже после революции, в конце 1907 г.:

«Источником этой... ошибки было то, что, верно определяя направление развития, мы неверно определили момент развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились в помещичьем хозяйстве (минус кабальные «отрезки» — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к «крестьянской аграрной революции». Не «боязнь» крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а переоценка степени капиталистического развития в русском земледелии» [3].

---

[1] Л е н и н, Соч., т. V, стр. 106.

[2] Там же, стр. 308.

[3] Там же, т. XI, стр. 389.

Опыт крестьянского движения 1902 г., затем 1905 г. наглядно показал, что в России в основном еще господствовало полукрепостническое хозяйство. Именно наличие остатков крепостничества и диктатура крепостников составляли основную предпосылку общекрестьянской антипомещичьей революции.

«Мы должны учитывать общий и конечный результат современного крестьянского движения, а не топить его в отдельных случаях и частностях. В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостническо-кабальной, чем капиталистической системы хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России. Наша ошибка при выставлении требования вернуть отрезки состояла в недостаточной оценке ширины и глубины демократического, именно буржуазно-демократического, движения в крестьянстве. На этой ошибке неразумно настаивать теперь, когда нас многому научила революция. Для развития капитализма конфискация всей помещичьей земли дает несравненно больший плюс, чем тот минус, который получился бы от раздела крупного капиталистического хозяйства. Раздел не уничтожает капитализма и не оттянет его назад, а в громадной степени очистит, обобщит, расширит и укрепит почву для его (капитализма) нового развития. Мы всегда говорили, что ограничивать размах крестьянского движения отнюдь не дело социал-демократов, а в настоящее время отказ от требования конфискации всей помещичьей земли был бы явным ограничением размаха определившегося общественного движения» [1].

То, что стало ясно в 1905/06 г., когда началось массовое крестьянское движение, не было еще вполне ясно в 1902/03 г., в момент принятия программы отрезков.

Вот что писал Ленин в брошюре «К деревенской бедноте» как раз вслед за указанием на то, что требование учредить крестьянские комитеты и возвратить отрезки — не загородка, а дверь для того, чтобы итти дальше:

«Но можно ли теперь уже, сразу, сказать, какое требование встанет на очередь завтра, для второго шага? Нет, этого сказать нельзя, потому что мы не знаем, как будут себя держать завтра богатые крестьяне и многие образованные люди, занятые всякими кооперациями и всяким перетеканием земли от капитала к труду. Может быть они еще не успеют завтра же сойтись с помещиками и захотят добить помещичью власть до конца. Отлично. Социал-демократам это очень желательно, и социал-демократы будут советовать деревенским и городским пролетариям требовать отнятия всей земли у помещиков и отдачи ее свободному народному государству... Но может быть будет совсем иначе. И даже вероятнее, что будет иначе. Богатые крестьяне и многие образованные люди могут завтра же, как только худшая кабала будет ограничена и урезана, завтра же соединиться с помещиками, и тогда против всего деревенского пролетариата встанет вся деревенская буржуазия. Тогда нам смешно было бы бороться с одними помещиками. Тогда мы должны бороться со всей буржуазией...» [2].

И именно потому, что

«мы не можем наперед сказать, выступит ли наше хозяйственное крестьянство, когда революция пробудит его к политической жизни, в качестве демократически-революционной партии или в качестве партии порядка», — «мы должны так составить нашу программу, чтобы быть готовыми к самому худшему, а осуществление лучших комбинаций только облегчит нашу работу и даст ей новый толчок» [3].

Итак, требование отрезков, которым Ленин должен был ограничиться под давлением большинства старой «Искры», было типичным частичным требованием. Это требование было только первым пробным камнем аграрной поли-

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 61.
[2] Ленин, Соч., т. V, стр. 310.
[3] Там же, стр. 332.

тики социал-демократии. Направление политики — борьба против помещика — было указано верно. Разрешение аграрного вопроса предоставлялось крестьянским комитетам. А это было залогом дальнейшего развертывания революционного крестьянского движения против всего помещичьего строя. Недаром крестьянские комитеты как организационная форма крестьянского движения вошли в последующие постановления большевиков по аграрному вопросу, вплоть до IV съезда.

Развертывание крестьянского революционного движения в 1905 г. поставило перед партией задачу пересмотра аграрной программы, принятой II съездом.

1. Третий съезд большевиков и Женевская конференция меньшевиков.

Развитие революционного движения после 9 января поставило ребром вопрос об отношении к крестьянскому движению. Уже в марте 1905 г. Ленин обращается к III съезду с письмом («Вперед», 16/III—1905 г.), в котором заявляет о необходимости пересмотра аграрной программы. Ленин указывает на то, что при правильности основного принципа старая программа (поддержка крестьянского движения против помещиков и развитие классовой борьбы в деревне) неверна в своей практической части. Ленин видел, что крестьянское движение развернется шире и глубже, пойдет дальше того, что предлагала программа 1903 г. Ленин указывает на то, что необходимо довести крестьянское движение под руководством пролетариата до победы революции, до демократического переворота.

На III съезде, однако, вопрос о пересмотре аграрной программы не стоял. Была принята тактическая резолюция об отношении к крестьянскому движению, по существу уже намечавшая новые программные требования.

Основные принципы, на которых была построена аграрная программа II съезда, оставались верными и в 1905 г.

«Три следующие положения, — писал Ленин в 1906 г., — всегда защищались русскими социал-демократами, с самого возникновения их партии вплоть до настоящего времени. П е р в о е. Аграрный переворот неизбежно составит часть демократического переворота в России. Избавление деревни от крепостнически-кабальных отношений будет содержанием этого переворота. В т о р о е. Предстоящий переворот, по своему экономическому значению, будет буржуазно-демократическим переворотом; он не ослабит, а усилит развитие капитализма и капиталистических классовых противоречий. Т р е т ь е. Социал-демократия имеет все основания самым решительным образом поддерживать этот переворот, намечая при этом те или иные ближайшие задачи, но не связывая себе рук и не отказываясь нисколько от поддержки даже и «черного передела» [1]

После доклада Ленина и Цхакая [2], III съездом была принята следующая резолюция «об отношении к крестьянскому движению»:

«Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неминуемо обращается тем не менее против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще;

---

[1] Л е н и н, Соч., т. IX, Пересмотр агр. программы раб. партии, стр. 56.

[2] См. об этом гл. IX наст. тома. — *Ред.*

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всех реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования;

4) что социал-демократия как партия пролетариата должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересам крестьянской буржуазии, —

III Съезд РСДРП поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты»[1].

Принятое съездом решение о поддержке всех революционных мероприятий крестьянства вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель было непосредственно связано с требованием немедленной организации революционных крестьянских комитетов. Создание последних должно было явиться шагом к борьбе за свержение царского самодержавия путем вооруженного восстания и утверждения Революционного временного правительства, именно: установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Совсем иной была позиция меньшевиков.

Резолюция происходившей одновременно конференции меньшевиков (в Женеве) тоже говорит о поддержке крестьянского движения. «В то же время с.-д. поддерживает всякие попытки к насильственному захвату земель, разъясняя при этом крестьянству, что его завоевания в борьбе с помещиками могут быть прочно обеспечены только свободно избранным Учредительным собранием, которому должно быть предъявлено требование образования на демократической основе особых комитетов для устранения старых, столь тяжелых для крестьянства, деревенских порядков.

Но большевики, во-первых, в своей резолюции боевым вопросом классовой борьбы в деревне считают уничтожение крепостничества и помещичьего хозяйства, во-вторых, большевистская поддержка крестьянского движения превращается в руководство движением, так как она связана с созданием крестьян-

---

[1] Полный текст «Протоколов» III съезда, Гиз, стр. 522—523.

ских комитетов на местах и завоеванием власти пролетариатом и крестьянством в центре, в-третьих, революционная борьба сельскохозяйственного пролетариата сливается с революционной борьбой городского пролетариата под знаменем с.-д. партии. Этим обеспечивается руководящая роль пролетариата и дальнейшее развитие пролетарской борьбы за социализм. Резолюция дает верные лозунги крестьянского движения: конфискация помещичьих и прочих земель становится их национализацией при условии завоевания власти пролетариатом и крестьянством. Это уже целый скачок вперед по сравнению с программой 1903 г. От этой резолюции 1905 г. до программы большевиков 1906 г. (IV съезд) только один шаг.

Принципиальная же установка меньшевиков совершенно иная. Меньшевики остаются на почве «своей аграрной программы» (т. е. требования возвращения отрезков).

Как мы указывали во введении, меньшевики не понимали революционного значения борьбы крестьянства как класса эпохи крепостничества против диктатуры крепостников. Для них движение крестьянства принципиально ничем не отличалось от движения городской мелкой буржуазии, которая в момент подъема революции также выступала против царского самодержавия и даже сплошь и рядом являлась носительницей идей так называемого мещанского социализма, т. е. социализма мелкого буржуа, разоряемого более крупным предприятием.

Меньшевики и крестьянскую борьбу против помещиков рассматривали лишь как борьбу мелкого собственника против более крупного собственника. Они не понимали крестьянской революционной борьбы против остатков крепостничества, которая объективно являлась борьбой за иной тип капитализма в сельском хозяйстве, именно за американский тип против прусского.

Меньшевики отрицали гегемонию пролетариата в крестьянской демократической революции. Все большевистское учение о крестьянской борьбе в эпоху крепостничества, о роли помещичьей эксплоатации, о задачах крестьянской демократической революции меньшевики объявляли народничеством.

Таким образом III большевистский съезд партии и III меньшевистская (Женевская) конференция выявили, по существу, две совершенно различные программы и тактики: первый — пролетарскую, революционную, а вторая — мелкобуржуазную, реформистскую, на деле передававшую руководство демократической революцией и в частности революционным крестьянским движением в руки либеральной буржуазии.

Дальнейшее развертывание революционного движения и практические задачи руководства крестьянским движением, которые встали перед партией, особенно в период осеннего подъема (октябрь—декабрь) 1905 г., делали необходимым пересмотр большевистской аграрной программы. Конференция северных комитетов «большинства», состоявшаяся в Москве 21—23 ноября 1905 г., приняла аграрную программу, которая шла несколько дальше программы II съезда, но в то же время и отставала от решений III съезда. Постановления конференции по аграрной программе сводились к тому, чтобы

«пункт об отрезках заменить пунктом о возвращении всех тех земель, которые служат в руках землевладельца орудием закабаления крестьян, определив точно, что это за земля;

пункта с требованием всей земли крестьянству ни в коем случае (разрядка наша. — *Ред.*) не вносить в программу. Тактическую резолюцию III съезда нужно изменить в том отношении, что РСДРП поддерживает крестьянское движение до тех пор, пока оно будет революционным, определив точно эту революционность, и что захват помещичьей и крупновладельческой земли поддерживается и потому, что в настоящий момент помещичье землевладение является опорой реакции и, следовательно, в данный момент борьба с ним есть, стало быть, борьба с реакцией, контрреволюцией и остатками старого порядка» [1].

Это постановление характерно в том отношении, что оно показывает, как трудно было дать правильную постановку аграрного вопроса в России. Здесь сказывалась еще старая боязнь разрушения всего помещичьего землевладения, некоторая переоценка значения прогрессивно-капиталистических элементов в нем.

На декабрьской конференции большевиков в Таммерфорсе по предложению Ленина были выкинуты пункты об отрезках и возвращении выкупных платежей. Было принято в основном то же постановление, что и на III съезде, о поддержке крестьянского движения вплоть до конфискации помещичьих земель. В связи с общей тактической линией большевиков в революции — эта конфискация превращалась в национализацию, так как она была связана с завоеванием политической власти. Но если этот вопрос был совершенно ясен для части большевиков во главе с Лениным, то в рядах с.-д. имелись различные точки зрения по аграрной программе. Например у такой крупной организации, как московская, не было ясности по вопросу о национализации всей земли. В московской организации в период 1905—1908 гг. большую роль играли будущие левые ликвидаторы, бойкотисты, отзовисты и ультиматисты, именно, Лядов, Станислав Вольский, Марат (Шанцер) и др. Ленинское предложение о национализации земли они рассматривали как эсеровщину.

По словам Лядова, их будто бы переубедила личная беседа с Лениным [2].

Разногласия по аграрному вопросу между большевиками и меньшевиками, с одной стороны, а с другой стороны, и разногласия в среде большевиков особенно ярко выявились накануне и в момент IV Объединительного съезда.

---

[1] См. «Борьба» № 3, отчет о конференции (цитировано по работе Е. А. Морохов ца, Аграрная программа РСДРП в революцию 1905—1907 гг.).

[2] «Помню еще один приезд в Питер. На этот раз мы поехали вместе с Маратом по поручению МК. Дело было в том, что нас всех сильно смутил лозунг Ильича, только что выброшенный им в «Новой жизни» — «Земля и воля», «Национализация всей земли». Помню, на одном митинге, на котором выступал Станислав Вольский и какой-то видный эсер, эсер вдруг выступил с заявлением, что большевики у них украли лозунг «Земля и воля». Станислав Вольский поставил вопрос на комитете. Здесь разгорелись большие прения по этому поводу. Наконец было решено, чтобы мы с Маратом сейчас же поехали в Питер, поговорили бы с Ильичем и у него лично выяснили, в чем дело. Когда мы увидали Ильича, Марат начал с самым мрачным видом отчеканивать обвинения против Ильича. «Этот внезапный поворот к национализации ставит нас в самое нелепое положение, нам стыдно теперь спорить с эсерами». Ильич внимательно выслушал Марата и затем рассмеялся. «А вы читали мою статью?» Речь шла о статье от 12/XI «Пролетариат и крестьянство». Мы ответили, что читали. Но вот Ильич взял статью и прочел ее с нами вместе, останавливаясь на тех местах, которые нас смущали».

(М. Лядов, Из жизни партии в 1903—1907 гг. (воспоминания), издат. Коммунист. ун-та им. Я. Свердлова, Москва 1926 г., стр. 109.)

2. Аграрный вопрос на IV Объединительном съезде РСДРП в 1906 г.

Нужно сказать, что даже среди некоторых большевиков были распространены, как мы бы теперь выразились, социал-демократические предрассудки, именно: непонимание роли пролетариата, руководящего крестьянством, и соответственно непонимание задач аграрной программы. Как образец такой точки зрения можно указать на работы Черномордика (П. Ларионова), который доказывал в брошюре, выпущенной в 1906 г. совместно с А. В. Шестаковым (Никодимовым), что вообще не может быть социал-демократической аграрной программы. Исходя из того, что аграрный вопрос в России является вопросом не пролетарским, а буржуазным, Черномордик считал, что

«как партия пролетариата социал-демократия, поскольку ее действие распространяется на деревню, может защищать интересы сельского пролетариата. Но для такой защиты не требуется особой аграрной программы. Общая рабочая программа партии охватывает интересы всего пролетариата, независимо от отрасли производства, в которой он занят» [1].

Автор делал вывод о том, что социал-демократия не может стать во главе аграрного движения, и потому не может быть социал-демократической аграрной программы.

«Итак, — заключает автор, — социал-демократической аграрной программы сейчас не может быть. Во главе аграрного движения социал-демократия стать не может» [2].

Отказываясь от руководства крестьянским движением, т. е. от гегемонии пролетариата, Черномордик однако отнюдь не допускал, чтобы социал-демократия обрекла себя на аграрный нигилизм. Предлагая отказаться от руководства аграрным движением, он считал нужным участие в нем.

«Отказаться от аграрной программы — значит отказаться от руководства аграрным движением, но не от участия в нем» [3].

Кстати следует отметить, что, перепечатывая эту статью в 1925 г., автор отнюдь не счел нужным отказаться от этой, явно ошибочной, установки; более того, в предисловии он подчеркнул ее правильность. Он признал свою ошибку лишь в части отрицательного отношения к национализации земли и признания необходимости муниципализации.

Как это видно из предисловия, написанного уже в 1925 г., автор и теперь не понимает задач гегемонии пролетариата. Вот, что он пишет тотчас же вслед за теми тезисами, часть которых мы цитировали:

«Мне кажется, что эта точка зрения оказалась правильной. Решение аграрного вопроса, начатое после победы Октябрьской революции и незаконченное еще и поныне, подтверждает (?!) правильность (!) этих воззрений. Ошибочность воззрений автора этой статьи заключается в том, что правильной аграрной политикой пролетариата в первую революцию он считает муниципализацию, хотя и не по тем обоснованиям, которые выдвигали тогда меньшевики и Плеханов» [4].

И на Стокгольмском съезде нашла свое выражение точка зрения, отрицавшая вообще необходимость аграрной программы. Так, на съезде выступил

---

[1] С. Черномордик (П. Ларионов), 1905 г. в Москве, изд. «Долой неграмотность», 1925 г., стр. 122—123.

[2] Там же, стр. 123.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 6.

Струмилин, который доказывал, что социал-демократия не может поддерживать мелкого производства, поэтому должна «отказаться от всякой аграрной программы» [1]. Мелкое производство реакционно, его поддержка идет вразрез с классовыми интересами пролетариата. Социал-демократия не может становиться на точку зрения мелкого производителя, но, поскольку развертывается революционное движение, — социал-демократия не может остаться безучастной. Она должна определить свою тактику по отношению к крестьянскому движению и в тактической резолюции определить предел его поддержки. Резолюция, которая предлагалась «ортодоксами» (Струмилиным), признавала необходимость поддержки крестьянского движения вплоть до конфискации всех земель, за исключением самых мелких участков.

«Передачу без выкупа и дополнительный надел наиболее нуждающимся в этом крестьянам земледельцам всех тех земель, которые до сих пор служили орудием хозяйственного закабаления».

Как видим, даже самая постановка вопроса о конфискации была крайне нечеткой. В резолюции говорилось лишь о конфискации и разделе всех тех земель, которые до того служили орудием хозяйственного закабаления. Все же остальные земли, главным образом леса и немногочисленные крупные капиталистические экономии, должны были перейти

«в распоряжение местных демократических самоуправлений, частью в качестве фонда для переселений, частью же для капиталистической их эксплоатации в общенародных интересах и на условиях, лучше всего обеспечивающих нужды занятых на этих землях рабочих».

Предложение Струмилина представляло собой смесь требований раздела (части земель крепостнических хозяйств) и муниципализации (земель капиталистических хозяйств). Струмилин резко выступал против национализации земли, мотивируя это угрозой крестьянской Вандеи. «Крестьянам кадетский выкуп покажется выгоднее». Вопрос о реставрации старого полукрепостничества фигурирует и в предложениях этой группы с.-д. Гарантией от реставрации, по мнению Струмилина, является то, что земли, служившие средством полукрепостнического закабаления, будут разделены крестьянами.

Таким образом выступление Струмилина было данью так называемым «ортодоксальным предрассудкам». Оно свидетельствовало о непонимании задач борьбы крестьянства как класса против диктатуры крепостников и задач пролетариата в деле руководства этой борьбой. Именно на этом и было основано у Струмилина отрицание необходимости особой социал-демократической аграрной программы. К той же позиции отчасти примыкал и Лядов. Он тоже вносил предложение ограничиться тактической резолюцией. Мотивировка его:

«Мы не можем обещать крестьянству того, чего мы не можем выполнить».

«Мы не должны высказываться против конфискации, но, говоря: «конфискуйте», мы должны добавлять: но не забывайте, что этой конфискацией воспользуются только богатые крестьяне — те, которые имеют орудия производства и капитал» [2].

Лядов, так же как и некоторые другие, не понимал задач первого демократического этапа революции, именно когда пролетариат шел во главе всего крестьянства. Они не понимали и возможностей перерастания демократической

[1] «Протоколы» Стокгольмского съезда, стр. 58.

[2] «Протоколы» VI съезда, стр. 62.

революции в социалистическую. Совершенно ясно, что социал-демократия не могла обещать деревенской бедноте упрочения ее экономического положения при капитализме, но, призывая деревенскую бедноту к борьбе против царского самодержавия со всем крестьянством, за уничтожение остатков крепостничества, социал-демократия создавала условия для борьбы за второй социалистический этап революции, который действительно обеспечивал возможность социалистического переустройства хозяйств бедноты. На первом же этапе революции, как говорил Ленин, «мы не можем в этой борьбе сделать ни одного шага, не поддерживать так или иначе одной буржуазии против другой» [1].

Таким образом выступления тех большевиков, которые высказывались против социал-демократической аграрной программы, несомненно были данью их общим социал-демократическим предрассудкам, которые особенно культивировались меньшевизмом.

На Стокгольмском съезде предложения Струмилина и Лядова были отвергнуты.

3. Разделисты.

Остановимся вкратце на позиции разделистов, т. е. той группировки русской социал-демократии, которая высказывалась за раздел помещичьих земель в собственность крестьянства. Среди разделистов имелось два течения. Левое было представлено Финн-Енотаевским, Суворовым (Борисовым), правое — бундовцем Шаниным.

На вопрос, почему социал-демократия должна выдвинуть лозунг раздела помещичьих, церковных, удельных и государственных земель в собственность крестьян, разделисты отвечали следующим образом:

«Да потому, что непосредственной задачей пролетариата в России является доведение вместе с революционным крестьянством буржуазно-демократической революции до конца, потому что такой поземельной реформы требуют интересы нашего союзника-крестьянина и наконец потому, что и это является решающим с пролетарской точки зрения, что такая реформа диктуется вполне современным состоянием и дальнейшим развитием производительных сил» [2].

Основной довод разделистов в пользу раздела тот, что эта мера правильно, целиком и полностью выражает экономические тенденции русской буржуазной революции (уничтожение препятствий для развития производительных сил). С этой точки зрения программа раздела верна только отчасти. Несомненно, удар по помещичьему землевладению уничтожал экономическую основу русского крепостничества, но сохраняя старые путы на крестьянской земле (наделы и пр.), он не «разгораживал» крестьянских земель так, как это было необходимо для развития русского фермерского капитализма. В этом отношении трудовики, Крестьянский союз и само крестьянство шли значительно дальше (см. параграф о крестьянских партиях). Само крестьянство хотело уничтожения старого чересполосного землевладения, «собственности», от которой оно готово было отказаться во имя получения новых свободных земель.

«Основой раздела должна быть не старая надельная земля, распределенная между крестьянами сотню лет тому назад по воле помещичьих бурмистров или чиновников азиатской

[1] Ленин, Соч., т. XII.

[2] Финн-Енотаевский, Аграрный вопрос и с.-д.

деспотии, основой должны быть требования свободного торгового земледелия... Раздел по старым нормам, т. е. применительно к старому надельному землевладению, будет не чисткой старого землевладения, а увековечением его, не освобождением пути для капитализма, а обременением его массой неприспособленных и неприспособляемых «лежебок», которые не могут стать фермерами..., а эта новая разборка и есть национализация земли» [1].

Основной недостаток этой программы, как и черного передела, заключался в том, что она сохраняла частную собственность на землю — главную преграду на пути развития аграрного капитализма. Частная собственность на землю — причина существования абсолютной ренты. Абсолютная рента препятствует свободной конкуренции и росту производительных сил в сельском хозяйстве. Предвидя это возражение, Финн-Енотаевский говорит о том, что мелкое крестьянское «трудовое» хозяйство не получает абсолютной ренты, поэтому частная собственность на землю мелкого товаропроизводителя не является препятствием росту производительных сил.

Этот аргумент был, безусловно, неправилен. Развитие капитализма неизбежно должно было вести к концентрации землевладения и к росту абсолютной земельной ренты.

Проект разделистов был неудовлетворителен и с той точки зрения, что он узаконял частную земельную собственность, которая неизбежно являлась на определенном этапе развития капитализма излишней и вредной.

«...земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства» [2].

Раздел же, дробление, парцеллирование земельной собственности обусловило бы упадок производительных сил вместо роста их. Вот что писал Маркс об отрицательной роли мелкой крестьянской собственности в развитии производительных сил сельского хозяйства:

«Парцеллярная собственность по своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводчество в крупном масштабе, возрастающее приложение науки... Затрата капитала на покупку земли отвлекает этот капитал от культуры» [3].

Разделисты были против отмены частной собственности на землю еще и потому, что, с их точки зрения, в России частная собственность (крестьянская) на землю прогрессивнее, чем аренда. В пример они берут Ирландию, где наряду с частной собственностью на землю существовала аренда. Арендные отношения в Ирландии регулировались законодательным путем. С 1881 г. устанавливается пятнадцатилетний срок аренды. Через каждые 16 лет особая комиссия обследовала фермы и, сообразно их стоимости, устанавливала ренту, которую получали лендлорды. Это обстоятельство приводило к тому, что фермер терял заинтересованность в развитии техники своего хозяйства. Заинтересованность в понижении ренты вела к понижению уровня сельскохозяйственного производства. Сохранение лендлордистской собственности на землю являлось тормозом для развития фермерского хозяйства. Фермерское движение

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 476.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 163, изд. 1923 г.
[3] Там же, стр. 344.

развернулось на почве требования передачи земель в собственность фермерства. Является ли этот факт доказательством правильности позиции разделистов? Как говорит Ленин, этот факт показывает только несовместимость лендлордистской собственности на землю с государственным регулированием арендных отношений. Это первое. А второе — он показывает все реакционное значение частной собственности, и только.

Но раздел только отчасти выражал тенденции демократической революции (уничтожение помещичьего землевладения). В нем есть политически реакционные черты. Он не мог бы поднять крестьянство до революции, до завоевания власти потому, что он не был способен объединить крестьянское движение. Раздел земель неизбежно вызвал бы децентрализацию движения, перевес местных интересов над общекрестьянскими. Это обстоятельство конечно препятствовало бы победе крестьянской революции. Но все же раздел был прогрессивнее меньшевистских предложений (программа «муниципализации»), он был неизмеримо ближе к требованиям крестьянства.

Революционное значение раздела заключалось в том, что он разрушал помещичий строй и уничтожал экономическую основу крепостничества и основанного на нем царского самодержавия. Кроме того свободная крестьянская собственность в России была бы прогрессивнее существовавших накануне революции аграрных отношений. Уже одно только уничтожение помещичьей эксплоатации было бы могучим толчком для развития производительных сил крестьянского хозяйства.

Именно по этим соображениям Ленин и другие большевики на IV съезде голосовали за раздел после того, как большинством была принята программа Маслова — Плеханова.

К правым разделистам принадлежал Шанин. Как мы указывали выше, Шанин сводил сущность предреволюционного аграрного кризиса к агрикультурному кризису, явно не отдавая себе отчета в том, что агрикультурный кризис и был результатом чересчур затянувшегося уничтожения крепостничества. Он не понимал того, что агрикультурный кризис был выражением противоречия между развитием производительных сил и полукрепостными производственными отношениями, поэтому его характеристика русского аграрного кризиса очень близка к кадетской. Недаром кадетский профессор Кауфман, на которого часто ссылается Шанин, зачислен им по рангу марксистов. Начинать анализ русского сельского хозяйства с «производства, а не распределения», с техники, а не экономики, не с отношений собственности — могло казаться настоящим марксизмом. Кадетам это было выгодно для затушевывания истинной причины кризиса крестьянского хозяйства. В них говорил классовый инстинкт, желание сохранить «священную» собственность русского помещика. Но кадетская идеология увлекла и некоторых социал-демократов, которые попадались на удочку кадетской квазимарксистской методологии. Так же, как и кадеты, Шанин основу кризиса русского сельского хозяйства видит в его низкой технике.

«Размножившееся сельское население не может пропитаться с своей крестьянской земли, обрабатываемой самым примитивным способом... Потребности размножающегося населения переросли уровень трехполья, с его высшим урожаем сам-пять. Россия переживает ту

детскую болезнь в развитии буржуазного хозяйства, которую Европа пережила столетиями раньше ее: Франция в конце XVIII в., Англия в середине XVII» [1].

«Трагизм... русского крестьянства в том, что, оставаясь на прежней колее своего развития, оно не в состоянии перейти к высшей системе... У русского крестьянства капиталов нет. В этом отсутствии капиталов приходится искать одну из главных причин переживаемого в России сельскохозяйственного кризиса» [2].

Одна из главных причин отсутствия капиталов крестьянства — финансово-налоговая политика правительства. Самая постановка аграрного вопроса отводит Шанина от его революционного разрешения. Он приходит к заключению, что выход из аграрного кризиса возможен при двух условиях: 1) перехода главной массы помещичьих земель в собственность крестьянства без выкупа, 2) изменения финансовой политики правительства. Шанин не требует уничтожения всего помещичьего землевладения. В собственность крестьян переходят латифундии крепостников, капиталистическое помещичье хозяйство остается неприкосновенным. Получается программа чуть левее кадетской. Ни слова нет у Шанина и о методах разрешения аграрного вопроса: реформа или революция? Хотя в одном месте его брошюры и проскальзывает очень туманная мысль о крестьянской революции, но если взять в целом шанинскую концепцию, то она, несомненно, предполагает реформистский путь, а не революционный. Как говорит Ленин:

«Он указал правильный путь столыпинской аграрной реформе, а не крестьянской аграрной революции» [3].

Без уничтожения самодержавия, без завоевания власти в революции, о чем молчит Шанин, превращалось в утопию и наделение крестьян землею без выкупа.

«Это все равно, что подавать прошение Столыпину об уничтожении помещичьего землевладения» [4].

Шанинскую точку зрения не поддерживали даже сторонники раздела и именно потому, что ее реформизм был слишком ясен.

4. Меньшевистская муниципализация земли.

В противовес выдвинутой Лениным программе национализации земли, которую меньшевики встретили бешеной критикой, ими была выставлена программа муниципализации земли. Автором проекта муниципализации был Маслов. С защитой его в качестве содокладчика по аграрной программе выступал Плеханов и ряд других меньшевиков. Маслов со своим проектом муниципализации выступал еще накануне II съезда партии, но тогда он не встретил такой поддержки, как на IV съезде среди меньшевиков. Первоначальный проект, составленный Масловым, сводился к следующему:

«В интересах защиты мелких собственников (а не развития мелкой собственности) для уничтожения крепостнических кабальных отношений, мешающих свободному развитию демократического строя, и для облегчения пролетариату классовой борьбы в деревне рабочая партия будет добиваться:

---

[1] «Муниципализация или раздел в собственность», Вильна 1907 г.

[2] Там же.

[3] Ленин, Соч., т. XI, стр. 386.

[4] Там же, стр. 387.

1) отмены всех сословных стеснений крестьян и крестьянской собственности;

2) отмены всех платежей, связанных с сословной обособленностью крестьян;

3) конфискации церковных, монастырских и удельных земель и передачи их во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населением;

4) уничтожения долговых обязательств, носящих кабальный характер;

5) передачи частновладельческих земель (крупное землевладение) во владение самоуправляющихся крупных областных организаций. Минимальный размер подлежащих о т ч у ж д е н и ю земельных участков определяется областными народными представительствами» [1].

Как видим, проект Маслова заключал следующие три программных требования: 1) конфискации церковных, монастырских и удельных земель и передачи их во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населением, 2) передачи частновладельческих земель (крупное землевладение) во владение крупных областных организаций, 3) уничтожения всех сословных стеснений крестьянства. Таким образом тут совмещались три вида собственности: 1) частичная национализация, 2) муниципализация, 3) частная собственность на землю средних и мелких землевладельцев.

Вопрос о форме экспроприации крупного землевладения оставался открытым, так как в масловском проекте фигурирует термин «отчуждение», который допускает различное разрешение этого вопроса, вплоть до выкупа.

На съезде этот проект был представлен в измененном виде с поправками Плеханова, Дана и Кострова (Жордания). После обсуждения он был принят небольшим большинством голосов (62 против 42, воздержавшихся—7) в несколько измененном виде с целым рядом поправок. Основные изменения сводились к тому, что вместо национализации церковных, монастырских, кабинетских и удельных земель проводится принцип их муниципализации (передача крупным органам местного самоуправления, объединяющим городские и сельские округа). Национализация остается как очень узкая частичная мера. Сохраняется в программе требование передачи во владение государства только переселенческого фонда, лесов и вод общегосударственного значения. Вопрос о собственности на конфискованные земли (кроме земель мелких землевладельцев) остается открытым, так как здесь муниципализация проводится очень туманно, как передача этих земель «в распоряжение» (вместо «владения») крупных органов местного самоуправления. Собственность в мелком землевладении остается неприкосновенной.

В добавление к программе была принята тактическая резолюция, в которую внесен и программный вопрос о том, что при неблагоприятных условиях развития революции РСДРП высказывается за раздел между крестьянами тех земель, «на которых фактически ведется мелкое хозяйство или которые составляют необходимые для его округления «угодья» [2].

В принятой съездом программе нет единого решения аграрного вопроса. Здесь есть и национализация, и муниципализация, и сохранение частной собственности на землю и даже раздел части помещичьих земель—на самый худой конец революции.

---

[1] «Протокол» IV Объединительного съезда, стр. 364., Гиз, 1926 г.

[2] Там же, стр. 341.

В основе масловского проекта муниципализации, несомненно, лежало совершенно неправильное понимание аграрной проблемы в России.

Все основные противоречия в деревне Маслов объяснял не наличием крепостнического хозяйства и его остатков, а аграрным перенаселением. Сущность кризиса крестьянского хозяйства, по Маслову, сводилась к аграрному перенаселению и падению вследствие этого производительных сил крестьянского хозяйства.

Маслов не понимал, что каждому способу производства соответствует свой закон роста народонаселения. В частности, он не понимал того, что крепостному хозяйству было свойственно крайнее дробление земель, малоземелье и связанное с ним аграрное перенаселение. Вместо того чтобы наличием крепостного хозяйства объяснить аграрное перенаселение, крестьянское малоземелье и пр., Маслов из аграрного перенаселения выводил и помещичью эксплоатацию, и крестьянскую нищету и пр., т. е. чисто по-мальтузиански объяснял сущность аграрного кризиса в предреволюционной России.

«Благоприятные естественные условия для земледельческого хозяйства (плодородная земля) при неблагоприятных общественных условиях не гарантируют население от тяжелого экономического положения. Отсутствие обрабатывающей промышленности в Центральном черноземном районе открывает полную возможность для развития перенаселения в самой обостренной форме. Земледельческое население, не умея найти других заработков кроме земледелия, или платит «голодную» повышенную арендную плату соседним землевладельцам и нанимается за чрезвычайно низкую плату на земледельческие работы на месте, или отправляется в поиски за земледельческой работой на окраины и т. д.» [1].

Как видим, закабаление крестьян помещиками Маслов объясняет лишь тем, что земледельческое население не может найти других заработков.

Для Маслова основным является не ликвидация крепостничества, а именно — ликвидация малоземелья и аграрного перенаселения, взятых сами по себе. Поэтому Маслов делает вывод, что для центрально-черноземных губерний выходом из кризиса крестьянского хозяйства было бы расширение крестьянского землепользования, для губерний юго-востока, севера и Сибири «крестьянский вопрос» является исключительно вопросом «правопорядка» [2]. Как и все меньшевики, Маслов отрицал задачи пролетариата по руководству крестьянством.

Не веря в возможность руководства пролетариата крестьянством, не веря в возможность создания Временного революционного правительства, т. е. революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, меньшевики даже не ставили перед собой задачи овладеть центральной властью. Они даже не верили в возможность свержения самодержавия.

Поэтому, ориентируясь на то, что центральная власть может остаться в руках помещиков, меньшевики надеялись лишь на то, что либеральная буржуазия завладеет местными самоуправлениями. И вот этим-то «демократическим местным управлениям», по проекту меньшевиков, и нужно было передать часть конфискованной земли.

---

[1] Маслов, Аграрный вопрос в России, изд. «Дело», М. 1917 г.

[2] Там же, стр. 331.

Несомненно, на меньшевиков оказали свое влияние идеи муниципального социализма (фабианцы в Англии), который исходит из представления о возможности введения социализма по частям — через местные самоуправления.

Подобную политику проводит современная европейская социал-демократия.

Многие меньшевики (Костров, «знаменитый» Ной Жордания, Ларин) откровенно заявляли, что муниципализация имеет много общего с муниципальным социализмом.

Хотя Маслов и говорит, что в муниципализации земли нет ни грана социализма, он в то же время доказывает, что рента в муниципалитетах будет использовываться в интересах пролетариата и бедноты.

Маслов приводит данные бюджетов центрального правительства и местных самоуправлений разных стран. Особенно характерна оценка расходов Лондонского муниципалитета.

«Здесь самую крупную статью расхода составляет содержание бедных и пособие бедным, затем следует народное образование, жалованье служащим, расходы на улицы, подметание пыли, мосты и пр.» [1].

Чем не социализм в деятельности Лондонского муниципалитета?

«Здесь господствует буржуазия и конечно (!) она плохо заботится об интересах большинства населения, но все-таки затраты города Лондона нельзя и сравнивать с затратами государства Англии, потому что главная часть государственных расходов Англии употребляется на организацию орудий классового господства буржуазии, на армию и флот».

Таким образом русские меньшевики тоже считали, что в самоуправлениях будет возможно использование ренты в интересах пролетариата и бедноты. Это выдает с головой мелкобуржуазных демократов-меньшевиков. Луи Бланы русской революции забыли, что у власти будет буржуазия в лучшем случае, а «на худой конец» — та же чиновничья бюрократия царского правительства.

Как видим, муниципализация меньшевиков непосредственно приводила к идеям муниципального социализма. Таким образом и в этой части меньшевики выступали не в качестве представителей пролетарского, научного социализма, а как проводники идей мещанского социализма.

Не выдерживает масловская муниципализация критики и с точки зрения «расчистки земель» для капитализма. Согласно масловскому проекту, передаче в распоряжение местных самоуправлений подлежали лишь земли помещиков, церквей, монастырей и т. д., крестьянские же надельные земли со всеми деревенскими средневековыми отношениями, общиной, чересполосицей и пр. должны были остаться без изменения. Таким образом муниципализация земли исключала ту действительную чистку земли для капитализма и то разгораживание земель, которые могла дать только национализация. Далее, и самый процесс развития капитализма при муниципализации несомненно был бы гораздо ближе к прусскому пути развития, чем к американскому. На муниципализированных землях должны были бы развиваться хозяйства крупных капиталистических предпри-

[1] «Образование», кн. 3, 1907 г., стр. 103.

нимателей, именно тех арендаторов, которым, по проекту Маслова, муниципалитеты должны были сдавать эти земли [1].

Нужно сказать, что Маслов отрицательно относился к раздроблению крупного хозяйства. Он считал, что

«раздробление земли укрепит мелкое производство и укрепит мелкое хозяйство» [2];

и, как писал один из его сторонников,

«что раздел земли увлечет рабочих обратно на землю» [3].

Уже из этого видно, что широкие крестьянские массы от муниципализации ничего не получили бы.

Находившееся в путах полукрепостнического надельного землевладения мелкое крестьянское хозяйство должно было бы развиваться так же, как и при прусском типе капиталистической эволюции: наиболее медленным и мучительным путем, путем медленного разорения, обнищания основной крестьянской массы и постепенного собирания надельных земель в руках сельской буржуазии. Ясно, что муниципализация не могла обеспечить быстрого развития производительных сил, как это могла сделать национализация.

Далее, муниципализация целиком сохраняла частную собственность на немуниципализированные земли.

Нужно сказать, что Маслов не придавал значения различным формам собственности, в частности, частной собственности на землю. Маслов, как известно, отрицает учение Маркса об абсолютной ренте. Ошибка Маслова по вопросу о ренте сводится к смешению абсолютной и диференциальной ренты. Отсюда совершенно понятно, почему Маслов обходит вопрос о том, какое значение для развития капитализма имеют различные формы собственности на землю. Сохранение мелкой собственности, с неизбежной концентрацией земли и ростом абсолютной ренты, послужило бы препятствием для развития капитализма в области сельского хозяйства.

Таким образом, допуская смешанные формы земельной собственности: и муниципальную собственность, и частную мелкую собственность, и частично даже государственную собственность [4], масловский проект муниципализации

---

[1] Ясно, что муниципализированные земли остались бы исключительно в руках крупных землевладельцев. Сам Маслов на этот вопрос отвечает следующим образом: «Переход части земель в распоряжение местного самоуправления решает первый вопрос: кто пользуется землей, тот и платит. Бесхозяйственный городской и деревенский житель не могут платить ренты, поэтому не могут и пользоваться землей» («Образование» № 5, 1905 г., стр. 38). Таким образом по масловской аграрной программе, в результате революции должно остаться: 1) мелкое, средневековое, пауперское крестьянское хозяйство, 2) крупное капиталистическое хозяйство на муниципализированных землях.

[2] Маслов, К вопросу об аграрной программе.

[3] М. Валентинов, Аграрный вопрос и рабочая партия, «Правда», кн. 2, 1906 г., стр. 37.

[4] Нужно сказать, что против воли меньшевиков идея национализации проскакивала даже и в их проект программы. Национализация нелегально проскакивает даже в программу, принятую IV съездом. Что означает «распоряжение, которое выпадает на долю самоуправлений? Ларин на съезде говорил, что каждая область будет решать вопрос о собственности самостоятельно. А вот комментарий меньшевистской программы, очевидно, для массовой агитации:

фактически останавливался в «чистке земель» для капитализма на полдороге.

Маслов даже не понимал задач чистки земель для капитализма и уничтожения абсолютной ренты, которая препятствует развитию капитализма.

«Чрезвычайно наивен будет тот читатель, который поверит Оленеву [1], что теория Маркса «позволяет» внести в программу только требование национализации земли, т. е. затраты земельной ренты (все равно назвать ли ее абсолютной или дифференциальной (разрядка наша — *Ред.*) на армию и флот, и что эта теория не допускает муниципализации земли, т. е. затраты ренты на потребности населения» [2].

Как видим, Маслов подходит не с точки зрения уничтожения частной собственности на землю, что должно было обеспечить наиболее быстрое развитие капитализма, а исключительно с точки зрения распределения, именно: использования ренты на потребности населения.

Не выдерживает никакой критики муниципализация и с точки зрения руководства пролетариата крестьянством, с точки зрения мобилизации крестьянства на борьбу против самодержавия и всего помещичьего строя. Безусловно, муниципализация земли является верной гарантией неудачной революции. Она неспособна организовать крестьянское революционное движение. Крестьянству, жаждущему земли, желающему распоряжаться своими и помещичьими землями, при этой программе предлагается арендовать эту землю у самоуправления.

Между тем большевики выдвигали требование создания крестьянских комитетов для захвата земель. При муниципализации помещик заменялся капиталистическим арендатором. Ясно, что при этих условиях крестьянин совершенно не поддержал бы борьбы против попыток реставрации, наоборот, муниципализация как раз облегчала эту реставрацию. Во-первых, при муниципализации остается старая грань между крестьянскими и бывшими помещичьими землями, во-вторых, капиталистический арендатор, в расчете на которого строится меньшевистская программа, легко может быть заменен старым владельцем, и, в-третьих, крестьянство не поддержит в этом случае борьбы против реакции, так как земля будет в распоряжении не местных крестьянских организаций, а чужих ему крупных самоуправлений.

Ясно, что меньшевистская программа муниципализации была рассчитана на неполную победу революции, именно на то, что может сохраниться в центре помещичья царская власть, тогда как будто бы могут существовать независимые от этой помещичьей власти местные демократические самоуправления. В программе Маслова сказано: «демократическое государство». Что значит это «демократическое государство»? Вопрос так и остается неясным. Когда на съезде большевики вносили поправку к меньшевистскому проекту, предлагая

в статье «Земельная программа рабочей партии» («Наше дело» № 1, 1906 г.) основные начала аграрной программы формулируются так: «Вся земля — всему народу». Земля народному государству, народное государство передает ее самоуправлениям в «непосредственное распоряжение». Неискушенные в масловской теоретической путанице меньшевики-практики яснее понимают экономическую целесообразность национализации земли, чем теоретики-вожди.

[1] Оленев выступил против Маслова с критикой его теории ренты («Образование», январь 1907 г., «О теоретических основах муниципализации земли»).

[2] «Образование», книга 3, 1905 г., стр. 103.

заменить «демократическое государство» другой точной формулировкой — «демократическая республика», — меньшевики эту поправку отвергли, причем Новоседский прямо сказал, что бывает разная степень демократизации (см. Протоколы) [1].

Не могло быть и речи о том, чтобы меньшевистская муниципализация явилась гарантией от реставрации, наоборот, сама муниципализация являлась гарантией полного провала и полной неудачи революции.

Поэтому Ленин характеризовал объективный смысл меньшевистской программы как кадетское увиливание от борьбы за победу революции.

Как мы убедимся дальше, меньшевики, исходя из своей теории о возможности создания демократического местного самоуправления при наличии центральной помещичьей власти, главные усилия в 1905 г., особенно на Кавказе, сосредоточивали на захвате местных самоуправлений. Ясно, что эта тактика терпела полное фиаско. Правительство, сохранявшее в своих руках всю власть, полицию и войска, посылало карательные отряды и немедленно же ликвидировало эти, созданные меньшевиками, местные самоуправления. Опыт революции целиком опроверг расчеты меньшевиков на возможность создания каких-то независимых от царского правительства местных самоуправлений, которые овладели бы землями помещиков, в руках которых находилась центральная власть. Таким образом меньшевистский проект муниципализации являлся ублюдочным, реформистским и к тому же утопическим, неосуществимым проектом. Если бы победила революция, то крестьяне не остановились бы на муниципализации. Как об этом свидетельствовали требования крестьянского союза, трудовиков и т. д., крестьяне стояли за национализацию земли. При победе же реакции, как это и доказал опыт столыпинщины, ни о каком отчуждении помещичьих земель, хотя бы даже и за выкуп, не могло быть и речи. Таким образом меньшевистская программа была несостоятельна ни для эпохи революции, ни для эпохи реакции.

5. Аграрная программа большевиков и ленинское требование национализации земли.

Национализация земли означает изъятие земли из частной собственности в собственность государства. В настоящее время в СССР проведена национализация земли. После победы социалистической революции национализация земли является одним из условий, обеспечивающих успешное строительство социализма в области сельского хозяйства. Однако национализация земли имеет решающее значение не только после социалистической революции. В условиях капиталистического строя национализация земли обеспечивает наиболее прогрессивное, наиболее быстрое развитие капитализма в земледелии.

В отличие от других форм собственности земельная собственность, как указывал Маркс, могла быть отменена на определенных ступенях капиталистического развития.

«Поземельная собственность, в отличие от всех других форм собственности, уже на известной ступени развития капиталистического способа производства является излишней

[1] См. также гл. VI наст. тома. — *Ред.*

и вредной с точки зрения самого этого производства. Капиталистическое производство совершенно отделяет землю как орудие труда от поземельного собственника и земледельца; она представляет для землевладельца лишь определенный денежный налог, взимаемый им благодаря своей монополии с промышленного капиталиста, арендатора» [1].

Именно потому, что частная собственность на землю и связанная с ней абсолютная рента являются препятствием для капиталистического способа производства, требование национализации земли выдвигалось даже отдельными представителями буржуазии. Программа национализации земли была выдвинута в XIX в. буржуазными экономистами, последователями Рикардо. Как Маркс писал против Прудона:

«Мы понимаем, почему экономисты, как Милль (старший, а не его сын Джон Стюарт, который тоже повторяет это, несколько видоизменив), Шербюлье, Хильдич и др. выставляли требование передачи ренты для уничтожения налогов. Это — неприкрытое выражение ненависти, питаемой промышленным капиталистом против землевладельца, который кажется ему бесполезной, ненужной вещью в механизме буржуазного производства» [2].

В 40-х годах XIX в. американский экономист Генри Джордж выдвинул идею национализации земельной ренты, считая эту идею социалистической, ведущей к уничтожению нищеты масс. В Англии его последователями были фабианцы.

В условиях капитализма национализация земли означает уничтожение абсолютной ренты, т. е. той дани, которую взимают землевладельцы с других классов общества.

Абсолютная рента есть следствие наличия частной собственности на землю.

«В этой ренте есть элемент монополии, элемент монопольной цены. Частная собственность на землю мешает свободной конкуренции, мешает выравниванию прибыли, образованию средней прибыли в земледельческих и неземледельческих предприятиях, так как в земледелии техника ниже, строение капитала отличается большей долей переменного капитала, по сравнению с постоянным, чем в промышленности, то индивидуальная стоимость земледельческого продукта выше средней. Поэтому частная собственность на землю, задерживая свободное выравнивание прибыли в земледельческих предприятиях наравне с неземледельческими, дает возможность продавать земледельческий продукт не по высшей цене производства, а по еще более высокой индивидуальной стоимости продукта (ибо цена производства определяется средней прибылью на капитал, а абсолютная рента не дает образоваться этой «средней», монопольно закрепляя более высокую, чем средняя, индивидуальную стоимость)» [3].

Сохранение частной собственности на землю приводит к тому, что прежде чем вложить капитал в сельское хозяйство, земледелец должен вкладывать его на покупку или аренду земли. Отсюда абсолютная рента, поступая в доход паразитического класса землевладельцев, есть громадный источник отвлечения средств от производительного потребления. Национализация земли есть уничтожение абсолютной ренты, а отсюда и создание более благоприятных условий для развития капитализма в сельском хозяйстве. С точки зрения буржуазного способа производства ленинская программа национализации земли является самой радикальной буржуазной мерой.

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 157.

[2] Письмо к Зорге, 1881 г.

[3] Ленин, Соч., т. IX, стр. 192.

Требование национализации земли, являясь прогрессивной мерой с точки зрения развития капитализма, однако не могло быть осуществлено буржуазией, особенно в более передовых странах, именно потому, что в эпоху высокоразвитого капитализма происходит закрепление земельной собственности за буржуазией через ипотеки, банки и т. д. Поэтому буржуа, господству которого уже начинает грозить пролетариат, не решается нарушить земельную собственность, чтобы не потрясти основы собственности вообще.

Разбирая вопрос о фермерском движении в Англии, Маркс пишет о том, что фермеры не могут уплачивать ренты лендлордам,

«но тем не менее они еще не осмеливаются стать в позу смелого мужества ввиду того, что и сами они с своей стороны подвергаются нападкам деревенского «рабочего класса» [1].

В «Теориях прибавочной стоимости» (том II, ч. I) Маркс пишет:

«Поэтому радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него нехватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы» [2].

Поэтому в высокоразвитых странах национализация земли возможна лишь в условиях социалистической революции. Более того, как указывает программа Коммунистического Интернационала, принятая VI конгрессом в 1928 г., требование национализации не может быть сразу выдвинуто пролетарской диктатурой в таких высокоразвитых странах, как Америка, Германия, Франция и пр., где особенно укрепилась и мелкая крестьянская земельная собственность. Здесь национализация земли могла бы сразу оттолкнуть от пролетарской диктатуры широкие слои мелкого и отчасти среднего крестьянства, нейтрализация которого (среднего крестьянства) является одной из задач пролетариата и коммунистических партий в период борьбы за социалистическую революцию. В этих высокоразвитых странах пролетарская власть может подойти к национализации земли лишь через целый ряд посредствующих мероприятий, первоначально может быть конфисковано лишь крупное землевладение и крупные хозяйства.

Совсем по-иному стоит вопрос о национализации земли в странах с остатками феодально-крепостнических отношений. Здесь национализация земли является условием наиболее успешной ликвидации этих остатков крепостничества. В эпоху демократической революции национализация земли создает благоприятные условия для капиталистического способа производства, а после социалистической революции эта же национализация создает условия для некапиталистического пути развития сельского хозяйства.

В 1905 г. до демократической революции требование национализации земли было самым радикальным требованием. Как мы указывали выше, совершенно не случайно крестьянство в постановлениях Крестьянского союза, в требовании наиболее радикальной крестьянской партии — партии трудовиков, высказалось за национализацию земли.

---

[1] Маркс, Письмо к Николаю — ону, стр. 27.

[2] Цит. по Ленину, Соч., т. XI, стр. 413.

Меньшевики и в 1905 г. и даже на IV съезде утверждали, что крестьянство не захочет национализации земель.

«Национализация всех земель и крупного и мелкого землевладения... безнадежна и утопична. Мелкие землевладельцы-крестьяне посмотрели бы на это как на попытку отобрать у них землю и вернуть крепостное право» [1].

Тот же мотив приводит большинство меньшевиков и на IV съезде. Боязнь Вандеи, крестьянского восстания — одно из соображений против национализации. Но когда жизнь показала, что крестьянство стоит за национализацию земли, меньшевикам пришлось объяснить, почему это так. Тот же Маслов вынужден отказаться от своей старой точки зрения в этом вопросе.

«Мелкий собственник больше всего боится конкуренции и господства крупного собственника, господства капитала. Не будучи в состоянии бороться с капиталом на экономической почве, мелкий собственник возлагает надежды на правительственную власть, которая должна притти на помощь мелкому собственнику против крупного... Если русский крестьянин в течение веков надеялся на защиту центральной власти против помещиков и чиновников, если во Франции Наполеон, опираясь на крестьян, задушил республику, то сделал это благодаря надеждам крестьянства на центральную власть... Чтобы устоять в классовой борьбе, мелкому собственнику приходится надеяться на защиту правительства, потому «что надеяться больше не на что» [2].

Ошибочность этих рассуждений указал Ленин, подчеркнув необходимость отличать борьбу мелкого собственника против крупного собственника от борьбы крестьянства как класса эпохи крепостничества против крепостников. Маслов не понимал именно этого характера крестьянской борьбы.

В ответ на ленинское требование национализации земли меньшевики и в частности Плеханов выдвинули обвинение в народничестве. Ленинское отступление от марксизма, по мнению Плеханова, выразилось, во-первых, в выставлении им «утопического» лозунга завоевания власти в революции, во-вторых, в признании необходимости национализации земли. Последняя, по мнению Плеханова, граничит у Ленина с эсеровской социализацией.

Это обвинение показывает, что Плеханов не понимал прежде всего даже эсеровской социализации, которая в действительности являлась выражением наиболее последовательной и решительной ломки старого полукрепостного землевладения. Он не понимал того, что и национализация земли не была социалистической мерой, а лишь той революционной мерой, которая обеспечивала наиболее полное и прогрессивное развитие капитализма.

К чему в свое время сводилась позиция народников в вопросе о судьбах капитализма в России? Исходным пунктом социалистического переустройства русского общества у народников была, как известно, община, строящая социализм «сама из себя», вне зависимости от конкретной исторической обстановки. Народник не хотел видеть действительности. Капитализм разорял общину, народник говорил о силе «народных» общинных устоев, о силе «социалистического народного духа».

На очереди в России стояла буржуазно-демократическая революция, народник говорил об уравнительности, о равенстве. Как говорит Ленин:

---

[1] «Образование» № 5, 1905 г., стр. 37, прим.

[2] «Образование» № 3, 1907, стр. 100.

«В народнике проявляется типичная ограниченность буржуазного революционера, не видящего капиталистических свойств создаваемого им нового общества»... «Этот идеолог крестьянства стоит на типической точке зрения французского просветителя XVIII века. Он не понимает исторической ограниченности, исторически определенного содержания е г о (разрядка наша.— *Ред.*) справедливости» [1].

Национализация земли, которую защищали большевики, как мы видели, была мерой, обеспечивающей быстрое, американское развитие капитализма. И если требование национализации земли выдвигали и народники, то Ленин очищал его от всякого фетишизма, вскрывая его буржуазную сущность. В представлении народников эта мера вела к развитию социализма, уничтожению классовой борьбы и неравенства, для большевиков было ясно, что она будет способствовать развитию капитализма и усилению классовой борьбы. Национализация земли в момент буржуазно-демократической революции в России уничтожала не только помещичью собственность на землю, но и все остатки средневековья в деревне, в том числе и старую средневековую общину, которая задерживала развитие производительных сил сельского хозяйства.

«Община неизбежно будет уничтожена капитализмом. Столыпин чувствует это и разрушает по-черносотенному. Крестьяне чувствуют это и хотят разрушать по-крестьянски или революционно-демократически». «Национализация уничтожает пережившую себя общину»,

повторяет Ленин. А меньшевики, обнаруживая полное непонимание задач революции и роли классов в ней, говорят об эсерстве большевиков.

Насколько меньшевики и в частности Плеханов не понимали действительной сущности национализации земли, показывает его утверждение о том, что национализация, предлагаемая Лениным, будто бы имела место при «азиатском» способе производства в восточных странах и в Московской Руси [2].

Нужно сказать, что Плеханов, как мы видели, в вопросах исторического развития вообще и в частности исторического развития России стоял на буржуазно-либеральной точке зрения. Не понимая сущности феодализма и крепостничества в России, он представлял последнее — как

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 472.

[2] «Традиции Московской Руси», к которым апеллировал Плеханов, не помешали Столыпину насаждать крестьянские хутора, а Николаю II возвещать о крестьянской собственности на землю.

18 января во время приема депутации крестьян Щигровского уезда Курской губернии царь обратился к депутатам со следующею речью:

«Я очень рад вас видеть; вы, братцы, конечно, должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно, то, что принадлежит помещику, принадлежит ему, то что принадлежит крестьянину, принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам. Иначе не может быть и тут спора быть не может. Я желаю, чтобы вы передали это своим односельчанам. В моих заботах о вас я не забуду крестьян, ваши нужды мне дороги и я об них буду заботиться постоянно, так же, как об них заботился мой покойный отец. Созывается Государственная дума и совместно со мною она обсудит, как это лучше решить. На меня вы все можете рассчитывать. Я вам помогу, но, повторяю, помните всегда, что право собственности свято и должно быть неприкосновенно».

(Полное собрание речей императора Николая II, изд. «Друг народа», 1906 г., стр. 70.)

результат закрепощения сословий государством. Дореволюционное же государство Плеханов понимал не как диктатуру крепостников, а как надклассовое государство.

«У нас дело сложилось так, что земля вместе с землевладельцами была закрепощена государством (?), и на основании этого (?) закрепощения развился русский деспотизм» [1].

Вместо анализа русского дореформенного способа производства как феодально-крепостнического, он говорил о каком-то особом «азиатском способе производства». Вместо анализа русской деспотии как диктатуры крепостников, он рассматривал ее как азиатскую надклассовую власть, образовавшуюся на основе закрепощения государством сословий.

Нам кажется, что Маркс употреблял термин «азиатский способ производства» для определения тех способов производства, которые в определенное время и в определенную эпоху применялись восточными народами. Отсюда, по-нашему, следует, что никакого особого «азиатского способа производства» нет. До сих пор нет исследования о каких-либо особых классовых отношениях, соответствующих «азиатскому способу производства».

А между тем в период, когда троцкисты обосновывали свои позиции по вопросу о китайской революции, они выдвинули теорию «азиатского способа производства» для того, чтобы отрицать наличие остатков феодализма в восточных странах и в частности в Китае.

В качестве основных признаков «азиатского способа производства» троцкисты выставляли национализацию земли, водоснабжение и наличие бюрократической надклассовой деспотии.

Однако совершенно ясно, что национализация земли так же, как и водоснабжение, может иметь место при самых различных способах производства.

Троцкисты пытаются как раз опереться отчасти и на Плеханова. Между тем Ленин уже тогда, на IV Объединительном съезде, высмеял исторические воззрения Плеханова, назвав их «утрировкой либерально-народнических взглядов», «утрировкой либерально-народнического взгляда на Московскую Русь». Ленин в корне расходился с Плехановым в понимании русского феодализма, а также в понимании крепостного хозяйства и диктатуры крепостников. Расходился он с Плехановым и по вопросу о существовании в допетровской России национализации земли. «Говорить о национализации земли в допетровской России, — возражал Ленин, — серьезно не доводится; сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко. Эти либерально-народнические взгляды были затем с наибольшей полнотой развиты Плехановым в его работе «История русской общественной мысли».

Не выдерживает никакой критики утверждение Плеханова о том, будто бы ленинское предложение национализации земли являлось «элементом китайщины». Ленин доказал всю абсурдность заявлений Плеханова о том, что введение национализации земли в условиях капитализма могло бы реставрировать

---

[1] Протоколы Объединительного съезда РСДРП в Стокгольме в 1906 г., содоклад Плеханова, стр. 40—41.

«азиатский способ производства». Он указывал, что из собственной же аргументации Плеханова вытекает

«реставрация Московской Руси, т. е. реставрация азиатского способа производства, т. е. чистейшая бессмыслица в эпоху капитализма» [1].

Однако бессмыслицей является не только это противопоставление, но и самое утверждение Плеханова об «азиатском способе производства» в Московской Руси.

Таким образом никакой критики не выдерживает утверждение Плеханова о том, будто у крестьян сложилась особая психология, содействующая успеху агитации за национализацию земли. Что дало революционерам возможность влиять на крестьянство?

«Я отвечаю: психология крестьянства, исторически сложившаяся на почве очерченной мною национализации земли» [2],

заявляет Плеханов. Как видим, он вынужден для доказательства реакционности крестьянской идеи национализации земли прибегать к ошибочным буржуазно-помещичьим, историческим теориям, «объясняющим» психологию крестьянства.

Также никакой критики не выдерживали возражения меньшевиков и в частности Плеханова против национализации земли по линии гарантий от реставрации. Этот мотив был у меньшевиков общим с кадетами. Даже кадеты и те пытались защищать реформистский путь развития русского хозяйства тем доводом, что революция не гарантирует от реставрации, а раз так, раз реставрация неизбежна, то ни к чему и революция.

Этот же довод был очень распространен и среди социал-демократии. С ним выступали против национализации земли и разделисты (Финн-Енотаевский) и муниципалисты (Маслов, Плеханов, Костров).

Главным противником национализации и главным защитником «гарантий от реставрации» был Плеханов. По его мнению, национализация земли облегчит реставрацию. Он заявлял:

«Ленин говорит: «мы обезвредим национализацию», но чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантии от реставрации, а такой гарантии нет и не может быть. Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы в случае своего осуществления довести до минимума вред, который может принести реставрация. Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы. Поэтому я считаю требование национализации антиреволюционным требованием» [3].

То же самое, с резким подчеркиванием реакционности национализации земли, Плеханов повторяет в «Дневнике социал-демократа» № 5.

Что же является гарантией от реставрации? Ленин ставит этот вопрос так:

«В чем состоит экономическая основа реставрации на базисе капиталистического способа производства, т. е. не юмористической «реставрации Московской Руси», а реставрации по типу французской XIX века? В положении мелкого товаропроизводителя во всяком капита-

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 426.

[2] Плеханов, Соч., т. XV.

[3] Протоколы IV съезда.

листическом обществе. Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия, но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе» [1].

В этом случае национализация земли, связанная с полной победой демократической революции, национализация, уничтожающая все старое землевладение, победа революции, изменяющей весь политический строй, является относительной гарантией от реставрации.

Ленин предвидел, что после проведения национализации земли крестьянин мог потребовать передачи земли в собственность.

«Реальной экономической потребностью, которая заставляет массу крестьянства добиваться национализации, является необходимость коренным образом обновить все старые отношения землевладения, «очистить» все земли, приспособить их заново для нового, фермерского хозяйства. Раз это так, то ясно, что приспособившиеся фермеры, обновившие все землевладение, могут потребовать закрепления этих новых земельных распорядков, т. е. превращения арендованных ими у государства участков в собственность» [2].

Как пишет Ленин, крестьянин мог бы повернуться и против пролетариата.

В таком случае единственной гарантией являлся бы раскол крестьянства. При созревании предпосылок для социалистической революции пролетариат должен был бы опереться на деревенскую бедноту, нейтрализовать середняка и разгромить кулака.

Ленин ставил вопрос о национализации земли исторически, именно он рассматривал ее как способ доведения до конца буржуазно-демократической революции, которая затем обеспечила бы возможность перерастания демократической революции в социалистическую.

«Пролетариат может и обязан поддерживать буржуазию воинствующую, когда она ведет действительно революционную борьбу с феодализмом. Но не дело пролетариата — поддерживать буржуазию успокаивающуюся. Если несомненно, что победоносная буржуазная революция в России невозможна без национализации земли, то еще более несомненно, что последующий поворот к разделу невозможен без некоторой «реставрации», без поворота крестьянства (вернее, с точки зрения предполагаемых отношений: фермерства) на сторону контрреволюции. Пролетариат будет отстаивать революционную традицию против всех таких стремлений, а не помогать им» [3].

Сама по себе национализация должна была дать толчок тому развитию капитализма, при котором быстро созрели бы условия для перерастания демократической революции в социалистическую.

Когда после Октябрьской революции пролетариат осуществлял национализацию, — она содействовала уничтожению всех остатков полукрепостного землевладения.

6. Руководство большевиков крестьянским движением в 1905 г.

Вся большевистская аграрная теория и обоснованная ею аграрная программа были прежде всего руководством к действию. Партия активно руководила крестьянским движением, правильно освещая и направляя борьбу

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 189.

[2] Ленин, Соч., т. XI, стр. 415.

[3] Там же, стр. 416.

как при посредстве печати, и прежде всего статей Ленина, так и через партийный агитационно-пропагандистский аппарат, выпуск соответствующих воззваний, обращений и пр.

Непосредственно после январских дней 1905 г. тогдашний Центральный комитет партии — примиренческий — выпустил листок: «Крестьяне, к вам наше слово». В этом листке говорится о положении пореформенного крестьянства и об условиях его «освобождения», о русско-японской войне и налагаемом ею на трудящихся бремени; яркими красками рисуются события 22 (9) января и выясняется их политическое значение. Листок призывает крестьян «словом и делом поддержать городских рабочих» и дает ряд конкретных указаний, как это сделать. Крестьянам рекомендуется: 1) собирать мирские сходы и заявлять на них открыто о необходимости созыва Учредительного собрания, свободно выбранного всем народом; постановления свои передавать в города для напечатания в листках и газетах; 2) заявлять на сходах, что «солдаты, дети народа, живущие на счет народа, не смеют стрелять в народ»; рассылать такие заявления всем солдатам своего села; 3) постановлять на сходах об отказе платить царскому правительству подати и налоги и нести натуральные повинности; посылать своих людей из села в село, сговариваться целыми уездами и губерниями; 4) готовиться вместе с рабочими к «последнему решительному бою с вражьей силой царского правительства».

«Сговаривайтесь, соединяйтесь, вооружайтесь! Когда начнется в соседних городах решительная борьба, снимайтесь с места целыми селами и деревнями и направляйтесь в города. Заполняйте городские улицы, поддерживайте ваших братьев — городских рабочих... Когда вы присоединитесь к городским рабочим, ничто не устоит против такой силы. Ваш союз означает победу революции. А победа революции означает свободу и лучшую долю для всего народа» [1].

В апреле месяце Центральным комитетом была выпущена новая прокламация («Новые царские милости») по поводу царского рескрипта Горемыкину. Рескрипт был дан после закрытия особого совещания под председательством Витте (10 марта — 12 апреля). В этом рескрипте говорилось об

«упрочении земельного строя крестьян при непременном условии охранения частного землевладения от всяких на него посягательств» [2].

В прокламации так же комментировался указ 10 апреля (23 апреля) об имущественной ответственности крестьян за убытки, причиненные помещикам крестьянским движением. Помимо положений, развитых в предыдущем листке, прокламация содержала призыв к крестьянам требовать прекращения войны и не отпускать на войну запасных.

Приблизительно к этому же времени относится обширное воззвание ЦК «К деревенской интеллигенции», оставшееся, повидимому, ненапечатанным. Указывая, что «путь к всенародному Учредительному собранию лежит через победоносное всенародное восстание», воззвание подчеркивает необходимость расширения базиса революции для обеспечения победы, «а это, в свою очередь,

---

[1] «Красная летопись» № 1, 1922 г., стр. 192—198. Там же: А. Шестаков, Бунт земли (приложение, стр. 78—86); Е. А. Морохоовец, Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции, Гиз, 1926 г., стр. 49—50.

[2] Архив Истпарта, без номера.

значит, что необходимо немедленно же развить самую напряженную агитацию в деревне», чтобы «вырвать деревню из когтей полицейской реакции», устранить возможность влияния полулиберальных и либерально-демократических групп и призвать крестьян к революционному сотрудничеству с городскими рабочими. Излагая и комментируя аграрную программу II съезда, воззвание подчеркивает требование конфискации отрезков, противополагая его либеральному требованию государственного выкупа. Подчеркивается также, что требование возвращения крестьянам отрезков

«есть тот минимум, ниже которого революционная ликвидация старых сословно аграрных отношений не может спускаться; но, разумеется, это не значит, что революционная ликвидация нашего средневековья не должна подниматься выше этого минимума. Наоборот, чем радикальнее будет подорвано сословное землевладение путем конфискации всех помещичьих земель и нового размещения их посредством демократического государства и органов самоуправления, тем решительнее будет подкопано основание под нынешней деревенской азиатчиной, служащей основой нашей государственной азиатчины».

В заключение воззвание намечает практический план работы в деревне:

«Беритесь же немедленно за дело агитации и организации. Пусть сознательные крестьяне созывают сходы и ставят на обсуждение все вопросы современного положения. Пусть сходы выносят решения, требующие немедленного прекращения войны и созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Пусть сходы протестуют против применения взятых из среды народа солдат для кровавой расправы над народом. Пусть эти протесты передаются властям, в легальную и нелегальную печать, и пусть сходы пересылают свои решения тем или иным путем солдатам своего села. Далее, нужно призывать крестьянские общества к отказу от уплаты контрибуций в пользу помещиков, которые будут налагаться силой отмеченного выше царского указа (23 (10) апреля) на целые сельские общества, отдельные члены которых участвовали в разгроме помещичьего имущества; к отказу от уплаты податей и повинностей; к отказу итти на войну и выдавать запасных при новой мобилизации; наконец к бойкоту царских властей. Эти формы борьбы и протеста помогут крестьянству сплотиться и объединить свои разрозненные выступления прежде, чем дело дойдет до применения военной силы. Но, разумеется, нужно отчетливо сознавать, что самодержавие будет бороться до конца, на бойкот ответит экзекуциями и драгонадами. Борьба крестьянства с самодержавием, как и борьба пролетариата, неизбежно ведет к восстанию с оружием в руках. Нужно готовить к этому крестьян. Нужно в каждой деревне и в каждом селе организовать боевые крестьянские группы, которые связывались бы друг с другом по волостям, уездам и губерниям и запасали бы необходимое оружие. Крестьянство должно готовиться к тому, чтобы вооруженной рукой поддержать городской пролетариат в момент восстания... В единовременности выступления города и деревни — залог нашей победы над врагом»[1].

Как видим, в этом обращении уже указывается на конфискацию помещичьих земель. Таким образом обращение идет значительно дальше программы отрезков. В практическом плане работы в деревне обращение призывает выносить решения, требующие немедленного прекращения войны и созыва Учредительного собрания. А главное — разъясняется, что борьба крестьянства с самодержавием, как и борьба пролетариата, неизбежно ведет к восстанию с оружием в руках. Необходимость подготовки крестьянского восстания была обоснована в руководящей статье Ленина «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», помещенной в центральном органе партии (№ 16)

[1] Архив Истпарта, № 8756. Разрядка подлинника. *Ред.* См. прилож. 1. Цитировано по работе Е. А. Морохович, Крестьянское движение и с.-д. в эпоху первой русской революции, Гиз, 1926 г., стр. 50—51.

Здесь Ленин, в согласии с решениями III съезда, призывал к созданию крестьянских революционных комитетов, связанных с социал-демократическими организациями. Эти крестьянские комитеты должны были быть органами крестьянского восстания:

«Наш идеал: повсюду в деревнях чисто социал-демократические комитеты, а затем — соглашение их с о в с е м и революционно-демократическими элементами, группами, кружками крестьянства для образования революционных комитетов... Мы за то, чтобы в целях восстания социал-демократия подталкивала в с ю революционную демократию, помогала в с е й е й организоваться, шла р я д о м с ней, но не сливаясь с ней, на баррикады в городах против помещиков и полиции в деревнях» [1].

Тот же лозунг выдвигается и в воззвании «К рабочим и крестьянам», выпущенном ЦК в сентябре 1905 г. по поводу булыгинского «Положения о Государственной думе». Обращаясь к крестьянам, ЦК настаивает на немедленной организации революционных комитетов для руководства крестьянским движением, для непосредственного ведения борьбы с помещиками и органами самодержавия на местах, для согласования революционных выступлений крестьянства с вооруженной борьбой рабочего класса против царизма [2].

Значительно менее четкую, межеумочную, оппортунистическую позицию в руководстве крестьянским движением занял Объединительный съезд, где большинство принадлежало меньшевикам, а также и избранный этим съездом меньшевистский в своем большинстве Центральный комитет. В компромиссном духе была составлена резолюция «Об отношении к крестьянскому движению». Здесь вместо идеи руководства пролетариата крестьянским движением проводится идея содействия «крестьянскому движению», содействия организации крестьянства и т. п. Вместо того, чтобы призвать к активному руководству крестьянским восстанием, резолюция говорила лишь о том, что

«социал-демократия должна доводить до его (крестьянства. — *Ред.*) сознания необходимость вооруженного восстания, одновременного и согласованного с восстанием пролетариата и мелкого мещанства в городах как единственного при настоящих условиях средства достигнуть созыва Учредительного собрания» [3].

Центральный комитет занял оппортунистическую позицию в период I Думы, колеблясь между кадетами и трудовиками. По словам Ленина, позиция была

«немного левее кадетов и значительно правее революционной буржуазной демократии» [4].

Тогда

«совместно с ЦК партии социалистов-революционеров, комитетами социал-демократической фракции и трудовой группы Государственной думы, Всероссийским крестьянским союзом и союзами учительским и железнодорожным ЦК РСДРП подписал «Манифест по всему российскому крестьянству», призывающий «трудовое крестьянство» «взять свои дела в свои руки» [5].

---

[1] «Пролетарий» № 16, 1905 г., стр. 1. Разрядка подлинника. — *Ред.*

[2] Е. А. М о р о х о в е ц, Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции, Гиз, 1926 г., стр. 52—53.

[3] Там же, стр. 53.

[4] Л е н и н, Соч., т. X, стр. 35.

[5] Е. А. **М о р о х о в е ц, цит. соч., стр. 54.**

Этот манифест был составлен уже в значительно более решительном тоне, он призывал крестьян немедленно взять всю землю в свои руки и передать ее в распоряжение выборных волостных и уездных властей.

Поскольку царским правительством тогда проводился рекрутский набор, ЦК РСДРП, совместно с ЦК Бунда, ПСР, ППС и комитетами социал-демократической фракции и трудовой группы, подписал воззвание «Ко всему народу», выдвигающее лозунг:

«Ни одного рекрута царскому правительству!» [1]

В сентябре 1906 г. Центральный комитет обратился к местным организациям с письмом, посвященным вопросу о рекрутской кампании. Перед местными организациями ставился вопрос о том, считают ли они эту рекрутскую кампанию целесообразной, возможно ли ее успешное проведение, возможна ли необходимая широкая работа социал-демократии в этом направлении, и считают ли нужным выпуск определенного призыва ко всему народу от имени Центрального комитета и других партий. Одновременно ЦК внес запрос и в информационное междупартийное бюро с тем, чтобы выяснить, что думают предпринять другие революционные партии.

«Анкета ЦК дала пестрые результаты. Многие организации признали [2] кампанию целесообразной и имеющей шансы на успех; некоторые из них уже приступили к ее проведению. Другие организации [3], признавая кампанию желательной, высказывали, однако, сомнения в ее успехе или считали шансы неопределенными. Наконец некоторые организации [4], не считая возможным провести кампанию успешно, указывали, что в случае неудачи она принесет лишь вред, и категорически высказывались против нее».

На основании полученных сведений ЦК принял следующее компромиссное постановление:

«1) необходимо использовать рекрутскую кампанию для агитации и организации народных сил, в частности рекрутов; 2) инициативу безусловного отказа рекрутов от вступления на службу партийным организациям в общем брать не следует; 3) там, где стихийное движение в пользу отказа от рекрутчины широко развертывается, партийные организации должны стремиться внести в него возможно более планомерности, организованности и политической целесообразности» [5]. Таким образом ЦК, в сущности, от активного проведения кампании отказался» [6].

Также весьма неопределенную и половинчатую директиву дала редакция тогдашнего ЦО в связи с указами 12 (25) и 27 августа (9 сентября) о передаче

---

[1] Е. А. Мороховец, цит. соч., стр. 54.

[2] С.-д. Польши и Литвы, Дзинская окр. организация, Нижегородская окр. организация, конференция Уральского союза, Сев.-кавказский союз, Херсонский губ. комитет сельских организаций, Петербургский комитет, Спилка; также Смоленск, Елец, Вологда, Казань, Владимир, Воронеж, Кременчуг, Рязань, Касимов, Торжок, Мглин, Рославль.

[3] Ярославская губернская конференция (Ярославская, Рыбинская и Романовская организации), Московская окружная организация, конференция Приволжских организаций, Саратов, Самара, Симбирск, Пенза, Брянск, Тамбов, Орел, Харьков, Гомель, Тверь, Кострома, Вятка, Сормово, Ростов-Ярославский, Мышкин, Молога, Жиздра.

[4] С.-д. Латышского края, Вильна, Минск, Кишинев.

[5] Моск. ист.рев. архив, № 25/930, л. 2 и об. (рязрядка подлинника — *Ред.*) «Социал-демократ» № 2, 1906 г., стр. 6—7; № 3, стр. 6; № 5, стр. 6. «Пролетарий» № 4, 1906 г., стр. 6.

[6] Е. А. Мороховец, Крестьянское движение и с.-д. в эпоху первой русской революции, Гиз, 1926 г., стр. 56—57.

Крестьянскому банку части казенных и удельных земель для продажи крестьянам.

В этот период, когда руководство принадлежало Центральному комитету с меньшевистским большинством, целый ряд местных организаций, в которых преобладали большевики, занимал гораздо более четкую и определенную позицию.

Социал-демократия довольно широко развернула работу по руководству крестьянским движением на местах. Наиболее значительной была социал-демократическая работа в Прибалтике, Грузии и Центрально-промышленном районе, отчасти в Поволжьи и на Украине.

В Прибалтике почти все движение протекало под идейным и организационным руководством Латышской социал-демократической партии. Здесь еще в 1901/02 г. социал-демократия начала активную работу в деревне.

«В 1902 г. возникли Виндавский и Туккумско-тальсенский комитеты, которые вели работу главным образом среди сельскохозяйственных рабочих и мелких арендаторов; в это же время образовалась и Курляндская группа, превратившаяся позднее в Митавский комитет» [1].

Особенно энергично работа социал-демократии начала здесь развиваться в 1904 г., когда партия буквально наводнила прокламациями всю Прибалтику. Весной и летом 1905 г. партия активно руководила стачечным движением и затем необычайно широко развернувшейся кампанией митингов, демонстраций. Почти одновременно начались и массовые партизанские выступления.

Однако нужно сказать, что после октябрьского манифеста партия сделала грубейшую ошибку, прекратив партизанскую борьбу.

«Никакого насилия, никаких поджогов и погромов»,—

писала социал-демократическая газета «Deenas Lapa».—

«Мы должны быть благородными и покончить все старые счеты. Мы сами должны заботиться о том, чтобы в осенние ночи уже не вспыхивали пожары и не раздавались револьверные выстрелы. Это мы должны соблюдать хотя бы с той целью, чтобы выбить из рук врага возможность повторять, что управиться с латышским крестьянином иначе не представляется возможным, как только при помощи казаков и урядников, ибо в противном случае он подвергает опасности жизнь немцев и их имущество. Теперь мы добьемся своих прав при помощи открытой борьбы, а не нападений из-за угла».

После манифеста 17 октября, согласно постановлению социал-демократической партии, партизанская борьба прекратилась. Начались многолюдные митинги, собрания и демонстрации. Был объявлен бойкот местным властям. На местах весь аппарат правительственной власти фактически был разрушен. Волостные правления либо добровольно, либо по принуждению должны были прекратить свою деятельность. Однако, прекратив партизанскую борьбу, партия не использовала этого своего успеха.

Только когда царское правительство после некоторой передышки перешло в наступление, партия вынуждена была пойти на подготовку вооруженного восстания.

«19 ноября (2 декабря) в Риге открылся съезд волостных представителей, на который собралось около 1 000 делегатов от волостей Курляндии и латышской части Лифляндии.

---

[1] П. К. «Революционная социал-демократия в Прибалтийском крае», стр. 12 и 17.

Съезд постановил немедленно созвать в общих волостях общие собрания всех жителей волости обоего пола, достигших 20-летнего возраста, для выборов на место волостных правлений временных распорядительных комитетов; на таких же демократических началах должны быть переизбраны и волостные суды [1]. Распорядительным комитетам вменялось в обязанность: 1) уволить и выселить всех пасторов; 2) ввести прогрессивно-подоходный налог; 3) реорганизовать школу, согласно постановлению учительского съезда [2]; 4) заботиться о личной и имущественной безопасности населения; 5) заботиться об улучшении участи помещичьих и крестьянских батраков; 6) закрыть все корчмы и казенные винные лавки; 7) отменить все дворянские привилегии; 8) прекратить все арендные платежи и прочие крестьянские повинности до полного уравнения всех сословий в их гражданских правах; 9) следить за тем, чтобы помещики не вырубали своих лесов; 10) наблюдать за хозяйством в имениях скрывшихся помещиков (а также в имениях, конфискованных за дурное обращение с батраками, за нарушение права стачек и пр.) и т. д. Распорядительные комитеты не должны поддерживать никаких сношений с правительственными органами; на случай посягательства со стороны правительственных властей на народную свободу и для защиты от черной сотни комитеты организуют вооруженную самооборону. Между всеми распорядительными комитетами, а также между ними и избранным на съезде центральным бюро в Риге должна быть установлена постоянная связь для координирования действий»...

«Крестьянское население Латвии немедленно же приступило к проведению в жизнь постановлений съезда. В 200 с лишним волостях были выбраны распорядительные комитеты, выселены пасторы, урядники, уездные начальники, переизбраны суды, организованы отряды милиции, установлен прогрессивно-подоходный налог, введены новые школьные программы, закрыты церкви и отменены церковные обряды» [3].

Повсюду стали создаваться отряды народной милиции. 20 ноября (3 декабря) была захвачена власть в Газенпоте: по призыву газенпотской социал-демократической организации город был занят 30 000 крестьянской армией. Однако здесь было предъявлено лишь требование отменить распоряжение о высылке арестованных революционеров, освободить политических заключенных и удалить из города полицию и войска. Когда эти требования были выполнены, ополчение было распущено. Этот факт, конечно, чрезвычайно показателен для ошибок в руководстве движением. Почти одновременно в целом ряде других мест власть фактически перешла к социал-демократическим организациям. Наиболее крупным из восстаний было восстание в городе Туккуме. В ночь на 29 ноября (12 декабря) Туккум был занят вооруженными крестьянами. Однако и здесь повстанцам удалось продержаться недолго. Ввиду подхода правительственных войск повстанцам пришлось сдаться под условием вывода из Туккума солдат и неприменения военного положения. Ряд восстаний произошел и в других городах.

---

[1] Аналогичные постановления были приняты также Либавским съездом делегатов 20 ближайших волостей, состоявшимся 1 декабря (18 ноября).

[2] С 23 (10) по 28 (15) ноября в Риге заседал конгресс латышских народных учителей (свыше 1 000 человек), выработавший программу свободной советской школы с преподаванием на латышском языке. Между прочим на нем была принята следующая резолюция: «Признавая огромное значение классовой борьбы пролетариата за общие идеалы всего человечества, конгресс выражает свою солидарность с стремлениями и идеалами с.-д. р. п. и обязуется всеми доступными средствами поддерживать пролетариат в его борьбе». («Нов. жизнь» № 20, 1905 г., стр. 4; «The Revolution» etc., стр. 45—46; «Die Lettische Revolution», т. II, стр. 304—305.)

[3] Е. А. Мороховец, Крестьянское движение и с.-д. в эпоху первой русской революции, Гиз, 1926 г., стр. 172—173.

Правительство ответило на это посылкой карательных отрядов, которые с неслыханной жестокостью подавили движение. Однако, несмотря на террор, социал-демократия сохранила свои организации. На действия карательных отрядов партия ответила усилением партизанской борьбы. Создались организации лесных братьев. Однако под видом лесных братьев сплошь и рядом начали развивать деятельность чисто уголовные элементы. Поэтому партия в конце 1906 г. должна была ликвидировать организацию лесных братьев.

Если в Прибалтике главную роль в движении играли большевики, то в Грузии, в особенности после разгрома открытых вооруженных восстаний, при выборах в I и II Думы эту роль играли меньшевики. В Грузии большого развития работа социал-демократии в деревне достигла еще до революции 1905 г. Еще в 1901/02 г., в связи с высылкой из Батума рабочих гурийцев после батумской стачки в марте 1902 г., в деревне широко развернулась социал-демократическая агитация. Начали устраивать митинги, собрания и демонстрации. Крестьяне стали организованно отказываться от уплаты духовенству так называемых храмовых денег, бойкотировать местные власти и т. д.

Уже в 1904 г. социал-демократия почти целиком овладела крестьянским движением в Кутаисской губернии. В 1905 г. социал-демократией была проведена большая кампания в связи с объездом Султан-Крым-Гиреем Кутаисской губ. для ознакомления с «нуждами населения». Вот какие требования были выставлены крестьянами:

«1. Конфискация всех удельных, церковных и монастырских земель и передача их в безвозмездное пользование всего трудового народа.

2. Передача в полное распоряжение крестьян надельных земель как помещичьих, так и казенных. Земли эти должны перейти в руки крестьян безвозмездно. Выкупные платежи, взятые с крестьян, должны быть возвращены полностью.

3. Учреждение выборных крестьянских комитетов для проведения в жизнь земельной реформы. Выборы в комитеты должны быть всеобщими, равными, прямыми и тайными.

4. Уничтожение всех косвенных налогов и установление прогрессивного подоходного налога, причем доходы ниже определенной нормы должны быть освобождены от всякого обложения.

5. Уничтожение сословий и установление полного равенства всех перед законом. Свобода передвижения и уничтожение паспортной системы.

6. Полная самостоятельность населения в деле организации самоуправления в селениях, обществах и округах.

7. Свобода слова и печати; свобода собраний, союзов и стачек; свобода совести.

8. Неприкосновенность личности и жилища.

9. Выборность судей и ответственность чиновников перед народом.

10. Уничтожение постоянной армии и введение всеобщего вооружения народа.

11. Отделение церкви от государства. Содержание духовенства должно быть предоставлено тем лицам, союзам или обществам, которые желают пользоваться услугами духовенства.

12. Светская школа. Устранение духовенства от дела обучения и воспитания молодежи.

13. Обязательное обучение детей до 16-летнего возраста, всеобщее, бесплатное, без различия пола.

14. Созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола, национальности и вероисповедания.

15. Немедленное освобождение всех арестованных, высланных и сосланных по политическим делам и пострадавших за борьбу крестьянства с помещиками и духовенством» [1].

К марту 1905 г. в Гурии

«сложились уже прочные организации революционно-демократического самоуправления гурийского крестьянства, построенные по плану, намеченному II съездом (январь 1904 г.) и заменившие бойкотируемые населением правительственные учреждения. Все население Гурии было разбито на десятки; каждый десяток выбирал десятского; десять десятских выбирали сотского; сотские крупных селений выбирали сельского представителя; представители селений, входящих в состав сельского общества, выбирали общественного представителя; общественные представители выбирали районного представителя. Вся Гурия, состоявшая из 25 сельских обществ, была разделена на 7 районов. Высшим органом являлись народные собрания, созывавшиеся гурийским комитетом партии, на которых присутствовало до 15—20 тысяч человек обоего пола. На этих собраниях вырабатывались новые порядки суда и управления, устанавливались новые формы земельных отношений.

«Революционно-демократические организации крестьянства тесно переплетались с партийными. Из 7 районов, на которые была в это время разделена Гурия, 3 района (Озургетский, Хидиставский и Чохотаурский) посылали своих представителей в Гурийский комитет, так как все без исключения выборщики в этих районах были социал-демократами. «Комитету, — пишет корреспондент «Искры»,— приходилось нести самые разнообразные функции, выпадающие обыкновенно на разные правительственные и общественные учреждения: споры, ссоры, тяжбы, технические вопросы, семейные дела, бракоразводные процессы, — все, буквально все стороны жизни входят в сферу деятельности комитета» [2].

В течение лета и осени крестьянское движение в Гурии достигло такой силы, что к октябрю месяцу дело дошло до открытого выступления с нападением на полицию в Сурамском перевале. Однако после манифеста 17 октября социал-демократия прекратила борьбу с правительством. Как формулировала одна из меньшевистских партийных конференций, захват власти с.-д. был неприемлем, так как из оппозиционной партии превратил бы ее в правящую партию.

По представлениям меньшевиков, отрицавших возможность создания революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, это было неприемлемо. Эта дезорганизация меньшевиками движения была использована правительством для разгрома революции. Карательные отряды прошли по всей Гурии, буквально сжигая и уничтожая на пути наиболее революционные селения. Выборы в I и II Думы дали исключительно с.-д.-меньшевиков. После разгона I Думы кавказская социал-демократия проводила кампанию за осуществление лозунгов Выборгского воззвания. При выборах во II Думу с.-д. меньшевики вновь одержали победу по всей Грузии, они получили все три депутатских места от Тифлисской губ. (Джапаридзе, Кациашвили и Джугели) и все три от Кутаисской (Церетели, Ломтатидзе и Махарадзе).

Одновременно с.-д. вела большую политическую работу в деревне. Только в конце 1907 г. правительству удалось придушить гурийское крестьянское движение.

Большую работу провела социал-демократия и в Центрально-промышленном районе, где движением руководило областное бюро района. Благодаря близости фабрик и заводов здесь часто устанавливалась непосредственная связь

[1] В. Каландадзе и В. Мхеидзе, цит. соч., стр. 56—57.

[2] Е. А. Мороховец, Крестьянское движение и с.-д. в эпоху первой русской революции, Гиз, 1926 г., стр. 193—195.

крестьянского населения с городскими фабричными рабочими. В некоторых районах Тверской и Владимирской губ. были созданы крестьянские организации, непосредственно связанные с рабочими организациями.

Из Поволжских губерний наиболее сильна была социал-демократия в Саратовской губ., где особенно широко развернулась агитационно-пропагандистская работа. В целом ряде мест Саратовской г. с.-д. большевики руководили крестьянскими выступлениями. Также довольно значительно было с.-д. влияние в Нижегородской и Казанской г., особенно в промышленных и торговых центрах.

Довольно значительная с.-д. работа велась на Украине как правобережной и левобережной, так и степной: в Киевск., Черниг., Полт. губ., а также в Херс. и Тавр. В Киевск.,Черниг. и Полт. губ. большую работу вела «Спилка».

«На Украине деревенскую работу вела, главным образом, «Спилка» — «Украинский социал-демократический союз», выделившийся в конце 1904 г. из Революционной украинской партии и примкнувший к РСДРП. Спилка, пополненная после 22 (9) января новыми работниками — эмигрантами, возвращавшимися из Галиции, опиралась в своей работе на наемных рабочих сахарных и винокуренных заводов и крупных помещичьих экономий юго-западного края [1]. Спилка имела и свой печатный орган — «Правду», издававшийся на украинском, а с лета 1905 г. и на русском языке» [2].

«Кроме РСДРП на Украине работали также национальные социал-демократические партии — Революционая украинская партия и Бунд.

В январе 1904 г. ЦК РУП выпустил заявление о строго с.-д. направлении партии, а II съезд партии, состоявшийся в конце 1905 г., принял целиком программу РСДРП, сохранив лишь требование политической автономии Украины и федеративного построения партии. На этом же съезде партия приняла название Украинской с.-д. рабочей партии» [3].

В таких губерниях, как Херсонская и Таврическая, с.-д. играла большую роль в руководстве стачечным движением. Довольно значительной была с.-д. работа на Северном Кавказе. В остальных губерниях и районах с.-д. работа была значительно слабее. Особенно слабой она была в центрально-черноземных губ., в северных губ., в Приозерном крае и др.

Как видим, по масштабу революции 1905 г., социал-демократия развила довольно большую работу по руководству крестьянским движением. Однако, как мы видели, в целом ряде мест, особенно там, где большую роль играли меньшевики (как, например, в Закавказьи), социал-демократией были допущены грубые ошибки в руководстве движением. Несомненно, руководство крестьянским движением со стороны социал-демократии показало, что на деле это движение шло под гегемонией пролетариата. Однако в 1905 г. социал-демократия была еще очень слаба. Она не сумела организационно охватить крестьянское движение. В массе своей это движение оставалось разрозненным и распыленным, неувязанным непосредственно с рабочим движением. Это было одной из причин поражения революции 1905 г. Однако опыт партийной работы в деревне в 1905 г. имел громадное значение для дальнейшего развития партии, и в частности этот опыт был широко использован в 1917 г., именно на путях к Октябрю, когда партия развила большую работу в деревне и таким образом обеспечила успех Октябрьской революции.

---

[1] А. Риш, Из жизни Спилки, «Летоп. револ.» № 5, 1923 г., стр. 126—127.

[2] Е. А. Мороховец, Крестьянское движение и с.-д. в эпоху первой русской революции, Гиз, 1926 г., стр. 124.

[3] Там же, стр. 142.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К IX ГЛАВЕ.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ И ПАРТИЯ (ОТ 22(9) ЯНВАРЯ ПО III СЪЕЗД).

I. 9 января и его историческое значение.

а) Предпосылки 9 января.
б) Ход и уроки 9 января.
в) Большевики и 9 января.
г) Критика меньшевистско-троцкистской оценки 9 января.

II. Партия накануне III съезда.

а) Вопрос об отколовшейся части партии.
б) Ленинская постановка вопроса о реорганизации партии.

III. Третий съезд партии.

а) Основные вопросы, стоявшие перед III съездом партии.
б) Значение III съезда партии в истории большевизма.

ЛИТЕРАТУРА: см. в тексте.

ГЛАВА IX.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ И ПАРТИЯ (ОТ 22(9) ЯНВАРЯ ПО III СЪЕЗД).

а) «КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ» 22(9) ЯНВАРЯ, ЕГО ПРЕДПОСЫЛКИ И ЗНАЧЕНИЕ.

В истории первой русской революции, а вместе с тем и в истории всего революционного движения в России, день 22(9) января 1905 г. — «Кровавое воскресенье» — занимает исключительное место. В статье «Царь-батюшка и баррикады» Ленин писал:

«Недаром европейские буржуазные газеты говорят, что Россия 10 января уже не то, чем была Россия 8 января» [1].

Редко в истории совершается такое «мгновенное» размежевание классовых сил, как это было 22(9) января в России. Смысл полицейских заигрываний самодержавия, пытавшегося через гапоновские организации деморализовать рабочее движение, питерский пролетариат вскрыл, ребром поставив перед самодержавием вопрос о том, что «так дальше жить нельзя». Ответ самодержавия превзошел все ожидания. Колебания в рабочей массе были кончены, все сомнения сгорели в «один миг» на площадях и улицах Петербурга: пред рабочим классом открывался один путь, — путь беспощадной борьбы с самодержавием.

Для правильного понимания как событий 22(9) января, так и дальнейшего развития революции 1905 г. необходимо предварительно выяснить в самых общих чертах, что представлял из себя российский пролетариат к этому времени.

Выше [2] мы уже отмечали основные особенности развития рабочего класса в России. Различные отряды рабочего класса, представлявшего большую пестроту как по своему составу, так и по политической активности, не одинаково и не одновременно вовлекались в революционное движение. В этом отношении весь рабочий класс России можно было разделить на несколько основных групп по профессионально-районному признаку.

Уже в начале революции резко выделились своей сравнительной организованностью и политической сознательностью рабочие западных промышленных центров — Варшавы, Риги. Западно-европейская культурность, с одной стороны, и национально-политический гнет самодержавия — с другой, ставили их в первые ряды революционных борцов.

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 88.

[2] См. об этом гл. I наст. тома. — *Ред.*

Вслед за ними шли металлисты Питера, имевшие, по сравнению с другими профессиями, меньшую связь с деревней, большую квалификацию и лучшие условия труда. Однако и у металлистов приходится различать квалифицированный верхний слой и полукрестьян-чернорабочих. В свое время питерские металлисты добились уменьшения рабочего дня, некоторого повышения заработной платы путем сравнительно «мирно» улаженных столкновений. И лишь кризис 900-х годов поднял массы металлистов вновь на открытую борьбу.

Текстильщики Центрального промышленного района были одним из наиболее многочисленных, но и наиболее отсталых отрядов. Значительная часть текстильных фабрик расположена была в селах или небольших местечках. Текстильщики больше других профессий были связаны с деревней; низкая квалификация позволяла вербовать более чем наполовину женский и детский состав рабочих; все в целом обусловливало низкую сопротивляемость среди них и жестокую эксплоатацию. 12—16-часовой рабочий день, полный произвол хозяев, болезни и крайняя духовная забитость господствовали в этой отрасли труда. Но и среди текстильщиков были время от времени стихийные вспышки недовольства, однако в общем рабочем движении начала 900-х годов текстильщики все же оставались позади. В 1905г. они наиболее медленно раскачивались, но весьма активно, огромными массами выступили в момент наивысшего подъема революции.

Донбасс и весь горнозаводский юг представляли быстро выросший новый капиталистический район. Здесь господствовали подрядная система найма, почти крепостная эксплоатация, грошовая заработная плата, произвол, беспомощность при несчастных случаях. Громадная масса шахтеров и подсобных рабочих рудников и заводов — в большинстве сезонники из далеких русских деревень — лишь медленно накопляла боевую энергию, прорывавшуюся иногда стихийными вспышками против крепостнических условий труда. Но здесь был и кадр постоянных заводских рабочих, которые были более квалифицированы, сознательны, утратили связь с землей. Эти рабочие-металлисты представляли пролетарский актив горнозаводского юга.

Отметим еще бакинских нефтяников. Здесь переплетались культурный и сознательный элемент квалифицированных рабочих (пришлых с севера русских и местных — армян и грузин) с темнотой и забитостью полукрестьян тюркских национальностей. Условия труда и быта, при 16—18-часовом рабочем дне, представляли здесь самую безотрадную картину. Именно эти условия и вызывали бурное, чисто стихийное экономическое движение нефтяников.

И наконец железнодорожники имели такие особенности, которые делали их одним из крупных отрядов революционной армии. Наряду с полукрестьянским составом линейных рабочих здесь были большие кадры высококвалифицированных рабочих мастерских и депо. Среди этих последних, при большей текучести состава, много было революционно-настроенных и развитых рабочих. Предпринимателем здесь было само правительство. Это содействовало исключительно быстрому перерастанию экономической борьбы железнодорожников в политическую. При огромном значении железнодорожного транспорта в жизни страны железнодорожникам обеспечена была весьма значительная роль в революции.

9 января 1905 г.

Итак, уже пестрый социальный и национальный состав рабочего класса России предрешал неравномерное его вовлечение в революционную борьбу.

Каков же был политический опыт рабочих масс России к 1905 г., какова была их подготовка к революции? Мы уже видели, 1902—1904 гг. были подготовительным к революции, мобилизационным периодом. Ростовская стачка, всеобщая стачка 1903 г. на юге, стачки 1904 г., включая бакинскую — все эти выступления, начинаясь как экономические, постоянно превращались в политические демонстрации, в открытую борьбу с войском, с правительственным аппаратом [1].

«Репетиции» пятого года следовательно были; но дело в том, что эти «репетиции» далеко еще не затронули весь массив рабочего класса. Масса должна была на собственном опыте познать неизбежность политической борьбы против царизма. Этим опытом обладала лишь наиболее сознательная часть пролетариата, численно сравнительно небольшая.

О том каков был уровень политического сознания даже сравнительно передовых рабочих Питера перед революцией, дают многочисленные воспоминания самих питерских рабочих, как, например, воспоминания Разоренова:

«Первое крещение мы получили в декабре (1904 г. — *Ред.*), участвуя в демонстрации на Невском... До этого меня часто мучили сомнения: «прав ли я? Не грех ли итти против царя — божьего помазанника?..» Эти сомнения еще больше усиливались оттого, что все мои близкие и соседи по квартире считали, что царь любит народ, и только, мол, господа им недовольны, желая вернуть крепостное право... Я спорил с ними, горячо воевал, но в душе не было ясности, полного сознания своей правоты. И только после демонстрации, после первой пролитой на моих глазах крови, сомнений в душе не осталось, вера окрепла. Я весь горел негодованием и ненавистью к существующему строю» [2].

Нужно иметь в виду, что до 22(9) января быть готовым к борьбе, бастовать, сопротивляться полиции, покупать оружие — было одно, и это было обычным для довольно широких кругов рабочих; а быть против царя — это было совершенно другое. Для этого мало было революционного настроения — нужно было еще ясное политическое сознание. Против царя были лишь те немногочисленные кадры, которые посещали подпольные кружки и массовки. Остальная же масса видела своего ближайшего врага, в первую очередь, в фабриканте, после столкновения с полицией — в приставе и т. д.

Чрезвычайно характерен в этом отношении стихийный экономизм иваново-вознесенских рабочих. В бывшем селе Иванове, к началу XX века, вся власть принадлежала буквально кучке «отцов города» — фабрикантов, которые были в то же время и крупными землевладельцами, имея в своих руках тысячи десятин земли. Полиция была целиком на услужении у фабрикантов, и рабочие таким образом видели перед собой лишь одного врага —

---

[1] См. об этом т. I «Истории ВКП(б)», а также гл. I наст. тома. — *Ред.*

[2] «Первая русская революция в Петербурге 1905 г.», Сборник под редакцией Зеликсон-Бобровской. Воспоминания Разоренова, ст. 15.

Автор — молодой тогда рабочий с вагоностроительного завода Речкина за Московской заставой — входил в социал-демократический кружок. — *Ред.*

фабрикантов. Интеллигентского общедемократического движения, которое захватывало рабочих в крупных центрах, в Иванове не было. Неудивительно, что в Иванове сильны были традиции экономизма. До самой весны 1905 г. в Иванове существовала обособленная группа с уклоном к экономизму под руководством Дунаева. В грандиозной майской 1905 г. стачке ивановских рабочих наибольшим влиянием пользовались вожаки с «экономистскими» настроениями, прежде всего тот же Дунаев. Поднявшие грандиозную по своей решительности и сплоченности борьбу, ивановские рабочие в начале стачки не хотели и слушать лозунга «Долой самодержавие».

Точно такое же положение было в Ярославле, Орехове-Зуеве, Яхроме и других местностях текстильного района. В той или иной степени такое положение, когда основная масса рабочих фиксировала главное свое внимание на ближайшем враге — фабриканте, — было типично тогда для всей России.

Итак, в 1905 г. лишь передовые рабочие в начале революции ясно осознавали главную задачу рабочего класса в этот период — свалить самодержавие. Средний рабочий чувствовал невыносимость своего положения, искал выхода, но не мог еще осознать всех «начал и концов», причин и виновников гнета. Виновником всех бед и несчастий перед ним прежде всего выступал фабрикант, затем чиновник, полицейский. Самодержавие же оставалось пока что в тени. Так обстояло дело в сознании массы с объектом борьбы.

То же можно сказать и о методах борьбы. Для огромных слоев отсталых рабочих чуждо было представление о планомерной, дисциплинированной борьбе всего рабочего класса, об организованном всенародном восстании. Полукрестьянская психология в поисках выхода постоянно сбивалась либо на стихийную вспышку, неорганизованный бунт, либо на просьбу, мольбу. В начале революции были случаи, когда рабочие какой-либо захолустной фабрики жаловались на хозяина приставу, полицеймейстеру, губернатору, и лишь после предметных уроков в виде казачьих нагаек, постигали истинную «суть вещей».

При таком низком уровне политического опыта и сознания, при малых навыках организованной массовой борьбы более отсталые слои рабочей массы часто подпадали под руководство чуждых революционно-классовому пролетарскому движению элементов. После этого нам понятны будут корни успеха гапоновщины, сыгравшей историческую роль в событиях 22(9) января 1905 г.

Гапоновщина была последней и наиболее крупной попыткой «мирного» вторжения самодержавия в движение рабочего класса с целью отвлечь это движение от его прямых революционных задач. Являясь непосредственной преемницей зубатовщины, продолжая зубатовские традиции полицейского социализма, культивируя эти традиции до степени «идеологического» внедрения полицейского социализма в массы, гапоновщина отличалась от зубатовщины тем, что не имела той грубой опеки полицейских органов, того прямого и открытого руководства охранки, которые были присущи зубатовщине. Организатор и руководитель этого движения поп Георгий Гапон в самом начале своей деятельности, в докладной записке директору департамента полиции

Лопухину от 27(14) октября 1903 г., так определял задачи и характер деятельности будущего «Собрания русских фабрично-заводских рабочих»:

«Прежде чем перейти к посильному критическому заключению, остается сказать несколько слов о руководящей коренной идее, которая должна одухотворять и давать основной тон всей деятельности кружка ответственных лиц при достижении им намеченных и уже разъясненных нами ближайшей и дальнейшей задач. Сущность ее, выражаясь кратко, заключается в постепенном и осмотрительном, но в неуклонном созидании среди фабрично-заводских рабочих разумного и благожелательного элемента с русским самосознанием, который, добиваясь мирным путем, законным путем, действительного улучшения в духовном и материальном быту рабочих, не поступался бы драгоценным достоянием нашего отечества — коренными русскими началами, не продавал бы последних за чечевичную похлебку врагам России... Одним словом сущность основной идеи заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя» [1]...

Вот та мысль, которая была положена в основу организации «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Методы, которыми руководствовался Гапон при организации «Собрания», изложены им так в цитированной докладной записке:

«Нельзя теперь смотреть на растлевающую, все усиливающуюся революционную пропаганду, особенно среди рабочих, с поверхностно-прямой точки зрения, а также нельзя забывать и вообще духа и запросов фабрично-заводских рабочих настоящего времени. При той постановке дела, какая имела место в Одессе (о Минске нечего и говорить), где руководителем русских рабочих являлся еврей и в Москве, где руководителем являлась, и притом не особенно умело, полиция и где потому дело приняло было административно-полицейский и притом показной, шумный характер, — конечно только поверхностный или слишком увлекающийся человек мог не глядеть с недоуменными вопросами на своеобразное рабочее движение, поднятое и ведомое правительственной (полицейской) властью [2]...

При проведении в жизнь, в общество своих даже, может быть, прекрасных идей, полиция для пользы самого дела, приняв на себя роль даже ревнивого наблюдателя и строгого контролера, должна как бы отойти в сторону и, уступив место общественной самодеятельности, при этом справляться с практическим осуществлением той или иной идеи, конечно поощряя так или иначе разумную и благожелательную самодеятельность общества» [3].

Цитированный нами документ является, так сказать, «идеологическим» обоснованием деятельности «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» и тактическим подходом к созданию этой организации. Документ этот твердо устанавливает не только факт связи Гапона с охранкой, чего никогда не отрицал и сам Гапон, мотивируя эту связь соображениями «высшего порядка», «пользой рабочему делу», — документ этот устанавливает и нечто другое, большее, что было не совсем ясно до опубликования его, это — создание Гапоном с помощью охранки «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» во имя полицейских принципов, во имя неприкосновенности и охраны самодержавия. И если впоследствии движение пошло по другому руслу, то это уж конечно не вина Гапона. Гапон был не простой агент охранки, это был агент, «идейно» преданный департаменту полиции, сознательно стремившийся внести

---

[1] «Гапон и охранное отделение до 1905 г.», «Былое» № 1 (29) за 1925 г.

[2] Имеются в виду зубатовские организации. — *Ред.*

[3] «Гапон и охранное отделение до 1905 г.», «Былое» № 1 (29) за 1925 г.

идейную деморализацию в ряды рабочего класса, всеми силами старавшийся свернуть движение рабочего класса с его революционного пути.

«Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», организатором и руководителем которого был Гапон, с благословения охранки и надлежащих властей, открыло официально свои действия 24(11) апреля 1904 г., неофициально «Собрание» начало свою деятельность с ноября 1903 г. Дела «Собрания» пошли блестяще. Уже к декабрю 1904 г. «Собранием» было открыто 11 «отделов» во всех рабочих районах Петербурга, которые втянули в свои организации значительное количество столичных рабочих.

Чем же объяснить такой быстрый успех роста полицейской организации Гапона в Питере? Ответ на этот вопрос нужно искать в совокупности экономических и бытовых условий, в которых находился рабочий класс в то время, которые определяли степень его классового самосознания, а вместе с тем и характер борьбы, о чем уже было сказано выше. В частности, эти ответы могут быть сведены к следующему: во-первых, в сознательную политическую борьбу до 1905 г. даже в Петербурге было втянуто сравнительно небольшое количество рабочих, основная же масса их еще жила интересами узкого круга своего цеха и домашнего быта; во-вторых, рабочая масса того времени далеко не была чисто пролетарской, в очень большой своей части она была еще крепко связана с деревней, стоявшей на очень низком культурном уровне, имевшей превратное понятие о царской власти, что несомненно отражалось на рабочих, имевших связь с деревней; в-третьих, чрезвычайная слабость социал-демократической организации, дезорганизованной раскольнической деятельностью меньшевиков, не позволяла в той или иной степени овладеть стихийно нараставшим рабочим движением, оформить это движение и придать ему определенно выраженный классово-революционный характер. Все это в конечном счете и послужило благоприятной почвой для успешного развития полицейской организации «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», ловко замаскированной под защитный цвет религии, которой было проникнуто огромное большинство рабочих того времени.

Методы и характер работы в «отделах» «Собрания» вполне отвечали запросам малосознательной массы, с которой приходилось иметь дело Гапону и его подручным — «штабным». Большое место в работе отделов занимали разного рода музыкальные вечера, популярно-научные лекции и т. п. Обычно два раза в неделю проводились открытые для всех желающих собрания, где не было оформленного порядка дня. Он выдвигался здесь же на собрании руководителями его в виде очередных лозунгов, которые, по предварительному соглашению «штаба», нужно было на данном собрании развить перед массами. Каждый желающий брал слово простым поднятием руки и говорил с места о том, что у него наболело.

«Прения носили простой, домашний характер: не было и следа какой-либо официальной натянутости»,

отзывается один из видных участников «Собрания». Оппозиционные литераторы выступали в «Собрании» с недельными политическими обзорами. Широко использовались оппозиционные либеральные газеты: имелся кружок

ОБЩЕСТВО РУССКИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ.

1904

Г. Гапон.

Гапон и Петербургский градоначальник Фулон на открытом собрании Общ. русских фабрично-заводских рабочих.

1905

Гапон и его ближайшие сотрудники. Сидят: В. Иноземцев, Гапоч и Филиппов, Стоят: Харитонов, Янов.

С. Сергеев, секретарь Вас. - островск. отд.

Андринг, председатель лавинского отд.

Р. Н. Николаева, работница фабрики «Керстен».

В. М. Карелина, организац. женщин работниц.

И.М. Харитонов, предс. Коломен. отдела.

В. Князев, Железнодор. из группы. Карелина

В. Иванов, литограф, один из составителей устава общества.

В. М. Вернашев, председатель Выборгского отдела.

Д. Е. Карелин, литограф, казначей общества.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ УСТАВА ОВЩ-ВА.

§ 1. «Собрание» русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга учреждается: а) для трезвого и разумного провождения членами собрания свободного от работ времени с действительной для них пользой как в духовно-нравственном, так и в материальном отношениях; б) для возбуждения и укрепления в среде членов рабочих русского национального самосознания; в) для образования и развития в них разумных взглядов на обязанности и права рабочих и наконец г) для проявления членами «Собрания» самодеятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих.

ИЗ УСТАВА.

Примечание 2-е. Об устраиваемых «Собранием» вечерах, беседах, чтениях и лекциях, равно как и о лицах, ведущих их, или о лекторах, представитель «Собрания» обязан своевременно уведомлять С.-Петербургского градоначальника или с его соизволения другое лицо. Причем лекции рабочим, особенно по рабочему вопросу, происходят обязательно в присутствии представителя от полиции.

ТРЕБОВАНИЯ ПУТИЛОВСКИХ РАБОЧИХ 4 ЯНВ. 1905 г.

1) Уволить мастера Тетявкина и принять обратно двух рабочих: Сергунина и Субботина.
2) Рабочий день 8 часов.
3) Расценка новых изделий, после испытания должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерской и затем должна считаться обязательной; что же касается старых расценок, то они должны быть вновь пересмотрены на том же основании.
4) Должна быть учреждена на Путиловском заводе постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирала бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.
5) Нормальная плата для чернорабочего не должна быть ниже рубля.
6) Отмена сверхурочной работы. В случае их необходимости—один час за два.
7) За брак, не зависящий от рабочего, завод уплачивает сполна.
8) Женщинам-чернорабочим плата должна быть не ниже 70 коп. и для детей их должен быть устроен приют-ясли.
9) Медицинский персонал завода должен быть внимателен к рабочим, особенно к раненым (увечным).
10) Улучшить санитарные условия некоторых мастерских, особенно кузнечной.
11) Никто не должен потерпеть от забастовок.
12) Время, в которое не производились работы, не должно считаться прогульным и администрации предлагается уплатить по средней расценке заработной платы.

Общее решение этого совещания должно считаться обязательным и должно быть вывешено за подписью фабричного инспектора по мастерским завода.

наиболее развитых рабочих, намечавший предварительно отдельные статьи из этих газет для чтения вслух среди рабочих или изложения с комментариями как в «отделах», так отчасти и на заводах. Было при «Собрании» даже специальное «женское отделение», которое пользовалось большим успехом. Во главе его стояла В. М. Карелина, хороший агитатор — умная женщина, пользовавшаяся в «штабе» весьма значительным влиянием. В общем гапоновские «отделы» представляли собой своего рода рабочие клубы с религиозно-нравственным уклоном в патриотическом духе и лишь постепенно, по мере роста революционного возбуждения в массах, превращались все больше и больше в клубы политические. Нельзя не признать, что такая форма организации больше всего отвечала запросам массы рабочих, политически незрелых, но с огромной силой тянувшихся к свободному обсуждению своих нужд.

Сам Гапон как личность обладал качествами, которые обеспечивали ему влияние на темную массу. Политически невежественный демагог, он несомненно был в то же время хорошим массовиком и талантливым агитатором, прекрасно знал свою аудиторию, умел подойти к ней, говорить на ее родном языке. Ряса и «пастырский» пафос лишь помогали ему в этом. Не малую роль играло и то, что будучи

«сам крестьянин, он разжигал у рабочих, наполовину еще сохранивших связь с деревней, исконную затаенную жажду земли» [1].

Свое руководство «Собранием» Гапон делил с группой так называемых «штабных», которые составляли формально правление «Собрания». Физиономия этой руководящей группы в высокой степени интересна и характерна для всего гапоновского движения. Группа эта состояла в большинстве из высококвалифицированных, хорошо обеспеченных рабочих механического производства и печатников. Один из видных «штабных», Варнашев, говорит о себе и о своих товарищах, что они «обладали некоторой солидностью, семейным положением и сравнительным материальным достатком». Сам Варнашев зарабатывал до 200 руб. в месяц. «Штабные» были старыми участниками рабочего движения, имели широкие связи в рабочей среде. Некоторые из них до образования «Собрания» примыкали к социал-демократии. Об одном из влиятельных вожаков «Собрания», А. Е. Карелине, его товарищи вспоминают как о человеке чрезвычайно начитанном, знатоке по рабочему вопросу на Западе и в России.

Основное ядро «штабных» представляло из себя тесно сплоченную группу с определенными взглядами на задачи рабочего движения, сложившимися у большинства из них еще до знакомства с Гапоном по организации «Собрания». Идеологии этой группы чужда была классовая программа пролетарской борьбы (хотя сами себя они считали «кровными родственниками социал-демократии»). По своему мировоззрению группа эта ближе всего подходила к экономистам и трэд-юнионистам чистейшей воды. Как все трэд-юнионисты, и гапоновские «штабные» в политике плелись в хвосте у либералов.

Еще в марте 1904 г., до официального открытия «Собрания», узким кругом «штабных» была принята в виде тактической резолюции так называемая «про-

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания, стр. 107.

грамма пяти». Гапону, не имевшему вначале широких связей в рабочей среде, нужно было во что бы то ни стало привлечь на свою сторону влиятельных в рабочей среде деятелей. А для этого необходимо было выявить перед ними свое лицо, выставить какую-нибудь программу, приемлемую для них. С этой целью Гапон и организовал у себя на квартире собрание в марте 1904 г.

«В марте, — пишет Н. Варнашев в своих воспоминаниях, — собралось пять человек: А. Карелин, Д. Кузин, И. Васильев, Н. Варнашев и Гапон... Обязав предварительно всех честным словом, что то, что будет обсуждаться, останется тайной, Гапон вынул лист бумаги, исписанный красными чернилами и, предлагая обсудить содержание, прочел его. Это... в тот момент рассматривалось как программа руководящей группы «Собрания» [1].

Программа эта в отношении экономических требований приближалась к социал-демократической программе-минимум; в политическом отношении она представляла собой сколок посредственной либеральной программы. Включены были требования постепенной передачи земель крестьянству, отмены выкупных платежей, прогрессивный налог, демократические свободы, амнистия, восьмичасовой рабочий день, ответственное министерство. Совершенно отсутствовало всякое упоминание не только о демократической республике, но и о народном представительстве вообще.

Позднее, в ноябре 1904 г., состоялось совещание руководящей группы гапоновского «Собрания» с представителями левого крыла «Союза освобождения» — С. Прокоповичем, Е. Кусковой и В. Богучарским. На этом совещании была оглашена «программа пяти», одобренная освобожденцами.

«Штабные» знали о сношениях Гапона с охранкой. Однако сношения эти со слов Гапона они объясняли необходимостью «усыпить бдительность» охранки. «Штабные» верили в личную честность Гапона, хотя иногда и у них возникали на этот счет подозрения. Впоследствии, когда Гапон стал гнуть свою линию в подборе кандидатов в председатели «отделов», отношения между ним и «штабными» обострились. В декабре 1904 г. руководящее ядро «штабных» «почти признало Гапона за провокатора».

«Предвидя полный разрыв, штаб готовил почву свалить Гапона с его пьедестала рабочего вождя».

Перед 22(9) января, когда поток стихийного массового движения увлек за собой и Гапона и «штабных», недоверие опять стало изживаться.

Такова была та группа трэд-юнионистски настроенных рабочих деятелей, которая вступила в союз с попом Гапоном для достижения своих целей — создания легальной массовой рабочей организации. До 1905 г., в условиях безграничного господства самодержавия, такая организация мыслима была лишь под ура-патриотическим флагом — и «штабные» шли к своей цели, не считаясь с этим. Группа гапоновских «штабных» не была случайна в рабочей среде того времени. Это были типичные представители не особенно многочисленной аристократической прослойки в рабочем классе, которая и была базой оппортунизма в русском рабочем движении, в различных его проявлениях.

Более сознательных рабочих ряса Гапона, как и слухи о его сношениях с охранкой несомненно отталкивали, но этот слой был незначителен, на него

[1] «Историко-революционный сборник», в. I, 1924 г., стр. 198.

гапоновцы и не рассчитывали. Для огромной же массы темных, несознательных рабочих ряса и «пастырская» демагогия Гапона являлись, наоборот, в значительной степени приманкой. Кроме того слухи о сношениях Гапона с охранкой парализовались огромным авторитетом, которым пользовались среди рабочих окружавшие Гапона «штабные». Если вначале в тех районах, где рабочие были сознательнее и где социал-демократическая работа была лучше поставлена, к гапоновскому обществу и относились еще недоверчиво, то зимой 1904/05 г. гапоновские «отделы» стали центрами почти поголовной организации петербургских рабочих. Перед 22(9) января в члены «Собрания» вступало по тысяче человек в день и больше. Революционное возбуждение рабочих масс совершенно изменило привычную обстановку в «отделах». До конца декабря, примерно, представителей партий, в особенности социал-демократов, не очень жаловали в «отделах», а часто и совсем не допускали на собрания, перед январскими же событиями их стали даже прямо приглашать. Однако партийные агитаторы были «приемлемы» лишь постольку, поскольку они не слишком шли вразрез с настроением массы: агитатор, который вносил диссонанс призывом к восстанию, красным флагом и т. п., удалялся с собрания самими рабочими.

Событиям 22(9) января, вылившимся непосредственно в революционный акт, предшествовал ряд событий, характеризовавших революционное нарастание в массах.

Революционная ситуация явно начала назревать уже во второй половине 1904 г. Война и промышленный кризис с их неизбежными спутниками — расстройством хозяйственной жизни, дороговизной, безработицей — резко ухудшали положение масс, порождали недовольство и брожение в самых широких кругах населения. Еще больше обострили положение катастрофические поражения царизма на театре военных действий. Колосс оказался стоящим на глиняных ногах. Авторитет военной мощи царизма падал, и одновременно начинала расти оппозиционная «дерзость» либерального «общества». Общественная авансцена была занята шумихой земских и буржуазно-интеллигентских оппозиционных выступлений на всякого рода съездах, банкетах и т. п. Провозглашенная Святополк-Мирским правительственная «весна» была в полном расцвете [1].

Но гораздо более грозными были подземные толчки растущего возмущения пролетарских масс. Учащавшиеся в разных концах страны стачки являлись грозными предвестниками грядущих боев. В ряде случаев интеллигентские съезды и собрания влекли за собой внушительных размеров рабочие демонстрации. В цепи этих событий стачка в Баку в декабре 1904 г., быстро ставшая всеобщей с ярко выраженной политической окраской, закончилась настоящим сражением рабочих с войсками, превратившись в прямой пролог революции.

И наконец правительственная «весна», которая должна была, по мнению многих, ознаменовать полюбовное соглашение «двух сил» — самодержавия и либералов — завершилась «неожиданным апофеозом»: высту-

[1] См. гл. I и II наст. тома. — *Ред.*

плением новой настоящей силы — революционного народа в лице многочисленного питерского пролетариата.

События 22(9) января развертывались так: 16(3) января забастовал по ничтожному сравнительно поводу — увольнение 4 рабочих, членов гапоновского «Собрания» — Путиловский завод. Но 17(4) января путиловцы уже предъявили требования восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы, учреждения выборной рабочей комиссии для разбора претензий и т. п. Революционное возбуждение охватывало самые широкие массы.

Перебрасываясь с завода на завод, стачка к 21(8) января охватила весь Петербург. Бастовало свыше 150 тыс. человек. Оценивая петербургскую стачку, Ленин отмечал поразительно быстрый переход движения с чисто экономической почвы на политическую, громадную солидарность и энергию десятков и сотен тысяч пролетариев. В статье «Петербургская стачка» Ленин писал:

«Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения» [1].

Пришедшие в движение огромные рабочие массы группировались вокруг «отделов» гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», которые стали центром движения. Напряженнейшая борьба, превратившаяся во всеобщую стачку, уперлась в непреклонное сопротивление предпринимателей и стоявших за их спиной полицейских властей. Атмосфера накалялась. Движение, уже разбившее все те границы, которые были поставлены на пути его программой «Собрания», грозило теперь обернуться непосредственно против всего полицейского аппарата самодержавия. В этот последний момент, как на единственный выход из создавшегося положения, организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» поп Георгий Гапон, преданнейший слуга самодержавия, под неимоверным давлением масс, под напором своих «штабных», подхлестываемых событиями, решается вести массы к Зимнему дворцу с петицией о нуждах народных» [2].

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 76.

[2] Петиция петербургских рабочих содержала требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права, а также осуществления следующих мер:

«I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраний, совести в деле религии.

2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

3) Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления.

4) Равенство перед законом всех без исключения.

5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.

II. Меры против нищеты народа:

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей; дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом:

1) Охрана труда законом.

2) Свобода потребительно-производительных профессиональных союзов.

Идея знаменитой петиции зародилась в головах «штабных» еще во время земской петиционной кампании 1904 г.; руководящая группа «Собрания» не один раз поднимала перед Гапоном вопрос о рабочей петиции, о том, чтобы присоединить голос рабочего класса к общему хору «общества». Для того чтобы коллективный голос рабочих не потонул в море земских и буржуазных петиций, предполагалось поддержать рабочие требования забастовкой. Таким образом идея рабочей петиции первоначально возникла в головах «штабных» отнюдь не в связи с развитием массового пролетарского движения, а просто как дополнение к земско-буржуазному либеральному движению. Этот план вряд ли немногим отличался от новоискровского «плана земской кампании». Однако Гапон до поры, до времени оттягивал исполнение плана «штабных», надеясь или совсем похоронить этот план, или изыскать способ, посредством которого можно было бы придать плану подачи петиции царю более или менее невинный характер. События заставили его принять непредвиденное решение.

22(9) января с раннего утра стали стекаться к сборным пунктам сотни тысяч рабочих. А затем эти огромные массы народа двинулись из рабочих районов к площади перед Зимним дворцом. Шли они безоружные, с иконами и царскими портретами впереди. Настроение было торжественное, почти что благоговейное. Великая готовность жертвы — умереть — вот то состояние, которым были охвачены огромные толпы.

Это настроение так отразилось в знаменитой «петиции»:

«...А не повелишь — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда дальше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее».

Да, готовность умереть была, но пока что эта готовность выявлялась в стремлении лишь к пассивной жертве, а не в жажде борьбы, восстания.

И эти безоружные благоговейно настроенные многотысячные толпы, шедшие с челобитной к царю, вдруг начали расстреливать, рубить саблями, мять под копытами казачьих и уланских лошадей. Беспримерное побоище происходило по заранее составленному и тщательно обдуманному плану, под руководством великого князя Владимира, командовавшего гвардией. Характеристику этого плана избиения безоружных рабочих Ленин дал в статье «План петербургского сражения»:

«Военный план дяди царя, Владимира, — писал Ленин, — распоряжавшегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды, в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец (при помощи икон, крестов и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охранению мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади. И главными местами «военных действий» были площади у мостов (Троицкого, Сампсониевского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), наконец, Дворцовая площадь, куда все ж таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется,

3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

4) Свобода борьбы труда с капиталом.

5) Участие рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.

6) Минимальная заработная плата».

страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс» [1].

Военный план вытекал из твердого решения самодержавия решительно расправиться с гигантски разросшимся революционным движением пролетариата. Либеральную депутацию, пытавшуюся обратиться к Витте накануне «Кровавого воскресенья» с просьбой принять петицию от рабочих и не допустить до расстрела безоружной толпы, последний отослал к Святополк-Мирскому, а Святополк-Мирский даже отказал ей в приеме, передав через товарища министра следующее:

«...убеждать нужно не правительство, а рабочих, что правительство прекрасно осведомлено о всем, что происходит, и что оно приняло уже решения, которые не могут быть изменены ни по каким ходатайствам» [2].

Под градом пуль, под ударами уланских и казачьих сабель настроение рабочей массы резко изменилось. Великая готовность умереть осталась, но готовность эта выражалась теперь в жгучей жажде борьбы с оружием в руках. На смену прежней покорности пришел боевой клич: «оружия!». Всюду на улицах и площадях стихийно возникали митинги, беспрерывно раздавались страстные революционные призывы. В ответ на эти призывы из уст огромных толп с величайшей ненавистью прогремело несмолкаемое — «Долой самодержавие!».

В некоторых местах начались нападения на отдельных военных: срывались эполеты, отнималось оружие, а скоро и камни из мостовой полетели в офицеров. Рабочие ломали и жгли телеграфные столбы. В письме одного петербургского адвоката-очевидца, перепечатанном во «Вперед» № 4, сообщалось:

«Толпа заняла буквально все соседние места Невского и Гоголевской улицы, избивая беспощадно всех военных, которые проезжали на санях. Я видел, как толпа до крови избила двух жандармских офицеров и двух артиллерийских прапорщиков... Пожилой генерал был ранен бутылкой в лоб, эполеты были сорваны с него, фуражка при криках «ура» отброшена».

На Невском толпа пыталась построить баррикады. На Васильевском острове это удалось. Васильевцы, под руководством одного социал-демократа большевика, разгромив оружейную мастерскую Шаффа, вооружились найденными там клинками без рукояток. Они отбирали шашки и револьверы проходящих военных, строили баррикады, запасали камни в верхних этажах домов. Происходило форменное сражение. Лишь к вечеру солдаты заняли баррикады. На следующий день рабочие снова их восстановили, и снова баррикады были взяты войсками. Из рядов рабочего класса было вырвано в этот день свыше 200 убитыми и около 800 ранеными.

Всеобщая стачка в Петербурге, сопровождавшая выступление рабочих 22(9) января, пошла на убыль лишь с 26(13) января, окончательно была прекращена только 30(17) января, когда стал на работу Путиловский завод. Но 6 фев-

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 87.

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 96. Разрядка наша. — *Ред.*

раля (24 января) стачечное движение началось вновь. В течение февраля—марта в Петербурге все время продолжалась ползучая стачка, захватывавшая все новые и новые предприятия, бывшие на втором плане в январском движении.

Дело в том, что уже через десять дней после предательского расстрела рабочих на улицах Петербурга правительство, вдохновляемое всесильным отныне диктатором Треповым, инсценировало «патриотическую» депутацию от рабочих к царю. В письме одного петербургского большевика к Ленину по поводу организации этой депутации говорилось следующее:

«Депутат от путиловцев был изловлен при посредстве полиции, которая взяла его на квартире, отвезла в охранку, а оттуда он уже был переправлен в Царское село, и таким образом из арестованного превратился в депутата. Путиловцы страшно возмущены этой комедией и повсюду с негодованием заявляют, что никакого депутата они не выбирали, что на них клевещут и т. п. То же было и на некоторых других заводах. Из документов вы увидите, что в ход был пущен и подкуп. Наконец рабочий Сорокин — заведомый шпион. Положение депутатов крайне опасное: везде рабочие грозятся их убить, или по крайней мере избить» [1].

Составленная таким образом депутация в количестве 34 человек 1 февраля (19 января) была принята царем в Царском селе. Царь произнес перед «депутатами» речь, заранее заготовленную Треповым [2]. Речь ярко характеризовала царского охранника, с одной стороны, заигрывавшего с рабочими в зубатовском духе, а с другой — беспощадно подавлявшего всякое проявление самодеятельности рабочего класса. В то же время она обнаружила все внутреннее убожество коронованного истукана, по шпаргалке произносившего речи. Речь начиналась словами:

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам. Прискорбные события, с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины».

Речь оканчивалась словами:

«Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их» [3].

Это было поистине великолепно сказано. Расстрелять и простить расстрелянных — это было действительно в духе самодержавия. Но цель треповской затеи была совершенно ясна.

«Трепов борется за свою старую московскую политику приманивать массу рабочих экономическими подачками» [4].

Однако после 9 января эту «старую московскую политику» проводить было уже не так просто. Мало помогало и то, что Николай «прощал рабочих».

«Эта гнусная комедия, — заканчивал Ленин свою статью «Трепов хозяйничает», — не обманет, конечно, русский пролетариат, который никогда не забудет кровавого воскресенья. Пролетариат поговорит еще с царем иным языком!» [5].

---

[1] В. Невский, Январские дни в Петербурге в 1905 г. «Красная летопись» № 1 за 1922 г., стр. 61.

[2] См. «Красный архив», т. XX, за 1927 г., стр. 240—242.

[3] Полное собрание речей императора Николая II, изд. «Друг народа», 1906 г., стр. 55.

[4] Ленин, Соч., т. VII, стр. 97.

[5] Там же, стр. 98.

Поиски родственников по больницам.

Петербургская всеобщая стачка и шествие к Зимнему дворцу 22(9) января явились результатом невыносимо тяжелых экономических и политических условий, в которых находился рабочий класс. Эти условия ярко выражены в исторической петиции, которую несли питерские рабочие царю. В петиции говорилось:

«Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к врагам. Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол и мы задыхаемся».

Петиция явилась плодом творчества самых различных людей. К ней приложили руки и поп Гапон, и неведомый социал-демократ, и интеллигент-либерал, и, главное, сама рабочая масса. Обсужденная, дополненная и принятая в «отделах» «Собрания» десятками тысяч рабочих, петиция несомненно отражала настроение рабочей массы. Петиция включала как основную часть своеобразное переложение социал-демократической программы-минимум. Это показывает, что основные требования социал-демократической программы широко проникли в сознание масс, стали их требованиями. Но преломившись в тексте петиции сквозь призму полукрестьянского сознания, эти требования превратились в просьбы, обращенные к царю.

Настроение той массы, которая шла к Зимнему дворцу, Ленин охарактеризовал так в цитированной уже нами статье «Царь-батюшка и баррикады»:

«...те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях,

произволе и грабеже **только** обманывающих царя чиновников. Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру. Каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев — социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплоатируемых, унижаемых и оскорбляемых пролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера. Они не могли итти на восстание, они способны были только просить и умолять» [1].

В Петербурге с конца 1904 г. существовало три социал-демократических организации: «Петербургский комитет РСДРП» (большевистский), «Группа рабочих социал-демократов» (меньшевистская) и «Петербургская группа при ЦК», занимавшая «примиренческую», а фактически ту же меньшевистскую позицию. Каждая из этих организаций вела самостоятельную работу, стараясь привлечь на свою сторону как можно больше рабочих. Единая социал-демократическая организация в Петербурге в конце 1904 г. была разрушена меньшевистским Центральным комитетом, который предложил Петербургскому комитету, большинство в котором принадлежало большевикам, распустить себя, на что Петербургский комитет, естественно, не согласился. Тогда-то и возникла меньшевистская «Группа рабочих социал-демократов», в противовес Петербургскому комитету, а вслед за ней и «Петербургская группа при ЦК». В статье «Пора кончить» Ленин так характеризовал дезорганизаторские действия меньшевиков в Петербурге:

«Дезорганизаторская выходка петербургских меньшевиков не случайность, а обдуманный шаг к расколу комитета, шаг, произведенный при помощи кооптированных в ЦК «меньшевиков» [2],

Так дезорганизаторская тактика меньшевиков, приведшая к расколу петербургской организации накануне массового выступления питерских рабочих, лишила партию возможности в самом начале более или менее полно овладеть движением.

Движение петербургских рабочих при всем его огромном размахе и энтузиазме носило чисто стихийный характер. В статье «Петербургская стачка» Ленин дал такую оценку этого движения:

«Бросается в глаза поразительно быстрый переход движения с чисто экономической почвы на политическую почву, громадная солидарность и энергия десятков и сотен тысяч пролетариев— и все это, несмотря на отсутствие или ничтожность сознательного социал-демократического воздействия» [3],

Но одновременно с этим Ленин отмечает, что

«работа социал-демократии в течение последних десяти лет и уроки рабочего движения за это время принесли свои плоды, разлив идеи социализма и политической борьбы по самым широким каналам» [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 88—89.
[2] Там же, стр. 43.
[3] Там же, стр. 78.
[4] Там же.

Вот как характеризовал положение один из видных петербургских большевиков в своей корреспонденции во «Вперед»:

«Только столкнувшись лицом к лицу со стачечной стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее тот, что мы, Петербургская организация, совершенно бессильны перед стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листков, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листков, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...»[1].

Об этом же говорят и другие источники, относящиеся к этому времени. На гапоновское общество петербургские социал-демократические организации (как большевистская, так и меньшевистская) не обращали до декабря 1904 г. почти никакого внимания. Бывший член Петербургского большевистского комитета того времени Н. В. Дорошенко пишет:

«В работе, если приходилось слышать о выступлениях гапоновского общества, уделялось немного внимания, и всегда разъяснение сущности гапоновского общества сводилось к построению параллели с зубатовщиной, но мне и близким моим товарищам ни разу до последних дней декабря не пришлось посетить ни один из отделов гапоновского общества. Больше того, у меня совершенно не сохранилось в памяти ни одного разговора с организованными рабочими Васильевского и Петербургского районов о посещении кем-либо из наших названных отделов» [2].

Дальше он говорит:

«Всем ходом событий 9 января, думается мне, доказано, что организационного и даже организующего влияния на них социал-демократии не было, как не было и влияния в этом направлении и других революционных групп» [3].

Об этом же говорил впоследствии на III съезде партии делегат съезда от Петербурга П. Румянцев, заявивший:

«Комитет проспал очень много. Невнимание к гапоновским обществам оказалось пагубным» ...[4].

Еще в худшем положении находились меньшевики в момент выступления гапоновских обществ. Но они, как всегда, в этом открыто не сознавались; большевики же, наоборот, имели мужество открыто признать это, чтобы сделать отсюда соответствующие выводы на будущее время.

«Наши, — говорилось в цитированной уже корреспонденции из Петербурга во «Вперед»,— смотревшие сначала на все это движение как на чисто зубатовское, теперь видят, что, так или иначе, надо считаться с ним, пытаются повлиять на попа, пытаются руководить им хотя немного. Социал-демократы оказались, как ни печально в этом сознаться, оттертыми этим прямо стихийным движением» [5].

В конечном счете участие социал-демократии в движении 22 (9) января выразилось в выпуске нескольких листовок и в выступлениях отдельных ораторов социал-демократов на собраниях гапоновских «отделов» в самые послед-

---

[1] «Вперед» № 4 от 31 (18) января 1905 г.

[2] Н. Дорошенко, Роль социал-демократической большевистской организации в январских событиях 1905 г. «Красная летопись» № 3 (14) за 1925 г., стр. 211.

[3] Там же, стр. 218.

[4] Третий очередной съезд РСДРП, Гиз., 1924 г., стр. 203—204.

[5] «Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г., стр. 52.

ние дни перед шествием к Зимнему дворцу. Если социал-демократических ораторов в начале движения на гапоновских собраниях не хотели даже и слушать, то накануне шествия их уже прямо приглашали на собрания, с ними начинали советоваться. Влияние социал-демократии с каждым часом росло. Особенно это чувствовалось в тех районах, где социал-демократические организации были более или менее сильны. Рабочая масса инстинктивно подходила к социал-демократическим лозунгам, восприняв их при развертывании событий, связанных с «Кровавым воскресеньем».

События 22(9) января, грянувшие, как гром над головой либералов и меньшевиков, увлеченных шумихой земской кампании, с поразительной точностью определили основную расстановку движущих сил революции 1905 г. «Революционного народа в России еще нет», писал вождь либералов П. Струве 20(7) января, накануне «Кровавого воскресенья» [1]. Если либералы не видели революционного народа в России накануне «Кровавого воскресенья», то меньшевики пытались подкрепить это положение даже и после выступления питерского пролетариата 22(9) января. В большой статье, подводящей итоги событий 22(9) января, меньшевистская «Искра» писала:

«Революции у нас не было; был один высоко-психологический момент — вера в царя, под влиянием которой толпа пошла в город» [2].

Такая оценка как первого акта революции, так и непосредственно примыкавшего к нему периода, в основном совпадавшая у меньшевиков и либералов, ни в какой мере не была случайной, а вытекала из определенного подхода к революции как тех, так и других. Ведь события 22(9) января отнюдь нельзя было считать неожиданными. Этим событиям, как мы уже указывали, вылившимся непосредственно в революционный акт 22(9) января, предшествовал ряд событий, знаменовавших собой революционное нарастание в массах. Налицо была резко выраженная революционная ситуация, созданная войной и хозяйственным кризисом. Выступление петербургского пролетариата как бы замыкало длинную цепь массовых выступлений рабочего класса в разных пунктах страны в предреволюционный период; переходя непосредственно в революционное восстание, оно положило начало революции. Всего этого не видели или старались не видеть как либералы, так и меньшевики, занятые шумихой земских оппозиционных выступлений.

Движение 22(9) января, — мирное по форме, но решительное по существу, — было выступлением всего рабочего класса на арену революционной борьбы. Наиболее инициативных, наиболее передовых рабочих оно подвело вплотную к идее вооруженного восстания. Следующий факт дает яркий пример тому: 23(10) января васильеостровские рабочие захватили легальную типографию, отпечатали в ней и распространили по петербургу около 10 тыс. экземпляров ими же составленной прокламации. Прокламация гласила:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства. Видели кровь, залившую улицы. Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей. Кровь и мозги

[1] «Освобождение» № 63, 20(7) января 1905 г., статья «Насущная задача времени».
[2] «Искра» № 86, 3 февраля 1905 г., статья «События в Петербурге 9—11 января».

рабочих забрызгали мостовую, мощенную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

Они — убийцы! — смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует Учредительное собрание народных представителей! — Российская с.-д. рабочая партия» [1].

Приводя эту прокламацию в статье «Две тактики», Ленин отмечал гигантское значение постановки задачи вооруженного восстания самими рабочими, что сугубо подчеркивалось им и во всех других статьях этого периода. Когда

«революционная энергия и революционный инстинкт рабочего класса прорвались с неудержимой силой вопреки всяким политическим уловкам и ухищрениям»,

писал он в статье «Поп Гапон» [2], — когда

«первый, самый трудный шаг сделан... пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию»,

добавлял он в статье «План петербургского сражения» [3]. Немедленное вооружение масс, разложение армии и подготовка всего народа к вооруженному свержению самодержавия — таковы основные уроки 22(9) января. Однако Ленин тут же подчеркивает, что это только начало революции, что движение в целом вплотную к восстанию еще не подошло, что нужна еще серьезная, но именно революционная подготовка и обработка масс для преодоления гапоновщины и развития социал-демократического сознания рабочего класса.

Отмеченные Лениным особенности событий 22(9) января совершенно не поняли как меньшевики из новой «Искры», так и разошедшийся с ними из-за «плана земской кампании» Троцкий. Они совершенно не учли значения 22(9) января как первого революционного пробуждения многомиллионной массы от вековой спячки. Для «Искры» это, как мы видели, был просто случайный «психологический подъем, за которым вскоре наступила реакция» [4]. Возражая решительно против ленинского плана организации революции, меньшевики выставляли слабые стороны событий 22(9) января отправными точками своих хвостистских теорий. Так, Дан в статье «Начало революции», помещенной в «Искре» № 84 от 31(18) января 1905 г., как и экономисты раньше, под видом борьбы за «чистоту», за «классовость» движения рабочего класса, развивал отказ от организации и руководства начавшейся открытой революционной борьбой пролетариата. Слабые стороны руководства партии событиями 22(9) января он как раз выдавал за силу движения, указывал на возможность создать такое руководство и поставить его на должную высоту. Дан писал:

«... какой урок... тем утопистам, «конспиративной» организации (имеются в виду большевики. — *Ред.*), которые считали возможным во имя привычки к повиновению, во имя формально организационной «дисциплины» механическим рычагом «агентуры» двигать по своему усмотрению миллионную армию рабочего класса. Пусть попробуют они приложить эту наивно-аракчеевскую мерку к тому грандиозному движению, кото-

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 112—113.

[2] Там же, стр. 84—85.

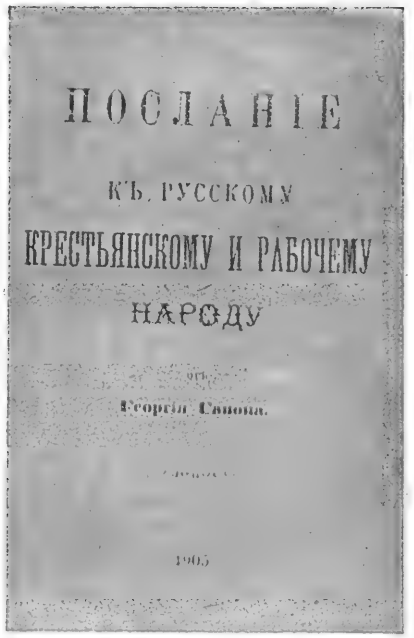
[3] Там же, стр. 86—87.

[4] «Искра» № 86 от 3 февраля 1905 г., статья «События в Петербурге 9—11 января».

рое развертывается перед нашими глазами. Пусть попробуют они в организационном уставе третьего, четвертого и пятого съездов «профессиональных революционеров» искать того магического средства, которое даст социал-демократии величайшее, доступное ей счастье — оглушевить этот массовый поток классовым сознанием, политической самостоятельностью!»

Представляет большой интерес в связи с утверждением Троцкого в его книге «Моя жизнь» о полном единстве тактической линии Ленина и Троцкого в 1905 г. та отповедь, которую получила «левая» фраза Троцкого со стороны Ленина. Вот что писал Троцкий в своей брошюре «До 9 января»:

«Священник Гапон мог появиться однажды... Второму Гапону нет места, ибо то, что теперь нужно, это не огненные иллюзии, а ясное революционное сознание» [1]...



Отмечая ошибку Троцкого, Ленин писал в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство»:

«Если пустозвон Троцкий пишет теперь... что «священник Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой... она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их, — это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных» народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает... со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому, что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота. И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отметая от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других» [2].

Отсюда видно, что, по мнению Ленина, Троцкий своими словами о Гапоне обнаруживал полное непонимание огромной исторической роли и значения мелкобуржуазных масс, а в первую голову — крестьянства в надвигавшейся буржуазной русской революции, т. е. непонимание основного своеобразия этой революции, составлявшего ее национальное лицо. Конкретный анализ

[1] Троцкий, Соч., 1926 г., т. II, ч. 1, стр. 64. Разрядка автора.
[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 194—195.

характера этой революции Троцкий подменял своими фразами о Гапоне. Поэтому Ленин с полным правом мог сказать: «Если пустозвон Троцкий пишет теперь..., что «священник Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он — пустозвон».

Несмотря на столь ясные, казалось бы, слова, «пустозвон Троцкий» с развязностью промотавшегося и побитого, но все же пытающегося сохранить свое «благородство» игрока и в настоящее время, спустя 25 лет после Гапона и 9 января, пытается уверить буржуазную читающую публику Запада, что разногласия между ним и Лениным в вопросах революции 1905 г. никогда не существовали в действительности и представляют собой позднейшее изобретение «красных профессоров сталинской формации» по заказам нынешних большевистских «полувождей». Вот что пишет Троцкий в выпущенной в 1930 г. буржуазным немецким издательством Фишера книге «Mein Leben. Versuch einer Autobiographie» (569 страниц!), где он выставляет себя подлинным вождем революции 1905, а в дальнейшем — и 1917 г.:

«Каковы были в революции 1905 г. взаимоотношения между мною и Лениным? После его смерти официальная история переделывалась заново, причем и для 1905 г. была изобретена (в русском издании смягчено: установлена) борьба двух начал: добра и зла (стр. 172). И далее: «Только после смерти Ленина, когда началась тщательно подготовленная кампания против меня, в полосу обстрела была вовлечена и моя книга о 1905 г. Сперва дело ограничилось отдельными замечаниями и придирками, жалкими и ничтожными. Но постепенно критика смелела, нарастала, множилась, усложнялась, наглела, становилась тем более шумной, чем более ей приходилось заглушать голос собственной тревоги. Так создана была задним числом легенда о борьбе линий Ленина и Троцкого в революции 1905 г.» (стр. 175).

Бумага все стерпит. А буржуазный немецкий читатель, конечно, не сможет, да и не захочет разбираться в таких тонкостях, как оценка движущих сил русской революции 1905 г., — оценка, по поводу которой Троцкий заслужил от Ленина столь меткое прозвище «пустозвона».

в) РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА И ПАРТИЯ НАКАНУНЕ III СЪЕЗДА.

Возбуждение, охватившее всю страну после бойни 22(9) января, было огромно. Прогремевшие на берегах Невы выстрелы всколыхнули весь рабочий класс России. Не осталось буквально ни одного более или менее крупного промышленного центра, где бы рабочие так или иначе не отозвались на петербургские события. Даже в самых глухих уголках России, где имелись лишь небольшие горстки рабочих, и те присоединились к общей борьбе, к общему протесту против дикой расправы самодержавия над питерскими рабочими. Огромная волна забастовок, переходившая во многих местах в кровавые столкновения с войсками, захлестнула всю страну. Оценивая впоследствии этот взрыв революционной борьбы рабочего класса, Ленин говорил:

«Я не могу не привести несколько закругленных цифр, чтобы у нас была возможность оценить действительную объективную основу всего движения. Средняя годичная цифра бастующих в России в течение 10 лет до революции равнялось 43 тысячам. Следовательно, общее количество бастующих за все десятилетие до революции составляло 430 тысяч. В январе 1905 г., в первый месяц революции, число бастующих составило 440 тысяч. Значит, за один только месяц больше, чем за все предыдущее десятилетие!» [1].

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 346

Характерной особенностью забастовок в этот период было то, что забастовки всюду возникали стихийно с неудержимой силой как протест против зверств царизма. Лишь в процессе борьбы обычно через несколько дней после объявления забастовки, рабочие начинали предъявлять экономические требования. В цитированном уже «Докладе о революции 1905 г.» Ленин дал непревзойденную характеристику этой героической борьбы рабочего класса, характеристику, ни в малейшей мере не утратившую своего значения для капиталистических стран и в настоящее время:

«Это показывает, — говорил Ленин, — насколько великой может быть дремлющая энергия пролетариата. Это говорит о том, что в революционную эпоху, — я утверждаю это без всякого преувеличения, на основании самых точных данных русской истории, — пролетариат м о ж е т развить энергию борьбы в о с т о р а з большую, чем в обычное спокойное время. Это говорит о том, что человечество вплоть до 1905 г. не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!» [1].

Первыми на питерские события отозвались рабочие Москвы. Уже на второй день после «Кровавого воскресенья», 23(10) января и. д. градоначальника г. Москвы генерал-майор Руднев доносил в департамент полиции, что

«сего числа в послеобеденное время забастовали в Москве рабочие механических заводов Бромлей, Вейхельд и Военно-обозных мастерских, всего до трех тысяч человек» [2].

В тот же день к забастовке начали примыкать и другие фабрики и заводы Москвы. По официальным данным, безусловно преуменьшенным, уже 24(11) января в Москве бастовало 14 тыс. человек; к 27(14) января, по тем же данным, число бастующих достигает 30 тыс. По сведениям нелегальной социал-демократической печати, число бастующих в этот период достигало в Москве до 43 тыс. человек, но и эти сведения нельзя признать точными, забастовка шла неравномерно: одни заводы и фабрики входили в забастовку, другие прекращали ее. Были и такие предприятия, которые по нескольку раз объявляли забастовку в течение короткого промежутка времени. Остро сказывалось отсутствие твердого руководства со стороны социал-демократической организации. Рабочий класс еще ощупью шел на борьбу. Стремление к борьбе в его рядах было огромное, однако отсутствие твердого партийного руководства ослабляло это стремление. Произведенные охранкой многочисленные аресты среди передовых рабочих окончательно подорвали движение. Как уже сказано выше, вначале забастовка в Москве вспыхнула стихийно в знак солидарности с петербургскими рабочими, и лишь в процессе ее бастующие выдвинули экономические требования.

Совсем иной характер носило движение в Польше и Прибалтийском крае. Особенно грандиозно развернулись события в Варшаве. Здесь с самого начала польская социал-демократия стала во главе движения, придала движению сознательность и глубину. Вот как отзывался о подготовке этого движения

---

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 346.

[2] В. Невский, Январские дни 1905 г. в Москве. По неизданным архивным документам, «Красная летопись» № 2—3 за 1922 г.

начальник охранного отделения г. Варшавы в своей докладной записке департаменту полиции:

«Последние события в Петербурге, нашедшие, как сообщают газеты, уже отражение в Москве, Ковно и Вильне, в сильной степени воодушевили здешние революционные организации, среди которых в настоящее время происходят совещания о том, каким образом отозваться на эти события, причем многие настаивают на необходимости устройства в самом недалеком будущем противоправительственной демонстрации» [1].

Одновременно с усиленной подготовкой революционных организаций к выступлению в правительственных кругах шла не менее усиленная подготовка к контрвыступлению: устраивались совещания высших должностных лиц, вырабатывались планы действий, стягивались к Варшаве войска. Однако правительственные приготовления ни на иоту не поколебали решимости варшавского пролетариата. Уже 25(12) января социал-демократические организации из разных концов города сообщали, что рабочие готовы к забастовке. Но Варшавский комитет С.-Д. П. П. и Л. ни 25(12), ни 26(13) еще не призывал рабочих Варшавы к забастовке, и лишь только 27(14) января он начал приостанавливать работы на тех фабриках и заводах, где настроение рабочих было особенно напряженным. Медлительность Варшавского комитета в вопросе объявления забастовки объяснялась тем, что он хотел придать забастовке более организованный, более мощный характер. К 5 часам вечера того же дня, 27(14) января, забастовка стала всеобщей: остановились все фабрики, заводы, типографии, пекарни и т. п. К вечеру в тот же день начались и столкновения с войсками и жандармами, «подготовленными» к встрече с рабочими заблаговременно. В дальнейшем варшавская всеобщая забастовка вылилась в форменное вооруженное восстание польского пролетариата. Крайнего напряжения движение достигло 28(15) — 30(17) января, и лишь под угрозой поголовного расстрела рабочих оно пошло на убыль в последующие дни. 2 февраля (20 января) польская социал-демократия призвала рабочих к окончанию политической забастовки, не прекращая борьбы экономической против хозяев. По официальным данным, безусловно не точным, варшавские рабочие потеряли в этом выступлений 90 человек убитыми и 176 ранеными. Действительные потери варшавских рабочих конечно были больше этих цифр. Однако, если принять во внимание то ожесточение, с которым дрались рабочие с войсками, эти потери нельзя считать особенно большими. Противник также понес большие потери. Объясняется это тем, что варшавские рабочие заранее были приготовлены к выступлению. Они шли с определенной целью — бороться, а не просить, как питерские рабочие. Многие из них имели при себе не царские портреты и хоругви, а оружие: при каждом нападении войск и жандармов они могли оказать стойкое сопротивление. Движение в Варшаве тем и отличалось от петербургского, что оно было подготовлено революционной социал-демократией и развивалось планомерно.

Выступление польского пролетариата не ограничилось только политической забастовкой в Варшаве. Варшавская забастовка чрезвычайно быстро

---

[1] В. Невский, Январские дни 1905 г. в провинции, «Красная летопись» № 4 за 1922 г.

распространилась на все крупные промышленные центры Польши: Лодзь, Ченстохов, Домбровский район, а затем и на менее значительные пункты, охватив всю Польшу. Как и в Варшаве, выступление во многих местах сопровождалось столкновениями с войсками и полицией.

В Прибалтийском крае движение также охватило все более или менее крупные промышленные центры. Началось оно с Риги. Как только до Риги дошло известие о «Кровавом воскресеньи», революционными организациями Риги немедленно начата была усиленная подготовка к забастовке. Забастовка была объявлена на 25(12) января, полного развития она достигла на следующий день, 26(13) января, когда с утра забастовали все фабрики и заводы, типографии и трамвай. В этот день к вечеру скопление народных масс на улицах достигло невиданных в Риге размеров — свыше 25 тыс. человек. Эти массы сплошной стеной двигались по направлению к железнодорожному мосту. На пути их оказались войска — рота железнодорожного батальона. Произошло столкновение, и полилась кровь. Выстрелов никто не ожидал, и тем не менее они последовали. Солдаты начали стрелять без малейшего предупреждения и без какого-либо повода со стороны двигавшихся масс. Число пострадавших точно не установлено. По официальным данным, оно равнялось 44 убитым и 46 раненым, из которых 3 человека оказались убитыми со стороны правительственных войск и 6 человек из них были ранены. Цифры эти безусловно уменьшены. По другим источникам убитых было около 100 человек и раненых около 150. Расстрел мирной толпы конечно нисколько не уменьшил революционной энергии пролетариата, а, наоборот, усилил ее. Движение начало утихать лишь к 1 февраля (19 января).

Забастовкой в Риге руководил федеративный комитет, в состав которого входили представители социал-демократии Латышского края, Российской социал-демократической рабочей партии, социал-демократии Царства Польского и Литвы, Бунда, партии социалистов-революционеров и несколько боевых внепартийных организаций. Самой крупной из этих организаций в Риге, как и во всем Прибалтийском крае, была латышская социал-демократия, второй по силе являлась российская социал-демократия. Своеобразие национальных условий, имевшихся в Прибалтийском крае, и было причиной существования там нескольких социал-демократических организаций, которые объединились с РСДРП только в 1906 г. на Объединительном съезде. Наличие сильных социал-демократических организаций, развитая промышленность, высокий уровень развития рабочего класса по сравнению с центром России — все это дало возможность вылиться январскому движению как в Риге, так и во всем Прибалтийском крае в сознательное и организованное движение рабочего класса. Из Риги движение чрезвычайно быстро перекинулось в другие промышленные пункты: Ревель, Либаву, Митаву, Кренгольм, Пернов, Юрьев и пр. Везде оно носило ярко выраженный политический характер, сопровождалось столкновениями с войсками и полицией.

В первые же дни после 22(9) января вспыхнули забастовки протеста и в других промышленных центрах России: Саратове, Брянске, Киеве, Харькове Екатеринославе, Тифлисе, Батуме и других городах, распространяясь на менее важные пункты, втягивая в движение все слои рабочего класса.

Начавшись бурной вспышкой в январе, стачечное движение по всей России уже не затихает, вовлекая все новые и новые слои рабочих в свой водоворот, приобретая все более и более организованный и сознательно-политический характер.

Наиболее характерной чертой этих первых месяцев революции и было именно пробуждение, вовлечение в движение новых, совсем не затронутых раньше «политикой», наиболее отсталых, мало организованных слоев пролетариата. Полотеры, мясники, парикмахеры, прачки, официанты, приказчики, ассенизаторы — все встрепенулись, подняли головы, старались организоваться. Это вовлечение в движение наиболее отсталых масс, всей толщи рабочего класса и показывало огромную глубину революции, огромный размах ее.

Необъятные массы, проснувшиеся к сознательной политической жизни, охвачены были прежде всего настойчивым стремлением свободно выражать свое мнение, свободно слушать других, выйти на улицу, «завоевать» улицу. Стачки всюду сопровождались огромными митингами, где выступали как партийные ораторы, так и «выдвиженцы» из среды самой рабочей массы. Рабочая масса явочным порядком завоевывала свободу собраний. По сообщению Владимирова на III съезде, в Гомеле была одна улица, которая всецело принадлежала рабочим. Здесь в свободное от работы время собирались чуть ли не все рабочие города. Здесь раздавалась литература, сюда являлись партийные агитаторы и пропагандисты. Такое «завоевание» рабочей массой определенного места для ежедневных сборищ стало обычным почти в каждом центре Западного края. На юге подобные овладения рабочими организациями улицей привились в Киеве и в Екатеринославе. Екатеринославские рабочие заводов Брянского и «Амур» использовали для своих явок («подпольная биржа») Екатерининский бульвар.

Небывалый размах движения предъявлял огромный спрос на социал-демократическое руководство. А партия была еще слаба. Партийные комитеты, едва-едва начинавшие становиться на ноги после долгой внутрипартийной склоки из-за дезорганизаторской работы меньшевиков, не могли еще справиться с этим внезапно нахлынувшим стачечным потоком, они не могли еще полностью использовать революционный подъем в массах. Бывали случаи, когда стачка, начатая по инициативе социал-демократической организации, не могла быть доведена до конца под руководством социал-демократии просто из-за недостатка работников. Часто приходилось ограничиваться выпуском агитационной листовки там, где нужно было личное руководство. Движение явно перерастало партийные организации.

Однако подъем массового движения оживил и партийные организации, которые встряхнулись от внутрипартийной склоки и стали быстро разворачивать организационную работу. Во время стачек социал-демократы, как правило, проводили митинги, распространяли большое количество литературы, брали на себя руководство массами. Все это вводило партию в центр массового движения, теснее сплачивало массы вокруг нее. Авторитет и влияние социал-демократии в рабочих массах росли с каждым днем, а вместе с тем становились полнокровнее и местные партийные организации с притоком в них новых сил из рабочей среды.

Весна 1905 г. явилась таким образом периодом оформления, расширения и укрепления социал-демократических организаций. Началось массовое вхождение передовых рабочих в партию. Из кружков стали создаваться партийные комитеты, комитеты образовывали районные организации. Сообразно формам массового рабочего движения изменились и методы партийной работы. Все больше и больше места в партийной работе стали отводить агитации. Пропагандистские кружки уже мало удовлетворяли рабочих. Петербургский большевистский комитет перестроил к этому времени всю свою систему пропаганды, сделал ее более легкой, подвижной, включающей летучие кружки, занимающиеся злободневными политическими вопросами, — но и этого было уже недостаточно.

Движение перерастало узкие кружковые подпольные формы, оно рвалось из подполья на волю, требовало широких массовых пролетарских организаций, которые всесторонне охватывали бы практическое руководство всей борьбой рабочих.

Среди интеллигенции после 22(9) января, под влиянием революционного выступления пролетариата, началось расслоение. Одна часть профессиональной интеллигенции пошла в ногу с либералами и под их влиянием начала организовываться в политические профессиональные союзы полулиберальной, полународнической окраски; другая часть — главным образом учащаяся молодежь — потянулась к пролетарской партии. В социал-демократических организациях крупных центров наблюдалось в этот период огромное предложение сил интеллигентской молодежи. В большинстве это был народ неопытный в революционной работе и незрелый идеологически. Нужно было воспитывать эту публику, давать ей умелое руководство, что было не легко сделать при огромном недостатке самостоятельных руководящих работников у большевиков. В боевой обстановке революции партия начала быстро наверстывать упущенное, становилась во главе движения масс.

В Петербурге не прошло и месяца после событий 22(9) января, как большевистский комитет уже сумел повести за собой рабочие массы в кампании, проведенной им в связи с выборами в комиссию Шидловского.

Развернувшееся после событий 22(9) января грандиозное забастовочное движение воочию убедило правительство, что одним ударом покончить с революцией нельзя, тогда правительство стало на путь заигрывания с рабочими, обещая им экономические улучшения. С этой целью по «высочайшему повелению» от 11 февраля (29 января) была учреждена комиссия сенатора Шидловского для

«безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем».

Рабочие Петербурга должны были избрать в эту комиссию 50 уполномоченных. Выборы были двухстепенные: сначала рабочие на предприятиях избирали выборщиков, которые затем должны были избрать из своей среды уполномоченных. Эта «комиссия государственных фокусов» (по выражению «Вперед») имела единственной задачей отвлечь внимание рабочих от непосредственной революционной борьбы в русло невинной болтовни. Видя, что некоторая часть рабочих еще верит в возможность «мирным путем» добиться

уступок от самодержавия, большевики призвали рабочих выбирать уполномоченных в комиссию с исключительной целью — разоблачить правительственные махинации. Рабочим рекомендовалось при выборах требовать полной гласности работ комиссии, неприкосновенности депутатов, освобождения ранее арестованных, свободы собраний и печати и т. п.; в случае неудовлетворения этих требований — сорвать комиссию. Меньшевики не сумели установить ясной тактики в отношении комиссии Шидловского: сначала они пытались проводить полный бойкот комиссии, потом, видя его невыполнимость из-за надежд, возлагавшихся еще на комиссию многими рабочими, они стали связывать с выборами в комиссию идею самочинного рабочего представительства — «истоки будущего рабочего съезда». Затем «Искра» увидела в комиссии Шидловского уступку правительства —

«крупный факт в истории профессионального рабочего движения в России», и считала возможным «через посредство правительственной комиссии завоевать себе организующий политический центр» [1].

Последующие события и факты показали правильность большевистской линии. Намерению правительства потушить революционный пожар путем бюрократического крючкотворства рабочие противопоставили непреклонную решимость добиться своих целей революционным путем. Во время выборной кампании сенатору Шидловскому был предъявлен ряд требований, касающихся условий, на которых рабочие соглашались принять участие в выборах. Требования эти в основном сводились к тем требованиям, которые рекомендовали рабочим большевики: свобода обсуждения рабочими своих нужд, неприкосновенность личности делегатов и всех участников собраний, право делегатов оповещать как устно, так и в печати о том, что делается в комиссии и т. п.

Свои требования петербургский пролетариат поддерживал волной забастовок, которые беспрерывно продолжались вплоть до 26(13) февраля, т. е. до дня выбора выборщиков. В забастовках принимали участие все сколько-нибудь значительные фабрики и заводы Петербурга. 26(13) февраля рабочие избрали выборщиков, после чего количество забастовок, однако, не уменьшалось. Рабочие требовали разрешения устройства предварительных совещаний выборщиков по районам для обсуждения кандидатур депутатов в комиссию. Рассчитывая успокоить рабочих, Шидловский разрешил такие собрания. На этих собраниях, происходивших 28(15) февраля, были приняты решения требовать общегородского собрания выборщиков. Под давлением все усиливавшегося забастовочного движения Шидловский вынужден был разрешить и общегородское собрание выборщиков, которое и состоялось 1—2 марта (16—17 февраля). На этом собрании были оформлены все те требования, которые выдвигались как партийными организациями, так и беспартийной рабочей массой, вплоть до требования созыва Учредительного собрания. В особом заявлении, принятом собранием по предложению меньшевиков, все эти требования были переданы Шидловскому. Кроме того на собрании было принято решение не принимать участия в комиссии, если требования не будут удовлетворены. На сле-

[1] «Искра» № 88 от 17 февраля 1905 г. Статья «Что нам делать с комиссией сенатора Шидловского?».

дующий день, 3 марта (18 февраля), выборщики явились за ответом и нашли у входа в народный дом Паниной, где состоялось общегородское собрание, объявление Шидловского о том, что большая часть ходатайств выборщиков выходит за пределы задач, возложенных на комиссию, и поэтому ответа на них председатель комиссии дать не может. Объявление вместе с тем приглашало выборщиков явиться в назначенный час на выборы депутатов в комиссию, которые должны были состояться в этот день. В ответ на это объявление выборщики отказались от выборов депутатов. 5 марта (20 февраля) последовало правительственное сообщение о ликвидации комиссии Шидловского ввиду отказа выборщиков выбирать депутатов в комиссию. Таким образом выборная кампания в комиссию Шидловского на второй стадии выборов, на которую особенно рассчитывали меньшевики, демонстративно была сорвана.

«Длительная кампания во всероссийском масштабе, рисовавшаяся «Искре», таким образом не осуществилась»,

замечает Мартов в своей «Истории российской социал-демократии» [1]. Полностью восторжествовала тактика большевиков.

Выборная кампания в комиссию Шидловского проведена была большевиками с большим успехом. На подавляющем большинстве заводов и фабрик были организованы открытые массовые собрания, где выступали представители Петербургского комитета и местные партийные рабочие — большевики, — «вся армия была двинута в дело». Почти всюду были приняты резолюции, предложенные Петербургским комитетом партии. Избраны были в большинстве рабочие социал-демократы или близкие к партии. Кампания по выборам в комиссию Шидловского была первым крупным открытым выступлением социал-демократии, первым экзаменом после 22(9) января, и экзамен этот показал, что организация большевиков вышла из подпольной замкнутости и быстро овладела руководством масс.

Неверно и по-меньшевистски грубо-тенденциозно изложено Мартовым в «Истории российской социал-демократии» отношение большевиков и меньшевиков к комиссии Шидловского. Мартов пишет, что большевики будто бы сначала просто бойкотировали комиссию, а затем под влиянием напора рабочих масс вынуждены были принять участие в выборной кампании, волочась в хвосте, в то время как меньшевики с самого начала руководили этим движением. В подтверждение своих слов Мартов ссылается на доклад Румянцева (по съезду Филиппова) на «съезде фракции», как называет Мартов III съезд партии. Но ничего похожего на то, что приписывает Мартов Румянцеву, последний и не думал говорить. В своем заключительном слове по докладу об отношении к тактике правительства накануне переворота, сделанному на десятом заседании (1 мая), Румянцев говорил:

«Я не буду защищать деятельность Петербургского комитета в целом. Комитет проспал очень много. Невнимание к гапоновским обществам оказалось пагубным, и оно вытекало в значительной мере из прямолинейного и неправильного понимания наших общих принципов. Комиссии же Шидловского мы не проспали. Еще до опубликования извещения этой комиссии Комитет был прекрасно о ней осве-

[1] Л. Мартов, История российской социал-демократии, изд. «Книга», 1923 г., стр. 96.

домлен и выработал свою тактику. Споров не было, что надо бойкотировать комиссию. Но ограничение выпуском листков о бойкоте, хотя и отвечало бы общему принципу нашей тактики, привело бы к тому, что выборы произошли бы без участия Комитета. Избиратели колебались, думали, что комиссия что-нибудь даст полезное для рабочих,— правительство ведь тоже агитирует. Стремление со стороны рабочих участвовать в выборах было несомненно. Нам предстояло или стоять в стороне от предвыборной агитации, или показать на деле фальшивость и обманчивость правительственной политики. А это можно было сделать, лишь приняв участие в выборах, проведя сознательных рабочих в число выборщиков, предъявив требования к комиссии, которые несомненно не будут исполнены. Надо пользоваться каждым случаем открытого выступления, показывать на деле лицемерие правительства, — тогда и только тогда массы будут верить нам, иначе влияние будет ничтожно, влиять же на рабочих будут Гапоны и даже провокаторы» [1].

Таково было действительное, а не искаженное отношение большевиков к комиссии Шидловского [2]. Об отношении же к комиссии меньшевиков красноречиво говорят приведенные нами выше цитаты из «Искры» и «Истории» Мартова. В конце концов и сам Мартов на страницах своей «Истории» вынужден был признать, что

«тенденция «Искры» шла однако вразрез с преобладающими настроениями не только «большевистских», но и «меньшевистских» рабочих и массы партийных деятелей» [3].

Вот против этих-то «тенденций» меньшевистских «директив» и боролись большевики,

Хотя выборная кампания в комиссию Шидловского и была проведена большевистским Петербургским комитетом чрезвычайно удачно, все же в общем и целом партийные организации на местах не справлялись и с десятой долей того, что нужно было делать, чего требовала обстановка. А обстановка требовала от большевиков очень многого. Кроме социал-демократии (считая обе конкурировавшие между собою фракции), на политической арене выступали и либералы и эсеры. И те и другие вовсе не собирались без боя признать монопольное право социал-демократии на руководство рабочим движением. Напротив, слабостью и внутренними раздорами социал-демократии эсеры и либералы пользовались, чтобы всячески усилить свои позиции в рабочем классе. Социал-демократической партии предстояло отвоевать свою гегемонию над рабочим классом в упорной борьбе против буржуазного влияния на пролетариат.

Выступление на общественную сцену пролетариата как самостоятельной силы под руководством социал-демократии, заставило либеральную буржуазию занять резко-враждебную позицию по отношению к последней. Если до 22(9) января либералы, надеясь, что рабочее движение будет лить воду на буржуазную мельницу, относились к социал-демократии в общем более или менее «лойяльно», то после 22(9) января, очутившись пред фактом с а м о с т о я т е л ь н о г о классового выступления пролетариата, либералы начинают клясть на чем свет стоит социал-демократию, резко выступают против ее лозунгов, прекращают материальную поддержку социал-демократических

[1] Третий очередной съезд РСДРП, Гиз., 1924 г., стр. 203—204.

[2] О том же говорят и Протоколы заседаний Петербургского большевистского комитета за февраль 1905 г., опубликованные в «Пролетарской революции» № 12 (35) за 1924 г., стр. 10—50.

[3] Л. М а р т о в, История российской социал-демократии, изд. «Книга», 1923 г., стр. 95.

организаций большевистского направления, поддерживая в то же время меньшевиков.

С другой стороны, усиливаются попытки либералов самостоятельно, посредством своих собственных организаций, проникнуть в рабочие массы, завоевать политическое влияние на рабочих, овладеть движением.

Здесь огромную роль играли прежде всего легальные газеты либералов. Благодаря оппозиционному тону при отсутствии легальной социал-демократической печати, либеральные газеты усердно читались самыми широкими слоями просыпавшихся к политической жизни рабочих. Оппозиционные газеты уделяли много места рабочему вопросу, всячески заигрывали с рабочими, превозносили героизм питерских пролетариев, выступивших 22(9) января, а в то же время настойчиво указывали на то, что коренного улучшения положения рабочих возможно достичь без всякой революции и при существовании самодержавия.

Одними газетами дело не ограничивалось. Либералы всячески старались заводить и непосредственные связи в рабочей среде. Началась возня со всякого рода культурническими обществами для рабочих; либералы повели агитацию на заводах, распространяли среди рабочих «Освобождение», пытались даже руководить стачками наиболее отсталых профессий. На некоторых предприятиях, в особенности у типографских рабочих, примыкавших ближе всего к «рабочей аристократии», были небольшие группки рабочих — «освобожденцев», позже — кадетов. Такая группа существовала, например, в Москве в крупной типографии Кушнерева. Освобожденцы организовывали среди рабочих свои пропагандистские кружки. Наконец были даже определенные попытки создания «освобожденческой рабочей партии». В Петербурге либералы организовали «рабочий союз», сумевший раскинуть свою деятельность на несколько районов. Этот союз привлек даже некоторые группы наиболее серых рабочих, соблазнившихся лозунгом «организоваться» и не разбиравшихся в различиях политических программ. Руководители союза усиленно призывали пролетариат к объединению с другими классами общества, всячески затушевывая разногласия с социал-демократией и избегая вообще конкретной формулировки своих задач и программы. Хотя развитие революции все больше и больше воспитывало рабочих в социал-демократическом духе, однако, как видим, известные слои рабочих либералы все же могли еще повести за собой. Опасность либерального влияния в рабочем классе была вполне реальной. С этой опасностью необходимо было считаться и бороться.

Кроме либералов, социал-демократической гегемонии в движении рабочего класса угрожали и притом в гораздо большей степени и социалисты-революционеры. Не следует преуменьшать влияния социалистов-революционеров. Достаточно сказать, что в Москве 18(5) декабря 1904 г. эсерами были организованы четыре политических демонстрации учащихся и рабочих, захватившие в общей сложности около 5 тыс. человек. На крупнейшей московской Прохоровской мануфактуре эсеры пользовались преобладающим влиянием почти до самого декабрьского восстания; сильны они были в начале года и на харьковском паровозостроительном заводе. Велико было эсеровское влияние среди железнодорожных служащих. В Смоленске, Нижнем-Новгороде, Двинске,

Житомире, Белостоке, Вильне — эсеры организовывали в весенние месяцы демонстрации, в некоторых местах играли даже руководящую роль в откликах на 22(9) января. В ряде городов (Москва, Питер, Брянск, Вильно, Киев, Кишинев, Пенза, Саратов) эсеры создавали свои рабочие союзы; эсеровские рабочие группы были и в Донбассе. В целом ряде мест — и прежде всего в Петербурге и Москве — влияние эсеров на полукрестьянские слои рабочих было в начале 1905 г. довольно велико, и они часто не без успеха конкурировали с социал-демократами.

Эсеровская пропаганда среди рабочих действовала самым развращающим образом. Эсеры обращались к рабочим с проповедью «общности интересов» различных классов, говорили о том, что сейчас не время указывать на классовые противоречия, призывали рабочих к созданию «партии всех трудящихся» вместо классовой пролетарской партии, призывали к созданию «надклассовых» профсоюзов.

Политическая платформа, с которой эсеры обращались к рабочим, была весьма куцой, умеренной. Эти «герои революционного визга» [1], по выражению Ленина, проповедывали «экономическую борьбу рабочих с хозяевами и правительством» путем всеобщей стачки, но скромно воздерживались от агитации за массовое вооруженное восстание и от упоминания о демократической республике, зато провозглашали необходимость созыва

«З е м с к о г о с о б о р а» от всей русской земли, от всех русских людей без различия пола и состояния, на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права» [2].

Практически эсеровская агитация среди рабочих по своим мотивам и по своим последствиям ровно ничем не отличалась от агитации либералов. В своей городской работе эсеры выступали просто как придаток либеральной буржуазии.

После 22(9) января партии приходилось работать в совершенно новой обстановке. Впервые в активную политическую жизнь вовлекались новые слои, миллионные массы рабочих, городской бедноты, интеллигенции, крестьянства. Вместе с тем революционная обстановка создавала фактически легализацию движения. Еще так недавно социал-демократии приходилось тратить огромную часть сил на работу культурническую, на вовлечение рабочих в экономическую борьбу, «учить рабочих грамоте и в прямом и в переносном смысле». А сейчас элементарное политическое просвещение, пропаганда общедемократических требований, проводились в необычайно широких размерах легальной оппозиционной печатью, демократической интеллигенцией, либералами. Это разгружало социал-демократию, давало партии возможность сосредоточить все свое внимание на функциях чисто политического руководства гигантски разросшимся движением, на специфических задачах социал-демократического воспитания пролетариата. В этом заключались огромные плюсы легализации движения. Но были и минусы. Приобщение к движению новых слоев, новых классов, совершенно новый размах и обстановка движения, — все это сильно увеличивало возможности буржуазного влияния на пролетариат. Поэтому

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XII, стр. 301.

[2] Из листка Московского комитета ПСР от 15 января 1905 г. «Вперед» № 17, статья В. К а р п и н с к о г о, Социалисты-революционеры на работе.

новая обстановка обязывала партию к упорной работе разоблачения либералов, к критике неустойчивости, непоследовательности, колебаний буржуазных политических группировок.

Революция ставила перед партией огромные новые задачи. Нужно было расширить социал-демократическую агитацию на новые слои городской и деревенской бедноты, нужно было организовать вооружение народа, готовить вооруженное восстание, обеспечить боевое соглашение пролетариата с революционной демократией. Партии предстояло обеспечить свою гегемонию в революции с тем, чтобы наложить на революцию, на весь ход общественного движения, специфически-пролетарский, социал-демократический отпечаток.

Первым условием для этого была реорганизация партии, ее укрепление, решительное приспособление форм и методов партийной работы к задачам руководства революцией.

Однако вопрос реорганизации партии в этот начальный период революции меньшевики и большевики решали по-разному.

Оторванность партии от масс в январские дни, явная недостаточность старых подпольных форм и методов работы, легальные успехи либералов, — все это повергло меньшевиков в панику и заставило их начать пересмотр самых основ организации партии, заложенных старой «Искрой». Отдельные меньшевики начинали уже договариваться до ликвидаторства, фетишизирования легальности, осмеяния подполья, до уничтожения всяких граней между партией и классом, до растворения партии в массовых беспартийных рабочих организациях. А наиболее последовательные меньшевики готовы были приступить к ликвидации подполья, как несоответствующего якобы духу социал-демократической партии, меньшевики попытались на практике осуществлять теории Аксельрода о том, что вообще у нас еще социал-демократической партии нет, что вся предыдущая работа партии в этом отношении была лишь подготовительным этапом, поскольку партии пришлось в силу особенностей развития России заниматься «не своим делом» — эту теорию теперь, в обстановке открытой борьбы, пытались претворить в действие, означавшее полную ликвидацию партии — авангарда пролетариата в буржуазно-демократической революции. В дальнейшем подъем революции не только не рассеял среди меньшевиков подобные настроения, но, как это мы увидим ниже, они стали платформой всего меньшевизма от Дана до Троцкого и Парвуса.

Совершенно другой план реорганизации партии развивал в своих предсъездовских письмах и статьях, и особенно в руководящей по этому вопросу статье «Новые задачи и новые силы», — Ленин. Укрепляя подполье, необходимо широко использовать все возможности легальной работы; не ослабляя идейной выдержанности, втягивать в партийную работу новые молодые, революционные кадры; организоваться с учетом всей новой обстановки, но прежде всего крепить старую большевистскую партию, — таковы были лозунги Ленина, законченно оформленные им позднее в статье «О реорганизации партии».

Организуйтесь! — Этот лозунг красной нитью проходит через все написанное Лениным в этот период. «Организоваться никогда не поздно», пишет он. И приобретаемой нами по закону, и захватываемой нами вопреки закона свс-

бодой мы должны пользоваться, чтобы умножать и укреплять все и всяческие партийные организации:

«Чем шире новые и новые потоки общественного движения, тем важнее крепкая социал-демократическая организация, умеющая создавать новые русла для этих потоков. Чем больше работает на руку нам независимо от нас идущая демократическая пропаганда и агитация, тем важнее организованное руководство социал-демократии для охраны независимости рабочего класса от буржуазной демократии» [1].

Чтобы поспеть за бешеным темпом движения, чтобы не остаться в хвосте, чтобы выполнить роль авангарда — нужно создавать сотни новых партийных и примыкающих к партии кружков и организаций, нужно уметь находить новые формы и методы работы. Надо, чтобы социал-демократ стал вездесущим, чтобы энергия не ослабевала, чтобы он каждому новому кружку давал толчок.

Шире раздвигайте рамки комитетов и всех других партийных организаций — зовет Ленин. Смелее привлекайте на руководящую работу свежих людей, особенно смело привлекайте молодежь. Для социал-демократии революционная эпоха все равно, что военное время для армии. А на войне необходимо привлекать рекрутов, и методы обучения в военное время другие — теперь люди учатся неизмеримо быстрее непосредственно на поле битвы.

В этом отношении особенно характерно следующее место из письма Ленина к членам БКБ Богданову и Гусеву:

«Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, и еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, **не боясь ее**. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая, и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр. Расширяйте комитет втрое приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется: мы во «Вперед» «мягко» поправим). Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости» [2].

Но подчеркивая необходимость выдвижения новых сил, новых кадров, Ленин больше всего опасается беспринципных блоков, беспринципных или «примиренческих» объединений внутри партии. Борьбу с подобными настроениями Ленин ведет в партии в этот период не только до, но как мы увидим ниже и после III съезда, хотя вместе с тем никто, как Ленин, конечно не отдавал себе отчета в необходимости максимального сплочения, максимального объединения партийных, но именно действительно партийных, а не вносящих лишь разброд и шатания в партию сил. С большой опасностью следит Ленин за возможностью проявления примиренческих колебаний в подготовке III съезда, могущих дискредитировать всю его работу, его основную идею, — идею съезда, борющегося за партию и партийность.

Напряженнейшая, длительная борьба Ленина за III съезд окончилась полной победой Ленина. Это была борьба за партию, за революционные методы борьбы с самодержавием, за гегемонию рабочего класса в нараставшей рево-

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 148.
[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 102.

люции. Значение III съезда и той гигантской борьбы, которую вел за него Ленин, в истории оформления большевизма огромно. Партия большевиков крепко становилась на ноги своей собственной революционной тактики и организационных принципов построения партии. Лозунги — вооруженное восстание, Временное революционное правительство — получали бесспорное признание и делались боевым кличем партии на протяжении всей ее дальнейшей борьбы с самодержавием.

в) III СЪЕЗД ПАРТИИ.

1. Общая картина съезда, его конституирование. Ленин на съезде.

В статье «Третий съезд» Ленин писал:

«Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе; во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще; в-третьих, главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент» [1].

Наличие серьезных тактических разногласий у большевиков с оппортунистическим крылом партии, вскрывшихся особенно рельефно в связи с проводимым «Искрой» «планом земской кампании», ставило пролетариат под прямую угрозу политического банкротства, если бы партия в разгаре революции не нашла в себе достаточно решимости размежеваться с путаниками. Появление мартыновских «Двух диктатур» — этого настоящего манифеста социал-демократической Жиронды — достаточно внушительно сигнализировало опасность быть отброшенным от руководящей роли в революции. Съезду предстояло, под углом зрения новых революционных задач, критически пересмотреть все формы и приемы партийной работы в массах, с тем, чтобы партия была готова к задачам боевого руководства революцией. Съезд справился со своей задачей: он дал четкий стратегический план и выработал основы большевистской тактики, достаточно определенные и ясные, чтобы служить непосредственными директивами, и достаточно гибкие, чтобы не связать революционной инициативы при усложнявшейся революционной обстановке.

Все решения съезда объединены были одной идеей, одной мыслью: дать директивы партии передового класса, достойные великих задач, которые история поставила перед пролетариатом. Открывая собой серию революций XX в., русская революция в порядок дня ставила осуществление демократической диктатуры. Для решения такой задачи нужен был широкий теоретический кругозор, гигантский размах движения, необузданный революционный энтузиазм и творчество революционных масс. Необходимо было разбудить дремлющие силы всего Интернационала, и в социалистической диктатуре на Западе встретить достойный резонанс и продолжение диктатуры революционно-демократической в Восточной Европе.

В центре работ съезда стоял вопрос о Временном революционном правительстве [2]. Вопросу этому так же, как и вопросу об отношении к вооруженному

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 301.

[2] Приводим полностью порядок дня III съезда (смотри прод. сноски на стр. 424.):

восстанию и крестьянскому движению, посвящены предыдущие главы. Здесь мы их касаться почти не будем.

III съезд был первым съездом большевиков; ему не приходилось тратить времени и энергии на межфракционную полемику, что отнюдь не значит, что на съезде царило абсолютное единомыслие. В основных оценках революции и задач партии съезд был действительно единым: это обнаружилось в отсутствии разногласий по коренному вопросу о Временном революционном правительстве. Правда, по остальным тактическим, а также и организационным вопросам на съезде обнаруживались незначительные оттенки мнений. Но как общее правило, необходимо констатировать, что коллективная дружная работа на съезде рассеивала большую часть неясных пунктов, косность преодолевалась и резолюции принимались почти единогласно. Проведение партией резолюции в жизнь после съезда показало, что голосуя за эти резолюции, комитетчики сознательно относились к ним, как к директивам высшего партийного органа.

Изучение работ съезда имеет огромное значение, так как показывает, как действительно выращивался настоящий большевизм. Совершенно исключительна на съезде была роль Ленина. Выше мы видели, как готовился, какую роль, какое значение придавал съезду Ленин [1].

Хотя самый факт конституирования большевистского съезда и был уже некоторым шагом к превращению большевизма из левого крыла единой РСДРП в самостоятельную большевистскую партию, однако съезд рассматривал раскол, оформившийся лишь как переходное состояние, как этап для будущего объединения с отколовшейся частью партии. Подобное утверждение здесь может показаться противоречащим прямым призывам Ленина к расколу накануне III съезда. Так, в письме к так называемой «Цюрихской группе большевиков» Ленин писал:

«... порвать с меньшевиками как можно п о л н е е, скорее, определеннее (открыто, публично), созвать свой партийный III съезд помимо согласия центров и без них, начать н е-

---

I. В о п р о с ы т а к т и ч е с к и е:
1. Вооруженное восстание (докл. Луначарский и Богданов).
2. Отношение к политике пр-ва накануне переворота (Румянцев).
3. Отношение к политике пр-ва в момент переворота (О Врем. рев. прав. — Ленин).
4. Отношение к крестьянскому движению (Ленин и Цхакая).

II. В о п р о с ы о р г а н и з а ц и о н н ы е:
5. Устав партии (Богданов).
6. Отношение рабочих и интеллигентов в партийных организациях (Богданов).

III. О т н о ш е н и е к д р у г и м п а р т и я м и т е ч е н и я м:
7. Отношение к отколовшейся части РСДРП.
8. Отношение к национальным с.-д. организациям.
9. Отношение к либералам.
10. Политические соглашения с соц.-революционерами (Ленин).

IV. В н у т р е н н и е в о п р о с ы п а р т и й н о й ж и з н и:
(Пропаганда и агитация).

V. О т ч е т ы Ц К и д е л е г а т о в.

VI. В ы б о р ы.

[1] См. главу II наст. тома и предыдущий раздел настоящей главы. — *Ред.*

м е д л е н н о... работать с нашими партийными центрами... пора размежеваться и в отличие от меньшевиков, раскалывавших партию тайно, принять их вызов открыто: да, раскол, ибо вы раскололись до конца, да, раскол, ибо мы исчерпали все средства оттяжки и п а р т и й н о г о решения (III съездом). Да, раскол, ибо везде и повсюду поганая склока... только вредит делу» [1].

Аналогичный призыв находим мы и в письме к секретарю ЦК:

«Ради бога, не доверяйте меньшевикам и ЦК и проводите безусловно, повсюду и самым решительным образом раскол, раскол и раскол» [2].

Однако достаточно вдуматься, в какой связи писались эти утверждения, чтобы легко убедиться в том, что противоречия по существу здесь нет. Необходимо было мобилизовать внимание партии на новых революционных задачах и не допустить дальнейшего разложения, дальнейшей дезорганизации партийных рядов, проводившейся меньшевиками. Решение этих задач было невозможно без максимального охвата под стягом партии всех наиболее инициативных, влиятельных и революционно воспитанных социал-демократов рабочих. Объединение с откоповшейся частью партии в первую очередь означало борьбу за овладение и перевоспитание рабочих, входивших в меньшевистские организации. Большевики правильно учли тот факт, что революция учит рабочих действовать по-большевистски и не боялись открыть в те бурные дни широко двери партии новым массам пролетариата. И наоборот, меньшевики отбивались от восстановления единства революционной рабочей армии, правильно учитывая, что это восстановление ведет за собой торжество староискровских идей и принципов и означает смертельный удар по той аксельродовско-ларинской идее, которая большевистской организации профессиональных революционеров противопоставляла широкую рабочую партию, всяческие «неоформленные организации» и пр. [3].

Предсъездовские письма и статьи Ленина наметили и предопределили и план, и направление, и содержание работы съезда. Сам Ленин выступал на съезде с докладами о Временном революционном правительстве и об отношении к крестьянскому движению. Лениным были написаны проекты всех основных резолюций съезда; он намечал тезисы докладов, прочитанных на съезде другими товарищами. Вот что пишет о своем докладе на съезде Луначарский:

«Вл. Ильич дал мне все основные тезисы доклада. Мало того, он потребовал, чтобы я всю свою речь написал и дал ему предварительно прочесть. Ночью, накануне заседания, где должен был иметь место мой доклад, Владимир Ильич внимательнейшим образом прочитал мою рукопись и вернул ее с двумя-тремя незначительными поправками, что неудивительно, потому что, насколько я помню, я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Вл. Ильича» [4].

Чрезвычайно интересны многочисленные краткие замечания, часто даже просто реплики Ленина с места, которыми он в разгаре прений направлял обсуждение вопроса в сторону большей принципиальности или поправлял ошибавшихся.

---

[1] Ленинский сборник, V, стр. 147—148. Все подчеркнуто Лениным.

[2] Там же, стр. 149.

[3] См. ниже гл. XI наст. тома. — *Ред.*

[4] А. В. Л у н а ч а р с к и й, Большевики в 1905 г. «Пролет. рев.» № 11 (46) за 1928 г.

Ленин на съезде выступает перед нами уже тогда не только как признанный вождь партии в области теории и тактики, но и как исключительный мастер в тонком и трудном деле воспитания, сколачивания и проверки партийного штаба, партийных кадров. Меньше всего можно представить себе его в роли недосягаемого партийного генерала; он находился в непрерывном товарищеском общении с делегатами, выясняя для себя опыт практиков, прощупывая оттенки мнений. Он — образцовый председатель съезда, тщательно организующий прения; он живой, наконец, участник съезда, умеющий страстно драться за свое мнение, но умеющий и принимать поправки и оставаться подчас в меньшинстве. Чтобы почувствовать «живую душу» эпохи, настоящую картину съезда, мы настойчиво рекомендуем каждому партийцу лично вчитаться в протоколы III съезда, в прения по вопросу о вооруженном восстании, об отношении к тактике правительства, по организационным вопросам и т. д. [1].

Съезд происходил в Лондоне с 25 (12) апреля по 10 мая (27 апреля) и имел 26 заседаний. Окончательное конституирование съезда произошло лишь на 5-м заседании. Съезд проявил величайшую осторожность в деле проверки мандатов. При малейшем сомнении в формальной правомочности или достаточной длительности существования и фактическом объеме работы той или иной организации данный комитет признавался неполноправным, а делегат его лишался решающего голоса. Таким образом не было съездом признано представительство Кременчугского, Казанского, Кубанского, Архангельского комитетов [2].

---

[1] III очередной съезд РСДРП, изд. Истпарта, М. 1924 г. См. также Ленинский сб., V, Материалы съезда, в частности дневник председателя съезда. См. также Сталин, Первая встреча с Лениным, «Огонек» № 4 за 1925 г.

[2] Члены съезда с решающим голосом: 1) Барсов — Цхакая Миха (Леонов) — Кавказский союз. 2) Валериянов — Лосев В. Н. (Семен)— Уральский комитет. 3) Голубин — Джапаридзе А. — Кавказский комитет. 4) Градов — Каменев Л. Б. (Юрий) — Кавказский комитет. 5) Зимин — Красин Л. Б. (Винтер, Никитич, Тидевейн, Явейн)— Совет партии и ЦК. 6) Камский — Обухов В. М. (Волгин, Саратовец) — Саратовский комитет. 7) Константинов — Владимиров М. К. — Полесский комитет. 8) Кузнецов — Литвинов М. М. (Латышев, Папаша, Феликс) — Рижский комитет. 9) Левин В. И. (Фрей, Ульянов) — Одесский комитет. 10) Лесков — Романов Н. В. (Бергер) — Северный комитет. 11) Летнев — Любимов А. И. (Зоммер, Карп) — Совет партии. 12) Максимов — Богданов А. А. (Вернер, Рахметов, Рейнерт, Рядовой, Сысойка) — Тульский комитет. 13) Манин (Юлин) — не установлен — Тверской комитет. 14) Михайлов — Постоловский Д. С. (Александров, Вадим, Дерун, Дюбуа, Михайлов, примиренец) — Северо-западный комитет. 15) Масальский — Крамольников Г. И. — Самарский комитет. 16) Невский — Леман — Кавказский союз. 17) Орловский — Воровский В. В. (Жозефина, Шварц, Феликс Александрович) — Николаевский комитет. 18) Осетров — Аристархов (Багров) — Курский комитет. 19) Осипов — Землячка Р. С. — Петербургский комитет. 20) Петров — Квиткин, О. А. (Панов) — Орловский комитет. 21) Рыбкин — Анашкин (Летучий) — Кавказский союз. 22) Сергеев — Рыков А. И. (Алексей, Власов) — Московский комитет. 23) Сосновский — Десницкий В. А. (Строев) — Нижегородский комитет. 24) Филиппов — Румянцев П. П. (Шмидт) — Воронежский комитет.

С совещательным голосом: 1) Андреев — Алексеев Н. А. — Организация не указана. 2) Бельский — Красиков П. А. (Бельский, Павлович) — Комитет заграничных организаций. 3) Воинов — Луначарский А. В. — Редакция «Вперед». 4) Дашин — Фридолин В. Ю. (Варенька) — Уральский союз. 5) Диогенов — Шевелкин — Архангельский комитет. 6) Дедушкин — Шкловский Г. Л. — Минская группа. 7) Жарков — Лещинский М. С. (Морозов) — Екатеринославский комитет. 8) Китаев — Эссен А. М. (Бур) — Организация не указана.

Между прочим на съезд делегатом был избран Парвус, который однако не явился.

Такая сугубая тщательность при проверке всех мандатов объяснялась обстановкой, в которой съезд был созван. Ведь большевикам приходилось созывать съезд революционным путем, при отчаянном противодействии всех центральных партийных учреждений (совета партии, формально обязанного созывать съезд), редакции ЦО — меньшевистской «Искры». Примиренческий ЦК вошел в соглашение с Бюро комитетов большинства лишь накануне съезда, когда вся работа по подготовке съезда была уже по существу закончена. Наконец нельзя забывать, как недружелюбно относились к съезду такие лидеры II Интернационала как Бебель, который предлагал разрешить партийный кризис посредством третейского суда. Недаром же и Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III съезда. Меньшевики развили бешеную демагогию о якобы незаконности съезда, используя формальный авторитет центральных учреждений и значительный еще фактический авторитет Плеханова и его товарищей из группы «Освобождение труда». Законность съезда не подлежала никакому сомнению, ибо за съезд высказалось подавляющее большинство правоспособных комитетов, значительно больше количества, необходимого по уставу [1]. Но на отдельные колеблющиеся элементы российских комитетчиков демагогия «Искры» действовала. Вятский комитет, например, принял такое «соломоново» решение: решения съезда признать подлежащими выполнению, но вопрос о законности самого съезда считать открытым.

Поскольку большевистский штаб ставил своей целью собрать под большевистскими знаменами все, что поддавалось здоровому партийному объединению, постольку следовало избегать всего, что могло дать пищу меньшевистской демагогии.

Еще до принятия порядка дня съезд заслушал два доклада ОК (Организационного комитета) по созыву съезда. Сперва Организационным комитетом собственно и было БКБ, но затем, когда после ареста большинства ЦК, оставшиеся на свободе Красин (Зимин) и Любимов (Валериан) вступили в переговоры с БКБ, между ними было заключено соглашение, в силу которого дальнейшая работа по созыву съезда выполняется совместно БКБ и ЦК, которые образуют «Организационный комитет». Это соглашение (договор), опубликованное полностью в № 95 «Искры», было подписано от ЦК Красиным и от БКБ Гусевым. Вот почему съезд заслушал два доклада ОК, один — представителя БКБ, другой — ЦК. От БКБ доклад делал Богданов (Максимов), от ЦК — Красин (Зимин) [2]. Доклад Красина крайне характерен тем, что даже на съезде Красин продолжал оправдывать примиренческую пози-

---

9) Лядов М. Н. (Русалка) — Организация не указана. 10) Саблина — Крупская Н. К. — Организация не указана. 11) Савич — Саммер И. А. (Любич, Измаил) — Казанский союз. 12) Тигров — Авилов Б. В. (Волков) — Харьковская группа. 13) Щенский — Скрыпник Н. А. (Шур) — Одесский комитет. 14) Яблочкин — не установлен. Организация не указана.

[1] Об этом см. выше гл. II наст. тома. — *Ред.*

[2] См. протоколы III съезда, стр. 22—26.

цию ЦК и считал деятельность «большинства» до соглашения с ЦК дезорганизаторской.

«Большинство со времени июльской декларации ЦК заняло по отношению к центральным учреждениям партии резко враждебную позицию и в частности не особенно церемонилось и с ЦК, который в свою очередь оценивал его соответственным образом: долг платежом красен, так говорил Красин. Поскольку Комитеты большинства после июльской декларации ЦК перестали признавать ЦУ партии и приступили к созданию своей организации, своего центра (БКБ) и своей газеты («Вперед»), деятельность большинства была дезорганизаторской и характеризовалась ЦК как таковая. Противоречия между такой характеристикой и последующим заключением соглашения с БКБ по созыву съезда нет. Созыв съезда, по мнению ЦК, является политической необходимостью и, оставаясь при своем прежнем мнении о деятельности большинства с июля 1904 г. по март 1905 г., ЦК мог войти с ним в соглашение ради скорейшего и возможно полного осуществления Съезда» [1].

В другом месте Красин пытался доказать, что-де Ленин, если бы только он был на месте ЦК, был бы таким же «примиренцем».

«Я уверен, попади в наше положение т. Ленин, и он при российских условиях стал бы «примиренцем» и начал бы проповедывать объединение сил, потому что такая политика властно диктуется самой жизнью. Мне, пожалуй, укажут в виде возражения, что ведь БКБ не отступило от «твердокаменности», сохранило «чистоту принципов» до конца. Не спорю, — но ведь оно и не пробовало даже браться за те задачи, которые стояли перед ЦК» [2].

Вообще же Красин пытался изобразить разногласия как дутые, в значительной степени надуманные, особенно это сказалось уже в отчете ЦК, который он делал уже в конце съезда. Красин пытался изобразить разногласия, как плод оторванных от живой работы заграничников-литераторов. Нетрудно догадаться, что здесь в первую очередь имелся в виду, конечно, Ленин. Красин так закончил свой отчет:

«Я закончу свою речь указанием на вред весьма обычного у нас микроскопического анализа партийных разногласий и на недопустимость тех форм внутрипартийной борьбы и литературной полемики, которые процветали в наших заграничных органах без различия направлений и затем транспортировались в Россию. Всякое незначительное, только еще нарождающееся разногласие раздувается у нас до грандиозных размеров, и этим создается такая психологическая атмосфера, в которой разрешение становится невозможным раньше, чем успели выясниться объективные основания разногласий и их действительное содержание. Формы борьбы и формы полемики, усвоенные нашей заграничной литературой, много вредили делу в России, и я едва ли ошибусь, если скажу, что большинство работников в России с радостью приветствовало бы разрыв наших заграничных товарищей-литераторов с прежней манерой «разделываться» со своими политическими противниками» [3].

Таким образом Красин пытался на съезде взять запоздалый реванш. Но съезд дал отпор запоздалому оправданию примиренчества.

Делегаты съезда указывали, что ЦК в своем отчете не должен был «каяться» перед Советом партии за созыв съезда вопреки воле Совета [4]. Дело в том, что Плеханов, к которому обратился ЦК партии, как к председателю Совета,

[1] См. протоколы III съезда, стр. 76.

[2] Там же, стр. 318.

[3] III съезд РСДРП. Протоколы, стр. 389.

[4] Это было в известной мере отступлением от принятого ОК категорического постановления на основании всей проделанной работы по подготовке съезда в духе устава. «25 апреля нового стиля Организационный комитет устраивает свое последнее заседание на месте съезда и открывает съезд» (см. Журнал заседания Организационного комитета, Лен. сб., V, стр. 210).

отказался даже созвать заседание Совета для решения вопроса о съезде, тогда ЦК в специальном письме, написанном Лениным на имя Плеханова, констатировал, что

«Плеханов лишает Совет партии возможности функционировать и тем самым самовольно фактически уничтожает Совет партии» [1].

Ленин в своей речи о законности съезда категорически подчеркнул, что ЦК не в чем было каяться, что

«еще на втором съезде было указано и самим же т. Плехановым, что дисциплина по отношению к коллегии низшей уступает перед дисциплиной к коллегии высшей. ЦК указывал, что он готов подчиниться Совету партии, если Совет партии подчинится партии, т. е. съезду» [2].

По докладу Богданова и Красина съездом была принята резолюция о конституировании съезда, которая подводила итоги всей работы, проделанной ОК. Возлагая ответственность за раскол партии на меньшевистское большинство Совета, съезд

«выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы» [3].

Конец резолюции несомненно подчеркивает ленинскую установку на допустимость объединения с меньшевиками на принципиальной основе. Затем съезд перешел к первому порядку дня — вопросу о вооруженном восстании.

2. Тактические вопросы на съезде.

1. Вопрос об организации и подготовке вооруженного восстания.

Докладчиками по вопросу о вооруженном восстании выступили Луначарский (принципиальная сторона вопроса) и Богданов (практическая сторона вопроса). Оба докладчика констатировали, что перед партией стоит задача не только «развязать» (по рецепту «Искры»), но и организовать революцию. В связи с этим в период растущего восстания нужны партийные работники нового типа. Раньше социал-демократ приходил к рабочим главным образом как «просветитель»-пропагандист, агитатор. Сейчас социал-демократ должен быть прежде всего организатором, боевым руководителем масс. Это, конечно, нисколько не означает, что агитатор-пропагандист отодвигается на задний план. Наоборот, оба докладчика подчеркивали, что подготовка народного восстания требует уже сама по себе громадного расширения кадров агитаторов и пропагандистов и что еще больше их потребуется в самый момент восстания, когда от наличности достаточного их штаба будет зависеть в значительной степени широта и сознательность самого движения. Перед партией встает особо важная задача революционной эпохи — задача подготовки и проведения вооруженного восстания. Прямой и безоговорочной обязанностью партийных организаций является дело вооружения масс, создание ядра революционной армии, выработка стратегического и

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 235.
[2] Там же, стр. 251.
[3] Протоколы III съезда, стр. 518.

тактического плана революционных битв. Необходимо создать ш т а б восстания, его осведомляющий и руководящий аппарат. Для этого социал-демократия должна выделить особые группы (боевые организации) и создать хотя бы небольшую вооруженную силу. Необходимо будить инициативу и самодеятельность м а с с в деле вооружения. В докладе особо было отмечено, что вначале восстания н а д о и м е т ь о р у ж и е, а чтобы иметь оружие нужно организовать разграбление арсеналов, оружейных лавок. Не забыта была докладчиками и работа в армии в деле подготовки восстания. Здесь мало одной хотя бы и широко поставленной, листковой агитации. Необходимо личное воздействие социал-демократов на армию. Не следует при этом, однако, распылять свои силы.

«Гораздо важнее, — говорил Богданов, ссылаясь на статьи «Вперед», — добиться, чтобы во время восстания о д и н п о л к с т а л н а с т о р о н у н а р о д а, чем чтобы несколько полков были отчасти затронуты революционной волной» [1].

Следует, однако, подчеркнуть, что вполне лозунг «революционная армия» оформился только после опыта потемкинского восстания и ряда действий боевых дружин против черной сотни [2].

Поэтому надо добиваться сосредоточения всех организаторских и агитаторских усилий на немногих наиболее подверженных революционному воздействию частях, создавая в них конспиративные с.-д. организации. Вместе с тем необходимо для завоевания армии суметь поставить агитацию и пропаганду так, чтобы возможно ближе подойти к непосредственным конкретным условиям жизни солдат. Предполагалось выработать для армии программу частных улучшений экономического и политического характера, для чего намечалось создать комиссию из опытных специалистов под контролем ЦК партии. Тем самым партия получала доступ в самую толщу солдатской и вообще военной массы.

Доклады говорили о необходимости привлечения к восстанию мелкобуржуазных слоев города и деревни. В этой связи, наряду с необходимостью широкой агитационно-пропагандистской подготовки восстания, встал и вопрос о г р а н и ц а х р е в о л ю ц и о н н о г о п р а в а в момент восстания: необходимо тщательно взвешивать те формы борьбы, которые могут подорвать сочувствие городской бедноты и мелкобуржуазных слоев. Сюда относятся разрушение водопроводов, захват съестных лавок, насильственное принуждение к участию в революционной борьбе и т. д. К а к о б щ е е п р а в и л о, т а к и х д е й с т в и й н а д о и з б е г а т ь.

Особое внимание оба докладчика посвятили роли в революции всеобщей политической стачки. Хотя великая Октябрьская забастовка была еще впереди, но по словам Богданова

«после январской революционной недели в Петербурге развился такой анархический стачкизм, что на многих фабриках достаточно было кому-нибудь из рабочих крикнуть: «ребята, бросай работу, бросай работу!» и стачка начиналась, а всякий, кто высказывался против нее, получал от других эпитет «провокатора».

---

[1] Протоколы III съезда, стр. 129.

[2] Об этом см. подробнее ниже. — *Ред.*

Далее Богданов констатировал, что такие неорганизованные, недисциплинированные выступления приводили к целому ряду недоразумений, мешая координировать всеобщие выступления пролетариата, но вместе с тем рост стачечной борьбы заставил партию пролетариата уже на III съезде четко выявить свое отношение к стачечной борьбе в деле подготовки вооруженного восстания.

Луначарский решительно отмежевывался от европейских и русских «экономистов»-стачкистов, анархистов и т. п., полагавших, что стачка является единственным методом борьбы пролетариата, считавших, что стачка является чем-то самодовлеющим.

«Массовая политическая забастовка есть орудие политической борьбы, а отнюдь не нечто, долженствующее заменить собою, как думают анархисты, политическую борьбу; лишь рядом со всеми другими методами борьбы за политическую власть может она иметь значение» [1].

Луначарский правильно указывал далее, что мы отнюдь не мыслим всеобщую стачку, как некую «революцию скрещенных рук» (именно к такому толкованию, в скобках сказать, склонялись позже, в октябре, меньшевики). Для нас всеобщая стачка — лишь одно из орудий политической борьбы; лишь в связи с вооруженным восстанием, лишь становясь исходным пунктом восстания — она сыграет роль в революции. Дезорганизуя всю общественную жизнь, всеобщая политическая стачка приводит к острому революционному конфликту, мобилизует для революции громадные кадры бойцов, парализует связи и силы реакции. Особенно важно участие в стачке работников тех участков производственного организма, от которых зависит вся хозяйственная жизнь страны — металл, уголь, пути сообщения и связи и т. п. Естественным продолжением работы всеобщей стачки явится организованное разрушение ж.-д. полотна, мостов, телеграфных и телефонных проводов, электрического освещения в городах и т. п.

По вопросу о вооруженном восстании развернулись чрезвычайно живые и содержательные прения. Выступило большинство делегатов, главным образом практиков с мест. Два раза выступал Ленин.

Действительно ли назрело восстание? Готов ли рабочий класс к восстанию? Эти вопросы были основными в прениях. И делегаты почти единодушно (было 1—2 скептика) отвечали на них положительно. Правда, настроение рабочих довольно «пестрое» (это констатировал между прочим в своем втором выступлении и Ленин), гораздо более боевое на Юге, в Прибалтике, более спокойно в центре, на Урале и на Севере. Но в то же время целый ряд делегатов — из Нижнего-Новгорда, Гомеля, Могилева, Екатеринослава, Риги, с Кавказа — заявили, что мирные демонстрации явно отжили свой век. Рабочие решительно отказываются выходить на демонстрации безоружными. Рабочие требуют и ищут оружия, сплошь и рядом закупают оружие самотеком. На Юге о вооруженном восстании говорят все — и руководители и рядовики. Пропагандистов в кружках рабочие заставляют говорить о том, как в бой итти. Явно наметились уже основные очаги восстания — Польша,

[1] Протоколы, стр. 122. Подробней вопрос о роли и значении стачки в русской революции и дискуссии об опыте 1905 г. во II Интернационале см. ниже. — *Ред.*

Кавказ, Прибалтика, Петербург и Москва. Резюме съезда было таково, что горючего в объективной обстановке накопилось так много, что восстание неизбежно:

«движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания» [1].

Зато столь же единодушно делегаты отмечали недостаточное внимание в рядах партии к вопросам подготовки и руководства восстаниями. Так, Ленин, например, в своем первом выступлении прямо заявил, что

«вся история последнего года показала, что мы недооцениваем значение и неизбежность восстания» [2].

Организации слишком мало «увлекались» делом вооружения. Пример: Петербург, где десятки тысяч рабочих требовали в январе оружия и заявляли, что пойдут за всяким, кто им его даст, а Комитет (не говоря уже о меньшевистской группе, которая «увлекалась» еще меньше) ставил пока дело вооружения исключительно вяло. В Нижнем рабочие вынуждены были обращаться к частным лицам за указаниями и руководством по вооружению; рабочие создавали боевые дружины помимо и без ведома Комитета. Лишь Кавказ мог сообщить о некоторой проделанной работе по созданию вооруженного ядра при комитетах. Напрашивался вывод: если партийные организации не подтянутся, организаторская роль может оказаться в руках буржуазных демократов. Это еще более усугубляло важность задачи военно-технической и организационной подготовки восстания с.-д. партией. Однако на съезде раздалось, правда, единичное возражение против основных, принципиальных положений, выдвинутых докладчиком. Постоловский — «Вадим» (примиренец) — внес проект резолюции, где отсутствовал тезис о том, что движение уже привело к необходимости восстания. О восстании говорилось лишь как об общей перспективе. В своей речи он возражал против выдвигания особой задачи подготовки восстания, как основной специфической задачи эпохи.

«Я не придаю никакого значения чисто техническим соображениям, — говорил Михайлов [3]. — В момент революции обстоятельства будут так складываться, что все эти соображения будут выброшены за борт. Меня интересует принципиальная сторона».

Не мог Постоловский также уяснить связи массовой стачки с восстанием. «Причем же тут забастовка?» [4] — спрашивал он.

Эти, несомненно родственные меньшевизму, нотки получили резкий отпор на съезде.

«В возражениях т. Постоловского сквозит боязнь, как бы социал-демократы не взяли в свои руки руководство вооруженным восстанием. И эта боязнь не случайна»,

заявлял Воровский.

«В мысли т. Михайлова я узнаю тот взгляд на восстание — процесс, который мы постоянно встречаем на страницах новой «Искры»...»

[1] Резолюции III съезда о вооруженном восстании.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 256.

[3] Съездовский псевдоним Постоловского.

[4] III очередной съезд РСДРП, изд. Истпарта, М. 1924 г., см. стр. 153—156, 163, 170—171, 172—173, 185.

Оживленно обсуждался в прениях ряд конкретных, практических вопросов подготовки восстания: вооружать ли массу или только наиболее инициативное ядро; нужно ли концентрировать все силы и средства на немногих основных центрах восстания, или важнее обеспечить всеобщность восстания; как достать денежные средства, организовать осведомление, агитацию и пропаганду, обеспечить нужную централизацию в партийной организации и т. д. При обсуждении вопроса о работе в армии Владимиров (по съезду — Константинов) усомнился в самой возможности успешной пропаганды среди армии и предлагал все силы посвятить исключительно письменной пропаганде. Его поддержал Анашкин (Рыбкин) из Баку. Однако этот пессимизм тут же был разбит фактами, доказавшими, что устная агитация в казарме, хотя трудна, но вполне возможна. Больших успехов в этом отношении достигли парторганизации Кавказа и Прибалтики, особенно Риги. Здесь правительство могло использовать против народа только специальный унтер-офицерский батальон, ибо остальной многочисленный гарнизон отказался выступить; солдаты предлагали комитету десятки тысяч патронов; запасные прямо заявили, что будут помогать рабочим — такие прекрасные результаты дала в Риге систематическая, не только письменная, но и устная, особенно летом, агитация в войсках. На Кавказе даже многие офицеры отказывались командовать солдатами при подавлении стачек. В выступлениях делегатов, из обмена опытом, выяснился ряд целесообразных мероприятий по завоеванию на свою сторону войск. По вопросу о вооруженном восстании была принята резолюция, предложенная Луначарским, в основном написанная Лениным [1], констатировавшая, что

«третий съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания, является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент».

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

«а) выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого по мере надобности особые группы из партийных работников» [2].

Ленин, сделавший доклад «О Временном революционном правительстве» дал принципиальную установку партии в этом вопросе [3]. По докладу была принята резолюция, оглашенная на съезде Красиным. Как известно, авторство этой резолюции Троцкий приписывает себе [4]. Однако автором этой резолюции в основном был даже не Красин, а сам Ленин, принявший на съезде только ряд красинских поправок [5].

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 255.

[2] Там же, стр. 432.

[3] Подробнее об этом докладе см. гл. IV наст. тома. — *Ред.*

[4] См. об этом гл VI наст. тома. — *Ред.*

[5] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 273.

II. Об открытом выступлении РСДРП.

Вторым пунктом порядка дня стоял вопрос об отношении к политике правительства накануне и в момент переворота. По этому вопросу докладчиком был Румянцев (по съезду Филиппов).

Румянцев в своем докладе «Об отношении к тактике правительства накануне переворота» дал характеристику соотношения различных классовых сил на открытой политической арене. Доклад этот вышел далеко за пределы намеченной ранее темы, охватив вопрос об использовании социал-демократией легальных и полулегальных возможностей для открытых выступлений партии, возникших, правда, в ограниченных размерах, после 9 января. Последующие прения вскрыли ряд неясностей в этом новом для партии вопросе и вызвали необходимость в специальной резолюции.

Успокоить «смуту», т. е. либеральную оппозицию, обратить ее против рабочих и подавить «крамолу» — революцию, — такова тактическая линия правительства. Либералам оно обещает (пока только обещает) реформы, к революционным рабочим усиленно применяет репрессии, организуя «народное» орудие реакции в виде черных сотен.

Либералы корчат из себя представителей «всех классов» населения, стараясь использовать демократически-революционное движение в собственных интересах. Они опираются на «беспартийные» интеллигентские профессиональные союзы, принимающие либеральную платформу, готовятся к выборной кампании в будущий парламент, пытаются завязать связи с рабочими организациями, для того чтобы использовать их в своих интересах. На съезде Красин приводил анекдотический случай, хорошо обрисовывающий позицию либералов. Когда вечером 9 января небольшая депутация от рабочих Невского района пришла в Вольно-экономическое общество, где собрались сливки либералов, за советом, как теперь быть, один из «столпов», считавший себя даже с.-д., Прокопович [1], заявил рабочим:

«Главное, не бейте стекол, пожалуйста, не бейте стекол» [2].

На съезде указывалось, что общественный вес пролетариата огромен, но что политическое влияние социал-демократии далеко не соответствует его огромной революционной силе. Вожаками масс часто еще выступают буржуазные демократы, руководителем мнений рабочих в значительной мере является оппозиционная пресса. Главная причина этого та, что социал-демократия продолжает оставаться в подполье, в то время как либералы и мелкобуржуазные демократы выступают открыто. Вывод докладчика был тот, что партия должна переходить к открытой деятельности.

Принятая съездом резолюция об открытом выступлении РСДРП предлагала:

«а) пользоваться каждым случаем открытого выступления для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социал-демократическую силу;

---

[1] Этого господина меньшевики впоследствии приняли в партию, см. об этом ниже, гл. XI наст. тома. — *Ред.*

[2] Протоколы III съезда, стр. 421.

б) использовать все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их по мере возможности в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии России;

в) принять все меры к тому, чтобы наши партийные организации наряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода во всех случаях, когда то возможно, к открытой деятельности социал-демократической партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства» [1].

Прения по докладу Румянцева показали, что многие провинциальные практики далеко еще не понимали мыслей, высказанных Лениным еще в статье «Новые задачи и новые силы», о необходимости крутого перелома во всей работе партии в сторону гораздо большего размаха работы, охвата с.-д. влиянием миллионов, что требовало безусловного использования — при сохранении конечно конспиративного партийного аппарата — всех и всяческих легальных и полулегальных обществ, где имелась рабочая масса, различного рода собраний, клубов и т. д. и т. п. В V Ленинском сборнике опубликованы документы, представляющие собою последовательные ступени работы Ленина над статьей «Новые задачи и новые силы». Эта серия документов представляет исключительный интерес и как материал, вводящий в лабораторию ленинской мысли, и в качестве свидетельства о той работе Ленина, которая им проделана для преодоления некоторой инертности и косности практиков-комитетчиков при переходе на новые рельсы всей работы. В указанных документах Ленин много раз разъясняет, что в эпоху революции массы учатся иначе, учатся в бою, учатся у врага. Он тщательно анализирует функции партийной работы при новых условиях и показывает, как жизнь властно требует освобождения с.-д. от ряда функций, чисто просветительных, культурнических для того, чтобы партия могла сосредоточить у себя задачи руководства, задачи организации движения. Вот этого-то крутого перелома во всей обстановке некоторые товарищи не осознали. Рыков, Десницкий и Красин предлагали вообще не принимать особой резолюции об открытом выступлении партии и все ее содержание растасовать по резолюциям о пропаганде, агитации и об отношении к либералам; свое предложение они мотивировали тем, что ведь все содержание резолюции входит в обычную методику партийной работы. Ленин отвечал на это, что товарищи не замечают центрального вопроса об изменении всей деятельности социал-демократии.

Различные оттенки мнений выявились и в вопросе об использовании «легальных возможностей». С «левыми» поправками выступил Романов (Лесков):

«Легальные общества отвлекают пролетариат от методов революционной борьбы», говорил он. Участие в легальных обществах «несовместимо с принципами социал-демократии как партии неуклонно-революционной» [2].

---

[1] В силу указанных выше причин съездом были приняты по докладу Румянцева две резолюции:

1) «Об отношении к тактике правительства накануне переворота» и

2) «Об открытом выступлении РСДРП». Проект этой резолюции принадлежит Ленину (см. об этом Соч., т. VII, стр. 259).

[2] III съезд РСДРП, изд. Истпарта, стр. 207.

Лесков предлагал исключить из резолюции фразу о превращении легальных обществ, по мере возможности, в опорные пункты будущей открытой с.-д. партии.

В том же направлении шли поправки Лескова об отношении к разным правительственным комиссиям (вроде комиссии Шидловского) и «карикатурным формам народного представительства». Лесков предлагал заявить о «полном и категорическом отказе от участия в каких бы то ни было правительственных комиссиях» и т. п. Лесков нашел по обоим этим вопросам несколько сторонников. Возражали ему Обухов (Камский), Лядов, Румянцев и наконец Ленин, основательно умеривший горячность Лескова.

«Съезд категорических указаний об «участии в обществах» давать не может, — заявил Ленин, — надо пользоваться всеми средствами для агитации... ответить категорически, следует ли участвовать в Земском соборе, нельзя. Все будет зависеть от политической конъюнктуры системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, Земский собор — это обман. Верно, но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие в выборах» [1].

Так Ленин уже на III съезде дал урок революционного использования при определенных условиях даже самых реакционных парламентов («хлев») и легальных возможностей для завоевания масс. В результате обмена мнений съезд пришел к согласованному решению по обоим вопросам порядка дня, и когда харьковский делегат Авилов (Тигров), переоценивший фактически завоеванные крохи легальности, предложил съезду «приспособиться к легальным условиям работы» [2], его поправка была отклонена съездом даже без обсуждения.

Затем съезд по четвертому пункту порядка дня — об отношении к крестьянскому движению — заслушал доклады Ленина, давшего теоретическое обоснование резолюции об отношении к крестьянскому движению, и Цхакая (по съезду Барсова), осветившего крестьянские восстания на Кавказе в Гурии. Сам живой участник этого восстания в Гурии, выработавший проблему тактики при свете пожаров в помещичьих усадьбах, Цхакая приобщил съезд к непосредственным восприятиям действительной конкретной борьбы крестьян, их ненависти к помещикам, их страстной жажды земли. Значение этих восстаний в Гурии, между прочим, в том, что они послужили сигналом для пересмотра тактики с.-д. в аграрном вопросе. И вот любопытно, что

«даже тогда, когда меньшевики правильно учитывали вес движения, их выводы все же были хвостистские. Они, например, пытались дать отклик на движение крестьян в Гурии. Но что же они оттуда извлекли? Они возвели факт в принцип; возможное лишь в узко местных условиях революционное самоуправление, которое имело место в Гурии, они сделали своим главным лозунгом, всерьез поверив, что в общероссийском масштабе возможно установить революционное самоуправление до краха царизма, до победы восстания, а может быть, и совсем без восстания» [3].

По докладам после прений была принята резолюция, оглашенная Красиным, но также в основном написанная Лениным [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 258.

[2] Протоколы III съезда, изд. Истпарта, стр. 247.

[3] Подробнее об этом см. гл. V и VIII наст. тома. — *Ред.*

[4] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 280.

III. Отношение к либералам и эсерам.

Чтобы покончить с остальными тактическими вопросами на съезде, мы не будем следовать в дальнейшем такому же порядку, в каком обсуждались вопросы на съезде, и перейдем к оценке, данной съездом либералам и эсерам. Не заслушивая специальных докладов, съезд ограничился небольшим мотивированным выступлением Орловского (покойного Воровского), огласившего проект резолюции об отношении партии к либералам и эсерам, а также сообщением Ленина о практических соглашениях с эсерами. Проект резолюции вызвал однако довольно горячие дебаты. Отдельные делегаты выступали с предложением принять одну общую резолюцию о либералах и об эсерах, мотивируя свое предложение тем, что между первыми и вторыми не принципиальная, не качественная, а количественная разница, что разница эта уменьшается по мере того, как либералы делаются радикальнее, эсеры становятся бесцветнее. Другие добавляли к этому, что вообще эсеры почти никакой силы не представляли и не представляют и никаким влиянием в массах не пользуются. Однако выступления эти были ошибочны, так как хотя и правильно подчеркивали, что эсеры не являются социалистами, все же явно преувеличивали революционное значение либералов, недооценивая «левоблокистскую» буржуазию. Здесь могла быть допущена чисто меньшевистская ошибка, выражавшаяся в окраске всей буржуазии в один цвет, против чего боролся Ленин [1]. Поэтому съезд отверг подобные предложения. Кроме того фактически неверны были утверждения о том, что эсеры не пользуются влиянием. Даже среди рабочих, кое-где, вплоть до декабря, эсеры успешно конкурировали с с.-д. [2].

В резолюции об отношении к либералам съезд подчеркивал обязанность для партии разоблачать предательство и измену либералов всех мастей и покроев. Съезд особым пунктом подчеркивал необходимость бороться

«против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его» [3].

Съезд отменил принятую на II съезде резолюцию Старовера о либералах. Об эсерах съезд принял резолюцию, подтверждающую, во-первых, оценку, данную эсерам II съездом партии, во-вторых, допускающую временные соглашения с ними в целях борьбы с самодержавием. Такие боевые соглашения, обязательные лишь под контролем ЦК, ни в коем случае

«не должны ограничивать полной самостоятельности социал-демократической партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов» [4].

Съезд вынес также специальную резолюцию в связи с происходившими событиями на Кавказе, послав горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа, поручив ЦК и местным комитетам как можно шире распространять сведения о положении дел на Кавказе. Съезд принял резолюцию по поводу революционных событий в Варшаве и Лодзи, выражая свое негодование правительству и приветствуя мужество и решимость братского пролетариата Польши.

---

[1] См. об этом подробнее гл. IV, VII и X наст. тома. — *Ред.*

[2] Об этом см. ниже, в настоящей главе.

[3] См. протоколы III съезда, стр. 526.

[4] Там же.

3. Организационные вопросы на съезде.

I. Вопрос о взаимоотношениях рабочих и интеллигентов в партийных организациях и о выдвижении рабочих в комитеты.

Если по вопросам тактики на съезде между делегатами было большое единомыслие, то картина несколько изменилась, когда съезд от тактических вопросов перешел к вопросам внутрипартийного строительства. Особенно острым оказался вопрос об отношениях между рабочими и интеллигентами в партийных организациях. Вопрос этот имел две стороны. Первая заключалась в том, что меньшевики, продолжая «традиции» экономизма, вели демагогическую агитацию, сеявшую среди с.-д. рабочих недоверие и вражду к с.-д. интеллигентам, изображали партийные организации, в особенности большевистские, как чисто интеллигентские, стоящие «над» пролетариатом, его «опекающие»; меньшевики щеголяли разлагающими лозунгами демократии и выборности, совершенно игнорируя полицейские условия, делавшие осуществление полной выборности немыслимым. Характерно, что в своих организациях меньшевики практически никаких шагов к демократизации вовсе не делали. Иногда меньшевистские писания по этому вопросу сбивались на явную махаевщину. Здоровые элементы партии были возмущены новоискоровской демагогией. Вот что писал в № 12 «Вперед» рабочий Правдин:

«Обидно слушать разговоры об этих выдуманных разногласиях между интеллигенцией и рабочими. Довольно прожужжали нам уши разные зубатовцы, говорившие, что, мол, интеллигенты — это ваши враги, господа рабочие...»

Съезд должен был дать резкий отпор развращавшей с.-д. рабочих демагогии — в этом все были согласны; но была и другая сторона дела. Меньшевистская демагогия находила почву. Уже самая конспиративность порождала некоторую замкнутость комитетов. Период межфракционной склоки еще усилил эту замкнутость.

Часть комитетов не пропорционально много времени уделяла борьбе за отстаивание своей организации от поползновений работников из другой фракции и почти забросила общепартийную работу. Такие «заседательские» комитеты состояли почти сплошь из интеллигентов. Рабочие в течение последних $1^1/_2$—2 лет выдвигались на руководящую работу, но выдвигались все же недостаточно. Кой-где создался известный консерватизм. Боясь пустить в комитеты людей, недостаточно марксистски подкованных, практики в местных комитетах перегибали палку, предъявляя к рабочим совершенно непомерные требования, в то время как интеллигенты в комитетах сплошь и рядом сидели весьма «легковесные».

Постоловский на съезде говорил:

«Говорят о выдержанных с.-д., а на практике интеллигенты, студенты I и II курсов, знакомые с с.-д. идеями по Эрфуртской программе и нескольким номерам «Искры», признаются уже выдержанными с.-д. Таким образом на практике к интеллигентам предъявляются очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие (*Крики*: «Ленин — совершенно верно! Большинство голосов — Неверно!»)».

На съезде присутствовал только о д и н делегат-рабочий. Из Петербурга, где рабочие-партийцы только что так блестяще провели кампанию в свя-

зи с комиссией Шидловского, на съезд не сумели послать ни одного рабочего даже с совещательным голосом; один единственный рабочий был кооптирован (В. В. Липшиц) в Петербургский комитет, а ведь и там с.-д. работа велась уже чуть ли не 15 лет! В провинции с орабочением комитетского состава дело обстояло много благополучнее. Но то, что было более или менее терпимо в обстановке дореволюционной, уже грозило катастрофическим отрывом от масс после 9 января, после выхода масс на открытую арену.

Никакого серьезного улучшения партийной работы в новых условиях нельзя было добиться без решительного приближения комитетов к рабочей партийной массе. Вопрос здесь был шире, чем только о составе комитетов; необходимо было сделать некоторые возможные даже в тогдашних условиях шаги в сторону большей выборности, демократизма, большего осведомления периферии об общепартийных делах, большего привлечения ее к руководящей работе. Но все это частично упиралось в состав комитета: необходимо было вводить в комитеты авторитетных рабочих-вожаков, без этого оторванность комитетов от масс изжить было трудно.

Съезду была предложена докладчиком Богдановым резолюция «об отношениях между рабочими и интеллигентами в с.-д. организациях». В ней, после разоблачения новоискровской демагогии и указания на то, что крупнейшим препятствием к проведению известного минимума выборности является дезорганизаторская работа правого крыла партии, — ставилась задача подготовить к ближайшим съездам условия для действительного проведения в возможных размерах выборного начала в партийной жизни.

Всем членам партии напоминалась их обязанность

«укреплять всеми силами связь партии с массой рабочего класса, поднимая все более и более слои пролетариев и полупролетариев до полной социал-демократической сознательности, развивая их революционную социал-демократическую самодеятельность, заботясь о выделении рабочей массой возможно большего числа рабочих, способных руководить движением и партийными организациями в качестве членов местных центров и центра общепартийного, создавая как можно больше рабочих организаций, входящих в нашу партию, стараясь о том, чтобы рабочие организации, не желающие или не имеющие возможности войти в партию, по крайней мере к ней примыкали».

Но здесь сказалось неумение достаточно быстро приспособиться к новым условиям работы у ряда практических работников, та же инертность, которая отчасти выявилась уже при обсуждении вопроса об открытом выступлении. Целый ряд делегатов-комитетчиков встретил в штыки самую постановку этого вопроса на съезде. Вопроса об отношениях между интеллигентами и рабочими в партийных организациях вообще не существует, прямо заявил начавший дискуссию Каменев (*Ленин:* «Существует!»). Нет, не существует; он существует как вопрос демагогии и только [1]. Поэтому Каменев решительно выступал против принятия какой бы то ни было резолюции по этому вопросу. Десницкий поставил вопрос «по существу»: «никакого демократизма мы теперь (т. е. при самодержавии) дать не можем» — значит не о чем и говорить... Был даже делегатом от Нижнего выдвинут довод, что некого среди

[1] Протоколы, стр. 290.

рабочих брать в комитеты — не нужно пускать незрелых людей в комитеты. Дело было опять-таки в том, что к рабочим подходили с неправильным критерием.

«Комитетчик должен быть универсалистом, должен всякую комитетскую работу суметь выполнить»,

такой критерий превращался в искусственную рогатку. Совершенно иначе ставили вопрос о критерии сторонники принятия резолюции во главе с Лениным: единственно правильным критерием для приема рабочих в комитет должна быть степень их влияния в массах.

«Все рабочие, которые являются вождями и были в наших кружках, должны быть членами наших комитетов»,

говорил Постоловский.

Ленин считал вопрос о выдвижении рабочих исключительно важным и страшно возмущался консерватизмом комитетчиков, это видно по его многочисленным репликам:

«Задача будущего центра — переорганизовать значительное число наших комитетов, — говорил Ленин, — необходимо преодолеть инертность. Я слышу, что т. Сергеев (Рыков) свистит, а некомитетчики хлопают *(аплодисменты и шикание)*. Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых двух интеллигентов было 8 рабочих... Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет... очевидно, в партии есть болезнь...»

На этот раз Владимир Ильич остался в меньшинстве: резолюция об отношениях рабочих и интеллигентов была «комитетчиками» провалена большинством в два голоса. Вопросы, поставленные в этой резолюции, нашли частичное отражение в принятой съездом резолюции об агитации и пропаганде.

II. Обсуждение устава. Вопрос о центрах.

Докладчиком по вопросу об Уставе был Богданов. Он начал свой доклад об Уставе партии формулировкой принципа демократического централизма, легшего в основу Устава: максимум централистической стройности при максимуме возможного в данных условиях демократизма. Первый параграф Устава был принят в уточненной ленинской формулировке:

«Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций».

Моменты приближения к демократизму отразились в Уставе в большой степени — лишь в уточнении автономности местных комитетов в делах, касающихся местной работы, в предоставлении местным организациям права издания партийной литературы. Особо принята была дополнительная резолюция об обязанности ЦК и местных комитетов осведомлять периферию о партийных делах и привлекать их (с совещательным голосом) к решению этих дел.

Довольно острый инцидент разыгрался вокруг вопроса о центрах. Инцидент этот имел некоторый политический оттенок, поскольку была сделана попытка противопоставить себя ленинской линии в этих вопросах, попытка, продолжавшаяся и после III съезда со стороны большинства русской части ЦК во главе с Красиным и Богдановым. Этот инцидент тем любопытен, что он ярче оттеняет разногласия, имевшие место еще в БКБ между Лениным и Богдановым. Еще в «Извещении о созыве III съезда», изданном Бюро комитетов большинства, в основном, написанном Богдановым, предлагалось создать один центр, притом в России. Как известно, уже тогда вокруг вопроса о центрах были разногласия, и Ленин не поднимал о них вопроса из-за важности подготовки съезда, хотя и оговорил свое несогласие [1]. То же предложил Богданов и на съезде. Редакция ЦК, таким образом, теряла права второго партийного центра и назначалась ЦК, поскольку же редакция ЦО находилась за границей, а ЦК в России — дело клонилось к уменьшению влияния редакции ЦО, т. е. Ленина на руководство партией. Конечно у подавляющего большинства российских практиков, высказывающихся за переход к системе одного центра, мотивы были другие. Редакция VII тома Собрания сочинений Ленина следующим образом раскрывает смысл предложения Богданова:

«Для значительного числа практиков-комитетчиков в этой формуле («центр один и притом русский») заключалась отповедь новой «Искре», которая под прикрытием меньшевистского Совета партии превратилась из ЦО в орудие фракционной борьбы меньшевиков против ЦК. Это настроение практиков-комитетчиков против заграничников-склочников из «Искры» и «Совета» некоторые члены Бюро комитетов большинства, главным образом Богданов, пытались использовать для освобождения своей работы от контроля и руководства большевистского заграничного идейно-политического центра, каким в этот период был редактировавшийся Лениным «Вперед» [2].

На съезде наиболее энергично защищали единоцентрие примиренцы Красин и Постоловский, а с другой стороны, те комитетчики (во главе с Рыковым), которые организовали сопротивление Ленину в вопросах об открытом выступлении партии и о выдвижении рабочих в комитеты. Красин произнес большую речь, в которой откровенно оправдывал примиренчество ЦК и обрушивался на партийных литераторов-большевиков. После выступлений Красина и Ленина Богданов, явно «заигрывая» с примиренцем Красиным, говорил:

«Тов. Ленин меня не убедил... Система двух центров слишком благоприятная почва для раскола и дрязг, утверждал я. И я согласен с т. Зиминым, что при том положении, в котором очутился ЦК, он не мог справиться с выпавшей на его долю задачей, как не справился бы, очень вероятно, и самый удачный состав ЦК. ЦК виновен, но заслуживает снисхождения, сказал бы я; в политике эта формула часто бывает вполне справедливой. Вопрос здесь не только в лицах, как полагает т. Ленин, и так рассуждать не годится марксисту» [3].

Постоловский предсказывал неизбежность разногласий и в дальнейшем— «мы не должны представлять себе в будущем идиллии», — говорил он. Это

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 100. Письмо А. А. Богданову и С. И. Гусеву, а также примечание 45.

[2] Ленин, Соч., т. VII, см. примечание 63.

[3] Протоколы, стр. 322.

противопоставление «истинно-русских», как шутил Ленин, практиков заграничному идейному большевистскому штабу порождало у Ленина большие и законные опасения, особенно после выступления Богданова.

Не только недавнее, досъездовское прошлое, но, как увидим, и близкое послесъездовское будущее полностью доказало законность опасений Ленина.

«Телега наша, — говорил он, — валилась все направо, в сторону ЦО — т. Иванов (Богданов) подкладывает справа солому на будущее время, но, по моему мнению, надо бы подложить ее и слева, со стороны ЦК».

Практически, однако, видя настроение большинства практиков, Ленин не настаивал на двух центрах, при условии специального постановления съезда о регулярных совещаниях русской с заграничной (т. е. с Лениным) частью ЦК. Тогда на следующем заседании 11 делегатов внесли предложение пересмотреть уже решенный вопрос о совещаниях ЦК. Эти же делегаты предлагали перерешить и другой вопрос о единогласной кооптации в ЦК. Единогласная кооптация давала Ленину возможность наложить, в случае несогласия, свое вето на кооптацию нового члена в ЦК. И вот 11 комитетчиков предлагали отказаться от единогласной кооптации, но съезд не стал пересматривать своих же решений.

В Устав, таким образом, вошел один центр — ЦК, назначающий ответственного редактора ЦО; кооптация допускалась в ЦК лишь единогласная. Отдельным, не подлежащим оглашению постановлением оговорены были регулярные (раз в 4 месяца) совещания ЦК в полном составе, т. е. при участии редакции ЦО. Необходимо отметить, что Ленину были с самого начала ясны мотивы, которыми руководились комитетчики в своих выпадах против заграницы. Ленин всячески старался отмести политический момент в этих разногласиях. Вот что он пишет в одном из документов, опубликованном в V Ленинском сборнике:

«Вполне понятно, что реакция против заграницы вызвала у россиян общий крик: долой заграницу, долой два центра. Эта реакция — законная и похвальная, ибо она знаменует громадный рост партийных и партийного самосознания после II съезда. Эта реакция выражает шаг вперед, сделанный нашей партией, об этом спора нет. Но не следует давать обольщать себя словами или возводить в «систему» настроения данной минуты — преходящий «гнев» против «заграничников». На гневе никакой партийной системы не построишь. Нет ничего легче, как постановить простое и краткое правило: «центр один». Но таким постановлением нисколько не приближаешься к решению вопроса о способах реального, а не бумажного объединения различных функций работы в России и за границей» [1].

Вопрос о реформе системы центральных учреждений связан был также теснейшим образом с теми изменениями во всей работе, которые диктовались бурно нараставшими революционными событиями в России. Жизнь властно диктовала партии необходимость иметь руководящие органы в самой России и одновременно делала неизбежным умаление роли заграницы. Вот что писал Ленин вскоре после съезда — 27 мая 1905 г. в № 1 «Пролетария»:

«III съезд таким же громадным большинством отверг «двоецентрие», каким II съезд принял его. Причины этого легко поймет всякий, внимательно следящий за историей партии. Съезды не столько творят новое, сколько закрепляют результаты уже выработанные. Ко времени II съезда опорой устойчивости была и считалась редакция «Искры»,—ей дан был перевес.

[1] Лен. сб., V, стр 207.

Преобладание российских товарищей над заграничными казалось еще проблематичным при том уровне развития партии. После II съезда неустойчивой оказалась именно заграничная редакция, партия же выросла, несомненно и значительно выросла именно в России. Назначение редакции ЦО Центральным комитетом партии не могло не встретить при этих условиях сочувствия массы партийных работников» [1].

4. Отношение к меньшевикам. Вопрос о расколе и объединении. Вопрос об объединении с национальными социал-демократами.

Вопрос об отношении к меньшевикам — это по сути дела вопрос о борьбе за создание большевистской партии. Этот вопрос следует рассмотреть более подробно.

Начали раскол, как известно, меньшевики.

Полтора года большевики, представляя большинство организованных в партии рабочих, были на положении оппозиции и, твердо стоя на почве лойяльности и борясь за охранение уставных норм, не создавали своего организационного центра, своего печатного органа. За это время меньшевики внесли в умы достаточно много смуты и путаницы. В дальнейшем такое положение грозило оставить пролетариат без выдержанного с.-д. руководства в революции. В этих условиях, после того как меньшевики отказались от единственно партийного выхода из кризиса — созыва партийного съезда, большевикам оставалось лишь пойти на восстание против меньшевистских центров, на разрыв с ними — организационное выделение большевиков. Необходимо было собрать все то, что было твердо большевистского, сколотить в особую, крепкую, хотя бы и небольшую организацию и потом уже постараться отвоевать под свое руководство все, что было здорового у меньшевиков. С этой точки зрения Ленин, как известно, даже созыву съезда придавал меньшее значение, чем организационному обособлению большевиков, особенно после того, когда большевики в лице «Вперед» и БКБ получили идейный и практический центры [2]. Накануне III съезда Ленин настойчиво подчеркивает необходимость п о л н о г о р а с к о л а, призывает к построению своей, «впередовской», большевистской партии. В этот период Ленин определенно говорит о двух партиях, и даже самые названия «большинства» и «меньшинства» считает несоответствующими положению вещей. Вот что Ленин писал в феврале 1905 г. в «плане реферата Василья Васильевича (М. С. Ольминского)»:

«1) ...2 оценки событий, соответствующие 2 направлениям «Вперед» и «Искры»; 2) II съезд — раскол (с момента организации меньшинства)... «Вперед» — лишь продолжение раскола. Меньшевики раньше это поняли, а мы были глупы. 2 п а р т и и. Название меньшинства и большинства негодны. Теоретические разногласия выросли» [3].

В написанном Лениным проекте резолюции III съезда о поведении меньшевиков он тоже имеет в виду полный раскол, ибо по этому проекту ни в одну

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VII, стр. 303.

[2] В письме Литвинову в конце ноября 1904 г. Ильич писал: «Мы, конечно, стоим и будем стоять за съезд, но надо трубить повсюду, что они (Совет партии. — *Ред.*) уже подделывают съезд, и что мы разоблачим подделку. Фактически же я теперь отвожу девятое место съезду, а первое — органу («Вперед».— *Ред.*) и русскому центру (т. е. Бюро комитетов большинства.— *Ред.*).

[3] Лен. сб., V, стр. 86.

из организаций партии новоискровцы не могут приниматься»[1]. Но на самом съезде резолюция Ленина и Богданова об отношении к отколовшейся части партии, перечисляя основные пункты принципиальных разногласий с меньшевиками, требовала от всех членов партии энергичной идейной борьбы против меньшевистских взглядов; однако лица, примыкающие к этим взглядам, могли приниматься в партийные организации при условии признания съезда, Устава партии и подчинения партийной дисциплине. Кроме того «съездом была еще принята внесенная за подписью Землячки и Эссена, написанная Лениным, тайная резолюция, которая, во-первых, поручала ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния, а во-вторых, устанавливала, что окончательное утверждение условий слияния производится лишь новым партийным съездом.

Ленин, следовательно, намечает перспективу будущего объединения с меньшевиками. Какие же причины вызывали необходимость нового объединения? Почему нельзя было рвать с меньшевиками окончательно, строить свою особую чисто большевистскую партию в этот период?

Мы уже видели, насколько резко изменилась картина революционного движения после 9 января, когда из подготовительного к революции периода движение вступило в самую революцию. Чтобы выполнить задачу охвата движения с.-д. руководства революцией, партия должна была стать массовой партией, соответственно изменив все свои методы работы. Неудивительно, что широкие слои рабочих-партийцев в этой обстановке внезапно развернувшегося движения воспринимали раскол весьма болезненно — объединительные настроения были очень сильны. Приведем образцы многочисленных рабочих писем во «Вперед» с настойчивыми требованиями ликвидации раскола. Вот письмо рабочих (здесь и большевики и меньшевики) мет. завода в Петербурге:

«Товарищи! Вы заварили кашу, о которой даже рабочий пролетариат не мечтал, и теперь нам приходится говорить о большинстве и меньшинстве. Товарищи! Терзайте нас, что мы грубы, но мы должны высказаться вам с открытым сердцем: не подло ли это будет, не позорно ли: у нас по всей России во всех городах и селах льется наша братская кровь рабочего пролетариата, а вы еще стали разбираться в недоверии один к другому?.. Теперь не время, товарищи, разбираться. Товарищи! Еще требуем от вас объединения и ожидаем с нетерпением. Товарищи! Если это не осуществится, то тогда у нас нет интеллигентного пролетариата, если он и был, то теперь его нет: они продали рабочее движение капиталистам.

Да здравствует рабочий пролетариат!»[2].

Еще один корреспондент:

«Полноте, господа, пора за ум взяться, пора прекратить всякую смуту. И так все пальцами указывают. Меня, как рабочего и социал-демократа, возмущает и прямо-таки убивает всякую охоту в работе, когда приходится видеть, как оправдывается пословица: паны дерутся, а у хлопов чубы болят... Я думаю, что может положить этому конец только третий съезд, против которого восстают почему-то все меньшенствинцы. Я же, как рабочий, не могу оставаться спокоен, когда вижу, как разрывается на части наша рабочая социал-демократическая партия... Поэтому прошу и настаиваю, чтобы был созван третий съезд. Тем товарищам, которые стоят за третий съезд, мой товарищеский привет! Которые против — тем выражаю несолидарность, больше—недоверие, в деле освобождения народа»[3].

---

[1] Лен. сб., V, стр. 201.

[2] «Вперед» № 14.

[3] Там же.

Рабочие тяготели больше к большевикам, приветствовали бельшевистский лозунг созыва съезда, но это тяготение было еще чрезвычайно неоформленным. Рядовой рабочий с.-д., за исключением тонкого слоя выдвинувшихся уже руководителей, в начале 1905 г. в разногласиях между большевиками и меньшевиками как следует еще не разбирался. В «низах» партии не было еще достаточного размежевания между двумя крыльями партии. В Питере, судя по воспоминаниям тогдашних работников, на очень многих крупных заводах низовые кружки были объединенными. В Москве до декабрьского восстания большого различия между рабочими большевиками и меньшевиками не было. Все это было вполне естественно в условиях быстрого вовлечения в революционное движение и в партию новых свежих рабочих слоев. Слишком мало было времени для фракционного самоопределения рядовика-рабочего-партийца. Вопрос о фракционной принадлежности той или иной организации в значительной мере был еще вопросом о фракционной физиономии руководителей, преимущественно интеллигентской верхушки. Рабочих-партийцев нужно было еще сделать большевиками. На съезде делегаты отмечали следующий факт: при разрыве с меньшевиками или с большевиками рабочие часто уходили не в другую фракцию, а совсем из с.-д. партии.

Изменившаяся обстановка революционного подъема, наплыв новых рабочих слоев в партию — это первые из моментов, определивших изменение постановки вопроса об отношениях с меньшевиками. Но были и другие моменты. Приглядимся ближе к обеим фракциям.

I. Пестрота меньшевистской фракции.

Меньшевистская часть партии отнюдь не представляла собой чего-то однородного. Если в районе Бунда например, где преобладало ремесленничество, тяготение к оппортунистическому крылу партии в массах было «законным», то в других районах рабочие часто входили в меньшевистские организации просто «по району влияния», либо в силу целого ряда местных причин, вовсе не разбираясь как следует в разногласиях. Эти рабочие-меньшевики фактически обычно шли к революции, хотя и неосознанно, большевистским путем, со всей страстью работая, часто в одиночку, над подготовкой вооруженного восстания и т. д. Декабрьское восстание в Донбассе, в частности, дало несколько крупных фигур рабочих — страстных проповедников и энергичных организаторов и вожаков восстания, по чистому недоразумению считавших себя меньшевиками. В Петербурге была среди меньшевиков прослойка рабочих, разделявших фактически большевистские организационные принципы и т. д.

Меньшевистские практики в России часто вообще не были так «последовательны», как их литературный штаб за границей. В повседневной работе, особенно в моменты революционного подъема, подталкиваемые рабочей массой и революционными рабочими в своих собственных рядах, меньшевики на практике сплошь и рядом, хотя и с запозданием, плелись за большевиками.

Среди меньшевиков были различные идейные оттенки. Крупская в одном из писем Кавказской организации отмечала, что меньшевики повсюду распадаются на экономистов и меньшевиков в собственном смысле слова —

это наблюдалось и за границей и в российских комитетах [1]. Наиболее сочным, хотя далеко не единственным, примером таких экономистов среди меньшевиков были бакинские шендриковцы («Союз балаханских и биби-эйбатских рабочих»), стоявшие одним сво м боком на грани зубатовщины. Но характерные приемы бакинских экономистов практиковались, быть может, в более бледных формах, воронежскими, одесскими меньшевиками и т. д. [2]. Среди, собственно, меньшевиков тоже намечались две струи — пока в вопросах организационных. «Ортодоксальный», аксельродовский меньшевизм вел прямиком к чистому ликвидаторству, но наряду с ним имелось сильное направление меньшевиков-партийцев, стремившихся к восстановлению единства партии и расходившихся с «Искрой» по ряду тактических вопросов. Искровский «план земской кампании» был определенно высмеян частью меньшевистских практиков. Наконец у меньшевиков были такие фигуры, как Плеханов или Парвус. Роль этих «сверхчеловеков», как их называл Ленин, состояла в том, что первый своим огромным тогда авторитетом в России и за границей, а второй левыми фразами и левыми зигзагами в тактике прикрывали оппортунизм меньшевиков.

Вся эта пестрота, неоднородность меньшевизма затушевывали иногда в горячке практической революционной работы для практиков ясные контуры принципиальных расхождений.

Но основным все же было то, что у меньшевиков было много здоровых, революционных рабочих элементов, которые можно и нужно было завоевать для большевизма, которые не были еще потеряны для партии. На съезде интересно одно выступление (с репликой Ленина) делегата Осетрова:

«Тов. Зимин правильно заметил, что силы «меньшинства» не заслуживают презрения. Тов. Михайлов тоже отметил, что за «меньшинством» стоит не мало рабочих, и мы должны привлечь их в партию (*Ленин:* «Совершенно верно»)» [3].

При изучении вопроса об объединении нельзя забывать о так называемом «левении» меньшевиков в период подъема революции. Здесь интересно такое, на первый взгляд парадоксальное, сравнение: на III съезде — съезде большевистском — было представлено значительно больше половины всех организаций партии; а через год, на IV Объединительном съезде, преобладали уже меньшевики. Судя по представительству, Ленин считает в партии в период Объединительного съезда до 13 тыс. большевиков и 18 тыс. меньшевиков [4]. Получается как будто, что за время наивысшего подъема революции влияние большевиков упало. На деле, конечно, ни о чем подобном не могло быть и речи. Наоборот, «события ежедневно учили в нашем духе» (Ленин), большевистские лозунги находили все больший отклик в массах. Но организационное закрепление политического влияния большевистских лозунгов сильно отставало. Нельзя упускать из виду, что моменты наивысшего подъема революции заставляли примыкать к партии элементы, только что поднятые от политической спячки, и они, естественно, тяготели к лидерам, возводившим в принцип туманность тактическую

[1] «Пролет. револ.» № 5/40 за 1925 г. Переписка Ленина и Крупской с Кавказской организацией, стр. 52.

[2] См., напр., «Вперед» № 16, статья «В Воронеже не время заниматься политикой».

[3] Протоколы III съезда, стр. 392.

[4] Ленин, Соч., т. X, стр. 121.

и организационную, потворствующим идее беспартийности и пр. Через эту «новь», через этих партийных новобранцев легче всего пробивала себе дорогу в партию и просачивалась струя мелкобуржуазной революционности. Меньшевизм же служил весьма удобным прикрытием этим чуждым влияниям на пролетариат.

Так или иначе, но меньшевики все же в момент подъема революции революционные слова говорили, а на местах нехотя, правда, входили в боевые коалиционные органы, были в советах и т. п., противопоставляя всюду на практике большевикам свою особую линию. Прирожденные хвостисты, меньшевики в период подъема тоже были позади, но в данном случае они шли в хвосте революционной стихии.

Обособленное существование большевиков в период подъема революции означало бы отказ от борьбы за меньшевистские низы и за неопределившиеся элементы. В дальнейшем мы увидим, как Ленин намечал завоевание этих элементов.

II. Примиренчество в рядах большевистского ЦК.

Большевистская часть партии была идейно гораздо более монолитна, чем меньшевистская часть. О той пестроте оттенков и течений у большевиков, что была у меньшевиков, не могло быть и речи. Но элементов теоретической неустойчивости было достаточно и среди большевиков.

Можно назвать Богданова, Луначарского и Базарова, уже тогда придерживавшихся ревизионистской философии «эмпириомонизма».

Укажем на Н. А. Рожкова, стоявшего теоретически на позициях экономического материализма и от большевизма пришедшего впоследствии к ликвидаторству; на группу москвичей, выступавшую позже против ленинской аграрной программы на IV Объединительном съезде [1], и т. д. и т. п. В тактике до приезда Ленина в Россию у некоторых очень видных тогда большевиков (Богданов, Красин и др.) сказывалась отчасти «левая» позиция, например в отношении к Совету, профсоюзам и т. д. [2]. Все эти теоретические, тактические и организационные («примиренчество») вывихи, бывшие у отдельных товарищей, особенно сказались позже, в период реакции, и либо повели их носителей к отходу от большевизма, либо были преодолены и изжиты; теперь же, в огне революции, и под постоянным воздействием критики гениального вождя партии они не мешали дружной работе будущих уклонистов в большевистских рядах, хотя известный отпечаток в виде оттенков понимания тактики и т. п. безусловно накладывали.

С другой стороны, в период революции к большевистской фракции так же, как и к меньшевикам, примкнуло довольно большое количество зеленой, главным образом учащейся, молодежи. Среди этой публики было много ценных элементов, которые переварились в партии и оказались хорошими большевиками, но пока что большинство этой молодежи было весьма неоформленно. Вскоре

---

[1] Об этом см. подробнее гл. VIII наст. тома. — *Ред.*

[2] См. об этом гл. IX наст. тома — *Ред.*

после 9 января т. Гусев писал Ленину из Петербурга, как капризничают молодые интеллигенты, придя в организацию:

«Чуть что не по ним — мы, мол, обижены и уходим к меньшевикам».

Было много и просто неустойчивых элементов. Владимир Войтинский, тогдашний большевик, ушедший потом к правым меньшевикам, изображает [1] заседание агитаторской коллегии при Петербургском комитете (дело было в ноябре). Почва была накалена, рабочие рвались к восстанию. Выяснилось, что, увлекшись настроением масс, некоторые большевистские агитаторы бросали призывы к восстанию. Это сообщение было встречено криками: «Мы убийцы»... Следует описание истерического самобичевания людей, испугавшихся грядущего восстания... Конечно, это была лишь одна из сторон процесса роста партии. Наряду с этим росли рабочие кадры, вырабатывались фигуры крупных вождей и из среды практиков-интеллигентов. Некоторый отбор, проверка, воспитание кадров нужны были, конечно, и в рядах большевиков.

Разница в этом отношении между фракциями была та, что у меньшевиков ненадежными, с их точки зрения, были низы партии — из рабочих и части практиков-интеллигентов, а у большевиков «отсев» должен был коснуться главным образом интеллигенции и учащейся молодежи.

Надо было дать рабочим с.-д. на деле, на собственном политическом опыте осознать оппортунизм меньшевиков, чтобы по-настоящему размежеваться, оставить меньшевикам лишь то, что им принадлежало по праву, т. е. то, что было безнадежно оппортунистическим. Такая проверка меньшевиков рабочей массой возможна была в крупном объеме лишь на опыте революции и последовавшей за ней мрачной эпохи реакции, когда меньшевики отреклись от революции и показали свое истинное лицо «столыпинской рабочей партии». Лишь после такой проверки, в следующий подъем движения (1910—1912 гг.) большевики монопольно выступают как признанные вожди революционного пролетариата. Пока же нужна была своеобразная «тактика единого фронта», нужно было объединение для отвоевания рабочих.

Начиная с 9 января, Ленин в каждой статье во «Вперед», в каждом письме в Россию бил в одну точку: он требовал уяснения партийцами того факта, что начавшаяся революция по-новому ставит все проблемы. Он бьет тревогу, когда видит, что размах, темп, инициатива руководящих товарищей не идут в ногу с творчеством масс. Для Ленина ясно, что из революции и классы и партии выйдут неизмеримо более оформленными в сравнении с тем, какими они входят в революцию. Когда с места сдвинуты целые социальные массивы, политику делают миллионы. Недаром Ленин так любит возвращаться в эпоху революции к глубочайшему положению марксизма:

«вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем массы, делом которой оно является» [2].

В эпоху, когда все новые и новые слои рабочего класса вовлекались в русло большевистской политики, наиболее опасны для партии были тенденции

---

[1] Вл. Войтинский, Годы побед и поражений, изд. Гржебина, Берлин.

[2] Слова Маркса из «Die heilige Familie», Aus dem Literarischen Nachlass, 1902 г., стр 183.

к сектантству со всё новыми и новыми пластами класса. Нужен был непосредственный контакт для партии, которую история выдвинула на роль вождя народной революции. Объединение ведь нисколько и не означало отказа от борьбы за отстаивание большевиками всех основных своих принципиальных позиций.

Но необходимо констатировать, что наряду с основным ленинским пониманием задач и методов объединения выявилось другое понимание, которое готово было скатиться к беспартийному примиренчеству. Ленинский план объединения базировался на предварительном организационном оформлении большевизма; объединение в этом случае рассматривалось как необходимый этап к созданию, на крепком принципиальном фундаменте староискровцев, традиций партии. Второй план Красина и Богданова знаменовал тенденцию к оформлению примиренческого течения в недрах самого большевизма. Если персонально (через Красина) примиренчество в рядах большевистского ЦК и имело преемственность от примиренчества ЦК, существовавшего до III съезда, то по содержанию и по характеру проявлений оба эти явления не могут быть вставлены в общую рамку. Если примиренчество, возглавлявшееся Носковым со II съезда, по существу было разновидностью меньшевизма и служило удобной маскировкой для прикрытия шедшего на раскол новоискровства, то примиренчество части ЦК во главе с Богдановым было хотя и нездоровым течением, но все же течением в рядах большевиков. Богданов и группа товарищей, объединившихся около него, готовы были в интересах расширения базы работы пожертвовать устойчивостью созданного большевистскими комитетами крепкого организационного ядра, вместо оформленного объединения, сбивались на идею спутывания двух частей партии. Но уже самый факт, что под воздействием писем Ленина и его обличений они не дали углубиться своим ошибкам и вырасти в целую систему взглядов, а, напротив того, целиком восприняли к концу сентября 1905 г. ленинский план объединения, говорит о том, что глубоких корней примиренчество в новой организации не пустило и что в основном и III съезд и созданное им руководство были, не могли не быть, детищем организации профессиональных революционеров. Необходимо отметить, что первый бой примиренчеству уже в большевистских рядах Ленин дал в связи со ставкой БКБ на лойяльность по отношению к ЦК и Совету, когда встал вопрос о последних конкретных шагах к созыву III съезда. Линии Ленина на созыв съезда партии против воли Совета партии и примиренческого ЦК и без них Богданов противопоставил «мягкую» линию на «лойяльность» по отношению к центрам, предлагая не конституировать съезд как третий очередной, чтобы не раздражать меньшевиков, а также дать решающие голоса Совету партии, заграничной Лиге, ЦК и ЦО. Ленин на эти предложения отвечал так:

«Вам, видно, еще раз хочется, чтобы вам в рожу плюнули»... «Ну, господа, — писал он членам ЦК, — я держу пари, что, если вы так будете действовать, то вы никогда не получите съезда и никогда не выйдете из-под башмака у бонапартистов ЦО и ЦК... Право, я часто думаю, что из большевиков девять десятых действительно жалкие формалисты, которые абсолютно неспособны воевать. Я бы всех их отдал Мартову. Либо мы сплотим действительно железной организацией всех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением,

что мы заслуживаем гибели, как презренные формалисты... И если мы не хотим явить миру отвратительный образец высохшей и анемичной старой девы, гордой своей бесплодной моральной чистотой, то мы должны понять, что нам нужна война и военная организация» [1].

В отчетной статье «Третий съезд» Ленин так резюмирует создавшееся положение в партии:

«Меньшинство откололось теперь от партии, это — совершившийся факт. Одна часть его, вероятно, убедится из решений и еще более из протоколов съезда в наивности разных басен о механическом подавлении и т. п. и в наличности полных гарантий прав меньшинства вообще в новом Уставе, во вреде раскола — и войдет в партию. Другая часть, может быть, будет упорствовать некоторое время в непризнании партийного съезда. По отношению к этой части нам остается пожелать, чтобы она как можно скорее сорганизовалась внутренне в цельную организацию со своей особой тактикой и особым уставом. Чем скорее это будет, тем легче будет всем и каждому, широкой массе партийных работников разобраться в причинах раскола и в оценке его, тем осуществимее будут практические соглашения между партией и отколовшейся организацией, смотря по нуждам работы на местах, тем скорее, наконец, наметится путь к неизбежному будущему восстановлению единства партии» [2].

Итак, мы видим, что Ленин предлагает меньшевикам возможно скорее оформиться в отдельную партию: сначала давайте размежуемся, оформимся, и мы и вы, в отдельные партии, а потом уже будем разговаривать об объединении. Ленин снова и снова настойчиво воюет против беспринципной политики превращения партии в какое-то месиво из разнородных политических оттенков.

Отметим, что съезд принял специальную резолюцию о необходимости в интересах борьбы объединения всех национальных с.-д. партий в единую РСДРП. Затем съезд заслушал отчет ЦК, в котором докладчик Красин уклонился от политической оценки деятельности ЦК, дабы «не трогать старых ран», остановившись вместе со вторым докладчиком, примиренцем Любимовым (по съезду Летнев), на организационных вопросах и технике. Интересно отметить выступление Ленина, в котором он еще раз отводил упрек якобы в склочном, а не принципиальном характере споров «заграничных литераторов».

«Что касается упреков по моему адресу, то я скажу лишь, что литератор без партии ничего сделать не в состоянии» [3].

По докладу ЦК съезд ограничился принятием краткой резолюции о переходе к очередным делам, отметив лишь принятие без голосования и особой резолюции деятельность товарищей, работавших в главной типографии партии с 1901 г., работавших в исключительно тяжелых условиях.

Избрав центральные органы, съезд закончил свою работу. В состав ЦК выбраны: Богданов, Красин, Постоловский (Вадим), Ленин, Рыков. ЦО после III съезда был «Пролетарий». Съезд специально отметил и подчеркнул ту роль,

---

[1] См. Лен. сб., V, стр. 152—153. См. также по этому поводу «Пролет. рев.» № 4 (39) за 1925 г., стр. 38—39, примечания 36 и 41.

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 302. Разрядка наша. — *Ред.* В V Ленинском сборнике, стр. 298, имеется план этой статьи. В нем приведенному нами абзацу соответствует следующий пункт: «2 партии», пожелание быстрой организации.

[3] Ленин, Соч., т. VII, стр. 292.

которую сыграл «Вперед» в деле размежевания по вопросам тактики политики с меньшевиками и его огромную роль по подготовке III съезда партии. Значение III съезда партии огромно. Ленин выяснил значение III съезда наиболее полно в работе: «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

На первом заседании пленума ЦК, избранного III съездом, состоявшегося 10 мая, ответственным редактором ЦО партии назначен был Ленин. Будучи официально единоличным редактором «Пролетария», Ленин продолжал вести орган фактически с тем же составом руководителей, что и «Вперед». В «Пролетарии» постоянно сотрудничали: Ольминский, Воровский, Луначарский, затем Карпинский, Теодорович и др. Елизаровой, Гусеву и Бонч-Бруевичу удалось

Руководящие органы РСДРП (большевиков), избранные на третьем партийном съезде.

организовать систематическую посылку в Женеву корреспонденций с мест. Переписка с местными организациями и читателями «Пролетария» велась Крупской и Фотиевой. Характер и объем работы Ленина в «Пролетарии» те же, что и во «Вперед». Последний (№ 26) номер «Пролетария» полностью обслужен Воровским, так как Ленин во время составления номера находился уже в Петербурге, где был занят формированием редакции легальной большевистской газеты «Новая жизнь». Ответственным редактором и организатором литературной части ЦК в России назначен был Богданов. Секретарем заграничного Бюро ЦК назначена была Крупская (Саблина). Ответственным техником, финансистом и заведующим транспортом назначен был Красин (Винтер). Объезды комитетов и завязывание связей — Рыков и Постоловский. На случай большого провала официальными кандидатами ЦК назначались

Шмидт (Румянцев), Бур (Эссен) и Гусев. Ввиду провала вскоре по приезде в Россию Рыкова в состав ЦК вошел Румянцев.

В целях конспирации были установлены специальные шифры и пароли для ЦК. «Были установлены формы сношений между членами ЦК, даны клички и персонально всем членам ЦК и самим учреждениям. ЦК в переписке должен был называться дон-Жуаном, ЦО — донной-Анной, установлены пароли для членов, агентов различных степеней доверия» [1].

г) III съезд и меньшевистская конференция.

Одновременно с III съездом заседала меньшевистская конференция в Женеве, известная под именем «Первой общерусской конференции партийных работников». Протоколов этой конференции нет. Нет также точных сведений о составе ее участников. По словам М. Н. Лядова:

«работников с мест среди них было лишь несколько человек. Большинство участников конференции состояло из заграничных литераторов, группировавшихся вокруг новой меньшевистской «Искры». Они получили мандаты от группок, отколовшихся от местных организаций, вроде «периферии» Московской и Нижегородской, Петербургской или Одесской групп. В состав этих «периферий» или групп, как общее правило, входили интеллигенты, слабо связанные с рабочим движением, выполнявшие второстепенные технические обязанности и постоянно будирующие против «комитета». Участвовали и делегаты комитетов: Киевского, Харьковского, Николаевского, Крымского и Донецкого. Все они были выбраны на съезд, все они были перевезены за границу на средства БКБ и ЦК и уже здесь, за границей, поддались уговору меньшевистских агентов и вместо Лондона поехали в Женеву» [2].

Имеются только резолюции, вышедшие приложением к № 100 «Искры». О работе V конференции известно лишь, что она обсуждала текущий момент, вопрос о вооруженном восстании, об экономической борьбе, о профессиональных союзах, о неоформленных организациях, о работе среди крестьян, о завоевании власти и участии во Временном правительстве, об отношении к другим революционным и оппозиционным партиям, о правительственных комиссиях, о партийной литературе, об Уставе, об отношении между двумя частями партии. Крайне характерно, что из-за «недостатка времени» конференция не обсудила и не приняла, ограничившись проектом, резолюции о вооружении и об агитации в войсках. Конференция высказывалась по вопросам организации и тактики в основном в духе старых меньшевистских положений Аксельрода, Мартынова и Мартова. Любопытно, что Мартов в своей истории РСДРП, грубо исказив позицию большевиков («заговорщические представления» о захвате власти), вынужден был, очень осторожно коснувшись позиции меньшинства, признать общее недовольство и неудовлетворенность позицией меньшевиков даже среди меньшинства. В своей «Истории РСДРП» Мартов дает такую оценку работ конференции:

«Конференция высказалась против заговорщических представлений об «организации восстания» и «захвата власти» социалистами, отметила важное значение создающихся в процессе ломки старого режима «временных неоформленных организаций рабочих» полулегального

[1] См. об этом протокол заседания ЦК, Лен. сб., V, стр. 277—292.

[2] Протоколы III съезда, стр. 539.

МЕНЬШЕВИСТСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, СОСТОЯВШАЯСЯ В ЖЕНЕВЕ В МАЕ 1905 г.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОРГАНИЗАЦИЙ.

1. Заграничной лиги РСДРП.
2. Редакции «Искры».
3. Петербургской группы ЦК.
4. Одесской группы ЦК.
5. Николаевского к-та
6. Харьковского к-та.
7. Киевского к-та.
8. Екатеринославского к-та.
9. Кубанского к-та.
10. Донского к-та.
11. Донецкого союза.
12. Сибирского союза.
13. Периферии Моск. к-та.
14. Сормовской периферии.
15. Смоленского к-та.
16. Крымского союза.
17. Украинского с.-д. союза.

ВОПРОСЫ, РАССМОТРЕННЫЕ КОНФЕРЕНЦИЕЙ.

1. Организационный устав.
2. О вооруженном восстании.
3. Об экономической борьбе.
4. О профессиональн. союзах.
5. О неоформленных организ.
6. О работе среди кр стьян.
7. О завоевании власти и участии во Временном правительстве.
8. Об участии в выборах в представительн. учрежд.
9. Об отношении к другим революционным и оппозиционным партиям.
10. О правительств. комиссиях.
11. О партийной литературе.
12. Об отношениях между двумя частями партии.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ.

Принимая во внимание, что

...Возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами исключается уже одной слабой организованностью передовых слоев пролетариата и неизбежно стихийным характером рев. движения тех именно народных масс, быстрое вовлечение которых в борьбу с царизмом является залогом нашей победы... Укрепляет в массах сознание неизбежности революции, необходимости быть всегда готовыми к вооруженному отпору и возможности его превращения, в каждый данный момент, в восстание... Только на почве такой всесторонней работы социал-демократии... могут приобрести более или менее серьезное значение технически особые приготовления наших партийных организаций к восстанию.

О ЗАВОЕВАНИИ ВЛАСТИ И УЧАСТИИ ВО ВРЕМ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

...Временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции — должно было бы... не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя. При таких условиях соц.-дем. должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое... предохранит ее от растворения в буржуазной демократии. Поэтому с.-д. не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Врем. правительстве, а должна остаться партией крайней революцион. оппозиции.

характера как ячеек будущей, более широкой классовой организации и подчеркнула необходимость развивать такие ячейки, призвала к строительству профессиональных союзов и определила условия политических соглашений с буржуазно-демократическими партиями в духе резолюции Старовера 1903 г., но с повышенными требованиями в смысле более значительного минимума демократических гарантий. В области организационной конференция рекомендовала постепенную демократизацию подпольной организации. Однако принятые ею в этой области постановления не удовлетворили широкие круги партийных рабочих своей нерешительностью и незаконченностью, поскольку не доводили реформы до логического конца выборности всех местных партийных центров совокупностью членов партийных организаций».

Хотя эта оценка и не дает полной картины меньшевистского оппортунизма, тем не менее она любопытна как характеристика самими меньшевиками собственных хвостистских позиций во всех вопросах стратегии и тактики. В другом месте, говоря о генеральном лозунге меньшевиков, Мартов пишет:

«Уязвимым пунктом этой тактики является сознательный отказ от задачи организационного объединения народных движений, признание такого организационного объединения технически невыполнимым при отсутствии объединяющего государственного центра политической борьбы при наличных условиях деятельности социалистической партии и при невозможности для последней, поскольку она выполняет определенную идейно-политическую миссию, раствориться в боевом объединении всех активно-руководящих элементов революции. Доверяя стихии революционного развития, тактика «меньшевиков» вызвала сомнения относительно того расточения народных сил в частных движениях, которое в их представлениях должно было парализоваться процессом организации «самочинного» самоуправления, на практике, однако, сильно отставшего от процесса разрушения старых общественных устоев благодаря именно слабому развитию в массах навыков к общественной самодеятельности».

И после такого отзыва о собственной позиции Мартов вынужден совершенно иначе охарактеризовать деятельность «фракционного третьего съезда»:

«В гораздо большем соответствии с действительной картиной соотношения общественных сил в 1905 г. Ленин и его единомышленники предвидят появление на политической авансцене громадной, по классовому своему характеру, мелкобуржуазной демократии, объединяющей революционные непролетарские элементы города с крестьянскими массами и именно поэтому долженствующей в ходе событий стать не простым лишь придатком к пролетарскому движению, как полагали Парвус и Троцкий, а самостоятельной политической силой, налагающей свою определенную печать на характер переворота. Эта схема отличалась, по сравнению со схемой Парвуса — Троцкого, значительно большей реалистичностью и более глубоким проникновением в сущность исторического момента. Она предусматривала то быстрое оформление крестьянского движения и пропитания его интеллигентско-демократическими элементами, которое имело место в течение 1905—1907 гг.».

Конференция выбрала Организационную комиссию в составе: Тарасевича (Рыбак), Гринцева (Александр), Гутовского (Маевский), Макадзюба (Панин) и Хинчука (Мирон). В статье «Третий шаг назад» Ленин написал по поводу изданных резолюций:

«До сих пор меньшевики выступали как дезорганизаторы по отношению к своим оппонентам, по отношению ко II съезду и созданным им органам. Теперь меньшевики выступают как дезорганизаторы по отношению к своим единомышленникам. Это уже настоящее возведение дезорганизации в принцип».

Что касается тактических резолюций конференции, то они значительно подтверждают заявление III съезда об оттенках с.-д., «родственных экономизму», о «суживании размаха партийной работы»,

Вся резолюция новоискровцев о Временном революционном правительстве грешит тем же, что и их резолюция о восстании: неумение определить новые технические задачи момента, повторение задов вместо призыва итти вперед, отсутствие руководящего лозунга для передового класса и демократической революции, принижение задач и размаха деятельности этого класса, его революционного энтузиазма и революционной энергии. Политическая тенденция этой ошибочной тактической линии — приближение новоискровства к освобожденству, уступки руководящей роли в демократическом перевороте либеральной буржуазии, превращение пролетариата в простой придаток ее.

В № 2 «Дневника социал-демократа» (август 1905 г.) в статье «Враждующие между собой братья» Плеханов писал:

«...так называемые меньшевики дали на своей конференции самый полный простор своему беспредельному стремлению к децентрализации... Организация меньшевиков дошла теперь до того же децентрализованного состояния, какое свойственно туманным массам» [1].

Еще раньше Плеханов в письме в редакцию «Искры», датированном 29 мая 1905 г., писал:

«Товарищи, решения конференции, нанесшие смертельный удар центральным учреждениям нашей партии, заставляют меня сложить с себя звание редактора ЦО и пятого (выбранного вторым законным съездом) члена Совета» [2].

Организационная сумятица, царившая на конференции меньшевиков, вполне гармонировала с политической беспринципностью новоискровцев. Страстное желание большевиков войти организованно в революцию нашло конкретное выражение в резолюциях III съезда. У меньшевистской конференции перед историей та заслуга, что, заседая отдельно от съезда, она дала возможность широким партийным рядам наглядно убедиться, что слова Ленина о существовании Горы и Жиронды в рядах РСДРП — непреложный факт.

---

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 317—318. Подчеркнуто Плехановым. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 226.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К X ГЛАВЕ.

ПАРТИЯ НА ПУТЯХ К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ (ОТ ЛЕТА К ДЕКАБРЮ 1905 г.).

I. Партия и массовое движение летом 1905 г.

а) Партия и восстание на Потемкине.
б) Значение восстания для последующего развития форм борьбы.
в) Партия в борьбе с либеральным маклерством.

II. Партия и Булыгинская дума.

а) Тактика большевиков и критика меньшевистского «плана» участия в выборах.

III. Октябрьские дни.

а) Оценка большевиками и меньшевиками значения октябрьской стачки.

IV. Советы и партия.

а) Роль советов в революции.
б) Критика меньшевистского понимания роли советов.
в) Ленинская оценка роли советов в революции.

V. Декабрьское вооруженное восстание и партия.

а) Смена форм борьбы на основных этапах революции.
б) Партия в подготовке и руководстве восстанием.
в) Причины поражения, итоги и уроки восстания.

ЛИТЕРАТУРА: см. в тексте.

ГЛАВА X.

ПАРТИЯ НА ПУТЯХ К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ (ОТ ЛЕТА К ДЕКАБРЮ 1905 г.).

а) РАЗВИТИЕ МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ III СЪЕЗДОМ И ОКТЯБРЬСКОЙ СТАЧКОЙ.

1. Введение.

После 22(9) января рабочий класс России в своем дальнейшем поступательном движении все настойчивей и настойчивей атаковал самодержавие. «Пролетариат волнуется беспрерывно, — писал Ленин в статье «Борьба пролетариата и холопство буржуазии», — особенно после 9 января, не давая ни минуты отдыха врагу» [1]. «Одно перечисление стачек заняло бы очень много места», отмечал «Пролетарий» (№ 6), характеризуя стачечное движение, охватившее страну весной 1905 г. Некоторое затишье, правда, не надолго, наступило в главных центрах движения, и в первую очередь в Петербурге, накануне первого мая. Это сказалось в неудаче организовать внушительные первомайские демонстрации. Но все же по окраинам в ряде мест такие демонстрации удались. Особенно значительны по своему размаху были события, разыгравшиеся в этот день в Варшаве. Варшавский пролетариат организовал в день 1 мая грандиозную мирную демонстрацию.

«Не только не дымилась ни одна фабричная труба, но ни одна лавочка не была открыта, ни одна мастерская, даже самая маленькая не работала,—сообщал корреспондент «Пролетария» о настроении варшавских рабочих в этот день. — Еще никогда Варшава не видала такого изумительно-почтительного отношения к ясно выраженной воле пролетариата и такой солидарности в среде этого последнего» [2].

На пути мирной первомайской демонстрации оказались войска и полиция, без малейшего предупреждения начавшие расстреливать демонстрантов. Это был один из наиболее гнусных подвигов царизма, так как власти города заранее были предупреждены о готовившейся демонстрации и мирном характере ее. В результате побоища оказались сотни убитых и раненых. Аналогичные события разыгрались 1 мая и в Лодзи. Однако, невзирая на зверства царизма, пролетариат праздновал 1 мая в 1905 г. на западных окраинах с небывалым подъемом. Первомайские забастовки охватили всю Польшу и Прибалтийский

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 362.

[2] «Пролетарий» № 3 от 9 июня (27 мая) 1905 г.

край. В ответ на расправы в Варшаве и Лодзи СДЦП и Л призывала пролетариат Польши ко всеобщей забастовке протеста. Забастовка прошла весьма успешно во многих предприятиях Варшавы и Лодзи, а также и в других промышленных пунктах Польши.

Вслед за майскими событиями в июне в Лодзи было поднято уже настоящее вооруженное восстание. Лодзинские фабриканты еще в марте повели упорное наступление против рабочих, стремясь отобрать у них те незначительные улучшения, которых добились рабочие январской и февральской всеобщей забастовкой. Предпринимательский нажим особенно усилился в конце мая и в начале июня. Началась борьба, в которой фабриканты прибегали к помощи царских властей. На фабрики и заводы во время забастовок стали вызываться казаки. Последовали столкновения, в результате которых со стороны рабочих оказались убитые и увечные. Атмосфера накалялась. 18 (5) июня казачий патруль неожиданно напал на группу рабочих, возвращавшихся с загородного собрания; 10 человек было убито и много ранено. Похороны части этих жертв превратились в Лодзи в многолюдную демонстрацию. На другой день должны были состояться похороны остальных рабочих, провожать которых на кладбище вышло почти все рабочее население Лодзи. Однако полиция сумела заранее тайно похоронить убитых. Тогда собравшаяся толпа демонстративно двинулась к кладбищу с красными знаменами и революционными песнями. Во время шествия на демонстрантов напали казаки и драгуны. Многие рабочие оказались вооруженными и дали отпор нападавшим. Возникло настоящее сражение, в результате которого оказалось несколько десятков убитых и раненых с обеих сторон. На следующий день, 22 (9) июня, была объявлена всеобщая забастовка. Во главе движения стала СДЦП и Л. Против забастовщиков были двинуты войска и движение превратилось в восстание. Рабочие проявили необыкновенную стойкость и героизм. В городе было сооружено большое количество баррикад, которые войскам приходилось брать штурмом. Корреспондент из Лодзи так описывал эту борьбу в «Пролетарии»:

«В солдат стреляли из окон, с крыш, обсыпали их камнями, обливали кипятком и горячей смолой. В нескольких местах были брошены бомбы. Боевое настроение охватило все рабочее население. Наряду с взрослыми дрались на баррикадах дети; молодые девушки произносили агитационные речи под градом пуль. На воодушевление рабочих войска отвечали самой дикой жестокостью. Убивали ни в чем неповинных прохожих, стреляли во всякого рабочего, выходившего на улицу или хотя бы только высовывавшегося в окно» [1].

Конечно город тотчас же был объявлен на военном положении и наводнен войсками. 26 (13) июня восстание было подавлено. Лодзинский пролетариат оказал героическое сопротивление царским войскам, однако он не был еще подготовлен к наступательным вооруженным действиям. Тем не менее лодзинское вооруженное восстание сыграло крупную роль в подготовительном этапе революции, показав

«не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы» [2].

---

[1] «Пролетарий» № 6.

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 362.

Июньское восстание в Лодзи было первым вооруженным восстанием рабочего класса в царской России. Оно нашло горячий отлик во многих городах Польши: 23 (10) июня вспыхнула демонстрация в Ченстохове, 24 (11) началась всеобщая забастовка в Варшаве с крупными демонстрациями и баррикадными боями, 28 (15) возникла стачка на копях в Домбровском районе.

В цепи стачек этого периода особенно выделяется стачка иваново-вознесенских ткачей. Стачка началась 25 (12) мая и длилась до 7 августа (25 июля). В ней принимало участие около 70 тыс. рабочих, в числе которых было много женщин. Вначале стачка протекала мирно. Рабочие текстильного производства принадлежали к наиболее отсталым и забитым слоям рабочего класса России. Они поголовно заражены были экономизмом, политические лозунги воспринимали чрезвычайно туго. В начале забастовки иваново-вознесенские ткачи о политике и слушать не хотели. И лишь по мере развития событий в их сознании укреплялась мысль о необходимости политической борьбы. Первые предметные уроки в этом направлении дало само самодержавие. 16 (3) июля в окрестностях города на р. Талке состоялось многочисленное собрание рабочих для принятия решения о дальнейшем направлении забастовки. Такие собрания происходили много раз и раньше, власти не чинили никаких препятствий к организации их, рабочие в этом отношении пользовались относительной свободой. На этот раз в городе предварительно появилось объявление о запрещении собраний на р. Талке под тем предлогом, что на этих собраниях обсуждаются политические вопросы. Собравшись 16 (3) июня, рабочие вынесли решение обратиться с просьбой к властям города о разрешении собраний. Ответ получился в духе непреложных традиций самодержавия: собрание было окружено казаками и драгунами и стало разгоняться нагайками. Многие рабочие в панике бросились в лес, где на них была устроена облава. Началась стрельба по выбегавшим из леса рабочим. Убито было несколько десятков и ранено несколько сот человек. Город был объявлен на осадном положении. Однако рабочие держались стойко и на работу не шли. После этого эксперимента самодержавия в Иваново-Вознесенске раздался крик: «долой самодержавие!»

Стачка иваново-вознесенских ткачей длилась 74 дня, она являла редкий пример мужества и солидарности рабочего класса. Лишь крайнее истощение принудило рабочих стать на работы, удовлетворившись ничтожной уступкой фабрикантов. После предметных уроков самодержавия иваново-вознесенские ткачи вышли из забастовки политически переродившимися людьми. Забастовкой руководил Северный комитет большевиков. Непосредственно вел забастовку избранный рабочими Совет рабочих депутатов, который таким образом может считаться первым Советом рабочих депутатов в России.

2. Восстание на «Потемкине» и партия.

В июне месяце приобрело огромное значение движение в Одессе. События в Одессе, совпавшие с восстанием на броненосце «Князь Потемкин», имели свою историю. Одесские рабочие, как и иваново-вознесенские ткачи, в начале революции в огромном большинстве еще далеко не сочувственно, а частью и прямо враждебно, относились к агитации социал-демократии и ее политическим

лозунгам. Как на пример можно указать на то, что январские события, разыгравшиеся в Петербурге, не встретили среди одесских рабочих того горячего отклика, который они нашли в других промышленных центрах России. Попытка местных социал-демократических организаций организовать стачку протеста против расстрела петербургских рабочих в Одессе не удалась. Причин тому было много, из которых главные: сравнительно слабая организованность одесских рабочих, во-первых, довольно заметное влияние бывших зубатовцев, сохранившихся кое-где на фабриках и заводах, агитация которых выливалась в погромные призывы против евреев и интеллигенции, во-вторых, наконец, недостаточно обострившийся хозяйственный кризис на одесских промышленных предприятиях, благодаря чему рабочие пока что имели сносное существование, хотя в то же время они находились под угрозой сокращения производства. Все это, вместе взятое, налагало соответствующий отпечаток на рабочее движение в Одессе не только в рассматриваемый период, но и на ближайшем этапе к нему, и было смело использовано местными властями в их агитации против стачек.

Скоро, однако, и Одесса стала занимать свое место в общем потоке революционного движения пролетариата. Хозяйственная разруха надвинулась и на нее. Фабриканты начали все больше и больше сбавлять заработную плату и удлинять рабочий день. Первыми в феврале забастовали фармацевты. Неуклонно развиваясь, к концу апреля стачечное движение достигло внушительных размеров и в Одессе, а в начале мая оно вылилось уже в грандиозную, чуть не всеобщую, забастовку, в которой по официальным данным в момент наивысшего подъема принимало участие 119 предприятий с количеством рабочих свыше 10 тысяч. С половины мая стачка пошла на убыль. На многих предприятиях экономические требования рабочих были удовлетворены почти полностью. Хотя стачка и носила еще чисто экономический характер и не было острых столкновений ни с войсками, ни с полицией, тем не менее она оказала большое влияние на развитие политического сознания рабочих и подвела их вплотную к более высокой ступени борьбы — борьбы за политические требования, к которым раньше, как было указано выше, огромное большинство рабочих Одессы относилось отрицательно.

Политическую работу среди одесского пролетариата в первой половине 1905 г. вели три социал-демократические организации: Одесский комитет большевиков, меньшевистская группа ЦК и Бунд. В работу вносилась обычная при таких условиях дезорганизация. Большевики, желая предотвратить эту дезорганизацию, пытались войти в соглашение с меньшевиками. С этой целью была создана «Объединенная агитационная комиссия», в которой из семи мест четыре были предоставлены меньшевикам; в редакционной коллегии также два места из четырех были отданы меньшевикам. Однако меньшевики использовали объединение не в целях расширения общепартийной работы, а исключительно в целях укрепления своей меньшевистской группы, и объединение распалось.

«Они не только не сдержали своего слова,—писал во «Вперед» корреспондент из Одессы,—никогда не выступать против местного комитета, но бесстыдно сеяли клевету и рознь. Возмутительнее всего то обстоятельство, что «меньшинство» откололось от комитетской организации

в острый и важный исторический момент, переживаемый нами; даже больше того, в тот самый день, когда комитет предложил им совместно обсудить общий план работы и организации всеобщей забастовки» [1].

Неудачные попытки перевести майскую экономическую забастовку на рельсы политической борьбы и относительная слабость каждой организации в отдельности заставили вновь большевиков и меньшевиков вступить на путь временного соглашения для «координирования своих действий». С этой целью 15 (2) мая было вырабатано соглашение о создании «Исполнительной комиссии», в состав которой должны были войти по два представителя от большевиков, меньшевиков и Бунда. Однако 16 (3) мая это соглашение уже было расторгнуто, и в дальнейшем каждая организация действовала самостоятельно.

Политическая незрелость рабочей массы позволила меньшевикам значительно укрепить свои позиции. Вместе с Бундом, тактика которого мало чем отличалась от тактики меньшевиков, меньшевики имели в Одессе значительный перевес над большевиками ко времени развития июньских событий. Вот что говорит об этом в своих воспоминаниях С. Гусев:

«В самой Одессе меньшевики были раза в два-три сильнее нас (большевиков. — *Ред.*). Особенно важное значение имело то, что у них было много денег и превосходная типография, позволявшая им выпускать раз в неделю большую газету. Кроме того к ним «перла» вся интеллигенция. Часть еврейской интеллигенции поддерживала бундовцев» [2].

Кроме того в самой большевистской организации в Одессе к тому времени не все обстояло благополучно. В уже цитированных воспоминаниях С. Гусев приводит отрывок из своего письма к Ленину, в котором он так характеризовал одесскую организацию большевиков:

«В организации чувствуется еще сильная слабость, как результат долгой хронической болезни. А картину мы здесь застали (С. Гусев только перед восстанием «Потемкина» прибыл в Одессу из Петербурга. —*Ред.*) поистине отвратительную: постоянные раздоры и сплетни в комитете, кумовство, обывательщина, халатное отношение к работе, неконспиративность — прямо ужасающая — комитета и периферии, паразитизм, наполнение организации никуда негодными элементами. Нам предстоит произвести чистку Авгиевых конюшен» [3].

Конечно и меньшевистская организация не свободна была от перечисленных грехов, но это отнюдь не улучшало положения дел в большевистской организации. Вдобавок к этому, по свидетельству С. Гусева:

«весь Городской и в значительной степени Пересыпский район были сильно заражены примиренчеством и плохо разбирались в разногласиях с меньшевиками» [4].

Таково было состояние партийной организации в Одессе накануне июньских событий. Между тем события эти разворачивались так. После майской стачки забастовочное движение в Одессе уже не прекращалось. Бастовали то одни, то другие предприятия. Активность рабочего класса и сознательность его повысились. Так, 12 июня (30 мая) забастовала телефонная станция, предъявив ряд экономических требований; 16 (3) июня забастовка охватывала уже 13 предприятий с числом рабочих около 4 тыс. человек. Одновременно с развитием

[1] «Вперед» № 7 от 24 февраля 1905 г.

[2] С. Гусев, Одесская парторганизация 1905 г. после «Потемкина» 1905 г. Революционное движение в Одессе и Одесщине, кн. II, Одесса 1926 г., стр. 44.

[3] Там же, стр. 41.

[4] Там же, стр. 43.

частичных забастовок, партийными организациями упорно велась усиленная подготовка всеобщей политической стачки. С этой целью собирались сходки выборных от предприятий 21 (8) июня одна такая сходка, на которой присутствовало 33 человека, была полностью арестована охранкой. Узнав об аресте выборных, рабочие толпой двинулись к участку, где сидели арестованные, и потребовали освобождения их. Власти перепугались и немедленно освободили пленников, которых толпа с пением «марсельезы» проводила домой. 25 (12) июня охранка вновь арестовала собрание выборных, на котором присутствовало 39 человек. На другой день 26 (13) июня, на Пересыпи, у бастовавшего завода Гена, собралось человек 500 рабочих различных предприятий, чтоб обсудить положение в связи с новыми арестами выборных. Появившийся у завода пристав с сотней казаков предъявил рабочим требование разойтись. «Освободите наших товарищей — мы разойдемся», ответили рабочие. После этого ответа по команде пристава казаки бросились на рабочих. «Ребята, бери камни!» — крикнул кто-то из рабочих, и вслед затем камни полетели в казаков. Казаки отступили. Спешившись, они дали залп в рабочих, приступивших к постройке баррикады. Двое из рабочих упали убитыми и несколько человек ранеными. Весть о расстреле рабочих у завода Гена с быстротой молнии облетела все предприятия и рабочие кварталы. Страшное возмущение охватило рабочие массы. На многих предприятиях работы моментально были приостановлены. В тот же день вечером решено было объявить на 27 (14) июня всеобщую забастовку в знак протеста и траура по убитым.

27 (14) июня утром в городе на стенах домов появилось зловещее объявление, гласившее:

«вчера при столкновении войск с народом было убито два и ранено три рабочих; градоначальник просит мирных жителей во избежание случайностей не присоединяться к толпам рабочих».

Смысл этого объявления был совершенно ясен. «Мирных жителей» просили не смешиваться с рабочими, которым была объявлена война. Несмотря на это объявление, у завода Гена утром вновь собралась толпа рабочих численностью около 3 тыс. человек. Собравшиеся, вопреки выступлениям зубатовцев, старавшихся подорвать влияние революционных организаций и отвлечь внимание присутствовавших от выступлений политического характера, решили до конца проводить всеобщую забастовку и снять с работы тех рабочих, которые еще не примкнули к ней. С этой целью огромная толпа от завода Гена двинулась в город, увлекая за собой рабочих с фабрик и заводов, встречавшихся по пути. Около 11 час. утра начались столкновения с казаками и полицией. Первыми открыли стрельбу полицейские. С этого момента город превратился в поле сражения. Движение сразу приняло характер восстания. Рабочие бросились останавливать конки и омнибусы. Они высаживали пассажиров, опрокидывали вагоны и повозки, наспех строили баррикады. Беспрерывно раздавалась стрельба в разных концах города. Полицейских истребляли при всякой возможности. Воодушевление в рабочих массах было огромное, однако к вечеру это воодушевление начало ослабевать под непрекращавшимися выстрелами полицейских и казаков. Рабочая масса была безоружна — баррикады защищались лишь камнями. Всюду раздавались крики: «оружия!» В этот момент, в момент

ПОТЕМКИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 14—25 ИЮНЯ 1905 г. ст. ст.

РУКОВОДИТЕЛИ ВОССТАНИЯ.

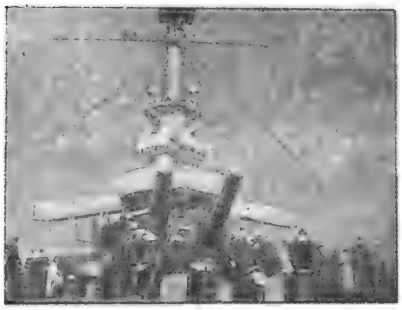
Фельдман

Вакулинчук

Матюшенко

Мурзак

Кирилл



Броненосец «Потемкин» на Севастопольском рейде.

Ко всем европейским державам.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плавающим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

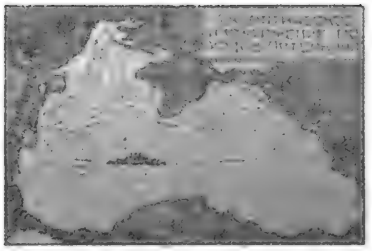
Ко всему цивилизованному миру.

...Обезумевшее правительство забыло одно, что темная и забитая армия, это сильное орудие его кровавых замыслов, есть тот же народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И вот мы, команда эскадренного броненосца «Потемкин-Таврический», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас проклятье, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз — смерть или свобода для всего русского народа.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267.

ЗАПИСКА НА ТРУПЕ ВАКУЛИНЧУКА.



Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» за то, что Вакулинчук заявил, что «борщ не годится». Осеним себя крестным знамением и скажем: «мир праху его». Отмстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода! Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Один за всех—все за одного.

Ход восстания на броненосце.

13 июня. Прибытие «Потемкина» из Севастополя в Тендровский залив около Очакова.

14 июня утром. Столкновение с командиром судна Голиковым и офицером Гиляровским из-за мяса с червями к обеду.

Днем. Приказ Гиляровского расстрелять группу матросов, не подчиняющихся приказу командира «есть борщ». Убийство им матроса Вакулинчука и начало восстания.

страшной нужды в оружии, на далеком горизонте моря показался восставший корабль. Это был броненосец «Князь Потемкин-Таврический».

Восстание на броненосце «Князь Потемкин» возникло не случайно. Это был «частичный и преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский Черноморский флот» [1].

События, разыгравшиеся на броненосце, толкнули команду его на преждевременное выступление.

Революционная пропаганда и агитация велась в Черноморском флоте давно. Начиная с 1903 г. южными социал-демократическими организациями среди матросов организовывались кружки, распространялась нелегальная литература. Агитация эта пустила глубокие корни в среде матросов. Жестокий флотский режим, бесчеловечное обращение командного состава, с одной стороны, подбор для флота более сознательных, более интеллигентных кадров, в значительной степени из рабочих высокой квалификации — с другой, делали матросов особенно восприимчивыми к революционной пропаганде. Первым открытым протестом против каторжного режима во флоте был матросский бунт в Севастополе в ноябре 1904 г. Причиной бунта послужил приказ командира Черноморского флота адмирала Чухнина, запрещавший матросам свободный выход из казарм в город. Приказ преследовал цель изолировать матросов от революционной пропаганды. Но революционная пропаганда, несмотря на меры, принимаемые военными властями, а отчасти и благодаря этим мерам проникала все глубже и глубже в среду матросов. К моменту выступления «Потемкина» почти на всех военных судах Черноморского флота были созданы организованные группы матросов, объединенные в общий руководящий центр. Крымский социал-демократический союз вел энергичную работу в этом направлении. Был разработан общий план восстания всего Черноморского флота, которое приурочивалось к концу июня на острове Тендер близ Одессы, куда эскадра должна была выйти на маневры. Командование флота в той или иной мере безусловно было осведомлено через своих шпионов, главным образом кондукторов, о готовившемся восстании. Оно принимало меры к предупреждению восстания, с одной стороны, путем усиления и без того каторжной дисциплины, а с другой — переводом части матросов с кораблей на береговую службу.

25 (12) июня «Потемкин» снялся с якоря в Севастополе и направился к острову Тендер для производства практической стрельбы. Броненосец был новейшей системы, только в 1904 г. спущенный на воду, самый сильный в Черноморском флоте. Он имел полное вооружение и огромный запас боевых снарядов. За несколько дней до выхода в море севастопольский комитет социал-демократической партии получил запрос от организованной части команды «Потемкина» о том, что не будет ли вреда для революции, если команда «Потемкина» уже поднимет восстание. Севастопольский комитет предложил потемкинцам не предпринимать ничего до выступления других судов эскадры. Потемкинцы согласились.

---

[1] К и р и л л, Одиннадцать дней на «Потемкине», Спб. 1907.

Восставший Потемкин

26 (13) июня «Потемкин» в сопровождении миноносца № 267 в 7 час. утра подошел к острову Тендер и стал на якорь. Состав его команды, по сравнению с командами других броненосцев, не совсем благоприятствовал восстанию. Почти половина матросов на «Потемкине» состояла из новобранцев, только что вступивших на борт корабля, мало или совсем еще не захваченных революционной пропагандой. Да и в остальной части команды также было много сравнительно молодых матросов. В общем итоге революционная группа на броненосце включала в себя человек 100—150, во главе с Матюшенко и Вакулинчуком. Эта группа состояла из старых матросов, смелых и решительных, которые, как и показал факт восстания, могли повести за собой всех остальных.

Случай толкнул команду «Потемкина», наэлектризованную известиями о событиях в Одессе, на преждевременное выступление. Матросам был предложен борщ из червивого мяса, который они демонстративно отказались есть. За этот отказ командир броненосца Голиков и старший офицер Гиляровский поставили под расстрел 30 человек. Однако караул отказался стрелять. «А, бунт!»—вскипел Гиляровский и выхватил винтовку у ближайшего караульного. «Ребята, хватай винтовки, бей их, окаянных!»—раздалось в тот же момент из толпы матросов. И восстание началось. Первым пал Вакулинчук, смертельно раненный Гиляровским. Озлобленная команда начала жестокую расправу с офицерами. Часть из них, с Гиляровским во главе, Голиковым, и старшим врачом Смирновым, были расстреляны и выброшены за борт, часть офицеров были арестованы после того, как с них были сорваны погоны. Овладев броненосцем, команда избрала комиссию в составе 30 человек, которая и явилась в дальнейшем органом власти на корабле. Присоединив к себе миноносец № 267, «Потемкин» полным ходом двинулся к Одессе, куда и прибыл в 10 час. вечера 27 (14) июня.

Того, что можно было ожидать от прихода «Потемкина» в Одессу, охваченную пламенем восстания, не случилось. Плеханов, под влиянием событий склонявшийся к революционной тактике, писал по этому поводу:

«Как только «Потемкин» пришел в Одессу, надо было высадить, под прикрытием его пушек, значительную часть его людей на берег и свезти туда же все то холодное и огнестрельное оружие, которое только можно было свезти. Матросы наскоро показали бы рабочим, как надо обращаться с этим оружием, внушили бы им кое-какие понятия о боевой дисциплине и, разделив их на дружины, стали бы в центре этих дружин в качестве их военных руководителей. Благодаря этому борьба рабочих с царскими войсками стала бы несравненно успешнее, и кровавые одесские дни составили бы эпоху в истории нашего революционного движения. И какой прекрасный урок был бы дан «храброму казацкому войску»! Долго помнило бы оно его!» [1].

Все действия «Потемкина» за время пребывания в Одессе отличались крайней нерешительностью. Огромный энтузиазм, вспыхнувший в команде его в начале восстания, не нашел должного применения. На другой день по прибытии в Одессу «революционный центр» «Потемкина» вошел в сношение с местными социал-демократическими организациями. На броненосец были делегированы представители большевиков, меньшевиков и Бунда. Совеща-

[1] Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 321.

ние представителей социал-демократических организаций, происходившее совместно с комиссией «Потемкина», постановило:

«Пока воздержаться от каких-либо наступательных действий в виде высадки десанта, а ждать прихода и встречи с эскадрой, большая часть которой при наличии сочувствия на каждом судне перейдет на сторону восставших» [1].

Это была первая чрезвычайно крупная ошибка. Нельзя было ждать пока опомнится враг и успеет подтянуть все свои силы к месту прорыва. Ненадежные части в командах эскадры могли быть заменены более надежными, это нетрудно было предвидеть. Медлить было нельзя, необходимо было немедленно открыть военные действия против врага, а «Потемкин» медлил. Нерешительность местных социал-демократов, их колебания и растерянность в ответственный момент усиливали не только царских охранников на берегу и на море, но усиливали также и те враждебные элементы, которые отчасти сохранились и на самом «Потемкине». К числу этих враждебных элементов принадлежали кондуктора и небольшая часть командного состава, арестованные в начале восстания, а затем освобожденные, как изъявившие согласие примкнуть к восстанию. Они пользовались каждым удобным случаем, чтоб внести деморализацию в ряды восставших матросов или совершить предательство.

Дальнейший ход событий на «Потемкине» еще резче подчеркнул ошибочную тактику руководства движением. Днем 28 (15) июня потемкинцы свезли труп Вакулинчука на берег и положили его на пристани под охраной вооруженного караула. Пристань с утра заполнилась огромным количеством народа. Приезжавшим на берег матросам рабочие оказывали восторженный прием. Узнав о том, что «Потемкин» нуждается в топливе, рабочие захватили пароход с углем и доставили его на броненосец. Народ на берегу праздновал победу. Под прикрытием пушек «Потемкина» на пристани шли беспрерывные митинги, произносились зажигательные речи. Власти города растерялись до последней крайности. Они ничего не предпринимали против непокорного броненосца, да и предпринять ничего не могли: «Потемкин» был вне их досягаемости. А к тому же и войска, за исключением казаков, были не надежны: еще во время забастовки войска отказывались стрелять в народ. В тот же день «Потемкин» присоединил к себе небольшой военный пароход «Веха», превратив его в госпитальное судно. День закончился посещением «Потемкина» представителями двух полков, расположенных в Одессе, изъявивших свою солидарность с потемкинцами. Ночью начался пожар в порту. Босяки и другой сброд бросились грабить порт, разбивать склады и учинять поджоги. Это была провокация властей, с целью запугать призраком анархии население Одессы. Войска целую ночь расстреливали народ в порту. Было много жертв. Матросы и рабочие, охранявшие на берегу труп Вакулинчука, выдержали целое сражение с полицией, намеревавшейся увезти труп.

На другой день состоялись общественные похороны Вакулинчука, которые власти побоялись не разрешить. В тот же день «Потемкин» принял решение предъявить командующему войсками следующие требования:

---

[1] Кирилл, цит. соч.

«1) немедленное освобождение всех политических, 2) немедленное прекращение расстрела мирного населения города и 3) как гарантию этого — вывод всех войск из города и передачу арсеналов в руки народа» [1].

В случае отказа «Потемкин» угрожал бомбардировкой города. Перед отправкой депутации к командующему войсками с предъявлением требований по городу сделано было два боевых выстрела из шестидюймовых орудий. Предполагалось разрушить театр, в котором заседал военный совет, однако благодаря предательству сигнальщика снаряды дали перелет. Командующий войсками, генерал Коханов, делегации с «Потемкина» не принял, но и арестовать делегатов не посмел.

Утром 30 (17) июня получилось известие о приближении эскадры. Около 12 часов дня эскадра в составе пяти броненосцев и флотилии миноносцев, под командой адмиралов Кригера и Вишневецкого, подошла к месту стоянки «Потемкина». «Потемкин» приготовился принять бой. Эскадра на бой не решилась и, покрейсеровав вокруг «Потемкина», ушла обратно в Севастополь. Из состава ее к «Потемкину» присоединился броненосец «Георгий Победоносец». Теперь силы «Потемкина» возросли, однако действия его попрежнему были нерешительны. На следующий день, 1 июля (18 июня), колеблющаяся команда «Георгия Победоносца», под влиянием оставшихся на броненосце кондукторов, изменила потемкинцам, решив итти в Севастополь с повинной головой. А когда это намерение не удалось привести в исполнение из-за угроз пушек «Потемкина», «Георгий Победоносец» сдался одесским властям, выбросившись на мель. После измены «Георгия Победоносца» большей частью команды «Потемкина» овладела страшная растерянность, преодолеть которую не в состоянии была более устойчивая часть матросов. Скоро растерянность перешла в панику. Подгоняемые паникой потемкинцы в тот же день снялись с якоря и двинулись в Румынию. Из Румынии «Потемкин» еще раз возвратился к берегам России с намерением продолжать борьбу с самодержавием. Но, увы, запас революционной энергии в рядах его команды уже был исчерпан. Ничтожное сопротивление, встреченное в Феодосии при захвате судна с углем, побудило потемкинцев возвратиться в Румынию и сдать броненосец румынским властям.

Так окончилось потемкинское восстание. Огромные возможности, которые были заложены в этом восстании, остались неиспользованными. Между тем шансы на успех были огромны: в руках восставших находился сильнейший броненосец, представлявший собою неприступную крепость; весь остальной Черноморский флот готов был поддержать восстание, что было доказано фактом перехода на сторону восставших «Георгия Победоносца»; значительная часть сухопутных войск имела намерение примкнуть к восставшим; налицо было массовое выступление рабочих, дравшихся за единые с потемкинцами цели; начавшееся на Черноморском побережьи аграрное движение обеспечивало поддержку со стороны крестьян. Таковы были шансы на успех. Шансы эти усиливались во много раз той растерянностью, которая царила во враждебном лагере, особенно в первые моменты восстания. Несмотря на все эти возможности, восстание потерпело крах. Оно не было поражено извне, оно

[1] Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Воспоминания, материалы и документы, 1924 г., стр. 85—86.

не было разбито в открытом бою с самодержавием, — оно сгорело на медленном огне внутреннего бессилия, не имея того могучего руководства, которое обеспечивало бы ему успех. Выше была дана характеристика рабочего движения в Одессе в первой половине 1905 г., равно как и характеристика партийной работы в этот промежуток времени. Из приведенных фактов легко убедиться в том, как медленно подходили рабочие Одессы к задачам политической борьбы. Лишь только накануне потемкинского восстания они восприняли политические лозунги социал-демократии, непосредственно столкнувшись в жестокой схватке с самодержавием. В их среде назрела огромная потребность борьбы, необходимость которой диктовалась всей окружающей обстановкой, но у них еще не было опыта этой борьбы, не было достаточно сильных и крепких организаций, способных направить борьбу, закрепить достигнутые успехи. Рабочая масса еще находилась в стадии организационного оформления, очищаясь в огне борьбы от той накипи предрассудков, которые унаследованы были от прошлого. Состояние работы социал-демократических организаций, как мы видели выше, было далеко не на высоте положения. Значительное преобладание в Одессе имели меньшевики. Их нерешительная соглашательская тактика отнюдь не способствовала созданию прочной базы для вооруженного восстания. Как могли они безоговорочно пойти на вооруженное восстание и организовать массы для него, когда это означало непримиримый разрыв с либеральной буржуазией, которого меньшевики боялись и не хотели. Рабочие Одессы начали строить баррикады отнюдь не по призыву меньшевиков, а скорее в противовес меньшевикам. С этой стороны руководства восстанием не было, да и не могло его быть. Оставались большевики, принципиальные и последовательные сторонники вооруженного восстания. В каком состоянии находилась большевистская организация в Одессе накануне восстания, мы показали в предыдущем. Трудно было ожидать от Одесского комитета большевиков при таком состоянии организации хорошего руководства восстанием «Потемкина». Его и не было. В письме одного видного большевистского работника Одессы, написанном тотчас же после восстания «Потемкина» Крупской, по этому поводу говорилось:

«Очень и очень неудачно вышло дело с броненосцем, да и не мудрено—некому у нас было руководить им» [1].

Этим сказано все. Восстание на «Потемкине» потерпело крах, однако «броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции» [2]. В этом и заключалось огромнейшее значение потемкинского восстания.

«Громадное значение последних одесских событий, — писал Ленин в цитированной уже статье «Революционная армия и революционное правительство»,— состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма — целый броненосец — перешла открыто на сторону революции... налицо несомненный и значительнейший факт: попытка образования ядра революционной армии. Никакие репрессии, никакие частич-

---

[1] Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с одесской организацией. Письмо Л. М. Кипович, «Пролетарская революция» № 11 (46) за 1925 г., стр. 42.

[2] Ленин, Революционная армия и революционное правительство. Соч., т. VII, стр. 380.

ные победы над революцией не уничтожают значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром» [1].

Восстание на «Потемкине» было событием, которое не в меньшей степени потрясло устои самодержавия, чем «Кровавое воскресенье» 22 (9) января. Рушились последние подпорки царизма — армия. Как же отнеслись к этому событию различные общественные группировки, принимавшие то или иное участие в борьбе с самодержавием? «Освобожденцы», будущие кадеты—упование меньшевиков в борьбе с самодержавием, высказались очень недвусмысленно по этому вопросу. Вот что писал Струве в «Освобождении»:

«Слабая в политическом и общественном смысле сторона инцидента, то, что превратило его сразу в «бунт», заключалась в том, что возмущение было произведено п р о т и в о ф и ц е р о в и, что еще возможнее, б е з о ф и ц е р о в. Можно было бы даже сказать, что это был скорее опыт или вспышка подготовленной социалистической пропагандой классовой борьбы во флоте, чем политическое возмущение вооруженной силы во имя национальной идеи» [2].

Подчеркивая слова «против офицеров» и «без офицеров», Струве показал, что либералы не допускают и мысли о серьезной вооруженной борьбе против самодержавия, опорой которого и являлся военный аппарат во главе с реакционным офицерством. В основном же, как это видно из приведенной цитаты, либералы великолепно учли характер восстания на «Потемкине», его классовую сущность. Определив эту сущность, Струве делал вывод, что

«участие вооруженных сил в политическом движении страны представляет и для дела истинной революции крупные опасности» [3].

«Опасности» эти заключались разумеется в том, что вооруженное восстание срывало торг либералов с самодержавием, выдвинув на сцену подлинно революционную силу — вооруженный народ. При каких же условиях допускали либералы возможность вмешательства вооруженной силы? В цитированной статье Струве определял эту возможность так:

«Во всяком случае, условия для этого последнего вмешательства будут действительно даны лишь тогда, когда самодержавная монархия столкнется с организованной в народном представительстве нацией».

«Кто же организует нацию в народное представительство? — спрашивал Ленин в статье «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», цитируя указанное место из «Освобождения». — Самодержавие? Но оно соглашается организовать лишь Булыгинскую думу, против которой вы сами протестуете, не признавая ее народным представительством! Или «нация» организует народное представительство сама? Если так, отчего либералы и слышать не хотят о временном революционном правительстве, которое может опереться лишь на революционную армию?.. Оттого, что вы боитесь революционного народа и, обращаясь к нему с фразами, на деле вы считаетесь и торгуетесь с самодержавием» [4].

Следовательно, под «организованной в народном представительстве нацией» либералами подразумевалась проектировавшаяся Булыгинская дума. Торг либералов с самодержавием близился к концу, сделка приходила к благополучному окончанию. И лишь на случай нарушения условий соглашения само-

[1] Там же.

[2] П. С., «Князь Потемкин» и что же дальше? — «Освобождение» № 73 от 19 (6) июня 1905 г.

[3] Там же.

[4] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 131.

державием, т. е. разгона Булыгинской думы, либералы оставляли за собой право апелляции к армии. Таков был смысл последней тирады Струве. Если после «Кровавого воскресенья», 22 (9) января, либералы устами того же Струве патетически восклицали:

«Сегодня у русского освободительного движения должна быть свобода во что бы то ни стало» [1],

то после «Потемкина» из их уст слышатся совсем иные песни. Идиллия «братания» с народом окончилась, народ шел на штурм самодержавия, либералам было не по пути с ним. Восстание на «Потемкине» в значительной мере отбросило либеральную буржуазию в стан контрреволюции, ясно обрисовав «революционную физиономию» торгашей. В этом восстании буржуазия увидала подлинное лицо революции, содрогнулась от ужаса и бросилась в объятия самодержавия. Отныне она старалась тушить революционный пожар в самом его зародыше и работала на самодержавие как лучший союзник его.

Но громадное значение восстания «Потемкина» учла не только русская, но и контрреволюционная буржуазия Запада. В статье «Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана» Ленин писал:

«Несомненно одно, что переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами».

Этого обстоятельства не надо забывать при оценке того сообщения, которое делает Г. Леру в телеграмме от 4/VII н. ст. из Петербурга в парижскую газету «Le Matin»:

«Во всем этом происшествии с «Потемкиным», — пишет он, — поразительна неосмотрительность русских властей, но нельзя не отметить также недостатки в организации революции. Революция овладевает броненосцем — событие, невиданное в истории! — не зная в то же время, что с ним делать».

И Ленин с сожалением констатировал, что восстание действительно было организовано недостаточно:

«Действительно тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости организовать революцию, поставить восстание в число неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций» [2].

Как видим, значение развивающегося восстания и тот факт, что оно коснулось армии, имело поистине гигантское значение. Партия пролетариата не могла не учесть сильных и слабых сторон движения. Русская и международная буржуазия не случайно насторожилась. Посмотрим же теперь, как восстание было воспринято меньшевиками, чему восстание научило их. Это тем более важно, что меньшевики в Одессе, как мы знаем, занимали преобладающее положение, крах восстания, естественно, должен был вызвать у них если не чувство полного недоверия к тем приемам, которые практиковались на месте, то хотя бы критическое отношение к причинам краха. В «Искре» № 104 от

[1] П. С., Палач народа, «Освобождение» № 64.

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 390.

14 (1) июня 1905 г. в большой статье «Черноморское восстание», подводящей итоги потемкинского восстания, они писали:

«С самого начала, следовательно, на этом восстании сказывалась тщета столь обычных еще у нас упований на повсеместное восстание, начатое по плану. К восстанию нас приближает прежде всего наша широкая агитационная деятельность, а ее развитие, по необходимости, вызывает в массах то революционное брожение, которое ждет сигнала свыше, чтобы вылиться в отдельном восстании. Задача организации революции начинается с того момента, когда восстание вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть; возможность этой организации и всех подготовительных для ее успеха действий дается общей революционной атмосферой, в которой возникают восстания не как случайные эпизодические акты, но как необходимые следствия острого столкновения общественных сил. Задача организации революции встала перед нашими товарищами, когда внезапно вспыхнувшее восстание отдало им в руки грозную боевую силу».

Но ведь перечисленные «Искрой» элементы были налицо в потемкинском восстании. В массах было «революционное брожение», которое и вылилось в «отдельном восстании». «Революционная атмосфера» была чрезвычайно благоприятная для «организации революции». Вся беда была в том, что задача «организации революции» стала перед революционерами именно в тот момент «когда восстание вспыхнуло». Избегая ответа на этот само собой возникавший вопрос, «Искра» пыталась подменить его обычными меньшевистскими рассуждениями о невозможности «организовать восстание».

«Представление о революционном центре, двигающем по ниточкам миллионами восставшего во всех концах России народа, принадлежит к числу худших продуктов распаленной фантазии «героев голубиного полета»... Мы указываем товарищам на то, что обычное представление о «подготовленном и назначенном» восстании, одним ударом свергающим существующее правительство и заменяющим его новым, — что это представление, в лучшем случае, покоится на подмене в с е н а р о д н о г о восстания восстанием с т о л и ч н о г о населения».

Так меньшевики путанно и сбивчиво, а не так как это сделал Плеханов, вынуждены были в сущности признать полный провал своей тактики. Приведенная выдержка дает яркую картину того, что произошло с позицией меньшевиков после «Потемкина». Меньшевики более революционный тон взяли, но взяли непоследовательно, противоречиво и не договаривая до конца. В статье «Революция учит» Ленин писал:

«Всякий, кто возьмет на себя труд перечитать теперь, с одной стороны, отзывы и статьи по поводу этого восстания, а с другой стороны, четыре резолюции, посвященные вопросам о восстании и о Временном правительстве съездом партии и конференцией новоискровцев, увидит тотчас же, как последние под влиянием событий ф а к т и ч е с к и стали переходить на сторону своих оппонентов, т. е. действовать не сообразно своим резолюциям, а сообразно резолюциям III съезда. Нет лучшего критика ошибочной доктрины, как ход революционных событий».

«Перед нами решительный, открытый и ясный призыв к вооруженному всенародному восстанию. Перед нами столь же решительный, хотя, к сожалению, прикрытый и недоговоренный, призыв к образованию Временного революционного правительства».

Так оценивал Ленин листок «Искры» «Первая победа революции», в котором меньшевики писали в духе, указанном выше Лениным. Поэтому Ленин подводил следующий итог в этой же статье:

«Фактически, на деле, социал-демократы, не признающие решений III съезда РСДРП, вынуждены ходом событий действовать именно по данным им лозунгам, выбросив за борт лозунг конференции. Революция учит. Наше дело — использовать до капли ее уроки, привести в соответствие наши тактические лозунги с нашим поведением и нашими ближайшими задачами,

распространить в массе правильное понимание этих ближайших задач, приступить самым широким образом к организации рабочих везде и повсюду для боевых целей восстания, для создания революционной армии и образования временного революционного правительства!»

Это полевение меньшевиков (особенно рабочих меньшевиков) имело безусловно огромное значение и сыграло свою роль в объединении рядов партии. Но важно подчеркнуть то, что это полевение коснулось и меньшевистских верхов. Правда, у последних неглубоко, поверхностно, больше как продукт настроений, столь хорошо знакомая нам черта меньшевистского импрессионизма, вылившаяся в великие октябрьско-декабрьские дни в «левые», троцкистские фразы. Таким образом потемкинское восстание было действительно моментом перелома в развитии революции. В статье «Революционная армия и революционное правительство» Ленин дал исчерпывающую характеристику роли потемкинского восстания, именно как переломного момента в революции, практически поставившего вопрос о восстании в армии, о привлечении к участию в гражданской войне на стороне народа армии и о связи восставшей армии с революционным правительством.

«Революционная армия и революционное правительство, это — две стороны одной медали. Это — два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это — два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены, как единственные последовательные революционные лозунги».

В той же статье Ленин показал, как действительно идет развитие массового восстания, как его должна готовить партия пролетариата:

«Бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии — таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы дошли наконец и до последнего этапа. Это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в одесских событиях есть еще явные черты старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до самого порога самодержавной твердыни. Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических соображений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы, окончательной борьбы с врагом русского народа. Самодержавие все сделало для подготовки этой борьбы. Оно годами толкало народ на вооруженную борьбу с войсками и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии».

Это был подлинный революционный ответ меньшевикам на их грубые попытки вульгарно опошлить и представить в карикатуре взгляд большевиков на подготовку и организацию восстания. Большевики учли уроки борьбы для еще более смелого, энергичного и решительного призыва к массам для подготовки восстания.

3. Критика либерального маклерства большевиками.

Грозные события в Лодзи, Иваново-Вознесенске, Одессе и многих других городах, восстание на «Потемкине» и отдельные вспышки в разных частях войск, разлившееся широкой рекой аграрное движение в деревне, национальная борьба, разгоревшаяся на окраинах, — в Польше, Латвии, Эстонии и на

Кавказе, — вовлечение в движение огромных масс ставили перед либеральной буржуазией трудную задачу — занять наиболее выгодные позиции в этом движении, овладеть движением, извлечь из него максимальную пользу для себя. Связанная тысячами нитей с самодержавием, дрожавшая за свое благополучие русская либеральная буржуазия не могла выработать хоть сколько-нибудь твердой линии поведения в разгоравшейся борьбе. Единственная роль, на которую она оказалась способной при сложившихся условиях, — это роль маклера между рвавшим свои цепи народом и крепившим эти цепи самодержавием. Выразитель интересов либеральной буржуазии Струве так и определял задачи своих единомышленников в разгоравшейся борьбе:

«С революциями умные, истинно государственные люди вообще не борются. Или иначе: единственный способ борьбы с революцией заключается в том, чтобы стать на ее почву и, признав ее цели, стремиться изменить только ее методы» [1].

В этом именно духе и действовала либеральная буржуазия. Формально либералы под влиянием бурного размаха массового движения становились на «почву революции», не отказываясь, когда это им стало выгодно, от поддержки требований революционных классов, стремясь в то же время урезать эти требования до последней крайности, в зависимости от обстоятельств, диктуемых моментом, чтобы затем, путем соглашения с царизмом, «изменить методы революции» и, таким образом, как «умные, истинно государственные люди», обезвредить движение и извлечь из него все практические выгоды для себя и для наиболее выгодной сделки с самодержавием. Такова была тактика либералов, которую они последовательно проводили в жизнь в этот период.

Не имея еще своей вполне оформленной политической партии, либеральная буржуазия разных толков и направлений вплоть до октябрьской стачки выступала на арене политической деятельности под флагом двух организаций: «Союза освобождения» и группы «земцев-конституционалистов». «Союз освобождения» формально был основан в январе 1904 г. на учредительном съезде «освобожденцев», сторонников заграничного органа либеральной буржуазии «Освобождение». Фактически «освобожденцы» начали организовываться в политическую группировку значительно раньше — с первых же дней выхода в свет «Освобождения», издание которого началось с 1 июля (18 июня) 1902 г. [2]. Еще до учредительного съезда они имели два съезда предварительных, из которых один состоялся за границей в июле 1903 г., а другой — в Харькове в сентябре того же года. Организация «земцев-конституционалистов», оформляясь на тайных земских съездах, возникла приблизительно в то же время. Оба эти течения, переплетаясь между собой, и давали политическое выражение русскому либерализму в его разновидностях эпохи революции 1905 г. «Освобожденцы», включавшие в свой состав большое количество профессиональной интеллигенции, представляли его левое крыло, «земцы-конституционалисты», состоявшие почти поголовно из помещиков, возглавляли правое. На практике часто бывали случаи одновременного пребывания лиц в той и другой организации. В самом начале революции, когда общественные силы уже пришли в движение, воз-

[1] П. С., Вопросы тактики. «Освобождение» № 67 от 18 (5) марта 1905 г.

[2] См. выше гл. I наст. тома.— *Ред.*

никла третья политическая организация либеральной буржуазии — «Союз союзов», в состав которого входила буржуазная интеллигенция, объединенная в профессиональные союзы, и некоторые организованные слои мелкой буржуазии. «Союз союзов», заняв самый левый фланг на позициях либеральной буржуазии, привлек к себе значительную часть сил из «Союза освобождения» [1].

Этот разношерстный блок, включавший в себя самые разнородные элементы по своему социальному положению, отличался крайней неустойчивостью. Ленин характеризовал его так:

«Перед нами все еще «партия» без официального названия, без общей ясной и точной программы, без тактики, без партийной организации, «партия», состоящая... из неорганизованного конгломерата лиц плюс организация» [2].

В качестве политического руководства этим «неорганизованным конгломератом лиц» в «Освобождении» № 69—70 от 20 (7) мая 1905 г. была опубликована программа «Союза освобождения», в заключительной части которой между прочим говорилось:

«Так как принятые Союзом решения диктовались условиями того политического момента, в который происходило ее обсуждение, то решения эти и могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия останутся неизменными».

Эта оговорка, делавшая необязательным платоническое признание программы, лучше всего показывала всю внутреннюю беспомощность либеральной буржуазии, ее неустойчивость и растерянность. Программа Союза освобождения» и выпущенный редакцией «Освобождения» незадолго до опубликования программы «Проект русской конституции» и составляли весь политический багаж либералов в начале революции. Главные требования в этих обоих документах сводились к следующему: двухпалатная система народного представительства с сохранением монархии, причем нижняя палата должна была избираться всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием, в верхнюю же палату выборы проектировались двухстепенные: от земских собраний и городских дум. В статье «Политические софизмы» Ленин так характеризовал этот пункт программы либералов:

«Государственную власть наши прекраснодушные либералы стараются возможно более равномерно и «справедливо» поделить между тремя силами: монарх, верхняя палата (земская палата), нижняя палата (палата народных представителей), самодержавная бюрократия, буржуазия, «народ» (т. е. пролетариат, крестьянство и мелкая буржуазия вообще)» [3].

Дальше следовали туманные требования реформы местного самоуправления, суда, налогового обложения и рабочего законодательства. В аграрном вопросе выставлялось требование отмены выкупных платежей и

«наделение безземельных и малоземельных крестьян государственными, удельными и кабинетскими землями, а где их нет, — частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель» [4].

---

[1] Подробнее о «Союзе союзов» см. главу XI наст. тома. — *Ред.*

[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 340.

[3] Там же, стр. 242.

[4] Подробнее об аграрной программе либералов см. выше гл. VIII наст. тома. — *Ред.*

В отношении всех этих требований среди «неорганизованного конгломерата лиц» не было сколько-нибудь единодушного мнения. Крайний правый фланг крепко стоял на позиции умеренных реформ в строго монархическом духе, тогда как левое течение в некоторых требованиях приближалось к требованиям, выдвинутым в программе-минимум социалистических партий. На практике тон всему либеральному движению задавали именно правые группировки. В цитированной уже статье «Революционная борьба и либеральное маклерство» Ленин так определял соотношение сил внутри либеральной буржуазии:

«Соотношение сил, можно сказать, провиденциальное для политически активной буржуазии: организованные интеллигенты предполагают, неорганизованные дельцы, воротилы, капиталисты располагают» [1].

В конечном счете, как об этом откровенно говорилось в приведенной выше цитате из программы «Союза освобождения», совокупность всей политической деятельности либеральной буржуазии определялась силой революционного движения рабочего класса и крестьянства. По мере того как росло революционное настроение в «низах», активней становилась и либеральная буржуазия, требования ее к самодержавию повышались, она начинала «краснеть», как выражался Ленин. Однако эта «краснота» была чисто внешним налетом. Программные требования либеральной буржуазии в общем итоге дальше требований, формулированных в программе «Союза освобождения», не простирались, а тактика ее, при всякой политической ситуации, неизменно приводила либералов на поклон к самодержавию.

Рост революционного движения побуждал к активной деятельности не только либеральную буржуазию, но и те общественные слои, которые составляли оплот самодержавия, источник его «живой силы»: крупно-землевладельческое дворянство, высшую правительственную бюрократию, формировавшуюся в значительной степени из того же дворянства, иерархию административных лиц, включая офицерство, духовенство, реакционнейшие слои торгово-промышленного класса и деклассированное мещанство. Все эти общественные слои с развитием революции пришли в движение и потянулись к организации для отпора революции и организации контрреволюции. В течение весны и лета 1905 г. мобилизация реакционных сил быстро пошла на повышение, выразившись уже в октябре чуть ли не в повсеместных погромах. Первым пробудилось к политической активности «Русское собрание», основанное еще в 1900 г., в состав которого входили правительственные лица, административно-полицейские элементы, духовенство, буржуа и помещики черносотенного направления. «Русское собрание», имевшее свои отделения во многих городах России, с наступлением революции быстро превратилось в боевой орган самодержавия, развив широкую литературно-агитационную деятельность в ультрамонархическом духе. В Москве в конце января 1905 г., под руководством духовенства во главе с епископом Серафимом, возникло «Общество хоругвеносцев», вскоре превратившееся в довольно многочисленную

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 340.

организацию погромного характера, которая влилась затем в «Союз русского народа».

Весной 1905 г. в Москве же появилась и первая политическая партия крайне-монархического направления — «Русская монархическая партия», во главе которой стала реакционнейшая газета «Московские ведомости». В состав «Русской монархической партии» входили сиятельные чиновники и крупные землевладельцы, партия носила замкнутый дворянский характер; фактическими вожаками ее были редактор-издатель «Московских ведомостей» Грингмут и известный в свое время черносотенец протоиерей Восторгов. Программа партии требовала сохранения в неприкосновенности царского самодержавия и сословного строя, привилегированного положения для православной церкви, защиты политических привилегий дворянства и его земельной собственности. Отрицался принцип народного представительства, хотя бы законосовещательного. Таким образом партия эта стояла правее даже официального самодержавного правительства.

Почти одновременно с организацией «Русской монархической партии», в марте 1905 г., в Москве возник так называемый «Шереметьевский кружок», во главе которого стоял звенигородский предводитель дворянства П. Шереметьев. «Шереметьевский кружок» вскоре превратился в партию «Союз русских людей» (преемником которого позднее был «Союз русского народа»), получивший впоследствии громкую известность своей погромной деятельностью. Главный орган «Союза русских людей» «Русское знамя» и другие его газеты открыто вели погромную агитацию. Подобно «Русской монархической партии» «Союз русских людей» стоял за незыблемость основ самодержавия, однако, в отличие от программы «монархической партии», не допускавшей народного представительства даже совещательного характера, допускал такое представительство в виде «Земского собора» на основе рескрипта от 3 марта (18 февраля) о Булыгинской думе. Программа «Союза русских людей» была формулирована так:

«1) Россия и самодержавие неразделимы; 2) содействие установлению между престолом и народом тесного и живого общения на возвещенных 18 февраля государем императором основаниях; 3) противодействие всеми законными средствами течениям, стремящимся навязать России чуждые ей формы правления».

В отличие от «Русской монархической партии» и других организаций дворянского типа, замкнутых в узкосословных рамках, «Союз русских людей» стремился распространить свое влияние на возможно более широкие слои населения, подкупом и демагогией мобилизуя для своей деятельности невежественные слои мещанства и темные отбросы общества — босяков. Щедрая денежная поддержка со стороны правительства позволяла «Союзу русских людей» широко развернуть свою погромную работу, которая выражалась главным образом в избиениях революционеров, интеллигенции и евреев. Как и «монархическая партия», «Союз русских людей» имел широкие ответвления по всей России.

Одновременно с этим усилилась деятельность реакционных элементов и в их сословных организациях — дворянских собраниях. Последовали совещания дворянских собраний и дворянские съезды, на которых выносились постановления с излиянием верноподданнических чувств и направлялись депута-

ции к царю с просьбами о принятии самых решительных мер против крамольников. Так реакция мобилизовала все свои силы, местами переходя прямо к действиям. Черносотенная печать, выходившая в огромном количестве и в виде газет и в виде отдельных прокламаций, без стеснения призывала к избиению «социалистов, жидов и студентов». К этому времени в некоторых местах стали возникать черносотенные организации и боевого типа, как например: «Бессарабская патриотическая лига», организованная Крушеваном в Кишиневе, «Братство кречетов», возникшее в Екатеринодаре, и целый ряд других. В связи с черносотенной агитацией всех реакционных организаций и при их непосредственном участии весной и летом 1905 г. по всей России прокатилась волна погромов, захватившая Казань, Курск, Вологду, Новочеркасск, Псков, Нижний-Новгород, Баку, Балашов, Тверь, Рязань и др. города.

Организуясь, реакция пробовала свои силы. При наличии полиции и огромных офицерских кадров, силы реакции, возглавлявшие самодержавие, были еще очень внушительны.

Так, царское правительство, ведя за нос либеральную буржуазию, зная цену ее «борьбе», готовило силы для нанесения удара революции, подыскивая лишь подходящий момент, лавируя и демагогически уклоняясь пока что от удара.

Свобода союзов («Страж», сб. 1, 1905 г.).

Между тем либеральная буржуазия начала «свое движение» с апелляции к царю. На состоявшемся 19—20 (6—7) июня в Москве совещании земских деятелей совместно с представителями городов был составлен верноподданнический адрес, в котором либеральная буржуазия, «движимая одной пламенной любовью к отечеству», обращала внимание монарха на тяжелое положение страны, сваливая всю вину на советчиков царя, не исполняющих или искажающих его предначертания. Во имя спасения страны от гибели, либералы п р о с и л и царя

«без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми поданными», которые должны будут в в согласии» с царем решить «жизненный вопрос государства, вопрос о войне и мире», и установить вместе с царем «обновленный государственный строй».

Холопский тон и содержание «адреса-петиции» заставили либералов опубликовать ее лишь за границей, в русской же печати была опубликована более радикальная резолюция, принятая на этом же «совещании».

В статье «Первые шаги буржуазного предательства» Ленин так характеризовал этот «ход» либералов:

«Резолюция, должно быть, должна была питать «идеальные» запросы радикалов. А петиция в истолковании «умеренных» делегатов — служить для материальной сделки с царизмом.

От непосвященной черни распределение фракций совещания, и полномочия делегации, и условия сделки, и дальнейшие намерения земцев усерднейшим образом скрывались. «Народу», от имени которого гг. буржуа торгуются с царизмом, не к чему знать высшей политики «конституционно-демократической партии». Гг. буржуа будут беседовать с царем об угнетении слова, о подавлении голосов правды, о народных представителях, о России, «сплотившейся вокруг единого стяга «народного», и т. д., а народу знать всей правды о политике либеральных и «освобожденских» торгашей совсем не надобно» [1].

Для представления адреса по назначению была избрана депутация в составе 14 именитых земцев-конституционалистов. После ряда унизительных и насмешливых выходок по адресу делегации она, наконец, 19 июня была «всемилостивейше» принята Николаем. В длинной патриотической речи князь С. Трубецкой, начав с верноподданнических излияний, благодарности за прием и доверие, повторил царю то же, что было изложено в адресе, но в еще более холопской форме и просил созыва народных представителей, избранных при участии всего народа, а не по сословному признаку, как проектирует Булыгин. На большее депутация не дерзнула. Даже «Освобождение» вынуждено было отметить «фальшивые ноты в речи кн. С. Н. Трубецкого» [2].

В на редкость бессмысленной речи царь ответил, что благодарит за выраженные депутацией чувства и обещал созвать народное собрание, которое установит единение между царем и всей Русью, между ним и земскими людьми.

«Отбросьте ваши сомнения, — говорил делегации Николай. — Моя воля, воля царская — созвать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом» [3].

«Милостивый» прием завершился тем, что в одной из задних комнат дворца депутации был предложен дешевый обед.

Либералы покинули зал аудиенции в восторге от достигнутого «успеха» с полным сознанием выгодно заключенной сделки и разнесли по всей стране весть о «восстановлении» утраченного доверия между царем и «народом». В статье «Нежная увертюра к грозному конфликту» Струве писал:

«Прием земской депутации Николаем II 6/19 июня есть, вне всякого сомнения, крупное историческое событие. Это сразу было сознано всеми, хотя все столь же ярко почувствовали, что событие 6 июня ничего не уясняет, ничему не очищает путь, а, наоборот, таит в себе загадку, и что эту загадку в ближайшие месяцы силою вещей придется действенно разгадывать русским людям.

Царь принял заведомых противников царского самодержавия. Принимая их, он повторил свою «непреклонную» волю хранить самодержавие, но в то же время самым фактом приема он — в первый раз в русской истории — «с высоты престола» признал (и притом не только фактически, но и символически) за русским обществом право на оппозицию самодержавию.

Трудно в настоящее время оценить и измерить все революционные последствия этого факта. Быть может преждевременно даже говорить слишком много об этих последствиях. Они во всяком случае настолько велики...» [4].

Но даже Николай оказался хитрее либеральных маклеров. Получив официальный текст ответа царя, огорошенные либералы не нашли в нем главной

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 361.

[2] «Освобождение» № 73, «Нежная увертюра к грозному конфликту».

[3] Полное собрание речей императора Николая II, изд. «Друг народа», Спб. 1906 г., стр. 57.

[4] «Освобождение» № 73.

фразы, на которую возлагались все их надежды—«о созыве народных представителей». Вместо «моя царская воля созвать народных представителей непоколебима» они прочли: «моя царская воля непоколебима» — коротко и ясно. «Случайно» выпавшие три слова целиком уничтожили такую, казалось, выгодную сделку.

«Вожди земцев и освобожденцев, — писал Ленин, — проведены за нос. Так им и надо. За холопское выступление, за сокрытие своих настоящих решений и мыслей о конституции за подлое молчание в ответ на иезуитскую речь царя они наказаны по заслугам. Они все торговались и торгуются, стараясь получить «безопасную» для буржуазии пародию на свободу... Этим торгашам хорошо ответили... пинком солдатского сапога» [1].

В результате петиции правительство только усилило репрессии в стране и полицейскую бдительность. Адрес депутации не был разрешен для печати, ответная речь царя была напечатана с цензурными изменениями, редакциям газет было предписано не истолковывать слов царя в духе дарования конституции.

Не сумев сторговаться пока что с самодержавием, обеспокоенные все более и более растущим движением масс и боясь быть до конца снесенными этим движением, либералы «полевели» и решили обратиться к «народу». 3—5 июля (19—21 июня) на съезде земских и городских деятелей, в центре работ которого стоял вопрос об отношении к Булыгинской думе, выступил Петрункевич, который сказал:

«До сих пор мы надеялись на реформу сверху — отныне единственная наша надежда — народ... теперь мы смело должны итти к народу, а не к царю» [2].

Было принято постановление

«войти в ближайшее общение с широкими массами населения для совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы, для завоевания необходимых для ее проведения свобод и для подготовления к выборам» [3].

Было решено, в целях привлечения большего количества населения к политической деятельности, завязать связи со всеми видами профессиональных союзов и всевозможными общественными организациями, чтобы через посредство их проводить свое влияние на массы. Кроме того — усилить пропаганду путем широкого распространения популярной литературы по конституционным, социально-экономическим вопросам, избирательному праву и т. д. Для сближения с «народом» было составлено съездом «Обращение» к обществу, в котором «народ» приглашался «соединенными силами... выступить против государственного разорения», указывалась ближайшая общая цель —

«достижение истинного народного представительства путем всеобщей подачи голосов. Само собой разумеется, что либералы оставались верными своей маклерской политике. Путь к новому порядку предлагался, разумеется, «мирный», «без великих потрясений, без потоков крови и без тысяч напрасных жертв» [4].

Обращения либеральной буржуазии к народу не внушали в ту пору опасений партии, наоборот — она старалась извлечь из них пользу

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 366.

[2] «Освобождение» № 75, 19 (6) августа 1905 г.

[3] Там же.

[4] Там же.

для революции, поскольку эти обращения будили сознание наиболее темных масс.

«Нам выгодно, — писал Ленин, — чтобы буржуазия обращалась к народу, ибо таким обращением она дает материал для политического просвещения таких отсталых и таких широких масс, пытаться охватить которые социал-демократической агитацией было бы пока пустой утопией. Пусть буржуазия встряхивает наиболее отсталых, пусть кое-где взрывает почву — мы будем неустанно сеять социал-демократические семена на эту почву» [1].

Партия умело пользовалась той частью массовой работы либеральных групп, которая помогала ей подрывать устои самодержавия, не переставая в то же время указывать рабочему классу на его политические задачи, беспощадно разоблачая истинный смысл либеральных обращений к «народу». Партия одновременно вела большую борьбу с призывами либералов ограничить политическую борьбу пролетариата узкими рамками чисто профессионального движения, заставить его отказаться от «бунтарства», т. е. борьбы, направленной к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Когда ход событий заставил либеральную буржуазию сделать шаг в сторону народа, она шла к нему

«не как представительница его интересов, не как новый пламенный товарищ, а как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой»... «Наверху и снизу готовы бороться, а мы — честные маклеры, мы крадемся к власти» [2],

так разоблачал Ленин политику земцев-конституционалистов и «освобожденцев». Струве в своем открытом письме к Жану Жоресу, озаглавленном «Русская революция и мир» [3], описывая в ярких красках «катастрофу», переживаемую страной, заявлял:

«после неслыханных поражений, испытанных армией и флотом, мир с Японией может заключить только сильное правительство».

Хотя Струве и признает, что это правительство может быть только правительством революции, но эта революция, по Струве, разумеется, совсем «мирная, спокойная и хорошая», если только Николай своей политикой не будет способствовать развитию «анархии в стране». Само собой разумеется, что это «правительство революции» могло быть, по Струве, «правительством либералов». Он пишет:

«Революция может — рассуждая теоретически — абстрактно — стать в России правительством самым мирным образом, таким же мирным и простым образом, каким в парламентской стране происходит смена министерства. Николай II так же хорошо, как и мы, может знать, а если он не знает, то завтра же может узнать тех лиц, призвать которых ко власти значило бы создать в России сильное, авторитетное и популярное правительство радикальных реформ. Пусть в течение хотя бы двух часов соберется в Москве такой же конгресс земских делегатов, какой заседал там 23 и сл. апреля. Этот конгресс укажет Николаю II лиц, облеченных тем доверием и авторитетом в глазах страны, которые нужны для сильного правительства. И пусть, приняв программу этих лиц, Николай II вручит им власть. Ибо теперь России нужна не только свобода, но и такая организация власти, которая могла бы стоять на страже свободы и порядка».

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 144.

[2] Там же, стр. 133.

[3] «Освобождение» № 72, 21 (8) июня 1905 г.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ.

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“

Къ сему листу Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Треповъ руку приложилъ.

МАНИФЕСТ НИКОЛАЯ II С КРОВАВОЙ РУКОЙ («Пулемет» № 1, 1905 г.)

На тексте манифеста, обещающего свободы, виден отпечаток кровавой руки назначенного накануне издания манифеста Петербургским диктатором ген. Трепова. 14 октября Трепов издает свой знаменитый приказ „патронов не жалеть“, в день же опубликования манифеста 17 октября войска на улице Петербурга избивали и расстреливали по его приказу безоружное население. Это двуличие самодержавия, одной рукой подписавшего манифест о свободах, а другой рукой уничтожающего свободы, и хотел изобразить автор карикатуры. За этот рисунок Шебуев, редактор „Пулемета“ был арестован и получил по суду 1 год крепости.

Струве понимал, насколько далеко ушло движение, но революция мыслилась Струве конечно только в интересах либералов:

«России нужно правительство свободы. Не подумайте, гражданин Жорес, чтобы, говоря о возможности мирного перехода правительственной власти в другие руки, я предавался какимнибудь иллюзиям относительно поведения императора Николая II. Добровольно он не уступит.

Но каким путем не пойдут события в действительности, на мой взгляд имеет огромную моральную ценность и крупное практически-политическое значение — установить перед общественным мнением России и Европы, что императору Николаю II еще теперь представляется полная возможность мирного выхода из русского кризиса — путем разумных уступок общественному мнению, первой из которых должно было бы быть образование министерства из самых видных представителей конституционно-демократической оппозиции» [1].

Это было, разумеется, продолжением старой политики торгашества и маклерства в новых условиях. Попытки подойти к революции, возглавить как-то революцию, чтобы ее обезглавить. Партия большевиков беспощадно разоблачила перед массами «ход» либералов. И только меньшевики, упорно не желавшие считаться с фактами, продолжавшие свою хвостистскую линию, линию подчинения массового движения гегемонии либералов, так расценивали этот «новый подъем» движения буржуазии.

«Земский либерализм, — писала «Искра», — может с чувством удовлетворения отметить труды заседания только что закончившегося московского съезда. Впервые за все время своего долголетнего существования он нашел в себе мужество разорвать с традициями дворянской пореформенной оппозиции и попытаться играть политическую роль на европейски-буржуазный лад... либеральное движение сделало на июльском съезде большой шаг вперед и с ним приходится отныне считаться как с фактором, пытающимся занять самостоятельное место в народной борьбе, ведущейся против самодержавия» [2].

Таким образом меньшевистская «Искра» маклерство принимала за подлинно революционную борьбу, сея иллюзии в массах о том, будто теперь уже, наконец, буржуазия пойдет в ногу с революцией. Отзыв «Искры» мало чем отличался от отзывов Струве. Партия должна была разоблачить не только маклерство либералов, но и хвостистскую позицию меньшевиков в момент, когда революция действительно вступала в высший этап развития, когда революция неуклонно приближалась к вооруженному восстанию.

4. Отношение партии к Булыгинской думе.

19 (6) августа 1905 г. был наконец опубликован манифест об «утверждении Государственной Думы» — конституция, сфабрикованная министром внутренних дел Булыгиным. Текст ее был известен в печати задолго до того дня, как она стала законом.

На вопрос — что такое представляла собою Булыгинская дума, дает исчерпывающий ответ краткая и точная характеристика Ленина. Это —

«совещательное собрание представителей помещиков и крупной буржуазии, выбранных под надзором и при содействии слуг самодержавного правительства на основе такого грубоцензового, сословного и не прямого избирательного права, которое является прямо издевательством над идеей народного представительства» [3].

---

[1] «Освобождение» № 72

[2] «Искра» № 105.

[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 143.

Городскому и деревенскому пролетариату, деревенской бедноте двери думы были закрыты. К двустепенным выборам допускались только помещики и капиталисты, крупные собственники, которые сначала выбирают выборщиков, а последние уже членов Государственной думы.

Вопрос об отношении к Булыгинской конституции стал предметом обсуждения всех политических группировок и партий.

Либеральная буржуазия еще на июльском съезде земцев, несмотря на единогласно отрицательную оценку проекта Булыгина, высказалась за участие в выборах и рекомендовала своим членам добиваться возможно большего количества депутатских мест в думе. После сентябрьского съезда земцы-конституционалисты перешли к решительной борьбе против бойкота думы. Жалкой Булыгинской думой буржуазия считала себя вполне удовлетворенной. Ликовала не только крупная буржуазия русская. В статье «Буржуазия сытая и буржуазия алчущая» Ленин цитировал французскую газету «Le Temps» — «один из самых влиятельных и распространенных органов консервативной французской буржуазии», которая с восторгом отзывалась о тактике крупной буржуазии, высказавшейся против бойкота:

«Решение земцев, — говорит «Le Temps», — делает им честь. Оно доказывает, что политическое воспитание наиболее просвещенных элементов русского народа прогрессирует, и что они отказываются от туманных планов политического фокусничества, вступая мужественно на путь необходимой эволюции».

Цитируя это место, Ленин писал:

«Буржуа, сытый политической властью и видавший виды по части того, к чему приводят действительно победы народа, рабочих и крестьян в революциях, ни минуты не колеблется объявить сентябрьский съезд либеральных помещиков и купцов победой эволюции над революцией. Он хвалит «умеренность» съезда

Буржуа сытый поощрительно похлопывает по плечу буржуа алчущего: выставить программу, «достаточно демократическую», чтобы пустить пыль в глаза, чтобы о б е з о р у ж и т ь р е в о л ю ц и о н е р о в и встать на легальный путь, — сиречь, говоря простым и прямым русским языком, сторговаться с Треповыми — Романовыми, — вот истинная государственная мудрость...

Сытая европейская буржуазия хвалит за умеренность алчущую власти российскую буржуазию» [1].

Ленин разоблачал либеральных маклеров, говоря, что они сознательно назначают цену с запросом, чтобы было с чего сбавить.

«Союз союзов», состоявший в большинстве из представителей мало влиятельной буржуазной интеллигенции, не без колебаний высказался в пользу бойкота думы и использования выборов для энергичной агитации в пользу демократической конституции на основе всеобщего избирательного права.

Тактические разногласия между большевиками и меньшевиками, в связи с вопросом об отношении к Булыгинской думе, еще более обострились. Оппортунистическое крыло РСДРП (новоискровцы), не соглашаясь с лозунгом

«вооруженное восстание — революционная армия — временное революционное правительство»,

предлагало вместо бойкота думы организовать народные агитационные комитеты для давления на буржуазных избирателей, чтобы они из своей среды из-

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 263—269.

бирали сторонников демократического правительства. Кроме того «Искра» предлагала параллельно официальным выборам провести самочинные выборы народом своих уполномоченных (путем всеобщего голосования), которые должны будут организовать «революционное самоуправление», а затем в известный момент съехаться в определенное место и провозгласить себя Учредительным собранием. Так будет ликвидировано самодержавие без всякого вооруженного восстания. В истории РСДРП Мартов так излагает тактику меньшевиков:

«Созыв законосовещательной думы и предвыборный период, — писал он, — меньшевики стремились «использовать» для широкой организации демократических сил и развития того, что на газетном жаргоне в то время называлось «революционным самоуправлением» и «захватным правом» самочинного расширения гражданских вольностей и систематического парализования органов власти. С этой точки зрения «бойкот» выборов отвергался. Бойкот пассивный в смысле воздержания — как сохраняющий распыленное состояние масс, бойкот активный — как отводящий движение демократических элементов от непосредственной борьбы с реакцией в русло борьбы с обывательской массой, ищущей выхода из кризиса об использовании первой уступки правительства... Редакция «Искры» выступила решительно против бойкота. В статье П. Б. Аксельрода («Народная дума и рабочий съезд») развивался план всесторонней работы в указанном направлении, кульминационными пунктами которой явились бы, с одной стороны, самочинный созыв собрания, избранного всем народом и противопоставленного олигархической думе, с другой — организация всероссийского рабочего съезда, подготовленного самодеятельным участием рабочих в выборной кампании и залагающего основы открытой классовой рабочей партии, в которой растворились бы выросшие в конспиративных рамках интеллигентские по своему составу фракции — секты» [1].

Мы видим, что здесь затушевывался основной вопрос о способе созыва Учредительного собрания. «Самочинный созыв собрания, избранного всем народом» в условиях, созданных царскими сотрапами, представлял собой явную нелепость. Такое мирное, возникающее без всяких осложнений, Учредительное собрание было, конечно, только на-руку либералам. Буржуазия и сама была за Учредительное собрание, если бы оно могло непроизвольно возникнуть из легальной борьбы внутри и вокруг думы. Вполне естественно, что бундистско-меньшевистская теория «самопроизвольного зарождения» была на-руку либералам.

В самом деле, что означали лозунги, выдвинутые меньшевиками? Рабочий съезд в том виде, в каком он выдвигался меньшевиками у порога Октября, вскрывал злостную тенденцию новоискровства, тенденцию, истоки которой находятся еще у «экономистов» — к смешению понятий: партия и класс. Лозунг: «революционное самоуправление»... противопоставленный лозунгу: «вооруженное восстание» ставил явно «нелепую цель», внося путаницу, разложение и «невероятный политический разврат» в сознание революционного пролетариата. Заявлять о предстоящем вооруженном восстании и в то же время бороться против бойкота той думы, которую это восстание должно было смести первыми же шагами, а это именно и делали меньшевики — делало этот лозунг бессодержательной и смехотворной фразой. Поэтому-то меньшевики, касаясь вопроса о вооруженном восстании, отделывались лишь жалкими заявлениями о «жгучей потребности самовооружения» и т. д.

[1] Л. Мартов, История рос. соц.-демокр., М.—П. 1922 г., стр. 126—127.

Такую, лившую воду на мельницу либералов, меньшевистскую тактику Ленин не уставал клеймить в ряде выступлений, вскрывая всю ее неприглядную оппортунистическую сердцевину:

«Ваши тактические лозунги... совпадают с лозунгами «конституционно-демократической» партии, т. е. партии монархической буржуазии, причем вы не заметили, не сознали этого совпадения, оказавшись, таким образом, фактически в хвосте освобожденцев...» [1].

И в другом месте Ленин писал:

«Буржуазия именно того и хочет, чтобы власть перешла к ней «мирно» без народного восстания, которое может, пожалуй, победить, завоевать республику и настоящую свободу, вооружить пролетариат, поднять миллионы крестьянства. Заслонять лозунг восстания, отговариваться от него и отговаривать других, советовать в виде «пролога» немедленную организацию самоуправления (доступную только Трубецким, Петрункевичам, Федоровым и К°), это именно то, что нужно для буржуазного предательства революции, для сделки с царем (монархия и верхняя палата) против черни. Либеральная маниловщина выражает поэтому самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы...[2].

Но мы, — продолжает Ленин в статье «Игра в парламентаризм»,—требуем ясной и отчетливой постановки вопроса. Если вы думаете, что эпоха восстаний миновала для России—скажите это и защищайте открыто свой взгляд. Мы его оценим и обсудим всесторонне и спокойно с точки зрения конкретных условий. Но когда вы сами говорите о возможности восстания «каждую минуту», о необходимости его, тогда мы клеймим и будем клеймить как жалкую маниловщину все и всякие рассуждения против активного бойкота думы. Если восстание возможно и необходимо, тогда мы именно его должны сделать центральным лозунгом всей нашей околодумской кампании, тогда мы должны разоблачить продажную душонку «французского парламентского говоруна» в каждом освобожденце, который сторонится от этого лозунга восстания. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что никакого легального центра для легальной борьбы за цели восстания нет, а маниловскими фразами его не заменишь. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что правительство «поставило штык во главу порядка дня», открыло гражданскую войну, выдвинуло военное положение, как антикритику демократической критики, а при таких условиях брать всерьез «почти парламентскую» вывеску Государственной думы и начинать в потемках и под сурдинку играть в парламентаризм, в четыре руки с Петрункевичами, значит заменять политику революционного пролетариата политиканством комедианствующих интеллигентов» [3].

Но все эти грубейшие оппортунистические ошибки меньшевиков вытекали из их общей основной концепции.

Иначе подходило к оценке Булыгинской думы революционное крыло РСДРП — большевики:

«Пролетариату, собственно, нечего бойкотировать Думу, ибо эта царская Дума своим учреждением бойкотирует пролетариат. Но пролетариату выгодно поддержать ту часть буржуазной демократии, которая склоняется к революционному образу действий, а не торгашеству, к бойкоту Думы, к усиленной агитации в народе для протеста против этой Думы» [4].

Поэтому партия революционного пролетариата звала оказывать

«энергичную поддержку идее бойкота, изобличение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего ее, и превращение этого бойкота в активный, т. е. развитие самой широкой

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 54.
[2] Там же, стр. 148—149.
[3] Там же, стр. 224.
[4] Там же, стр. 156.

агитации; проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения Временного революционного правительства»[1].

В статье «Последнее слово «искровской» тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания» Ленин подверг уничтожающей критике меньшевистский «план действий» по отношению к Булыгинской думе. Этот план был выработан на так называемой «Южно-русской учредительной конференции» меньшинства, состоявшейся в Киеве с 16—19 (с 3 по 6) сентября 1905 г. По вопросу об отношении к Государственной думе докладчиком был Череванин, выступивший решительным противником бойкота. В этом духе и была принята резолюция, в связи с которой Ленин писал:

«Мы уже неоднократно говорили о несостоятельности искровской тактики в «думской» кампании. Несостоятельны обе основные черты этой тактики: и стремление поддерживать идущих в Думу освобожденцев на основании известных революционных обязательств, и провозглашение лозунга: «революционное самоуправление граждан», призыв к всенародным выборам при самодержавии в Учредительное собрание. Теперь мы имеем наконец попытку точно и официально формулировать искровскую тактику в резолюции «Южной учредительной (?) конференции меньшевиков». На этой конференции были представлены лучшие силы новоискровцев в России. Резолюция дает нам опыт делового изложения чисто практических советов, обращенных к пролетариату. Вот почему внимательный разбор этой резолюции представляется насущной необходимостью и с точки зрения выработки определенной практики, и для оценки всей тактической позиции «Искры» в целом».

«Зная настроение сознательных рабочих, безусловно враждебное тактике соглашений с к.-д., тактике поддержки Думы на известных условиях, наши новоискровцы трусливо выбрали средний путь: с одной стороны, повторить популярный среди пролетариата лозунг: «борьба против Государственной думы», с другой стороны, отнять у этого лозунга точный смысл, бросить песку в глаза, истолковать борьбу против Думы в смысле давления на Думу и т. п. И эта жалкая путаница выдвигается самыми влиятельными организациями искровцев в такой момент, когда освобожденцы кричат на все Европы, бия себя в грудь, что они идут в Государственную думу только для борьбы, всецело для борьбы, что они «готовы» на полный разрыв с правительством!

Мы спрашиваем читателей: видна ли где-нибудь более позорная шаткость в тактике социал-демократии? Можно ли представить себе что-нибудь губительнее для социал-демократии, чем эту проповедь «создания широких демократических организаций» вместе с освобожденцами (ибо с искровски-изложенными целями таких организаций к.-д. согласны), но не называя прямо освобожденцев?»[2].

Этот фактический отказ меньшевиков от вооруженного восстания, их готовность подобно либералам «примириться» с «дарованным сверху» Учредительным собранием, пропаганда «соглашений с либералами» все больше и больше разоблачали меньшевиков перед массами.

В прямой и неприкрытой форме отказ от восстания выражен был у Бунда. В исключительном по силе и яркости документе «Никакой фальши! Наша сила в заявлении правды!» Ленин писал:

«Мы не в силах вызвать восстания... поэтому не для чего его связывать с Думой!... лозунг агитации — Учредительное собрание».

---

[1] Там же, стр. 146.

[2] Там же, стр. 301.

Так писал Бунд, и ему недостаточно ответил автор статьи в № 16 [1].

Эти слова Бунда — превосходное отражение м е щ а н с т в а в социал-демократии, мещанства в смысле пошлости, золотой середины, бесцветности, общих мест, посредственности (чем всегда был Бунд, игравший роль идейного паразита, как известно, и в 1897—1900 гг., и в 1901—1903 гг., и в 1904 г., и теперь — в 1905 г.).

Это — ходячий взгляд, обычная точка зрения, «здравый смысл» («торжество здравого смысла» в о с в о б о ж д е н и и и просветление).

Это — величайшая ф а л ь ш ь, разоблачение которой имеет важнейшее значение для русской революции — и для сознательного пролетариата, как е д и н с т в е н н о возможного автора п о б е д о н о с н о й р е в о л ю ц и и.

Мы не в силах вызвать восстание, п о э т о м у не надо связывать, п о э т о м у лозунг — не вооруженное восстание, а Учредительное собрание.

Это все равно, что сказать: мы, нагие и сирые, голодные и истерзанные, не в силах подняться из нашего болота, где мы гибнем, на эту гору, где свет и солнце, воздух и все плоды земные. У нас нет лестницы. Поэтому не надо связывать своей борьбы за подъем с лозунгом добычи (respective создания) лестницы. Поэтому наш лозунг должен быть: на гору, на гору, на горе счастье и избавление, воздух и свет, одобрение и подкрепление.

Т а к к а к нет лестницы, без которой подняться нельзя, — п о э т о м у не надо брать лозунгом добычи лестницы и работать над ее изготовкой, — поэтому лозунг должен быть: очутитесь наверху, на горе счастье и т. д.!

«Слабость всегда спасалась верой в чудеса», говорил Маркс!

«Слабость ли пролетариата или с л а б о с т ь г о л о в Бунда и новой «Искры» спасается теперь верой в чудеса? — верой в то, чтобы без лестницы попасть на гору? — верой в Учредительное собрание без восстания?

Эта вера — вера сумасшедших. Без вооруженного восстания Учредительное собрание фантом, фраза, ложь, франкфуртская говорильня» [2].

По вопросу об отношении к Булыгинской думе была созвана, по инициативе ЦК партии — после опубликования булыгинского закона — конференция всех социал-демократических партий и организаций в России. Конференция эта, происходившая в Риге с 20 по 22 сентября 1905 г., знаменовала полный провал меньшевиков. Даже Бунд вынужден был присоединиться к принятой всеми голосами против голосов меньшевиков резолюции, решительно осуждавшей меньшевистский «план», и высказаться за активный бойкот. Так, под напором революционных событий меньшевики все более и более теряли почву и влияние даже среди сочувствовавших им течений в рядах партии. Попытки меньшевиков дезавуировать постановление конференции потерпели полный крах. Поднявшаяся революционная волна смела вместе с Булыгинской думой и карточные домики меньшевиков. Целиком и полностью оправдалась большевистская тактика. На смену царской подачке выступила знаменитая Октябрьская стачка.

б) ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

Стачечное движение, охватившее рабочие массы перед октябрем, казалось, несколько начало ослабевать. Центр движения с окраин начал перемещаться в глубину России, процесс этого перемещения сопровождался некоторым временным затишьем. В статье «Кровавые дни в Москве» Ленин указал причину такого медленного вовлечения «центра» в движение:

---

[1] Ленин имеет в виду свою статью «Теория самопроизвольного зарождения», помещенную в № 16 «Пролетария», см. Соч., т. VIII, стр. 194—198. — *Ред.*

[2] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 241—242.

«Теперь дело дошло до центра России, до сердца «истинно-русских» областей, которые умиляли всего долее реакционеров своею устойчивостью. Целый ряд обстоятельств объясняет эту сравнительную устойчивость, т. е. отсталость центра России: и менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные рабочие массы, но менее порвавшей связи с землей, менее концентрировавшей пролетариев в интеллектуальных центрах; и большая удаленность от заграницы; и отсутствие национальной розни. Рабочее движение, с такой могучей силой проявившееся в этом районе еще в 1885/6 годах, как бы замерло на долгое время, и усилия социал-демократов десятки и сотни раз разбивались о сопротивление особенно трудных местных условий работы. Но наконец и центр зашевелился» [1].

Крупная промышленная буржуазия и «либеральные» помещики ликовали. Карикатурной Булыгинской думой их «конституционные» вожделения были удовлетворены в значительной степени, а все остальное они предполагали дополучить путем продолжения торга и переторжек с самодержавием за спиной революционного народа. Наступившее в стране временное затишье эти надежды еще более укрепляло. Из силы оппозиционной в начале революции либеральная буржуазия с каждым днем все откровеннее и откровеннее становилась силой контрреволюционной, тормозившей народное движение, предававшей и продававшей народные интересы.

Однако либералы поторопились в своих расчетах, приняв наступившее затишье за начало конца революции. Это было затишье перед бурей. Назревал гигантский шторм, который потряс до основания самодержавие и бесповоротно бросил всю либеральную буржуазию в объятия царизма. Неудержимо нарастал размах революции — великие дни Октября — Декабря 1905 г.

Единственной организованной силой, отдававшей себе полный отчет в том, что массовое движение неуклонно идет к своему завершению — вооруженному восстанию, — являлась социал-демократия. Правда, она была еще слишком слаба для того, чтобы полностью возглавить революцию и целиком руководить ею, но уже достаточно сильна для того, чтобы наложить свой неизгладимый отпечаток на все движение, создав в нем крепкое пролетарское ядро, руководившее событиями в нужный момент. Партия росла и росла быстро вместе с ростом революции, завоевывая все больший и больший авторитет в рабочей массе.

К концу сентября период затишья начал сменяться признаками оживления в рабочей среде. Преддверием всеобщей октябрьской забастовки явились события в Москве. 2 октября (19 сентября) в Москве началась стачка типографских рабочих, сразу же принявшая значительные размеры. Рабочие типографии Сытина потребовали сдельной оплаты. Администрация отказала им в этом. Стачка стала разрастаться, втягивая все новые и новые слои рабочих. 3 октября (20 сентября) к забастовке уже примкнул ряд других типографий, началась забастовка слесарей электрического трамвая, 4 октября (21 сентября) к забастовке присоединились булочники и т. д. Стачечное движение быстро приобрело ярко выраженный революционный характер: бастующие рабочие массами начали выходить на улицы. На Страстной площади произносились горячие речи, к демонстрации присоединились учащиеся, вмешалась полиция. 7 октября (24 сентября) забастовали трамваи, перестали совершенно выходить

[1] Там же, стр. 278.

газеты. В городе шли беспрерывные митинги, сопровождавшиеся кровопролитием: полиция расстреливала толпу, имелись жертвы — около 10 человек убитых и свыше 100 раненых. 8 октября (25 сентября) разыгрался форменный бой: полиция обстреливала забастовщиков у булочной Филиппова. Произведены были массовые аресты; оказались раненые и убитые. Наконец 10 октября (27 сентября) вспыхнула всеобщая забастовка в Москве. В последующие дни движение росло. Широко развернулись грандиозные митинги в Московском университете и Межевом институте. В то же время рабочая Москва пыталась сомкнуться и координировать свои действия с пролетариями Петербурга. Организованный еще 8 октября (25 сентября) на собрании типографских рабочих «Совет депутатов от типографии» направил своего делегата в Петербург. 15 (2) октября печатники Петербурга приняли решение об общей трехдневной типографской забастовке. Забастовка началась 16 (3) октября. Мало-по-малу в движение вовлекалась и провинция. 6 октября (23 сентября) в Варшаве происходили столкновения рабочих с полицией. В Орехово-Зуеве начались беспорядки. Для «водворения» спокойствия туда спешно были отправлены войска. В Одессе забастовали студенты. В Бахмуте ряд фабрик и заводов прекратил работу. Началось волнение среди рабочих Екатеринодара, Минска и других городов. Все время бурлила революционная Рига. Лишь в первых числах октября движение как бы несколько замерло. Но именно тогда, когда успокоение казалось фактом, как будто, ближайших дней, в ход событий вмешалась новая сила, которая сразу же придала движению гигантский размах. Выступила на сцену миллионная железнодорожная армия. Революция переходила на путь прямой атаки на самодержавие. Ленин констатирует, что хотя движение еще не вступило в свою высшую фазу, но что идет оно в конце концов именно в этом направлении:

«Как ни скудны эти данные, они позволяют, однако, сделать тот вывод, что вспышка восстания в Москве не представляет сравнительно с другими высшей ступени движения. Нет ни выступления подготовленных заранее и хорошо вооруженных революционных отрядов, ни перехода на сторону народа хотя бы известных частей войска, ни широкого употребления «новых» видов народного оружия, бомб (которые в Тифлисе 9 октября (26 сентября) нагнали такую панику на казаков и солдат). При отсутствии какого-либо из этих условий невозможно было рассчитывать ни на вооружение большого числа рабочих, ни на победу восстания. Значение московских событий, как мы уже отметили, иное. Они знаменуют боевое крещение крупного центра, вовлечение в серьезную борьбу громадного промышленного района... Перед нами, естественно, ставится теперь вопрос: остановится ли революционное движение на этой, уже достигнутой, ставшей «обычной» и знакомой стадии развития или поднимется на высшую ступень? Если только можно отважиться в область оценки столь сложных и необозримых событий, как события русской революции, то мы неизбежно придем к неизмеримо большей вероятности второго ответа на вопрос» [1].

Правительство, лавируя и не сдавая основных позиций, начало отступать, лихорадочно готовя к бою черносотенные резервы.

Московские события, этот пролог к всеобщей политической стачке, имевшей огромное не только русское, но и международное значение, ярко вскрыли предательство либералов и оппортунизм меньшевиков. Достаточно отметить, что первым делом либеральных профессоров, как только революция начала приближать-

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 280—281.

ся, явились попытки закрыть двери в аудиториях университетов. Университеты, получившие к Октябрю «автономию», фактически превратились в революционные центры. Собрания студентов очень скоро сменились митингами рабочих. Либеральные профессора попытались не только запретить эти сходки и митинги, но не остановились даже и перед прямым обращением к полицейской силе. В то время как пролетариат приступил к решительной борьбе, либералы настойчиво стучали в двери треповских застенков.

«Либералы, сознавая или чаще чувствуя свое господство в современном хозяйственном строе, — писал Ленин по этому поводу, — стремятся быть господами и в революции, называя всякое продолжение, расширение и обострение революции за пределы самого дюжинного штопанья «помехой» либеральному движению. Из боязни за судьбу разрешенной Треповым университетской якобы свободы, они борются сегодня с свободой революционной. Из боязни за легальную «свободу собраний», которую даст завтра правительство, в полицейски-изуродованном виде они будут удерживать нас от использования этих собраний в истинно-пролетарских целях... Именно московские события и показали, что либеральный перебежчик фактически сыграл треповскую роль. Закрытие университета, которое вчера декретировал бы Трепов, сегодня провели гг. Мануйлов и Трубецкой. Не ясно ли, что и «думские» либералы так же будут метаться между Треповым и Романовым — с одной стороны, революционным народом, с другой? Не ясно ли, что хотя бы самомалейшая поддержка либеральных перебежчиков есть дело одних политических простофиль» [1].

Такие «политические простофили», однако, нашлись.

«И к стыду социал-демократии надо признать,—продолжал Ленин дальше,—нашлись в среде ее оппортунисты, которые в силу доктринерски-безжизненного извращения марксизма поддались на эту удочку! Революция буржуазная, — рассуждают они, — и поэтому... поэтому надо пятиться назад по мере успехов буржуазии в получении уступок от царизма... Московские события, показав... какова на деле тактика конституционалистов-демократов в серьезные политические моменты, показали также, что обрисованный нами оппортунистический хвост социал-демократии неизбежно превращается в простого прихвостня буржуазии» [2].

Брожение среди железнодорожников неудержимо разрасталось. Волнения начались еще 13 октября (30 сентября). Железнодорожный союз с большим трудом удерживал от выступления Московско-курскую и Московско-казанскую железные дороги. В среде железнодорожников к этому моменту возник опорный пункт, давший толчок движению. 3 октября (20 сентября) в Петербурге открылось железнодорожное «Совещание по пересмотру устава пенсионных касс». Съезд был созван правительством, состоял он наполовину из выборных, наполовину по назначению. Но даже и этот «благонамеренный» съезд под влиянием все накалявшейся революционной атмосферы был вынужден объявить себя «Первым делегатским съездом представителей железных дорог». Съезду со всех сторон посыпались сотни приветственных телеграмм, с требованием тех или других указаний. Правительство вначале растерялось, а затем решило разогнать съезд. Распространившиеся внезапно слухи об аресте делегатов вызвали в Москве бурю негодования. И прежде чем правительство успело сделать первый шаг к разгону съезда и аресту делегатов, началась всероссийская железнодорожная забастовка, объявленная Центральным бюро железнодорожного союза.

---

[1] Там же, стр. 316—317.

[2] Там же.

Московский узел вступил в забастовку первым. Рабочие Московско-казанской железной дороги прорвали плотину всеобщего напряженного ожидания, остановив 20 (7) октября железнодорожное движение. 21 (8) октября замер, за исключением Николаевской дороги и Савеловской ветки, весь Московский узел. Стали Либаво-роменская, Привислинская и Полесская дороги. 22 (9) октября к забастовке примкнули Курск, Козлов, Балашов. В тот же день всероссийский железнодорожный съезд в Петербурге провозгласил общие лозунги забастовки: Учредительное собрание, 8-часовой рабочий день, гражданские свободы, амнистия. В тот же день прекратилось движение по Московско-киево-воронежской и Московско-брестской дорогам. 23 (10) октября стали Сызрано-вяземская, Харьково-николаевская, Харьково-севастопольская, Екатерининская дороги. Уже 25 (12) октября остановилось почти все железнодорожное движение страны, а 29 (16) октября вся без исключения железнодорожная сеть была парализована.

Но стачка этим не ограничилась. При огромном единодушии рабочего класса она мгновенно переросла во всеобщую. 23 (10) октября всеобщей стачкой были охвачены Харьков, Ревель и Москва. А днем позже в Харькове и Екатеринославе уже строились баррикады. 24 (11) октября в Петербурге забастовали крупнейшие заводы: Обуховский, Семенниковский, Александровский. Замерла жизнь в Смоленске, Екатеринославе и Лодзи. Затем всеобщая стачка охватила Курск, Самару, Минск, Кременчуг и Симферополь; пробралась на окраины — в Вильну, Ригу и Либаву. И почта и телеграф полностью прекратили работу. В ряде крупнейших центров было выключено электричество, прекращено движение трамваев. Промышленно-торговая жизнь всей страны почти полностью замерла. Не было буквально ни одного промышленного участка, ни одной хозяйственной отрасли, где бы рабочие ни бастовали. Там, где рабочие считали нужным, шли отдельные поезда, давался электрический свет, работали типографии, выпускались революционные воззвания, листки, бюллетени. 30 (17) октября, в самый разгар всеобщей стачки, вышли петербургские «Известия рабочих депутатов», набранные рабочими-печатниками. Та же картина наблюдалась повсеместно. Всеобщая стачка была не только пассивной формой борьбы рабочего класса, она ограничивалась не только обороной, но в ряде мест переходила и в наступление. Правительство спешно мобилизовало войска, в первую очередь казаков. Безжалостно расстреливались мирные безобидные манифестации, правительственные сатрапы проявляли исключительную жестокость, но каждый раз эти действия властей встречали дружный отпор рабочих. Рабочие пускали в ход все доступные им средства борьбы для отражения натиска темных сил. Наиболее яркие примеры пролетарского героизма, пролетарской стойкости в эти дни наблюдались в Харькове, Екатеринославе, Одессе и на окраинах.

Еще 17 (4) октября в Харькове прекратили работу наиболее крупные предприятия. 23 (10) октября забастовка охватила весь город. В 12 часов дня паровозостроительный завод прекратил работу, и рабочие устремились на митинг, собравший до 15 тыс. участников. К вечеру вся эта толпа двинулась к Николаевской площади. Драгуны и казаки пытались дважды преградить путь толпе, но каждый раз отбрасывались залпами боевых дружин. Часть

рабочих была вооружена револьверами и ружьями, захваченными из разгромленного оружейного магазина Тарнопольского. В этот день от казацких и полицейских пуль было 2 убитых и 10 раненых. Возбужденные рабочие и студенты воздвигли у здания университета около 10 баррикад. На баррикадах же организовался и комитет борьбы, возглавивший восстание. Положение создалось настолько напряженное, что харьковский губернатор вынужден был разрешить комитету борьбы организовать народную милицию, обещав ей неприкосновенность. Но здесь, как и везде, либеральная буржуазия поспешила на помощь правительству. Организовавшись в «Комитет общественной безопасности», либеральные «доброжелатели» начали свою работу в самый напряженный и ответственный момент. После длительных переговоров с губернатором «депутация» «Комитета общественной безопасности» явилась на баррикады с предложением от имени коменданта города генерала Мау и губернатора следующих условий оставления баррикад:

«1) защитники баррикад свободно пропускаются на митинг (который беспрепятственно разрешался властями на Скобелевской площади. — *Ред.)*; 2) оружие должно быть оставлено на баррикадах и сдано университетскому начальству; 3) комендантом боевых дружин должны быть извлечены все заложенные в районе баррикад фугасы и мины; 4) после оставления баррикад войска имеют право занять их только через 40 минут; 5) комендант города должен итти впереди демонстрантов и давать распоряжение войскам не стрелять в идущих на митинг» [1].

Уже одни эти условия оставления баррикад их защитниками, предложенные властями города, показывают, в каком положении находились восставшие и власти города. Если бы власти города действительно были сильны, они конечно таких условий никогда и не подумали бы предложить. Мы знаем, как расправлялось самодержавие, когда оно имело к тому хоть какую-нибудь возможность.

«Никакого серьезного сражения губернатор не был в силах тогда дать революционерам по целому ряду причин,—говорит С. Крамер в цитированной уже книге «1905 г. в Харькове»,— во-первых, войска были ненадежны и дезорганизованы... Это подтверждается целым рядом донесений военных начальников и охранки. Продолжение борьбы могло бы при этих условиях превратиться в борьбу за войско с сомнительным для правительственных властей исходом» [2].

Под видом оказания помощи восставшим либералы во-время пришли на помощь правительственным властям. Условия были приняты, и баррикады сданы. Разоруженческую роль в этом деле сыграли и меньшевики, которым принадлежало большинство в «Комитете борьбы» (из 22 голосов в «Комитете борьбы» 13 принадлежало меньшевикам и только 9 большевикам). Большевики были против принятия условий, предложенных губернатором, они голосовали за продолжение борьбы.

Большой размах приняло движение и в Екатеринославе. 23 (10) октября началась забастовка всех служб и мастерских Екатерининской железной дороги. В тот же день забастовкой был охвачен и заводской район. На следующий день забастовка стала всеобщей. К ней примкнули наборщики всех екатеринославских типографий, затем приказчики магазинов, рабочие картонажных мастерских, слесарных, кузнечных, механических заведений, мыловаренных

---

[1] С. Крамер, Очерк революционного рабочего движения в Харькове в 1905 г., «1905 г. в Харькове», изд. «Пролетарий», 1905 г., стр. 63—64.

[2] Там же, стр. 64.

заводов, табачной фабрики, лесных пристаней и др. вплоть до шляпниц, модисток, портных и сапожников. Промышленная жизнь города замерла совершенно, закрылись все магазины. В тот же день начались и митинги рабочих. Около часу дня по толпе демонстрантов казаки открыли огонь, причем оказались 7 человек убитыми и 18 ранеными. Рабочие и учащиеся сейчас же взялись за постройку баррикад. Самая большая из построенных баррикад находилась в рабочем районе на границе поселка Чечелевки и Брянской площади. С обеих сторон баррикады были вырыты глубокие рвы, а сваленные возы, рельсы, столбы и пр. посыпаны толстым слоем земли, кроме того баррикада была обведена рядом проволочных заграждений. Организовавшийся на баррикадах боевой стачечный комитет немедленно взял в свои руки руководство борьбой. Первая попытка солдат феодосийского полка взять баррикады под прикрытием казаков была отражена рабочими. В наступавших солдат были брошены две бомбы, посеявшие панику в их среде. Лишь к 3 часам дня первая баррикада была взята. Остальные солдатам удалось занять лишь к вечеру. Но волнения этим не окончились. Они длились дольше.

Одесса в октябрьские дни также не отставала от Харькова и Екатеринослава. 27 (14) октября на улицы Одессы вышли учащиеся средних и высших учебных заведений. Тысячная толпа детей двинулась в университет. Начался грандиозный детский политический митинг, длившийся несколько часов. Детьми произносились революционные речи, дети призывали к борьбе против самодержавия. Это происшествие усилило и без того разгоравшееся движение. Рабочая Одесса поднялась на борьбу. Митинги, демонстрации не прекращались. А 29 (16) октября Одесса уже покрылась десятками баррикад. 4 самые большие баррикады были окружены колючей проволокой. Вокруг баррикад начался бой. Боевые рабочие дружины из-за прикрытий вели беспрерывную перестрелку. И лишь тогда, когда истощились все силы, рабочие уступили, и баррикады были взяты солдатами. Спокойствие в городе, однако, и после этого не наступило. Вплоть до 31 (18) октября длилась партизанская война рабочих боевых дружин.

Очень дружно проходила октябрьская забастовка и в Польше. Польский пролетариат был в известной мере обескровлен жестоким подавлением лодзинского восстания, разгромом варшавских баррикад и другими боями. Тем не менее подъем, вызванный октябрем, был колоссальный и там. Октябрьская забастовка повсеместно в Польше прошла стройно и в некоторых местах была весьма упорна, несмотря на очень тяжелое материальное положение польских рабочих.

Финляндия раскачивалась более медленно. Всеобщая забастовка в Финляндии вспыхнула лишь 29—30 (16—17) октября, но проходила она там чрезвычайно ярко. Манифест 30 (17) октября не только не внес успокоения, но, наоборот, побудил рабочих к ряду решительных мер. Центр, руководивший забастовкой, распорядился произвести выборы членов Временного правительства. 31 (18) октября начала комплектоваться рабочая национальная гвардия. Забастовочный комитет Гельсингфорса заявил протест против попытки буржуазного самоуправления вмешаться в события под предлогом «наблюдения за порядком». Громадная манифестация рабочих, подойдя к дворцу губернатора, потребовала его отставки и отставки финляндского сената. И губернатор

Октябрьские дни в Варшаве (Варшава 1905 г.)

и сенаторы были вынуждены заявить о своем уходе. Рабочие даже заняли полицейское управление. Буржуазия и здесь приняла решительно все меры для того, чтобы ослабить революционное настроение рабочих, прорывавшееся с исключительной силой. Митинги перестали созываться конституционалистами, в ряде выступлений буржуазные лидеры отмежевывались от выступлений пролетариата. Дальше, однако, достигнутой ступени движение не пошло по вине финляндского рабочего руководства, оказавшегося далеко не на высоте положения.

Чрезвычайной важности события разыгрались и на Кавказе. 27 (14) октября вспыхнула забастовка железнодорожных рабочих. Эта забастовка немедленно охватила все закавказские железные дороги. Курсировали лишь делегатские поезда, служившие связью между комитетами, перевозившие воду и провизию забастовщикам. 28 (15) октября Тифлис был охвачен всеобщей забастовкой, протекавшей с исключительным единодушием. Под руководством социал-демократии организовывались грандиозные митинги. 2 ноября (20 октября) из Метехского замка были освобождены политические заключенные. В митингах все большее и большее участие принимали солдаты. В дни всеобщей забастовки

«ничего в городе уже нельзя было достать. Не было ни газет, ни каких-либо иных сообщений. Тифлис неоднократно бывал свидетелем забастовок, но такой непреклонной, единодушной забастовки он еще не видел» [1].

Особой силы движение достигло в Гурии. Здесь к октябрю скопилось много гурийцев рабочих с закрытых батумских заводов. Всеобщая забастовка, начавшаяся 27 (14) октября в Закавказьи, гурийцами была понята как призыв ко всеобщему вооруженному восстанию в стране. Гурийцы немедленно перешли к решительным действиям. 29 (16) октября в местечке Чиатуры, около Озургет, было устроено нападение на полицейское управление. В происходивших боях принимало участие до 1 тысячи вооруженных рабочих и крестьян. Войска несли значительные потери убитыми и ранеными и в ряде мест были вынуждены отступать. Такого же типа волнения происходили в Мингрелии, в Зугундском уезде и т. д.

В Прибалтике всероссийская забастовка также нашла сильнейший отклик и получила широкий размах. В Ревеле рабочие с первого же дня забастовки выставили определенные политические лозунги. Рабочими был вскрыт оружейный магазин, разобрано оружие. 27 (14) октября начались столкновения с войсками. Революционный рабочий напор был так силен, что губернатор Лопухин был вынужден выполнить требования, предъявленные рабочими Ревеля, освободить политических заключенных и удалить с улиц войска. 28 (15) октября раскрылись двери политических тюрем. Лишь на следующий день опомнившаяся реакция взялась за усмирительную работу. Начались расстрелы, аресты, пали десятки жертв. Еще более характерные события произошли в центре Латвии — Риге. Там фактически свобода была завоевана еще до манифеста. 29 (16) октября всеобщая забастовка охватила весь город. 30 (17) октября уже бастовала вся Латвия. 31 (18) октября на митинге в Гегенсберге приняло уча-

---

[1] Ф. Махарадзе, Очерки революционного движения в Закавказьи, стр. 229.

стие 60 тыс. рабочих. Газеты выходили без предварительной цензуры. Свободно распространялись и продавались десятки тысяч экземпляров социал-демократической литературы.

В ногу с общим революционным движением в Прибалтике шло революционное движение и в Литве. В Вильне всеобщая забастовка началась 28 (15) октября. Произошли столкновения с войсками, в результате было 5 человек убито, 1 тяжело ранен и 49 арестовано, но 30 (17) октября в манифестациях опять принимали участие уже свыше 30 тыс. человек.

Всеобщая стачка быстро начала рвать национальные путы, уничтожать национальные перегородки в среде пролетариата, которые иногда эксплоатировало самодержавие. Пролетарии всех наций выступили, как единая рабочая семья, увлекая за собою на борьбу крестьянство, учащихся и передовую интеллигенцию, все больше и больше привлекая на свою сторону и войско. Ленин так оценивал создавшееся в октябре положение в армии:

«Войска побеждали в отдельных мелких столкновениях, но в то же время стали приходить известия о новом невиданном еще явлении, ясно свидетельствующем о в о е н н о м бессилии самодержавия. Это были известия о п е р е г о в о р а х царского войска с восставшим народом (Харьков), известия об у д а л е н и и войск из городов (Харьков, Ревель), как единственном средстве восстановить спокойствие; в Киеве арестовывали отказавшихся стрелять солдат. В Польше были такие же случаи. В Одессе пехоту держали в казармах, боясь вывести ее на улицу. В Петербурге начиналось явное брожение во флоте, и сообщали о полной ненадежности гвардии» [1].

Следует, впрочем, отметить, что эти вспышки и волнения в войсках были все же еще недостаточно сильны и политически мало оформлены. Армия, в целом тысячами нитей связанная с деревней, но в то же время скованная жестокой дисциплиной, отставала даже от уровня крестьянского движения. Именно поэтому армия и сыграла важнейшую, даже решающую роль, как опора царского трона в октябрьские дни.

К 30 (17) октября движение достигло наивысшего напряжения. На фронте борьбы установилось «равновесие сил». Все подступы к самодержавию были захвачены революционным народом, но самодержавие окончательно еще не было побеждено, силы противников уравновесились. Это соотношение сил с удивительной точностью было определено Лениным, жившим в то время за границей, в конспекте к предполагавшейся статье «Равновесие сил», написанном в Женеве 30 (17) октября, т. е. в день подписания манифеста, но до получения за границей телеграфных сообщений об опубликовании манифеста:

«1) Итог до сих пор (30 (17) X, понедельник), — равновесие сил, как мы указали уже в № 23 «Пролетария».

2) Царизм уже не в силах, — революция еще не в силах победить.

3) От этого — громадные колебания. Страшное, гигантское усиление революционных явлений (стачки, митинги, баррикады, комитеты общественной безопасности, полная парализация правительства etc...) — с другой стороны, отсутствие решительной репрессии. Войска колеблются.

4) Двор колеблется (Times и Daily Telegraph): диктатура или конституция.

Двор колеблется и выжидает. Собственно, это правильная тактика с его стороны: равновесие сил заставляет выжидать, ибо власть в их руках.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 353.

Революция дошла до такого момента, когда контрреволюции нападать, наступать невыгодно.

Для нас, для пролетариата, для последовательных революционных демократов, этого еще мало. Если мы не поднимемся еще ступенью выше, если мы не осилим задачи самостоятельного наступления, если мы не сломим силы царизма, не разрушим его фактической власти, — тогда революция будет половинчатая, тогда буржуазия за нос проведет рабочих.

5) Слух, будто решена конституция. Если да, тогда царь, значит, учитывает уроки 1848 г. и других революций: без Учредительного собрания, до Учредительного собрания, помимо Учредительного собрания даровать конституцию. Какую? В лучшем (для царя) случае — кадетскую.

Значение этого: осуществление идеала конституционалистов-демократов,— перескакивание через революцию. Обман народа, ибо полной и реальной свободы выборов все же не будет.

Не перескочит ли революция через эту пожалованную конституцию?» [1].

30 (17) октября самодержавие почувствовало, что оно на грани крушения:

«Восстание разгоралось. Кровь лилась уже во всех концах России. Народ бился на баррикадах от Ревеля до Одессы, от Польши до Сибири... Переговоры с восставшим народом, удаление войск — это начало конца» [2].

Но царизм во-время отдал себе отчет о создавшемся положении, не приняв пока решительного боя.

«Царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку, сознав, что взрыв неизбежен, что одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может» [3].

Манифест 30 (17) октября [4] — вот та мера, посредством которой самодержавие решило смирить революционную бурю, ослабить революционный натиск. Но об окончательной сдаче своих позиций самодержавие и не думало. Это был ловкий маневр. Одной рукой опубликовывая манифест, другой рукой самодержавие двинуло против революции все мобилизованные им контрреволюционные силы, залив страну потоками крови в черносотенных погромах. Такова была тактика самодержавия. Так именно и оценивал Ленин положение после издания манифеста 30 (17) октября:

«Царь далеко не капитулировал. Самодержавие все еще не переставало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы, и революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы» [5].

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 351.

[2] Там же, стр. 353.

[3] Там же, стр. 352.

[4] Манифест 30 (17) октября в основной своей части гласил:

«1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося от созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3) установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постановленных от нас властей».

[5] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 352.

Манифест 30 (17) октября был уступкой самодержавия, предназначенной в первую очередь, если не исключительно, для пролетариата. Но пролетариат, в лице своих передовых слоев немедленно отверг манифест как хитрую уловку самодержавия. 31 (18) октября появилось обращение РСДРП «К русскому народу», заклеймившее царский манифест как жалкую подачку и призывавшее к борьбе под ясными революционными лозунгами. Обращение РСДРП требовало восьмичасового рабочего дня, полной амнистии всем политическим заключенным и ссыльным, немедленного вооружения народа:

«Царь и министры лгут и лицемерят и верить им нельзя, — говорилось в обращении. — Они хотят успокоить народ бумажной конституцией и втихомолку отнять у него то, что ему наобещали. Они хотят столковаться с высшими классами и сохранить за собой военную силу, чтобы сообща подавлять народ».

Свобода печати («Стрелы» № 5, 1905 г.).

Такие же требования выставил и организовавшийся в дни забастовки Петербургский совет рабочих депутатов. Не менее решительно выступил и железнодорожный стачечный комитет. 31 (18) октября поздно вечером он вынес резолюцию, которую разослал всем без исключения линиям по телеграфу:

«Изданный правительством манифест является новой попыткой обмануть русский народ,—говорилось в резолюции. — Народ не удовлетворится подачками».

Лишь в отсталые слои рабочего класса манифест внес колебания, породив демобилизационные настроения, основная же масса пролетариата готовилась к дальнейшей борьбе. В десятках и сотнях городов рабочие собирались у тюрем, требовали освобождения политических заключенных, манифестировали, устраивали многотысячные митинги. На всех этих рабочих собраниях под руководством революционных социал-демократов принимались резолюции, выражавшие недоверие обещанным свободам и требовавшие их реального закрепления в ходе дальнейшей борьбы.

Но самодержавие в свою очередь тоже не дремало. Уже 31 (18) октября под его непосредственным руководством развернулась дикая вакханалия погромов.

«Черные сотни заработали так, как не видывала еще Россия, — писал Ленин в статье «Приближение развязки».— Вести о побоищах, о погромах, о неслыханных зверствах так и

сыплются со всех концов России. Господствует белый террор. Где только можно, полиция поднимает и организует подонки капиталистического общества для грабежа и насилия, подстрекая избивать «студентов» и бунтовщиков, помогая «учить» земцев. Контрреволюция работает во-всю. Трепов «оправдывает себя». Стреляют из митральез (Одесса), выкалывают глаза (Киев), выбрасывают на мостовую с 5 этажа, берут приступом и отдают на поток и разграбление целые дома, поджигают и не позволяют тушить, расстреливают тех, кто смеет сопротивляться черным сотням. От Польши и до Сибири, от берегов Финского залива до Черного моря — всюду одно и то же[1].

Даже те слои рабочих, которым казалось, что манифестом 30 (17) октября открывается «новая эра», теперь убеждались на улицах, под свистом пуль и нагаек, какова действительная цена манифеста, что это лишь гнусная попытка напасть на революцию с тыла, ослабить и дезорганизовать ее. Особенно поучительными в этом отношении были события в Иваново-Вознесенске. Там черносотенцы применили особый метод насилий. 6 ноября (24 октября) толпа громил ворвалась на фабрики. Отыскав передовых рабочих — депутатов, делегатов и вообще выборных, — громилы их убивали, калечили, живыми бросали в котлы, надругались над трупами. В остальном погромы поражали своим однообразием. В этом не было ничего удивительного, так как их всюду инспирировала одна и та же полицейская рука. В таких городах, как Севастополь, Белосток, Минск, царские власти не сочли нужным искать какого бы то ни было прикрытия. 31 (18) октября на улицах этих городов толпы рабочих открыто расстреливались войсками. Достаточно указать на то, что в Минске оказалось 49 убитых и 64 раненых. В других городах при попустительстве войск и помощи полиции орудовали хулиганы, громилы, зажиточные мещане. В Казани 30 (17) октября казаки напали на рабочих, мирно расходившихся с митинга. 4 ноября (22 октября) там был организован погром. Исключительные по зверству насилия происходили в Томске. Погромщики при попустительстве войск, а отчасти и при их прямом содействии, сожгли здание управления Сибирской железной дороги вместе с находившимися там людьми, собравшимися на митинг. Наконец почти не поддаются описанию зверства еврейских погромов. В Одессе, например, погром длился свыше 4 дней. Одни только убитые в этом погроме исчислялись сотнями. Такие же погромы прокатились по всему югу и на западе в пределах еврейской черты оседлости. Громили Екатеринослав, Ростов н/Д., Киев, Кишинев, Симферополь, Гомель и многие другие города и местечки. Всюду лилась кровь, падали бесчисленные жертвы.

«Более чем в 100 городах и притом на протяжении всего 2—3 недель разыгрались однородные и по программе и по преступности сцены дикой расправы с местными мирными жителями. Менее чем в месяц было убито от 3½ до 4 тыс. человек и ранено и изувечено более 10 тыс.» [2].

Погромы еще раз показали, что царизм добровольно не сдаст своих позиций, что добиться полной победы над ним рабочие могут лишь путем жестокой гражданской войны.

«Правы были социал-демократические ораторы в Петербурге, — писал Ленин, — называвшие манифест 30 (17) октября ловушкой, а поведение правительства после манифеста

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 369—370.

[2] В. Обнинский, Полгода русской революции, стр. 42.

провокацией. Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остается в руках правительства» [1].

В другом месте Ленин так оценивал значение манифеста 30 (17) октября:

«Отступление правительства... есть лишь выбор им новой, более удобной, с его точки зрения, позиции для схватки. Объявления о «свободах», которые красуются на бумажке, называемой манифестом 30 (17) октября, есть лишь попытка подготовить моральные условия для борьбы с революцией, в то время как Трепов во главе всероссийских черносотенцев подготовляет материальные условия для этой борьбы» [2].

Значение октябрьской всеобщей стачки Ленин расценивал так в цитированной уже статье «Приближение развязки»:

«Всероссийская политическая стачка превосходно исполнила свое дело, подвинув вперед восстание, нанеся страшные раны царизму, сорвав гнусную комедию гнусной Государственной думы. Генеральная репетиция окончена. Мы стоим, по всей видимости, накануне самой драмы...» [3]

Неприкосновенность личности («Стрелы» № 1, 1905 г.).

Однако ряд причин помешал перевести октябрьскую стачку в вооруженное восстание и тем нанести самодержавию решительный удар. Некоторая переоценка малосознательными слоями рабочего класса достигнутых успехов не могла не породить демобилизационных настроений в первые дни после опубликования манифеста, чем и воспользовалось самодержавие. Отдельные вспышки восстаний, как, например, в Харькове, Екатеринославе, Одессе, Закавказьи, Ревеле, Финляндии и других городах, не получили достаточного всероссийского отклика и были подавлены правительством. Пролетариат чувствовал огромную усталость, он нуждался в передышке. 1 ноября (19 октября) Петербургский совет рабочих депутатов принял следующую резолюцию:

«Считаясь с необходимостью для рабочего класса, опираясь на достигнутые победы, организоваться наилучшим образом и вооружиться для окончательной борьбы за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и для учреждения демократической республики,—Совет рабочих депутатов постановляет: прекратить 21 октября в 12 часов дня всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы, смотря

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 358—359.
[2] Там же, стр. 367.
[3] Там же, стр. 372.

по ходу событий, по первому же призыву Совета возобновить ее для дальнейшей борьбы так же дружно, как и до сих пор, за наши требования» [1].

Окончание стачки воочию показало, как много приобрел пролетариат в октябрьские дни. Если октябрьская забастовка началась стихийно, то закончилась она чрезвычайно организованно и стройно. С 3 ноября (21 октября) жизнь начала входить в нормальную колею в Петербурге и других городах. В тот же день возобновилось железнодорожное движение по всем дорогам Московского узла. 6 ноября (24 октября) Финляндия объявила забастовку законченной.

Политическое воспитание пролетариата в процессе октябрьской стачки и после нее двигалось вперед огромными шагами. Ход революции менял формы и органы, вокруг которых группировался пролетариат. Неизменной в этом ходе оставалась лишь все возраставшая организующая роль революционной социал-демократии. В первый период октябрьской забастовки, еще 31 (18) октября, до организации Петербургского совета рабочих депутатов, центром движения в столицах и университетских городах являлись высшие учебные заведения. В высших учебных заведениях Петербурга, начиная с первых чисел октября, шли непрерывно митинги. Та же картина наблюдалась и в Москве. В городах, где университетов не было, движение находило иные центры, выливаясь часто на улицу. Но везде отмечались чрезвычайно характерные черты все возраставшего и под конец почти полного «захвата» рабочими всех без исключения митингов и собраний. Рабочая масса быстро вытесняла из высших учебных заведений даже студентов; усердно посещал собрания также и обыватель.

В некоторых провинциальных городах, не говоря уже о пролетарских кадрах, даже торгово-промышленные служащие и те заявляли о полном подчинении указаниям социал-демократических комитетов. Особенно заметной была руководящая роль большевистской социал-демократической организации в Москве. Для характеристики влияния революционной социал-демократии в Москве достаточно привести хотя бы тот факт, что 2 ноября (20 октября) в день похорон растерзанного черносотенцами при освобождении из тюрьмы крупнейшего работника-большевика Н. Баумана в процессии принимало участие до 150 тыс. человек. Похороны, таким образом, превратились в демонстрацию, какой еще не видывала Россия. Подавляющую массу демонстрантов составляли, естественно, рабочие.

После 30 (17) октября, когда царская охранка при помощи черносотенцев и войск взялась за закрытие университетов и прибегала к расстрелу находившихся там рабочих, движение вылилось на улицу. Начались бесконечные грандиозные демонстрации, народные митинги. Не было, несомненно, ни одного сколько-нибудь значительного центра, где бы рабочие не овладели улицей. Эта новая форма движения охватила на этот раз всю рабочую массу. Рабочие проявляли исключительную храбрость. Несмотря на то, что почти каждый митинг и демонстрация кончались побоищами и кровопролитными схватками, рабочие не

---

[1] «Известия Петербургского совета рабочих депутатов» № 3 от 2 ноября (20 октября) 1905 г.

отступали. При этих массовых демонстрациях влияние социал-демократии чувствовалось на каждом шагу. В то время как обывательская масса после манифеста резко повернула направо, пролетариат жадно впитывал каждое слово социал-демократических ораторов, призывавших к дальнейшей борьбе, единодушно приветствовал большевистские призывы к подготовке восстания. Социал-демократами собирались деньги на оружие, лихорадочно формировались пролетарские боевые дружины. И рабочие с исключительным энтузиазмом жертвовали всем, чем могли.

И наконец октябрь породил новую, своеобразную форму революционной организации рабочего класса — Советы рабочих депутатов. Советы, о значении которых будет сказано ниже, при своем возникновении немедленно начинали группировать вокруг себя основные кадры пролетарских борцов.

Н. Бауман.

Манифест 30 (17) октября отбрасывал либеральную буржуазию в стан контрреволюции, на что он отчасти и был рассчитан Итти дальше манифеста 30 (17) октября — это значило итти на свержение царского самодержавия путем вооруженного восстания, это значило стремиться к осуществлению подлинного самодержавия народа. Всего этого либеральная буржуазия вообще никогда не хотела, да и не могла хотеть. В статье «Революционная канцелярщина и революционное дело» Ленин так оценивал политические позиции либеральной буржуазии после манифеста 30 (17) октября:

«Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма, ибо она знает, что сознательный, т. е. социалистический пролетариат воспользуется свободой для борьбы против господства капитала. Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самодержавия народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием. Буржуазия хочет парламентаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца, чтобы не вооружить пролетариат, понимая под вооружением и непосредственное вооружение оружием и вооружение полной свободой... Направо — самодержавие и либеральная буржуазия, которых сплотило фактически то, что они не хотят передачи Учредительному собранию всей власти, единой, полной и нераздельной. Налево — социалистический пролета-

риат и революционное крестьянство или, шире, вся революционная буржуазная демократия. Они хотят полноты власти для Учредительного собрания» [1].

Все требования либеральной буржуазии манифестом 30 (17) октября удовлетворены были через край. Большего и не предусматривало ни одно требование либералов, начиная с программы «Союза освобождения». А «твердая власть», проявленная самодержавием тотчас же после издания манифеста, зверские расправы со всеми теми, кто по простоте душевной всерьез принял «дарованные» свободы, отнюдь не смущали либеральную буржуазию. Ведь усмиряли недовольную «чернь», стремившуюся вырвать не только у самодержавия, но и у либералов власть, ту самую власть, которую самодержавие манифестом 30 (17) октября обещало разделить с либеральными капиталистами и просвещенными помещиками.

При всем этом либералы шли на любое заигрывание с развязавшейся революционной стихией, лишь бы это помогло им взять в свои руки плоды ее побед.

«В эту великую историческую минуту, — говорил на кадетском съезде Мандельштам, — поклянемся никогда не забывать той громадной роли рабочего класса в нашем общем деле политического освобождения. Будем помнить, что там, где наше дело кончается, дело пролетариата только начинается».

Совпавший с октябрьской стачкой учредительный съезд кадетской партии, заседавший в Москве с 25 (12) по 31 (18) октября, в последний момент принял даже резолюцию с требованием Учредительного собрания. Октябрьское выступление рабочего класса кадеты расценивали как «организованное мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса, политически бесправного, но общественно-могучего».

Однако это были только слова либеральных говорунов, которые Ленин оценивал так:

«Вы болтаете, господа, об органах власти народа. Властью может быть только сила. Силой в современном обществе может быть только вооруженный народ и вооруженный пролетариат во главе его. Если бы сочувствие свободе доказывалось словами, тогда пришлось бы, пожалуй, считать сторонниками свободы даже авторов манифеста 17 октября. Если оно доказывается делами, — тогда единственным таким делом является теперь содействие вооружению рабочих, содействие образованию и укреплению действительно революционной армии» [2].

Ни о каком-либо содействии в деле вооружения народа со стороны либералов, конечно, не могло быть и речи и даже более радикальной части их. Либеральная буржуазия не только выбывала из строя оппозиционных сил, она становилась явно контрреволюционной, переходя на сторону правительства. Этого изменения соотношения общественных сил после октябрьской всеобщей стачки попрежнему не замечали меньшевики. Подгоняемые событиями, после октябрьских дней они ударились в другую крайность — в крайность «левой фразы». На сцену появилась троцкистская теория «перманентной революции», ставшая знаменем всего меньшевизма.

Наряду с парвусистско-троцкистским лозунгом «без царя, а правительство рабочее», в среде меньшевиков прозвучал и голос Череванина с требованием отступления революции с занятых уже позиций. Даже Мартов

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 403—404.

[2] Там же, стр. 408.

вынужден был признать всю политическую шаткость, исключительный идейный разброд и развал, обнаруживавшийся в этот период среди меньшевиков.

«Сложной (по сравнению с большевистской позицией. — *Ред.*) и лишенной внутренней ценности, — писал Мартов в своей «Истории РСДРП», — оказалась в вопросе об отношении к либерализму позиция «Начала», в котором представители «меньшевизма» объединились с Парвусом и Троцким... В передовой статье № 8 «Начало» заявляет: «Революция прошла свой первый фазис. Земская оппозиция откололась и стала контрреволюционной силой». Эта формула настолько не соответствовала традиционному представлению «меньшевизма» о взаимоотношении классов, что уже в следующем (№ 9) номере мы опять... читаем призыв к либералам о поддержке народного движения» [1].

Мартов, однако, слишком «мягко» характеризует и неправильно оценивает разногласия, наметившиеся в среде меньшевиков. Даже в период своего наибольшего опьянения успехами меньшевизм не изменял в основном своей

Сатирические журналы 1905—1907 гг.

политической концепции. Охарактеризованные им различные точки зрения, излагавшиеся теми или другими представителями меньшевизма, базировались на общем для всех новоискровских групп и оттенков аксельродовском представлении о содержании и характере буржуазной революции и на их оценке крестьянского движения. «Революционные» троцкистские фразы скрывали за собой все ту же оппортунистическую сущность. Концепция «буржуазной революции» в ее доктринерско-меньшевистском представлении оставалась неизменной. Разница состояла лишь в том, что позиция Череванина была последовательной и выдержанной до конца, открыто обнаруживая то, что стыдливо прятали «левые» меньшевики.

Череванин и Горн так прямо и говорили впоследствии, что октябрьская всеобщая стачка — дело рук либеральной буржуазии.

«Особенно справедливо это для интеллигенции, которой принадлежала руководящая роль в октябрьском выступлении, — писал Горн. — Октябрьской стачки или совсем бы не было, или бы она была не тем, чем была, если бы в ее подготовке и осуществлении не приняла руководящее участие интеллигенция» [2].

[1] Мартов, История РСДРП, изд. «Книга», 1922 г., стр. 162—164.

[2] «Борьба общественных сил в русской революции», М. 1907 г., вып. III, стр. 51.

Едва ли нужно доказывать, что фактическое положение дел было совершенно иным.

В статье «О статистике стачек в России» Ленин на основании изучения динамики стачечного движения в этот период пришел к следующим выводам:

«Подъем стачечной волны означает критические, поворотные пункты всей социально-политической эволюции страны. Статистика стачек воочию показывает нам главную движущую силу этой эволюции. Это не значит, конечно, чтобы рассматриваемая форма движения была единственной или высшей формой,— мы знаем, что это не так,— это не значит, чтобы можно было сделать непосредственные заключения от данной формы движения к частным вопросам социально-политической эволюции. Но это значит, что перед нами статистическая картина... движения того класса, который был главной пружиной общего направления событий. Движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется, им определяется... от него зависит [1].

Интеллигенция, как правило, да и то не всегда, присоединялась лишь после того, как всеобщая стачка начата была пролетариатом. И уж во всяком случае прямой нелепостью было сводить октябрьскую победу в какой бы то ни было степени к первенствующей роли в борьбе интеллигенции и буржуазии. Череванина, однако, нельзя смутить даже этим:

«Всех этих фактов, — отмечает Череванин, — я думаю, совершенно достаточно, чтобы установить, что победу над самодержавием 17 октября одержал не один рабочий пролетариат, что в октябрьской революции так же дружно и активно участвовала масса интеллигенции. Если не активную, то пассивную поддержку в забастовке оказывала и масса крупной буржуазии» [2].

Что эта точка зрения являлась общей для всех меньшевиков, ясно показывает откровенное признание и самого Мартова. С позицией Череванина Мартов, по сути дела, солидаризируется в одном из своих писем к Аксельроду:

«Победа одержана, — пишет Мартов, — под пролетарским знаменем, но под фактическим, если не абсолютным, руководством, то сильным влиянием демократов» [3].

Но Череванин оценкой только октябрьской всеобщей стачки не ограничился. Анализируя послеоктябрьский период, он приходит к выводу, что хотя

«после 17 октября оставался только рабочий пролетариат, его только можно было надеяться увлечь на путь восстания. Но сам по себе он был совершенно бессилен нанести смертельный удар старой власти» [4].

Такая оценка как октябрьского, так и послеоктябрьского периода революции лежала в основе всех меньшевистских построений не только при обзоре ими прошлого, но и в тот момент, когда у них на устах были «левые» фразы.

Иной была позиция Ленина, звавшего пролетариат и крестьянство к новым победам.

«Революционный пролетариат, — писал Ленин, — привел к первой великой победе революцию городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревни. Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьезнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу, — такова теперь очередная задача российской социал-демократии» [5].

Классовый инстинкт пролетариата вел его вопреки всем схемам меньшевиков на вооруженный штурм самодержавия. Но огромный вред революции

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 40—41.

[2] «Борьба общественных сил в русской революции», вып. II, стр. 51.

[3] Письма Аксельрода и Мартова, стр. 140.

[4] «Борьба...», вып. II, стр. 159.

[5] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 356.

меньшевистская тактика все же принесла. Единственно организованной силой, трезво оценивавшей ситуацию, звавшей пролетариат вместе с крестьянством к вооруженному восстанию, к решительному бою с самодержавием как до, так и после 30 (17) октября, были только большевики. Железную последовательность и логику большевизма, несмотря на всю свою тенденциозность, не отрицает и Мартов:

«Для большевиков в полном соответствии с взглядами, выработанными ими в течение предыдущего года, отношение к буржуазной оппозиции определялось уверенностью, что страна стоит перед решительной победой над старым порядком и что эта победа даст диаметрально противоположные результаты, в зависимости от того, попадут ли ее плоды в руки «либерально-монархической буржуазии», или в руки пролетариата и крестьянства. В первом случае развитие России пойдет «по-прусски», во-втором,—«по-американски». А потому, чем относительно большие уступки демократизму готов был сделать либерализм, чем, следовательно, более популярным мог он стать в стране, тем он становился опаснее и борьба с ним необходимей» [1].

Историческая правота большевиков заключалась, конечно, не в утверждении, «что страна стоит перед решительной победой над старым порядком», — в такой форме большевизм этого никогда не утверждал. Историческая правота заключалась в ином — в утверждении, что революция получит свой максимальный размах лишь в том случае, если крестьянство вопреки и против либеральной буржуазии, в боевом союзе с рабочим классом начисто сметет крепостнически-помещичий строй со всей его полицейски-самодержавной надстройкой. Приветствуя съезд Крестьянского союза, Ленин отмечал:

«Конечно не все крестьяне, борющиеся за землю и волю, вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требований республики. Но демократическое направление крестьянских требований стоит вне сомнения... Эти крестьяне — действительно революционные демократы, с которыми мы должны итти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции» [2],

оговаривая одновременно с этим, что

«никакой союз, даже с самыми честными и решительными революционными демократами, не заставит пролетариев забыть об их еще более великой и важной цели — о борьбе за социализм, за полное уничтожение господства капитала, за освобождение всех трудящихся от всякой эксплоатации» [3].

Как бесконечно далек был этот дышавший революционным пламенем призыв от мелкого крохоборчества меньшевиков!

Размежевывая движущие силы революции, октябрьская всеобщая стачка поставила пролетариат всей России на грани вооруженного восстания, в отдельных местах уже начавшего осуществляться. Вместе с тем стачечное движение, достигнув в октябре наивысшей точки своего развития, исчерпало себя как политическая форма борьбы. Оценивая впоследствии этот период борьбы рабочего класса в статье «О статистике стачек в России», Ленин писал:

«Это значит, что при данном уровне сознательности и подготовки населения рассматриваемая форма движения в течение 1905 г. исчерпала себя; она должна была, поскольку не исчезли объективные противоречия социально-политической жизни, перейти в высшую форму движения» [4]

---

[1] Мартов, История РСДРП.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 383—385.

[3] Там же, стр. 385.

[4] Ленин, Соч., т. XV, стр. 33.

Создавшееся в результате октябрьской всеобщей стачки соотношение сил Ленин характеризовал так:

«Октябрьско-декабрьский период был периодом максимальной самодеятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движения на почве, очищенной натиском народа от монархически-конституционных учреждений, законов и зацепок, на почве «междувластия», когда старая власть была у ж е обессилена, а новая революционная власть народа (советы рабочих, крестьянских, солдатских депутатов и пр.) е щ е недостаточно сильна для полной замены старой власти» [1].

в) ПАРТИЯ И СОВЕТЫ В 1905 Г.

В течение всего 1905 г. рабочие массы создавали подготовительные элементы будущих Советов. Фабрично-заводские комитеты, образовавшиеся из депутатов комиссии Шидловского, всякого рода советы депутатов по профессиям (как совет печатников и пяти профессий в Москве)и боевые стачечные комитеты— все это органы, которые в определенный момент революции, при высшем ее подъеме, могли превратиться, и действительно перерастали, в Советы рабочих депутатов. Но было бы ошибочно видеть н е п о с р е д с т в е н н у ю преемственность между этим рабочим представительством и Советами рабочих депутатов. Советы — прежде всего органы восстания, продукт революционного творчества масс, поднявшихся и протягивающих руку к власти — могут появиться и действительно появились лишь в момент, когда революционная борьба непосредственно упирается в восстание, когда налицо не только революционная ситуация, но — сама революция. Именно в такой момент и создался Петербургский совет рабочих депутатов. Особенности этого момента — «революционного вихря», как выразился один кадетский публицист — Ленин характеризовал так:

«В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря»... с точки зрения различных приемов политической деятельности? С точки зрения разных методов исторического творчества народов? Прежде всего, и главным образом, — в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «захват» народом политической свободы, осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов революционной власти, — Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут» [2].

Советы возникали стихийно в процессе революционной борьбы рабочих масс. В Петербурге к октябрю 1905 г. полностью назрели те условия, которые требовали для дальнейшего руководства рабочим движением боевого организационного центра. Для создания такого центра петербургские рабочие к этому времени, как мы видели, имели уже достаточный опыт. С начала октябрьской забастовки в Петербурге на ряде фабрик и заводов были выбраны представители

---

[1] Вопрос о роли и значении стачки, вызвавшей острую дискуссию в РСДРП и во II Интернационале, см. гл. XII—*Ред.*

[2] Л е н и н, Соч., т. IX, стр. 116.

от рабочих для руководства забастовкой. На второй день забастовки 26 (13) октября в Технологическом институте состоялось первое собрание представителей от 40 фабрик и заводов. В первые моменты своей деятельности Совет считал себя лишь стачечным комитетом. Рабочие, посылавшие своих делегатов, так и указывали в своих наказах:

«Для руководства всем движением Петербурга избираем депутатов в стачечный комитет, действующий по уполномочию всех рабочих» [1].

Однако ход событий с первых же шагов превратил этот стачечный комитет в политический орган, ставший центром движения. На третьем его заседании присутствовало уже 226 депутатов от 96 предприятий и 5 профсоюзов. 30 (17) октября появились «Известия Совета рабочих депутатов», которые печатались в разных типографиях, большей частью захватным путем. К середине ноября Петербургский Совет уже насчитывал в своем составе 562 депутата, которые представляли 147 фабрик и заводов, 34 мастерские и 16 профсоюзов. Впереди всех шли металлисты, имевшие в Петербургском Совете 351 депутата, затем следовали текстильщики, имевшие 57 депутатов, печатники — 32, и т. д. В общей сложности все депутаты представляли около 250 тыс. рабочих, т. е. большинство петербургского пролетариата. Чувствуя за собой поддержку почти всей рабочей массы Петербурга, Петербургский Совет с самого начала проявил себя в значительной степени носителем новой революционной власти. 1 ноября (19 октября) Совет вынес постановление:

«Свобода печатного слова должна быть завоевана рабочими... только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют Цензурный комитет... Наборщики... приступают к своей работе лишь при заявлении и проведении редакторами свободы печати» [2].

Этому постановлению Петербургского Совета вынуждены были подчиниться даже черносотенные органы печати. 4 ноября (22 октября) впервые в истории России все петербургские газеты вышли без цензуры. Затем Совет решительно высказался против присутствия на его заседаниях полиции. Полиция не посмела посягнуть и на это распоряжение Совета. Заседания Совета, привлекавшие громадное количество публики, происходили совершенно легально без присутствия полицейских. 11 ноября (29 октября) Совет вынес постановление о введении в Петербурге революционным путем восьмичасового рабочего дня. В постановлении говорилось:

«Совет Рабочих Депутатов приветствует тех товарищей, которые революционным путем ввели у себя на заводах восьмичасовой рабочий день. Совет Рабочих Депутатов считает, что повсеместное введение восьмичасового рабочего дня требует соответственного повышения расценок, дабы заработная плата осталась по меньшей мере на прежнем уровне. Совет Рабочих Депутатов единогласно постановляет: всем оставшимся фабрикам и заводам г. Петербурга ввести с 31 октября революционным путем восьмичасовой рабочий день. Взаимная поддержка рабочими всех районов будет залогом успешного выполнения постановления Совета Рабочих Депутатов» [3].

Следующее огромной важности решение было принято Петербургским Советом в связи с кронштадтскими событиями. 5 ноября (23 октября) в Крон-

[1] «История Совета рабочих депутатов С.-Петербурга», 1906 г., стр. 63.

[2] «Известия Совета рабочих депутатов» № 3 от 2 ноября (20 октября) 1905 г.

[3] Там же № 5 от 10 (3) ноября 1905 г.

штадте состоялся митинг, на котором присутствовало большое количество солдат и матросов. На митинге произносились горячие речи с призывом к свержению царизма и «уничтожению жандармов». После митинга среди матросских экипажей началось брожение, вылившееся 8 ноября (26 октября) в восстание. Однако полиции удалось деморализовать это революционное выступление кронштадтских матросов. Банды черносотенных хулиганов, организованные полицией, охранкой, под руководством «знаменитого» Иоанна Кронштадтского начали громить казенные винные лавки, увлекая за собой несознательную часть матросов, чем и дезорганизовали движение. 9 ноября (27 октября) прибывшими из Петербурга войсками восстание было подавлено. Докладчик на заседании Петербургского Совета так описывал создавшееся после этого положение:

«...теперь суду предано около 1 200 человек. Признанные зачинщиками будут расстреляны, а эти зачинщики есть наши истинные защитники — борцы за свободу. Мы должны отозваться как-нибудь на их казнь, тем более, что были солдаты, впервые выступившие, и, если мы их поддержим, переход войска на сторону народа будет обеспечен» [1].

В дополнение к этому огромное возбуждение вызвало объявленное правительством 11 ноября (29 октября) военное положение в Польше.

В связи со всем этим 14 (1) ноября Петербургский Совет принял решение о новой политической забастовке.

«Завтра, 2 ноября, в 12 часов дня,— говорилось в принятом постановлении, — рабочие Петербурга прекращают работу с лозунгами: 1) долой полевые суды, 2) долой смертную казнь, 3) долой военное положение в Польше и во всей России» [2].

Эта забастовка протекала в Петербурге исключительно организованно и по количеству бастовавших превзошла даже октябрьскую. К 20 (7) ноября, уже в последние дни забастовки, в ней принимало участие около 105 тыс. рабочих. Однако забастовка не приняла всероссийского размаха, так как вспыхнула внезапно. Но ряд демонстраций, прокатившихся по стране, показал единодушие и солидарность пролетариата всей России с петербургской забастовкой. В конечном счете забастовка оказалась далеко не бесплодной. Правительство уступило, объявив, что кронштадтских матросов и солдат оно не предаст военно-полевому суду. Было снято и военное положение в Польше. Наконец 14 (1) декабря Петербургский Совет опубликовал так называемый «финансовый манифест», в котором населению предлагалось:

«отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей, требовать при всех сделках, при выдаче рабочей платы и жалованья, уплаты золотом, а при суммах меньше 5 руб.—полновесной звонкой монетой. Брать вклады и ссуды из сберегательных касс и из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом».

Дальше в манифесте говорилось:

«Мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом» [3].

Газеты, напечатавшие «финансовый манифест», немедленно были закрыты правительством, а 16 (3) декабря на очередном заседании был арестован и весь

[1] «Известия Совета рабочих депутатов» № 5 от 16 (3) ноября 1905 г.
[2] Там же.
[3] Там же, № 8.

Совет. После ареста тотчас же сформировался новый Совет, который успел выпустить четыре номера «Известий» (8, 9, 10 и 11), но большой практической и политической работы среди ослабленного петербургского пролетариата проводить уже он не смог. Исполнительный комитет второго призыва не в силах был даже созвать пленум Совета. 15 (2) января 1906 г. и он был арестован. В течение некоторого времени продолжали еще существовать районные Советы, которые, однако, сколько-нибудь значительной политической роли уже не играли.

Все меры, которые проводил Петербургский Совет явочным порядком: постановление о свободе печати, введение революционным путем восьмичасового рабочего дня и другие, не были, да и не могли быть прочны без самого главного—

Арест Питерского совета.

без вооруженной победы над самодержавием. Преобладавшие в Совете меньшевики меньше всего были способны повести Совет именно по этому пути и использовать для подготовки вооруженного восстания все те огромные возможности, которые открылись перед Советом с первых же дней его возникновения.

Возникновение Петербургского Совета вызвало острые разногласия между большевиками и меньшевиками по вопросу о взаимоотношениях Совета с партией. С точки зрения меньшевиков, Совет, как более широкая организация, объединяющая весь пролетариат, являлся высшим классовым органом пролетариата. Совет представлялся меньшевикам политическим представителем пролетариата, в то время как партия лишь чем-то вроде пропагандистского общества внутри рабочего класса. Эта меньшевистская точка зрения была выражена Троцким:

«До Совета мы находим в среде промышленного пролетариата революционные организации, в подавляющем большинстве — социал-демократические. Но это организации —

в пролетариате; их непосредственная цель — борьба за влияние на массы. Совет есть организация пролетариата. Его цель — борьба за революционную власть» [1].

Этот взгляд непосредственно вытекал из общих взглядов меньшевиков на соотношение партии и класса — отрицание партии как боевого авангарда, руководящего всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, идеал «широкой» партии, вбирающей в е с ь пролетариат, а не передовые его элементы. В Советах меньшевики и видели элементы такой будущей широкой партии.

Меньшевики, таким образом, именно в беспартийности Совета видели фактор, делающий Совет действительным представителем рабочего класса. Естественно, что они поощряли предрассудки беспартийности, имевшиеся в рабочей массе, и противились организационно-политическому сближению Совета с партией.

Вначале председателем Петербургского Совета был избран меньшевик С. Зборовский, вскоре, однако, замененный, по настоянию меньшевиков, культивировавших в Совете идею беспартийности, «околопартийным» присяжным поверенным Хрусталевым-Носарем [2]. После ареста Хрусталева, последовавшего 9 декабря (26 ноября), председателем Совета был избран Троцкий. Избрание Троцкого председателем Совета Парвус оценивал тоже как настоящий меньшевик.

«Беспартийным был Хрусталев не в своих политических взглядах, а в ведении дел Совета депутатов. Ту же беспартийность, наверное, проявит и товарищ Яновский... [3]. Все же разница есть. Товарищ Яновский — официальный представитель нашей партии. Это было сказано при выборах. Это было известно и без того. Мы, социал-демократы, были бы счастливы, если бы могли сказать, что наш товарищ Яновский выбран в председатели Совета депутатов петербургских рабочих как представитель нашей партии. Но это было бы не вполне верно и мы не хотим поддаваться самообману. Мы знаем, что если разделить Совет на социал-демократов, беспартийных и социалистов-революционеров, то за нами относительное большинство. Но до сих пор еще не образовалось абсолютного большинства за нашу партию. Меж тем Яновский получил почти четыре пятых всех голосов. За него подали все социал-демократы и почти все беспартийные» [4].

Такова была тактика меньшевиков не только по отношению к Петербургскому Совету, но и по отношению ко всем Советам, возникшим в 1905 г.

«Значительная их (меньшевиков.—*Ред.*) часть видела в Совете не только естественный временный политический центр движения, — писал впоследствии Мартов в своей «Истории российской социал-демократии», — но и арену, на которой только и смогут выработаться кадры широкой рабочей партии, становившейся возможной при изменившихся политических условиях» [5].

---

[1] Сб. «История Совета раб. деп.», изд. Глаголева, стр. 3., ст. Н. Троцкого, Совет и революция.

[2] Впрочем, «беспартийность» Хрусталева-Носаря вполне определенного сорта: он близко стоял к «освобожденцам» и даже принимал участие в середине 1905 г. в попытках «освобожденцев» организовать несоциалистическую рабочую партию. Фигура Хрусталева олицетворяла стремление буржуазии подчинить себе рабочее движение.

[3] Яновский — псевдоним Троцкого. — *Ред.*

[4] Парвус, Правительство и петербургский пролетариат, «Русская газета» № 400 от 12 декабря (29 ноября) 1905 г.

[5] Л. Мартов, История РСДРП, изд. «Книга», 1923 г., стр. 135.

Такой же точки зрения держался и Парвус. Таким образом в конечном счете меньшевики видели в Советах прежде всего осуществление идеи «широкой рабочей партии» применительно к «изменившимся политическим условиям», той самой идеи, которую усердно пропагандировал Аксельрод в проекте «рабочего съезда».

Совершенно иную позицию в оценке деятельности Советов занимал Ленин. Для него Советы были прежде всего органами восстания, органами новой революционной власти.

«На деле Советы рабочих депутатов и подобные им учреждения были органами восстания, — писал он, — их сила и успех всецело зависели от силы и успеха восстания. Их возникновение только тогда было не комедией, а подвигом пролетариата, когда нарастало восстание. При новом подъеме борьбы, при переходе ее в эту фазу, неизбежны и желательны, конечно, подобные учреждения. Но их историческое развитие должно заключаться не в схематическом продолжении местных Советов рабочих депутатов до всероссийского рабочего съезда, а в превращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были Советы рабочих депутатов) в центральные органы победившей революционной власти, в революционное временное правительство. Советы рабочих депутатов и их объединение необходимы для победы восстания. Победившее восстание неминуемо создает иные органы» [1].

Меньшевики видели в Советах осуществление излюбленной ими идеи «революционного самоуправления», возможного, по их мнению, и до и даже без победы восстания. Ленин решительно высказывался против этого принижения роли Советов меньшевиками. В статье «Социализм и анархизм» он так определял задачи Советов:

«Совет рабочих депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей.

В эту боевую организацию входят, на началах временного неоформленного боевого соглашения, представители Российской Социал-демократической Рабочей Партии (партии пролетарского социализма), партии «Социалистов-Революционеров» (представители мелкобуржуазного социализма, или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением. Поэтому вполне естественно будет включение в Исполнительный Комитет и представителей революционного крестьянства.

По существу дела, Совет Рабочих Депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, причем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других, более активных, форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения, демократические требования» [2].

В своей практической деятельности меньшевики, как мы видели выше, усердно протаскивали идею беспартийности Советов, которая фактически отвечала интересам буржуазии, ослабляла классовую борьбу пролетариата и часто сводила на деле работу Совета к защите лишь экономических, узкоцеховых интересов рабочих. Меньшевики пытались сделать Совет в своей практической работе

---

[1] Ленин, Соч., т. XI.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 409—410.

органом «подробной разработки мер по рабочему вопросу» и т. п. Ленин не менее решительно возражал и против такого обезличивания Совета меньшевиками.

«Роль Совета, как организатора профессиональных союзов, — писал он, — как инициатора анкет, как примирительной камеры и т. п., была совершенно побочная, второстепенная. Вполне можно представить себе выполнение этих ролей и без Совета. Но всеобщая стачка едва ли мыслима без массового беспартийного стачечного комитета. Совет вырос из потребности непосредственной массовой борьбы, как орган ее. Это факт. Только этот факт объясняет нам своеобразную роль и действительное значение Совета. Именно на этот факт указывает слово «боевой» в резолюции ЦК.

Создавать С. Р. Д. для анкет, для развития профессиональных союзов и пр. никто и не вздумал бы. Создавать Совет, значит создавать органы непосредственной массовой борьбы пролетариата» [1].

В то же время Ленин решительно подчеркивал, что

«беспартийность есть порождение, или, если хотите, выражение буржуазного характера нашей революции. Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведет «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освещает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, — «усовершенствование» его до греческих календ. И, наоборот, кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности» [2].

«Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность — есть идея социалистическая. Это положение в общем и целом применимо ко всему буржуазному обществу... Но забывать эту истину в такое время, когда все буржуазное общество в целом восстает против крепостничества и самодержавия, значит совершенно отказываться на деле от социалистической критики буржуазного общества» [3].

В статье «К истории вопроса о диктатуре», написанной в 1920 г., возвращаясь к вопросу о значении Советов в революции 1905г., Ленин так характеризовал спор между большевиками и меньшевиками о значении и роли Советов:

«Споры о значении Советов тогда уже были связаны с вопросом о диктатуре. Большевики еще до октябрьской революции 1905 г. поставили вопрос о диктатуре... Меньшевики относились к этому лозунгу — «диктатуре» — отрицательно. Большевики подчеркивали, что Советы Рабочих Депутатов «фактически являлись зачатками новой революционной власти», как буквально говорил проект большевистской резолюции. Меньшевики признавали значение советов, стояли за «содействие образованию их» и т. д., но не считали их зачатками революционной власти, не говорили вообще о «новой революционной власти» такого или подобного типа, отвергали прямо лозунг диктатуры» [4].

Влияние Петербургского Совета было исключительным и распространялось даже на все слои мелкой буржуазии. Союз железнодорожников, партия эсеров, Всероссийский крестьянский союз и т. п., — все эти и подобные им организации тяготели к Совету, имели там своих представителей, следовали за Советом почти во всей его политической деятельности. Совет представлял собой, таким образом, руководимый социал-демократией союз пролетариата и революционной мелкой буржуазии, хотя и в недостаточно оформленном виде.

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 399—400.
[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 415—416.
[3] Там же.
[4] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 433.

Совет, несомненно, был зародышем «диктатуры пролетариата и крестьянства». Совет, наконец, как мы видели, был зачаточным органом власти. Этого не мог отрицать даже Череванин, хотя этот факт полностью опровергает точку зрения меньшевиков.

«Совет Рабочих Депутатов, — писал он, — имея за собой октябрьскую забастовку и вокруг себя — возбужденный, готовый к революционной борьбе пролетариат, становился перед лицом растерявшегося правительства из органа борьбы, до известной степени, органом власти. Правительству приходилось его терпеть, считаться с ним и его постановлениями, вступающими в самое резкое противоречие с видами и распоряжениями полиции» [1].

Как же использовали меньшевики, преобладавшие в Совете, это выгодное положение? Как готовился Совет под их руководством к борьбе с правительством? На это мы находим характерный для меньшевиков ответ у Троцкого:

«Разрабатывал ли Исполнительный комитет технику уличной борьбы — разумеется нет» [2]. «Несколько десятков револьверов, — говорит он дальше, — таков единственный подлинный реквизит вооруженного восстания» [3].

Затем Троцкий делает общий вывод, до конца вскрывающий основную позицию меньшевиков:

«Мы никогда не готовили восстания... Мы готовились к восстанию».

Меньшевики усиленно распространяли тот взгляд, что большевиками в период возникновения Советов якобы проявлялась явная недооценка и «левизна» в вопросе о роли этих организаций. Эти утверждения являются обычными меньшевистскими измышлениями. Верным в них являлось только то, что тактика меньшевиков, преобладавших в Петербургском Совете, заставила в первое время большевиков насторожиться и продискуссировать вопрос об отношении к Советам вообще. Обсуждение сразу же приняло оживленный характер.

«Новая жизнь» в № 5 от 1 ноября поместила обращение от редакции, где, указывая на необходимость внесения ясности в суждения партийных работников, «просит поэтому товарищей высказываться на столбцах «Новой жизни» о вышеуказанных вопросах, не стесняясь литературной формой и имея в виду, что различные оттенки мнений найдут у нас место. Эти оттенки мнений проявились еще 30 октября на собрании Семянниковского подрайонного комитета. Собрание, на котором присутствовало 15 человек, постановило, что Совет «должен принять ту или иную программу и тактику. Такой программой и тактикой с точки зрения интересов рабочего класса может быть только программа и тактика социал-демократии. Пока Совет не принял определенной программы, мы, социал-демократы, должны мобилизовать в нем и вне его все свои силы... и стремиться к тому, чтобы в самом недалеком будущем Совет Рабочих Депутатов принял социал-демократическую программу».

В статье «К вопросу о Совете Рабочих Депутатов», помещенной в № 6 той же «Новой жизни», Н. Менделеев от имени коллегии агитаторов и пропагандистов Петербургского района излагал такую точку зрения:

«Совет Рабочих Депутатов как политическая организация существовать не должен и социал-демократы должны выйти из него, так как его существование может вредно отразиться

---

[1] «Борьба общественных сил в русской революции», Москва, 1907 г., вып. II, стр. 60—61.

[2] Троцкий, Соч., т. II, ч. 2, стр. 172.

[3] Там же, стр. 173.

на развитии социал-демократического движения. Совет рабочих депутатов может существовать как профессиональная политическая организация или не должен существовать вовсе».

Наконец Конференция северных комитетов, собравшаяся в Москве 21—23 ноября, приняла такую резолюцию:

«С. Р. Д. необходимо создавать только там, где организация иным путем не может руководить массовым выступлением пролетариата, или там, где необходимо отколоть массу, попавшую под руководство буржуазных партий. С. Р. Д. должны являться партийным техническим аппаратом для проведения в массы политического руководства СДРП. Поэтому необходимо захватывать его в свои руки и приводить его к признанию программы и политического руководства РСДРП».

Эта позиция была ошибочной. Но она ни в каком случае не может быть распространена на сколько-нибудь значительное число большевистских организаций. Больше того, эта точка зрения нисколько не отразилась на практической работе большевиков в Советах.

Уже упомянутая нами резолюция собрания от 30 октября совершенно ясно заявляет:

«Собрание находит необходимым и желательным принять следующие практические меры. Перед каждым общегородским собранием Совета Рабочих Депутатов должно происходить собрание делегатов социал-демократов, на котором предварительно обсуждаются все те вопросы, которые Исполнительный (?) Комитет Совета намерен внести на рассмотрение общего собрания Совета».

В то же время редакция «Новой жизни» отмежевалась и от изложенной позиции Менделеева. Помещая статью, редакция оговаривалась:

«Редакция не вполне согласна с постановкой и разрешением вопроса о С. Р. Д. товарищами из Петербургского района. Тем не менее она дает место этой статье, повторяя свое приглашение товарищам высказываться по поставленному организационному вопросу».

Как значительна была практическая работа, проделанная нашей партией, показывает обзор деятельности Федеративного Совета партии, в котором большевики принимали активнейшее участие.

«Районные организации партии принимали участие с правом совещательного голоса в районных комитетах Совета; кроме того эти комитеты пользовались районными учреждениями, с.-д. партклубами и т. п. Партийные агитаторы, как указано выше, помогали депутатам проводить директивы Совета на местах. Из этого видно, что партия обслуживала Совет Рабочих Депутатов всем своим агитационным и организационным аппаратом».

Наконец нельзя не отметить, что большевистский ЦК из четырех бывших в России членов двух выделил для работы в Исполнительном комитете (Богданов и Постоловский.)

Позицию большевиков, занятую ими после первых же дней дискуссии, окончательно закрепил приезд Ленина. Партийные организации нащупали более гибкие пути осуществления партийного руководства Советами, в частности создание с.-д. фракций в Советах. Создания этих фракций требует и предложенная большевиками объединенному съезду резолюция о Советах Р. Д. Лучшим доказательством, вопреки всем меньшевистским утверждениям, исключительной энергии, проявленной большевиками на работе в Советах, показывает хотя бы тот факт, что уже в ноябре и в декабре Советы на местах все чаще и чаще работают под руководством большевиков, сменяющих, как правило, меньшевиков в подавляющем количестве этих организаций.

Иначе протекала деятельность Московского Совета Р. Д. С самого начала и до конца деятельность Московского Совета направлялась большевиками.

Организация Московского Совета началась в первых числах ноября. К созданию его сентябрьскими и октябрьскими событиями в Москве почва была уже достаточна подготовлена. Депутаты, делегаты, выбираемые для руководства стачками, для переговоров с администрацией и властями, сплотили в среде московского пролетариата достаточно крепкий революционный актив. Зачаточной формой Совета являлся образовавшийся еще в сентябре «Совет типографов». Как близко подошли массы к идее Совета и как быстро и правильно учло потребность момента большевистское руководство, легко видеть из октябрьской прокламации Московского комитета РСДРП, в которой говорилось:

«Вырабатывайте специальные частные требования и общие требования всего рабочего класса. Выбирайте депутатов для руководства стачкой. Депутаты организуют разрозненных рабочих. Депутаты обязаны постоянно давать отчет во всех своих действиях и для этого должны устраивать общие и частные рабочие собрания. Депутаты отвечают перед нами, но и мы отвечаем за депутатов. Пусть депутаты всех фабрик и заводов объединяются в общий совет депутатов всей Москвы. Такой общий совет депутатов объединит весь московский пролетариат» [1].

Первое заседание Московского Совета формально состоялось 5 декабря (22 ноября). Московским Советом несомненно была охвачена подавляющая масса московского пролетариата. Совет насчитывал более 200 депутатов, представлявших около 100 тыс. рабочих. С первых же своих шагов Московский Совет Рабочих Депутатов проявил себя органом восстания.

«Московский Совет был... боевой орган, при помощи которого большевики осуществляли политическое влияние и руководство пролетарскими массами» [2].

С момента своего возникновения Московский Совет пытался связаться с войсками. При помощи Совета организовался даже, правда, на очень кратковременный срок, Совет солдатских депутатов; 15 (2) декабря 1905 г. состоялось первое заседание этого Совета, охватившего к тому времени ряд воинских частей. Присутствовали депутаты Ростовского, Екатеринославского, Несвижского, Троице-сергиевского и казачьего полков, трех саперных батальонов, представителей военных организаций РСДРП, партии эсеров и начальники боевых дружин [3]. Это заседание было единственным. При помощи и под воздействием Совета в Москве быстро возникли и получили большое влияние районные Советы. К моменту декабрьского вооруженного восстания они охватывали почти все районы Москвы. Руководство этими районными Советами также находилось в руках большевиков. Этим в частности следует объяснить и тот факт, что районы сыграли важнейшую, а такой, как Пресня, даже решающую роль в длительности и силе вооруженного восстания в декабре,

---

[1] М. И. Васильев-Южин, Московский Совет Рабочих Депутатов, стр. 10.
[2] С. Черномордик, МСРД 1905 г. «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов», 1905 г., стр. 9.
[3] Газета «Вперед» № 3 от 4/XII.

Московский Совет не только призывал к восстанию, но и активно организовывал его. По инициативе Совета закупалось оружие, возникали и оформлялись в стройные организации рабочие боевые дружины, сыгравшие в декабрьские дни исключительно важную роль. Уже в первом номере «Известий» от 20 (7) декабря 1905 г. мы встречаем воззвание:

«Долой царское правительство! Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание». В следующем номере Совет помещает призыв ко всем гражданам: «Московский пролетариат вступил в решительный бой с царским правительством... Десяткам и сотням тысяч рабочих потребуется материальная помощь. Нужны средства на вооружение народа... Все ненавидящие кровожадное правительство должны прийти на помощь революционному пролетариату своими денежными средствами».

Наконец № 4 «Известий» выходит под заголовком:

«Московский Совет Рабочих Депутатов, комитет и группа российской социал-демократической партии и комитет партии эсеров постановили: объявить в Москве со среды 7 декабря в 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

За все время своего существования Московский Совет пользовался единодушной поддержкой широчайших рабочих масс, без которых, естественно, восстание не могло бы развиваться так героически и было бы немедленно раздавлено. Но этим Совет в первую очередь обязан самоотверженной работе большевиков. Важность мобилизации пролетариата вокруг Совета являлась коренной задачей, которую следовало осуществить во что бы то ни стало.

Из Советов, проявивших себя подлинными органами восстания и власти, необходимо в первую очередь остановиться на Новороссийском, Екатеринославском, Читинском и Красноярском. Нужно прежде всего отметить, что попытки изобразить возникновение провинциальных Советов, как следствие организации Петербургского Совета, не состоятельны. Петербургский Совет сыграл громадную роль, показывая рабочим наиболее удачную форму и организацию для борьбы. Но решительно во всех крупных центрах к октябрю — ноябрю уже существовали местные рабочие организации, фактически выполнявшие большую часть тех функций, которые взяли на себя Советы, после их формального возникновения.

Деятельность Новороссийского Совета была настолько энергична и решительна, что по справедливости доставила Новороссийску громкое название «Новороссийская республика». Совет в Новороссийске возник в конце октября. Исполнительный комитет Совета был выделен в первой половине декабря для непосредственного руководства движением в связи с декабрьским восстанием в Москве. В качестве своих задач Совет провозгласил:

«Проведение политической забастовки, организацию народного самоуправления, организацию народного выборного суда, организацию милиции, профессиональных и политических союзов, помощь безработным, борьбу с буржуазией и подготовку вооруженного восстания».

Почти все эти намеченные мероприятия Совету удалось провести. Новороссийский Совет под руководством революционных социал-демократов в наибольшей степени проводил директивы III съезда о соединении всеобщей по-

литической стачки с восстанием. Помимо большевиков в Совет входили и эсеры и беспартийные рабочие. Губернатор вынужден был оставить город, причем даже войска — Урюпинский казачий полк — отказались повиноваться чьим-либо распоряжениям, помимо распоряжений Совета. Совет объявлял и прекращал забастовки, закрывал царский суд, запрещал и разрешал выход газет, назначал от своего имени новые власти, распоряжался деньгами городской кассы для помощи безработным. В общем на протяжении ноября — декабря месяцев Совет был единственной властью в городе. Первое же воззвание Совета начиналось словами:

«Граждане! Рабочий класс города Новороссийска выдвинул из своей среды Совет Рабочих Депутатов для руководства окончательной борьбой с самодержавием за полную народную свободу... Готовьтесь, граждане, к последнему бою! Мы идем вперед и будем прокладывать себе путь всеми средствами, вплоть до вооруженного восстания» [1].

Еще решительнее высказался Совет в другом воззвании:

«Товарищи рабочие... Совет рабочих депутатов призывает вас немедленно запастись всякого рода оружием и особенно заняться приготовлением холодного оружия, как то: пик, ножей и пр. всеми имеющимися в ваших руках средствами» [2].

В «Известиях» от 31(18) декабря 1905 г. было напечатано постановление Совета «По вопросу об организации помощи нуждающемуся населению г. Новороссийска», в котором говорилось:

«а) Поручить члену Исполнительного Комитета СРД... настаивать на энергичном сборе прогрессивно-подоходного налога с имущих классов населения... Совет Рабочих Депутатов предписывает Исполнительному Комитету немедленно изыскать средства на вооружение делегатов и рабочих масс, поставить боевую дружину в полную боевую готовность» [3].

Лишь декабрьское поражение пролетариата в Москве и в других крупных промышленных центрах заставило Новороссийский Совет сложить оружие. 7 января 1906 г. (25 декабря 1905 г.) Новороссийский Совет Рабочих Депутатов должен был себя распустить, так как дальнейшая борьба делалась безнадежной. Новороссийская республика пала, но вся деятельность Совета, несомненно, делала Новороссийск тем центром, где наряду с Читой, Красноярском и другими городами мощь пролетариата 1905 г. нашла себе наиболее полное и наиболее организованное проявление, объясняющееся в первую очередь исключительно энергичной работой нашей партии.

Истоки Екатеринославского Совета Рабочих Депутатов следует искать еще в возникших после январских событий боевых стачечных организациях, образовавших «депутатское собрание рабочих города Екатеринослава». Баррикады октября дали новый толчок к оформлению этих рабочих организаций. В ноябре Совет Рабочих Депутатов Екатеринослава уже начинает функционировать. Выделяется исполнительная комиссия в составе четырех большевиков и трех меньшевиков. Первое время Советом руководили меньшевики. Но по мере приближения декабря, по мере роста боевого настроения среди рабочих руководство начало переходить к большевикам. «Боевой стачечный комитет» был выделен в начале декабря и составлен из Исполнительного Комитета, трех

[1] «1905 г.», «Советская печать и литература советов», стр. 238.
[2] Там же, стр. 290.
[3] Там же, стр. 235.

представителей провинциального бюро меньшевиков, двух бундовцев, двух эсеров, трех представителей железнодорожного союза и двух представителей союза почтово-телеграфных служащих. Комитет всецело подчинялся большевистскому руководству. Боевым стачечным комитетом предпринимался ряд мер для перевода декабрьской стачки в вооруженное восстание. В первом же своем бюллетене стачечный комитет постановил,

«что все лица, имеющие оружие, обязаны или вступить в самооборону и подчиняться всем распоряжениям начальника обороны, или же передать оружие в распоряжение самообороны» [1].

Советом завязывались связи также с рядом городов Екатеринославской губернии. Возникали Советы в Мариуполе, Александровске и т. д. Здесь также проводилась большая работа, добывалось оружие, организовывались дружины и т. п. Проделанная Советом боевая и организационная работа дала исключительно серьезные результаты в дальнейшем.

Особый интерес вызывает возникновение и деятельность Красноярского и Читинского Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Красноярский Совет вырос из стачечного железнодорожного комитета в октябре 1905 г. Председателем Совета сначала был избран Урицкий, затем А. Мельников (левый меньшевик). В Исполнительный Комитет входили большевики: К. Кузнецов, И. Воронцов, А. Рогов, Марченко, Феличкин, Аликин, Б. Шумяцкий; меньшевики: А. Мельников, М. Хейсин, А. Байкалов; эсеры-максималисты: М. Шумяцкий, А. Аргудяев, К. Старцеусов и прапорщик Кузьмин (толстовец). Параллельно этому Совету организовался и Совет Солдатских Депутатов. После 17 (4) декабря оба Совета слились в один, насчитывавший около 120 человек — 80 депутатов рабочих и 40 солдатских. С самого момента своего возникновения этот Совет становится подлинной властью. Прежде всего были смещены царские ставленники, распущена полиция и жандармерия Красноярска, Городская дума и Управа и т. д. Вместо них Советом были организованы секции, в том числе и секция управления губернией. Во главе этих секций стояли члены Советов. Совет располагал военной силой, имел милицию, боевые дружины и т. п. Органом Совета стала партийная газета «Красноярский рабочий». Замечательной чертой, которую следует отметить, характеризуя Красноярский Совет, явилось полное признание руководства революционной социал-демократией. Это находило свое отражение во всех действиях и резолюциях Красноярского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, санкционировавшихся и прорабатывавшихся, как правило, партийным комитетом.

Такой же характер носила деятельность Читинского Совета Депутатов. Здесь большевистское руководство было даже сильнее, чем в Красноярском Совете. Читинский Совет Рабочих и Солдатских, Казачьих Депутатов организовался так же, как и Красноярский, путем слияния Совета железнодорожных депутатов с депутатами войсковых частей. Немедленно же после своего образования в начале декабря Читинский Совет принял ряд решительных мер. Общественной собственностью были объявлены железные дороги, кабинетские земли, золотые прииски, почтово-телеграфное имущество и т. д. Так же

[1] «1905 г. «Советская печать и литература советов», стр. 266.

как в Красноярске, была распущена старая власть, сконструирован новый революционный аппарат и пр.

«Нигде в Сибири захват власти не зашел так далеко,— пишет Н. Баранский,— как именно в Чите. «Наши орлы» из железнодорожных мастерских в первые же дни октябрьской забастовки захватили наскоком оружие из арсенала в количестве нескольких сот винтовок и затем путем систематического собирания оружия от следовавших с Дальнего Востока эшелонов демобилизованной армии довели свои запасы чуть не до 40 тыс. ружей. Военный губернатор Холщевников оставался лишь призраком власти, публично на митингах рекомендовал гражданам социал-демократическую партию, предоставил в полное распоряжение нашего комитета областную типографию и беспрекословно предоставлял в распоряжение комитета по первому его требованию все, даже не перешедшие еще формально на нашу сторону, военные части, каждый раз, когда в них возникала нужда, например для охраны города от готовившегося погрома» [1].

В Ростове Совет организовался 20 (7) ноября:

«Совет Рабочих Депутатов от 20 фабрик, заводов и железнодорожных мастерских, провозгласивший свое основание 7 ноября с. г., в резолюции, принятой в тот же день, указывает всем товарищам рабочим на новое попирание их прав, имевшее место близ фабрики Асмолова, призывает их готовиться к решительному ответу на новые зверства. Он призывает их доказать, что они готовы грудью отстаивать свою свободу» [2].

После возникновения Совет выделил немедленно Исполнительный Комитет. Фактическим руководителем Совета был Донской комитет партии. Заседания устраивались Советом почти ежедневно. В то же время Ростовский Совет установил тесную связь с Батайской, Великокняжеской, Тихорецкой, Екатеринодарской и Новороссийской организациями. Быстро росли значение и сила Совета. Мало-по-малу Совет начал становиться настоящей властью в Ростове-на-Дону, Железнодорожный союз, бюро которого, наряду с Донским комитетом, влилось в исполнительную комиссию Совета, отдавал в его руки всю железнодорожную сеть Северного Кавказа. С каждым днем рабочая масса становилась все более нетерпеливой, требуя решительных революционных мер. Это в свою очередь немедленно сказалось и на руководстве. Меньшевики стушевались, и с начала декабря Совет начал говорить большевистским, революционным языком. 25 (12) декабря Совет принял резолюцию:

«Не поддаваясь на провокацию правительства, мы будем попрежнему готовиться к всероссийской забастовке, к вооруженному восстанию, будем укреплять нашу организацию» [3].

К тому моменту, когда восстание действительно назрело, руководство целиком перешло к большевикам. Во главе Совета стали: Макс Бутягин, Васильченко, Анатолий Сабин и Степан Войченков.

«... Фактически все руководство Советом принадлежало небольшой сплоченной группе руководителей местной партийной организации — ревкому, как бы мы сказали теперь. В необходимых случаях этот ревком, а зачастую отдельный член его, действовали от трех важнейших рабочих организаций—Совета Рабочих Депутатов, железнодорожного бюро и Донского комитета партии, сразу этими тремя именами подписывая все документы и воззвания. Представители организации с.-р. входили в Совет, но подпись их организации под этими документами и воззваниями не ставилась.

---

[1] Н. Баранский (Н. Большой), В рядах сибирского социал-демократического союза, Новониколаевск 1923 г., стр. 42.

[2] «Донская речь» № 263 от 9 ноября.

[3] Там же, № 287 от 4 декабря.

Значительное количество членов Совета были члены с.-д. партийной организации. Руководство Советом принадлежало организации совершенно безраздельно» [1].

Из других советов следует упомянуть о Таганрогском, которым руководила большевистская партийная организация. В Таганроге Совет возник из функционировавших еще в октябре стачечных комитетов металлургического, котельного и других заводов. Свою работу Совет начал 23 (10) декабря. Он объявлял забастовки и прекращал их, оказывая помощь безработным, издавал свой орган, располагал боевыми силами и т. д. Распоряжения Совета выполнялись администрацией железной дороги, почтово-телеграфной конторой и т. п. Лишь после ликвидации московского и ростовского вооруженных восстаний Совет закончил свое существование. В то же время Таганрогский Совет не использовал благоприятно складывавшейся обстановки. Следует заметить, что к декабрю 1905 г. Донецкий бассейн почти весь покрылся Советами. Помимо Екатеринославского, Ростовского и Таганрогского следует упомянуть о советах в Юзовке, Мариуполе и Луганске.

Из Советов центральной России необходимо остановиться на Костромском, возникшем в первой половине ноября. Здесь руководство безраздельно сосредоточилось в руках большевистского Костромского Комитета РСДРП. С момента возникновения и до 10 декабря (27 ноября), когда, собравшись уже нелегально, Совет себя распустил, он являлся зародышем власти в городе. Совет заставлял царский полицейско-бюрократический аппарат не только считаться, но и выполнять постановления Совета. В распоряжении Совета были внушительные силы в виде боевой дружины, Советом издавались свои «Известия» и т. д.

Интересны отдельные моменты работы Тверского Совета. Возникнув 3 ноября (21 октября), Тверской Совет провел большую работу по организации и сплочению рабочей массы. В декабре Совет попытался поднять вооруженное восстание. Были даже построены баррикады. Большевистское руководство придало четкость всем действиям Совета. (Председателем Совета был А. П. Смирнов.) Влияние социал-демократии было так велико, что Совет большинством 193 против 5 голосов принял следующую, крайне характерную резолюцию:

«Единственной истинной представительницей интересов всего угнетенного народа он (Совет. — *Ред.*) признает РСДРП и в своей дальнейшей борьбе будет следовать руководству именно этой партии» [2].

В Баку Совет возник 7 декабря (24 ноября) 1905 г. Инициатива образования Совета исходила от меньшевиков. Председателем Совета был избран Л. Шендриков [3]. С момента возникновения и до самого роспуска вся деятельность Совета протекала под лозунгом «привлечения сочувствия широких слоев общества освободительному движению» и отличалась худшими чертами хвостизма и «экономизма». Своими задачами Совет провозгласил улаживание конфликтов между рабочими и предпринимателями, попытки мирным путем добиться улучшения условий труда, повышения заработной платы и пр. Совет быстро

[1] «Пролетарская революция» № 12 (47) 1925 г. С. Гурвич, Ростовское вооруженное восстание 1905 г.

[2] «Новая жизнь» № 28 от 16 (3) декабря 1905 г.

[3] Братья Шендриковы вели в Баку работу в духе зубатовских полицейских организаций, имея тайные сношения с властями и предпринимателями.

зыродился в типичную трэд-юнионистскую организацию. Именно так ее и оце-нивала царская власть. Достаточно указать на то, что Бакинский Совет, про-существовав до конца января 1906 г., уже с 1 ноября (19 октября) устраивал свои заседания с разрешения властей, «Известия» его выходили вполне легально. Впоследствии было установлено, что братом председателя Совета И. Шендри-

ковым от охранника ген. Джунковского было получено за обещание направлять рабочее движение по экономическому руслу 30 тыс. руб.

Как далек был Совет от самой идеи вооруженного восстания, показывает принятый «проект организации Совета Рабочих Депутатов», в пункте 1-м которого говорилось:

«Совет Рабочих Депутатов является высшим законодательным учреждением заводско-промысловой жизни г. Баку». В пункте 2-м —

«Цель его — объединение интересов рабочих города Баку и руководство борьбой за их интересы в области экономической и политической».

Слово «политической», как видно из самого текста, является простым, лишенным какого-либо конкретного революционного содержания упоминанием.

Не менее характерны действия Одесского Совета Рабочих Депутатов, которым руководили меньшевики. Одесский Совет возник по инициативе объединенного комитета РСДРП большевиков и меньшевиков, комитета эсеров и «Бунда». Вся предварительная работа по организации Совета была проделана в ноябре 1905 г. Руководство меньшевиков в первую очередь ознаменовалось введением в Совет... кадетов: проф. Е. Н. Щепкина, проф. Н. К. Лысенко и др. На меньшевистском языке это называлось «единением всех «революционных» сил». Совет и в декабрьские дни ограничивался лишь оказанием помощи безработным, устной и печатной пропагандой и т. п. Первый номер «Известий» Совета Рабочих Депутатов Одессы появился 26 (13) декабря, т. е. в самый разгар восстания. Но даже и в нем нельзя встретить ни одного прямого призыва к вооруженному восстанию. 24 (11) декабря Совет все же объявил перед революционным напором рабочих масс всеобщую забастовку, закончившуюся 31 (18) декабря. Но и эта забастовка оказалась настолько плохо подготовленной, что, например, союз почтово-телеграфных служащих, начавший бастовать гораздо раньше, как раз 24 (11) декабря прекратил свою забастовку. Входившие в Совет кадеты сочли, естественно, данный момент наиболее подходящим для выхода из состава Совета. Особенно характерно воззвание, выпущенное Советом, объявившее забастовку:

«Товарищи, смело вперед, — заканчивалось оно. —

Вторая российская забастовка зовет вас. Мы идем ей навстречу. Товарищи, бросайте работу, расходитесь мирно и ждите указаний».

Что, кроме деморализации, могло внести в ряды рабочих такое воззвание? «Расходитесь мирно и ждите указаний». Как это характерно для всей оппортунистической тактики меньшевиков!

В северо-восточной части России существовали Советы: Вятский, а также Воткинского, Надеждинского и Мотовилихинского заводов. Особо следует отметить Екатеринбургский Совет, возникший в ноябре по призыву Екатеринбургского Комитета российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Однако о деятельности всех этих Советов сохранилось чрезвычайно мало материалов.

Сравнительно слабый отклик нашла выдвинутая рабочими центральной России «советская» форма борьбы на окраинах. Здесь эта форма не привилась. На западе России организовались Советы в Белостоке и Смоленске, а в

Прибалтийском крае — в Либаве и Ревеле. Эти Советы возникли поздно и не оставили по себе сколько-нибудь серьезных и заметных следов.

На Кавказе и в Польше, как правило, Советов не было вообще. Здесь все функции Советов выполнялись социалистическими организациями, главным образом социал-демократами или даже исключительно социал-демократами, как, например, на Кавказе. В Западном крае ту же роль выполняли объединенные организации социал-демократов. Влияние социал-демократических организаций решительно на все слои населения и авторитет, которым пользовались все социал-демократические решения, были исключительно велики:

«Как интересный образчик силы и влияния пролетариата приведу следующий факт. В промышленном городе Ченстохове наша организация (с.-д.) обложила всех предпринимателей, всю крупную и среднюю буржуазию регулярным налогом в пользу партии, и в течение всего года все крупные и средние буржуа платили этот налог беспрекословно» [1].

Еще значительнее было влияние социал-демократии на Кавказе. В Тифлисе, когда возникла угроза татаро-армянской резни, даже наместник был вынужден обратиться к социал-демократам с просьбой взять на себя охрану города. С 8 по 12 декабря (25—29 ноября) город охранялся вооруженными патрулями рабочих. Стоило только рабочим снять оборону, как дикие сцены резни, разгрома, пожаров в городе вспыхнули вновь.

Примерно то же произошло и в Баку. Социал-демократии 10 декабря (27 ноября) пришлось организовать 10-тысячную рабочую демонстрацию, для того чтобы предотвратить возможность погрома. Только одной демонстрации оказалось достаточно для того, чтобы заставить стушеваться погромщиков и хулиганов.

Декабрь надвигался. И, чувствуя приближение бури, рабочий класс все теснее смыкался вокруг выросших из его плоти и крови Советов. Декабрь надвигался, и все сильнее вырастало влияние и руководство большевиков:

«Там, где Советы действительно были боевыми революционными организациями, где они были аппаратами и организациями вооруженного восстания, там большевики стояли во главе Советов, там руководство находилось в руках большевиков. Так... происходило в Москве, так же дело шло в Екатеринославе и вообще в Донецком бассейне, так было во время вооруженного восстания в Ростове-на-Дону, Красноярске, Чите, Новороссийске, так было везде, где преобладали большевики, где была инициатива в их руках» [2].

Либеральные маклеры стали лихорадочно торопиться, понимая, что движение все разрастается и грозит вконец разрушить все их сделки и соглашения с царизмом. 19 (6) ноября в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей. Этот съезд окончательно снял «оппозиционную» маску с лица контрреволюционной буржуазии. На съезде произносились панические речи об анархии, о пугачевщине, о предстоящем хаосе. Исход дебатов был предрешен. Съезд принял резолюцию, отмечавшую, что

«министерство может рассчитывать на содействие и поддержку широких слоев земских и городских деятелей, поскольку оно будет проводить конституционное начало манифеста правильно и последовательно».

---

[1] С. Пестковский, Борьба партии в рабочем движении в Польше в 1905—1907 гг., «Пролетарская революция», 1922 г., кн. 11, стр. 45—46.

[2] «1905 г.», III, вып. I, «Революционное движение национальностей и окраин»; В. Невский, Советы в 1905 г., стр. 72.

Таким образом прогноз большевиков подтвердился полностью ходом событий, и нужно было все оппортунистическое бесстыдство меньшевиков, чтобы явное доказательство предательства буржуазии попытаться охарактеризовать как «революционный шаг» с ее стороны:

«Съезд, — писал Череванин, — выбрал затем депутацию для передачи резолюции Витте. Это было нелепым и унизительным поступком, но на самой резолюции веяло несомненно дыхание революции. И социал-демократия, казалось бы, не имела никаких оснований отнестись к этой резолюции враждебно» [1].

В то же время меньшевики проглядели другой съезд, открывшийся того же 19 (6) ноября в той же Москве, — съезд всероссийского крестьянского союза.

Крестьянский съезд, собравшийся в Москве, вынес ряд действительно революционных решений, целиком смыкаясь на данном этапе революции с пролетариатом. Надо отметить, что влияние крестьянского союза и руководство с его стороны все возраставшим аграрным движением было далеко недостаточно. Но самый факт подлинной революционности крестьянского движения был несомненен, и постановления, вынесенные представителями крестьянства, тем ярче иллюстрировали позицию либералов и меньшевиков.

Совершенно иную оценку нашел либеральный съезд у большевиков. В статье «Революционная канцелярщина и революционное дело» Ленин писал:

«Долой мишурные облачения! Довольно с нас лживых либеральных фраз! Пора размежеваться. Направо — самодержавие и либеральная буржуазия, которых сплотило фактически то, что они не хотят передачи Учредительному собранию всей власти единой, полной и нераздельной. Налево — социалистический пролетариат и революционное крестьянство или, шире, вся революционная буржуазная демократия. Они хотят полноты власти для Учредительного собрания. Они могут и должны заключить для этой цели боевой союз, не сливаясь, конечно, друг с другом. Им нужны не бумажные проекты, а боевые меры, не организация канцелярской работы, а организация победоносной борьбы за свободу» [2].

В ноябре отмечается некоторый перелом в настроении армии. Громадную роль в этом отношении, несомненно, имело выступление Петербургского Совета в защиту кронштадтцев. Первым откликом в середине ноября на это выступление Совета явились волнения электротехнической роты в Петербурге. Рота выставила ряд требований, однако волнения были быстро подавлены и часть солдат арестована. Эти волнения совпали с происходившей с 28 (15) ноября всероссийской почтово-телеграфной забастовкой, деятельная поддержка которой была также оказана Петербургским Советом Рабочих Депутатов.

Исключительной важности события разыгрались в Севастополе. Уже потемкинское восстание ясно показало, какие революционные возможности таятся в черноморском флоте. К ноябрю месяцу в Севастополе создалась достаточно благоприятная революционная обстановка. На военных митингах, которые устраивались в Севастополе почти непрерывно, участвовали тысячи рабочих и военных. Настроение матросов и солдат делалось все более и более революционным.

Ближайшим поводом к восстанию послужил следующий инцидент: матрос Петров в строю двумя выстрелами убил подполковника Брестского полка

---

[1] «Борьба общественных сил в русской революции», М. 1907 г., вып. II, стр. 62.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 404.

Штейна и ранил контр-адмирала Писаревского. Петров был арестован. Матросы потребовали его освобождения. Восстание, вспыхнувшее на этой почве, планомерно разрасталось, и через несколько часов охватило весь порт. В движение были вовлечены солдаты Брестского полка и саперы. Белостокцы, пограничная стража и крепостная артиллерия обещали не стрелять и не принимать участия в подавлении восстания. Восставшими сейчас же были выбраны революционные командиры: Петров, Фролов и Барышев. В первую же ночь к восстанию примкнуло 2 тыс. матросов. Утром восстание охватило почти весь флот, и над рядом судов, над «Пантелеймоном» (б. «Потемкин»), «Очаковым» и другими взвились красные флаги. Командиром революционного флота был выбран лейтенант П. П. Шмидт. 26 (13) ноября состоялось совещание депутатов «Очакова», «Пантелеймона» и других судов, выработавших общий план восстания.

Однако с самого же начала восставшими был сделан ряд крупных ошибок. Для успешной борьбы необходимо было выполнить две задачи: во-первых, вооружить «Пантелеймон», во-вторых, завледеть минным заградителем «Буг». Имея «Буг» около себя, «Очаков» был бы гарантирован от обстрела. Ни того, ни другого не было сделано. Больше того. На «Пантелеймоне» не успели даже приладить к орудиям ударники и замки, и революционные матросы, естественно, оказались совершенно беспомощными, когда началась стрельба. Шмидт вообще был противником всякого вооруженного конфликта, надеялся больше на средства убеждения и своим идеалом считал достижение «всеобщего равенства» и «народного представительства от всех классов общества».

Между тем правительство не дремало. На Историческом бульваре были расставлены пулеметы. Брестский полк был разложен черносотенной пропагандой, приведен к присяге и принял участие в подавлении восстания. Стягивались карательные войска из Симферополя, Одессы и Феодосии.

28 (15) ноября правительство почувствовало себя готовым к подавлению восстания. Наступление на восставших началось со всех сторон. Техническая и военная неподготовленность восстания сказалась очень быстро. Дольше всех держались береговые матросские экипажи, но и они, наконец, вынуждены были сдаться. К 6 часам утра началась расправа. Сотни матросов были расстреляны на месте. В плен было взято более 2 тыс. человек. Лейтенант Шмидт, кондуктор Частник, машинист Гладков и комендор Антоненко 19 (6) марта 1906 г. были расстреляны на острове Березани. Свыше 325 матросов и солдат были отданы под суд и присуждены к ряду суровых наказаний, вплоть до бессрочной каторги.

Но даже эта зверская расправа не ослабила брожения в армии. 31 (17) ноября произошло восстание сапер в Киеве. Часть артиллеристов присоединилась к саперам. Лишь после боя солдатам Луцкого полка удалось подавить движение, причем десятки раненых и убитых остались на месте.

6 декабря (23 ноября) в Харькове происходила грандиозная демонстрация, во главе с Богодуховским и Лебединским полками.

В Екатеринодаре 3 декабря (20 ноября) войска объявили забастовку, офицеры были удалены из казарм, был выбран собственный командный состав, солдаты захватили арсенал. Та же картина наблюдалась и в Пятигорске. В Ташкенте, для того чтобы подавить восстание, пришлось путем провокации

проникнуть в крепость. Убито и ранено было около ста человек. На протяжении ноября месяца отмечались волнения и восстания среди войск в Ломже, Ростове Ярославском, Сухуме, Воронеже, Пскове, Курске, Тифлисе, Риге, Ставрополе, Новороссийске, Петербурге, Москве, Бобруйске и в ряде других городов. Армия начинала смыкаться с революционным пролетариатом. Даже меньшевики начинали понимать, что самодержавие вступило в самый опасный период своего существования. Страна быстрыми шагами шла к вооруженному восстанию.

Опыт Советов 1905 г. имел огромное значение для развития большевизма в последующий период. В целом ряде статей Ленин останавливался на оценке Советов.

«Их возникновение,— писал Ленин в статье «Сердитая растерянность»,— только тогда было не комедией, а подвигом пролетариата, когда нарастало восстание» [1].

А пункт 4 тактической платформы большевиков к Объединительному съезду говорит о Советах, что

«такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т. е. не превращаясь во временные революционные правительства), неизбежно осуждены на падение; поэтому вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должно быть рассматриваемо как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент» [2].

Вместе с тем уже в 1905 г. Ленин видел в Советах некоторые черты нового типа государственной власти, нового типа демократизма, государственной власти типа Парижской Коммуны [3]. Устанавливая признаки советов, Ленин излагает ряд положений, которые он через 12 лет развил в своей книге «Государство и революция».

Советы 1905 г. были диктатурой, они были властью, опиравшейся непосредственно на силу.

«Но сила, на которую опиралась и стремилась опираться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних установившихся учреждений... На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Все эти органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры над народом от диктатуры революционного народа» [4].

Эта диктатура над меньшинством есть в то же время невиданная полная демократия для рабочих и крестьян — для подавляющего большинства народа.

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 151.

[2] Ленин, Соч., т. IX, стр. 45.

[3] Как известно ненаписанная глава VII брошюры Ленина «Государство и революция» должна была быть посвящена опыту русских революций 1905 и 1917 гг. Причем в сохранившемся начале этой главы Ленин пишет об уроках опыта, касающихся «непосредственно задач пролетариата в революции по отношению к государственной власти» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 454).

[4] Ленин, Соч., т. IX, стр. 117.

СУД НАД УЧАСТНИКАМИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

/ПО ТРЕМ ПРОЦЕССАМ/

ЧАСТНИК. МОИШЕЕВ И ПЯТКИ В ТЮРЬМЕ

П.ШМИДТ.

ШМИДТА ВЕДУТ НА ГАУПТВАХТУ

МАТРОСЫ ОЧАКОВЦЫ В ТЮРЬМЕ С ГЛАДКОВЫМ И ЧАСТНИКОМ

...С НАМИ РУССКИЙ НАРОД, ВЕСЬ, ВСЕЮ СВОЕЮ СТОМИЛЛИОННОЮ ГРОМАДОЮ. ОН, ИСТОЩЕННЫЙ И ИЗНЕМОГАЮЩИЙ, ГОЛОДНЫЙ, ИЗРУБЦОВАННЫЙ КАЗАЦКИМИ НАГАЙКАМИ. ОН, ЭТОТ НАРОД С ЗАСЕЧЕННЫМИ СТАРИКАМИ И ДЕТСКИМИ ТРУПАМИ, КАК СТРАШНЫЙ ПРИЗРАК, НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ ПРОСТИРАЛ КО МНЕ РУКИ И ЗВАЛ...

...НЕ ГОРСТЬ МАТРОСОВ И НЕ ГРАЖДАНИН ШМИДТ ПЕРЕД ВАМИ, ПЕРЕД ВАМИ ЗДЕСЬ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ ВСЯ СТОМИЛЛИОННАЯ РОССИЯ, ЕЙ ВЫ ВЫНЕСЕТЕ СВОЙ ПРИГОВОР.

ИЗ РЕЧИ ШМИДТА НА СУДЕ.

ПЕРЕПРАВКА ШМИДТА И МАТРОСОВ НА ПЛАВ.ТЮРЬМУ „ПРУТ"

ПО СУДУ НАД ОЧАКОВЦАМИ приговорены:

К РАССТРЕЛУ 4 ЧЕЛ.

КАТОРГЕ 17 „ „ ИЗ НИХ:

БЕССРОЧНОЙ	2 ЧЕЛ.	НА 10 ЛЕТ	3 ЧЕЛ.
НА 20 ЛЕТ	4 „	НА 7 „	3 „
НА 15 „	2 „	НА 4 „	2 „
НА 12 „	1 „		

АРЕСТАНТСКИЕ РОТЫ 9 ЧЕЛ.

ОПРАВДАНО 11 ЧЕЛ.

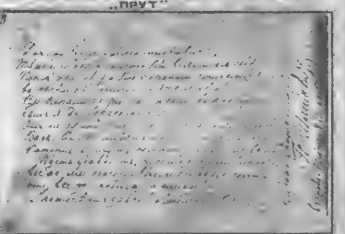
ПРИГОВОРЕНЫ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ И КАЗНЕНЫ:

ЛЕЙТЕНАНТ П.П.ШМИДТ

КОМЕНДОР НИКИТА АНТОНЕНКО

КОНДУКТОР/старш. баталия/ С.ЧАСТНИК /С.-Д./

МАТРОС МАШИН. ОТДЕЛЕНИЯ АЛЕКС. ГЛАДКОВ /С.-Д./



ИЗ ПИСЬМА ЗАЩИТНИКУ П.ШМИДТА

КАРНАУХОВ

ГЕНКИН ВОРОНИЦЫН

МАТРОСЫ ОЧАКОВЦЫ В ТЮРЬМЕ С АНТОНЕНКО

ОСТРОВ БЕРЕЗАНЬ, МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ И КАЗНИ ШМИДТА

ЗАЩИТНИКИ ПО ДЕЛУ П.ШМИДТА

„ТОВАРИЩИ! ДЛЯ НАС ЦАРСКИЙ СУД НЕСТРАШЕН И К НЕМУ МЫ ПРИГОТОВИЛИСЬ. ГЛУБОКО ВЕРЯ, ЧТО „ПАЛАЧИ" ДЛЯ НАС БУДУТ БЕСПОЩАДНЫ, УБЬЮТ НАШЕ ТЕЛО, НО ТА ПРАВДА, ЗА КОТОРУЮ ПРОЛИТО МОРЕ СВЯТОЙ НЕЛЬВИННОЙ БРАТСКОЙ КРОВИ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ, А ОЧЕСТЬ В НЕЙ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ И СТРАДАЛЕЦ — ТРУДОВОЙ НАРОД."

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ МАТРОСОВ И СОЛДАТ СЕВАСТОПОЛЯ, ПОДПИСАН, 11 августа 1906 года.

ЦИОМА-ЦИОНИЯ

ПРИГОВОРЕНЫ К СМЕРТН. КАЗНИ

ЗИМИН
КАССАСИМОВ
КУДЫМОВСКИЙ
РЫБАЛКА
КАНТОРОВИЧ
ЦИОМА
БАРЫШЕВ

КАЗНЬ ЗАМЕНЕНА БЕССРОЧН. КАТОРГОЙ

ПО СУДУ НАД ВОССТАВШИМИ МОРСКИМИ И СУХОПУТНЫМИ КОМАНДАМИ ПРИГОВОРЕНЫ 15 ИЮЛЯ И 13 НОЯБРЯ 1906 года.:

/ПО СОСТАВУ/			
МАТРОСОВ	180	ПОВЕШЕНО	2 чел.
СОЛДАТ САПЕРНОЙ РОТЫ	127	РАССТРЕЛЯНО	5 „
„ „ БРЕСТСКОГО ПОЛКА	24	БЕССРОЧН. КАТОРГА	4 „
„ „ ЗАП. БАТАЛЬОНА	2	КАТОРГА от 1½ до 20 лет	80 „
„ „ СЕВАСТ. КРЕП. АРТ.	5	ССЫЛКА НА ПОСЕЛЕН. И АРЕСТАНТСК. РОТЫ	220 „
ШТАТСКИХ	21	ТЮРЬМЕ	2 „
		ОПРАВДАНО	46 „
ВСЕГО	359 чел.	ВСЕГО	359 чел.

«Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти, ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек. Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников. Ты наш товарищ. Выбирай своего депутата. Сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего Совета рабочих депутатов и пр. и т. п. Это — власть открытая для всех, делающих все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган массы и ее воли».

г) ПАРТИЯ НА ПУТЯХ ЕЕ РЕОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В «ДНИ СВОБОДЫ».

Руководящая роль социал-демократии в октябрьские и послеоктябрьские дни, распространение ее лозунгов среди широких слоев пролетариата и совершенно исключительная популярность их в массах были вне сомнения.

«Весной 1905 года, — писал Ленин, — наша партия была союзом подпольных кружков, осенью она стала партией миллионов пролетариата... Десятилетия медленной, упорной, невидной и нешумной работы подготовили и обеспечили такой результат»[1].

Либеральная буржуазия притаилась, перестраивая свой фронт. Митинги и собрания, как правило, открывались представителями социал-демократических организаций. Постоянные посетители митингов знали в лицо всех партийных ораторов, да и выступали социал-демократические ораторы на митингах обычно открыто от лица партии. В высших учебных заведениях Москвы и Петербурга аудитории были распределены между революционными партиями и организациями —

«Университет, Высшее техническое училище стали достоянием улицы. Митинги в аудиториях и на дворах около аудиторий почти не прекращались с утра до поздней ночи. Московский Комитет незаметно для себя полулегализовался в здании Технического училища и в общежитии напротив него» [2].

После манифеста 30 (17) октября центр тяжести социал-демократической агитации начал переноситься из вузов, с их довольно пестрой аудиторией, в рабочие кварталы. Сами рабочие все чаще и чаще подымали вопрос о перенесении митингов на заводы. Все больше и больше выявлялась необходимость построения новой системы всей партийной работы и партийных организаций, применительно к новым условиям, в связи с возможностью гораздо большей легализации работы. Еще в феврале Ленин в своей статье «Новые задачи и новые силы» поставил вопрос о реорганизации партии. Кое-что в этом отношении уже делалось в летние месяцы.

В течение лета развернулись районные, а в крупных городах и подрайонные комитеты, на фабриках и заводах были построены заводские партийные комитеты. Таким путем достигалось более успешное привлечение к руководящей партийной работе широких слоев партийных рабочих. Меньшевистская спекуляция лозунгом демократизации в условиях полицейского режима само-

[1] Ленин., Соч., т. XII, стр. 301.

[2] Н. Н. Мандельштам — статья в сборнике «5-й год», изд. «Московский рабочий».

державий, опасения, что меньшевики используют новые формы построения партийных организаций для отвлечения рабочих от революционного пути — мешали кое-где проводить перестройку организаций более решительно. И действительно последствия меньшевистской «демократизации» в некоторых местах скоро дали себя почувствовать. Вот что рассказывал об этом, например, меньшевик Краснуха — председатель Николаевского совета, в своем письме, написанном в ноябре 1905 года:

«Мне пришлось, наконец, что называется, окунуться в нашу меньшевистскую организацию и на деле убедиться, какой неоплатной ценой окупается наша способность распространяться вширь; с этой идеей мы, т. е. меньшевики, ведь всегда носились (с идеей превратить массу в партию); а теперь я собственными глазами вижу и, так сказать, на собственной шкуре испытываю прелесть этого безграничного расширения вширь. Наша Николаевская организация — это расползающийся во все стороны кисель... Это какие-то анархисты, не желающие слышать слово «дисциплина» [1].

Не представляла ли перестройка партии действительной опасности растворения партии в массе? Большая легальность, выборность, расширение партии — не могло ли все это наводнить партию несоциал-демократическими элементами, привести к понижению уровня социал-демократической сознательности и боеспособности партии? Ленин ставил этот вопрос (статья «О реорганизации партии»), — и отвечал на него в том смысле, что эта опасность действительно серьезно угрожала бы партии, е с л и б ы налицо была наклонность к демагогии,

«если бы основы партийности (программа, тактические правила, организационный опыт) отсутствовали совсем или были слабы и шатки».

Но у нас, б о л ь ш е в и к о в — подчеркивал Ленин — как раз этого «если бы» нет.

«Среди нас, большевиков, не только не было наклонности к демагогии, а напротив, мы все время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии, требовали сознательности от входящих в партию, настаивали на гигантском значении преемственности в деле партийного развития, проповедывали дисциплину и воспитание в с е х членов партии в одной из партийных организаций».

Наконец, имеется старый конспиративный аппарат —

«признание и утверждение его рабочими социал-демократами несомненно: оно доказано жизнью и ходом революции во сто раз внушительнее, чем могли бы доказать это решения и постановления» [2].

А раз так — «не стройте воображаемых ужасов, товарищи», — призывал Ленин.

Конкретно вопрос о реорганизации партии поставлен был в «Пролетарии» № 24, в заметке «Задачи реорганизации нашей партии», в которой говорилось:

«Манифест 17-го октября, паралич правительственной власти по всей России, полная капитуляция царизма перед финляндской революцией, и затем последняя, отчаянная борьба за сохранение и упрочение всех революционных свобод, — все это выдвигает перед нашей партией неотложную задачу новой организационной постановки дела. Надо немедленно принять все меры к тому, чтобы партия на другой день после завоевания свободы союзов, печати

[1] «Летопись революции» № 5—6 за 1925 г. М., Гус. «1905 г. на Николаевщине», стр. 257.
[2] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 374—376.

и т. д. выступила, как открытая партия. Не нам, конечно, давать отсюда из-за границы какие-либо практические указания. Мы намерены лишь выдвинуть вопрос о том направлении, в котором должна итти наша организационная работа при новых условиях... Для окончательного установления РСДРП на новых началах надо будет ускорить созыв в России IV съезда партии и начать готовить его таким образом, чтобы наряду с делегатами комитетов партии и на равных правах с этими делегатами представлены были делегаты в с е х организаций, входящих в партию, считая по одному делегату на определенное число (скажем, сто или двести) членов партийной организации.

Перед нами открывается теперь, в самом близком, вероятно, будущем, новое и обширнейшее поле работы. Укрепить партию, оживить и обновить ее, проникнуть рабочий класс духом строгой партийности, выступить со всей энергией против буржуазно-демократических, «беспартийных» стремлений, — такова одна из настоятельнейших задач момента».

К этому редакция «Пролетария» от себя добавляла:

«Вполне разделяя общую точку зрения автора на направление предстоящей реорганизации партии, мы думаем, тем не менее, что без новой решительной борьбы осуществление этой реорганизации немыслимо. Во всяком случае настойчиво советуем конспиративного аппарата партии никоим образом не ослаблять, не говоря уже об его уничтожении».

В течение ноября на местах практически осуществлялась перестройка партийных организаций и партийной работы. Партийные организации жили в это время чрезвычайно интенсивной жизнью. Ряды партии быстро расширялись, втягивая сотни и тысячи рабочих. Вербовка в партию новых членов происходила открыто на общих рабочих собраниях, в клубах и т. п. Всюду происходили — впервые в России — общие партийные собрания, — широкие собрания «партактива», как сказали бы мы сейчас, — собрания членов заводских или цеховых организаций партии, районных и подрайонных организаций, членов периферийных организаций и т. п. Кое-где созывались уже и партийные конференции. Организовывались новые социал-демократические группы в самых разнообразных формах: в масштабе завода, цеха, или по профессии, иногда при профсоюзах, в вузах и т. п. Проводилось в жизнь выборное начало при избрании комитетов и других партийных органов. Однако в большинстве случаев рядом с новым, выборным, открытым аппаратом партии, сохранялся и старый подпольный конспиративный аппарат. Кое-где, правда, этот подпольный аппарат, за время относительной легализации основательно расшатался — это обычно было там, где сильны были меньшевики или примиренцы. Примером мог служить Петербург, где навыки легальной работы настолько вошли в жизнь, что многие партийные работники стали совершенно забывать о прежних условиях подпольной работы, или Одесса, где настолько «увлеклись» легальностью, что повесили даже вывеску с надписью «Одесский Комитет РСДРП». Там же, где большевики были сильны, нелегальный аппарат оставался в общем и целом достаточно прочным, что и дало возможность партии почти бесперебойно продолжать работу и после того, как на нее обрушились удары реакции.

Всюду возникали социал-демократические партийные клубы—обычно в специально нанятых квартирах, где происходили занятия всякого рода кружков, беседы, заседания комитетов и другая внутрипартийная работа. Проявлено было небывалое богатство и разнообразие форм агитации. Вместо старых кружков и массовок от случая к случаю — планомерно организовывались си-

стематические митинги, диспуты, лекции с заранее опубликованными в газетах темами. Создавались пропагандистские кружки различных ступеней и с самыми разнообразными программами, включая и специальные ораторские школы. Социал-демократические организации завладевали народными домами и большими лекционными залами; всесторонне, публично перед тысячными собраниями популяризировались основы программы и тактики партии. Трудно перечесть все то богатство форм и методов социал-демократической работы, которые, как по мановению руки, возникали сейчас же, как только ослабевал гнет полицейщины и представлялась хоть маленькая возможность выглянуть из подполья на вольный воздух.

«Наша партия застоялась в подполье, — писал Ленин. — Она задыхалась в нем в последние годы... Подполье рушится. Смелей же вперед, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих — социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами. Пусть их делегаты оживят ряды наших центров, пусть вольется через них свежий дух молодой революционной России» [1].

Примером того, как перестраивалась партия, может служить общая картина партийной жизни в наиболее крупных социал-демократических организациях в эти, так называемые, «дни свободы».

Петербургский комитет принял постановление о перестройке всей партийной организации по признаку выборности всех учреждений от низу до верху. Недостатком этого постановления было то, что в нем ни слова не говорилось о сохранении конспиративного аппарата, не была в достаточной степени четко проведена линия сохранения партийной преемственности. Однако районы тотчас же внесли свои поправки в план Петербургского Комитета. Вот, например, как ставил вопрос Семянниковский подрайонный комитет:

«Признавая в принципе реорганизацию партии сверху донизу на выборном начале и создание новых форм организации, подрайонный комитет не считает возможным сразу разрушить старые организационные основания, созданные предыдущей конспиративной системой» [2].

В течение ноября в районных и подрайонных комитетах и на широких собраниях заводских организаций шло обсуждение конкретных задач реорганизации партии и всюду делались конкретные шаги к осуществлению выборного начала.

Коллегия агитаторов при Петербургском Комитете к этому времени разрослась до 60 человек; при районах и подрайонах были свои коллегии агитаторов. Районные комитеты уделяли большое внимание постановке агитации; происходили регулярные собрания районных агитаторских коллегий, причем усиленно ставился вопрос об углублении агитации. Ответственный агитатор Петербургского Комитета обходил митинги, следил за тем, верно ли агитаторы проводили партийную тактику. 24 (11) ноября агитаторская коллегия Выборгского района констатировала, что в октябрьские дни агитация была иногда поверхностной. Здесь же был выработан ряд мер к углублению агитации. В этот план, между прочим, входило: изучение индивидуальной

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 375.

[2] «Новая жизнь», № 19, 6 декабря (23 ноября) 1905 г.

физиономии каждого завода; образование специального кружка для агитаторов — рабочих; выработка примерного плана речей по трем наиболее злободневным темам: 1) борьба за восьмичасовой рабочий день и закрытие заводов, 2) о крестьянском съезде и 3) о съезде земских и городских деятелей. Коллегия агитаторов Невского района, задавшись целью привлечь все агитаторские силы из рабочих, организовала специальные занятия с рабочими агитаторами по разработке отдельных речей, технике агитаторской работы и т. п.

В Петербурге работал целый ряд клубов с расписанием лекций и других выступлений как большевистских, так и меньшевистских. Нужно заметить, что в Петербурге, еще до объединения, в районах, на низовой работе, большевики и меньшевики часто совместно проводили массовки и собрания. В одних и тех же кружках сплошь и рядом были и большевики и меньшевики. Об этом свидетельствует целый ряд товарищей, работавших тогда в Петербурге.

Партийная печать и техника осенью 1905 г. в Петербурге были в сравнительно хорошем состоянии.

Каково было строение низовых партийных организаций в это время, наглядный пример дает следующий отчет о собрании Петербургского районного комитета, напечатанный в № 7 «Новой жизни»:

«В воскресенье, 30 октября, — сообщает «Новая жизнь», — большевистский районный комитет Петербургского района (Петербургской стороны) обсуждал вопрос о перестройке партийной организации в районе. На собрании районного комитета присутствовало 15 человек: 7 интеллигентов и 8 рабочих. После двухчасового обсуждения этого вопроса собрание единогласно приняло следующие нормы: основу партийной организации образуют заводские и фабричные социал-демократические группы; членами группы считаются лица, признающие партийную программу; признающие для себя обязательным подчинение решениям организации и периодически уплачивающие известный членский взнос на нужды партии (размеры взноса определяются самой группой); для того, чтобы стать членом группы, необходимо заручиться рекомендацией двух членов ее и согласием большинства. Заводские и фабричные группы выбирают: а) из своей среды заводской или фабричный комитет, б) представителя или представителей в районный комитет; представителем группы в районном комитете может быть и не член данной группы. Правом выбора своего представителя в районный комитет пользуются лишь те группы, число членов которых достигло десяти; каждый следующий полный десяток имеет право на выбор второго, третьего и т. д. представителя; группы, численность которых не достигает 10 человек, соединяются по несколько в одну группу для выбора своих представителей в районный комитет. Коллегия агитаторов и пропагандистов выбирает своего представителя в районный комитет на тех же основаниях, что и заводские и фабричные группы. Представители заводских и фабричных групп и коллегии агитаторов и пропагандистов образуют районный комитет. Районный комитет пользуется правом кооптации; районный комитет распределяет роли ответственного пропагандиста, ответственного агитатора, организаторов подрайонов и секретаря между своими членами».

О строении Петербургской организации в целом А. Суздалев в своих воспоминаниях рассказывает следующее:

«Партийная организация в С.-Петербурге в конце 1905 года, как видно из устава С.-Петербургской группы (меньшевистской.—*Ред.*), помеченного ноябрем месяцем, и устава С.-Петербургского комитета (большевистского.—*Ред.*) была следующая. Она распадалась на районные и подрайонные союзы, причем районных союзов было шесть. Во главе этих союзов стояли комитеты. Районный комитет выбирался районным союзом, а подрайонный — подрайонным союзом. Все районные комитеты составляли общегородской комитет, который организовал всю работу в С.-Петербурге и руководил ею. В состав последнего входили ответствен-

ный пропагандист и агитатор, через посредство которых комитет организовал коллегию ответственных районных пропагандистов и агитаторов» [1]

В общем Петербургская организация осенью 1905 года была мощной, богатой силами, хорошо связанной с массами организацией и развернула свою работу чрезвычайно широко. Наиболее крупными ее недостатками в это время было недостаточно четкое размежевание с меньшевиками, значительное влияние меньшевиков на общую работу, а также недостаточно широкая постановка боевой и военной работы.

«Для объединения практической деятельности всей социал-демократии — большевиков и меньшевиков — в конце октября в Петербурге был создан «Федеративный Совет». В извещении, напечатанном в «Пролетарии» № 25, задачи «Федеративного Совета» определялись так:

«Великая российская революция близится к победе. Наступающие решительные события требуют особенной сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит, главным образом, исход революции. Полная победа революции может быть тогда, и только тогда, если во главе ее будет итти пролетариат, который сумеет повести за собой до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику. В интересах сплоченности и организованности рабочего класса, а значит в интересах наиболее полного успеха революции, Петербургский Комитет и Петербургская группа Российской социал-демократической рабочей партии решили, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий, образовать Федеративный Объединенный Совет для совместного руководства политическими выступлениями петербургского пролетариата в предстоящих событиях. В задачи этого Федеративного Совета будет входить объединение и планомерное регулирование устной и литературной агитации и всех публичных выступлений пролетариата, равно как и сношения по техническим боевым вопросам со всеми остальными революционными организациями Петербурга. В состав Федеративного Совета, кроме представителей Петербургского Комитета и Петербургской группы, входят представители Центрального Комитета и Организационной комиссии».

По образцу Петербургского Федеративного Совета образовывались федеративные советы и комитеты и в других более или менее крупных рабочих центрах.

В Москве после октября наблюдалась огромная тяга рабочих в партию. Целые фабрики страшились записываться в партию. Еще летом членские взносы составляли в бюджете Московского Комитета ничтожную величину; Московский Комитет жил почти целиком на средства, получаемые от сборов среди либеральной интеллигенции. А осенью, хотя эти сборы совершенно прекратились, бюджет Московской организации вырос в несколько раз, дошел до нескольких тысяч рублей в месяц и составлялся исключительно из рабочих взносов. Как только представилась некоторая возможность легальной работы, в Москве стал проводиться постепенно принцип демократического централизма. Сначала в Московском Комитете принято было три рабочих из периферии, позже стали переходить к выборности. Затем некоторые районные комитеты стали выбираться на конференциях.

Меньшевики сколько-нибудь значительного веса в Москве не имели. Поэтому не сразу понятно, почему Московский Комитет пошел на образова-

[1] А. Суздалев, Из истории Петербургской организации РСДРП в 1905 г., «Красная летопись» 3(18), 1926, стр. 105.

ние федеративного комитета на равных паритетных началах с меньшевиками. Васильев-Южин объясняет это отчасти необходимостью обеспечить отпор эсерам, влияние которых в армии, среди железнодорожников, а отчасти и текстильных рабочих, было в октябре значительным. За все время существования федеративного комитета больших трений с меньшевиками не было.

«Большевики всегда являлись с готовыми проектами, всегда знали, чего хотели. Уступчивость меньшевиков объяснялась их малым удельным весом в Москве, на объединении они стремились нажить политический капитал. Линия федеративного комитета была в Москве линией большевиков» [1].

Наглядное представление о построении Московской организации дает следующая выдержка из корреспонденции в «Пролетарий» № 22:

«В организационном отношении город разделен на шесть районов: Рогожский, Городской, Замоскворецкий, Бутырский, Сокольнический и Железнодорожный союз; бывший Пресненский район теперь присоединен частью к Замоскворецкому, частью к Городскому. По количеству организованных рабочих и связей первое место занимает Замоскворецкий район, второе — Рогожский. Этот последний разросся быстро до такой степени, что на еженедельных массовках бывало до 300 чел. Во главе районов стоят районные комитеты, организованные по следующему типу. Представителем Московского Комитета является организатор; он имеет от 3 до 7 помощников, которые все входят в районный комитет; далее в него входят пропагандист и секретарь (заведует денежной отчетностью, контролем над районной техникой и ведением протоколов). Районные комитеты собираются еженедельно в определенные дни; районными организаторами являются обыкновенно интеллигенты, а их помощниками — рабочие. Заведывание пропагандой в каждом районе находится в руках особой коллегии, руководимой районным пропагандистом; в коллегии же районных пропагандистов, руководимой ответственным пропагандистом Московского Комитета, вырабатывается общая постановка дела во всей организации... При районных комитетах в качестве совещательных органов состоят районные собрания; в них входят от одного до двух представителей от каждого из тех промышленных предприятий, с которыми имеются связи. На этих собраниях районные комитеты получают полную возможность осведомления о назревающих нуждах района; здесь же обсуждаются темы для массовок и летучек, вопрос об организации боевых дружин и т. п. Далее идут заводские комитеты, которые состоят из ответственных лиц по каждому предприятию, распространителей листков, заведующего нелегальной библиотекой, устроителя кружков, заведующего привлечением слушателей на массовки и кассира. Таких заводских комитетов к концу лета насчитывалось до 40».

Широко развернулась работа партийной организации осенью в Самаре; деятельность ее стала почти легальной. Влияние организации было весьма значительно. Открытые митинги, которые устраивались в Народном доме, как правило, 2 раза в неделю стали обычным явлением. Собрания эти отличались особой многолюдностью; на них собирался не только рабочий люд Самары, но и крестьяне из окрестных деревень, солдаты, а иногда и офицеры. Тов. Блюменталь так рисует обстановку в Народном доме во время митингов:

«Обстановка внутри Народного дома громко говорила о победе революции. Когда я пришел туда... я видел расставленные столики, за которыми сидели знакомые, также продавалась литература... распространялись подписные листы, по которым производился сбор денег...» [2].

---

[1] Васильев-Южин, Московский Совет в 1905 г. — «Пролетарская революция» № 4(39), стр. 93.

[2] Сборник «1905-й год в Самарском крае».

Нужно отметить еще одно интересное и яркое предприятие самарцев, поддержанное Восточным бюро ЦК, находившимся в Самаре. Во время железнодорожной забастовки, чтобы помочь забастовщикам на линии провизией, медикаментами, а главное, вдохнуть в них бодрость, соорудили «пролетарский» или «революционный» поезд. С поездом выехала группа революционеров, хороших ораторов. На каждой станции поезд останавливался и устраивал собрания, на которых выступали ораторы. Тут же распространялась литература, а иногда раздавалось и оружие. На станции Обдулино рабочие устроили даже шествие по местечку с красными флагами, и по дороге закрыли винные лавки. На всех крупных станциях поездом были организованы стачечные комитеты.

Е. Беленький так описывает широкий призыв рабочих в партию, проводившийся в Минской организации. Кампания по призыву проводилась на общих районных собраниях, а также на фабриках и заводах. На общем собрании всех рабочих ставился доклад о задачах РСДРП, ее программе и тактике; после принятия резолюции, одобряющей деятельность партии, оратор обращался с призывом к аудитории тут же записываться в партию. В списках Минской организации числилось 450 человек. «Особенно оживленно шла вербовка в нашей чайной, — добавляет Беленький. — Эта чайная была нашим агитпунктом».

Как результат организационной перестройки в Минске, партией были организованы 2 района: фабрично-заводской, куда вошли фабрично-заводские предприятия, и ремесленный, охвативший все ремесленные мастерские. На предприятиях и в цехах рабочие организовывали социал-демократические коллективы, в которые входили и обслуживающие предприятия пропагандисты. Руководил районный комитет, выбиравшийся общим собранием членов партии данного района, причем в вопросах своего района районные организации были автономны.

«На заводе «Технолог» собрание рабочих после заслушания доклада о «строении партии» постановило образовать заводскую социал-демократическую организацию под названием «Заводское социал-демократическое собрание» и постановило выступать открыто, как заводская социал-демократическая организация» [1].

Не везде, однако, условия позволяли в этот период приступить к реорганизации партии. М. Ветошкин в статье «О Читинской организации РСДРП» пишет:

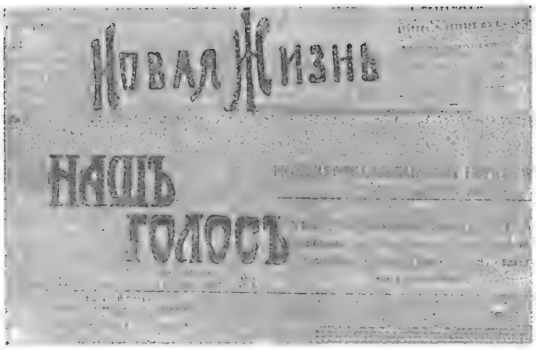
«Несмотря на свободные условия политической работы, наступившие в конце 1905 г., когда вся власть в городе фактически принадлежала нашему комитету, внутренний строй Читинской организации оставался и тогда попрежнему узкоконспиративным пропагандистским аппаратом. В горячие дни «октябрьских свобод» 1905 г. нашей партийной организации было не до внутренних переустройств, все ее внимание было поглощено борьбой, и никому из партийных рабочих не приходило в голову требовать выборности комитета на демократических началах. Эту выборность начали тогда проводить меньшевики. Харбинский меньшевистский комитет, кажется, первый в 1905 г. провел выборное начало в своей организации, причем в числе членов организации, участвовавших в «дни свобод» в выборах Харбинского

[1] Е. Беленький, Из истории Минской организ. РСДРП в 1903—1905 гг., «Пролетарская революция» № 12 (47) за 1925 г.

комитета РСДРП было много и таких, которые только в силу политического поветрия записали себя в социал-демократы, будучи на деле обыкновенными буржуазными демократами.

Осторожность наших большевистских организаций в конце 1905 г. по части выборности и демократизма послужила им потом на пользу. Читинская организация, несмотря на все репрессии, которые были обращены на нее Ренненкампфом, быстро оправилась от поражения и собрала кадры своих старых рабочих. Из читинских мастерских было уволено Ренненкампфом в январе—феврале 1906 г. свыше 400 человек, но так как в руках властей не было никаких списков членов партии, им пришлось увольнять просто «подозрительных» рабочих. Благодаря этому часть членов партии среди рабочих уцелела от разгрома и была потом вновь втянута в работу» [1].

В Нижнем-Новгороде перестройка организации велась в сторону ее демократизации. С первого же дня появилось учреждение, до тех пор неизвестное партии, — общее собрание всех членов. Эти общие собрания созывались приблизительно раз в неделю для решения наиболее важных вопросов. Демократический принцип был проведен всюду. Весь город был разбит на районы, во главе каждого района стояло районное собрание членов партии. Роль центра играло правление клуба, состоявшее человек из 7—10, выбиравшееся всеми членами данного района. Реорганизация верхов произошла позднее. Наиболее характерной чертой организации было образование клубов. В городе было около 6 клубов. В Сормове 4 клуба — меньшевистский и большевистский, социалистов-революционеров и женский. В Канавине один клуб. Для клубов нанимались особые помещения. Здесь устраивались читальня, библиотека, по вечерам происходили собрания, лекции, заседания профсоюзов. Вся жизнь районов сосредоточивалась в этих клубах. Члены партии считались членами клуба, сочувствующие записывались гостями и не имели решающего голоса. Возникновение клубов дало возможность урегулировать и упростить прием в члены партии. Клубы помогали организационному сплочению масс.



Легальные газеты большевиков 1905 г.

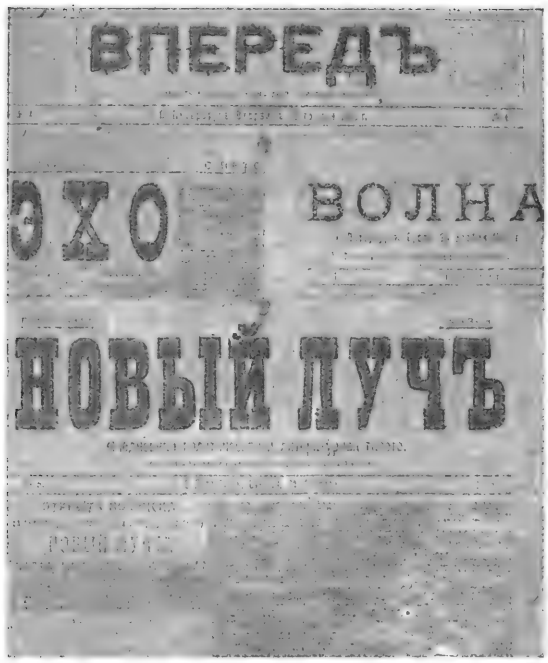
В «дни свободы» большевикам удалось начать издавать в России ряд легальных газет. На первое место здесь нужно поставить ежедневную петербургскую газету «Новая жизнь», которая была первой легальной газетой большевиков. В «Новой жизни» (начиная с № 9) непосредственное участие и виднейшее руководство осуществлял Ленин. «Новая жизнь» была закрыта правительством 16 (3) декабря 1905 г. В Москве выходила большевистская «Борьба», в Ярославле — «Северный край», в Саратове — «Приволжский край» и ряд других газет в разных, более или менее крупных рабочих центрах. Часто большевики приобретали уже существующие газеты, превращая их в органы местных организаций. В значительной мере роль боль-

[1] «Пролетарская революция» № 4 (63), 1927, стр. 213—214.

шевистских газет выполняли также некоторые «Известия» местных Советов. Эти газеты играли огромную роль в росте и популяризации партии, в оживлении работы местных организаций. Меньшевики издавали в Петербурге в «дни свободы» большую ежедневную газету «Начало» и «Русскую газету». «Русской газетой» руководили Парвус и Троцкий.

Много интересных данных о партийной работе приводит В. Кругляков в статье «Революционное движение среди железнодорожников в 1905 г.», напечатанной в «Пролетарской революции» № 11 (46) за 1925 г. Вот некоторые из них.

Сибирский Союз РСДРП в начале 1905 г. держал в своих руках наиболее важные стратегические пункты Сибирской железнодорожной магистрали, причем он вел агитацию не только среди самих железнодорожников, но призывал на помощь им и солдат; брожение на этой дороге шло, не прекращаясь еще с конца 1904 г., но новый подъем начался с конца мая 1905 г. под влиянием агитации социал - демократической партии. Агитаторы стремились распространить свое влияние не только на рабочих, но и на агентов управления Сибирской ж. д. Центром пропаганды на линии был г. Красноярск, откуда рассылались прокламации и разъезжали агитаторы по всем крупным станциям Сибирской магистрали. Результатом пропаганды была крупная августовская стачка, начавшаяся с 11 августа, захватившая депо Боготол, мастерские в Кургане, депо в Красноярске, Омское депо и ряд других мастерских и депо, затихшая лишь в начале сентября.



Легальные газеты большевиков 1906 г.

Кругляков приводит цитату из рапорта начальника Сибирской ж. д. инженера Свентицкого министру путей сообщения, в которой говорилось:

«Образовались на дорогах местные комитеты РСДРП, которые организовали забастовку. Комитеты эти вели себя весьма вызывающе, вмешивались в фактическое управление дорогой, тормозя и парализуя административные распоряжения» [1].

На Забайкальской железной дороге руководство революционным движением принадлежало Читинскому социал-демократическому комитету, который организовал комитет по перевозке войск из представителей всех служб Забайкальской железной дороги.

Октябрьской забастовкой на Владикавказской жел. дор. руководило организационное бюро, работавшее в тесном контакте с Донским с.-д. коми-

[1] «Пролетарская революция» № 11(46) за 1925 г., стр. 97.

тетом. Октябрьская забастовка на Юго-западных жел. дор. в громадной степени обязана большевистской агитации, главным образом членам Киевской организации.

О политическом руководстве движением по Харьково-Николаевской жел. дор. говорит цитируемое автором письмо министра внутренних дел к министру путей сообщения Немешаеву, в котором говорится, что

«вскоре после окончания (октябрьской) забастовки некоторые члены союза, служащие на Харьково-Николаевской ж. д. и в то же время входящие в состав членов Харьковского комитета РСДРП, сумели убедить большинство в необходимости принятия социал-демократической программы в борьбе за достижения союза [1]».

Приведенные нами отдельные иллюстрации расширения и реформирования партийных организаций в дни октября—декабря 1905 г. лишь в очень незначительной степени охватывают общую картину роста и обогащения форм содержания работы партии. Своей задачей мы здесь ставим, хотя бы бегло, очертить то направление, по которому шла реорганизация и развертывалась партийная работа.

д) ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.

1. Вооруженное восстание в Москве.

Революционное движение 1905 г., стремительно расширяясь, приходило к своему кульминационному пункту — вооруженному столкновению между восставшим пролетариатом и отживающей старой властью — царским правительством. Еще во время октябрьской стачки и последовавшей за ней ноябрьской забастовки для рабочего класса стало очевидным, что судьбы революции может разрешить только вооруженная борьба. Лозунг организации вооруженного восстания, как наиболее верный, наиболее революционный метод борьбы, был выдвинут, как мы видели выше, большевиками еще на III съезде партии, и с тех пор последние, непрерывно пропагандируя эту идею в рядах рабочего класса, неуклонно подготовляли ее практическое осуществление. Еще летом 1905 г. большевики организовали на юге специальную группу товарищей по изучению изготовления взрывчатых веществ. Была организована мастерская по изготовлению снарядов в Петербурге, налажена доставка готового динамита из Финляндии, производилась закупка огнестрельного оружия за границей и т. д. Развивающееся революционное движение, с одной стороны, и поход контрреволюции, после поражения ноябрьской забастовки, против всех завоеваний революции — с другой, привели к тому, что рабочий класс вплотную подошел к ликвидации старого порядка посредством насильственного его низвержения. Практическое разрешение этой задачи пролетариат пытался найти в вооруженном восстании, охватившем в декабре 1905 г. многие крупнейшие города России. Политическим центром теперь был уже не Петербург, а Москва. В Петербурге, раньше чем в других городах, революционное движение достигло своего наивысшего развития, но до восстания движение не дошло. Уже поражение ноябрьской забастовки и не

[1] «Пролетарская революция» № 11(46) за 1925 г., стр. 111.

увенчавшаяся успехом борьба питерского пролетариата за 8-часовой рабочий день свидетельствовали о некотором ослаблении революционного движения в Петербурге. Арест Петербургского совета рабочих депутатов (3 декабря 1905 г.) лишил к тому же питерский пролетариат руководящего центра. Особенно на протяжении революции 1905 г. пострадало основное революционное ядро петербургского пролетариата — металлисты:

«Металлисты, — писал Ленин, — были лучше всего подготовлены десятилетием перед 1905 г. За это десятилетие из них бастовала почти половина (117 из 252). Будучи наилучше подготовлены, они стоят впереди всех и в 1905 г. Число стачечников у них б о л е е ч е м в т р о е превышает число рабочих (811 против 252). Еще рельефнее выступает роль этого авангарда при разборе помесячных данных за 1905 г. Из всех месяцев 1905 г. у металлистов максимум стачечников приходится не на октябрь, как во всех остальных группах производства, а на январь. Авангард с максимальной энергией начал движение, «раскачивая» остальную массу. За один январь месяц 1905 г. у металлистов бастовало 155 тыс. человек, т. е. две трети всего числа металлистов (252 тыс.); за один месяц число стачечников значительно больше, чем за десять лет перед этим (155 против 117). Но эта почти сверхчеловеческая энергия исчерпывает силы авангарда к концу 1905 г.» [1].

Таким образом, революционное движение в Петербурге, к декабрю 1905 г. постепенно ослабевая, приходило к самоисчерпанию. Но это еще не означало, что революционная борьба пролетариата против царского самодержавия ослабевала и во всех других местах России. Пролетарское революционное движение непрерывно развивалось, принимая все более и более высшую форму своего развития. Переместились лишь главные центры политического движения. В декабре 1905 г. место Петербурга заняла Москва, где революционные события в этом месяце развивались с поразительной быстротой. До декабря 1905 г. московский пролетариат отставал от петербургского. В Москве преобладали главным образом текстильщики, которые, по сравнению с металлистами, являлись вообще более отсталой группой пролетариата. Каждый металлист за время 1905 г. бастовал $3^1/_2$ раза, в то время как текстильщик не бастовал и 2 раз. Если сравнить Петербургский и Московский округа вообще по росту стачечного движения, то опять-таки и здесь Петербург стоял на первом месте. Петербургский округ в 1905 г. на 298 тыс. рабочих дал 1 033 тыс. бастовавших, Московский — на 567 тыс. всех рабочих дал 540 тыс. забастовщиков. Каждый петербургский рабочий за время этого революционного года бастовал по $3^1/_2$ раза, но не каждый пролетарий Москвы бастовал даже и 1 раз. Но зато московский пролетариат был и менее ослаблен во время революции вплоть до декабря 1905 г. Кроме того в Москве преобладающим влиянием на рабочий класс пользовались большевики, и фактическим руководителем революционного движения здесь являлся Московский социал-демократический комитет во главе с Шанцером (Маратом), что сыграло весьма важную роль в ходе дальнейшего развития революции и перехода политической забастовки в вооруженное восстание. Кроме условий общего порядка, толкавших страну к восстанию, в Москве существовали явления и частного порядка, вызвавшие наиболее быстрый процесс к развитию вооруженного восстания.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XV, стр. 35.

Революционное движение, захватывая все большие и большие слои населения, проникло и в московские войска, начав в них свою разлагающую работу. Московский гарнизон был гораздо малочисленнее по сравнению с питерским и по своему составу более демократичен. Здесь была армейская пехота с буржуазными офицерами и солдатами из крестьян-середняков. В Москве находились также и пролетарские части: саперные батальоны, железнодорожный батальон и т. д. Из них железнодорожный батальон был составлен из бывших железнодорожников. Еще в ноябре месяце отмечались частичные волнения в отдельных частях Московского гарнизона с требованием улучшить их экономическое положение. Волнения вспыхивали в саперном батальоне, Несвижском и Перновском полках, революционная волна распространяется даже на казаков.

Но наиболее крупные волнения произошли в Ростовском гренадерском полку 15 (2) декабря 1905 г., что заставило весьма серьезно встревожиться правительственные сферы. Восставшие солдаты Ростовского полка, частью арестовав, частью изгнав офицеров своего полка, заперлись в казармах, где всем управлял выбранных восставшими солдатский комитет из 20 человек.

Солдаты захватили винтовки и патроны, а также и находившиеся пулеметы, которых в Ростовском полку было 8 из 13, находившихся в московских войсках. Волнения в войсках Московского гарнизона и нарастание революционного настроения среди московского пролетариата поставили партийные организации и Московский совет перед непосредственной задачей — организации вооруженного восстания.

На своем заседании от 17(4) декабря 1905 г. Московский совет рабочих депутатов решил призвать пролетарские массы к «всеобщей политической забастовке и к вооруженному восстанию». Как раз в этот день было ликвидировано революционное движение в Ростовском полку, и

«о п а с е н и я,—пишет в своих воспоминаниях М. И. Васильев-Южин,—что дальнейшее разложение революционного движения в войсках выбьет из рук рабочего класса самое сильное оружие, оторвет от него наиболее желательного союзника, с одной стороны, и логическая необходимость ответить на нападение правительства,— с другой, заставили Совет и революционные партии поставить немедленно вопрос о всеобщей забастовке и вооруженном восстании в Москве» [1].

Приняв решение об организации вооруженного восстания, Московский совет начал готовить пролетариат к решающему бою. С этой целью в своем заседании 17 (4) декабря Московский совет постановил:

«Завтра... утром поставить этот вопрос на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов Москвы и на следующем собрании Совета рабочих депутатов принять, в зависимости от решения пролетариата города Москвы, то или иное решение, относительно призыва от имени Московского совета рабочих депутатов ко всеобщей забастовке» [2].

18 (5) декабря с утра на всех промышленных предприятиях Москвы начались обсуждения постановления Совета рабочих депутатов, и рабочие на

---

[1] «Пролетарская революция», 1925 г., № 5 (40), стр. 96.

[2] «Вперед» № 4 от 6 (19) декабря 1905 г.

своих собраниях, где присутствовали представители от Совета, единогласно присоединяются к его решению. Но рабочие не ограничились, однако, только резолюциями. На ряде фабрик и заводов рабочие начинают ковать холодное оружие, запасаются огнестрельным оружием и организуются в боевые дружины.

В тот же день, 18 (5) декабря в училище Фидлера состоялась общегородская конференция большевиков, которая, учтя настроение московского про-

летариата, решила начать забастовку 20 (7) декабря в 12 часов дня и стремиться превратить ее в вооруженное восстание.

«Я хорошо помню эту конференцию, — писал впоследствии С. Черномордик (П. Ларионов). — В порядке дня стоял один только вопрос о всеобщей забастовке. Начался этот вопрос с «докладов с мест». Каждый делегат сообщил о настроении рабочих фабрик и заводов и готов ли его район к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию. (Эти два понятия в тот момент уже не отделялись друг от друга.) Я не помню случая, чтобы кто-нибудь высказался против. Все жаловались только на отсутствие оружия... Решило вопрос настроение московского пролетариата, которое было принесено на конференцию делегатами с фабрик и заводов. Говорят еще теперь, будто делегаты на конференции неправильно освещали настроение московского пролетариата и тем легкомысленно толкнули ее на объявление восстания. Но и это утверждение неверно. Во всех описаниях декабрьского восстания можно найти описание высокого боевого настроения самых широких рабочих масс, картины незабываемого героизма, не «героев», а именно масс. Если чем была недовольна масса, то тем, что ее не снабдили оружием, — и, между прочим, ее боевой дух выявился в том, что она себе добыла оружие, разоружая полицию и офицеров» [1].

Вечером 19 (6) декабря Московский Совет рабочих депутатов, который находился всецело под влиянием большевиков, единогласно санкционировал решение конференции. Заседавшая в то же время в Москве конференция депутатов 29 жел. дорог решила с своей стороны также присоединиться к решению Московского Совета. Аналогичное решение принял и почтово-телеграфный съезд, и 20 (7) декабря в Москве начала быстро развиваться всеобщая политическая забастовка. Забастовочной волной была захвачена не только одна Москва. В декабре 1905 г. бастовал ряд крупнейших городов России: 20 (7) декабря забастовала Москва, 21 (8) декабря забастовали Петербург, Минск, Таганрог, 23 (10) — Тифлис, 24 (11) — Вильно, 25 (12) — Харбин, Киев, Нижний-Новгород, 26 (13) — Одесса, Рига, 27 (14) — Лодзь, 28 (15) — Варшава и т. д. Всего в декабре 1905 г. забастовками были охвачены 33 города, в то время, как в октябре бастовало 39 городов. Но если в декабре забастовка, по сравнению с октябрем того же года, охватила и меньшее количество городов, зато число участников политических стачек, падающих на декабрь, все же больше, чем на октябрь. В октябре месяце забастовочным движением было охвачено 330 тыс. человек, в декабре — 370 тыс. чисто политических стачечников. Уже эти цифры ясно показывают, что революционное движение, начиная с 9 января, все время расширялось и в декабре 1905 г. охватило наиболее широкие массы рабочего класса.

Забастовка в самой Москве началась очень дружно. В назначенное время прекратили свою работу крупнейшие московские промышленные предприятия: Лист, Гужон и др. механические заводы, забастовали фабрики Сиу и Эйнем, мануфактуры Прохоровская, Жиро, Циндель, Михайлова и др., более мелкие; Миусский вагонный парк, конки и трамвай, табачные фабрики — Бостанжогло, Габай и Дукат, прекратили работу рабочие типографии Сытина, Кушнерева и др., забастовали железные дороги (кроме Николаевской, которая так и не забастовала), и экономическая жизнь Москвы замирала. В первый день забастовки 20 (7) декабря, по приблизительным подсчетам, бастовало свыше 50 тыс.

---

[1] С. Черномордик (П. Ларионов), 1905 г. в Москве, стр. 37-38.

Опорными пунктами районной партийной организации в марте — апреле 1905 г. были заводы: Бромлей, Г. Лист, Добров и Набгольц и Симоновские. На других заводах были отдельные связи. К июлю число заводских партийных комитетов увеличилось до 10—15. Число членов организации достигло в ноябре 2 500 чел.

Во главе района стоял районный комитет, наполовину выбранный, наполовину назначенный. Выбранные были преимущественно рабочие.

(Выборы производились на районной партконференции).

Пропагандистская работа велась в кружках, их насчитывалось 20 — 25. Массовая работа велась на собраниях, на массовках за городом, на летучках, устраиваемых на заводах.

Декабрьская забастовка в районе прошла при дружном участии рабочих всех фабрик и заводов. С 10 декабря в районе начали строиться баррикады, боевая дружина района была одной из самых сильных в Москве, насчитывала около 200 чел. 14 декабря в районе появился значительный отряд драгун, который занял наиболее важные стратегические пункты и начал обстрел района. Забастовка была прекращена организованным путем.

18-го декабря.

работающих на фабриках и заводах, а вместе с железнодорожными служащими и рабочими число забастовавших, по сведениям «Известий Московского совета рабочих депутатов» № 2, достигало 100 тыс. человек. В первый день забастовки из газет вышли только «Известия Московского совета рабочих депутатов».

Напуганный ростом и характером революционного движения, московский генерал-губернатор Дубасов объявил 20 (7) декабря «город Москву и Московскую губернию на положении чрезвычайной охраны» и в телеграмме великому князю Николаю Николаевичу убедительно просил «присылки бригады пехоты из Петербурга», без чего положение, создавшееся в Москве, он признавал «очень серьезным».

Накануне восстания и в первые его дни беспрерывно работают агитаторы Московского комитета партии. Однако у руководителей восстания нет еще ясности в вопросе, как должны развиваться события. Созываются заводские собрания, районные собрания, устраиваются общие митинги, на которых, однако, массам прямых указаний относительно того, как вести восстания, не дается, и агитаторы ограничиваются лишь общими указаниями. В то время, как московский генерал-губернатор Дубасов принимал все меры к тому, чтобы обеспечить себя надежными войсками, революционные организации не предпринимали сколько-нибудь решительных мер к скорейшему превращению вспыхнувшей забастовки в вооруженное восстание и к вооружению рабочих оружием, которого, кстати сказать, к моменту восстания оказалось весьма незначительное количество. Уже то обстоятельство, что восстание в Москве было решено поднять после ликвидации солдатского волнения в ростовском полку, явилось громадным промахом Московского комитета, не использовавшего своевременно этого важнейшего события, которое могло бы сыграть весьма значительную роль в ходе декабрьского московского восстания. Партия фактически не учла важнейших указаний Ленина о борьбе за войско. Это было большим промахом со стороны Московского комитета. Благодаря этому упускалась не только вооруженная революционная сила, но и само оружие, которым могли бы воспользоваться восставшие рабочие. Это обстоятельство уже во время самого восстания отразилось и на влиянии партии на ход восстания.

«Организация, за отсутствием у нее оружия, которое она могла бы дать рабочим, рвавшимся в бой, постепенно теряла руководящую роль, и события продолжали итти стихийно. Мы не столько рассчитывали на свою силу, сколько на слабость наших врагов» [1].

Несмотря на то, что в продолжение всего летнего периода, осени и непосредственно перед декабрем большевистская организация уделяла свое внимание на изготовление взрывчатых веществ и закупку огнестрельного оружия и имела в этом отношении определенные успехи, работа ее в этой области безусловно хромала и значительно отставала от развивающихся событий. Прибывшие в Москву во время декабрьского восстания бомбы, изготовленные технической группой при Центральном комитете партии, во время всего восстания пролежали в Москве на товарных складах, и воспользоваться ими восставший пролетариат так и не смог. В самой Москве к декабрю находились 2 боевых техники:

[1] С. Черномордик, 1905 г. в Москве стр. 42, М. 1925 г.

одна центральная, связанная с техническим бюро Центрального комитета, другая — местная. К началу восстания в них было сработано несколько бомб, но, благодаря плохо налаженным техническим связям, бомбы не смогли быть достаточным образом использованы.

Собравшийся 20 (7) декабря Федеративный комитет, который являлся фактическим руководителем забастовки, поставил перед собой вопрос, как перевести забастовку в вооруженное восстание. Оказалось, что партийная организация не имеет ни сведущих военных специалистов, ни оружия. В конце концов практических мер к разрешению этого вопроса на этом заседании так и не предприняли и ограничились лишь постановлением:

«Дать распоряжение по боевым дружинам энергично разоружать полицию и офицеров и сделать попытки к захвату оружейных магазинов, дабы хоть таким путем пополнить наши скудные запасы огнестрельного оружия. В дальнейшем предполагалось сделать налеты на полицейские части, в которые, как мы знали, были отправлены винтовки для вооружения городовых» [1].

Таким образом рабочим предстояло еще завоевать себе оружие у тех, против которых они восстали. Недостаток оружия у московского пролетариата был одной из причин поражения декабрьского восстания в Москве.

Уже вечером 20 (7) декабря Федеративный комитет в полном составе был арестован, и восставшие лишились своего руководителя. Восстание протекало стихийно, и партийная организация не сумела направить восстание по наиболее правильному руслу. Массы рвались в бой, желали этого боя, а партийная организация, еще не зная, как руководить событиями, сигнала к вооруженному восстанию не давала.

«Перемену в объективных условиях борьбы, — писал Ленин, — требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители. Практика, как и всегда, шла впереди теории. Мирные стачки и демонстрации сразу перестали удовлетворять рабочих, спрашивавших — что же дальше? — требовавших более активных действий. Директива строить баррикады пришла в районы с громадным опозданием, когда в центре уже строили баррикады. Рабочие массы взялись за дело, но не удовлетворялись им и спрашивали: что же дальше? — требовали активных действий. Мы, руководители социал-демократического пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, который так нелепо расположил свои полки, что большая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий» [2].

На второй день забастовки, 21 (8) декабря, к забастовавшим присоединяются новые фабрики и новые заводы. Число бастующих в этот день достигало 150 тыс. человек. Беспрерывные митинги и собрания, происходившие в течение двух первых дней забастовки, охватывают громадную массу рабочих, служащих и даже обывателей. Кое-где происходят столкновения бастующих с полицейскими. Состоявшийся вечером 21 (8) декабря большой митинг в «Аквариуме» был окружен войсками; присутствовавшие на митинге были обысканы и часть из них — арестована. Эти действия со стороны прави-

---

[1] «Пролетарская революция» № 5 (40), стр. 110. Васильев-Южин. «Московский совет рабочих депутатов в 1905 г.».

[2] Ленин, Соч., т. X, стр. 49—50.

тельства, означавшие его переход в наступление против восставших, вызвали новую волну негодования среди рабочего класса.

22 (9) декабря в районы была послана директива, в которой рекомендовалось:

«Воздержаться от массовых столкновений с войсками и вести с ними партизанскую войну».

В этот день постройка баррикад охватила большой район по бульварному кольцу; баррикады отделили Пресню, Миусский, Бутырский, Сокольнический и Рогожско-Симоновский районы от центра, который оставался в руках правительства. Первоначально предполагалось, что эти районы, продвигаясь вперед, захватят и центральную часть города. Однако, восставшие к центру не продвигались, заняв оборонительную позицию в своих районах. Вечером правительственные войска открывают стрельбу по училищу Фидлера, где находились дружинники. Последние оказали упорное сопротивление войскам, но видя громадный перевес со стороны противника, решили сдаться.

Правительство, воспользовавшись нерешительностью Московского совета и партийной организации в руководстве восстанием, проявило бóльшую активность со своей стороны и первым пошло в наступление, переводя таким образом восставших на положение обороняющихся.

23 (10) декабря дружинники начинают разоружать полицейских и вступают в перестрелку с войсками, которые пускают в ход артиллерию. Постройка баррикад продолжается, но у восставших чувствуется недостаток в оружии.

«С субботы 10 числа, — пишет Доссер, — начинается постройка баррикад, причем центром событий, как и накануне, является район Тверской. Стычки и перестрелка все усиливались и в середине дня раздались пушечные выстрелы. Стреляли картечью по густым массам толпы, наполнявшим Тверскую. По ним же открыли огонь из пулеметов с колокольни Страстного монастыря. Ужас и возмущение охватили весь город. Такого озлобления даже простых обывателей и такого пренебрежения грозящей опасностью, пожалуй, мне не приходилось наблюдать и в революционные февральские и октябрьские дни. Будь в этот момент в руках народа оружие — защитникам самодержавия не сдобровать бы» [1].

Рабочие спиливают телеграфные столбы, ломают ворота, нагромождают одно на другое и окружают баррикады проволокой. За баррикадами находились дружинники, а за ними рабочая масса, готовившая им смену. Баррикады затрудняли продвижение правительственных войск и пугали солдат. Солдаты не знали, сколько человек находится за баррикадами, а меткие выстрелы дружинников создавали впечатление, что за баррикадами находится внушительная вооруженная сила. На самом же деле вооруженные силы московских рабочих были весьма незначительны. Их кадры составляли 700—800 человек, входивших в партийные дружины. 500 чел. из них являлись социал-демократами, 250—300 чел. — социалистами-революционерами. Подготовительная работа с дружинниками в Москве более серьезно начала вестись лишь с середины ноября 1905 г. До этого главное внимание было обращено на обучение дружинников строю. В середине ноября боевое дело ставится более серьезно. Раздобываются

[1] «Декабрь 1905 г. на Пресне», стр. 13.

БОЕВЫЕ ДРУЖИНЫ

БОЕВАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.А.МАЛЬГИН, („ЕРМИЛ ИВАНОВИЧ"), БОЕВОЙ ОРГАНИЗАТОР ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА, ЧЛЕН БОЕВОЙ КОЛЛЕГИИ.

В.А.КОСТИЦЫН („СЕМЕН ПЕТРОВИЧ") НАЧАЛЬНИК ФЕДЕРАЦИОННОЙ ДРУЖИНЫ, ЧЛЕН БОЕВОЙ КОЛЛЕГИИ.

А.И.КУДРЯВЦЕВ, („ЕВГЕНИЙ"). ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БОЕВОЙ КОЛЛЕГИИ

А.Д.ГИММЕР, („ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ") НАЧАЛЬНИК ШТАБА, ЧЛЕН БОЕВОЙ КОЛЛЕГИИ.

А.И.ВАСИЛЬЕВ. („АНДРЕЙ"), ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ЧЛЕН БОЕВОЙ КОЛЛЕГИИ.

СОВЕТЫ ВОССТАВШИМ РАБОЧИМ

1. ГЛАВНОЕ ПРАВИЛО — НЕ ДЕЙСТВУЙТЕ ТОЛПОЙ. Действуйте небольшими отрядами человека в три-четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше, и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать.
2. Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти.
3. Поэтому, товарищи, если вас кто будет звать итти куда-нибудь большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором.
4. Избегайте также ходить теперь на большие митинги. Правительство нашими митингами пользуется для того, чтобы избивать и обезоруживать нас.
5. Собирайтесь лучше небольшими кучками для боевых совещаний. Каждый в своем участке, и при первом появлении войск рассыпайтесь по дворам. Из дворов стреляйте, бросайте камнями в казаков, потом перелезайте на соседний двор и уходите.
6. Строго отличайте ваших сознательных врагов от врагов бессознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. Пехоты по возможности не трогайте. Солдаты - дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их натравливают офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и направьте свои силы. Каждый офицер, ведущий солдат на избиение рабочих, об'является врагом народа и ставится вне закона. Его, безусловно убивайте.
7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих.
8. На драгун, и патрули делайте нападения и уничтожайте.
9. В борьбе с полицией поступайте так. Всех высших чинов, до пристава включительно, при всяком удобном случае убивайте. Околодочных обезоруживайте и арестовывайте, тех же которые известны своей жестокостью и подлостью убивайте. У городовых только отнимайте оружие.
10. Дворникам запрещайте запирать ворота. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а второй убейте. Заставляйте дворников служить нам, а не полиции. Тогда каждый двор будет нашим убежищем и засадой.

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИ МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ РС-Д РП (б).

11 ДЕКАБРЯ 1905 г.

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ЭТОТ ЛИСТОК ВСЮДУ, РАСКЛЕИВАЙТЕ ПО УЛИЦАМ, РАЗДАВАЙТЕ ПРОХОЖИМ.

Д.М.КОТЛЯРЕНКО, НАЧАЛЬНИК БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ МОСКОВСКО КАЗАНСКОЙ ЖЕЛ. ДОР.

А.В.УХТОМСКИЙ, ЗАМ. НАЧ. БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ МОСК.-КАЗ. ЖЕЛ. ДОР. РАССТРЕЛЯН

Е.РОЗАНОВ (НИКОЛАЕВ) НАЧАЛЬНИК БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ АЛЕКСАНДР ЖЕЛ. ДОР.

Е.Г.ПРОНИН-ГОРСКИЙ НАЧАЛЬНИК БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ СЕВЕРНОЙ ЖЕЛ. ДОР.

М.С.НИКОЛАЕВ, НАЧАЛЬНИК ШМИДТОВСКОЙ ДРУЖИНЫ.

М.П.ВИНОГРАДОВ, НАЧАЛЬНИК БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ ЦИМУСКОГО ТРАМВАЙНОГО ПАРКА

Н.К.ГОКЧАРОВ, РУКОВОДИТЕЛЬ ОТРЯДА БОЕВ. ДРУЖИН БУТЫРСКОГО РАЙОНА.

Н.П.МОЛДАВСКИЙ, НАЧ. БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ ОХРАНЯВШЕЙ ТИПОГРАФИЮ ВО ВРЕМЯ ПЕЧАТАНИЯ „ИЗВЕСТИЙ МОСК. СОВЕТА

планы военных складов с точным описанием содержимого в них, планы железнодорожных путей московского узла, банков и т. д.

«В случае неудачи всеобщей забастовки, — пишет Гиммер в своих воспоминаниях, — мы могли подорвать электрические провода, лишить город воды и света, с минимумом труда нарушить железнодорожное сообщение» [1].

Однако работа в этом отношении протекала весьма медленно, руководители рассчитывали на более длительный срок и поэтому к восстанию дружинники были подготовлены плохо. Уже в самом восстании дружинникам приходилось самим ощупью вырабатывать ряд приемов в боевых действиях. Еще 29 (16) октября 1905 г. в письме «В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» Ленин говорил о необходимости предварительной подготовки дружин к боевым действиям:

«Отряды, — писал он, — должны тотчас же начать военное обучение на немедленных же операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — маневр или снятие планов и т. д. Но обязательно сейчас же начать учиться на деле: не бойтесь этих пробных нападений. Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня, а сегодня беда в нашей косности, в нашем доктринерстве, ученой неподвижности, старческой боязни инициативы. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городовых: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч» [2].

В другом своем наброске «Задачи отрядов революционной армии», написанном в конце октября 1905 г., Ленин еще более подробно описывает задачи дружинников. Этот документ представляет собой исключительный интерес и полно вскрывает то, чего нехватало руководителям не только московского восстания, но и всех происшедших в России в 1905 г. восстаний.

«1. Самостоятельные военные действия.

2. Руководство толпой.

3. Отряды могли бы быть всяких размеров, начиная от 2—3 человек.

Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопаты для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.). Ни в коем случае не ждать со стороны, сверху, извне помощи, а раздобывать все самим.

Отряды должны составляться по возможности из близко живущих или часто, регулярно, в определенные часы встречающихся людей (лучше и то и другое, ибо регулярные встречи могут быть прерваны восстанием)... Не надо забывать, что 99% за то, что события застанут врасплох и соединяться придется при страшно трудных условиях.

Даже без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль: 1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городового, случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т. д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком и т. д... Практические работы, повторяю, должны быть начаты немедленно. Они распадаются на подготовительные и на военные операции... Затем, не ограничиваясь ни в каком случае одними подготовительными действиями, отряды революционной армии должны как можно скорее переходить и к военным действиям в целях: 1) упражнения боевых сил; 2) разведки слабых мест врага; 3) нанесения врагу частичных поражений; 4) освобождения пленных

[1] «1905 г.», Сб. 1-й, под ред. С. Черномордика, стр. 126—127, изд. «Моск. раб.», 1925 г.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 326

(арестованных); 5) добычи оружия; 6) добычи средств на восстание (конфискация правительственных денежных средств) и т. д. и т. д. Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дела для общего восстания, ибо без подготовки в о г н е нельзя приобрести годности и к восстанию... Что касается партийных делений, то члены одной партии, естественно, предпочтут соединяться вместе в один отряд. Но ставить безусловные препятствия вступлению в отряды членов других партий не следует. Именно тут мы должны осуществлять соединение, соглашение практическое (без всякого партийного слияния, разумеется) социалистического пролетариата с революционной демократией. Кто хочет биться за свободу и доказывает делом свою готовность, тот может быть причислен к революционным демократам, с тем надо стремиться работать над подготовкой восстания вместе (конечно, при наличности полного доверия к лицу или к группе). Всех остальных «демократов» надо резко отделять, как quasi демократов, как либеральных говорунов, на которых полагаться непозволительно, доверчивость к которым со стороны революционеров преступна» [1].

Если бы подготовка шла в указанном Лениным направлении, они представляли бы собою более подготовленную силу к вооруженному восстанию. Однако, как мы уже отметили, работа среди дружинников шла настолько неудовлетворительно, что вспыхнувшее восстание обнаружило их полную неподготовленность к непосредственным действиям.

Кроме этих партийных дружин, восставшие располагали 500 вооруженными огнестрельным оружием железнодорожниками, 400 вольными стрелками из типографских рабочих и т. д. Ленин оценивал впоследствии силы восставших следующим образом:

«Небольшая кучка восставших, именно организованных и вооруженных рабочих... — оказала в течение 9 дней сопротивление царскому правительству, которое не могло доверять московскому гарнизону, а напротив, должно было держать его взаперти, и только благодаря прибытию Семеновского полка из Петербурга было в состоянии подавить восстание» [2].

Московский генерал-губернатор Дубасов, располагавший большой вооруженной силой, мог пустить против восставших лишь часть ее, так как другая часть была ненадежна. Кроме полиции, жандармерии, черносотенных дружин и т. п., он располагал четырнадцатью ротами, семью эскадронами драгун, тремя с половиной сотнями казаков, шестнадцатью орудиями и некоторым количеством пулеметов. По сравнению с плохо вооруженными дружинами, то была, конечно, большая сила, и лишь только благодаря необычайно высокому революционному подъему рабочего класса баррикады смогли продержаться в Москве до 30 (17) декабря.

23 (10) декабря в районах была получена директива, в которой рекомендовалось:

«Ввиду трудности поддерживать связь между Исполнительным комитетом и массами, непосредственное руководство борьбой масс должно принадлежать районным советам рабочих депутатов».

Однако с самых же первых дней восстания связь с районами Московского совета и у Московского комитета партии почти отсутствовала; районы, не имея точных директив от руководства, действовали самостоятельно и обнаруживали все время большую нерешительность, не зная, что надо делать. Так,

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 327—330.
[2] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 355.

например, относительно событий в Рогожском районе участники движения И. Н. Голубев и П. Г. Терехов рассказывают следующее:

«...числа 24(11)—25(12) декабря перед нами встает вопрос: что же делать дальше? Баррикады построены, в наших руках было несколько полицейских участков, мы искали в них оружия, но нашли только полицейские шашки — селедки, которые рабочие тут же ломали. Население нам помогает, но врага, с которым мы приготовились бороться, нет. Митинги уже никого не удовлетворяли; масса бездействовала, часть дружин, свободных от наряда, и часть активных рабочих уходят в город искать приключений и борьбы на других баррикадах... Так боевые действия в нашем районе и не начались враг спрятался и выжидал тот момент, когда была решена общая участь декабрьского восстания и когда пришлось прятаться уже нам, революционерам. Видя, что борьба проходит мимо нашего района, что участь восстания решается в других местах, в центре, на Тверской и главным образом на Пресне, мы отпустили свои дружины из района в город. Это было уже ко времени прихода семеновцев, к началу разгрома восстания» [1].

Таким образом благодаря отсутствию связей и точных указаний со стороны руководства в некоторых районах дружинники не были достаточным образом использованы во время восстания и, дожидаясь директив от Московского совета, упускали удобный момент для наступления. Это явление еще более подчеркивает, что Московский комитет партии и Московский совет не были подготовлены к восстанию.

С запозданием дается директива и о правилах уличного боя, опубликованная в № 5 от 24 (11) декабря «Известия Московского совета рабочих депутатов», боевой организации при Московском комитете РСДРП:

«Главное правило, не действуйте толпой, действуйте небольшими отрядами, человека 3—4, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы, вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими неуловимыми отрядами».

24 (11) декабря борьба принимает наиболее острый характер. Артиллерийский огонь был направлен по баррикадам, расположенным на Тверском бульваре, Сухаревской площади и на Неглинном проезде. Под прикрытием толпы дружинники продвигаются вперед и делают нападение на войско, что иногда сопровождается успехом. Так, например, отряд дружинников на Театральной площади, скрыв винчестеры под пальто, приблизился к драгунам и обратил их в бегство. В этот же день была разгромлена и сожжена войсками типография Сытина; кое-где войска освобождают улицы от баррикад.

25 (12) декабря от баррикад очищаются и другие улицы, что дало возможность сноситься с отдельными частями войска, до того отрезанными друг от друга баррикадами.

Положение правительственных войск таким образом начинает улучшаться. Однако сам Дубасов все еще находится в полной неуверенности в возможном выигрыше победы над восставшими. Он твердо был уверен в том, что без оказания правительством подкрепления подавить восстание московскими войсками он не сможет. Поэтому еще с первых же дней восста-

[1] «1905 г.», Сборник, стр. 242—243.

ШМИДТОВСКАЯ БОЕВАЯ ДРУЖИНА.

М. А. Алексеев, дружинник, ранен в стычке в Проточн. пер., столяр из артели столяров, член РСДРП(б).

Н. Н. Капитонов, дружинник, резчик по дереву из арт. резчиков, чл. РСДРП(б).

И. И. Егоров, дружинник, ранен в стычке в Проточн. пер., столяр из арт. столяров, чл. РСДРП(б)

Н. А. Сидоров, дружинник, резчик по дереву фабр. Шмидта, чл. РСДРП(б).

Ф. И. Трубицын, дружинник, столяр фабр. Шмидта, чл. РСДРП(б).

ИЗ УСТАВА РАБОЧЕЙ БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ:

§ 1.— Дружина должна охранять все собрания организованных рабочих от посягательств на их свободу со стороны черной сотни, полиции и казаков. Она должна взять на себя защиту всех граждан от организованных полициею черносотенных погромов и разбоя. Она должна помочь сознательному пролетариату подготовиться к вооруженному восстанию и в самый момент восстания встать в первых рядах его, чтобы отразить последние силы самодержавия.

Вступающий в дружину должен строго рассчитывать свои силы. Он должен помнить, что во всех схватках он будет впереди, что ему всегда угрожает смерть. Дружинник должен быть самоотверженным и храбрым.

§ 2.— Членами рабочей боевой дружины могут быть только лица, хорошо известные какой-нибудь организации (партийной) и рекомендованные ею как безусловно конспиративные, решительные и преданные партии люди.

МК РСДРП(б).

А. В. Савельев, дружинник, столяр фабр. Шмидта, чл. РСДРП(б).

В. А. Скворцов, дружинник, столяр фабр. Шмидта, чл. РСДРП(б).

Н. Н. Лукьянов, начальник штаба, токарь фабр. Шмидта, чл. РСДРП(б).

М. С. Николаев, начальник дружины, ранен в стычке на Арбате, слесарь фабрики Шмидта, член РСДРП(б).

И. В. Колокольчиков, пом. нач. дружины, столяр из арт. столяров, член РСДРП(б).

П. С. Седов, дружинник, ранен в стычке в Проточн. пер., столяр из арт. столяров, чл. РСДРП(б).

Шмидтовская боевая дружина организовалась весной 1905 года из рабочих фабрики Н. П. Шмидта, фабр. Левенсон, артели деревообделочников и др. предприятий.

Действовала она в районе Красной Пресни и Александровской ж. д., состав дружины —40 чел., вооруженных маузерами. Основные моменты ее деятельности следующие: 1) охрана митингов и демонстраций, охрана порядка во время похорон Баумана; 2) съемка постов городовых до вооруженного восстания; 3) остановка движения на Александровской ж. д. путем обстрела в районе Кунцева; 4) активное участие в вооруженном восстании на Пресне.

Фабр. Шмидта после обстрела.

а) стычка в Проточном пер. с жертвами со стороны дружинников и войск;

Фабр. Шмидта после обстрела.

б) столкновение на Арбате;
в) остановка фабр. Зибрехта с жертвами со стороны полиции;
г) «съемка» участка на Мал. Грузинской;
д) столкновение с казачьим разъездом в Волковом пер. с жертвами со стороны казаков.

Утром 17 декабря, в день расстрела Пресни семеновцами, дружина, не считая возможным долее держаться и подчиняясь директивам центра, разошлась по деревням и провинциальным городам.

ния Дубасов начал обращаться за помощью в Петербург. Но в первые дни подкрепления не присылали. Объяснялось это главным образом тем, что в самом Петербурге происходила забастовка рабочих и поэтому правительство боялось перебросить войско в Москву. Лишь после 25 (12) декабря, когда забастовка в Петербурге пошла на убыль, правительство решило переправить часть своих войск в помощь Дубасову. 25/12 декабря Палицын телеграфировал из Петербурга Дубасову, что «сделано распоряжение повернуть в Москву три роты 3-го Железнодорожного батальона, возвращающиеся с Дальнего Востока в Барановичи и находящиеся ныне в районе Тула — Смоленск». 26 (13) декабря от генерала Поливанова была получена еще телеграмма: «25 (12) декабря отправлен из Варшавского округа Ладожский пехотный полк». Первые подкрепления прибывают 26 (13) декабря. 27 (14) декабря из Петербурга на помощь Дубасову отправляется Семеновский полк. Реакционные группы Москвы в надежде на скорое прибытие подкрепления воспрянули духом. Войскам правительства начинают активно помогать черносотенные сборища из «Союза русского народа». Настроение рабочих масс, уставших от борьбы, постепенно падает и надежда на победу ослабевает. Дружинники, с трудом сохраняя свои позиции, встречают все крепнущее сопротивление. Наконец 28 (15) декабря в Москву прибывают из Петербурга семеновцы. Петербургский комитет железнодорожников не сумел помешать продвижению семеновцев из Петербурга в Москву. 29 (16) декабря рабочими была разрушена часть линии не бастовавшей Николаевской железной дороги, чтобы помешать продвижению войск. Но было уже поздно, и Семеновский гвардейский полк, во главе с Мином и Риманом, прибыл в Москву. Дубасов становится хозяином положения и переходит в решительное наступление. Дальнейшее сопротивление восставших становится явно безнадежным. 29 (16) декабря было очищено большинство улиц от баррикад. Не сдалась еще только Пресня, и все свои силы Дубасов концентрирует на подавлении восстания в этом рабочем районе. Необходимо отметить исключительный героизм, проявленный пресненскими рабочими с самого начала и до конца восстания. Дни 21 (8) и 22 (9) декабря на Пресне прошли сравнительно спокойно, но 23 (10) декабря, как только были получены указания Совета и Московского комитета, вся Пресня покрылась сетью баррикад. Вначале организованных дружинников на Пресне насчитывалось не более 200 человек, имевших 80 винтовок и маузеров. Дружинники действовали, рассыпаясь на мелкие группы по 2 — 3 человека. Стычки с войсками начались еще в процессе постройки баррикад. Первые атаки казаков были быстро отбиты, отпор настолько деморализовал войско, что они осмелились возобновить атаки лишь 25 (12) декабря. Наступление, однако было также успешно отражено. В бою пресненцам удалось захватить даже пушку, но воспользоваться ею восставшие не сумели. 26 (13) декабря Пресненская дружина взяла в плен 6 артиллеристов. Дружинники привели артиллеристов на фабрику и с их участием открыли митинг. 28 (15) декабря дружинниками был взят и расстрелян на фабричном дворе Прохоровки начальник охранного отделения Войлошников. 29 (16) декабря начался артиллерийский обстрел Пресни правительственными войсками под руководством полковника Мина. 30 (17) декабря про-

БОЙ 14-го ДЕКАБРЯ НА МИУССКОЙ ПЛОЩАДИ

БАРРИКАДА ОКОЛО МИУССКОГО ТРАМВАЙНОГО ПАРКА.

БОЕВАЯ ДРУЖИНА

БАРРИКАДА НА ЛЕСНОЙ УЛИЦЕ

МИУССКОГО ТРАМВАЙНОГО ПАРКА.

М. П. ВИНОГРАДОВ, ПАРТИЙНЫЙ ДРУЖИНН. КОМИНТ. С-Д (БОЛЬШ.)

И. М. ЩЕПЕТИЛЬНИКОВ, ПОМ. НАЧ. ДРУЖИНН. СЛЕСАРЬ.

С. М. ЗУЕВ, ДРУЖИННИК, УЧАСТВ. В БОЮ СТОЛЯР. ПАЗНЕН В 1907 Г.

Н. Н. ВЛАСОВ, ДРУЖИННИК, СЛЕСАРЬ, УЧ. В БОЮ.

Ф. П. ИВАНОВ, ДРУЖИННИК, СЛЕСАРЬ, УЧ. В БОЮ.

А. М. ШЕРИН, ДРУЖИННИК, СЛЕСАРЬ, УЧ. В БОЮ.

О. КОРЖИКОВ, ДРУЖИННИК, СЛЕСАРЬ, УЧ. В БОЮ.

А. В. НЕСМЕЯНОВ, ДРУЖИННИК, УЧАСТВ. В БОЮ, УБИТ В 1907 Г. В ШУВ. ЧЕРНОСОТЕНЦАМИ.

С. А. ДАНИЛОВ, ДРУЖИННИК, ТАБЕЛЬЩИК.

ФИЛАНТЬЕВ, ДРУЖИННИК, СЛЕСАРЬ

ОТРЯД КРАСНОГО КРЕСТА НА БАРРИКАДЕ НА ЛЕСНОЙ УЛ.

УТРОМ 14-го ДЕКАБРЯ ГРУППА ДРУЖИННИКОВ В 13 ЧЕЛОВЕК, ПРИШЕДШАЯ НА СБОРНЫЙ ПУНКТ — В ПАРК, ОЧУТИЛАСЬ В ОСАДЕ, БЫЛА ОКРУЖЕНА ОТРЯДОМ ВОЙСК В 500—600 Ч. ДРУЖИННИКИ РЕШИЛИ ДАТЬ ОТПОР.

ВОЙСКАМИ БЫЛА ОТКРЫТА ПУЛЕМЕТНАЯ И ОРУДИЙНАЯ СТРЕЛЬБА: ПО ПАРКУ БЫЛО СДЕЛАНО СВЫШЕ 40 ОРУДИЙНЫХ ВЫСТРЕЛОВ. ДРУЖИННИКИ ОСЫПАЛИ СОЛДАТ ПУЛЯМИ С ДИСТАНЦИИ В 250 ШАГОВ. ИСТРАТИВ ПОСЛЕ 4-ЧАСОВОЙ ПЕРЕСТРЕЛКИ ВСЕ ПАТРОНЫ, ДРУЖИННИКИ СПРЯТАЛИ ВИНТОВКИ ВО ДВОРЕ И УШЛИ ЧЕРЕЗ МИНДЕВСКИЙ ПР. ВОЙСКА ПРОДОЛЖАЛИ ОБСТРЕЛ И ТОЛЬКО ПОСЛЕ 4-ЧАСОВ ДНЯ РЕШИЛИСЬ ВОЙТИ В ПАРК, ГДЕ УЖЕ НИКОГО НЕ НАШЛИ.

изошел штурм Пресни, и 31 (18) декабря она была очищена от баррикад. Обстрел дружинников со стороны правительственных войск 30 (17) декабря весьма ярко обрисован в донесении начальника артиллерии командиру гренадерского корпуса:

«Признав из доложенных мне наблюдений за результатом стрельбы, что никоим образом задачу артиллерии по утренним ее действиям нельзя признать выполненной, так как фабричные здания с прочно в них засевшими и стойко державшимися мятежниками оставались целы, я отдал приказание приготовить немедленно одну батарейную батарею с комплектом снарядов, имевшимся для нее тут же, в казармах, и по приведении в готовность вместе с двумя легкими выставить на боевую позицию... Приказание это было отдано в 12½ часов дня, а в 1 час 30 минут все три батареи находились уже на месте... Стрельба началась из всех батарей единовременно и продолжалась ровно час, причем объектом действий были видимые с позиций крыши и стены фабрик и зданий и промежутки между фабричными корпусами, где можно было предполагать дружинников. В 2 часа 30 минут был произведен залп из всех орудий и пущены три ракеты, что ... должно было означать конец всей стрельбы... Всего тремя батареями за время их действия было выпущено 400 снарядов, из коих 80 батарейных гранат...» [1].

Эта орудийная пальба причинила громадные разрушения. Она зажгла здание Прохоровской мануфактуры, здание фабрики Мамонтова, разрушила столовую и т. д. В эти последние дни Красную Пресню защищало значительное количество дружинников. Громадному большинству из них удалось благополучно скрыться и выбраться из Москвы.

После взятия Пресни правительство начало учинять жестокую расправу над восставшими. Исключительные зверства и жестокость проявил Семеновский полк. Лишь 3 января (21 декабря), когда Пресня представляла собой груды развалин, войска из этого района были выведены. Однако террор не ослабевал: жандармерия, полиция и казаки захватывали первых попавшихся рабочих и расстреливали их без всякого суда и следствия. Трупы вагонами вывозились за город. Раненых и убитых, в том числе женщин и детей, насчитывалось свыше 1000 человек по Москве. Много рабочих было арестовано и присуждено к каторге, к пожизненному заключению и к ссылке, тысячи были административно высланы из Москвы.

Особенно пострадали от карательной экспедиции рабочие Московско-Казанской железной дороги. Так как почти все поезда со следовавшими с Дальнего Востока демобилизованными солдатами шли в Москву по Казанской дороге и, попадая в нее, задерживались для пополнения Московского гарнизона, то стачечный комитет обратил серьезное внимание именно на эту дорогу. Для того чтобы лишить правительство поддержки со стороны следовавших демобилизованных солдат, а также с целью пополнить свои запасы оружия, восставшие рабочие организовали на ближайших станциях Московско-Казанской железной дороги (Перово, Люберцы) пропускные пункты, на которых дружинники задерживали воинские поезда, доставали у солдат оружие и пересылали его в Москву, оказывая тем самым большую помощь восставшим рабочим в Москве. Поэтому прибывший из Петербурга Семеновский полк решил уничтожить дружинников, расположенных по этой железной дороге. С этой целью был организован карательный отряд из 6 рот семенов-

[1] «Красный архив», т. XI—XII, 1925 г., стр. 389—390.

цев при двух орудиях 3-й батареи Л.-гв. артиллерийской бригады и двух пулеметах 5-й Туркестанской пулеметной роты. Во главе отряда был поставлен полковник Риман. Отряду было поручено захватить станцию Перово, уничтожить там боевую дружину, отыскать руководителей движения, с той же задачей перебросится затем на ст. Люберцы и потом в Коломну. 29 (16) декабря отряд тронулся в путь в составе двух поездов и начал производить зверскую расправу, расстреливая восставших рабочих. Особенно пострадали от этой карательной экспедиции ст. Перово, Люберцы, Голутвино. По донесению полковника Римана командующему Семеновским полком Мину около ст. Сортировочная было убито 5 человек, на ст. Перово—9 человек и раненых — 8; на ст. Люберцы убито 14 чел., на ст. Голутвино — 24, на ст. Ашитково — 3 чел. Всего убитых Риман насчитывал 55 чел. и 8 раненых. Эта цифра не соответствовала действительности. Убитых было гораздо больше; они исчислялись сотнями. Кровавая деятельность Римана и Мина в революции 1905 г. вызвала величайшее негодование рабочих не только в России, но и за границей.

Декабрьское восстание, по существу, носило не наступательный, а скорее оборонительный характер. Победоносное же восстание может быть только наступательным.

«Восстание, — писал Энгельс, — в такой же мере искусство, как война или другие искусства; оно подчиняется известным правилам, пренебрежение которыми ведет к гибели партии, виновной в их игнорировании. Правила эти — логические выводы из сущности партии и условий, с которыми приходится иметь дело в том или ином случае — настолько ясны и просты, что даже короткий опыт 1848 г. достаточно познакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть восстанием, если нет возможности дать отпор всем последствиям игры. Восстание — это задача с крайне неопределенными величинами, значение которых может изменяться каждый день; на стороне боевых сил, против которых приходится сражаться, всецело стоят выгоды организации, дисциплины и традиционного авторитета; если нет возможности противопоставить им крупные силы, то восставших ожидает поражение и уничтожение. Во-вторых, раз восстание начато, необходимо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона — смерть всякого вооруженного восстания: оно потеряно прежде, чем померяться силой с врагом. Нападай врасплох на врага, пока его полки рассеяны; ежедневно заботься о новых, хотя бы и мелких, успехах; удерживай за собой моральный перевес, который дало тебе первое успешное восстание; привлекай к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за сильнейшим толчком и примыкают к более надежной стороне; принуждай своих врагов к отступлению, пока они еще не успели сосредоточить против тебя своих сил; короче, припоминай слова Дантона, величайшего из известных до сих пор мастеров революционной тактики: «de l'audace, de l'audace, encore de l'audace» — смелость, смелость и еще раз смелость!» [1]

Это замечательное указание Энгельса наша партийная организация не учла, она не повела сразу массы в наступление, и тем самым восстание было обречено на неудачи. Указывая на это замечание Энгельса, Ленин писал:

«Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало» [2].

Декабрьское восстание было подавлено, однако для большевиков это еще не означало проигрыш всей войны. Возможность нового революционного

---

[1] Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, стр. 99—100.

[2] Ленин, Соч. т. X, стр. 51.

подъема для них не была исключена, и свою задачу они видели не в том, чтобы провозгласить после подавления декабрьского восстания отступление, а в том, чтобы с новой энергией, с новой силой готовиться к новым боям. И основной вывод, который сделал Ленин из декабрьских событий, заключался в том, что большевики, учтя опыт декабрьского вооруженного восстания, должны готовиться к новому наступлению.

«Теперь мы должны, наконец, открыто, во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит обманывать и себя и народ» [1].

Ленин предлагал повести дальнейшую агитацию в этом направлении среди рабочего класса и под лозунгом «свержение царской власти и созыв революционным правительством Учредительного собрания», предлагал и в дальнейшем группировать вокруг большевистской партии все большую часть пролетариата, крестьянства и войска и снова готовить массы к единовременному вооруженному восстанию. При этом лозунгом масс должна быть не защита, а решительное наступление на противника. Впоследствии Ленин, развивая мысль Энгельса, дал блестящую характеристику успешности вооруженного восстания.

В статье «Марксизм и восстание» он писал:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это, во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это, во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это, в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма. Но раз есть налицо эти условия, то отказываться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции» [2].

Другой, однако, вывод из декабрьских событий сделали меньшевики и либералы. Буржуазия, еще раньше перешедшая в лагерь контрреволюции, проявила себя надежнейшей опорой и защитником царского правительства. В самый разгар декабрьского восстания Комитет союза 17 октября, комитет торгово-промышленной партии, партии правового порядка, умеренно-прогрессивной партии опубликовали манифест. Совет рабочих депутатов, комитет и группа СДРП постановили объявить всеобщую политическую стачку и стремиться привести ее к вооруженному восстанию... Призывающие к восстанию говорят:

«Со дня объявления манифеста 17 октября насилия со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются; попрежнему льется человеческая кровь». Мы говорим: это — ложь. На улицах Москвы лилась кровь безвинных исполнителей служебного долга, убийства, грабежи и пожары во всей России производятся не по воле правительства и не руками его сторонников, а революционерами и их подстрекательством. Мы взываем к вам, верные сыны отечества, к вам, граждане Москвы, к вам, заводские и фабричные рабочие, к вам,

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 50.

[2] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 195.

многострадальные труженики земли русской и к вам, войско державы Российской... Сплотитесь воедино, памятуя долг ваш перед родиной и присягу вашу перед царем, чтобы сохранить единую нераздельную Русь...» [1].

Враждебное отношение, занятое либералами, к декабрьскому восстанию с откровенным цинизмом излагалось в органе кадетов «Полярная звезда».

«В Москве не было вооруженного восстания населения, — писал Струве, — были столкновения отдельных, относительно весьма немногочисленных групп населения с полицией и войсками, были бутафорские баррикады, воздвигнутые революционной интеллигенцией в союзе с терроризированными дворниками и увлеченными уличными мальчишками» [2].

Меньшевики, в ходе декабрьского восстания, постоянно обнаруживали свои колебания и нерешительность и тем самым дезорганизовывали движение. После декабрьского восстания они еще резче повернули направо. Для того чтобы оправдать свой собственный поворот, меньшевикам не оставалось ничего иного, как подхватить мысль либералов, что будто бы восстания, по сути дела, и не было:

«Буржуазная пресса утверждает, — писали составители меньшевистского сборника «Москва в декабре 1905 г.»,—что в Москве подавлено восстание. А мы же скажем, что в Москве его совсем не было... Анализируя фактические материалы, нужно признать, что сражались только дружинники вместе с присоединившимися к ним отдельными добровольцами... О московских событиях так много писалось вздора, характер и размеры их, с легкой руки «Нового времени» так извращены и преувеличены, что никому не кажется странным применение громкого названия «вооруженное восстание» к декабрьским дням в Москве. Правда, пушечная пальба некоторых вводила в заблуждение относительно характера совершившихся событий, но эти-то пушки и создавали иллюзию вооруженного народного восстания» [3].

Еще дальше пошел Череванин:

«В общем декабрьская забастовка, — пишет он, — несмотря на баррикады, столкновения с войсками, захват отдельных городов и станций, была слабее октябрьской. Перейти же в народное восстание, в чем и заключался весь смысл этой забастовки, ей не удалось... Восстания широких народных масс нигде не было... Декабрьское поражение, таким образом, затруднив в будущем возникновение восстания, крайне затруднило для революции возможность пользоваться и своим старым орудием — всеобщей забастовкой» [4].

Наиболее ренегатская точка зрения на декабрьское восстание была высказана Плехановым, стоявшим тогда на крайне правом фланге меньшевизма:

«Несвоевременно начатая политическая забастовка, — писал он, — привела к вооруженному восстанию в Москве, Ростове и т. д. Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть, а потому не нужно было и браться за оружие» [5].

Эту ренегатскую оценку можно сравнить только с «знаменитым» изречением Фольмара на Штутгартском съезде германской социал-демократии в 1898 году: «Парижские рабочие и мелкие буржуа сделали бы лучше, если бы легли спать, вместо того чтобы устанавливать коммуну».

---

[1] «Москва в декабре 1905 г.» изд. Кохманского, стр. 215—217.

[2] «Полярная звезда» № 3, стр. 225.

[3] «Москва в декабре 1905 г.», стр. 242—245.

[4] « Борьба общественных сил в русской революции», вып. II, стр. 102.

[5] Плеханов, Соч., т. XV, стр. 12.

Всю ответственность за поражение декабрьского восстания меньшевики пытались перенести на большевиков, упрекая последних в авантюризме и утверждая, что движение носило «искусственный» характер. К общему хору буржуазии и меньшевиков присоединился и немецкий буржуазный профессор Макс Вебер.

«Ленинская группа, — говорит этот ученый, — и часть эсеров давно уже подготовляла это бессмысленное восстание». «Чтобы оценить по заслугам эту профессорскую мудрость трусливой буржуазии, — отвечал им Ленин, — достаточно только возобновить в памяти сухие цифры статистики стачек. В январе 1905 г. в России было только 13 тыс. чисто политических стачечников. В октябре—330 тыс., в декабре был достигнут максимум, именно 370 тыс. чисто политических стачечников в течение одного месяца! Припомним успехи контрреволюции, восстание крестьян и солдат, и мы тотчас же придем к убеждению: суждение «буржуазной науки» о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной уверткой представителей трусливой буржуазии, которая видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага. В действительности все развитие русской революции с неизбежностью толкало к вооруженному решающему бою между царским правительством и авангардом классово-сознательного пролетариата» [1].

Особенно сильное негодование у Ленина вызвало заявление Плеханова: «Не нужно было браться за оружие».

«Нет ничего более близорукого, — писал Ленин, — как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что «не нужно было браться за оружие». Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие. Нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы» [2].

Ленин не отрицал ряда ошибок, допущенных руководителями Московского восстания и вовсе не отрицал стихийности в движении.

«Для достижения успеха, — писал он, — необходим ряд действий ощупью, так сказать, разведок, пробных движений и т. п. Поэтому, когда либералы, а за ними ликвидаторы, вроде Мартова, обвиняют нас в том, что мы «плелись за стихийной классовой борьбой», то эти господа выносят сами себе приговор и преподносят нам против воли величайший комплимент».

Ленин указывал, что партийная организация была недостаточно подготовлена к декабрьским событиям и не сумела достаточным образом руководить движением:

«Все революционные партии, все союзы в Москве, объявляя стачку, сознавали и даже чувствовали неизбежность превращения ее в восстание. Было постановлено 6 декабря Советом рабочих депутатов стремиться перевести стачку в восстание. Но на самом деле все организации были не подготовлены к этому, даже коалиционный совет боевых дружин говорил (9 декабря) о восстании, как о чем-то отдаленном, и уличная борьба, несомненно, шла через его голову и помимо его участия. Организации отстали от роста и размаха движения» [3].

Ленин указывал также, что ошибкой партии было и то обстоятельство, что она не смогла использовать своевременно движение в войсках и перевести войско на сторону народа.

«У нас на правом крыле партии, — писал Ленин, — сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска,

---

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 355—356.

[2] Ленин, Соч., т. X, стр. 50.

[3] Там же, стр. 48.

нужно, чтобы войско стало революционным... Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда... Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство. Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско... Не пассивность должны проповедывать мы, не простое «ожидание» того, когда перейдет войско, — нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско» [1].

Декабрьское восстание было подавлено, но выводы, которые сделали большевики из него, имели огромное значение для дальнейшей борьбы нашей партии против самодержавия. Это восстание имело также колоссальное воспитательное значение для рабочего класса. Оно организовывало его, показывало, кто является его действительным вождем, закаляло его и организационно подготовляло к дальнейшей борьбе.

Конечно недочеты были явные, но партия в основном шла правильно по пути, указанному и III съездом и Лениным. Декабрьское восстание еще ярче оттенило революционное, пролетарское и оппортунистическое, соглашательское крылья партии. Ленин, гениально продолжавший и развивавший дело Маркса с одной стороны, и Плеханов, опустившийся до уровня Фольмара — с другой. В предисловии к русскому переводу брошюры «Письма Маркса к Кугельману» Ленин писал:

«Плеханов посвятил декабрю «произведение», которое стало почти евангелием кадетов.

Да. Плеханов недаром сравнивал себя с Марксом.

Маркс в сентябре 1870 г. называл восстание безумием. Но когда массы восстали, Маркс хочет итти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы с полной точностью было шарлатанством или безнадежным педантством. Он выше всего ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно творит мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее творит, не имея возможности наперед непогрешимо учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента мещанина, который морализует: «легко было предвидеть... не надо было браться»...

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе.

Нашим нынешним квази-марксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не умение творить будущее,— совсем непонятна, даже чужда в принципе такая постановка вопроса. Плеханов и не подумал о ней, когда приступал после декабря 1905 г. к задаче «тормозить».

Маркс умел предостерегать вожаков от преждевременного восстания. Но к пролетариату, штурмующему небо, он относился, как практический советчик, как участник борьбы масс, поднимающих все движение на высшую ступень, несмотря на ложные теории и ошибки.

«Как бы то ни было,—пишет он,—парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени июльского восстания».

---

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 50—52.

2. Отклики декабрьского восстания в провинции.

Огонь восстания охватывает в декабре целый ряд районов страны. Одновременно с московским, а частично и в связи с ним, восстания распространяются на промышленный юг.

На окраинах восстание охватывает целые районы, сопровождается часто созданием революционной власти в отдельных центрах и изгнанием старых властей из сельских местностей.

Между тем центр страны за исключением лишь Москвы да еще Сормова сравнительно «спокоен» и представляет базу для маневрирования правительственных войск. Изолированность отдельных восстаний в огромной степени предрешала их поражение.

Всероссийского восстания не получилось. Ряд важных дорог, в том числе Николаевская, не бастовали. Правительство имело возможность свободно перевозить войска. А между тем вовлечение железнодорожного транспорта в орбиту восстания имело исключительно важное значение.

В ряде пунктов железнодорожная забастовка там, где она проходила наиболее удачно, приводила к захвату рабочими ж.-д. станций и линии и становилась таким образом исходной точкой вооруженного восстания данной местности.

Однако из основных причин недостаточного размаха восстания в стране было то обстоятельство, что к моменту восстания столица — Петербург — выбыла уже из строя. Восстание в столице удесятерило бы напряжение борьбы и парализовало бы силу сопротивления правительства.

Наконец в декабре еще раз сказалась слабость общероссийского партийного аппарата. Решать приходилось каждой организации по-своему. А общая неподготовленность к восстанию затрудняла это решение. Даже в Московском комитете были колебания в вопросе об объявлении восстания. То же было и в большинстве местных организаций. Не было твердой уверенности в возможности и необходимости проведения восстания именно в данный момент.

Познакомимся с наиболее характерными чертами провинциальных восстаний.

I. Вооруженное восстание в Сормове.

Первое, что бросается в глаза при анализе декабрьских событий в Сормове, это с начала до конца оборонительный характер борьбы, которую вели рабочие.

23 (10) декабря на собрании объединенной с.-д. организации решено было объявить всеобщую забастовку солидарности с Москвой 25 (12) декабря в 2 часа дня. Стачка, так как центром такого восстания Москва стать не смогла, должна была носить лишь демонстративный характер и продолжаться 2—3 дня. В это время в Нижнем стало известно, что в Москве с 20 (7) декабря идет всеобщая забастовка, но о вооруженном восстании еще не слыхали.

Таково было понимание момента в «штабе» движения. Гораздо лучше понимали обстановку массы. Уже 22 (9) декабря Сормовский завод был фактически во власти рабочих. Все мастерские сплошь были заняты спешным изготовлением оружия — ковали пики, шашки, изготовляли болты, отлили даже

две небольшие пушки. Рабочие, следовательно, готовились к восстанию в эти же дни и ждали лишь указаний. Вместо восстания они были призваны к стачке солидарности. 24 (11) декабря на митингах с.-д. призвали массы к забастовке, 25 (12) утром вышел призывный листок объединенного комитета, а уже в 2 часа всеобщая забастовка стала фактом. Лишь 25 (12) вечером получились известия о баррикадных боях в Москве.

Наступающей стороной оказались власти. Губернатор выпустил сообщение с угрозой силой подавить «мятеж и смуту». В манеже 26 (13) декабря были организованы прием добровольцев из числа черносотенцев и громил в «народную дружину» и их вооружение.

Забастовка началась митингом и демонстрацией, которая немедленно же была обстреляна полицией и казаками. Завязалась перестрелка, рабочие отступали, но казаки продолжали стрельбу по улицам, расстреливая проходящих, врывались в квартиры, искали и убивали главарей. Наша дружина (120—130 чел., 15 винтовок, 100 револьверов, 200 бомб) засела в школе. На улицах с утра 26 (13) появились баррикады. В постройке баррикад принимало участие население. После неудачной попытки взять баррикады налетом, казаки временно отступили. Партизанская перестрелка продолжалась. С утра 27 (14) начался артиллерийский обстрел баррикад и школы, сделавший невозможным сопротивление. В следующие дни продолжались расстрелы рабочих.

Даже опыт первых дней стачки в Сормове, сразу же перешедшей в вооруженную борьбу, не заставил Нижегородский комитет изменить тактику с оборонительной на наступательную в самом городе. В результате в Канавине повторилась сормовская история.

27 (14) декабря на митинге объединенный комитет, выполняя свою первоначальную программу, призвал к прекращению со следующего дня забастовки, а 28 (15) губернатор объявил город и окрестности на положении чрезвычайной охраны. Политическая жизнь замерла.

II. Восстание на юге.

В Ростове н/Д. бросается в глаза прежде всего резкое противоречие между деятельностью Донского комитета РСДРП (меньшевистского) и настроением массы рабочих: Ростов н/Д издавна был меньшевистской цитаделью. В начале 1904 г. там было Бюро комитетов меньшинства. Донской комитет, по словам одного из членов, далек был от мысли организовать вооруженное восстание. Другого мнения были партийцы-рабочие. В недрах организации, среди большевистски настроенных рабочих, уже с лета, без ведома комитета, оформляются боевые десятки. Позже они развертываются в настоящие довольно многочисленные боевые дружины.

20 (7) декабря началась всеобщая политическая стачка. 26 (13) она перерастает в восстание. Утром дружинники разоружили жандармерию на вокзале и постовых полицейских. В ответ — артиллерия громит столовую ж.-д. мастерских, где происходит митинг. Рабочие окружают Темерник (рабочее предместье) баррикадами. Темерник в рабочих руках. Во главе восстания штаб боевых дружин, руководимый большевиками. Вооруженные силы рабочих: до 250 дружинников, из них 30 эсеры, остальные с.-д. дружины, включающие и беспартий-

ных рабочих. Рабочие вооружены револьверами, кроме того имеется штук 30 винтовок и карабинов, все это, конечно, не считая холодного оружия своей ковки. Есть бомбы и даже 2 пушки, одна самодельная, другая сигнальная с баржи.

На второй день восстания из Тихорецкой, Кавказской и Таганрога прибывают на помощь сотни хорошо вооруженных дружинников.

Сочувствие населения полностью на стороне восставших рабочих. Окрестные крестьяне снабжают их продовольствием. Одиночки казаки и солдаты вступают в боевые дружины.

Темерник держится 7 дней. Эти дни представляют упорную гражданскую войну. 4 дня войска непрерывно бомбардируют Темерник. Несколько раз войска атакуют восставшее предместье. Но настроение восставших бодрое, боевое.

Однако без наступательных действий восстание было, конечно, обречено на поражение. Среди восставших все время наблюдается стремление перейти в наступление, но это стремление наталкивается на решительное противодействие меньшевиков. Еще 24 (11) декабря начальники боевых дружин вносят в Совет предложение — разоружить войска, занять телеграф, арестовать правительственных чиновников. Руководимый меньшевиками Совет отклоняет это предложение, мотивируя следующим образом:

«если вооруженный конфликт неизбежен, пусть ответственность за него падает не на нас».

2 января (20 декабря) после того как иссякает запас патронов, дружинники оставляют Темерник и переходят в Нахичевань, думая вовлечь в борьбу прекрасно вооруженную армянскую дружину (она не участвовала в восстании, так же как и еврейская дружина, заявляя, что выступит лишь в случае погрома) и продолжать борьбу. Но утром 3 января (21 декабря) от неизвестной причины взорвалась столовая завода «Аксай», где хранилось все оружие и боевые патроны. Ничего не оставалось, как прекратить борьбу.

В Донецком бассейне восставшие 10 дней держали в своих руках обширный район, главным образом по Екатерининской железной дороге.

21 (8) декабря на ст. Гришино образовался распорядительный комитет, захвативший станцию и взявший в свои руки управление движением. Гришинская рабочая боевая дружина разоружает полицию, казаков, разъезжающихся с войны солдат, по соседним поселкам разоружаются жандармы и урядники. Гришинская и Авдеевская дружины отправляются на ст. Ясиноватая и там производят нападение на полуроту капитана Карамышева. Карамышев убит, солдаты после перестрелки сдают 53 винтовки. Часть солдат переходит на сторону рабочих... Гришинцы имеют уже пушку и 2 пулемета. Станция забаррикадирована. В Авдеевке происходит настоящее сражение, где рабочие бьются с отрядом из 150 солдат и 75 драгун. Благодаря прибывшим из Дебальцево, Юзовки и Юрьевского завода дружинам войска вынуждены отступить и удалиться. Высшего пункта борьба достигает в Горловке. Здесь, в центре Донбасса, восстание имело более широкую базу, чем в западной его части (Гришино, Авдеевка, Мариуполь), там восстание ограничивалось железной дорогой, здесь же во главе движения идут заводские и рудничные рабочие. 27 (14) и 28 (15) декабря члены Горловского распорядительного комитета объезжали ближай-

ДЕКАБРЬ 1905 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
ВЛАСТЬ ПЕРЕШЛА К НАРОДУ
ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ
СТОЛКНОВЕНИЕ С ВОЙСКАМИ
ЗАБАСТОВКИ
БАСТОВАВШИЕ Ж.Д.
СИБИРЬ
ЧЕЛЯБИНСК
ИРКУТСК
ЧИТА
ХАРБИН
КИТАЙ
РЕВЕЛЬ
ТАЛЬСЕН
ГОЛЬДИНГЕН
РИГА
ЯРОСЛАВЛЬ
КОСТРОМА
ТВЕРЬ
МОСКВА
НИЖНЕВГОРОД
СОРМОВО
ВИЛЬНА
СМОЛЕНСК
ТУЛА
РЯЗАНЬ
САМАРА
МИНСК
БРЕСТ
ВОРОНЕЖ
САРАТОВ
ЛУЦК
КИЕВ
ХАРЬКОВ
ЛЮБОТИН
ГРИШИНО
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
ДЕБАЛЬЦЕВО
ТАГАНРОГ
РОСТОВ-НА-ДУ
ОДЕССА
АСТРАХАНЬ
НОВОРОССИЙСК
ГЕОРГИЕВСК
ПЯТИГОРСК
СОЧИ
ПОТИ
БАТУМ
БАКУ
ПЕРМЬ

шие станции, проводили всюду митинги и заключали боевые соглашения с местными комитетами о совместных действиях против войск.

29 (16) вечером в ответ на расстрел казаками безоружных рабочих на помощь Горловке прибыли десять поездов с боевыми дружинами и санитарными отрядами из Петровского завода, Харцызска, Ясиноватой, Дебальцева, Юрьевского завода, Енакиева, Алчевской, Гришина и Авдеевки. Поезда всюду осаждались огромными толпами рабочих. За недостатком оружия многим приходилось отказывать. Всего в Горловском бою участвовало свыше 4 000 рабочих, причем из них лишь 150 были вооружены винтовками, человек 500—берданками и охотничьими ружьями, 500 — револьверами, а остальные имели лишь холодное оружие. Штаб быстро выработал план, дружины получили боевые задания, а восставшие начали наступление на казацкие казармы. Под дружным натиском и перекрестным огнем дружинников войска — три роты пехоты и команды драгун — вынуждены были, отстреливаясь, отступить.

Однако в 2—3 верстах от Горловки войска получили сильное подкрепление казаками и артиллерией и снова перешли в наступление. Лишь после упорного 7-часового сражения повстанцы вынуждены были отступить. Войска в течение 3 дней уклонялись от прямого боя с дружинниками. Они обстреливали делегатские поезда, разрушали ж.-д. полотно, мосты, телефон и телеграф, чтобы лишить дружинников связи и дезорганизовать их. По существу говоря, роли здесь переменились, и войска перешли к партизанскому образу действий. Лишь 2 января (20 декабря) и 3 января (21 декабря) войска, получив подкрепление, снова перешли в наступление и после перестрелки заняли один за другим восставшие пункты.

Отличительной чертой восстания в Донбассе является его массовость, огромное количество активно участвовавших. Руководили восстанием группы наиболее популярных рабочих, вносившие в него свой организаторский талант и воодушевление.

Чрезвычайно ценно в Донецком восстании то, что оно все время развивалось при деятельной поддержке крестьян; рабочие сознательно искали поддержки крестьян, посылая за ними на митинги специальные поезда и организуя выезды агитаторов по деревням. Крестьяне участвовали в охране забаррикадированных станций, давали участников для боевых дружин. Однако достаточно мощного крестьянского восстания, которое могло бы действительно поддержать рабочее восстание, не было.

Руководил забастовкой и восстанием на Екатерининской ж. д. образовавшийся в Екатеринославе боевой стачечный комитет из представителей Екатеринославского совета, ж. д. союза и комитетов б-ков и м-ков, эсеров; впрочем на местах это руководство чувствовалось слабо. Местным распорядительным комитетам и партийным организациям приходилось действовать на свой страх и риск.

Восстание в Донецком бассейне показывает, какие поистине неисчерпаемые возможности имело массовое движение. Оно потерпело поражение прежде всего потому, что оказалось, как и все декабрьское восстание, изолированным.

В самом Екатеринославе преобладание в Совете меньшевиков все время тормозило размах борьбы. Опираясь на забаррикадированную, охраняемую

дружинами Чечелевку (рабочий район), Совет мог бы представлять огромную силу. Но он топтался на месте.

«Положение было неопределенное... Установилось какое-то своеобразное мирное сожительство губернатора и Совета, полиции и самообороны»... дело кончилось тем, что губернатор получил руководящие указания и начал наступление. Вызванные войска окружают Чечелевку и принуждают ее к сдаче.

В Александровске восстание произошло 27 (14) декабря; причем и здесь оно сопровождалось захватом ж.-д. станций. На помощь восставшим прибыли вооруженные рабочие со ст. Синельниково. В рядах восставших было много крестьян.

Станция была окружена баррикадами. Но превосходство вооружения у нападавших казаков и неумелость в военном деле заставили рабочих отступить в ж.-д. столовую. Казаки скоро ворвались на станцию и началась расправа.

Восстание на юге таило большие возможности. Отметим некоторые весьма поучительные случаи, где восстание, готовое разразиться, «не состоялось» или было сорвано в самом начале.

В Николаеве в связи с забастовкой в воинских частях на 19 (6) декабря была назначена общая вооруженная демонстрация, которая должна была перейти в вооруженное восстание. В Совете большим влиянием пользовались меньшевики, которые все время тормозили дело подготовки восстания, противопоставляя ему организацию профсоюзов. В связи с известиями из Москвы Совет на 26 (13) назначил всеобщую политическую забастовку. Члены СРД и партийные руководители доказывали необходимость держаться выжидательной тактики и примкнуть к восстанию лишь по получении сигнала из центра.

«Состояние неопределенности нервировало массу, а длительность ожидания расхолаживала ее и понижала энергию»[1].

В негодности одной стачки рабочие уже слишком хорошо убедились из личного опыта — это была четвертая за год и вторая за месяц всеобщая политическая забастовка. В результате — вопрос о восстании окончательно снимается с очереди.

В Одессе восстание явно сорвано меньшевиками. Здесь к началу декабря явно нарастал подъем настроения. Однако Совет, идущий за меньшевиками, призывал рабочих лишь к мирной стачке, и 31 (18) декабря забастовка прекратилась.

Таким образом на юге мы всюду видим две резко расходящиеся струи: рабочие массы рвутся к оружию и идут на восстание; меньшевистские руководители не двигаются ни на пядь с октябрьских позиций, «успокаивают» массу, тянут назад. В ряде мест меньшевикам удается вовсе не допустить до восстания, в других — деморализовать повстанцев. И в этих случаях на меньшевиков ложится ответственность за недостаточный размах восстания.

Особенно острый характер приняла борьба рабочего класса в Сибири и в Прибалтийском крае.

---

[1] «1905 г. на Николаевщине», 1925 г., стр. 243.

В последнем имела место настоящая гражданская война. Огромные районы были охвачены восстанием. Десятки баронских замков и помещичьих имений были сожжены и разрушены. Почти повсеместно создавались революционные органы власти, везде организовывалась революционная вооруженная милиция. В Прибалтике в восстании играло также очень активную роль крестьянство. В конце ноября и до середины декабря вся Прибалтика представляла собой ряд очагов восстания, где шла жестокая настоящая война между правительством и захватившими власть рабочими и крестьянами. Лишь к середине декабря, когда весь край был наводнен карательными войсками, в первую очередь драгунами и казаками, восстание было подавлено. Разыгрался ряд форменных боев, как, например, у Салисбурга, где участвовало до 2 тыс. рабочих и до 1 500 солдат. Край приходилось царизму завоевывать вновь в полном смысле этого слова.

Наряду с Прибалтикой необходимо отметить имевшие крупнейшее значение события, разыгравшиеся в Сибири. Участие войск в революционном движении с ноября и на протяжении всего декабря 1905 г., громадное влияние с.-д. организаций — все это выделяет Сибирь даже в ряде районов, охваченных вооруженным восстанием. Как мы видели, вся фактическая власть в Чите и Красноярске находилась в руках С.-д. организаций, осуществлявших руководство через посредство Советов рабочих и солдатских депутатов. Партийные организации с каждым днем завоевывали все больший и больший авторитет среди войска.

Революционное настроение в частях Сибирского гарнизона вызывалось рядом причин. В Харбине и вокруг Харбина сосредоточилось громадное количество возвращавшихся после войны войск:

«Все три громадные манчжурские армии, сосредоточенные к юго-востоку от Харбина и в самом Харбине, представляли собой в военном отношении лагерь полного растления... Начальствующие потеряли всякую власть над нижними чинами: последние не исполняли их приказаний, при встрече не отдавали чести и совершенно открыто ругали их самой площадной руганью» [1].

Именно в это время был опубликован правительством первый октябрьский план демобилизации. Запасные узнали, что их отправка откладывается почти до весны. Это обстоятельство, наряду с болезненным стремлением возвратиться домой, создало в армии исключительно нервное состояние. Армия в руках правительства делалась все более и более ненадежной и революционизировалась буквально с каждым днем:

«Брожение в армии достигло крайних пределов, и то здесь, то там начали кристаллизоваться солдатские организации, отчасти более или менее самостоятельно, но главным образом под влиянием приносимой извне революционной пропаганды» [2].

И в таком состоянии армия, наконец, узнала тщательно скрывавшиеся от нее высшим командным составом вести о событиях, происшедших в России, о революционном движении, об опубликовании манифеста. Особенно рельефно отразились все эти события на Харбинском гарнизоне. Подавляющую часть войск здесь составляли запасные. Громадное количество агитационной литературы,

[1] М а ш и н, В Манчжурских армиях, «Отклики современности» № 2, стр. 117—118.
[2] Т а м же, стр. 119.

распространявшейся сибирским с.-д. союзом, связь с Читой, находившейся в руках восставших рабочих и солдат,— все это поддерживало и усиливало революционное брожение. Влияние с.-д. комитета достигло совершенно исключительных размеров, и солдаты подчинялись фактически только его указаниям. Однако с.-д. организации явно не справились с возложенными на них задачами. Несомненно, решающую роль в этом отношении сыграло с.-д. руководство находившееся на протяжении октября — ноября в руках меньшевиков. Достаточно упомянуть, что в самый ответственный момент, когда нужен был только призыв для того, чтобы поднять Харбинский гарнизон и тем самым создать центр, который смог бы возглавить революционное движение в манчжурских армиях,

«комитет пришел к заключению, что основная задача, которую можно себе поставить в данный момент в Манчжурии — это организовать рабочих по всей линии и в городах, а в армии вести широкую пропаганду и агитацию, но без призыва к каким бы то ни было действиям» [1]. Эта нерешительность, естественно, повлекла за собой ослабление движения. Только с середины ноября появляются в Харбине большевики и вносят резкий перелом в социал-демократическую работу среди войск. Большевистская группа развила исключительную агитационно-организационную работу. Даже меньшевики вынуждены признать, что влияние большевистской группы было чрезвычайно велико: «Многие более или менее сознательные рабочие... совершенно неспособны были бороться с общим стихийным настроением, которое все больше и больше разгоралось под влиянием вновь образовавшейся социал-демократической группы. Конечным результатом всего этого явился план солдатского митинга для принятия читинской солдатской резолюции, восстание харбинского гарнизона, а там вырисовывалась уже заманчивая картина присоединения всей действующей армии и победоносного шествия ее в Россию в помощь русской революции...» [2]

План этот осуществить однако не удалось. Было уже поздно. Правительство к тому времени проделало один из своих наиболее удачных на всем протяжении 1905 г. маневров. В этот момент, когда настроение в манчжурских армиях доходило до пределов, за которыми находились прямые вооруженные выступления, правительство немедленно изменило тактику. Октябрьские события во Владивостоке, когда озлобление солдат вылилось в ужасающий разгром, показали правительству, что оно находится на краю пропасти, что вопрос о демобилизации манчжурских армий может сыграть решающую роль в дальнейшем развитии революционного движения. Главнокомандующий Линевич немедленно изменил весь план демобилизации. В первую очередь было постановлено отправить в Россию решительно все запасные части, начав немедленно эвакуацию. Ни в коем случае нельзя недооценить всего значения этого удачного стратегического маневра правительства. На протяжении нескольких недель этот маневр не только ослабил революционное движение в Сибири, но оказал сильнейшее влияние и на настроение армии, а главным образом запасных в Европейской России. Мало того, моментами правительству даже удавалось переключить озлобление солдат на революционные организации, якобы задерживавшие отправку запасных:

«Демобилизационное настроение всегда в таких случаях играет разлагающую роль. Так было и в Москве, когда правительство решилось под влиянием волнений в Ростовском и

[1] «Отклики современности» № 4, М. «Из Манчжурии в Россию», стр. 54.

[2] Там же, стр. 56—57.

других полках Московского гарнизона поскорее демобилизовать запасных и этим самым разбило революционное настроение. Забастовка на железной дороге раскалывала даже революционно-настроенную солдатскую массу. Значительная часть солдат, только теперь впервые столкнувшихся с политическими вопросами, далеко не осознавших задачи революционной борьбы, конечно, легко поддавалась контрреволюционной агитации, когда агенты правительства указывали им на то, что революционеры всеобщей забастовкой и восстанием мешают им вернуться на родину» [1].

Естественно, что после этого удачно проделанного маневра правительству в особенности после подавления московского восстания было уже сравнительно легко раздавить революционное движение в Сибири. Мы уже видели, как это было сравнительно легко проделано даже в наиболее революционных центрах Сибири, где сознательность рабочих и солдат была особенно велика — в Чите и Красноярске. Еще легче революционное движение было раздавлено правительством в других городах Сибири.

Обзор восстаний и их характера по всей стране лишний раз подчеркивает полную несостоятельность меньшевистских рассуждений об «искусственности» движения. Разговоры об «искусственности» были плохо скрытым отказом меньшевиков от революционных методов борьбы. Именно поэтому Череванин всю тактику партии после октября и характеризовал как пагубную. Так, например, говоря о шагах Питерского совета к восстанию, Череванин писал:

«Правильна ли была та позиция, которую занял сознательный пролетариат и его главная передовая организация — Петербургский совет депутатов после 17 октября»? — спрашивает Череванин и отвечает: «Позиция была глубоко неправильной» [2].

Вместо анализа уроков восстания Череванин задним числом повторял старую идейку новоискровцев о невозможности подготовить и организовать восстание:

«Можно было бы вообще поставить вопрос, — пишет Череванин, — имеет ли какое-либо значение пропаганда восстаний. Восстание до сих пор всегда и везде возникало в качестве народного взрыва» [3].

Но пролетариат с негодованием прошел мимо этих меньшевистских пошлостей. С цифрами в руках Ленин доказал, на что оказался способным героический пролетариат России в великие декабрьские дни. В статье «О статистике стачек в России» Ленин писал:

«По цифрам, относящимся к целым четвертям года, кажется, что в конце 1905 г. был один подъем. На деле их было два, отделенных небольшим ослаблением движения. В октябре было 519 тыс. стачечников (в том числе 328 тыс. чисто политических), в ноябре 325 тыс. (в том числе 147 тыс. политических) и в декабре 433 тыс. (в том числе 372 тыс. политических). В исторической литературе высказан взгляд либералов и наших ликвидаторов (Череванина и К°), по которому в декабрьском подъеме есть элемент «искусственности». Статистика опровергает этот взгляд, показывая как раз в этом месяце максимум числа чисто политических стачечников: 372 тыс. Понятны те тенденции, которые заставили либералов притти к определенной оценке, но с чисто научной точки зрения нелепо считать в какой бы то ни было мере «искусственным» движение такого размера, что в один месяц число чисто политических стачечников составило почти $^9/_{10}$ всего числа стачечников за целое десятилетие» [4].

---

[1] Сб. «1905» г. Е. Ярославский, Декабрьское вооруженное восстание, стр. 213.

[2] «Борьба общественных сил в русской революции», М., 1907, вып. II, стр. 78.

[3] Там же, стр. 67.

[4] Ленин, Соч., т. XV, стр. 41—42.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К XI ГЛАВЕ.

ПАРТИЯ НА УЩЕРБЕ РЕВОЛЮЦИИ.

I. Основные особенности периода 1906 — 1907 гг.

а) Развитие массового движения в этот период.
б) Борьба с конституционными иллюзиями.
в) Большевистская тактика в отношении Думы в этот период.
г) Вопрос об ошибочности бойкота I Думы.
д) «Левый блок» и вопрос отношений к буржуазным партиям.

II. IV и V съезды партий.

а) Смысл попыток объединения с меньшевиками.
б) Основные вопросы, стоявшие перед этими съездами.
в) «Рабочий съезд».
г) Вопрос об отношении партии к профсоюзам.
д) Примиренчество на V съезде партии.
е) Значение этих съездов в истории партии.

III. Военно-боевая работа партии в революции 1905 — 1907 гг.

Заключение:

Итоги и уроки революции.

ЛИТЕРАТУРА:

См. в тексте.

ГЛАВА XI.

ПАРТИЯ НА УЩЕРБЕ РЕВОЛЮЦИИ.

а) БОРЬБА С КОНСТИТУЦИОННЫМИ ИЛЛЮЗИЯМИ.

Декабрьское восстание было разгромлено. Пошатнувшееся под тяжелыми ударами революции, истекающее кровью от ран, полученных в многочисленных боях, самодержавие все же уцелело и даже перешло от длительной обороны к натиску на революцию. Словно стремясь смыть с себя позор поражения, правительство потопило страну в крови, рассылая карательные отряды, расстреливая безоружные массы рабочих и крестьян из пушек и пулеметов, отсутствие которых так чувствовалось во время русско-японской войны. По стране прокатилась волна националистической травли. Куда не доходили карательные отряды, туда докатывалась волна еврейских погромов, подготовленных и руководимых воспрянувшей духом полицией. «Патронов не жалеть!» — этот треповский лозунг являлся боевым кличем самодержавия, по колена в крови и через горы трупов восстанавливавшего свою власть.

«Самодержавие, — писал Ленин в самом конце 1905 г., — восстановлено в полне и даже «усугублено» диктаторскими правами местных сатрапов, начиная от Дубасова и кончая низшей полицией» [1].

Восстания рабочих и крестьян оказались подавленными, но означало ли это полное поражение революции? Вот вопрос, который требовал ответа от партии.

Ход событий как будто говорил о все нарастающем движении. В армии и флоте все еще шло революционное волнение. Возвращавшиеся из Манчжурии солдаты заражали революционным недовольством деревню и несли с собой обострение брожения в армии.

Деревня все еще то и дело поднималась на восстание, отбирая землю у помещиков, громя «дворянские гнезда» и разгоняя полицию.

Главная движущая сила революции, своей борьбой будившая все недовольные массы и поднимавшая на революцию всех трудящихся — пролетариат попрежнему не ослаблял своего революционного натиска. Многотысячные забастовки то и дело останавливали всю промышленную жизнь крупнейших центров, втягивая в революционное движение все новые слои рабочих.

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 5. Разрядка наша. — *Ред.*

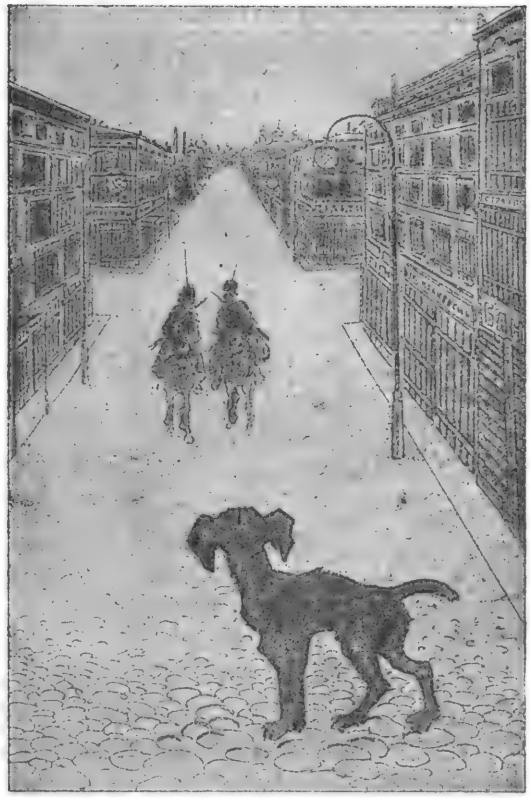
После декабря забастовочное движение охватывает ряд новых областей, куда оно в 1905 г. не доходило совсем или где носило слабый характер. Север, Вологда, Среднее Поволжье, Южный Урал и т. п. дают подъем рабочего движения, свидетельствующий о втягивании в революцию рабочих масс самых отдаленных провинций и захолустья.

1108 тыс. забастовщиков в 1906 г. и 740 тыс. в 1907 г. — такова мощность стачечной волны, почти вдвое, а то и втрое превышавшей максимум забастовочного движения и в Соединенных штатах Америки, и в Германии, и во Франции за последние 15 лет (1894—1908 гг.).

«Волна идет за волной. За столицей провинция. За окраинами самое сердце России. За пролетариатом городская мелкая буржуазия. За городом деревня»,—

так писал Ленин, подчеркивая нарастание революции на фоне растущего экономического кризиса.

И тем не менее в революционном движении уже можно было заметить червоточины, которые указывали на его неминуемый спад, не говоря уже о том, что либеральная буржуазия, в лице партии кадетов, полностью завершила свой поворот, отказавшись после декабря от лозунга Учредительного собрания и предавши проклятию руководителей и участников декабрьского восстания, и что в среде крестьянства произошел известный сдвиг. Из тех двух социальных войн, которые вело крестьянство—одна, главная и основная, борьба всего крестьянства против крепостничества и другая, зародышевая, внутри крестьянства, между пролетарскими и полупролетарскими слоями и сельской буржуазией, — вторая начала постепенно усиливаться и выдвигаться вперед. Все чаще кулак, вместе со всей деревней разбиравший добро барина и зачастую при этом получавший лучший кус (наличие большего числа лошадей, повозок и т. п. позволяло и больше вывезти из разворачиваемых «дворянских гнезд»), при возвращении домой находил «красного петуха» в своем дворе: беднота поджигала дома деревенских мироедов. Внутри деревни, не снимая общекрестьянской борьбы против крепостничества, разгоралась гражданская



«В городе спокойно; на улице движение возобновилось».
Таковы были обычные донесения с мест в декабре 1905 г. после подавления восстаний. Карикатура показывает «правдивость» этих донесений: возобновившееся движение обычно поддерживалось лишь казачьими разъездами и бродячими собаками.
(«Стрелы» № 4, 1905 г.)

война, заставлявшая кулака колебаться в борьбе против самодержавия и остатков крепостничества.

Колебание кулака нашло свое выражение в появлении новой политической партии — «трудовой народно-социалистической», выступившей против вооруженного восстания, против требования республики, против революционного разрешения аграрного вопроса. «Нас послали получить землю, а не отдать», — так определил идеолог новой партии Пешехонов настроения определенной группы крестьянства, требовавшей отобрания земли у помещиков, но выступавшей против национализации всей земли. Несомненно, что новая политическая организация отражала интересы кулацкой верхушки деревни, начавшей под влиянием углубляющейся революции колебаться в общекрестьянской борьбе против старого порядка

Виды на урожай 1906 г.
Рисунок худ. Сорова изображает, что ожидало деревню в 1906 г.: вместо жатвы—голые поля, на которых вместо снопов стоят в козлах ружья карательных отрядов.

Но и сама антикрепостническая борьба крестьянства также стала принимать новый характер. Понизилось общее число крестьянских выступлений, и—что самое основное—начала меняться форма крестьянской борьбы. От вооруженного восстания центр тяжести стал медленно перемещаться к более мирным, к экономическим формам борьбы. Если в 1905 г. крестьянские волнения захватили 240 уездов, причем случаи разгрома помещичьих имений были зарегистрированы в 119 уездах, то в 1906 г., хотя число захваченных движением уездов и поднялось до 240, количество самых выступлений сократилось, и притом на первый план выдвинулись стачки, порубки леса, потравы и т. д., а самое движение было в значительной степени связано с надеждами на Думу, через которую крестьянство надеялось «отхлопотать» землю.

Такой же процесс расслоения, разрыва единого демократического фронта происходил и среди городской мелкой буржуазии, интеллигенции и т. п. Начавшийся среди эсеров раскол на правое — во главе с уже упомянутым Пешехоновым, Мякотиным и т. п. будущими лидерами народных социалистов — и левое крыло (максималистов), являясь отражением процессов, имевших место в крестьянстве, свидетельствовал также о повороте городской мелкой буржуазии, в известной своей ч сти шедшей за эсерами.

Новые моменты появились и внутри рабочего класса. Если брать приведенные нами выше цифры забастовщиков не изолированно, а в сопоставлении с данными другого периода, например с 1905 г., то сразу станут заметны эти но-

вые моменты. Ленин в своей работе «О статистике стачек в России» [1] приводит следующие таблицы, которые мы сведем в одну:

Годы	Число стачечников (в тыс.)	В % к общему числу рабочих	В % участников стачек в бастовавших заведениях к общему числу рабочих
1905	2 863	163,8	60,0
1906	1 108	65,8	37,9
1907	740	41,9	32,1
1908	176	9,7	11,9

В то время как в 1905 г. каждый рабочий бастовал в среднем по два раза, в 1906 г. и особенно в 1907 г. только половина рабочих приняла участие в борьбе. Темп рабочего движения с 1906 г. несомненно упал. Возьмем, например, данные по трем крупнейшим фабрично-заводским округам:

Округа	Число фабрично-заводских рабочих в 1905 г. (в тыс.)	Число стачечников (в тыс.) за годы			
		1905	1906	1907	1908
Петербургский	298	1 033	307	325	44
Московский	567	540	170	154	28
Варшавский	252	887	525	104	35

Эти данные еще резче подчеркивают перелом в рабочем движении после октябрьско-декабрьских дней.

«За всю нацию, — писал Ленин всего год спустя, оценивая этот перелом, — систематически, организованно, беспрерывно боролся один только пролетариат. Неудивительно, что в стране с наименьшим (по европейскому масштабу) процентом пролетарского населения пролетариат должен был оказаться неимоверно истощенным такой борьбой. К тому же объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились после декабря и обрушивались с тех пор беспрерывно именно на пролетариат» [2].

О чем говорили все эти процессы?

Участникам событий казалось, что в революции наступила лишь кратковременная пауза, после которой движение возобновится с еще большей силой.

Непосредственно после декабря, когда в ушах еще отдавался топот многих тысяч рабочих, поднимавшихся против самодержавия, когда в воздухе еще тянуло дымом от горящих помещичьих усадеб, когда, несмотря на полицейские преследования и карательные экспедиции, все новые отряды поднимались на борьбу, трудно было заметить надлом в революционном движении. После того как события несколько отодвинулись в глубь истории, вполне определилось то, что осталось невидимым для активных участников движения: революция явно находилась на ущербе, начинался медленный, постепенный спад волны.

«Теперь перед нами две полосы развития русской революции выступают с полнейшей яркостью, — писал Ленин уже в июле 1907 г. [3], — полоса подъема (1905 г.) и полоса упадка

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 29.
[2] Ленин, Соч., т. XII, стр. 38.
[3] Там же, стр. 26.

(1906—1907 гг.), полоса максимального расцвета народной самостоятельности... а затем полоса наименьшего развития и неуклонного упадка народной самодеятельности...

Теперь не найдется, наверное, ни одного сколько-нибудь путного историка, который не разделил бы хода русской революции с 1905 г. по осень 1907 г. и именно на эти два периода».

И дальше в той же статье, возвращаясь к периодизации русской революции, Ленин пишет:

«...Ход русской революции определился уже вполне. В начале революции мы видим линию короткого, но необыкновенно широкого и головокружительно быстрого подъема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с декабрьского восстания 1905 г. Сначала период непосредственной революционной борьбы масс, затем период монархически-конституционного переворота».

Для Ленина таким образом не было никаких сомнений, что после декабря начался упадок революции, но ясным это стало для него только в 1907 г. На протяжении более года после подавления московского восстания Ленин продолжал надеяться на новый и притом близкий подъем революции и в этом случае повторил ошибку Маркса и Энгельса.

После подавления революции 1848 г. Маркс и Энгельс много месяцев надеялись, ждали и предсказывали неминуемый взрыв революции. И только осенью 1850 г. они окончательно расстались со своими иллюзиями, заявив, что на данном этапе ждать немедленного подъема революции нечего, а нужно упорной работой подготовлять новый подъем. Даже беглое чтение работы Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг.» покажет наличие этой эволюции: в первых трех главах, как подчеркивает в предисловии Энгельс, оба автора еще полны иллюзий относительно близкого подъема, и только в последней главе иллюзии сменяются признанием упадка революции.

Такую же эволюцию претерпел Ленин, который лишь ко второй половине 1907 г. понял, что переоценил темп назревания революции, ожидая в течение 1906 г. и в начале 1907 г. быстрого подъема революции.

Значит ли это однако, что в оценке данного момента революции были правы меньшевики, что вся тактика партии должна быть поставлена под сомнение, поскольку партия разделяла иллюзии о возможности нового быстрого подъема революции? На эти вопросы мы дадим ответ в ходе дальнейшего изложения. Здесь же подчеркнем, что и при выработке своей тактики после декабря партия исходила из представления о близости подъема, и весь анализ Ленина построен на этом исходном пункте: революция идет вперед, движение нарастает, близится новый подъем, и задача партии состоит в том, чтобы определить ближайшую тактику, формы предстоящей борьбы и лозунги, под которыми следует вести массы в бой.

«Каждая политическая эпоха выдвигает перед социал-демократией... особую специфическую задачу... В настоящее время такой специфической политической задачей момента... является борьба с конституционными иллюзиями» [1],

так охарактеризовал Ленин задачи революционной социал-демократии после подавления декабрьского восстания и опубликования закона о выборах в Государственную думу.

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 140.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН 11 ДЕКАБРЯ 1905 Г.

Женщины лишены избирательного права

ОТНОШЕНИЕ ПАРТИЙ К ВЫБОРАМ

За бойкот:

С.-д. большевики соц. револ. крестьянск. союз.

За участие в выборах:

С.-д. меньшевики (в первой стадии выборов), кадеты, правые партии.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ВЫБОРЩИКОВ ПО КУРИЯМ ПО 61 ГУБ. ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

1 голос землевлад.= 2 гол. горож.=15 гол. крест.=45 гол. рабоч.

Население, охватываемое курией	Число выборщиков	1 выборщик на количество избирателей
4 млн. ЗЕМЛЕВЛАД. КУРИЯ	2231	2000
14 млн. ГОРОДСКАЯ КУРИЯ	3455	4060
78 млн. КРЕСТЬЯНСКАЯ КУРИЯ	2726	29000
21 млн. РАБОЧАЯ КУРИЯ	236	93000

ЛИШЕНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА:

1. Чернорабочие и прислуга 1 230 000.
2. Строительные рабочие 268 000.
3. Рабочие в торговых, общественных и государственных предприятиях 165 000.
4. Рабочие транспортники-железнодорожники, водники, рабочие трамвая и пр. 276 000.
5. Рабочие на фабриках и заводах, где число их не превышает 49 человек, 203 000.

Итого 2 142 000.

Т. е. 63,3% всех мужчин рабочих (Дан. орловского).

ИЗ МАНИФЕСТА НИКОЛАЯ II 21/II 1906 г.

«Законодательные предположения рассматриваются в Государственной думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный совет... Законодательные предположения, не принятые Государственным советом... признаются отклоненными».

24(11) декабря 1905 г., в разгар московского восстания, самодержавное правительство опубликовало новый избирательный закон, стремясь разбить единый фронт революции и отвлечь внимание определенных кругов населения от восстания. Оставляя в силе все основные принципы Булыгинской думы, царское правительство расширяло круг избирателей как раз за счет тех классов, которые выступили в недавнем восстании активно (пролетариат), либо поддерживали восставших (мелкая городская буржуазия). Уже самый состав вновь допущенных к выборам проливает свет на социальный смысл избирательного маневра, а анализ ограничений и изъятий, сопровождавших новый закон, окончательно вскрывает характер закона. Допустив к выборам мелкую городскую буржуазию («нанимающие не менее года в пределах города на свое имя отдельные квартиры»), правительство постаралось нейтрализовать ее революционное настроение вовлечением в избирательную борьбу всего реакционного, забитого и темного чиновничества как состоящего на службе, так и вышедшего в отставку:

«лица, получающие содержание или пенсию по службе государственной, земской, городской или железнодорожной (кроме рабочих и низших служащих)»,

так определял закон эту категорию, от которой не требовалось даже квартирного ценза, считавшегося необходимым для лиц подобного же положения, но не являющихся чиновниками. Чтобы обеспечить политическую однородность этой реакционной массы, которая неизбежно будет голосовать по указке начальства, закон тщательно исключил из этой категории наиболее политически передовые элементы — рабочих и низших служащих.

Промышленный пролетариат выделялся законом в особую курию, причем избирательное право получили лишь мужчины-рабочие, занятые в предприятиях фабрично-заводской промышленности и железнодорожных мастерских с числом рабочих не менее 50. Исключалась, таким образом, вся армия сельскохозяйственного пролетариата, чернорабочие, строители, кустари, прислуга и все рабочие мелких предприятий. Мало того, в самой среде «избранных» групп пролетариата устанавливалось новое неравенство, поскольку в предприятиях с общим числом рабочих от 50 до 1 000 избирался один уполномоченный, а в предприятиях свыше 1 000 рабочих — по одному уполномоченному на каждую полную тысячу.

Таким образом заводы-гиганты, заводы-«большевики», имеющие по нескольку тысяч человек рабочих, выбирали меньше уполномоченных, чем десятки и сотни мелких предприятий с числом рабочих более 50, но менее 1 000. В данном случае правительство проявило тонкое знание политического настроения рабочих, ибо на больших заводах, где сконцентрированы большие массы рабочих, где легче вести политическую работу и легче добиться результатов, классовое сознание несомненно выше, чем в мелких предприятиях иногда с полупатриархальными отношениями между рабочими и предпринимателем, с отсталыми рабочими, живущими в условиях мелкобуржуазного окружения.

На такой же прием пошли меньшевики и эсеры в 1917 г. после Февральской революции, выработав при выборах в советы конституцию, которая потопила заводы-«большевики» в море мелких предприятий.

Мало этого. Чтобы не дать возможности выбрать в качестве уполномоченных революционеров со стороны, закон требовал от рабочих избрания уполномоченных только из своей среды, запретив вообще доступ посторонним элементам (читай: революционерам) в помещения для выборов. При этом самые выборы разрешалось производить только в определенных, заранее намеченных администрацией, помещениях. Последний пункт закона имел двоякое значение: он облегчал контроль за недопущением «зловредных элементов» на собрания и, самое главное, ставил рабочих-избирателей в полную зависимость от воли администрации. Хозяева могли как раз в момент выборов закрыть на некоторое время завод или фабрику и тем фактически лишить рабочих права участия в выборах. Допустив рабочих к выборам, самодержавие постаралось поставить их в такие условия, чтобы всячески урезать их революционные настроения и дать ход вперед более отсталым массам пролетариата.

По отношению к пролетариату самодержавие в известной степени применило тот же прием, что и к крестьянству.

Допустив еще по булыгинскому проекту к выборам крестьянство, правительство предоставило ему 43% всего числа выборщиков, причем за каждой губернией было обеспечено по одному делегату от крестьян. Такие преимущества объясняются тем, что в крестьянстве, как выразился один из деятелей самодержавия, надеялись видеть

«ценный балласт, который придаст устойчивость кораблю — Думе — в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли» [1].

Надеялись таким образом на консервативность крестьянства, на его монархические иллюзии, чтобы противопоставить крестьянство революционному движению. Любопытно отметить, что и совещание, вырабатывавшее проект Булыгинской думы, отмечало необходимость опереться не на все крестьянство, а главным образом на зажиточные слои, например настоятельно рекомендовалось выдвигать в Думу волостных старшин и т. д. В этом противопоставлении крестьянства другим трудящимся слоям населения, а внутри крестьянства его буржуазной верхушки — революционным низам, несомненно имелся налицо элемент зубатовщины, как и по отношению к пролетариату, из среды которого допускались к выборам лишь отдельные слои, и отсталые элементы, полные неизжитых предрассудков и иллюзий, противопоставлялись передовым, сознательным. К крестьянской зубатовщине Булыгинской думы новый закон добавил, таким образом, рабочую зубатовщину, расчленив пролетариат, противопоставив одну группу другой и всячески выдвигая наиболее отсталые элементы. Вдохновитель закона — председатель совета министров Витте — и не скрывал зубатовского характера этой меры.

«Наиболее... правильной политикой правительства, — аргументировал допущение рабочих к выборам Витте, — было бы взять рабочее движение в свои руки и не упускать инициативы по назревшим вопросам. Вследствие задержек в развитии нашего фабрично-заводского законодательства уже неоднократно бывали весьма неудобные примеры проявления этой инициативы не сверху, как бы то следовало, а снизу» [2].

[1] Протоколы Петроградского совещания о проекте Государственной думы, М. 1917 г.
[2] Материалы по учреждению Государственной думы, в. I, стр. 42.

Все остальное население помимо р а б о ч е й курии разбивалось по закону на следующие три курии: а) з е м л е в л а д е л ь ч е с к у ю, куда входили все владевшие землей в количестве от 100 до 600 гектаров (в зависимости от района), избиравшие выборщиков на съездах уездных землевладельцев, куда посылали своих представителей, выделяя их на особых подготовительных съездах и мелкие помещики, б) г о р о д с к у ю к у р и ю, куда входили лица, владевшие недвижимым имуществом, обложенным определенным налогом, владевшие торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства, и наконец, упомянутые уже категории мелкой городской буржуазии; в) к р е с т ь я н с к у ю к у р и ю, куда входили все крестьяне, владевшие или пользовавшиеся землей; они выделяли по одному на каждые 10 дворов для участия в волостном сходе, который выбирал уполномоченных (по 2 на сход), а последние — выборщиков.

Таким образом городские избиратели и уездные землевладельцы избирали по двухстепенной системе, рабочие по трехстепенной (уполномоченные, затем выборщики и губернское избирательное собрание), крестьяне же по четырехстепенной, причем из 6 067 выборщиков по 51 губернии Европейской России на долю крестьян приходилось 2 421, землевладельцев 1 957, горожан 1 341, казаков 111, а рабочих 236, т. е. на долю помещиков и буржуазии приходилось не менее 50% всех выборщиков.

Безоговорочно признавшие Булыгинскую думу, крепостники-помещики и крупная буржуазия, политически представляемая партией октябристов, также безоговорочно решили поддержать самодержавие участием в Виттевской думе. Еще оставшиеся в партии кадетов капиталистические помещики, средняя буржуазия и буржуазная интеллигенция, после долгих колебаний и при наличии большой оппозиции высказавшаяся за участие в Булыгинской думе, сейчас, напуганные крестьянскими волнениями, а особенно декабрьским восстанием пролетариата, переметнулись на сторону самодержавия, лихорадочно занявшись совместной борьбой с «дезорганизаторами общества», как клеймили пролетариат кадеты. «Не надо нам больше никаких забастовок и никаких забастовочных комитетов», выразил общее мнение этих кругов идейный вождь их Струве [1].

Левое крыло либеральной буржуазии в лице союза союзов на своем 4-м делегатском съезде в январе 1906 г. и радикальная мелкая буржуазия (эсеры и т. п.) под давлением общего революционного подъема высказались за бойкот Виттевской думы, продолжая, однако, колебаться между кадетами и социал-демократами.

Среди последних, как и перед Булыгинской думой, наметилось два течения.

Большевики, оценивая, как мы уже подчеркивали, общую обстановку как непосредственно революционную, считали наступивший период лишь небольшой паузой перед новым неизбежным подъемом волны:

«Старое самодержавие» оказалось у ж е не в силах править страной. Народ е щ е не в силах добиться полноты власти»,

[1] С т р у в е, Два забастовочных комитета, «Полярная звезда» № 3, 1905 г.

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОЛКОВНИКА РИМАНА I по МОСК.-КАЗ. ж.-д. 15/XI 22/XI 1905 г.

писал Ленин [1], и Государственная дума является лишь юридическим выражением равновесия этих сил. Самодержавие использует с помощью Думы временную передышку для новой перегруппировки сил, для расчленения единого революционного фронта. Но выступить открыто, — продолжал свою мысль Ленин, — в явно антипарламентской роли, исключительно с треповской программой для самодержавия будет невыгодно, слишком далеко зашло разоблачение самодержавия, а с другой — глубоко продвинулась революция. Оставалось комбинировать обе роли, править дубинкой и пряником, как характеризовали тогда поведение самодержавия. Таким пряником, прикрывающим дубинку, и должна была явиться Государственная дума. В одном из современных революционных сатирических журналов была изображена такая иллюстрация, рельефно передающая суть маневра: Витте в виде фокусника с колпаком на голове и магической палочкой в руке надевает коробку с надписью «Государственная дума» на виселицу: Дума должна была скрыть карательные экспедиции и подготовку для дальнейшего разгрома революции. Единственная возможность для самодержавия полностью использовать период равновесия сил зависела от внушения широким массам, что самодержавие уже является конституционной монархией. Вот почему на данном периоде основной опасностью являются конституционные иллюзии, доверие народных масс к этой ловушке.

«Конституционные иллюзии, — объяснял Ленин позицию большевиков, — это обманчивая вера в конституцию. Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет, — другими словами: когда дела вершатся в государстве не так, как они решаются в парламентах. Когда действительная политическая жизнь расходится с ее отражением в парламентской борьбе, тогда и только тогда борьба с конституционными иллюзиями становится очередным делом передового революционного класса, пролетариата» [2].

Тот факт, что большинство политических партий решило принять участие в Государственной думе, что среди мелкобуржуазных революционеров наблюдалось колебание, свидетельствовал о том, что конституционные иллюзии имели благоприятную почву для своего распространения. И политическая проницательность большевистской партии в том и заключалась, что задолго до реальных сведений о широте распространения конституционных иллюзий партия сумела понять действительную опасность этих иллюзий:

«Можно сказать, — писал Ленин, подводя итоги своей борьбы с конституционными иллюзиями, — что период конституционных иллюзий в русской революции был таким же периодом общенационального увлечения буржуазным фетишем, как увлекаются иногда целые нации Западной Европы фетишем буржуазного национализма, антисемитизма, шовинизма и т. п. И заслугой социал-демократии является то, что она одна в эпоху конституционных иллюзий держала все время развернутым знамя борьбы с конституционными иллюзиями» [3].

Распространение этих иллюзий через все возможные каналы было выгодно не только самодержавию: в интересах всей буржуазии было повернуть революцию на монархическо-конституционный путь. Вся либеральная, а за

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 233.
[2] Там же, стр. 204.
[3] Ленин, Соч., т. XII, стр. 29.

ней и беспартийная мелкобуржуазная пресса, захлебываясь, расписывала прелести новой конституции. Газеты, банкеты, митинги и всякие собрания и совещания служили той же цели, всячески скрывая истинный смысл маневра. И в маневр поверили и широкие народные круги, кое-какие группы из своекорыстных целей, а основная масса — искренне заблуждаясь. Конституционные иллюзии стали общим поветрием:

«Все увлекались, все искренне говорили, — писал Ленин. — Участие в выборах не было будничным, простым выполнением обычных гражданских обязанностей» [1].

В качестве основной формы борьбы с конституционными иллюзиями и перевода революции в новый высший период большевики выдвигали активный бойкот Думы. Бойкот отнюдь не означал самоустранение пролетариата с поля политической борьбы. Напротив, основной задачей становилось использовать все избирательные собрания, проникая в них легально и нелегально, для разоблачения избирательных маневров самодержавия, для разоблачения самого самодержавия, а главное, для социал-демократической агитации и организации новых сил вооруженного восстания.

Но не являясь самоустранением пролетариата с арены политической борьбы, активный бойкот, с другой стороны, в понимании большевиков, не означал борьбы за ту или иную форму Государственной думы. Дело было не в борьбе против реакционности данного учреждения, не в замене его менее реакционной Думой, а в борьбе против реализации самой Думы, в борьбе против самого существования Думы. А это и означало борьбу против самодержавия, созывающего Думу, уничтожение, свержение царской власти и созыв революционного парламента. Активный бойкот вовсе не вел к отрицанию парламента, что меньшевики приписывали Ленину, а к вопросу кто созовет парламент: старая ли власть созовет куцый парламент и тем самым переведет революцию на путь монархической конституции, или новая власть созовет революционное народное собрание.

«Бойкот, — писал Ленин, разъясняя тактику активного бойкота, — есть борьба не на почве данного учреждения, а против его возникновения. Всякое данное учреждение может исходить только от существующей уже, т. е. старой власти. Значит, бойкот есть такое средство борьбы, которое направлено непосредственно на свержение старой власти... Бойкот требует, следовательно, для своего успеха, непосредственной борьбы со старой властью, восстания против нее и массового неповиновения ей в целом ряде случаев... Бойкот есть отказ признавать старую власть и, конечно, отказ не на словах, а на деле, т. е. проявляющийся не в возгласе только или лозунгах организаций, а в известном движении масс народа, систематически создающих новые, противозаконные, но фактически существующие учреждения и т. д. и т. д.» [2].

Но такое движение масс народа немыслимо без революционного подъема, без идущей непрерывно вверх революции. Активный бойкот тем самым вытекает из подъема революции, непосредственно связан с нарастающей революцией. Вне такого подъема активный бойкот не существует как форма борьбы.

«Связь бойкота с широким революционным подъемом, — продолжал дальше Ленин, — таким образом, очевидна: бойкот есть самое решительное средство борьбы, отвергающее не

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 28.

[2] Там же, стр. 23. Разрядка в первом случае наша, во втором — Ленина. — *Ред.*

формы организации данного учреждения, а самое его существование. Бойкот есть объявление прямой войны старой власти, прямая атака на нее. Вне широкого революционного подъема, вне массового возбуждения, повсюду переливающего, так сказать, через края старой легальности, не может быть и речи об успехе бойкота».

Бойкот Государственной думы вытекал, следовательно, из той характеристики, которую Ленин давал данному периоду, как периоду непосредственно революционного подъема. Бойкот был формой борьбы, соответствовавшей исключительно революционному подъему. В таких условиях, в условиях нарастающей и разворачивающейся революции итти в Думу означало бы как раз попасть в расставленные самодержавием сети и усиливать конституционные иллюзии. С другой стороны, участие в выборах при отсутствии свободы агитации, при наличии полицейских репрессий привело бы к аресту наиболее энергичных элементов пролетариата, к обескровливанию рабочего класса.

«Конференция полагает, — так подвела итог ленинской тактике конференция большевиков, собравшаяся в Таммерфорсе 25(12)—30(17) декабря, — что социал-демократия должна стремиться сорвать полицейскую думу, отвергая всякое участие в ней. Конференция советует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы в Государственную думу, а для того, чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание. Восстание должно быть немедленно подготовлено, организовано повсюду, ибо только его победа даст возможность создать действительно народное представительство» [1].

Такова была большевистская постановка вопроса, исходным пунктом которой являлось признание неизбежности скорого подъема.

Среди меньшевиков наметилось несколько течений. Плеханов, стоявший на крайне правом фланге меньшевизма, выступил с резкой критикой большевистской тактики. Те факты, наличия которых не отрицали и большевики,— поправение буржуазии, революционное затишье, продажа помещиками земли, порождавшая успокоение в известной части крестьянства, временное подавление аграрного движения и т. д., — Плеханов обобщил, сделал вывод, что они собственно и характеризуют всю социально-экономическую обстановку. Объективные условия исключали какую бы то ни было подготовку вооруженного восстания.

«Несвоевременно начатая политическая забастовка, — писал Плеханов в своем известном № 4 «Дневника социал-демократа», — привела к вооруженному восстанию в Москве, Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А поэтому не нужно было и браться за оружие».

Плеханов таким образом отнюдь не признавал того факта, что после декабрьского восстания мы имеем налицо спад революционной войны. Он выступил против всей октябрьско-декабрьской борьбы, признал несостоятельной всю октябрьско-декабрьскую тактику, всю подготовку к вооруженному восстанию, осудив декабрь. А отсюда вытекало и его отношение к активному бойкоту. Признав несостоятельной всю октябрьско-декабрьскую тактику, Плеханов выступил с требованием новой тактики, противопоставляя тактике

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 465.

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
по СИБИРСКОЙ и ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ жел. дорогам
ГЕНЕРАЛОВ: МЕЛЛЕРА-ЗАКОМЕЛЬСКОГО и РЕННЕНКАМПФА
ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ 1906 ГОДА.
ИЗ ДОНЕСЕНИЯ
ТЕЛЕГРАММА
РАЙОН ДЕЙСТВИЙ
РАЙОН ДЕЙСТВИЙ
МЕСТО КАЗНИ в ЧИТЕ.
И. Бабушкин
И. К. Окунцов
ОТПРАВКА ЧИТИНЦЕВ ИЗ СРЕТЕНСКА
ЧИТА. Отправка осужденных Ренненкампфом на каторгу
ОТПРАВКА из ЧИТЫ приговоренных Ренненкампфом
И. С. Кривоносенко

активного бойкота участие в выборах и усиленное внимание профессиональным союзам рабочих.

Остальные меньшевики заняли иную позицию. Хотя в их оценке декабрьского восстания сквозили плехановские ноты, они не рискнули так открыто занять явно либеральную позицию.

«Суть в том, — писал, например, Мартов по поводу декабрьского восстания, — что революционные штабы не могли задержать бешеного натиска реакции и тем самым отсрочить наступление того момента, когда вступить в битву придется во что бы то ни стало, даже при незначительных шансах на победу. Задержать же наступление можно было только умелым медленным отступлением... сопровождаемым частными атаками и обходными движениями» [1].

Но и Мартов, как и остальные видные меньшевики, признал временный характер затишья и неизбежность нового подъема.

«Все видят и чувствуют, что революция переживает временный антракт, — писал Мартов там же, — что новое ее действие будет грознее и богаче содержанием всех предыдущих».

Так же резко и определенно высказалась эта группа меньшевиков против фальсификаторской роли Государственной думы и пародии на избирательное право, каким является избирательный закон 24 (11) декабря. Казалось бы, что прямым следствием такой постановки вопроса явилось бы объявление конституционных иллюзий основной опасностью и признание бойкота Думы основным средством борьбы с ними. Однако меньшевики — уже без различия оттенков — резко выступили против бойкота.

Бойкотисты, рассуждали меньшевики, в лучшем случае сумеют дать лишь резкую характеристику Думы и всей избирательной процедуры, большего добиться на избирательных собраниях не удастся. А между тем социал-демократия должна развернуть перед широкими массами всю сумму своих взглядов. Сделать это можно лишь последовательно, проходя вместе с избирателем все ступени процесса, заставляя его, так сказать, лично сталкиваться со всеми ухищрениями и хитросплетениями избирательного закона. Тут меньшевики снова сбивались на известную «теорию стадий» экономистов: сейчас пролетариат не готов к восприятию идеи негодности Думы, надо по пословице: «русский человек не поверит, пока не пощупает», переводить его из одного класса (избирательные собрания) в другой (собрания выборщиков) и только после этого сделать вывод, что в Думу итти нечего. Как «экономисты» не понимали, что политические партии существуют как раз для того, чтобы обобщить опыт рабочего класса, дабы каждая группа рабочих не была вынуждена на своем опыте проходить все стадии развития рабочего движения — от петиции к царю до политических стачек, так и меньшевики недооценивали руководящей роли партии, тем самым превращаясь в хвостистов.

Второй довод, выдвинутый меньшевиками против бойкота, — самоустранение пролетариата.

«Нужно ли говорить, — писал Дан, — что такое самоустранение толкает рядовые массы к сплочению под знаменем либеральных, а то даже и реакционных партий... в какое невыгодное положение поставим мы себя, когда дадим формальное право говорить от имени большинства рабочих выбранным ими не социал-демократам» [2].

---

[1] «Партийные известия» № 1, 20 (7) февраля 1906 г.

[2] Ф. Дан, Государственная дума и пролетариат, сб. «Гос. думы и с.-д.», 1916 г., стр. 12.

Тут уже именно меньшевики большевистским добром били им же челом. В самом деле, активный бойкот, как мы уже подчеркивали, не означал ухода с поля битвы, а мобилизацию масс под лозунгом вооруженного восстания. С другой стороны, как раз при меньшевистском участии в выборах на первой стадии существовало опасение провести не социал-демократа в качестве представителя от рабочих, тем более, что к этому времени подоспел правительственный закон против бойкота, ставивший социал-демократов в такое положение, что раз выборы начаты, нужно итти до конца. В Москве, где меньшевикам удалось провести свою тактику, партия встретилась с таким случаем. Она приняла участие в первых двух степенях выборов, добилась избрания социал-демократов выборщиков и... вынуждена была итти до конца, т. е. выбирать в Думу, что означало фактически посылку кадета, ибо в губернском избирательном собрании социал-демократы выборщики составляли меньшинство.

Наконец решающее соображение, вскрывающее весь политический смысл меньшевистской тактики, сводилось к следующему:

«...в случае благоприятного развития событий, — писал Дан в своей программной статье, — нам удастся добиться создания полного политического представительства рабочего класса, которое, конечно, никак не может ограничиться узкою задачею — выбрать выборщиков, поставленною ему правительством. Это представительство, даже если предположить, что оно признает нужным произвести дальнейшие выборы, во всяком случае должно будет предварительно поставить перед собой вопрос о том, что делать рабочему классу, должно будет с точки зрения пролетариата оценить политическое положение, явится, словом, настоящим парламентом рабочего класса».

Итак, участие в выборах для меньшевиков явилось лишь лазейкой для осуществления старой идеи революционного самоуправления.

«Всероссийское объединение собраний уполномоченных от рабочих, — разъяснял меньшевистскую тактику Дан, — и затем всероссийское объединение рабочих уполномоченных с уполномоченными других революционных слоев может создать революционный парламент, способный, в противовес проектируемой правительством Думе, взять на себя самые широкие политические задачи».

К старой ошибке — утопичность организации революционного самоуправления при сохранении крепостнического самодержавия—прибавился целый ряд новых. Сами меньшевики, так рьяно выступавшие против участия в Думе, подчеркивая неминуемый подъем революции, при реализации своей тактики отнюдь не зарекались против «производства дальнейших выборов», т. е. выборов в Думу. Выборы по рабочей курии, куда получала доступ только часть рабочего класса — при наличии всех изъятий по новому закону, — меньшевики выдавали за довольно полное политическое представительство рабочего класса. По существу это означало приспособление к царским законам, принятие царской «конституции», признание царской думы парламентом, а значит, русского самодержавия конституционной монархией. Участие в выборах, даже только на первых ступенях, и отказ от выборов на последней ступени вносило сумятицу в сознание пролетариата. Эта сумятица тем более усиливалась, что меньшевики в своей агитации исходили из утверждения о неминуемом подъеме, а вместо призыва масс готовиться к этому подъему звали к участию в выборах. Меньшевистская тактика срывала союз пролетариата с трудящимися массами деревни и города, поскольку радикальная мелкая буржуа-

зия — союз союзов, эсеры, и т. п.— уже высказалась за бойкот Государственный думы. При участии социал-демократов в избирательной кампании беспартийные или мелкобуржуазные бойкотисты оказались бы изолированными и выданными с головой царскому правительству.

В целом — и это основное — меньшевики совершенно не поняли характера переживаемого момента и не выделили основной опасности данного периода, именно опасности конституционных иллюзий. Дело было не в том, к а к бороться с конституционными иллюзиями, — несомненно, что этот вопрос был спорным и вызвал бы разногласия, может быть, и среди самих большевиков, не говоря уже о меньшевиках, — а в признании конституционных иллюзий основной опасностью момента. Именно этого не поняли меньшевики.

«Теперь, — писал Ленин в 1907 г., — период конституционных иллюзий, период Первой и Второй Думы, обрисовался перед нами вполне, и понять значение т о г д а ш н е й борьбы революционных социал-демократов против конституционных иллюзий уже нетрудно. Но т о г д а, в 1905 и в начале 1906 гг., этого не понимали ни либералы в буржуазном лагере, ни меньшевики в пролетарском» [1].

Массовая политическая кампания, каковой являлись выборы в Думу, требовала прежде всего единства действий, а между тем социал-демократия фактически была разбита на две группы, организационно оформившиеся. Выработкой платформы для единства действий должен был заняться новый съезд.

б) ОТНОШЕНИЕ К «ОТКОЛОВШЕЙСЯ ЧАСТИ ПАРТИИ» (ШАГИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ).

Дезорганизация правительства и явочным порядком захваченные «свободы» поставили партию перед проблемой реорганизации. Выйдя из подполья на полулегальную арену, партия столкнулась с необходимостью несравненно более широкого охвата масс, чем это имело место в условиях сугубой конспирации. С другой стороны, тысячи рабочих, идейно давно ставших социал-демократами, но организационно не связанных с подпольной партией, потянулись к организации. Наконец та роль, которую сыграл в революции рабочий класс, побудила буржуазные партии попытаться овладеть новой силой. Буржуазно-радикальная молодежь повалила в рабочие кварталы, неся с собой тучи газет, брошюр, листовок, звавших пролетариат с революционного пути на путь компромиссов, на путь поддержки либералов.

Все это вынудило обе фракции социал-демократии заняться объединением сил.

Как мы видели, III съезд партии, предвидя возможность объединения с отколовшейся частью партии, наметил принципы этого объединения. В особой резолюции, не подлежавшей опубликованию («тайная резолюция» III съезда), съезд поручал

«ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду».

В развитие решений съезда члены ЦК — Богданов и Красин приступили к переговорам с меньшевистским центром — Организационной

[1] Л е н и н, Соч., т. XII, стр. 27.

комиссией, причем они заняли примиренческую позицию, став на путь игнорирования «тайной резолюции» съезда. Под влиянием резкой критики Ленина «примиренцы» выправили линию и на следующих совещаниях с ОК твердо стояли на почве решений III съезда. Для Ленина проблема объединения партии отнюдь не представляла собой дипломатического маневра или уступки объединительным иллюзиям. Вопрос шел о борьбе за массы, о практическом проведении в жизнь идеи гегемонии пролетариата путем перестройки рядов замкнутой организации в партию, руководящую массами.

В чем состояла примиренческая позиция ЦК? Лучше всего об этом свидетельствует письмо самого Богданова. Уже в момент генерального размежевания с меньшевиками, когда Ленин закончил свою брошюру «Две тактики социал-демократии в демократической революции», появляется «Открытое письмо к Организационной комиссии, выбранной I общерусской конференцией социал-демократических работников», т. е. к меньшевикам, написанное Богдановым, с призывом к объединению. В этом письме Богданов изображает отношения с меньшевиками в таком виде:

«Что нас разъединяет? Тактические разногласия? Но разве они настолько серьезны, чтобы ради них социал-демократии стоило раскалываться на две партии? Различия между тактическими резолюциями III съезда и вашей I конференцией настолько незначительны, что постороннему наблюдателю их нелегко даже сразу заметить. Они гораздо менее значительны, чем разногласия, существующие в пределах любой западной социал-демократической партии.

Различие организационных форм? Но при общей программе и почти тождественной тактике разве могут организационные разногласия быть достаточной причиной для отдельного существования двух партий? Это было бы, может быть, допустимо, если бы наши организационные нормы подавляли идейную свободу и практическую инициативу партийных организаций и отдельных членов партии.

Но вы должны признать, что наши организационные нормы не таковы, что они дают необходимую свободу для идейной борьбы и открывают достаточно широкое поле для выработки новых форм партийной жизни.

Итак, по существу к объединению препятствий нет. Об этом не может быть спора, это признано и избравшей вас конференцией в ее резолюции об отношениях между двумя частями партии.

Препятствия формальные? Но их также нет, и мы рады, что, заявляя это, можем опереться на вполне определенное постановление той же конференции» [1].

Как видим, член ЦК Богданов совершенно забыл «тайную» резолюцию III съезда. Мало того. Богданов пишет об отсутствии каких бы то ни было тактических разногласий с меньшевиками (!) — и это в тот момент, когда Ленин кончал свою брошюру «Две тактики», целиком направленную против оппортунистической тактики меньшевиков. Неудивительно, что такая позиция примиренцев, фактически становившихся на позицию меньшевиков, подверглась резким нападкам Ленина, как об этом свидетельствует переписка Ленина с ЦК, опубликованная в V Ленинском сборнике.

Надо однако подчеркнуть, что шатания в рядах ЦК находили известную почву и среди агентов и комитетчиков. Вот, например, что писал один из агентов ЦК, видный партиец Красиков:

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 450. Разрядка наша. — *Ред.*

«Имеется на бумаге куча агентов, куда набраны и извлечены из местного обихода лучшие силы, и агенты сии путешествуют с явки на явку и с ночлега на явку и охают и ахают, что вот-де зловредные меньшевики нас побивают. Агент первой степени Бур (А. М. Эссен.—*Ред.*) цинично заявил, что хлестаковская заметка «Искры» — совершенно справедлива. Отсюда сделан вывод, что нам немедленно слиться с меньшевиками, причем оба органа надо оставить центральными или уничтожить оба как руководящие, а объявить их фракционными. В крайнем случае, если Ленин не согласится, то назначить другого редактора... Недовольство растет. Если ЦК откажется от принципиальной выдержанной позиции, которая отраженно от органа прикрывает их некоторым ореолом, а кажется грехопадение для Борис (имеется в виду примиренчество В. А. Носкова в 1904 г.—*Ред.*) близко, то снова масса предыдущей работы погибла, ибо если при отсутствии положительной работы еще отнять принципиальную почву, то останется нуль. Меньше всего занимаются агитацией в смысле «Двух тактик»[1].

Правда, сведения насчет А. М. Эссена оказались преувеличенными, но что ряд отступлений от твердой позиции и шатаний среди руководящих товарищей в России имел место явствует из писем Эссена, Богданова, Постоловского и Красина. Вот что пишет, например, Эссен:

«Письмо Центрального комитета к вам о приостановке, в случае нехватки денег, в первую очередь Центрального органа, мы читали и нашли его крайне непродуманным. По этому вопросу у нас был разговор с Центральным комитетом. Мы поставили вопрос о перепечатании Центрального органа в России, в случае же недостатка денег о приостановке «Рабочего»... Центральный комитет отнесся к нашему предложению отрицательно»...[2]

А вот письмо Богданова:

«Высылаем вам 1 000 руб., но при этом считаем долгом сообщить, что делаем это в ущерб нашей работе, это во-первых. Во-вторых, категорически заявляем вам, что если безусловно невозможно издавать «Пролетарий» на заграничные средства и мы принуждены будем систематически поддерживать вас, то нам предстоит банкротство, которое начнется с приостановки выхода «Пролетария», ибо начинать с закрытия наших типографий и выбрасывания на улицу нелегальных — невозможно».

К каким только средствам ни прибегали для усиления своих примиренческих позиций!

И только решительный нажим Ленина, а также настроение широких партийных масс заставили примиренцев отказаться от своих намерений. Следует отметить однако, что примиренческие настроения имели место и в провинции, кое-где происходило просто стихийное объединение с меньшевиками. Однако нельзя отрицать, что в общем нажим снизу играл большую роль в деле ликвидации примиренчества. Об этом свидетельствуют и письма с мест, например, уже цитированное письмо Красикова, где сказано:

«Недовольство растет. Если ЦК откажется от принципиальной выдержанной позиции»...

Секретарь бюро ЦК Е. Д. Стасова в своем письме указывает, что, судя по тому, как ЦК приступил к переговорам, можно ждать, что комитеты пожалуй усомнятся, не меньшевистский ли у нас ЦК, раз он выдвигает подобную платформу для объединения.

---

[1] Лен. сборник, V, стр. 499 и Сочинения Ленина, т. VIII, стр. 491. Письмо от 14 (1) сентября 1905 г. Разрядка наша. — *Ред.*

[2] Разрядка наша. — *Ред.*

Решительно протестовал Ленин также против позиции ЦК в вопросе о представительстве в международном социалистическом бюро.

9/VII (26/VI) ЦК вынес следующее постановление:

«На основании 5 устава Росс. социал.-демократ. рабочей партии Центральный комитет постановил предложить т. Плеханову быть представителем Партии в Международном социалистическом бюро».

Посылая это постановление за границу Ленину, Стасова снабдила его следующим примечением:

«Эти два (второе касалось назначения Плеханова отв. ред. научного партийного органа — *Ред.*) постановления еще не разосланы по комитетам и будут разосланы только в том случае, если вы по условиям, которые вам лучше известны, найдете их правильными и подлежащими опубликованию».

Ленин решительно протестовал против такого безоговорочного назначения Плеханова в МСБ в связи с той позицией, которую продолжал занимать Плеханов в вопросах организационных и которая усугублялась еще резко выраженным тактическим оппортунизмом. Настаивая на необходимости поставить вопрос в плоскости глубоко принципиальной, Ленин в своем ответе на письмо ЦК писал:

«Вправе ли мы назначить представителем партии человека, который не желает войти в партию и признать III съезд? Теперь ведь он печатно заявил, что III съезд законным не считает и представителем будет лишь от обеих фракций. Представьте только себе конкретно, что значит иметь представителем в бюро человека, с которым никто не разговаривает, которого невозможно заставить «представлять» действительно ЦК, а не самого себя! Я очень хорошо понимаю, какие сильные резоны заставляют нас всех и вас особенно желать «мира», желать назначения Плеханова, но я убедился, что такие шаги, без реального обеспечения дела, вызовут новые расколы, нарушения договоров, пререкания, новое озлобление и только отдалят дело объединения».

И далее Ленин подчеркивал необходимость иметь при существующем положении в МСБ безусловно своего человека, твердо отстаивающего линию большевизма. Назначение Плеханова, ввиду того что он занял резко враждебную позицию в отношении решений III съезда, не состоялось. В МСБ был делегирован в конце концов Ленин, однако по свидетельству редакции второго издания соч. Ленина

«члены ЦК (Богданов, Красин, Румянцев и Постоловский) долго колебались в вопросе о назначении Ленина своим представителем в МСБ вместо Плеханова. И лишь постановление Южно-русской учредительной конференции, обратившейся к Плеханову с предложением представлять меньшевиков в МСБ, положило конец этим колебаниям».

Назначенные меньшевистской организационной комиссией уполномоченными для ведения переговоров об объединении Гринцер и Тарасевич прекрасно учли в свою пользу и требования объединения со стороны рабочих и шаткость позиций Богданова и особенно Красина, у которого примиренческий стаж числился с 1903 года. Чрезвычайно характерны те условия, которые Гринцер и Тарасевич предложили положить в основу практического объединения. Условия эти были следующие:

«Так как желательнее прямое и полное объединение, чем частичные соглашения, притом объединение без созыва нового съезда, то Организационная комиссия предлагает следующие обязательные реформы: а) дать районным комитетам решающий голос по вопросам общей политики местных организаций; б) дать решающий голос всем органи-

зациям рабочих по отношению ко всем случаям массового выступления; в) между съездами собирать «центральные конференции» из представителей областных комитетов или виднейших местных комитетов. ЦК обязан руководиться директивами этих конференций; г) ЦК включает в свой состав представителей обеих частей партии; д) в случае объединения «Искра» и «Пролетарий» функционируют оба в качестве официальных органов партии.»

И примиренчески настроенные цекисты такое склеивание различных частей партии готовы были принять за «ликвидацию раскола». ЦК в своем ответе заявил, что ни один из 4 пунктов, за исключением пункта д, по поводу которого желательно снестись с редакциями обоих органов,

«не стоит в принципиальном противоречии с основами организационного устава, выработанного III съездом» (Разрядка наша.— *Ред.*

Далее ЦК, «не возражая против утверждения, что объединение возможно и без созыва нового съезда, подробно останавливается только на трудностях, но не на невозможностях выполнения этих условий. В частности, по пункту г (т. е. по вопросу о кооптации меньшевиков в ЦК) ЦК заявил, что

«по существу он вполне приемлем и дело сводится к конкретному соглашению обеих сторон».

Ленин резко и решительно выступил против такого «объединения», причем особенно возмущался тем, что сдачу позиции Богданов и Красин прикрывали рассуждениями о том, что переговоры велись в духе решений III съезда.

Ленин конечно отмечал, что не решения III съезда, а их дискредитация в сущности имела место в переговорах с меньшевиками у Красина, Богданова и др. Между тем политика примиренцев была опасна еще тем, что разрушающе влияла на местную работу, давая кое-где «плоды» (как мы уже отмечали выше, на местах началось именно такое механическое объединение с меньшевиками). Предчувствуя неизбежно начало такой дезорганизаторской работы, Ленин решительно атакует ЦК. 27(14) VIII Ленин пишет ЦК:

«Дорогие друзья! Только что прочел в «Искре» № 107 протокол совещания 25 (12)/VII 1905 между ЦК и Организационной комиссией. Крайне грустно, что от вас обещанных протоколов нет до сих пор. Нет и писем. Право же, так нельзя вести дело! Я ничего не знал ни о плане выпустить открытое письмо, ни о плане переговоров, ни о плане таких-то уступок. Разве позволительно так относиться к члену коллегии?? Подумайте, в какое положение вы меня ставите! (Право хочется бросить все при таком отношении, ибо работать так нельзя). Положение абсолютно невозможное, ибо именно здесь, за границей, отвечать открыто должен всем я, — вы сами должны признать это, подумав хладнокровно.

Ваш ответ Организационной комиссии возбуждает целый ряд недоумений. (Видно, что меньшевики «передипломатили» вполне). Ничего не могу понять, — хитрите вы что ли?? Разве вы забыли, что есть прямая резолюция III съезда о необходимости утверждения условий слияния новым съездом?? Как можно говорить всерьез о кооптации в ЦК при двух конкурирующих органах?? Как можно было не поставить меньшевикам принципиального ультиматума в организационном вопросе: (1) съезды вместо плебисцитов как верховный орган партии; (2) безусловное подчинение партийной литературы партии; (3) прямые выборы в ЦК; (4) подчинение меньшинства (без кавычек) большинству и т. д.??»

«Ничем нельзя так повредить делу будущего единства, как фиктивным, никого не удовлетворяющим соглашением, оставляющим почву для борьбы; такое соглаше-

сние приведет лишь неизбежно к новому разрыву и удержанию озлобления!». (Разрядка наша. — *Ред.*)

Далее в письме от 28(15)/IX 1905 г. Ленин пишет:

«Вы пишете, что не хитрили с Организационной комиссией, а исполняли волю III съезда. Я думаю, что вы тут явно неправы. О необходимости подготовки условий объединения и двух съездов для объединения (в одном месте и в одно время с обязательством каждой организации подчиниться решениям своего съезда) я писал вам еще 28 (15) июля. Значит, тут разногласий нет. Но что вы забыли о тайной резолюции, об обязательном утверждении условия слияния IV съездом, этот факт остается фактом. Я на него и напирал. Организационная комиссия в двух пунктах своего заявления («Летучий листок» ЦК № 3, стр. 5) в пункте 2 и в пункте 3 прямо говорит против объединения путем съезда. Этого нельзя отрицать. А вы в ответе ни звука о своем несогласии!! Вышло именно так, что резолюцию вы отменили. Что это ошибка и что ее надо исправить, это неоспоримо.

Наконец, другая неоспоримая ошибка: отсутствие прямого ответа Организационной комиссии. Вы пишете, что «речь шла о слиянии на основах III съезда». Помилуйте, господа! Зачем обманывать себя? зачем ослаблять свою верную позицию явным лицемерием??

Слияние на основе III съезда отвергнуто. (Разрядка наша.— *Ред.*) Его предлагали еще здесь прямо и Плеханову и Организационной комиссии и Винтер [1] и Вадим [2].

Но это отвергнуто. Значит, остается соглашение до IV съезда и слияние на «основах чегвертого съезда». Вместо этого прямого и ясного ответа и заявления во всеуслышание вы перед публикой обходите суть вопроса молчанием (ибо Организационная комиссия явно предлагает слияние не на основах IV съезда, а вы отвечаете: в общем приемлемо, хорошо, побеседуем еще). А мне вы пишете: «нашим ультиматумом был устав III съезда». И это не самообман? Ведь если вы скажете это публично, то, во-первых, вас осмеют все большевики, а, во-вторых, меньшевики ответят вам так, что все ваши добрые намерения о слиянии полетят к чорту!

По-моему, лучше прямо заявить партии: к сожалению, они отвергли слияние на основах III съезда. Давайте готовить IV съезд так, чтобы в одно время и в одном месте собралось два съезда. Давайте готовить план слияния» [3].

Энергичный протест Ленина, поддержанный широкой партийной массой, возымел свое действие. В 1905 г. обстановка уже значительно отличалась от обстановки в эпоху раскола. Как никак, меньшевики себя успели настолько дискредитировать, что на «иконах» или на объяснениях разногласий одной нетерпимостью Ильича далеко уехать нельзя было. Партия росла и скрыть от нее больших принципиальных разногласий с меньшевиками уже нельзя было. Принципиальная платформа была необходима, если только не стать открыто на сторону меньшевизма. И примиренческий ЦК вынужден был сдаться.

В результате всего этого Красин и Богданов, ведшие «примирительные» переговоры с Организационной комиссией, на третьем совещании держались твердой позиции и заявили: «Снесшись со своим ответственным редактором ЦО» Центральный комитет высказывается всецело за единый центральный орган, так как «существование двух центральных или двух официальных органов партии было бы как нельзя более вредно для дела партийного объединения». (это были бы два общепартийных центра для подбора и кристаллизации всевозможных разногласий и недоразумений); затем ЦК полагает,

«что в случае окончательного отказа тт. меньшевиков от объединения на основе III пар-

[1] Т. е. Красин. — *Ред.*

[2] Т. е. Посталовский. — *Ред.*

[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 203—204.

тийного съезда единственным возможным способом слияния обеих сторон явился бы объединительный съезд» [1].

Между тем слабостью ЦК пользовались меньшевики. Объективное положение в меньшевистской фракции требовало чрезвычайной осторожности. У меньшевиков, по существу, не было центров. Директивы ОК не были обязательны для всех меньшевистских организаций; «Искра» не подчинялась ОК и носила имя центрального органа самозванно. Сверх того, при том понимании § 1 устава, какое было у меньшевиков, они принимали в партию зачастую совершенно чуждый элемент. Например в 1906 г. меньшевики в железнодорожном районе в Петрограде приняли в партию Прокоповича, участника и активного деятеля левокадетский печати. При таких условиях объединение разбавляло партию, превращало ее в неоформленную организацию.

«Мы не должны смешивать политику объединения двух частей со спутыванием обеих частей, — писал Ленин ЦК. — Объединить две части согласны. Спутать две части — никогда... Мы же должны все усилия и все помыслы направить к сплочению, к лучшей организации нашей партии... Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованны, если мы от себя удалим всяких кисляев и перебежчиков, тогда наше твердое ядро, хотя не очень большое, поведет за собой всю ораву «организационной туманности» [2].

Именно поэтому Ленин и настаивал на следующем плане объединения: либо меньшевики подчиняются условиям III съезда, либо, в случае отказа, обе фракции одновременно собирают свои съезды, точно выяснив, какие организации куда входят, причем решения съездов обязательны для всех организаций каждой фракции, а затем оба съезда намечают уже план слияния партии.

Между тем меньшевики явно стали на путь торможения объединения, сохраняя свою фракционную нетерпимость и обособленность, что повело к разрыву переговоров. Так обстояло дело с объединением до октябрьской всеобщей стачки.

Октябрьская освободительная борьба вновь подняла вопросы объединения, но уже на новой основе: в борьбу за единую партию втянулись низовые организации.

До сих пор партийные организации имели дело с одиночными с.-д., выделившимися из пролетарской массы. Сейчас партия столкнулась с массовыми представителями рабочего класса, что потребовало изменения методов агитации и пропаганды и изменения самой организации. От кружковой агитации партия стала переходить к митинговой, к большим собраниям, массовым кампаниям. Стали пересматриваться программы и методы пропагандистской работы в сторону большей популярности, большей близости и соответствия массовым запросам и т. п. В области организации партия перешла к широкому применению выборного начала и, сохраняя весь конспиративный аппарат, приступила к созданию новых партийных или полупартийных, примыкающих к партии организаций — клубов, читален, чайных, союзов, групп и т. п. Самая партийная организация стала перестраиваться на новый лад. Так большевистский районный комитет Петербургской стороны принял следующие формы организации: 1) основу партийной организации образуют завод-

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 455.

[2] Там же, стр. 247.

ские и фабричные социал-демократические группы, в члены которых принимаются все, удовлетворяющие § 1 устава и представившие рекомендации двух членов группы; 2) заводские группы избирают из своего состава заводской или фабричный комитет и представителей в районный комитет; 3) районный комитет, ведущий и руководящий всей работой, образуется из представителей групп по 1 на 10 чел. и представителя Коллегии пропагандистов и агитаторов.

Большевистский ПК решил перестроить всю партийную организацию по принципу выборности всех учреждений снизу доверху. В особом обращении к партии ПК предложил

«приступить немедленно и самым энергичным образом к созданию более широких, новых низших учреждений партии, не стесняясь формой (с.-д. клубов, с.-д. заводских собраний, с.-д. групп и т. п.)».

Новым организациям предлагалось приступить к выбору своих комитетов.

«Петербургский комитет распустится, — добавляла резолюция, — и передаст полномочия новому центру, когда указанная организационная работа приведет к его созданию»[1].

Одновременно низовые организации под давлением объективной необходимости единства действий приступили к объединению фракций. Формы этих объединений носили различный характер. 19(6) ноября в Одессе все организации слились сверху донизу, образовав единый комитет. Такое же полное объединение произошло в Перми и Екатеринбурге. В Киеве 15(2) ноября было решено всю подготовительную, чисто организационную работу вести каждой фракции отдельно, все же открытые выступления вести совместно. В Петербурге для объединения действий был создан «федеративный совет» из равного числа представителей от большевистского ПК и меньшевистской Петербургской группы РСДРП. В Харькове и Баку были созданы такие же «федеративные советы» большевистских и меньшевистских комитетов с той или иной степенью объединения в низовых организациях. В Саратове была создана внефракционная организация, решившая послать своих представителей с совещательным голосом и на большевистский съезд и на меньшевистскую конференцию. Такая же объединенная организация была создана и в Тамбове, причем Тамбовская группа РСДРП обратилась со специальным заявлением в большевистский орган «Новая жизнь», спрашивая, будет ли она допущена на съезд. В Николаеве еще в июле обе фракции выделили по 2 представителя в особую комиссию — «объединенная организация социал-демократов г. Николаева», в задачу которой входила выработка плана совместного выступления. Как ни разнообразны были формы объединения, основная масса большевистских организаций осталась верна директиве Ленина — объединение двух частей не является спутыванием двух частей. Опираясь на идущий снизу процесс, ЦК снова начал переговоры с ОК, причем ряд большевистских организаций прежде всего нанес удар господствовавшим в ЦК примиренческим настроениям, полностью присоединившись к позиции Ленина. Так, Иваново-вознесенский комитет в начале ноября принял резолюцию, в которой, призна-

[1] «Новая жизнь» № 17, 2 дек. (19 нояб.) 1905 г

вая необходимость объединения, подчеркнул, «что объединение возможно лишь на основе постановлений III съезда или же осуществимо путем созыва внеочередного Объединительного съезда». Курский комитет 30(17) ноября занял ту же позицию; конференция северных комитетов, состоявшаяся в Москве 4—6 декабря (21—23 ноября) из представителей Нижегородского, Тульского, Тверского, Иваново-вознесенского, Ярославского, Костромского, Владимирского, Московского комитетов, приняла директивы ЦК.

Организационная комиссия, явно спекулируя на объединительных иллюзиях, снова отказалась слить оба центральных органа, что сводило на-нет всякое объединение. Во избежание дальнейшего давления со стороны низов ОК, поспешил назначить на 3 декабря (20 ноября) свою отдельную меньшевистскую конференцию. Нежелание слить органы меньшевики объясняли, во-первых, тем, что объединение может состояться и без немедленного слияния, во-вторых, речь, по их мнению, идет о создании ЦО, а это может сделать лишь съезд, в-третьих, и это, как увидим позже, основное — «наличная редакция «Новой жизни» включает элементы, непригодные для редакции руководящего органа партии» («Начало» № 16, 15 (2) декабря 1905), т. е. меньшевики выступили против руководящей роли Ленина.

Большевистскому ЦК оставалось объявить созыв IV очередного партийного съезда, куда наряду с организациями, имевшими право решающего голоса по уставу, пригласить также и вновь созданные организации с тем, чтобы их совещательные голоса на самом съезде были превращены в решающие. Комментируя воззвание ЦК, Ленин в статье «О реорганизации партии» писал:

«На то, что «верхи» партии объединятся сами, рабочие почти потеряли надежду. Необходимость объединения была признана официально и III съездом РСДРП и конференцией меньшевиков в мае текущего года. С тех пор прошло полгода, а объединение почти не двинулось вперед. Неудивительно, что рабочие стали проявлять нетерпение. Неудивительно, что «Рабочий, один из многих», писавший об объединении в «Искре», погрозил наконец социал-демократической интеллигенции «кулаком снизу»... Мне сдается, что теперь настала пора, когда **сознательные** рабочие социал-демократы могут и должны осуществить свое намерение...» [1]

В качестве практического лозунга Ленин выдвинул следующее положение:

«Теперь есть уже налицо возможность не только **убеждать** объединиться, не только добиваться **обещаний** объединиться, а **объединить** на деле простым решением большинства организованных рабочих и в той и в другой фракции».

В целях давления на меньшевистских вождей, увиливавших от слияния фракций из боязни потерять влияние и раствориться среди новых организованных с.-д., настроенных революционно, партийные организации подхватили лозунг и перешли к непосредственному объединению. ПК еще 28(15) ноября в «федеративном совете» стоявший за сохранение отдельных организаций вплоть до полного объединения на съезде, 5 декабря (22 ноября) принял решение о полном слиянии своей организации и организации меньшевиков и о создании организационного комитета из равного числа членов от ПК и Петербургской группы «для выработки согласованного устава, основанного на проведении выборного начала снизу доверху». 6 декабря (23 ноября) состоялось первое

[1] **Ленин**, Соч., т. VIII, стр. 379.

заседание Организационного комитета, а 10 декабря (27 ноября) был опубликован и новый пункт устава Петербургской организации РСДРП.

Меньшевистская конференция, состоявшаяся в начале декабря нового стиля, под влиянием периферийных работников отказалась от своей непримиримой позиции и всех ультиматумов, особенно в вопросе сохранения двух центральных органов. Конференция признала необходимым созыв Объединительного съезда на началах пропорционального представительства от каждой местности по числу членов партии, слияние ЦК и ОК, образование единого центрального органа, причем конференция специально оговорила, что меньшинство не должно стремиться к численному преобладанию своих сторонников в редакции, чем с головой выдала фракционность меньшевистких вождей в вопросе о ЦО. Кроме того в целях облегчения объединения конференция изменила § 1 устава партии — о членстве — в духе большевистской формулировки. Однако меньшевистским лидерам удалось протащить один из своих ультиматумов:

«члены редакции ЦО не могут в то же время состоять в числе практического органа»,

так гласил один из пунктов резолюции, которым Ленину закрывался доступ в ЦК. На этой конференции между прочим в качестве гостей присутствовали Ленин и Богданов.

Большевистский съезд собрался 25(12) декабря и работал до 30(17) декабря. Что речь шла именно о большевистском съезде, показывает специально опубликованное в «Новой жизни» обращение Центрального комитета «ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам» [1]. Между прочим в специальной сноске к заглавию подчеркивалось, что обращение принято «единогласно в полном составе Центрального комитета». Этой сноской подчеркивалось участие Ленина в работе над документом. О том, что речь шла о съезде, говорит в своей статье «Государственная дума и социал-демократическая тактика» [2]. Однако вследствие железнодорожной забастовки и главным образом Московского вооруженного восстания на съезде отсутствовал целый ряд делегатов, что заставило собравшихся объявить себя конференцией. Конференция эта, собравшаяся в Таммерфорсе, известна под именем Таммерфорсской.

В то время Таммерфорс был центром финляндского социал-демократического движения. Конференция находилась буквально под охраной революции. Прекрасное описание обстановки, в которой заседала конференция, дано в статье Крупской:

«В начале декабря состоялась Таммерфорсская конференция. Как жаль, что не сохранилось протокола этой конференции! С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого собрания соответствовала целиком настроению делегатов. Вряд ли кто из бывших на этой конференции делегатов забыл о ней. Там были: Лозовский, Баранский, Ярославский, и многие др. Мне запомнились эти товарищи, потому что уж больно интересны были их «доклады с мест» [3].

[1] См. «Новая жизнь» № 9 от 23(10) ноября 1905 г.

[2] Ленин, Соч., т. IX.

[3] Крупская, Пятый год, «Правда» за 1925 г.

Протоколов этой конференции нет. До сих пор неизвестен также полностью состав ее участников [1].

Неизвестен точно так же порядок дня конференции. С отчетным докладом от ЦК выступил П.П. Румянцев (доклад этот, по отзывам делегатов, был чисто организационным). Затем, по воспоминаниям Сталина — виднейшего участника конференции,— Ленин выступил с докладом по текущему моменту. Резолюции по этому докладу принято не было. Следующим вопросом, стоявшим перед конференцией, был вопрос об объединении обеих частей РСДРП. По этому вопросу были приняты три резолюции, на которых мы останавливаемся ниже. Далее стоял аграрный вопрос, по которому докладчиком выступал Ленин. Последним вопросом порядка дня был вопрос о Государственной думе, по которому выступал Горев, но Горев не отражал партийного мнения и высказал взгляд, близкий к мнению единственного меньшевистского делегата на конференции Смирнова (Гуревича). Горячую отповедь Горев получил со стороны Сталина. Его речь, четкая и страстная, запомнилась почти всем делегатам. Говорят, что после слов Смирнова:

«Вот как мы полагаем» Сталин бросил ему: «То, что в вашей голове, совсем неважно, никому неинтересно, а вот при каких условиях выгоднее всего обеспечить наступление против реакции — это очень важно» [2].

Резолюция о бойкоте Думы была выработана комиссией из 5 чел., в составе: Ленина, Красина, Нельситова, Сталина и Ярославского. Так как в этой резолюции говорилось о необходимости, в связи с тактикой бойкота Думы, готовить восстание, то отдельной резолюции о вооруженном восстании принято не было.

Президиум конференции состоял из 3 лиц: председателя — Ленина и двух товарищей председателя — Горева и Бородина (на конференции Кирилл).

Из гектографированного оттиска резолюций известно, что общий организационный вопрос и вопрос об объединении был расчленен и подготовлен разными товарищами. Так, вопрос о слиянии центра был разработан Горевым (на конференции — Леонтьев). В принятой резолюции, написанной Горевым, решено было предложить и ЦК и ЦО [3] составить на паритетных началах. В от-

[1] Из 41 участника, названных Лениным, известны в настоящее время 37: Петербург — Горев (Леонтьев), В. С. Цицарин; Николаев — Радус-Зенькович, Павел Софронов; Таганрог — К. Н. Старцев; Тула — П. Ф. Куделли (Тетенька), А.Фролов; Кострома — О. А. Квиткин (был выбран, но не мог приехать); Тифлис — Сталин (Иванович); Телия — Георгий; Тверь — А. И. Буланов, П. Н. Мостовенко; Уфа — А. В. Кибардин; Саратов — П. М. Нельситов (Воронов), В. К. Сережников; Рига — Бородин (Кирилл); Тамбов — Н. С. Васильев; Казань — Лозовский, Алуф (Адашев); Нарва — М. А. Рейснер, М. Муггу, Сибуль (Иван Народный); Ярославль — Ярославский (Емельянов-Медведев); Вятка — В. А. Горбачев (Александров); Воронеж — В. И. Невский, Б. Г. Большаков; Сибирь — Баранский; Самара — Агарев (Павел) — (оба опоздали на конференцию). Далее присутствовали: Мостаев (Коночник), Ленин, Н. К. Крупская, Л. Б. Красин, П. Н. Румянцев, Л. М. Книпович (Дяденька), Фридолин (Варенька), Э. Л. Гуревич-Смирнов (Дааневич) и от Перми — под кличкой Правдина (женщина) — не установлено кто именно.

[2] Труды 1-й Всесоюзной конференции историков марксистов, т. I, стр. 225, изд. Комакадемии.

[3] Подготовлявшееся объединение обеих фракций выразилось, между прочим, после закрытия полицией «Новой жизни» и «Начала» в выпуске газеты под общей редакцией. Сначала

личие от резолюции меньшевистской конференции, принято:«Члены редакции могут быть членами практического центра». Меньшевики заботились о страховке: не пустить в ЦК Ленина.

Затем Лозовский предложил, и конференция приняла пункт о немедленном слиянии на местах параллельных организаций.

По вопросу о созыве Объединительного съезда резолюцию внес и защищал Румянцев (подписана Румянцевым и Лениным). Ленин выступал с небольшой речью по этому вопросу. Не удалось, к сожалению, установить, кем написана резолюция о реорганизации партии; возможно, что Лениным.

Вести о разгоревшемся Московском восстании заставили спешить с работами, и конференция 30(17) декабря закрылась. 31(18) декабря делегаты возвратились в Петербург.

Огромна была на конференции роль Ленина. Эта роль прекрасно обрисована Сталиным в его небольшой, но яркой статье «Первая встреча с Лениным» [1].

Роль и значение Таммерфорсской конференции в истории нашей партии очень велико. К сожалению, только в самое последнее время занялись изучением истории этой конференции. В сущности именно эта конференция и выработала «платформу объединения». С этой точки зрения Стокгольмский съезд, происходивший в обстановке начинавшейся реакции, сыграл роль «объединительного», уже чисто формально — по существу это был разъединительный съезд.

в) IV СЪЕЗД.

В силу решений обеих конференций были созданы редакция Объединенного Центрального Органа и Объединенный ЦК, обратившийся к партии с двумя воззваниями.

Изложив историю созыва конференций и проанализировав их решения, воззвание по вопросу о Думе подчеркивало,

«что представители обеих фракций сходятся в основном взгляде на Думу: попытке правительства фальсифицировать представительство и Думой подменить Учредительное собрание необходимо противопоставить попрежнему лозунг созыва революционным путем Всенародного учредительного собрания и самую энергичную подготовку к вооруженному восстанию. Сообразно этому взгляду участие со стороны партии в конечной стадии избирательной кампании, т. е. в выборах самих депутатов Думы, признается при настоящих условиях недопустимым. Мнения разделились только относительно участия партии в первых избирательных стадиях, т. е. участия в выборах уполномоченных и выборщиков».

вышли три номера газеты «Северный голос», а затем, после ее закрытия, вышел еще один номер газеты под названием «Наш голос». Газеты эти однако носят явно меньшевистский характер. По воспоминаниям М. С. Ольминского («Пролетарская революция» № 2—3 за 1930 г.): «После этого вплоть до конца апреля 1906 г. — до «Волны» у большевиков не было своей газеты — не было даже газет однодневок, был только журнал «Вестник жизни» — мало распространенный и не влиятельный».

[1] «Огонек» № 4 за 1925 г. К сожалению, до сих пор эта замечательная «страничка» не переиздана отдельно. Между тем мы имеем в ней лучшую характеристику Ленина.

Обе фракции таким образом признали необходимым бойкот Думы, предоставив вопрос об участии в выборах решению местных организаций с тем, чтобы окончательно решение было вынесено съездом, о созыве которого извещало второе воззвание. На самом съезде Дан пытался отрицать этот факт признания бойкота, когда о нем вспоминали большевики:

«При объединении, — говорил Дан, — состоявшемся в силу постановлений конференций меньшевиков и большевиков, редакция была составлена из представителей обеих фракций поровну. Но сейчас же выяснилось, что при таком составе нет возможности выпустить ни одного номера, если не пойти на известный компромисс. И тогда было решено вопрос о самой Думе оставить в стороне, не выдвигать его, временно умолчать о нем Умолчать о Думе и решить бойкотировать ее — это вовсе не одно и то же».

Но депутаты съезда дали Дану резкий отпор, подчеркнув тем самым, что и меньшевики в общем и целом признали бойкот.

Местные организации приступили к подготовке съезда, занявшись прежде всего решением вопроса об участии или бойкоте первой стадии выборов.

Петербургский объединенный комитет созвал 24(11) февраля 1906 г. конференцию, которая 36 голосами против 29 высказалась за бойкот. По подсчету Объединенного петербургского комитета за бойкот высказались 1 168 социал-демократов, а против — 926. В Польше рабочий класс почти полностью бойкотировал Думу, при этом польские социал-демократы, как подчеркнул на IV съезде А. С. Варский,

«посредством бойкота так сорганизовали массы, что на заявлениях против участия в Думе собрали гораздо больше протестующих подписей, чем депутаты Польши имеют избирательных голосов» [1].

Полностью бойкотировала выборы латышская социал-демократия. За бойкот высказался также и Бунд. За бойкот высказался и ЦК Украинской с.-д. рабочей партии. В Екатеринославе Комитет высказался за меньшевистскую тактику участия в выборах, но рабочие порвали листовки и отказались выбирать. В Кинешме комитет призвал рабочие массы к бойкоту. Орехово-зуевские рабочие не согласились с постановлением Московского областного комитета, требовавшего участия в выборах на первой стадии, и блестяще провели бойкот. В Одессе, несмотря на нажим хозяев и полиции, рабочие большей частью бойкотировали выборы. В Ярославле под влиянием большевиков за бойкот высказалось более 80% рабочих. В Баку на межрайонном собрании социал-демократов 19 высказались за бойкот, 12 против, а за участие в Думе 6, после чего бакинский пролетариат был призван к бойкоту. В Кутаисе Комитет решил бойкотировать выборы, но из Тифлиса приехали меньшевистские лидеры и предложили перерешить вопрос и т. д.

К марту 1906 г. выяснилось, что в большинстве районов комитеты приняли большевистскую тактику, и Объединительному съезду оставалось организационно сделать это решение обязательным для всей партии.

IV съезд собрался в апреле 1906 г. в Стокгольме в составе 111 делегатов с решающим голосом, по 1 на каждые 300 членов партии, 22 — с совещательным и представителей Бунда, польской, латышской и украинской социал-де-

[1] Протоколы Объединительного съезда. Гиз. 1926 г. стр. 160

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП В СТОКГОЛЬМЕ, АПРЕЛЬ 1906 г.

Объединительный съезд РСДРП признал **непосредственной** задачей движения — **вырвать власть** из рук самодержавного правительства. Всякий, кто забудет об этой непосредственной задаче, кто отодвинет ее на задний план, **нарушит** волю съезда, и мы будем бороться с такими нарушителями самым резким образом.
(ЛЕНИН).

ПРЕЗИДИУМ СЪЕЗДА

Зал заседания IV съезда в Народном доме.

Ленин

Плеханов

Дан

Здание Народного дома, в котором происходил IV съезд.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦИЙ

От социал-демократической Польши и Литвы.

Варшавский (Варский) Дзержинский. Ганецкий

От Бунда.

Ионов (Кйген) Рейн (Абрамович) Либер (Гольдман).

От Латышской соц.-дем.

Бушевич Дамбит (Дерман) Озоль

ПОРЯДОК ДНЯ:

а — Пересмотр аграрной программы.

б — Вопрос о тактике.

1 — О текущем моменте.

2 — По отношению к выборам в Гос. думу и к самой Думе.

3 — Вооруженное восстание.

4 — О партизанском выступлении.

5 — Временное революционное правительство и революционное самоуправление.

6 — Отношение к Совету рабочих депутатов

7 — Профессиональные союзы.

8 — Отношение к крестьянскому движению

9 — Отношение к различным несоциал-демократическим партиям.

10 — Отношение к требованию особого Учредительного собрания для Польши.

в — Организация партии.

1 — Объединение с национ. с-д-ми организациями (соц.-дем Польши и Литвы, Латвии, Бунд).

г — Отчеты и

д — Выборы.

На съезде произошло слияние с РСДРП национальных соц.-дем. организаций:

1) Латышской СДРП.

2) Соц.-дем. Польши и Литвы и

3) Бунда (еврейской организации).

Были выработаны условия слияния, причем первые две партии получили территориальную автономию (т.-е. в их губерниях все с.-д., без различия национальностей являлись членами их организаций). Бунд же вошел в партию, как с. д. организация еврейского пролетариата, неограниченная в своей деятельности районными рамками.

мократии, которым съезд предоставил совещательные голоса. Среди решающих голосов на долю меньшевиков приходилось около 60 голосов (максимальное число голосов, собранных меньшевиками — 62), на долю большевиков 46, а остальные, в общем, 6—9 голосов принадлежали внефракционным социал-демократам, пытавшимся занять примиренческую позицию. Примиренцы, среди которых имелось несколько троцкистов, полностью поддерживали меньшевиков и только в одном случае голосовали против чрезвычайно оппортунистической поправки Плеханова, предложившего в резолюции по вооруженному восстанию. слова «вырвать власть» заменить словами «вырвать права силой». Имея твердое большинство, меньшевики с самого начала съезда постарались это большинство закрепить, отложив обсуждение вопроса о слиянии с национальными социал-демократическими партиями на конец заседаний.

Присутствовавшие на съезде национальные социал-демократические партии на 3-м заседании внесли предложение поставить вопрос объединения с национальными социал-демократическими организациями в первую очередь. Однако предложение это было отвергнуто меньшевистским большинством съезда из боязни усилить позицию большевиков, с которыми солидарны были в основных вопросах тактики национальные социал-демократические партии. «Нам нужно сначала самоопределиться внутри себя, а потом объединяться», аргументировали меньшевики свое предложение, явно выдав боязнь, что голоса поляков и латышей и др. усилят большевиков. Съезд принял предложение Дана ограничиться избранием комиссии, которой и была поручена подготовка этого вопроса к съезду. В комиссию были избраны: Дианов (Сан Девдориани), Литвинов (Б. В. Вигилев), Островский, Панов (И. А. Теодорович) и Матвеев (В. А. Базаров). Самый вопрос об объединении был перенесен на последние заседания съезда, чем и было достигнуто устранение представителей национальных социал-демократических организаций от голосования на съезде по всем важным вопросам. С этой же целью — закрепления своего преобладания меньшевистское большинство боролось за каждый отдельный голос при помощи специально подобранной мандатной комиссии, споры о которой принимали такой острый характер, что первый состав комиссии полностью вышел в отставку.

Съезд наметил следующий порядок вопросов, часть из которых, за отсутствием времени, не обсуждалась: пересмотр аграрной программы [1], об оценке текущего момента, о тактике по отношению к выборам в Государственную думу и к самой Думе, вооруженное восстание, о партизанских действиях, временное революционное правительство и революционное самоуправление, отношение к Советам рабочих депутатов, профессиональные союзы, отношение к крестьянскому движению, отношение к различным не социал-демократическим партиям и организациям, отношение к требованиям особого Учредительного собрания для Польши в связи с национальным вопросом в партийной программе, организация партии, объединение с национальными социал-демократическими организациями, отчеты и выборы. Таким образом основные вопросы, в которых съезд намечал думскую тактику, — это текущий момент тактика по отношению к выборам в Думу и вооруженное восстание.

[1] См. главу VIII наст. тома. — *Ред.*

Готовясь к съезду, меньшевики в своих проектах резолюций первым вопросом поставили «о современном моменте революции и задачах пролетариата», но на самом съезде выступили против включения текущего момента в порядок дня съезда. «Для партии прежде всего важно то, как члены ее действуют, а не то, что они думают», — так аргументировал Дан против предложения большевиков включить в программу съезда текущий момент, тем самым сбиваясь на буржуазные позиции в понимании роли партии. Тут сразу сказалось, насколько весь идейный багаж «экономизма» вошел составной частью в идеологию меньшевизма. Всю борьбу «Искры» против «экономистов» за необходимость революционной теории,—ибо без революционной теории нет и революционной практики — Дан выбросил за борт, целиком оправдав «экономистов».

Съезд, однако, громадным большинством потребовал включения вопроса, докладчиком по которому от меньшевиков выступил Мартынов, а от большевиков — Ленин.

В то время как большевики — оценивал текущий момент меньшевистский докладчик — считали декабрьское восстание нормальным и стремились к этому, мы, меньшевики, были вынуждены принять в нем участие только потому, что раз вино налито — его следует выпить. Но декабрьское восстание потерпело поражение главным образом из-за отсутствия таких «политических центров», которые способны были бы стать во главе поколебавшихся элементов армии и возбужденных элементов мелкой и средней буржуазии. Сейчас, когда мы стоим накануне нового подъема, таким

«общенациональным политическим центром, в котором организованный пролетариат и организованная буржуазная демократия могли бы объединить, координировать свою борьбу со старым режимом»,

как раз и может стать Дума. Чтобы полностью использовать ее, нужно, однако, отбросить идеи большевиков о превращении буржуазных классов рано или поздно в контрреволюционные группы и заключении прочного блока с крестьянством, заинтересованным в продолжении революции.

«В настоящей стадии революции,— говорил Мартынов, — значительная масса крестьянства проникнута наивной верой в царя, а значительная масса либеральной буржуазии, напротив того, решительно сочувствует конституционному режиму. То же можно сказать о классификации партий...Кадеты субъективно враждебны революции, тем не менее они объективно, помимо своей воли и даже против своей воли, содействуют теперь развитию революции... Эсеры же... несмотря на свои демократические революционные лозунги, имеют очень ничтожное и эфемерное значение и, вероятнее всего, скоро сойдут с политической сцены, сыгравши благодаря своим утопиям и благодаря своему эклектизму вредную роль для социалистического движения» [1].

Основное противоречие, в котором запутались меньшевики, заключалось, таким образом, в непонимании главной формы борьбы для данного периода. Марксизм не допускает, чтобы пролетарская партия зарекалась от тех форм, какие выдвигаются конкретными условиями борьбы. С другой стороны, марксизм учит историческому подходу к формам борьбы, т. е. необходимости анализа всей обстановки и ответа на вопрос, какая же форма борьбы является главной. Меньшевики признавали, что вся совокупность социально-политической обста-

[1] Протоколы Объединительного съезда, Гиз, 1926 г. стр. 138.

новки говорит о новом подъеме революции, форму же борьбы для данного этапа выбирали не революционную, а соответствующую периоду упадка. Такой постановкой вопроса они играли на-руку кадетам, основной задачей которых было отвлечь пролетариат от революционного пути. Что это именно так, свидетельствовала и вторая ошибка меньшевиков, на этот раз высказанная совершенно открыто, а именно, что кадеты, партия либеральной буржуазии, несомненно, революционнее крестьянства. Это было прямым повторением всего меньшевистского учения о движущих силах буржуазно-демократической революции. Раз буржуазия является движущей силой революции, то естественно, что политическая партия буржуазии, кадеты, революционнее, чем политические представители консервативного крестьянства. Вопрос о гегемонии буржуазии в революции выступал тут во всей полноте.

Наконец последней крупной ошибкой меньшевиков было отрицание важности борьбы с конституционными иллюзиями. Дан на-съезде говорил, что социал-демократия всегда обязана бороться с конституционными иллюзиями.

«Но что значит вообще указание большевиков, — говорил Дан, — что задача социал-демократии заключается в разоблачении конституционных иллюзий? Это — не «общее место»? Или большевики хотят сказать, что только в эпоху, когда «свирепствует гражданская война», мы, социал-демократы, должны разоблачать «конституционные иллюзии»? Нет, я думаю, что такого рода иллюзии — иллюзии, будто конституционная борьба внутри парламента сама по себе может привести к мирному разрешению классовой борьбы, — мы должны разоблачать во всякую эпоху».

Дан таким образом не только не понял опасности конституционных иллюзий именно на данном этапе революции, но и не понял, в чем особенность конституционных иллюзий. Суть их не в том, что парламентская или, как выразился Дан, конституционная борьба может привести к мирному разрешению классовой борьбы—для марксистов такой постановки вопроса даже и не существует, — а в том, что определенные слои искренне попались на удочку самодержавия, поверив, что Дума и есть конституция. Конституционные иллюзии, говорил неоднократно Ленин, выступают на первый план тогда, когда на деле конституции нет, а доверчивым массам кажется, что она существует.

Не понял этого и Плеханов, заявив, что борьба с конституционными иллюзиями есть анархизм. Плеханов спутал отрицательное отношение анархистов вообще к парламенту и большевистскую борьбу против определенного вида предрассудков и иллюзий на конкретном этапе революции.

Такое же непонимание этой основной задачи партии проявил и меньшевистский докладчик.

«Мы не отказались бы принимать участие в парламенте, — говорил Мартынов, — и тогда, когда у нас установился бы прочный правовой порядок... Тем более мы имели все основания принимать участие в парламенте, когда прочный правовой порядок еще не установился, когда господство буржуазии еще не утвердилось» [1].

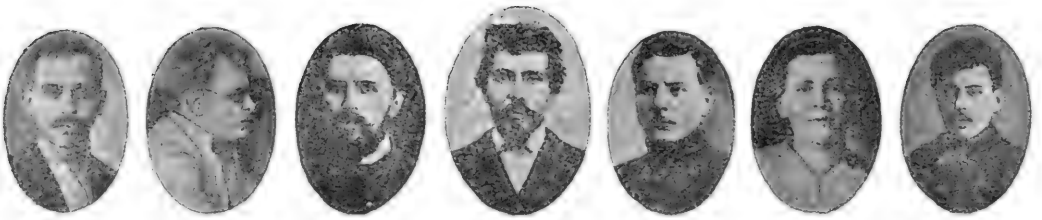
Мартынов свел борьбу с конституционными иллюзиями к вопросу об участии социал-демократии в парламенте, создавая тем впечатление, что и большевики, подобно анархистам, не понимают роли и значения парламента.

[1] Протоколы Объединительного съезда, Гиз, 1926 г., стр. 165.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП В СТОКГОЛЬМЕ, АПРЕЛЬ 1906 г.

БОЛЬШЕВИКИ — УЧАСТНИКИ СЪЕЗДА

Ярославский Крупская Ленин Сталин Бубнов Фрунзе



Седой Накоряков Воровский Рыков Ворошилов Новгородцева Владимиров

Владимирский Гусев Красин Луначарский Стасова Руднев-Базаров Шаумян

Румянцев Сергеев Лядов Десницкий Теодорович Дунаев Позерн

Партия требует... учреждения крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий и для фактического распоряжения конфискованными землями впредь до установления всенародным учредительным собранием нового земельного устройства... Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа... То партия будет добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа.

Из проекта аграрной программы, предлож. Лениным. (Съездом не принята).

Предлагаем съезду признать, что партийные организации, бойкотируя Гос. думу и выборы в нее, поступили правильно... ибо... нет еще условий для вступления нашей партии на парламентский путь.

Из большевистск. проекта революции об отношении к Гос. Думе (Проект съездом не принят).

Несмотря на количественное преобладание меньшевиков на съезде и полную уверенность в утверждении меньшевистской резолюции, сами авторы сняли свою резолюцию, предложив съезду совсем не принимать резолюции. Принятие резолюции, в которой признавался новый революционный подъем и необходимость готовиться к нему, связало бы руки меньшевикам в их кадетской практической политике — таков основной мотив меньшевистского маневра.

Вопрос о Думе на съезде предрешался уже дискуссией о текущем моменте, но ход рассуждений меньшевиков в дискуссии представляет такой интерес для понимания всей позиции меньшевиков, что мы коснемся его хотя бы вкратце.

Съезд поручил подготовку резолюции по вопросу о Государственной думе особой комиссии, но голоса в комиссии разбились поровну, и на съезд были вынесены оба проекта — большевистский и меньшевистский, причем съезд решил заслушать три доклада: от меньшевиков — Аксельрода, от большевиков — Ленина, кроме того, слово для доклада было дано делегату одесской организации Руденко (О. А. Ерманский), занимавшему примиренческую позицию.

Аксельрод начал с того, что заявил, вопреки мнению ряда других меньшевиков, главным образом практических работников, о непримиримом противоречии обеих тактик.

«Я с самого начала заявляю, — говорил Аксельрод, — что тактические разногласия, лежащие в основе резолюций, предлагаемых большинством и меньшинством комиссии... имеют первостепенное принципиальное значение. Разногласия эти являются логическим выводом, отражением или выражением принципиального антагонизма между двумя основными тенденциями, борющимися внутри нашей партии, — тенденциями, непримиримо враждебными между собой и друг друга исключающими. И от окончательной победы той или другой из них зависит судьба российской социал-демократии в ближайшем будущем» [1].

Аксельрод таким образом без обиняков признал то, что меньшевики так или иначе пытались скрыть — непримиримость двух тенденций и необходимость в интересах партии подавить вторую тенденцию. Этим Аксельрод сразу вскрыл весь смысл борьбы вокруг объединения партии. Но это — между прочим. Чтобы доказать непримиримость этих тенденций, Аксельрод начал свой доклад с роли парламента вообще, а затем перешел к истории партии и на нескольких конкоетных примерах показал, куда ведут обе тенденции.

«На Западе, — говорил Аксельрод, — социал-демократия действует в условиях буржуазного общества, в котором буржуазия и пролетариат непосредственно противостоят друг другу, борясь одна за сохранение капиталистических общественных отношений, — другой, пролетариат, за их разрушение. В России мы еще стоим перед буржуазной революцией, поэтому главной и непосредственной задачей пролетариата является не низвержение господства буржуазии, а, наоборот, «разрушение того социально-политического строя, который стоит на пути к ее полному господству». Отсюда в России «политическое порабощение всех классов политически сближает и объединяет пролетариат и буржуазию общим гнетом и общим стремлением избавиться от него». На Западе, — продолжал дальше Аксельрод, — партия пользуется парламентскими учреждениями и избирательной борьбой, чтобы противопоставлять пролетариат буржуазным партиям, и таким образом на конкретных этапах борьбы выясняет пролетариату социальную суть буржуазного государства и роль политических партий буржуазии. В России нет таких учреждений, нет такой возможности

[1] Протоколы Объединительного съезда, Гиз, 1926 г.

для классового антагонизма на конкретных примерах, а главной задачей остается сословный антагонизм, борьба против самодержавия. Если русская социал-демократия хочет воспитать пролетариат для социалистической революции, а не «выполнять под словесной оболочкой марксизма общедемократическую миссию», она должна искать «такие элементы, которые могли бы послужить зацепками», исходными пунктами и орудиями для создания или завоевания нами арены для политической борьбы на основе классового антагонизма буржуазии и пролетариата».

В России, правда, нет всех европейских условий, но есть «зацепки», которые могли бы заменить отсутствующие условия.

Какие же это зацепки? Стачки для этого не годятся, ибо «наша экономическая агитация из узких рамок непосредственного антагонизма отдельных предпринимателей и их рабочих обыкновенно не выходила». Совсем другое дело «земская кампания». Партия должна была повести за собой пролетариат на ту арену, которой завладела либеральная оппозиция; партия должна была появиться вместе с рабочими массами во главе их на всех общественных собраниях, чтобы поставить там политические вопросы.

«Нужно было, — говорил на съезде Аксельрод, — выступать в них с ясно формулированными политическими и экономическими требованиями рабочих масс, руководимых социал-демократией, и, настойчиво подчеркивая готовность этих масс, энергично поддерживать буржуазную оппозицию в борьбе за свободу, добиваться вместе с тем от нее самой всяческой поддержки пролетариату в его собственных освободительных усилиях. Таким путем органы земского и городского самоуправления, различные легальные общественные организации и собрания, легальная печать и все открытые проявления оппозиционных стремлений буржуазии использованы были бы как орудия, зацепки и материал не только в интересах общеполитического движения, не только для расширения и усиления подъема новой революционной волны против сословно-абсолютистского строя, но и в интересах социально-политического воспитания рабочих в классовом пролетарском смысле...» [1].

Такой второй «зацепкой» могла бы явиться Булыгинская дума, если бы партия приняла предложение Аксельрода, а не стала на путь бойкота, такой «зацепкой» должна быть и Виттевская государственная дума.

«Такая атмосфера (политического развития и объединения рабочих масс в самостоятельную классовую организацию),—говорил Аксельрод,—создается именно на почве конституционного строя, открывающего широкий простор для организованной межсословной борьбы разных классов за влияние на власть в государстве. Поэтому с точки зрения развития классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата самый жалкий, даже карикатурный парламентаризм... представляет собой огромный плюс по сравнению с теми ничтожными средствами политического развития рабочих масс, которые до сих пор были в нашем распоряжении [2].

Вы сами без труда поймете, почему мы не допускаем анархического или полуанархического отношения со стороны социал-демократии к Государственной думе. Она представляет собою принципиальный разрыв России со старым режимом. С вступлением в жизнь Государственной думы у нас, следовательно, впервые создается почва для действительно широкой политической борьбы» [3].

Всего этого не понимают большевики, представляющие

«бунтарско-заговорщические тенденции», требуя «абсолютно отрицательного, безусловно враждебного отношения к ней (к Государственной думе), как к учреждению, способному лишь

---

[1] Протоколы Объединительного съезда стр. 177.

[2] Там же, стр. 188.

[3] Там же, стр. 190.

питать «конституционные иллюзии»... «Возлагая все свои надежды и расчеты на удачное вооруженное восстание, технически подготовленное заговорщиками или конспиративным путем, концентрируя или стремясь концентрировать все внимание и все силы нашей партии на такой подготовке народного восстания, большевики тем самым бессознательно толкают ее на путь самого что ни на есть буржуазного революционизма».

Такова схема Аксельрода и оценка двух тенденций в партии. В чем основной смысл этой схемы?

Прежде всего Аксельрод совершенно ушел от конкретного анализа русской действительности. Он даже не попробовал охарактеризовать социально-экономическую обстановку, в условиях которой партия вырабатывала свою тактику, не ответил на вопрос, что представляет собой Дума, интересам какого класса она служит, и даже не попытался остановиться на итогах выборов, давших, несомненно, огромный материал для характеристики позиции отдельных классов и политических партий.

Весь свой доклад Аксельрод свел к характеристике парламента вообще, независимо от конкретного периода существования, и к поискам суррогатов этого парламента, которые позволили бы в России применить механически тактику европейской социал-демократии. Дело не в том, чтобы применить марксистский метод в анализе российской конкретной действительности и выработать на основе такого анализа революционно-марксистскую тактику именно для российской социал-демократии, а в создании и поисках таких условий, учреждений, организаций и т. п., при которых можно было бы просто перенести опыт европейской социал-демократии и механически применить методы и формы работы европейских партий.

Но отказавшись от диалектического подхода к анализу, Аксельрод отрезал себе путь к пониманию конкретных моментов тактики партии. Аксельрод выступил не против бойкота д а н н о й Думы, а против бойкота вообще, как формы борьбы, не отвечающей вовсе интересам пролетариата. По мнению Аксельрода, бойкот Государственной думы, независимо от условий места и времени, не может быть применен социал-демократией даже и в такой обстановке, в какой собиралась Булыгинская дума. Бойкот, по мнению Аксельрода, забывшего официальные решения меньшевистской партии, есть оружие из анархистского арсенала, и именно поэтому тактика большевиков есть тактика бланкистская.

А отсюда прямой путь к признанию парламентской формы борьбы единственно приемлемой для пролетариата формой борьбы. «Самый жалкий, даже карикатурный парламентаризм», по мнению Аксельрода, выше, чем все предыдущие, а значит — и октябрьско-декабрьская форма борьбы. Здесь Аксельроду пришлось подчеркнуть, что Дума, самодержавием собранная и им же подобранная, представляет собой «полный разрыв со старым режимом», т. е. свидетельствует о переходе от полуфеодальной, крепостнической монархии к буржуазной монархии. Тут уже явно проявляется то, что стало идейным исходным пунктом для будущей ликвидаторской идеологии: признание конституционного режима фактом. При такой постановке вопроса естественно, что от Аксельрода нечего было ждать понимания необходимости борьбы с «конституционными иллюзиями». О какой борьбе с ними можно говорить, если с

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП

В СТОКГОЛЬМЕ АПРЕЛЬ 1906 Г.

МЕНЬШЕВИКИ УЧАСТНИКИ СЪЕЗДА

«РСДРП требует... конфискации частновладельческих земель кроме мелкого землевладения и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления, причем минимальный размер подлежащих конфискации земельных участков определяется крупными органами местного самоуправления».

«Из аграрной программы, принятой съездом».

Меньшевистская часть Центрального комитета, избранного на съезде.

«Следует признать желательным, чтобы при наличии с.-д. депутатов, работающих в партийной организации и подчиняющихся ее указаниям, была образована с.-д. группа... которая... должна толкать своей критикой все буржуазные партии к более решительной оппозиции, сплачивать вокруг себя все революционные элементы... Поэтому, всюду, где еще предстоят выборы и где РСДРП может выставлять своих кандидатов, не вступая в блок с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу».

«Из резолюции об отношении к Гос. думе, принятой съездом»

Плеханов **Дан** **Мартов** **Потресов** **Мартынов** **М. слов. П.**

Ларин **Махновец** **Жордания** **Тучапский** **Ломтатидзе** **Зурабов** **Аксельрод**

появлением Государственной думы «у нас впервые создается почва для действительно широкой политической борьбы»?

Наконец последним выводом из схемы Аксельрода, который, впрочем, и сам Аксельрод сделал довольно открыто, было признание необходимости блоков с кадетами.

«Не затушевывая, а, наоборот, — говорил Аксельрод, — подчеркивая или, точнее, выясняя перед избирателями-рабочими «враждебную противоположность» (кавычки здесь указывали, очевидно, на условность этой противоположности. — *Ред.*) классовых интересов пролетариата и буржуазии, партия наша обязательно должна была бы в то же время разъяснить тем же избирателям особенности исторического момента, переживаемого нами, и вызванную этими особенностями необходимость для либеральной буржуазии и пролетариата взаимной поддержки в самообороне и нападениях против общего врага. И во имя этой необходимости партия наша должна была бы взять на себя почетную инициативу в деле выработки и установления на известных условиях определенных отношений между собою и буржуазно-демократическими фракциями, участвовавшими в избирательной кампании. В противном случае мы своим участием в выборах легко могли бы очутиться в роли невольных пособников и союзников партии октябристов и просто черносотенцев. Если германской социал-демократии приходится на перебаллотировках советовать рабочим голосовать за буржуазных демократов и либералов против их реакционных кандидатов, то нам и сам бог велел, нам история властно предписывает, как долг, как обязанность, «поддерживать» оппозиционную и революционную буржуазию в борьбе против общего исторического врага».

Как видно, к блокам с кадетами Аксельрод подошел с точки зрения избирательной борьбы и необходимости самозащиты против полицейского произвола. Но это был, конечно, только маневр, объясняемый общей обстановкой съезда, где многие делегаты, даже меньшевики, еще отрицательно относились к блокам с кадетами, но, по существу, Аксельрод полностью высказался за блоки.

Это и подчеркнуло поведение Акимова, бывшего видного «экономиста», который заявил о своем полном согласии с Аксельродом.

«Я охотно бы, — говорил Акимов, — поставил под нею (речью. — *Ред.)* свое имя, даже не оговаривая тех второстепенных деталей, с которыми я не согласен».

Дальше он так развил мысль Аксельрода:

«Пролетариат занимает в современном движении в России одну небольшую часть поля борьбы, и другие классы ведут ту же борьбу, хотя и своими особыми методами. Тов. Ленин называет ложью заявление кадетов, что они — партия народной свободы. Нет, товарищи, это не ложь. Эта партия есть действительно партия политической свободы и притом не только субъективно, в своем желании, но и объективно, в результатах своей деятельности. Эти люди хотят и борются за народную свободу; мы можем и должны поддержать их»[1].

То, чего не сказал Аксельрод, добавил за него Акимов. Воистину: что у меньшевика на уме, то у «экономиста» на языке.

Внесенная меньшевиками резолюция, в основном, правда, в очень туманной и осторожной форме, повторила основные мысли Аксельрода. Обойдя вопрос о бойкоте, резолюция требовала от партии использования всех конфликтов, возникающих между правительством и Думой, разоблачения перед наро-

[1] Протоколы Объединительного съезда, Гиз, 1926 г. стр. 200. Разрядка наша. — *Ред*

дом непоследовательности всех буржуазных партий, которые возьмут на себя в Думе роль выразителей народной воли и т. п. Резолюция кончалась особым пунктом:

«Кроме того, съезд признает желательным, чтобы при наличности социал-демократических депутатов, работающих в партийной организации и подчиняющихся ее указаниям, была организована социал-демократическая фракция, которая должна будет сыграть в Думе революционную роль, толкая своей критикой все буржуазные партии к более решительной оппозиции, сплачивая вокруг себя все революционные элементы, выдвигая социально-экономические вопросы и подчеркивая их связь с политическими, обостряя конфликт Думы с правительством и поддерживая через посредство партийной организации постоянную связь с широкими рабочими массами» [1].

А сейчас же вслед за докладом Аксельрода группа делегатов с Кавказа, где еще не происходили выборы, внесла к резолюции меньшевиков дополнение, один из пунктов которого требовал:

«Всюду, где еще предстоят выборы, РСДРП должна выставлять своих кандидатов и, не вступая в блок с другими партиями, стремиться провести их в Думу».

Резолюция меньшевиков подверглась резкой критике со стороны Ленина.

Ленин в своей критике выдвинул следующие положения:

Во-первых, меньшевики отказались дать оценку выборов, хотя выборы эти на 9/10 уже закончились. Такая оценка выборов говорила бы против меньшевистской постановки вопроса.

Во-вторых, меньшевики в своей резолюции берут Думу как представительное учреждение вообще, а не конкретно, не как орган, служащий интересам определенного класса.

В-третьих, меньшевики свалили в одну кучу все партии буржуазной демократии, не разделили крестьянскую или революционную демократию от либеральной буржуазии.

Любопытно, что в ответ на эту критику Плеханов заявил, что в своей резолюции меньшевики предлагают бороться со всеми буржуазными партиями:

«обнаруживать перед массой непоследовательность в с е х буржуазных партий»,

а не только кадетов. Плеханов совершенно не понял, в чем состоит задача партии.

«О чем идет речь в данной резолюции? — объяснял Ленин Плеханову его непонимание. — О социалистическом ли разоблачении всех буржуазных партий или об определении того, какой слой буржуазной демократии может т е п е р ь помогать пролетариату вести еще вперед буржуазную революцию? Ясно, что не о первом, а о втором».

Свалив в одну кучу все партии буржуазной демократии, меньшевики облегчали себе возможность будущих блоков с кадетами. Вопрос, по существу, шел уже не о бойкоте выборов в Думу — в большей части России к этому времени выборы закончились, притом меньшевистское большинство высказалось уже по текущему моменту за участие в Думе, — а о максимальном обеспечении социал-демократической выдержанности там, где еще предстояли выборы — в Сибири и на Кавказе. Поэтому, когда Струмилин и Костров внесли поправку к резолюции о Думе:

«...всюду, где еще предстоят выборы и где РСДРП может выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу»,

[1] Протоколы Объединительного съезда, стр. 169.

большевики голосовали за поправку, причем внесли следующее фактическое заявление:

«Мы голосовали за поправку Струмилина и Кострова исключительно потому, что считали полезным и важным осудить от лица партии блоки с другими партиями, вопросу же о выборах в Думу, не состоявшихся до сих пор, не придали практического значения, отнюдь не сочувствуя таковым выборам».

С той же целью — обеспечения социал-демократической выдержанности — большевики выступали с особой резкостью против последнего пункта меньшевистской резолюции, предлагавшей создать в Думе социал-демократическую фракцию. Красин соединил в своей речи все большевистские доводы против организации социал-демократической фракции:

Во-первых, как партия мы в выборах не участвовали; никакой агитации не вели ни в печати, ни устно, ибо вся партия заявила, что в Думе участвовать не будет.

Во-вторых, мы не выставляли своих кандидатов, которые бы представляли взгляды нашей партии в целом.

В-третьих, в Думу могут пройти только случайные социал-демократы, зачастую без достаточной связи с партией, и притом от мелкобуржуазных избирателей или, в лучшем случае, от крестьян, ибо пролетариат бойкотировал выборы.

Для большевиков было ясно, что при сохранении руководства в руках меньшевиков — а это было неизбежно, судя по результатам голосований — социал-демократическая фракция в Думе станет тем официальным представительством партии, через которое меньшевики сумеют провести свою политику блоков с кадетами.

Вот почему этот пункт резолюции подвергся особой критике. Да и меньшевики, в лице Плеханова, сами выболтали, какое огромное значение они придавали этому пункту.

«Выкинуть из него (проекта резолюции. — *Ред.)* пункт, — говорил Плеханов, — относящийся к социал-демократическим представителям в Думе, значит лишить нашу резолюцию всякого практического значения, значит вместе с хвостом резолюции отсечь и ее голову».

На это один из делегатов, Алексеев, остроумно ответил, что меньшевики всегда держат голову слишком близко к хвосту.

Меньшевики придавали настолько большое значение этому пункту, что провалили поправку Стодолина (Н. Н. Накорякова), предлагавшего, чтобы социал-демократические кандидаты в Думу выставлялись местными рабочими организациями. Этот инцидент вызвал со стороны Ленина особое мнение, которое он подал в президиум съезда. В своем заявлении Ленин подчеркнул, что западно-европейская социал-демократия требует тройного контроля за членами парламента: во-первых, общепартийного контроля над всеми членами партии, во-вторых, особого контроля тех местных организаций, которые от своего имени выдвигают кандидатов в парламент, в-третьих, специального контроля ЦК всей партии, заботящегося и следящего за тем, чтобы кандидаты вполне отвечали общепартийным и общедемократическим требованиям.

«Отклонив поправку т. Стодолина, — закончил свое заявление Ленин, — отклонив требование, чтобы в парламентскую фракцию могли входить исключительно те, кого партий-

ные организации прямо выставляли кандидатами в парламент, отклонив это требование, съезд обнаружил гораздо меньшую осторожность в парламентской тактике, чем западно-европейские революционные социал-демократы. Между тем едва ли можно сомневаться в том, что нам необходима теперь, в силу особенно трудных условий открытого выступления социал-демократов в России, безусловно гораздо большая осторожность, чем выработанная опытом революционной социал-демократии Западной Европы» [1].

Этот инцидент с поправкой Стодолина с поразительной ясностью вскрыл весь смысл всего пункта резолюции и всей дальнейшей тактики меньшевиков в Думе. Меньшевики 60 голосами против 47 оставили этот параграф резолюции. Единственная уступка со стороны меньшевиков состояла в том, что они согласились составить инструкцию Центральному комитету, поручающую сообщить всем партийным организациям: 1) кого именно, 2) когда и 3) на каких условиях он назначил представителем партии в парламентской фракции, а также сообщать отчет о деятельности этих представителей партии.

Последней резолюцией, в которой меньшевики еще коснулись оценки текущего момента, была резолюция о вооруженном восстании.

Несомненно, что вопрос о вооруженном восстании играл огромную роль на съезде. Достаточно сказать, что именно в дискуссии по этому вопросу меньшевики еще резче, чем Аксельрод, заявили о несовместимости пребывания обеих фракций в одной партии.

«Теперь ясно видно, — говорил один из меньшевиков на съезде, — что мы стоим на разных точках зрения и что найти между нами среднюю линию невозможно, что или мы должны быть изгнаны из партии, или они. Объединительный съезд показывает, что мы не можем работать в одной партии»[2].

Уже одно это заявление свидетельствует о той остроте, какой достигли разногласия по вопросу о вооруженном восстании.

Весь предыдущий опыт показал, кто и как относится к вооруженному восстанию. В то время как одни считали его чисто теоретической проблемой, большевики вплотную подошли к его подготовке, к его изучению, к тщательному подбору кадров, помня, что восстание, по Марксу, есть прежде всего искусство. В этой связи особенно важно посмотреть на работу в армии, работу по разложению ее и по подготовке к переводу на сторону революции отдельных частей армии, короче, к созданию «революционной армии».

«Революционная армия и революционное правительство, — подчеркивал Ленин значение этой работы, это — две стороны одной медали. Это — два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это— два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены как единственные последовательные революционные лозунги»[3]

К началу 1906 г. существовала уже целая сеть военных организаций при местных партийных социал-демократических комитетах,зачастую с богатым боевым опытом, проводивших большую организационную и пропагандистскую работу. Если было бы неправильным охарактеризовать роль этих организаций как руководящую во время тех или иных выступлений и волнений в войсках — для этого организации в подавляющем большинстве

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 168.
[2] Протоколы Объединительного съезда, Гиз, 1926 г. стр. 263.
[3] Ленин, Соч., т. VII, стр. 386.

случаев были еще слишком слабы,— то остается несомненным, что социал-демократия уже глубоко пустила корни в солдатскую массу, помогала ей оформить свои требования и таким образом завоевывала колоссальный авторитет, налаживая все расширявшиеся связи. Эти связи распространялись не только на солдатскую массу, но охватывали и офицеров.

Вот что по этому поводу сообщает одмн из активных участников движения:

«К этому времени (к весне 1906 г.) во многих городах были уже офицерские кружки с резко революционным настроением, тесно связанные с нашей партийной организацией (Емельянов и Коханский — в Финляндии, Калинин — в Варшавском военном округе, Кузьмин — в Красноярске, Клопов — в Вильне и др.). Весной 1906 г. от имени одной из этих групп был составлен, правда, довольно бледный «устав союза офицеров русской армии» и еще более бледное либеральное воззвание от имени этого союза» [1].

Достаточно краткого перечня социал-демократических большевистских организаций для того, чтобы стали ясными размеры работы, проделывавшейся партией в этом направлении. К началу 1906 г. существовали: Ломжинская военная организация, Самарская, Севастопольская, Александропольская (Кавказ), Тифлисская, Саратовская, Екатеринославская, военная организация Польши и Литвы, Казанская, Либавская, Лодзинская, Гродненская и др. Все эти организации интенсивно работали, выпуская листовки, брошюры, газеты в десятках и сотнях тысяч экземпляров. Легальная большевистская «Новая жизнь», выходившая в конце 1905 г., имела даже специальный отдел, так и озаглавленный: «В армии».

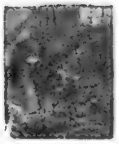
Вообще надо отметить громадную роль специальной литературы и газет в деле пропаганды и агитации социал-демократии среди войск. Основное значение в этом отношении играла специальная солдатская пресса — газеты, издававшиеся на местах военными организациями.

Первые социал-демократические солдатские газеты появляются в августе 1905 г. в Тифлисе, Батуме, Варшаве. Всего в 1905 г. выходило 6 социал-демократических газет. Несколько позже — в 1906 г., когда военные организации усилились и окрепли, количество газет резко повысилось. Начали выходить в разных городах 33 солдатских газеты.

Некоторые из них выходили довольно продолжительные сроки: «Рижский голос солдата» с декабря 1905 г. по февраль 1907 г.; «Варшавский солдатский листок» — с осени 1905 г. и до 1907 г. и т. д. По количеству номеров отдельные газеты достигали 26—31 экземпляров каждая. Тираж газет колебался от 500 и до 20 тыс. экземпляров. Орган ЦК РСДРП «Солдатский путь» печатался в количестве 8—10 тыс. экземпляров, другой орган ЦК «Солдатская беседа»— $3^1/_2$—7 тыс., газета «Казарма» (Петербург) — 5—20 тыс., «Штык» (Либава) — 6 тыс., «Солдатская мысль» (Москва)—5 тыс., «Голос казармы» (Тифлис) 2—6 тыс., «Солдатская жизнь» (Москва) — 5 тыс., «Солдатский листок» (Варшава)— до 10 тыс. и т. д. Помимо упомянутых газеты выходили также при партийных организациях Риги, Севастополя, Уфы, Владимира, Финляндии («Вестник казармы»), Киева, Ташкента, Екатеринослава, Вильно, Асхабада, Гродно, Батума.

[1] Ярославский, «Подпольная работа в армии в 1906 г., «Пролетарская революция» № 5, стр. 168.

СОЛДАТСКИЕ ВОЛНЕНИЯ 1905 Г.



Дмитриевский—активный участник союза военнослужащих.

Смецкой

Яровой

Кузьмин, прапорщик-командующий восставшими солд. ж.-д. батал. в Красноярске.

Василевский

Батрак

Рыбальский, активный участник союза, военнослужащих.

ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ И В СРЕДНЕЙ АЗИИ

С прекращением русско-японской войны солдатская масса, неудержимо рвущаяся домой, заволновалась по всей восточной Сибири.

В ноябре вспыхивает восстание во Владивостоке.

22 ноября в Чите образуется «Совет солдатских и казацких деп. РСДРП».

24 ноября в Чите демонстрация с участием до 600 забайкальских казаков в полном вооружении.

Конец ноября—в Чите «союз военнослужащих».

26 и 27 ноября в Иркутске—солдатские митинги до 5000 чел. на каждом—избран военный стачечный комитет, и выставлены солдатские и политические требования.

30 ноября в Иркутске десятитысячная вооруженная демонстрация войск и горожан.

Конец декабря — восстание железнодорожного батальона в Красноярске.

Забастовка в Ташкенте резервного батал., запершегося в крепости.

Захват крепости обманным путем казаками и расстрел осужденных.

Жадановский Б., поручик, руководитель выступления сапер.

Ванновский А., активный участник восстания

Восстание сапер в Киеве

17 ноября в Киеве две роты сапер 5-го понтонного батальона, выставив ряд требований, организовали 18 ноября вооруженную демонстрацию. Присоединение других саперных частей и артиллеристов к ней. Расстрел демонстрации и подавление восстания.

Члены Читинского союза военнослужащих под судом. (В центре их защитники.

ВОССТАНИЕ 2 УРУПСКОГО П-ка КУБАНСКОГО КАЗ. ВОЙСКА

28 ноября 17-й батальон отказывается ехать на усмирение в Закавказье.

3 декабря 14-й бат. делает то же.

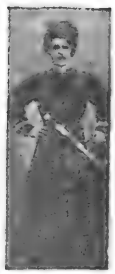
12 декабря 12-й бат. делает то же.

В середине декабря полк самовольно стягивается в Екатеринодар и подает просьбу начальству о полном роспуске полка по домам.

20 декааря, прибыв в Майкоп, полк избирает урядника Курчанова своим командиром и выпускает воззвание ко всем гражданам России с требованием амнистии и Государственной думы.

21 декабря 1905 г.—6 февр. 1906 г. Полк занимает станцию Гиагинскую.

6 февр.—сдается осадившим его царским войскам.—39 чел. урупцев приговариваются к каторжн. работам и в дисциплинарный б-н.



Кургайов урядник, избранный командиром полка восставшими.

ВОЛНЕНИЯ В РЯДАХ МОСКОВСКОГО ГАРНИЗОНА

2 декабря—освобождение силою арестованных товарищей солдатами Ростовского гренадерского полка.

Митинги и предъявления требования начальству. Заметное волнение и требования в Астраханском, Несвижском, Екатеринославском и Перновском полках.

Волнения в Киевском, Таврическом и Самогитском полках.

4 декабря—Чины пулеметчики роты Ростовского полка внесли разложение в движение, отказавшись дальше принимать в нем участие.

Делегация с повинной. Аресты.

Участники восстания в Ростовском п-ку в военной тюрьме.

Несмотря на трудность классификации этих газет на большевистские и меньшевистские, так как агитация, которую развивали эти газеты, носила преимущественно общий характер, не затрагивая внутрипартийные споры, определенно большевистскими следует считать: «Голос солдата» (Рига), «Казарма» (Петербург), «Солдатская мысль» (Москва), «Солдатская жизнь» (Москва), «Солдатская газета» (Москва), «Ревельский военный листок» (Ревель), «Солдат» (Севастополь), «Жизнь казармы» (Воронеж), «Солдатский путь» (Владимир).

Наиболее серьезным и влиятельным большевистским органом, позже ставшим центральным, являлась издававшаяся с 15 февраля 1906 г. «Казарма», распространявшаяся не только в Петербургском военном округе, но и в Финляндском и других округах. Первоначально «Казарма» находилась в руках меньшевиков, но так как очень скоро меньшевики оказались незначительным меньшинством в военной организации Петербурга, «Казарма» перешла в руки большевиков. Редактором стал Н. Ф. Насимович (Чужак), а после его ареста — Ярославский.

Роль всей этой прессы была исключительно велика:

«В общем солдатские газеты сыграли громадную роль в деятельности с.-д. военных организаций. Написанные простым, понятным языком, затрагивая животрепещущие темы, эти маленькие газеты многих солдат заставили задуматься над своим положением, помогли им разобраться в политической обстановке и вовлекли их в ряды военных с.-д. организаций» [1].

То же подтверждает в своих воспоминаниях и Ярославский, рисуя общее положение, складывавшееся к 1906 г., когда размах движения был очень велик:

«Военные организации создавались решительно во всех городах. Вряд ли к 1906 г. был хотя бы один город с крупным гарнизоном, где бы не было военной организации нашей партии. Почти каждый большой город имел свою военную газету» [2].

Меньшевики, уже начинавшие хоронить революцию, принимали в военно-боевой работе все меньшее и меньшее, по сути дела, формальное и вынужденное участие. Вся тяжесть дальнейшей военно-боевой работы ложилась таким образом на плечи большевиков.

Именно к этому времени стало давать себя болезненно чувствовать отсутствие военного руководящего центра, который смог бы координировать деятельность военных организаций на местах. Необходимо было учесть накоплявшийся опыт работы для того, чтобы избежать тех или других ошибок стихийно протекавшей организационной работы. Места со своей стороны неоднократно поднимали и ставили этот вопрос, нуждаясь в ряде ясных и твердых директив и указаний.

Первую попытку в этом направлении, в смысле созыва конференции для обмена опытом работы, сделала одна из старейших военно-революционных социал-демократических организаций — Варшавская. Варшавская организация возникла еще в конце 1904 г. Организация родилась при содействии Киевского комитета российской социал-демократической рабочей партии.

---

[1] «Пролетарская революция» № 85—86 за 1929 г. С. Лифшиц, Солдатская социал-демократическая пресса 1905—1908 гг., стр. 308.

[2] Ярославский, Военная работа РСДРП (б), стр. 39.

Осенью 1904 г. Киевский комитет послал в Варшаву члена своей организации, студента-медика С. Ю. Багоцкого, совместно с Антоновым-Овсеенко (Штык), начавшим закладывать сеть военно-революционной организации Варшавы. Непосредственное участие в работе стал принимать и Дзержинский (Юзеф). Однако попытка путем переписки и сношений с другими военными организациями созвать общую конференцию реальных результатов не дала.

Следующую попытку в этом направлении произвела Петербургская военная организация в самом начале 1906 года. Сохранилась одна из резолюций Исполнительного бюро военной организации, объясняющая неудачу этой второй попытки:

«Удовлетвориться созданием Информационного бюро за отсутствием сил и средств для организации Всероссийского бюро военных организаций» [1].

На почве этой попытки завязывались, однако, достаточно обширные связи с местными организациями, тем более, что и вообще Петербургская организация являлась в известном отношении руководительницей всего движения. В обнаруженном у Е. В. Хлебниковой при обыске в марте 1906 г. «архиве военной организации» была найдена тетрадь, в которой, между прочим, имелись адреса — «связи для литературы с провинцией». Здесь упоминаются города: Киев, Владивосток, Москва, Ревель, Луга, Кронштадт, Вильно, Мариамполь, Варшава, Одесса, Самара.

Более удачный, на этот раз сорвавшийся из-за провокации, опыт был проделан Московской военной организацией в марте того же 1906 г. На конференцию из приглашенных прибыли: от Московской организации — Ярославский, Землячка, Кобрин (Верин), Саммер-Любич (большевистский член ЦК) и С. С. Дрейер; от Петербургской — Вельтман-Павлович, Шапиро, Брук, Дальницкий (Антонов-Овсеенко) и Жданович (Адамов). От Вильны прибыл капитан Троицкого полка И. Н. Клопов. Кроме того на собрании присутствовал под именем Томилина латышский боевик — организатор латышских боевых дружин — «Музыкант». Необходимо отметить, что Дальницкий (Антонов-Овсеенко) был тесно связан с работой военных организаций Варшавского военного округа. Таким образом на конференции были представлены и принимали участие военные организации округов: Московского, Петербургского, Виленского и Варшавского.

Был принят и утвержден следующий порядок дня:

1. Отчеты о работе на местах. 2. О постановке работы. 3. Организация общая и местная. 4. Военная литература. 5. Органы местные и центральные. 6. О постановке работы среди офицеров. 7. Общее отношение к центральной и местным организациям. 8. Общее отношение к другим боевым организациям.

Отчеты о работе мест начались с доклада Ем. Ярославского, посвященного Московской организации. Доклады не успели, однако, закончиться. В квартире появилась полиция и жандармерия, и все члены конференции были арестованы.

Как оказалось, еще за три дня до конференции московское охранное отделение получило сведения о предстоявшем ее созыве и о месте ее заседаний.

[1] М. И. Ахун и В. А. Петрев, Большевики в армии в 1905—1917 гг.

Особо серьезных последствий этот арест не повлек. Арестованные были заключены в Сущевский арестный дом. Вскоре же, через 5 дней, оттуда бежали Дальницкий, Адамов, «Музыкант» и Ярославский. Через день после этого побега удалось освободиться и Землячке.

Эта неудавшаяся попытка сыграла все же известную роль, так как показала, что объединение военных организаций и создание руководящего центра вполне достижимо. Цели, которые себе ставила конференция, были очень серьезны и соответствовали требованиям мест. Вот как характеризует намерения конференции один из ее участников:

«Мы проектировали при ЦК нашей партии создать нечто вроде военного отдела с центральным органом. Централистические стремления были тогда очень сильны среди серьезных работников; необходимость единого руководящего центра и руководящего печатного органа сильно чувствовалась» [1].

Такой размах приняла военно-боевая работа партии. Съезду предстояло дать оценку этой работе и наметить перспективы ее дальнейшего развития. Съезду были предложены три резолюции. Выступавший на съезде Акимов в своей резолюции выразил те мысли, которые меньшевики стыдливо прикрывали в прениях, формально как будто бы соглашаясь с необходимостью вообще обсуждать и выносить принципиальную резолюцию о вооруженном восстании. Акимов заявил напрямик:

«Если Дума обеспечит за гражданами свободу слова, собраний и организаций, то партия в ближайшем будущем выскажется против восстания».

Не следует, однако, думать, что Акимов был бы за вооруженное восстание при другой ситуации вещей. Акимов нашел достаточно цинизма для того, чтобы заявить во второй части резолюции, предложенной им съезду, что он в любом случае против вооруженного восстания; даже, если положение в стране не изменится:

«Если же правительство удержится на теперешней позиции безграничного произвола, то партия выскажется за вооруженное восстание лишь в том случае, когда пролетарскому восстанию будет обеспечена поддержка крестьянского восстания» [2].

Определять момент этой «обеспеченности» брался, очевидно, сам Акимов. Таким образом акимовская резолюция вообще не отводила никакого места ни при каких условиях вооруженной борьбе за власть.

Меньшевики пытались сдобрить акимовское содержание своей резолюции рядом революционных фраз. Но именно поэтому их заявления по вопросу о вооруженном восстании страдают уклончивостью и непоследовательностью. В этом вопросе, как и во многих других, меньшевики оказались на съезде в положении исключительно противоречивом. С одной стороны, никакой прямой оценки октябрьско-декабрьских форм борьбы меньшевики дать не хотели. С другой — объявить ошибочными и забастовку и восстание меньшевики также не решались. Единственное, на что они осмелились, фактически лишая резолюцию какого бы то ни было содержания, это настойчиво подчеркнуть и напомнить

---

[1] Ярославский, Подпольная работа в армии в 1906 г., «Пролетарская революция» № 5 за 1922 г., стр. 174.

[2] Протоколы Объединительного съезда, стр. 252.

о необходимости противодействовать решительно всем попыткам вовлечь пролетариат «п р е ж д е в р е м е н н о» в вооруженное восстание. Слово «преждевременно» в данном случае играло у меньшевиков несомненную роль акимовской «обеспеченности».

Прямой насмешкой звучал меньшевистский «рецепт» подготовки вооруженного восстания, бессодержательная фраза меньшевистской резолюции о расширении и усилении агитационной деятельности среди широких масс (среди пролетариата, крестьянства, городской буржуазии и среди войск). Недаром на съезде эту резолюцию называли «резолюцией против вооруженного восстания». Ни о технической, военной и боевой подготовке, ни о специфической работе в войсках, ни об изучении опыта двухлетней широкой массовой военной работы декабрьского, ростовского и других восстаний в резолюции меньшевиков нельзя было найти ни единого слова.

К этому следует добавить уже упомянутый нами инцидент с Плехановым, который предложил в меньшевистской резолюции, прошедшей через комиссию, в фразе: «выдвигая непосредственную задачу вырвать государственную власть из рук самодержавного правительства» вместо слов «государственная власть» поставить выражение «народные права». Тут с поразительной откровенностью Плеханов стал на точку зрения кадетов, ибо «вырвать права» предполагает сохранение в целости того, у кого права находятся, т. е. сохранение самодержавия. Понадобились выступления ряда большевиков для того, чтобы Плехановым поправка была взята обратно.

То, чего, однако, не досказывала резолюция меньшевиков, было с достаточной откровенностью сообщено меньшевистским докладчиком Череваниным. От декабрьского восстания учиться нечему, заявил Череванин. Декабрьское восстание вовсе не доказывало возможности успешной баррикадной борьбы народа с войсками. Единственным успешным оружием у пролетариата должно быть использование всех легальных возможностей:

«Только путем столкновения с силами реакции, только убедившись на опыте в невозможности соглашения с властью, широкие массы перейдут в восстание. Для нас подготовка есть главным образом подготовка п о л и т и ч е с к а я».

Этим самым меньшевики фактически скатывались к плехановскому «не надо было браться за оружие».

Большевистская резолюция ставила вопрос совершенно по-иному, безжалостно вскрывая всю реакционность и оппортунизм меньшевистской точки зрения. Прежде всего резолюция дала оценку самому декабрьскому восстанию, этому новому явлению в истории революции:

«... Декабрьское восстание выдвинуло новую б а р р и к а д н у ю тактику и доказало возможность вооруженной открытой борьбы народа, даже против современного войска... Самодержавие ослабляет и деморализует свои военные силы».

Анализируя эти обстоятельства, резолюция предлагала съезду принять и признать

«вооруженное восстание не только необходимым средством борьбы за свободу, но уже достигнутой фактически ступенью движения, которая в силу нарастания и обострения нового политического кризиса открывает переход от оборонительной к наступательным формам борьбы».

Дальше резолюция отмечает:

«... следует развить еще более энергичную деятельность по увеличению числа боевых дружин, улучшению организации их и снабжению их всякого рода оружием, причем согласно указаниям опыта следует организовать не только партийные боевые дружины, но также примыкающие к партии или беспартийные, состоящие из революционно-демократических элементов»;

и наконец,

«необходимо усилить работу в войсках, имея при этом в виду, что для успеха движения недостаточно одного брожения в войсках, а необходимо прямое соглашение с организованными демократическими элементами войска, в целях самых решительных наступательных действий против правительства».

Достаточно даже бегло просмотреть эти пункты резолюции, для того чтобы видеть, как глубоко учитывался большевиками октябрьско-декабрьский опыт революционной борьбы.

Ленин так оценивал позицию меньшевиков на IV съезде по вопросу о вооруженном восстании:

«Вы кричите о преувеличении техники и заговорщичестве. Но взгляните на оба проекта резолюции. Вы увидите как раз в нашей резолюции не технический, а исторический и политический материал. Вы увидите у нас мотивировку, взятую как раз не из голых и не доказуемых общих мест («задача борьбы вырвать власть»), а из истории движения, из политического опыта последней четверти 1905 г. Вы валите с больной головы на здоровую, потому что именно ваша резолюция бедна до-нельзя историко-политическим материалом. Она говорит о восстании, а ни слова об отношении стачки к восстанию, ни слова о том, как послеоктябрьская борьба привела к необходимости и неизбежности восстания, ни единого прямого ясного слова о декабре. Именно в нашей резолюции восстание выступает не как заговорщический призыв, не как вопрос техники, а как политический результат вполне конкретной, исторической действительности, созданной октябрьской забастовкой, обещанием свобод, попыткой отнять их и борьбой за их защиту... Это — исторический факт, что меньшевистский съезд после первого вооруженного восстания в России проявил растерянность, увильнул от прямого ответа, не решился прямо сказать пролетариату, было ли ошибкой или шагом вперед это восстание, необходимо ли второе восстание и как оно связывается с первым»[1].

Меньшевистская резолюция была принята съездом большинством 60 голосов против 43 при 3 воздержавшихся. Меньшевиками также были отклонены поправки, которые внес приглашенный большевистской частью съезда эксперт Ивановский. Эти поправки представляют большой интерес, также характеризуя позицию большевиков:

«При ЦК под его непосредственным руководством должен быть организован общебоевой совет партии для объединения, согласования и централизации работы всех боевых и военных организаций. Этот боевой совет под контролем ЦК вступает в боевые соглашения с другими революционными и оппозиционными организациями».

И далее:

«...в деле технической подготовки вооруженного восстания партия обращает преимущественное внимание на организацию и вооружение боевых дружин, которые были бы способны внести инициативу и планомерность в повстанческую борьбу, на создание штата военных инструкторов, распространение хотя бы элементарных военных знаний и на посильное содействие вооружению пролетариата».

Позже меньшевики пытались доказывать, что большевики ошиблись оценке момента, что исторически реально мыслила именно меньшевистская

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 215.

часть партии. Мы помним, что большевики стояли на точке зрения неминуемого подъема революции, что нашло свое отражение и в резолюции. Однако большевики отнюдь не приурочивали восстания к определенному моменту. Центр тяжести резолюции состоял в оценке декабрьского восстания, в подытоживании его опыта, в месте и роли восстания, как определенной формы борьбы, в соотношении его с другими формами борьбы. И в этом отношении резолюция большевиков сохраняет до сих пор огромный практическо-политический характер.

В дополнение к резолюции о восстании съезд принял резолюцию о партизанских выступлениях. По вопросу о партизанских выступлениях на съезде также возникли разногласия, хотя и не принципиального порядка. Самая постановка этого вопроса меньшевиками лишила большевиков возможности голосовать за резолюцию без соответствующих исправлений. В резолюции имелись слова «вакханалия воровства и разбоя», которые в какой-то побочной степени связывались меньшевиками с деятельностью партизанских отрядов. С другой стороны, меньшевистская резолюция крайне сужала поле деятельности для конфискации: требовалась для этого санкция новых органов революционной власти, образовавшихся в той или другой местности. Большевики не внесли своей особой резолюции, но предложили исключить часть резолюции со словами «вакханалия воровства и разбоя», а также внесли поправку, расширявшую поле деятельности для конфискаций, для которых требовалось только постановление местной партийной организации. Обе эти поправки съездом были отклонены.

Чрезвычайно любопытный штрих, характеризующий глубину понимания всей важности военно-боевой работы, вносит проект большевистской резолюции «о советах рабочих депутатов», не обсуждавшийся съездом.

«...к участию в беспартийных советах рабочих депутатов должно привлекать возможно более широкие слои рабочих, а также представителей революционной демократии, особенно крестьян, солдат, матросов; ... при расширении деятельности и сферы влияния советов рабочих депутатов необходимо указывать на то, что такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т. е. не превращаясь во временное революционное правительство), неизбежно осуждены на падение; поэтому вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должны быть рассматриваемы как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент» [1].

В аналогичном проекте резолюции меньшевиков обо всем этом нельзя найти ни одного звука.

Из других резолюций, принятых съездом почти без обсуждения, следует отметить резолюцию о профессиональных союзах и отношении к крестьянскому движению. В первой съезд признал необходимым самым широким образом развернуть организацию союзов, предложив всем членам партии вступить в союз, «чтобы органически, в борьбе и агитации, связать союзы и партию». При этом съезд решительно высказался против принципа организации профессиональных союзов по национальностям. Во второй резолюции съезд признал, что «крестьянство в своей борьбе за землю и против полицейско-бюрократического строя является в настоящее время революционным сословием», и призвал партию к поддержке всех революционных выступлений крестьянства.

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 45.

Одним из важнейших вопросов, стоявших в порядке дня Объединительного съезда, был вопрос об объединении РСДРП с национальными социал-демократическими партиями: Бундом (Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше, Литве и России), социал-демократией Царства Польского и Литвы и социал-демократией Латышского края. Опыт революционной борьбы рабочего класса на протяжении 1905 г. воочию убедил национальные социал-демократические организации в необходимости объединения с РСДРП. В истории РСДРП вопрос этот ставился не впервые. Еще в 1898 г. на I съезде РСДРП, созванном при участии Бунда, последний вошел в партию как «автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». Однако в дальнейшем сепаратистские стремления, подогреваемые националистическим увлечением внутри Бунда, одержали верх над централистскими. На своем IV съезде в апреле 1901 г. Бунд высказался за отмену тех организационных отношений, которые были приняты им на I съезде РСДРП, и выдвинул требование преобразования РСДРП в «федеративное соединение социал-демократических партий всех наций, населяющих российское государство». «Искра» подвергла резкой критике занятую Бундом позицию. Впоследствии Ленин так характеризовал этот период борьбы с Бундом за организационные принципы:

«В национальном вопросе старая «Искра», подготовлявшая в 1901—1903 гг. и подготовившая программу РСДРП вместе с первым и коренным обоснованием марксизма в теории и практике рабочего движения России, боролась, как и в остальных вопросах, с мелкобуржуазным оппортунизмом. Выражался он в националистических увлечениях или шатаниях Бунда в первую голову. С национализмом Бунда вела упорную борьбу старая «Искра» [1].

Не взирая на резкую критику, которой подверглись постановления IV съезда Бунда на страницах «Искры», на V съезде, состоявшемся в июне 1903 г., Бунд развернул уже вполне законченную программу федеративного построения РСДРП. В основных пунктах этой программы говорилось:

«1) Бунд — федеративная часть Российской социал-демократической рабочей партии. 2) Бунд — социал-демократическая, не ограниченная в своей деятельности никакими районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного представителя» [2].

Эти пункты Бунд ультимативно предъявил II съезду РСДРП, состоявшемуся в 1903 г. Съезд голосами большевиков и меньшевиков отклонил требование Бунда. Тогда делегаты Бунда покинули съезд, заявив о выходе Бунда из партии. После II съезда Бунд из автономной части РСДРП превратился в самостоятельную политическую партию, замкнутую в узкие рамки еврейского рабочего движения, главным образом «черты оседлости», и обособленную от других социал-демократических партий. События 1905 г. остро поставили перед Бундом вопрос о его изолированности в революционном движении. На протяжении 1905 г. Центральный комитет Бунда начинает проявлять инициативу по созыву межпартийных конференций и заключению временных соглашений с организациями РСДРП в районе его деятельности, нащупывая почву к объединению

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 117.
[2] М. Рафес. Очерки по истории Бунда, 1923 г., стр. 96.

с РСДРП. На VII конференции Бунда, происходившей в Берне (Швейцария) в апреле 1906 г., накануне Объединительного съезда, полностью был поставлен вопрос об объединении с РСДРП. Этот вопрос расколол конференцию на две части; большинство высказалось за объединение с РСДРП, отказавшись от требования признания Бунда «единственным представителем еврейского пролетариата». «Ультимативные условия объединения» были сформулированы Бундом в следующих шести пунктах:

«1) Бунд — социал-демократическая организация еврейского пролетариата, не ограниченная в ее деятельности никакими районными рамками. 2) Бунд имеет представительство в ЦК партии. 3) Организация Бунда посылает на общие партийные съезды и конференции своих представителей на основе тех же принципов, что и организация РСДРП. 4) Программа РСДРП является также программой Бунда. Но Бунд имеет право остаться при своей программе по национальному вопросу, принятой на VI съезде Бунда. 5) Бунд сохраняет право самостоятельно вести все дела своей организации. 6) Все перечисленные пункты могут быть изменены общими съездами партии только с согласия Бунда» [1].

С этими «ультимативными условиями объединения» делегаты Бунда явились на Объединительный съезд.

В прошлом имелась длинная история попыток объединения и с польской социал-демократией. Еще I съезд СДП и Л, состоявшийся в марте 1894 г., отметил в своей резолюции необходимость «объединения усилий польского и русского пролетариата для успешного разрешения стоящих перед ними задач».

Заседавший в августе 1900 г., после образования РСДРП, II съезд польской социал-демократии, констатировав согласие в программе и тактике обеих партий, подчеркнул необходимость войти «в самые близкие отношения» с РСДРП.

После Белостокской конференции, состоявшейся в феврале 1901 г., Главное правление СДП и Л обратилось к партийным организациям с письмом, в котором выдвигался и обосновывался проект образования Российской социал-демократической партии на федеративных началах. Этот проект был одобрен III съездом СДП и Л. Однако совсем иную позицию в данном вопросе занял IV съезд польской социал-демократической партии, состоявшийся в июле 1903 г. накануне II съезда РСДРП. Признав объединение с РСДРП желательным, съезд отказался от требования федерации, оставив вопрос об организационных формах открытым. В то же время съезд выработал ряд условий, выполнение которых он считал необходимым при объединении с РСДРП. Условия эти заключались в следующем:

«1) Совершенная самостоятельность польской социал-демократии во всех делах внутренних, касающихся агитации и организации в Царстве Польском и на Литве, собственные съезды, комитеты и литература. 2) Чтобы общая социал-демократическая партия приняла официальное название: Социал-демократическая рабочая партия России, причем польская социал-демократия сохраняет как подзаголовок свое теперешнее название: социал демократия Царства Польского и Литвы. 3) Другие польские социалистические организации могут входить в состав общей для всего государства партии только путем присоединения к социал-демократии Царства Польского и Литвы. 4) Чтобы в состав редакции Центрального органа вошел член польской организации, который совместно с остальными членами редакции руководил бы Центральным органом в вопросах, касающихся польских дел, партийных и общественных.

---

[1] М. Рафес, Очерки по истории Бунда, 1923 г., стр. 176.

5) Замена формулировки пункта 7 программы Российской партии точной формулировкой, исключающей интерпретацию в национальном духе. 6) Требование автономии для польской и литовской провинции. 7) Принятие резолюции, высказывающей отношение Российской социал-демократии к польскому социал-патриотизму в духе СДП и Л» [1].

Два представителя, выбранные от IV съезда СДП и Л, А. Варский и Я. Ганецкий, приняли участие в работах II съезда РСДРП как делегаты с совещательным голосом. Оглашенные Варским на 10-м заседании съезда вышеупомянутые условия объединения были переданы съездом для разработки в специальную комиссию, избранную на съезде. Приняв вместе с тем участие в работах программной комиссии польские делегаты выступили здесь против пункта 7 проекта программы (в принятой программе пункт 9), который гласил: «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства».

Прения в программной комиссии не записывались, но, как видно из заявления, внесенного на съезд польскими представителями, они считали, что «попытка соединить социал-демократическую программу борьбы за низвержение самодержавия, общую для всего пролетариата, без различия национальностей в России, с националистической программой восстановления Польши немыслима одинаково в теоретическом, как и в практическом отношениях» [2].

В упомянутом заявлении польские делегаты предлагали дать такую формулировку пункту 7: «Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства». Другими словами, они предлагали то, что впоследствии провозглашено было меньшевиками под лозунгом «культурно-национальной автономии». Вместе с тем польские делегаты в своем заявлении выступили с критикой статьи Ленина «Национальный вопрос в нашей программе» [3], — напечатанной в «Искре» № 44 от 15 июля 1903 г. В названной статье они усматривали «carte blanche для постановки польской националистической программы восстановления Польши». Отмечая этот эпизод, Ленин писал впоследствии в цитированной уже статье «О национальной программе РСДРП»:

«С другой стороны, при окончательном утверждении программы РСДРП в августе 1903 г. на съезде шла борьба, не отмеченная в протоколах съезда, ибо дело было в программной комиссии, которую посещал почти весь съезд, — борьба против неуклюжей попытки нескольких польских социал-демократов подвергнуть сомнению «право наций на самоопределение», т. е. сбиться на оппортунизм и национализм совсем с другой стороны» [4].

Польские делегаты ультимативно потребовали изменения пункта 7 в указанном ими направлении, либо оставления его открытым. Программная комиссия съезда решительно отвергла это требование. Тогда поляки, как и бундовцы, покинули съезд.

Как уже отмечалось выше, революция 1905 г., выявив тесную связь польского рабочего движения с русским, снова поставила в порядок дня вопрос об объединении польской социал-демократии с русской. В начале 1906 г. Главное правление СДП и Л вступило в переговоры с Объединенным центральным

---

[1] Второй очередной съезд РСДРП. Полный текст протоколов, Женева, стр. 136.
[2] Там же, стр. 389.
[3] Ленин, Соч., т. V, стр. 337—344.
[4] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 117.

Комитетом РСДРП, в результате был выработан проект договора об объединении, подлежавший утверждению на съезде. Оглашенный на 4-м заседании Объединительного съезда, этот проект существенно отличался от тех требований, которые выдвигались представителями Польской социал-демократии на II съезде РСДРП. Так пункт 5, требовавший иной формулировки пункта 7 партийной программы, и пункт 7, требовавший принятия резолюций по отношению «к польскому социал-патриотизму в духе СДП и Л.», были устранены. Этот проект как в комиссии съезда, так и на самом съезде не возбудил особых прений и после уточнения и внесения в него незначительных поправок был принят съездом на 24-м заседании единогласно при 7 воздержавшихся. В июне 1906 г. объединение с РСДРП было утверждено V съездом СДП и Л.

Без особых прений прошло на съезде объединение и с Латышской СДРП. Последняя на своем II съезде, в июле 1905 г., приняла постановление об объединении национальных социал-демократических партий в единую РСДРП. Состоявшаяся в марте 1906 г., накануне Объединительного съезда, так называемая «весенняя» конференция Латышской СДРП единогласно приняла резолюцию с требованием упразднения национальных социал-демократических партий и слияния их в единую Российскую социал-демократическую партию. Конференция наметила также конкретные формы этого объединения и избрала делегацию на Объединительный съезд РСДРП. Выработанный комиссией съезда совместно с делегацией Латышской социал-демократии проект объединения, в общих чертах сходный с проектом, принятым в отношении Польской социал-демократии, с небольшими поправками был утвержден съездом всеми голосами против 1 при 2 воздержавшихся. Так как делегация Латышской социал-демократии, избранная на конференции, не имела полномочий на окончательное решение вопроса об объединении, проект объединения был передан на утверждение III съезда Латышской СДРП, состоявшегося в июле 1906 г. (проект был этим съездом утвержден).

Вопрос об объединении с Бундом прошел на съезде не так гладко, как вопрос об объединении с Польской и Латышской социал-демократией. Уже в комиссии съезда, вырабатывавшей проект объединения, получились крупные разногласия по этому вопросу, и комиссия не пришла к соглашению: председатель комиссии высказался решительно против проекта, два члена считали проект неудовлетворительным, и только два члена высказались за проект. Разногласия вызвали главным образом пункты 1 и 4, предложенные Бундом, «ультимативных условий объединения»: сохранение национальной организации Бунда, «не ограниченной в ее деятельности никакими районными рамками», и признание за Бундом права сохранить свою программу по национальному вопросу (принятую на VI съезде Бунда), которая предусматривала культурно-национальную автономию. Поставленный на обсуждение съезда проект этот вызвал бурные прения, причем главными противниками предложенного проекта объединения с Бундом выступили кавказские меньшевики. Вождь кавказских меньшевиков Костров (Ной Жордания) заявил на съезде:

«Если вы объединитесь с Бундом на этих условиях, то, приобретя Бунд, вы потеряете Кавказ, где мы и сильны только потому, что строим свои организации на других началах. Бунд в своем «Вестнике» уже угрожал однажды разрушить все кавказские организации. До

сих пор, пока Бунд находился вне партии, это были только слова. Теперь Бунд желает войти в партию, чтобы осуществить свои намерения. Я заявляю, что организации Кавказа будут разрушены, раз в партию войдет Бунд, не отказавшись предварительно от своего организационного принципа. Если вы хотите обезоружить нас в нашей борьбе с армянскими и другими националистическими организациями, примите предложенный комиссией проект. Нам же, делегации Кавказа, остается только одно — протестовать» [1].

Центр тяжести в выступлении кавказских меньшевиков против проекта объединения с Бундом лежал, конечно, не в той позиции по национальному вопросу, которую занимал Бунд. Лозунг культурно-национальной автономии был не чужд и кавказским меньшевикам. Да и вся тактика Бунда как в прошлом, так и в будущем, как показали последующие события, была тактикой крайнего оппортунизма в духе кавказских меньшевиков, а дело было в том, что в этот момент Бунд стоял на позиции бойкота выборов в I Государственную думу, что отчасти сближало его с большевиками. В оглашенной представителями Бунда на 16-м заседании съезда резолюции «об отношении к Государственной думе и нашей тактике», принятой последней конференцией Бунда, говорилось:

«...в то же время Дума, являясь по своему назначению ширмой для самодержавия и создавая иллюзию конституционализма, должна самим фактом своего существования служить тормозом для развития революционной борьбы как пролетариата, так и широких демократических слоев народа вообще, — конференция находит, что 1) тактика активного бойкота выборов в Государственную думу, направленная главным образом к тому, чтобы дискредитировать Думу в глазах населения и содействовать развитию революционного духа широких масс, наиболее отвечала и отвечает задачам политического момента и классовым интересам пролетариата. 2) Дальнейшая тактика социал-демократии заключается в том, чтобы, разоблачая попрежнему перед народом всю контрреволюционную сущность Думы, противопоставлять ей лозунг Всенародного учредительного собрания на основе всеобщего, тайного, равного и прямого голосования... 3) Единственный путь, который может привести к осуществлению стоящих перед социал-демократией очередных задач и, прежде всего, к созыву Всенародного учредительного собрания, это — упорная революционная борьба, наиболее последовательным и ярким проявлением которой является вооруженное восстание» [2].

Эта позиция Бунда по отношению к Государственной думе и его общая тактическая линия в данный момент и послужили яблоком раздора между Бундом и кавказскими меньшевиками, которые были на съезде безоговорочными сторонниками выборов в Думу. В результате бурных прений съезд, большинством 66 голосов против 32 при 6 воздержавшихся, принял проект, предложенный комиссией, внеся в него ряд поправок. При голосовании единства взглядов внутри фракций не оказалось: часть меньшевиков во главе с кавказцами голосовала против проекта, большевики, за исключением некоторых членов фракции, голосовали за проект, считая необходимым временно пойти на уступки Бунду ради объединения, ввиду той тактической линии, которую занимал Бунд в этот момент — накануне ожидавшегося нового подъема революции, с другой стороны, находя, что политическое значение объединения с несколькими тысячами хорошо организованных еврейских пролетариев выше некоторых уступок в организационном вопросе, тем более, что Бунд отказался от принципа федерации. Одновременно с принятием проекта съезд зафиксировал свое

[1] Протоколы Объединительного съезда РСДРП, Гиз, 1926 г., стр. 301.

[2] Там же, стр. 316.

принципиальное отношение к организационному вопросу в следующей резолюции: «Приняв проект объединения с Бундом, съезд тем не менее решительно высказывается против организации пролетариата по национальностям; проект объединения съезд утвердил лишь с целью придать более нормальный характер борьбе сторонников двух организационных принципов» [1]. Принятый съездом проект объединения вызвал большие разногласия в рядах Бунда. В связи с этим Центральный комитет Бунда постановил передать окончательное решение этого вопроса съезду бундовцев. Собравшийся в сентябре 1906 г. в Львове 7 съезд Бунда большинством 48 против 20 голосов принял условия объединения, выработанные Объединительным съездом.

Съезд успел также принять устав партии. Вопрос об уставе в условиях обостренной фракционной борьбы приобретал весьма серьезное значение. Речь шла о том, получит ли меньшинство достаточно гарантий для своей работы, будет ли обеспечена течению, оставшемуся в меньшинстве, свобода критики решений съезда и свобода агитации за новый съезд, или оно будет поставлено в условия неизбежного раскола. В основном устав не вызвал разногласий. Даже § 1 устава был принят единогласно, хотя сформулирован он был в ленинском духе. Разногласия вызвали отдельные пункты и притом как раз те, которые могли обеспечить оппозиции известный минимум автономии. Еще в комиссии, подготовлявшей устав, меньшевики попытались повысить до двух третей число членов партии, необходимое для созыва экстренного съезда. Эта попытка вызвала резкий отпор со стороны Ленина, бывшего членом комиссии.

«Я заявил тогда, — рассказывал Ленин о своем выступлении, — вместе со своими коллегами-большевиками категорически, что малейшая попытка уменьшить тот минимум автономии и прав оппозиции, который признал в уставе фракционный III съезд, будет означать неминуемый раскол. Дело зависит от вас, товарищи меньшевики: угодно вам соблюдать лойяльность, соблюдать все права меньшинства, все права оппозиции, — тогда мы подчиняемся, вводим своих единомышленников в ЦК и осуждаем раскол. Не угодно, — тогда раскол неизбежен» [1].

Меньшевики согласились понизить требуемое число голосов с $^2/_3$ до $^1/_2$, что и было утверждено съездом.

Съезд утвердил также и принцип демократического централизма, как основной организационный принцип.

Разногласия были вызваны лишь двумя пунктами. Большевики внесли следующее примечание к § 1 устава:

«Члены партии, меняющие место жительства, имеют право во всяком случае входить в местную партийную организацию».

Докладчик от большевиков мотивировал это предложение тем, что фракция, которой принадлежит большинство, может сводить свои фракционные счеты с инакомыслящими, не допускать к работе под всяким предлогом и т. п. Стремление большевиков обеспечить право меньшинства было встречено в штыки, причем дело дошло даже до поименного голосования: 48 — за, а 54 — против включения примечания, 3 воздержались и 1 отказался от голосования. И только после голосования группа меньшевиков внесла резолюцию:

«съезд отклонил примечание к первому пункту, как излишнее и само собой подразумевающееся».

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 219.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, ИЗБРАННЫЙ НА IV (ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ) СЪЕЗДЕ РСДРП

СТОКГОЛЬМ

Апрель 1906 г.

Б О Л Ь Ш Е В И К И

Красин. Рыков. Строев.

М Е Н Ь Ш Е В И К И

Крохмаль. Радченко. Гольдман. Розанов. Хинчук. Колокольников.

Резолюция была принята большинством голосов.

Какое значение имело примечание большевиков, можно судить по борьбе, которая разгорелась после съезда в партийных организациях. Вопреки прямому смыслу решения съезда, меньшевики упорно не допускали большевиков к работе, пользуясь всякими доводами для отвода. Дело дошло до того, что партийный комитет центрального подрайона Васильевского Острова принял резолюцию, в которой предложил районному комитету

«при приеме новых товарищей считаться исключительно с их принципиальной выдержанностью и работоспособностью, не обращая внимания на их принадлежность к той или иной фракции и не ссылаясь на отсутствие работников в районе».

Если эти факты отметили в резолюции, то фактов, очевидно, было достаточно.

Вторым вопросом, вызвавшим большие разногласия, был вопрос о ЦО. Меньшевики предлагали избирать редакторов ЦО на съезде и предоставить им право участия в ЦК с решающим голосом по политическим вопросам. Такое предложение сохраняло старое двоецентрие, восстанавливало даже старое троецентрие — Совет партии, поскольку при разногласиях между ЦО и ЦК неизбежно было бы совместное заседание. Против двоецентрия выступили большевики, предложив ЦК назначить редакцию ЦО. За такое предложение говорил и недавний случай в германской социал-демократии, когда 6 редакторов отказались подчиняться решению ЦК о снятии и подняли скандал в партии; этого же требовал и весь опыт русской социал-демократии, когда самостоятельность ЦО при частых провалах ЦК заставляла его стать фактическим руководителем партии.

Меньшевики провалили и эту поправку, оставив в уставе двоецентрие — со всеми (мы позже увидим, какими) вытекающими отсюда политическими последствиями.

Съезд избрал ЦК в составе 7 меньшевиков (В. Н. Розанов, Л. И. Гольдман, Л. М. Хинчук, В. Н. Крохмаль, Н. Бахметьев, Л. Н. Радченко, П. Н. Колокольников) и 3 большевиков (В. Десницкий (Строев), Л. Б. Красин (Зимин) и А. Рыков, замененный позже А. Богдановым, и принял название — Объединительный.

В чем значение IV съезда? Он создал мощную организацию, объединив в одну партию все национальные социал-демократические организации. Съезд уничтожил раздельное существование фракций, дав возможность партии выступать единой перед пролетариатом и другими классами в борьбе за гегемонию пролетариата. Съезд принял ряд резолюций, создавших возможность единства действия для всех членов партии.

«Крупным практическим делом съезда, — оценивал итоги съезда Ленин, — является намеченное (частью уже осуществленное) слияние с национальными социал-демократическими партиями. Оно поможет вытравить последние следы кружковщины. Оно внесет свежую струю в работу партии. Оно в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России.

Крупным политическим делом является слияние фракций меньшинства и большинства. Раскол прекращен. Социал-демократический пролетариат и его партия должны быть едины. Организационные разногласия изжиты почти целиком. Остается важная, серьезная и чрезвычайно ответственная задача: воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии... Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих социал-демократов и которая жила бы самостоятельной политической жизнью» [1].

Съезд имел еще одно достижение.

Он подвел итог продолжительному расколу. Он провел глубокое идейное размежевание между правым и левым крылом партии. Отныне к услугам любого члена партии был огромный документальный материал в виде проектов резолюций, выступлений, голосований и т. д., которые позволяли разобраться в идейных основах разногласий и понять, куда ведет то или иное течение.

«Крупным идейным делом съезда, — писал Ленин, — мы считаем более ясную и определенную размежовку правого и левого крыла социал-демократии. То и другое крыло есть во всех социал-демократических партиях Европы, — они намечались давно уже и у нас. Более отчетливая размежовка их, более ясное определение того, из-за чего идут споры, необходимы в интересах здорового развития партии, в интересах политического воспитания пролетариата, в интересах отсекания от социал-демократической партии всяких чрезмерных уклонений от правильного пути».

Но съезд оказался меньшевистским, и большевикам предстояло оценить весь процесс объединения и определить его отношение к принципиальным вопросам съезда и дальнейшим перспективам развития партии.

Ряд обстоятельств объясняет меньшевистское преобладание на съезде. То, что большевики предсказывали еще на II съезде в спорах о членстве партии, — организационный оппортунизм меньшевиков, — сказалось особенно резко в период революции. Расплывчатость и неопределенность членства у меньшевиков обусловили наплыв в их организации мелкобуржуазных попутчиков и радикальных интеллигентов, в связи с подъемом революции потянувшихся в партию. Тифлисские меньшевики, например, довели состав своей организации до $3^1/_2$ тысяч членов и послали на съезд 11 делегатов. Местные рабочие, социал-

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 222.

демократы, прислали на съезд подписанное 200 товарищей заявление, подчеркивавшее, что в список членов партии попало много лиц, не только не принимающих программы, но и не имеющих никакого понятия о ней.

Во-вторых, спад революционной волны в эпоху съезда сопровождался известной перегруппировкой фракций, отпадением и переходом к меньшевикам наименее выдержанных, «импрессионистски» настроенных элементов. Так, петербургская организация большинством высказалась за большевистскую тактику, а на съезд послала 11 делегатов, из которых 6 оказались меньшевиками.

В-третьих, меньшевики не допустили на съезд представителей наиболее передовой части российского пролетариата — социал-демократов Польши, Латвии, Литвы и Северо-западного края, полностью поддерживавших большевистскую тактику. Все это обусловливало временный характер меньшевистской победы, а устав партии и компромиссный характер некоторых резолюций давал возможность бороться за партийную линию и добиваться изменения соотношения сил без нового раскола. В самом деле съезд принял меньшевистскую аграрную программу, но вопрос о муниципализации оставался все же вопросом довольно отдаленного будущего, а между тем в резолюции об отношении к крестьянскому движению съезд постановил:

«в связи с... массовыми выступлениями революционного крестьянства доводить его до сознания необходимости вооруженного восстания, одновременного и согласованного с восстанием пролетариата и мелкого мещанства в городах, как единственного при настоящих условиях средства добиться созыва Всенародного учредительного собрания».

Полукадетской аграрной программе меньшевиков большевики могли противопоставить правильную политическую тактику по отношению к крестьянству в непосредственно предстоящей борьбе.

Меньшевики приняли резолюцию об участии в выборах в Государственную думу и создании думской фракции, явно намереваясь итти на соглашение и наподу у кадетов, но съезд принял поправку против блоков с другими партиями на выборах, чем в значительной степени ограничил кадетский характер меньшевистской тактики.

В резолюции о вооруженном восстании меньшевики уклонились от прямой и четкой постановки вопроса, занявшись двусмысленными и неясными отговорками. Но съезд подчеркнул, что непосредственной задачей является вырвать государственную власть из рук правительства, причем, благодаря оппортунистическому вилянию Плеханова, предлагавшего заменить слова «вырвать власть» вставкой «вырвать права силой», даже часть меньшевиков голосовала за первую формулировку. И тут большевики получили возможность полукадетской тактике меньшевиков противопоставлять боевые лозунги, взятые из резолюций съезда.

Перед самым окончанием съезда Ленин написал от имени делегатов Объединительного съезда, принадлежащих к бывшей фракции «большевиков», обращение к партии, в котором дал общую оценку работ съезда и наметил директивы для сторонников правильной партийной линии.

«Против тех решений съезда, — писал Ленин, — которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы — против всякого рода раскола. По нашему глубокому убеждению, рабочие социал-демо-

кратические организации должны быть едины, но в этих единых организациях должно широко вестись свободное обсуждение партийных вопросов, свободная товарищеская критика и оценка явлений партийной жизни... В боевой момент сами события подскажут массам рабочих правильную тактику» [1].

IV съезд таким образом выполнил ту задачу, которую ставил себе Ленин.

Ленин великолепно понимал оппортунистическую сущность меньшевизма. Мало того, Ленин, несомненно, видел, куда ведет меньшевистская тенденция, насколько мало меньшевики способны и смогут выполнять роль пролетарской партии. Но, во-первых, эта оппортунистическая сущность оставалась, если не в зародыше, то, по крайней мере, в более или менее зачаточном состоянии, все еще недостаточно проявила себя в действии, притом на таких политических крупных актах, которые видны и ясны широким рабочим массам. В силу этого сущность меньшевизма не совсем ясна была даже и многим большевикам. Вспомните хотя бы извещение ЦК летом 1905 г., предложившего объединение с меньшевиками под предлогом отсутствия разногласий.

Во-вторых, в значительной степени вследствие только что указанного, за меньшевиками еще шли, поддерживали, разделяли их взгляды рабочие, притом трудно еще было сказать, какие именно группы рабочих шли за ними: для этого опять-таки не было необходимого ряда конкретных политических шагов.

В-третьих, партия еще не завоевала себе полной гегемонии в рабочем классе: различные демократические партии, скрываясь под флагом «социализма», все еще пользовались кредитом в рабочей среде и иногда — как на выборах в Петербурге во II Думу — довольно значительным. Все это ставило вопрос об объединении фракций, об их сожительстве под одной партийной крышей, но о таком объединении, которое оставляет для революционного крыла все возможности шаг за шагом добиваться руководства.

«Мы не должны смешивать политику о б ъ е д и н е н и я двух частей со с п у т ы в а н и е м обеих частей —писал Ленин еще летом 1905 г.,—объединить две части согласны. Спутать две части — никогда...».

А IV съезд как раз позволил Ленину объединить две части, но не спутать. Глубокая идейная размежовка дала возможность большевикам сколотить, сплотить твердое, революционно-выдержанное ядро, которое, не поступаясь своими принципами, могло бороться за партийные массы, за широкие пролетарские массы, а вместе с тем за гегемонию в революционном движении. Можно теперь судить, насколько ошибочна была точка зрения ленинградской оппозиции 1925 г., когда в борьбе против партии она в лице Крупской заявила на XIV Съезде партии:

«Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии бывали съезды, где большинство было неправо. Вспомним, например, Стокгольмский съезд» [2].

Сравнить съезд большевистской партии с Стокгольмским съездом, где, по существу, заседало две партии, значит вдвойне ошибаться: это значит не понять характера большевистской партии и ленинского учения о партии; это значит, во-вторых, не понять ленинской оценки IV съезда.

---

[1] Протоколы Объединительного съезда, Гиз, 1926 г., стр. 367.

[2] XIV Съезд ВКП(б). Стенографический отчет, 1926 г., стр. 165—166.

Понимая, что полученное ими большинство чисто случайное и быстро станет уменьшаться по мере роста политического сознания членов партии, меньшевики резко выступили против ленинской директивы. В ряде районов была сделана попытка поставить вопрос об единстве в партии на чисто формальные рельсы, разрешая «критику решений съезда на собраниях только организованных рабочих», на митингах же, общественных собраниях, в печати и т. д. «произносить речи и выносить резолюции в духе решений последнего Объединительного съезда» (из резолюции Франко-русского подрайона в Петербурге).

Настроение большинства членов петербургской организации, однако, явно было против урезывания свободы обсуждения. Так, 24 (11) мая на собрании, посвященном Объединительному съезду партии, после выступления Дана и содоклада Ленина была принята 300 голосов против 39 следующая резолюция, подчеркнутые места которой являются поправкой Ленина:

«Собрание организованных рабочих Московского района г. Петербурга, выслушав доклад об Объединительном съезде РСДРП, постановляет: 1) что решения съезда должны быть подвергнуты тщательному обсуждению во всех организационных ячейках, а также на страницах социал-демократических газет и на народных собраниях: 2) что безусловно необходимо полное единство политического действия партии на основе обязательных решений съезда» («Волна» № 15, 25(12) мая 1906 г.).

Учтя настроение партийных низов, меньшевики попытались положить конец только что начавшейся дискуссии о пределах свободы критики решений партийных съездов. ЦК, находившийся в руках меньшевиков, отдельным листком издал резолюцию, в которой предлагал:

«1) в партийной прессе и на партийных собраниях должна быть всем предоставлена полная свобода высказывать свое личное мнение и защищать свои особые взгляды;

2) на широких политических собраниях члены партии не должны вести агитации, идущей вразрез с постановлениями съезда;

3) никто из членов партии не должен на таких собраниях ни призывать к действиям, противоречащим решениям съезда, ни предлагать резолюции, не согласные с решениями съезда». (Подчеркнуто всюду Лениным в статье, в которой он привел эту резолюцию.)

Резолюция ЦК пыталась таким образом положить конец дискуссии о соотношении между свободой критики внутри партии и единством действия партии. Ленин выступил против такой постановки вопроса.

«Резолюция ЦК и неправильна по существу, и противоречит уставу партии, — писал Ленин. — Принцип демократического централизма и автономии местных учреждений означает именно свободу критики, полную и повсюду, раз не нарушается этим единство определенного действия, и недопустимость никакой критики, подрывающей или затрудняющей единство решенного партией действия» [1].

И дальше Ленин приводил конкретный пример — съезд решил выбирать в Думу, во время выборов никто не имеет права не только призывать к бойкоту выборов, но даже и критиковать постановление о выборах, ибо все это расстраивает единство действия. Но до назначения выборов такая критика допустима. Весь пример и ход рассуждения вытекают из той директивы,

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 275.

СОСТАВ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

«Эпоха кадетского конституционализма оказывается эпохой не кадетского и не конституционного, а революционного движения». *(Ленин.)*

С. В. Аникин, трудовая группа.

А. П. Парчевский, польское коло.

И. И. Петрункевич, конст-дем. парт.

И. И. Рамишвили, с.-д. парт.

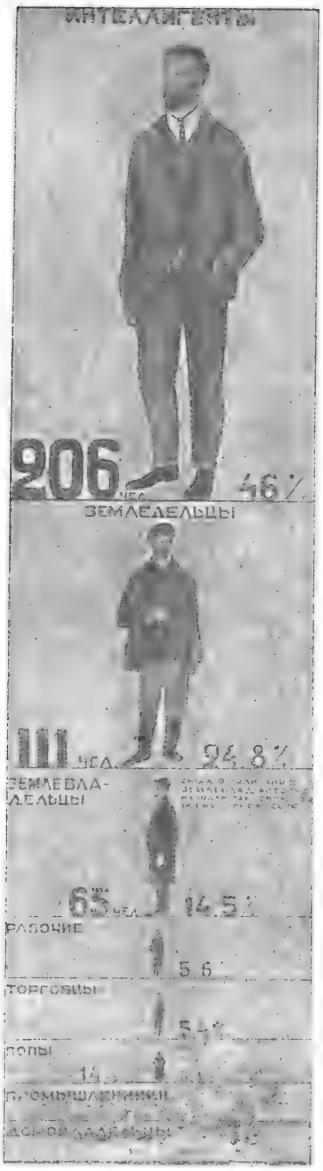
Таврический дворец, где заседали Гос. думы.

Граф Гейден, парт. мирн. обнов.

М. М. Ковалевский, парт. дем. реформ.

Президиум I Государственной думы.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ДУМЫ



ВОПРОСЫ, ОБСУЖДАВШИЕСЯ ДУМОЙ.

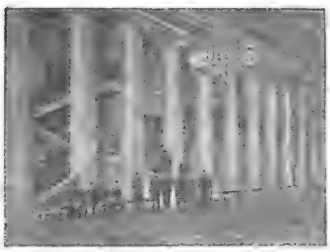
1. Вопрос об амнистии политических.
2. Ответ на тронную речь.
3. Обсуждение декларации министерства.
4. Отмена смертной казни.
5. Аграрный вопрос.
6. Погромы.
7. Законопроекты о неприкосновенности личности, гражданском равенстве и свободе ссбраний.
8. Вопрос о продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая
9. Запросы о военных положениях, о насилиях и пр.
10. Обращение к народу.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ДЕПУТАТЫ I ДУМЫ.

Средн. земл.	от 100 до 500 д.	41 деп.
Мелк. земл.	» 10 » 100 д.	58 »
Крупн. земл.	» 500 дес.	83 »
Имеют надельн. земл.		104 »
Не имеют земли		162 »

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДУМЫ.

Демократ. реформа	4
Социал-демокр.	18
Польское коло	35
Мирного обновл.	37
Бесп. правых	54
Беспартийных	87
Трудовая группа	98
Кадетов (народной своб.)	117



Кулуары I Государственной думы.

Заседание I Государственной думы.

которую Ленин давал в обращении к партии от имени «делегатов Объединительного съезда, принадлежащих к бывшей фракции «большевиков».

Развитие событий скоро перевело спор о допустимости ленинской директивы в плоскость конкретного ее применения.

в) ПАРТИЯ И I ДУМА.

Еще до окончания работ съезда было получено известие, что в Думу оказались избранными несколько рабочих. Прошли они большей частью по крестьянской или городской курии, как беспартийные или прогрессивные выборщики, путем прямых или косвенных соглашений с кадетами, что собственно и вызвало такой резкий протест большевиков против образования думской фракции. В Думе они частью вошли в состав фракции трудовиков, но под влиянием политической борьбы шаг за шагом стали оформляться в особую рабочую группу. К 25 (12) июня 1906 г., когда в Думу прибыли депутаты социал-демократы из Сибири, с Кавказа, где социал-демократам удалось получить в Тифлисе 8 078 голосов против 3 577, поданных за все остальные партии, и провести из 81 выборщика 72 социал-демократа, в Кутаисе — избрать в Думу 3 социал-демократов и т. п., — в Думе организовалась социал-демократическая фракция в составе 18 депутатов: И. Савельев от Москвы, Б. Диденко от Харькова, М. Михайличенко от Екатеринослава, А. Смирнов от Костромы, В. Рогов от Пензы, З. Выровой от Киева, П. Ершов от Казани, В. Чурюков от Московского уезда, И. Антипов от Пермской губернии, В. Ильин от Херсонской губернии, Н. Жордания от Тифлиса, С. Церетели от Тифлисской губернии, С. Джапаридзе, И. Рамишвили и И. Гомартели от Кутаисской губернии, Д. Медведев от Воронежской губернии, И. Шувалов от Самарской губернии, В. Ишерский от Акмолинской области.

С появлением фракции партия получила возможность с открытой политической трибуны довести до сведения масс лозунги последовательной борьбы демократизма и пролетарской борьбы за социализм. Первые же официальные выступления социал-демократии дали наглядный урок пролетарской парламентской тактики. Депутаты подписали «торжественное обещание» членов Государственной думы о «верности самодержцу», но одновременно в газетах разъяснили:

«Мы подписываем «торжественное обещание», установленное положением о Думе, чтобы иметь возможность выполнить порученное нам народное дело, и подчеркиваем, что признаем какие бы то ни было политические обязательства только по отношению к народу»

Решительные выступления социал-демократических депутатов в самой Думе толкали колеблющихся трудовиков занять более революционную позицию, а вне Думы вызывали революционный отклик рабочих масс. Но преобладание во фракции меньшевиков наложило печать непоследовательности и оппортунизма на всю деятельность фракции.

В ответ на тронную речь кадетское большинство Думы приняло ответный адрес, основная мысль которого состояла в том, «что только единение царя с народом является источником законодательной власти».

«Общая идея автора адреса, — говорил в Думе один из трудовиков, оценивая кадетский проект, — идея смирения. Он спешит обмолвиться теплым словечком с властью».

Вместо резкой отповеди и политической демонстрации против адреса члены рабочей группы, хоть и выступали наиболее революционно по сравнению с остальными ораторами в прениях, при голосовании ответного адреса 18 (5) мая лишь воздержались от голосования. При этом в газетах они мотивировали свое воздержание нежеланием путем демонстрации смешаться с группой правых, выступавших против кадетов.

26 (13) мая после правительственного ответа Государственной думе рабочая группа еще до образования социал-демократической фракции обратилась с воззванием к рабочим, в котором подчеркивала, что нужно «стремиться к тому, чтобы Дума подготовила созыв Учредительного собрания». В этом воззвании не было никакого классового анализа состава Думы и никакой попытки опереться на крестьянское крыло Думы, на трудовиков.

Один из депутатов социал-демократической фракции — меньшевик И. Гомартели — фактически признал нежелательность втягивать царскую армию в политику, солидаризировавшись в этом пункте с правыми депутатами.

«Славное войско наше пробуждается, — говорил он на заседании Думы 26 (13) июня в прениях по вопросу о преследовании правительством революционной печати, — и оно найдет в себе достаточно силы и энергии, чтобы смыть с себя кровь своих собратьев».

Выступление Гомартели вызвало критику члена партии демократических реформ В. Федоровского, подчеркнувшего, что армия должна быть вне политики. Именно с этой постановкой вопроса члена партии правых кадетов солидаризировался Гомартели.

«Мой оппонент сказал, — разъяснял он свое выступление в слове по личному вопросу, — что войско не должно служить политике, и я в своей речи хотел сказать, что войско не должно служить политике» [1].

Все это были, несомненно, политические ошибки, однако легко поправимые всякими последующими выступлениями.

Но фракция допустила и ряд крупных непоправимых ошибок.

29 (16) июня думская фракция РСДРП обратилась с декларацией к рабочим, в которой изложила задачи социал-демократической партии. Декларация была составлена Аксельродом, но подверглась резкой критике Ленина, указавшего на недостаточную ясность определения социалистических целей партии, на необходимость точнее характеризовать думские партии, больше внимания уделять движению вне Думы, сделать решительное заявление о защите крестьян против кадетов и т. п. Меньшевики под влиянием критики Ленина, внесшего во фракцию свой контрпроект, подчистили и несколько подправили свой проект.

«Кавказцы — народ дельный, — так рассказывал об этом инциденте П. Б. Аксельрод в письме к Плеханову [2], но один (даже двое) из них проявил некоторую неустойчивость с точки зрения фракционной дисциплины и фракционного достоинства. К сожалению, меня не было на этом заседании (в среду 27(14) июня). Дело шло об изменении декларации, которую мы обсудили в воскресенье в комиссии и которая затем (уже в мое отсутствие) принята была фракцией в полном составе. А изменения сделаны были под влиянием закулисных атак Ленина, который даже представил контрпроект декларации».

[1] Стенографический отчет I Государственной думы, т. II, стр. 1295.

[2] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II, стр. 216.

Но и в исправленной декларации меньшевики сохранили следующую мысль, сделав ее стержнем декларации:

«Мы признаем, что Государственная дума может явиться центром общенародного движения против полицейского самодержавия» [1].

По сравнению с решением съезда, признававшим Думу орудием революции, это заявление явилось шагом вправо к кадетам. Как раз в противовес этой идее Ленин писал в своем контрпроекте:

«В союзе пролетариата с широкими массами городской и сельской бедноты видим мы залог новой победы революции. Государственная дума есть непригодное учреждение для осуществления и закрепления этой победы. Только созванное революционным путем всенародное Учредительное собрание... в состоянии будет провести в жизнь полную свободу... Государственная дума... должна разъяснить народу все бессилие и всю жалкую роль «народного представительства», как новой ширмы старого самодержавия» [2].

Второй ошибкой и дальнейшим отступлением от решений съезда была позиция фракции в вопросе о думском министерстве.

Самодержавие, мало надеясь на свои собственные силы в борьбе с революционным движением, ставило своей задачей втянуть в эту борьбу не только буржуазные верхушки, но и широкие массы буржуазии, представляемые кадетами. С этой целью правительство возобновило свои переговоры через Трепова и Столыпина с кадетами, в лице Милюкова, предлагая ему возглавить министерство. Лозунгом этой сделки самодержавия с кадетами явилось думское министерство, составленное из думского большинства — партии кадетов. Социал-демократии предстояло определить свое отношение к этому лозунгу.

Центральный комитет РСДРП принял резолюцию, с которой и обратился к партии, предлагая положить ее в основу думской тактики.

«Будем поддерживать Думу, — гласил основной пункт резолюции, — во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой, видя в такой замене условие, способствующее созыву Учредительного собрания».

ЦК таким образом присоединился к кадетскому лозунгу, выражавшему тайную сделку либерально-монархической буржуазии с самодержавием. Такой лозунг совершенно не вытекал даже из резолюции съезда о Государственной думе, ибо в резолюции, составленной меньшевиками, было сказано:

«стремиться расширить и обострить... конфликты до пределов, дающих возможность сделать их исходной точкой широких массовых движений, направленных к низвержению современного политического порядка», заняться «широкой агитацией среди народных масс за предъявление Государственной думе революционных требований — организовать давление на Думу извне в целях ее революционизирования» и т. д.

Петербургский комитет поэтому, отнюдь не нарушая резолюции съезда и пользуясь притом автономией в вопросах повседневной тактики, принял резолюцию против думского министерства, с разоблачением сделок кадетов,

---

[1] Стенографический отчет, т. II, стр. 1405

[2] Ленин, Соч., т. IX, стр. 357—358.

с призывом к рабочим массам организовать революционное давление на Думу, а к трудовой группе:

«заявить, что свергнуть власть в силах только совместные действия рабочих и крестьян; к этим действиям надо готовиться, для них организоваться, пока не придет решительный момент революционного выступления».

Резолюция была принята 6 июня (24 мая) 12 против 9. Последние тут же на заседании подали мотивированное заявление с протестом против резолюции, как противоречащей решениям съезда и резолюции ЦК, с отказом от участия в голосовании и предложением созвать межрайонную конференцию для решения вопроса.

По обсуждении конфликта Петербургский комитет принял 13 против 8 вторую резолюцию с предложением: 1) не приостанавливать проведения в жизнь своей тактической резолюции, 2) созвать конференцию, для чего создать комиссию по выборам.

В борьбе против большевистского ЦК меньшевики попытались созвать конференцию в минимальный срок, притом без всяких дискуссий:

«Мы настаиваем, — гласит резолюция меньшевистского Выборгского районного комитета, принятая 10 июня (28 мая) — на созыве конференции от организованных рабочих для улажения конфликта, происшедшего внутри ПК по вопросу о принятии резолюции ЦК и ПК; мы полагаем, что такая конференция должна быть созвана по одному представителю от каждых 40 организованных рабочих без различия фракций, т. е. без всяких дискуссий; что такую конференцию необходимо созвать в течение самое большее 1½ недель».

При наличии меньшевистского ЦК в горячей спешке без дискуссии, без обсуждения, естественно, легче было поймать несколько лишних голосов.

К этому присоединились угрозы раскола со стороны ряда виднейших меньшевиков [1] и кампания клеветы, поднятая буржуазной и мелкобуржуазной прессой, сочувствовавшей меньшевикам.

«Одни, — писала, например, кадетская газета «Речь» по поводу меньшевиков, — пытались трезво, практически работать... с пониманием того, что... в единении, хотя бы и временном, всей искренней оппозиции — сила; другое направление (т. е. большевики — *Ред.*) демагогически сеяло рознь и вражду, играло на классовом недоверии и на инстинктах толпы, легкомысленно толкало на крайние средства, не считаясь вовсе, или недостаточно считаясь с условиями момента и с соотношением общественных сил» [2].

14 (1) июня Петербургский комитет обсудил вопрос о цели, способе и сроке созыва конференции.

По первому вопросу Петербургский комитет решил, что

«конференция созывается, чтобы установить на основе резолюции Объединительного съезда РСДРП ближайшую тактику петербургского пролетариата по отношению к Государственной думе».

По второму вопросу ПК предложил производить выборы на основе двух тактических платформ, причем меньшинству предоставлялось право требовать

---

[1] См., напр., статью Мартова, Быть ли новому расколу? «Курьер» № 13 от 13 июня (31 мая) 1906 г.

[2] «Речь» № 88 от 14 (1) июня 1906 г.

пропорциональных выборов. По третьему вопросу решение было поручено выработать узкому составу Петербургского комитета.

На этом же заседании меньшевики потребовали, чтобы созываемая конференция разработала вопрос о реорганизации Петербургской организации. ПК, однако, в особой резолюции подчеркнул, что признает такую реорганизацию необходимой, но самое обсуждение этого вопроса считает нужным передать особой конференции.

19 (6) июня Петербургский комитет опубликовал план созыва конференции: вопрос о тактике обсуждается на всех низовых собраниях, выборы происходят по платформам по 1 делегату на каждые 50 участников дискуссии, в целях правильного подсчета голосов и т. п. создаются на паритетных началах районные контрольные комиссии и одна центральная контрольная комиссия.

Вопрос о думской тактике перешел на обсуждение и решение организованных рабочих.

В дискуссию было втянуто до 4 тыс. членов партии, причем 1 760 голосов высказалось за Петербургский комитет, а 952 за резолюцию ЦК. Остальные товарищи послали своих представителей на конференцию в качестве «бесплатформенных».

Конференция Петербургской организации заседала в Финляндии с 24 (11) по 26 (13) июня 1906 г.

Меньшевики потребовали, чтобы первым в порядке дня был обсужден вопрос о единстве партии, но конференция 42 голосами против 29 решила обсудить тот вопрос, ради которого собственно и была созвана конференция — о тактике по отношению к Государственной думе. Докладчиком от Петербургского комитета выступил Ленин, от ЦК официального доклада не было, ибо представитель ЦК, ссылаясь на провал его точки зрения по вопросу о порядке дня, от доклада отказался, но резолюцию ЦК защищал Дан, которому было предоставлено столько же времени, как и Ленину. Заслушав также доклад от «бесплатформенных», конференция после долгих прений 37 голосами при 10 воздержавшихся приняла резолюцию, в которой 1) присоединилась к точке зрения ПК, 2) предложила немедленно организовать регулярные совещания парламентской фракции с представителями всего петербургского пролетариата, 3) поставить на очередь вопрос об организации таких же совещаний с представителями фабрик и заводов Петербурга «в целях расширения влияния социал-демократии на массы и влияния или давления пролетариата на Государственную думу» [1].

Дальше конференция, заслушав сообщение на тему «о единстве партии», признала ненормальность отношений между ЦК и большинством партии и заявила, что ЦК не отражает мнения всей партии, что «единственно правильным, при создавшемся в партии положении, решением этого (конфликт по вопросу о думском министерстве — *Ред.*) и столь же важных других вопросов политической тактики является путь обстоятельного партийного обсуждения и следующего за ним совещания с представителями областных партийных организаций». В заключение резолюция рекомендовала, «не останавливая повседневной

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 478.

партийной работы, высказаться за необходимость созыва нового съезда».

Сверх того конференция приняла особую резолюцию о думской фракции, в которой заявила, что впредь до реорганизации Петербургской организации конференция превращается в орган для регулярных совещаний с думской социал-демократической фракцией, и предложила Исполнительной комиссии ПК наметить ближайший день для встречи.

Несколько позже в Москве состоялась Московская окружная конференция, а затем и областная конференция, представлявшая Московский, Московский окружной, Вологодский, Ярославский, Кинешемский, Костромской, Владимирский, окружной Иваново-вознесенский, Борисоглебский, Нижегородский, Орловский, Козловский комитеты и группу г. Шуи — всего до 14 тыс. членов партии. Конференция высказалась против резолюции ЦК, поддержав политическую линию Петербургского комитета.

«Северный союз, — так гласила резолюция конференции по вопросу об ответственном министерстве, — заявляет, что он не согласен с платформой Центрального комитета, так как не считает ее соответствующей директивам партийного съезда и предлагает поддерживать крайнюю левую Думы».

Дальше резолюция призывала крайнюю левую, т. е. социал-демократов и трудовиков, обратиться к народу с манифестом, признающим всю слабость Думы и призывающим народ готовиться к самостоятельному выступлению; резолюция рекомендовала также крайней левой Думы создать Исполнительный комитет для руководства революционным выступлением народа и т. д.

Ввиду конфликта с ЦК ряда крупнейших организаций конференция приняла особую резолюцию по вопросу о пределах партийной критики и о партийной дисциплине.

«1) Все постановления руководящих организаций, — гласила резолюция, — могут свободно обсуждаться как на партийных, так и на беспартийных собраниях. 2) Все постановления ЦК, которые призывают к немедленному действию, безусловно обязательны для всех членов партии, те же постановления ЦК, которые определяют длительную кампанию, подлежат проведению в жизнь только после опроса всех организаций»

Наконец еще 18—25 июня состоялся в Австрийской Польше V съезд социал-демократии Польши и Литвы, представлявший 26 тыс. членов партии, также высказавшийся против оппортунистической линии ЦК.

V съезд социал-демократии Польши и Литвы по существу осудил поведение меньшевиков, проваливших на Объединительном съезде предложение поставить первым пунктом съезда вопрос об объединении с национальными организациями. Кроме того, по докладу о Государственной думе (В. Ледера), V съезд СДП и Л оговорил свое несогласие с резолюцией меньшевиков, неверно усмотревшей в Думе центр тяжести развития революции.

Съезд подчеркнул ошибочность позиции ЦК российской социал-демократии и признал желательным созыв нового чрезвычайного съезда, поручив Главному правлению проведение этой резолюции в жизнь.

По существу, около половины организованных рабочих (14 тыс. на Московской областной конференции и 4 тыс. в Петербурге из 30—31 тыс. представленных на Объединительном съезде), затем самая крупная национальная

социал-демократическая организация высказались против линии ЦК, отметив тем самым, что ЦК не отражает мнения партии. На очередь стал вопрос о новом съезде и выборе нового ЦК.

«Наше внутрипартийное министерство, т. е. ЦК нашей партии, — писал Ленин, — перестало выражать волю партии: его элементарной политической обязанностью является ускорить созыв немедленного, экстренного съезда» [1].

Пока, однако, выяснялся провал меньшевистской тактики по отношению к Государственной думе, развитие революции поставило партию перед новым политическим событием — разгоном Думы.

Для самодержавия Дума являлась маслом, вылитым на взбаламученные волны общественного движения: она должна была разбить единый фронт революции, оторвав от революции широкие массы буржуазии и мелкой буржуазии, и отвлечь внимание крестьянства от революционного разрешения аграрного вопроса. С другой стороны, стоявшее накануне финансового краха из-за неудачной войны и революции самодержавие нуждалось в займе, который иностранная буржуазия, — в данном случае в лице французского министра финансов Пуанкаре — отказывалась дать неконституционному правительству. Но вынужденное созвать Думу правительство заранее решило разогнать ее, как только она вздумает коснуться вопроса о конфискации земли.

Как ни затруднены были выборы, Дума оказалась более левой, чем ожидало правительство. Прежде всего подвело крестьянство, то самое крестьянство, которое должно было быть, по мнению авторов булыгинского проекта,

«ценным балластом, который придает устойчивость кораблю в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли».

Посланные крестьянами представители в Государственную думу стали в резкую оппозицию к правительству, образовав в Думе особую трудовую группу.

Начало организации трудовой группы положено было в апреле 1906 г. съехавшимися в Петербург крестьянскими депутатами Думы во главе с А. Ф. Аладьиным, Ф. М. Онипко и Г. Н. Шапошниковым, при ближайшем участии бывших деятелей Крестьянского союза А. Л. Караваева, Н. Ф. Анненского, Ф. А. Мякотина, А. В. Пешехонова и др. К открытию Государственной думы в составе группы значилось 107 депутатов, в число которых входили: 2 социалиста-революционера, 10 социал-демократов (позднее вышедших из трудовой группы и вошедших в социал-демократическую фракцию, которая образовалась с приездом депутатов от Кавказа), 9 членов Крестьянского союза, 7 внепартийных социалистов, 1 радикал, 2 свободомыслящих, 18 левее кадетов, 8 автономистов, 21 беспартийный и остальные неопределенные. По уходе социал-демократов трудовая группа окончательно сконструировалась в количестве 94 депутатов.

В своей платформе трудовая группа ставила себе задачей объединить все

«трудящиеся классы народа: крестьянство, фабрично-заводских рабочих, а также интеллигентных тружеников».

В программе, принятой 9 мая (26 апреля) 1906 г., она выдвигала требования: отмены всех сословных и национальных ограничений и установления

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 379.

равенства всех граждан, демократизации земского и городского самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в Государственную думу, образования ответственного министерства из думского большинства, упразднения Государственного совета и т. п. Особенно показательным для характеристики трудовой группы являлась выработанная ею аграрная программа, которая была внесена за подписью 104 депутатов в виде «Проекта основных положений» земельного законодательства на 13-е заседание Думы 5 июня (23 мая) 1906 г. «Проект» этот, составленный в основном народными социалистами, содержал общие народнические положения: уравнительность землепользования на началах трудовой нормы, стремление уничтожить капитализм в сельском хозяйстве при сохранении товарного производства и т. п. В проекте, однако, не было требования отмены частной собственности на землю и сохранялся выкуп за принудительно отчуждаемые земли, что сближало проект трудовой группы с кадетскими предложениями.

Не являясь оформленной политической партией, объединяя в своих рядах социально и политически пестрые элементы, трудовая группа тем не менее отражала интересы широких слоев крестьянства. Ленин так характеризовал ее:

«У представителей крестьянства, т. е. у трудовиков... мы видим в обеих Думах, несмотря на многочисленные колебания и шатания, совершенно ясную линию защиты интересов крестьянства против помещиков» [1].

В своей тактической линии трудовая группа в начале работ Государственной думы находилась под сильным влиянием кадетов, в дальнейшем это влияние ослабло, и группа постепенно эволюционировала влево, сближаясь по ряду вопросов с социал-демократической фракцией.

Обманула ожидания и городская мелкая буржуазия, пережившая декабрьское восстание и карательные экспедиции, ряд забастовок и т. п., приписываемых не столько деятельности революционных партий, сколько неумелой распорядительности правительства: мелкая городская буржуазия голосовала за кадетов. Последние, эксплоатируя отсутствие на выборах революционных партий, бойкотировавших Думу, используя конституционные иллюзии мелкой буржуазии и крестьянства, мечтавшего «отхлопотать через Думу землю», оказались на выборах самой левой партией (трудовики организовались только в самой Думе) и повели за собой мелкую буржуазию и часть крестьян, получив в Думе 179 мандатов из 478, т. е. 37,4% (трудовиков 94—19,7%, беспартийных 100—20,9%). Заняв руководящее место в Думе, кадеты очутились в двойственном положении: классовая сущность их требовала блока с самодержавием против разгоравшейся революции, а огромный мелкобуржуазный хвост из голосовавших за них на выборах, особенно необходимость удержать и повести за собой крестьянство, вынуждали к более или менее решительным шагам, по крайней мере, в аграрном вопросе. Кадеты выбрали единственно возможную линию: итти постепенно на сделку с самодержавием, выбрасывая революционные моменты из своих требований и про-

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 354.

граммы с тем, однако, чтобы как можно дольше сохранить за собой мелкобуржуазные массы для «запроса» у самодержавия. Последнее, опережая решение Думы, как только разгорелись аграрные дебаты, приковавшие к себе внимание крестьянских масс, опубликовало 3 июля (20 июня) сообщение, центральным пунктом которого являлось отрицание какой бы то ни было конфискации земли и признание незыблемости самодержавного строя. В ответ на это сообщение, фактически являвшееся вызовом Думе, депутаты кадеты решили в свою очередь обратиться к народу с особым воззванием или обращением, разъясняющим позицию Думы в вопросе о земле. Социал-демократическая фракция решила присоединиться к обращению, если там будет выставлен принцип принудительного отчуждения частновладельческой земли, даже в случае отсутствия в обращении указания — с выкупом или без выкупа должно произойти отчуждение. Так как большевистские члены ЦК не присутствовали на этом заседании фракции, то особым письмом во фракцию они потребовали перерешения этого вопроса, подчеркивая, что решение фракции, во-первых, противоречит программе партии, настаивающей на безвозмездной конфискации земли, во-вторых, фактически означает принятие выкупа за землю, поскольку оба имеющихся аграрных проекта (кадетский и трудовиковский) стояли на почве признания выкупа.

На заседании фракции 17 (4) июля представители ЦК Мартынов и Дан высказались против перерешения вопроса, но члены фракции Жордания и Рамишвили поддержали большевиков. На заседании было решено в уже готовый кадетский проект внести следующие поправки: отбросить конец обращения, призывающий народ к успокоению, а после слов «принудительное отчуждение» указать на существование различных точек зрения среди думских партий о том, с выкупом или без выкупа производить отчуждение. Фракция решила сделать поправки ультимативными и, в случае их отклонения, воздержаться от голосования всего обращения, хотя большевики предложили голосовать против.

Через два дня, 19 (6) июля, официальные представители ЦК, видимо по прямому поручению ЦК, потребовали нового перерешения вопроса и против голосов большевиков и депутатов-кавказцев сняли ультимативный характер поправок, предложив голосовать за обращение, если воздержание социал-демократов будет угрожать провалом всего думского обращения. В последнем случае, т. е. при голосовании за кадетское обращение, фракция должна будет внести особое мнение с объяснением мотивов голосования и изложением собственных взглядов социал-демократии.

Таким образом фракция, а значит ЦК, представители которого провели решения ЦК, постановила вопреки программе, утвержденной съездом, отказаться от лозунгов безвозмездной конфискации помещичьей земли и тем самым полностью стать на точку зрения кадетов. Предательское поведение кадетов, однако, спасло фракцию от этой политической ошибки. Кадеты внесли проект обращения, в котором резко подчеркивалась необходимость мирного установления порядка в стране и допустимость принудительного отчуждения земли только по закону. Обращение оказалось настолько не-

революционным актом, что при его окончательном голосовании социал-демократы даже не воздержались, а голосовали против. 101 трудовик воздержался, и акт был принят 124 голосами кадетов.

Этот факт сразу вскрыл действительные соотношения сил в стране: самодержавие поняло, что кадеты отнюдь не являются главной руководящей силой в Думе и не ведут за собой масс, и в ночь с 21 (8) на 22 (9) июля разогнало Думу. Не зная, однако, какой отклик встретит этот шаг со стороны народных масс, самодержавие не рискнуло отменить самый закон о Думе и обещало созвать новую Думу на 5 марта (20 февраля) 1907 г.

На другой день после роспуска группа делегатов в 200 человек, найдя дверь Думы закрытой, почти стихийно двинулась в Выборг, в Финляндию, которая пользовалась сравнительно большей политической свободой. Там она занялась выработкой ответных мер на роспуск Думы. В Выборге депутатам от имени кадетов был предложен проект воззвания к народу — так называемое Выборгское воззвание, в котором разъяснялось, что Дума разогнана за попытку выработать закон о наделении крестьян землею, что страна не может оставаться без народного представительства даже и 7 месяцев, намеченных в манифесте, а самодержавие, если ему не оказать сопротивления, вероятно, совсем откажется собрать новую Думу. В качестве формы такого сопротивления народу рекомендовалось отказаться от уплаты налогов и воздержаться от дачи рекрутов.

«Теперь, — говорилось в этом воззвании «Народу от народных представителей», — когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народных представителей, отныне недействительны. Русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет.

Итак, до созыва народных представителей не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе! Стойте за свое право, как один человек! Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может».

Любопытно здесь отметить, насколько это предложение, известное под именем «пассивного сопротивления», напоминает нам призыв вождя индусской либеральной буржуазии Ганди к «гражданскому неповиновению». И тут и там стараются избежать какого бы то ни было применения оружия, и тут и там всячески подчеркивается «пассивность» сопротивления, мирный его характер: одинаковая социальная природа русских и индусских кадетов (индусские свараджисты, несомненно, являются разновидностью кадетов) обусловливает и одинаковую тактику.

Но и сами авторы не скрывали своего отношения к рекомендуемой ими форме борьбы. Предлагаемая ими мера в самом воззвании сильно ограничивалась в своем реальном проведении: она носила условный характер, ибо гражданам предлагалось применять «пассивное сопротивление» до созыва новой думы. При этом среди кадетов на самом совещании наметилась очень большая оппозиция, предлагавшая отказаться даже от этого «бунта на коленях». Только давление социал-демократов и трудовиков вынудило кадетов голосовать за «Выборгское воззвание». Но как только делегаты разъехались и давление прекратилось, — кадеты на своем совещании резко подчеркнули свое отрицательное отношение ко всяким революционным выступлениям, а оппо-

зиция развернула решительную борьбу против самого воззвания, добиваясь полного отказа от него — настолько даже этот мирный шаг оказался «революционным» для партии, мечтавшей успокоиться от треволнений революции в объятиях самодержавия. IV кадетский съезд, собравшийся в сентябре 1906 г., прямо заявил об отказе от «пассивного сопротивления».

«Съезд находит,— так гласила резолюция кадетского съезда,— что в настоящий момент не имеется налицо данных для достаточно широкого и организованного осуществления пассивного сопротивления, как вообще, так и в частности, в форме отказа от отбывания воинской повинности в призыве 1906 г.».

Некоторые из виднейших сторонников «пассивного сопротивления» осенью даже председательствовали в воинских присутствиях, производивших набор рекрутов.

Но этого мало. Съезд не только отказался от «пассивного сопротивления», но и высказался против распространения «Выборгского воззвания», заявив в резолюции:

«Съезд не возражает против распространения воззвания в целях ознакомления населения с идеей пассивного сопротивления, но не с целью возбуждения населения к немедленному частичному проведению его в жизнь».

Резолюция таким образом подчеркнула, что знакомиться с документом можно только ради исторического интереса.

Насколько само самодержавие невысоко ценило этот акт можно судить по тому, что участники Выборгского совещания, привлеченные к ответственности и судившиеся в декабре 1907 г., т. е. уже в разгар реакции, получили только по 3 месяца тюремного заключения. И это в тот момент, когда социал-демократическая фракция была послана на многолетнюю каторгу.

Самодержавие привлекло участников совещания к ответственности не столько для наказания, сколько для того, чтобы лишить их права быть избранными в новую думу, ибо всякий, находящийся под следствием, механически лишался этого права.

Вернемся, однако, к социал-демократам.

Социал-демократическая фракция перед роспуском Думы снова допустила политическую ошибку: голосовав против кадетского «обращения» к народу, как нереволюционной меры, фракция не обратилась к рабоче-крестьянским массам со своим собственным революционным обращением.

На Выборгском же совещании фракция также не сразу заняла революционную позицию. Большевики предлагали внести в кадетский проект две поправки: 1) воззвание должно исходить от Думы как учреждения, а не от группы делегатов, 2) воззвание должно требовать созыва Учредительного собрания. Меньшевики же отвергли обе поправки, считая, что воззвание должно отвечать требованиям всех собравшихся в Выборге депутатов, т. е. и кадетов. Тем не менее меньшевистское большинство под давлением революционных событий и настойчивых требований большевиков фракции согласилось одновременно с Выборгским воззванием вместе с трудовиками и другими революционными организациями выпустить три манифеста: к армии и флоту, к российскому крестьянству, ко всему народу — с призывом готовиться к вооруженному восстанию.

Такое же тактическое колебание проявил и ЦК. По получении первых известий о роспуске Думы еще до созыва Выборгского совещания большевистские члены ЦК предложили обратиться с воззванием к рабочим и крестьянам с призывом готовиться к всенародному восстанию за Учредительное собрание. В воззвании предлагалось подчеркнуть, что по отношению к пролетариату роспуск Думы носит, несомненно, провокационный характер, имея целью вызвать пролетариат на немедленное выступление в одиночестве, почему и предлагалось выждать подъема крестьянского движения. Лозунг, предложенный большевиками, сводился к следующему:

«предвидя в самом близком будущем выступление крестьянства, готовиться и ожидать прямо призыва».

ЦК отверг предложение большевиков и принял участие в Выборгском совещании.

После совещания большевистские члены ЦК снова выдвинули идею воззвания, предложив привлечь к его составлению трудовиков и другие революционные организации. ЦК, находившийся целиком под обаянием «общенационального» фронта, созданного участием кадетов в Выборгском совещании, отверг лозунги большевиков и принял предложение призвать к организации и подготовке всеобщей всероссийской забастовки под лозунгом «возобновление сессии Думы для созыва Учредительного собрания».

Ярко выраженный оппортунистический характер лозунга бросался в глаза даже широким массам пролетариата. Лозунг создавал иллюзию, что Дума в целом может высказаться за Учредительное собрание, а между тем большинство Думы резко выступило против Учредительного собрания за сделку с самодержавием. Лозунг таким образом явно противоречил резолюции Объединительного съезда, требовавшей разоблачать непригодность Думы в целом разрешать коренные вопросы революции. Во-вторых, лозунг обязывал партию прекратить борьбу, как только правительство созовет Думу для продолжения заседаний. В-третьих, лозунг умалял значение всей предыдущей борьбы пролетариата, шедшей под лозунгом Учредительного собрания, ибо предлагал пролетариату отказаться от непосредственного лозунга Учредительного собрания, заменив его требованием созыва сессии Думы. Этим самым ЦК превращал пролетариат в придаток буржуазных партий, тоже сделавших своим лозунгом возобновление сессии Думы.

Опираясь на Петербургский комитет, большевики снова опротестовали решение ЦК. Под двойным давлением, изнутри — со стороны большевистских членов, извне — со стороны петербургской организации, ЦК принимает новое решение: призвать массы не к организации забастовки, а прямо к забастовке, поставив окончательное решение этого вопроса в зависимость от соглашения с другими партиями. Старый же лозунг заменить следующим:

«Борьба с правительством в защиту Думы в целях созыва Учредительного собрания».

Несомненно, что второй лозунг являлся шагом вперед по сравнению с первым, но и в нем имелся ряд недостатков. Дума как учреждение рассыпалась. Кадеты, не говоря уже о более правых группах, категорически отказались от

каких бы то ни было революционных шагов, левая же часть Думы — социал-демократы и трудовики, напротив, создали Исполнительный комитет, в целях координации последующих шагов. При таких условиях не имело никакого политического смысла разбавлять революционный лозунг Учредительного собрания лозунгом разложившейся Думы. На совещании революционных партий и учреждений все представители дружно подчеркнули несовместимость этих лозунгов, в самом ЦК среди меньшевиков началось колебание, и один из меньшевиков предложил даже новый лозунг:

«за немедленный созыв полновластного народного представительства».

Однако на новом заседании ЦК в третий раз неожиданно изменил свое решение и принял резолюцию:

«рекомендовать теперь же частичные массовые проявления протеста во всех слоях населения против разгона Государственной думы»,

тактическим же лозунгом выдвинуть:

«за Думу как за орган власти, который созовет Учредительное собрание».

27 (14) июля ЦК обратился с письмом к партийным организациям [1], следующим образом подробно мотивируя свой новый лозунг: 1) роспуск Думы вызовет всеобщее недовольство, на фоне которого пролетарское движение не останется изолированным; 2) работа Думы, а особенно ее роспуск, вплотную поставили народ перед задачей — вырвать власть у царского правительства и передать в руки учреждения или коллектива, пользующегося доверием народа,

3) «общее выступление в связи с роспуском Думы имеет шансы превратиться в централизованную победоносную революцию»;

4) межпартийное совещание из представителей всех революционных партий и учреждений отказалось от немедленного призыва к забастовке, и ЦК оставалось отказаться от своего старого решения и дать лозунг развязывания революции путем частичных массовых проявлений протеста; 5) это ставит перед нами вопрос, в чьи руки перейдет власть. Советы рабочих депутатов для этой цели не годятся, ибо не будут признаны ни крестьянством, ни городским мещанством, ни солдатами и казаками, ни офицерством, ни средней буржуазией. Точно так же не подойдут для этой цели Исполнительный комитет социал-демократической фракции и трудовиков, и т. п.;

6) «но, — продолжает ЦК в своем письме объяснять свой крутой поворот назад к старым неверным лозунгам, — вообще, доктринерством было бы теперь искусственно выискивать новое правительство, когда сейчас в народном сознании есть вполне естественный преемник государственной власти, это — Государственная дума или те остатки ее, которые, соединившись вместе, могут объявить себя Государственной думой»; 7) отсюда лозунг: «против царского правительства, за Думу, как за орган власти, который созовет Учредительное собрание».

В чем сущность ошибок этого письма? Прежде всего Центральный комитет скатился на идеалистическую позицию в вопросе завоевания власти. Вместо того чтобы с точки зрения материалистической диалектики выяснить, какие классы могут свергнуть самодержавие, какие классы, напротив, заинтересованы в его сохранении, каков вообще характер борьбы на данном

[1] Письмо к партийным организациям № 4, 14 июля 1906 г. ЦК РСДРП, листовка. Архив Института Ленина.

этапе, а отсюда уже сделать вывод, кто свергнет самодержавие и станет на его место, ЦК исходит из того, «кто является или может явиться в настоящий момент в глазах 140-миллионного народа естественным преемником власти, вырванной из рук царского правительства», т. е. исходит не из конкретного анализа, а из идейных представлений. Для него важен не вопрос, к т о свергнет самодержавие, а кто п о м н е н и ю н а р о д а может это сделать.

«Он не понимает, — писал по этому поводу Ленин, — что «естественным преемником» будет не тот, кто играет «такую роль», в чьем угодно с о з н а н и и», а тот, кто на деле н и з в е р г н е т правительство, кто на деле з а в о ю е т власть, кто п о б е д и т в борьбе. Не «всенародное сознание» определит исход борьбы, а сила тех или иных к л а с с о в и элементов общества» [1].

Это отношение ЦК к вопросу о завоевании власти, прямой отход от материалистической диалектики к идеализму был только наиболее рельефным следствием отношения меньшевиков к вооруженному восстанию и Временному революционному правительству, о котором мы говорили, оценивая позицию меньшевиков до революции. То, что намечалось уже в тогдашней постановке и что Ленин с такой проницательностью отмечал в своих статьях, сейчас получило свое реальное подтверждение на фактах конкретной политической действительности.

Вторая ошибка ЦК — поддержка Думы как органа власти. Если при выработке резолюции Объединительного съезда нельзя еще было сказать определенно, какой будет Дума, то сейчас, после нескольких месяцев ее работы, когда выяснилась предательская тактика кадетов, когда ясен стал водораздел между либерально-монархической буржуазией, представленной кадетами, и революционной буржуазной демократией, представленной трудовиками, говорить о Думе как органе власти, не разъясняя этого водораздела, говорить о Думе в целом можно было только, став на точку зрения кадетов.

При таком исходном пункте понятен практический вывод, к которому приходит ЦК — «частичные массовые проявления протеста». Прежде чем критически оценить этот вывод, добавим, что сам ЦК целью таких демонстраций ставил «создать атмосферу подготовки к близкой решительной борьбе»... Дело не в том, чтобы готовиться к самому бою, а лишь создать атмосферу подготовки! Это так напоминает нам резолюции меньшевиков в 1905 г. о «неообходимости вооружать пролетариат ж г у ч е й п о т р е б н о с т ь ю б о р ь б ы» вместо прямого вооружения.

Но не в этом только беда ЦК. Он запутался в вопросе о стачке-демонстрации и стачке-восстании. Сам ЦК в мотивировочной части своего письма подчеркивал, что

«Общее выступление в связи с роспуском Думы имеет шансы п р е в р а т и т ь с я в ц е н т р а л и з о в а н н у ю п о б е д о н о с н у ю р е в о л ю ц и ю».

Естественно, что при таких условиях любая стачка может перерасти в восстание, и задача политика, если он не хочет превратиться в хвостиста, именно и состоит в том, чтобы готовить массы к такому превращению стачки в восстание. А это требует сугубо тщательного отношения к стачке, к выбору момента и т. д.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. X, стр. 36.

К этому нужно прибавить, что само самодержавие великолепно понимало возможность такого перерастания стачки в восстание и приняло всяческие меры предосторожности. Всюду стояли готовые отборные части, на станциях имелись в полной готовности поезда с карательными отрядами, ежеминутно могущими быть введенными в бой, жандармерия и полиция были поставлены на боевую ногу. В такой напряженной атмосфере любое выступление было бы принято за восстание и подавлялось бы по частям, одно за другим, с дикой жестокостью.

Вот почему призыв ЦК к стачке-демонстрации фактически означал итти на приманку самодержавия.

«Первый раз российская социал-демократическая партия попала в такое недостойное положение, — писал Ленин, подводя итог своей критике письма ЦК. — Первый раз ее у всех на глазах ведут на поводу. Первый раз она в ариергарде. Наш долг, долг всех членов РСДРП добиться во что бы то ни стало и как можно скорее, чтобы это было в первый и в последний раз».

Письмо ЦК вызвало резкий отпор со стороны ряда партийных организаций. Петербургский, Курский, Московский окружной, Калужский комитеты, областное Бюро Центрального района, Костромская конференция РСДРП и др. приняли резолюции, в которых подчеркивали непонимание ЦК разницы между стачкой-демонстрацией и стачкой-восстанием, что тактика поддержки требования созыва новой или восстановления старой Думы не может быть поддержана революционной социал-демократией, что задачей ближайшего будущего является вооруженное восстание, а ближайшей целью — образование Временного революционного правительства, обязанного созвать Учредительное собрание.

В это же время собралась конференция железных дорог, созванная для решения вопроса о всеобщей забастовке после роспуска Государственной думы. Кроме 23 представителей железных дорог, на конференции присутствовали представители трудовой группы, ЦК партии эсеров, ЦК РСДРП, Бунда, ППС, Крестьянского союза и др. Конференция высказалась против частичных забастовок, но за всеобщую забастовку с целью вырвать власть из рук самодержавия. Проведение этой забастовки конференция, однако, ставила в зависимость от выступления широких народных масс.

Пока шли все эти протесты против тактических колебаний ЦК 30 (17) июля 1906 г. вспыхнуло восстание в Свеаборге, а в ночь с 1 (19) июля на 2 августа (20 июля) и в Кронштадте. ЦК решил, что имеет дело с одним из частичных массовых проявлений протеста против разгона Думы, к которым он призывал в своем 4-м письме. В тот же день он попытался созвать представителей всех революционных партий, но, не успев с ними связаться, обратился к пролетариату с призывом к забастовке. В воззвании не содержится никакого указания на связь между забастовкой и восстанием, напротив, всячески подчеркивается демонстративный характер забастовки.

Петербургский же комитет, частью под непосредственным влиянием Ленина, решил объявить забастовку именно для расширения и углубления восстания.

Не имея возможности (по полицейским соображениям) созвать Совет рабочих депутатов, ПК 3 августа (26 июля) обратился непосредственно к рай-

онным советам, и в тот же день началась забастовка. Одновременно в ночь с 2 на 3 августа (20—21 июля) собралось межпартийное совещание из представителей ЦК, Бунда, ППС, эсеров и Исполнительного комитета трудовой группы и социал-демократической фракции. Совещание отвергло точку зрения ЦК и обратилось с воззванием «ко всему народу», призывая к забастовке и к низвержению царского правительства. Собрание категорически отвергло также лозунг ЦК «за Думу».

«Не безвластная Дума, а полновластное Учредительное собрание — вот цель, которую должен себе поставить народ, и не царские министры, а власть, опирающаяся на революционный народ, должна созвать это собрание».

Среди других подписей на воззвании красовалась и подпись ЦК. Импрессионизм меньшевиков сказался здесь во всей своей полноте: когда революционная волна была на ущербе, ЦК вырабатывал кадетские лозунги; когда волна пошла вверх, и ЦК оказался в окружении революционных демократов, он подписывал революционные манифесты, позабыв о своих кадетских настроениях. Тактические колебания ЦК оказались одной из причин неудачи движения. Петербургская забастовка началась сравнительно успешно: на второй же день в ней приняло участие до 80 тыс. чел. Но вся эта масса состояла частью из рабочих мелких предприятий, либо из самых отсталых слоев пролетариата: забастовал мартеновский цех Путиловского завода, не участвовавший в октябрьском движении, забастовала резиновая мануфактура, строительные рабочие, конка, извозчики, пороховые заводы и т. п. Крупные же заводы, где сконцентрирован был наиболее политически развитый пролетариат, отказались бастовать.

«Благодаря бойкоту Думы, — объяснял этот факт ЦК в своем письме от 11 августа (29 июля) № 5, — передовые слои пролетариата оказались недостаточно чуткими ни к разгрому Думы, ни к связанному с этим общественному движению».

Дело, конечно, не в бойкоте, — этой ссылкой ЦК пытается свалить свою вину на большевиков.

Передовые группы пролетариата готовы были принять участие в стачке-восстании, в решительном бою (как аргументировали свой отказ сами рабочие), но не в стачках-демонстрациях, не в демонстративных частичных массовых проявлениях протеста, как добивался ЦК. Отказ революционно настроенных рабочих принять участие в забастовке решил ее участь, а оставшиеся без отклика свеаборгское и кронштадтское восстания были подавлены самодержавием. Движение кончилось неудачей. Социал-демократии оставалось, учитывая опыт поражения, готовиться к новой борьбе.

д) БЫЛ ЛИ БОЙКОТ ПЕРВОЙ ДУМЫ ОШИБКОЙ.

Новая борьба требовала от партии прежде всего выяснения своего отношения к бойкоту Думы. Революционная социал-демократия — большевики — подвергла пересмотру вопрос о бойкоте в статье Ленина «О бойкоте» [1].

[1] Ленин, Соч. т. X стр. 26—32.

Как только выяснилась неудача всего движения вокруг разгона Думы, меньшевики выступили в роли кающихся интеллигентов. Перед выборами в Думу меньшевистская газета «Начало» писала:

«Борьба становится неизбежной. Перед революционным народом, свергнувшим Булыгинскую думу, снова встает та же задача по отношению к Думе гр. Витте. Дума, которая не отвечает требованиям народа, которая строится с заранее определенной целью отнять политические права народных масс и поддержать старый режим, эта Дума должна быть низвергнута с той же непреклонностью, как и самодержавие» [1].

Так писали меньшевики в октябрьско-декабрьские дни, увлекаемые волной нарастающего движения. Сейчас они позабыли о том, что писали в своем официальном органе, отмахнулись от своих официальных документов— например от листка объединенного ЦК по поводу созыва IV съезда партии, где призывали к бойкоту Думы, — и выступили с покаянными речами об ошибочности бойкота, об анархизме бойкотистов и т. п. Вместо анализа конкретной ситуации, вместо выяснения разницы в ситуации перед Булыгинской и Виттевской думами меньшевики из самого факта созыва Думы делали вывод о необходимости работать в ней. Именно против такого подхода частью направлена вышеназванная статья Ленина. Разница между революционной и оппортунистической частью социал-демократии, писал Ленин, состоит в том, что оппортунисты решают вопрос по шаблону: представительные учреждения должны быть использованы — Дума есть такое учреждение, значит надо итти в Думу. Для большевиков же вопрос о бойкоте есть вопрос конкретный, зависящий от данной политической ситуации. Бойкот Булыгинской думы был предпринят в определенных условиях, точно так же, как в определенных конкретных условиях предпринят и бойкот Виттевской думы.

Но как раз этого последнего не поняла и часть большевиков. Тактику по отношению к Виттевской думе они предлагали перенести целиком и на II Думу, не пытаясь даже поставить вопрос, в чем конкретная особенность данного момента. Даже если оставить открытым вопрос об общем характере социально-экономической обстановки — большевики попрежнему ожидали неминуемого революционного подъема, — то все же оставался вопрос о том, что н о в о г о внесла I Дума, чем обогатила она опыт пролетарской партии?

В чем состояли ее уроки? Опыт показал, что известная часть тех целей, которые преследовал бойкот Виттевской думы, может быть достигнута и работой в Думе: борьба с конституционными иллюзиями возможна в самой Думе путем повседневного выяснения непригодности Думы к разрешению коренных задач революции; сближение с крестьянством и отвоевания его от либерально-монархической буржуазии точно так же осуществимо на почве Думы; кроме того Дума оказалась в известном смысле полезной как трибуна для агитации и для разоблачения всяких политических партий.

«История показала, — писал Ленин о новых уроках кадетской Думы, — что когда собирается Дума, то является возможность полезной агитации изнутри нее и около нее; что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы... История беспощадно отвергла все конституционные иллюзии и всю «веру в Думу», но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для рево-

[1] «На новом повороте», «Начало» № 16 от 15(2) декабря 1905 г.

люции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политических партий и т. д. Отсюда вывод,— мотивировал Ленин,— изменение тактики большевиков.— Смешно было бы закрывать глаза на действительность. Теперь как раз наступило время, когда революционные социал-демократы должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во II Думу, когда (или «если») она будет созываться».

Разногласия по этому вопросу внутри большевизма носили еще зачаточный характер и нашли даже довольно слабое отражение в печати. Под влиянием уроков борьбы и разъяснительной работы Ленина и колеблющиеся быстро усвоили точку зрения Ленина, настаивавшего на необходимости учесть уроки I Думы. Разногласия только углубились — мы это увидим позже—по вопросу о том, с кем итти на выборах.

Так или иначе, но все большевики в основном сошлись на необходимости учесть опыт Виттевской думы и итти во II Думу, изнутри и на почве которой можно было продолжать борьбу с конституционными иллюзиями. Но такой вывод не означал, что большевики пересмотрели вопрос о неизбежности подъема. Напротив, изучая обстановку, Ленин снова подтвердил, что

«политическое положение в августе 1906 г. по внешности похоже на положение в августе 1905 г., но за это время сделан громадный шаг вперед: гораздо точнее определены и силы сражающихся на той и другой стороне, и формы борьбы, и некоторые сроки, необходимые для того или иного, если можно так выразиться, стратегического движения».

Самодержавие нарочито, назначив срок созыва Думы, не указало срока выборов. Это оставляло ему возможность самого широкого маневрирования: назначить, например, выборы в момент подъема революции и тем отвлечь от революции внимание известных кругов населения; либо совсем отказаться от выборов, если не последует особой вспышки; либо, на крайний случай, подготовить ряд мер по изменению системы выборов, ограничив тем участие революционных элементов и т. п. Либеральная буржуазия, интересы которой требовали не свержения царской власти, а только известного ослабления режима, не считалась с этими маневрами самодержавия, а, напротив, всюду подчеркивала необходимость Думы, стараясь направить в эту сторону все чаяния рабочих и крестьянских низов. Интересы же

«пролетариата, — так мотивировал Ленин свою оценку момента, — требуют полного свержения старой царской власти и созыва полновластного Учредительного собрания. Его интересы требуют самого активного вмешательства в определение крестьянского настроения, в выбор самых решительных форм борьбы и наилучшего момента для нее. Мы ни в коем случае не должны ни снимать, ни затушевывать лозунга: созыв Учредительного собрания революционным путем, т. е. через посредство Временного революционного правительства. Мы должны все усилия направить на выяснение условий восстания — соединения его со стачечной борьбой, сплочения и подготовки всех революционных сил для этой цели и т. д.» [1].

Таким образом Ленин попрежнему считал, что страна переживает революционную ситуацию, что революционное движение широких масс снова пойдет в гору и потребует от партии соответствующих лозунгов.

«Поддерживая с еще большей силой свои испытанные лозунги, — так подвел итоги в своей статье Ленин, — социал-демократия должна приложить все усилия, чтобы сплотить

---

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 31.

теснее все революционные элементы и классы, **чтобы превратить вероятный в ближайшем будущем подъем во всенародное вооруженное восстание против царского правительства».**

Но подчеркивая неизбежность подъема, призывая партию бороться за превращение этого подъема в восстание для свержения самодержавия, Ленин вместе с тем отметил кое-что новое в характере момента по сравнению с моментом накануне Виттевской думы.

Мы помним, что Ленин десятки раз подчеркивал непосредственную связь бойкота с революционным подъемом, с массовым возбуждением, «повсюду переливающим, так сказать, через край старой легальности». Такое «переливание через край», такое массовое возбуждение мы, несомненно, имели еще в декабре 1905 г., когда был объявлен манифест о созыве I Думы. Это и дало Ленину возможность выдвинуть лозунг бойкота Думы.

Но такого непосредственного подъема не было перед II Думой. Не было того массового возбуждения, тех широких массовых выступлений, которые характеризовали 1905 г. И сам Ленин говорит о революционном подъеме этого периода не как о факте, а как «о вероятном в ближайшем будущем».

Поскольку, как мы уже отметили, такого непосредственного подъема не было при наличии уроков I Думы, Ленин и отказался от лозунга бойкота.

Мало того. Когда отдельные большевики пытались поставить вопрос о том, что подчинение думской кампании непосредственно революционному движению широких масс и есть старая тактика, Ленин писал:

«Конечно, такое подчинение думской кампании главной борьбе, отведение этой кампании второго места на случай дурного исхода сражения или оттяжки его до опыта II Думы, — эту тактику можно назвать, если хотите, старой бойкотистской тактикой. Формально такое название можно защищать, ибо «подготовка к выборам» — помимо всегда обязательной работы агитации и пропаганды — сводится к самым мелким техническим приготовлениям, которые очень редко могут быть выполнены задолго до выборов. Мы не хотим спорить о словах, но по существу дела — это последовательное **развитие** старой тактики, но не **повторение** ее, вывод из прежнего бойкота, но не прежний бойкот» [1].

Как видим, Ленин отказался от бойкота по отношению ко II Думе, но все еще считал бойкот I Думы совершенно правильным лозунгом.

Иную оценку Ленин дал этому же вопросу позже.

Через 14 лет, когда опыт предыдущей борьбы был подытожен и проверен всем последующим ходом исторического развития, Ленин, возвращаясь к урокам бойкота, писал:

«Русский опыт дал нам одно удачное и правильное (1905), другое **ошибочное** (1906) **применение бойкота большевиками»** [2].

В первом случае Ленин имеет в виду Булыгинскую думу, во втором — Виттевскую. В другом месте Ленин снова повторил:

«**Ошибкой**, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками Думы в 1906 г.» [3].

Эти мысли Ленина иногда пытаются приписать тому, что брошюра Ленина написана против «левых» уклонистов в Коминтерне, не понимающих роли

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 31

[2] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 205.

[3] Там же, стр. 183.

парламентской формы борьбы и отказывавшихся от использования парламентских учреждений: Ленин, мол, в борьбе против «левых» педагогически перегнул палку. О том, что Ленин в своей политической работе прибегал к перегибанию палки, говорил и он сам по поводу такого полемического произведения, как «Что делать?». Но перегнуть палку, значит полемически заострить, усилить ту или иную характеристику, но отнюдь не извратить ее. Ленин в борьбе с «левыми» мог заострить вопрос о нашем участии в реакционнейшем из всех парламентов — Государственной думе, — но полагать, что Ленин извратил или отказался от своей точки зрения, значит не понимать совершенно даже и ленинской «педагогики».

Ленин, несомненно, на основе огромного практического опыта, накопленного за годы, истекшие после первых двух Дум, понял, что бойкот Думы был ошибкой, и наша задача выяснить: 1) в чем конкретно состояла ошибка и 2) какие обстоятельства обусловили эту ошибку.

Любопытно, что Ленин, очевидно, чувствуя, что найдутся люди, которые возьмут под сомнение его высказывания, как раз к вышеприведенному месту сделал следующее примечание:

«К политике и партиям применимо — с соответственными изменениями — то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки, не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их» [1].

Выясним прежде всего, что Ленин понимал под бойкотом. Для Ленина бойкот отнюдь не являлся особой тактикой. Он вовсе не считал, что бойкот характеризует большевистскую тактику и непременно связан с большевизмом. Это как раз составляло ошибку богдановцев, позже «впередовцев», которые даже называли себя в первое время «бойкотистами». Именно «бойкотисты» считали бойкот особой тактикой, свойственной особому мировоззрению, в данном случае — «настоящему большевизму», как выражались богдановцы-бойкотисты о самих себе. Для Ленина бойкот — это определенная ф о р м а б о р ь б ы, соответствующая конкретному моменту. Большевизм отнюдь не применяет исключительно бойкот как единственно правильную тактику, а пользуется бойкотом как формой борьбы на определенном этапе.

«Неверно также было бы смотреть на бойкот как на л и н и ю т а к т и к и, противополагающую пролетариат и часть революционной буржуазной демократии либерализму совместно с реакцией, — так писал Ленин. — Бойкот — это не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом» — такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом». Развитие л и н и и т а к т и к и у большевиков и меньшевиков вполне уже выяснилось и отлилось в принципиально различные резолюции весной 1905 г. во время большевистского III съезда в Лондоне и меньшевистской конференции в Женеве. Ни о бойкоте, ни о «боевизме» тогда не было и не могло быть речи. И на выборах во вторую Думу, когда мы не были бойкотистами, и во второй Думе наша л и н и я т а к т и к и отличалась самым решительным образом от меньшевистской, как известно всем и каждому. Л и н и и т а к т и к и расходятся при всех приемах и средствах борьбы, на каждом поприще борьбы, отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной линии свойственных способов борьбы» [2].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXV стр. 183.

[2] Ленин, Соч., т. XII, стр. 37—38.

Следующее положение, которое Ленин неустанно подчеркивал, говоря о бойкоте Думы, — это непосредственная связь бойкота с революционным подъемом. Не может быть бойкота вне революционного подъема, повторял Ленин, разъясняя роль и значение бойкота. Дело здесь не только в том, что бойкот, как форма борьбы, не мыслится вне революционной ситуации. Для применения бойкота мало наличия тех основных признаков, которыми Ленин характеризовал революционную ситуацию: социально-экономический кризис, затрагивающий все слои и классы населения, невозможность для господствующих классов управлять по-старому и нежелание широких масс, выраженное в соответствующих действиях, терпеть прежнее господство, — нужно, чтобы революционная ситуация превратилась в революцию, нужно, чтобы отдельные струйки уже слились в один революционный поток. Короче, бойкот является формой борьбы, вытекающей и связанной с непосредственным подъемом революционной волны.

«Кто хочет убедить социал-демократический пролетариат в правильности лозунга бойкота, — писал Ленин, — тот не должен дать себя увлечь одним только звуком слов, в свое время сыгравших великую и славную революционную роль. Тот должен вдуматься в объективные условия применимости подобного лозунга и понять, что бросить его, значит уже предполагать косвенно наличность условий широкого, общего, сильного, быстрого революционного подъема».

Еще резче подчеркнул Ленин эту связь между бойкотом и подъемом революции перед III Думой в борьбе против большевиков, предлагавших применить бойкот по отношению к Думе потому, что в Московской области прокатилась волна забастовок текстильщиков. Не отрицая, что подобный довод допустим для марксиста, подтверждая необходимость бороться за расширение и углубление этой стачки, Ленин, однако, высказался против применения бойкота только на основании возможности подъема. В ответе этим большевикам Ленин напоминал, что

«бойкот есть лозунг, сопутствующий уже определившемуся подъему» [1].

Отсюда Ленин делал дальнейший вывод, что бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, т. е. не за улучшение данного учреждения, не для замены одного реакционного парламента другим, менее реакционным, а против данного учреждения, за его уничтожение. Бойкот, скажем, Булыгинской думы отнюдь не означал борьбу за более демократическую Думу, а за полное ее уничтожение, за то, чтобы опрокинуть самодержавие, вырвать у него возможность созыва Думы и создать революционным путем новые вполне демократические учреждения.

Тут, кстати, следует отметить, что если бойкот тесно связан с революционным подъемом, то отсюда еще не следует, что при всяком революционном подъеме можно и нужно выдвигать лозунг бойкота. Убедившись в том, что налицо имеется подъем, надо выяснить, действительно ли учреждение, которое собираются бойкотировать, заслуживает бойкота. Если Дума или какие-либо другие учреждения отвлекают внимание массы от революции, служат помехой, увлекают неискушенные массы, тогда, убедившись в наличии подъема, можно выдвинуть лозунг бойкота.

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 41.

Но если Дума или иное политическое учреждение полностью разоблачено, не отвлекает внимания масс, — возможно и при наличии подъема отказаться от лозунга бойкота. Мало тут констатировать подъем и объявить бойкот — это и было бы механическим подходом к решению вопроса, — надо дополнительно проанализировать всю обстановку и в особенности место и роль учреждения, которое собираются бойкотировать.

«Надо сначала позаботиться о том, чтобы на деле, — писал Ленин, — была доказана сила этого подъема, а потом мы успеем всегда двинуть лозунг, косвенно выражающий эту силу. Да и то еще вопрос: нужен ли будет для революционного движения наступательного характера особый лозунг, отвлекающий внимание от третьей Думы. Возможно, что нет. Для того чтобы пройти мимо чего-либо важного и действительно способного увлечь неопытную и невидывавшую еще парламентов толпу, необходимо, может быть, бойкотировать то, мимо чего пройти надо. Но для того чтобы пройти мимо учреждения, совершенно неспособного увлечь современную демократическую или полудемократическую толпу, не обязательно провозглашать бойкот» [1].

Вот почему Ленин всегда ставил ударение на том, что бойкот был формой борьбы против конституционных иллюзий, т. е. против учреждений, отвлекавших внимание пролетарских и крестьянских масс от революции, против Булыгинской или против I Думы, увлекавших «неопытную и невидывавшую еще парламентов толпу». И тут, таким образом, Ленин требовал диалектического подхода, а не шаблонного применения готовых истин к формально схожим фактам и событиям.

Восстановив эти положения в вопросе о бойкоте, перейдем к конкретным примерам.

В эпоху Булыгинской думы как раз имел место «широкий, общий, сильный, быстрый революционный подъем». Массовые действия нарастали с исключительной быстротой. Самодержавие не находило поддержки среди пролетариата и крестьянства. Пролетариат своими решительными формами борьбы оказывал самое сильное влияние на колеблющееся крестьянство. Либерально-монархическая буржуазия в значительной степени была парализована и, подгоняемая нарастающей революционной волной, выдвигала более или менее демократические требования, чтобы удержать за собой хотя бы часть масс.

Революция неудержимо шла вперед, опрокидывая легальные рамки, уничтожая легальные учреждения самодержавия и всюду создавая новые зачаточные органы революционной власти.

В таких условиях бойкот Думы был совершенно правильной формой борьбы, соответствовавшей непосредственному подъему революции. Бойкот Булыгинской думы правильно учел характер и темп подъема, верно оценил настроение революционных низов, удачно охарактеризовал роль Думы, сеющей конституционные иллюзии, а потому и, несомненно, удался: он сорвал созыв Думы, не допустил открытия реакционнейшего парламента, оказался борьбой не на почве данного учреждения, а против данного учреждения.

Иначе сложилась обстановка в эпоху Виттевской думы. Бойкот, несомненно, принес известную пользу. Он заставил самодержавие издать специальный закон против бойкота, т. е. стать в положение защищающего Думу. Бойкот

---

[1] Там же, стр. 41—42. Подчеркнуто Лениным. — *Ред.*

сыграл большую роль в развитии классового самосознания пролетариата; он явно помог свалить на кадетов политическую ответственность за неспособность Думы стать революционным центром; бойкот, наконец, нанес удар конституционным иллюзиям. Но основная задача бойкота — сорвать созыв Думы — не удалась.

Бойкот блестяще прошел в национальных окраинах: в Варшаве из 114 фабрик выбирали только 4, в Варшавской же губ. ни одна фабрика не участвовала в выборах; в Лодзи из 143 фабрик выбирали 5; в Петроковскому. — 12 из 70; в Ченстохове бойкотировали выборы все фабрики.

Слабее, но в общем удовлетворительно, прошел бойкот по рабочей России. Даже по меньшевистским, преуменьшенным данным, бойкот шел довольно дружно:

Губернии и города	Предприятия, имевшие право выбора	Предприятия выбиравшие	Предприятия бойкотировавшие	% бойкотировавших
Петербург	271	138	133	49
Пригороды Петербурга .	57	17	40	70
Московская	633	492	141	22
Харьковская	107	53	54	50
Костромская	83	53	30	36
Екатеринославская . . .	207	171	35	17

При анализе этих цифр нужно иметь в виду, что гиганты-заводы и более крупные предприятия большей частью бойкотировали выборы, а на заводах, участвовавших в выборах, только часть рабочих отказалась от бойкота. Так, в Петербурге на новой бумагопрядильне из 2 тыс. рабочих выбирали 150; на Невской бумагопрядильне из 1 900 рабочих на выборы явилось 80; на Гвоздильном заводе из 3 200 рабочих явилось 400; в механическом и прокатном цехах завода Франко-русского общества на выборы явилось 400, но избирали только 27 человек. В Москве на заводе Листа выбирало 10 человек, на фабрике Высоцкого из 1 000 выбирало 70, на заводе Бутикова из 1 300—83 человека, на фабрике Гюбнера из 150—15 человек и т. д. Короче, если в Петербурге 51% предприятий принял участие в выборах, то из рабочих на этих предприятиях выбирали едва ли 10%.

Иначе отнеслось к выборам крестьянство. Здесь резче сказалось давление полицейских условий. Несмотря на разрешение (согласно избирательному закону) переизбирать волостные сходы, почти везде остались старые сходы под руководством старых старшин, в свое время тщательно подобранных полицией. Это в известной мере предопределило участие деревни в выборах. Огромную роль сыграли также конституционные иллюзии, надежда мирно получить землю, иллюзии, борьба с которыми затруднялась неорганизованностью деревни и слабостью политических партий. Сказалось также и успокоение части деревни и раздробление единого крестьянского фронта, с одной стороны, под влиянием декабрьских событий, поднявших крестьянство против помещика, но и поставивших в известных районах кулака против бедноты,

а с другой стороны, в результате частичной распродажи казенной, удельной и частновладельческой земли.

Приняла участие в выборах и мелкая городская буржуазия, руководители которой вначале было высказались за бойкот. Либерально-монархическая буржуазия не только приняла участие в выборах, но и оказалась не изолированной: располагая прессой и агитационными кадрами, используя конституционные иллюзии, кадеты сумели повести за собой мелкобуржуазные массы. Бойкот таким образом не удался. Не удалось ни свергнуть старую власть, опрокинуть самодержавие, ни ослабить самодержавие настолько, чтобы оно не смогло реализовать, провести в жизнь своего намерения: Дума была созвана.

Но из того, что бойкот в основном не удался, хотя косвенно принес немало ценных результатов, еще не следует, что вся тактика большевиков оказалась ошибочной или неудачно была выбрана форма борьбы. Не удалась ведь и революция 1905 г., а между тем никто, в большевистском, конечно, лагере, не поставил под сомнение тактику партии. Из неудачи движения непосредственно делать вывод о неправильности всей тактики, значило бы впасть в механистичность, проявить антидиалектический подход к конкретному историческому процессу. Понять, а значит, и объяснить ту или иную ошибку можно только проанализировав всю совокупность социально-экономической обстановки.

Мы уже неоднократно подчеркивали, что бойкот есть самое решительное средство борьбы, соответствующее и вытекающее из непосредственной революционной борьбы масс.

Была ли налицо такая борьба в эпоху I Думы? Декабрьское восстание не было изолированным. Одновременно с ним и после него по стране прокатился ряд вооруженных восстаний, в городах происходили новые стачки. Казалось, что революция еще в полном разгаре, борьба масс как будто все более расширялась и углублялась. Бойкот Думы — а мы везде подчеркивали, что речь шла об активном бойкоте — и был формой борьбы, предназначавшейся для концентрации всех этих отдельных выступлений. Бойкот Думы и был вызван стремлением резче поставить цель всего движения, направить его в русло свержения самодержавия, бойкот был лозунгом атаки на старую власть.

Но движение оказалось недостаточным для свержения самодержавия, ибо шло не вверх, а вниз. Декабрьское восстание оказалось не началом новой волны революции, а высшей точкой всего предшествующего движения, после которой начался спад волны, медленный, но неуклонный упадок революции. В силу этого и получился разрыв между характером обстановки и формой борьбы, выбранной для данного момента: в момент спада революции были выбраны наиболее решительные форма и лозунг борьбы, соответствующие революционному подъему. Таким образом ошибка большевиков состояла не в том, что они признавали и выдвигали бойкот как особую форму борьбы, а в том, что они неверно оценили характер момента и выбрали для него такую форму борьбы, которая соответствует лишь непосредственно революционному подъему. Именно поэтому, когда для Ленина вполне выяснилось, что он переоценил направление и темп революционного развития после декабря, что после декабря не было основного условия успеха бойкота — «широкого, общего,

быстрого и сильного революционного подъема», — он и признал бойкот Думы ошибочным.

Говоря об ошибочности бойкота, нельзя, однако, ни на минуту забывать той обстановки, в условиях которой было принято решение о бойкоте. Лозунг бойкота был принят в разгар декабрьского восстания, когда трудно было сказать, что восстание раздавлено и самодержавие уцелело.

«Октябрьско-декабрьский период, — писал Ленин, — был периодом максимальной свободы, максимальной самодеятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движения на почве очищенной натиском народа от монархически-конституционных учреждений, законов и зацепок, на почве «междувластья», когда старая власть была уже обессилена, а новая революционная власть народа... еще недостаточно сильна для полной замены старой власти. Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но само собой разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой. Декабрьское восстание 1905 г. имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 г. Лозунг бойкота Витевской думы был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний» [1].

Революционная партия не могла сразу покинуть поле сражения, — первой в бою, последней в отступлении, говаривал часто Ленин по поводу политики партии. Надо было полностью исчерпать все возможности для нового подъема, сосредоточить, слить воедино все разрозненные выступления, и лозунг бойкота был идейным выражением этой попытки.

Таковы были те условия, которые не оправдывают, но объясняют ошибку. Учитывая их, Ленин и писал, что бойкот Думы был «ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой».

Говорит ли тем не менее ошибочность бойкота о правоте меньшевиков? Отнюдь нет. Ведь и меньшевики оценивали всю социально-экономическую обстановку так же, как и большевики, но из той же предпосылки они делали совершенно противоположные выводы. Мы стоим накануне нового решительного подъема, говорили и меньшевики и в то же время рекомендовали форму борьбы, соответствующую упадку. Притом, и это основное, меньшевики звали в Думу для органической работы, для блоков с кадетами, отказываясь от внепарламентской массовой борьбы и перенося центр тяжести на борьбу парламентскую. Для большевиков же действие масс попрежнему было важнее парламентской деятельности, Дума же давала возможность соединить внепарламентское движение с деятельностью революционных представителей в Думе.

«Авторы, — писал Ленин по поводу немецких «левых» коммунистов, бойкотировавших парламент, — забыли опыт целого ряда, если не всех, революций, свидетельствующий о том, как особенно полезно во время революций соединение массового действия извне реакционного парламента с сочувствующей революции (а еще лучше: прямо поддерживающей революцию) оппозицией внутри этого парламента» [2].

Меньшевики не поняли, в чем состояла конкретная особенность момента. Они не поняли значения и необходимости борьбы с конституционными иллюзиями. Большевики неверно выбрали форму борьбы с конституционными иллюзиями, — с конституционными иллюзиями можно было бороться и на

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 20.

[2] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 204—205.

почве данного учреждения, т. е. и в Думе, как это и показал опыт II Думы. Но меньшевики даже и не поставили вопроса о необходимости борьбы с конституционными иллюзиями и, зовя в Думу без указания на необходимость этой борьбы, тем самым выступали в роли сеятелей и распространителей конституционных иллюзий, в роли прямых пособников кадетской политики.

Ошибка большевиков была ошибкой темпа, переоценкой характера и направления революционного подъема, недооценкой возможности и в эпоху революции сочетать внепарламентскую и парламентскую формы борьбы, не подчиняя первую второй. Меньшевики же пошли на сдачу позиций классовому врагу, отказавшись от гегемонии пролетариата в пользу руководства буржуазии.

Ту же меньшевистскую позицию в оценке роли и значения I Государственной думы занимал и Троцкий. Вот что писал Троцкий по поводу бойкота Думы уже в августе 1906 г.:

«Мы полагаем, что революционные партии не должны были бойкотировать выборы на началах системы 11 декабря. Что же отличает в наших глазах Думу Витте от Думы Булыгина? Избирательное право, которое получил значительный слой пролетариата. Перед этим фактом отступает на задний план вопрос о размере прав или о степени бесправия народного представительства... Когда революция идет еще в гору, когда она еще не раскрыла всей своей энергии, тогда народное представительство может получить значение, совершенно независимое от предопределенных ему прав, смотря по тому, в какие классы оно вносит организацию и на какие силы может опереться в предстоящей борьбе со старой властью... Бойкотировать выборы в национальное собрание только потому, что ему заранее отказано во власти, значило бы, подобно либерализму, ставить право выше силы. Учреждение может быть архаическим, бесправным, каким угодно; но если его берет в руки революционная сила, оно может превратиться в могучий рычаг для завоевания права» [1].

Сопоставляя эти слова Троцкого с признанием Лениным ошибочности бойкота в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», «примечатели» к сочинениям Троцкого пришли к мысли о совпадении оценок Троцкого и Ленина.

Мало того, ретивые «примечатели» постарались создать впечатление, что Троцкий с самого начала занял верную позицию, а Ленин пришел к ней только в 1920 г.: предисловие Троцкого написано-де в 1906 г., а «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» написана Лениным только в 1920 г.

Так ли это?

Прежде всего комментаторы к сочинениям Троцкого оборвали его цитату как раз на самом любопытном месте, вскрывающем весь подход Троцкого к бойкоту.

«Булыгинская избирательная система, — писал дальше Троцкий, — совершенно исключала рабочих; лозунг бойкота для них не имел практического значения; это был просто крик протеста против системы, которая осмеливалась игнорировать пролетариат» [2]

По Троцкому, таким образом, все дело в том, что пролетариат не получил права выборов, отсюда — бойкот. В I Думу чуть-чуть приоткрыли для рабочих дверь и — бойкотировать нечего:

---

[1] Л. Троцкий, Наша революция, изд. Глаголева, 1906 г., предисловие, стр. VIII—IX.

[2] Там же.

«перед этим фактом отступает на задний план вопрос о размере прав или о степени бесправия народного представительства».

А где же оценка обстановки? Где ленинский активный бойкот? Где конституционные иллюзии? Ничего этого у Троцкого не было, да и не могло быть, ибо в этом вопросе он стоял на открыто меньшевистской позиции. Ход его рассуждений повторяет обычный меньшевистский шаблон: марксисты должны использовать представительные учреждения; в Булыгинскую думу рабочих не пустили, поневоле приходится и бойкотировать; но в I Думу пустили, — этого достаточно, чтобы отказаться от бойкота и принять участие в работах Думы.

Таким меньшевистским шаблоном и ограничивается концепция Троцкого. Только покинув почву большевизма, можно выдавать эту схему за ленинскую.

е) «РАБОЧИЙ СЪЕЗД».

Как только выяснился провал кампании протеста против роспуска Государственной думы и неудача ряда военных восстаний, перед партией снова стал вопрос о единстве действия в новой думской кампании. Меньшевистский ЦК явно не справлялся с руководством ни в думской кампании, ни в момент революционных выступлений. Это вынудило ряд организаций поставить вопрос о новом экстренном партийном съезде. К тому же толкали и изменения в самом составе партии. Вместо 30—31 тысячи, представленных на Объединительном Съезде в октябре 1906 г., партия имела следующее количество членов организаций:

Петербург	5 100	Харьков	600
Урал	6 000	Крымский союз	1 700
Централ. р. с Московским	19 000	Екатеринослав	1 750
Одесса	2 000	Полтава	300
Кишинев	350	Кременчуг	360
Елисаветград	400	Ростов	250
Николаев	360	Донская область	7 500
Могилевский р.	450	Украина	5 000
Херсонский	600	Киев	1 000
Черниговский	500	Северный Кавказ	3 000
Новозыбков	200	Кавказ	12 900

Сюда следует прибавить Среднюю Азию, Сибирь и Северо-западный союз, что в общем составит около 76 тыс., в числе которых меньшевистский ЦК считал 33 тыс. большевиков и 43 тыс. меньшевиков.

В партию, кроме того, вступили: бунд—33 тыс., польская социал-демократия —28 тыс. и Латышская социал-демократия 13—14 тыс.—всего, следовательно, около 150 тыс. Отнеся поляков и латышей к большевикам, а бундовцев к меньшевикам, ЦК сам дважды заявил, что «обе фракции, вероятно, одинаково сильны по численности» [1], а между тем подавляющее большинство в ЦК принадлежало меньшевикам (7 меньшевиков плюс 2 бундовца против 3 большевиков, 1 латыша и 1 поляка), явно неправильно представляющих всю партию. Мы уже видели, что ряд крупнейших организаций высказался против ЦК, подчеркивая, что политика ЦК по отношению к Государственной думе разошлась с волей большинства партии.

[1] «Социал-демократ» № 1, 30(17) сентября 1906 г.

Исходя из всех этих мотивов, Петербургский комитет после решения губернской конференции снова поднял вопрос о съезде: 15 голосами против 7 при 1 воздержавшемся комитет высказался за немедленный созыв съезда, предложив местным организациям высказать свое мнение о необходимости съезда. К этому требованию присоединились: главное правление социал-демократии Польши и Литвы — во исполнение решения V съезда своей партии — и Областное бюро социал-демократической организации центральной России, выполнявшее решение недавней областной конференции.

ЦК попытался с самого начала положить конец кампании. 1 сентября (19 августа) 1906 г. он опубликовал написанное Аксельродом письмо к партийным организациям, в котором выступил с протестом против созыва съезда. Съезд отнимет слишком много средств и сил, мотивировал ЦК свой протест, а вопросы тактики можно решить в процессе избирательной кампании во II Думу, к подготовке которой ЦК и призвал партию.

На помощь ЦК выступил также Плеханов. В номере 8 своего «Дневника социал-демократа» Плеханов опубликовал статью, в которой присоединился к основным доводам Аксельрода и добавил от себя два новых: 1) съезд придется созывать на деньги заграничных товарищей, а мы и без того слишком часто к ним обращаемся, 2) вся кампания поднята Лениным «из-за дирижерской палочки», как выразился Плеханов, т. е. из-за стремления Ленина руководить партией. Кроме того, Плеханов присовокупил, что вместо агитации за созыв партийного съезда надо поддержать идею Аксельрода о созыве «рабочего съезда».

Увиливание ЦК от постановки вопроса о партийном съезде, притом выраженное в таком открытом виде, усилило агитацию за созыв съезда. К октябрю 1906 г. к прежде высказавшимся организациям присоединились: ЦК социал-демократии Латышского края, Уральский, Брянский, Нижегородский, Минский комитеты, ряд комитетов Сибири — Омский и т. д.

Однако в дискуссии о съезде всплыл новый момент — вопрос о «рабочем съезде».

Идея «рабочего съезда» была выдвинута Аксельродом в августе 1905 г. [1], как раз накануне Булыгинской думы, когда меньшевики выступили против большевистской идеи активного бойкота, но и звать прямо в Думу при наличии яркого революционного движения побоялись.

Аксельрод предложил меньшевистскому центру (ОК) созвать небольшую конференцию и от ее имени обратиться к рабочим с планом созыва общероссийского конгресса. Такой конгресс должен был бы заняться очередными политическими вопросами: созыв Учредительного собрания, выработка плана и тактики борьбы за его созыв, подготовка условий, на которых рабочий класс может и должен входить в соглашение и оказывать поддержку либерально-демократическим союзам и т. п.

«Нам нужно стараться, — писал Аксельрод, — вызвать к жизни широкую рабочую организацию, с центральным клубом во главе..., задачей которого явилось бы сплотить местный пролетариат и образовать плотную революционную атмосферу, контролирующую и диктаторствующую над Государственной думой...»

---

[1] «Народная дума и рабочий съезд», Женева 1905 г.

«Рабочий съезд» таким образом должен был быть тем политическим центром, с помощью которого меньшевики проводили бы свою тактику подталкивания буржуазии к власти.

Но в этом предложении была еще одна мысль, которую в тот период Аксельрод еще не выдвигал на первый план: рядом с «общим рабочим съездом» должен был заседать и социал-демократический съезд

«из членов общего съезда, разделяющих нашу программу, плюс представители наших партийных организаций, для реформирования всей партии».

«Рабочий съезд» таким образом, по мнению Аксельрода, кроме того должен был послужить базой для реорганизации всей партии.

Подъем революции смел Булыгинскую думу, а вместе с ней и все хитросплетения меньшевиков, ведущих через «рабочий съезд» к косвенному участию в Думе.

Осенью 1906 г. Аксельрод снова вернулся к своей идее, обратившись с письмом к Плеханову и выступив со статьей в цекистском органе к членам партии.

Неудача декабрьского восстания, спад революционной волны, острота и сложность тех форм борьбы, через которые шла революция, не повторяя европейских шаблонов, — все это породило ряд колебаний, шатаний, усталость и упадочничество ряда членов партии, главным образом из среды интеллигенции. Меньшевики, правда, отнюдь, не все, обратились к идее Аксельрода, в которой стали искать ответа на злободневные вопросы дня, причем на сей раз в дискуссии стали выпячивать «рабочий съезд» именно как средство разрешения партийного кризиса. Среди меньшевиков в общем наметились две группы: «питерцы» и «москвичи». Первые, ближайшие сторонники Аксельрода, ухватились за идею «рабочего съезда» как спасение от фракционной борьбы. До сих пор, писал Ю. Ларин [1], наша партия, несмотря на свое идейное влияние на широкие массы, слаба организационно и не потому, что партия интеллигентская, просто не было объективных условий для иной партии. Это была «партия-аппарат», обслуживавшая период, когда командовала «политика стихийных порывов». Сейчас этот период сменился «политикой планомерного действия», а для этого нужна новая партия — «партия-авангард», «партия европейского типа». Примером такой партии Ларин считал бельгийскую рабочую партию, по уставу которой Ларин предлагал строить и русскую партию. По мнению Ларина, нужно было организовать «рабочий съезд», в котором могли принять участие все социалистические партий, профсоюзы и все крупные заводы с тем, чтобы создать «Всероссийскую рабочую партию».

По существу, это вело не к организационному укреплению партии, как думал Ларин, а к уничтожению социал-демократической партии, ибо, если бы этот план был реализован, социал-демократия растворилась бы между эсерами, беспартийными рабочими и еще не определившимися мелкими буржуа. Кроме того, самое осуществление плана предполагало полное подчинение самодержавным законам и сделку с крепостнической монархией.

---

[1] «Широкая рабочая партия и рабочий съезд», М. 1906 г.

«Москвичи» отличались от «питерцев» тем, что шли дальше по пути ликвидаций партии: в то время как «питерцы» признавали все же необходимым оставление инициативы созыва «рабочего съезда» в руках партии, «москвичи» настаивали на создании «внепартийного всероссийского союза» [1].

ЦК, как жалуется на это Аксельрод [2], отнесся сначала отрицательно к этой идее, но когда большевики выступили с требованием созыва экстренного партийного съезда, а Плеханов посоветовал выдвинуть в противовес съезду партии «рабочий съезд», ЦК разрешил противопоставить большевистской агитации идею Аксельрода.

Рассмотрим, однако, в чем социальный смысл «рабочего съезда».

Тенденция подчинения рабочего движения либеральной буржуазии первоначально нашла свое выражение в «струвизме» 90-х годов (как мы это уже выяснили в главе «Легальный марксизм» в I томе). «Экономизм» во всех своих оттенках (группа «Кредо», «рабочемысленцы», «рабочедельцы») пытался направлять рабочее движение так, что на деле получилось бы полное подчинение рабочих гегемонии либералов. Рабочим экономическая, либералам политическая борьба — такова сжатая формула «экономизма» («Кредо»). Отсюда отрицательное отношение «экономистов» к идеям самостоятельной рабочей партии, «авангарда», «сознательного начала», к «теории» и «теоретикам». Свой оппортунизм «экономисты» тщательно прикрыли демагогической идеей «чисто рабочего» движения, противопоставляя последнее партии с участием теоретиков-интеллигентов. Как только среди меньшевиков появилась идея «рабочего съезда», Ленин сразу отметил преемственную связь «струвизма» и «экономизма» с «рабочесъездовством».

«В... классическом «Кредо», — писал Ленин, — ярко выражен исторический, классовый смысл интеллигентского увлечения «чисто рабочим» движением. Смысл этого — подчинение рабочего класса (во имя «чисто рабочих» задач) б у р ж у а з н о й политике и идеологии. «Увлечение» интеллигентов выражало капиталистические тенденции подчинения неразвитых рабочих либералам. Теперь на высшей ступени развития мы видим т о ж е с а м о е. Блоки с кадетами, вообще, политика поддержки кадетов и беспартийный рабочий съезд, — это две стороны одной медали, связанные так же, как либерализм и чисто рабочее движение в «Кредо». Н а д е л е беспартийный рабочий съезд выражает ту же капиталистическую тенденцию о с л а б л е н и я классовой самостоятельности пролетариата и п о д ч и н е н и я его буржуазии. Эта тенденция выступает ярко в планах замены социал-демократии б е с п а р т и й н о й рабочей организацией или п о д ч и н е н и я ее этой последней. Отсюда — сочувствие энесов, «беззаглавцев», эсеров и пр. идее «рабочего съезда» [3].

Таким образом Ленин подчеркивает в «рабочесъездовстве» продолжение — на высшей ступени развития — оппортунистической тенденции, сказавшейся еще в 90-х годах и исторически развивавшейся в «направлении подчинения «чисто рабочего» движения движению буржуазии».

Крайне любопытно, что одна и та же оппортунистическая тенденция подчинения рабочего движения либералам, принимавшая на разных этапах различное выражение — в вопросе о роли партии, о ее значении для борьбы пролетариата за его коренные интересы, — проявляла поразительную устойчи-

---

[1] «Всероссийский рабочий съезд», сборник статей, изд. «Организация», М. 1907 г.

[2] «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. II.

[3] Л е н и н, Соч., т. XI, стр. 142.

вость, упорство в отстаивании одних и тех же аргументов против партии. Аргументы «рабочесъездовцев» повторяют аргументы «экономистов», можно сказать, во всех деталях. «Одинаковость» и «устойчивость» аргументации констатировал Ленин.

«Противопоставление, — писал Ленин, критикуя Ларина, — партии аппарата и партии авангарда, которое делает Ларин, или партии борцов с полицией партии сознательных политических борцов — кажется глубоким и полным чисто пролетарского духа. На деле это совершенно такой же интеллигентский оппортунизм, как и соответственное противопоставление, делавшееся в 1899—1901 гг. рабоче-мысленцами и акимовцами» [1].

Проповедь «рабочего съезда» встретила не только дружную поддержку либеральной буржуазии, — кадет Португалов, например, назвал сторонников идеи «марксистами-реалистами», а большевиков — «революционистами-романтиками», — но, как указывал Ленин, должна была усилить тенденции «чистого трэд-юнионизма» и «наивного синдикализма», шедшие по линии отказа от «политики», по линии борьбы с носителями политических идей, т. е. с революционной с.-д. Усиление тенденций трэд-юнионизма и синдикализма действительно проявилось в годы, последовавшие после декабрьского восстания. Синдикалистские элементы успели даже выпустить свой журнал «Союзное дело», в котором деятельно поддержали идею «рабочего съезда».

В своих проектах резолюции к V съезду партии Ленин особо выделил это явление, подчеркнув, что

«вне партии и прямо против партии ведется среди пролетариата анархо-синдикалистская агитация, бросающая тот же лозунг беспартийного рабочего съезда и беспартийных организаций» [2].

Но своего расцвета анархо-синдикалистские тенденции достигли в 1908—1910 гг.

В этой связи не лишне будет обратиться к системе воззрений, известной в истории под названием махаевщины, повторявшей «экономистов», «рабочесъездовцев» и в то же время подсказывавшей им некоторые «теоретические» аргументы.

«Острие своей теоретической критики, теоретики махаевщины... — писал Н. Н. Батурин [3], — направляли не столько против капиталистической эксплоатации, сколько против социализма, не столько против буржуазии вообще, сколько против интеллигенции, как представительницы умственного труда, в особенности против социалистической интеллигенции. Социализм — это дьявольская выдумка Маркса и прочих интеллигентов, призывающих рабочих к борьбе с абсолютизмом, а затем к свержению власти буржуазии исключительно в своих собственных, интеллигентских интересах... Чего же должны добиваться рабочие для себя? Махаевцы предлагали бороться за самые «непосредственные» интересы, за повышение своего дохода... Нетрудно заметить, что исходным пунктом махаевщины был экономизм, которым были заложены основные принципы этой теории. «Рабочая мысль» выдвигала исключительно насущные интересы рабочего класса, отодвигая в далекое будущее задачи политической борьбы. Махаевцы объявляли политическую борьбу вредной и реакционной. «Рабочая мысль» боролась против опеки интеллигенции в рабочих организациях. Махаевцы провозгласили социалистическую интеллигенцию будущими эксплоататорами рабочего класса»

---

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 187.

[2] Там же, стр. 388.

[3] Н. Н. Батурин, Памяти махаевщины, Соч., Гиз, стр. 352—353.

Идеи, крайне враждебные рабочему движению, как правило, постоянно аргументируются от интересов «рабочих», «рабочего класса». На протяжении истории российского рабочего движения можно насчитать не один случай, когда вражеские классы для «уловления голосов», для получения какого-нибудь политического кредита в массах вынуждались преподносить ликвидаторство, предательство, явную измену под флагом крайнего радикализма. Обычным ходовым приемом в этих случаях была проповедь самозамыкания рабочего движения, построения «чисто рабочего движения», защиты «чисто классовых» интересов и пр. Даже российские черносотенцы прибегали к этому приему. Так, один из пунктов программы «Союза русского народа» гласит: «Кто стоит за действительное и не мнимое улучшение жизни рабочего народа, за избавление его от притеснений со стороны хозяев — примыкайте к нашему союзу». Так писали «теоретики», получившие воспитание в охранке и полиции.

Неудивительно, что идея «рабочего съезда» нашла поддержку среди черносотенных рабочих организаций, руководимых агентом Зубатова М. А. Ушаковым.

Ушаков еще до революции был привлечен охранкой к борьбе с рабочим движением. С этой целью Ушаков организовал «С.-Петербургское общество взаимопомощи механическим рабочим», выступившее против социал-демократии, борясь за руководство рабочим классом. На деньги же охранки Ушаков издавал особую — «Рабочую газету», которая усердно пропагандировала «рабочий съезд», как одно из средств борьбы с революционным движением. Ни общество, разделившееся, по заданию охранки, на две части, ни газета особым влиянием в пролетариате не пользовались. Борьба партии с зубатовщиной оказалась очень успешной, и революционно настроенные рабочие неоднократно разгоняли черносотенные организации, а однажды даже взорвали черносотенную чайную «Тверь». Но тот факт, что «ушаковцы» ухватились за идею «рабочего съезда», весьма показателен и вскрывает объективный смысл идеи.

«Рабочесъездовство» не было изолированным течением внутри меньшевизма (хотя, как мы помним, не все меньшевики одинаково восторженно подхватили эту идею) — оно было составной частью складывавшейся после декабря 1905 г. ликвидаторской системы меньшевиков. Сами авторы и проповедники «рабочего съезда» неоднократно устанавливали свою идейную и политическую преемственность с меньшевизмом. Так, во всех статьях, собранных в сборнике «Освобождение труда» (Одесса 1906 г.), имеются указания на эту сторону вопроса.

«Глубокая пропасть, — писал Фрид в статье «К вопросу о рабочем съезде» [1], — отделяет наше понимание задачи организовать пролетариат от вашего большевистского понимания. Это разногласие родилось не сегодня, оно имеет свою богатую историю со времени II партийного съезда, с момента появления в нашей партии «меньшевиков» и «большевиков». Я совершенно далек в настоящем слове от анализа этих разногласий, мне лишь важно указать, что рабочий съезд последовательно вытекает из всей меньшевистской позиции».

Это указание «рабочесъездовца» совершенно правильно. Меньшевизм в 1905 г. стоял, по существу, на позициях незаконченной революции, что вело,

[1] См. сборник «Освобождение труда», стр. 14.

как это показал Ленин, к «системе сделки с реакцией». В период после декабря меньшевизм не изменяет этой установки и поэтому он начинает развивать теорию приспособления к политическим «вольностям» царизма, требует урезывания лозунгов революционной с.-д., обкарнания программы, требует «умерить пыл» и пр. и т. д. Идея «рабочего съезда» непосредственно вытекает из этой стратегии, смысл которой сводится к отрицанию роли авангарда класса или партии, к созданию бесформенного объединения с.-р., с.-д., профсоюзов и пр.

Когда противники рабочего съезда указывали, что такое «объединение» неизбежно покатится по линии трэд-юнионистской политики, т. е. по линии выгодной продажи рабочей силы, а не по линии борьбы с системой, порождающей наемное рабство, — «рабочесъездовцы» в один голос обвиняли большевиков в «неверии в силы и способности рабочего класса». Рабочий класс по своему социальному положению неизбежно станет на позиции социализма, нет поэтому никакой необходимости в существовании самостоятельной партии, говорили защитники идеи.

Взгляды Маркса и Энгельса о «стихийности и сознательности», развитые Лениным в «Что делать?», были названы одним из видных «рабочесъездовцев» Элем, учением «авторитарной философии», стремящейся к «опеке над рабочими». Этот же «рабочесъездовец» упрекал большевиков в том, что они «хвостисты», ибо пролетариат ищет новых, широких форм классовой организации... для большевиков это остается незамеченным. Желая итти впереди движения, они плетутся таким образом в хвосте его.

В. А. Щегло — одна из деятельных сторонниц рабочего съезда,—связывала эту идею с задачей преодоления «интеллигентщины»; необходимо, по ее мнению, выйти из «трагического положения» и создать «действительную организацию масс», чтобы «с.-д. не была оторвана от широких слоев рабочих».

«Предпосылкой этой идеи служит та мысль, что рабочие должны иметь свою партию... чтобы партия была построена самими рабочими...» [1].

Но уровень сознательности рабочих различен, и не каждый рабочий понимает общеклассовые задачи. Щегло поэтому выдвигает теорию, по которой, вопреки всему, «все рабочее движение идет неизбежно к социализму». В соответствии с этим она выбрасывает лозунг, занимавший видное место в литературе тех годов:

«Лучше организованная масса без социал-демократии, чем социал-демократия без массы», ибо «в первом случае неизбежный ход вещей толкает массу к социализму, во втором случае тот же ход вещей готовит естественную смерть такой оторванной социал-демократии» [2].

Череванин, примыкавший в 1905 г. к самому правому крылу с.-д., в статье «Социал-демократия и пролетариат в России» [3] писал, что

«рабочий съезд ставит на самом деле ребром вопрос о самом существовании у нас партии»... «Несомненно, что эта идея в значительной степени является отрицанием социал-демократии».

[1] «Рабочий съезд», изд. 1906 г., стр. 1.

[2] Там же, стр. 14 и 15.

[3] Сб. «Политическое положение и тактические проблемы», М. 1906 г., стр. 133 и 135.

Обычно партия ведет массу, тут масса поведет партию. Плохо ли это? Чтобы оправдать «рабочий съезд», Череванин объявляет с.-д.

«жалкой пародией на массовые пролетарские партии, существующие в Западной Европе».

Череванин горячо возражает против попыток ограничить представительство на «рабочем съезде» теми, кто поддерживает положение, что освобождение рабочего класса есть дело самого рабочего класса.

«Такими ограничениями, — аргументировал Череванин, — можно докатиться до еретической идеи... созыва V съезда партии. Я не вижу никакого смысла в таком ограничении. Для какой цели предлагается такое ограничение? Для того чтобы сделать невозможным участие в выборах эсеров или ушаковцев или беспартийных?.. Нужно ли нам стремиться к тому, чтобы исключать из выборов эсеров, ушаковцев и беспартийных? Какое значение вообще может иметь такой урезанный рабочий съезд? Не превратится ли он тогда просто в наш партийный съезд?» [1].

В. Миров в том же сборнике в статье «К вопросу о рабочем съезде» утверждает, что

«массы не могут улечься в узкие рамки подпольных, заговорщических организаций». «Я не боюсь того, что за идею рабочего съезда ухватились уже «ушаковцы», «гапоновцы», «независимцы», ухватятся кадетские рабочие... Пора перестать опекать пролетариат! Искусственное ограничение его от вредных элементов, тепличное его воспитание и унизительны и бесполезны» [2].

Крайне важно отметить, что в пользу созыва рабочего съезда и создания широкой «беспартийной» партии выдвигалось соображение о необходимости «преодоления», «ликвидации» так. наз. «большевистского бланкизма», сосредоточивающего свои усилия на «доведении революции до конца» и игнорирующего «классовые интересы пролетариата».

Так Череванин в той же статье писал:

«Большевистское течение слишком резко отличается от с.-д., чтобы все, в ком сколько-нибудь живут принципы международного социализма, могли мирно уживаться с ним... Социал-демократия не будет у нас социал-демократией, пока она не освободится от большевистских тенденций. Когда большевики составляют чуть ли не половину партии, партия не может вести социал-демократическую линию и неизбежно осуждена на бессилие» [3].

И дальше Череванин указывает, что ход событий толкает меньшевиков на большевистский путь (октябрь—декабрь 1905 г.). Поэтому ему, мол, понятны те социал-демократы, которые выкидывают знамя: до победы новых, капиталистических порядков долой социал-демократическую партию, лучше ее ликвидировать. Если бы меньшевистская соц.-дем. стояла во главе пролетариата,

«тогда поддерживать или вызывать агитацию за общерабочий беспартийный съезд значило бы задерживать развитие пролетариата, толкать его назад к низшей пройденной ступени развития».

Соратник Череванина В. Миров выбрасывает лозунг решительной борьбы с «верными блюстителями партийной невинности и чистоты», т. е. большевиками, мешающими социал-демократии повернуться лицом к «новым широким задачам» рабочего движения.

---

[1] Сб. «Политическое положение и тактические проблемы», М. 1906 г., стр. 156.
[2] Там же, стр. 171 и 175.
[3] Там же, стр. 148.

Ахмет Ц(алик)ов защищает идею рабочего съезда, ссылаясь на необходимость освободить «социал-демократию от мелкобуржуазной стихии», к каковой он относит большевизм. Эту же мысль в чрезвычайно резкой форме развил и одесский «рабочесъездовец».

В уже упомянутом сборнике «Освобождение труда» Фрид предлагал следующее:

«Все силы надо потратить на борьбу с консерватизмом наших партийных организаций», главным носителям которого, как разъясняет автор, является «большевистский патриотизм к партии».

Таким образом, чтобы превратиться в столыпинскую рабочую партию, — а таков был объективный смысл идеи «рабочего съезда», — чтобы купить себе право на легальность, меньшевики должны были преодолеть ортодоксально-революционные тенденции в с.-д. партии. Это обстоятельство должно было придать крайне резкий характер разногласиям по вопросу о рабочем съезде между меньшевиками и большевиками, никакое «примирение» на этой платформе не было возможно. Вот почему главный инициатор «рабочего съезда» Аксельрод (как председатель комиссии по рабочему съезду на V Лондонском съезде) вынужден был заявить пленуму съезда:

«В комиссии обнаружились два непримиримых взгляда, между которыми невозможны оказались никакие соглашения. Одни стояли за запрещение агитации за съезд, другие за необходимость ее. Поэтому дальнейшие работы комиссии за их бесплодностью были прекращены» [1].

Троцкий примкнул к лагерю защитников «рабочего съезда». В письме к Аксельроду от 12 сентября 1906 г. он писал:

«Я лично был и остаюсь горячим сторонником идеи рабочего съезда» [2].

Он интерпретирует съезд так же, как Аксельрод.

«Ваши общие представления о путях партийного развития — представления, которым мы все столь многим обязаны» (47), писал Троцкий. «Рабочий съезд станет неизбежным, нам необходимо итти навстречу ему как в интересах революции, так и в интересах нашей партии» (33). «Как политическое выступление класса рабочий съезд может сыграть огромную роль. Он послужит организационной опорой для нашей партии в Думе и вне Думы» (XIII стр.).

Меньшевистские «рабочесъездовские» идеи оказались очень живучими. Уже в условиях диктатуры пролетариата, когда меньшевизм выродился в белогвардейщину, «аксельродовщина» в организационных вопросах не раз находила своих сторонников. Главнейшим носителем аксельродовских идей был Троцкий, не изменивший своим меньшевистским организационным идеям, начиная со II съезда партии. Различные оппозиционные течения внутри большевизма, начиная с группы «демократического централизма», рабочей оппозиции и пр., очень часто в борьбе с партией пользовались аргументами из ликвидаторской литературы «рабочесъездовцев». Все оппозиционные группы сходились на непонимании вопроса о соотношении между авангардом и массами, между партией и классом.

Крупнейшую теоретическую ошибку в вопросе о соотношении между авангардом и классом допустил Бухарин в работе «Экономика переходного

---

[1] V Лондонский съезд, изд. 1909 г., Париж, стр. 364.

[2] «В защиту партии», изд. Глаголева, 1907 г., стр. 39.

периода». Разбирая вопрос об отношении между «партией» и «массами» в период диктатуры пролетариата, он писал:

«Пролетариат приходит к своему господству как класс... пролетарский авангард активно ведет за собой других...

В ходе развития нет граней между авангардом и этим очень обширным слоем. Наоборот, происходит постоянное вовлечение в передовой слой все новых и новых сил»...

Попытка ликвидации граней между «авангардом» и «классом», попытка потопить и растворить партию в классе, несомненно, сродни «рабочесъездовской мысли», ибо роль партии, авангарда — как она была обоснована Марксом и Лениным — не может быть умалена в условиях диктатуры пролетариата.

Самым свежим примером рецидива «аксельродовщины», «рабочесъездовства» явилась ленинградская оппозиция периода XXII Ленинградской губернской партийной конференции и XIV съезда в части ее предложений о росте партии.

XXII конференция Ленинградской губернской организации, заседавшая с 1 по 10 декабря 1925 г., в резолюции по организационному вопросу (раздел «Регулирование социального состава организации») отмечала:

«Нашим лозунгом должно быть: добиться, чтобы в течение ближайшего года в организации было бы 80—90% ее состава рабочих» [1].

Один из деятелей «новой оппозиции» Саркис попытался превратить этот лозунг в директиву для партии в целом. Он выступил с предложением:

«В течение года до XV съезда довести процент промышленных рабочих (от станка) в партии до 90».

Это предложение отстаивала вся «новая оппозиция» периода XIV съезда, горячим сторонником его был Зиновьев [2].

В своем ответе на письмо Ленинградской губпартконференции МК ВКП (б)[3] в разделе, озаглавленном «Несколько слов об аксельродовщине», дал исчерпывающую критику этого предложения:

«Как ни толковать этот лозунг, он нелеп. Если речь идет о 90% всех промышленных рабочих всего состава пролетариата, то это чудовищное разбухание партии означало бы наплыв в партию полукрестьянской массы и крах коммунистического руководства. Так можно только поспешить и насмешить людей. Но и второе толкование, которое Саркис считает теперь своим мнением, тоже не вывозит его из беды. Ибо если речь идет о том, чтобы к будущему съезду у нас было бы внутри партии 90% рабочих от станка, т. е. 90% состава партии состояло бы из таких рабочих, то тогда выходило бы еще хуже. А именно — простой расчет показывает, что тогда нам в течение одного года пришлось бы принять пять миллионов новых рабочих! Ибо у нас из 1 миллиона членов партии около 600 тыс. не рабочих от станка. Они, по Саркису, должны составлять 10%, т. е. десятую часть партии. Вся же партия должна насчитывать в десять раз более, т. е. 6 млн. А следовательно, нужно в течение года к имеющемуся миллиону добавить еще пять. Вот до какого фантастического плана доходят новые столпы ленинизма вроде Саркиса. Мы против такого легкомысленного бросания лозунгов. Мы против такого «руководства». Мы против такой легкомысленной демагогической игры. И мы прямо говорим, что такие идеи, не берущие в расчет руководящей роли

---

[1] См. Резолюции, изд. «Прибой», 1926 г., стр. 9.

[2] См. его доклад на XXII Ленинградской губпартконференции, его содоклад и заключительное слово на XIV съезде.

[3] См. «Ответ МК», изд. «Моск. раб.» 1926 г., стр. 17—18.

партии, перепрыгивающие через целую историческую полосу, ничего общего с ленинизмом не имеют и иметь не могут» [1].

Московская губпартконференция характеризовала предложение о вовлечении 5 млн. рабочих в партию как «прожектерство», в основе которого лежит аксельродовская идея;

«Такая, — гласила резолюция, — ничего общего с ленинизмом не имеющая политика, превратила бы нашу коммунистическую партию в аксельродовскую «широкую рабочую партию» и сделала бы невозможным коммунистическое руководство рабочим классом» [2].

Любопытно, что сторонники Ленинградской оппозиции называли критиков их предложения людьми, «не верящими в силы рабочего класса», — совсем в духе «рабочесъездовцев» Мирова, Щегло, Эль, Архангельского и др. В обращении Ленинградской губпартконференции к Московской по поводу критики предложения о вовлечении 90% рабочих от станка в партию, отмечалось:

«Вот где настоящий пессимизм и безверие, вот где подлинная недооценка сил рабочего класса» [3].

Зиновьев в заключительном слове на XIV партсъезде обвинял всех, кто оспаривал Саркиса в «пессимизме», в «неверии по отношению к силам рабочего класса» [4].

Сползание ленинградской оппозиции к «аксельродовщине», непонимание роли партии, растворение партии в классе вызвало резкий отпор со стороны партии, имеющей в своем арсенале опыт борьбы с вдохновителями этих идей — борьбы против «рабочесъездовцев».

XIV съезд в своей резолюции о регулировании состава партии, принятой по докладу Сталина, давшего решительный отпор отрыжкам «аксельродовщины» указал [5]:

«Укрепление партии и усиление ее руководящей роли во всех областях нашей строительной работы, необходимое в теперешней обстановке более, чем когда бы то ни было, предполагает также и правильное регулирование состава партии. Съезд считает необходимым вести в данной области политику, направленную к поднятию качественного состава партийных организаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра. Вместе с тем, подтверждая необходимость строгого проведения установленных мер ограничения по отношению к приему в партию непролетарских элементов, съезд отвергает политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов, пролетарских организаций вообще. Съезд осуждает такие попытки как попытки, ничего общего с ленинизмом не имеющие, отрицающие правильное соотношение между партией (авангардом класса) и классом и делающие невозможным коммунистическое руководство».

Идея «рабочего съезда» вызвала дружный отпор большевиков и в самый момент своего зарождения. Петербургский комитет уже в самом начале дискуссии принял резолюцию против «рабочего съезда»:

---

[1] См. «Ответ МК», изд. «Моск. раб.», 1926 г., стр. 17—18

[2] См. Резолюции, стр. 30.

[3] См. Резолюции XXII губпартконференции, изд. «Прибой», 1926 г., стр. 50.

[4] См. Протоколы XIV съезда, стр. 446.

[5] Там же, изд. 1926 г., стр. 520.

«При данном политическом положении, — говорил один из пунктов резолюции, — при широко распространенном стремлении связывать воедино разнородные классовые элементы, эта агитация практически всего более служит на пользу как мелкобуржуазным направлениям, стирающим различие между пролетариатом и мелкими производителями («трудовая группа», «трудовая народно-социалистическая партия», эсеры и т. д.), так и настоящим врагам пролетариата («ушаковцы» и им подобные)» [1].

II конференция организаций Центрального района, происходившая в сентябре 1906 г., также признала

«агитацию за беспартийный съезд вредной демагогией, отвлекающей сознательных рабочих от задач сплочения и укрепления социал-демократической партии и сбивающей с толку несознательную массу посредством неисполнимых и невозможных обещаний» [2].

Ряд рабочих собраний подавляющим большинством высказался против идеи «рабочего съезда», требуя запрещения агитации в его пользу.

Попытка ЦК уйти от вопроса о партийном съезде с помощью антипартийной идеи ликвидации партии явно провалилась: революционная социал-демократия увлекла и лучшую часть рабочих в партии, шедших вообще еще за меньшевиками, но сейчас настойчиво высказавшихся за созыв партийного съезда. Под возрастающим давлением низовых организаций ЦК решил созвать предварительную всероссийскую конференцию РСДРП, которой и передать как вопрос о «рабочем съезде», так и вопрос о созыве партийного съезда.

ж) «ЛЕВЫЙ БЛОК».

Всероссийская ноябрьская конференция собралась в Таммерфорсе и заседала с 16 (3) по 20 (7) ноября 1906 г. На ней присутствовало 32 делегата с решающим голосом (Бунд — 7, поляки — 5, латыши — 3, Петербург —1, Центральный район с Москвой — 4, Поволжье — 1, Донбасс — 2, Северо-западный союз — 1, украинская с.-д. организация — Спілка — 1, Киев — 1, Одесса — 1, Сев. Кавказ — 1, Закавказье — 3, Средняя Азия — 1. Кроме того не явились делегаты от Урала и Сибири) и с совещательным — члены ЦК и редакции цекистского органа «Социал-демократ».

В порядок дня конференции были включены следующие вопросы: 1) избирательная кампания, 2) партийный съезд, 3) «рабочий съезд», 4) борьба с черной сотней и погромами и 5) партизанские выступления.

Большевики в думской кампании исходили из того основного положения революционного марксизма, отличавшего марксизм и от анархистов, совершенно не признающих парламентское средство борьбы, и от буржуазных партий, видящих в парламентаризме единственно допустимое и нормальное средство решения политических вопросов, именно: парламентская борьба есть одно из средств политического просвещения и организации рабочего класса. Но это положение обще и обязательно для любого периода деятельности рабочей партии и требует умелого применения в каждый конкретный момент политической жизни. Особое положение русского пролетариата состояло в том, что он являлся «единственным вождем победоносной буржуазно-демократической революции».

---

[1] «Пролетарий» № 3, 21(8) сентября 1906 г.

[2] «Пролетарий» № 4, 20(7) октября 1906 г.

Довести до конца, до полной победы буржуазно-демократическую революцию пролетариат может только в союзе с крестьянством, только посредством революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — такова основная большевистская установка в революции 1905 г. Следует ли отсюда, что пролетариат должен заключить блок с крестьянством на все время выборов? Ответить на этот вопрос можно только проанализировав роль отдельных партий на выборах и самую систему выборов.

На выборах конкурировали следующие большие партии или группы партий: монархисты, октябристы, кадеты, эсеры, энесы, трудовая группа и социал-демократы. Первые две группы партий целиком стали на сторону крепостнического самодержавия и таким образом полностью исключались из возможных избирательных соглашений.

Что касается кадетов, то меньшевики считали их партией левой, партией либеральной буржуазии, с которой можно вступать в соглашения. Большевики же считали кадетов партией центра, партией соглашения с царизмом, остановившейся на полпути в своем скольжении к сделке с крепостническим самодержавием. Поэтому большевики отвергали какие бы то ни было блоки с кадетами.

Остается крестьянство, из заинтересованности которого в данной революции вытекала единая политическая линия против кадетов. Но в крестьянстве образовалось несколько партий: от энесов, склонных к сближению с кадетами — через неустойчивую «трудовую группу» — к эсерам, более самостоятельной политической партии. С кем из них заключать блок — на этот вопрос можно было дать ответ только после изучения конкретной обстановки, созданной самой системой выборов.

Избирательная система осталась прежней — многостепенной в каждой из четырех курий. Многостепенность эту в общем можно разбить на две группы: низшую, где пролетарская партия выступает непосредственно перед массой, и высшую стадию — выборы в Думу депутатов из выборщиков. Перед социал-демократией прежде всего стал вопрос —как быть с соглашениями на первой стадии выборов во всех куриях.

Само собой разумеется, что в рабочей курии социал-демократия должна была выступить совершенно самостоятельно, без каких бы то ни было соглашений с другими партиями. Так же ясно, что отпадал вопрос о соглашениях и в землевладельческой курии: не могла же пролетарская партия заняться уловлением голосов в среде крепостнического дворянства. Остаются таким образом две курии: городская и крестьянская, в которых мог стоять вопрос — с кем итти на выборы.

Первая курия решающего значения не имела, ибо все города России посылали в Думу всего 35 депутатов. При этом социал-демократы мало рассчитывали на проведение своих кандидатов в Думу от городов. Чаще всего приходилось бы поддерживать либерала против монархиста, но выборы в I Думу показали, как мало шансов имели черносотенцы, поэтому отказ от своей самостоятельности на выборах для того, чтобы провести в Думу либералов, означало бы лишь принижение пролетарского принципа борьбы.

«Мы подчиняем классовую политику парламентаризму, — писал Ленин, мотивируя свое предложение отказаться от всяких блоков по городской курии,—вместо того чтобы подчинять парламентаризм классовой политике. Мы лишаем себя возможности произвести подсчет своих сил. Мы теряем то, что длительно и прочно во всех выборах: развитие сознания и сплоченности социалистического пролетариата. Мы приобретаем то, что преходяще, условно и неверно: преимущество кадета перед октябристом» [1].

И в городах таким образом большевики предлагали отказаться от соглашения с другими партиями на низшей стадии выборов. Наконец в крестьянстве, распыленном и забитом, где политические партии имеют мало сторонников, а местные социал-демократы, известные крестьянам своей последовательной борьбой, так или иначе будут избраны в десятидворники или уполномоченные, — блоки совершенно не нужны.

Итак, на низшей стадии выборов большевики категорически высказались против всяких соглашений с другими партиями.

На высших стадиях (уездные собрания уполномоченных и губернские собрания выборщиков), после того как борьба за массы закончена — на стадиях, где происходит собственно распределение депутатских мест, там соглашения допустимы и возможны. Но и тут партия не должна ставить себе задачей борьбу за место в Думе. Партия должна строго различать последовательную демократичность отдельных партий, не становиться на путь огульной поддержки крестьянства против кадетов, а выделять более революционные партии и противопоставлять их менее революционным.

«Данные о партиях, — подвел итог большевистской избирательной тактике Ленин,— невольно наталкивают на вывод: никаких безусловно соглашений на низшей стадии в агитации перед массами; на высших стадиях все усилия направить к тому, чтобы при распределении мест разбить кадетов посредством частного соглашения социал-демократов и трудовиков, — разбить энесов посредством частного соглашения социал-демократов и эсеров» [2].

Среди меньшевиков опять-таки оказалось несколько течений по вопросу об избирательных соглашениях.

Череванин, стоявший на крайнем фланге меньшевизма, выступил со статьей [3], в которой назвал «безумием» попытку пролетариата вступить совместно с крестьянством в борьбу с правительством за Учредительное собрание. Все симпатии крестьянства не на стороне непонятного Учредительного собрания, а на стороне знакомой ему Думы, поэтому пролетариат может остаться в одиночестве, если не поймет, что он «должен бороться за Думу, должен был поддержать кадетов в их борьбе с правительством». Отсюда Череванин сделал вывод о необходимости блока с кадетами на выборах, даже не различая стадий.

Против Череванина выступил Мартов, ссылаясь на полный запрет IV съездом каких бы то ни было блоков.

«Я бы рекомендовал отстаивать, — писал Мартов, — опираясь на резолюцию съезда, полную самостоятельность нашего участия в первой стадии выборов, т. е. там, где мы выступаем перед массами» [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 137.

[2] Там же, стр. 135.

[3] «Наше дело» № 1 от 7 октября (24 сентября) 1906 г.

[4] «Товарищ» № 81 от 20(7) октября 1906 г.

Социал-демократы, добавил Мартов, могут поддержать чужого кандидата лишь в случае неуверенности в победе своего, а также допустить соглашения на высшей стадии.

Но на поддержку Череванина поспешил Плеханов. Он поместил в полукадетском органе «Открытое письмо к сознательным рабочим», в котором обрушился на Мартова:

«Там, где мы не можем быть уверены в победе нашего кандидата, мы обязаны войти в соглашение с другими партиями, желающими бороться с нашим старым порядком», т. е. вступить в блок с кадетами [1].

Выступление Плеханова положило конец колебаниям среди меньшевиков. ЦК выступил в своем органе с передовой статьей, в которой признал допустимым блоки на низшей стадии [2]. Затем Мартов прислал письмо в цекистский орган [3] с заявлением о своем полном согласии с Плехановым и Череваниным, объяснив свою прежнюю постановку вопроса тем, что не разобрался в тонкостях избирательного закона.

На конференции меньшевики пришли единой сплоченной группой с предложением блоков с кадетами. Это предложение и защищали докладчики: Мартов от меньшевиков и Абрамович от Бунда.

На конференции меньшевики 18 голосами против 14 приняли резолюцию, § 4 которой допустил блоки с кадетами:

«во всех остальных куриях (кроме рабочей — *Ред.*), если в ходе избирательной кампании выясняется опасность прохождения списков правых партий, допустимы местные соглашения с революционными и оппозиционно-демократическими партиями, соответственно местным условиям, под общим контролем центральных учреждений».

14 делегатов (7 большевиков, 4 поляка, 3 латыша) внесли на конференцию особое мнение, в котором развили план Ленина: запрещение соглашений на низшей стадии, разрешение частных соглашений на высшей.

«При этом, — подчеркивалось в особом мнении, — социал-демократия различает в отношении демократической последовательности и решительности следующие основные типы буржуазных партий: а) эсеры, ПНС и подобные им республиканские партии; б) энесы и трудовики подобного типа; в) кадеты».

К резолюции конференции, по предложению Ленина, был принят особый пункт «по вопросу об единстве избирательной кампании на местах», который давал возможность вести более самостоятельную политику на местах и, с другой стороны, предохранял от фракционных разрозненных выступлений в думской кампании, — пункт, который позже сыграл большую роль в борьбе с оппортунистической тактикой меньшевиков.

«Конференция, — гласит этот пункт, — выражает свое убеждение, что в пределах одной и той же организации для всех ее членов обязательно проводить все касающиеся избирательной кампании решения, принятые компетентными органами местных организаций в пределах общих директив ЦК, причем ЦК м о ж е т запрещать местным организациям выставлять не чисто социал-демократические списки, но н е д о л ж е н о б я з ы в а т ь их выставлять не чисто социал-демократические списки».

---

[1] «Товарищ» № 101 от 13 ноября (31 октября) 1906 г.

[2] «Социал-демократ» № 5 от 9 ноября (27 октября) 1906 г.

[3] «Социал-демократ» № 7 от 1 декабря (18 ноября) 1906 г.

Решения конференции имели совещательный характер, но, будучи утвержденными ЦК, они становились директивами ЦК, т. е. обязательными для всей партии. Возникал вопрос — как быть с теми решениями конференции, с которыми не согласны были большевики. Ответ на этот вопрос и давало дополнение к резолюции, принятое единогласно, без различия фракций. Это дополнение подчеркивало, что блоки с кадетами допустимы, но заставлять заключать такие блоки ЦК не вправе. Мало того. Конференция предоставляла местным организациям право решать вопрос о тактике, но раз принятое решение считалось обязательным для всех членов данной организации.

«После решения компетентных органов, — писал Ленин, — разъясняя значение этого постановления, — мы все, члены партии, действуем как один человек. Большевик в Одессе должен класть в урну бюллетень с именем кадета, хотя бы даже большевика при этом тошнило. Меньшевик в Москве должен класть в урну бюллетень с именами одних только социал-демократов хотя бы его душа и тосковала по кадетам» [1].

Именно с этой целью, — с целью дать возможность организациям выбирать одну из двух платформ, большевики внесли особое мнение 14 делегатов, которого кстати ЦК не опубликовал вместе со всеми резолюциями конференции. Там, где преобладали большевики, они могли своей избирательной платформой сделать особое мнение 14 делегатов и, пользуясь особым пунктом «по вопросу об единстве избирательной кампании», сделать это особое мнение платформой всей организации. Мы позже увидим, какая борьба разгорелась вокруг этого особого пункта.

По второму пункту дня конференция после доклада от большевиков А. Богданова приняла резолюцию о созыве съезда не позже марта 1907 г.

Наконец по вопросу о «рабочем съезде» конференция без обсуждения приняла резолюцию, в которой категорически запретила какие бы то ни было активные шаги по организации съезда, но допустила дискуссию в партийной прессе только в чисто принципиальных границах. Все остальные вопросы были сняты с обсуждения за отсутствием времени.

Как ни оппортунистичны были решения Всероссийской конференции, они все же оказались, по мнению ряда меньшевиков, недостаточно эластичными. Буквально через две недели один из виднейших членов партии — Плеханов — выступил с предложением, далеко оставляющим позади оппортунистические решения конференции.

Конференция решила, что «всякие союзы, заключенные между партиями в целом или связывающие отдельные группы партии на весь период избирательной кампании», недопустимы. Решение это, впрочем, как и все резолюции, было утверждено ЦК. Тем не менее 7 декабря (24 ноября) 1906 г. Плеханов выступил в печати с предложением единой платформы с кадетами под лозунгом «полновластная Дума».

«Кадеты не могут представлять себе полновластную Думу, — писал Плеханов, — так, как должны представлять ее себе социал-демократы. Но и тем и другим нужна полновластная Дума. Поэтому и те и другие обязаны бороться за нее» [2].

---

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 168.

[2] «Товарищ», № 122, ст.: «Гласный ответ одному из читателей «Товарища».

Выступление Плеханова ставило партию перед двумя вопросами: 1) (формальный вопрос) — допустимо ли с точки зрения партийной дисциплины выступление Плеханова после разрешения вопроса ЦК; 2) (по существу) — приемлема ли новая тактика Плеханова, т. е. общая избирательная платформа с кадетами.

Не говоря уже о большевиках, даже бундовцы и кавказские меньшевики выступили печатно против кадетского лозунга, ЦК же увильнул от решения обоих вопросов. Вместо того чтобы призвать к порядку Плеханова и, с другой стороны, печатно заявить, что выступление Плеханова есть его личное мнение, ЦК постановил обратиться к Плеханову с вопросом: действительно ли таково его мнение и в чем он расходится с тактикой ЦК? Но и это решение — обратиться к Плеханову с запросом — не было выполнено. Несмотря на вторичное выступление Плеханова в том же органе с тем же лозунгом, бюро ЦК не обратилось к Плеханову за разъяснениями (хотя второй статьей Плеханов все подтвердил), а затем, по предложению редакции ЦО, постановление ЦК было отменено под тем предлогом, что Плеханов уже наказан, поскольку постановление ЦК каким-то образом попало в «Речь» и стало известным широким кругам.

Поведение ЦК в деле Плеханова, явно и неудержимо катившегося к кадетам, развязало руки всем оппортунистическим элементам в партии. Другой известный меньшевик, доктор Н. В. Васильев, выступил вслед за Плехановым со статьей, в которой предлагал:

«1) расстаться на время со всеми программами... и слиться в одной конституционной партии... Ни кадеты, ни партия демократических реформ, ни эсеры, ни народные социалисты, ни социал-демократы и т. д., — никто в исполнении этого необходимого гражданского долга не утратит своей невинности... 2) легализировать эту партию» [1].

Любопытно отметить, что Плеханов выступил в защиту Васильева, когда Мартов, пораженный откровенным ликвидаторством Васильева, предложил исключить его из партии.

Еще резче сказался оппортунизм ЦК в петербургской предвыборной кампании, имевшей колоссальное значение для всей России, поскольку Петербург — столица, где сконцентрированы центры политических партий, крупнейшие органы печати и т. п. Началась массовая кампания, в которой меньшевики вслед за кадетами выступили с лозунгом борьбы против черносотенной опасности. Первые же дни кампании показали, что черносотенная опасность — кадетская выдумка, пущенная в ход для уловления левых голосов. Массы явно полевели, обнаруживая склонность итти за революционными партиями. Петербургский комитет в целях выработки единой линии для всей организации назначает конференцию на 19 (6) января 1907 г., требуя выбора делегатов по платформам, т. е. после обязательной дискуссии о выборной тактике. Как только выяснилось настроение низовых членов партии, принимавших большевистскую платформу, ЦК поспешил выработать меры, препятствующие победе большевистской точки зрения.

Петербургская организация охватывала самый город и окружной район, т. е. уезды Петербургской губ. У меньшевиков почему-то сложилось мнение,

---

[1] «Товарищ» № 142 от 30 (17) декабря 1906 г., ст. «Что делать?»

что в случае отрыва окружного района они в самом городе смогли бы подавить большевиков. С этой целью ЦК на заседании 23 (10) ноября принял резолюцию, в которой рекомендовал сужать и расширять рамки существующих организаций применительно к избирательным округам, намеченным царской избирательной системой. 4 января (22 декабря) 1907 г., незадолго до Петербургской конференции, ЦК принимает новую резолюцию специально относительно конференции. В этой резолюции ЦК уже не р е к о м е н д у е т, а п р е д л а г а е т конференции разделиться на две части. Большевистские члены ЦК потребовали отказа от ультимативности предложения и возврата к форме рекомендации, но ЦК 18 (5) января 1907 г. снова повторил решение, настаивая на его полном выполнении.

Как только собралась конференция в составе 71 делегата (40 большевиков и 31 меньшевик) и после долгой дискуссии об утверждении мандатов приступила к работе, представитель ЦК предложил ей разделиться на две части: одну — по городу Петербургу, вторую — по губернии. Конференция отвергла это предложение как идущее в разрез с уставом партии об автономии организаций и ослабляющее сплоченность партии в избирательной кампании. Тогда представитель ЦК Дан заявил,

«что данная конференция не удовлетворяет установленным для такого рода конференций условиям и потому решения ее не носят обязательного характера для петербургской организации»,

т. е. он дал меньшевикам лозунг — не подчиняться решению большинства организации, хотя по смыслу пункта Всероссийской конференции «об единстве» меньшевики обязаны были подчиниться большевистскому решению. Выступление Дана послужило поводом для заявления 31 делегата-меньшевика об отказе принимать участие в работах конференции и уходе с конференции. Оставшиеся большевики приступили к обсуждению избирательной тактики. Среди большевиков наметилось две группы, обе высказавшиеся против блоков с кадетами: чистые большевики, стоявшие за полный отказ от всяких блоков, и так называемые д и с с и д е н т ы, во главе с Лениным выступавшие за временный блок с трудовиками, за «левый блок». Диссиденты мотивировали свое предложение следующим образом: 1) социал-демократия должна перед массами выступать совершенно самостоятельно, 2) именно так выступала социал-демократия, оказывая огромное влияние на все трудящиеся слои своей последовательной революционной тактикой, но 3) сейчас, за две недели до выборов, выяснился провал правых партий и большие шансы кадетов, гегемонию которых нужно подорвать, тем более, что 4) среди городской бедноты наблюдается стремление голосовать за партии левее кадетов, причем трудовики стремятся обеспечить себе место в Думе при помощи блоков с кадетами, оправдывая свое поведение нежеланием социал-демократов вступить в соглашение с городской беднотой против кадетов. Исходя из этих мотивов, диссиденты предложили заключить временный блок с революционными демократами, чтобы вырвать у кадетов гегемонию над трудящимися низами в городской курии. Конференция, по предложению Ленина, приняла резолюцию, в которую включила все вышеуказанные мотивы и следующее постановление:

«1) сообщить немедленно Петербургскому комитету партии эсеров и Комитету трудовой группы, что Петербургский комитет РСДРП готов войти в соглашение с ними под условием незаключения ими никаких соглашений с кадетами; 2) условия соглашения: полная самостоятельность соглашающихся партий в отношении лозунгов, программ и тактики вообще. Распределение шести мест в Думе следующим образом: два места — рабочей курии, два — социал-демократам, одно — эсерам и одно — трудовикам».

К резолюции конференция приняла примечание относительно партии энесов:

«Исходя из того факта, что позиция этой партии является уклончивой в отношении к основным вопросам внедумской борьбы, конференция считает допустимым соглашение с эсерами и трудовиками при отсутствии соглашения между ними и партией энесов».

Таков «левый блок», как его понимал Ленин. Когда меньшевики пытались показать, что это был отказ от резолюций Объединительного съезда, они не поняли характерных признаков «левого блока» и всей истории его развития.

В чем характерные признаки «левого блока»? Во-первых, в полном отказе от всяких блоков с кадетами, во-вторых, в самостоятельном выступлении перед массами при всяких условиях, в-третьих, в заключении в определенный момент и на определенное время блока с народниками в целях освобождения трудящихся от гегемонии кадетов. При этом внутри народнического блока более революционные группировки должны были противопоставляться менее последовательным и революционным.

Позже, когда среди большевиков появились защитники постоянного «левого блока», Ленин, выступая на городской конференции в Петербурге,

«предостерегал от взгляда на него, как на постоянное соглашение, в чем-либо связывающее социал-демократов, как на сколько-нибудь длительный, заранее заключенный, договор... Только самостоятельной и твердой политикой, — а не дипломатничаньем, не мелкими сделками, — может социал-демократия обеспечить себе в необходимые моменты содействие тех элементов буржуазной демократии, которые действительно способны на борьбу» [1].

Ушедшие, с разрешения и при прямом подстрекательстве ЦК, 31 меньшевик вернули петербургскую организацию к тому исходному положению, какое существовало до Объединительного съезда — к расколу. 31 меньшевик избрали постоянный исполнительный орган, а оставшуюся часть конференции объявили частным фракционным совещанием, решения которого не обязательны для петербургской организации. Исполнительный орган меньшевиков немедленно вступил в переговоры с объединенными народниками и кадетами, чем вскрыл основную причину раскола: дело было не в формальностях, не в том, что петербургская организация не захотела разделиться, по требованию ЦК, на две части, — дело было в стремлении меньшевиков к блоку с кадетами. 31 (18) января состоялось заседание эсеров, трудовой группы, энесов и меньшевиков с кадетами. Меньшевики предлагали три места в Думу из шести оставить кадетам, а остальные распределить между социалистическими партиями. Кадеты же соглашались отдать мелкобуржуазному блоку только два места. Меньшевики пробовали продолжать торговлю, но кадеты оставались непреклонными. Как раз в этот период Милюков был на аудиенции у Столыпина по вопросу о легализации партии кадетов за соответствующие уступки. Среди этих

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 381.

уступок несомненно фигурировал отказ от блока с левыми, — это объясняло упорство кадетов. Под влиянием угрозы разрыва с кадетами среди мелкобуржуазного блока начались колебания: часть соглашалась на предложение кадетов, т. е. взять два места в Думу и тем предать мелкую буржуазию; часть же решила вступить в переговоры с большевиками.

Последним оставалось показать гнилость всех этих переговоров, скрывавшихся от широких масс, сорвать с них тайну и разоблачить перед рабочими и трудящимися. С этой целью Ленин написал брошюру: «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика». В этой брошюре Ленин решительно заклеймил торгашескую политику меньшевиков:

«Меньшевики торговались с кадетами, чтобы протащить своего человека в Думу, вопреки рабочим, при помощи кадетов, — вот в чем состоит простая разгадка всех этих странствований от социал-демократов к мелкобуржуазному блоку, от мелкобуржуазного блока к кадетам».

На резкое выступление Ленина, нашедшее отклик в рядах организации, ЦК реагировал совсем иначе, чем на выступление Плеханова: найдя, что брошюра Ленина вносит «смуту в ряды пролетариата, подвергая заподозреванию политическую честность членов партии», ЦК предал Ленина партийному суду. Такое поведение ЦК вызвало отпор со стороны петербургской организации. Сначала собрание 234 большевиков петербургской организации, работающих в разных районах, вынесло решение — выдвинуть встречное обвинение против Дана и 31 меньшевика в политически недопустимом поведении и, в противовес кампании ЦК лично против Ленина, повести работу по осведомлению масс об избирательной кампании и роли в ней меньшевиков. К этому решению присоединились Петербургская конференция (городская и окружная), затем Московский район, Обводный и Сапожный подрайоны того же района, расширенный состав Охтенского порохового подрайона и т. д.

Суд над Лениным был организован следующим образом: 3 представителя от Ленина, 3 представителя от 31 меньшевика и по 1 представителю от польской социал-демократии, латышей и Бунда. Суд имел два заседания под председательством бундовца Абрамовича. На первом Ленин подал заявление с встречным обвинением Дану и 31 меньшевику; обвинение это суд переслал в ЦК. Последний постановил, что суд создан для разбора дела Ленина, привлечение же к суду новых лиц всецело зависит от ЦК. На втором заседании Ленин произнес «защитительную (или обвинительную против меньшевистской части ЦК) речь», в которой, рассказав подробно обо всех предательских шатаниях меньшевиков в избирательной кампании и расколе, фактически примененном ими на конференции, изложил свое понимание методов и предела внутрипартийной борьбы, сохранившее всю свою руководящую силу и поныне.

«Раскол, — писал Ленин, — есть разрыв всякой организационной связи, переводящий борьбу взглядов с почвы воздействия изнутри организации на почву воздействия извне организации, с почвы исправления и убеждения товарищей на почву истребления их организаций, на почву возбуждения рабочей (и вообще народной) массы против отколовшейся организации.

«То, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии. Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласномыслящим. Можно и должно писать именно таким языком про отколовшуюся организацию. Почему должно? Потому что раскол обязывает вырывать массы из-под руководства

отколовшихся. Мне говорят: вы вносили смуту в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, и я всегда буду поступать таким образом при расколе... Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно допустимых пределов такой борьбы нет и быть не может, ибо раскол есть прекращение существования партии. Пределы борьбы на почве раскола — это не партийные, а общеполитические или, вернее, даже общегражданские пределы, пределы уголовного закона — и ничего более...» [1].

Меньшевики, для которых большевистские организационные принципы остались книгой за семью печатями, пойдя в эпоху реакции на окончательный раскол партии, опубликовали выдержки из речи Ленина, чтобы охарактеризовать безнравственность политических методов борьбы Ленина. Для устрашения иностранных с.-д. партий выдержки из речи были даже переизданы на немецком языке.

Пока, однако, продолжался суд, так и не кончившийся, избирательная кампания шла прежним темпом, обнаруживая все новые последствия меньшевистской тактики. По рабочей курии социал-демократия выступала без всяких блоков, полагая, что в пролетарской среде вряд ли какая иная партия может рассчитывать на успех. Но действительный ход событий не оправдал расчетов: по рабочей курии неожиданно много голосов получили эсеры, сумевшие провести по губернской рабочей курии 4 из 10 выборщиков. По самому городу Петербургу им удалось из 272 уполномоченных провести 54 определенных эсеров и до 50 колеблющихся. Победа эсеров — притом, как выяснилось, именно на крупных заводах — была фактом огромной политической важности, на первый взгляд свидетельствовавшим о поражении социал-демократии. Ближайший анализ голосования, однако, рассеял эти опасения: оказалось, что там, где перед массой выступали эсеры и социал-демократы, эсеры били меньшевика, но пасовали перед большевиком. Оппортунистическая политика меньшевиков отталкивала рабочих к эсерам.

«Революционная буржуазная демократия пасовала перед революционной социал-демократией, побеждая на деле только тех, кто плетется в хвосте нереволюционных буржуа, кто стоит за блоки с кадетами» [2],

так писал Ленин о победе эсеров, призывая революционной работой пополнить урон, понесенный социал-демократией по губернской рабочей курии.

По городу большевикам удалось преодолеть колебания меньшевиков и послать всех 14 выборщиков — социал-демократов, — т. е. всего по рабочей курии было получено 20 мест из 24. По городской курии Петербурга большевикам удалось заключить 7 февраля (25 января) «левый блок». Меньшевики в блок не вошли и продолжали пугать избирателя черносотенной опасностью, звали воздерживаться в 5 избирательных участках из 12. Самые выборы состоялись 20 (7) февраля, причем кадеты получили 28 798 голосов, «левый блок» — 16 703, октябристы — 16 613 и монархисты — 5 270. «Левый блок» победил только в одном районе, в других районах ему нехватило от 99 до 368 голосов. Всего для победы над кадетами «левому блоку» по 5 районам нехватало 1 573 голоса. Победа «левого блока» была сорвана меньшевиками, сначала ведшими

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 220–223.
[2] Ленин, Соч., т. X, стр. 334.

переговоры с кадетами, а затем призвавшими из-за черносотенной опасности к воздержанию от голосования.

Всего во всей России во II Думу социал-демократия провела 65 депутатов.

II Дума собралась, как и было намечено манифестом, 5 марта (20 февраля) 1907 г. и работала по 15 (2) июня того же года. Участие в выборах социал-демократии и эсеров, отказавшихся от бойкота, более глубокое классовое расслоение населения, вовлечение в политику новых слоев рабочих и крестьян, растущий гнет, революционизировавший все новые группы населения, — все это определило более резкую диференциацию политических партий в Думе. Из 478 делегатов оказалось:

	II Дума	I Дума
Монархистов, октябристов и т. п. .	54	25
Центра (кадетов и примыкающих к ним)	99	197
Трудовиков	104	94
Энесов	16	—
Эсеров	37	—
Социал-демократов	65	17
Беспартийных	50	100

Крайние фланги во II Думе выросли главным образом за счет кадетов. Правые в Думе оказались правительственной партией. Кадеты за время междумья значительно изменили и свой социальный состав и социальную опору и, следовательно, программу. Партию покинула известная часть либеральных помещиков, ушедших из-за крестьянских восстаний к правее стоящим партиям. Значительно поредел мелкобуржуазный хвост кадетов, оторванный главным образом социал-демократами и трудовиками. Центр тяжести кадетской партии все больше перемещался на среднюю буржуазию и буржуазную интеллигенцию. Изменение же социального состава и ушедший глубже процесс революции повлияли и на программу кадетов. Они устранили главный камень преткновения в сделке с самодержавием, почти совсем отказавшись от принудительного отчуждения земли, сведя элементы принудительного отчуждения — за выкуп — к такому минимуму, что это требование мало чем отличалось от правительственного проекта. В Думе кадеты стали на путь сговора с самодержавием, отказавшись от требования думского министерства, сделав своей тактикой сохранение Думы во что бы то ни стало. Кадеты с такой тщательностью избегали обострения конфликтов с самодержавием, что даже добились похвалы Столыпина за поддержку его против революционных партий при обсуждении продовольственного вопроса.

Ход революции сказался и на народнических партиях. Успокоение и известный поворот вправо верхушки крестьянства, в результате уступки части государственной, удельной и т. п. земли, а с другой стороны, под влиянием классовой борьбы в деревне, — вызвал и соответствующий процесс в среде народников: энесы фактически превратились в полукадетов, среди эсеров выросло правое крыло, заставившее всю партию (на II ее съезде) стать на путь соглашения с кадетами и пойти на отказ от террористической деятельности.

В Думе народники, особенно трудовики, колебались между кадетами и социал-демократами, чаще сползая на кадетские рельсы, как увидим, в значительной степени в силу оппортунистического поведения меньшевистской части с.-д. фракции. Трудовики голосовали за кадетского представителя в Думе, на декларацию правительства ответили тактикой «гробового молчания», т. е. приняли предложение кадетов не оказывать правительству доверия, но и не выражать недоверия.

Среди социал-демократов преобладание опять получили меньшевики, и это сказалось на всей позиции фракции, фактически руководившей левыми в Думе.

Депутаты социал-демократы немедленно после открытия Думы образовали свою фракцию, причем депутаты, кандидатуры которых были выставлены партийными комитетами, — 54 товарища — получили решающие голоса, остальные 11 — совещательные голоса.

Из 54 депутатов меньшевиков оказалось 33, большевиков — 15 и по 3 примыкающих к большевикам и меньшевикам. По куриям депутаты социал-демократы прошли следующим образом:

Курии	Всего депутатов	Меньшевиков	Примыкающих к меньшевикам	Большевиков	Примыкающих к большевикам
Рабочая	23	12	—	9	2
Городская	21	11	3	6	1
Крестьянская . . .	7	7	—	—	—
Землевладельческая .	3	3	—	—	—

Таким образом $^3/_5$ большевистских депутатов прошло по рабочей курии, а $^2/_5$ по городской, от крестьян и землевладельцев прошли только меньшевики. К этому следует прибавить, что большевистские депутаты прошли, в основном, от крупных промышленных центров, как Петербург, Урал и т. п.

Фракция разбилась на целый ряд комиссий — аграрную, бюджетную хозяйственную и т. п., куда, наряду с депутатами, им в помощь были допущены в качестве сведущих лиц специальные эксперты. Обычно в состав последних приглашались партийные литераторы и теоретики. Любопытно при этом отметить, что меньшевики не допустили Ленина, как эксперта, ни в одну комиссию.

Во главе фракции стоял комитет из 7 лиц, руководивший всей работой фракции вместе с 5 представителями ЦК. Преобладание меньшевиков сказалось на всей политике фракции, тем более, что большевистские депутаты в силу партийной дисциплины вынуждены были проводить ту линию, какую намечало меньшевистское руководство.

Оппортунизм меньшевиков проявился при первых же шагах их думской деятельности. В целях координации деятельности думской оппозиции было решено организовать информационное бюро из представителей отдельных фракций. Вопреки предложению большевиков создать бюро лишь совместно с трудовиковскими группами, меньшевики настояли на включении в него представителей всех оппозиционных групп, т. е. и кадетов.

Вторую ошибку допустила фракция по вопросу о совещании оппозиционных фракций. 3 марта (18 февраля) фракция 23 голосами против 13 большевиков

постановила принять участие в совещании депутатов, созываемом кадетами. На совещании кроме кадетов присутствовали также представители польской партии народовольцев, явно контрреволюционной партии, применявшей террор по отношению к рабочему движению в Польше. Меньшевики, однако, пошли дальше: они приняли участие на этом совещании в переговорах о выборе думского президиума, высказавшись за кандидатуру кадета Ф. А. Головина в председатели Думы. Фракция повела за собой и трудовиков, мотивируя свои голосования опасением победы правых. Опасение это оказалось таким же ошибочным, как и все прежние разговоры о черносотенной опасности: из 478 голосов правые могли собрать не больше 100.

Следующий шаг меньшевиков особенно ярко обнаружил оппортунистический характер фракции. В ожидании тронной речи фракция занялась подготовкой ответа, в котором предполагалось развернуть программные требования партии. Среди ряда ультимативных требований — 8-часовой рабочий день, свобода слова, печати и т. п., — фигурировало и требование конфискации всей земли без выкупа. Но последнему требованию не только не был придан ультимативный характер, а, напротив, по предложению меньшевиков, предполагалось, в случае протестов со стороны кадетов и трудовиков, дать явно кадетскую формулировку: «принудительное отчуждение всей земли в пользу крестьян». Меньшевики тем самым выступили против социал-демократической аграрной программы, подчеркивавшей необходимость конфискации земли.

Намерение это оказалось невыполненным, так как самодержавие отказалось от тронной речи, поручив прочесть правительственную декларацию Столыпину. Но в ответе на декларацию меньшевистское большинство все же успело проявить свою оппортунистическую сущность: ответ был составлен в духе, приемлемом для всей оппозиции — меньшевики ни звука не сказали о социализме, позабыли упомянуть о значении Учредительного собрания, но зато выставили кадетский лозунг «подчинения исполнительной власти Думе», а по аграрному вопросу выдвинули расплывчатый лозунг «разрешения земельного вопроса», под которым подписались бы партии и правее кадетов.

Из других ошибок фракции следует указать на поведение фракции во время дебатов по аграрному вопросу, когда комитет фракции решил ограничиться лишь критикой правительственного проекта. Только поведение кадетов, начавших дебаты с критики социал-демократии, вынудило и фракцию принять предложение большевиков о необходимости разоблачения помещичьего характера кадетской аграрной программы.

Оппортунистическая политика и соскальзывание фракции на кадетские позиции вызвало резкий отпор пролетариата, главным образом петербургского, руководимого петербургским большевистским комитетом.

ПК в начале марта 1907 г. принял резолюцию, выражавшую сожаление по поводу посещения фракцией кадетского собрания и голосования за кадетского кандидата в председатели.

«Вместе с тем, — дал директиву фракции ПК, — Петербургский комитет настойчиво предлагает как представителю петербургских рабочих, так и всем революционным социал-демократам думской фракции сделать все зависящее от них для прекращения политики поддержки гегемонии кадетов».

7 апреля (25 марта) открылась конференция петербургской организации РСДРП, которая в особом заседании своей сессии 21 (8) апреля заслушала доклады депутатов Алексинского и Петрова и приняла резолюцию, одобряющую поведение большевиков во фракции и призывающую фракцию занять правильную позицию. Против резолюции голосовало 20 меньшевиков, вынесших протест и особое мнение по поводу резолюции.

Кроме докладов о фракции конференция разрешила еще ряд вопросов, имевших огромное значение в жизни организации.

Прежде всего она ликвидировала раскол в организации, произведенный 31 меньшевиком. В выборах приняло участие 7 332 члена организации, из коих 5 166 высказалось за большевиков и 2 156 за меньшевиков, т. е. конференция, выборы на которую происходили под наблюдением особой комиссии ЦК, вновь доказала подавляющее преобладание в организации большевиков. Конференция реорганизовала всю организацию по следующему принципу, предложенному большевиками: низшая ячейка организации — заводской союз, куда входят все члены организации, работающие на заводе; заводской союз избирает из своей среды заводской комитет; собрания заводских союзов выбирают по 1 депутату на 25 членов организации на районную конференцию, которая для повседневной работы избирает районный комитет; во главе петербургской организации становится конференция, избранная прямым голосованием по норме 1 на 50 и являющаяся постоянным органом в течение 6 месяцев, конференция избирает для повседневной работы Петербургский комитет; при комитете существуют на правах района военная и боевая организации.

Конференция конституировала себя в постоянный орган, заседающий не менее 1 раза в 2 месяца, и разобрала на следующей сессии вопросы о праздновании 1 Мая, о создании совета уполномоченных для связи депутатов Думы с избирателями, а также произвела выборы на V съезд партии.

Ни решения ПК, ни постановление Петербургской конференции не выправили линии фракции; она продолжала свою политику шатания, переходя зачастую с позиции использования Думы в качестве трибуны к органической работе в ней. Выправить линию фракции мог только новый съезд путем изменения всей политики руководящего штаба партии — Центрального комитета.

з) V СЪЕЗД.

1. Конституирование съезда и роль примиренцев.

Лондонский съезд РСДРП заседал с 13 мая (30 апреля) по 1 июня (19 мая) 1907 г. В силу чрезвычайно обостренной фракционной борьбы мандатная комиссия продолжала работать почти до самого конца съезда, ежедневно утверждая новые мандаты. Этим и объясняется непостоянное число голосов: начав с 279, съезд закончил заседания с 302 (по данным М. Н. Лядова: «Лондонский съезд РСДРП в цифрах» — 315) решающими голосами и 37 совещательными, в том числе 10 депутатов Думы. Всего на съезде было представлено около 150 тысяч членов партии, из коих на долю большевиков пришлось 46 тыс., меньшевиков — 38 тыс., бундовцев — 26 тыс., поляков — 25 тыс., латышей — около 14 тыс., сообразно чему и разбились голоса делегатов: большевиков 81—90

ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД РСДРП В 1907 г. С 30 АПРЕЛЯ ПО 19 МАЯ (С 13 МАЯ ПО 1 ИЮНЯ).

ПРЕЗИДИУМ СЪЕЗДА.

СОСТАВ СЪЕЗДА ПО ФРАКЦИЯМ:

Всего	336 ч.
Большевиков	105 »
Меньшевиков	97 »
Бундовцев	57 »
Пол. соц.-дем.	44 »
Латышск. соц.-дем.	29 »
Вне фракции	4 »

Ф. ДАН (от меньш.) ТЫШКО (от польской с.-д. п.) ЛЕНИН (от больш.) АЗИС (от лат. с.-д.) МЕДЕМ (от бунда)

СОСТАВ СЪЕЗДА ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ:

Всего	336 ч.
Рабочих	116 »
Литераторов	106 »
Проф. революцион.	56 »
Торг.-пром. сл.	24 »
Студентов	20 »
Без опр. проф.	12 »
Земледельцев	2 »

ПОРЯДОК ДНЯ:

1. Отчет ЦК
2. Отчет думской фракции и ее организаций.
3. Об отношении к буржуазным партиям.
4. Государственная дума.
5. Рабочий съезд и беспартийные рабочие организации.
6. Профсоюзы и партия.
7. Партизанские выступления.
8. Безработица, кризис и локауты.
9. Организационные вопросы.
10. Интернациональный конгресс в Штутгарте:
    a) 1 мая;
    b) милитаризм.
11. Работа в армии
12. Разное.

Церковь, где происходил Лондонский съезд.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ К НЕПРОЛЕТАРСКИМ ПАРТИЯМ.

...Съезд признает, что партии либерально-монархической буржуазии и главная из этих партий к.-д.— определенно отвернулись уже от революции и преследуют задачу прекращения ее путем сделки с контрреволюцией... Соц.-дем. должны использовать, в интересах политического воспитания народа, деятельность этих партий,... разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии и беспощадно борясь против их гегемонии над демократ. мелкой буржуазией.

...Съезд признает, что народнические или трудовые партии (н.-с., труд. груп., с.-р.) более или менее близко выражают интересы и точку зрения широких масс, деревенской и городской мелкой буржуазии, колеблясь между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землепользования и крепостного государства. С.-д. должны неуклонно разоблачать их псевдо (ложно) социалистический характер и бороться с их стремлением затушевать противоположность между пролетариатом и мелким хозяином, а с другой стороны, всеми силами вырывать их из-под влияния и руководства либералов, заставляя эти партии делать выбор между политикой к.-д. и политикой революционного пролетариата.

Из резолюции об отношении к непролетарским партиям.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ О РАБОЧЕМ СЪЕЗДЕ.

Принимая во внимание, что... идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене соц.-демократии беспартийными рабочими организациями деятельного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии, съезд признает, что... агитация за беспартийный рабочий съезд, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с с.-д. влиянием на рабочие массы, вредна для классового развития пролетариата.

(минимальное и максимальное число голосов), меньшевиков—80—85, бундовцев—54—56, поляков—39—45, латышей—25—26.

На съезде делегаты разбились по принципиальным вопросам на 2 крыла — революционное и оппортунистическое, национальные же организации пытались играть роль центра.

«Я думаю, — говорил на съезде представитель Бунда, Либер,— что вступление в партию национальных организаций, воспитанных в совсем иных традициях, внесет свежую и здоровую струю во внутреннюю жизнь всей российской социал-демократии. Я думаю, что участие национальных организаций в партийной жизни имеет свое значение. Мы, конечно, не верим, что нам сразу удастся изжить все ненормальности нашей партийной жизни. Но мы знаем, что нам следует сделать все, чтобы не дать фракции торжествовать над партией» [1].

А представитель польской социал-демократии Малецкий развивал ту же мысль:

«Это с нашей стороны не беспринципность; мы не стоим за затушевывание разногласий. Но мы, национальные организации, говорим: пусть оба течения развиваются и ведут правильную идейную борьбу до тех пор, пока сама жизнь не докажет, что одно из них имеет больше права быть выразителем пролетарских интересов и более соответствует классовой борьбе пролетариата» [2].

На деле такая позиция центра приводила к тому, что большевики оставались в меньшинстве, а оппортунисты не получали должного отпора.

Однако, по мере перехода к принципиальным вопросам и все большего выявления оппортунистической сущности меньшевиков, среди центра началось в свою очередь расслоение: поляки образовали левый центр, все чаще примыкавший к большевикам, бундовцы — правый центр, поддерживавший меньшевиков, латыши — собственно центр, большинство которого впрочем также шло с большевиками.

На съезде присутствовала также группа троцкистов, или, как их называл сам Троцкий, присутствовавший на съезде с совещательным голосом, — внефракционных социал-демократов.

По большинству вопросов эта группа поддерживала меньшевиков: Троцкий выступал за меньшевиков против предложения большевиков включить в порядок дня съезда текущий момент. Несмотря на критику деятельности думской фракции, Троцкий фактически поддерживал меньшевиков и их оппортунистическую политику во фракции. Единственным вопросом, в котором Троцкий поддержал большевиков, — что и отметил Ленин — был вопрос об отношении к непролетарским партиям: Троцкий высказался против блоков с кадетами. Но, высказавшись против кадетской политики меньшевиков, Троцкий при обсуждении резолюции, закреплявшей это отрицание кадетской политики, тормозил ее принятие, пытаясь смягчить ряд формулировок или ослабить горечь поражения меньшевиков.

«Очевидно, — говорил Троцкий, обращаясь к большевикам, — вы желаете, имея большинство в несколько голосов, провести чисто фракционную резолюцию с такими фракционными тонкостями, которых товарищи поляки, может быть, даже и не понимают... Теперь боль-

---

[1] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов. Париж 1909 г., стр. 113.
[2] Там же, стр. 114.

шевики уже давно не утруждают себя политической защитой, а просто ограничиваются репликами. Если же Ленин по поводу предложения большевиков о прекращении поправок голосовал не вместе со всей фракцией, а против, — то это простое лицемерие» [1]

Короче, Троцкий занял на съезде ту позицию, которая так ярко вскрылась в период «августовского блока»: прикрываясь разговорами о единстве, о борьбе с фракционной нетерпимостью, он на деле скатывался к меньшевикам.

V ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД РСДРП.

Первый фракционный бой — если считать лишь стычками споры вокруг регламента съезда и выступление группы меньшевиков против кандидатуры Ленина в президиум, под тем предлогом, что он находится под партийным судом, — разыгрался по вопросу о порядке дня съезда. На съезд было представлено 3 проекта порядка дня — проект ЦК, большевиков и поляков, причем в каждом из них под тем или иным наименованием фигурировал текущий момент. Но на самом съезде меньшевики предложили, как и на Стокгольмском съезде, снять этот вопрос.

---

[1] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов. Париж 1909 г., стр. 35.

«Мы не школа, — говорил Либер, — где можно заниматься абстрактными вопросами, а должны все вопросы решать в конкретной постановке» [1].

«Партийному съезду, — вторил ему Мартов, — важно обсудить вопрос в связи с современным положением вещей, а не пускаться в область абстракций. Это скорее подобает теоретикам, а не членам съезда».

На помощь меньшевикам поспешил и Троцкий:

«То, чего я хочу, — говорил он, — это, чтобы съезд был с начала до конца политическим, чтобы он был собранием представителей революционной партии, а не клубом склонных к дискуссии марксистов... Единство политических действий возможно при разнообразии идей»... [2]

Меньшевики выступили на съезде в роли душеприказчиков «экономистов», не понимавших роли революционной теории, и тем скатились на тред-юнионистскую позицию.

Особенно ярко это сказалось в выступлении Троцкого, речь которого явилась прекрасной иллюстрацией к его организационным принципам, развитым и на II съезде партии и в послесъездовских теоретических работах, вроде «Наших политических задач».

«Единство идей, — развивал свою мысль Троцкий, — не устанавливается на съездах; самое большее, что вы можете сделать, это подвести статистику идей; столько-то делегатов имеют один взгляд, столько-то — другой. Но и только».

А Мартов в своей второй речи прямо выболтал причину отрицательного отношения к постановке принципиального вопроса о текущем моменте. Вопрос этот стоял в нашем проекте до созыва Думы, — говорил он, — теперь Дума созвана, работает наша фракция и можно снять вопрос.

Мартов таким образом лишний раз подчеркнул стремление меньшевиков свести все вопросы революции к одной Думе, всю тактику партии заменить парламентской тактикой; это сведение всех форм борьбы к парламентской и получило в свое время характеристику «парламентского кретинизма».

Справедливость требует отметить, что поляки, собственно, не выступали за снятие этого вопроса — они предлагали включить его в другой пункт порядка дня, но объективно сыграли на-руку меньшевикам: с помощью примиренцев вопрос о текущем моменте революции был снят с повестки дня.

2. Отчет ЦК.

Следующим крупным вопросом, вызвавшим фракционную борьбу, был отчет ЦК, сделанный Мартовым. Отчет и прения показали, насколько ошибочен был отказ Стокгольмского съезда обсуждать принципиальный вопрос о текущем моменте. Именно отсутствие директив привело к шатаниям ЦК, к частой смене лозунгов. Это признал и сам докладчик.

«Надо признать, — говорил Мартов, — что зло, вырастающее из излишеств фракционной борьбы, питалось... недостаточной определенностью некоторых тактических постановлений Объединительного съезда, благодаря чему фракционная борьба могла разгораться на почве различного толкования одних и тех же решений» [3]

---

[1] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов. Париж, 1909 г., стр. 33.

[2] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов. Париж, 1909 г., стр. 49.

[3] Там же, стр. 77.

ПОЛЬСКИЕ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТЫ

Мархлевский

Дзержинский

Л. Иогихес (Тышко)

Р. Люксембург

Ганецкий

Каспржак

Матушевский

Варский

«Недостаточная определенность» решений съезда как раз и объяснялась отсутствием общего взгляда, общих директив съезда, которые и могли быть выработаны при обсуждении текущего момента. Сам Мартов в своем отчете и не

пытался ставить вопрос о директивах: он занялся простым оправданием поведения ЦК, отнюдь не считая его шатанием. Мартов взял под защиту даже самый неудачный шаг ЦК — его призыв к «частичным выступлениям».

«При таких обстоятельствах,— говорил Мартов,— анализируя политическую депрессию в стране после разгона Думы, — ЦК считал необходимым призвать партию к работе по преодолению политической пассивности, что, по нашему мнению, могло быть — в ожидании наступления новой избирательной кампании — достигнуто организацией так называемых «частичных выступлений» рабочих масс по поводу явлений текущей политической жизни, затрагивающих непосредственно их интересы. Мирные демонстрации, демонстративные однодневные забастовки, митинги протеста... вплоть до более скромных форм проявления политического протеста — могли явиться рычагом выведения пролетарских масс из состояния пассивности и подавленности и косвенно рычагом такого же воздействия на другие круги населения» [1].

V ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД РСДРП.

Такое поведение, как и показал опыт, означало по частям разоружать пролетариат и выдавать его реакции. Это поняли передовые рабочие Питера в июне 1906 г., когда они соглашались на массовые выступления, на решительный бой, но не на частичные демонстрации. Принять тактику «частичных выступлений» — значило итти навстречу самодержавию, как раз провоцировавшему революционные классы на отдельные, разрозненные выступления, — значило стать на путь предательства в розницу. Эта тактика, наконец, лишний раз вскрывала хвостизм меньшевиков, всегда шедших за волной

Мартынов, по существу, делавший политический отчет ЦК, в своем выступлении объяснил, почему меньшевики во всех лозунгах держались за Думу.

«Мы во всех этих лозунгах, — говорил Мартынов, — исходили из одного политического соображения: народ возлагал большие надежды на Думу, и потому рассчитывать на

[1] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов. Париж, 1909 г., стр. 70.

большое движение народных масс можно в ближайшем будущем только в связи с разгоном Думы» [1].

Меньшевики таким образом плелись за конституционными иллюзиями, вместо того чтобы разрушить их; принижали свои лозунги, приспособляя их к временным предрассудкам массы, вместо того чтобы разоблачить эти предрассудки.

В основе всего поведения меньшевиков лежала старая идея о буржуазии как движущей силе революции. Все тот же Мартынов на съезде следующим образом защищал оппортунистическую ошибку ЦК, предлагавшего выбросить пункт о выкупе земли:

«Настаивая на вставлении этого слова, мы тем самым сделали бы формулу обращения неприемлемой для кадетов и части трудовиков».

Сохранить во что бы то ни стало фронт с кадетами — таков основной мотив их тактики. В этом свете понятна и та оценка, которую дал Мартынов Выборгскому воззванию:

«Как бы мы ни относились к Выборгскому воззванию, невозможно отрицать, что оно привлекло к себе внимание всей страны и даже Западной Европы. Упомянутая же прокламация (т. е. воззвание к армии и крестьянству с призывом к восстанию—*Ред.*) прошла совершенно бесследно, и никто о ней не вспомнит, покуда историк не извлечет ее из архива».

Кадетский маневр меньшевики ставили выше массового движения только потому, что он был встречен буржуазным общественным мнением дружелюбнее, чем призыв к вооруженному восстанию. Можно ли было ярче вскрыть кадетскую политику меньшевиков?

После продолжительных дебатов, в которых оппортунистическая деятельность ЦК подверглась резкой критике также и со стороны поляков, было внесено три резолюции. Резолюция поляков поручала ЦК не позже чем за 6 недель до очередного съезда, издавать и рассылать свой печатный отчет. Таким образом поляки явно уклонились от политической оценки ЦК. Их резолюция была принята единогласно.

Вторая резолюция была внесена большевиками. Перечисляя все ошибки ЦК, резолюция приходила к выводу, что деятельнось ЦК во многом не соответствовала классовым интересам пролетариата, что

«ЦК не был высшим практическим центром партии, а лишь представителем одной ее части... что ни в один момент своей годичной деятельности нынешний ЦК не выражал воли большинства партии».

Третья резолюция была внесена Бундом:

«Предлагаем через внесенные резолюции, содержащие оценку деятельности ЦК, перейти к очередным делам».

Эта резолюция, к которой присоединились латыши, была принята 143 против 91 большевистских голосов при 48 воздержавшихся поляках. Последние сделали заявление, в котором подчеркнули, что с тактической линией ЦК они не согласны, но от голосования воздерживаются, чтобы принятием резолюции в этом духе не создать лишнего источника раздоров и трений.

[1] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов, Париж, 1909 г., стр. 111.

3. Отчет думской фракции.

Съезд перешел к обсуждению отчета фракции Государственной думы, сделанного депутатом Церетели.

Оппортунистическая деятельность фракции, работавшей под непосредственным руководством ЦК, явилась лишь дополнительным доказательством кадетской политики ЦК. Естественно было ожидать, что те элементы, которые уже колебались при обсуждении первого вопроса, пойдут дальше по тому же пути. Так и случилось.

«При обсуждении отчета ЦК, — заявил Малецкий от поляков, — польская делегация была против резкой формы резолюции, осуждающей деятельность ЦК, так как она не хотела содействовать расколу партии. Мы полагаем, что отношение съезда к ЦК выразилось достаточно полно в дискуссии. С отчетом думской фракции вопрос иной. Хотя мы не во всем согласны с фракцией, но, по нашему мнению, неуместно и вредно было бы высказать ей порицание. Однако нам нельзя и одобрить фракцию, так как раз мы не согласны с ней, то не можем как люди принципа сказать обратное» [1].

Но прямо стать на точку зрения большевиков делегация все же не рискнула.

«Польская делегация, — говорил ее представитель, — согласна в общем с критикой большевиков, но она не согласна с их фракционным задором».

Поляки поэтому наряду с меньшевиками и большевиками внесли свою особую резолюцию.

Съезд решил все резолюции сдать в особую комиссию из 10 товарищей по 2 от каждой фракции. Комиссия рассматривала не каждый проект отдельно, а выделила три вопроса. Первый вопрос — включать ли в резолюцию политические директивы — собрал 6 голосов против 4.

Второй вопрос — указать ли на прошлые ошибки фракции — поступил в двух формулировках: 1) большевиков — перечислить ошибки — собрал 3 голоса против 7; 2) бундовцев — только указать факт ошибок — 5 за — 5 против.

Третий вопрос — следует ли выразить общее одобрение фракции — собрал 8 голосов против 2, причем поляки и латыши заявили, что будут голосовать за одобрение при условии внесения директив в резолюцию.

При голосовании всей комиссионной резолюции, составленной из этих трех пунктов, поляки и латыши (4) высказались за резолюцию, меньшевики и бундовцы (4) против, большевики (2) воздержались.

Съезду пришлось снова переголосовать все эти вопросы, причем 154 делегата высказались против включения директив, 145 за и 1 воздержался.

Большевики потерпели поражение, как выяснилось позже, за счет голосов части латышей. На заседании большевистской фракции Ленин, оценивая создавшееся положение, говорил:

«Либо это последние остатки примиренчества, т. е. отсрочка главного боя до того момента, когда будут разбираться принципиальные вопросы, либо же это начало принципиальности, т. е. окончательный переход голосовавших против включения директив латышей к меньшевикам» [2].

---

[1] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов, Париж, 1909 г., стр. 238.

[2] Д. Л е щ е н к о, Лондонский съезд РСДРП. Итоги Лондонского съезда РСДРП. Сб. статей, 1907 г.

Верным оказалось первое предположение: для латышей это было последним проявлением их колебания. На следующем заседании представитель латышей внес следующее предложение:

«Предлагаю все резолюции о думской фракции отложить до обсуждения вопросов о буржуазных партиях и Государственной думы».

Мотивируя это предложение, представитель латышей заявил, что часть делегации голосовала против включения директив, так как до обсуждения принципиальных вопросов эти директивы ей казались неясными.

Создался чрезвычайно критический момент. Меньшевики и бундовцы, понимая, что перерешение вопроса может дать победу большевикам, выступили с резкими протестами против постановки вопроса на голосование. При поименном голосовании 149 делегатов высказались за допустимость постановки вопроса, 148 против, 1 воздержался. Повторное голосование дало 150 за, 147 против, воздержавшихся 2. При голосовании на следующем заседании самого предложения латышей — отсрочить резолюцию — 149 высказалось за, 144 против, воздержалось 5, а при вторичном голосовании 149 за, 144 против, воздержалось 3. Это голосование создало перелом в работах съезда, после него преобладание на съезде перешло к большевикам, резолюции которых стали получать большинство.

Прежде чем переходить к вопросу об отношении к непролетарским партиям, отметим здесь позицию Троцкого. И в этом вопросе он вздумал занять промежуточную позицию. Критикуя меньшевистскую фракцию, он тем не менее обрушился и на большевиков:

«Этой неоформленной тактике меньшевиков, — говорил Троцкий на съезде, — опекающих историю, противостоит конкурирующая тактика большевиков, и я должен сказать — не из каких-либо соображений «политики центра», а по чистой совести и искреннему убеждению, — что тактика большевиков слишком часто страдает пороком чисто формального ригоризма и «интрасижантизма», она слишком часто является голой антитезой тактике меньшевиков, лишена революционной инициативы и творчества и замыкается в якобы революционное неделание и нехождение. Это не политический, а формальный революционизм» [1].

Чтобы подчеркнуть недостаточную выдержанность думской фракции, съезд принял еще две дополнительных резолюции. Одну, по предложению бундовцев, «о национальном вопросе в связи с деятельностью с.-д. думской фракции», в которой подчеркнул недостаточно внимательное отношение фракции к национальному вопросу и предложил ей впредь «стать на должную высоту». Вторую — по предложению поляков — о польской партии, «народной демократии», той самой, с которой думская фракция совещалась о выборе президиума. Указав на контрреволюционную суть этой партии, съезд предложил фракции «неутомимо и беспощадно разоблачать контрреволюционную, черносотенную физиономию и деятельность национал-демократов», чем, по существу, осудил поведение фракции.

4. Отношение к непролетарским партиям.

Основным вопросом на съезде был несомненно вопрос об отношении к непролетарским партиям. Прежде всего это был единственный принципиаль-

[1] Д. Лещенко, Лондонский съезд РСДРП, стр. 201.

ный, теоретический вопрос, который большевикам удалось включить в порядок дня съезда. Таким образом только при обсуждении этого вопроса можно было дать общую установку партии, общие директивы. Во-вторых, эта дискуссия подводила итог двухлетней борьбе двух тактик в вопросе о том, с кем итти в революции: вместе ли с крестьянством, при руководящей роли пролетариата, для доведения буржуазно-демократической революции до конца или оставив пролетариату роль «крайней оппозиции»? По этому вопросу было 4 докладчика, в прениях выступили самые видные теоретики и руководители российской социал-демократии, причем Роза Люксембург и Тышко полностью стали на точку зрения большевиков; в основном их точку зрения поддержал, как отметил Ленин, и Троцкий. На съезде, однако, было вынесено не две резолюции, как предполагалось по ходу прений, а три: большевистская, меньшевистская и польская.

Поляки и большевики сошлись в резолюции по всем основным вопросам. Обе резолюции резко подчеркнули два основных момента:

«1) классовое обособление пролетариата от всех остальных партий во имя его социалистических задач, как бы ни были революционны и даже республикански решительны эти остальные партии; 2) соединение с трудовыми партиями против самодержавия и против предательского либерализма» [1].

Разошлись они только в вопросе о том, давать ли подробную социальную характеристику отдельным группам непролетарских партий, как это предлагали большевики.

В комиссии съезда большевистская резолюция получила 7 голосов за и 7 против, меньшевистская — 4 за, 10 против. При переголосовании большевистской и польской резолюций первая собрала 7 за, 7 против, а вторая — 7 за, 6 против, 1 воздержался; последняя резолюция и была принята за основу. Бундовцы предложили поправку:

«В случае крайней необходимости для борьбы с черносотенной опасностью допускаются технические соглашения с кадетами».

Поправка была принята 8 голосами против 7. Эта уступка, позволявшая меньшевикам под видом технических соглашений протаскивать блоки с кадетами (предложил же Плеханов кадетам, как «техническое» соглашение, лозунг «полновластной Думы»), заставила Ленина отказаться от принятия всей резолюции в комиссии и вынести вопрос на съезд.

На съезде Тышко от имени поляков заявил, что польская делегация снимает свою резолюцию и

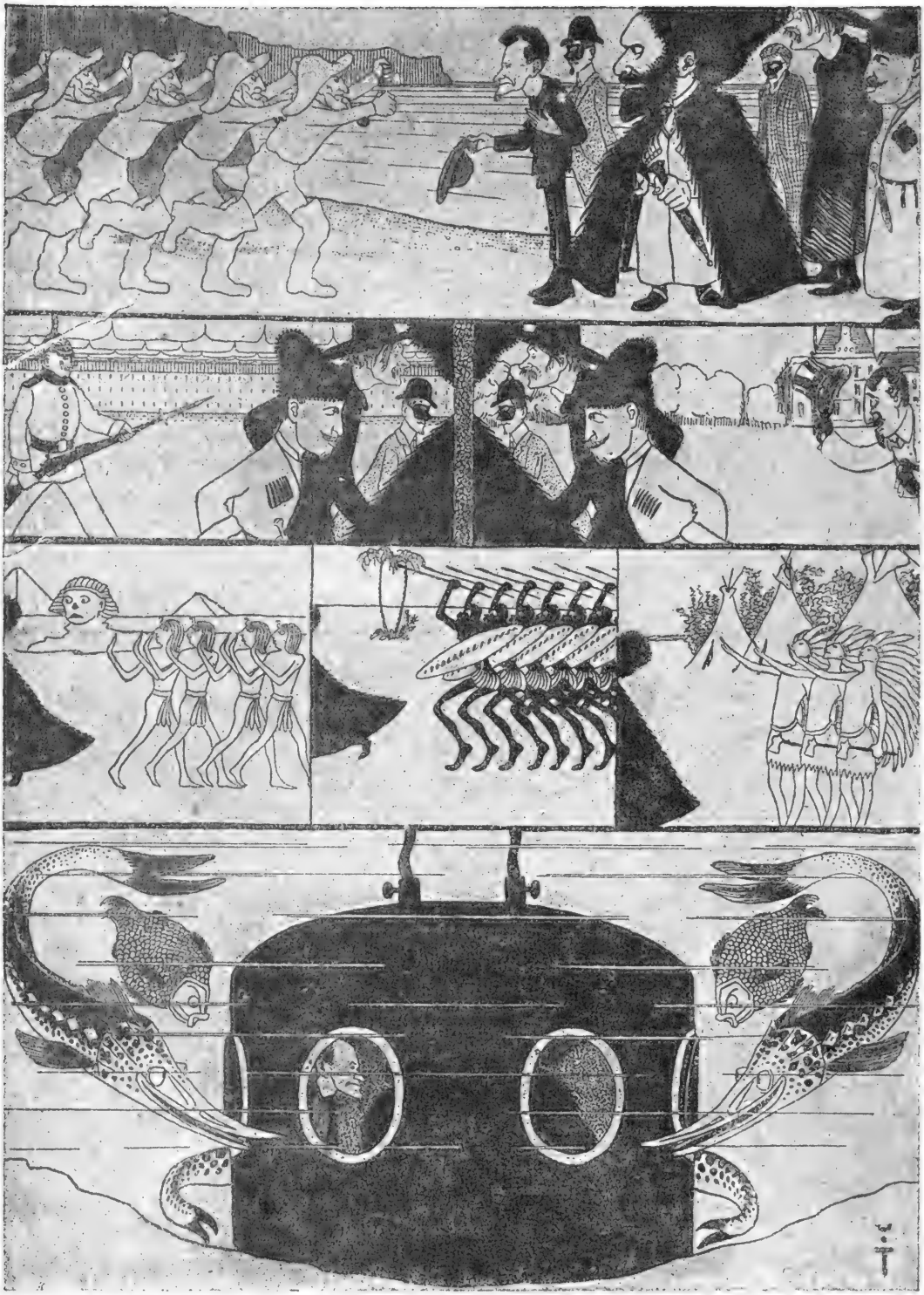
«поможет теперь провести большевистскую резолюцию, несмотря на крупные ее недостатки, так как с основными ее положениями поляки согласны».

При голосовании за принятие в основу большевистской резолюции высказалось 163, 122 против, воздержалось 8.

Меньшевики вместе с бундовцами в дальнейшей дискуссии пытались поправками — всего около 70 — проташить каким-либо образом идею

---

[1] Ленин, Соч., т. X[1] стр. 271.



Мытарства членов с.-д. съезда.

«Ехать — так ехать! —сказали русские социал-демократы, когда их гнали из Швеции в Норвегию, из Норвегии в Данию и т. д.».

допустимости блоков с кадетами, но встречали дружное сопротивление революционной социал-демократии. По основному вопросу съезда, определяющему всю дальнейшую тактику партии, была таким образом принята большевистская резолюция.

Это собственно предопределило и всю дальнейшую работу съезда, который принимал остальные резолюции почти без прений. По вопросу об аксельродовской идее «рабочего съезда» была принята 165 голосами против 94 при 21 воздержавшемся большевистская резолюция, последним пунктом которой фактически прекращалась агитация за «рабочий съезд». Рекомендуя всемерное усиление работы по организации профсоюзов, участие партии в беспартийных советах рабочих уполномоченных, в советах рабочих депутатов и т. п.,

«при условии строго партийной постановки этого дела в целях развития и укрепления социал-демократической рабочей партии»,

съезд вместе с тем заявил:

«Агитация за беспартийный рабочий съезд, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с социал-демократическим влиянием на рабочие массы, вредна для классового развития пролетариата».

Далее съезд 157 голосами против 110 при 11 воздержавшихся принял большевистскую резолюцию о Государственной думе. Резолюция состояла из 4 пунктов. В первом подчеркивалась непригодность Думы, как средства для осуществления интересов широких масс рабочих и крестьянства, и невозможность осуществления политических свобод парламентским путем, пока реальная власть находится в руках царского правительства. Второй пункт указывал на необходимость критической, пропагандистской, агитационной и т. п. деятельности думской фракции; особо в этом пункте подчеркивалось подчинение думской деятельности в недумской борьбе пролетариата. В третьем пункте отмечалась необходимость борьбы не только с самодержавием, но и с предательской политикой буржуазного либерализма. Четвертым пунктом съезд отверг имевшуюся в декларации фракции идею подчинения исполнительной власти, данной Думе.

Как видим, резолюция о Государственной думе не только давала оценку Думе, но и наметила целый ряд директив для думской фракции, что делало излишним принятие особой резолюции о думской фракции. Именно поэтому, несмотря на всю предыдущую борьбу вокруг отчета думской фракции, съезд теперь ограничился краткой резолюцией, в которой отметил, что фракция «в общем и целом стояла на страже интересов пролетариата и революции», и выразил уверенность,

«что фракция и впредь будет служить делу российского пролетариата в с о г л а с и и и с д и р е к т и в а м и с ъ е з д а и п о д р у к о в о д с т в о м ЦК».

В подчеркнутых словах съезд таким образом указывал, что вся дальнейшая деятельность фракции должна быть подчинена директивам съезда, изложенным в соответствующих решениях.

5. Военно-боевая работа.

Дальше съезд принял резолюцию о партизанских выступлениях. Что представляла собой военно-боевая работа в периоде между IV и V съездами? Проводившаяся большевиками военная и боевая работа встречала прямое противодействие ЦК. Прекрасной иллюстрацией, подтверждавшей правильность работы большевиков в военных и боевых организациях, явилось Свеаборгское восстание. Это восстание было гораздо более организованным, чем Кронштадтское, вспыхнувшее в октябре 1905 г. Объяснением может служить большая предварительная работа, проделанная военными организациями революционных партий в среде Свеаборгского гарнизона. Достаточно отметить, что помимо митингов, явок, бесед с матросами и солдатами за первые шесть месяцев 1906 года в Кронштадте было распространено 12 тыс. брошюр, 24 тыс. экз. газеты «Казарма» и 10 тыс. экз. разных листовок и прокламаций. Десятки тысяч революционных военных воззваний, газет и т. п. распространялись за этот же промежуток времени и в Финляндии. До октября 1906 года финляндская военная организация распространила свыше 200 тыс. прокламаций и 9 номеров газеты «Казарма» в количестве 13 500 экз. Какой силы достигло влияние военно-революционных организаций социал-демократов и эсеров в войсковых частях Кронштадта, Гельсингфорса и Свеаборга, видно из ряда сообщений, поступавших с разных сторон. В своем докладе от 11 июня (29 мая) на имя директора департамента полиции полковник Герасимов сообщал:

«... Из последнего отчета о пропаганде в войсках Кронштадтского гарнизона видно, что революционная пропаганда в войсках идет настолько успешно, что 50% из числа военных нижних чинов признаются «сознательными», т. е. революционерами. В экипажах процент сознательных матросов доходит до 80... Все митинги проводятся в критике правительства по отношению к Государственной думе и необходимости поддерживать оружием требования последней... По словам сознательных матросов революционное настроение настолько повышено, что они не дождутся момента конфликта Думы с правительством» [1].

Ту же картину рисует и товарищ министра внутренних дел Макаров в письме от 29 (16) июня военному министру Редигеру:

«По полученным в департаменте полиции из секретных источников сведениям, в Финляндии во всех стрелковых полках настроение нижних чинов настолько приподнятое, что достаточно самого незначительного повода к возникновению в местных воинских частях волнений» [2].

То же, примерно, положение наблюдалось среди матросов Балтийского флота и среди гарнизона Свеаборга.

Восстание назревало, и в этом отдавали себе достаточно ясный отчет большевистские военные организации Петербурга и Финляндии.

Финляндская военная организация немедленно начала практическую работу, подготовляясь к непосредственному восстанию. По инициативе цен-

---

[1] Сборн. «1905 г.» — Армия в первой революции, стр. 35—36.

[2] Там же.

тральной группы Финляндской военной организации в конце июня организовался военно-боевой центр. В него входили представители центральной группы финляндской красной гвардии и специалисты — члены ФВО во главе с подпоручиком Емельяновым. Была выделена разведочная комиссия, на которую возлагалось изучение условий, при которых будет протекать восстание.

За несколько дней до восстания состоялось совещание, на котором участвовали также эсеры. Было решено, чтобы Кронштадт и Свеаборг выступили совместно. Принятое решение было передано в Ревель, где тогда стояла эскадра.

Планы социал-демократов и эсеров резко разнились между собой. Социал-демократы намеревались приурочить восстание в войсках к кульминационному моменту массового активного революционного движения в стране, тем самым поставив правительство в затруднительное положение при обороне на два фронта. Поэтому восстание ни в коем случае не следовало форсировать. Эсеры рассматривали восстание скорее как авантюру, которая, по их мнению, должна была вызвать революционные отклики и восстание в стране. Именно этими принципиальными различиями и объясняется отказ социал-демократов от предложенного эсеровской организацией соглашения для совместных действий. По предложению социал-демократов была создана комиссия информационного характера, которая должна была согласовать действия обеих организаций в момент восстания.

Горючего материала, однако, в войсках оказалось так много, что события вспыхнули вне всяких предположений и планов. 29 (16) июля в минной роте начались волнения, и на следующий день она отказалась выйти на занятия. Рота была тотчас же арестована. Весь гарнизон пришел в возбуждение. В 12 часов ночи артиллеристы с Лагерного острова перебрались на Михайловский, разобрав винтовки и захватив орудия. Восстание началось. Немедленно же вся солдатская организация во главе с членами социал-демократической военной организации — подпоручиками Емельяновым и Коханским — стала во главе восставших. Подпоручик Емельянов спешно пробрался в Гельсингфорс и известил ЦК о событиях в Свеаборге. Гельсингфорс для поддержки восстания направил отряд в 200 чел. финской красной гвардии. Центральная группа военной организации Финляндии мобилизовала все силы для поддержки восстания. Была выпущена прокламация, приведена в боевое состояние и открыла свои действия красная гвардия в Гельсингфорсе. В городе началась забастовка. Сейчас же была поставлена на ноги и военно-революционная организация, работавшая в Кронштадте. Выступление Кронштадтского гарнизона должно было поддержать свеаборжцев. В свою очередь Петербургская большевистская военная организация приняла необходимые меры. Комитет организации 1 августа (19 июля) командировал в Кронштадт для организации и поддержки восстания А. П. Малоземова и Ф. В. Гусарова.

Начавшееся восстание, однако, уже с первого момента своего возникновения было осуждено на провал. В тот момент в стране отсутствовала соответствующая революционная ситуация. Петербургский пролетариат еще не успел оправиться после предшествовавших поражений. Оторванность Свеаборгского восстания от Кронштадта и флота также сыграла известную роль.

КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ 19—20 ИЮЛЯ 1906 г.

Короточкин

Кукарцев

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ, ПОСЛУЖИВШЕГО СИГНАЛОМ К ВОССТАНИЮ.

«Солдаты и матросы!

Правительство царским указом распустило Государственную думу...

Мы, законные представители от крестьян и рабочих, объявляем: без Государственной думы правительство незаконно...

Ваша священная обязанность освободить русский народ от изменнического правительства...

В этой борьбе избранники народа будут с вами.

Смелее же, за родину, за народ, за землю и волю против преступного правительства!

Соединенный комитет трудовой группы и социал-демократической фракции Государственной думы.

12 июля 1906 г.

...Восстание в Свеаборге и Кронштадте есть великое знамение времени. Здесь впервые матросы и солдаты дали настоящее сражение врагам народа и с бою овладели на момент первоклассной крепостью.

Это заря новой жизни армии, начало возрождения солдата. С этого дня русский солдат может с гордостью сказать: я умею умирать не только как послушный, верный раб начальства, но и как сознательный, верный друг народа.

Из прокламации
ЦК РСДРП
«Свеаборг и Кронштадт».

КАЗНЕНЫ

за участие в восстании:

20 июля 1906 г.

Солдаты минной роты

1. Алексеев, М.
2. Пурвин. О.
3. Козаков, В.
4. Бакланов, И.
5. Мозеров, М.
6. Якущев, А.
7. Вассел, М.

7 августа 1906 г.

Штатские

1. Мартчянц, А.
2. Конаков, П.
3. Иванов, К.

Солдаты минной роты

1. Герасимов, Т.
2. Дорощенков, Т.
3. Виноградов, П.
4. Рюмаев, Н.
5. Сильченков, Ф.
6. Теканов, Я.
7. Филиппов, М.

21 сентяб. 1906 г.

Матросы

1. Карагодов, И.
2. Красненков, И.
3. Москаев, И.
4. Севастьянов, М.
5. Короточкин, Р.
6. Кукарцев, А.
7. Востриков, М.
8. Ковальчук, Ф.
9. Комарницкий, Н.
10. Юров, С.
11. Лящук, Е.
12. Голованов, Ф.
13. Кузнецов, А.
14. Лисицкий, Е.
15. Глебко, Т.
16. Крашенинников, П.
17. Зендриков, С.
18. Новожилов, П.
19. Никитин, Д.

ПРИГОВОР

по Кронштадтскому восстанию по трем процессам:

Казнено	36 ч.
На каторгу без срока	12 »
На каторгу до 20 лет	104 »
Арестантск. роты и тюрьмы . . .	562 »
К ссылке в Сибирь	1 »
Всего осуждено	715 ч.

2 ОКТЯБРЯ 1906 г.

В Кронштадте и Петербурге благодаря провокации был арестован весь состав боевой организации при объединенном комитете Кронштадтской военно-революционной организации; пять человек из их числа преданы военно-полевому суду по обвинению в подготовке покушения на жизнь коменданта крепости графа Адлерберга и председателя временного военного суда Томашевича и организации побега заключенным по делу о Кронштадтском восстании.

Все пять расстреляны. 14 октября 1905 г. на форте № 6

1. Тубелевич, Л. А.
2. Мамаева, А. (курсистка).
3. Венедиктова, А. (курсистка).
4. Власов (канонир крепостн. артил.).
5. Ипатов (рядовой крепостн. батальона).

Не даром пролита ваша кровь, незабвенные товарищи! Ею подмыты устои самодержавного трона.

Из одной прокламации.

Правительство со своей стороны достаточно быстро приняло энергичные меры. Был выслан 1-й Финляндский полк, две пулеметных роты, артиллерия, охранительный поезд. По соглашению с морским министром вышла к Свеаборгу целая эскадра военных кораблей. Свеаборжцы героически сопротивлялись. Лишь 2 августа (20 июля) под огнем эскадры, в бою с высаживавшимися частями 1-го Финляндского полка, сопротивление стало ослабевать. Только в тот момент, когда положение стало совершенно безнадежным, восставшие сдались и над Михайловским островом взвился белый флаг.

В ночь на 2 августа (20 июля), когда в Свеаборге уже началась расправа, восстал Кронштадт. Надо отметить, что почти весь гарнизон Кронштадта, в том числе и суда, стоявшие на Кронштадтском рейде, находились под влиянием военно-революционной организации. Соответствующие ячейки были организованы во всех ротах пехоты, в минной и саперно-инженерной и учебной командах и на ряде крейсеров: «Александр II», «Громобой» и др. Тем не менее восстание было быстро подавлено. В быстром подавлении восстания сыграли важную роль два обстоятельства. Прежде всего до 3 тыс. революционно настроенных матросов, составлявших значительную часть гарнизона, были еще заранее обезоружены. Хорошо вооруженный и многочисленный Енисейский полк остался в то же время в стороне от революционной пропаганды и находился под сильным влиянием черносотенного офицерства.

На долю социал-демократов, во главе с военными организаторами, выпала задача поднять крепостную пехоту, где ими давно уже велась самостоятельная работа и где они насчитывали до 2 тыс. распропагандированных солдат.

Намеченный план восстания, однако, сразу был сорван. Енисейцы, после соответствующей обработки их офицерами, оказались на стороне контрреволюции. Безоружные матросы должны были пядь за пядью отступать, теснимые енисейцами и двумя батальонами Финляндского полка. В результате к 10 часам утра 2 августа (20 июля) Кронштадтское восстание было также разгромлено.

В ночь с 1 на 2 августа началось глухое брожение и во флоте. Восстание однако на некоторое время охватило лишь крейсер «Память Азова». Другие суда это восстание не поддержали, и часть команды крейсера подавила начавшийся мятеж. Таким образом ряд условий повлек за собою быструю ликвидацию этих восстаний. Прежде всего большую роль сыграла их разрозненность, затем пролетариат, ослабленный предшествовавшими боями, не смог и не успел притти на помощь. Наконец, вспыхнув летом, эти восстания не встретили соответствующей поддержки революционного крестьянства.

Одержав победу над этой последней вспышкой революционного движения, реакция с особым рвением принялась за военно-революционные организации. По указаниям охранки в ночь на 3 августа (21 июля), после состоявшейся местной военной конференции, был разгромлен центр военной организации Петербурга. Арестовано было 26 человек. Члены комитета Гусаров и Малоземов были захвачены еще во время восстания в Кронштадте. В сентябре месяце охранка взялась и за ликвидацию Кронштадтского военно-революционного комитета РСДРП. 19 (6) сентября арестовываются 8 членов комитета,

15 (2) октября 1906 г. в Кронштадте были захвачены 52 человека — весь состав боевой эсеровской организации, боевой дружины и военной организации. Последствия не замедлили сказаться. На известное время замирает работа военных организаций всего Петербургского округа. Наблюдается полное ослабление революционной работы среди Кронштадтского гарнизона, уменьшается активность Финляндской военной организации РСДРП.

Это положение длилось, однако, не особенно долго. Слишком прочны были связи, слишком велики были доверие и тяга к военным организациям со стороны войск. Кроме того в Петербурге остались на свободе отдельные руководители организации, в том числе и секретарь ее П. И. Лалаянц («Мышь»). К августу — сентябрю 1906 г. деятельность организации возобновилась. Был вовлечен ряд новых членов, и работа начала проводиться достаточно энергично.

К сентябрю во главе большевистской Петербургской организации стоял новый городской комитет. При нем были организованы «собрание агитаторов и пропагандистов», которое занималось пропагандой среди войск, — «литературная комиссия», издававшая агитационную литературу, и «техническая часть», эту литературу распространявшая. «Явочная часть» и ведение отчетности были возложены на секретарей как всей организации, так и районной. Непосредственная работа по революционной пропаганде в войсках сосредоточивалась в районах и подрайонах, причем в состав работников военной организации входили: организатор, секретарь и пропагандисты [1]. Таких районов в Петербурге и его окрестностях было пять: первый и второй Городские, Выборгский, Петербургский и Окружной. В самом непродолжительном времени завязались связи с большим количеством полков разных родов оружия, с юнкерами артиллерийских и местных училищ и т. д. В состав общегородского военного комитета, руководившего всей работой, входили: И. Х. Лалаянц, Н. И. Кринке, Б. А. Воробьев, Г. Селицкий (Борис Сергиевский), Н. Ф. Насимович (Чужак), В. Ю. Фридолин (Карп Малахов, «Варенька»), А. Хренников («Сергей»), В. Мещеряков. Секретарем комитета была П. И. Лалаянц («Мышь»), а после нее Н. И. Плюснина [2].

Начала вестись в больших размерах печатная пропаганда. Помимо газеты «Казарма» и других военной организацией в больших количествах распространялись отдельные брошюры и листовки.

К августу 1906 г. вновь чрезвычайно остро дала себя знать потребность в объединении работ. Отношение меньшевиков к работе среди войск на протяжении этого времени эволюционировало настолько далеко, что меньшевистский ЦК стал прямо тормозить развертывавшуюся работу. Диаметрально противоположные взгляды на октябрьско-декабрьские события 1905 г., разъединявшие партию, в особенности по вопросу о вооруженном восстании, необходимо было точно формулировать. Одними резолюциями удовлетвориться было невозможно. Следовало совместно формулировать свой собственный взгляд на события и обосновать причины критического отношения к взглядам и дей-

[1] М. И. Ахун и В. А. Петров, Большевики и армия в 1905 —1917 гг., стр. 77—78.

[2] Там же, стр. 84.

ствиям меньшевиков. В то же время, в условиях наступавшей реакции, необходимо было наметить план дальнейших действий военных организаций партии.

Созыв конференции таким образом требовал большой предварительной и подготовительной работы. За нее, естественно, должна была взяться наиболее крепкая, связанная с рядом местных организаций, Петербургская «военка». Эта подготовительная работа начинается уже с августа — сентября 1906 г. Вырабатывается повестка работ конференции, завязываются сношения с рядом провинциальных комитетов. Наконец выделяется организационное бюро, которое должно было ведать всеми связанными с конференцией вопросами. В это бюро входили: секретарь бюро — член комитета Петербургской большевистской военной организации И. Х. Лалаянц, от Финляндской — М. А. Трилиссер (Мурский) и от Московской — Д. Д. Гиммер (Грива). В бюро входил также член боевой коллегии при Петербургском комитете партии Викторов. Вскоре прибыл из Москвы и вошел в бюро Ем. Ярославский. С самого же начала организационной работы вокруг нее развернулась сильная фракционная борьба. Меньшевистский ЦК ставил прямые помехи созыву конференции. К тому времени всякая организационная подготовка восстания рассматривалась меньшевиками как авантюризм и заговорщичество. Ожесточеннейшее сопротивление со стороны меньшевиков вызывал в особенности вопрос об объединении деятельности военных и боевых организаций. Если меньшевики логикой событий вынуждены были все же в вопросе о военных организациях плестись, то и дело задумываясь и упираясь, за большевиками, то одно упоминание о боевых организациях делало их совершенно непримиримыми. В результате ЦК разразился «циркуляром», перепечатанным в «Народной думе», где объявил «недопустимыми какие бы то ни было формы объединения боевых организаций». Уже одно наличие такого рода организации казалось ЦК страшным «жупелом», способным спровоцировать восстание.

Предвидя неминуемость созыва конференции, ЦК попытался вырвать инициативу из рук Петербургского комитета. ЦК предпринял ряд «революционных» шагов и разослал местным организациям приглашения на конференцию военных организаций РСДРП. Местом созыва конференции были назначены Териоки. Конференция, однако, почти не вызвала интереса у мест. На нее явилось лишь 8 работников-меньшевиков от небольших групп и организаций, существовавших параллельно большевистским в городах: Севастополе, Петербурге, Варшаве, Вильне, Лодзи, Киеве, Екатеринославе, Одессе. Крупнейшие военные организации партии — Петербургская, Финляндская, Кронштадтская, Московская, все входившие в состав Центрального областного района, большевистская Севастопольская и т. д.,— на конференцию делегатов прислать отказались. Объясняется это отказом ЦК пригласить на конференцию представителей существовавших боевых организаций. Прилагая копию своего отношения по этому вопросу в ЦК, Петербургский комитет обратился к конференции с письмом, в котором сообщал, что им, по собственной инициативе, через три недели созывается новая широкая конференция. В этом письме выражалось желание привлечь к участию в работах конференции и членов Териокской [1].

---

[1] М. И. Ахун и В. А. Петров, Большевики и армия 1905—1917 гг., стр. 89.

ВОЕННЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП 1906 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКОВСКОГО, ПЕТЕРБУРГСКОГО, ВИЛЕНСКОГО И ВАРШАВСКОГО ОКРУГОВ В МАРТЕ 1906 г. В МОСКВЕ.

Конференция, не успев приступить к работе, была арестована.

Саммер И. А. (от ЦК)

Землячка (Залкинд)

Антонов-Овсеенко (Дольницкий) Варшавский окр.

Вельтман-Павлович М. (Петербург)

Ярославский (Москва) после ареста бежал.

Брук Р. С. Усть-Двинская крепость.

Адамов В. П.

ПОРЯДОК ДНЯ

1) Отчеты о работе на местах.
2) О постановке работы.
3) Организация общая и местная.
4) Военная литература.
5) Органы местные и центральные.
6) О постановке работы среди офицеров.
7) Взаимоотношение с центром и местными организациями.
8) Взаимоотношения с другими военными организациями.

КРОМЕ ТОГО НА КОНФЕРЕНЦИИ БЫЛИ:

1) «Музыкант» («Томилин») — организатор латышской боев. дружины.
2) Дрейер Серг. Руд. от Москвы.
3) Костин (Верин, Кобрин) »
4) Шапиро («Ватный») от Петербурга.
5) Клопов И. Н., капитан Троицкого полка в Вильно, большевик.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ И БОЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП (БОЛЬШЕВИСТСКАЯ) В ТАММЕРФОРСЕ 16/XI 1906 г.—22/XI 1906 г.

Организационное бюро конференции

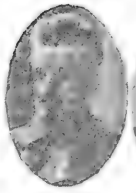
Лалаянц И. Х. (Изаров) от Петербург. воен. окр.

Трилиссер М. А. (Мурмский) Финляндия

Ярославский-Ильян Москва

Гиммер Д. Д. (Грива) Москва

Участники конференции.



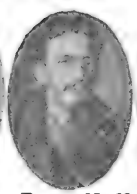
Костицын В. С. (Семенков)

Гражан (Гвоздев)

Каденцев (Гвоздев)

Кадомаев Э. С.

Землячка



Лядов М. Н.

Саммер И. Л.

Чужак-Насимович (Иностранцев)

ПОРЯДОК ДНЯ

1) Отчет организац. бюро
2) Отчеты делегатов:
3) О бывших попытках вооруженных восстаний.
4) Оценка момента.
5) Роль военных и боевых орг. в вооруженном восстании.
6) Задачи военных и боевых орг.
7) Об отнош. к воен. и боев. организац. других партий и беспартийн.
8) О работе среди офицеров.
9) О создании военно-боевых центров в связи с организац. вооруж. восстаний.
10) Об отнош. военно-боевых орган. к общепролетарским.
11) Доклад партийному съезду.
12) Об основе представительства на съезде.
13) О центр. органе и литературе
14) Об отнош. к конф. военных орган., созванной ЦК.
15) Выборы.
16) О партийных выступлениях.
17) Об экспроприациях.

Всего на конференции было представлено 11 военных и 8 боевых организаций. Участников с решающим голосом 19, с совещательным 9.

Совершенно понятно, что эта «маленькая» Териокская конференция ни в какой степени не могла удовлетворить запросы и потребности мест. Ни один из вопросов на этой конференции не был достаточно широко поставлен и по-революционному разрешен. Помимо всего, решения конференции, объединявшей немногочисленные и не игравшие решающей роли в движении военные организации, не были в достаточной степени авторитетными. Петербургский комитет продолжал работу, и вторая конференция была созвана в ноябре в Петербурге. В отличие от Териокской на этой конференции приняли широкое участие и представители большевистских боевых организаций. Приглашенный официальный представитель ЦК на конференцию не прибыл. К самому моменту созыва конференции недовольство ЦК дошло до того, что он прямо запретил местам принимать участие в ее работах. Но вопрос об объединении, об анализе всего предшествовавшего периода и дальнейших перспективах движения стоял настолько остро, что это обращение ЦК осталось совершенно без отклика. Все руководящие военные организации приняли участие в конференции. На ней были представлены: Воронежская (Алиев), Казанская — Кузьма (Лосев И. П.), Кронштадтская — Аллина (Ида Сармус), Калужская — Ольгина (Гончарова Д. К.), Либавская — Кириллов, Московская — Грива (Гиммер, Д. Д.), Нижегородская — Викторов (Урысон), Петербургская — Изаров (Лалаянц И. Х. — «Инсаров»), Рижская — Петр 1-й, Севастопольская — Алексеев (Бустрем), Финляндская — Мурский (Трилиссер М. А.); своих представителей прислали следующие боевые организации: Московская — Семенов (В. С. Костицын), Петербургская — Азров (Шкляев), Саратовская — Степницкий (Степняк), Уральская 1 — Фивейский (Локацков Ф. И.), Уральская 2 — Уралов (Кадомцев И. С.). От южно-технического бюро явился Альбин — единственный меньшевик на конференции. От Финляндской революционной социал-демократической военной организации явился Леонен (Лауке). Даже техническое бюро при «запрещавшем» ЦК прислало своего делегата — Гвоздева (Грожан), между прочим сообщившего конференции, что вообще ЦК не уделяет никакого внимания вопросам технической подготовки.

Кроме упомянутых с совещательными голосами присутствовали: от Московского комитета — Ильян (Ем. Ярославский); Петербургского комитета — З. (Землячка Р. С.); южно-технического бюро — Гладков; 3-й Уральской организации — Петр 2-й (Кадомцев Е. С.) и докладчики от Оргбюро иностранцев (Чужак), Львицкий (Лядов М. Н.), Варин (Фридолин В. Ю.) и Победов. В качестве «гостя» в работах конференции принимал участие большевистский член ЦК — Остапченко (Саммер И. А.). Неофициально представляя большевистский центр, Саммер привез от Ленина письмо, носившее как бы частный характер. В этом письме участники конференции предостерегались от увлечения боевыми крайностями. Ленин подчеркивал необходимость марксистской выдержанности в работах конференции [1].

---

[1] М. Маршанская, Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, «Пролетарская революция» № 4 за 1924 г., стр. 84—86.

Вообще Ленин относился к работам конференции с большим интересом, так как предстоявшая деятельность, особенно литературно-издательская, была достаточно широка. Еще летом 1906 г. для переговоров по вопросу о характере и перспективах конференции Красин вызывал Чужака. Ленин всем этим планам придавал большое значение, обещая свое полное содействие.

Открытие «первой конференции военных и боевых организаций РСДРП» состоялось 29 (16) ноября 1906 г. в Таммерфорсе. Всего на конференции принимало участие 28 чел. На протяжении недели до 5 декабря (22 ноября) состоялось 13 заседаний. К сожалению, невозможно полностью восстановить все дебаты и отчеты участников, так как в протоколах, изданных в 1907 г., по конспиративным соображениям выпущены все материалы боевых организаций. Помещены только общий доклад Семенова «О вооруженном восстании в Москве» и «Доклад о постановке работы в Москве».

Повестка работ конференции включала следующие вопросы: 1. Отчет организационного бюро. 2. Отчеты делегатов. 3. О бывших попытках вооруженного восстания. 4. Оценка момента. 5. Вероятный характер будущего восстания. 6. Задачи военной и боевой организации. 7. Характер работы военной организации. 8. Об отношении к военным и боевым организациям других партий и партийным [1]. 9. О создании военно-боевых центров, в связи с организацией вооруженного восстания. 10. Об отношении военно-боевых организаций к общепролетарским. 11. Доклад съезду. 12. Об основе представительства. 13. О центральном органе и литературе. 14. Об отношении к первой конференции военных организаций. 15. Выборы.

Чрезвычайный интерес вызывают доклады с мест. Они подытоживают опыт и вскрывают предшествующую деятельность военных организаций. Этим самым давалась возможность наметить основные линии предстоявшей работы.

Работа конференции протекала не без прений, вызывавших оживленный обмен мнениями и споры. Тем не менее на всех резолюциях конференции лежит печать выдержанности: каждый вопрос внимательно изучался и из него делали соответствующие практические выводы, в общем охватывавшие и освещавшие все важнейшие стороны военно-боевой работы партии. В резолюции о задачах военных организаций конференция указала, что на очереди дня стоят: а) создание прочных организационных партийных ячеек социал-демократов в каждой единице войсковых частей, б) организация в окружных и через них всех революционных элементов армии для активной поддержки народных требований открытого перехода на сторону восставшего народа, в) полное согласование своей деятельности с деятельностью общепролетарских и боевых организаций, взаимная их поддержка и подчинение всей работы в целом общеполитическим задачам переживаемого нами момента и политическому руководству общепролетарских организаций.

По самому спорному вопросу с меньшевиками о задачах боевых организаций конференция признала, что их главной обязанностью является распространение правильного понимания вооруженного восстания. Большой интерес представляет резолюция конференции о работе среди офицеров, являю-

[1] Очевидная ошибка. Имеются в виду организации беспартийные.

щейся прямой противоположностью аналогичной резолюции, принятой Териокской конференцией. Большевистская резолюция отмечает классовый состав офицерства, его роль во всей буржуазной революции и недопустимость самостоятельной социал-демократической организации среди офицерства [1].

Ленин в общем одобрил работу конференции. По ее окончании все материалы были ему доставлены. Вот что сообщает по этому поводу Чужак, отправившийся к Ленину.

«Владимир Ильич с интересом раза два при мне пробежал резолюции, выслушал подробный отчет о конференции, много расспрашивал и — помнится — отнесся к нашей работе вполне одобрительно» [2].

Чрезвычайный интерес представляет статья Ленина, посвященная ноябрьской военно-боевой большевистской конференции. Сравнивая некоторые резолюции, в частности резолюцию о работе среди офицеров двух конференций меньшевистской и большевистской, он констатирует:

«У меньшевиков ни слова ни о классовом составе офицерства, ни об его роли во всей буржуазной революции. У большевиков во главу угла поставлена оценка того и другого. Это раз. У меньшевиков голая техника, ибо все доказательства «важности» работы среди офицеров, сведенные исключительно к тому, что работа среди офицеров «может облегчить» нашу работу в войсках (квартиры давать? Легальное прикрытие составлять?) и затем может дать технических руководителей. У большевиков технике отведено подчиненное место, как услугам «отдельных офицеров», а на первый план выдвинуто доказательство того, что «самостоятельной социал-демократической организации» среди офицерства рабочая партия строить не может. Это два. У меньшевиков мещанская работа мысли, боящаяся указать классовую связь офицерства с буржуазией, дополняется робостью вывода: «по возможности превратить в сознательных сторонников с.-д. партии». У большевиков открытая пролетарская оценка реакционного в целом слоя привлекла к решительному выводу: оппозиционных офицеров использовать «для осведомления», а «отдельных членов» привлекать в наши партийные военные и боевые организации. Это три. Спрашивается, как не назвать после этого кумушкиной сплетней меньшевистские толки о преувеличении «техники» большевиками вообще, большевистскими боевиками в частности?» [3]

Анализируя резолюцию о задачах боевых организаций, Ленин замечает:

«Итак, главной задачей боевых организаций объявлено прежде всего распространение правильного понимания вооруженного восстания. Эта мысль повторена еще резче в резолюции о роли военных и боевых организаций в вооруженном восстании: «Роль боевых организаций — развитие в народных массах правильного понимания вооруженного восстания». Что же, совещание об этом признает «недопустимым» наш меньшевистский ЦК? Или он поспешил спрятаться за чиновнически-казенную ширму: «недопустимы никакие действия и даже совещания скопом» для того, чтобы избавить себя от неприятной обязанности выступить перед партией с определенным изложением того — какие именно задачи боевых организаций считает он правильно поставленными и какие неправильно?»

Далее Ленин делает вывод, который характеризует в целом и отношение ЦК, и всю работу меньшевистской конференции.

«В том-то и дело, что среди меньшевиков распространено поистине фарисейское отношение к боевым организациям: пользоваться тем или иным «результатом» деятельности бес-

---

[1] «ВКП и военное дело», стр. 144.

[2] Чужак, Идея вооруженного восстания и большевистская работа в армии, изд. «Политкаторжан», 1929 г., стр. 123.

[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 374—375.

партийных боевых организаций они не прочь, но зато про партийные боевые организации распространяются ими кумушкины сплетни, позволяющие в овсе обходить вопрос о способах распространения в массах правильного понимания военного восстания и т. д.» [1].

Перед закрытием конференция избрала временное бюро военных и боевых организаций. В обязанности этого бюро входило создание Всероссийской военной боевой организации, подчиненной общепартийному съезду. Проект такой организации бюро должно было разработать и своевременно разослать его для сведения и обсуждения всем местным организациям. В состав бюро конференцией были введены Петр 2-й (Е. С. Кадомцев), Семенов (В. С. Костицин) и Викторов. Широко развернуть работы бюро не успело. За январь и февраль 1907 г. удалось издать лишь 2—3 книжки.

Всероссийскую конференцию военных и боевых организаций созвать не удалось и в дальнейшем. К тому времени, как таммерфорсцы закончили свои работы, охранка уже тщательно подготовила разгром центральной Петербургской военной организации. При содействии провокатора В. В. Бродского в декабре 1906 г. были произведены массовые аресты членов комитета, ответственных организаторов района и ряда других работников Петербургской большевистской «военки». Тогда же полицией был обнаружен и архив организации.

Напряженнейшей работой большевиков, оставшихся на свободе, вновь удалось оживить и укрепить работу. Кое-какие связи, еще сохранившиеся, были расширены. Временное бюро военных и боевых организаций, избранное в Таммерфорсе, сыграло в этом отношении известную роль. Начала выходить «Казарма», консолидировавшая вокруг себя оставшиеся наличные силы.

Картина на местах была гораздо более мрачной и неутешительной. Местам было труднее сопротивляться ударам и репрессиям, беспрерывно ослаблявшим их деятельность. Из 33 солдатских газет, выходивших в общем на местах в 1907 г., осталось уже только 19, да и те главным образом издавались в нескольких центральных городах, в первую очередь в столицах.

Обращение Петербургской организации незадолго до съезда в 1907 г. в ЦК партии рисует очень мрачную картину, настаивая на необходимости включить в порядок дня съезда пункт о работе в армии. В обращении бичуется меньшевистский ЦК, к тому времени игнорировавший не только боевые, но даже и военные организации.

«ЦК не серьезно выполнил взятые им на себя перед партией обязательства — созвать всероссийскую конференцию военных организаций. Таковой не могла быть жалкая сентябрьская [2] конференция 6 военных организаций, не подготовленная, из рук вон плохо организованная... К Петербургской военной организации обращался целый ряд организаций за помощью деньгами, людьми, литературой; как известно, работа в целом ряде организаций находится в полнейшем застое и все это накануне новой борьбы, накануне, быть может, нового революционного взрыва. Все это заставляет нас обратиться в ЦК РСДРП с требованием включить в порядок дня съезда вопрос о работе в армии, пригласить на съезд видных работников из военной организации» [3].

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 373.

[2] Имеется в виду Териокская меньшевистская. — *Ред.*

[3] М. И. Ахун и В. А. Петров, Большевики и армия в 1905—1917 гг., стр. 133—134.

Тесно связанной с работой военных организаций была деятельность возникавших на местах и в первую голову в Петербурге боевых с.-д. групп. Боевые дружины стали зарождаться в рабочей среде еще в самом начале 1905 г. Потребность в вооружении после 9 января стала настолько острой, что в ряде мест рабочие открыто громили оружейные магазины, разбирали оружие, стихийно объединялись в боевые дружины по фабрикам и заводам. В корреспонденции из Варшавы уже 11 января газета «Вперед» сообщала:

«Утром разграблено несколько оружейных магазинов» [1].

Эта стихийная тяга рабочих к вооружению была немедленно учтена и возглавлена большевиками. Еще в период до III съезда партии уже было налажено получение оружия через Финляндию. В тот же период отдельные работники, проводившие эту работу, сформировались в так называемую «Боевую техническую группу» при Петербургском Комитете большевиков. Организована была мастерская для изготовления ручных бомб. Как широко сразу же развернулась работа, показывают отдельные замечания партийных работников, которые мы находим в протоколах III съезда партии:

«В Екатеринославе вооружение уже проходит самостоятельно» [2].

Далее мы встречаем еще более яркое сообщение:

«Рабочие, по крайней мере многие из них, вооружены. Организованные рабочие сами составляют боевые дружины, а комитет об этом не знает» [3].

Здесь, как мы видим, движение даже перерастало руководство. Примерно, та же картина и на Западном Кавказе:

«Не приходится даже доставать денег, т. к. население само готово покупать оружие за свой счет» [4].

Рижский делегат сообщает:

«Рабочие требуют оружия и ищут его. Часто они заявляют, что могут добыть оружие, бомбы» [5] и т. д. и т. п.

В Петербурге комитет большевиков стал получать непосредственно от рабочих настоятельные предложения закупать оружие и указания, где можно было достать средства вооружения. Эти сведения большей частью оказывались малоценными, но натиск рабочих, потребность в руководстве были так велики, что Петербургскому комитету пришлось это дело налаживать в самом спешном порядке. Та же картина, как мы видели, наблюдалась и на местах. Везде с.-д. комитеты для того, чтобы не терять руководства, не оторваться от масс, должны были браться за организацию доставки оружия, за возглавление формировавшихся боевых дружин и групп.

Здесь особенно быстро и резко проявились разногласия между большевиками и меньшевиками. Если в вопросе о вооруженном восстании меньшевики, отставая по выражению Ленина года на три в принципиальной постановке, вынуждены были плестись в хвосте большевиков, то в деле военно-технической

---

[1] «Вперед» и «Пролетарий», вып. I, № 5, 1905 г., стр. 69.
[2] III очередной съезд РСДРП, стр. 143.
[3] Там же, стр. 166.
[4] Там же, стр. 160.
[5] Там же, стр. 165.

подготовки восстания в первое же время меньшевики стали оказывать хотя и скрытое, но все усиливавшееся сопротивление деятельности большевиков.

«Меньшевики, как известно, крайне насмешливо относились к такого рода подготовке; многие из них считали, что если когда-нибудь будет «последний решительный бой», то этот бой произойдет как-то так, что народ будет без оружия, а войска сами перейдут на сторону народа... И если все же меньшевики создавали боевые дружины, то это под давлением тех рабочих, которые входили в их организации» [1].

Таким образом, с самого начала и до конца деятельности боевых организаций, групп и дружин руководство ими, как правило, в основном сосредоточилось в руках большевиков.

После III съезда партии организовавшаяся при Петербургском Комитете боевая техническая группа перешла в ведение ЦК партии (б). Группой были завязаны связи с Кавказом, Уралом, Латвией, Эстонией. Организованная еще до III съезда мастерская для изготовления ручных бомб начала интенсивную работу.

Разразившиеся после 17 октября погромы и черносотенные выступления оживили деятельность боевых групп. Особо важную роль, как мы уже видели, боевые дружины сыграли в московском восстании.

Надо однако отметить, что для боевых групп и организаций, возникавших на местах, 1905 г. был главным образом годом «учебы». Гораздо энергичней группы начали действовать в следующем 1906 г. К этому времени центральная петербургская боевая группа усилилась численно, координировала свою работу с деятельностью военных соц.-демократических организаций. В этот период меньшевики даже формально отстранились не только от руководства, но даже и от какого бы то ни было участия в деятельности боевых организаций:

«Боевая техническая группа, будучи по своему составу большевистской, после московского восстания не испытывала меньшевистских колебаний и попрежнему продолжала развивать свою работу. Попрежнему усиленно добываются взрывчатые вещества в самом Петербурге, а также привозятся из-за границы, добывается даже пушка из гвардейского экипажа» [2].

Довольно широко в 1906 г. боевые группы начинают применять и новые формы борьбы. Развертываются экспроприации, конфискуются казенные суммы. Тем не менее меньшевики не только осуждали и тормозили работу в этом направлении, но и оказывали ей прямое сопротивление, прикрываясь либеральными доводами о недопустимости таких «развращающих» сознание пролетариата мер. Ленин иначе оценивал эту форму борьбы:

«Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу. Крупные экспроприации... шли именно на революционные партии в первую голову; мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание «экспроприаторов» [3].

На IV съезде и после него разногласия меньшевиков с большевиками по вопросу о боевой работе партии приняли особенно острый характер. Выбранный Объединительным съездом меньшевистский в большинстве ЦК в связи

---

[1] «1905» Ем. Ярославский, Вооруженное восстание, стр. 74, ГИЗ, 1925.
[2] «1905» С. Познер. Боевая группа при ЦК РСДРП(б), стр. 7.
[3] Ленин, Соч., т. X, стр. 72.

с попытками объединить работу военных и боевых групп путем специальной конференции, попытками, которые предпринимались большевиками в лице Петербургского Комитета партии, — счел даже необходимым специальным циркуляром объявить «недопустимым какие бы то ни было формы объединения боевых организаций». По существу в этом циркуляре ЦК шел гораздо дальше формального запрещения созыва конференций. Истинную подкладку решения ЦК Ленин вскрыл с исчерпывающей ясностью.

«ЦК видимо боится прямо выразить свою настоящую мысль (желание распустить всякие боевые организации) и поэтому сердится смешным образом. В самом деле, не естественно ли было бы ожидать возражений по существу против известных шагов при решении конференции вместо этого оклика: «совещаний не допускаю»? Невольно приходит в голову мысль: не хотят ли этим окликом помешать постановке вопроса по существу [1]».

Вопреки всем попыткам меньшевистского ЦК в Таммерфорсе в ноябре 1906 г., как мы видели, была созвана конференция, на которую прибыли делегаты не только военных, но и боевых организаций. Эта конференция не только подвела итоги предшествовавшей борьбе, но в то же время наметила задачи, стоявшие перед боевыми организациями:

«Главные задачи боевых организаций заключаются:1) в распространении правильного понимания идеи вооруженного восстания и разъяснения тех конкретных условий, при каких вооруженное восстание может возникнуть, протекать и успешно совершаться, так как даже в среде партийных работников существует самое смутное, неправильное представление о вооруженном восстании; 2) в подготовке всех необходимых технических данных для успешного проведения вооруженного восстания; 3) в организации кадров сознательных рабочих, группирующихся вокруг РСДРП для активного выступления; 4) содействии организации в боевых целях революционно-демократическим слоям населения и закреплением в них боевого руководства соц.-демокр. партии» [2].

На Таммерфорсской конференции было также вынесено решение о необходимости организации инструкторских боевых школ. В марте 1907 г. такая школа была организована в Куокалла в Финляндии. Но попытки развернуть шире работу потерпели крушение. Пользуясь испытанными методами провокации, на протяжении 1907 г. правительство разрушило громадное большинство боевых групп. Сотни участников были арестованы, казнены или сосланы, и к концу 1907 г. работа боевых групп почти замерла.

«Военные организации» приняли участие в работах V съезда, послав своего делегата (Е. Ярославского).

Резолюция о военной боевой работе была предложена комиссией из 4 фракций кроме большевиков: Большевики не успели сговориться во фракции, а потому проект большевистской резолюции был внесен Лениным от своего имени и от имени еще одного делегата. Съезд 170 голосами против 35 при 52 воздержавшихся принял комиссионную резолюцию, при этом часть большевиков (Ленин, Ярославский, Лядов и др.) голосовала против, а большая часть воздержалась. В резолюции съезд предложил вести борьбу против партизанских выступлений и экспроприаций, запрещал членам партии участвовать в каких бы то ни было выступлениях и постановил распустить все боевые дружины.

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 209.

[2] Протоколы первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, изд. 1907 г., стр. 136.

И Ленин в своей резолюции считал, что с партизанскими выступлениями нужно вести идейную борьбу, но он подчеркивал следующее:

1) выступления нежелательны «в настоящий момент, при отсутствии условий для массового революционного взрыва», 2) хотя они «и допустимы при условиях массовой революционной борьбы», но предприниматься должны только с разрешения областных центров, 3) «формой боевых организаций, наиболее соответствующей задаче подготовки боевого авангарда пролетариата и вооруженному восстанию, является система партийной милиции, заключающаяся в обучении военному делу всех членов партии в рамках существующих партийных ячеек».

6. Вопрос о профдвижении на съезде.

По вопросу о профессиональных союзах съезд принял краткую резолюцию, гласившую:

«Подтверждая резолюцию Объединительного съезда о работе в профессиональных союзах, съезд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них — содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократической партии, а также об установлении организационной связи с ней, и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь» [1].

Эта резолюция, выработанная особой комиссией, в состав которой входили: 4 большевика, 4 меньшевика, 3 бундовца, 2 поляка и 2 латыша, была принята съездом без обсуждения. Под резолюцией, поставленной на голосование съезда, стояло 10 подписей: 4 большевиков, 2 бундовцев, 2 поляков и 2 латышей, меньшевики и один бундовец отказались дать свои подписи.

Участник Лондонского съезда, Ногин, в своих воспоминаниях «1906—1907 гг.» следующим образом описывает прохождение вопроса о профессиональных союзах на Лондонском съезде:

«Попытка на партийном съезде в Лондоне полностью обсудить вопрос об отношении к профсоюзам не удалась. Обсуждение происходило только в комиссии, где сказались резко две линии: одна — чисто нейтралистская, которую отстаивали меньшевики и бундовцы во главе с Мартовым, и другая точка зрения, отстаивавшая принцип партийности профсоюзов, которую отстаивали Рожков, Дзержинский, как представитель польской партии, и я. Известная резолюция по этому вопросу была принята компромиссная, очень короткая и совершенно не разрешавшая спора» [2].

Однако участвовавшие в комиссии меньшевики, как мы видели выше, отказались подписать эту резолюцию при вынесении ее на голосование съезда.

Посмотрим, что представляло собой профессиональное движение к моменту съезда.

Революция 1905 г. дала сильный толчок развитию профсоюзов. Подобно тому, как темп развития русского капитализма конца XIX и начала XX столетия в отдельных отраслях промышленности превосходил темп роста западно-европейского капитализма, так и русский пролетариат, получивший в процессе революции 1905—1906 гг. фактическую возможность приступить к оформлению своих классовых организаций, используя опыт западно-европей-

---

[1] Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов, изд. 1909 г., стр. 458.

[2] «Вестник труда» № 3 за 1924 г., стр. 233.

ского рабочего движения, — сразу же придал профессиональному движению широкий размах и невиданный темп развития. Однако в первый период революции, с января по декабрь 1905 г., организационное построение русских профсоюзов в огромном большинстве случаев еще не соответствовало вполне законченным профессиональным организациям. За исключением немногих высококвалифицированных профессий, как, например, печатники, большинство профессиональных союзов, возникших в первый период революции, скорее были организационными ячейками будущих профессиональных союзов, нежели вполне законченными организациями этого типа.

Последовавшие после «Кровавого воскресенья» 22 (9) января выборы в комиссию Шидловского, использованные большевиками для агитации за социал-демократическую программу, привели к возникновению ряда низовых профессиональных организаций. Стали возникать заводские комиссии, советы депутатов. Общий революционный подъем послужил сигналом к сплочению пролетариата; не считаясь с царскими законами, рабочие и служащие явочным порядком стали создавать профессиональные союзы. Так, например, делегатское собрание петербургских печатников 16 (3) апреля выбрало комиссию для выработки устава союза печатников. Устав был выработан, и петербургский союз печатников 7 мая (24 апреля) 1905 г. открыл свои действия без какого-либо разрешения властей, даже не послав на утверждение устава. Вслед за печатниками в Петербурге стали организовываться в союзы конторщики, приказчики, рабочие портняжного дела, фармацевты, подмастерья часового ремесла и другие.

Так же возникали профессиональные организации рабочих и служащих и в других городах России, в первую очередь в крупных торгово-промышленных центрах. Могучий подъем стачечной борьбы 1905 г. всюду вызывал к жизни низовые профессиональные организации: заводские комиссии, советы фабричных старост, советы депутатов. Для согласования их действий и руководства по общим для всех союзов вопросам стали возникать местные объединения — «центральные бюро профессиональных союзов». Такие бюро были организованы во всех крупных центрах рабочего движения.

7—20 октября (24 сентября — 7 октября) 1905 г. в Москве состоялась первая конференция профессиональных союзов, на которой присутствовали представители 24 московских, 3 петербургских и 5 провинциальных союзов. Кроме того на этой конференции были представлены: Петербургское районное бюро профессиональных союзов, Харьковское районное бюро профессиональных союзов, Всероссийский железнодорожный союз рабочих и служащих и Всероссийский союз почтово-телеграфных служащих. Центральным вопросом на конференции стоял вопрос о подготовке Всероссийского съезда профессиональных союзов, программа занятий которого была намечена конференцией.

В феврале 1906 г. в Петербурге состоялась вторая Всероссийская конференция профессиональных союзов. На этой конференции присутствовало 22 делегата, представлявшие около 200 тыс. организованных рабочих и служащих 10 наиболее крупных городов: Петербурга, Москвы, Варшавы, Вильно, Лодзи, Киева, Одессы, Николаева, Харькова и Нижнего-Новгорода. Конференция работала 5 дней, причем заседания ее происходили нелегально на конспиративных квартирах. Большое внимание конференция уделила закону о профессио-

нальных союзах, который в то время подготовлялся царским правительством. В принятой по этому вопросу резолюции говорилось:

«принимая во внимание, что как проект, выработанный советом министров, так и изменения, которым он подвергся в Государственном совете, являются попыткой лишить рабочий класс его основных политических прав; что ни от существующего правительства, ни от будущей Государственной думы нельзя ожидать осуществления вышеуказанных условий, — конференция считает легализацию профессиональных союзов при современных политических условиях безусловно невозможною» [1].

ГРУППА УЧАСТНИКОВ 2-Й ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРОФСОЮЗОВ.

Таким образом вторая конференция закрепила явочный порядок организации профессиональных союзов без разрешения властей, хотя последний пункт

[1] «1905—1907 гг. в профессиональном движении», Истпроф ВЦСПС, 1925 г., стр.244.

цитированной резолюции и допускал легализацию союзов в виде исключения «если проектируемый закон войдет в силу» с тем, однако, чтобы превратить этот закон «из орудия закабаления рабочего класса в исходный пункт новой, еще более упорной борьбы для завоевания права стачек и коалиций». Затем конференция пересмотрела выработанные первой конференцией программу и устав Всероссийского съезда профессиональных союзов. Для созыва Всероссийского съезда была избрана организационная комиссия в составе 5 лиц, которой поручалось служить центром профессионального движения до съезда; эта же комиссия уполномачивалась завязывать связи с западно-европейскими профессиональными организациями. (Впоследствии организационная комиссия установила сношения с генеральной комиссией германских союзов и с международным секретариатом профессиональных союзов.)

Созвать Всероссийский съезд профессиональных союзов не удалось вследствие все усиливавшейся реакции. В апреле 1907 г. организационная комиссия созвала совещание, на котором еще раз обсуждались вопросы о созыве съезда. В связи с подготовкой к Всероссийскому съезду в течение 1906—1907 гг. состоялся ряд областных конференций, из которых наиболее значительными были: съезд профессиональных союзов Донецкого бассейна в декабре 1906 г., крымская областная конференция в январе 1907 г. и конференция социал-демократических профессиональных союзов Царства Польского в январе 1907 г. Убедившись в невозможности созвать съезд, организационная комиссия в конце 1907 г. сняла вопрос о его созыве.

Третья конференция профессиональных союзов состоялась только в июне 1917 г. после падения самодержавия, а съезд — уже при советской власти в январе 1918 г.

Представительство русских профессиональных союзов на Международном социалистическом конгрессе (в Штутгарте) впервые было организовано в августе 1907 г. Делегация русских союзов состояла из 9 человек, располагала 3 голосами из 20 предоставленных конгрессом России.

17 (4) марта 1906 г. царское правительство опубликовало «временные правила», которыми устанавливался порядок открытия и закрытия профессиональных союзов, а также их права и обязанности. Оценку этого закона мы уже знаем из резолюции второй конференции. К этой оценке прежде всего следует добавить, что опубликованный закон не распространялся на сельскохозяйственных рабочих, железнодорожников и работников связи. По закону в задачи профессиональных союзов входило лишь «выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов». Таким образом закон 17 (4) марта не давал союзам самого главного — права руководить стачечной борьбой, а пытался превратить их в организации типа обществ взаимопомощи. Объединения союзов как местные, так и во всероссийском масштабе были воспрещены. Регистрация союзов была сопряжена с большими формальностями. Административному вмешательству в жизнь союзов, а вместе с тем произволу и всяческим придиркам, был открыт широкий путь. На практике этот закон, целиком отдававший профессиональные союзы на произвол администрации, повел к разгрому ранее возникших союзов.

ВСЕРОССИЙСКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ И СОЮЗ СОЮЗОВ.

БЕСПАРТИЙНОСТЬ ЕСТЬ ИДЕЯ БУРЖУАЗНАЯ. ПАРТИЙНОСТЬ ЕСТЬ ИДЕЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ.
Ленин.

8—9 мая 1905 г. в Москве состоялся I съезд Союза союзов, на котором присутствовало 60 делегатов от 14 союзов. «Союз союзов есть орган, объединяющий на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма».

Из проекта устава Союза союзов, одобренного съездом.

24—26 мая 1905 г. в Москве после Цусимской катастрофы собрался II делегатский съезд Союза союзов.

«Мы должны действовать как кто умеет и может, как кто способен или считает нужным по своим политическим убеждениям, как угодно, но действовать... Всеми силами, всеми мерами добивайтесь немедленного устранения захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ее место Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, прямого, равного голосования».

Из постановления II Съезда.

Союз адвокатов
28—30 марта 1905 г.

Кн. Сидамонов-Эристов, Н. В. Соколов

Союз профессоров-академический
25—28 марта 1905 г.

Проф. Ковгородцев, Милюков П. Н.

Союз инженеров и техников
5 декабря 1904 г.

Л. И. Лутугин, С. Д. Кирпичников

Союз конторщиков и бухгалтеров
27 февраля 1905 г.

Н. И. Лутугин, Д. А. Сверчков

Союз равноправия евреев
25—27 марта 1905 г.

Л. М. Брамсон, Грузенберг

Крестьянский союз
31 июля—августа 1905 г.

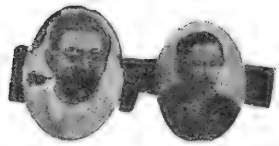
С. В. Курнин, А. В. Тесленко

Тенишевское училище в Петербурге, где устраивались митинги Союзом союзов.

Союз учителей
11—13 апреля 1905 г.

Я. И. Душечкин, В. И. Чарнолусский

Союз писателей
3—4 марта 1905 г.



П. Н. Милюков, В. А. Мякотин

Союз земцев-конституционалистов

Ф. И. Родичев, Кн. Д. И. Шаховской

Союз медицинского персонала-врачей
21—24 марта 1905 г.

Дорф

Союз железнодорожных служащих
20—21 апреля 1905 г.

Романов, В. Н. Переверзев

К середине 1907 г. по всей России было около 650 профессиональных союзов, имевших 245½ тыс. членов. Лучше всего были организованы печатники, союзы которых охватывали до 43% общего числа рабочих печатного дела. Остальные профессии были организованы несравненно слабее, так, например: союзы металлистов объединяли 8,6% рабочих своей специальности, союзы кожевников — 7,1%, союзы текстильщиков — 3,9%, союзы деревообделочников — 2,4% и т. д.

После второй конференции, когда союзы уже несколько окрепли, стало проявляться стремление к объединению по профессиям. Это стремление нашло свое выражение в организации всероссийских центров по отдельным профессиям. Созывались всероссийские съезды и конференции рабочих отдельных профессий, где избирались руководящие органы для проведения централизации союзов той или иной профессии. Так, в Гельсингфорсе в апреле 1907 г. состоялась Всероссийская конференция печатников, избравшая центральный совет, в задачи которого входило содействие организации областных союзных объединений и выработка проекта устава Всероссийского союза печатников. В феврале 1907 г. состоялась Всероссийская конференция металлистов (в Москве), на которой было избрано организационное бюро по созыву Всероссийского съезда металлистов. Всероссийская конференция портных, состоявшаяся еще в августе 1906 г., также избрала организационное бюро. В этот же период состоялись съезды и конференции кожевников, текстильщиков, архитектурно-строительных рабочих, торговых и конторских служащих и др. Наступившая после государственного переворота 16 (3) июня 1907 г. реакция положила конец оживлению в профессиональном движении. Не только пресечены были все попытки к объединению профессиональных союзов, но и началось открытое наступление против них. Уже в 1907 г. правительством было закрыто 159 союзов, а затем последовало закрытие и почти всех остальных.

Здесь следует добавить, что наряду с рабочим профессиональным движением, в начале революции 1905 г., возникло псевдо-профессиональное движение, возглавлявшееся либерально-буржуазной интеллигенцией. Примыкавшая по своим политическим взглядам к партии «народной свободы» (кадетов), служилая интеллигенция и лица свободных профессий — писатели, врачи, адвокаты и пр., в целях более успешной политической борьбы в конце 1904 и в начале 1905 г. стали организовываться в союзы по профессиям. Одним из первых союзов этого рода в конце 1904 г. возник союз инженеров и техников; почти одновременно с ним оформился академический союз (профессоров). Затем в первой половине 1905 г. образовались: союз писателей, союз адвокатов, союз врачей, союз конторщиков и бухгалтеров, союз учителей средней школы, союз равноправия женщин, союз чиновников и др.

С целью объединения деятельности союзов, возникших после событий 22 (9) января, либеральными союзами было создано центральное бюро, игравшее роль информационного центра. Затем 21—22 (8—9) мая 1905 г. в Москве состоялся первый съезд 14 союзов. На этом съезде был принят устав, объединяющий деятельность союзов, и создан центральный руководящий орган — Союз союзов. В принятом уставе говорилось, что Союз союзов «есть орган, объединяющий на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие

борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма». Для всех союзов, участвовавших на съезде, общей платформой было требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права.

6—8 июня (24—26 мая) 1905 г. состоялся второй съезд Союза союзов, на котором был выработан план организации союзов явочным порядком. Этот же съезд принял в число членов Союза союзов Крестьянский союз.

Состоявшийся 14—16 (1—3) июля 1905 г. в Финляндии третий съезд Союза союзов обсуждал главным образом отношение к булыгинскому проекту Государственной думы. Большинство съезда высказалось за бойкот Булыгинской думы. Четвертый съезд, заседавший 27—28 (14—15) января 1906 г., был занят вопросом об отношении к выборам в I Государственную думу. После четвертого съезда Союз союзов начал быстро терять свое значение. Под влиянием спада революционной волны и резкого расслоения социально разнородных элементов, входивших в состав Союза союзов, он к концу 1906 г. совершенно сошел с политической сцены.

Говоря о деятельности Союза союзов, следует отметить его участие в октябрьской забастовке, в которой он играл роль вспомогательного отряда, согласуя свои действия с Советом рабочих депутатов.

Отличительной чертой всех либеральных союзов, объединявшихся в Союзе союзов, было то, что они не отстаивали экономических интересов своих членов, как это делают рабочие профессиональные союзы, а выставляли лишь политические требования. Выражая политические идеалы либеральной буржуазии, Союз союзов отличался иногда радикализмом своих требований, что объясняется в первую очередь общим характером революционного подъема, влиянием идущей вверх рабочей революции и крестьянского восстания, а также общественно-правовым положением тех социальных элементов, которые входили в состав Союза союзов — мелкой буржуазии и лиц свободных профессий, экономически не заинтересованных в сохранении многих феодальных пережитков. В статье «Либеральные союзы и социал-демократия» Ленин дал такую оценку этих союзов:

«Профессиональные» союзы интеллигенции и «Союз союзов» суть политические организации. Фактически это либеральные союзы. В общем и целом, это — союзы, составляющие ядро так называемой конституционно-демократической, т. е. буржуазно-либеральной, партии» [1].

Перейдем теперь к оценке тактики социал-демократии по отношению к профессиональным союзам.

Пока организация профессиональных союзов носила зачаточный характер, не выходя из стадии первичных касс и обществ взаимопомощи, вопрос о профсоюзах не был актуальным, оставаясь больше теоретической, чем конкретно-политической проблемой. Это не значит, что партия не понимала или недооценивала роли профессиональных организаций в рабочем движении, — против этого говорит весь опыт революционного движения в России, достаточно вспомнить «Северно-русский» и «Южно-русский» рабочие союзы, — но дореволюционная социал-демократия давала по отношению к профсоюзам лишь общую

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 230.

постановку вопроса. По мере же роста рабочего движения и стихийного возникновения рабочих организаций с разнообразными уставами, задачами, своеобразными формами связи и т. п. пришлось более детально и точно определить свое отношение к самим профессиональным союзам и к отдельным конкретным вопросам профессионального движения. И тут сразу вскрылись разногласия, сначала носившие неоформленный характер, но позже ставшие такими же глубокими, как и все коренные разногласия между большевиками и меньшевиками.

В тот момент вопрос сводился к тому, должны ли профсоюзы оставаться «нейтральными» или находиться под непосредственным идейным руководством партии.

Вообще говоря, под «нейтральностью» профсоюзов можно понимать целый ряд состояний. Можно требовать от со зов полного неучастия в политике, борьбы исключительно за узкие интересы сегодняшнего дня — «нейтральность» по отношению к политике.

Есть профсоюзы в ряде стран, которые не чуждаются политики, принимают, например, участие в избирательной борьбе, требуют взносы со своих членов на политические нужды, но высказываются против того, чтобы примыкать к каким бы то ни было политическим партиям — «нейтральность» по отношению к политическим партиям.

Можно встретить профсоюзы, которые враждебно относятся к буржуазным партиям, подчеркивая тем самым противоречие классовых интересов, но оставляют открытым вопрос, какой из социалистических партий отдать руководство — «нейтральность» по отношению к разным социалистическим партиям. Наконец, можно говорить о «нейтральности к фракциям» в том случае, когда профсоюзы примыкают к социалистической партии, в которой имеются сложившиеся и оформившиеся фракции [1].

Несомненно, что буржуазия заинтересована в полной «нейтральности» профсоюзов.

«Классовые интересы буржуазии, — писал Ленин, — неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений» [2].

Но и защита неполной, частичной «нейтральности» объективно льет воду на мельницу буржуазии.

«Ревизионисты, — продолжает свою мысль Ленин, — внутри социал-демократических партий всегда проложат себе дорогу так или иначе в капиталистическом обществе».

В русской социал-демократии вопрос о политической «нейтральности» профсоюзов не вызывал сомнений, точно так же как, в общем, не вызывал сомнений и вопрос о враждебном отношении к буржуазным политическим партиям.

Ленин более или менее подробно высказался о «нейтральности» в брошюре «Что делать?». Неоднократно подчеркнув роль и значение профсоюзов в рабочем

---

[1] Подробнее см. статью М. Новоселова (Ногин), О нейтральности и партийности профсоюзов. Сборник «Итоги Лондонского съезда», 1907 г. Перепзд «Московский рабочий».

[2] Ленин, Соч., т. XII, стр. 145.

Профсоюзная печать 1905—1907 гг.

движении [1], необходимость самой широкой и глубокой работы социал-демократов в профсоюзах, Ленин писал:

«Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень ш и р о к и м и организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей».

Из этих строк, как и из некоторых других, кое-кто делал вывод, что Ленин в вопросе о «нейтральности» ошибался.

«Но если по вопросу о взаимоотношениях между стихийностью и сознательностью здесь были недостаточно точные формулировки, — так говорил в одном из докладов виднейший профессионалист т. Лозовский, ссылаясь при этом на свидетельство Ленина,—т о п о в о п р о с у о н е й т р а л ь н о с т и Л е н и н п р и з н а л с я, ч т о о н, д е й с т в и т е л ь н о, т о г д а з а н и м а л о ш и б о ч н у ю п о з и ц и ю» [2].

Лозовский, конечно, прав, когда подчеркивает эволюцию во взглядах Ленина на профсоюзы, но следует ли отсюда, что Ленин признавал «нейтральность» профсоюзов? И в каком смысле? На эти вопросы можно ответить только после анализа той обстановки, в условиях которой писалось «Что делать?».

Уже Плеханов, который тогда еще боролся вместе с Лениным против будущих меньшевиков, разъяснял, что брошюра Ленина — не философский трактат, а полемическое произведение, в котором некоторые формулировки нарочито заострены.

«В «Что делать?», — писал Ленин, — выгибается палка, искривляемая экономистами... и именно потому, что мы энергично выгибаем искривления, наша «палка» будет всегда наиболее прямая. Смысл этих слов ясен: «Что делать?» полемически исправляет экономизм, и рассматривать его содержание вне этой задачи брошюры неправильно» [3].

Ошибка «экономистов» состояла в том, что они совершенно уничтожали разницу между профсоюзами и партией, растворяли партию в классе, т. е. развивали ту идею, которую позже воскресил Аксельрод в своем «Рабочем съезде», — и тут «экономисты» являлись предшественниками меньшевиков.

«Основной недостаток обоих уставов, — писал Ленин в той же брошюре «Что делать?», критикуя планы «экономистов», — детальное оформление рабочей организации и с м е ш е н и е с э т о й п о с л е д н е й о р г а н и з а ц и и р е в о л ю ц и о н е р о в» [4].

---

[1] Л е н и н, Соч., т. IV, см., например, главу: «Организация рабочих и организация революционеров», стр. 446—459.

[2] А. Л о з о в с к и й, Ленин и профессиональное движение, изд. 1925 г., стр. 13.

[3] Л е н и н, Соч., т. XII, стр. 66.

[4] Л е н и н, Соч., т. IV, стр. 451.

Именно против этого полного слияния союзов с партией, против растворения «организации революционеров», т. е. партии, в союзах против этой идеи, воскрешенной впоследствии Аксельродом в «Рабочем съезде», выступил Ленин. Выгибая палку, Ленин этому слиянию союзов и партии противопоставил «нейтральность» профсоюзов. Ленин выступил не против руководства социал-демократии союзами, не за полную независимость союзов от партии, — напротив, необходимость самой тесной связи, прямого руководства союзами подчеркивалась Лениным неоднократно в той же самой брошюре [1], — а против совпадения организации профессиональных союзов с организацией социал-демократической партии.

«В странах с политической свободой, — объяснял свою точку зрения Ленин, — различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие трэд-юнионов и социал-демократии. Отношения последней к первым неизбежно видоизменяются, конечно, в разных странах, смотря по историческим, юридическим и другим условиям, — они могут быть более или менее тесными, сложными и пр. (они должны быть, с нашей точки зрения, возможно более тесными и возможно менее сложными), но о совпадении организации профессиональных союзов с организацией социал-демократической партии в свободных странах нет и речи» [2].

Что именно в таком условном «перегнутом» смысле надо понимать «нейтральность» Ленина, можно судить по работам II съезда партии, который целиком базировался на основных идеях брошюры «Что делать?».

В архиве партии сохранились черновые наброски резолюций, которые Ленин подготовлял к съезду. Одна из этих резолюций посвящена профсоюзам.

«Съезд признает, — писал Ленин, — безусловно необходимым поддерживать и развивать во всех случаях всеми мерами экономическую борьбу рабочих и их профессиональные союзы (преимущественно общерусские), закреплять с самого начала социал-демократический характер экономической борьбы и профессионального рабочего движения в России» [3].

Ни о какой «нейтральности» нельзя говорить, читая этот проект резолюции. Съезд принял особую резолюцию о «профессиональной борьбе», сделав — по условиям того времени — центральным местом ее борьбу против зубатовщины, чем несколько ослабил вопрос о роли социал-демократии в профсоюзах, но из этой резолюции нельзя вычитать «нейтральность». III съезд партии, целиком прошедший под руководством Ленина, написавшего почти все резолюции, снова подчеркнул ту же мысль Ленина.

«Использовать, — гласит пункт б) резолюции «по вопросу об открытом политическом выступлении РСДРП», — все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их по мере возможности в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России» [4].

---

[1] «Только таким путем, — писал Ленин, говоря о правильной социал-демократической политике, — и можно достигнуть упрочения и развития, вопреки всем жандармам, социал-демократического профессионального движения» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 447.

[2] Ленин, Соч., т. IV, стр. 452. Разрядка наша. — *Ред.*

[3] Ленин, Соч., т. VI, стр. 10.

[4] Ленин, Соч., т. VII, стр. 434.

Таким образом упрекнуть Ленина в поддержке «нейтральности» профсоюзов по отношению к социал-демократии нельзя. Но дело в том, что, выступая против совершенно неверной идеи слияния профсоюзов с партией, за «нейтральность» — в том смысле, как мы это пояснили выше, Ленин не подчеркнул, что социал-демократия принципиально против «нейтральности», что социал-демократия вообще против «нейтральности» и допускает ее только в определенном конкретном случае.

«Конечно, — разъяснял Ленин эту мысль позже, — в начале политического и профессионального рабочего движения в Европе можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы»[1].

В своей борьбе против «экономистов» Ленин не подчеркнул, что понимает «нейтральность» в этом смысле как явление временное — для эпохи первоначального развития рабочего движения и главным образом в условиях «отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы». Он не подчеркнул, что согласно общему учению марксизма, принципиально революционная социал-демократия против «нейтральности».

Вот как сам Ленин объяснял свою позицию в 1907 г., перепечатывая брошюру «Что делать?»:

«Другое замечание относится к вопросу об экономической борьбе и о профессиональных союзах. В литературе нередко превратно излагаются мои взгляды по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть поэтому, что многие страницы в «Что делать?» посвящены разъяснению громадного значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности я высказался тогда за нейтральность профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях я не высказывался иначе, вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский съезд РСДРП и Штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня притти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов принципиально отстаивать нельзя. Тесное сближение союзов с партией — таков единственно верный принцип. Стремление сблизить и связать союзы с партией — такова должна быть наша политика, причем проводить ее необходимо настойчиво и выдержанно во всей нашей пропаганде, агитации, в организационной деятельности, не гонясь за простыми «признаниями» и не выгоняя несогласномыслящих из профессиональных союзов»[2].

Меньшевики, напротив, с самого начала скатывались к признанию параллельности развития союзов и партии, к «нейтральности» профсоюзов в прямом смысле этого слова. Нет надобности останавливаться на высказываниях отдельных меньшевиков, поскольку имеются официальные документы. Возьмем, например, резолюцию меньшевиков о «профсоюзах», принятую на первой общерусской конференции партийных работников, заседавшей одновременно с III большевистским съездом. Три пункта этой резолюции, в которых выражено отношение меньшевиков к проблеме «нейтральности», гласят следующее:

«3. Поддержание постоянной связи между партийными организациями и профессиональными союзами и постоянную помощь им имеющимися в распоряжении партийных организаций силами и техническими средствами.

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 145.

[2] Там же, стр. 66.

4. Обязательное участие всех рабочих, членов партии в существующих или возникающих на местах их работы профсоюзах.

5. Представительство профсоюзов, признающих программу партии, в общепартийной организации» [1].

В то время как большевистская резолюция требует от членов партии борьбы за преобладающее влияние социал-демократии в союзах, или, как формулировал Ленин в проекте резолюции ко II съезду: «закреплять с самого начала социал-демократический характер экономической борьбы и профессионального рабочего движения», — меньшевики дальше вхождения членов партии в союзы и оказания материальной помощи союзам не идут. Вся же их резолюция в целом стоит на точке зрения параллельности действий партии и союзов, тем самым открывая путь для нейтральности профсоюзов.

Разногласия по этому вопросу перешли на IV съезд, где они получили оформление в двух резолюциях.

В резолюции о профессиональных союзах, принятой на Объединительном съезде, говорилось:

«Съезд признает: 1) что партия должна поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и всеми мерами содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов: 2) что в этих видах, пользуясь всеми легальными возможностями и, в частности, законом о профессиональных союзах, следует непрерывно расширять легальные рамки, неуклонно борясь за полную свободу союзов; 3) что в союзы должны вступать все члены партии, принимая активное участие во всей деятельности союзов и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически, в борьбе и агитации связать союзы с партией» [2].

Проект резолюции о профессиональных союзах, предложенный Объединительному съезду Лениным, хотя и имел в виду принцип беспартийности союзов, как и принятая резолюция, но этот проект устанавливал более тесную связь профессиональных союзов с партией и обеспечивал партии более полное руководство профессиональными союзами. В нем говорилось:

«Мы признаем и предлагаем съезду признать: 1) что все организации партии должны способствовать образованию беспартийных профессиональных союзов и побуждать к вступлению в них всех представителей данной профессии, входящих в состав партии; 2) что партия должна всеми мерами стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профессиональных союзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевать своей деятельностью фактически руководящую роль в таких союзах, и, наконец, чтобы эти союзы могли, при известных условиях, прямо примыкать к партии, отнюдь, однако, не исключая из своего состава непартийных членов» [3].

Преобладавшие на Объединительном съезде меньшевики, упирая главным образом на беспартийность и легальность профессиональных союзов, усиленно подчеркивая именно эти стороны профессионального движения, вытравили из проекта Ленина отчетливые формулировки о задачах партии в профессиональ-

---

[1] Первая общерусская конференция партийных работников. Отдельное приложение к № 100 «Искры», стр. 20.

[2] Протоколы Объединительного съезда РСДРП, изд. 1907 г., стр. 418—419.

[3] Ленин, Соч., т. IX, стр. 48.

ном движении, подменив понятие классовой борьбы понятием «классовой солидарности и классового сознания», исключив требование «завоевать своей деятельностью фактически руководящую роль в союзах».

На Объединительном, как и на Лондонском съезде, вопрос о профессиональных союзах не обсуждался на пленуме съезда. Резолюция о профессиональных союзах, выработанная в комиссии по подготовке резолюций, без прений была поставлена на голосование съезда и принята единогласно. В «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» Ленин замечает по этому поводу:

«Вопрос о вооруженном восстании был последним вопросом, который обсуждался сколько-нибудь обстоятельно и принципиально на съезде. Остальные вопросы были совсем уже скомканы или разрешены без прений» [1].

Таким образом ни Объединительный, ни Лондонский съезды партии не смогли уделить достаточно внимания вопросам профессионального движения и всесторонне обсудить отношение партии к профессиональным союзам. Эти вопросы были обсуждены лишь в комиссиях съездов.

Тем не менее Лондонский съезд партии способствовал еще большему углублению расхождений между большевиками и меньшевиками и в вопросе о профессиональных союзах. Резолюция Лондонского съезда, которую отказались подписать участвовавшие в комиссии по выработке резолюций меньшевики при вынесении ее на голосование съезда, хотя и компромиссная, по выражению Ногина, но настолько подчеркивала большевистскую точку зрения, как это признали сами меньшевики, что после съезда вызвала с их стороны резкие нападки.

«Не следует стремиться к «партийности» союзов до тех пор, пока в них еще не вошли «по возможности все рабочие»,

писал Мартов в «Голосе социал-демократа».

На этой позиции стояла принятая единогласно резолюция Стокгольмского съезда. Через год, в Лондоне, принимается диаметрально-противоположная резолюция, рекомендующая добиваться от союзов формального признания руководства социал-демократической партии» [2].

Мартов таким образом открыто выступил против решений съезда, пытаясь противопоставить ему резолюцию Стокгольмского съезда. Как мы видели выше, резолюция Лондонского съезда, конкретизируя задачи партии в профессиональном движении, подтверждала в основном резолюцию Стокгольмского съезда. Но весь вопрос в том, что это основное в резолюции Стокгольмского съезда, как и во многих других резолюциях, понималось большевиками и меньшевиками по-разному. Оставаясь скрытым до поры до времени, это различное понимание одних и тех же положений, при более углубленной постановке вопроса, обнаруживалось с поразительной отчетливостью. Компромиссность резолюции Лондонского съезда в том и состояла, что съезд вместо четкой и резкой постановки вопроса подтвердил резолюцию Стокгольмского съезда, правда, постаравшись ограничить недоговоренность этой резолюции.

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 217.

[2] Мартов, Социал-демократия в профессиональном движении, «Голос социал-демократа» № 4—5 за 1908 г.

После Лондонского съезда внимание партии к профессиональным союзам усилилось. В начале января 1908 г. ЦК партии для борьбы с меньшевиками, вновь начавшими толковать съездовскую резолюцию в «нейтральном духе», принял в развитие резолюции Лондонского съезда специальную резолюцию о профессиональных союзах, проект которой был выработан большевиками. В этой резолюции говорилось:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, ИЗБРАННЫЙ НА V СЪЕЗДЕ РСДРП

«Усиленная работа социал-демократии в профессиональном движении, предписываемая всем современным положением вещей, должна вестись в духе Лондонской и Штутгартской резолюции, т. е. ни в каком случае не в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности профессиональных союзов, а, наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному сближению союзов с социал-демократической партией... Для объединения всей социал-демократической работы в профессиональных союзах необходимо организовать профессиональные группы социал-демократов каждой профессии, объединяющие профессиональные группы отдельных предприятий... Нелегальные союзы должны вести упорную борьбу за легальность, причем легальное существование не должно принижать боевых задач профессиональной организации пролетариата» [1].

Несмотря на то, что меньшевики, находившиеся в ЦК вместе с большевиками, голосовали за эту резолюцию, Мартов после ее опубликования выступил с критикой. В цитированной уже статье «Социал-демократия в профессиональном движении» он писал:

[1] «Пролетарий» № 21 от 26 (13) февраля 1908 г.

«Резолюция ЦК начинает не с того конца... Она представляет собою чистейший продукт благожелательного по своим намерениям, но от того не менее пагубного бюрократического творчества. Не в этой плоскости лежат в настоящий момент задачи социал-демократии по отношению к профессиональному движению» [1].

В какой же плоскости лежали эти задачи по мнению меньшевиков? Рассматривая дальше резолюцию ЦК, Мартов замечает:

«Резолюция ЦК хорошо делает, когда рекомендует «упорную борьбу за легальность». Но совершенно напрасно она тут же напоминает, что «легальное существование не должно принижать боевых задач профессиональной организации пролетариата» [2].

В этом вся суть дела: хотя бы отказом от своих прямых задач добиться легальности. Нетрудно видеть в этой постановке вопроса элементы того, что позже вошло в идейный багаж ликвидаторства.

Как видим, и по вопросу о профсоюзах меньшевики скатились в лагерь буржуазии: начав с расплывчатых, неоформленных взглядов по вопросу о взаимоотношениях партии и союзов, меньшевики перешли к открытому признанию «нейтральности» и кончили борьбой за превращение боевых политических органов пролетариата в столыпинские легальные организации.

7. Итоги съезда.

Из других резолюций съезда следует отметить принятие устава, которым полностью ликвидировалось двоецентрие (редакция ЦО назначалась ЦК), и объединение с армянской социал-демократией.

Последним вопросом, при обсуждении которого снова вспыхнули все фракционные раздоры, причем национальные организации опять заняли примиренческую позицию, был вопрос о выборах. Съезд наметил в состав ЦК 15 товарищей, из коих 12 выбирались на самом съезде, а 3 делегировались национальными организациями после съезда. Благодаря поведению центра большевики получили в ЦК 5 голосов, а меньшевики — 4.

Что дал V съезд? Каково его место в истории большевизма?

Прежде всего по своему составу съезд показал огромный рост большевизма. Если к IV съезду количество большевиков в социал-демократической партии не превышало тысяч 12, в то время как меньшевиков было 18 тыс., — к V съезду большевиков оказалось 46 тыс., а меньшевиков — 38 тыс. Большевики представляли 30,6% всех организаций российской социал-демократии, а меньшевики — 40,8%, но каждая большевистская организация в среднем имела по 1 026 членов партии, а меньшевистская — 630 членов в среднем. Это говорит о том, что большевиков дали наиболее крупные и наиболее пролетарские партийные организации.

Достаточно посмотреть социальный состав делегатов, чтобы убедиться в пролетарском характере большевистской фракции: среди большевиков пролетариев было 47,6%, среди меньшевиков — 37%. К этому надо прибавить, что среди поляков, которые поддерживали большевиков, рабочие составляли 63,6%, среди латышей, в общем и целом склонявшихся к большевикам,— 44,8%,

[1] «Голос социал-демократа» № 4—5 за 1908 г.

[2] Там же.

а среди бундовцев, поддерживавших полностью меньшевиков, — только 24,5%. В целом у революционной социал-демократии, если иметь в виду только большевиков и поляков, рабочих было 50,3%, а у меньшевиков с бундовцами — только 30,6%.

Таким образом анализ цифр показывает, куда росли обе фракции. Большевизм и по составу своих руководителей, — в руководстве, несомненно, процент рабочих меньше, чем в самой организации, — являлся более чем наполовину пролетарской партией, а меньшевики все более превращались в мелкобуржуазную партию.

Ленинский план объединения, — именно объединения, а не слияния, — путем сохранения крепкого ядра большевиков на основе принципиально выдержанной политики отсечения шатающихся и колеблющихся элементов, принес огромные результаты: большевикам удалось отвоевать рабочих членов социал-демократической партии и благодаря этому занять положение руководящей партии в пролетариате. Революционная политика, твердо и настойчиво проводимая через все этапы революции, противопоставляемая оппортунистической, полукадетской политике меньшевиков, завоевывала группу за группой рабочих.

Пермская губ. тюрьма.
Доклад Накорякова о Лондонском съезде РСДРП.
(Рисунок из тюремной тетради худ. Журавлева.)

План Ленина был таким образом в известном смысле образцом применения тактики единого фронта и этим обогатил опыт русского и международного революционного движения. По существу, большевики и меньшевики составляли две различные партии, объединенные под одной крышей, и для Ленина его план имел задачей, вскрыв истинный характер меньшевизма, показав его классовое лицо, отвоевать рабочих, имевшихся в рядах меньшевизма, и направить поток новых просыпающихся к политической жизни рабочих непосредственно к большевикам.

Впервые со времени раскола большевизм стал программой партии. Основные решения съезда, принятые в большевистских формулировках, давали возможность вывести партию на правильный путь из того тупика, куда то и дело толкали ее меньшевики, все более и более скатывающиеся в кадетский лагерь, а большевистские организационные принципы, в окончательной форме закрепленные Лондонским съездом, позволяли превратить партию в революционный авангард пролетариата, ведущего за собою крестьянство. Однако упорная борьба меньшевиков и бундовцев, примиренческие настроения среди части поляков и латышей, недостаточное преобладание большевиков в ЦК обусловливали возможность новых колебаний, а открытая защита меньшевиками оппор-

тунистических взглядов и прямое противопоставление их взглядам революционной социал-демократии ставили партию перед угрозой нового раскола.

Такой раскол, пока большевистская гегемония в самом пролетариате еще окончательно не была закреплена, был бы несвоевременным, вернул бы большевиков к положению, существовавшему до IV съезда. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, с другой стороны, чтобы иметь возможность продолжать свою тактику единого фронта, большевики на одном из закрытых заседаний фракции избрали из своей среды особый большевистский центр (в составе 15 человек), который должен был играть роль ЦК большевиков.

Делегаты съезда не успели еще добраться до места работы, как политические события поставили партию перед совершенно новой ситуацией.

Та цель, которой служил созыв Государственной думы, в основном оказалась достигнутой: самодержавное правительство получило иностранный заем, временно, по крайней мере, подавило революционное движение, убедилось в полном нежелании кадетов возглавлять мелкобуржуазные массы, а, напротив, в их готовности итти на прямую сделку с самодержавием. Это давало царизму уверенность в поддержке буржуазией его решительных контрреволюционных мероприятий. С другой стороны, проведение аграрного преобразования в духе столыпинского законодательства требовало уничтожения такой трибуны, как Государственная дума, с высоты которой можно было разоблачить новый шаг. Все это делало возможным отказаться от последних остатков уступок, данных в разгар революции, в том числе и от Государственной думы.

14 (1) июня Столыпин явился на закрытое заседание Государственной думы и потребовал изгнания из думы всей с.-д. фракции и немедленной выдачи 16 видных социал-демократов для предания суду по обвинению в связи с военной организацией и подготовке восстания. Дума не дала прямого ответа, решив, по предложению кадетов, сдать вопрос в особую комиссию для проверки обвинения.

Формальный отказ выполнить ультиматум Столыпина послужил для самодержавия поводом к разгону Думы. 16 (3) июня 1907 г. был опубликован указ о роспуске Думы и объявлен новый избирательный закон, коренным образом изменивший избирательную систему: представительство крестьян было сокращено наполовину, помещики и буржуазия получили полное преобладание, и без всяких сенатских разъяснений число рабочих депутатов было сведено до 6. Партия стала перед необходимостью новой оценки момента и выработки новой тактики в условиях временной стабилизации царизма.

ВОПРОСНИК—ПЛАН К ГЛАВЕ XII.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И II ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

I. Первая русская революция и международное революционное движение.

а) Влияние русской революции на рабочее движение на Западе.

б) Влияние русской революции на революционное движение трудящихся на Востоке.

II. Интернационал и первая русская революция.

а) Программные, тактические и организационные принципы Интернационала накануне революции.

б) Отклики лидеров Интернационала на первую русскую революцию.

III. Позиции Бебеля и Каутского в первой русской революции.

а) Оценки ими характера и движущих сил революции.

б) Вопрос о стачке и восстании у Каутского и Бебеля.

в) Отношение Бебеля и Каутского к разногласиям между большевиками и меньшевиками в 1905 — 1907 гг.

IV. Позиция Розы Люксембург в первой русской революции.

Заключение.

Итоги и выводы из оценки лидерами II Интернационала первой русской революции.

ЛИТЕРАТУРА: СМ. См. в тексте.

ГЛАВА XII.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И II ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

а) ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г. НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ.

Борьбу за доведение революции до конца большевики, во главе с Лениным, считали одной из задач, от разрешения которой в значительной степени зависело не только дальнейшее развитие революции внутри страны, но и рабочего революционного движения в государствах Западной Европы, а также революционного движения угнетенных народов Востока.

Международная буржуазия отдавала себе отчет в том, что в лице русского самодержавия она потеряет один из мощных оплотов буржуазной реакции, силами которого она уже не раз пользовалась для подавления революционного движения внутри своих стран. Поэтому нет ничего удивительного в том, что буржуазия, особенно французская, с величайшей поспешностью оказала финансовую поддержку самодержавию, предоставив в его распоряжение огромные суммы в виде международного займа 1906 г.

В 1905 г. финансы самодержавного правительства находились в самом печальном состоянии. Огромные расходы, связанные с войной, сокращение внутренних доходов, сокращение вкладов в сберкассы под влиянием революционных событий и отчасти под влиянием агитации революционных партий и, наконец, ряд новых расходов, непосредственно направленных на подавление революции, в конец расстроили царские финансы. Сильно ослабленное финансовым кризисом и перепуганное развивающейся революцией, царское правительство протянуло свои руки за границу, чтобы нагрести золота и, укрепив свои позиции внутри страны, подавить революцию. Мировая буржуазия оказывала финансовую поддержку царскому правительству не даром, не ради одних барышей, а потому, что была крайне обеспокоена успехами революции 1905 г. и тем влиянием, которое эта революция оказала на движение рабочего класса различных стран.

Указывая тогда же на консолидацию реакционных сил Европы и на международную солидарность рабочего класса, большевистский «Вперед» говорил: ...«Эта опасность для царизма начавшегося движения пролетариата заставила встрепенуться всех тех, чьи интересы так или иначе связаны с существованием русского самодержавия, подняла на ноги все мрачные силы европейской реакции. Давно прошли те времена, когда европейская буржуазия боролась на

баррикадах за свою политическую свободу, расшатывала троны своих Романовых. Давно прошли эти времена, и теперь, под напором все растущего рабочего движения, значительная часть западно-европейской буржуазии бросилась в объятия реакции. В этом реакционном движении в первых рядах идет буржуазия Германии и Франции. Враждебные друг другу... они сошлись в оценке того значения, какое имеет для них царское самодержавие, этот европейский жандарм. Сохранение этой грубой силы, готовой всегда казацкими нагайками восстановить мир и порядок в Европе, стало в последнее время жизненным условием существования европейской реакции. И вот эти мрачные силы Европы видят, как волнующееся народное море подмывает непоколебимые, казалось, устои самодержавия. Оно видит, что борьба петербургского пролетариата встретила могучий отклик у пролетариата европейского, и чувство самосохранения заставляет их приветствовать царя, победителя беззащитной толпы и оправдывать его злодеяния» [1].

А 7 февраля 1906 г. Жан Жорес, протестовавший против содействия правительства Французской республики финансированию царского правительства России, писал:

«Было бы чудовищно, если бы правительство французской республики поддержало правительство автократов России против нации. Уменьшить финансовые затруднения царизма — это значит дать ему возможность выиграть время и еще раз одурачить народ. Это значит подкладывать огонь в горн, в котором автократия закаляет свое оружие. Это значит разделить от имени Франции ответственность за убийства и обман, совершенные царизмом. Это было бы также преступлением потому, что делающие заем предполагают воспользоваться займом для того, чтобы продлить существование деспотизма, чтобы нанести поражение страдающему народу. Всякий, кто авансирует золото царизму, тот поддерживает убийцу нации...» [2].

Чтобы заглушить протестующие голоса, царское правительство пустило в ход все средства вплоть до подкупа французской печати, активно протестовавшей против предоставления займа русскому царю и печатавшей сообщения о положении дел в России. В этом деле, как и в других, русские министры и послы не проявили особой оригинальности и большого умения, зато, руководствуясь «принципом — кто больше», «по-барски» налегли на тощий государственный кошелек. Царское правительство знало, каким путем лучше действовать для успеха займа. Вся «свободная» буржуазная печать за «соответствующую мзду» охотно согласилась в интересах своих господ притти на помощь царизму

Уже в письме от 2 марта (17 февраля) 1905 г. к Ламсдорфу русский посол в Париже А. И. Нелидов, разъясняя министру, какими методами можно обеспечить успех предполагаемого займа, писал:

«Самое важное — это действовать быстро, и при этом быть щедрыми, т. е. дело будет итти о привлечении самых крупных газет, наиболее богатых. Мне говорили, что Япония платит «Матэн» — одной из самых нам враждебных — 20 000 фр. в месяц. Придется дать ей еще больше» [3].

Министр финансов Коковцев в письме Ламсдорфу от 3 июля (20 июня) 1905 г. сделал небольшой отчет в суммах, истраченных на подкуп французской

---

[1] «Вперед» № 6 от 14 (1) февраля 1905 г.

[2] «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», стр. 18.

[3] Там же, стр. 159.

прессы. Это письмо не оставляет никаких сомнений в том, что представители самодержавного правительства рыцарски сдержали свое обещание, оказались щедрыми, может быть даже больше, чем предполагали продажные писаки французской буржуазной прессы.

«Было признано необходимым, — пишет Коковцев, — ассигновать на первое время на субсидирование французской прессы 200 тыс. франков, поручив распределение пособий Г. Ленуару, посреднику в такого рода делах при эмиссионных операциях между французским правительством и прессою. Такая организация была принята в тех соображениях, чтобы официальные представители России оставались в глазах органов прессы непричастными к этому щекотливому делу. За сим ввиду замеченного во французской прессе под влиянием известий с театра войны неблагоприятного для России направления признано было целесообразным расширить дело субсидирования прессы и отпущены осенью 1904 г. и в феврале 1905 г. на сей предмет новые кредиты в общей сумме 537 700 франков. В конце февраля текущего года... был назначен новый кредит в 700 тыс. франков на выдачу пособий прессе в течение трех месяцев, а в июне и в июле сего года было ассигновано дополнительно 235 тыс. на каждый месяц. Распределение субсидий было поручено, как и ранее, Г. Ленуару. Таким образом, всего израсходовано на субсидирование французской прессы в 1904 г. и в 1905 г. до 2 млн. франков» [1]

При этом нельзя не привести также здесь характеристики французской печати, которую дал Коковцев в своем отчете комитету финансов от 15 января 1906 г. Эта характеристика представляет исключительный интерес. Она дана «своим же» «беспристрастным человеком».

«Существенную роль в подготовке нового займа на парижской бирже,— писал Коковцев,— должна сыграть французская пресса. Крайне влиятельная, как орудие общественного мнения, французская пресса находится на самом низком уровне с точки зрения ее порядочности и достоинства. Она продажна — от самых крупных органов до бульварных листков включительно. Все расценено на деньги, и притом и за деньги не всегда получаются те услуги, которые желательны. Трудно даже представить себе, до какой степени беззастенчивости доведено это дело в Париже и какая сложная организация взяточничества и посредничества существует в этом отношении. На печать громко жалуются все, от президента республики до последнего банкира, от ее недобросовестности страдают все, и на вопрос: что же делать? отвечают просто: «рауег», а на замечание, как же достигнуть по крайней мере, чтобы плата шла за положительные услуги, только беспомощно разводят руками. Во все время войны мы и поступали по рецепту «рауег» — платили и платили много» [2].

Что еще можно прибавить к этой характеристике «буржуазной свободы печати» и тому, что собой представляет на деле буржуазная пресса, о которой так много печется современная социал-демократия.

Но русское правительство должно было «платить» не только французской прессе, но и правительству Французской республики. Последнее, воспользовавшись удобным моментом, попыталось извлечь из предстоящего займа политическую выгоду для себя. При переговорах с Коковцевым французский министр финансов Рувье заявил, что правительство Франции ожидает от России соответствующего давления на Германию в вопросе о Марокко. В связи с этим Коковцев 16 (3) января 1906 г. телеграфировал Витте следующее:

«Рувье обещал немедленно же войти в сношения с банкирами, сказавши, что сделает все, чтобы внушить им недостающую им энергию... Успеху моего трудного положения могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в марокк-

[1] «Русские финансы...» стр. 199—200.
[2] Там же, стр. 264.

ском вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию. К этому вопросу Рувье возвращается дважды. Крайне обяжете, дав мне об этом немедленно ответ, дабы я мог его иметь в пятницу днем» [1].

Витте, имея по этому поводу разговор с царем и получив от него согласие поддержать в вопросе о Марокко Францию против Германии, послал Коковцеву 17 (4) января 1906 г. следующую телеграмму:

«Вашу телеграмму доложил государю императору. Его величество находит желательным, чтобы Вы представились Лубэ. Что касается марокккского вопроса, то с высочайшего соизволения можете передать Рувье, что императорское правительство окажет моральную поддержку в смысле влияния на германское правительство. Вообще его величество ввиду дружественных и союзнических отношений готов оказывать поддержку французскому правительству. Министр иностранных дел еще раньше получения вашей телеграммы дал инструкции, соответствующие интересам Франции, нашим уполномоченным, о чем известил французского посланника Камбона в Мадриде» [2].

Результатом вмешательства России в марокккский вопрос было то, что Франции удалось избежать военного столкновения с Германией и установить свое господство над Марокко.

Таким образом самодержавное правительство России и буржуазное правительство Французской республики оказали друг другу «положительные» услуги: царь получил деньги на подавление русской революции, французская буржуазия получила безраздельное право эксплоатировать трудящихся Марокко.

Несмотря на всеобщую мобилизацию своих сил, русский царизм и европейская буржуазия не были в состоянии локализовать русскую революцию 1905 г. в пределах России; международный пролетариат отозвался на нее взрывом революционного энтузиазма, повышением своей революционной активности и мощи. Уже через 2 дня после кровавого воскресенья рабочие европейских стран не на словах, а на деле начали показывать свое сочувствие героям петербургского движения, устраивая митинги протеста:

«В Брюсселе... устраивается собрание на открытом воздухе, тысячная толпа направляется к русскому посольству с криками, «Долой царизм!», «Долой убийц!» В Вене устраиваются разом два митинга... Митинги протеста против петербургских палачей созываются в Праге, Кракове, Пшемысле. В Триесте рабочие собрались перед русским консульством, чтобы протестовать против зверства русского правительства... Во всех сколько-нибудь значительных городах Швейцарии состоялись митинги сочувствия и протеста. В Лондоне сорвана большая медная доска, красовавшаяся на здании русского посольства. Собрания протеста были и в итальянских городах: Риме, Неаполе и др.... Много собраний протеста было и в Париже: они созывались и рабочими синдикатами, и французским студенчеством. Поведение царских войск объявляется беспримерным преступлением, а правительство русского деспота признается исключенным из цивилизованного человечества. В нескольких газетах открыта подписка в пользу петербургских рабочих. Парижский союз труда, его отделы, а также все рабочие союзы и биржи труда приглашаются к протесту» [3].

И чем дальше развивалась русская революция 1905 г., чем решительнее русские рабочие штурмовали полуразрушенные бастионы самодержавия, тем громче были ее отзвуки в рабочих кварталах европейских городов. По мере

---

[1] «Русские финансы...», стр. 239.

[2] Там же, стр. 239—240.

[3] «Вперед» № 4 от 31 (18) января 1905 г., стр 14 (62).

развития русской революции рабочий класс Европы заметно переходил от митингов протеста против зверской расправы царизма с русскими рабочими к повышению массовой инициативы пролетарской борьбы, к изменению своей революционной тактики.

Действие русской революции на пролетарские массы не застыло в повышенном настроении, а давало практические результаты. В Германии все лето прошло в стачках: стачки разыгрывались почти во всех отраслях промышленного производства. Революционные события в России оказывали свое действие. Их действие было так сильно, что даже «бронзовая скала» немецкого милитаризма начала испытывать первые толчки.

В июле 1905 г. произошло восстание команды броненосца «Потемкина». Откликом на выступление «Потемкина» явилось возмущение матросов германского крейсера «Frauenlob» во время большого парада в Кильской гавани. Матросы арестовали своих офицеров, бросили в воду замки орудий и подняли на корабле красный флаг. Вслед за изданием царского манифеста 17 октября в Германии последовало первое большое движение за изменение избирательного права. Движение началось в Австрии, но вскоре перебросилось в Германию и приняло широкие размеры. Это был период сильного возмущения масс в борьбе за избирательное право. Рабочие устраивали митинги и демонстрации, в результате чего добились в Южной Германии некоторых уступок. Высшего подъема движение немецких рабочих достигло в годовщину январских событий в Петербурге 22 (9) января 1906 г. По всей стране устраивались собрания, демонстрации, посвященные русской революции.

Если германские рабочие, приветствуя русскую революцию, выступали с протестами против зверств царского правительства и повышали свою революционную активность, то немецкая буржуазия подала руку помощи погибавшему самодержавию. Газета «National Zeitung» сообщала в 1905 г.,

«...что между Петербургом и Берлином состоялось соглашение, по которому в «нужную минуту» 5 германских корпусов будут отправлены через русскую границу» [1].

В докладе о революции 1905 г., произнесенном на собрании рабочей молодежи Швейцарии, Ленин говорил, что

«косвенным образом русская революция оказала свое влияние и на страны, расположенные на Западе. Не следует забывать, что как только 30 октября 1905 г. в Вену прибыла телеграмма о конституционном манифесте царя, это известие сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права в Австрии»

Ярким подтверждением слов Ленина может служить корреспонденция в «Новую жизнь» о событиях, разыгравшихся в Вене в день получения известий о победе русских рабочих.

«30 октября в тот самый день, когда самодержавное правительство России открыто заявило о своем бессилии перед лицом восставшего пролетариата, в Вене открылся съезд австрийской социал-демократической рабочей партии. Это совпадение не осталось без последствий. Горячее дыхание великой российской революции зажгло вдохновением речи ораторов съезда и окрасило в яркий цвет последовавшие за съездом события» [2].

---

[1] «Новая жизнь» № 5.

[2] «Новая жизнь» № 7.

В тот же день съезд принял резолюцию, в которой приветствовал русскую революцию. По мере того, как приходили новые известия из России, волна боевого настроения поднималась все выше и выше. Вечером 31 октября перед зданием парламента была устроена грандиозная демонстрация, положившая начало новой волне мощного движения австрийского пролетариата за завоевание всеобщего избирательного права. В начале ноября 1905 г. в Вене, а потом в Праге произошли серьезные кровавые столкновения демонстрантов с полицией. В результате всего победа оказалась на стороне рабочих: в январе 1907 г. был издан закон о введении всеобщего избирательного права в Австрии.

Революция 1905 г. отразилась и на революционном движении рабочего класса Англии. В первое десятилетие XX в. в английском рабочем движении замечается известный перелом. В это десятилетие возникает ряд крупнейших стачек рабочих хлопчатобумажной промышленности, рудокопов Южного Уэльса, докеров и пр. Происходит сдвиг влево. К главнейшим причинам этих процессов относится влияние российской революции 1905 г.

В борьбу французского пролетариата русская революция внесла огромное оживление; выше было указано, как французский пролетариат откликнулся на январские события 1905 г. в Петербурге. Дальнейший ход революционных событий в России еще больше революционизировал рабочий класс Франции. Весь период 1904—1906 гг. был наполнен борьбою синдикатов за восьмичасовой рабочий день и подготовкой всеобщей стачки. В мае 1906 г. во Франции произошли грандиозные стачки, охватившие около 140 тыс. рабочих. Французские стачечники несомненно находились под влиянием стачечной борьбы русских рабочих в 1905 г.

Все важнейшие события российской революции находили отклик и в Швейцарии. События 22 (9) января 1905 г. вызвали мощное движение швейцарского пролетариата. Волна стачек прокатилась по Швейцарии. Настроение рабочих масс было крайне приподнято, ими овладели мужество и жажда борьбы. Под непосредственным влиянием исторических октябрьско-ноябрьских стачек российских рабочих среди рабочих Швейцарии получила широкое распространение идея всеобщей стачки. Не менее сильные революционные отзвуки русской революции 1905 г. получились в движении болгарского пролетариата. На революционные события 1905 г. болгарские рабочие отозвались с большим воодушевлением. Они ожидали, что победа русской революции явится началом конца существования капитализма во всем мире. Целый год болгарские рабочие напряженно следили за событиями в России. Следует отметить, что болгарские революционеры были хорошо знакомы с марксистской литературой, издававшейся русскими марксистами. В Болгарии сравнительно широко распространялась «Искра». Революция 1905 г. еще сильнее закрепила идеи революционного марксизма в сознании болгарского пролетариата.

Не менее значительно было влияние российской революции 1905 г. на революционное движение в колониальных и полуколониальных странах Востока.

Российская революция 1905 г. оказала глубокое воздействие на революционное движение широких народных масс Турции и Персии. Турецкие рево-

люционеры-эмигранты, проживавшие в Париже, Швейцарии и пр., с головой ушли в изучение опыта массовой пролетарской борьбы в России. Широкое народное движение Турции, усилившееся под влиянием русской революции, привело к тому, что партия «Единение и прогресс» или иттиходистов перенесла свой центральный комитет из Парижа в Салоники, где создался центр вооруженной борьбы с правительством султана. Скоро движение начало охватывать собой крестьянство, армию и др. слои турецкого народа, и в 1908 г. султан Абдул-Гамид был свергнут с престола.

О революционном движении Персии в период первой русской революции можно сказать, что оно с самого начала тесно связано с революционными событиями в России. Персия ежегодно выбрасывала за границу значительные кадры избыточного населения персидской бедноты, которая в поисках работы уходила в Россию, главным образом на Кавказ, и находила там применение своих сил на нефтяных промыслах и промышленных предприятиях.

«В течение 15 лет, предшествовавших 1905 г., из Персии ежегодно отправлялись десятки тысяч бедняков на Кавказ, где они работали на нефтяных промыслах в Баку, Грозном... В Тифлисе, Новороссийске, Дербенте, Владикавказе, Темир-Хан-Шуре были представители персидских трудовых масс. И в общении с русскими и кавказскими пролетариями, в работе под общим фабричным сводом или в четырех стенах одной общей душной мастерской, — персидский труженик в лице его наиболее сознательных элементов приобщился к великому революционному движению, волны которого бушевали по всей Российской империи».

«События русской революции, — 9-е января, всеобщая забастовка, московское вооруженное восстание, — произвели потрясающее впечатление на население Персии. Нелегальная персидская литература проникла во все города, повсюду происходили демонстрации против шаха и его сатрапов, клик «да здравствует конституция» разносился по всей стране» [1].

13 августа 1906 г. в Тегеране началась всеобщая забастовка, в которой участвовали почти «все классы населения». Эта забастовка привела к провозглашению конституции (август 1906 г.) и созыву парламента (октябрь 1906 г.). Конституция и парламент не долго удержались в Персии. Российские черносотенцы вместе с английской буржуазией организовали заговор против персидской свободы. В 1907 г. заключается между Англией и Россией договор, по которому Персия отдается под протекторат англо-русских разбойников.

В эти же годы Россия выступает как организатор контрреволюционных элементов Персии, снабжает их оружием, инструкторами, а 24 (11) июня 1908 г. казачья бригада полковника Ляхова организует погром Тегерана, вооруженным путем разгоняет персидский меджелис. Кавказские социал-демократы посылали в помощь персидской революции боевые дружины, оружие, распространяли воззвания. Видную роль в этой помощи играл покойный Нариман Нариманов.

Революционная борьба в Китае получила сильный толчок со стороны революционного движения народных масс в России в 1905 г. Господствующие классы, чтобы обессилить начавшееся движение, организуют посылку ряда миссий в Америку и Европу для изучения государственного строя передовых стран. Тогда же был издан приказ об отмене пыток при судебном следствии, открыто много школ.

---

[1] «Историк-марксист» № 1, 1926 г., стр. 145 (ст. Павловича).

«Впервые слово «конституция» стало открыто упоминаться в китайской прессе 1905 г., а 1-й императорский декрет, говоривший о скором введении конституции, был объявлен в сентябре 1906 г.» [1].

Весной 1907 г. в шести провинциях Юга вспыхнуло грандиозное восстание. В провинции Гуандун образовалась армия в 60 тыс. человек. В начале 1908 г. во главе революционного движения становится доктор Сун Ят-сен. После ожесточеннейшей борьбы Манчжурская династия была наконец свергнута и в Нанкине, в 1911 г., провозглашена Китайская республика.

Уже русско-японская война вызвала среди японских социалистов движение в пользу российского пролетариата. Они обратились с приветствием к русским рабочим, которое было помещено в «Искре». В Японии был ряд антивоенных демонстраций, митингов. Первая антивоенная демонстрация происходила в ноябре 1904 г. в Токио. Таким образом еще до событий 1905 г. установился некоторый революционный контакт японского и российского пролетариата, создалась идеологическая связь между рабочими обеих стран.

Японская социалистическая партия печатала в своей прессе подробные информации о ходе революционных событий в России и комментировала такие события как стачечная борьба, указ царя о созыве Государственной думы и т. д. Среди русских пленных, находившихся в Японии, велась революционная пропаганда.

В Индии, так же как и в других странах Востока и Запада, под влиянием революции 1905 г. широко развертывается революционное движение. После 1905 г. в Индии начали организовываться террористические акты против угнетателей, происходили противоправительственные демонстрации, участились волнения туземцев, туземная печать становилась все более оппозиционной. Английская администрация вводит режим белого террора, жестоко расправляется с деятелями революционного движения. В начале декабря 1905 г. Англия восстанавливает закон 1818 г. «Об исключительном положении», который дает возможность бросить в тюрьму 130 журналистов. В ответ начинается новая полоса террора, которая перекидывается даже в Лондон. В 1909 г. молодой индус Мадар-Лал-Дингра в Лондоне убивает полковника Керзона Уилли; 27 (14) ноября 1909 г. в вице-короля Индии лорда Минто была брошена бомба и т. д. Расстрелы и аресты прокатываются по всей стране. В одной только провинции Патиала за один день английская администрация арестовала 160 человек. Аресты происходили и в армии. В январе 1909 г. было арестовано 10 солдат туземного Калькутского полка; солдаты обвинялись в ведении революционной агитации в армии.

Таким образом это великое освободительное движение народов Востока, которому дала такой могучий толчок русская революция 1905 г., не смогло быть задержано в своем развитии даже с временным торжеством реакции в царской России.

«Русская революция вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 г. оставило глубокие следы и что его влияние, обнаружившееся в поступательном движении сотен и сотен миллионов людей, неискоренимо» [2].

[1] «Историк-марксист» № 1, 1926 г., стр. 51.

[2] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 356.

Как и следовало ожидать, революция нашла могучий отклик среди масс Запада и Востока.

Как же была воспринята эта революция II Интернационалом и его лидерами?

б) ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА И ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЛИДЕРАМИ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

1. Введение.

Вопрос об оценке II Интернационалом первой русской революции, ее характера, ее движущих сил, ее международного значения, основных этапов тактики пролетариата, роли и задач пролетарской партии в революции и в связи с этим оценки разногласий по этим вопросам между большевиками и меньшевиками в этот период, к сожалению, до сих пор еще не служил предметом изучения партийных товарищей, в особенности, занимающихся специально историей революционного движения на Западе и историей II Интернационала и его руководящих партий (германской с.-д. в первую очередь). Между тем вопрос этот имеет актуальнейшее значение как для истории нашей партии, так и для истории Коминтерна.

Хорошо известно, что до краха II Интернационала в 1914 г. именно русская революция послужила в значительной степени причиной дальнейшего размежевания революционного и оппортунистического крыла Интернационала, причем основной особенностью размежевания на данном этапе явился тот факт, что после 1905—1907 гг. Каутский и другие будущие «центристы», уже и раньше обнаруживавшие очень серьезные колебания в сторону открытого оппортунизма и ревизионизма, более откровенно и решительно отмежевываются от «левого крыла» Интернационала в сторону блока с оппортунистами.

Это, как известно, отразилось также на отношении Каутского и др. к положению дел в РСДРП в эпоху реакции и подъема, когда они более определенно и решительно стали на сторону меньшевиков. Шатания и соскальзывание лидеров II Интернационала к позициям меньшевиков в целом ряде важнейших вопросов первой русской революции представляет особый интерес для изучения истоков будущего «центризма». Проследим это соскальзывание с марксистских путей в нескольких основных вопросах теории и практики, стоявших перед пролетарскими партиями той эпохи. В первую очередь остановимся на выработке ортодоксальной марксистской программы партии. Поучительно сопоставить Эрфуртскую программу германской с.-д., которая «стала образцом для всего II Интернационала» [1] и которая вызвала резкую критику со стороны Энгельса, критику, о которой Ленин писал, что «Энгельс критикует здесь оппортунизм всего II Интернационала» [2] с программой РСДРП, которая в основном, благодаря Ленину, стояла на подлинно революционных позициях.

В непосредственной связи с вопросом о программе находилась борьба с ревизионизмом. Известна половинчатость позиции, занятой как

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 416.

[2] Там же, стр. 417.

Бебелем, так и Каутским в борьбе с ревизионистами Бернштейном, Фольмаром и др., вызвавшей протест со стороны Плеханова [1], всецело поддержанного Лениным. В «Государстве и революции» Ленин так характеризовал позицию Каутского в этот период:

«...Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способа трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем и с т о р и ю новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве»... [2].

Эта ленинская характеристика целиком и полностью подтверждается фактами. Известно, что Каутский пытался доказать, что

«дискуссия о книге Бернштейна осталась бесплодной», что «этот кризис принес марксизму меньше вреда, чем его предшественники».

Только революционные настроения рабочих социал-демократов против ревизионизма, выразившиеся на Ганноверском съезде германской с.-д. в 1899 г., послужили причиной, побудившей Каутского на «вынужденное выступление против Бернштейна» [3]. И только Роза Люксембург правильно оценила опасность бернштейниады.

В то же время хорошо известно, что благодаря Ленину революционное крыло РСДРП сумело дать сокрушительный отпор русскому ревизионизму в лице легального марксизма, экономизма, а впоследствии и меньшевизма.

Германская с.-д. в лице Каутского собиралась «благодарить» Бернштейна, а не исключать его из партии, вопреки настойчивым требованиям Энгельса. Не исключают из партии, благодаря Бебелю, Фольмара.

В статье, посвященной Бебелю, Ленин писал:

«С одной стороны, оппортунисты с Фольмаром во главе готовы были воспользоваться легальностью для отречения от неурезанных лозунгов и от непримиримой тактики. С другой стороны, так называемые «молодые» играли в «левизну» и катились к анархизму. Если этот кризис партии оказался очень коротким и несерьезным, то большая заслуга приходится здесь именно на долю Бебеля и Либкнехта, которые дали самый твердый отпор обоим шатаниям»... [4].

По понятным причинам Ленин здесь не оттеняет как в «Государстве и революции», наряду с энергичной борьбой, «уступчивость направо». И только открытое предательство Каутского в 1914 и последующих годах дало повод Ленину особо подчеркнуть необходимость искать истоки «предательства» и м е н н о в э т о т п е р и о д.

Отход от марксистской революционной теории скрывал за собой отход и в основных вопросах пролетарской политики (стратегия и тактика). Известен отказ лидеров германской с.-д., вопреки настойчивому требованию Энгельса, от борьбы за республику. Это была прямая и неприкрытая уступка оппортунизму.

---

[1] См. выше, гл. II наст. тома. — *Ред.*

[2] Л е н и н, Соч., т. XXI, стр. 443.

[3] «Книга для чтения по истории нового и новейшего времени», под редакцией Г. Зайделя, С. Моносова и Ц. Фридлянда, т. III, стр. 691.

[4] Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 548—549.

Известно также, что нерешительность, проявленная II Интернационалом в так называемом «мильерановском казусе» [1] и «каучуковая» резолюция Каутского по вопросу о допустимости вступления социалистов в буржуазное правительство, давали широкий простор оппортунистам. Не даром на том же конгрессе Вандервельде говорил, что:

«нет ни одного социалиста, который не признавал бы значения тех реформ, которые провел Мильеран» [2],

чем он косвенно, несмотря на словесное неодобрение «казуса Мильерана», солидаризовался с последним.

Тот же Вандервельде решительно выступил против принципиальной оценки «мильерановского казуса»:

«Наш конгресс, — патетически восклицал вождь бельгийских оппортунистов, — не является судом или собором для отлучения от церкви» [3].

Выступление Вандервельде не было случайным и одиноким. Соратник Вандервельде по партии, Анзееле, послал поздравительную телеграмму Мильерану при его вступлении в министерство, а на Парижском конгрессе заявил даже о резолюции Каутского, что это «разрыв с прошлым». Он произнес следующую речь в защиту позиции Вандервельде:

«До сих пор и мы слишком долго проповедывали веру в великие дела революции, — восклицал Анзееле, — подобно тому как церковь говорила верующим о красоте царства небесного, буржуазия же говорила о всеспасающей силе политической свободы... Очень легко зажечь юношеские восторженные сердца ожиданием великого последнего боя, гораздо труднее, будучи членом организации, изо дня в день исполнять свои маленькие утомительные обязанности. Постройка баррикад — славное дело, но не менее славной является эта маленькая работа. Мы воздаем должную честь прежним передовым борцам революции, но мы не должны слишком низко ценить тех, которые в настоящее время выступают за л у ч ш и е, б о л е е с о о т в е т с т в у ю щ и е с о в р е м е н н ы м п о т р е б н о с т я м м е т о д ы б о р ь б ы.[4]

Этот же Анзееле позволил себе даже оправдывать Мильерана на конгрессе в вопросе о расстреле рабочих во время стачки.

«Разве мы поставили бы в упрек члену профессионального союза, — восклицал он, — вступление в управление большим промышленным предприятием, потому что владелец его принужден был признать себя неспособным к этому? Разве можно было бы считать этого члена профсоюза ответственным за все проделки капиталистической системы, как теперь делают ответственным Мильерана за каждое отдельное действие буржуазного министерства против рабочих?» [5].

Такое отношение к мильеранизму вовсе не было характерным для одних бельгийских социалистов. Его разделяли как германские, так и французские оппортунисты. Вот что говорил известный германский оппортунист Ауэр:

«...мы — н е ф а н а т и к и, н е п р о р о к и, н е о с н о в а т е л и р е л и г и и, которые имеют в кармане последнюю истину».

---

[1] Вступление Мильерана в буржуазное правительство Вальдека Руссо в качестве министра торговли, в правительство, в котором военным министром был палач коммуны ген. Галифе.—*Ред.*

[2] Цит. по «Книге для чтения», т. III, стр. 691.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 692.

[5] Там же.

Он не только не относился отрицательно к «казусу Мильерана», он сожалел, что в Германии вопрос о вступлении в министерство — вопрос академический, потому что немецкие

«партийные вожди, для которых мог бы стать такой вопрос, г о р а з д о б л и ж е стоят к т ю р е м н о й к а м е р е, чем к министерскому посту... Для нас, к сожалению, — продолжал он, обращаясь к французам, — этот момент (вступления в министерство.—*Ред.)* еще не наступил. Для вас он наступил. И мы можем только пожелать, чтобы этот в е л и к и й м о м е н т, когда бы он ни наступил, нашел не маленьких людей!..» [1].

Наконец, в защиту резолюции Каутского выступил и Жорес:

«Нам нечего опасаться, что буржуазия слишком часто захочет приглашать социалиста в министерство, в особенности, когда за ним стоит партия и он является только уполномоченным партии, потому что при таких условиях вступление социалиста в буржуазное министерство является н а ч а л о м п о л и т и ч е с к о й э к с п р о п р и а ц и и б у р ж у а з и и» [2].

На следующем Амстердамском конгрессе оппортунисты уже прямо пытаются перейти в наступление против резолюции Дрезденского съезда германской с.-д., заостренной против ревизионизма. Ловко использовывая оппортунистические шатания германской с.-д., Жорес пытался выступить вместе с Вандервельде и Адлером против резолюции.

Резолюция была все же принята незначительным, правда, большинством 25 голосов против 21. Любопытно было выступление цитированного выше Анзееле, который доказывал, что за резолюцию голосуют те страны, для социалистов которых проблема власти не стоит в порядке дня:

«Социалистам России, Болгарии, Польши, Испании, Японии, — заявил Анзееле, — очень легко не принимать на себя ответственности за власть. Без сомнения, пройдет еще много лет, прежде чем им будет предложено участие в делах правления. Если бы я был представителем одной их этих стран, я бы в этом вопросе воздержался и остерегался бы осуждать такую социалистическую тактику, которую я по слабости не смог бы проводить в жизнь в своей стране».

Этот недостойный выпад бельгийского социалиста встретил резкую отповедь со стороны представителей названных им стран. Плеханов, Люксембург (от Польши), Иглезнас (Испания), Катаяма (Япония) и Раковский (Румыния) подали заявление, прочитанное на конгрессе Розой Люксембург, в котором от имени социал-демократии названных стран выражался протест

«против такой попытки разделить делегатов конгресса на активных и пассивных и, так сказать, создать европейский концерт социалистических партий великих держав, имеющих исключительное право разрешать основные вопросы международного социализма» [3].

Таким образом, Ленин был тысячу раз прав, когда еще в «Что делать?» писал о путях ревизионизма:

«В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной с.-д. образовалиеь два направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолюций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью с к а з а л Бернштейн и п о к а з а л Мильеран...

[1] Цит. по «Книге для чтения», стр. 692.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 700.

Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вожделения оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой методы». Франция и на этот раз оправдала свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца»... Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства, — недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар» [1].

Приведенных примеров более чем достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, какое громадное значение должна была сыграть первая русская революция в качестве проверки II Интернационала на д е л е.

2. Отклики на русскую революцию со стороны лидеров II Интернационала.

Можно было бы сразу же сказать, что если массы встретили русскую революцию с исключительным восторгом и энтузиазмом, то лидеры II Интернационала подошли к ней с некоторой настороженностью и опасением.

Русская революция выдвинула впервые н а п р а к т и к е вопросы, на которые революционное крыло РСДРП дало ряд ответов, по новому сказало «новое слово», заставившее действительно лидеров II Интернационала насторожиться. Вопросы гегемонии пролетариата, организации революции и притом не только снизу, но и сверху, организация вооруженного восстания, всеобщая стачка, как этап к восстанию, четкая постановка о партии-авангарде, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства — все это резко прозвучало уже в самом начале революции и все это было так... мало понятно, прямо-таки чуждо всему духу Интернационала.

Нужно сказать, что большинство вождей II Интернационала особенно насторожилось после ленинских статей о «Временном революционном правительстве» и «Революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Дыхание диктатуры, наступательные действия не только снизу, но и сверху должны были пронестись, как живительная гроза, и встряхнуть привыкшую лишь к оборонительной тактике, только к действиям снизу германскую социал-демократию и весь II Интернационал. Этот призыв Ленина к воскрешению славных традиций I Интернационала был настолько нов и неожидан для всех лидеров II Интернационала, что они и впрямь начали подозревать у большевиков «заговорщический бланкизм».

[1] К этому месту Ленин делает следующую очень важную сноску по интересующему нас вопросу: «Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гэдистами и поссибилистами, между фабианцами и социал-демократами, между народовольцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия доста-

Поэтому цитируемые ниже слова из брошюры Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», сопоставленные с приведенным местом из «Что делать?», показывают, что эти слова Ленина писались по адресу всех лидеров, занимавших не только открытую, но и скрыто-оппортунистическую позицию, превращавших Интернационал лишь в инструмент мирной эпохи.

Вот эти поистине замечательные слова:

«Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времен Парижской коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху: начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий» [1].

Не случайно Бебель в письме к Ленину от 16 (3) февраля 1905 г. говорил, что

«С разных сторон президиум немецкой социал-демократии просят сделать попытку вмешаться в прискорбный конфликт между приверженцами «Вперед» и «Искры». Давно возникший конфликт в настоящее время влияет особенно губительно на состояние партии, принимая во внимание положение дел в России... Известие об этом расколе вызвало среди интернациональной социал-демократии большое смущение и определенное недовольство, и всюду существует ожидание, что после свободного обсуждения обе части сумеют найти общую почву для борьбы против общего врага... Я предполагаю, что вы и ваши друзья будете рады положить конец расколу и взаимной борьбе между партийными товарищами, стоящими на одинаковой принципиальной почве» [2].

Как видно из приведенной выписки, Бебель не хочет видеть каких-либо «принципиальных разногласий» между большевиками и меньшевиками.

Международное социалистическое бюро на протяжении всего 1905 г. ограничивалось лишь опубликованием воззваний, носивших характер общего выражения сочувствия революции — и только.

В своих воспоминаниях М. Н. Лядов рассказывает, как Ленин в 1905 г. послал его (Лядова) за границу, чтобы информировать наиболее радикально настроенных лидеров II Интернационала о положении дел в России и партии, так как, пользуясь своими связями, меньшевики, конечно, информировали неверно. По словам Лядова, Ленин так мотивировал необходимость поездки:

«Вышло меньшевистское «Начало», они проставили в числе сотрудников чуть ли не всех лидеров международного социалистического движения. Плеханов и Аксельрод за границей, они снабжают своей информацией всю социалистическую заграницу. Очень важно убедить, если не всех, то хотя бы Каутского, Меринга, Розу Люксембург, Гэда, Лафарга, чтобы они внимательней отнеслись к тому, что у нас творится, чтобы они поняли характер нашей революции. Вы должны сейчас же поехать. Вы умеете быстро передвигаться, в 2—3 недели повидаете всех и вернетесь»... [3].

точно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?» (Ленин, Соч. т. IV, стр. 366).

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 368.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 42

[3] М. Н. Лядов, Из жизни партии, стр. 111.

Оппортунистическая редакция «Vorwärts'а», опубликовала 23 (10) февраля 1905 г. статью «О политике русского правительства», где указывала, что главная опасность в начавшейся революции в России — это крестьянские бунты, якобы использованные царским правительством против «своих врагов» — либералов, и что

«вся возможность спасения лежит теперь в фабричном пролетариате; правительство же постарается для борьбы с интеллигенцией привлечь его на свою сторону лукавыми обещаниями» [1].

Определив так задачи пролетариата и значение крестьянского движения, статья, написанная в духе Струве, обрисовывала либералов не только как истинно революционную силу, но и как единственно организованную.

«Если самодержавное правительство не уступит и не удовлетворит тотчас же главные требования, выставленные умеренно-либеральной партией, а именно, требования свободы печати и созыва парламента из земских деятелей, то Россия обратится в арену народного восстания, которое своими ужасами не уступит тридцатилетней войне в Германии. Это восстание, быть может, не только сметет нынешнее правительство в России, но оно уничтожит и культуру и разгромит русское государство» [2].

В ответ на это Каутский в теоретическом журнале партии «Die neue Zeit», так как «Vorwärts» не помещал статей Каутского, выступил со статьей «Крестьяне и революция», с критикой либеральной точки зрения центрального органа партии. Подробнее об этой статье Каутского коснемся ниже.

«Vorwärts», однако, на этом не успокоился и в № 76 поместил в статье «Карл Маркс о терроризме» известное письмо Маркса о народовольцах. Это письмо редакция совершенно не поняла и снабдила поистине «замечательными» комментариями, из которых следовало, что для успешности борьбы необходимо объединение социал-демократии с социалистами-революционерами. Достаточно было лживой телеграммы о сдаче «Потемкина» адмиралу Кригеру, чтобы венская «Arbeiter Zeitung» разразилась следующей тирадой:

«Дерзость, толкающая на безмерно храбрые дела и на следующий же день трусливая покорность, печальная сдача палачу! Такова «широкая русская душа», соединяющая варварскую жестокость с женственно-нежным состраданием, таковы колебания славянской натуры между проявлениями огромной силы и самой жалкой слабости. Подобные перевороты в чувствах людей, изображенные в романах, раскрывают нам глубины человеческой души, но производят чуждое и странное впечатление, когда встречаются в жизни» [3].

Эту статью Каутский снабдил специальным послесловием, где довольно решительно выступил против этой выходки. После этого вполне понятно обращение Ленина в МСБ со специальным письмом, после восстания на «Потемкине», в котором указывал, что

«существует большая опасность, как бы не заставили европейские народы играть роль палачей русской свободы. Поэтому мы просим вас, дорогие граждане, обсудить этот вопрос и поискать средство предотвратить эту возможность. Может быть было бы подходящим

---

[1] Цит. по ст. Каутского «Крестьяне и революция», перевод с немецкого, приложение к журналу «Знание — сила, сила — знание», изд. М. Малых.

[2] Там же, стр. 116.

[3] Цит. по ст. К. Каутского «Последствия победы японцев и социал-демократия». «Искра» № 108.

опубликовать от имени МСБ обращение к рабочим всех стран. В этом обращении надо было бы подчеркнуть, что в России происходят не народные бунты черни, но революция, борьба за свободу, что борьба эта имеет целью созыв Учредительного собрания, которого требуют все прогрессивные партии, особенно СДРП. Может быть подобное обращение, переведенное на все языки, напечатанное в социалистических газетах всего мира, распространенное всеми средствами, какие могут быть в нашем распоряжении, сможет повлиять на общественное мнение и разрушить планы русского правительства, гибельные для свободы» [1].

Однако, насколько нам известно, никакого ответа на это обращение Ленина не последовало.

Все возрастающий подъем массового революционного движения в России и отклики этого подъема в рабочем движении Запада не могли не сказаться и на верхушке II Интернационала, которая в этот период под влиянием масс значительно левеет. Особенно сказалось это в вопросе о роли и значении стачки. Стачка, как известно, сыграла крупнейшую роль в революции 1905—1907 гг. в ее (революции) переходе на высшие ступени (от экономической к политической и затем к вооруженному восстанию).

«Самым главным средством этого перехода, — пишет Ленин, — была массовая стачка. Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской...

Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий» [2].

О политической стачке, как этапе восстания, Ленин писал и в октябрьские дни:

«Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки... Наши указания... о великом значении политической массовой стачки... подтвердились» [3].

О стачке, как «подсобном... средстве к восстанию», Ленин пишет и в большевистской платформе к Объединительному съезду, и, наконец, на самом съезде он упрекает меньшевиков за то, что они, касаясь восстания, ни слова не говорят ...«об отношении стачки к восстанию».

Но позиция меньшевиков по вопросу о роли и значении массовой стачки лишь отражала их общую позицию с отказом от вооруженной борьбы масс, с выпячиванием на первое место в качестве вождя либеральную буржуазию. Под влиянием успехов массовой стачки в России германская с.-д. на Иенском съезде (сентябрь 1905 г.) приняла постановление о стачке в смысле признания ее огромного значения в деле борьбы со старым порядком. Но центристы, которые в лице Бебеля выступили в защиту стачки, оказались верны самим себе. Призывая к использованию такого средства, как всеобщая стачка, Бебель в речи все же настаивал на том,что в Германии к ней можно прибегнуть только

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 392. Все подчеркнуто нами. — *Ред.*
[2] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 345.
[3] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 332—333.

в крайнем случае. При этом Бебель резко отмежевался от подражания русскому примеру. В противовес этому Роза Люксембург сказала в своей речи:

«Учитесь же у русской революции. Массы ринулись в революцию почти без следа профессиональной организации и теперь укрепляют свою организацию в бою шаг за шагом. В том-то и дело, что представление, будто сильные организации всегда должны предшествовать борьбе, есть представление механическое, недиалектическое. Наоборот, организация нарождается также сама в борьбе вместе с ростом классового сознания...» [1].

Съезд, однако, принял резолюцию в духе выступления Бебеля. Насколько все же здесь сказался нажим масс, показывает тот факт, что в первоначальной резолюции правления партии русская революция даже не упоминалась.

Тем не менее это был период максимального «полевения» верхушки II Интернационала. Именно в этот период «уходит в отставку» оппортунистическая редакция «Vorwärts'а» и заменяется совершенно новым составом. Постановлением правления партии к руководящей работе в редакции привлекается Роза Люксембург.

Упадок революционного движения в России приносит соответствующее «отрезвление», и на Мангеймском съезде, в сентябре 1906 г., раздаются иные, вернее, снова обычные тона. Борьба направляется все более и более налево, резче начинает обозначаться блок центра (Бебель, а вскоре и Каутский) с правой.

Приведенные примеры обрисовывают ясно, что русская революция оказала сильнейшее влияние на массовое движение. Массы всколыхнулись, массы горячо откликнулись на происходящую борьбу. Остро встал вопрос о подлинном руководстве. Но по меткому выражению К. Цеткин:

«Социал-демократия лишь прихрамывала далеко позади стремившегося вперед массового настроения» [2].

Какова же была принципиальная позиция лидеров II Интернационала по важнейшим вопросам первой русской революции? Мы остановимся здесь подробней главным образом на позиции Бебеля, Каутского и Люксембург, как наиболее авторитетных и популярных вождей II Интернационала, больше всех писавших по поводу первой русской революции, и остальных коснемся частично.

3. Принципиальная позиция лидеров II Интернационала в вопросах первой русской революции.

Мы уже говорили, что на русскую революцию, кроме Бебеля, Каутского и Розы Люксембург, остальные лидеры II Интернационала откликались мало. Собственно прямые ответы на вопросы, касающиеся русской революции, наиболее видные деятели дали только в так называемой «Плехановской анкете». В ноябре 1906 г. правый меньшевистский журнал «Современная жизнь» обратился к наиболее выдающимся представителям западно-европейского со-

---

[1] Цит. по БСЭ, т. XIII, стр. 522.

[2] «Первая русская революция и международное рабочее движение», стр. 64.

циализма с просьбой изложить свое мнение о ходе дел в России и задачах русских единомышленников. Редакцией были выработаны следующие вопросы:

«1. Каким представляется общий характер русской революции? Присутствуем ли мы при буржуазной революции или при революции социалистической?

2. Ввиду отчаянных усилий, делаемых русским правительством для изолирования революционного движения, каково должно быть поведение с.-д. партии по отношению к буржуазной демократии, которая по-своему борется за политическую свободу?

3. Какова должна быть тактика партии при выборах в Думу, чтобы использовать, в смысле борьбы против нашего «старого порядка» силы буржуазных оппозиционных партий, всецело оставаясь на почве Амстердамской резолюции?» [1].

Автором этих вопросов был Плеханов. Он же в связи с полученными ответами выступил со специальной статьей в своем сборнике «Заметки публициста». Анкета была составлена Плехановым в расчете на то, что слишком привыкшим к мирным, легальным, парламентским методам борьбы лидерам западно-европейской социал-демократии трудно будет схватить то *новое*, что несла русская революция. Ленин дал убийственную характеристику плехановской постановке вопроса:

«Подгонять простоватого собеседника к оправданию блоков с определенной партией и не называть этой партии; — толковать о революционном движении и не различать революционной оппозиционной буржуазной демократии; — намекать, что буржуазия борется *по-своему*, т. е. иначе, чем пролетариат, и не говорить прямо и ясно, в чем же тут на деле различие; — ловить собеседника, как галчонка, на приманку амстердамской резолюции, которая должна *прикрыть* от иностранца действительное содержание спорных вопросов русской социал-демократии; — выводить конкретное положение об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей *фразы*, об «общем характере революции», вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?» [2].

На поставленные вопросы ответили следующие лица: Ф. Туратти, Г. Квельч, Поль Лафарг, Энрико Ферри, Эд. Вальян, Эдгар Милльо, Ротштейн, Эм. Вандервельде, К. Гюисманс, Анзееле и Жюль Гэд.

Отдельно ответил целой брошюрой К. Каутский: «Движущие силы и перспективы русской революции» (первоначально была напечатана в двух номерах 9 и 10 «Die neue Zeit». — *Ред.*), русский перевод под редакцией и с предисловием Ленина.

Все остальные ответы были помещены в ноябрьском и декабрьском номерах «Современной жизни».

В большинстве ответы поражали своей примитивностью и почти полным отсутствием элементарных сведений о России и русской революции. Представление о России у многих было в духе пресловутой «развесистой клюквы». Наиболее обстоятельны и содержательны ответы Лафарга, Ротштейна, Каутского, Вальяна, Квельча и Гэда. Вместе с тем

---

[1] «Современная жизнь» за 1906 г., ноябрь, стр. 206.

[2] *Ленин*, Соч., т. X, стр. 228.

обращает на себя внимание в подавляющем большинстве ответов одно обстоятельство — стремление как-нибудь отделаться общими фразами и под видом «незнакомства с условиями» воздержаться, обойти важнейшие вопросы революционной тактики. Вот например ответ Туратти:

«Насколько я вообще могу решиться судить, — принимая во внимание отсталость столь значительной части населения,— нельзя думать, что мы присутствуем при революции социалистической.

Однако, так как рабочий вопрос возник уже и в России (sic!), то очень возможно, что буржуазная революция будет хоть сколько-нибудь проникнута социализмом. Точное определение дозы социализма в буржуазной смеси — это задача, совершенно выходящая за пределы моей осведомленности» [1].

Еще более любопытен ответ Вандервельде:

«Сознаюсь откровенно, я не понимаю, как можно в такой момент, когда все должно быть в действии, рассуждать на тему о буржуазном или социалистическом характере русской революции.

Совершается революция, которая, будучи последней в хронологическом порядке, будет в большей степени, чем прочие, отмечена знаком социалистического пролетариата.

Приведет ли она к непосредственному торжеству социализма?

Чтобы притти к такому выводу, надо предположить, что народ, состоящий на девять десятых из крестьян, в общем малограмотных, является более зрелым для социальной революции, чем те народы, у которых промышленный пролетариат образует большинство населения!»

И хотя Вандервельде и не любит дискуссий и споров, тем не менее в дальнейшем высказывается, конечно, в духе меньшевистской тактики против большевистского бойкота.

«Что же касается выборов в Думу, я позволю себе заметить, что каждый раз, когда революционная партия проповедывала воздержание от выборов, бойкот палаты, ее войска покидали ее или же обстоятельства побуждали ее изменить свое первоначальное решение.

Немецкие социалисты долго отказывались участвовать в выборах в прусский ландтаг: теперь они в них участвуют, и я не слыхал, чтоб это принесло какой-либо ущерб социализму.

Французские революционеры, при Наполеоне III, советовали парижским рабочим не итти к избирательным урнам: парижские рабочие пошли вопреки им, и последовавшие события показали, что они были правы.

Так же точно, будь я в России, мне кажется, я был бы против воздержания, против бойкота» [2].

Более определенно высказались Квельч, Ротштейн, Вальян и Лафарг. Без всяких оснований Плеханов пытался в «Заметках публициста» показать, что ответ Лафарга и Гэда говорит в пользу меньшевиков. Но это было безусловно неверно. Не зная русских условий и конкретной обстановки, Лафарг писал:

«Роковой, неизбежный ход событий приведет к завоеванию власти буржуазией. Но если невозможно упразднить историческую фазу, то все же можно сократить ее продолжительность; если русский пролетариат и не может избежать парламентарного господства буржуазного класса, то, по крайней мере, он может, с самого начала своей деятельности, обладать достаточным политическим и профессиональным могуществом, чтобы ускорить окончание этого господства» [3].

---

[1] «Современная жизнь», ноябрь 1906 г., стр. 206.

[2] Там же, стр. 224-225.

[3] Там же, стр. 209.

Далее, хотя точка зрения Гэда отличалась от точки зрения Каутского, но во всяком случае меньшевистской ее назвать нельзя. В его ответе сказалось ужасающее незнакомство с русской обстановкой, с тем, что происходило в России. В самом деле, что писал Гэд? Он писал:

...«мы присутствуем при революции в одно и то же время и буржуазной и рабочей, в том смысле, что, будучи одинаково давимы самодержавием, о б а к л а с с а, которые в других местах находятся в схватке, так как буржуазия вооружена, а пролетариат напирает, — в одно и то же время восстают против одного и того же врага — против пережитка самодержавия.

Отсюда вытекает не только возможность, но и необходимость согласующихся между собою действий: социалисты и либералы, чтобы расчистить место для представляемых ими классов, должны иметь одинаковое желание и одинаковую ближайшую цель — сломить препятствие, преграждающее им дорогу и тождественное для обоих классов, другими словами — уничтожить старое самодержавие...

Надо ли добавлять, что, будучи такого мнения, я с отчаянием видел, как мои товарищи социалисты сперва бойкотировали Думу, а потом проявляли к ней равнодушное отношение, под тем предлогом, что она не проводит нашей программы, тогда как это первое народное представительство, как бы ни было оно изуродовано, становилось центром, необходимым революционным центром, дававшим возможность всем оппозиционным силам сплотиться против «старого режима», отказывающегося сойти со сцены, и повести на него общую атаку: «Д а з д р а в с т в у е т Д у м а! Н е п о з в о л и м т р о н у т ь Д у м у!»

Поэтому я с величайшей радостью вижу, что наши друзья изменили свой взгляд и намерены на этот раз участвовать в выборах, видя в Думе то, чем она в действительности будет; каков бы ни был ее состав, она явится могущественным боевым орудием против старого самодержавия, которое вынуждено будет «или подчиниться или удалиться» [1].

Ясно, что Гэд совершенно не представлял себе, почему именно и когда большевики отказались от тактики бойкота; но Гэд вовсе не говорит, как меньшевики, раз революция буржуазная, то роль пролетариата сводится к роли толкача буржуазии. Несколькими строками выше Гэд писал:

«Я полагаю, что ошибаются те, кто видит в современном русском движении лишь з а п о з д а л о е з а в о е в а н и е в л а с т и буржуазией, как ошибаются и те, кто, не делая различия между общими условиями Европы и особыми условиями России, заключают, на основании важной роли рабочего элемента в вашем освободительном движении, об у с к о р е н н о м з а в о е в а н и и в л а с т и русским пролетариатом» [2].

Но ведь именно так и рассуждали как раз меньшевики и это критиковал Гэд.

И если Плеханов, зная хорошо отрицательные черты западно-европейского рабочего движения, даже такие высказывания пытался использовать в интересах меньшевиков, то это лишь свидетельствовало о большой слабости Плеханова, который не сумел из этих ответов, подобно Ленину и большевикам, использовать хотя бы частичное полевение лидеров для подлинного революционизирования всего Интернационала.

Большевики сумели мобилизовать внимание масс особенно вокруг высказываний таких авторитетных вождей II Интернационала, как Бебель, Каутский и наиболее близко стоявших к большевикам Розы Люксембург и Франца Меринга. Взгляды всех этих деятелей мы излагаем несколько ниже.

---

[1] «Современная жизнь», декабрь, стр. 201—202.

[2] Там же.

I. А. Бебель.

Бебель был несомненно самым выдающимся вождем-практиком немецкой социал-демократии. Это был подлинный солдат революции. В ряде выступлений он так излагал свои взгляды на революцию 1905 г. и роль пролетариата в ней, причисляя себя к тем товарищам, для которых

«Россия с ее внутренними делами составляла до самого последнего времени даже для большинства политиков и социал-экономистов книгу за семью печатями. Единичные личности, занимавшиеся специально изучением русского строя, имели, правда, более точные сведения. Но как ничтожно было число подобных людей в Западной Европе» [1].

В этом же отзыве на книгу покойного М. Рейснера «Борьба за право и свободу в России», написанном в конце 1905 г., Бебель остановился на природе русской революции, ее задачах и особенностях. Надо прямо сказать, что при всем огромном сочувствии делу борьбы за свободу в России Бебель показал, что специфические особенности революции, роль пролетариата и других классов — остались и для него лично «книгой за семью печатями».

Бебель ограничивался просто констатированием величайшего значения русской революции, но дальше одной патетики он не шел.

«Сомнения нет... Как ни отлична русская революция от революции всякой другой страны, она представляет величайшую в своем роде революцию из всех известных во всемирной истории» [2].

К признакам этой революции, как «величайшей во всемирной истории», Бебель относил:

«стачки ученых, преподавателей и студентов университетов и других высших учебных заведений, массовые стачки рабочих, охватившие до ста пятидесяти городов обширного государства и все вновь и вновь вспыхивающие и возгорающиеся, упорное сопротивление масс варварству и грубости полиции и солдат, многообразные протесты и манифестации, в которых принимают участие представители всех классов и общественных групп, и которые проявляются с такой решительностью, какой мы напрасно станем искать примеров в истории Западной Европы — вот своеобразные проявления этого великого движения» [3].

Не понимая классовой природы самодержавия, не понимая того, что оно, являясь «диктатурой крепостников», тысячами нитей связано с буржуазией, Бебель далее продолжал:

«Громадное государство на востоке Европы, находившееся в последние два десятилетия на верном пути к подчинению всей Азии, слыло в глазах большинства страной, в которой хотя и господствует крайний деспотизм, но население которой находится на такой необыкновенно низкой ступени культурного развития, что деспотизм этот казался единственно возможной формой правления» [4].

---

[1] А. Бебель, О русской революции, изд. В. Д. Карчагина, Москва, 1906 г., стр. 3 (написана была по поводу книги М. Рейснера «Борьба за право и свободу в России». — *Ред.*).

[2] Там же, стр. 8.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 3-4.

Бебель всячески подчеркивал, что в России революционен весь народ, под которым он подразумевал не только рабочий класс и крестьянство, но и буржуазию и даже дворянство:

«В то же время Рейснер показывает нам, как под этим небывало позорным режимом все в стране зашевелилось, как во всех сословиях русского народа, от дворянского до крестьянского и рабочего, возмущение растет, и все решительно слои охватываются духом революции, который рано или поздно нанесет смертельный удар господствующему режиму» [1].

Но одновременно с таким ценным указанием Бебель осуждал большевиков, хотя и не говорит об этом прямо, видя в них единственных виновников раскола российской социал-демократии и ни словом не упоминал о сути разногласий.

«Следует, однако, сожалеть, что социал-демократическая партия разбилась на многочисленные группы, в то время, как сомкнутость рядов и единодушная борьба против общего противника является сама собой понятной необходимостью» [2].

Мы знаем, что на Иенском партейтаге германской социал-демократии Бебель категорически подчеркнул, что русский опыт не может служить образцом для Западной Европы.

II. К. Каутский.

Период первой русской революции был периодом наивысшего расцвета и подъема Каутского до революционного марксизма. После этого он уже все больше и больше катился вправо. Но и в годы первой революции Каутский до большевизма подняться не смог.

Та роль, которую играл в то время Каутский во II Интернационале, придавала его выступлениям особый вес и значение и вполне понятно поэтому, что к мнению Каутского прислушивались и прислушивались очень внимательно.

«В русской литературе, — писал Ленин, — переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Не даром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 г. необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны)» [3].

И тем не менее именно позицию Каутского в этот период излагать труднее, чем позицию какого бы то ни было другого деятеля II Интернационала. Каутский безусловно не был меньшевиком, вопреки мнению некоторых товарищей, но не поднялся и до большевизма. Каутский был центристом, но центристом, который особенно ярко отражал на себе влияние революционного подъема масс в 1905—1907 гг., под влиянием которого левел, но так же легко, когда революционная волна спадала, сдавал революционные позиции. Каутский мог в брошюре «Американский и русский рабочий» писать и подчеркивать, что

[1] Бебель, О русской революции. стр. 7.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 442—443.

«российский пролетариат может служить примером для нас» и в то же время солидаризироваться с Бебелем в том, что Россия для нас не пример или еще резче, что опыт русской революции — только «продукт отсталости движения». При этом Каутский умел наиболее тонко обставлять свою аргументацию, наиболее искусно на словах признавать и истолковывать Маркса, чтобы изменять на деле.

На русскую революцию Каутский откликнулся целым рядом брошюр и статей.

В отличие от остальных лидеров II Интернационала почти все вопросы русской революции не прошли мимо внимания Каутского. Оценка характера и движущих сил революции, аграрный вопрос, вопрос о Временном революционном правительстве, вопрос о внутрипартийных разногласиях между большевиками и меньшевиками, важнейшие вопросы тактики (о стачке, о Думе, о вооруженном восстании) — всего этого касался, на все это отзывался Каутский. Одного перечисления названия брошюр и статей Каутского за этот период достаточно, чтобы убедиться, как много уделял внимания Каутский русской революции: «Крестьяне и революция», «Разногласия среди русских социалистов», «Следствие русско-японской войны», «Аграрный вопрос в России», «Движущие силы и перспективы русской революции», «Русский и американский рабочий», и т. д., и т. д.

Разбор взглядов Каутского заслуживает поэтому особого внимания.

1. Каутский об основных особенностях русской революции.

Специальная брошюра Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» была безусловно одной из лучших работ Каутского в этот период. В брошюре этой, равно, как и в другой — «Американский и русский рабочий» — даны совершенно неверно, хотя и много глубже, чем у Бебеля, особенности русского исторического развития. Значительно преувеличена роль иностранного капитала, преуменьшено значение русской буржуазии, неверно дана классовая природа самодержавия. Отсюда ряд неточностей в расстановке классовых сил. Но сильные стороны брошюры Каутского заключались в другом. Главное значение брошюры Каутского заключалось в том, что, выйдя в момент острейших разногласий с меньшевиками, она наносила очень значительный удар русскому оппортунизму, заключая в себе резкую критику меньшевистского шаблона, чем сильно помогла большевикам в их борьбе. «Каутский сказал» — значило в то время очень много. Естественно, что меньшевикам оказался очень не по вкусу выход брошюры. В «Аграрной программе с.-д. в первой русской революции» Ленин писал, что это выступление Каутского является

«крупнейшим идейным завоеванием, которое сделал большевизм.... в международной социал-демократии» [1].

Но Ленин нигде никогда не пишет о Каутском, как о большевике. Меньшевики, конечно, попытались использовать любую «щель», чтобы ослабить значение брошюры. И такая щель действительно нашлась. Отметая

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 439.

меньшевистский шаблон, Каутский, однако, не смог подобно большевикам четко уяснить себе характера революции «как буржуазно-крестьянской под гегемонией пролетариата». Каутский заявлял, что это революция не буржуазная и не социалистическая. Но тогда возникал вопрос, к а к а я ж е о н а? И на это Каутский прямого ответа не давал. И меньшевики ухватились за это слабое место в брошюре.

Плеханов в «Новых письмах о тактике и бестактности», Мартов в статье «Каутский и русская революция» ухватились именно за этот пункт, желая доказать, что Каутский никакой ясности в вопрос не вносит, а Троцкий в брошюре «В защиту партии» пытался доказать, что Каутский... троцкист.

Нужно сказать, что эта формулировка Каутского была, конечно, не случайной, но меньшевики, как и Троцкий, совершенно не поняли, в чем ее слабость. Не видя к о н к р е т н о того нового, что вносила русская революция, Каутский не понимал, что значит гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции. Каутский не понимал, что значит необходимость организовать революцию не только «снизу», но и «сверху».

Так, в статье «Разногласия в русской социал-демократии» Каутский изображал разногласия с меньшевиками по вопросу о временном правительстве как разногласия несерьезные, непринципиальные, дележ шкуры неубитого медведя. И в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин в осторожной по форме, но резкой по существу критике писал:

«...хотя Каутский, например, пробует теперь иронизировать, что наши споры о временном революционном правительстве похожи на дележ шкуры еще неубитого зверя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только по наслышке. Немецкая социал-демократия еще не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, «смеем» ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос о том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение. Не может быть и речи об энергичном успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить» [1].

Точно также н е у л о в и л Каутский и степени и глубины разногласий между большевиками и меньшевиками, когда в той же статье писал по поводу решений III съезда, что

«Резолюции представляют действительные разногласия в русской социал-демократии гораздо более значительными, чем они являются на самом деле... Иностранцы, раз уж они вмешиваются в эти дела, имеют все причины заботиться не о том, чтобы распространять эти резолюции и тем самым вновь разжигать борьбу, а о том, чтобы эти резолюции вместе с их предварительной историей были з а б ы т ы» [2].

Это лишний раз подтверждает, что ленинское указание о том, что после Парижской коммуны мы слишком свыклись с действиями «снизу», относилось не к одним только русским меньшевикам. Достаточно отметить, что эту же

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 101.

[2] «Искра» № 108. «Раскол в русской социал-демократии».

статью Каутского Ленин в письме к ЦК характеризовал словами «преподлая статья» [1]. Поэтому: как ни важны были указания Каутского в его брошюре, они были слишком общи и нуждались в разъяснении.

Поэтому-то в предисловии к брошюре Каутского Ленин писал, что к мнению Каутского нужно не столько прислушиваться,

«сколько вдуматься в его постановку вопроса, ибо Каутский не так легкомыслен чтобы болтать о мало знакомых ему конкретных вопросах русской тактики, не так невежествен в русских делах, чтобы отделываться общими местами или некритическим повторением самого модного выкрика» [2].

Вместе с тем, подчеркивая значение авторитетов для рабочего класса и говоря об авторитетности и Каутского и Плеханова, Ленин подчеркивает, что

«коллективность передовых сознательных рабочих каждой страны, ведущих непосредственную борьбу, всегда будет наибольшим авторитетом во всех таких вопросах» [3].

Не договаривал Каутский и в вопросе о движущих силах революции, в частности в вопросе о крестьянстве. Преуменьшал он также опасность борьбы либералов за гегемонию.

Но заслуга Каутского в том, что он всячески подчеркивал, в отличие от меньшевиков, крупную роль и значение революционной борьбы крестьянства, необходимость союза рабочих и крестьян. Ленин в своих статьях заявлял, что Каутский как раз по этому вопросу солидаризировался с большевиками. Но, с другой стороны, в статье «Крестьяне и революция» Каутский писал:

«В споре между крестьянами и крупными помещиками городское революционное движение должно было бы держаться нейтрально; ему незачем становиться между мужиком и помещиком и охранять последнего от первого; все симпатии городского движения на стороне крестьян. Но в задачи его не входит и восстановление крестьян против землевладельцев, которые в настоящее время в России играют другую роль, чем, например, феодальные дворяне при старом режиме во Франции. Впрочем, городские революционеры, даже и при желании, могли бы оказать лишь ничтожное влияние на отношения между крестьянами и помещиками. Это они сами между собой разберут».

Оставалось неясным, на какой же тогда основе союз, и в чем выразится руководство, гегемония пролетариата, должна ли партия пролетариата принимать какие-либо меры для усиления влияния рабочего класса в деревне, или последняя, так сказать, пойдет за рабочим классом «самотеком». Оставался, наконец, неясным вопрос, как же представляет себе Каутский переход, перерастание этой особой революции в революцию социалистическую.

Несколько раньше в одной из своих статей «Последствия победы японцев и социал-демократия», направленной против письма Струве к Жоресу, Каутский говорит о перманентной революции или, как он выражается:

«Длящаяся революция — именно то, в чем нуждается в настоящее время русский пролетариат».

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 7.
[2] Ленин, Соч., т. X, стр. 227.
[3] Ленин, Соч., т. X, стр. 231.

Однако и здесь дело сводится только к общему утверждению.

Не более определенны и рассуждения Каутского по аграрному вопросу в революции. В брошюре «Аграрный вопрос в России», представляющей собой специально написанное предисловие к русскому изданию Эрфуртской программы, Каутский, по словам Ленина,

«излагает общие основы социал-демократических взглядов на вопрос, выражая свое полное сочувствие разделу помещичьих земель, допуская, как будто, при известных условиях и национализацию, но вообще не касаясь совершенно ни единым словом ни старой аграрной программы РСДРП, ни проектов ее изменения» [1].

Но в письме к «одному из русских товарищей» — «К вопросу об аграрной программе», Каутский писал:

«Вы сообщаете мне, что некоторые русские социал-демократы отвергают муниципализацию земли, во-первых, на том основании, что это требование не значится ни в одной из трех европейских аграрных программ, а, во-вторых, потому, что я, отвергая национализацию земли в нынешней России, вместе с тем якобы отвергаю и ее муниципализацию.

Такое решение совершенно неверно. О муниципализации земли в нынешней России я нигде не высказывался, я не знаю вообще ли и в какой мере осуществимо это требование в настоящий момент в России, имеются ли налицо его элементы. Но если оно осуществимо, то я не вижу никаких оснований, почему бы нам быть против него» [2].

Однако, когда меньшевики пытались использовать это место для доказательства того, что Каутский является сторонником меньшевистской муниципализации, он в письме к М. Шанину писал в апреле 1906 г.:

«Очевидно я под муниципализацией понимал нечто иное, чем вы и может быть Маслов» [3].

Ленин правильно писал, что Каутского

«так часто и так несправедливо цитировали в пользу той или иной программы (несправедливо потому, что он решительно отклонял от себя предложения высказаться определенно по этому вопросу, ограничиваясь выяснением некоторых общих истин)» [4].

Таким образом ни оценки характера революции и ее движущих сил, ни вопроса о действиях «сверху» и «снизу», ни характеристики разногласий с меньшевиками, ни, наконец, постановки аграрного вопроса в России в 1905—1907 гг. у Каутского большевистскими назвать нельзя. Большевикам в осторожной форме приходилось «поправлять», «дополнять» всю постановку вопроса Каутского, а не учиться у него. Каутский в этих вопросах не был меньшевиком, отталкивался от них, но до большевизма все же не поднялся.

2. КАУТСКИЙ О ТАКТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

По вопросам массовой стачки и вооруженного восстания взгляды Каутского менялись так же, как и по многим другим политическим проблемам. То, что он говорил о массовой стачке и вооруженном восстании до начала русской революции и то, что он защищал после ее поражения, вовсе не является

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 60.

[2] Каутский, К вопросу об аграрной программе, стр. 15.

[3] Цит. по Ленину, Соч., т. XI, стр. 448.

[4] Там же.

одним и тем же. Наоборот, в этот период времени по важнейшим вопросам революции взгляды у Каутского меняются и притом весьма существенным образом. Поэтому нельзя писать о его отношении к происшедшим революционным событиям в России в 1905 г. и главным образом о его отношении к декабрьскому вооруженному восстанию, не сказав предварительно несколько слов о его взглядах по этому вопросу, изложенных им в ряде своих брошюр, изданных в связи с происходящей дискуссией в германской социал-демократии по вопросу о стачке. Здесь мы воспользуемся главным образом его брошюрой «Революционные перспективы», которую он выпустил непосредственно перед революцией 1905 г.

Исследуя в этой брошюре вопрос о вооруженном восстании, Каутский решительно высказывается против восстания, повторяя свое положение, выставленное им в «Социальной революции»:

«мы не имеем никаких оснований предполагать, — писал Каутский, — чтобы в о о р у ж е н н о е в о с с т а н и е, битвы на баррикадах и тому подобные военные эпизоды могли еще и теперь играть решающую роль. Доказательства этого положения приводились уже так часто, что мне нет надобности еще останавливаться на них» [1]

Вооруженное восстание нелепо, по мнению Каутского, потому что баррикадные борцы никогда не обнаруживали тактического превосходства над своим противником и что обученные правительственные войска всегда имели перевес над восставшими не только по своему вооружению, но и по своей организованности (дисциплина и т. д.). В связи с этим восставшему пролетариату весьма трудно бороться с правительством, и последнее, имея в своем распоряжении большую армию, может легко и быстро подавить восстание. Поэтому

«...для нашей пропаганды и для нашего теоретического мышления, — говорил Каутский, — уже теперь весьма важно не оставить никакой неясности насчет того, что от вооруженного восстания народа мы ничего не ожидаем и ни в коем случае не дадим себя спровоцировать к этому» [2].

У пролетариата Германии, который, как говорил Каутский, прекрасно развивается в политическом отношении при существующей конституции, не может быть желания «насильственно изменить ее (конституцию. — *Ред.*) незаконными способами».

Какие же средства борьбы предлагал Каутский пролетариату, отрицая целесообразность вооруженного восстания? В качестве самого верного и давно испытанного средства борьбы с существующей действительностью и за достижения своих стремлений Каутский рекомендовал пролетариату и его партии применять с т а ч к у. Рабочий класс в своей борьбе, говорил он,

«...мог бы воспользоваться о д н и м только насильственным средством, которое он и ныне уже столь часто употребляет в качестве последнего решающего средства в своей экономической борьбе, а именно, — с т а ч к о й» [3].

Средством, заменяющим баррикадную борьбу, по мнению Каутского, должна быть политическая стачка, направленная к достижению политических

[1] К а у т с к и й, Революционные перспективы, стр. 31
[2] Там же, стр. 32.
[3] Там же, стр. 32—33.

стремлений. Эта массовая стачка, охватывая рабочий класс, дезорганизует не только предприятия буржуазии, но и предприятия, находящиеся в руках государства, как, например, железные дороги и тому подобное.

«При этой стачке, — писал Каутский, — меряются силами государственная и пролетарская организации. Внезапно останавливается все производство, масса рабочих выводится на улицу, массой мелкой и крупной буржуазии овладевает безумный страх, страх за жизнь, страх за свою собственность; вся военная сила вынуждена постоянно быть на ногах и работать до полного истощения, так как каждый собственник в стране требует защиты, а масса бастующих рабочих появляется везде и нигде, отклоняется от всякого столкновения с вооруженной силой, собирается на всяком месте, где этой силы нет. Всякий следующий день стачка обостряет противоречия, расширяет сферу распространения стачки на те сельские местности, где имеется индустрия и крупное землевладение, увеличивает число опасных пунктов, усиливает напряженное состояние войск, увеличивает страдание и среди бастующих, страх собственников, замешательство правительства, которое в одном месте чинит самую жестокую и самую бессмысленную зверскую расправу, а в другом месте идет на робкие уступки, которое беспрерывно осаждают со всех сторон, требуя так или иначе положить этому конец, хотя ему не за что ухватиться для того, чтобы покончить с этим пассивным сопротивлением, которое нигде не осязаемо, и, однако, повсюду парализует его действия» [1].

Если при этом пролетариату удастся сохранить свою сплоченность и свою «целесознательную пассивность» до тех пор, пока он своими действиями не дезорганизует в каком-либо пункте правительственную власть, и когда само правительство своими неумелыми постановлениями посеет замешательство в своих рядах, тогда пролетариат на пути к победе. Собственниками овладевает страх, они осаждают правительственную власть, оставляют правительство на произвол судьбы и вступают в переговоры с бастующими. Тогда

«правительство теряет всякую почву под ногами, и государственная власть переходит в руки того класса, который дольше всех других сумел сохранить во время этого кризиса свою организационную сплоченность» [2].

Так мирным путем переходит власть от одного класса к другому.

Подобная политическая стачка, по мнению Каутского, возможна лишь при определенных условиях. Она возможна только в том случае, если пролетариат данной страны составляет бо́льшую часть населения, если он к тому же довольно хорошо политически развит и имеет свою партию, если правительство своими действиями вызывает со стороны народа сильное возмущение и тем самым возбуждает его против себя и т. д.

Политическую стачку нельзя объявлять в конституционных государствах, где правительство «избрано наро́дом»; стачку нельзя также назначать на определенное время. Она сама назревает в процессе борьбы труда с капита́лом. Но если она началась, Каутский высказывается за ее быстрое и решительное проведение.

Когда же наступит тот момент, когда созреют все условия для объявления политической стачки? На это Каутский отвечает лишь, что без нужды вступать в бой не следует, а по вопросу о времени объявления стачки присоединялся к Адлеру, сказавшему в свое время: «это еще неизвестно». Но из уже перечисленных условий, выставляемых Каутским, при которых была бы возможна

[1] Каутский, Революционные перспективы, стр. 44.

[2] Там же, стр. 45.

политическая стачка, видно, что последняя может иметь место лишь тогда, когда пролетариат стоит перед социалистической революцией. Одно лишь весьма ясно подчеркивается Каутским, именно: в политической стачке не должно применяться насилие. Он п р о т и в применения пролетариатом оружия в своей борьбе и з а мирное разрешение всех проблем посредством давления и демонстрации своей силы. Ссылаясь на слова Маркса, что с и л а является акушеркой всякого нового общества и называя это изречение справедливым, Каутский в то же время отрицает верность положения Маркса.

«Восставший класс,— говорит он, — должен иметь в своем распоряжении силу, необходимую для того, чтобы лишить власти старый господствующий класс, но не безусловно обязательно, чтобы эта сила была п р и м е н е н а. С о з н а н и е наличности такой силы может при известных условиях оказаться достаточным для того, чтобы побудить падающий класс к мирным переговорам с противником, силы которого чрезвычайно увеличились» [1].

Чем сильнее и организованнее пролетариат, тем больше у него шансов на победу, «тем больше возможность мирного перехода от капитализма к социализму». Это положение о мирном врастании социализма, защищаемое Каутским, является в настоящее время программным положением всей германской социал-демократии и выставляется в противовес учению Маркса, Энгельса и Ленина о диктатуре пролетариата.

Все же, защищая идею массовой стачки, хотя и со всеми поставленными для ее объявления препятствиями, Каутский, по сравнению с преобладающими в партии ревизионистскими элементами, являлся одним из наиболее радикально настроенных представителей германской социал-демократии. Он выступил против господствующей в партии идеи, высказанной Ауэром, что «генеральная стачка — есть генеральная бессмыслица» и в этом, конечно, его заслуга.

Ничего большевистского здесь еще нет.

В то время как большевики своей непосредственной задачей ставили подготовку вооруженного восстания, как самый революционный метод борьбы с царизмом, Каутский не только высмеивал восстание, но и самым решительным образом был против всякого насилия. Он предлагал пользоваться лишь политической стачкой, но без оружия и притом в узко определенное время при очень благоприятных условиях.

Хотя на первых страницах своей брошюры «Революционные перспективы» Каутский и указывает на наличие в России благоприятной обстановки для революционного движения (война, ослабление правительства, рост рабочего класса и его самоотверженность в борьбе), он все последующие страницы посвящает доказательству нелепости насилия и вооруженного восстания. В то же время, в отличие от меньшевиков, Каутский, однако, указывает, что главной действующей силой революции должен быть пролетариат, а не буржуазия. Пролетариат должен взять руководство в движении, а не какие-либо другие элементы общества.

«На первых порах она (революция в России. — *Ред.*) могла бы вызвать к жизни только демократический режим, опирающийся, однако, на крепкий, настойчивый, стремящийся вперед пролетариат, который добьется для себя-значительных уступок» [2].

[1] К а у т с к и й, Революционные перспективы, стр. 54.

[2] Там же, стр. 21.

Эти взгляды Каутского изменились так же, как и у некоторых других видных деятелей германской социал-демократии, когда в России пролетариат с оружием в руках начал ломать основы старого порядка. Революция 1905 г. послужила сильнейшим толчком к изменению взгляда на стачку и вооруженное восстание.

«Влияние российских событий на социал-демократию в Германии, — писала уже после поражения русской революции Роза Люксембург, — выразилось самым наглядным образом в судьбах проблемы генеральной стачки. Еще до недавнего времени германский сознательный пролетариат относился к названной проблеме самым отрицательным, даже можно сказать, ироническим образом... Отрицательное и насмешливое отношение к идее всеобщей забастовки считалось прямо-таки специфически марксистским признаком тактики рабочего движения...» [1].

Это небольшое извлечение из книги Р. Люксембург рисует совершенно верно отношение германской социал-демократии к стачке. Русская революция, применив стачку, показала всю несостоятельность проповеди ревизионистских элементов, считавших стачку «безумием», и заставила партию пересмотреть свою позицию по этому вопросу. Заседавший еще в сентябре 1905 г. Иенский партейтаг германской социал-демократической партии по докладу Бебеля принял большинством резолюцию, в которой рекомендовалось пролетариату в случае попытки со стороны господствующих классов уничтожить всеобщее избирательное право при выборах в рейхстаг, или уничтожить «право коалиций», применять все необходимые средства для самозащиты. Как наиболее действительное средство борьбы как для предотвращения покушений на избирательное право, так и для завоевания рабочим классом «важнейших основных прав для своего освобождения», партейтаг видел в применении «широкой массовой забастовки» [2].

Эта резолюция, означавшая победу левых, которые повели агитацию за стачку, встретила сильнейшее сопротивление со стороны ревизионистов, всеми силами стремившихся саботировать решения съезда.

Революционные события в России и главным образом декабрьское вооруженное восстание толкнули Каутского влево. Восхищаясь мужеством русского пролетариата, борющегося против устоев царского самодержавия посредством применения насилия и оружия, Каутский написал брошюру «Перспективы русского освободительного движения», в которой восторженно отзывался о революционных событиях в России и в которой коренным образом изменил свой взгляд на восстание.

«Начало 1906 г. — писал Каутский, — приносит нам почти одни только печальные известия из России. Можно подумать, что русское освободительное движение потерпело совершенное поражение и мечется в предсмертных судорогах. И не только реакционеры, но и либералы ликуют по этому поводу. Последним мало горюшка, что то, что они выдавали за свои священнейшие идеалы, потоплено в крови, им важно ведь, что бы их капиталы были спасены. Но, — продолжал Каутский, — несмотря на дикое неистовствование реакции, революция не умерла! Восторженный гимн Фрейлиграта в 1851 г. о воскресении революции, загнанной в гроб в 1849 г., с гораздо большим правом относится к настоящему моменту в России» [3].

---

[1] Р. Люксембург, Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия стр. V.

[2] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschland abgehatlen zu Jena, S. 143.

[3] Каутский, Перспективы русского освободительного движения, стр. 1.

Реакция победила, но не пришел еще конец революции. Новая революционная волна неизбежна. Подавление восстания в России сопровождалось разрушением многих средств производства, сожжением целых деревень, разрушением сельских ферм и тем самым созданием громадных кадров людей, лишенных насущного хлеба. Русское правительство, истощенное войной, не имеет средств для содействия экономическому и культурному развитию страны и, чтобы привлечь на свою сторону армию и чиновников, должно бросить свои деньги на различные вознаграждения. Экономический кризис, существующий в России в связи с неблагоприятным внутренним и внешним положением, должен принять еще более острый характер, что будет являться толчком к новому революционному подъему. И чем сильнее будет свирепствовать реакция, тем все хуже будет становиться положение всего экономического организма России и тем сильнее будет возмущение общества против существующего режима.

«Такова та ситуация, которая делает всякое сильное движение, направленное против старого режима, непреодолимым. А в таком движении недостатка не будет. Об этом позаботится российский пролетариат, который явил нам величайшие примеры героизма и самоотверженности. Если же дело дойдет опять до всеобщего революционного выступления, как в октябре, то оно, вероятно, не ограничится только массовой стачкой» [1].

Каутский уже не ограничивается только стачкой. Он идет дальше и высказывается за вооруженное восстание. Каутский полагает, что время баррикадной битвы еще не прошло, изменилась лишь старая тактика баррикадной борьбы и появилось начало новой, созданной московским декабрьским восстанием. Сравнивая московские события с июньским восстанием в Париже, Каутский, наряду с некоторым сходством, находит в этих движениях и существенное различие. В 1848 г. революция происходила, главным образом, в одном Париже, который один только располагал мощным революционным пролетариатом. В настоящее время отдельный город в одной стране, а тем более в России, не может играть такой роли, которую сыграл в свое время Париж. Если в Москве восстание и потерпело поражение, то не подавлено еще все российское пролетарское движение. Пролетариат Петербурга, Одессы, Киева, Варшавы и т. д. остается еще непоколебимым. Поэтому поражение в одном городе не означает теперь поражения всего движения в стране. Что же касается баррикадной битвы, которая имела место как в Париже, так и в Москве, то и здесь также наблюдается существенное отличие:

«...в обеих, — говорит Каутский, — крупную роль играли баррикады, но первая представляла из себя конец старой тактики, а вторая — начало новой. И в этом отношении мы должны подвергнуть пересмотру мнение Фридриха Энгельса, изложенное в предисловии к «Классовой борьбе» Маркса, что время баррикадной борьбы прошло. Прошло только время с т а р о й баррикадной тактики. Это нам показало московское восстание, где маленькой кучке инсургентов удалось продержаться две недели против превосходящих их боевых сил, снабженных всеми средствами современной артиллерии» [2].

Брожение и дезорганизация в войсках московского гарнизона заставили правительство держать взаперти в казармах солдат и обезоруживать

[1] К а у т с к и й, Перспективы русского освободительного движения, стр. 5—6.
[2] Там же, стр. 6.

пехоту. Масса населения в Москве была на стороне революционеров, оказывая им существенную поддержку, и с ее участием революционеры с поразительной быстротой сооружали целую сеть баррикад, одно разрушение которых утомляло и парализовало действия армии. Поэтому баррикадная борьба имеет и сейчас всю свою силу, и применение ее во время революции необходимо. Энгельс был неправ, говоря, что время баррикадных битв уже прошло.

«О влиянии массовой стачки, — писал Каутский, — в то время, когда Энгельс писал свое предисловие, было слишком мало известно, чтобы он мог принять ее в расчет. Более или менее ясное представление о влиянии массовой политической стачки дала нам лишь практика последнего года в России. Она показала, что хронической, постоянно повторяющейся массовой стачке удалось подорвать дисциплину в рядах слуг старого режима. Московский пример также показал, как необходима массовая стачка в момент военных действий. Если бы во время московского взрыва рабочие России, в особенности Петербурга, не были так изнурены и могли бы провести во всей силе всеобщую забастовку, ни в коем случае невозможно было бы подвести подкрепления в Москву» [1].

Говоря здесь совершенно правильно о необходимости сочетания всеобщей стачки с вооруженным восстанием и указывая на возможный успех лишь при общей поддержке пролетариатом движения, Каутский, однако, совершенно не прав во всех тех местах, где он говорит об Энгельсе, предлагавшем будто бы не прибегать к баррикадной борьбе. Как теперь уже известно из опубликованной Рязановым статьи по этому вопросу, Энгельс в упомянутом Каутским предисловии к книге Маркса не говорил «что время баррикадной борьбы прошло» [2].

Энгельс не отрицал значения уличной баррикадной борьбы. Он говорил лишь о тех условиях, которые будут наиболее благоприятными для ее успешного проведения. Но ревизионисты скрыли от партии это место, показали партии лишь часть предисловия, которая соответствовала их взглядам, и убеждали рабочий класс, что Энгельс в своем предисловии к книге Маркса отрекался от своего революционного прошлого, завещая своим последователям избегать сделанных будто бы им и Марксом ошибок. Каутский, повидимому, в то время не знал всего предисловия Энгельса, но во всяком случае предполагал, что предисловие, находящееся у Бернштейна, опубликовано не полностью, и через печать предлагал ему дать возможность всем познакомиться с рукописью Энгельса в том виде, в каком последний передал ее Бернштейну. Неизвестным было это место из предисловия и Ленину, который в своей статье «Уроки московского восстания» писал:

«Военная тактика зависит от уровня военной техники, — эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс. Военная техника теперь не та, что была в половине XIX в. Против артиллерии действовать толпой и защищать с револьверами баррикады было бы глупостью. И Каутский прав был, когда писал, что пора пересмотреть после Москвы выводы Энгельса, что Москва выдвинула «новую баррикадную тактику». Эта тактика была тактикой партизанской войны» [3]

Таким образом Каутский после декабрьского восстания в Москве изменил свои взгляды о целесообразности восстания. Ту же мысль, которую он изла-

[1] Каутский, Перспективы русского освободительного движения, стр. 6—7.
[2] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1.
[3] Ленин, Соч., т. X. стр. 52.

гал в брошюре «Перспективы русского освободительного движения», он выразил и в своем предисловии ко второму изданию «Die Soziale Revolution» («Социальная революция»), написанном им в октябре 1906 г.

«Я не могу больше, — писал он там, — с такой определенностью заявлять, как я это делал еще тогда (в первом изд. — *Ред.*), что вооруженное восстание с баррикадной борьбой не будет играть роли в предстоящей революции. Против такого положения весьма ясно говорит опыт московской уличной борьбы, где горсточка людей держалась против всей армии целую неделю и почти победила...» [1].

Каутский не высказывался, как и Плеханов, что «не надо было браться за оружие». Он не порицал восстания и не был против него; наоборот, он даже думал, что вооруженное восстание может быть применено и в Западной Европе:

«...кто может с определенностью утверждать, — спрашивал он, — что нечто подобное (московским событиям. — *Ред.*) не может быть в Западной Европе» [2].

В противовес германским ревизионистам и русским меньшевикам Каутский занимал в этом вопросе наиболее революционную позицию и близко сходился с большевиками. И его защита декабрьского вооруженного восстания явилась наиболее ценной помощью для большевистской партии. Недаром Ленин, защищая декабрьские события против всех нападок со стороны оппортунистических элементов РСДРП и в том числе Плеханова, указывал на Каутского, признавшего возможность борьбы посредством оружия.

«Только совершенно единичные, не имеющие сторонников в России социал-демократы (вроде Плеханова), — писал Ленин, — малодушьо говорили о декабрьском восстании: «не нужно было браться за оружие». Напротив, громадное большинство социал-демократов согласны в том, что восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло все движение на высшую ступень и доказало возможность борьбы с войском. Последнее обстоятельство признал и такой беспристрастный, неувлекающийся и осторожный свидетель, как Каутский» [3].

Близкую позицию к большевикам занял Каутский и по вопросу об отношении к Государственной думе.

«Вполне понятно, — писал он, — если после блестящего хода октябрьского движения революционеры, в особенности социалисты, в большинстве своем смотрели на Думу Витте — Дурново, не меньше, чем на старую Булыгинскую думу, не как на уступку, а как на насмешку, не как на успех революции, а как на усиление полицейско-казацкого режима» [4].

Вместо Учредительного собрания, которое дало бы России новый конституционный строй, ей преподнесли жалкий парламент, который обладает еще меньшими правами, чем «декоративные парламенты Германии и Австрии». Россия получила парламент, избираемый по сложной и запутанной системе выборов, в высшей степени благоприятствующей успехам крупных собственников, которые пожелают превратить Государственную думу в послушное орудие царского правительства, прибежище реакции и опору контрреволюции. С другой стороны, в России еще не заглохло революционное движение. Пода-

---

[1] К. Kautsky, Die Soziale Revolution, S. 5.
[2] Там же, стр. 6.
[3] Ленин, Соч., т. IX, стр. 135.
[4] К. Каутский, Государственная дума, стр. 1.

вление восстания нигде не оказало задерживающего влияния «оно всюду вызвало ожесточение». При таких условиях, писал Каутский,

«...нет ничего удивительного, что большинство наших русских товарищей усмотрели в созываемой таким путем Думе не что иное, как возмутительнейшую подделку народного представительства... самое худшее ограничение избирательного права, какое только было бы возможно в Германии, все же не создало бы еще такого жалкого избирательного права, каким является закон о выборах в Государственную Думу, в сравнении с которым даже трехклассная система выборов в саксонский и прусский ландтаги кажется демократической. Нет ничего удивительного после этого, если большинство наших русских товарищей, вместо вступления в избирательную кампанию, чтобы затем попасть в Думу, сочли более целесообразным бороться, с целью сорвать эту Думу и добиться Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права при полной свободе союзов, собраний и печати» [1].

Каутский одобряет решение большевиков бойкотировать Государственную думу. Последняя вызвала радужные надежды главным образом у либералов, которые заинтересованы в том, чтобы революция прекратилась, и которые рассматривают Думу, как средство, уничтожающее революцию и заменяющее ее «теми методами» мирной эволюции, «которые обещают крупным земельным собственникам вернее всего обеспечить за собою их собственность».

Таким образом Каутский в вопросах о Государственной думе разделял в основном точку зрения большевиков. Он не был согласен с меньшевиками, провозглашавшими, что участие в парламентской борьбе есть социал-демократизм, неучастие — анархизм».

«Как небо от земли, — говорил Ленин, — отличается его (Каутского. — *Ред.*) постановка вопроса о бойкоте от постановки меньшевиков» [2].

Ленин не раз ссылался в своей полемике с меньшевиками по вопросу о Думе на Каутского, взгляды которого он признавал верными. «В то время,— писал он, — как у нас становится модой среди с.-д. повторять за кадетами, что бойкот был ошибкой, Каутский, разбирая вопросы вполне беспристрастно, и в мыслях не имеет ничего подобного такому заключению. Он не торопится преклониться рабски перед фактом созыва Думы, хотя пишет уже в такое время, когда неудача попытки «сорвать Думу» стала фактом. Но Каутский не из тех, кто после каждой неудачи (хотя бы, например, неудачи декабрьской) торопится каяться и признавать «ошибку». Каутский знает, что неудачи в борьбе пролетариата далеко не всегда означают его «ошибки» [3].

Говоря о взглядах Каутского вообще по тактическим вопросам русской революции 1905 г., нужно признать, что Каутский сумел довольно близко подойти к позиции русских большевиков. И по вопросам массовой стачки и по вопросу о декабрьском вооруженном восстании, а также и по вопросу о Государственной думе Каутский в основном поддержал большевиков. Но это не была последовательная позиция, вытекавшая из определенной принципиальной установки, как у большевиков. Достаточно вспомнить, какую оценку давал

---

[1] К. Каутский, Государственная дума, стр. 3.
[2] Ленин, Соч., т. IX, стр. 224.
[3] Там же, стр. 285.

Каутский принципиальным вопросам революции, как характер, движущие силы революции и т. п. На эволюцию взглядов Каутского большое влияние оказала русская революция и последовавшее за ней полевение рабочего класса Германии, требовавшего пересмотра старых взглядов по важнейшим политическим вопросам. Каутский ощутил на себе довольно сильный толчок революционного движения и под его воздействием занял наиболее радикальную позицию в рядах германской социал-демократии. Но последовавшее затем поражение русской революции, сложившаяся более благоприятная конъюнктура для правых в Германии скоро ликвидировали у Каутского эти боевые настроения, и новая ситуация перебросила его снова в другой лагерь, но на этот раз окончательно в лагерь ревизионистов.

III. Роза Люксембург.

Наиболее близкую позицию к большевикам в первой русской революции занимала группа «левых» во главе с Розой Люксембург, Леоном Тышко, Францем Мерингом и др., выступавшими горячими сторонниками русской революции, боровшимися с половинчатостью открытых и скрытых оппортунистов. Более полно обосновала свои взгляды Роза Люксембург, принимавшая очень близкое участие в событиях российской революции и принципиальных спорах в рядах российских социал-демократов. Роза так характеризует особенности русской революции:

«Русская революция — совершенно новый тип революции, по своему содержанию она заходит гораздо дальше прежних революций. Вместе с русской революцией история вступает в эпоху, переходную от капиталистического строя к социалистическому».

В статье «Русская революция» Роза дает такую характеристику социального содержания революции:

«Буржуазно-демократическая по формам, пролетарско-социалистическая по существу, она, как по своему содержанию, так и по методам, представляет собой переходную форму от буржуазных революций прошлого к пролетарским революциям будущего, в которых речь будет уже итти о диктатуре пролетариата и об осуществлении социализма. Таковой она является не только логически, как определенный тип, но и исторически, как исходная точка определенного соотношения в обществе классов и сил. Общество, которое будет создано в России столь своеобразной революцией, невозможно сравнить с тем, которое произошло из прежних революций на Западе после 1848 г.» [1].

Хотя здесь Роза несколько неопределенно говорит о «пролетарско-социалистическом» содержании революции, но из всех ее выступлений более ясно подчеркивается, что такое определение революции нисколько не игнорирует ее буржуазного этапа. В сборнике «Речи» собраны ценнейшие выступления Розы по ряду капитальных вопросов международного социализма и в частности по вопросу о русской революции. Так, в речи на

[1] Сб. «1649—1789—1905» ст. Розы Люксембург, Русская революция, стр. 27.

Мангеймском народном собрании, произнесенной в сентябре 1906 г., Роза говорила:

«Русская революция представляет совсем другое явление, нежели мартовская в Германии и Великая французская революция. Ныне во главе этого движения стоит непрогрессивная буржуазия; у нас руководящую роль в этой борьбе взял на себя пролетариат. Русский пролетариат отлично знает, что невозможно ввести социализм в один день, что сейчас дело может закончиться лишь учреждением буржуазного правового государства. Мы не были бы, однако, достойны звания социал-демократов, не были бы достойны быть учениками Маркса и Энгельса, если бы придерживались только формальной стороны и не могли бы отличить, что под одной и той же формой таится различное социально-историческое содержание. Именно поэтому, что наше правовое государство формируется мозолистой рукой рабочего, оно сохранит прочные следы воздействия пролетариата, которые послужат в большей мере на пользу последнего, чем буржуазии. Русский пролетариат борется в первую голову за буржуазную свободу, за всеобщее избирательное право, за республику, за свободу печати и т. д., но в своей борьбе он уже не охвачен иллюзиями, которыми был преисполнен пролетариат в 1848 г. Он борется за все эти свободы, чтобы получить в свои руки новое оружие против буржуазии... Сейчас происходит борьба между проснувшимся народом и самодержавием».

Наряду с таким определением роли пролетариата в революции, Роза резко и решительно выступает против меньшевистского подхода к либералам. На V (Лондонском) съезде Роза говорила:

«Либерализм, упоенный собственным красноречием и свободой, которую ему неожиданно предоставили, готов был и сам поверить в свои силы. Но чем же кончилась эта эпопея? Все мы помним тот знаменитый момент, когда в ноябре-декабре 1904 года «либеральная весна» вдруг пресеклась, и оправившийся абсолютизм разом бесцеремонно зажал либерализму рот, приказав попросту молчать. Мы видели все, как либерализм моментально с высоты своего мнимого могущества от одного пинка, от одного хлыста абсолютизма покатился в пропасть отчаянного бессилия. На удар казацкого кнута либерализм не нашелся ответить ровно ничего, он съежился, замолчал и этим доказал воочию свое полное ничтожество. И в освободительном движении России произошла тогда видимая заминка на несколько недель, пока 9-ое января не двинуло на улицу петербургский пролетариат и не показало, кто призван в настоящей революции действительно быть авангардом и «воспитателем». Вместо трупа буржуазного либерализма выступила живая сила.

«Либерализм должен был убедиться, что российский пролетариат не манекен в его руках, не желает быть пушечным мясом, всегда готовым к услугам буржуазии, что она сила, ведущая свою собственную линию в этой революции и в своих выступлениях подчиняющаяся лишь законам и логике лишь своего собственного, независимого от либералов движения» [1].

---

[1] «Лондонский съезд РСДРП». Полный текст протоколов, стр. 286.

В той же речи на Лондонском съезде, констатируя контрреволюционность российской буржуазии, Роза жестоко и резко обрушивается на меньшевиков, изображающих русскую буржуазию революционным классом. Она упрекает меньшевиков за то, что марксизм они превратили в кашу и «учение, представляющее могучий взмах орлиных крыльев пролетариата», меньшевики превратили «в какое-то хлопотливое кудахтание курицы, отыскивающей жемчужные зерна в мусорной куче буржуазного парламентаризма». Однако, наряду с правильной оценкой либерализма, Роза неверно подходила к оценке роли революции. Роза не видела в аграрном вопросе основной особенности русской революции, Роза также считала, что ни польской, ни германской социал-демократии не нужна особая аграрная программа. Но Роза не скатывается к меньшевизму и в этом вопросе. На замечание Плеханова, что «крестьянин — мелкий буржуа, а мелкий буржуа является реакционным элементом общества», Роза Люксембург ответила, что такое рассуждение есть метафизика, ибо крестьянство не однородно, а в Германии, например, «не только многочисленные слои сельского пролетариата, но и мелкого крестьянства примыкают к социал-демократии и этим доказывают, что говорить о крестьянстве, как об однородном и едином классе, реакционных мелких буржуа — это до некоторой степени сухой и безжизненный схематизм».

«В той недифференцировавшейся еще массе русского крестьянства,— говорила далее Роза,— которая приведена настоящей революцией в движение, находятся значительные слои не только наших временных политических союзников, но и наших будущих товарищей, и отрекаться от подчинения их уже теперь своему политическому руководству было бы именно непростительным в интересах развития революции — сектантством... крестьянство... является в настоящей революции объективно-революционным фактором, ибо ставит в порядок дня в самой резкой форме вопрос о земельном перевороте».

Позиция Розы в вопросе о крестьянстве отличалась от большевиков. Роза выдвигала лозунг «временного рабочего правительства», указывая при этом, что «совершение самого политического переворота, определение его задач и выполнение их не может состоять в союзе пролетариата и крестьянства». Эту позицию заняла в общем вся польская социал-демократия. Ближе к большевикам была позиция Розы в вопросах тактических. Мы уже видели, что по вопросу о стачке Роза горячо пропагандировала «русский опыт», призывая учиться у русской революции. Решительно осуждала она также меньшевистскую тактику по вопросу о декабрьском восстании и по отношению к Думе. Со всей силой пламенной революционерки она пишет в декабре 1905 г.:

«Взрыв революции в Москве в «сердце революции», не только бьет обухом царя и правительствующие партии, он уничтожает плюгавое гадание наших псевдо-патриотов, этих каркающих ворон революции, которые постоянно бросали фразы о «московской темноте», о «московском верноподданничестве», о «московских зверях». Богатырь — московский пролетариат

тронулся и кровью своей плюнул в лицо этим воронам и сорокам. Пусть банда эта теперь скулит под скамьей».

Вместе с тем Роза констатирует, что «восстание в Москве — это, с одной стороны, критика революции по отношению к ее собственной недостаточности в первом периоде и, с другой — переход от правительственных военных действий против абсолютизма к действительному гордиеву узлу борьбы, указанному революции ее собственным развитием: решающей борьбе за политическую власть. Если пролетариат является основной движущей силой революции, если ему суждено осуществить задачи буржуазной революции, то для этого нужно устранить его диктатуру в лице Временного рабочего правительства. До сих пор во всех революциях освобожденное от старых правительств место занимала буржуазия. В настоящей революции — это задача сознательного рабочего класса».

Но слабым местом Розы были ее рассуждения о стихийности и сознательности, как причины ее меньшевистского неправильного понимания роли и задач партии [1]. Отсюда и ее неправильное отношение к роли партии, к подготовке восстания, к вопросу об организации восстания.

Однако, как революционерка, Роза Люксембург умела на практике, на опыте учиться исправлять свои ошибки.

Какие можно подвести итоги на основе всего изложенного материала?

Подчеркивая, что мы касались деятельности II Интернационала только в связи с оценкой лидерами II Интернационала первой русской революции и положения в РСДРП, мы видели, что эту оценку, действительно, нельзя отрывать от общей линии Интернационала и в частности руководящей в это время партии его — германской с.-д. В последнее время появились две точки зрения на оценку II Интернационала в этот период. Одна точка зрения — точка зрения, заслуживающая безусловно самого решительного осуждения, как антимарксистская, изображает все прошлое Каутского и др. так, как будто германская с.-д. всегда была только мещанской мелкобуржуазной партией, в которой всегда и неизменно оппортунизм в открытой и скрытой форме только и господствовал. Чрезвычайно характерно, что в наиболее законченном виде эту точку зрения отстаивает «ультра-левый» Корш, исключенный в свое время из коммунистической партии Германии. Отсюда его отзыв по поводу подлинного марксо-ленинского подхода к Каутскому, подхода, строго соблюдающего историческую перспективу как «близкое родство, между ленинским и каутскианским методом «марксистского центризма».

Другая точка зрения, также неверная, ударяющаяся в другую крайность — это точка зрения, нашедшая выражение в статье Зиновьева «Германская с.-д.», помещенной в «Большой советской энциклопедии» [2]. Совершенно справедливо критикуя приведенную выше точку зрения как грубое упрощенство и антимарксизм, отмежевываясь от совершенно устаревшей и местами прямо невер-

---

[1] Об этом см. гл. III наст. тома. — *Ред.*

[2] БСЭ, т. XVI, ст. Германия.

ной оценки германской с.-д., данной в свое время в «Истории германской с.-д.» покойным Фр. Рингом, Зиновьев, однако, сам — хочет он того или нет — сбивается именно на мерингвское утверждение полной (с самыми незначительными оговорками) безупречности довоенного Каутского и других представителей центра. Причем эти свои положения он подкрепляет следующей по меньшей мере странной аргументацией:

«Каким образом большевики могли оставаться во II Интернационале до 1914 г... Никто не обрисовал краха всего II Интернационала с такой силой и убедительностью, как Ленин. А все же Ленин всегда указывает на то, что у II Интернационала есть и заслуги «навсегда», «навеки» [1].

Несколько выше Зиновьев подчеркивает, что большевики могли многому учиться у Каутского в течение ряда лет, гордиться его солидарностью с большевиками в ряде коренных вопросов первой русской революции и т. д. Зиновьев, к сожалению, не указывает (и не сможет указать. — *Ред.*), в каких именно коренных вопросах первой русской революции большевики солидаризировались с Каутским. Каутский, под влиянием революционных событий, колебнулся влево, в ряде вопросов подошел к большевикам, но до большевизма не поднялся. Большевики поэтому и не могли полностью солидаризироваться с Каутским. Надо же различать приближение теоретика к правильным взглядам и полную солидаризацию людей, стоящих на правильной позиции, с только подходящим, подымающимся на верную позицию лидером.

Мы видели, что этого не было, что о «большевизме» Каутского во всяком случае говорить не приходится. Но прямо-таки непонятно, как мог Зиновьев противопоставить упрощенной постановке вопроса такое, можно сказать, «упрощенство наизнанку»? [2]. В самом деле, «как мог оставаться Ленин во II Интернационале до 1914 г.»? Ну, а как мог Ленин итти на объединение с меньшевиками в известный период? Почему Ленин «молчал» по поводу программных и тактических разногласий внутри «Искры»? Почему Ленин «молчал» о том, что лозунг «национализации» земли он (Ленин) выдвигал еще в 1902 г. в своей статье «Аграрная программа русской социал-демократии»? Достаточно только этих вопросов в ответ на аргументацию Зиновьева, чтобы убедиться в полной несостоятельности доводов Зиновьева. Наконец, непонятно также, как, говоря о заслугах II Интернационала «навсегда», «навеки», о том, что большевики многому учились у Каутского, Зиновьев не подчеркивает, чему же именно учились большевики у Каутского, о каких заслугах «навеки», «навсегда» писал Ленин. Ведь не собирается же на самом деле Зиновьев выставлять Каутского «учителем большевизма». И если бы Зиновьев попытался расшифровать эти свои положения, он бы едва ли пришел к таким выводам,

[1] БСЭ, т. XVI, стр. 288 — 289.

[2] Крайне характерно, что в работе М. Миронова «Каутский о революции», в которой автор сбивается на примитивно упрощенную характеристику довоенного Каутского, которому отказывает в какой бы то ни было ортодоксальности, он вместе с тем... в духе Зиновьева характеризует оценку, данную Каутским движущим силам революции 1905—1907 гг., как... большевистскую, «что этот анализ (т. е. анализ движущих сил. — *Ред.*) был действительно большевистским, разумеется, не приходится отрицать» (стр. 27). Вот уж поистине «крайности сходятся»!

к такой оценке революционности довоенного Каутского, германской с.-д. и II Интернационала до войны.

Как подходил к оценке политической роли и значения II Интернационала Ленин? В чем именно видел он у него заслуги «навеки», «навсегда»? Как Ленин подходил к оценке «революционности» Каутского? Характеризуя в статье «Положение и задачи социалистического Интернационала» роль II Интернационала, Ленин писал:

«II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!» [1].

Аналогичную оценку Ленин давал и Каутскому: «Мы знаем, — писал Ленин, — из многих работ Каутского, что он умел быть марксистским историком, что т а к и е работы его останутся достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство».

Эту оценку следует сопоставить с аналогичной оценкой, данной в свое время Лениным Плеханову, тоже, ведь, одному из крупных авторитетов II Интернационала.

«Теоретические работы последнего — главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик, Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким. И с этой кадетообразной политикой Плеханова, вернувшегося в лоно изгнанных им в 1899—1900 гг. из с.-д. партии гг. Прокоповичей и К^0, мы должны вести самую беспощадную войну» [2]

Приведенные оценки лучше всего показывают, в каком смысле Ленин говорил о революционных заслугах II Интернационала и Каутского. В самом деле, в обстановке борьбы против мелкобуржуазных влияний в теории, в тактике, в германской с.-д., Эрфуртская программа вместо Готской, борьба с так называемыми «молодыми», борьба с пережитками лассальянства — были несомненно шагом вперед в развитии германской социал-демократии и шагом очень значительным, но именно только шагом. Как в свое время Плеханов в борьбе с народниками сумел только показать, что в России «человек будущего не мужик, но рабочий», но не сумел на основе этого общего, хотя для своего времени очень и очень значительного указания, сделать следующий шаг, построить революционную тактику, так и германская с.-д. и ее для того времени революционные вожди Бебель, Каутский, сделав первые шаги, не сумели повести партию в дальнейшем по революционному пути. Поэтому не может быть и речи, говоря о революционности II Интернационала, германской с.-д. и Каутского, о понимании этой революционности в большевистском смысле слова. До боль-

[1] Л е н и н, Соч., т. XVIII, стр. 71.
[2] Л е н и н, Соч., т. X, стр. 231.

шевизма эти вожди не смогли подняться никогда, даже в период своего максимального расцвета. В направлении большевизма, несмотря на значительные ошибки, шли только «левые» (Р. Люксембург и др.). Поэтому наиболее полной оценкой Каутского и др., как революционных вождей, и является следующее место из «Детской болезни «левизны» в коммунизме»:

«Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высокоучеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми, до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности, все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух» [1].

Таким образом, признавая огромные заслуги довоенного Каутского по популяризации и очистке марксизма от домарксистских и антимарксистских элементов, по борьбе (правда, непоследовательной) с фольмарианством и бернштейнианством, по применению марксизма к новым областям и пр. и пр., вместе с Лениным считая, что

«К. Каутский до войны 1914—1916 гг. был марксистом, и целый ряд важнейших сочинений и заявлений его навсегда останутся образцом марксизма»,

мы в то же время подчеркиваем, что нельзя, как это правильно утверждают ряд авторов, понять эволюцию Каутского без того, чтобы не фиксировать сегодня свое особое внимание на довоенных истоках его перерождения, на мелкобуржуазной, а не большевистской теории революции, на небольшевистской в общем оценке первой русской революции (хотя Каутский, как это мы видели, в отличие почти от всех остальных лидеров II Интернационала, кроме Р. Люксембург и Ф. Меринга, занимал наиболее «левую» позицию в 1905 г.).

Именно ленинский анализ позиции лидеров II Интернационала в первой русской революции позволяет проследить эту преемственность «довоенной» и «послевоенной» позиции II Интернационала.

Именно ленинский анализ II Интернационала и германской с.-д. позволяет проследить, что только «под напором масс, под влиянием революционного подъема в России произошел процесс полевения», сменившийся затем резким поворотом направо. Этот процесс наиболее ярко можно проследить как раз на таких «центристских» вождях II Интернационала, как Бебель, а в особенности Каутский.

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 237.

В самом деле, разве не прорезывались зубы будущего центризма в стремлении примирить во что бы то ни стало большевиков с меньшевиками, разве не было зародышем центризма восхваление русской революции наряду с отказом от «использования русского опыта», отказом от борьбы за революцию в Германии, отказом даже от борьбы за республику, как выразились бы мы теперь. Понятно поэтому, что только борьба за массы, только борьба за выращивание подлинных революционных кадров, только на основе правильного применения тактики единого фронта, когда лобовая атака была еще преждевременной, делали необходимым пребывание Ленина и большевиков во II Интернационале. Когда под влиянием социалистической революции в России и откликов ее на Западе мелкобуржуазные вожди II Интернационала попытались проникнуть в III Интернационал, чтобы попытаться превратить его в инструмент мирного времени, двадцать одно условие, в основном выработанные Лениным, вскрывают причину этой «моды» и четко формулируют, что

«7. Партии, желающие принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязаны признать необходимость полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра» и пропагандировать этот разрыв в самых широких кругах членов партии. Без этого невозможна последовательная коммунистическая политика... Желание некоторых руководящих групп «центра» войти в III Интернационал является косвенным подтверждением того, что Коммунистический Интернационал завоевал симпатии громадного большинства сознательных рабочих всего мира и с каждым днем становится все же большей силой» [1].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 575 и 577.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие Ем. Ярославского 3

Вопросник-план к I главе. 13

Глава I. Социально-экономические и политические предпосылки революции 1905 г. 14

а) Введение . . . . . —
б) Остатки крепостничества накануне революции. 20
в) Промышленность накануне революции. 24
г) Сельское хозяйство накануне революции 29
д) Ленин о двух путях капиталистического развития 33
е) Классы и классовая борьба накануне революции 36
ж) Предпосылки национально-освободительного движения накануне революции. 53
з) Политический кризис самодержавия. 55

Вопросник-план ко II главе 64

Глава II. Эпоха раскола. 65

а) Введение . . . . . —
б) Начало борьбы с организационным оппортунизмом меньшевиков. 69
в) Съезд заграничной лиги и поворот Плеханова к меньшинству. Начало открытого проявления примиренчества в ЦК. 75
г) Позиция Г. В. Плеханова. 81
д) Борьба за созыв нового съезда (против меньшевиков и примиренчества в рядах большевиков) 89
е) Позиция меньшевистской «Искры». П. Б. Аксельрод и выработка меньшевистской платформы 92
ж) Л. Д. Троцкий 99
з) Борьба за III съезд и меньшевистская «Искра». 111
и) Борьба Ленина с примиренчеством к меньшевизму в рядах ЦК. 114
к) Борьба за III съезд партии и организационное оформление большевизма. . . 119
л) Новая «Искра» о задачах пролетариата в буржуазной революции. 123
м) Новая «Искра» об отношении к крестьянству в предстоящей революции. . . . 126
н) Новая «Искра» об отношении к либеральной буржуазии. 129

Вопросник-план к III главе 136

Глава III. II Интернационал и его отношение к расколу в РСДРП. 137

а) Введение . . . . . —
б) Каутский и Бебель 142
в) Парвус 148
г) Роза Люксембург 149

Стр.

Вопросник-план к IV главе 154

Глава IV. Характер и движущие силы революции 1905—1907 гг. в оценке большевиков. 155

а) Введение . . . . . —
б) Значение «плана земской кампании» в развитии разногласий между большевиками и меньшевиками. 157
в) Большевистская оценка характера и движущих сил революции 1905—1907 гг. 170
г) Буржуазная революция, ее сущность и основные типы. 172
д) Движущие силы революции 1905 г. 178
е) Вопрос об «организации и руководстве революцией». 183
ж) Вопрос о вооруженном восстании и временном революционном правительстве. 192
з) Участие социал-демократов во временном правительстве. 196
и) Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. . . 197
к) Русская революция и международная обстановка. 200
л) Ленинская постановка вопроса о перерастании революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую в 1905—1907 гг. 201

Вопросник-план к V главе 208

Глава V. Ленин в борьбе с меньшевистской оценкой характера и движущих сил революции 209

а) Общая характеристика меньшевизма. . . . . —
б) Меньшевики о буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и роли в ней пролетариата. 212
в) Буржуазия как основная движущая сила, по представлению меньшевиков, в буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. 221
г) Крестьянство как движущая сила в буржуазной революции, в оценке меньшевиков 227
д) Меньшевики в погоне за соглашением с либеральной буржуазией. 230
е) Как практически представляли себе меньшевики роль пролетариата в буржуазной революции 232
ж) Меньшевистская постановка вопроса о вооруженном восстании. 237
з) Критика меньшевистской постановки вопроса об отношении к времен. рев. правительству и допустимости участия с.-д. в нем 241

Вопросник-план к VI главе 249

Глава VI. Ленин в борьбе с оценкой характера и движущих сил революции у Парвуса и Троцкого. 250

а) Введение . . . . . —
б) Характер революции 1905 г. в оценке Парвуса — Троцкого. 252
в) Пролетариат в революции по схеме «перманентников». 258
г) Крестьянство по схеме «перманентников» 263
д) Крупная буржуазия по схеме «перманентников» 267
е) Троцкизм в вопросах об особенностях исторического развития России. . . . 269
ж) Троцкистский лозунг «без царя, а правительство рабочее» и его критика большевиками 275
з) Меньшевизм и троцкизм («официальный меньшевизм» в роли проповедника теории «перманентной революции»). «Начало» 279
и) Теория перманентной революции Парвуса и Троцкого и большевизм. . . . 281

Вопросник-план к VII главе 290

Глава VII. Ленин в борьбе с фальсификацией политического наследства Маркса и Энгельса меньшевиками и троцкистами. 291

а) Меньшевистское истолкование позиции Маркса и Энгельса в вопросе о роли пролетариата в буржуазной революции. . . . . —
б) Критика извращений марксизма меньшевиками и троцкистами. 295
в) К высказываниям Маркса и Энгельса по вопросам революции и диктатуры. . 300
г) История перманентной революции у Маркса и Энгельса 310

Стр.

Вопросник-план к VIII главе 317

Глава VIII. Аграрный вопрос и аграрная программа РСДРП в революции 1905—1907 гг. 319

а) Введение . . . . . —
б) Крестьянское движение накануне и в момент революции 1905 г. 325
в) Два типа аграрных программ в революции. 332
г) Народнические партии и аграрный вопрос. 342
д) Аграрная программа социал-демократии. 351

Вопросник-план к IX главе 388

Глава IX. Начало революции и партия (от 22 (9) января по III съезд) 389

а) «Кровавое воскресенье» 22 (9) января, его предпосылки и значение. . . . . —
б) Революционная обстановка и партия накануне III съезда. 410
в) III съезд партии. 423

Вопросник-план к X главе 456

Глава X. Партия на путях к вооруженному восстанию (от лета к декабрю 1905 г.). 457

а) Развитие массового движения в период между III съездом и октябрьской стачкой. —
б) Октябрьские дни 486
в) Партия и Советы в 1905 г. 506
г) Партия на путях ее реорганизации в условиях ее открытой деятельности в «дни свободы» 528
д) Декабрьское вооруженное восстание. 538

Вопросник-план к XI главе 569

Глава XI. Партия на ущербе революции. 570

а) Борьба с конституционными иллюзиями. . . . . —
б) Отношение к «отколовшейся части партии» (шаги к объединению) 586
в) IV съезд 597
г) Партия и I Дума 632
д) Был ли бойкот I Думы ошибкой 647
е) «Рабочий съезд» 658
ж) «Левый блок» 669
з) V съезд 682

Вопросник-план к XII главе 727

Глава XII. Первая русская революция и II Интернационал. 728

а) Отражение революции 1905 г. на международном революционном движении. —
б) Оценка характера и особенностей русской революции лидерами II Интернационала 736